

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

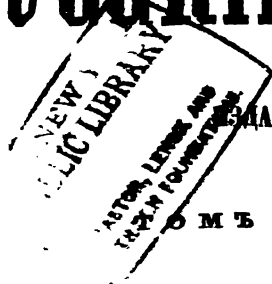
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919831 7

1907-1908

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

1869

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ГРАФЪ ПАНИНЪ, УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ.
Д. А. Анучина.
- II. ГЕНЕРАЛЬ УЛИССЪ СІМПСОНЪ ГРАНТЬ.
- III. ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ. Гл. VI—VII. Т.
- IV. НАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть первая. Гл. X—XIX. В. В. Крестовскаго.
- V. НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ О РЫЛѢВѢ. По поводу *Записокъ* Греча. Д. И. Кротова.
- VI. ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ МЯТЕЖѢ 1861—1863 ГОДОВЪ. Гл. VIII. С. А. Райковскаго.
- VII. ПАРИЖЪ И ЕГО ФИНАНСЫ. Н. Гл. I—XII. П. И. Мельникова.
- VIII. ЗАМѢТКИ. *Исторія царствъ Петра I и Россіи въ 1869 году.*

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ.

—

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.
1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660014
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

ГРАФЪ ПАНИНЪ

УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА.

Пугачевскій бунтъ, начавшійся 18-го сентября 1773 года появленіемъ Пугачева съ шайкой на Бударинскомъ форпостѣ Нижне-Яицкой линіи, не окончилася ни поимкой Пугачева 15-го сентября 1774 г., ни его казнью 10-го января 1775 г. Чрезвычайныя мѣры принатыя правительствомъ для успокоенія умовъ и водворенія порядка въ волжскихъ губерніяхъ сохраняли силу еще нѣсколько мѣсяцевъ, и только 9-го августа 1775 г. правительство признало что исчезли всѣ внутреннія безпокойства и тишина окончательно возстановлена. Въ этотъ день данъ былъ изъ подмосковнаго села Царицына указъ о прекращеніи полномочій графа Петра Панина.

Грозное время извѣстное въ народѣ подъ именемъ „Пугачевщины“ продолжалось безъ малаго два года, съ 18-го сентября 1773 г. по 9-е августа 1775 года.

Изучая внимательно совокупность событій тогдашняго времени, взгляды правительства на характеръ мятежа и принимаемыя для усмирения возстанія мѣры, нельзя не придти къ заключенію что усмиреніе Пугачевщины рѣзко дѣлится на четыре періода. Каждый изъ нихъ соответствуетъ различнымъ фазамъ мятежа и совершенно различнымъ на него взглядамъ правительства.

Первый періодъ, съ начала бунта до 29-го ноября 1773 г., обнимаетъ первые успѣхи Пугачева и дѣйствія противъ него генералъ-майора В. А. Кара.

Второй, съ 29-го ноября 1773 года по 9-е апрѣля 1774 года, обнимаетъ дѣйствія генералъ-аншефа А. И. Бибикова, до его рановой смерти.

Третій, до 29-го іюля 1774 г.,—дѣйствія генераль-поручика князя **Θ. Θ. Щербатова**.

Четвертый, съ 29-го іюля 1774 г. по 9-е августа 1775 г.,—дѣйствія графа **Петра Панина**.

При отправленіи генерала **Кара** въ Оренбургскую губернію, старались не разглашать о появленіи самозванца. Манифестъ 15-го октября 1773 г. объ отправленіи **Кара** на **Яикъ** * давъ былъ ему для обнародованія только на мѣстѣ. Значеніе бунта было такъ мало понято, что **Кара** назначили всего пятисотенную военную команду и съ нею приказали „учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку, переловить.“ Губернаторамъ, казанскому и оренбургскому, указано было только содѣйствовать **Кара**. Слѣдствія такого непониманія дѣла оказались печальными. **Каръ** встрѣтился не съ разбойникомъ и его шайкой, а съ побѣдоноснымъ самозванцемъ, державшимъ въ страхѣ и осадѣ сильнѣйшія мѣстныя крѣпости и имѣвшимъ въ своихъ толпахъ десятки тысячъ людей и десятки орудій. Войска посланныя за Волгу были частію разбиты, частію захвачены **Пугачевымъ**, и **Каръ** самовольно пріѣхалъ въ Москву. Силы **Пугачева** болѣе и болѣе увеличивались.

Назначеніе и дѣйствія **А. И. Бибикова** совершились при иныхъ обстоятельствахъ. Сила и значеніе мятежа были лучше поняты, хотя все еще полагали что мятежъ сохранить лишь мѣстный характеръ. **Бибикову** однако дали дѣйствительно достаточное число войскъ; ему вполнѣ подчинили на театрѣ войны всѣ гражданскія и военныя учрежденія. Онъ былъ облеченъ полною властію. Ему было предложено, дѣйствуя отъ своего имени, объяснить казанскому дворянству что бунтъ направлень не только противъ государства, но и противъ дворянства, что „въ семъ случаѣ интересованы въ вышнемъ степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса“. Онъ долженъ былъ побудить дворянство вооружиться на защиту государства и свою собственную оборону. Разбитіе главныхъ шайкъ **Пугачева**, освобожденіе Оренбурга, **Уфы** и **Яицкаго** городка и очищеніе всего пространства отъ **Камы** и **Волги** до **Яика** и **Бѣлой**, были плодами полезной дѣятельности **Бибикова**. Но **Бибикова** похитила преждевременная смерть. Въ могилу онъ унесъ съ собою знаніе тогдашнихъ обстоятельствъ и не оставилъ послѣ себя никого кто могъ бы подробно объяснить правительству положеніе дѣла за Волгой и указать какъ слѣдуетъ дѣйствовать далѣе. **Пугачевъ** бѣжалъ, и многіе надѣялись что все кончено.

Князь **Θ. Θ. Щербатовъ** замѣнилъ **Бибикова** какъ старшій въ чинѣ между его подчиненными. Императрица утвердила

* Сочин. *Пушкина*, изд. *Исакова*, т. VI, стр. 193.

его въ должности указомъ 1-го мая 1774 г., „по какъ порученная покойному Бибикову комиссія, въ разсужденіи перемѣнившихся нынѣ обстоятельствъ, въ гораздо лучше положеніе приведена“, то князю Щербатову повелѣно было, принявъ команду надъ войсками, предоставить губернаторамъ, казанскому и оренбургскому, дѣйствовать къ водворенію порядка въ ихъ губерніяхъ по собственному ихъ усмотрѣнію, на томъ основаніи что они лучше знаютъ мѣстныя условія. * Единство распоряженій, достигнутое при Бибиковѣ, нарушилось; князь Щербатовъ ушелъ со своими войсками въ Оренбургъ, а Казанскую губернію оставилъ съ ея мѣстными командами, которыя еще такъ недавно не иначе назывались Бибиковыми въ официальной перепискѣ какъ „скарелами, стражцами и негодничей“. Пугачевъ ожилъ, ускользнулъ отъ Михельсона, разбилъ „скареловъ и стражцевъ“ и достигъ небывалыхъ еще успѣховъ. Мятежъ перешелъ на правую сторону Волги. Нижній-Новгородъ и даже Москва опасались приближенія Пугачева. Шайки мятежниковъ подходили на пятнадцать верстъ къ Нижнему, а въ Московскомъ уѣздѣ со страхомъ ожидали злодѣя „называя его Петромъ Третьимъ“. **

Итакъ, въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ сдѣланы были три капитальныя ошибки: командированъ Каръ съ пятьюстами солдатъ, уменьшены полномочія князя Щербатова и не принято никакихъ мѣръ къ охраненію Волги и центральныхъ губерній. Между тѣмъ Пугачевъ, хотя и разбитый дважды подъ Казанью неутомимымъ Михельсономъ, перешелъ чрезъ Волгу. Селеніе Сундырь, не давшее самозванцу помощи и жители коего разбѣжались, было выжжено. *** Курмышъ взятъ и разграбленъ; всюду объявлялась воля; помѣщиковъ ловили, истязали и вѣшали. Началась неустоявая оргія черни, спѣшившей отмстить владѣльцамъ и чиновному люду за прежнія притѣвленія и несправедливости. Необходимо было прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, назначить главнаго распорядителя всѣми мѣрами по усмиренію бунта и облечь избраннаго полною властію. Необходимо было выбрать человека рѣшительнаго, который бы сумѣлъ надѣть узду на расхажившіяся страсти и не остановился бы предъ принятіемъ мѣръ на которыя императрица не могла рѣшиться дѣйствуя своимъ именемъ. Выборъ палъ на генерала, графа Петра Ивановича Панина.!

* Губернаторы дѣйствительно вступили въ полное управленіе губерніями. „Сего же мѣсяца (мая) отъ 21-го числа, получилъ ордеръ отъ г. казанскаго губернатора фельд-Бранта, въ коемъ уведомлялся Державинъ что секретная казанская комиссія и опокоествіе его губерніи вѣрно его попеченію.“ *Записки Державина*, стр. 74.

** *Осминадцатый вѣкъ*, стр. 115. Письмо князя Волконскаго къ императрицѣ, отъ 1-го августа 1774 г.

*** *Допросы Пугачева*, стр. 34.

Последній періодъ Пугачевщины, Панинскій, несмотря на то что онъ самый важный, менѣе другихъ извѣстенъ. Пушкинъ едва коснулся его въ своей *Истории Пугачевского бунта*: нарисовалъ эффектную сцену встрѣчи Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ, и ни слова не сказалъ о дѣятельности графа Панина, тогда какъ она въ высшей степени замѣчательна.

Послѣ Пушкина, Д. Б. Мертваго въ своихъ запискахъ * сказалъ нѣсколько словъ о Панинѣ, и то вскользь. Г. Лебедевъ въ брошюрѣ *Графы Никита и Петръ Панины* и г. Барденевъ въ сборникѣ *Осмадцатый вѣкъ* обнародовали нѣсколько чрезвычайно важныхъ документовъ объясняющихъ положеніе графа П. И. Панина предъ его назначеніемъ, но о дѣйствіяхъ его и въ этихъ двухъ сочиненіяхъ сказано весьма мало. Большая часть его донесеній и отвѣтныхъ на нихъ рескриптовъ императрицы, находится въ дѣлѣ № 26.429, хранящемся въ государственномъ архивѣ, куда оно перенесено изъ бывшаго архива военно-топографическаго депо. Дѣло это состоитъ изъ 229 бумагъ. ** Немногія изъ нихъ напечатаны въ разныхъ сочиненіяхъ, въ моемъ же распоряженіи находятся подробныя выписки изъ всѣхъ 229 бумагъ, сдѣланныя въ 1829 году, когда дѣло было еще въ архивѣ военно-топографическаго депо. Этими-то выписками я пользовался при составленіи настоящей статьи.

Панинъ, вступивъ въ должность главнокомандующаго за нѣсколько недѣль до послѣдняго пораженія Пугачева, въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ и даже не могъ руководить этими дѣйствіями по отдаленности театра войны. Распоряженія графа Панина о преслѣдованіи мятежныхъ шаекъ остававшихся въ тылу Пугачева и за Волгой и дѣйствовавшихъ послѣ взятія самозванца весьма неважны. Вся дѣятельность его была преимущественно обращена на умиротвореніе края и восстановление гражданскаго устройства и порядка. Кромѣ того, Панину пришлось бороться съ новымъ врагомъ—голодомъ, который былъ неминуемымъ слѣдствіемъ Пугачевщины, оторвавшей рабочія руки отъ полевыхъ занятій. Плохой урожай, уничтоженіе старыхъ запасовъ и несвоевременная уборка во время мятежа, были причинами голода. Сперва мы рассмотримъ военныя дѣйствія, а потомъ дѣйствія графа Панина по умиротворенію края и обезпеченію народонаселенія отъ голода. Главнымъ образомъ мы имѣемъ въ виду привести въ разказѣ по возможности болѣе достовѣрныхъ фактовъ; ихъ сопоставленіе лучше всего разъяснитъ дѣло.

* См. *Русскій Архивъ* 1867 г., №№ 8 и 9.

** Я. Гротъ: *Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта*. С.-Петербургъ, 1862. Стр. 3.

I. Назначеніе Панина.

Генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ лицомъ весьма виднымъ. Братъ канцлера и воспитателя наследника престола, онъ имѣлъ сильныя связи при дворѣ. Участіе въ переворотѣ 1762 г. и блестящая военная карьера доставившая ему прозваніе *покорителя Бендеръ* ставили его въ ряду замѣчательныхъ людей своего времени. Быть-можетъ, его значеніе еще болѣе увеличивалось отъ того что онъ явно высказывалъ свое недовольство дворомъ, и живя въ Москвѣ или своей подмосковной деревнѣ, громко осуждалъ дѣйствія правительства и выказывалъ симпатію къ наследнику престола, достигавшему тогда совершеннолѣтія. Высокомерный, гордый и тщеславный, онъ не могъ простить двору немудрость или нежеланье по достоинству награждать его личныя заслуги. Это было, кажется, главной причиною оставленія имъ военной службы, такъ какъ въ отставку онъ былъ уволенъ чрезъ два мѣсяца послѣ покоренія Бендеръ (27-го ноября 1770 г.). Оставивъ службу, хотя онъ и получалъ отъ императрицы рескриптъ гдѣ было сказано что она „теряетъ въ Панинѣ искуснаго въ войнѣ предводителя, котораго поступки пріобрѣтали всегда ея удовольствіе“, но не могъ поселиться въ Петербургѣ. Личныя его отношенія къ императрицѣ были весьма не хороши. Опубликованные документы * показываютъ, что не будь какого-либо особеннаго обстоятельства, графу Петру Ивановичу пришлось бы ограничиваться своими упражненіями во фрондерствѣ. Императрица считала его *первымъ врагомъ* и себѣ *персональнымъ оскорбителемъ* **. Переписка ея съ московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. И. Волконскимъ ***, показываетъ что за П. И. Панинымъ строго слѣдили, и дѣйствія его считали подозрительными.

Вскорѣ послѣ пріѣзда графа Панина изъ арміи, Москву постигло великое бѣдствіе—чума 1771 года. Городская чернь шумно волновалась и, наконецъ, произвела въ городѣ мятежъ и важныя безпорядки. Есть указанія, которыя нельзя

* Гг. Лобелевымъ и Бартеевымъ.

** Графы П. и Н. Панины. стр. 116.

*** *Осмадцатый вѣкъ*. Кн. I, стр. 52—162.

пройти молчаніемъ, будто бы волненія эти возникли не безъ участія графа П. И. Панина. Вдова Настасья Пассекъ начала въ 1772 году дѣло противъ своей дочери Маріи, покушавшейся отравить ее. Марія Пассекъ на допросахъ, между прочимъ, показала, что народное возстаніе случившееся во время моровой язвы было произведено по внушенію Петра Панина, съ цѣлью возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Въ послѣдствіи Марія Пассекъ отперлась отъ своихъ показаній. Но если самый фактъ и не имѣетъ достовѣрности, то во всякомъ случаѣ не лишено значенія что въ Москвѣ ходили такого рода слухи, поставляшіе Панина главою недовольныхъ, приписывавшіе ему даже рѣшимость на столь крайнія мѣры какъ возбужденіе народа къ мятежу.

Императрица знала о дѣйствіяхъ Панина. Въ замѣчательно-откровенной перепискѣ съ княземъ Волконскимъ она постоянно обращала вниманіе московскаго главнокомандующаго на „дерзкаго болтуна“. Отъ 25-го сентября 1773 г. она писала: „Что касается до дерзкаго, вамъ извѣстнаго болтуна, то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ *, то чаю, что и онъ его уймется же, а домъ мой очистится отъ каверзы. Чего всего вамъ въ крайней конфиденціи сообщаю для вашего свѣдѣнія, дабы наружностью иногда вы бѣ не были обмануты.“

Князь Волконскій посылалъ въ деревню Михалково, гдѣ жилъ Панинъ, надежнаго челоуѣка „выслушать его дерзкія болтанья“. Волконскій не придавалъ имъ никакого значенія. „Подлинно, писалъ онъ, что сей тщеславный самохваль много и дерзко болтаетъ, и до меня нѣсколько доходило; но все оное состояло въ томъ что все и всѣхъ критикуеть, однако, такого не слышно что бы клонилось къ какому-либо дерзкому предпріятію. Я хотя всегда за нимъ мое примѣчаніе имѣлъ, а теперь еще удвою оное и употребилъ разные паналы его

* Графъ Никита Панинъ, въ день совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, получилъ чинъ фельдмаршала, 9.000 душъ, 100.000 р. на обзаведеніе, 50.000 руб. на сервизъ, 30.000 руб. ежегоднаго пенсіона, 14.000 р. на содержаніе, придворный экипажъ, провизію и погребъ на годъ, да кромѣ того разрѣшено купить для него въ Петербургѣ домъ который самъ выбереть. Щебальскій, стр. 93.

слова свѣдать; когда что увѣдаю, то вашему императорскому величеству донесу. Примѣчательно есть, что онъ, Панинъ, съ нѣкотораго времени гораздо утихъ, и въ своемъ болатави нѣсколько скромнѣе сталъ. Не знаю, происходитъ ли сія скромность отъ страха или для закрытія какихъ видовъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ, кажется, никакой опасности нѣтъ; однако, со всѣмъ тѣмъ il faut attendre à tout et rien craindre (sic).

За Панинымъ назначенъ былъ присмотръ надежныхъ людей, и они-то донесли Волконскому что „дерзкій болтунъ“ не обрадовался посыпавшимся на брата наградамъ и на всѣ поздравленія отвѣчалъ съ нѣкоторою холодною. Очевидно, что Петръ Панинъ желалъ лично возвыситься, независимо отъ могущественнаго положенія своего брата.

Какъ ни скрывали „оренбургскія происшествія“, о нихъ говорилось въ Москвѣ много, и шли разные пересуды. Для Петра Панина явилась новая возможность порицать „все и всѣхъ“. „Здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, пишетъ кн. Волконскій отъ 7-го января 1774 г., все тихо и смирно, и черезъ всѣ дни праздника никакихъ не порядковъ не было, а вѣдь гораздо меньше стало. Только одинъ большой, вашему императорскому величеству извѣстный болтунъ вздоръ болтаетъ, не разбирая при комъ, но при всѣхъ, а другіе перекладываютъ, но все ничего незначущее и единственно къ тщеславію его касающееся.“

Панинъ зналъ что за нимъ наблюдаютъ, зналъ что императрица собиралась сама его унимать, и все продолжалъ „вздоръ болтать“. Этому, разумѣется, были особыя причины. Не одинъ онъ осуждалъ дѣйствія правительства; въ Москвѣ была огромная масса недовольныхъ, громко требовавшихъ принятія энергическихъ мѣръ къ обузданію духа мятежа. Такое же положеніе дѣлъ было и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Еще въ началѣ января 1774 г. Бибииковъ писалъ изъ Казани фельд-Визину знаменательныя слова: „вѣдь не Пугачевъ важнее, да важно всеобщее негодование“. * Всеобщее негодование дѣйствительно охватило восточную половину Имперіи; чернь чаяла прибытія освободителя, Петра Третьяго, а дворянство со страхомъ ожидало жестокой участи, негодующее на мѣстныя власти и вообще на правительство не спѣшившее на помощь.

* Соч. Пушкина, т. VI, стр. 257.

Личность Петра Панина была именно такова чтобы сдѣлаться выраженіемъ недовольства высшаго общества. Сторонникъ строгихъ мѣръ въ отношеніи черни, онъ громко укорялъ всѣхъ и высказывалъ, ни чѣмъ и ни кѣмъ не стѣняясь, что онъ бы не такъ поступилъ, еслибъ имѣлъ въ своихъ рукахъ власть. Отсюда и донесенія кн. Волконскаго что „большой болтунъ“ разпускаетъ „ничего незначащее и единственно къ тщеславію его касающееся“.

Всюду повторялись слова сказанныя имъ при извѣстіи о взятіи Пугачевымъ Казани: *„дѣлайте то что я намѣренъ дѣлать“*. И когда его спросили на что онъ рѣшился, онъ отвѣчалъ: *„умереть“*.

Для подтвержденія этихъ словъ, графъ Панинъ вооружилъ своихъ дворовыхъ людей и расторопнѣйшихъ крестьянъ и имѣлъ намѣреніе идти съ ними навстрѣчу бунтовщикамъ и подчинить себя начальнику первой дѣйствующей воинской команды. *

Попытки императрицы образумить Петра Панина чрезъ посредство канцлера послужили, съ одной стороны, поводомъ къ перепискѣ между братьями, а съ другой—дали возможность графу Никитѣ Ивановичу говорить о своемъ братѣ, его заслугахъ, невниманіи къ нему правительства и требовать новаго призванія его къ дѣятельности. Надо полагать что канцлеру не было дано особыхъ обнадеживаній насчетъ его брата, но тѣмъ не менѣе опытный царедворецъ увидѣлъ что усилія его могутъ увѣнчаться успѣхомъ и рѣшился на смѣлый шагъ. Онъ довелъ до свѣдѣнія государыни что братъ его Петръ Ивановичъ предлагаетъ свои услуги и опытность къ усмирению свирѣпствовавшего мятежа. Уклончивый отвѣтъ принять за согласіе, и 22-го іюля канцлеръ пишетъ къ брату что послѣдовало высочайшее избраніе его „къ пресѣченію пугачевского смятенія“.

Утромъ 26-го числа курьеръ привозитъ это извѣстіе Петру Панину, и въ тотъ же день онъ пишетъ къ государынѣ: „Сего утра въ шестомъ часу отъ брата моего графа Никиты Ивановича Панина предварило меня съ нарочнымъ увѣдомленіемъ, пущенное 22-го числа сего мѣсяца, что вашему императорскому величеству благоугодно стало всемилостивѣйше избрать меня къ употребленію на пересѣченіе внутренняго въ

* Лебедевъ, стр. 95.

Имперіи, Богомъ вамъ порученной, пугачевского сматенія. Сіе хотя нашло меня въ крайней здоровья слабости отъ мучившей жестокой лихорадки, съ волнованіемъ во всемъ корпусѣ моемъ летучей подагры, отчего однакожь по счастью на другой день стало нѣсколько легче, но со всѣмъ тѣмъ оживотворило мой духъ вновь, и я какъ всегда былъ, такъ и теперь всею душою“... „Повелѣвайте, всемилостивѣйшая государыня, и употребляйте въ семъ случаѣ всеподданнѣйшаго и вѣрнаго раба своего по вашей благоугодности: я теперь, мысленно павъ только къ столамъ вашимъ съ орошеніемъ слезъ приношу мою всеижайшую благодарность за всемилостивѣйшее меня къ тому избраніе и дерзаю всеподданнѣйше испрашивать той полной ко мнѣ императорской довѣренности и власти въ снабженіи и способіи, которыхъ требуетъ настоящее положеніе сего важнаго дѣла“*.

Хотя прежде чѣмъ пришло это письмо въ Петербургъ графъ П. Панинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, но на это были совершенно новыя обстоятельства и, кажется, канцлерское извѣщеніе 22-го іюля было преждевременно, какъ сейчасъ увидимъ.

Худыя вѣсти изъ-за Волги давно уже беспокоили императрицу. Въ началѣ іюля 1774 г. каждый курьеръ привозилъ все болѣе и болѣе печальныя свѣдѣнія. Пугачевъ страшно усиливался и наконецъ перешедъ Волгу. 27-го іюля вечеромъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о взятіи Курмыша. Опасность угрожала не только Нижнему, но и Москвѣ. Минута была рѣшительная, и Никита Панинъ сталъ дѣйствовать. Съ вечера 28-го іюля до вечера 29-го іюля разыгралась въ Петергофѣ, гдѣ жилъ дворъ, великая драма, и мы постараемся прослѣдить ее во всей подробности, насколько позволяютъ имѣющіеся документы.

Главнымъ лицомъ чрезъ кого до сихъ поръ дѣйствовала императрица по принятію мѣръ противъ Пугачева — былъ

* Я. Гротъ, *Зап. Импер. Акад. Наукъ*, 1863, т. III, стр. 4. Въ этомъ же письмѣ Панинъ писалъ: „Я бы почиталъ теперь вѣрнымъ своимъ долгомъ представиться для того (заше говорилось о присылкѣ амтрукцій) самъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, но истинно мнѣ естественной силы на такую скоростную переѣзку, а паче еще боюсь отбытіемъ отсель больше повредить настоящее здѣшнее положеніе, нежели злодѣйскимъ приключеніемъ, нежели его поправить: для того буду ожидать здѣсь высочайшихъ повелѣній.“

князь М. И. Волконскій. Къ нему прежде всего обратилась она и въ этотъ день. Дѣлая всегда лично распоряженія, она вечеромъ же 28-го іюля приказываетъ военной коллегіи послать въ Москву лейбъ-кирасирскій полкъ изъ Новгорода; фельдмаршалу Румянцеву пишетъ о немедленномъ отправленіи къ князю Волконскому генераль-поручика Суворова, а самого князя, собственноручнымъ письмомъ писаннымъ въ тотъ же вечеръ, проситъ созвать дворянъ, „кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ“ *, и предложить вооружить сколько можно своихъ людей „для общей отъ злодѣевъ обороны“. Замѣчательна приписка къ сему: „Я надежду имѣю на Петра Дмитриевича Ерпкина, что онъ вамъ весьма хорошій и усердный помощникъ будетъ въ семъ случаѣ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увѣрена, что дѣломъ и совѣтомъ онъ васъ не покинетъ.“ Итакъ императрица не находила необходимымъ и въ этомъ случаѣ прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и назначенію П. Панина; она рассчитывала на возможность прежняго образа дѣйствій. Очевидно, что канцлеръ не имѣлъ ясно формулованнаго согласія государыни когда писалъ въ Москву свое письмо отъ 22-го іюля. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобъ императрица только изъ личнаго нерасположенія къ П. Панину медлила его назначеніемъ. Она, вѣроятно, еще не вполне знала о московскихъ дѣлахъ, или, быть-можетъ, слыша о нихъ отъ Панинской партіи, не давала имъ должнаго значенія. Переписка братьевъ Паниныхъ во всякомъ случаѣ останавливается на себѣ особое вниманіе и ведетъ къ разнымъ предположеніямъ.

Нельзя болѣе сомнѣваться что императрица не давала до 28-го іюля своего согласія на назначеніе П. Панина. Быть-можетъ, она колебалась еще въ этомъ и потому, что не имѣла съ его стороны никакого прямаго заявленія. Не желая сдѣлать первый шагъ къ примиренію со своимъ „персональнымъ оскорбителемъ“, быть-можетъ, государыня дала понять что не ей слѣдуетъ просить строптиваго подданнаго, а ему должно предложить свои услуги. Что-либо въ этомъ родѣ было говорено съ канцлеромъ, а онъ или счелъ возможнымъ принять это за изъявленіе согласія, или самъ Петръ

* Стало-быть въ Москвѣ и около нея дворянство уже имѣло вооруженныхъ людей, и въ Петербургѣ знали объ этомъ.

Панинъ, не иначе рѣшился выразить свое желаніе какъ въ отвѣтъ на высочайшее избраніе. Было бы крайне любопытно видѣть въ печати переписку братьевъ между собою въ это знаменательное время.

Сдѣланныя императрицей распоряженія немедленно стали извѣстными въ Петергофѣ. Канцлеръ замедливъ такъ далеко въ дѣлѣ назначенія своего брата не могъ быть доволенъ этими распоряженіями. Какъ и кто началъ дѣло не видно, но императрица послѣ отправленія курьера къ князю Волконскому приказала собрать на завтра совѣтъ. Графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ предложилъ пригласить на совѣтъ графовъ Никиту Ивановича, Григорія Григорьевича (Орлова) и Мордвинова, генераль-прокурора князя Вяземскаго, одного члена изъ военнаго департамента и вице-канцлера.

Обстоятельства еще вчера вечеромъ не казавшіяся императрицѣ крайними, на утро представлялись уже ей совершенно иначе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ промежутокъ времени между отправленіемъ курьера съ письмомъ къ князю Волконскому и 29-мъ іюля на императрицу сумѣли подѣйствовать весьма серьезно. Приближающаяся опасность для Москвы была выставлена рельефно, не осталось, вѣроятно, безъ указанія, что партія недовольныхъ Москвитей давно уже предупреждала о худыхъ послѣдствіяхъ, и что теперь нельзя отвергать справедливость разглашеній дѣланныхъ болтунами, тѣмъ болѣе что болтуны эти сами готовятся встрѣтить врага и вооружаютъ уже своихъ людей. Если во всѣхъ этихъ разъясненіяхъ и были заднія мысли—выдвинуть впередъ усердіе Паниныхъ, то нельзя однако не сказать, что въ самомъ дѣлѣ, время требовало энергическихъ дѣйствій, и для пользы государства слѣдовало помириться съ московскими недовольными. Не преобладай интересы государственные надъ прочими, не рѣшилась бы такъ скоро императрица на столь крайній переломъ въ своихъ распоряженіяхъ. Если Никита Панинъ дѣйствовалъ въ видахъ возвышенія своего брата, то надо отдать полную справедливость его умѣнью вести дѣла и опытности; онъ такъ удачно выбралъ минуту, что ему не трудно было приготовить императрицу къ офиціальному сближенію съ своимъ „персональнымъ оскорбителемъ и первымъ врагомъ“. Выборъ Петра Панина былъ предрѣшенъ ходомъ событій. Его знали какъ „покорителя Бендеръ“; его видѣли душой и главою партіи московскихъ недовольныхъ;

онъ наконецъ самъ собирався идти на самозванца со своими вооруженными людьми, и нѣтъ поводовъ не вѣрить что онъ исполнилъ бы это. Призвать къ дѣламъ Петра Панина и отдать въ его руки всѣ средства къ прекращенію бунта значило заставить замолкнуть негодование барства и привлечь на свою сторону всѣхъ негодующихъ. Личную свою неприязнь Екатерина забыла, и для пользы Россіи рѣшилась на примиреніе съ Петромъ Панинымъ.

Собрався совѣтъ. Императрица объявила что въ настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ сама приметъ начальство надъ войсками для спасенія Москвы и Имперіи.

Никита Панинъ возразилъ что такого шага дѣлать не слѣдуетъ, что волненіе черни не заслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ; что императрица и отечество имѣютъ людей готовыхъ жертвовать всѣмъ для блага общаго. Онъ указалъ далѣе что братъ его Петръ, при всей дряхлости своей, не откажется спасать отечество, велитъ нести себя на носилкахъ, если только государыня пожелаетъ вѣрить ему начальство надъ войсками, не имѣя въ виду другаго полководца способнаго его.

Императрица одобрила предложеніе канцлера, отозвавшись что „никто лучше графа Петра Ивановича Панина не можетъ спасти Россію: я съ прискорбіемъ отпустила его отъ службы и не отважилась призвать къ настоящему дѣлу потому только что онъ находился въ отставкѣ“.

Вслѣдъ за согласіемъ императрицы канцлеръ предъявилъ заготовленные уже имъ проекты инструкцій опредѣлявшихъ права новаго главнокомандующаго. Въ его полную власть отдавались губерніи: Московская, Нижегородская, Казанская и Оренбургская. Въ одномъ изъ пунктовъ говорилось, что графу Петру Панину предоставляется право брать всѣхъ подозрительныхъ людей, гдѣ бы они не были, съ тѣмъ что онъ можетъ казнить ихъ какъ, гдѣ и когда хочетъ. Ему же предполагалось послать всѣ инструкціи даннаго покойному Бибикову, подчинить слѣдственные комиссіи Казанскую и Оренбургскую.

Мы имѣемъ возможность привести черновую рескрипта П. Панину съ поправками императрицы. *

* Напечатано Я. К. Гротомъ въ *Запискахъ Императорск. Акад. Наукъ*. 1863 г. Т. III.

Божією милостію мы, Екатерина II,

Нашему генералу графу Петру Панину.

(Признавая по испытанію отличныя ваши, яко истиннаго патриота, качества усердія къ особѣ нашей, любви и вѣрности къ отечеству, равно какъ и ревности по нераздѣльной службѣ оного и нашей, приедемъ мы за благо всемилостивѣйше вамъ поручить усмиреніе возставшихъ отъ нѣкотораго времени смятенія и бунта въ нѣдрахъ Имперіи нашей подъ предводительствомъ самозванца и злодѣя Пугачева, а совокупно съ онымъ и возстановленіе общей тишины и порядка государственнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оное замѣшательство настоитъ.)*

Въ свѣдѣствіе сего опредѣляемъ мы въ главную вашу команду всѣ тѣ войска, кои дѣйствительно уже противу Пугачева употребляемы были со всѣми гарнизонами и другими разными детаментами, въ тѣхъ окрестностяхъ находящимися. Но какъ намѣреніе наше въ порученіи вамъ отъ насъ сего государственнаго дѣла не въ томъ одномъ долженствуетъ состоять чтобъ поражать, преслѣдовать и истреблять злодѣевъ, оружіе противъ насъ и верховной нашей власти воспріявшихъ; но паче въ томъ, чтобъ поелуку возможно сокращая пролитіе крови заблуждающихъ, кое для матернаго и челоувѣколюбиваго нашего сердца толь оскорбительно, возвращать на путь исправленія, чрезъ истребленіе мглы, духи помрачившей, возстановлять вездѣ повиновеніе, покой и безопасность внутренняго гражданскаго общесчастія, и приводить опять всѣ разстроенныя части государственнаго правленія въ прежній ихъ порядокъ; то для соединенія въ одну цѣль сего сугубаго предмета, отдаемъ мы равно въ главную вашу команду губернаторовъ Казанскаго, Оренбургскаго и Нижегородскаго со всѣми ихъ провинціальными и уѣздными правленіями, яко такія три губерніи, въ которыхъ уже развратъ и неустройство духовъ явнымъ образомъ открылось; а сверхъ сего еще снабжаемъ васъ слѣдующимъ здѣсь за подписаніемъ собственной нашей руки отверстымъ указомъ, дабы всѣ и каждый безъ изъятія, кому принадлежитъ по должности и званію какая-либо часть власти духовнаго, воинскаго и гражданскаго правленія нашего, вездѣ неукоснительно и безъ всякаго отлагательства исполняли всѣ ваши до сего сугубаго предмета относящіяся требованія и приказанія. Находившись толь долгое время при исправленіи знатнѣйшихъ должностей воинскихъ и гражданскихъ службы государственной, не можете вы не знать всѣхъ оныхъ коренныхъ

* Это вступленіе, хвалявшее П. Панина, не вошло въ окончной рескриптъ, гдѣ замѣнено первыми двумя пунктами изъ рескрипта А. И. Бибикова, до словъ со мною случаемъ включительно.

узаконеній, и для того неизмѣнно и ожидаемъ мы отъ васъ, что вы при употребленіи вѣренной вамъ отъ насъ сей полной власти предохраните цѣлость ихъ; въ прочемъ же употребленіе во всякомъ случаѣ къ статѣ и ко времени дѣйствительнѣйшихъ мѣръ передаемъ мы съ полною довѣренностью собственной вашей разборчивости и лучшимъ намѣстѣ усмотрѣніямъ, удостовѣрясь напередъ, что патриотической вашъ духъ не упуститъ конечно собою никогда ничѣго такого, что только къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на васъ важнаго государственнаго дѣла нѣкоторымъ образомъ способствовать можетъ. Мы не хотимъ, да и не можемъ опредѣлить вамъ теперь мѣста, гдѣ бы вамъ на первой частъ взять пребываніе ваше, ибо сіе долженствуетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, слѣдовательно же и отъ собственнаго вашего по онымъ усмотрѣнію (а между тѣмъ, дабы преподать вамъ всѣ отсюда возможныя пособія, повелѣли мы присовокупить къ сему форму манифеста, на жителей губерніи Московской адресованнаго. Изъ содержанія его постигнете вы намѣреніе наше; но въ то же время оставляемъ мы опредѣлить вамъ самимъ, теперь ли сей манифестъ непосредственно обнародовать, или же отложить еще публикацію оного до усматриваемаго вами впредь удобнѣйшаго момента, не надобенъ ли еще сей же самой манифестъ и для жителей губерніи Нижегородской, какъ ближе опасности подлежащихъ, такъ же и не найдете ли вы сверхъ того за нужное сдѣлать въ немъ какую-либо переимѣну, прибавленіемъ или убавленіемъ нѣкоторыхъ изреченій или мыслей. Рѣшите вы сами подробности и употребите манифестъ такъ и тогда, какъ то для пользы дѣла лучше быть можетъ) *.

„При толь обширной комиссіи, какова есть поручаемая нынѣ отъ насъ патриотическому вашему усердію, и соединяющая въ себѣ всѣ части политическаго, военнаго и гражданскаго управленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ коснулась зараза Пугачевскаго злодѣйства, или же которыхъ она приближаться станетъ, конечно нужны вамъ будутъ хорошія и надежныя орудія, чего ради и позволяемъ мы вамъ брать и употреблять по усмотрѣнію вашему на мѣстѣ всѣхъ тѣхъ, какъ изъ находящихся при должностяхъ и въ дѣйствительной службѣ, такъ и изъ отставныхъ всякихъ чиновъ обоаго званія военнаго и гражданскаго, коихъ вы отмѣнно способными къ чему-либо находить будете, приглашая ихъ къ добровольному себя употребленію въ толь нужномъ государственномъ случаѣ.

„Повторяя на послѣдокъ, что мы вамъ съ полною и неограниченною довѣренностью вѣряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію продолжающихся безпокойствъ по лучшему вашему усмотрѣнію

* Рукѣ Екатерины на поляхъ отмѣчено: „Сей манифестъ на себѣ частъ остается.“

представляющихся удобностей, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя объявленія, естли вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой важности.

„Да будетъ вамъ благодать Всевышняго спутникомъ и руководителемъ, мы же усердно о томъ Его моля, пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Петербургѣ, іюля 29-го дня 1774 г.“

Въ отверстомъ указѣ предписывалось: „По всѣмъ требованіямъ или приказаніямъ графа Панина чинить, безъ всякаго отлагательства, упущенія или отговорки, скорое и непремѣнное исполненіе, подобно какъ бы оныя собственно и непосредственно отъ насъ происходили.“

По словамъ Я. К. Грота, въ дѣлахъ сохранилась слѣдующая записка:

„1. Подлежитъ сообщить генералу графу Панину всѣ наставленія, данныя покойному генералу Бибикову и двумъ учрежденнымъ въ Казани и Оренбургѣ секретнымъ комиссіямъ, равно какъ и полученныя отъ нихъ до сихъ поръ доношенія и рапорты.“ Противъ этого пункта собственноручная отмѣтка Екатерины: *При сизъ комиссіахъ находится особенный отъ насъ опредѣленный генераль-маіоръ Потемкинъ. Онъ, что стредъ происходитъ будетъ, сообщитъ нужныя стдѣнія.*

„2. Для лучшей удобности и для избѣжанія могущихъ повстрѣчаться разныхъ коллизій не повелѣно ли будетъ препоручить оныя комиссіи въ вѣдомство графа Панина?“ Резолюція императрицы: *Нѣту, для того что оная подо мною.*

Третьимъ пунктомъ той же записки испрашивалось повелѣніе о денежныхъ средствахъ для Панина. Пунктъ этотъ остался безъ отмѣтки, но особымъ высочайшимъ повелѣніемъ новому правкомандующему отпущено 5.000 рублей на подъемъ и 5.000 руб. на чрезвычайныя канцелярскіе расходы.

Кромѣ этихъ интересныхъ документовъ, сохранилось чрезвычайно важное по содержанию письмо императрицы къ гр. Ал. Потемкину, относящееся до назначенія Петра Панина. Письмо это, бросающее яркій свѣтъ на тогдашнія обстоятельства и показывающее какую силу воли должна была имѣть императрица, рѣшаясь на назначеніе Панина, мы приводимъ цѣлкомъ:

„Увидишь изъ приложеннаго къ саму итукѣ, что господинъ графъ Панинъ изъ брата своего изволитъ дѣлать

властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи, то-есть Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ, а sous entendu есть и прочія. Что если я подпишу, то не только князь Волконскій будетъ огорченъ и смѣщенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго врага и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше.

„При семь прилагаю и Бибикова инструкцію для confrontatione, и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ бъ они ни были, онъ можетъ какъ, гдѣ и когда хочетъ (казнить смертию).“ *

Гдѣ именно помѣщенъ былъ пунктъ о казняхъ, нельзя заключить по имѣющимся у насъ документамъ. Впрочемъ, если право производить казни не было предоставлено Панину отдѣльнымъ пунктомъ, то данныя ему полномочія разрѣшали всякаго рода распоряженія и дѣйствія. Такъ Панинъ и смотрѣлъ на свои въ этомъ отношеніи права, какъ мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго разказа.

Если черновую рескрипта и дополнительные пункты принять за тѣ „штуки“ которыя императрица посылала къ гр. Алекс. Потемкину, то слѣдуетъ сказать, что измѣнена была только форма, а не сущность предложеній канцлера.

Князя Волконскаго императрица увѣдомила о назначеніи Панина слѣдующею запиской:

„Какъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ чрезъ брата своего мнѣ представилъ желаніе быть употребленнымъ къ утушенію бунта, то я, снисходя на его прошенье, опредѣлила его къ тому, какъ вы изъ приложенной копіи съ указа усмотрите.“
Юля 29-го 1774 г. изъ Петергофа. **

Назначеніе Панина совершенно измѣнило его положеніе въ Москвѣ. Изъ лица состоявшаго подъ надзоромъ полиціи онъ сдѣлался первымъ довѣреннымъ сановникомъ императрицы. Она справедливо боялась чтобы между имъ и княземъ Волконскимъ не произошло недоразумѣній. „Для Бога, для меня и для государства, писала она послѣднему, *** — если

* Г. Лебедевъ, стр. 116

** *Ослѣдственный актъ*, кн. I, стр. 114.

*** Тамъ же, стр. 115.

между вами есть несогласія, оставьте ихъ и сдѣлайте въ семъ случаѣ дружелюбно общее дѣло, дабы тѣмъ наискорѣе истребить народнаго злодѣя. Вашими распоряженіями я доволенъ и желаю вамъ великаго блага. Ободрите духовъ и дайте имъ вашей и моей бодрости при сихъ печальныхъ, но отнюдь не отчаянныхъ обстоятельствахъ.“

Князь Волковскій успокаивалъ императрицу. „Всемилющѣйшее ваше мнѣ повелѣніе о бытіи съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ въ добромъ согласіи. Мнѣ столь сія монаршая милость чувствительна, что ежели бъ и подлинно въ непримиримой злобѣ я съ нимъ былъ, то конечно бъ для пользы службы вашей и для общаго добраго успѣха, а паче всего исполняя волю вашу государскую, всѣ бы остатки въ сердцѣ недружбы выкинулъ; но по истинѣ, всемилющѣйшая государыня, я никакой злобы противъ него не имѣю, развѣ только какъ обыкновенно между равными бываетъ *jealousie de metier*; но и то все оставилъ чистосердечно, и во всемъ ему, что до меня касаться будетъ, стану искренно и усердно помогать. Помогите ему Всевышній помощникомъ на него великое дѣло исправить, что и не сумѣваюсь, довольно зная его способныя качества и усердіе и добрый духъ.“

Съ такою же просьбой обращалась императрица и къ графу П. Панину, прося его „всячески имѣть согласіе и сношеніе съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ“. Графъ Панинъ, закрывъ что онъ въ дѣла по службѣ никогда не вмѣшивалъ и не будетъ мѣшать личныхъ чувствъ вражды или мщенія, прибавлялъ: „съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ отъ самой вашей молодости не имѣли мы и не имѣемъ ничего раздражающаго пріятельскій союзъ нашъ, который по высочайшей волѣ вашей сохранить я еще сугубѣе всячески тщиться буду.“*

Отношенія между двумя главнокомандующими были наилучшія, но Панинъ старался подчинить себѣ князя Волковскаго. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили Панину полученныя имъ донесенія переяславской провинціальной канцеляріи и находившагося въ мѣстечкѣ Уромѣ капитана Година. Они доносили о появленіи въ Инсарѣ мятежнической шайки, въ коей одинъ человекъ назывался Петромъ Третьимъ, о разграбленіи чернью Красной слободы, Троицка и

* Я. К. Гротъ, *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, 1863 г., т. III.

Темникова. Донося императрицѣ (18-го августа, № 5) что такимъ образомъ волненіе распространяется и на губерніи Московскую и Воронежскую, которыя ему не подчинены, а потому и просить *о назначеніи кого-либо для приведенія ихъ къ должному повиновенію.*

Отвѣтъ на это послѣдовалъ уклончивый, но показавшій Панину что возобновлять представленій не слѣдуетъ. „Нужды нѣтъ на сей случай снабдить васъ новыми повелѣніями, ибо въ инструкціи вашей сказано, что вамъ вѣрнется политическое, военное и гражданское управленіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ коснулась зараза пугачевского злодѣйства или же которыхъ она приближаться станетъ.“ *

Назначеніе Петра Панина вызвало въ Москвѣ общее удовольствіе дворянства. Самъ Панинъ любилъ потому разказывать что дѣйствія дворянъ были чрезвычайно важны, когда предполагалось назначить начальникомъ собраннаго ими ополченія графа Петра Борисовича Шереметева, и что напротивъ не жалѣли никакихъ жертвъ, когда назначали его предводителемъ войскъ.

Указъ о своемъ назначеніи графъ Панинъ получилъ 2-го августа и выѣхалъ изъ Москвы 17-го. Его упрекаютъ въ такой медленности, но упрекъ этотъ не основателенъ. Войска назначенныя въ распоряженіе князя Волконскаго и перешедшія къ Панину только что сходились въ Москву; вѣсть безъ нихъ не было никакой нужды, да и грозилъ опасностью. Направленіе мятежныхъ шаекъ никто не зналъ навѣрное. Панинъ, по совѣщанію съ Волконскимъ, нашелъ необходимымъ не удаляться отъ Москвы впредь до выясненія обстоятельствъ о томъ, не пойдетъ ли Пугачевъ чрезъ Шацкъ къ

* Я. К. Гротъ, *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, 1863 г., т. III. Въ письмѣ отъ 26-го іюля, Панинъ, предлагая себя на усмиреніе Пугачевщины и говоря о своихъ участившихъ припадкахъ, просилъ назначить къ нему особаго генерала могущаго заступитъ его „въ такомъ приключеніи“, дабы не случилось тѣхъ недоразумѣній какія были послѣ смерти Бибикова. Академикъ Гротъ говоритъ: „назначеніе Суворова было отвѣтомъ на просьбу, заключающуюся въ этихъ строкахъ“. Впрочемъ, Я. К. Гротъ сейчасъ же, въ примѣчаніи, оговариваетъ, что Суворовъ былъ назначенъ 28-го іюля, а первый разъ о немъ писано еще 29-го марта. Все это показываетъ что Суворовъ не былъ назначенъ къ Панину для заступленія его мѣста, и вообще надо заключить что императрица не находила нужнымъ назначать такого генерала, особенно когда по предварительнымъ ея распоряженіямъ посланъ уже былъ туда Суворовъ.

Москвѣ. Для наблюденія за положеніемъ умовъ окрестнаго населенія и за мятежниками еще прежде княземъ Волконскимъ посланъ былъ генераль-маіоръ Чорба, который и занялъ позицію между рѣками Москвой и Клязьмой. На совѣщаніяхъ главнокомандующихъ было положено, что Панинъ не удалится отъ занятой Чорбою позиціи, пока Пугачевъ не перейдетъ за Оку или пока не придутъ въ Москву новые полки, достаточные для ея обезпеченія. Императрица не вѣрила чтобы „вдругъ исчезнуда громада сія тогда, когда опаснѣ всего казалась“; она боялась чтобы мятежники не сдѣлали въ самомъ городѣ „пакость какую ни на есть“, и одобрила рѣшимость Панина остаться на нѣкоторое время въ Москвѣ.

Время промедленія однако не терялось даромъ. Условлено было оставить князю Волконскому для московскаго гарнизона два эскадрона гусаръ, два пѣхотныхъ, одинъ кирасирскій и два казачьихъ полка, а остальные войска, въ числѣ одного драгунскаго, одного казачьяго и двухъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ эскадроновъ гусаръ и одной полевой команды поступили въ команду графа Панина * и по мѣрѣ прибытія ихъ къ Москвѣ немедленно направлялись далѣе. Главнымъ поводомъ къ ихъ отправленію послужило донесеніе Михельсона о встрѣчаемыхъ имъ затрудненіяхъ и остановкахъ пути отъ возмущенія жителей въ мѣстахъ чрезъ которыя пролились шайки самозванца. Первый отрядъ, составленный изъ трехъ эскадроновъ кавалеріи, двухъ орудій и тридцати чело-вѣкъ Донскихъ казаковъ, ввѣренъ былъ полковнику Древицу и отправленъ изъ Москвы 9-го августа.

Древицу приказано было идти на Переяславль Рязанскій, Сапожокъ и Шацкъ, къ рѣкѣ Цнѣ, охраняя путь отъ Тамбова къ Москвѣ и распуская вездѣ слухъ, что сзади его идетъ главнокомандующій съ десятью тысячами войска, для которыхъ и долженъ былъ приказать заготовить по дорогамъ Тамбовской, Шацкой и Касимовской, идущей къ Саранску, достаточное продовольствіе: въ большихъ селеніяхъ на одинъ,

* Дѣло № 26429, рапортъ Панина, 3-го августа 1774 г. № 1., изъ Москвы. Сверхъ того князь В. М. Долгоруковъ, узнавъ о безпорядкахъ, послалъ къ Волгѣ генераль-поручика графа Пумкина съ Рязанскими пѣхотными и двумя карабинерными полками, десятью эскадронами гусаръ, тремя эскадронами драгунъ и 500 чел. пѣхоты. Рескриптъ императрицы Панину, отъ (?) августа 1774 г., въ томъ же дѣлѣ.

а въ городахъ на три дня. Этими разглашеніями Панинъ разчитывалъ произвести вліяніе на чернь которая всюду волновалась, и не видя войскъ, во многихъ мѣстахъ предавалась неистовствамъ. Усмиреніе черни и укрощеніе духа возмущенія въ народѣ казалось Панину болѣе всего важнымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Онъ опасался чтобы въ случаѣ даже поимки Пугачева кто-либо не назвалъ его именемъ, и предполагалъ ввести войска въ губерніи охваченныя мятежомъ. Заключение мира съ Турками, по мнѣнію главнокомандующаго, давало возможность располагать войсками ненужными теперь на юго-западной границѣ. До прибытія же войскъ Панинъ считалъ полезнымъ, для обузданія черни, разослать по городамъ генераловъ съ небольшими конвоями, съ правомъ наказывать неповинующихся; по мнѣнію его, одно появленіе мундировъ и знатныхъ чиновниковъ должно было повести къ желаемому обузданію.

Древицу, начальнику перваго отряда высланнаго Панинымъ, дозволялось, въ случаѣ надобности, наказывать виновныхъ публичною смертью и тѣлесно, *сообразясь со своею совѣстью и милосердіемъ государыни*. Особенно ему указывалось стараться изловить злодѣя, за что онъ, сверхъ награжденія отъ монархини, получить „благодарность отъ всѣхъ сыновъ російскихъ“, а для него, Панина, сдѣлается „не подчиненнымъ, а обязательнымъ всегда другомъ“. Наконецъ, Древицу предписывалось объявить всѣмъ подчиненнымъ, что доставивъ Пугачева живаго или мертваго, они награждены будутъ чинами, деньгами, смотря по званію каждаго. Въ отрядѣ требовалось соблюдать строгую дисциплину дабы дать тѣмъ почувствовать жителямъ разницу между поведеніемъ войскъ и мятежническихъ шайкъ.

17-го августа отправился изъ Москвы и самъ Панинъ, сопровождаемый, какъ пишетъ кн. Волконскій (19-го августа 1774 г., дѣло № 26.429), генераль-маіоромъ Чорбой съ полками: Владимірскимъ драгунскимъ, Великолуцкимъ пѣхотнымъ и Краснощекова казачьимъ. У полковника Древица (по тому же источнику) было два эскадрона гусаръ и, сверхъ полковой артиллеріи, восемь орудій, рота гренадеръ Нарвскаго пѣхотнаго полка и четыре мушкатерскія роты съ двумя пушками.

Ока была границей отдѣлявшею Московскую губернію отъ губерній отданныхъ въ управленіе Панина, а потому онъ и

не дѣлалъ никакихъ общихъ объявленій и распоряженій до перехода Оки. Переходъ этотъ состоялся 23-го августа, и въ этотъ день графъ П. Панинъ издалъ первыя свои распоряженія, въ которыхъ объявляетъ между прочимъ о страшныхъ казняхъ и наказаніяхъ за содѣйствіе мятежникамъ.

Причины по коимъ графъ Панинъ рѣшался прибѣгнуть къ казнямъ, онъ описываетъ такимъ образомъ:

„Чѣмъ далѣе вдаюсь я въ сей край, то открывается во всей черни злодѣево бунтовщичье возженіе и предубѣжденіе предразсудка о немъ болѣе, по которому всякія обстоятельства подлость превращая къ его видамъ, не оставила и такое дерзновеніе произнестъ, что я, какъ братъ дядьки его императорскаго высочества, ѣду встрѣтить съ хлѣбомъ и солью.“ Посему графъ Панинъ считалъ казни необходимою и соглашался принять „съ радостью пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и чадъ своихъ“.*

При переходѣ Оки, Панинымъ издано было два объявленія: одно обѣщавшее амнистію компрометгированнымъ лицамъ, если они оставятъ мятежъ, а другое исчисляло рядъ мѣръ которыя главнокомандующій считалъ долгомъ принять для водворенія порядка.

Говоря о дѣтскихъ и ужасныхъ поступкахъ богомерзкаго Емельки Пугачева и сообщниковъ, первое объявленіе разказываетъ происхожденіе самозванца, „адскаго человѣка, въ котораго, безъ сомнѣнія, вселился злой духъ враждующій роду человѣческому“ и который „принялъ на себя имя покойнаго императора Петра III, который тому уже двѣнадцать лѣтъ скончался и при собраніи дѣлаго города Санктпетербурга погребенъ всенародно въ Невскомъ монастырѣ. Кто не вѣритъ тому что многія тысячи нынѣ живыхъ людей видѣли своими глазами, тотъ долженъ быть подобенъ безсмысленному животному; а кто тому вѣря, утверждаетъ однако первыхъ въ сѣвнотѣ ихъ разсудка, тотъ есть врагъ истины, врагъ отечества, возмутитель и достойный сопреступникъ Емельки Пугачева.“ Потомъ онъ продолжаетъ, что мечъ Помазанницы Всевышняго обнаженъ на преступниковъ, что обѣ арміи

* Репортъ графа Панина изъ села Ухолова отъ 25-го августа 1774 года слѣдуетъ замѣтить, что всѣ бумаги графа П. Панина писаны весьма туманно и не всегда грамотно. Не такъ писали современники его князь Волконскій и А. И. Бибиковъ.

входятъ спѣшно въ отечество по заключеніи мира, и что онъ въ отмщеніе невинной крови стремится на истребленіе злочестивцевъ, мятежниковъ и богопротивниковъ, но прежде нежели приступить онъ къ истребленію съ лица земли памяти злодѣевъ, онъ увѣщаетъ ихъ раскаяться и вступить въ повиновеніе на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Кто оставитъ Пугачева — получить прощеніе.

2. Кто доставитъ Пугачева живаго, получить десять тысячъ рублей; мертваго—пять тысячъ рублей и многія преимущества.

3. Кто привезетъ живаго или мертваго кого изъ старшихъ его—получить награжденіе.

4. Кто представитъ подговорщиковъ къ возмущенію противъ помѣщиковъ—получитъ прощеніе и награжденъ будетъ деньгами.

5. Кто извѣститъ о силѣ и намѣреніяхъ Пугачева — получить награжденіе.

6. Кто подговоритъ многихъ отстать отъ него—получитъ то же.

7. Кто послушавшись господъ своихъ и держа ихъ подъ карауломъ, освободитъ ихъ—будетъ прощенъ.

8. Кто освободя изъ рукъ держателей господъ ихъ, представитъ таковыхъ злодѣевъ—получитъ награжденіе.

За симъ послушавшіеся сего объявленія — подвергнутся смертной казни.

Второе объявленіе выписываемъ дословно; оно важно, показывая программу дѣйствій Панина и дополняя вышеприведенное. *

„1774 года 23-го августа, по указу ея императорскаго величества и по давной мнѣ полной мочи за собственноручнымъ подписаніемъ, на усмиреніе производимаго нынѣ въ государствѣ бунта измѣнникомъ съ его сообщниками и самозванцемъ Пугачевымъ въ имени императора покойнаго Петра III, который, извѣстно всему государству, двѣнадцать лѣтъ тому скончался и предъ глазами всего Петербурга похороненъ въ Невскомъ монастырѣ, по усмотрѣнію на мѣстѣ удобнѣйшихъ средствъ не только къ пресѣченію сего бунта, но и къ

* Это совершенно неизвѣстное объявленіе напечатано г. Рябичинымъ въ его сочиненіи *Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба. Уральское казачье войско. Часть II, стр. 57—59.* Эти добросовѣстные труды гг. офицеровъ генеральнаго штаба, къ сожалѣнію, мало извѣстны публикѣ.

возвращенію въ прежнее вѣрноподданское повиновеніе ея императорскому величеству законно владѣющей скипетромъ всероссийскимъ императрицѣ Великой Екатерины II всѣхъ возмущившихся и заразившихся симъ бунтомъ ея величества подданныхъ, предполагаю я сихъ по государственнымъ измѣнниковъ и сообщниковъ еяго законамъ, поступать по нижеписанному:

„1. Во всѣхъ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ обыватели поднимали свои руки, или способствовали только помѣжъ и предстательству въ руки измѣнниковъ, на смертное убійство своихъ воеводъ, всякихъ постановленныхъ отъ ея величества начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, и съ тѣхъ какъ самихъ убійцъ, такъ и съ предателей поводчиковъ, изготова напередъ по христіанскому закону, казнить смертию отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣло класть на колесы у проѣзжихъ дорогъ.

„2. Всѣхъ безъ изъятія послѣдователей за таковыми бунтовщиками съчъ жестоко при висѣлицахъ плетъми.

„3. Ради таковой кары при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ которыя бунтовали, или хотя ослушными противу законнаго начальства сказывались, поставить и впредь до указа не вѣлѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному магою для вѣшанія за ребро.

„4. Естли заводчиковъ въ убійствахъ учрежденныхъ начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрныхъ подданныхъ никакими настоящими обличеніями изыскивать будетъ гдѣ нельзя, то въ таковыхъ селеніяхъ гдѣ начальники, священники и всякаго званія вѣрноподданные умертвлены или преданы ихъ же поселянами, присуджать къ выдачѣ заводчиковъ метаніемъ между ними жребія для повѣшанія третьяго, а ежели и симъ средствомъ они ихъ не выдадутъ, то и дѣйствительно съ того между таковыми съ жеребья повѣсить, а остальныхъ всѣхъ взрослыхъ вересѣчь жестоко плетъми.

„5. Всѣхъ поселянъ возвращенныхъ сими средствами въ прежнюю подданническую вѣрность къ ея императорскому величеству нашей всемилостивѣйшей государынѣ и въ должное повиновеніе своихъ начальниковъ и помѣщиковъ утвердить въ томъ цѣлованіемъ Евангелія и креста объявивъ: что если кто изъ нихъ дерзнетъ впредь какимъ-нибудь образомъ приобщаться къ бунтовщикамъ, или утверждать самозванца настоящимъ Петромъ III, который 12 тому лѣтъ всему государству уже извѣстно подлинно скончался, или кто сдѣлаетъ малѣйшее ослушаніе воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, а другіе таковыхъ заводчиковъ или подсылныхъ отъ государственныхъ бунтовщиковъ не свяжутъ и въ ближайшіе канцеляріи или въ воинскую команду не представляютъ, за то въ

самоѣ скорости присланными изъ войска команды генерала графа Панина, состоящаго теперь здѣсь внутри земли, всѣ въ таковыхъ селеніяхъ безъ изъятія возрастныя мужики будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земли во владѣніе пребывавшимъ всегда въ вѣрности къ ея императорскому величеству подданнымъ и помѣщикамъ.

„6. Еслибъ паче чаянія, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти не возможно, чтобъ нашлись заслужившіе по вышесказанному предложенію наказаніе смертной казни или тѣлеснаго истязанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличеніи содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбѣ и водѣ, а о дѣйствительномъ ихъ показаніи представлять генералу графу Панину чрезъ нарочныхъ.

„7. Въ тѣхъ селеніяхъ въ которыхъ собственными обывателями что казеннаго или помѣщичьяго разграблено, оное принуждать обратно возвращать, съ тѣмъ угроженіемъ, если что изъ такого пограбленнаго и собственно собою не возвращеннаго впредь отыщется, то таковой непременно будетъ повѣшенъ. На подлинномъ подписано тако: графъ Петръ Панинъ 23-го августа 1774 года.

Императрица, не рѣшавшаяся давать Панину полномочія на казни, не отиѣвила теперь сдѣланныя имъ распоряженія. Вотъ что писала она ему: „Презрительныя и глупыя о васъ заключенія черни таковой, кои прельщаются и прилѣпляются къ злодѣю ихъ самихъ разоряющему единою жадностью ей по несчастію природною къ грабежу, не достойны производить въ васъ малѣйшаго оскорбленія, ибо оно происходитъ отъ людей святости церквей и престола не почитающихъ, въ безумствѣ и необузданности своей; печатное ваше объявленіе, которое вы переѣхавъ Оку издали, весьма оходственно сочинено съ сими обстоятельствами и въ простомъ и очень понятномъ для поддлаго народа слогѣ и довольно явственно доказываетъ съ какимъ хлѣбомъ и солью вы намѣрены встрѣтить общественнаго врага; конечно вездѣ тутъ гдѣ чувство осталось дѣйствовать будетъ; строгія же мѣры, кои вы намѣреваетесь употребить гдѣ правосудіемъ не предупѣете, конечно удержать предпріятія сего изъ послушанія властей выступившаго вѣтреннаго народа, и хотя чувства сердца моего весьма отдалены, не токмо отъ употребленія суровыхъ казней, но и самоѣ строгости, однако признаю съ вами, что въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна, по несчастію, для блага Имперіи; а только единственно предписываю вамъ вездѣ

колько можно сходственно всегдашнему моему челоѣколюбію и милосердію поступать съ самыми злодѣями и при самой казни имѣть всегда въ памяти вашей, что я и при семъ случаѣ неизнако какъ мать, обливающаяся слезами при нужномъ наказаніи дѣтей своихъ непослушныхъ.“

Послѣ Панинъ посѣвшилъ увѣрить императрицу, что высказанныя имъ въ объявленіи угрозы насчетъ казни въ возставшихъ селеніяхъ всѣхъ безъ изыатія взрослыхъ мужиковъ и отдачи другимъ ихъ женъ, дѣтей и земли * онъ никогда исполнить себѣ не позволить.

Гораздо позже, а именно въ рескриптѣ отъ 30-го ноября 1774 года, указывалось Панину прекратить казни. „Не могу удержаться вамъ дать примѣтить, что чувствительность сердца моего заставляетъ меня сдѣлать, дабы нигдѣ суровая казнь мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употребляемы не были, наиприлежнѣе препоручаю недреманному вашему, за подчиненными вамъ мѣстами и самими губернаторами, бдѣнію.“ **

II. Военныя дѣйствія.

Отъ перехода Пугачевымъ Волги до самаго разбитія его между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи стычекъ войскъ съ мятежническими шайками не было; тѣмъ не менѣе, время это чрезвычайно важно для изученія. Пугачевъ, какъ неудержимая буря, шелъ впередъ съ невѣроятною быстротой. Преслѣдующія его войска тоже до-нельзя развили скорость своего движенія. На протяженіи 1.300 верстъ, отъ селенія Сундырь, гдѣ переправился Пугачевъ, до мѣста послѣдняго сраженія, происходила быстрая скачка, которой мало можно найти примѣровъ въ исторіи. Являлся куда-либо самозванецъ или его шайка, все приходило въ трепеть; сотни жертвъ падали подъ ударами злодѣевъ. Вслѣдъ за нимъ приходили войска и силою обстоятельствъ должны были, восстанавливая порядокъ, прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ и казнямъ. Вторая половина іюля и

* Донесеніе отъ 30-го августа 1774 г., № 11, изъ Шапка.

** *Допросы Пугачеву*, стр. 54.

августъ мѣсяцъ 1774 года разразились тяжкою грозой надъ приволжскими губерніями.

Разбитый подъ Казанью 15-го іюля, Пугачевъ бросился вверхъ по Волгѣ. До поздней ночи бѣжалъ онъ не останавливаясь; ночью ушли отъ него всѣ бывшіе съ нимъ Башкирцы, изъ нихъ остался одинъ старшина Кладжа. Тогда у Пугачева было не болѣе 500 человекъ, но за то изъ числа самыхъ приверженныхъ и готовыхъ на все. Захвативъ плавніи по Волгѣ купеческія суда, Пугачевъ ихъ разграбилъ, и сдѣлавъ изъ судовъ досчатый мостъ, * перешелъ на правый берегъ Волги 17-го іюля около Кокшайскаго перевоза. Экономическое село Сундырь, лежавшее напротивъ перевоза, недружелюбно встрѣтило самозванца, жители не оказали матежникамъ никакой помощи и разбѣжались по лѣсамъ. Пугачевъ приказалъ зажечь село. Быстро разнеслось по окрестностямъ что пришелъ батюшка государь Петръ Федоровичъ, дающій волю и истребляющій огнемъ и мечомъ все ему противоположное. Легко понять какое впечатлѣніе должны были произвести эти слухи на темный людъ. Перейдя Волгу, Пугачевъ очутился въ самомъ сердцѣ крѣпостнаго права; тутъ-то собственно и началась Пугачевщина.

Вѣроятно около этого времени разрѣшился вопросъ: идти на Москву или нѣтъ. Предъ сраженіемъ подъ Казанью 15-го іюля, Пугачевъ приказалъ читать предъ своими толпами манифестъ, въ которомъ говорилось, что взявъ Казань, онъ пойдетъ въ Москву принимать царство. Разбитіе Михельсономъ и настойчивое преслѣдованіе чугуевскихъ казаковъ по лѣвому берегу Волги заставили Пугачева перейти на правый берегъ; идти на Москву съ небольшою шайкой было опасно; напротивъ, богатство лежащихъ на нижней Волгѣ городовъ давало надежду услышиться и возможность, въ случаѣ крайности, перейти опять въ завожскія степи и на Яикъ. Такъ какъ большую часть толпы Пугачева составляли тогда яцкіе казаки, то весьма правдоподобно что они имѣли большое вліяніе на избраніе пути къ низовьямъ Волги.

По переходѣ чрезъ Волгу, предъ толпой самозванца и при околномъ народѣ разыграна была сцена отараванія посланца въ Петербургъ. Находившіяся у Пугачева подѣ

* Показаніе солдата Коренева, дѣло № 26.429, статья 96.

именемъ купца Ивана Иванова, ржевскій купецъ Долгополовъ предъ толпой говорилъ Пугачеву: „Время теперь, батюшка, надежа государь, ѣхать возвратно къ твоему Павлу Петровичу и объявить ему что ваше величество перешелъ съ арміей за Волгу, и чтобы поспѣшалъ съ обѣщанною силой къ тебѣ на помощь скорѣе.“

Пугачевъ самъ разказывалъ послѣ, * что хотя и зналъ что посылать къ его высочеству не есть дѣло возможное, но при всемъ народѣ высыпалъ Долгополову изъ кармановъ своей 50 руб. денегъ и отправилъ его въ Москву, „дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ невѣждъ, что злодѣи не только не самозванецъ, но ожидаетъ подкрѣпленія себѣ“.

Подходя къ городу Цивильску, Пугачевъ послалъ туда казака Чумакова для взятія лошадей. Мѣстныя власти отказали. Тогда Чумаковъ схватилъ воеводу, коллежскаго ассесора Петра Копьева, штатной команды прапорщика Алексея Абарина, секретаря Попова, съ женами, и повѣсилъ ихъ. Народъ принялъ Пугачева, который въѣхалъ въ городъ.

Не привыкшіе еще къ казнямъ, жители Цивильска жаловались самозванцу на поступокъ Чумакова, говоря: „Они-де не противились, такъ за что повѣсили нашихъ господъ?“

Пугачевъ отвѣчалъ: „Хотя-де ему приказу и не дано было, но теперь не поворотиться; такъ и быть.“

Вѣсти о появленіи Пугачева, казняхъ дворянъ и освобожденіи крестьянъ разносились быстро во всѣ стороны, и когда, въ восьмомъ часу пополудни, 20-го іюля, онъ приближался къ городу Курмышу, то чернь вышла ему на встрѣчу съ образами, хлѣбомъ и солью. Однако дворяне и горожане почти всѣ разбѣжались. Нѣсколько схваченныхъ дворянъ и канцеляристовъ немедленно были повѣшены. Казаки пригнали инвалидную команду. Увидя повѣшенныхъ, команда пришла въ трепетъ. Нижнимъ чинамъ команды и всѣмъ собравшимся къ лагерю Пугачева былъ прочитанъ манифестъ, коимъ самозванецъ, „объявляя себя всему народу якобы природный государь и что истребленъ былъ со Всероссійскаго престола дворянствомъ, а нынѣ десницею Всевышняго сохраненъ и слѣдуетъ для принятія Россійскаго престола въ Москву, и за то черни обѣщаетъ казенную соль безъ денегъ давать, а солдатей и солдатства не брать на пять лѣтъ, и дать имъ

* Допросъ его, стр. 43.

вольность, а дворянскій родъ весь искоренить“. Потребована была присяга. Начальникъ инвалидной команды секундъ-майоръ Василій Юрловъ и одинъ унтеръ-офицеръ воспротивились присягѣ и тотчасъ же были повѣщены, а всѣ прочіе солдаты и жители присягнули: государю Петру III императору, государынѣ императрицѣ Устинѣ Петровнѣ и наследнику цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу и супругѣ его благовѣрной государынѣ и великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ *. Между тѣмъ городъ, оставленный жителями, разграбленъ казаками; не были пощажены и церкви: соборная Николаевская и Троицкая.

Взявъ солдатскія ружья и аммуницію, Пугачевъ, пробывъ въ городѣ пять часовъ, переправился чрезъ Суру вплавь, и пошелъ далѣе. Въ городѣ онъ оставилъ малое число своихъ приверженцевъ и не взялъ даже инвалидныхъ солдатъ, такъ, должно-быть, они показались ему плохи.

Особенному преслѣдованію мятежниковъ подверглось духовенство. До сего времени оно еще было вѣрно правительству, а между тѣмъ признаніе имъ самозванца было для него особенно важно. Устрашеніе было въ то печальное время универсальнымъ средствомъ, и къ нему-то обратился Пугачевъ. Въ Ядринскѣ и Курмышѣ предано смерти до 77 лицъ духовнаго званія, какъ-то: священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей, а равно и ихъ женъ. Мѣра эта, какъ увидимъ ниже, въ самомъ короткомъ времени принесла ожидаемые отъ нея Пугачевымъ плоды.

23-го іюля мятежники приближались къ Алатырю. Воевода, подполковникъ Бѣлокопытовъ, взявъ нѣсколько солдатъ, бѣжалъ, но успѣлъ захватить всѣ деньги, кромѣ мѣдной монеты. Жители города встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Въ Алатырѣ была первая остановка Пугачева; здѣсь онъ пробылъ два дня. Казенное вино было все выпущено; до 31.000 пудовъ соли роздано народу; неуеззенныя Бѣлокопытовымъ мѣдныя деньги, всего около 27.000

* Приведенныя цитаты взяты изъ рапорта Курмышской инвалидной команды въ контору военной коллегіи, 27-го іюля 1774 г., дѣло № 26.429. Оканчивая свой рапортъ, команда писала, что за нарушеніе присяги „привоситъ христіанское поканіе и слезно проситъ отпущенія“. Команда и ея начальники были помилуваны, съ тѣмъ чтобы „снова привести ихъ къ присягѣ, покрывъ ихъ знаменемъ, какъ таковыхъ, кои поступкомъ своимъ уже лишились честнаго званія“.

рублей, разбросаны въ толпы крестьянъ, со всѣхъ сторонъ стекавшихся посмотрѣть на царя батюшку, услышать указъ объ освобожденіи изъ-подъ власти помѣщиковъ и получить приказъ хватать своихъ господъ и представлять ихъ начальству.

Вслѣдъ за появленіемъ пугачевскихъ шаекъ начинались беспорядки въ спокойномъ до того краѣ. Помѣщики нигдѣ не думали объ оборонѣ; по первому извѣстію о приближеніи бунтовщиковъ, они бросали все свое имущество и съ семействами спасались, если возможно, въ ближайшіе города, а по большей части укрывались въ лѣсахъ. Собирались огромныя толпы, грабившія имущество помѣщиковъ и разыскивавшія всюду дворянъ. Въ Курмышскомъ уѣздѣ образовалась огромная, въ 700 человекъ, шайка Чувашей; они нападали даже на воинскія команды и пытались взять городъ Ядринъ. Все чтѣ было не въ крестьянскомъ платьѣ подвергалось насилию, побоямъ, а часто и смерти.

Д. Б. Мертваго, въ своихъ запискахъ*, представляетъ потрясающую картину тогдашняго положенія дѣлъ въ Алатырскомъ уѣздѣ. Не было ни одной деревни не возставшей на призвъ Пугачева. Нѣсколько коноводовъ увлекали цѣлыя селенія не столько убѣжденіемъ, сколько силой и угрозами. Были люди которые, чтобы доказать что они не за дворянъ, публично наносили побои членамъ семействъ своихъ помѣщиковъ и тѣмъ сами спасали себя отъ разъяренной черни; затѣмъ, въ заботахъ о своей безопасности, разыскивали самихъ помѣщиковъ и предавали ихъ смерти съ цѣлью избѣжать мести за предательство. Такимъ образомъ, между прочими, погибъ отецъ Д. Б. Мертваго.

Записки Мертваго даютъ возможность подробнѣе сказать объ участи Алатыря и перенесенныхъ имъ бѣдствіяхъ. Мы уже видѣли что воевода Бѣлокопытовъ не отважившись защищаться противъ Пугачева, бѣжалъ изъ города, но взялъ съ собой всю казну, кромѣ мѣдной монеты. Прапорщикъ инвалидной команды Сердешевъ бѣжать не успѣлъ, явился къ Пугачеву и принялъ присягу. Самозванецъ назначилъ его воеводой. Сердешевъ, проводивъ мятежниковъ, рѣшился употребить всѣ мѣры къ спасенію дворянъ. Онъ объявилъ что крестьяне должны хватать своихъ господъ,

* *Русскій Архивъ* 1867 г., № 8 и 9.

но казнить ихъ не имѣютъ права, и для этого должны представлять къ нему, въ Алатырь. За доставленныхъ такимъ образомъ дворянъ Сердешевъ платилъ крестьянамъ по 10 рублей за мушину и по 5 за женщину. Этимъ путемъ онъ спасъ жизнь многимъ дворянамъ, держа ихъ однако въ тюрьмѣ, чтобы не возбудить подозрѣній. Когда Бѣлокопытовъ узналъ объ уходѣ Пугачева изъ Алатыря и развѣдалъ что тамъ нѣтъ вооруженныхъ мятежниковъ, онъ явился въ городъ и началъ восстанавливать порядокъ. Раздались по городу крики: „воевода идетъ, свѣчетъ и рубить“. Показались окровавленные люди — это были несчастные навлекшіе на себя подозрѣнія Бѣлокопытова. Сердешевъ, не хотѣвшій уступить воеводскаго мѣста, онъ посадилъ подъ арестъ; жителямъ объявилъ прощеніе императрицы подъ условіемъ чтобъ они немедленно выбрали и вооружили триста конныхъ людей, коимъ онъ назначилъ по копѣйкѣ въ день жалованья, назвавъ ихъ копѣйщиками. Импровизованные охранители порядка немедленно были собраны и начали дѣйствовать успѣшно, арестуя по окрестнымъ деревнямъ мятежниковъ и приставшихъ къ нимъ крестьянъ. Черезъ нѣсколько дней налетаетъ на городъ партія казаковъ. Къ какой они принадлежатъ сторонѣ, никто не зналъ. Начальникъ казаковъ требуетъ къ себѣ воеводу. Струсившаго Бѣлокопытова отыскали между двумя грядами гороха; Сердешевъ привели изъ-подъ ареста. „Кому вы служите?“ спрашиваетъ казачій начальникъ. Бѣлокопытовъ, сбитый съ толку и воображая что предъ нимъ кто-либо изъ подчиненныхъ Пугачева, объявилъ себя слугою самозванца. Казачій начальникъ, оказавшійся офицеромъ посланнымъ для преслѣдованія мятежниковъ, надавалъ обоимъ воеводамъ по нѣсколько пощечинъ, приказалъ вывести ихъ на площадь и при множествѣ собравшагося народа, наказалъ плетью. Прибывшая казачья команда вновь ограбила городъ. Подобныя сцены повторялись и въ другихъ мѣстахъ, увеличивая общій страхъ и беспорядокъ и ставя всѣхъ въ недоумѣніе. Никто не зналъ какъ и что отвѣчать на вопросы командъ слѣдовавшихъ одна за другою.

Вступленіе Пугачева въ Саранскъ было для него новымъ и еще небывалымъ торжествомъ. Не только народъ и купечество, но и все духовенство, предводимое архимандритомъ Александромъ и монахами мѣстнаго монастыря, встрѣтили самозванца; прапорщикъ Михаилъ Шехматевъ присоеди-

нился къ встрѣчающимъ со всею инвалидною командой. Воевода, надворный совѣтникъ Протасевъ, бѣжалъ. Чѣмъ больше становилась толпа самозванца и чѣмъ большее число людей выходило къ нему на встрѣчу, тѣмъ, кажется, съ большимъ ожесточеніемъ бросались его приверженцы истреблять непокорныхъ. За воеводой была послана погоня. Отставной генераль-маіоръ Сипягинъ и болѣе 62 человекъ разнаго званія лицъ, не признавшихъ мятежниковъ, повѣшены, народу объявлена вольность, освобожденіе отъ подушныхъ и другихъ государственныхъ податей. Всѣмъ пристававшимъ къ шайкѣ самозванца была обѣщана вѣчная воля и по сту рублей въ мѣсяцъ жалованья. * Дворянъ, особенно немилостивыхъ, разрѣшалось вѣшать и рубить. Чернь пришла въ волненіе и разошлась повсюду для розысканія дворянъ, которыхъ ловили и вѣшали. Мы не будемъ описывать того звѣрскаго обращенія которое должны были вынести дворянскія жены и дочери. Многія изъ нихъ попали въ наложницы къ Пугачеву и прочимъ мятежникамъ. Нѣкоторые изъ злодѣевъ женились на дворянкахъ, принуждая духовенство совершать обрядъ и полагая пріобрѣсти состояніе. Въ перепискѣ графа Панина есть между прочимъ его ходатайство о возвращеніи прежняго дворянскаго имени одной изъ такихъ несчастныхъ. Она называлась Перепечиной и была, кажется, изъ Пензенской провинціи.

Въ Саранскѣ вновь производилась раздача соли и вина, а также бросаніе денегъ въ народъ. Изъ мѣстнаго казначейства заграблено 8.321 р. 27³/₄ к. Но главное, Саранскъ доставилъ Пугачеву случай для значительнаго усиленія его шайки: онъ захватилъ здѣсь семь пушекъ, 150 ядеръ, 2¹/₄ пуда пороха и взялъ 91 человекъ въ свои казаки. ** Трое сутокъ провелъ Пугачевъ въ Саранскѣ, и въ 8 часовъ утра, 30-го іюля, потянулся къ Пензѣ.

Преданіе разказываетъ что въ селеніи Большая Танѣвка, въ десяти верстахъ отъ Саранска, по дорогѣ въ Пензу, Пугачевъ сѣлся въ церкви на престолъ и принималъ присягу и поздравленія крестьянъ; предъ каждою избой

* Долесеніе князя Голицына, изъ Казани, 4-го августа.

** Рапортъ воеводы, подпоручика Иванова, 4-го августа 1774 г.; дѣло № 26.429. Графъ Меллицъ, назначившій Иванова воеводою, говоритъ что въ Саранскѣ погѣшено и аврублено Пугачевымъ 300 человекъ; то же дѣло, рапортъ Меллица, 2-го августа, кн. Щербатову.

выставлены были столы съ угощеніемъ, а на станкахъ у кузницъ воздвигалась висѣлица для казни отрекавшихся принести присягу государю Петру Фодоровичу.

Общанія Пугачева и употребляемыя имъ средства къ обольщенію черни, дѣйствительно, были такого свойства, что привлекали на его сторону массы крестьянъ и городского мѣщанства. Но не это одно было причиною невѣроятныхъ его успѣховъ въ волжскихъ губерніяхъ. Примѣръ, воеводы города Ядрина, отбившаго шайку мятежниковъ, а еще болѣе—запоздавшія, но энергическія мѣры алатырскаго воеводы Бѣлокопытова доказываютъ что можно было бы надѣяться на другой оборотъ дѣла при лучшемъ личномъ составѣ мѣстныхъ властей и войскъ. Бѣгство властей и отсутствіе войскъ которыя бы, преслѣдуя мятежниковъ, доказывали жителямъ что это бунтовщики и злодѣи, увеличивали вѣру черни въ самозванца. Къ сожалѣнію, и дворянство, врасплохъ застигнутое Пугачевымъ, разбѣжалось, не принимая никакихъ мѣръ къ защитѣ. Увѣщаній отдѣльныхъ лицъ не слушали; крестьяне вѣрили что время власти помѣщиковъ миновало и считали своимъ долгомъ арестовывать и привозить ихъ въ города, или содержать подъ карауломъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій отъ кого-либо изъ мятежнической толпы, потому что мѣстныя власти не внушали народу никакого къ себѣ довѣрія. Императрица Екатерина такъ о нихъ писала Панину: „напередъ раздраживъ городскихъ и уѣздныхъ жителей неправосудьемъ и мздоимствомъ, когда дошло до обороны, чувствуя народную къ нимъ недобѣрчивость, у нихъ руки упали, что способствовало бунтовщикамъ причинить толикія злодѣяства и раззоренія.“

Высшія мѣстныя власти не далеко опередили своихъ подчиненныхъ. Генералъ-аншефъ фонъ-Брандтъ и генералъ-майоръ П. С. Потемкинъ, бывшіе въ Казани, не дѣлали ничего для ея защиты и только отсиживались въ крѣпости. Даже и послѣ разбитія Пугачева Михельсономъ дѣятельность ихъ недостаточно пробудилась. Вслѣдствіе уменьшенія полномочій князя Щербатова, въ самую критическую минуту не было въ Казани лица которое могло бы сдѣлать необходимыя распоряженія. Князь Щербатовъ съ дороги писалъ чтобы выслать скорѣе изъ Казани погоню за Пугачевымъ, но въ самой Казани распоряжались плохо. Губернаторъ совершенно растерялся, заболѣлъ и былъ при смерти,

генераль-маіоръ П. С. Потемкинъ тоже не выказалъ большой дѣятельности и не бралъ на себя управленія дѣлами. Когда 21-го или 22-го іюля князь Щербатовъ прибылъ въ Казань, то нашелъ что городъ еще горитъ во многихъ мѣстахъ, а жители по-прежнему со страхомъ толпятся въ крѣпости. Надо было заняться выводомъ жителей въ уцѣлѣвшіе по краямъ города дома и распорядиться правильнымъ преслѣдованіемъ Пугачева.

15-го іюля, въ самый день разбитія Пугачева подъ Казанью, прибылъ туда Томскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіоръ, графъ Меллинъ, съ отрядомъ въ 300 человекъ разнаго войска. Потемкинъ прибавилъ ему изъ отряда Михельсона 100 человекъ пѣхоты и 300 конницы и послалъ вслѣдъ за Пугачевымъ, вверхъ по лѣвому берегу Волги. Михельсонъ выступилъ изъ Казани къ Свияжску 19-го іюля. Отрядъ его былъ не великъ, и ослабленный отдачей 400 человекъ графу Меллину, сдѣлался еще меньше. Потемкинъ прибавилъ къ нему „150 человекъ пѣхоты и прибывшихъ съ разныхъ сторонъ уланъ“.

Ближайшихъ свѣдѣній о численности и составѣ отряда Михельсона мы привести не можемъ, но изъ бумагъ Павица видно что въ отрядахъ Меллина, Михельсона и Муффеля, соединившихся въ Саратовѣ, было болѣе 2.000 чел. Такъ какъ у Муффеля было 566 человекъ, то Михельсонъ изъ Казани вышелъ съ отрядомъ силою около 800 человекъ.

Такое направленіе преслѣдующихъ отрядовъ собственно по пятамъ мятежниковъ, князь Щербатовъ нашелъ недостаточнымъ; пританувъ къ себѣ генераль-маіора князя Голицына изъ Мензелинска, онъ направилъ нѣсколько отрядовъ въ перерѣзъ пути Пугачева, а именно:

1. Подполковника Муффеля съ 24-ю легкою полевой командой (431 чел. пѣхоты, 76 драгунъ, 49 артиллеристовъ и четыре орудія) отъ Черемшанской крѣпости на Симбирскъ и далѣе навстрѣчу мятежниковъ.

2. Прокурора Чемесова, шефа Пензенскаго уланскаго корпуса (штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ 15, рядовыхъ 522), отъ Шуранскаго перевоза на Камѣ за Волгу, для соединенія съ Муффелемъ или графомъ Меллинымъ.

3. Генераль-маіора Мансурова, съ легкою полевой командой (566 чел. и четыре орудія), эскадрономъ карабинеръ (138 коней) и лучшими яицкими казаками, изъ Яицкаго

городка на Сызрань, гдѣ долженъ былъ соединиться съ двумя стами донскихъ казаковъ.

Такимъ образомъ въ погоню за Пугачевымъ было отправлено пять отрядовъ, въ составѣ до 3.240 человекъ. Изнуренныхъ лошадей разрѣшено было замѣнять новыми, покупая ихъ или забирая отъ жителей подъ квитанціи. Изъ всѣхъ этихъ пяти отрядовъ только два первые, Меллина и Михельсона, могли еще настичь мятежниковъ, остальные же были слишкомъ далеко и разчитыватъ на ихъ дѣйствія было почти невозможно.

Впередѣ всѣхъ, по пятамъ самозванца, шелъ графъ Меллинъ. Пугачевъ, забирая вездѣ подводы и лошадей, шелъ съ быстротой недоступною для регулярныхъ войскъ, которыя, изнемогая отъ форсированныхъ маршей, значительно отставали. Кромѣ того, имъ невозможно было ограничиться однимъ лишь движеніемъ впередъ: надлежало усмирить волнующуюся чернь, освободить заключенныхъ дворянъ и ихъ прикащиковъ и возстановить хотя тѣнь порядка прежде чѣмъ идти далѣе. Въ Саранскѣ войска встрѣтили даже сопротивление отъ инвалидной команды. Прапорщикъ Михайло Шехмаметьевъ, произведенный Пугачевымъ въ полковники и назначенный саранскимъ воеводой, узнавъ что идутъ войска и думая что это мятежническая шайка, вывелъ для почетной встрѣчи свою команду. Увидавъ свою ошибку, онъ выхватилъ пистолетъ и бросился на начальника авангарда, ротмистра Поддьякенова, съ намѣреніемъ застрѣлить его. Негодяя остановили и представили Меллину. Какое это наказание Божіе, восклицаетъ графъ Меллинъ*, которое я вижу, что дворяне по дорогамъ: который повѣшенъ, у котораго голова отрублена, у котораго ноги и руки отрублены, и разными другими муками, которыя себѣ представить не можно, неисчисленно много истреблено“. На дорогѣ ему попадались значительныя толпы мужиковъ желавшихъ присоединиться

* Дѣло № 26.429. Рапортъ гр Меллина князю Щербатову, 4-го августа 1774 г. По свидѣтельству г. Мордовцева, въ документахъ того времени безпрестанно попадаются выраженія „удавленъ на поясъ; проколота въ горло и въ животъ копьемъ; утопленъ въ старомъ колодцѣ и засыпанъ землей; живой брошенъ въ пылающее пламя; затравлена злодѣйскими собаками; отрублена голова и на огородину взоткнута; наглаголо съченъ плетью и козскими копытами раздавленъ; прошиблена кистемъ голова до мозгу; будучи преслѣдуемъ злодѣями, въ болотѣ захлебнулся; въ бочку головой посаженъ, гдѣ и умеръ“. Русск. дѣл. и Пугачевъ.

къ злодѣю. Въ такомъ положеніи дѣлъ бездѣйствовать, за неимѣніемъ распоряженій вышшаго начальства, было преступно. Освободить дворянъ и снова оставить ихъ на произволъ черни было невозможно, и потому графъ Меллинъ первый приступилъ къ наказанію ослушниковъ. Такъ въ Саранскѣ всѣхъ виноватыхъ въ произведенныхъ тамъ смертоубійствахъ „подъ вистѣлицей сѣкъ чрезвычайнымъ образомъ плетью“*. Нагнанную имъ шайку мужиковъ онъ тоже сѣкъ плетью. Освободивъ многихъ дворянъ изъ рукъ содержавшихъ ихъ крестьянъ, онъ доноситъ князю Щербатову, что главныхъ изверговъ, для примѣра, „однихъ будетъ четвертовать, а другихъ повѣсить“. Таковыя дѣйствія войскъ вразумительно вліяли на чернь и осязательно доказывали ей что шайки прошедшихъ мятежниковъ всюду преслѣдуются и истребляются войсками правительства.

Подполковникъ Михельсонъ, отдохнувъ послѣ своихъ побѣдъ и пополнивъ недостатокъ лошадей въ отрядѣ**, вышелъ 19-го изъ Казани за Пугачевымъ. Переправясь черезъ Волгу въ Свияжскѣ, онъ узналъ о движеніи самозванца на Цивильскъ и Курмышъ. Такое направленіе заставляло опасаться чтобы мятежники не пошли на Нижній и Москву. Прикрыть эти города сдѣлалось задачей Михельсона. Оставя графа Меллина идти слѣдомъ за шайками, онъ пошелъ проселочными дорогами на городъ Починки. Совершенныя мятежниками неистовства были невообразимы. „Ни одинъ дворянинъ не думалъ о своей оборонѣ, а всѣ, какъ овцы, разбѣжались по лѣсамъ, отчего и немалое число отъ своихъ крестьянъ погибло.“ „Обольщенный Пугачевымъ народъ съ невѣроятною преданностью прилѣплялся (къ нему?), и онъ вновь усилился до 2.000 человекъ или болѣе всякаго сброду дурными людьми.“ 30-го іюля, располагаясь на ночлегъ около села Гачина (на дорогѣ между Сергачемъ и Починками). Михельсонъ узналъ что въ окрестностяхъ Починокъ появились значительныя шайки и что ожидаютъ туда самого Пугачева, для приѣма котораго оставили неразграбленнымъ домъ ротмистра Павлова. Починки были на пути отъ Саранска къ Москвѣ, и слѣдовательно занять этотъ городъ было весьма

* Дѣло № 26.429. Рапортъ гр. Меллина князю Щербатову, отъ 2-го августа.

** Въ сраженіяхъ подъ Казанью Михельсонъ потерялъ 140 лошадей: 53 убитыми и 87 ранеными.

важно, тѣмъ болѣе что въ немъ былъ казенный конскій заводъ. Михельсонъ послалъ туда корнета Селиванова, который засталъ что мятежники, призванные крестьянами, связали рейторовъ и вели ихъ вѣшать, загоняли табуны и отыскивали казну. Селивановъ разогналъ толпу и захватилъ главныхъ зачинщиковъ. Уличенныхъ въ смертоубійствахъ Михельсонъ „приказалъ, въ страхъ другимъ, повѣсить; большимъ возмутителямъ, кои не способны въ рекруты, отрѣзать по уху, иному и оба, а другихъ пересѣчь плетью“.* Въ Саранскѣ, несмотря на недавній проходъ графа Меллина, Михельсонъ принужденъ былъ остаться цѣлый день, чтобъ очистить окрестности посылкой мелкихъ командъ.

Вслѣдъ за графомъ Меллинымъ и Михельсономъ въ пройденныя ими мѣста были направлены войска собственно для водворенія порядка. Князь Голицынъ отправилъ майора Голуба съ эскадрономъ Бахмутскихъ гусаръ и сотней казаковъ къ Нижнему, а остальные войска пошли съ подполковникомъ Хорватомъ на Корсунъ.

Нижегородскій губернаторъ, генералъ - поручикъ Ступининъ, выслалъ къ Арзамасу прибывшаго къ нему изъ Москвы съ двумя стами казаковъ московскаго оберъ-полицеймейстера подполковника Архарова и другіе небольшіе отряды, болѣе для того чтобы чернь видѣла что злодѣевъ преслѣдуютъ. Отрядамъ этимъ приказано было раздѣлиться на мелкія команды и идти въ помѣщичьи имѣнія для „покоренія всѣхъ законной власти“, производа наказаніе виновныхъ крестьянъ по желанію господъ.

Задерживаемые расправой съ возставшими крестьянами, Меллинъ и Михельсонъ остались значительно позади мятежниковъ. Когда первый былъ въ Саранскѣ, а второй шелъ къ Починкамъ, Пугачевъ уже приближался къ Пензѣ. Мѣстныя власти вновь оказались неспособными къ противодѣйствию. Еще Пугачевъ былъ въ Саранскѣ, а пензенскія власти начали уже спасаться бѣгствомъ. 28-го и 30-го іюля, воевода, надворный совѣтникъ Всеволожскій, товарищъ его, коллежскій ассессоръ Гуляевъ, подпоручики: Суровцовъ и Слѣпцовъ, секретари Дудкинъ и Григорьевъ, съ нѣкоторыми канцелярскими чиновниками, скрылись изъ города. 1-го

* Дѣло № 26.429. Репортъ Михельсона къ Волюковскому, 4-го августа 1774 года.

августа Пугачевъ вошелъ въ Пензу. Духовенство, дворяне и разнаго рода люди встрѣтили его съ крестами и хлѣбомъ-солью. Тутъ же, при встрѣчѣ, прочтены народу два манифеста; въ первомъ—самозванецъ называлъ себя Петромъ III, лишеннымъ престола дворянами, а во второмъ — лишая помещиковъ права владѣть крестьянами, объявлялъ сихъ послѣднихъ вольными, освобождая отъ рекрутскихъ наборовъ и подушныхъ сборовъ на десять лѣтъ. Колодники были выпущены изъ острога. Пугачевъ потребовалъ къ себѣ представителей мѣстной власти, и узнавъ что они скрылись, послалъ команды поймать ихъ и казнить. Всеволожскій, Гуляевъ, Суровцовъ и Слѣпцовъ были настигнуты въ деревнѣ Скачки и сожжены живыми; Дудкинъ, Григорьевъ, съ нѣкоторыми еще дворянами, перевѣшаны и перестрѣляны въ селѣ Головинщинѣ. Приведенный въ Пензу саранскій воевода, надворный совѣтникъ Протасьевъ, съ семействомъ, сперва высѣченъ плетью, а потомъ заколотъ. Пенза была разграблена, и 2-го августа Пугачевъ вышелъ изъ нея къ Петровску, взявъ 2.563 р. денегъ, 136 боченковъ съ пятаками, шесть пухекъ (четыре мѣдныхъ), 16 пудовъ пороху, ядра, свинець и 500 человекъ жителей завербованныхъ въ казаки.

Саратовъ, лежавшій на пути Пугачева, былъ городомъ весьма значительнымъ и имѣлъ всѣ средства къ упорной оборонѣ. Къ сожалѣнью, губернаторъ, генераль-поручикъ П. Н. Кречетниковъ, ничѣмъ неугрожаемый въ губернскомъ городѣ Астрахани, не счелъ нужнымъ лично прибыть въ свой провинціальный городъ Саратовъ, а тамошнія мѣстныя власти враждовали между собой, и не сойдясь въ средствахъ къ оборонѣ города, погубили его.

Комеѳдантомъ Саратова и тамошнимъ воеводой былъ полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, человекъ храбрый, но, какъ видно изъ его дѣйствій, мало толковый и вершительный. Будучи слѣпымъ исполнителемъ приказаній Кречетникова, даваемыхъ за 600 верстъ, Бошнякъ не хотѣлъ согласовать ихъ съ мѣстными обстоятельствами и не слушалъ никакихъ убѣжденій людей лучше его понимавшихъ положеніе дѣлъ. Антагонистами Бошняка были: управлявшій конторой опекунства иностранныхъ поселенцевъ, статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Ладыженскій, и гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Гаврила Романовичъ Державинъ. Управляя отдѣльною частью, имѣя въ своемъ

распоряженіи артиллерійскую команду и казаковъ, а также, по прежней своей службѣ штабъ-офицеромъ въ инженерномъ корпусѣ, считая себя лицомъ компетентнымъ въ военномъ дѣлѣ, Ладыженскій признавалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ выше Бошняка, что и было въ дѣйствительности. Державинъ, знаменитый въ послѣдствіи поэтъ, присланъ былъ въ Саратовъ генераль-аншефомъ Бибиковымъ съ секретными порученіями наблюдать за рѣкою Иргизомъ и принимать мѣры къ развѣдыванію о Пугачевѣ. Державину было тогда тридцать лѣтъ, а чинъ его—поручика гвардіи—имѣлъ не то значеніе какое присвоено этому чину нынѣ. Тогда главнокомандующій генераль-аншефъ Бибиковъ былъ только маіоромъ гвардіи.

Объ официальномъ значеніи Державина было извѣстно губернатору и Бошняку, но первый, въ самомъ началѣ, дурно принялъ Державина, всегда относился къ нему невнимательно, отчего и комендантъ смотрѣлъ на него недоброжелательно. Молодой, заносчивый, ретивый, любившій высказать смѣлое осужденіе не только на словахъ, но и письменно, онъ легко могъ вооружить противъ себя Кречетникова, заявившаго себя въ Пугачевщину совершеннымъ, даже можно сказать преступнымъ бездѣйствіемъ, и Бошняка, отличившагося упорствомъ достойнымъ лучшей участи. Можно сказать, не погрѣшая противъ истины, что главнѣйшими врагами Державина были его молодость и заносчивость, но эти недостатки служили основаніемъ хорошихъ его сторонъ. Надо отдать ему полную справедливость: во время Пугачевщины Державинъ выказалъ замѣчательныя способности и дѣйствовалъ съ большою пользою для дѣла, приобретаая благотворное вліяніе на жителей окрестнаго Поволжья и Иргиза.

Возставъ противъ неспособности Бошняка, Державинъ былъ правъ, хотя, къ сожалѣнію, не сумѣлъ удержаться отъ дерзкихъ противъ коменданта выходокъ. Упрекаемый въ этомъ графомъ Панинымъ, Державинъ, кажется, правдиво обрисовалъ свою дѣятельность въ отвѣтъ главнокомандующему: „Кто бы сталъ васъ обвинять, сказалъ онъ, что вы бывъ въ отставкѣ, на покой и изъ особенной любви къ отечеству и приверженности къ высочайшей службѣ всемилостивѣйшей государыни, приняли на себя въ толь опасное время предводить войскамъ противъ злѣйшихъ враговъ и не щадя своей жизни? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города.“

Отложивъ въ сторону нѣкоторую высокопарность и ловкую похвалу временщику, нельзя не согласиться что Державинъ высказалъ правду.

Несогласія между Ботнякомъ, Ладыженскимъ и Державинымъ приняли значительные размѣры и перешли изъ словесныхъ препирательствъ въ письменную перебранку. Сохранилось много подлинныхъ документовъ показывающихъ что обѣ стороны зашли черезчуръ далеко. Но перечитывая эти документы, видимъ въ нихъ не столько картину грубыхъ нравовъ тогдашняго общества, сколько доказательство тому что и сто лѣтъ назадъ, какъ нынѣ, несогласія между начальниками различныхъ частей губернскаго управленія отравляли провинціальную жизнь и наносили существенный вредъ дѣлу.

Описывать подробно эти печальныя перебранки мы не будемъ, но постараемся представить полную и отчетливую картину всѣхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ занятіе или, какъ въ современныхъ документахъ говорится, „похищеніе“ Саратова Пугачевымъ.

Саратовъ въ значительной своей части былъ истребленъ пожаромъ въ маѣ 1774 года, и въ описываемое нами время лежалъ огромнымъ пустыремъ. Еще весьма немногое число домовъ было вновь отстроено. Между строениями спасшимися отъ огня были огромные хлѣбные магазины иностранныхъ поселенцевъ. Магазины эти состояли въ вѣдѣніи Ладыженскаго. Въ его же распоряженіи находилась сотенная команда Донскихъ казаковъ * и три артиллерійскія роты; сверхъ того въ Саратовѣ былъ расположенъ одинъ гарнизонный баталіонъ **. По словамъ Державина, въ Саратовѣ было: регулярной пѣхоты 500 человекъ, казаковъ 600 человекъ (Донскихъ, Волжскихъ и городскихъ Саратовскихъ),

* Въ послѣдній разъ, предъ Пугачевщиной, въ Саратовъ командированъ былъ есаул Фоминъ, въ 1770 г., съ командой въ 191 чел. Посылалась она „какъ для предосторожности отъ воровскихъ набѣговъ, такъ и въ особенности для развозки и препровожденія писемъ, денежной казны, лошадей и рогатаго скота по нѣмецкимъ колоніямъ“. М. Семюткинъ, *Воскъня дѣйствія Дуговъ, Современникъ*, томъ XLVI.

** Въ Саратовѣ, по росписанію 1771 г., стоялъ одинъ гарнизонный баталіонъ, въ которомъ по штатамъ числилось 722 чел. (Поля. Собр. Зак. томъ XLIII, № 13.649.) Въ Саратовской артиллерійской командѣ было до 400 чел., ибо по окончательномъ разбитіи Пугачева изъ сей команды за перебѣгъ къ самозванцу отдано подъ судъ 308 чел. Дѣло № 26.429.

четыре полевыхъ орудія и 10 городскихъ пушекъ. Съ такими средствами можно было защищаться.

Ладыженскій и Державинъ требовали принятія мѣръ къ оборонѣ, а Бошнякъ не соглашался, разчитывая что Пугачевъ до Саратова не дойдетъ, а будетъ истребленъ слѣдующими за нимъ войсками. Это онъ основывалъ на предписаніи князя Щербатова изъ Казани, гдѣ говорилось что Пугачевъ пошелъ на Курмышъ и Ядринъ, имѣя по пятамъ своимъ графа Меллина, а потому Саратову опасности быть не можетъ *. Наконецъ убѣдили Бошняка приступить къ приготовительнымъ работамъ по оборонѣ, но согласіе это пошло еще къ большимъ недоразумѣніямъ. Ладыженскій и Державинъ, съ которыми соглашались и многіе офицеры, предлагали обнести валомъ провіантскіе магазины, поставить туда небольшой отрядъ подъ начальствомъ Бошняка, а съ остальными войсками идти навстрѣчу Пугачеву, еслибъ онъ обратился въ эту сторону. Бошнякъ на собраніи, въ конторѣ опекунства, согласился на этотъ планъ, но на дѣлѣ отказался его исполнить. Онъ говорилъ что, какъ комендантъ, онъ обязанъ защищать не часть города, а всю свою крѣпость. Въ этомъ смыслѣ писалъ Бошняку и губернаторъ Кречетниковъ, совѣтуя защищать весь городъ и для сего возобновить прежній городской валъ съ глубокимъ рвомъ, обнести его палисадомъ, рогатками и построив батареи. Напрасно говорили коменданту что Саратовъ не крѣпость, а сгорѣвшій городъ, что защищать все городское поселеніе невозможно, ибо на это потребовалось бы строить огромные валы и вооружить большое число людей, а надѣяться на жителей было невозможно. Бошнякъ стоялъ на своемъ **. Не сойдясь съ нимъ въ устройствѣ укрѣпленія около магазиновъ, Державинъ и Ладыженскій рѣшились, наконецъ, принять предложеніе Бошняка—укрѣпить часть пожараща. Нарисовали планы, послали къ коменданту межевыхъ офицеровъ умѣвшихъ строить укрѣпленія, но тотъ уже перемѣнилъ свое намѣреніе

* Дѣло № 26.429, рапортъ Бошняка гр. Панину отъ 11-го октября 1774 г.

** Ладыженскій, разъясняя Бошняку что такое крѣпость, писалъ ему что въ Россіи два рода комендантовъ: одни хозяева крѣпостей, а другіе опредѣляются въ неукрѣпленные города съ командой для сыску воровъ и разбойниковъ. Что въ Саратовѣ нѣтъ ограды, а потому и комендантъ не хозяинъ города, но только „повелитель баталіона“. Дѣло № 26.429.

и положительно объявилъ что жители несогласны ломать начатыхъ отстройкой послѣ пожара новыхъ домовъ и не позволять убрать приготовленные бревна. Безъ расчистки же мѣста подъ укрѣпленіе нельзя было приступать къ работамъ, хотя въ распоряженіи Бошняка было до двухъ тысячъ человѣкъ рабочихъ. Державинъ явился въ городской магистратъ, на шумѣлъ тамъ, угрожалъ что всѣхъ сомнительной вѣрности людей велитъ арестовать и отправить въ распоряженіе секретной комиссіи; приказалъ отобрать отъ жителей подписку, что если кто-либо изъ нихъ будетъ признавать Пугачева за бывшего императора Петра III, колебаться въ мысляхъ, ему способствовать и поступать во вредъ законной власти—тотъ подвергнется смертной казни.

Граждане немедленно собрались на работы и стали насыпать валы около провіантскихъ магазиновъ по проекту Ладыженскаго, но на другой день явился къ рабочимъ полицей-мейстеръ и именованъ коменданта объявилъ что они могутъ продолжать работы если пожелаютъ, однако никто ихъ къ тому не принуждаетъ. Рабочіе, собранные угрозами Державина, разошлись. Бошнякъ же утверждалъ что Пугачевъ не пойдетъ на Саратовъ и собирался въ случаѣ нужды поставить свои пушки за старымъ негоднымъ валомъ, а одну или двѣ у моста, и тѣмъ вполнѣ разчитывалъ удержать наступленіе мятежниковъ.

Общее настроеніе умовъ въ городѣ было дурное; распри властей и непрерывно получавшіяся свѣдѣнія объ усиленіи самозванца не могли дѣйствовать успокоительно. Вотъ что Державинъ писалъ къ казанскому губернатору Брандту: „Хотя ничего не можно сказать о какомъ-либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждутъ чаемаго ими Петра Феодоровича. Выѣдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется, оживаетъ и будто ждетъ только случая открыть себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни, авось небо незримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько иныя мысли.“*

Послѣ смутныхъ слуховъ о самозванцѣ, дошли вѣрныя

* Академикъ Гротъ, *Матеріалы для біографіи Державина*, стр. 54.

свѣдѣнія о разграбленіи Пензы и появленіи мятежниковъ около Петровска, изъ котораго воевода бѣжалъ, бросивъ въ городъ орудія, порохъ и деньги. Бошнякъ послалъ туда нарочнаго собрать свѣдѣнія, но Ладыженскій и Державинъ считали необходимымъ болѣе точнымъ образомъ узнать мѣстныхъ обстоятельствъ и спасти оттуда казну, порохъ и пушки. Державинъ вызвался самъ поѣхать въ Петровскъ; къ нему присоединился проживавшій въ нѣмецкихъ колоніяхъ польской службы подполковникъ Гогель. * Въ команду Державина Ладыженскій далъ есаула Ѳомина съ шестьюдесятью донскими казаками. Команду Державинъ отправилъ впередъ съ вечера 3-го августа и на каждой станціи приказалъ приготовить для себя почтовыхъ лошадей, а рано утромъ на другой день выѣхалъ самъ, взявъ съ собою Гогеля.

Верстахъ въ пятнадцать отъ Петровска повстрѣчался имъ возвращавшійся оттуда курьеръ Бошняка. Онъ сказалъ что Пугачевъ еще въ тридцати верстахъ отъ Петровска, куда, однако, ожидается на ночь. Проѣхавъ еще пять верстъ, повстрѣчали мужика, и пригрозивъ ему пистолетомъ, допытались отъ него что Пугачевъ всего въ пяти верстахъ отъ города. Державинъ хотѣлъ было возвратиться назадъ, но Гогель упросилъ его отпустить его впередъ, чтобъ узнать въ какихъ силахъ идетъ самозванецъ.

Взявъ четырехъ казаковъ и приказавъ имъ ѣхать впереди, Гогель отправился къ Петровску. Выскакавшіе впередъ казаки, скрылись изъ виду, и только двое изъ нихъ возвратились вѣстниками что Пугачевъ занимаетъ уже Петровскъ. **

„Гдѣ вы были?“ спрашивали ихъ Гогель и Ѳомины. — „У Пугачева.“ — „Что дѣлали?“ — „Такъ.“

Отвѣты были неудовлетворительны. Прочіе казаки начали волноваться. „Намъ все равно кому ни служить, и мы туда поѣдемъ“, говорили они Ѳомину, не слушая его увѣщаній и грозя заколоть. Гогель отѣхалъ къ Державину. Ѳомины, видя опасность, показали видъ что соглашается съ казаками. „Ну, ребята, когда не слушаетесь вы меня, то и я съ вами согласенъ; только дайте мнѣ офицеровъ попридержать,

* Въ послѣдствіи Бошнякъ официально доноситъ, что сотня казаковъ послана въ Петровскъ по его распоряженію. Дѣло № 26.429.

** Въ свѣдѣніи о Пугачевѣ читаемъ (§ 8), что „павладной команды прапорщикъ Иванъ Юматовъ, за глушную по чужу офицерскому робость при разореніи города Петровска лишенъ, за старостью лѣтъ, чиновъ.“

или я ихъ заколю.“ Они его отпустили, а онъ, прискакавъ къ офицерамъ, сказалъ чтобы спасались. Десять верстъ гнались за Державинимъ, но догнать не могли. Такой печальный исходъ имѣла экспедиція Державина. Разказъ о его бѣгствѣ мы привели съ его словъ, изъ которыхъ видно что Державинъ о главнѣйшемъ обстоятельстве, волненіи казаковъ, разказываетъ по показаніямъ очевидцевъ: Гогеля и, главное, Омина.

Въ подтвержденіе этого разказа Державина можно указать еще на свидѣтельство царицынскаго коменданта полковника Цыплетева, который въ донесеніи императрицѣ говоритъ, что „волжскаго войска есаулъ Савва Тораринъ изъ Саратова, будучи гвардіи отъ поручика Державина подъ Петровскъ отправленнымъ на сукурсъ, при измѣнѣ казаковъ, заколовъ дву человекъ, избавился.“ Напротивъ, имѣются другія данныя, изъ которыхъ можно заключить что сдача казаковъ подъ Петровскомъ произошла нѣсколько иначе и была скорѣе слѣдствіемъ недоразумѣній и паники нежели измѣны.

Всѣ шестьдесятъ казаковъ, отправленные съ Державинимъ, въ самомъ скоромъ времени ушли отъ Пугачева, и нѣкоторые изъ нихъ, уже 18-го августа 1774 года, стало-быть еще прежде подступа Пугачева къ Царицыну и за недѣлю до его разбитія, давали свои показанія въ войсковои канцеляріи въ Новочеркасскѣ.

Показанія есаула Мелехова, бывшаго сотникомъ у Омина, и хорунжаго Малахова, занимавшаго должность квартирмейстера, столь любопытны, что мы приводимъ ихъ здѣсь для разъясненія обстоятельствъ сдачи конвоя Державина. Кромѣ того, показанія эти обрисовываютъ тогдашнее состояніе толпы Пугачева и его обращеніе съ покоряющимися ему войсками.

По словамъ Малахова и Мелехова, они, подойдя къ самому Петровску подъ вечеръ 4-го августа, увидѣли что Пугачевъ входитъ въ городъ, встрѣчаемый жителями и духовенствомъ съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Оминъ, Гогель и приставшій къ нимъ дорогой прапорщикъ Шкуратовъ, взявъ съ собой казаковъ до десяти человекъ, подѣхали ближе къ городу, а четыре казака посланы въ самый Петровскъ. Казаки эти были немедленно схвачены и представлены Пугачеву, который разспросивъ откуда они и съ кѣмъ,

двухъ задержалъ, а двухъ остальныхъ послалъ къ Омину требуя его къ себѣ съ покорностью. Вскорѣ Оминъ съ Гогелемъ и Шкуратовымъ проскакалъ мимо всѣхъ казаковъ, крича имъ: „чего вы стоите? непріятель тутъ въ Петровскѣ, убирайтесь!“ Малаховъ проговорилъ: „для чего онъ ихъ оставляетъ, у иныхъ казаковъ есть лошади худыя; лучше намъ здѣсь за ея императорское величество умереть на службѣ.“ Оминъ объяснилъ что поскачетъ за Гогелемъ чтобы взять у него свою лошадь и вернется назадъ, но уже не бывалъ.

„И въ самой сей минутѣ, какъ они отъ нихъ скрылись, увидѣли они бѣгущихъ къ нимъ верхи на лошадяхъ съ девятью знаменами, съ разными на нихъ изображеніями святыхъ, — однакожь безъ полей и звѣзд золотыхъ и серебряныхъ, только у нѣкоторыхъ есть вышитыя малыя звѣздочки, тожь у нѣкоторыхъ по краямъ позументъ, а другія безъ всякихъ изображеній, — до полутороста человекъ толпы, и всѣхъ ихъ окружили, хотя и были они всѣ съ заряженными ружьями на лошадяхъ, и остановясь около ихъ сажень на полтараста, прислали къ нимъ яцкаго казака, — какъ звать не знаю, — который въ сажняхъ двадцати пересказывалъ имъ, — какъ Малаховъ же слышалъ: „не противьтесь оружіемъ, самъ здѣсь государь Петръ Федоровичъ; на то бы всѣ слѣзли съ лошадей“, съ чѣмъ тотъ разбойникъ и побѣжалъ къ злодѣю; потомъ другой яцкій казакъ пріѣхалъ къ нимъ отъ злодѣевъ, чтобъ оставили лошадей: „сади-де самъ государь ѣдетъ, и какъ скоро къ нимъ подѣдетъ, положите оружіе, и павъ на колѣни, поклонитесь“. И сей казакъ отъ нихъ не отѣжалъ, и самъ злодѣй съ знаменами пріѣхалъ, и по такой крайности принуждены были они, павъ на колѣни, поклониться и назвать: „ваше императорское величество“ какъ имъ яцкій казакъ приказалъ; а онъ, сидя на конѣ, спросилъ у нихъ: „какіе вы?“ и услыша что донскіе казаки и были въ Саратовѣ, и называя ихъ „дѣтушки“, приговорилъ: „Богъ и государь васъ во всѣхъ винахъ прощаютъ! Ступайте ко мнѣ въ лагерь.“ При семъ спросилъ у нихъ кто отъ нихъ побѣгъ, и извѣстясь что есаулъ и два офицера, самъ злодѣй, перемѣня лошадь, на буромъ конѣ, со взятымъ у казака дротикомъ, самъ-пять вслѣдъ за ними погналъ, а ихъ всѣхъ, съ бывшимъ при нихъ изображеніемъ Знаменія Богородицы, бунчукомъ, — который по бытности ихъ сего года весною, за Волгою къ Яику, на рѣчкѣ Большихъ Узеняхъ, при разбитіи

сего же злодѣя толпы яцкихъ казаковъ, десяти человекъ, бывшихъ при предводителѣ изъ нихъ, Иванѣ Безстрашномъ, ими у нихъ отбитъ,—оставшіеся его злодѣи привезли уже при захожденіи солнца въ лагерь свой, бывший у самаго города Петровска, между талами, въ углу, гдѣ были двѣ у самаго злодѣя палатки, вокругъ коихъ находились яцкіе казаки отряда, называющагося секретаремъ злодѣя, яцкаго казака Алексѣя Иванова. И поставя ихъ среди самой сволочи, опредѣлили ихъ къ полку яцкаго казака Аванасія Петрова; а передъ самымъ сумеркомъ и самъ злодѣй въ лагерь пріѣхалъ, причемъ они отъ яцкихъ казаковъ слышали, что есаула и одного офицера нагнать не могли, а другаго офицера, Шкуратова, одинъ яцкій казакъ скололъ въ смерть. Потомъ обоихъ ихъ, Мелехова и Малахова, да хорунжихъ станицъ Усть-Хоперской, Василия Попова, и Усть-Медвѣдицкой, Степана Колобродова, злодѣй позвалъ къ себѣ въ палатку, — въ которой изготовлень былъ имъ ужинъ,—и приказавъ имъ сѣсть, велѣлъ поднести по двѣ чарки вина, сказывая: „пейте-де, дѣтушки, при мѣѣ,“ и напоминая чтобы они служили вѣрно, спрашивалъ: „какое вы получаете отъ государыни жалованье?“ а они ему сказывали, что „мы отъ всемилостивѣйшей нашей государыни жалованьемъ довольны“; а онъ сказывалъ: „нѣтъ, хотя вы и довольны, да мало этого на сѣдло, не только на лошадь; послужите вы у меня, вы не такъ будете довольны и будете въ золотѣ ходить! А у васъ господа сѣдлаютъ жалованье.“ Послѣ ихъ привели къ присягѣ „по образу Божію, изображенному въ мѣдныхъ складняхъ“, и назначили жалованье казакамъ по 12, а старшимъ по 20 рублей, которое сейчасъ же и отпустили мѣдною монетою. 9-го августа Мелеховъ, Малаховъ и девять казаковъ бѣжали на Донъ, а послѣ ушли туда же и остальные казаки. За вѣрность къ службѣ императрицѣ, Малахову и Мелехову объявлена была благодарность отъ имени генераль-аншефа Потемкина. *

* По требованію Омия, всѣ казаки возвращены были съ Дона въ Саратовъ. Всѣ они на допросахъ показали, что они изъ Саратова обще съ есауломъ Омиевымъ посланы были въ числѣ 60-ти человекъ къ городу Петровску для развѣдыванія о злодѣѣ Пугачевѣ, при коемъ, за уходомъ есаула, самимъ злодѣемъ въ толпу его всѣ захвачены“. М. Селюткинъ, стр. 85. Показаніе Малахова и Мелехова находится въ военномъ архивѣ, дѣло № 41.470, оно же напечатано г. Щебадьскимъ въ его *Пугачевщинѣ*, стр. 105—111.

Очевидно, что Державинъ былъ не правъ оставаясь въ повозкѣ и выславъ впередъ команду подъ начальствомъ Омина. Въ критическую минуту Оминъ растерялся и, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себѣ исторію которую потомъ разказывалъ о волненіи казаковъ. Случай этотъ весьма характеристично показываетъ какая паника овладѣвала нераспорядительными начальниками при встрѣчѣ съ мятежниками, и какъ легко сдавались самозванцу войска нисколько не думавшія объ измѣнѣ.

По прибытіи въ Саратовъ, Державинъ нашелъ что прежняя неурядица продолжается. Ладыженскій уговаривалъ коменданта выйти съ войсками атаковать Пугачева передъ городомъ; тотъ было согласился, но потомъ передумалъ и рѣшилъ защищать городъ. Всѣ воинскія команды перешли подъ его начальство. Являвшіеся въ комендантскую канцелярію горожане вооружались алебардами и копьями. Въ третьемъ часу пополудни, 5-го августа, Бошнякъ повелъ свои войска на позицію, выбранную поперекъ Петровской дороги у Московскихъ воротъ. Баталіонныя и фузелерныя роты и казаки (Волжскіе и Саратовскіе) стали шеренгами вдоль длиннаго вала, не имѣвшаго ни фланковъ, ни редантовъ. Съ правой стороны были Соколова гора и нѣкѣмъ не занятый мостъ; спереди рвы; слѣва—открытое поле, а сзади—строепія. Орудія на худыхъ лафетахъ, безъ зарядныхъ ящиковъ, „протянуты въ одну сторону въ амбразуры узко прорытаго вала“. Никому не было указано гдѣ находится и что дѣлать. Къ довершенію всего, оказалось что въ городскія пушки были забиты ядра, и вынуть ихъ было нельзя. Комендантъ объяснилъ что это не бѣда, пушкири-де играли и забили ядра.

„Нарядный былъ беспорядокъ“, восклицаетъ Державинъ. Въ виду общей опасности онъ хотѣлъ дѣйствовать съ войсками, взявъ въ свою команду одну артиллерійскую роту и уже принялъ было пароль, но получивъ отъ своего агента секретное донесеніе что вооруженныя имъ около Малыковки крестьяне, въ числѣ 1.500 чел., волнуются, поспѣшилъ къ нимъ чтобы не допустить ихъ передачу Пугачеву. Ладыженскій, еще разъ объяснивъ Бошняку что невозможно защищаться въ избранной имъ позиціи и видя непреклонность упрямаго Бошняка, сварядилъ два судна: на одномъ помѣстивъ казну и поѣхалъ самъ къ Царицыну, а на другое положены были канцелярскія дѣла.

Вечеромъ того же 5-го августа подошелъ Пугачевъ къ Саратову. Позднее время дня было неудобно для дѣйствій, и обѣ стороны провели ночь на своихъ позиціяхъ.

Утромъ 6-го августа толпы Пугачева появились на Соколовой горѣ. Высланные изъ Саратова Волжскіе и Саратовскіе казаки не вступали въ дѣло съ мятежниками, а въ глазахъ своего начальника переговаривались съ бунтовщиками. Горожане начали перебѣгать. Между ними явилось много сторонниковъ самозванца; они выбрали и послали къ Пугачеву двухъ депутатовъ, казака Уфимцева и купца Федора Кобякова съ предложеніемъ покорности. Узнавъ объ этомъ, Бошнякъ вышелъ изъ себя; онъ укорялъ окружавшихъ его гражданъ, и въ доказательство того что войска не думаютъ сдаваться, приказалъ выстрѣлить по пугачевской толпѣ изъ пушки картечью. Выстрѣлъ этотъ привелъ горожанъ въ смущеніе; они думали что теперъ Пугачевъ повѣситъ ихъ посланцевъ. Купцы, и впереди ихъ городской голова Протопоповъ, съ дерзкимъ видомъ бросились къ Бошняку, крича „что онъ тѣмъ выстрѣломъ потерялъ у нихъ первостатейнаго“. Еще дѣло не начиналось, а положеніе Бошняка было отчаянное. Вскорѣ однако возвратился Кобяковъ и „привезъ мерзкій запечатанный указъ, который я, пишетъ Бошнякъ, * взявъ отъ него, всенародно изорвалъ и ногами топталъ, а его тотчасъ приказалъ арестовать.“ Кобяковъ вскорѣ былъ освобожденъ слабымъ комендантомъ. ** Видя что Саратовъ не сдается, Пугачевъ отрядилъ на приступъ города атамана Овчинникова, одного изъ извѣстныхъ своихъ сподвижниковъ. Овчинниковъ, спустивъ часть толпы своей съ горъ за Глѣбучевъ оврагъ, началъ громить городъ изъ

* Рапортъ Бошняка графу Панину отъ 11-го октября 1774 г.; дѣло № 26429. Замѣчательно, что Пугачевъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ что указа въ Саратовъ не посылалъ. Между тѣмъ фактъ пріѣзда Кобякова съ бумагой засвидѣтельствованъ и Ладженекинымъ, врагомъ Бошняка. Или указъ былъ посланъ безъ вѣдома Пугачева, или онъ забылъ о немъ. Но такихъ несогласій между показаніями Пугачева и дѣйствительностью мало.

** Въ сентенціи о Пугачевѣ читаемъ: „Отставнаго гвардіи фурьера Михаила Голева, саратовскаго купца Федора Кобякова и раскольника Пахомія, первыхъ за прилѣпаніе къ злодѣю и проходимыя соблазнами отъ ихъ разглашеній, а послѣдшаго за ложныя показанія, выстрѣль купцомъ, Голева и Пахомія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ; да саратовскаго жъ купца Протопопова, за несохраненіе въ нужномъ случаѣ должной вѣрности, выстрѣль плетью.“

орудій, стрѣляя, какъ говорить преданіе, мѣдными пятаками, за недостаткомъ ядеръ. *

Послѣ первыхъ десяти выстрѣловъ, жители и казаки передались Пугачеву. Оставшіеся баталіонные солдаты и артиллерійская команда, въ числѣ 470 человекъ, окинулись рогатками. Злодѣи, ворвавшись въ городъ, начали пальбу по оградившимся и продолжали ее около часу. Тогда артиллерійская команда, съ капитаномъ княземъ Баратаевымъ, выскоча изъ ретраншамета, побросала ружья и передалась мятежникамъ. При Бошнякѣ остались: майоръ Семанжъ, капитанъ Елчинъ и саратовскій баталіонъ, но и этотъ вскорѣ послѣдовалъ за артиллеристами, увлекаемый примѣромъ своего командира, майора Салманова. Самая незначительная горсть людей осталась вѣрною. Бошнякъ при такой крайности, увѣщевая оставшихся рядовыхъ, бросился за измѣнниками и успѣлъ отнять два знамени. Злодѣи окружили его и безпрестанно кричали „сдавайтесь“.

Съ 26 офицерами и 34 нижними чинами, всего съ 60 человекъ и двумя зарядными ящиками, Бошнякъ пробился черезъ толпы мятежниковъ, занятыхъ грабежомъ, къ церкви Иліи Пророка, въ Дресвянскіе тальниковые кусты, и послѣ шестичасовой погони, вышелъ къ деревнѣ Несмѣтаевкѣ въ 35 верстахъ отъ города. Найдя здѣсь рыбацью лодку, онъ въ ней пустился по Волгѣ, гдѣ нагналъ Ладыженскаго, принявшаго на свое судно злополучнаго Бошняка. У Камышенки Бошнякъ оставилъ Ладыженскаго: вмѣстѣ съ нимъ онъ, вѣроятно, не хотѣлъ явиться въ Царицынъ, но однако оба они прибыли туда 11-го августа.

Винить теперь Бошняка за неумѣнье распорядиться въ Саратовѣ было бы такъ же не основательно, какъ утверждать что городъ былъ бы спасенъ еслибы привели въ исполненіе планъ Ладыженскаго и Державина. Главная вина неуспѣха, по справедливости, должна быть отнесена къ тому лицу которое могло и должно было руководить Бошнякомъ и его дѣйствіями, о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже.

Лагерь Пугачева тянулся на большое пространство по Соколовой горѣ. Тамъ онъ творилъ милость и казни. Самозванецъ помѣщался въ особой палаткѣ.

* Мы уже видѣли что въ Пензѣ Пугачевъ ваялъ 136 боченковъ мѣдной монеты, а потону легко можетъ-быть что онъ стрѣлялъ пятаками. Артиллерійскихъ снарядовъ у него было очень мало.

„Палатка была бѣлая, шелковая, съ разными золотыми украшеніями. Внутри ея было устроено небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ и золотомъ бахромой. Украшенія были довольно привлекательны. На этомъ возвышеніи сидѣлъ самозванецъ. На немъ былъ фракъ (?) и кортикъ. На головѣ казацкая шапка съ золотымъ крестомъ. Черезъ плечо перекинута голубая лента, а на правомъ плечѣ звѣзда. Въ рукахъ самозванецъ держалъ зрительную трубу, въ которую по временамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита его была также украшена крестами и медалями, на подобіе генераловъ.“

Въ разныхъ мѣстахъ поставлены были висѣлицы. На нихъ вѣшали дворянъ, чиновниковъ, прикащиковъ и всѣхъ непокорныхъ. Умершихъ вынимали изъ петли, обнажали, сбрасывали съ горы, и принимались за новыя жертвы. Число жителей переходившихъ на сторону самозванца увеличивалось. Они толпились около его палатки.

— Что это за люди и зачѣмъ пришли? спросилъ Пугачевъ.

— Обыватели города Саратова пришли къ вашему величеству съ покорностью, отвѣчали ему.

— Приведите ихъ къ присягѣ.

За палаткой находилось множество священниковъ, которые однакожь, прибавляетъ самозванецъ, были въ нетрезвомъ видѣ. Послѣ присяги, Пугачевъ обратился къ Саратовцамъ со слѣдующею рѣчью:

„Я вамъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся предъ Богомъ, истребить ихъ всѣхъ до единого. Они склонили ее чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство; но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцу, но Богъ спасъ меня. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоценной для всякаго Русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву.“

Всѣ поклонились до земли и разбрелись въ разные стороны. *

* Эти подробности взяты изъ *Пугачевщины* г. Мордочова (*Вѣстникъ Европы* т. I.), а имъ почерпнуты изъ рукописи Никитина, составленной со словъ очевидца Калмыкова. Въ запискахъ этихъ о дѣйствіяхъ Бошняка разказывается совершенно иначе нежели приведено выше, а

Передавшійся гарнизонъ Саратова значительно усилилъ шайку самозванца. Маіоръ Салмановъ и капитанъ Боратаевъ сперва были задержаны. Спросили о нихъ у солдатъ. Тѣ одобрили Салманова. Пугачевъ послалъ Перфильева спросить у маіора будетъ ли онъ вѣрно служить государю. Салмановъ присягнулъ и получилъ въ командованіе регулярныя войска. Боратаевъ тоже присягнулъ (допросы Пугачеву, стр. 48).

Саратовъ, по обыкновенію, преданъ былъ грабежу мятежниковъ и освобожденныхъ ими арестантовъ. Кто не успѣлъ припрятать цѣнныхъ вещей, долженъ былъ уступить ихъ грабителямъ; сопротивлявшихся убивали. Очевидецъ Калмыковъ говоритъ что его особенно поразила одна толпа. Ею предводительствовалъ огромнаго роста мужикъ, одѣтый въ золотую поповскую ризу, а на головѣ, вмѣсто, шапки, бабій волосникъ. Воеводой города назначенъ казакъ Уфимцевъ; какъ и прежде въ другихъ мѣстахъ, въ Саратовѣ не позволяли убирать тѣла убитыхъ, и они лежали на улицахъ съ 6-го по 15-е августа. Тогда только назначенный графомъ Меллинымъ воевода Савельевъ приказалъ тѣла убитыхъ мятежниками похоронить, тѣла же бунтовщиковъ вывезти за городъ и бросить въ овраги.

Однако возстановленіе порядка въ Саратовѣ не кончилось очисткой города; вслѣдъ за мятежниками пришли войска Меллина и Муфеля (10-го августа), а потомъ Михельсона.

именно говорится что Бошнякъ вышелъ изъ Саратова въстрѣчу Пугачеву и засѣлъ въ яблѣ чтобы печально напасть на него, а между тѣмъ самъ былъ отрѣзанъ отъ города и едва спасся. Нашъ разказъ основанъ на показаніяхъ Державина, Ладыженскаго, самого Бошняка и капитана Ивана Сапожникова, а потому совершенно достоверенъ. Подробности эти легко могли быть искажены Калмыковымъ или Никитинымъ и звали автора *Пугачевскими* въ заблужденіе. Не вѣрится что-то чтобы на Пугачевъ былъ фракъ и кортикъ. Или Калмыковъ говорилъ со словъ другихъ, или глядя на Пугачева былъ въ страхѣ, отъ котораго ему могли почудиться и не фракъ да кортикъ. Г. Мордовцовъ, какъ видно, имѣлъ доступъ къ саратовскимъ и царыцынскимъ архивамъ, но, къ сожалѣнію, не напечаталъ никакихъ документовъ, а ихъ, вѣроятно, въ тѣхъ архивахъ было много, и лишилъ свои разказы о Пугачевщинѣ фактической достоверности. Сверхъ того онъ, кромѣ этихъ архивовъ, Пушкина и допросовъ Пугачева, не знаетъ никакихъ другихъ документовъ относящихся до исторіи пугачевского бунта и давно уже опубликованныхъ, а оттого разказы его по большей части не имѣютъ никакого достоинства и заключаютъ множество ошибокъ.

Всѣхъ и каждого стали спрашивать кого признаютъ они: Петра или Екатерину. Отвѣчавшіе невольно подвергались казнямъ. Многіе отвѣчали: „мы за того, за кого и вы“.

Представивъ по возможности полную картину саратовской неурядицы, бывшей ближайшею причиною гибели города, можно теперь дать болѣе или менѣе вѣрное заключеніе о томъ кто былъ истиннымъ виновникомъ этого прискорбнаго событія. Не будь несогласій между Ботнякомъ, Державиннымъ и Ладыженскимъ, они могли бы употребить противъ мятежниковъ только тѣ средства которыми располагали въ самомъ Саратовѣ, привлечь же къ нему помощь извнѣ они были не въ состояніи. Обстоятельства дѣла показываютъ что Саратовъ былъ предоставленъ собственнымъ своимъ средствамъ, и это свидѣетъ отнести къ винѣ тѣхъ которые могли помочь Саратову. Князь Щербатовъ направилъ изъ Яицка генералъ-маіора Мансурова на Сызрань и даже, но такая помощь не могла быть своевременна, и отъ войскъ дѣйствовавшихъ за Волгою Саратову нельзя было ожидать подмоги. Оставалась надежда на ближайшаго своего начальника—астраханскаго губернатора генералъ-поручика П. Н. Кречетникова. Губернаторъ тѣмъ болѣе долженъ былъ подумать о помощи Саратову, что по смерти Бибикова всѣмъ губернаторамъ предоставлено было самимъ распоряжаться въ своихъ губерніяхъ. Кречетниковъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій къ оборонѣ Саратова; онъ не только не просилъ помощи съ Дона и отъ арміи князя Долгорукова, стоявшаго въ Полтавѣ, но даже, зная несогласія между главными лицами въ Саратовѣ, не переѣхалъ туда самъ. Пушкинъ передалъ о Кречетниковѣ весьма характеристичное указаніе; собираясь ѣхать въ Саратовъ, Кречетниковъ послалъ приказаніе заготовить для себя на каждой станціи по пятидесяти лошадей. И это въ то время когда Суворовъ прискакалъ изъ Молдавіи на перекладной, а Михельсонъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду гнался за мятежниками!

Пошли ли бы дѣла лучше еслибы Кречетниковъ пріѣхалъ въ Саратовъ, разумѣется, сказать нельзя, но очевидно что въ минуту опасности ему слѣдовало находиться не въ Астрахани, а въ Саратовѣ.

Для полной характеристики тогдашнихъ событій и дѣятелей не можемъ не привести письма Ладыженскаго къ Державину (23-го октября, Саратовъ, № 102), въ коемъ Кречетниковъ выставляется въ печальномъ свѣтѣ.

„Кречетниковъ васъ и меня ругаетъ немилосердо и жетъ во всѣ правительства, въ которыя хотя малѣйшую имѣетъ причину увѣдомлять о разореніи Саратова, а о себѣ ничего не упоминаетъ, что онъ первый разоренія нашего причиной, ибо именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненія своей губерніи; слѣдовательно, получа извѣстіе что злодѣй приближается къ Саратову, не только не мѣшкая самъ былъ долженъ скакать, да и войска оттуда выслать, ибо имѣлъ онъ двѣ легкія полевыя команды и болѣе 1.500 казаковъ, кромѣ гарнизоновъ, о чемъ ему отъ Никиты Аванасьевица Бекетова письменное дано было предложеніе, но онъ, упустя время, ни самъ не поѣхалъ, и Бекетова не допустилъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ самъ хотѣлъ ѣхать противу злодѣя. Впрочемъ, доношу о немъ, что онъ поступаетъ какъ сумашедшій, никѣмъ въ Астрахани не любимъ, и только старается о набогащеніи себя, обираетъ всѣхъ кругомъ всякою всячиной, и только говоритъ что рубли класть въ сундукъ ничто не мѣшаетъ; отъ частаго повторенія сей рѣчи, сдѣлалась она уже пословицей.“ *

Говоря о Бошнякѣ, Ладыженскій упоминаетъ о его слабости въ Саратовѣ и прибавляетъ: „а все изъ лакомства.“ Замѣчательно, что многіе изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ Пугачевщину, Бибииковъ, Голицынъ, Павелъ Потемкинъ, Панинъ, да наконецъ и сама императрица, въ распространенномъ взяточничествѣ видѣли главнѣйшую причину возбужденія народа противъ мѣстныхъ властей. Какъ увидимъ ниже, графъ Петръ Панинъ обратилъ особое вниманіе на искорененіе взятокъ.

Приведенный отзывъ Ладыженскаго о Кречетниковѣ трудно повѣрить теперь во всѣхъ его подробностяхъ, но изъ подлинныхъ бумагъ видно, что неудачу подъ Саратовомъ Кречетниковъ приписывалъ Ладыженскому и Державину, не согласовавшимся въ дѣйствіяхъ съ Бошнякомъ. Кречетниковъ

* Я. Гротъ *Материалы для біографіи Державина*, стр. 77. Указаніе Ладыженскаго о давномъ Кречетникову позволеніи быть въ Саратовѣ подтверждается слѣдующими словами самого Кречетникова въ рапортѣ его государственной военной коллегіи 14-го декабря 1773 г. „По имянному ей императорскаго величества высочайшему позволенію отъ 22-го октября 1773 г. велѣно поспѣшить мнѣ прежде Астраханя въ Саратовъ, и доколѣ открывшееся возмущеніе въ Оренбургской губерніи бѣглымъ Донскимъ казакомъ Пугачевымъ истреблено будетъ, остаться мнѣ въ Саратовѣ, стараться о искорененіи его какъ въ границахъ вѣрной мнѣ губерніи, такъ и соседственныхъ мѣстахъ.“ Дѣло о Пугачевѣ, находящееся въ архивѣ бывшаго инспекторскаго департамента военного министерства, кн. 2, ст. 407.

писалъ Панину, въ сенатъ и графу Орлову, ближайшему начальнику Ладыженскаго.

Въ рапортѣ Панину, Кречетниковъ, отъ 28-го августа, изъ Астрахани, пишетъ, что причиною несогласій въ Саратовѣ былъ Ладыженскій „съ вѣтраннымъ челоуѣкомъ, гвардіи поручикомъ Державинымъ“, и что оба они, когда пришелъ злодѣй, „то въ тотъ самый день коменданту команду сдали, а самъ Ладыженскій въ Царицынъ, а Державинъ на Яикъ побѣжали“. Стараясь сложить съ себя отвѣтственность, Кречетниковъ продолжаетъ: „Заключу тѣмъ, какъ передъ Богомъ стать, что я живу, дѣйствительно, не имѣя себѣ помощника ни въ какихъ дѣлахъ, ни въ военныхъ, ни въ гражданскихъ; ибо товарищи мои оба обзаны рыбными промыслами, такъ у нихъ торги въ головѣ, а оберъ-комендантъ мой, кой кромѣ Астрахани ничего не знаетъ и нигдѣ не служивалъ, такъ и понятія ему взять негдѣ.“

Для лучшаго объясненія дѣла Кречетниковъ послалъ въ Петербургъ капитана Сапожникова, который выхвалялъ дѣйствія Бошняка. Противно истинѣ, Бошнякъ былъ выставленъ какъ защитникъ Царицына, что и было отмѣчено Пушкинымъ въ его *Историю Пугачевского бунта*, а затѣмъ повторяется всѣми писавшими о Пугачевщинѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы докажемъ что это неосновательно, и для Царицына Бошнякъ ничего не сдѣлалъ, да и не могъ ничего сдѣлать.

Неиспоства совершенныя Пугачевымъ въ Саратовѣ были тѣмъ печальнѣе что преслѣдовавшія его войска могли бы имъ воспрепятствовать. 4-го августа прибылъ въ Пензу графъ Меллицъ, и хотя весь слѣдующій день не могъ выйти оттуда, ибо разослалъ по окрестностямъ мелкія команды для возстановленія порядка, а также занялъ былъ въ самой Пензѣ, гдѣ назначилъ воеводой секретаря Андреева, но 6-го августа онъ вышелъ къ Саратову, 7-го соединился, въ Петровскѣ, съ отрядомъ подполковника Муфеля, пришедшаго отъ Симбирска, и поступилъ подъ его команду. 97 верстъ раздѣляли войска отъ мятежниковъ. Этого разстоянія, по тогдашнему образу дѣйствій, было только на два перехода, но Муфелю не достало рѣшимости смѣло идти впередъ, а Михельсонъ, къ сожалѣнію, шелъ сзади въ разстояніи пяти дней, и ожидать его было невозможно. По словамъ Муфеля, тѣ мѣста были „такъ заражены и въ такомъ жалкомъ состояніи, что

мужики ловятъ для истребленія дворянъ и ведутъ къ злодѣю Пугачеву, который разными варварствами истребляетъ“. Не доходя до Саратова пятидесяти верстъ и узнавъ отъ лазутчиковъ что Пугачевъ еще на прежнемъ мѣстѣ, въ трехъ верстахъ отъ Саратова, и собирается угощать свою толпу, Муфель выслалъ впередъ ротмистра Поддьяконова съ казаками, который атаковалъ толпу и захватилъ нѣсколькихъ пѣнныхъ, объявившихъ что въ городѣ сборище мятежниковъ. Тогда пошелъ впередъ графъ Мелланъ, разбилъ это сборище, убивъ болѣе ста человекъ, и взявъ 60 человекъ пѣнныхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ яцкскій казакъ Митрясовъ, изъ ближайшихъ совѣтниковъ Пугачева. Казалось бы, успѣхъ этотъ долженъ былъ ободрить Муфеля и заставить его быть рѣшительнѣе, но онъ вступилъ въ Саратовъ только 10-го августа, на другой день по выходѣ оттуда Пугачева. Нѣтъ никакихъ указаній, но не подлежитъ сомнѣнью, что приближеніе Муфеля и Меллана заставило Пугачева оставить Саратовъ, гдѣ его толпа досталась богатая добыча.

Панинъ еще до выѣзда изъ Москвы получилъ вѣсть о взятіи Саратова. Въ ордерѣ Михельсону (15-го августа) главнокомандующій дѣлаетъ замѣчаніе Меллану и Муфелю за то что они не подошли къ Саратову для его спасенія, и находясь по близости, не атаковали его соединенными силами. Выхваляя мужество и распорядительность Михельсона, Панинъ говоритъ: „Видно, что десница Вышняя, снабдившая васъ превосходными передъ нами (Меллинымъ и Муфелемъ) дарованіями и мужествомъ, приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать послѣднее пораженіе сему злѣйшему врагу Россіи, и я ласкаю себя, что между симъ уже вы оное къ умноженію безсмертной вашей славы и произвестъ изволили.“

Предугадавъ приближавшееся тогда событіе, Панинъ полагалъ что Пугачевъ можетъ укрѣпиться въ Саратовѣ и поручалъ Михельсону блокировать тамъ самозванца въ ожиданіи помощи отъ Мансурова, Голицына, Древица и Чорбы, а къ тому же, прибавлялъ онъ, подошеть могъ капитанъ Галаховъ, собственно отъ императрицы „отправленный съ нѣкоторымъ средствомъ обѣщающимъ удобность получить самого злодѣя въ руки“. Впрочемъ, Панинъ надѣялся, „что нашъ герой Михельсонъ“ ничего изъ виду не упуститъ.

Занявъ Саратовъ, Муфель не пошелъ далѣе, а дождался тамъ полковника Михельсона, съ которымъ и соединился 13-го августа; всѣхъ войскъ въ трехъ отрядахъ, поступившихъ подъ команду энергическаго Михельсона, было болѣе 2.000 человекъ.*

ДМИТРИЙ АНУЧИНЪ.

(До слѣд. №.)

* Домесеніе кн. Волконскаго императрицѣ 19-го августа. Дѣло № 26.429.

ГЕНЕРАЛЬ УЛИССЪ СИМПСОНЪ ГРАНТЬ *

Не далѣе какъ девять лѣтъ тому назадъ человекъ въ крайней нуждѣ бродилъ по улицамъ Севъ-Луиса, не имѣя ни друга, ни надежды. Онъ покинулъ почетную службу вслѣдствіе неприяностей, и испыталъ свои силы на поприщѣ фермерства, что стоило ему много хлопотъ и доставило мало выгоды, напрасно сталъ искать другихъ занятій. Онъ торговалъ шерстью, былъ агентомъ по сбору долговъ, занимался по аукціонамъ, но во всѣхъ этихъ занятіяхъ не могъ успѣшно соперничать съ людьми болѣе привычными къ дѣлу; послѣднюю надежду свою онъ возложилъ на получение незначительной мѣстной должности, но ему было наотрѣзъ отказано, съ намекомъ что у него нѣтъ хорошихъ рекомендацій. „Къ чему, могъ нашептывать злой геній этому бывшему капитану, не имѣвшему ни состоянія, ни имени, ни надежды, къ чему бороться долѣе противъ судьбы? На свѣтѣ нѣтъ мѣста для тебя цѣлебѣ подобныхъ. Успѣхъ ускользнулъ отъ тебя. Твой день надежды миновалъ. Брось напрасныя усилія поправить свои дѣла и разбей свой чедь.“ Съ другой стороны, его ангелъ хранитель могъ убѣждать его не терять бодрости, напоминая ему что на отдаленныхъ равнинахъ Мексики онъ отличился безупречною храбростью и поведеніемъ; что приобрѣтенное имъ тогда имя еще не совсѣмъ утрачено; что въ мирной

* Заимствовано изъ *Edinburgh Review*, января 1869.

повидимому, и заботящейся о деньгахъ странѣ, гдѣ ему суждено жить, таятся элементы смертельной борьбы которая можетъ скоро вспыхнуть, и что тогда его воинскія качества явятся въ полномъ блескѣ и поставятъ его славу и положеніе настолько же выше обыкновенныхъ людей, насколько нынѣ онъ кажется безнадежно позади ихъ. Кто можетъ сказать навѣрное, толпились ли подобныя мысли въ его головѣ и какъ одержали верхъ лучшія намеренія? Но достоверно что бывший капитанъ Улиссъ Грантъ оставилъ Сень-Луисъ и его искушенія, вернулся въ Галену, въ Иллинойсѣ, гдѣ жилъ его отецъ, и нашелъ тамъ занятіе. Такимъ образомъ случай заставилъ будущаго главнокомандующаго и президента провести слѣдующіе два года своей жизни за скромнымъ занятіемъ помощника кожевеннаго торговца. Время проходило для него спокойно, но не подавало надежды возвратитъ утраченное положеніе, до тѣхъ поръ пока великія событія апрѣля 1861 года не вызвали Южанъ на рѣшительный ударъ въ фортъ Самтеръ и не воодушевили Сѣверянъ при неожиданномъ призывѣ Линкольномъ 75.000 волонтеровъ.

Вмѣстѣ со всеми образованными людьми Соединенныхъ Штатовъ, Грантъ съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ за приближеніемъ разрыва. Уроженецъ Запада и гражданинъ великаго свободнаго штата, къ числу сыновъ коего принадлежалъ тогда и самъ президентъ республики, Грантъ изъ патріотизма и по инстинкту съ жаромъ сталъ на сторону Союза. Не менѣе побуждалъ его къ этому и личный интересъ, ибо здѣсь онъ могъ имѣть въ виду давно желанный случай сразу подняться на тотъ уровень съ коего онъ упалъ. Подобно многимъ другимъ бывшимъ офицерамъ арміи, ставшимъ на сторону Сѣвера, онъ тотчасъ же написалъ въ Вашингтонъ, прося назначенія. Но не военное вѣдомство открыло ему первый путь къ славѣ. Его просьба, подобно просьбѣ Гукера и нѣкоторыхъ другихъ менѣе извѣстныхъ офицеровъ, была оставлена безъ вниманія. Къ счастью, однакоже, онъ не на одно это разчитывалъ. Еще до того онъ началъ набирать и обучать роту въ городѣ Галенѣ, и въ теченіе восьми дней послѣ прокламаціи привелъ свой небольшой отрядъ въ такой порядокъ что могъ представить его губернатору Йетсу (Yates) въ Спрингфильдѣ, столицѣ штата. Военные люди, сколько-нибудь свѣдущіе, были чрезвычайно

рѣдки на Западѣ, между тѣмъ какъ военный и патриотическій энтузіазмъ былъ необычайный. Губернаторъ поговоривъ немного съ Грантомъ, охотно взялъ его къ себѣ на службу для содѣйствія въ организаціи волонтеровъ штата. Его спеціальныя знанія (такъ какъ онъ служилъ квартирмейстеромъ), его энергія, его вниманіе къ подробностямъ, дѣлали его въ высшей степени полезнымъ помощникомъ, и когда пять недѣль спустя 21-й полкъ Иллинойса просилъ губернатора дать ему полковника, то г. Йетсъ указалъ на скромно одѣтаго человѣка писавшаго въ уголку его комнаты, и сказалъ депутаціи: „Джентльмены, я не могу дать вамъ лучшаго начальника какъ капитана Гранта.“ Грантъ, однакоже, не тотчасъ воспользовался этимъ назначеніемъ; прежде чѣмъ принять его онъ дважды ѣздилъ въ Сивсиннати, гдѣ въ то время Макъ-Клелланъ набиралъ войска съ коими онъ вскорѣ потомъ отличился въ западной Виргиніи. Онъ еще прежде хорошо зналъ Макъ-Клеллана и надѣялся найти мѣсто въ его штабѣ, но оба раза не заставъ генерала въ городѣ, возвратился окончателно въ Иллинойсъ и принялъ начальство надъ своимъ полкомъ. Назначеніе это, подобно всѣмъ другимъ такимъ назначеніямъ, было сдѣлано всего на три мѣсяца, и потому-то, безъ сомнѣнія, Грантъ желалъ найти какое-либо болѣе постоянное, хотя бы номинально и болѣе скромное мѣсто. Для военныхъ біографовъ могутъ быть интересны предположенія, какова была бы карьера Гранта еслибъ онъ связалъ ее съ карьерой Макъ-Клеллана, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію что онъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, утратилъ бы случай къ личному отличію, и что, повѣтому, его неудача встрѣтить стараго товарища оказалась для него замѣчательнымъ счастіемъ.

Принявъ въ началѣ іюня 1861 года начальство надъ 21-мъ полкомъ иллинойскихъ волонтеровъ, Грантъ получилъ немедленно приказаніе перейти чрезъ границу въ Миссури, гдѣ въ это время въ каждомъ округѣ шла борьба. Первый регулярный начальникъ его былъ генералъ Полъ, предписавшій ему стать въ городѣ Мексико. Здѣсь онъ встрѣтилъ нѣсколько другихъ полковъ волонтеровъ, и полковники обратились съ просьбой къ нему, какъ къ единственному свѣдущему изъ нихъ офицеру, чтобъ онъ распорядился за бригаднаго начальника, въ ожиданіи пока явится какой-нибудь генералъ, но уже недѣлю спустя было обнародовано назначеніе его, вмѣстѣ съ двад-

цатью тремя другими офицерами, бригаднымъ командиромъ волонтеровъ. Г. Ватбернъ, извѣстный членъ палаты представителей и житель Галены, не замѣчавшій своего скромнаго сосѣда въ мирные дни предшествовавшіе паденію форта Самтера, обратилъ вниманіе на ревностныя старанія Гранта дать военный строй волонтерамъ сначала города, а потомъ всего штата. Поддерживаемый другими представителями Иллинойса, онъ ходатайствовалъ предъ Линкольномъ за новаго полковника, какъ за человѣка способнаго занять высшую должность, и по его просьбѣ Грантъ былъ включенъ въ разрядъ перваго значительнаго производства генераловъ которое было необходимо при возрастающихъ размѣрахъ войны. Для самого Гранта повышеніе это было совершенно неожиданно, и онъ узналъ о немъ въ Мексикѣ прежде всего изъ газетъ, вовсе не зная кто ему этимъ удружилъ.

Такъ-называемымъ западнымъ департаментомъ, только что образованнымъ изъ Иллинойса и штатовъ къ западу отъ Миссиссипи, въ это время командовалъ генералъ-маіоръ Фримонтъ. Его главная квартира помѣщалась въ Сенъ-Луисѣ, гдѣ онъ уже принималъ на себя тотъ безразсудный диктаторскій тонъ который вскорѣ сдѣлался причиной его смѣны. Онъ цѣлѣлъ серьезное опасеніе за южную часть Миссури, которая была переполнена партизанами изъ Арканзаса, и коей грозили значительныя силы собиравшіяся, какъ было извѣстно, конфедератистами въ Тенесси. Ключомъ къ защитѣ штата былъ городъ Каиро, пунктъ соединенія Огайо и Миссиссипи, и сюда-то генералъ Грантъ (выбранный Фримонтомъ скорѣе за свою извѣстную заботливость и аккуратность чѣмъ за предполагаемыя въ немъ высшія качества) былъ посланъ въ началѣ сентября съ двумя бригадами для начальства надъ „округомъ юго-восточнаго Миссури“, включающимъ и значительныя части прилежащихъ штатовъ. Фримонтъ въ это время, повидимому, намѣренъ былъ держаться преимущественно оборонительнаго положенія; но его лейтенантъ думалъ иначе, и сразу сталъ искать случая къ дѣйствию, который ему весьма скоро представилъ дѣйствія конфедератистовъ въ сосѣдней мѣстности. До сихъ поръ они, находясь на восточной сторонѣ Миссиссипи, были отдѣлены отъ федеральныхъ войскъ близъ Каиро полосой штата Кентукки, объявившаго себя нейтральнымъ. Несмотря на это, Полькъ, извѣстный южный епископъ-генералъ,

вступилъ въ этотъ штатъ съ цѣлью захватить и укрѣпить Кодумбъ, важный пунктъ на великой рѣкѣ. Одинъ офицеръ его штаба достигъ Падукаха, небольшого городка стоящаго при впаденіи рѣки Тенесси въ Огайо. Казалось вѣроятнымъ что конфедератисты, разъ утвердившись здѣсь, запрутъ Огайо столь же успѣшно какъ они уже заперли Миссиссипи, между тѣмъ какъ ихъ батареи охраняли бы доступъ вверхъ по Тенесси во внутренность центральныхъ штатовъ новой конфедераціи. Грантъ рѣшился не допустить этого. Теперь ему уже нечего было уважать предполагаемый нейтралитетъ Кентукки, и онъ смѣло могъ двинуться на угрожаемый пунктъ. Прибывъ 2-го сентября въ Каиро, 5-го онъ услышалъ о приближеніи Полька, и отправивъ къ Фримонту телеграмму съ извѣщеніемъ что онъ приступитъ къ исполненію своего плана, „если не получить запрещенія“, двинулся вверхъ по Огайо и рано на слѣдующее утро былъ предъ Падукахомъ. Собранные тамъ рекруты конфедератистовъ бѣжали изъ города, и Грантъ, занявъ его сильнымъ гарнизономъ, вернулся въ Каиро прежде чѣмъ получилъ разрѣшеніе Фримонта двинуться, „если онъ находитъ свои силы достаточными“. Вскорѣ онъ навлекъ на себя выговоръ своего начальника за то что вошелъ въ прамыя сношенія съ законодательнымъ собраніемъ Кентукки; но послѣднее, до сихъ поръ подчинявшееся вліянію враждебнаго Сѣверу губернатора, теперь утвердило резолюціи въ пользу Союза, и о нейтралитетѣ штата не было болѣе рѣчи. Какъ ни незначительны подробности этихъ событій, но энергія обнаруженная при этомъ Грантомъ, успѣшность съ какою онъ употребилъ въ дѣло довѣренныя ему неопытныя сухопутныя и морскія силы, рѣшительность съ какою двинулся на нейтральную до того почву, предваряя опоздалое разрѣшеніе, наконецъ, ясный стратегическій взглядъ приведшій его въ Падукахъ, мѣсто ставшее въ высшей степени важнымъ, — все свидѣтельствуетъ что онъ уже въ то время обладалъ тѣми самыми качествами полководца которыя потомъ были признаны за нимъ цѣлымъ свѣтомъ. Въ адресѣ изданномъ имъ при вступленіи въ городъ не менѣе ясно обнаруживаются и другія качества, а именно: умѣренность, тактъ и здравый смыслъ политика, и такъ какъ это былъ первый важный документъ его общественной жизни, то не мѣшаетъ привести его слова:

„Падукахъ, Кентукки, 6-го сентября 1861 г.

„Граждане Падукаха! Я пришелъ къ вамъ не какъ непри-
ятель, а какъ вашъ согражданинъ; не для того чтобы мучить
или беспокоить васъ, но чтобы уважать и отстаивать права
всѣхъ вѣрныхъ гражданъ. Врагъ возмущившійся противъ на-
шего общаго правительства занялъ Кентукки, поставилъ
свои пушки на его почвѣ и стрѣлялъ въ васъ. Колумбъ и
Хикманъ въ его рукахъ. Онъ направляется на вашъ городъ.
Я здѣсь чтобы защищать васъ противъ этого врага, чтобы
помогать власти и господству вашего правительства. Мнѣ
нѣтъ дѣла до мнѣній, и я буду сражаться только съ откры-
тымъ мятежомъ и людьми ему содѣйствующими. Вы можете
безъ опасенія продолжать ваши обычные занятія. Сильная
рука правительства будетъ охранять его друзей и ка-
рать его враговъ. Когда окажется что вы будете въ состоя-
ннн сами защищать себя, поддерживать власть правитель-
ства и охранять права гражданъ, я уведу войска находящія-
ся подъ моимъ начальствомъ.“

Обезпечивъ такимъ образомъ Огайо до его устья и имѣя
въ Падукахъ ключъ для будущихъ операцій вверхъ по Те-
несси, Грантъ направилъ затѣмъ свое вниманіе внизъ на Мис-
сиссипи, гдѣ Полькъ обращалъ Колумбъ въ важный пунктъ
господствующій надъ рѣкой. „Еслибъ отъ меня зависѣло,
писалъ онъ къ Фримонту 10-го сентября, то съ небольшимъ
подкрѣпленіемъ къ моимъ настоящимъ силамъ я взялъ бы
Колумбъ.“ Но его начальникъ, смотрѣвшій на гарнизонъ
Каиро какъ на второстепенный отрядъ лишь для содѣйствія
своимъ собственнымъ дѣйствіямъ во внутренности Миссури,
не далъ никакого отвѣта. До ноября мѣсяца Гранту не раз-
рѣшалось ничего кромѣ организаціи его баталіоновъ волон-
теровъ и укрѣпленія его позиціи; но 3-го ноября къ нему
пришло предписаніе отдѣлить отрядъ на западъ для содѣй-
ствія движеніямъ Фримонта на границахъ Арканзаса. Пред-
писаніе это привезъ полковникъ Огльсби, а 5-го ноября
Фримонтъ телеграфировалъ въ Каиро чтобы Грантъ сдѣ-
лалъ демонстрацію къ Колумбу съ цѣлію не допустить
Полька отдѣлить отряды чрезъ Миссиссипи на помощь
конфедератистамъ въ Арканзасъ. На слѣдующій день, по-
этому, Грантъ двинулся внизъ по теченію на прежде заго-
товленныхъ имъ транспортахъ, взявъ всѣ годныя въ дѣло
войска, въ числѣ 3.000 человекъ, изъ коихъ значительная

часть была вооружена только *за пять дней* до того. Съ такимъ неопытнымъ матеріаломъ вступилъ онъ въ дѣло.

Въ 2 часа утра 7-го ноября Грантъ узналъ что за день предъ тѣмъ Полькъ переправилъ значительный отрядъ въ Бельмонтъ, пунктъ лежащій насупротивъ и подъ пушками Колумба, съ цѣлю отрѣзать Огльсби отъ Кауро. Онъ тотчасъ же рѣшилъ измѣнить предписанную демонстрацію въ дѣйствительную атаку и неожиданнымъ захватомъ лагеря конфедератистовъ помѣшать предполагаемой ими операціи. Высадивъ людей на западномъ берегу въ недалекомъ разстояніи отъ Колумба, онъ оставилъ одинъ баталіонъ въ резервъ для прикрытія судовъ, и съ остальною частью двинулся на лагерь бывшій въ трехъ миляхъ оттуда, разсыпая людей въ цѣпь по мѣрѣ приближенія. Вскорѣ они встрѣтились съ конфедератистами, и долгое время было много шума и мало успѣха, какъ и естественно было ожидать отъ такихъ непривычныхъ солдатъ, но храбрость Гранта и генерала Макъ-Клернанда, бригаднаго начальника волонтеровъ бывшаго подѣ его начальствомъ (у обоихъ изъ нихъ были убиты лошади во время атаки), заставила ихъ искусныя войска идти впередъ и взять лагерь непріятеля, причемъ послѣдній, въ числѣ 2.500 человекъ подѣ начальствомъ генерала Пиллоу, былъ отброшенъ къ берегу. Здѣсь пресѣдованіе и успѣхъ кончились, ибо, говоря словами одного сѣвернаго разказчика, „солдаты вели себя какъ школьники, между тѣмъ какъ ихъ полковники производили краткія рѣчи о необходимости поддержать Союзъ“. Только когда собственный штабъ Гранта зажегъ лагерь и привлекакъ на него выстрѣлы артиллеріи изъ Колумба, былъ возобновленъ нѣкоторый порядокъ въ войскахъ федералистовъ. Удержать взятую мѣстность имъ не было возможности, такъ какъ верки непріятеля совершенно господствовали надъ лагерьемъ. Самымъ лучшимъ войскамъ ничего бы не оставалось какъ отступить въ порядкѣ къ судамъ, но этотъ подвигъ былъ не по силамъ федералистамъ. Полькъ въ это время не оставался въ бездѣйствіи и переправилъ на судахъ пять полковъ чтобы взять нападающихъ во флангъ. Три полка уже успѣли высадиться, и ихъ цѣпи разгнѣвались въ дѣсу между федералистами и ихъ транспортами. „Мы окружены“, сказалъ одинъ изъ офицеровъ, подскакавъ къ Гранту съ горячностью человека бывшаго въ первый разъ въ дѣлѣ. „Хорошо,

отвѣчалъ Грантъ спокойно, если такъ, то мы должны пробиться назадъ какъ пробились впередъ.“ Нѣкоторые солдаты, при первомъ видѣ засады, хотѣли тотчасъ же положить оружіе, но ободрившись спокойствіемъ своего вожда, устремились впередъ и безъ большаго затрудненія проложили себѣ дорогу. Грантъ, дѣйствительно, открывъ тайну, къ коей въ послѣдствіи онъ такъ часто прибѣгалъ съ успѣхомъ, а именно, что когда обѣ стороны одинаково недисциплинованы и разстроены, то успѣхъ принадлежитъ тому кто держится смѣлѣе и быстрее двинется въ атаку. Посадить войска на суда было не легко, такъ какъ онъ желалъ увезти какъ можно болѣе раненыхъ. Его солдаты были саишкомъ разстроены чтобы слушать приказанія; никто изъ штаба не имѣлъ ни малѣйшей опытности, а резервный баталіонъ безъ всякаго распоряженія самъ сѣлъ на транспорты. Грантъ оставался послѣднимъ на берегу, и застрѣльщики конфедератистовъ подошли къ нему такъ близко что онъ былъ бы убитъ, еслибъ они не были заняты стрельбой въ акинажъ судовъ и не допустили его ускользнуть изъ ихъ рукъ, не узнавъ его чина подъ его простымъ сюртукомъ.

Битва при Бельмонтѣ, какъ велерѣчиво прозвано было это сраженіе, стала предметомъ спора превзошедшаго самое ея значеніе. Полькъ, прогнавъ нападавшихъ, видя что они сѣли на суда въ беспорядкѣ и взявъ въ плѣнъ многихъ изъ ихъ раненыхъ, громко приписалъ себѣ побѣду. Грантъ, съ своей стороны, достигшій своей прямой цѣли, заслужившій довѣріе солдатъ и нанесшій непріятелю гораздо большій уронъ (включая захваченныхъ имъ 200 плѣнныхъ) чѣмъ какой понесъ самъ, считалъ битву хорошимъ успѣхомъ, а поднавшійся духъ его войскъ вполнѣ оправдывалъ его похвалу. Но на Сивертѣ уже добивались во что бы ни стало вторженія въ непріятельскую страну, и зная только фактъ что войска отступили съ занятаго ими пункта, долго говорили объ этомъ какъ о пораженіи, которое было извиняемо только позднѣйшими успѣхами. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой причинѣ Грантъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ уже достигъ высочайшихъ военныхъ почестей, взялъ назадъ первоначально посланное имъ краткое донесеніе о дѣлѣ и замѣнилъ его подробнымъ разказомъ о томъ какаа была цѣль экспедиціи и на сколько она была достигнута. Достойно замѣчанія что это позднѣйшее донесеніе совершенно согласно, исключая болѣе точнаго

обозначенія потери, съ описаніемъ дѣла сдѣланнымъ имъ въ письмѣ къ отцу написанномъ на другой день послѣ битвы. Взглядъ разгоряченной журналистики на дѣло при Бельмонтѣ не раздѣлялся опытными воинами выступавшими теперь для руководства войной. Немного дней спустя, одинъ изъ нихъ, генералъ Галлекъ, прибылъ въ Сентъ-Луисъ на смѣну Фримонта. Онъ не только оставилъ Гранта на мѣстѣ, но въ декабрѣ еще расширилъ его команду, причисливъ къ его округу почти весь Кентукки и такимъ образомъ возложивъ на него главную роль въ стратегіи слѣдующей кампаніи. Объ этомъ самомъ Кентукки, центральномъ штатѣ военныхъ дѣйствій, Шерманъ тогда уже, къ негодованію доврчивыхъ политиковъ, предсказывалъ что понадобится 200.000 человекъ для удержанія его въ Союзѣ.

1862 годъ открылъ новую фазу войны. Она прошла чрезъ періодъ мѣстныхъ раздоровъ, конституціонныхъ мѣръ и отдѣльныхъ дѣйствій штатовъ и стала серіозною борьбой громаднѣйшихъ размѣровъ между двумя великими отдѣлами распавшейся націи, словомъ, такою междуусобною войной, какой еще не видалъ свѣтъ и отъ исхода коей зависѣло не только единство націи, но направленіе всей судьбы цѣлаго материка. Мечъ Сѣвера, медленно заносимый, но страшный въ своей силѣ, былъ теперь совершенно обнаженъ, хотя еще не наступило время для Линкольна прокламаціей противъ невольничества отбросить въ сторону ножны и заручить Союзъ будущаго времени принудительнымъ освобожденіемъ, привлекиши такимъ образомъ на свою сторону сочувствіе цѣлаго свѣта.

Чтобы понять стратегическія дѣйствія послѣдовавшей осенней кампаніи, необходимо сдѣлать общее обозрѣніе линіи конфедератистовъ которую предстояло атаковать. Она началась на востокъ въ Кентукки, гдѣ стоялъ Сидней Джонстонъ съ 25.000 человекъ, преувеличенными по слухамъ до 100.000, шла черезъ Кентукки въ Миссиссипи на Колумбъ и оттуда въ Арканзасъ, гдѣ собирались неизвѣстныя въ точности, но, по слухамъ, весьма значительныя силы для отраженія всякаго вторженія изъ Миссури. Центромъ этой линіи можно считать полосу Кентукки, простирающуюся отъ Миссиссипи на шестьдесятъ миль на востокъ черезъ Тенесси къ Кумберланду, большому ручью впадающему въ Огайо. Слабою этой части ихъ линіи не была неизвѣстна конфедера-

тистамъ, потому что Тенесси и Кумберландъ во время весны бываютъ открыты для пароходовъ далеко вверхъ по теченію, и федералисты, владѣя устьями обѣихъ рѣкъ со времени захвата Грантомъ Шадукаха, какъ было извѣстно, постоянно увеличивали свои транспорты въ этомъ пунктѣ и въ Кауро, имѣя въ виду или пробиться въ Миссиссипи, или проникнуть чрезъ Кентукки въ Тенесси по меньшимъ рѣкамъ. Предполагалось, однакоже, что эти рѣки могли быть заперты укрѣпленіями, подобно тому какъ заперта была Миссиссипи, и съ этою цѣлью на самомъ узкомъ мѣстѣ между обѣими рѣками, гдѣ онѣ находятся всего въ разстояніи пятнадцати миль, были возведены форты Генри на правомъ или внутреннемъ берегу Тенесси и форты Дональдсонъ на лѣвомъ берегу Кумберланда. Заслуга послѣдовавшихъ дѣйствій была вообще приписана Галлеку, но справедливость требуетъ замѣтить что Грантъ и бывший при немъ начальникъ флотиліи, храбрый Футъ, еще въ началѣ года просили позволенія захватить форты Генри чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть рѣку Тенесси открытою и парализовать силы конфедеративовъ на Кумберландѣ и при Колумбѣ, разорвавъ сообщеніе между ними и поочередно имъ угрожая.* Съ другой стороны, предписанія Галлека и заботливость съ какою онъ сосредоточивалъ средства въ рукахъ Гранта достаточно указываютъ что онъ самъ еще прежде рѣшился на тотъ самый планъ который хотѣлъ исполнить его помощникъ, и такъ какъ онъ одинъ могъ руководить дѣйствіями на всемъ западномъ театрѣ войны, то совершенно справедливо что заслуга первоначальнаго плана должна остаться за нимъ. Такимъ образомъ Грантъ и Футъ 2-го февраля выступили въ дѣло съ 17.000 и семью канонерскими лодками, и началась весенняя кампанія 1862 года, которую энергіи Гранта суждено было привести къ несравненно большимъ результатамъ чѣмъ предполагалъ задумавшій ее начальникъ.

Планъ Гранта и Фута былъ тотъ чтобы атаковать форты Генри одновременно съ суши и съ воды, съ цѣлью отрѣзать гарнизонъ и взять его вмѣстѣ съ укрѣпленіями. Планъ этотъ, однакоже, не пришлось осуществить, потому что начальствовавшій фортомъ Тильгманъ, во избѣжаніе

* Письма Фута, отъ 28-го января, и Гранта, отъ 29-го, къ Галлеку указываютъ на возможность и выгоды взятія форты Генри.

подобной случайности, отослалъ пѣхоту, и видя что его артиллеристы не могутъ оставаться на мѣстахъ подъ выстрѣлами канонирскихъ лодокъ, сдася Футу безусловно. Слѣдующія предписанія Галлека указывали скорбе на сильное занятіе взятаго такимъ образомъ пункта непріятельской линіи чѣмъ на дальнѣйшія подобныя дѣйствія на Кумберландѣ, но его болѣе смѣлый лейтенантъ, становясь по мѣрѣ успѣха на высоту своего положенія, тотчасъ же телеграфировалъ о своемъ намѣреніи идти черезъ узкую полосу земли между обѣими рѣками на фортъ Дональдсонъ и отдалъ соотвѣтствующій приказъ войскамъ. Его намѣреніе было остановлено на время неожиданнымъ возвышеніемъ воды въ Тенесси, которая затопила дороги на востокъ и, какъ доносилъ Грантъ, совершенно блокировала армию. Услышавъ о томъ, Галлекъ снова говорилъ въ своихъ предписаніяхъ объ однѣхъ оборонительныхъ мѣрахъ. Рѣшеніе Гранта было, однакоже, твердо принято, съ тою рѣшительностью характера которая характеризуетъ всю его военную карьеру. Онъ написалъ въ Кауро, прося сколько возможно подкрѣпленій, и къ Футу, который въ то время изслѣдовалъ Тенесси, предлагая ему обогнуть съ своею флотиліей къ Кумберланду для содѣйствія ему. „Я увѣренъ что не должно медлить въ настоящемъ случаѣ“, говорилъ онъ 10-го февраля, и увидя 12-го возможность двинуться, тотчасъ же двинулся на фортъ Дональдсонъ. Разстояніе было около двѣнадцати миль, и такъ какъ непріятель оставался въ оборонительномъ положеніи, хотя въ это время и не уступалъ въ численности войскъ нападающимъ, то Грантъ послѣ полудня уже стоялъ въ виду укрѣпленій, размѣстивъ пикеты, и приготовился окружить крѣпость съ такимъ хладнокровіемъ какъ будто бы его силы втрое превосходили гарнизонъ. Послѣдовавшіе немногіе дни были, вѣроятно, самыми тревожными въ его жизни. У него не хватало пушечныхъ зарядовъ. Его солдаты, пришедшіе безъ палатокъ, кочевали отъ холодныхъ дождей и изморози. Панцырныя канонирскія лодки потерпѣли 14-го февраля поражение, пытаясь пробиться мимо защищавшихъ рѣку укрѣпленій, и самъ Футъ былъ раненъ. Только въ эту самую ночь полученныя подкрѣпленія довели войско до числа превосходившаго силу непріятели. Когда на слѣдующій день непріятель сдѣлалъ вылазку съ цѣлю прорвать линіи нападавшихъ, Грантъ былъ въ отсутствіи,

отправившись посѣтить раненаго Фута; послѣдно возвратясь, онъ нашелъ свои войска деморализованными вслѣдствіе потерь, хотя они и видѣли что врагъ отступаетъ. Его настойчивость и военная быстрота соображенія измѣнили сомнительное дѣло въ блестящій успѣхъ. „Полны ли ихъ раны?“ спросилъ онъ, видя нѣсколько плѣнныхъ. Въ нихъ было найдено продовольствія на три дня. „Ну, такъ они хотѣли пробыться, а не драться“, сказалъ онъ, и обращаясь къ своимъ разстроеннымъ солдатамъ, прибавилъ: „Теперь одержитъ верхъ кто первый нападетъ“. Затѣмъ, круто повернувъ на лѣвый флангъ который не былъ атакованъ во время вылазки, онъ приказалъ немедленный приступъ на укрѣпленія. Этимъ флангомъ командовалъ генералъ Смитъ, отличный офицеръ регулярной арміи, но уже довольно пожилой. При первой ихъ встрѣчѣ Смитъ былъ начальникомъ коллегіи въ Вестъ-Пойнтѣ, а его настоящій начальникъ однимъ изъ кадетовъ. „Теперь я подчиненный, и я знаю обязанность солдата“, сказалъ онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ Гранту, видя его естественную вѣршительность, когда приходилось давать приказанія: „поэтому, я надѣюсь, вы не будете чувствовать неловкости въ нашихъ новыхъ отношеніяхъ“. Какъ уже въ предшествовавшихъ движеніяхъ онъ обнаружилъ точную исполнительность, такъ и теперь онъ повелъ своихъ солдатъ съ горячностью молодого воина. Чтò рѣдко повторялось во время войны, укрѣпленія сразу были взяты приступомъ. Фальшивыя атаки, которыя повелъ Грантъ своимъ правымъ флангомъ и центромъ на другія части крѣпости, отвлекали вниманіе конфедератистовъ и мѣшали имъ сосредоточить силы дабы вытѣснить Смита, такъ что къ ночи его дивизія все еще имѣла въ своихъ рукахъ ключъ форта. Остальная часть исторіи хорошо извѣстна въ ея странныхъ подробностяхъ. Постыдный страхъ побудившій Флойда и Пиллоу послѣдовательно оставить войска бывшія подъ ихъ начальствомъ; славный бѣгъ съ кавалеріей полковника Форреста (въ послѣдствіи отлучаго генерала конфедератистовъ); напрасныя попытки Бекнера, третьяго начальника гарнизона, выговорить капитуляцію; рѣшительное требованіе Гранта, видѣвшаго положеніе дѣлъ, безусловной сдачи, съ извѣстною угрозой: „Я намѣренъ немедленно идти на ваши укрѣпленія“, и послѣдовавшій триумфъ,—все это въ подробности было сообщено въ официальныхъ разказахъ обьихъ

сторонѣ. Между тѣмъ какъ она справедливо постигла двухъ бѣжавшихъ вождей Южанъ, крикъ восторга пробѣжалъ по Сѣверу при этомъ неожиданномъ успѣхѣ. 14.000 плѣнныхъ отправленныхъ въ Каиро представляли надежный залогъ будущихъ успѣховъ на Западѣ, и этого было достаточно дабы уравновѣсить позоръ битвы при Буль-Ровѣ и даже склонить выгоду на сильнѣйшую сторону. Стантонъ тотчасъ же предложилъ наградить Гранта чиномъ генераль-маіора волонтеровъ, и въ тотъ же день его имя перешло отъ военного секретаря къ президенту и отъ президента въ сенатъ. Одинъ Галлекъ, казалось, былъ недоволенъ этимъ производствомъ. Вѣроятно, не столько зависть къ значительному успѣху своего лейтенанта, сколько старая предубѣжденія заставили его предложить производство Смита, какъ истиннаго виновника побѣды, помимо Гранта. Но на его рекомендацію, поздно полученную, не обратили вниманія въ Вашингтонѣ, гдѣ ясно видѣли что успѣхъ былъ одержанъ Грантомъ принявшимъ на себя большую отвѣтственность. Стантонъ объявилъ что историческое посланіе Гранта къ генералу Бекнеру должно быть истиннымъ девизомъ для всѣхъ генераловъ, и съ этого времени онъ до конца войны неизмѣнно поддерживалъ побѣдителя. Что касается до самого добраго старика Смита, коего Галлекъ хотѣлъ было повысить помимо его начальника, то онъ самъ говорилъ о своемъ нападѣніи на Бекнера: „Дѣло было исполнено хорошо, принимая во вниманіе наши силы; но я не заслуживаю никакихъ поздравленій: я только исполнялъ приказанія.“ Признательность и награда полученныя Грантомъ, по справедливости, были должнымъ воздаяніемъ за тактическій успѣхъ его подвиговъ. Онъ смѣло двинулся на укрѣпленный лагерь занятый равными непріятельскими силами; держалъ въ блокадѣ ихъ укрѣпленія, пока самъ получилъ подкрѣпленія; разбилъ непріятеля въ открытомъ полѣ, когда онъ слишкомъ поздно вступилъ въ битву; наконецъ взялъ приступомъ господствующій пунктъ укрѣпленій и принудилъ врага положить оружіе на мѣстѣ. Все это было совершено съ потерей 2.500 федералистовъ убитыми и ранеными, менѣе одной десятой части бывшихъ въ дѣлѣ! Едва ли есть чему удивляться что впечатаніе этой побѣды сильно отразилось на характерѣ Гранта. Мы увидимъ что оно замѣтно повліяло на его тактику въ послѣдовавшихъ вскорѣ битвахъ, и

притомъ къ выгодѣ арміи и къ его славѣ. Но, съ другой стороны, для всякаго критически изучающаго эту войну не менѣе очевидно и то, что эта побѣда научила союзнаго генерала слишкомъ преувеличивать дѣйствіе упрямой рѣшимости и грубой силы, и заставила его, вслѣдствіе этого, испытать нѣсколько страшныхъ уроковъ, когда онъ, слѣдуя своей любимой идеѣ, перешелъ границы благоразумія противъ испытаннаго и рѣшительнаго воина.

Какъ ни велико было немедленное дѣйствіе побѣды на довѣріе къ Гранту его солдатъ и Сѣвера, но въ сущности ея результаты были еще гораздо значительнѣе чѣмъ могли ожидать самыя пылкіе изъ людей не повимавшихъ ея стратегическаго значенія. Линія защиты конфедератистовъ была такимъ образомъ прорвана въ центрѣ, концы ея были отрѣзаны и подались назадъ, вся линія уступила общему напору федералистовъ. Боулингъ-Гринъ на Востокъ и Колумбъ на Западъ были поспѣшно оставлены. Кентукки и большая часть Тенесси мгновенно перешли въ руки Сѣвера. Съ этими успѣхами и намѣренія Галлека расширились противъ его первоначальныхъ плановъ, и хотя онъ на другой день послѣ битвы писалъ Гранту „не слишкомъ торопиться“, а два дня спустя предписывалъ „ограничить дѣйствія канонирскихъ лодокъ на открытыхъ, такимъ образомъ, рѣкахъ“, но чрезъ два дня послѣ того онъ получилъ болѣе ясное понятіе о положеніи дѣлъ и телеграфировалъ Макъ-Клеллану прося начальства надъ всѣми войсками Запада, такъ какъ „отъ промедленія и отсрочки, присовокупляя онъ, мы теряемъ драгоценный случай“.

Одна изъ этихъ западныхъ армій была армія генерала Буэлла, въ Кентукки, стоявшая противъ арміи Альберта Джонстона и теперь слѣдовавшая за конфедератистами отступавшими отъ Боулингъ-Грина. Путь ея лежалъ чрезъ Нашвилъ, столицу Тенесси, но такъ какъ этотъ городъ находится на Кумберландѣ, то онъ былъ не менѣе открытъ для Гранта чѣмъ и для Буэлла. Грантъ зналъ, однакоже, что всякое дальнѣйшее рѣшительное дѣйствіе должно зависѣть отъ стратегической линіи которую выберетъ Галлекъ. Поэтому онъ отправилъ только свой авангардъ на пятьдесятъ миль въ направленіи къ Нашвиллю, и письменно предложилъ мысль о наступательномъ движеніи къ этому городу который, впрочемъ, былъ безъ сопротивленія занятъ

передовою дивизіей изъ Кентукки преждечѣмъ пришелъ отвѣтъ Галлека, и Грантъ, услышавъ о томъ, отправился на встрѣчу съ Буллемъ чтобъ уговориться съ нимъ о расположеніи войскъ, такъ какъ обѣ арміи были совершенно независимы одна отъ другой. Неприятно разказывать о томъ что за этимъ послѣдовало, ибо казалось что начальникъ Гранта или возымѣлъ неожиданное недоувѣріе къ своему лейтенанту, или же имѣлъ какіе-то болѣе ничтожныя поводы искать съ нимъ ссоры. 28-го февраля Грантъ возвратился къ своей арміи и получилъ инструкцію доставлять болѣе правильные отчеты о находящихся у него силахъ. На слѣдующій день, 1-го марта, Галлекъ написалъ ему чтобъ онъ перешелъ обратно отъ Кумберланда къ Тенессу, въ видахъ воспользоваться линіей этой рѣки для дѣйствій противъ Коринта, важнаго пункта соединенія желѣзныхъ дорогъ въ штатѣ Миссиссипи. 3-го марта, безъ всякаго предварительнаго извѣщенія Гранта, Галлекъ отправилъ по телеграфу въ Вашингтонъ двѣ слѣдующія жалобы противъ него: „...Онъ оставилъ свою команду безъ моего разрѣшенія и поѣхалъ въ Нашвилъ.... Я не могу добиться отъ него ни отчетовъ, ни доносеній, ни вообще какихъ-либо свѣдѣній. Довольный своею побѣдой, онъ сидитъ сложа руки и наслаждается ею.“ На слѣдующій день, получивъ отвѣтъ, содержаніе коего не сообщается историками, онъ предписалъ Гранту передать Смигу начальство надъ выступавшими войсками, а самому остаться въ форть Генри, замѣтивъ ему притомъ слѣдующее: „Почему не исполняете вы моихъ предписаній и не доводите мнѣ о вашихъ силахъ и позиціи?“ Отвѣтивъ на слѣдующій же день что онъ почти ежедневно доносилъ о положеніи своихъ войскъ и сообщалъ о каждой занимаемой позиціи, Грантъ получилъ строгое возраженіе, начинавшееся словами: „Генералъ Макъ-Клелланъ приказываетъ чтобы вы доносили мнѣ *ежедневно*“, и напоминавшее Гранту его поѣздку въ Нашвилъ безъ разрѣшенія. На это Грантъ отвѣчалъ 6-го февраля:

„Я писалъ вамъ болѣе чѣмъ по разу въ день для извѣщенія васъ о моей позиціи, и не моя вина если вы не получали моихъ писемъ. Отправляясь въ Нашвилъ, я единственно имѣлъ въ виду пользу службы, а не удовлетвореніе моего собственнаго желанія. Будучи искренно убѣжденъ что между мной и вами, должно-быть, есть враги старающіеся ослабить мнѣніе о моей полезности, я почтительнѣйше прошу освободить меня отъ обязанностей въ вашемъ департаментѣ.“

Получивъ другой выговоръ въ такомъ же тонѣ какъ и прежде, Грантъ возобновилъ свою просьбу 9-го и 11-го числа въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ. Но Галлекъ, вѣроятно, успѣлъ измѣнить свой взглядъ относительно благоразумія своего образа дѣйствій, или же онъ удовольствовался тѣмъ что показалъ свою власть, ибо 13-го февраля онъ отвѣчалъ въ дружескомъ и почти извинительномъ тонѣ, говоря въ заключеніе: „Видѣсто того чтобъ уволить васъ, я желаю чтобы вы, какъ только вашъ новый отрядъ выступитъ въ поле, приняли немедленно начальство и повели его къ новымъ побѣдамъ.“ Желаніе это Грантъ принялъ весьма радушно и взялъ назадъ свою отставку. Галлекъ же написалъ въ Вашингтонъ, въ отвѣтъ на запросы вызванныя его же собственными жалобами, что Грантъ далъ удовлетворительныя объясненія и что ему поручено снова принять начальство. Такъ кончился этотъ странный эпизодъ первой союзной побѣды, по поводу коего всего интереснѣе замѣтить что онъ нисколько не помѣшалъ дружескимъ отношеніямъ Гранта къ Галлеку, когда два года спустя ихъ положенія перемѣнились, вслѣдствіе возвышенія перваго на должность главнокомандующаго всеми арміями Союза.

Прибывъ къ войскамъ которыя двинулись вверхъ по Тенесси подъ начальствомъ Смита *, Грантъ, по предписанію Галлека, собралъ свои дивизіи, всего числомъ до 38.000 человекъ, и оставался въ оборонительномъ положеніи, ожидая прибытія Буэлла изъ Нашвилля съ такими же силами, такъ какъ этотъ генералъ былъ теперь подчиненъ Галлеку. Генералъ Смитъ уже перевелъ армію на западный или враждебный берегъ Тенесси, смотря на эту позицію какъ на базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Миссиссипи, и Грантъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ расположеніи войскъ, только стянулъ ихъ болѣе. Но, очевидно, была нѣкоторая опасность въ этомъ планѣ, такъ какъ было извѣстно что непріятель при помощи своихъ желѣзныхъ дорогъ быстро сосредоточивалъ значительныя силы въ Коринтъ, въ двадцати миляхъ разстоянія, и лагерь Гранта былъ открытъ для ихъ нападенія, тѣмъ болѣе что союзные солдаты еще не начали приходить

* Этотъ генералъ, о которомъ и Грантъ, и Шерманъ говорили съ большимъ сочувствіемъ, умеръ около этого времени отъ простуды въ фортъ Дональдсонъ.

тяжкимъ опытомъ къ убѣжденію въ пользѣ полевыхъ укрѣпленій. Силы конфедератистовъ, по довольно смутнымъ слухамъ, считались во 100.000 человекъ, хотя въ дѣйствительности ихъ было столько же какъ у Гранта, и союзный генералъ, какъ его письма ясно доказываютъ, начиналъ все болѣе и болѣе беспокоиться по мѣрѣ того какъ время шло и не приходилъ его товарищъ, человекъ осмотрительный и слишкомъ пристрастный къ осторожнымъ движеніямъ и старательней постройкѣ мостовъ. Изъ Колумбіа, находящейся въ разстояніи 90 миль, куда Буэлль прибылъ 19-го марта, онъ употребилъ 17 дней чтобы достигнуть Саванны, лежащей на другой сторонѣ Тенесси и въ семи миляхъ ниже лагеря Гранта при Питсбургѣ. Грантъ приказалъ передовой дивизіи Нельсона, только что извѣстившей о своемъ прибытіи 5-го апрѣля, направиться вверхъ по рѣкѣ и быть въ готовности подкрѣпить его армію, такъ какъ въ мѣстахъ вдоль всего фронта лагеря происходили стычки и видны были значительныя силы непріятельской кавалеріи. На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, армія Альберта Джонстона вышла изъ-за прикрытія и напала на федералистовъ, въ намереніи опрокинуть и отбросить ихъ въ рѣку. Весьма ошибоченъ былъ общій говоръ будто Грантъ былъ застигнутъ при Питсбургѣ врасплохъ. При первомъ выстрѣлѣ онъ отправилъ Буэллю извѣстіе доказывающее противное. „Я ожидалъ этого, говорилъ онъ, но не думалъ что непріятель сдѣлаетъ нападеніе ранѣ поведѣльника или вторника.“ Кромѣ того, генералъ Прентисъ, занимавшій часть лагеря расположенную въ направленіи къ Коринту, былъ предупрежденъ объ опасности; онъ удвоилъ свои караулы и отодвинулъ пикеты на милю впередъ противъ дня наканунѣ атаки. Грантъ до вечера не получилъ никакого подкрѣпленія ни отъ Нельсона, ни отъ Л. Валласа который съ одною изъ своихъ дивизій стоялъ еще далѣе внизъ по теченію рѣки. Послѣдній даже въ теченіе пяти часовъ вовсе не двигался, пока не получилъ предписанія, и затѣмъ ошибочно взялъ путь, прибывъ вслѣдствіе того только въ 7 часовъ вечера, между тѣмъ какъ, по донесенію Гранта военному департаменту, дивизія эта могла бы быть на мѣстѣ въ часъ пополудни *. Такимъ образомъ

* Это тотъ самый офицеръ, который потерпѣлъ полное пораженіе отъ конфедератиста Ираи въ Мериландѣ въ 1864 году и тѣмъ

Гранту пришлось держаться противъ превосходныхъ силъ, и хотя съ обѣихъ сторонъ не было обнаружено большого тактическаго искусства, но федералисты постепенно стали отступать, оставивъ генерала Прентиса съ частью его дивизіи въ рукахъ непріятеля. Битва происходила въ самой простой формѣ двухъ параллельныхъ линій которыя вели горячую перестрѣлку на небольшомъ разстояніи, пока къ 4 часамъ пополудни войска Гранта не были отгнаны къ пристани гдѣ и удержались до ночи.

„Кругомъ пристани (говорить федеральный историкъ Бадю*, описывая минуту прибытія Буэлла) гнѣнулись бѣглецы столпившіеся сюда изъ передовой линіи, какъ это бываетъ почти въ каждомъ сраженіи. Это не были, однакоже, отсталые или бродяги, а пораженная паническимъ страхомъ толпа, бѣжавшая отъ опасности на которую столь многіе, казалось, были осуждены. Когда два генерала вступили въ разговоръ у пристани, Грантъ объяснилъ положеніе дѣлъ казавшееся тогда крайне дурнымъ, и Буэль спросилъ: „Какія приготовленія сдѣлали вы для отступленія, генераль?“ Едва онъ успѣлъ высказать свое замѣчаніе, какъ Грантъ тотчасъ же прервалъ его, воскликнувъ: „Я еще не потерялъ надежды отразить ихъ.“

Онъ видѣлъ что усилія нападающихъ ослабѣвали. Источенные продолжительнымъ сраженіемъ въ теченіе дня, тысячи солдатъ Джонстона оставляли ряды для грабежа покинутаго лагеря федералистовъ. Самъ ихъ предводитель былъ убитъ, и ихъ потеря была не меньше потери Гранта которая доходила до 10.000 человекъ выбывшихъ изъ строя, считая въ томъ числѣ трехъ генераловъ: убитаго В. Валласа, взятаго въ плѣнъ Прентиса и раненаго Шермана. Конфедератисты были не въ состояніи устремиться впередъ для окончательнаго усилія которое отбросило бы федералистовъ на ихъ суда. Видя это, Грантъ рѣшился, съ подкрѣпленіемъ или безъ оваго, возобновить наступательныя дѣйствія на слѣдующій день, такъ какъ въ этотъ вечеръ уже невозможно было вести

самымъ навелъ паническій страхъ на оставшіяся неприкрытымъ Вашингтонъ. Вскорѣ послѣ того онъ въ отместку вубачно оскорбилъ конфедератистскихъ генераловъ явившихся въ Вашингтонъ свидѣтелями при процессѣ Виртца, когда онъ былъ въ числѣ членовъ суда.

* *Military History of U. S. Grant.* By Colonel Badeau. New York. 1868 г.

къ наступленію его изнуренныхъ солдатъ. Такъ какъ оборотъ битвы, какъ въ Америкѣ, такъ и за границей, былъ весьма естественно приписанъ прибытію Буэля, то не мѣшаетъ разъяснить дѣло разказомъ генерала Шермана, написаннымъ въ 1865 году. Онъ совершенно подтверждаетъ увѣреніе Бадо что Грантъ, со времени взятія форта Дональсона, пришелъ къ убѣжденію что во всякомъ жаркомъ сраженіи наступаетъ минута когда обѣ арміи бывають почти истощены, и что тогда, при кажущейся для обѣихъ сторонъ невозможности что-либо предпринять, одержить верхъ та которая первая возобновить битву. Шерманъ пишетъ въ такомъ удивительномъ тонѣ простодушія и добросовѣстности, что его слова слѣдуетъ привести вполнѣ:

„Я никогда не былъ намѣренъ, и не желаю и теперь, оспаривать что-либо сдѣланное генераломъ Буэллемъ и его арміей. Я знаю, что подходя сзади къ нашему полю сраженія, онъ встрѣтилъ наводящую уныніе толпу бродягъ и бѣглецовъ, возбуждившихъ отвращеніе въ немъ и въ его армію, которая не отдала должной справедливости людямъ бывшимъ во фронтѣ, храбро сражавшимся до 4 часовъ пополудни, удержавшимъ непріятели и готовившимся на слѣдующій день перейти въ наступленіе. Я хорошо припоминаю этотъ фактъ, потому что генералъ Грантъ тогда въ первый разъ разказалъ мнѣ о своей битвѣ при Дональсонѣ гдѣ онъ въ извѣстный моментъ сраженія видѣлъ, что каждая сторона готова уступить, если другая выкажетъ смѣлость, и на это самое, то-есть двинуться на непріятели, онъ и рѣшился. Въ 4 часа пополудни 6-го апрѣля онъ замѣтилъ что обстоятельства были совершенно такого же рода, и разсудилъ что со свѣжею дивизіей Л. Валласа и тѣми изъ нашихъ разсѣянныхъ войскъ въ коихъ былъ восстановленъ порядокъ онъ имѣлъ основаніе прекратить оборону и перейти на слѣдующее утро въ наступленіе. Повторяю что такого рода предписаніе я получилъ прежде чѣмъ зналъ что войска генерала Буэля стояли у рѣки. Сознаюсь, что я былъ радъ приходу Буэля, такъ какъ мнѣ было извѣстно что его солдаты были старше нашихъ, лучше организованы и обучены, и еще потому что его прибытіе дѣлало вѣрнымъ то что прежде казалось только возможнымъ.“

Армія Гранта провела ночь подъ ружьемъ и подъ проливнымъ дождемъ; но транспорты дѣятельно работали во мракѣ ночи, и къ утру 20.000 войскъ Буэля были готовы къ дѣйствию вмѣстѣ съ остатками дивизій сражавшихся наканунѣ. Это увеличеніе силъ сразу оказало дѣйствіе, когда, согласно

съ намѣреніемъ Гранта, федералисты рано утромъ перешли въ наступленіе. Земля сдѣлалась сильно вязкою отъ дождя, и вслѣдствіе того движенія войскъ были даже еще медленнѣе чѣмъ обыкновенные неповоротливые маневры перваго времени войны. Борегаръ, замѣнявшій Джонстона, съ самаго начала увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить, и начавъ медленное отступленіе, около полудня совсѣмъ оставилъ поле битвы и возвратился къ Коринту безъ преслѣдованія, ибо солдаты Буэля, по заявленію ихъ офицеровъ, были также изнурены форсированнымъ маршемъ какъ солдаты самого Гранта только что кончившимся продолжительнымъ сраженіемъ. Эта битва была не только самая ожесточенная изъ всѣхъ бывшихъ доселѣ, но едва ли такое ожесточеніе повторялось и въ послѣдствіи. Шерманъ говорилъ что онъ никогда потомъ не видывалъ такого ужаснаго побоища, можетъ-быть потому что паническій страхъ объявшій неопытныя войска его дивизіи заставляя, по необходимости, его самого выдаваться совершенно исключительнымъ образомъ, и оттого дѣйствія и другихъ казались ему геройскими. Грантъ сравнивалъ это сраженіе съ битвой при Вайльдернессѣ, не совсѣмъ справедливо, какъ кажется, такъ какъ при Питсбургѣ потери обѣихъ сторонъ (исключая войска Буэля потерпѣвшія только на второй день) были почти равныя *, подобно силамъ обѣихъ армій, между тѣмъ какъ при Вайльдернессѣ, какъ будетъ видно далѣе, несоразмѣрность и въ силахъ, и въ потеряхъ сторонъ была чрезвычайная. Побѣду обѣ стороны считали своею: конфедератисты, потому что они взяли лагерь непріятели со множествомъ плѣнныхъ и въ одно время чуть-чуть не уничтожили непріятельской арміи; федералисты же, потому что наконецъ успѣшно отразили нападеніе. Въ подобныхъ случаяхъ вѣрнѣе всего взглянуть какая была истинная цѣль битвы и на сколько она была достигнута; а такъ какъ цѣлью Джонстона и Борегара несомнѣнно было поразить Гранта прежде чѣмъ подоспѣтъ къ нему помощь, а цѣлью Гранта — держаться пока присоединится Буэль, то въ дѣйствительности успѣхъ безспорно принадлежитъ союзному генералу. Нравственное вліяніе этого успѣха было, однакоже, ослаблено дѣйствіями Галлека который, принявъ по прибытіи

* Потера Гранта, не считая армію Буэля, была 10.040 человекъ, а у Борегара 10.600, судя по ихъ официальнымъ отчетамъ.

Будля начальство надъ соединенными арміями, удержалъ ихъ отъ прямого преслѣдованія непріятеля и наступалъ къ Коринту медленно, подвигаясь только подъ прикрытіемъ укрѣпленій и такимъ образомъ производя на солдатъ и на страну такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ, вслѣдствіе послѣднихъ событій, опасался выступить въ открытое поле.

Еще въ другомъ отношеніи эта битва сильно разочаровала Гранта. Онъ, какъ и бѣльшая часть другихъ Сѣверянъ и въ противоположность взглядамъ навлекшимъ непопулярность на Шермана, былъ того мнѣнія что одинъ или два удара, въ родѣ взятія форта Дональдсона, положить конецъ войнѣ. Энергія и рѣшимость съ какою А. Джонстонъ перешелъ въ наступленіе вскорѣ послѣ этой важной потери, ясно показали что подобныя ожиданія были ошибочны. Тогда Грантъ пришелъ къ убѣжденію, на основаніи коего онъ съ тѣхъ поръ постоянно и дѣйствовалъ, что война никогда не кончится пока южныя арміи не будутъ поражены наголову и уничтожены, и что на нихъ, а не на форты, города или территорію, должна быть направлена цѣль стратегіи управлявшей болѣе значительными средствами Сѣвера. Съ этого также времени онъ и его сподвижники отказались отъ мысли щадить собственность Юга. Они соглашались что конфедератистамъ удалось сдѣлать войну народною, а потому народъ и долженъ былъ страдать пока не уступитъ. До сихъ поръ Грантъ, вмѣстѣ съ болѣею частью союзныхъ генераловъ, охранялъ невольничество какъ учрежденіе. Теперь же и оно должно было погибнуть, вмѣстѣ съ правами штатовъ, независимыми конституціями и всѣмъ что стояло преградой одной великой цѣли, единству націи. Убѣжденіе ея главныхъ генераловъ, людей консервативныхъ по природѣ, но ясно появившихъ свойство и результатъ борьбы, должно было скоро стать политикою Сѣвера. Кампанія Макъ-Клеелана тогда только что началась, съ ея медленнымъ наступленіемъ, утомительными остановками и окончательною неудачей. За тѣмъ послѣдовалъ успѣшный ударъ нанесенный конфедератистами въ Виргинію, превосходный фланговый походъ Джаксона, вторая битва при Буль-Ронѣ, безпорядочное отступленіе Попа на Вашингтонъ, призваніе устрашеннымъ кабинетомъ снова Макъ-Клеелана для главнаго начальства, первое вторженіе въ Мериландъ (въ сентябрѣ 1862 года) и его остановка при Антіетамѣ. Тогда Линкольнъ ясно увидѣлъ что давать сраженія при такихъ

обстоятельствахъ было въ сущности побѣдой для обороняющихся, обнародовалъ прокламацію объ освобожденіи которая до того времени держалась подъ сукномъ, и сдѣлалъ примиреніе невозможнымъ иначе какъ съ условіемъ подчиненія Юга соціальной революціи. Обязавшись освободить невольниковъ возмущившихся штатовъ, Сѣверъ не могъ уже дать этимъ штатамъ другихъ условій которыя они могли бы принять. Съ этой минуты стало ясно что борьба должна продолжаться до послѣдней крайности, то-есть до разоренія слабѣйшей части Союза.

При этомъ кстату замѣтить одно обстоятельство которое, хотя на него и не было обращено вниманія ни однимъ историкомъ, находится въ тѣсной связи съ исторіей войны. Обыкновенно полагаютъ что такъ какъ Джефферсонъ Девисъ желалъ перенести войну въ сѣверные штаты и генералъ Ли одобрялъ его намѣреніе, то благоразуміе этого плана не подлежало сомнѣнію. Пора, однакоже, сознаться въ этомъ заблужденіи. И тогда выражались мнѣнія которыя должны бы были имѣть большое значеніе, мнѣнія людей военныхъ, энергически высказывавшихся противъ этихъ попытокъ вторженія. На ихъ взглядъ, вторженіемъ терялось великое политическое преимущество и оборонительная борьба за права низводилась на уровень обыкновенной междусобной войны за господство. Сотни тысячъ гражданъ на Сѣверѣ, смотрѣвшихъ сначала холодно на завоевательную войну предпринятую якобы противъ правъ родственныхъ имъ штатовъ, готовы были броситься къ оружію лишь только ихъ собственная почва была затронута вооруженными мятежниками. Военныя выгоды плана были также въ высшей степени сомнительны, ибо завоеваніемъ нельзя было сколько-нибудь значительно пополнить численность людей, запасъ военныхъ матеріаловъ, въ чемъ Югъ уступалъ Сѣверу; между тѣмъ какъ политическій вредъ былъ такъ великъ что, по всей вѣроятности предвѣщалъ разореніе. Для слабѣйшей стороны оборона была единственнымъ надежнымъ средствомъ. Таковы были аргументы противъ вторженія, но болѣе смѣлые и опрометчивые совѣты бдержали верхъ въ Ричмондѣ, и Ли былъ принужденъ двинуться въ Мериландъ, а Брагъ въ Кентукки, причемъ каждый изъ нихъ, въ свою очередь, былъ остановленъ превосходящими силами и вынужденъ отступить изъ занятой территоріи.

Но возвратимся къ Гранту. Мы оставили его предъ Коринтомъ въ апрѣлѣ 1862 года, когда прибылъ Галлекъ продолжавшій самъ кампанію до отступленія Борегара отъ этого пункта въ концѣ мая. Затѣмъ послѣдовало полное разсѣяніе большой арміи собравшейся на Тенесси. Войска Буэлла были снова отдѣлены отъ Гранта и посланы на востокъ. Вскорѣ послѣ того у Гранта были отняты еще четыре дивизіи, и ему пришлось держаться оборонительнаго положенія въ центрѣ враждебнаго штата Миссиссипи, имѣя въ одно время подъ руками менѣе 20.000 человекъ, между тѣмъ какъ почти равносильная армія непріятели занимала страну къ югу отъ него, имѣя въ рукахъ Вилксбургъ, ключъ позиціи на рѣкѣ, а Прайсъ и Ванъ-Дорнъ съ небольшими силами угрожали его сообщеніямъ съ восточнаго фланга. Полагая его слишкомъ выдавшееся положеніе опаснымъ для него, конфедератисты дважды заходили ему въ тылъ, но потерпѣвъ серіозную неудачу при Юкѣ 19-го сентября и окончательное пораженіе 2-го октября при нападеніи на хорошо укрѣпленный Грантомъ Коринтъ, они снова отступили въ Алабаму. Главная заслуга этого дѣйствія досталась Розенкранцу, который былъ оставленъ Грантомъ въ Коринтѣ и былъ вознагражденъ начальствомъ надъ арміей Буэлла, по смѣнѣ этого генерала; а Грантъ избавился такимъ образомъ отъ помощника который не разъ мѣшалъ своему начальнику и, по его мнѣнію, допустилъ непріятеля отступить съ меньшимъ ущербомъ чѣмъ слѣдовало. Общій ходъ всѣхъ лѣтнихъ дѣйствій 1862 года, поскольку они касаются Гранта, лучше всего можетъ-быть описанъ словами Бадо, разказъ коего имѣетъ большую цѣну по свѣту который онъ проливаетъ на эту часть войны:

„Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что чрезвычайная простота Гранта въ обращеніи и его прямодушіе въ выраженіяхъ вводили въ заблужденіе многихъ офицеровъ стоявшихъ какъ выше, такъ и ниже его. Они считали его хорошимъ простымъ человекомъ, коему выпали на долю одна или двѣ удачи и который, повтому, не могъ быть немедленно смѣненъ. Но они не полагали нужнымъ обращать вниманіе на его мнѣніе или разчитывать на его способности. Его начальники постоянно составляли планы, не совѣтуясь съ нимъ, а его подчиненные иногда рѣшались приводить въ исполненіе свои собственные замыслы вопреки его приказаніямъ, не сомнѣваясь что, благодаря своему высшему соображенію, они могутъ задумать и одержать успѣхи которые извинять или

даже оправдают ихъ дѣйствія. Исторію перваго времени войны не возможно понять, не принявъ въ соображеніе того что ни правительство, ни начальники не вѣрили въ умственные способности или военный геній Гранта.

Теперь наступала пора когда это мнѣніе должно было значительно измѣниться, когда люди, не видѣвшіе въ немъ особенныхъ талантовъ, должны были подивиться его непреклонной настойчивости и постоянству въ надеждѣ въ виду неудачъ; когда, рѣшительно преслѣдуя одну великую цѣль, онъ наконецъ достигаетъ ее, обнаруживая соображенія какими могъ бы позавидовать самый блестящій или ученый изъ новѣйшихъ генераловъ. Городъ Виксбургъ, мало извѣстный до войны, занималъ теперь на Миссиссипи такое же значеніе какъ прежде Колумбъ, когда этотъ фортъ не былъ еще обойденъ вслѣдствіе утраты конфедератистами форта Дональсона и затѣмъ Мемфиса. Виксбургъ заграждалъ рѣку федералистамъ; противъ его высоко поставленныхъ батарей были безсильны искусство и мужество флотилій Фарагута и Портера; онъ отдѣлялъ армію Банка при Новомъ Орлеанѣ отъ остальныхъ силъ Сѣвера, и былъ пунктомъ опоры, при помощи коего конфедератисты на западной сторонѣ Миссиссипи могли свободно поддерживать связь дѣйствій съ своими главными силами на восточной сторонѣ рѣки. Они могли притомъ, стянувъ въ Тексасъ свой лѣвый флангъ который былъ бесполезно разсѣянъ по Арканзасу, присоединить болѣе 50.000 человекъ къ центру своей линіи защиты и дать, можетъ-быть, другой оборотъ войнѣ. Мы оставили Гранта въ 150 миляхъ къ сѣверу отъ этого пункта. Промежуточная мѣстность была малоизвѣстна и пересѣкалась тремя большими рѣками кончающимися близъ Миссиссипи въ лабиринтъ болотъ и рукавовъ. Но онъ уже твердо устремилъ взоры на этотъ важный пунктъ: когда 25-го октября его силы, послѣ успѣшной защиты Коринта, были неожиданно увеличены и обѣщано было еще большее подкрѣпленіе, онъ на слѣдующій же день написалъ къ Галлеку, предлагая новый и смѣлый планъ дѣйствій и говоря въ заключеніе: „Я думаю что я могъ бы спуститься внизъ по центральной желѣзной дорогѣ Миссиссипи и заставить непріятеля очистить Виксбургъ.“ Это былъ его первый намекъ на историческое имя. Съ этой минуты и до тѣхъ поръ пока онъ вступилъ

побѣдителемъ въ укрѣпленія Вуксбурга 4-го іюля слѣдующаго года, его жизнь, также какъ жизнь его друга Шермана, была посвящена дѣйствіямъ противъ этой великой твердыни запада. Первая попытка прямымъ сухопутнымъ движеніемъ на нее не удалась по причинѣ блестящаго захвата Ванъ-Дорномъ Холли Спрингса, самаго важнаго поста на длинномъ пути сообщеній Гранта съ его базисомъ дѣйствій близъ Коринта. Союзный генералъ тогда еще не открылъ тайны (которою въ послѣдствіи такъ свободно воспользовался Шерманъ) вести армию въ этихъ богатыхъ, но слабо населенныхъ Южныхъ Штатахъ вовсе безъ всякаго базиса, живя на счетъ непріятели. Поэтому онъ отошелъ назадъ и былъ на время задержанъ. Въ другой разъ, между тѣмъ какъ онъ снова дѣйствовалъ съ сухаго пути грозя вторичнымъ наступленіемъ, Шерманъ съ отдѣльнымъ отрядомъ спустился по рѣкѣ и попытался (это было около Рождества 1862 года) захватить укрѣпленія врасплохъ, но и этотъ планъ также кончился неудачей съ большимъ урономъ. Сѣверъ, однакоже, довольно уже вкусилъ сладости успѣха, чтобы напрячь еще болѣе свои силы. 130.000 солдатъ даны были въ распоряженіе Гранта въ январѣ 1863 года, и изъ нихъ 50.000 были заняты въ болотахъ напротивъ Вуксбурга попытками отвести теченіе Миссиссипи. Англійскихъ писателей тогда обвиняли въ сообщеніи преувеличенныхъ разказовъ о бѣдствіяхъ союзной арміи, но самъ Бадо разказываетъ слѣдующее:

„Солдаты были разставлены лагеремъ вдоль западнаго берега Миссиссипи, на низкой болотистой почвѣ залитой въ этотъ годъ до небывалыхъ размѣровъ. Этотъ продолжительный разливъ и необыкновенно сильные дожди значительно увеличивали затрудненія Гранта, а также бѣдствія его арміи. Лагерь былъ часто затопляемъ, и въ войскахъ отъ того распространились болѣзни: дизентерія и горячки производили страшное опустошеніе, и даже появилась было оспа, но ея распространеніе скоро остановили. Насыпь была единственнымъ сухимъ мѣстомъ пригоднымъ для гробовъ, и на нѣсколько миль вдоль берега рѣки выдавалась надъ водой только одна эта узкая полоса на всемъ протяженіи изрытая могиламъ. Такимъ образомъ войска были окопаны кладбищами своихъ товарищей.... Преувеличенные разказы о болѣзняхъ, и даже о заразѣ распускались непріятеlemъ и на самомъ Сѣверѣ, чѣмъ только усиливались безпокойство страхи и затрудненія начальника.“

Въ мартѣ 1863 года была сдѣлана новая попытка. Теперь Грантъ попробовалъ обойти укрѣпленія Вилксбурга съ сѣверной стороны, переведя часть канонерскихъ лодокъ и войскъ въ рѣку Язу, впадающую въ Миссиссипи выше Вилксбурга, чрезъ лежащія между обѣими рѣками болота, но это также не удалось по причинѣ чрезвычайной трудности предпріятія. Такимъ образомъ Грантъ напрасно дѣлалъ попытки уже съ трехъ сторонъ и навлекъ на себя такъ много нареканій что при слѣдующей неудачѣ навѣрное былъ бы смѣненъ. Однакоже въ маѣ онъ высадился на западномъ берегу Миссиссипи, въ тридцати миляхъ къ югу отъ города, съ цѣлью новаго предпріятія, въ планъ коего входило вторженіе во враждебную страну посреди неизвѣстныхъ численностью армій, прибытіе въ тылъ крѣпости, разрывъ связи съ базисомъ на лѣвомъ флангѣ отъ коего онъ двинулся и открытіе новаго базиса въ связи съ растянутымъ правымъ флангомъ, причемъ *этотъ новый базисъ самъ по себѣ завистель отъ успѣха движенія* въ обходъ неприступныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Язу и отъ прохода флотиліи Портера. Смѣлый планъ былъ исполненъ съ замѣчательною энергіей и тѣмъ тактическимъ употребленіемъ напряженія въ критическую минуту битвы которое казалось инстинктивнымъ въ союзномъ генералѣ и коему онъ былъ обязанъ своими прежними успѣхами. Ошибки Шембертона, позднее прибытіе генерала Джонстона, только что выздоровѣвшего отъ ранъ полученныхъ имъ въ Виргиніи, довершили остальное, и 4-го іюля 1863 года Грантъ, несмотря на одержанную наканунѣ Мидомъ побѣду при Геттисбургѣ, сталъ первымъ человѣкомъ въ войскахъ Союза. Простой генераль-волонтеръ получилъ теперь достойно заслуженный имъ переводъ въ регулярную армію и былъ причисленъ къ самымъ почетнымъ членамъ профессіи съ которою онъ еще не такъ давно въ отчаяніи разстался.

Слава этого счастливаго генерала, заслуги коего еще болѣе выдавались вслѣдствіе ошибокъ другихъ, не надолго удовлетворилась завоеваніемъ Вилксбурга. Пораженіе на голову Розенкранца Браггомъ и Лонгстритомъ, въ то время какъ онъ старался пробиться изъ Тенесси въ Георгію, потребовало Гранта на эту сцену, куда онъ былъ вызванъ осенью по телеграфу для поправленія неудачи своего бывшего подчиненнаго.

Томасъ, замѣнившій теперь при Чаттанугѣ опальнаго генерала, былъ, повидимому, запертъ побѣдоносною арміею, но его линія сообщеній не была еще совершенно прервана. Грантъ, начальствующій теперь всѣми арміями къ западу отъ Аллеганскихъ горъ, успѣшилъ доставить ему сильное подкрѣпленіе, подъ командой Шермана; Галлекъ отрядилъ Гукера въ обходъ съ двумя корпусами изъ Виргиніи, и каждый день потерянный конфедератистами послѣ побѣды уменьшалъ ихъ выгоды. Многіе авторитеты высказывались что въ исторіи междуусобной войны не было большей ошибки какъ это такъ-называемое занятіе Чаттануги (которая вовсе и не была занята) слабою арміею и притомъ разставленною въ позиціи которая по необходимости раздѣляла ее на двое. Слишкомъ увѣренный въ себѣ чтобъ отступить и слишкомъ слабый для нападенія, Брагъ оставался въ бездѣйствіи на холмахъ предъ лагеремъ до тѣхъ поръ пока непріятель успѣлъ собрать неотразимую силу. Тогда Грантъ, напавъ на него въ его собственной позиціи, прогналъ его съ тяжкимъ урономъ обратно въ Георгію и обнажилъ центръ конфедерации, тогда какъ западная часть ея была уже отдѣлена вслѣдствіе потери Миссиссипи. Въ мартѣ 1864 года Грантъ, въ новомъ чинѣ генераль-лейтенанта нарочно для него созданномъ, принялъ, какъ бы по назначенію націи, главное начальство надъ всѣми союзными арміями, получивъ безграничный контроль надъ милліонами людей; между тѣмъ какъ Галлекъ, опереженный своимъ бывшимъ помощникомъ, остался при административныхъ обязанностяхъ въ военномъ министерствѣ, которыя онъ, должно отдать ему справедливость, исполнялъ успѣшно и съ неустанною энергіею. Хорошая дисциплина союзныхъ армій въ послѣдовавшую кампанію въ сильной степени зависѣла отъ строгихъ мѣръ принятыхъ имъ весной этого года, особенно въ отношеніи къ низшимъ разрядамъ полковыхъ офицеровъ. Съ другой стороны, дисциплина конфедератистовъ, всегда бывшая слабою и небрежною, еще болѣе разстроилась вслѣдствіе упадка ихъ духа.*

* Въ числѣ другихъ военныхъ ошибокъ конфедератистовъ былъ допущенный съ самаго начала обычай дозволять во время похода кому угодно покидать ряды для отысканія воды. Подъ этимъ предлогомъ бродяжничество развилось, наконецъ, до такихъ размѣровъ что ни одинъ офицеръ не могъ разчитывать на число солдатъ которе онъ приведетъ къ концу дня.

Получивъ новую должность, Грантъ разстался со своими товарищами, при содѣйствіи коихъ онъ ея добился, и рѣшился испытать счастье на иномъ полѣ. Прежде начала весенней кампаніи 1864 года, ему было необходимо избрать себѣ поле дѣйствія и размѣстить своихъ подчиненныхъ. Такъ какъ теперь теченіе Миссиссипи было безспорно обезпечено за Сѣверомъ, то оставались только двѣ значительныя линіи гдѣ главнокомандующій могъ съ пользою вести военныя дѣйствія 1864 года: линія открытая послѣднимъ успѣхомъ Гранта который онъ одержалъ надъ Браггомъ, или же другая которая вела прямо къ столицѣ конфедераціи. Многія причины могли искушать его въ пользу первой линіи. Здѣсь онъ повелѣвалъ бы испытанными войсками имѣвшими къ нему безграничное довѣріе вслѣдствіе великихъ подвиговъ уже совершенныхъ подъ его предводительствомъ. Здѣсь онъ имѣлъ бы помощниковъ рѣдкихъ качествъ, ибо трудно было сказать полагался ли онъ болѣе на спокойное мужество и неистощимую изобрѣтательность Шермана, или на тонкій геній и духъ отваги Макъ-Ферсона. * Здѣсь, притомъ, онъ осматрѣлся съ театромъ дѣйствій и зналъ что рядъ даже умѣренныхъ успѣховъ перенесетъ его армію чрезъ главную линію сообщеній еще остававшуюся у врага, отдѣливъ рѣшительно атлантическіе южные штаты отъ штатовъ лежащихъ близъ Миссиссипи, и ограничивъ конфедерацію такими размѣрами при коихъ она по необходимости должна будетъ погибнуть. Но всѣ подобныя соображенія переслывало одно, имѣвшее болѣе вѣса чѣмъ всѣ другія: воля его страны, ибо народъ Сѣвера ожидалъ что генералъ имъ избранный обнаружитъ свой талантъ на томъ самомъ полѣ гдѣ народная честь была запятнана позорными пораженіями. Между тѣмъ какъ побѣда за побѣдой и успѣхъ за успѣхомъ сопровождали оружіе Сѣвера на Западѣ, потомакская армія въ Виргиніи была почти такъ же далеко отъ Ричмонда, какъ и въ то время когда она только что въ первый разъ была набрана, и хотя она стояла за себя въ оборонительномъ положеніи и даже съ особеннымъ успѣхомъ, съ тѣхъ поръ какъ ею начальствовалъ Мидъ, но она ни разу не подвигалась впередъ безъ послѣдующаго отступленія съ

* Убитого въ послѣдствіи при Атлантѣ, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

урономъ, или, по крайней мѣрѣ, съ полною неудачей, предъ непобѣдимымъ полководцемъ который съ слабѣйшими силами умѣлъ ее сдерживать. Поэтому, честь призывала Гранта въ Виргинію, а политика также ясно указывала что пораженіе Ли и занятіе Ричмонда хотя бы и не уничтожили внутреннихъ средствъ конфедерациі, но за то нанесли бы невознаградимый ущербъ ея надеждамъ. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ было возвѣщено что Грантъ приметъ личное начальство надъ войсками въ Виргиніи въ слѣдующую кампанію.

Ограничимся краткимъ очеркомъ этой кампаніи, приведшей къ осадѣ Ричмонда. Въ настоящее время извѣстно что силы конфедератистовъ были значительно меньше чѣмъ полагали въ то время. Въ главной арміи Ли въ дѣйствительности было только 52.000 человекъ противъ 141.000 человекъ собранныхъ Грантомъ; вспомогательныя войска конфедератистовъ были менѣе 25.000 противъ 48.000 выведенныхъ въ поле Бутлеромъ и Сигелемъ и 47.000 резерва стоявшаго близъ Вашингтона. Генераль Грантъ, въ своемъ официальномъ донесеніи, говоритъ что при первомъ движеніи въ мѣстность называемую Вайльдернесъ онъ имѣлъ намѣреніе стать между Ли и Ричмондомъ, заставивъ такимъ образомъ непріятельскую армію, на которую онъ смотрѣлъ какъ на главный предметъ своихъ дѣйствій, напасть на его собственную при невыгодныхъ условіяхъ. Поэтому первоначально онъ не имѣлъ намѣренія идти на Спотсильванію, какъ можно было предположить судя по его движеніямъ. Разница, впрочемъ, заключалась только въ намѣреніи, потому что его неутомимый противникъ, хотя ему и не удалось разбить союзную армію фланговымъ движеніемъ приведшимъ къ битвѣ при Вайльдернесѣ, тѣмъ не менѣе остановилъ этимъ ея восточное движеніе. Когда же генераль-лейтенантъ, остановленный такимъ образомъ съ самаго начала въ исполненіи своего плана, сдѣлалъ попытку скрыть движеніе лѣвнымъ флангомъ на Спотсильванію и обойти новую линію непріятеля, то его проницательный соперникъ усмотрѣлъ и предупредилъ и этотъ маневръ, быстрее достигнувъ названнаго пункта и ставъ между Грантомъ и Ричмондомъ въ той самой оборонительной позиціи, которую предполагалъ занять союзный генераль.

Страшныя потери понесенныя Грантомъ 5-го и 6-го мая, въ сраженіи при Вайльдернесѣ, должны были ясно показать ему что войска столь поспѣшно набранныя, какъ тѣ кото-

рыя онъ имѣлъ подѣ рукой (въ пивыхъ бригадахъ четыре пятыхъ всѣхъ людей состояли изъ только-что вооруженныхъ рекрутъ), не могли равняться въ разсыпномъ строю среди густыхъ лѣсовъ съ ветеранами Ли, изъ коихъ каждый былъ закаленъ въ боевомъ дѣлѣ. Вотъ что говорить объ этомъ Свинтонъ, авторъ заслуживающій вниманія: *

„Результатъ битвы сильно разочаровалъ Гранта, ибо онъ раздѣлялъ распространенное на Западѣ мнѣніе о томъ что потомакская армія никогда не была ведена къ битвѣ какъ слѣдуетъ. Убѣжденіе это, можетъ-быть, было весьма естественно, но тѣмъ не менѣе оно было ложно. Раздѣляя его, Грантъ надѣялся однимъ ударомъ покончить съ безпокойнымъ и, повидимому, неуязвимымъ противникомъ, и для достиженія этой цѣли онъ не давалъ цѣны искусству достигающему результатовъ посредствомъ направленія и комбинаціи силъ: въ это время онъ явно не хотѣлъ пользоваться маневрами. Онъ исключительно разчитывалъ на грубую массу, на быстрые и безошадные удары.“

Заявленіе это высказано не безъ основанія и основано на свидѣтельствѣ авторитета.

„Не задолго предъ началомъ рапиданской кампаніи, генералъ Мидъ, въ разговорѣ съ генералъ-лейтенантомъ, сообщилъ ему свои планы маневровъ, причемъ генералъ Грантъ остановилъ его на словѣ „маневры“ и сказалъ: „О! я никогда не маневрирую“. Это характеристическое замѣчаніе, которое деликатность біографовъ охотно проходитъ молчаніемъ, не должно быть опущено, ибо оно указываетъ на соображенія имѣвшія существенное вліяніе на ходъ кампаніи. Битву при Вайльдернесѣ едва ли можно иначе понять какъ дѣло начальника который „никогда не маневрировалъ.“

Приводя этотъ отзывъ о Грантѣ, справедливость требуетъ присовокупить что если онъ употребилъ подобное выраженіе и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, повидимому, неосмотрительно, то это явно зависѣло отъ ошибочнаго взгляда его на бывшую въ его рукахъ армію, ибо въ предыдущихъ кампаніяхъ противъ Вилксбурга и при Чаттанугѣ онъ въ высокой степени обнаружилъ искусство маневрировать.

Затѣмъ послѣдовала въ теченіе двѣнадцати дней кровопролитная борьба при Спотсильваніи. 12-го мая, войскамъ

* Swinton's *Army of the Potomac*. New York 1865.

Гранта удалось ворваться на непріятельскіе брустверы; но хотя взятіе одного выдающагося угла со многими пушками и пѣнными и вознаградило смѣлый приступъ, позиція непріятели въдствие того только слегка подалась назадъ, существенно же не измѣнилась. Въ этотъ день потомакская армія потеряла 8.000 человекъ, удерживая занятую позицію, и поле сраженія, по словамъ очевидца, было буквально завалено кучами убитыхъ. За два дня предъ тѣмъ, въ менѣе удачномъ нападеніи, потеря федералистовъ была отъ пяти до шести тысячъ. Наконецъ, такъ какъ взять позицію не было надежды, Грантъ, прекративъ двѣнадцатидневныя усилія, рѣшился выманить изъ нея Ли движеніемъ въ обходъ его. За недостатокъ предусмотрительности онъ заплатился потерей еще до 20.000 человекъ выбывшихъ изъ строя, между тѣмъ какъ конфедератисты, включая даже захваченную врасплохъ Ганкокомъ цѣлую дивизию, потеряли только третью часть этой цифры. Истощенная армія Гранта, говоритъ союзный историкъ, начала было падать духомъ и потому съ радостью отошла отъ линій Спотсильваніи.

Получивъ значительныя подкрѣпленія изъ Вашингтона, Грантъ двинулся 20-го мая на западъ, обойдя непріятели справа и затѣмъ направясь на югъ, но встрѣтилъ конфедератистовъ уже стоящихъ впереди его фронта на рѣкѣ Сѣверной Аннѣ, въ позицію столь превосходно выбранной что даже при всей своей смѣлости онъ видѣлъ ея неприступность. Другое фланговое движеніе, четвертое уже въ теченіе мѣсяца, привело Гранта къ Памунки, и наконецъ, въ концѣ мая, его армія достигла того поля которое за два года предъ тѣмъ занималъ Макъ-Клелланъ. Предъ самымъ фронтомъ его арміи былъ ручей Чикагомини съ тѣми самыми переходами коими соединялись фланги арміи Макъ-Клеллана при ея движеніи вдоль ручья въ 1862 году; но, между Грантомъ и этими переходами, въ на-скоро возведенныхъ укрѣпленіяхъ прикрытыхъ болотами и зарослями, стоялъ вѣчно бдительный Ли въ томъ строго-оборонительномъ положеніи коего онъ не покидалъ въ эту кампанію послѣ своего неудачнаго нападенія при Вайльдернесѣ. Теперь наступило время когда карьера Гранта, какъ главнокомандующаго, была омрачена темнымъ пятномъ. Когда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ отступалъ предъ позиціей Ли на Сѣверной Аннѣ, онъ, казалось,

убѣдился уже горькимъ опытомъ что постоянные удары въ которые онъ не такъ давно еще вѣровалъ могли разбить самый инструментъ въ его рукахъ, прежде чѣмъ кончена будетъ работа. Даже обширныя средства коими онъ могъ пользоваться для пополненія своихъ силъ не могли бы долгое время доставлять по 20.000 человекъ въ недѣлю для продолженія опыта. Поэтому послѣдовавшія жертвы требуютъ нѣкотораго оправданія. Можетъ-быть, обычное невозмутимое хладнокровіе Гранта было раздражено постоянною готовностью съ какою встрѣчался съ нимъ его противникъ; можетъ-быть, онъ полагалъ что конфедератисты на столько ослабили отъ своихъ потерь что не въ состояніи прикрыть свои укрѣпленія, или же находилъ что его новая команда не была еще достаточно испытана суровыми трудами истекшаго мѣсяца; можетъ-быть, наконецъ, его побуждали къ дѣйствию всѣ эти причины вмѣстѣ. Возможно также что болѣе всего на него имѣло вліяніе непріятное сознаніе что онъ вызвалъ на свои дѣйствія критику всего свѣта телеграммой изъ Спотсильваніи: „я предполагаю сражаться на этой линіи, хотя бы то пришлось въ теченіе всего дѣтя,“ ибо эта избранная имъ линія была уже оставлена безъ всякаго достигнутаго результата. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился еще разъ на попытку выбить Ли съ своего пути прямою атакой, и призвавъ на помощь 16.000 бывшихъ у Бутлера на Джемсъ, онъ предписалъ произвести общій приступъ въ половинѣ пятаго часа утромъ 3-го іюня. „Солдаты ринулись, говоритъ Гоуландъ*, послѣдовала отчаянная борьба, быстрая убійственная пальба съ обѣихъ сторонъ, и армія пришла къ сознанію что предстоящая задача превосходить возможность.“ Свидѣтельство Свинтона, самого очевидца битвы, болѣе полно: „Не болѣе десяти минутъ рѣшила битву. Напоръ по всей линіи, видъ неприступныхъ укрѣпленій, кровопролитный уронъ, внезапное отступленіе, и дѣло было рѣшено.“ Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ подробностей, онъ заключаетъ:

„Дѣло было рѣшено, какъ я сказалъ, въ невѣроятно краткое время утренняго приступа. Какъ ни быстръ былъ результатъ, но онъ былъ рѣшителенъ. Войска дошли впередъ до предѣла до коего могъ довести ихъ примѣръ офицеровъ,

* *Grant as a Soldier and Statesman.* By E. Howland. London. 1868.

и невозможно было заставить ихъ перейти его, ибо они знали что тамъ ихъ ожидаетъ смерть, даже безъ надежды на побѣду. До какой степени это сознание раздѣлялось всею арміею поразительно доказываетъ обстоятельство случившееся до полудня. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго неудачнаго приступа генераль Мидъ послалъ инструкціи ко всемъ корпуснымъ командирамъ возобновить нападеніе. Приказъ былъ сообщенъ ими подчиненнымъ начальникамъ и переданъ далѣе всей арміи обычнымъ путемъ, но ни одинъ человекъ не двинулся, и неподвижныя линіи произнесли безмолвный, но торжественный приговоръ противъ продолженія боины. Потеря федералистовъ въ этомъ кровавомъ дѣлѣ превышала 13.000, между тѣмъ какъ сомнительно чтобы со стороны конфедератистовъ она достигала и 1.300.“

Въ подробномъ критическомъ разборѣ подобнаго дѣла нѣтъ надобности. Способъ атаки Гранта произведенной „вдоль всей линіи“ и безъ всякаго резерва противорѣчитъ всемъ тактическимъ правиламъ теоріи и практики. Исключеніе, правда, допускается въ одномъ важномъ случаѣ когда неприятель обезсиленъ предшествовавшимъ дѣломъ. Такъ Веллингтонъ приказалъ общую атаку при Ватерлоо, когда ударъ Пруссавовъ поколебалъ и обнаружилъ правый флангъ Французовъ, и сдѣлалъ для Наполеона сраженіе безнадежною борьбой. Такъ точно Радецкіи, движимый такимъ же гениальнымъ вдохновеніемъ, неожиданно устремилъ всю линію своего фронта на утомленныхъ Италіянцевъ при Новаррѣ, прежде чѣмъ Гессъ, его методическій начальникъ штаба, могъ собрать резервы для окончательной атаки. Грантъ не имѣлъ подобныхъ побудительныхъ причинъ для сраженія. Войско которое онъ атаквалъ состояло изъ ветерановъ закаленныхъ въ войнѣ, привыкшихъ къ страданіямъ и опасности, увѣренныхъ въ своемъ генералѣ, сознающихъ свою непобѣдимость въ оборонѣ и замѣнявшихъ недостатокъ численности и дисциплины замѣчательными индивидуальными качествами. Замѣтимъ, впрочемъ, что ошибка союзнаго генерала не была нова, ибо Наполеонъ, коего способъ давать сраженія обыкновенно любятъ вообразать безупречнымъ, положилъ почти такое же число людей въ 1807 году въ напрасномъ нападеніи на русскій укрѣпленный лагерь при Аллерѣ, въ нападеніи сдѣланномъ, повидимому, безъ всякаго основанія, такъ какъ эти укрѣпленія были въ послѣдствіи обойдены безъ затрудненія простымъ фланговымъ движеніемъ. Эта

жертва принесенная нетерпѣнію при Гейльсбергѣ была даже еще менѣе извинительна, ибо отъ французскаго императора не требовала раздраженная нація чтобъ онъ дѣйствовалъ во чтѣ бы ни стало.

Не сознавая, можетъ-быть, что онъ въ этомъ случаѣ подражалъ Наполеону, тактика коего въ его позднѣйшій періодъ * имѣла сходство съ тактикой великаго союзнаго генерала, Грантъ теперь снова свернулъ въ сторону отъ укрѣпленій которыя онъ не могъ взять, и широкимъ уклономъ влѣво, пятымъ и послѣднимъ поворотомъ въ теченіе года, отошелъ отъ окровавленныхъ нажитей Чикагомини, пересѣкъ рѣку Джемсъ въ тридцати миляхъ ниже Ричмонда, и поставивъ свою армію къ югу отъ Питерсбурга (который не былъ взятъ при этомъ движеніи только вслѣдствіе тѣлосности), провелъ остальную часть года, укрѣпившись предъ этимъ городомъ. Планъ этотъ не былъ вызванъ предшествовавшими неудачами. Напротивъ, въ своихъ письмахъ въ Вашингтонъ писанныхъ имъ еще до его послѣдняго производства, онъ сильно настаивалъ на томъ что будущая кампанія противъ Ричмонда должна быть ведена не прямымъ движеніемъ, а скорѣе именно подобными операціями направленными къ югу отъ Джемса и имѣющими базисъ у берега моря. Дѣйствія эти направлялись бы къ тому чтобъ окончательно отдѣлить Ричмондъ (смотря на него въ такомъ случаѣ какъ на крѣпость выдающуюся на сѣверъ) отъ остальной части конфедераціи, и стѣснивъ его защитниковъ, запереть ихъ въ немъ подобно тому какъ Пембертонъ былъ запертъ въ Вилксбургѣ, или же принудить ихъ его очистить. Дѣйствительно, должны были быть очень сильныя политическія и личныя побудительныя причины принудившія Гранта, когда онъ номинально получилъ безконтрольную власть, устранить этотъ планъ и принять линію дѣйствія на которой Макъ-Довель и Попъ, Борнсайдъ и Гукеръ терпѣли послѣдовательно пораженія, и которая, когда онъ вынужденъ былъ оставить ее, привела его на мѣсто неудачи Макъ-Клеллана. Теперь обнаружилась провинцательность его первоначальнаго выбора, и онъ находился наконецъ въ выгодной позиціи, хотя достигъ ея только послѣ потери 60.000 человекъ, между тѣмъ какъ рады

* Marmont, *Esprit des institutions militaires.*

Ли уменьшились всего на 15.000 человекъ. Нравственная энергія Сѣвера поддерживала генераль-лейтенанта, но успѣшное движеніе Шермана въ Георгію, можно полагать, имѣло въ это время особенно сильное вліяніе. Еслибы кампанія Шермана была неудачна, то, по мнѣнію союзнаго историка, было бы трудно набрать новыя силы для пополненія потомакской арміи.

Съ этого времени Грантъ, не пренебрегая уроками неудачъ, отказался отъ дорого стоившей тактики такъ мало ему послужившей. Его кампанія приняла видъ осады, или скорѣе блокады, и была возобновлена въ значительныхъ размѣрахъ та затруднительная форма военныхъ дѣйствій которой не приходилось видѣть съ тѣхъ поръ какъ Тюрентъ и Монтекукули сдерживали другъ друга въ Шалатинатѣ. Были воздвигнуты циркумвалляціонныя линіи вокругъ непріятеля съ фронта и контравалляціонныя линіи противъ непріятеля съ тыла. Лагерь федералистовъ охраняли верки вооруженные самыми тяжелыми орудіями, и вдоль его линій припасы развозились по желѣзной дорогѣ. Бомбардировка и веденіе минъ въ неслыханныхъ размѣрахъ не были въ силахъ поколебать защиты Ли съ фронта, и борьба постепенно ограничивалась постоянными усиліями Гранта обогнать противника успѣшными дѣйствіями на западномъ флангѣ. Грантъ пытался завладѣть тремя линіями желѣзныхъ дорогъ соединявшихъ Ричмондъ съ конфедераціей. Въ августѣ Грантъ овладѣлъ ближайшею Вельдонскою линіей желѣзной дороги; но годъ истекъ, и весна 1865 года далеко подвинулась, а дорога изъ Саутсайда въ Питерсбургъ не была взята, и третья линія изъ Даявила прямо въ Ричмондъ была еще весьма далеко отъ рукъ федералистовъ. Грантъ тѣмъ не менѣе, несмотря на многія неудачи, упорно удерживалъ свое угрожающее положеніе, хорошо подкрѣпляемый великими и невѣроятными средствами Союза, въ которомъ блестящіе успѣхи Шермана возбудили энергическую дѣятельность, и получая отъ дезертировъ и шпионовъ подробныя извѣщенія о слабѣющей силѣ геройской арміи такъ долго обрацавшей въ ничто усилія Сѣвера. Здѣсь не мѣсто доказывать въ подробности какъ пагубно было для Южанъ политическое рѣшеніе заставившее Ли, противъ его собственнаго мнѣнія и вопреки всѣмъ военнымъ правиламъ, держаться въ Ричмондѣ

дѣвой гибели его защитниковъ. Армія Ли терпѣла страшно отъ двухъ вліяній: недостатка людей и недостатка припасовъ. Конфедерація еще не совершенно растратила мужественное населеніе, какъ то воображалъ Грантъ, но конскрипція, дурно веденная съ самаго начала, вовсе не достигала цѣли по мѣрѣ того какъ средства конфедеративнаго правительства уменьшались, и эта неудача, въ связи съ умышленнымъ отказомъ Сѣвера на предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, препятствовала совершенно набору войскъ въ столицѣ. Точно также замѣчательно и, вѣроятно, еще болѣе рѣшительно по результатамъ было полное разстройство комиссаріатской системы конфедеративныхъ. Ли открылъ это слишкомъ поздно. Побѣги поослабили его ряды въ теченіе зимы и съ весной 1865 года стали такъ быстро умножаться что въ мартѣ ему пришлось охранять сорокъ миль укрѣпленій арміей въ которой было всего лишь 40.000 человекъ. Силы непріятеля тѣмъ временемъ постоянно увеличивались, такъ что стало абсолютно необходимымъ сдѣлать усиліе дабы высвободить южную армію изъ положенія которое нельзя было долѣе удерживать. Отступить отъ Ричмонда, впрочемъ, уже было не легко и не безопасно. Для этого необходимо требовалось движеніе длинными колоннами мимо лѣваго фланга Гранта который былъ постоянно насторожѣн, и Ли рѣшился поэтому заставить непріятеля стянуть этотъ флангъ, сдѣлавъ неожиданное нападеніе на восточный или правый флангъ его линій предъ Питерсбургомъ. На основаніи этого плана и была произведена вылазка утромъ 25-го марта. Она была поручена Гордону, младшему и самому смѣлому изъ корпусныхъ начальниковъ Ли, который во время осенней кампаніи своею храбростію и своими дѣйствіями заслужилъ повышение изъ ряда простыхъ бригадировъ на настоящую должность. Его атака въ началѣ обѣщала быть успѣшною, такъ какъ одинъ изъ сильныхъ редутовъ защищавшихъ союзный лагерь былъ взятъ приступомъ, и три сосѣднія съ нимъ батареи были оставлены прикрытіемъ. Но успѣхъ не могъ быть продолжителенъ, ибо подкрѣпленія которыя должны были поддержать Гордона, дабы онъ могъ утвердиться за верками для дальнѣйшаго движенія, не подоспѣли, и тогда федералисты, успѣвъ оправиться отъ неожиданности нападенія, прогнали обратно атакующихъ, взявъ у нихъ много

плѣнныхъ и причинивъ имъ, кромѣ того, тяжкій уронъ убитыми и ранеными, такъ какъ отступление происходило подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи.

Грантъ въ этомъ возобновленіи непріятелемъ наступательныхъ дѣйствій усмотрѣлъ его возрастающее ослабленіе и поспѣшилъ отвѣтить ударомъ который покончилъ бы продолжительную кампанію. Для исполненія его желанія явилось надежное орудіе въ лицѣ Шеридана, самаго пылкаго и дѣятельнаго изъ новаго разряда генераловъ, молодыхъ лѣтцами, но уже ветерановъ въ военномъ дѣлѣ, отличившихся въ теченіе цѣлаго ряда кампаній. Грантъ впервые обратилъ на него вниманіе въ 1863 году, при Чаттанугѣ, гдѣ онъ велъ свою пѣхотную дивизію противъ линій Брагга со всею пылкостью юности и съ искусствомъ опытнаго воина. Пораженный его мужествомъ и тактическимъ талантомъ, Грантъ снова перевелъ его въ кавалерію (въ которой Шериданъ впервые отличился), назначивъ его сначала начальникомъ всей конницы своей арміи и затѣмъ поручивъ ему независимыя дѣйствія въ долинѣ Шенандоа, гдѣ осенью ему пришлось имѣть дѣло съ генераломъ Ирри. Шериданъ окончательно разбилъ и разсѣялъ армію этого генерала, и по исполненіи этого отдѣльнаго предпріятія возвратился къ своему начальнику дабы принять участіе въ окончательной борьбѣ. Онъ прибылъ въ союзную главную квартиру 27-го марта, два дня спустя по отраженіи Гордона, и его прибытіе послужило сигналомъ для начала весенней кампаніи 1865 года.

Первый планъ Гранта, какъ онъ былъ изложенъ въ его собственныхъ приказахъ, былъ довольно простъ и могъ считаться продолженіемъ его усилій на лѣвомъ флангѣ въ прошедшую осень. Шериданъ съ кавалеріей долженъ былъ сдѣлать смѣлый набѣгъ вовнутрь страны и уничтожить Саутсайдскую и Данвилльскую желѣзныя дороги. Пѣхотные корпуса, взявъ для легкости только часть своихъ орудій, должны были двинуться влѣво съ двойною цѣлю: обойти позицію непріятеля и обезпечить успѣхъ Шеридана. Одинъ только 9-й корпусъ долженъ былъ остаться и охранять линію предъ Питерсбургомъ. Такимъ образомъ эти послѣднія удерживались бы 20.000 человекъ, между тѣмъ какъ 10.000 кавалеріи и 80.000 пѣхоты направлялись сзади нихъ и отрѣзывали Ричмондъ отъ остальной части Юга. Войска, хорошо продо-

вольствуемая, хорошо вооруженная и увѣренная въ успѣхѣ, взяли съ собой провизию на четыре дня, а легкіе поѣзды везли по рельсамъ еще на восемь дней припасовъ. Этого считалось достаточнымъ для окончанія предпріятія, и расчеты не оказались ошибочными. Величайшая междуусобная война, или же, иными словами, величайшій мятежъ близился къ концу. Энергія и рѣшимость съ которыми генералъ Грантъ стремился къ своей цѣли, не утомляясь отсрочками, не смущаясь неудачами, должны были наконецъ доставить ему полное вознагражденіе.

Движеніе началось рано утромъ 29-го марта. Вечеромъ 5-й и 2-й пѣхотные корпуса, подъ начальствомъ Варрена и Томфриза, вышли уже изъ-за линій и нашли что конфедератисты расширили легкія укрѣпленія до находившихся назади лѣсовъ. Здѣсь они выстроили цѣпь осторожно развѣдывающа мѣстность. Шериданъ въ эту ночь находился въ Дивидди, въ шести миляхъ далѣе на западъ, или влѣво, готовясь отправиться на слѣдующій день въ свою отдаленную экспедицію. Неожиданно Гранта ослѣпило вдохновеніе которое при подобныхъ великихъ событіяхъ предшествуетъ успѣху и предвѣщаетъ его: измѣнивъ первоначальный планъ, онъ рѣшился загнуть свой лѣвый флангъ и поразить непріятеля на томъ мѣстѣ гдѣ онъ стоялъ. „Я теперь думаю, писалъ онъ въ этотъ вечеръ къ Шеридану, какъ бы покончить дѣло, если это возможно, прежде чѣмъ идти назадъ. Поэтому мнѣ не нужно чтобы вы теперь отдѣлились и шли на непріятельскія дороги. Утромъ устремитесь въ обходъ непріятеля и постарайтесь зайти къ нему въ тылъ справа. Мы же будемъ здѣсь дѣйствовать всею арміею пока будетъ видно что можно сдѣлать.“ Ли однако не былъ застигнутъ врасплохъ и не оставался въ бездѣйствіи. Съ своею обычною проницательностію онъ предусмотрѣлъ маневръ федералистовъ, и отдѣливъ 15.000 человекъ изъ слабого гарнизона Питерсбурга, перевелъ ихъ на свой правый флангъ, чтобъ еще разъ испытать свой прежній способъ войны и ударить на выдавшійся флангъ непріятеля пока еще онъ не былъ развернутъ. 30-го марта его войска, несмотря на проливной дождь въ теченіе цѣлаго дня задерживавшій движеніе федералистовъ, собрались у Пяти Угловъ (Five Forks), важнаго пункта пересѣченія дорогъ, близъ самой Саутсайдской желѣзной дороги

и въ десяти миляхъ позади линій Питерсбурга. Укрѣпившись здѣсь, они стали почти на перепутьи между Шериданомъ и ближайшимъ союзнымъ пѣхотнымъ корпусомъ Варрена. На слѣдующее утро обрушился на нихъ ударъ Ли. Первый испыталъ его Варренъ, но измѣнивъ обычную тактику федералистовъ, онъ разставилъ свои войска глубокими эшелонами, такъ чтобъ они при взаимной поддержкѣ могли выдержать фланговую атаку, и будучи подкрѣпленъ частью корпуса Гомфриза, онъ подъ конецъ снова занялъ свою позицію. Отступивъ отъ него, конфедератисты обратились на Шеридана достигшаго своимъ авангардомъ до Пяти Угловъ и прогнали его обратно къ Дивидди. Вообще, слѣдовательно, сраженіе 31-го марта осталось нерѣшительнымъ, хотя приказы Гранта, отданные имъ въ эту ночь, указываютъ что онъ сильно беспокоился за Шеридана, и Варрену было предписано идти прямо къ его квартирѣ и подкрѣпить его.

Утро 1-го апрѣля рѣшило кампанію. Шериданъ увидѣлъ что непріятель отступилъ къ Пяти Угламъ и послѣдовалъ за нимъ со своею кавалеріей, поставивъ корпусъ Варрена позади, скрытымъ отъ наблюденія. Достигнувъ укрѣпленій непріятеля,—простой линіи брустверовъ безъ фланговыхъ прикрытій, занятой дивизіями Пиккета и Бушродъ-Джонсона,—онъ частью своихъ спѣшенныхъ солдатъ обратилъ на себя вниманіе и показалъ видъ будто другою дивизіей онъ хотѣлъ обойти укрѣпленія справа, между тѣмъ какъ весь корпусъ Варрена тайнѣ строился для движенія на лѣвый флангъ. Тактика эта удалась вполнѣ. Варренъ ринулся съ неотразимою силою на изумленныхъ конфедератистовъ занятыхъ атаками Шеридана на фронтъ и правый флангъ ихъ. Паническій страхъ объялъ конфедератистовъ, ряды ихъ смѣшались, и 5.000 защитниковъ Пяти Угловъ достались въ руки побѣдителя. На слѣдующій день Грантъ энергически продолжалъ дѣло выигранное его лейтенантомъ и атаковалъ весь фронтъ линій Питерсбурга. Внѣшніе верки защищаемые слишкомъ слабыми силами для серьезнаго сопротивленія пали при первомъ приступѣ, и хотя Лонгстритъ прибылъ въ-время съ другой стороны рѣки Джемса чтобъ удержать внутреннюю линію укрѣпленій, тѣмъ не менѣе Ли видѣлъ необходимость приказать отступление во что бы ни стало въ эту же ночь. Но федералисты были теперь столь же близко отъ Данвильской

желѣзной дороги, какъ и ихъ непріатели, которые по ней од-
вой могли надѣяться продовольствовать армію въ опустошен-
ной мѣстности, на пути въ Сѣверную Каролину. Предусмо-
трительность Гранта уже припасла средства необходимыя
для продолжительнаго преслѣдованія, между тѣмъ какъ гене-
ралъ конфедератистовъ не имѣлъ запасовъ ближе Данвила,
да и про эти послѣдніе не зналъ придутъ ли они въ время
для пополненія его недостатка на пути отступленія. Неиз-
вѣстность стала смѣняться отчаяніемъ, когда на разсвѣтѣ
4-го апрѣля, послѣ тяжелаго перехода, онъ достигъ желѣз-
ной дороги у станціи Амеліи и нашелъ что его вагоны по
ошибкѣ отправлены въ Ричмондъ. Между тѣмъ его против-
никъ продолжалъ теперь преслѣдованіе съ неослабною энер-
гіей и не замедлилъ воспользоваться превосходствомъ
средствъ. Пока голодныя колонны конфедератистовъ ожидали
фуражировъ отправленныхъ достать продовольствіе, Грантъ
самъ повелъ свою пѣхоту параллельно линіи движенія Ли, а
Шериданъ, двинувшись стремительно мимо нея, занялъ же-
лѣзную дорогу къ югу отъ Амеліи, гдѣ къ нему вскорѣ при-
соединился 5-й корпусъ, и расположилъ свои войска такимъ
образомъ чтобы совершенно заградить путь.

Но и тогда полководецъ конфедератистовъ не уступилъ
предъ судьбой. Дважды широкимъ обходомъ устремлялся онъ
на западъ, пытаясь сначала обойти непріателя и достигнуть
Данвильской линіи позади него, и затѣмъ,—когда эта надеж-
да не удалась,—занять боковую вѣтвь идущую къ Линчборгу
и горамъ. Все было напрасно противъ предусмотрительности
Гранта, пыла Шеридана и роковаго превосходства силъ.
Голодныя войска Ли не могли выносить долѣе тяжести бѣд-
ствий. „Сотни, говоритъ очевидецъ, падали отъ истощенія, и у
тысячъ валялись ружья изъ рукъ отъ невозможности нести
ихъ долѣе.“ 9-го апрѣля жалкіе остатки Виргинской арміи
вашили, наконецъ, успокоеніе близъ станціи Аппоматоксъ и
были сданы ихъ начальникомъ на условіяхъ столь либераль-
ныхъ и столь деликатно предложенныхъ, что трудно сказать
кто въ этомъ дѣлѣ болѣе заслуживаетъ почета, побѣдитель
или побѣжденный. „Со слезами, текущими по щекамъ,—опи-
сываетъ одинъ свидѣтель этой сцены,—генералъ Ли, нако-
нецъ, принудилъ себя выговорить: „Солдаты, мы вмѣстѣ сра-
жались во время войны. Я сдѣлалъ для васъ что только могъ.“

И никто безъ слезъ не могъ смотрѣть на эту сцену. Когда президентъ Джонсонъ, не долго спустя, въ первомъ мстительномъ порывѣ торжества, хотѣлъ было предать стараго героя и его любимыхъ офицеровъ суду и мести, генераль Грантъ отстоялъ нерушимость капитуляціи съ тою же рѣшимостію съ какою во время кампаніи заключилъ ее.

Война была признана оконченною со дня когда Ли положилъ свой мечъ, и дѣло Союза не нуждалось болѣе въ мечѣ Гранта. Нынѣ нація, благодарная за его заслуги и ожидающая отъ него еще большихъ, призвала своего любимаго генерала къ обязанностямъ еще болѣе важнымъ чѣмъ военныя или административныя. Какъ въ критическую минуту войны голосъ Оверера призвалъ Гранта къ главному начальству, такъ и теперь тотъ же голосъ націи объявилъ его человѣкомъ который лучше всѣхъ можетъ разрѣшить затрудненія завѣщанныя войной. Пророчить о результатахъ нѣтъ надобности. Великій, хотя не безупречный, какъ генераль, дѣятельный и искусный въ административныхъ дѣлахъ, Грантъ по его качествамъ государственнаго человѣка представляетъ загадку которую должно разрѣшить время. Извѣстно что онъ сумѣлъ такимъ образомъ избѣгнуть подводныхъ камней партій, что республиканцы считали его въ душѣ демократомъ, а демократы нападали на него за его крайнія республиканскія склонности. Извѣстно также что ни безусловная и чрезмѣрная похвала, ни личныя и ядовитыя нападки не могли поколебать его сдержанность или заставить его безвозвратно заручиться въ руки какого-либо кружка. Но подлежащая ему теперь задача требуетъ болѣе чѣмъ благоразумія и осторожности. Она требуетъ высокой мудрости и великаго государственнаго искусства. Залѣчить раны оставленныя войной, возвратитъ къ согласію все еще обуреваемый раздоромъ Союзъ, обезпечить истинную свободу южнымъ неграмъ и полную справедливость бѣлымъ Южанамъ, таковы, въ дѣйствительности, задачи которыя могли бы затруднить самого Вашингтона или даже болѣе великаго человѣка чѣмъ Вашингтонъ, если возможно найти такового. Другъ и совѣтникъ Гранта, Шерманъ, какъ будто предвидѣлъ грядущія событія, когда, пять лѣтъ тому назадъ, при назначеніи Гранта въ должность генераль-лейтенанта, написалъ ему пророческое предостереженіе которое особенно кстати привести теперь: „Вы теперь законный

преемникъ Вашингтона и занимаете положеніе почти опасное по высотѣ его; но если вы будете по-прежнему тѣмъ чѣмъ были до сихъ поръ, человѣкомъ простымъ, честнымъ и безъ претензій, то вы въ теченіе всей жизни будете пользоваться любовью и уваженіемъ друзей и почетомъ милліоновъ человѣческихъ существъ, что доставитъ вамъ широкую долю участія въ обезпеченіи имъ и ихъ потомкамъ прочнаго и твердаго правительства.“

Можно надѣяться что этотъ достойный совѣтъ друга найдетъ полное приложеніе въ дѣйствіяхъ новаго президента.

ВОСПОМИНАШЯ О БАВБАЗЪ И ГРУЗИИ*

VI.

Во Владикавказъ я засталъ уже въ сборѣ всѣхъ офицеровъ составлявшихъ въ то время весьма немногочисленную свиту барона Розена, его личныхъ адъютантовъ: барона Александра Евстаѣевича Врангеля, Александра Ивановича Попова, ординарца графа Цукато и двухъ братьевъ Поляковъ, князей П*, которые оба, къ сожалѣнiю, не оказались подходящими къ духу и понятiямъ господствовавшимъ въ нашемъ кругу и, къ общей радости, скоро послѣ экспедиции исчезли безъ слѣда. Должность отряднаго дежурнаго штабъ-офицера занималъ ротмистръ Дмитрiй Алексѣевичъ, Всеволожскiй, всѣми любимый и почитаемый за его уживчивый характеръ, за доброту и за храбрость, которую онъ, отъ избытка скромности, какъ бы стыдился выказывать. Кромѣ того, находились при штабѣ еще нѣсколько очень хорошихъ, но менѣе замѣтныхъ офицеровъ, о которыхъ не могу припомнить въ настоящую минуту. Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Норденстамъ, заболѣвшiй въ Тифлисѣ, и адъютанты корпуснаго командира Минуцкiй и Языковъ, сколько помнится, прiѣхали во Владикавказъ не прежде начала августа.

Недолго пользовался я во Владикавказѣ свободою [жизнiю и бездѣлiемъ, позволявшими отлучаться въ лагерь къ Мирза-Джану и къ князю Бебутову, у которыхъ мнѣ очень понравилось проводить время посреди совершенно для меня новаго азиатскаго разгула. На третiй день прiѣхалъ начальникъ

* См. *Русскiй Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

штаба, и меня потребовали къ нему прямо съ веселаго обѣда въ татарскомъ лагерѣ. Освѣживъ голову холодною водою, я пошелъ къ докладу, сколько помню, ничего не спуталъ, и вернулся на свою квартиру съ туго набитымъ портфелемъ. Съ той поры отъ ранняго утра до поздней ночи мнѣ приходилось сидѣть за бумагами, прислушиваясь къ скрипу писарскихъ перьевъ, вмѣсто голосистыхъ пѣсенъ такъ сладостно ласкавшихъ мой непривычный слухъ. Окончательныя приготовления къ экспедиціи, которою баронъ Розенъ намѣревался лично командовать, требовали ускореннаго исполненія, и Вольховскій не имѣлъ привычки давать въ подобномъ случаѣ отдыхъ себѣ или другимъ. Вечеромъ 9-го іюля корпусный командиръ прибылъ во Владикавказъ, нашелъ все въ желаемомъ порядкѣ, и одиннадцатаго, рано поутру, въ сопровожденіи всего штаба и сотни линейскихъ казаковъ Моздокскаго полка, поѣхалъ обратно по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ ясное лѣтнее утро, когда на небѣ нѣтъ ни облака, предъ жителями Владикавказской крѣпости раскрывается одно изъ тѣхъ живописныхъ зрѣлищъ для которыхъ туристы въ жаднѣ новыхъ впечатлѣній переплываютъ моря, чтобы разъ взглянуть и помѣтить въ путевыхъ запискахъ что они собственными глазами убѣдились въ неподражаемой красотѣ поразительно величаваго вида, исключительно принадлежащаго такой-то точкѣ земнаго шара.

И дѣйствительно, не легко вообразить картину болѣе величественныхъ и громаднѣхъ размѣровъ какъ видъ Кавказскихъ горъ изъ Владикавказа.

Почти отвѣсная стѣна неизмѣримои вышины рисуется свѣтло-синими отбѣнками на прозрачномъ полотнѣ недалежнаго горизонта, подпирая небо фантастически вырѣзанными зубцами; это гранитный хребетъ Гай. Отъ подножія его лѣсистыя горы темно-зелеными волнами спускаются къ берегамъ Терека и ко Владикавказу. Надъ зубчатымъ вѣнцомъ воздымаются, блистая дѣвственнойю бѣлизной вѣчныхъ снѣговъ, великаны главной цѣпи, отдѣленной отъ параллельнаго съ нею Гайскаго хребта глубокими ущельями, образующими ложе верховыхъ притоковъ Ассы и Фартанги. Въ этихъ ущельяхъ и на высотѣ крутыхъ отроговъ снѣговаго хребта обитаютъ Галгаевцы, небольшое общество кистинскаго племени, приставшіе къ Кази-Мулѣ когда онъ весной появился въ

окрестностяхъ Владикавказа. Въ довершеніе своей измѣны, они убили пристава поставленнаго надъ ними отъ нашего правительства и двухъ русскихъ священниковъ-миссіонеровъ, и стали спускаться для грабежа на Военно-Грузинскую дорогу. Такого рода непріязненные поступки требовали примѣрнаго наказанія. По причинѣ малочисленности и крайней бѣдности, Галгаевцевъ нельзя было считать опасными противниками, и приведеніе ихъ въ покорность должно было обойтись безъ большого кровопролитія; но мѣста которыя они занимали въ самыхъ высокихъ и крутыхъ горахъ считались у горцевъ совершенно недоступными для русскихъ войскъ. Упираясь на это убѣжденіе, Галгаевцы дерзко отвергали все предложенія покориться добровольно и выдать головой разбойниковъ убившихъ пристава и священниковъ. Необходимость уничтожить вѣру горцевъ въ силу ихъ приговоровъ и доказать имъ примѣромъ что для русскаго войска нѣтъ неприступныхъ мѣстъ и непроходимыхъ дорогъ была очевидна; поэтому корпусный командиръ рѣшился съ небольшимъ отрядомъ, въ три тысячи пятьсотъ человекъ, лично идти для наказанія Галгаевцевъ, хотя, по всемъ показаніямъ, въ землѣ ихъ существовали однѣ тропинки, не всегда удобопроходимыя даже для пѣшаго человека.

За Балтой, верстъ пятнадцать вверхъ по Тереку, насъ ожидали назначенные въ составъ отряда два баталіона Эриванскаго карабинернаго полка, баталіонъ Тифлискаго пѣхотнаго и баталіонъ 41 егерскаго полковъ, двѣсти линейскихъ казаковъ Моздокскаго полка, пятьсотъ человекъ осетинскихъ конныхъ и пѣшихъ милиціонеровъ, и четыре горныя орудія. По русскому обычаю отслуживъ сперва молебень, корпусный командиръ проѣхалъ по рядамъ, поздоровался съ солдатами, поздравилъ ихъ съ походомъ и приказалъ, не упуская утренней прохлады, начать движеніе. Барабанъ ударилъ переправу, и войска стали переходить съ лѣваго на правый берегъ Терека, по мосту устроенному на козлахъ. Прекрасная погода и новизна всего что происходило предъ нами, кавказскими новичками, поддерживали наше общество въ самомъ веселомъ расположеніи; для старыхъ Кавказцевъ подобнаго рода экспедиція была знакомое дѣло, хотя и имъ не за-частую приходилось идти на такія высокія горы. Солдатики, подобравъ шинельныя полы, по кавказскому обыкновенію въ фуражкахъ, безъ ранцевъ—вмѣсто

вихъ черезъ плечо сухарные мѣшки — шли весело на привычную имъ работу. Отрядъ поднялся налегкѣ, безъ палатокъ, безъ повозокъ, которымъ въ Галгаѣ не было ходу, имѣя въ мѣшкахъ сухарей на шесть сутокъ и на десять во вьючномъ транспортѣ. Штабныя палатки, которыя предполагали возможнымъ провезти на вьюкахъ, принуждены были оставить на второмъ ночлегѣ, подъ прикрытіемъ тифлискаго баталіона и половины Осетинъ; затѣмъ оставлены при отрядѣ только три палатки: для корпуснаго командира, для начальника штаба и для канцеляріи.

Не далеко мы ушли колонной, недолго проехали на колесахъ наши легонькіе трехфунтовые единороги; уже на четвертой верстѣ оказались опасныя косогоры, дорога сузилась, и войска были принуждены растянуться въ нитку; орудія пришлось поднять на вьюки. Несмотря на свою малочисленность, отрядъ занялъ весьма большое протяженіе: отъ головы до хвоста колонны можно было насчитать до пяти верстѣ. Первый день обошелся самымъ мирнымъ образомъ. Мы прошли мимо одного пустаго аула, и сдѣлавъ нѣсколько болѣе десяти верстѣ, остановились возлѣ втораго, также покинутаго селенія. Галгаевцы побросали свои жилища и бѣжали съ семействами и стадами въ малопрístupныя разсѣлины сѣвѣваго хребта, откуда, по мѣрѣ нашего приближенія, уходили все выше. Для наказанія ихъ намъ оставалось только разорять аулы и косить ихъ скудныя посѣвы, обращавшіеся на прокормъ нашихъ лошадей. Уничтожить аулъ было не легко: сакаи, сложенные изъ плитъ и крытыя шифромъ, представляли мало пищи для огня; поэтому приходилось ихъ раскидывать, работая ломомъ и киркой. Кромѣ того, почти въ каждомъ большомъ селеніи встрѣчались высокія башни такъ прочно сложенные изъ тесанаго камня что наша горная артиллерія оказалась противъ нихъ вовсе неэффективною. Эти башни можно было уничтожить лишь взрывомъ, но закладка мины стоила неумоврнаго труда, по причинѣ каменистаго грунта на которомъ они стояли. По способу каменной кладки и по кресту высѣченному на каждой башнѣ, постройка ихъ принадлежала къ тому времени когда грузинскіе цари господствовали въ горахъ, съ одиннадцатаго по конецъ тринадцатаго столѣтія, и когда знаменитая царица Тамара, обращая въ христіанство Осетинъ и сосѣднихъ съ ними Кистинцевъ, принуждена была въ нагорныхъ

аулахъ возводить подобныя башни для грузинскихъ гарнизоновъ имѣвшихъ задачей удерживать новообращенныхъ христіанъ въ повиновеніи и въ страхѣ Господнемъ. Въ 1832 году, кромѣ этихъ каменныхъ остатковъ, между горами центральнаго Кавказа не сохранилось другаго слѣда христіанской вѣры. Магометанство къ нимъ не проникло, и поѣтому они находились въ состояніи совершеннаго безвѣрія. Бѣдно и дико жили они въ своихъ заоблачныхъ аулахъ, лѣпившихся по скаламъ подобно оранымъ гнѣздамъ; рѣдкій изъ нихъ доживалъ до старости—грабежъ, разбой, тайныя убійства и канла укладывали одного за другимъ въ раннюю кровавую могилу.

На второмъ переходѣ мы еще кое-какъ провезли артиллерию на вьюкахъ, и полковникъ Зассъ, командиръ Моздокскаго казачьяго полка, имѣвшій начальство надъ авангардомъ отряда, перетащилъ даже своихъ трехъ верблюдовъ навьюченныхъ кибиткой и прочю кладью; но продолжать движеніе съ тяжестями оказалось столь затруднительнымъ что въ селеніи Шуани принуждены были покинуть не только вьюки, но и заводныхъ верховыхъ лошадей. Тифлискаго полка маіору Борейшѣ поручили начальство надъ устроеннымъ здѣсь вагенбургомъ. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ хуже становилась дорога. Тропинки, взвиваясь на крутые гребни или пролегая карнизомъ вдоль отвѣсныхъ скалъ надъ пропастями страшнѣйшей глубины, едва имѣли ширину потребную для людской ноги и для конскаго копыта. Въ мѣстахъ размытыхъ дождевыми потоками, часто случалось, тропинка совершенно прерывалась, и тогда приходилось терять не мало времени отыскивая обходъ по скаламъ или по грудамъ скользкихъ камней. Тѣла орудій, колеса и лафетныя станины попривязали къ длиннымъ шестамъ и роздали нести солдатамъ. Пѣшіе Осетины шли въ головѣ отряда, указывая дорогу. Ихъ легкое вооруженіе, одежда и обувь, совершенно приуроченныя къ горной жизни, позволяли имъ шутя пробираться черезъ самыя опасныя мѣста и не хуже дикихъ козъ прыгать по скаламъ на которыхъ они родились. Но можно ли оставить безъ вниманія ту спокойную увѣренность съ которою русскій, на плоскости взращенный солдатъ, съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ, провіантомъ за спиной, въ длиннополой шинели и въ неуклюжихъ сапогахъ, прошелъ по гагаевскимъ тропинкамъ и вскараб-

кался на скалы до тѣхъ поръ считавшіяся доступными для однихъ туровъ да кавказскихъ горцевъ? Вспомнивъ объ осетинской обуви, не могу не указать на преимущество ея предъ тяжелыми ботинками съ толстою, гвоздями усаженною подошвой, употребляемыми для горной ходьбы въ Швейцаріи, Штиріи, Тироля и прочихъ гористыхъ европейскихъ земляхъ. Осетины и вообще всѣ Кавказцы живущіе въ высокихъ горахъ носятъ самые легкіе чевяки изъ телячьей кожи подбитые вмѣсто подошвы переплетенными сыромятными ремнями. Гибкая ременная подошва поддается всѣмъ движеніямъ ступни и не скользитъ по камнямъ, цѣпляясь за самую незамѣтную шероховатость. Съ этою легкою и цѣпкою обувью можно лазить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ сапогахъ подкованныхъ гвоздями неминуемо оборвешься. Въ кавказскихъ горахъ я самъ носилъ осетинскую обувь и по опыту знаю какъ она легка и удобна; послѣ нея каждый сапогъ покажется гирей привѣшенною къ ногѣ.

На пятые сутки мы дневали на верховьяхъ Ассы, близь селенія Зоти. Войска стояли бивакомъ на широкомъ луговомъ скатѣ; ниже насъ лежалъ обширный аулъ, въ которомъ саперы трудились надъ закладкой мина подъ двѣ огромныя башни; за селеніемъ вѣковой лѣсъ примыкалъ къ подножію скалистаго контръ-форса снѣговаго хребта; вправо и влево висѣли надъ нами, забравшись подъ облака, купы тѣсно сплоченныхъ галгаевскихъ жилищъ, ускользавшихъ отъ разоренія благодаря своей малочисленности и высотѣ на которую не стоило посылать солдатъ для такого неважнаго дѣла. Въ этотъ день раздались первые непріятельскіе выстрѣлы. Галгаевцы завязали перестрѣлку съ Осетинами, расположившими свой лагерь слишкомъ близко къ лѣсной опушкѣ, и ранили у нихъ двухъ человѣкъ. Зассу было приказано съ двумя ротами поддержать Осетинъ и выгнать непріятеля изъ лѣсу. Прикомандированный къ Зассу графъ Цукато и я, болѣе изъ любопытства чѣмъ по обязанности, сочли долгомъ не отстать отъ авангарднаго командира. Галгаевцы, подпустивъ къ опушкѣ, дали по нашимъ людямъ нѣсколько выстрѣловъ и послѣ того обратились въ бѣгство. Часа три гнались мы за ними, сперва по лѣсу, потомъ по скаламъ и наконецъ по снѣгу, гдѣ насъ накрыло такимъ густымъ туманомъ что въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка. Понявъ бесполезность погони въ снѣгу и въ облакахъ

за нашимъ легконогимъ непріателемъ, мы пошли обратно, отхвативъ у него только двухъ усталыхъ, въ свѣту брошенныхъ ословъ.

На обратномъ пути я сдѣлалъ неосторожность которая мнѣ легко могла стоить жизни, но къ моему счастью, обошлась однимъ испугомъ. Узкая тропинка по которой намъ слѣдовало возвращаться огибала крутобокою ущелье. По каменистому дну его прорывался быстрый потокъ, въ тысячахъ шаговъ отъ своего начала ниспадавшій въ пропасть усѣянную обломками скалъ. Водопада не было, струя прерывалась, въ глубину летѣла одна серебристая водяная пыль. Предоставивъ солдатамъ идти по обходной дорогѣ, Осетины перерѣзали ущелье въ самомъ устьѣ, переправились черезъ потокъ немного выше паденія его и, безъ дороги, стали взбираться на высокій, щебенистый, унизанный скалами гребень, отдѣлявшій насъ отъ лагеря. Полковникъ Зассъ, хромавшій отъ старой сабельной раны повредившей ему мускулъ правой ноги, несмотря на это пошелъ вслѣдъ за Осетинами, опираясь на двухъ безотлучно при немъ находившихся казачковъ, братьевъ близнецовъ, Егора и Ивана Атарщиковыхъ. Мѣстами они были принуждены, отыскавъ опору для своихъ ногъ, ложиться на спину, и подавая Зассу ружье, ежели не доставала рука, втаскивать его такимъ способомъ на крутую и скользкую покатость горы. Въ числѣ офицеровъ пошедшихъ съ Зассомъ находилась и я. Нетерпѣливо взбираясь на гору, я скоро опередилъ не только своихъ русскихъ товарищей, но и самихъ Осетинъ, безпрестанно кричавшихъ мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ идти осторожнѣе. Подъемъ вдоль крутой и острой ребровины, засыпанной шифровымъ щебнемъ на которомъ нога скользила, былъ труденъ и опасенъ. Нерѣдко приходилось цѣпляться руками за встрѣчныя скалы, или прыгать съ камня на камень. Въ то время незнакомый съ головокруженіемъ и надѣясь на свои силы, я не обращалъ вниманія на предостереженія Осетинъ и продолжалъ идти скорымъ шагомъ. Верхъ горы былъ уже близокъ. Мелкіе камни вдругъ покатались изъ-подъ моихъ ногъ, я поскользнулся, падая ухватился за край большого камня и на рукахъ повисъ надъ пропастью. По какому-то непонятному влеченію, взглядъ мой опустился въ глубину, въ глазахъ потемнѣло, дыханіе сперлось, руки задрожали, пальцы стали скользить. Еще нѣсколько секундъ, и мнѣ

грозило страшное, безнадежное паденіе. Смерть казалась неизбежною, а умирать не хотѣлось. Въ это мгновеніе любовь къ жизни взяла верхъ надъ страхомъ смерти. Съ быстротою мысли и силой отчаянія понатружились всѣ мускулы, я уперся руками и колѣнами, и понять не могу какимъ чудомъ стоймя очутился на камнѣ за который ухватился въ минуту паденія. Почувствовавъ подъ собой твердую опору, я глубоко вздохнулъ и медленно оглянулся во всѣ стороны, стараясь повѣрить, дѣйствительно ли опасность миновала. Полковникъ Засѣ и Осетины, слѣдившіе за мной глазами когда я такъ опрометчиво взбирался на гору, тотчасъ увидели и поняли всю опасность моего положенія. Помощь была невозможна; гибель и спасеніе зависѣли для меня отъ одного мгновенія. Всѣ стали какъ вкопанные. Засѣ готовъ былъ вскрикнуть. Стоявшій возлѣ него Осетинъ закрылъ ему ротъ, шепнувъ: „одно громкое слово и офицеръ пропалъ, выждемъ какъ рѣшитъ Аллахъ“. Громкій крикъ удивленія привѣтствовалъ мое спасеніе, когда увидели что я стою на камнѣ твердою ногой. Осетинскій старшина Магометъ-Кази догналъ меня въ нѣсколько минутъ. „Теперь пойдемъ потише, сказалъ Магометъ, подавая мнѣ руку,—не дамъ тебѣ идти одному, ты слишкомъ нетерпѣливъ, а въ нашихъ горахъ надо ходить осторожно, какъ разъ оставишь свои кости на сѣвденіе волкамъ да воронамъ.“ Съ этого времени онъ очень со мной подружился, и я теперь еще берегу черкесскую шубку подаренную мнѣ Магометомъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ память тѣхъ дней когда мы вмѣстѣ исходили гагаевскія горы и чеченскіе лѣса.

Между снѣговымъ хребтомъ и горою Гай открывался глубокій бассейнъ перерѣзанный отраслями обоихъ хребтовъ, посреди которыхъ изливались верхніе притоки Ассы и Фартанги, двухъ рѣкъ прорывающихся сквозь горы въ сѣверномъ направленіи, на соединеніе съ Терекомъ принимающимъ ихъ съ правой стороны въ свое широкое ложе. На обширныхъ луговыхъ скатахъ опускавшихся отъ подножія каменистыхъ горъ къ ложу потоковъ дающихъ начало Ассѣ и Фартангѣ встрѣчались весьма удобныя лагерныя мѣста, и отрядъ могъ двигаться походною колонной, пока крутой оврагъ или поперечный гребень снова не понуждали, челобѣкъ за челобѣкомъ, лошадь за лошадыю, тянутъся по тѣсной, головоломной дорогѣ. Въ открытыхъ долинахъ кавалерія

опережала отрядъ версты на двѣ и болѣе, для наблюденія за непріателемъ, причемъ мнѣ приказано было постоянно слѣдовать съ коннымъ авангардомъ, наблюдать за топографомъ снимавшимъ маршрутъ и выбирать мѣсто ночлега подъ войска главной колонны. Восемь дней прошло отъ начала движенія, а непріателя мы еще не видали и даже навѣрно не знали куда онъ дѣвался. Нельзя же было считать встрѣчами, когда у Осетинъ изъ лѣсу ранили двухъ чело-вѣкъ и мы напрасно забѣжали въ облака, и когда, другой разъ, три Галгаевца забавлялись пуская въ насъ камни съ ужасной вышины, причемъ дѣло обошлось безъ самаго невиннаго ушиба. Скучно становилось безъ драки лазить по горамъ, ночевать подъ открытымъ небомъ на сырой землѣ, мерзнуть ночью когда приходилось стоять на высотѣ, днемъ жариться на солнцѣ и къ тому еще кормиться самымъ плохимъ образомъ. Вещей и припасовъ мы не взяли съ собой изъ вагенбурга болѣе чѣмъ могло помѣститься въ саквахъ привѣшенныхъ къ сѣдлу у драбанта,—такъ называли на линіи прикомандированнаго къ офицеру казака,—или сколько были въ силахъ нести пѣшіе деньщики, поэтому не богато были снабжены даже самыми необходимыми предметами походной жизни. Чай, сахаръ, табакъ быстро исчезали, а подвоза нельзя было ожидать ни съ какой стороны. Для адъютантовъ корпуснаго командира лишенія существовали только на половину, они пользовались столомъ у своего начальника, да и намъ съ графомъ Цукато было не совѣмъ плохо. Засѣ, при которомъ мы постоянно находились, былъ кавказскій старожилъ, поэтому предугадливъ, и сверхъ того, какъ казачій полковой командиръ, располагалъ способами позволявшими ему кормить насъ довольно порядочно. Полагаю, мы въ некоторое время ѣли не хуже его высокопревосходительства господина корпуснаго командира, у котораго метръ-дотель—не хочу отнимать его достоинства—имѣлъ замѣчательный талантъ устраивать столъ въ плоскихъ, обитаемыхъ странахъ, гдѣ водятся города да деревушки, а не навѣкъ еще находить чтѣ нужно и тамъ гдѣ, кажется, ничего нѣтъ. Знаю что у барона Григорія Владиміровича подъ конецъ не стало хлѣба, и онъ у солдатъ покупалъ сухари за дорогую цѣну, а у насъ водились еще кое-какія, хотя черствыя корки; видѣлъ я какъ у него, въ безлѣсныхъ мѣстахъ, предъ палаткой едва теплились нѣсколько хворостинокъ, а у Засса,—

вокругъ одинъ камень,—выросталъ палашъ изъ хвороста и бурокъ, въ которомъ хотя и тѣсновато было, но лежалось сухо и тепло, а предъ входомъ его весело пылалъ видный костеръ. Линеецъ чутьемъ дознаетъ что его ожидаетъ впереди, и по дорогѣ не пропуститъ ничего что можетъ сдѣлаться пригоднымъ на мѣстѣ. Непріятель зароетъ зерно: казакъ его отыщетъ; въ лѣсу загнѣздятся брошенные, полудикія куры: казакъ за версту услышитъ ихъ клохтанье, и глядишь, бѣдняжки уже висятъ у него въ торокахъ. Плохо въ полномъ смыслѣ приходилось полковымъ офицерамъ да солдатамъ, которые уже третьи сутки не видали мясной пищи и питались сухарями и водкой. Небольшое число воловъ слѣдовавшихъ за колонной были съѣдены въ первые пять дней, а неприятелискіе стада, на которыя разчитывали для продовольствія отряда, мы въ глаза не видали. Это было не совсѣмъ пріятно, но мы довольствовались и тѣмъ, что погода намъ не измѣняла. Яркимъ свѣтомъ обливало июльское солнце волнистыя луговые горы, по которымъ мы съ сотней казаковъ и сотней конныхъ Осетинъ, далеко впереди главной колонны, открывали дорогу къ селенію Цори, лежавшему предъ нами за крутымъ отрогомъ горы Гай. Корпусный командиръ намѣревался примѣрно наказать Цоринцевъ за ихъ грабежи на Военно-Грузинской дорогѣ, то-есть выкосить поля и не оставить въ аулѣ камня на камнѣ. На половинѣ дороги насъ догнали два Осетина и какой-то очень оборванный горецъ съ запиской отъ начальника штаба на имя полковника Засса слѣдующаго содержанія: „Гаагаевцы, какъ доносятъ лазутчики, спасли свои семейства и скотину на высоту горы Гай, гдѣ намѣрены защищаться. По приказанію господина корпуснаго командира, прошу ваше высокоблагородіе, пользуясь оплошностію неприятели, занять съ авангардомъ означенную гору. При семъ препровождается къ вамъ для указанія дороги Кистинецъ знающій мѣстность.“

Въ этой запискѣ все было ясно и положительно, кромѣ одного пункта—оплошности неприятели. Въ чемъ заключалась эта оплошность? Лазутчики могли видѣть неприятели за ночь, когда мы находились отъ него довольно далеко, и ему нечего было насъ бояться. Развѣ вчерашняя безпечность не могла сегодня, съ приближеніемъ отряда, перейти въ зоркую бдительность?

Наши глаза обратились на Гай-гору.

Волнистый, изрытый оврагами, усѣянный скалами всѣхъ формъ и размѣровъ травянистый скатъ, коронованный отвѣсною гранитною стѣной не менѣе тысячи футовъ вышины, открылся нашему взгляду. Крутизна ската возрастала по мѣрѣ его возвышенія. Гранитный валъ, на который намъ слѣдовало лѣзть, до половины былъ задернутъ облакомъ. Что скрывалось за непроницаемымъ туманомъ волновавшимся надъ вершиной Гай-горы, зналъ одинъ Господь.

Засѣ поморщился, погладилъ длинные рыжеватые усы; но вдругъ пріосанился на сѣдлѣ,—онъ былъ молодецъ на лошади и отлично зналъ кавказскіе порядки,—и спросилъ своимъ обычнымъ, полуплутивымъ, полуироническимъ тономъ у присланнаго Кистинца:

— Гдѣ дорога на гору?

Кистинецъ разразился потокомъ гортанныхъ звуковъ. Переводчикъ Осетинъ сталъ перелгать на русскій языкъ.

— Начало дороги ведущей по травянистому скату къ верхнимъ скаламъ осталась далеко за нами, отсюда часа два ѣзды, а мѣсто гдѣ она сходится съ тропинкой пробитою вдоль отвѣснаго вихора на вершину горы лежитъ предъ нашими глазами.

— Можно ли добраться до скалъ безъ дороги, напрямикъ?

— Верхомъ невозможно, а пѣшіи человѣкъ, полагаю, дойдетъ.

— А когда доберемся до верхней дороги, можно ли по ней ѣхать верхомъ и сколько человѣкъ могутъ идти рядомъ?

— Верхомъ никакъ! Кабы не стали стрѣлять, то лошадей можно бѣ оглядкой провести въ поводу, а такъ и пѣшему будетъ нелегко взойти; дорога тѣсная, и на ней лежатъ большіе камни.

— Есть ли другіе пути на гору?

— Есть, гораздо правѣе, еще два подъема, но они много хуже; по нимъ опасаются гонять даже козъ.

— Много ли на горѣ Галгаевцевъ? Лайдаки, говорятъ, спятъ.

— Много ли, сказать не могу. Въ Галгаѣ наберется ружей шестьсотъ, но не всѣ на горѣ; а спать имъ, когда Русскіе такъ близко, кажись, не время. Мы ихъ не видимъ, а они видятъ все что мы дѣлаемъ. Ружье бы не бѣда, прибавилъ Кистинецъ,—а вотъ что худо,—и указалъ на камни. — Станутъ въ насъ кидать.

Дѣйствительно, камень, пущенный съ высоты кака

находилась предъ нами могъ надѣлать порядочной бѣды и стѣнъ любого ядра.

Кончивъ разпросъ, Зассъ подумалъ съ минуту, потомъ громко скомандовалъ: „Садись! маршъ!“ и круто поворотилъ свою лошадь къ горѣ лежавшей влѣво отъ нашей прежней дороги.

Находясь возлѣ него, я не удержался спросить по-нѣмецки снѣмъ ли мы ожидать успѣха отъ нашего замысла, имѣя на занятія такой сильной позиціи, закрытой отъ насъ туманомъ и обороняемой хотя бы сотнею горцевъ, не болѣе ста двадцати человекъ вмѣстѣ съ Осетинами, когда люди снѣшатся и при лошадяхъ будетъ оставлено необходимое число коноводовъ.

— Про это ничего не знаю. Мнѣ приказано занять гору „пользуясь оплошностію непріятеля“, прибавилъ Зассъ, — иду ее занимать. А вы что намѣрены дѣлать? Вы не состоите у меня подъ начальствомъ.

— Идти съ авангардомъ какъ шелъ до сей поры и принимать отъ васъ приказанія какъ отъ старшаго.

На этомъ прекратился нашъ разговоръ.

Около вероты мы пробѣжали верхомъ, сначала прямо, а потомъ давая по покатоности углы вправо и влѣво. Позже мы повели лошадей въ поводу, и высмотрѣвъ на полугорѣ широкую скалу, помѣстили ихъ за нею, а сами пошли, раздѣлившись на двѣ партіи, Осетины налѣво, казаки направо, предполагая соединиться у подошвы верхнихъ скалъ и оттуда наступать уже соединенными силами. Было приказано хранить глубокое молчаніе, и на случай встрѣчи съ непріателемъ, не терять времени на перестрѣлку, а очищать себѣ дорогу шашкой. Съ каждымъ шагомъ гора становилась круче, пришлось поазти на четверенькахъ, дѣлаясь руками за кочки и за камни. Въ это время облака, какъ бы на зовъ намъ, колыхаясь, стали опускаться и сперва скрыли Осетинъ отъ нашихъ глазъ, а потомъ накрыли насъ самихъ густымъ, мокрымъ туманомъ. Десять минутъ спустя защекали влѣво отъ насъ выстрѣлы, раздался крикъ, и потомъ все умолкло: Осетины наткнулись на непріятельскій караулъ; наше движеніе было открыто. На мгновеніе мы приостановились, прислушиваясь и глядяваясь въ туманъ, въ которомъ едва могли видѣть своихъ собственныхъ разсыпанныхъ по косогору казаконъ; нетерпѣливо хотѣлось узнать что будетъ дальше.

Недолго продолжалось наше невѣдѣнiе. Надъ нами посыпался рѣзкій свистъ, и мимо пролетѣлъ камень, прыгая по крутому скату горы; вслѣдъ за нимъ летѣли другіе камни.

„Въ гору, казаки! живо впередъ, молодцы!“ закричалъ Зассъ, и ковыляя раненою ногою, цѣпляясь ногтями, сталъ карабкаться на крутизну; Цукато и я едва успѣвали за нашимъ хромоногимъ командиромъ. Въ это мгновеніе гора дрогнула, громовой ударъ разразился надъ нашими головами, камни посыпались градомъ; обломки скалъ, рикометируя по скату, бороздили землю, дробились и сыпали во всѣ стороны свои смертоносные осколки. Въ туманѣ раздались крики и стоны. Недалеко отъ насъ камень огромной величины налетѣлъ прямо на казака, далъ рикометь, и на томъ мѣстѣ гдѣ прежде былъ живой человѣкъ осталась въ землю врытая масса крови и мяса. Десять шаговъ дальше не было видно кто раненъ, кто убитъ. Громъ усиливался, камни ложились около насъ все гуще да гуще, Зассъ не переставалъ кричать: „впередъ!“ Люди лѣзли на гору. Графа Цукато ударило осколкомъ въ плечо, онъ упалъ, шибъ меня съ ногъ, и мы стремглавъ покатались подъ гору, напрасно стараясь уцѣпиться за гладкую почву. Я ободралъ себѣ всѣ ногти. Къ счастью, ниже находившіеся казаки, перерѣзавъ дорогу, остановили наше паденіе. Зассъ, увидавшій какъ мы оба разомъ упали, счелъ насъ убитыми и такъ былъ пораженъ этою мыслью что у него, какъ онъ признавался позже, совершенно невольно вырвалось приказаніе: „казаки, стой! за скалу!“ Вправо отъ насъ шпилемъ торчалъ высокій камень имѣвшій шаговъ двадцать въ основаніи. Во мгновеніе ока сплотилась за нимъ человѣческая масса унизанная на поверхности лохматыми шапками и ружьями, торчавшими во всѣ стороны подобно ежевой цетинѣ. Подъ камнемъ былъ мертвый уголъ укрывавшій отъ ударовъ посылаемыхъ сверху шаговъ на восемь. На этомъ пространствѣ прижалось насъ человѣкъ шестьдесятъ. Пятерыхъ, сколько помню, не досчитались. Нѣсколько казаковъ, несмотря на опасность, поползли отыскивать подшибенныхъ. Положеніе наше и за скалою было не совсѣмъ пріятно. Въ густомъ туманѣ, между небомъ и землей, вдали отъ всякой помощи, мы танули время въ томительномъ ожиданіи неотразимаго непріятельскаго нападенія. Противъ нашей полусотни непріятель могъ выставить нѣсколько сотъ ружей; всѣ выгоды были на

его сторонѣ, онъ зналъ мѣстность и владѣлъ неприступною высотой. Куда дѣвались Осетины намъ было неизвѣстно. Тѣмъ временемъ камни продолжали валиться съ горы, свистъ и грохотъ оглушали насъ; случилось, огромный гранитный обломокъ ударилъ въ вершину нашей спасительной скалы и она, задрогнувъ, начинала покачиваться: того и гляди накроетъ на вѣчныя времена. У всѣхъ лица повытягивались; даже Зассъ пересталъ шутить и трунить, кажется, онъ шепталъ про себя молитву; казаки, тѣ молились громко, и каждый призывалъ на помощь святаго къ которому въ чувствѣ душевнаго смиренія онъ привыкъ обращать свое упованіе.

Опытъ доказалъ совершенную невозможность продолжать наступленіе: не много бы насъ дошло до верху, да и тѣхъ непріатель могъ встрѣтить на узкой тропинкѣ и одного за другимъ сбросить съ высоты; оставаться за скалою было опасно и ни къ чему не вело; отступить безъ приказанія Зассъ не хотѣлъ. Я предложилъ избрать средній терминъ: написать къ начальнику штаба записку съ просьбой о подкрѣпленіи или разрѣшеніи отступить сегодня съ тѣмъ чтобы завтра возобновить атаку. Зассъ согласился на мое предложеніе, и чрезъ десять минутъ два казака побѣжали подъ гору съ категорическимъ объясненіемъ нашего положенія.

Пока мы ждали отвѣта, камни не переставали валиться съ горы, то поодинокѣ, то засыпомъ, напоминавшимъ первые моменты нашей атаки. При каждомъ новомъ каменномъ ураганѣ, заставлявшимъ колебаться скалу за которою мы скрывались, проводникъ Кистинецъ морщился, издавая какіе-то непонятные звуки.

— Что бормочешь? спрашивали чрезъ переводчика.

— Что бормочешь! Станешь бормогать когда смерть близка. Много я воевалъ въ горахъ, а такой страшной бѣды не видалъ. Не сдобровать намъ! Пожалуй въ туманѣ и не доглядишь какъ набѣгутъ Галгаевцы да станутъ стрѣлять со всѣхъ сторонъ; а они бьютъ мѣтко и очень злы: никого не пощадаютъ. Зачѣмъ было идти такъ мало? Позади много солдатъ и ничего не дѣлаютъ.

Касательно бѣды я былъ готовъ согласиться съ Кистинцемъ. За годъ предъ тѣмъ два дня сряду гулъ варшавскихъ батарей и свистъ польскихъ ядеръ раздавался въ моихъ ушахъ; но громъ стоорудійныхъ батарей разсылавшихъ

подъ Варшавой гибель въ наши и въ непріятельскіе ряды можно было признать довольно сносною музыкой сравнительно съ отвратительнымъ, душу потрясающимъ грохотаніемъ гранита летѣвшаго на насъ съ высоты Гай-горы.

Тѣмъ временемъ, не далѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, Осетины также сидѣли на полу-горѣ, за скалами. Мѣстность выдалась такимъ образомъ что всѣ камни бросаемые съ вышины, минуя ихъ, летѣли къ намъ. Кромѣ того, туманъ, прояснившись со стороны, открылъ имъ вершину горы. Они видѣли что на ней происходило и о каждомъ посылаемомъ къ намъ гостинцѣ предупреждали насъ крикомъ: „дурь-дурь“—берегись.

Осетинское „дурь-дурь“ такъ глубоко вѣззалось въ память имѣвшихъ удовольствіе 19-го іюля просидѣть на Гай-горѣ, что долгое время спустя, услыша „дурь-дурь“, нерѣдко пущенное на воздухъ съ цѣлью надъ ними позабавиться, они невольно вздрагивали и бросались въ сторону, полагая что камни снова летятъ къ нимъ на голову.

Часа полтора мы уже прождали, и отвѣта еще не было. Изрѣдка пролеталъ мимо насъ камень, какъ бы пущенный только въ ознаменованіе того что на горѣ не дремятъ. Неожиданно нарушилось это бездѣйствіе. Гора заходила ходнемъ, загудѣли камни, засвистали осколки. Наклонивъ головы, прижавшись къ скалѣ, просидѣли мы около двадцати минутъ, не слыша собственного голоса отъ страшнаго шума и не понимая почему непріятель такъ расходился, когда мы сами и не думали трогаться съ мѣста. Послѣ того Гай-гора совершенно замолкла; это былъ послѣдній актъ представленія въ которомъ судьба заставила насъ разыграть довольно незавидную роль. Ротмистръ Всеволожскій прибывшій къ намъ скоро послѣ того съ приказаніемъ отступить, разъяснилъ причину послѣдней грозы разразившейся надъ нами съ такою неожиданною силой. Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій лично двинулся подкрѣпить насъ однимъ егерскимъ баталіономъ, но былъ встрѣченъ такимъ густымъ градомъ камней что немедленно остановилъ движеніе, убѣдившись въ невозможности занять гору при настоящихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе чего и поручилъ ему отыскать и привести обратно въ лагерь нашу слабую команду. Пока успѣли наступить сумерки. Пользуясь темнотою и взявъ предосторожность идти одинъ за другимъ не ближе пяти шаговъ, на

случай еслибы непріятель вздумалъ преслѣдовать насъ камнями, мы отступили безъ всякой потери на обратномъ пути. Въ лагерѣ всѣ безъ исключенія радовались счастью позволившему намъ отдѣлаться такъ дешево. Кромѣ потери о которой я уже сказалъ, у Осетинъ оказались еще двое раненыхъ и нѣсколько подбитыхъ казачьихъ лошадей. Рана графа Цукато была неопасна. Камень ударилъ вскользь, вырвалъ мясо, но не повредилъ кости. Это утомило на нѣсколько дней его воинственные порывы, потому что онъ имѣлъ привычку кидаться повсюду гдѣ только раздавался выстрѣлъ.

Послѣ этого утомительнаго дня мнѣ не удалось даже отдохнуть какъ слѣдуетъ. На другое утро барабанъ разбудилъ насъ далеко до разсвѣта. Отдано было приказаніе съ восходомъ солнца атаковать гору разомъ тремя колоннами: пѣхотѣ по нашей вчерашней дорогѣ, Осетинамъ и двумя сотнямъ спѣшенныхъ казаковъ правѣй, по подъемамъ на которые указывалъ нашъ проводникъ. Утро было прекрасное. Зубчатая вершина Гай-горы, чистая отъ облаковъ, ярко освѣщалась лучами восходящаго солнца. На верху чернѣлись люди. По сигнальному пушечному выстрѣлу, войска полѣзли на гору. Озадаченный непріятель пустилъ въ нихъ безъ вреда нѣсколько огромныхъ камней и потомъ исчезъ; онъ истощилъ наканунѣ весь запасъ камней заранѣе приготовленныхъ имъ на гребнѣ горы и теперь, не надѣясь на одну ружейную оборону, бросился спасать свои семейства.

На высотѣ перевала ожидало насъ непривычное зрѣлище. надъ нами чистое голубое небо и ясный день, подъ ногами взволнованное облачное море, изъ котораго возвышались одиноконечныя вершины окрестныхъ горъ. Владикавказъ, Терекъ и Линія видныя отсюда въ хорошую погоду, были задернуты непроницаемымъ туманомъ. Вершина Гай-горы представляла обширную площадь наклоненную къ сѣверу, отъ которой весьма некрутая дорога спускалась въ глубокое лѣсистое ущеліе рѣки Фартауги. Богатый ключъ студеной воды разливавшійся обильнымъ ручьемъ и густая, жирная трава покрывавшая слегка покатыя ровныя луга выполняли всѣ условія требуемыя отъ хорошаго лагернаго мѣста. На половинѣ спуска чернѣлся сквозь туманъ покинутый жителями аулъ Гай. Пока я, съ помощію моего топографа, разставлялъ войска, нѣсколько казаковъ и Осетинъ отправились

пошарить въ аулъ, и при этомъ случаѣ открыли свѣжій слѣдъ многочисленнаго стада которое Галгаевцы, уходя отъ насъ, погнали внизъ по Фартангъ. По первому извѣстiю объ этомъ важномъ открытiи, полковникъ Засѣ, всегда рѣшительный въ подобныхъ обстоятельствахъ, не дожидаясь приказанiя отъ высшаго начальства, схватилъ двѣ ближайшiя роты егерей и побѣжалъ съ ними подъ гору, приказавъ въ то же время сотнѣ линейцевъ его догонять. Говядина была очень нужна для солдатъ кормившихся уже нѣсколько дней, какъ мною было сказано, одними черствыми сухарями. Въ виду совершенно для меня новаго поиска за барантой, я совсѣмъ забылъ о существованiи походной канцелярiи и присоединился къ казакамъ никого не предупредивъ. Судя по слѣду, скотина не могла уйти далеко. Надѣясь догнать ее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, солдаты сбросили съ себя сухарные мѣшки, казаки облегчили лошадей отъ саквъ, и въ поспѣшности мы забыли взять съ собой проводника. Нашъ путь пролегалъ по ущелiю Фартанги, скалисту въ началѣ, а далѣе покрытому густымъ вѣковымъ лѣсомъ, сквозь который прорывался крутоберегiй потокъ. Въ ущелiи мы не могли ошибиться и безъ проводника, но ошиблись въ дорогѣ и на первыхъ порахъ попали въ такое тѣсное мѣсто по которому нельзя было провести лошадей даже въ поводу. Дорога, пролегая по скату горы, привела насъ къ навѣсной скалѣ составившей родъ жолоба, вдоль котораго мы на разстоянiи ста саженей принуждены были ползти на колѣняхъ. Спѣшивъ половину казаковъ и покинувъ нашихъ лошадей которыхъ приказано было отвести въ лагерь, мы не пошли, а можно сказать побѣжали вслѣдъ за стадомъ. Далѣе представилась намъ новая преграда. Дорога уперлась въ обрывистый берегъ рѣчки, глубоко подъ нами кипѣвшей въ своемъ тѣсномъ ложѣ; на другой сторонѣ было видно продолженiе тропинки. Моста не было. Сто шаговъ выже огромная сосна, подмытая дождевымъ протокомъ, торча во всѣ стороны обнаженными корнями и поломанными сучьями, перевалилась черезъ ручей. Засѣ приказалъ переходить по соснѣ, и наши солдатки ловко перебрались на другую сторону по этому головоломному мосту, кто твердымъ шагомъ, кто ползкомъ, и никто изъ нихъ не сдѣлалъ опаснаго прыжка въ рѣчку. Нужда и неохота поломать косточки изловчила ихъ и безъ предвари-

тельной науки. За сосной опять ускорили шагъ. Брошенный осель, потерянные кадушки и мѣшки съ просомъ, наконецъ непослѣвшій за стадомъ, свѣжеубитый, къ дереву привѣшенный теленокъ служили явными признаками близости неприятеля и послѣвности съ которою онъ отъ насъ спасался, Усталые, голодные, поддерживаемые одною надеждою добыть поживу, мы гнались такимъ образомъ болѣе двадцати верстъ. Подъ конецъ ущелье расширилось, лѣсъ прекратился, и предъ нами явилась волнистая мѣстность устьяная небольшими селеніями, изъ которыхъ слышался лай собакъ. Мы забѣжали къ Галашевцамъ, обществу гораздо сильнѣе и воинственнѣе Галгае; а насъ было всего не болѣе трехсотъ пятидесяти человекъ. Не оставалось тутъ времени задумываться. Въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ предъ нами пестрѣла на высокомъ холмѣ рогатая добыча, ради которой мы такъ сильно себя измучили. „Скотина!“ крикнули казаки и солдаты, и откуда взялись прыть и сила. Обгоняя одинъ другаго, люди мигомъ обогнули холмъ для того чтобъ отрѣзать у стада дорогу въ лѣсъ, затрепали ружья, пули замужилаи въ воздухъ и вся наша ватага безъ удержу рванулась на высоту. Неприятель бѣжалъ въ лѣсъ, пуская въ насъ на уходѣ безвредные выстрѣлы и побросавъ на лугу кадки и ведра со свѣженадоевнымъ молокомъ, съ медомъ, мѣшки съ просомъ, и другіе пожитки. Голодные солдаты горстями глотали муку, руками и фуражками черпали молоко, которымъ и мы съ Засомъ не побрезгали послѣ двадцативерстной гоньбы. Около трехсотъ коровъ, нѣсколько десятковъ козъ и десять ешаконъ, достояніе большей половины Галгаевскаго населенія, попались въ наши руки. Они были разорены въ конецъ. Таковъ законъ войны: сила была на нашей сторонѣ, поэтому ижъ слѣдовало голодать, а намъ принадлежало право набивать себѣ желудокъ ихъ добромъ.

Однако не позволительно было долго мѣшкать на мѣстѣ, имѣя за собой длинное, тѣсное и лѣсистое ущелье, а предъ собой Галашевцевъ въ соединеніи съ Галгаевцами, которые, опомнившись отъ перваго испуга, легко могли пересчитать нашу силу, и вслѣдствіе этого перечета чрезъ мѣру ободриться. По ауламъ уже стали раздаваться сигнальные выстрѣлы. Давъ людямъ отдохнуть полчаса и утолить первый голодъ молокомъ да чѣмъ попало, Засъ приказалъ идти обратнo. Одна рота пошла впереди, за нею погнали скотину,

въ аррьергардѣ остались другая рота и пятьдесятъ Линеццевъ. Уморившись до нельзя и износивъ въ этотъ день подошву у моихъ единственныхъ сапоговъ, я отправился въ обратный путь на отбитомъ ешакѣ, безъ сѣдла и безъ узды, пользуясь для управления его длинными ушами. Трудно было справиться: уши скользили въ моихъ рукахъ и онъ, наклонивъ голову, упорною мелкою рысцою бѣжалъ обратно въ свою конюшню. Напрасно солдаты, которыхъ мы опережали, старались его остановить, хватая за уши и за хвостъ: онъ урывался отъ нихъ съ neodолжимымъ упрямствомъ. Едва успѣли мы войти въ лѣсъ, какъ скотина, почуя духъ роднаго стойла, смела передовую роту, меня сбила съ ешака, къ счастью еще не подъ свои ноги, и густою фалангой пустилась пробивать себѣ дорогу къ Гай-горѣ. Страшная сдѣлалась суматоха: люди кувыркались подъ гору,— правда, не высоко, мы находились въ началѣ ущелія,—кричали, обороняясь отъ роговъ и отъ копытъ домолюбивыхъ животныхъ, и многіе были порядочно помяты; но это насъ не смущало: скотина не могла потеряться, она бѣжала прямо въ отрядъ. Вся забота Засса была обращена на аррьергардъ, откуда намъ грозила болѣе дѣйствительная опасность. Скоро наступила ночь, и въ глубокомъ лѣсу насъ застигла такая темнота что мы принуждены были остановиться, попытавшись сперва пройти нѣкоторое время придерживаясь одинъ за шинель другаго чтобы не растеряться. Собраться было не возможно, солдаты легли на землю сбившись въ отдѣльныя кучи. Ночевали безъ огней, опасаясь неожиданнаго непріятельскаго нападенія, и отъ этого не разъ поднималась тревога. Караулы выставленные отъ кучъ, не видя предъ собой ни зги и стрѣлая по кавказскому обыкновению на шорохъ, безпрестанно открывали огонь другъ противъ друга, и только перекликнувшись, позже узнавали что имѣютъ дѣло не съ пріятелемъ, а съ своими. Благодаря ихъ лежачему положенію, пули, перелетая черезъ голову, не надѣлали бѣды. Завернувшись въ бурку, я легъ на голыши высохшаго ручья и заснулъ такъ крѣпко что поутру меня долгое время качали и обливали водой пока заставили раскрыть глаза. Въмѣсто привычнаго чаю, мнѣ поднесли еще сонному ко рту кусокъ горячей жареной телятины и стаканъ ключевой воды; съ нами не было ни хлѣба, ни вина, ни водки.

Лагерь мы застали въ густомъ туманѣ. Скотина была вся

захвачена и частью уже роздана войскамъ на порцію; благодарность ихъ заставила насъ помириться съ темною стороною нашей экспедиціи. Лично я не имѣлъ повода ея похвалиться. Я усталъ до изнеможенія, износилъ сапоги, которые пришлось замѣнить осетинскими чевяками; а начальникъ штаба принялъ меня крайне непривѣтливо, даже промолвилъ слово объ арестѣ. „Дѣло ли офицера генеральнаго штаба гоняться за скотиной и помогать отбивать баранту? Это хорошо для казачьяго командира,“ говорилъ онъ, указывая на кипу бумагъ привезенную нарочнымъ изъ горцевъ во время моей бесспорной отлучки. „Теперь извольте поправить свою необдуманность.“ И я поправилъ ее, работая весь день до поздняго вечера. Не знаю, случилось ли кому, изъ тѣхъ у кого станеть терпѣнія пробѣжать эту часть моихъ воспоминаній, вести переписку въ облакахъ, а я скажу имъ на всякій случай что подобное дѣло очень не комфортно. По спитъ пробѣгаетъ морозъ, рубашка, пропитанная сыростію, липнетъ къ тѣлу, чернила расплываются по бумагѣ, желудокъ ноетъ, въ головѣ туманъ не яснѣе чѣмъ въ атмосферѣ; а мысли должны неукоснительно слѣдить за труднымъ смысломъ самыхъ разнородныхъ донесеній и сообщеній на которыя слѣдуетъ отвѣчать; форма должна быть соблюдена, запятыя имѣють находиться на своихъ мѣстахъ. Благо еще что не Иванъ Ивановичъ контролировалъ слогъ и знаки препианія; Вольховскій все-таки имѣлъ болѣе грамматической правилотерпимости. Памятна осталась мнѣ эта стоянка въ облакахъ. Къ величайшей радости, на другой день, когда мы перевалились чрезъ Гай-гору обратно и пошли къ Цюри, лѣтнее солнце, прорвавъ сырую завѣсу тумана, снова прогрѣло наши окоченѣвшіе члены.

Въ этотъ день мы набрали опять на одну изъ тѣхъ тропинокъ съ которыхъ нельзя своротить ни вправо, ни лѣво, и обогнать впереди идущаго человѣка положительно невозможно. Отрядъ тянулся безконечною нитью, лошадь за лошадью, солдатъ за солдатомъ. Въ головѣ шли саперы и два баталіона Эриванцевъ, въ хвостѣ кавалерія, прикрытая сзади егерскимъ баталіономъ Резануилова. Въ центрѣ колонны солдаты несли артиллерію на рукахъ, и вѣхалъ корпусный командиръ со штабомъ. Ничего не можетъ быть скучнѣе и утомительнѣе подобнаго шествія, особенно для коннаго. Пѣшій бережетъ одного себя, конный принужденъ беречь себя

и лошадь, безпрестанно остерегааясь наѣхать на товарища и оглядываясь чтобы на него самого не наѣхали сзади, не испортили лошади, или не сбросили его съ горы. Одинъ человекъ остановится, и всѣ за нимъ идущіе должны стоять. Часа три уже мы томились такимъ образомъ, думая тольکو объ одномъ, какъ бы не оступилась лошадь. По расчету времени, голова колонны должна была подходить къ Цори, откуда, по показанію проводниковъ, дорога спускалась въ долину удобную для расположенія лагеря. Неожиданно люди стали останавливаться, прыкая одинъ къ другому.

— Не останавливайся тамъ впереди! подавайся! кричали изъ штаба.

— Нельзя идти! впереди стали! отняли дорогу! раздавались солдатскіе голоса изъ среды колонны.

— Спросить почему остановились, повторили изъ штаба. Вдоль дороги пронесся вопросъ: „зачѣмъ впереди стоять?“ Долго ждали мы пока тѣмъ же путемъ вернулся отвѣтъ: „непріятель не пуцаетъ“.

Баронъ Розенъ, выбравъ удобное мѣстечко, слѣзъ съ лошади; мы всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ было попробовалъ пробраться мимо солдатъ столпившихся на тѣсной дорожкѣ, но на первыхъ же порахъ отказался отъ своего предпріятія. Григорій Владиміровичъ, весьма хладнокровный подъ огнемъ, боялся однако крути; у него кружилась голова. Въ каждомъ сомнительномъ мѣствѣ онъ слѣзалъ съ лошади, переводчикъ Гойтовъ бралъ его подъ руку, а линейецъ держалъ сзади за концы шарфа; такимъ образомъ его спускали подъ гору и переправляли чрезъ всѣ опасныя овражки и водомоины. Солдаты, видя его безпрестанно въ шарфѣ, котораго простые офицеры не носили во время экспедиціи, прозвали его за эту формальность своимъ безсмысленнымъ дежурнымъ. Подмѣтивъ же какъ его помощью шарфа спускаютъ подъ гору, какой-то солдатикъ острякъ шепнулъ товарищу: „вишь, землякъ, это у него шарфъ не то что изъ-за безсмысленнаго дежурства: это у него намѣсто оттужнаго каната.“

Чтобы разъяснить дѣло, начальникъ штаба пошелъ, взявъ съ собою Всеволожскаго и меня, пробираться мимо солдатъ не знавшихъ какъ посторониться чтобы насъ не столкнуть и самимъ не упасть съ обрыва. Не безъ труда добрались мы на ружейный выстрѣлъ отъ головы колонны, но тутъ принуждены были остановиться; дорожка сузилась до того что

на ней одинокій человекъ едва могъ удержаться, и вся была занята непрерывною нитью солдатъ. Въ двухъ выстрѣлахъ впереди видѣлась надъ самою дорогою высокая четырехугольная башня, знакомой намъ постройки, потому что мы уже нѣсколько ихъ взорвали на воздухъ. Съ пункта до котораго мы дошли можно было гораздо легче переговариваться съ капитаномъ Богдановичемъ шедшимъ въ авангардъ съ своими саперами. Вольховскій обратился къ нему чрезъ посредство офицера стоявшаго на дорогѣ, шаговъ сто передъ нами.

— Что дѣлается у васъ? почему люди стоятъ?

— Непріятель засѣлъ въ башню мимо которой дорога проходитъ не далѣе двадцати шаговъ и стрѣляетъ очень мѣтко; передовой солдатъ убитъ, двое послѣдующихъ получили опасныя раны. Если отрядъ станетъ дефилировать подъ выстрѣлами, то у насъ безъ всякаго проку перебыютъ невѣсть сколько людей.

— Что можно сдѣлать: обойти башню, взять штурмомъ, канонировать?

— Ничего подобнаго дѣлать нельзя; слѣдуетъ отойти на первый разъ, потомъ оцѣпить башню для того чтобы не упустить непріятели и приняться за него не торопясь, если хотя нѣсколько жалѣютъ людей.

Богдановича знали офицеромъ опытнымъ, храбрымъ и отлочно понимающимъ свое дѣло. Ему можно было повѣрить на слово; поэтому весь отрядъ, кромѣ головнаго взриванскаго баталіона, повернули налѣво кругомъ и расположили бивакомъ въ ближайшей долициѣ. Послѣ того начальникъ штаба поѣхалъ осмотрѣть башню и посоветоваться съ Богдановичемъ. Она оказалась весьма крѣпкой постройки, стояла на отвѣсной гранитной скалѣ и совершенно командовала дорогою при началѣ спуска въ долину. Двери въ башню, сплоченныя изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ и заваленныя внутри камнемъ, находились саженю три выше почвы. Лѣстницы къ дверямъ не имѣлось. Узкія бойницы пробитыя по всѣмъ направленіямъ позволяли стрѣлять во всѣ стороны; въ башнѣ царствовало молчаніе прерываемое лишь рѣдкимъ огнемъ, по которому, однако, нельзя было заключить сколько человекъ въ ней заперлось. Осетины, послѣ долгаго исканія, нашли способъ перебраться черезъ гору въ аулъ, лежавшій за башней, по крутизнѣ позволявшей пройти человекъ освобо-

жденному отъ ноши. Отрядъ не могъ слѣдовать этимъ путемъ съ лошадьми и вьюками; къ тому же вопросъ заключался теперь не въ томъ какъ миновать башню, а какимъ способомъ ее можно взять и наказать горцевъ имѣвшихъ дерзкую мысль загородить намъ дорогу.

Прежде всего окружили башню, переправивъ черезъ гору двѣ роты Эриванцевъ путемъ найденнымъ Осетинами. Стрѣлковую дѣль уложили за камнями и въ ближайшихъ сакляхъ, продѣлавъ бойницы къ сторонѣ непріятеля. Изъ башни, не взирая на дальнее разстояніе, стрѣляли такъ мѣтко что солдатъ не смѣлъ показать ни головы, ни руки, ни клочка своей шинели, безъ страха тотчасъ быть пронизаннымъ пулей. Потомъ сдѣлали попытку разбить двери артиллеріей, но скоро пришли къ убѣжденію, что противъ нихъ наши трехфунтовые гранаты совершенно безсильны. Остался послѣдній и самый вѣрный способъ—взорвать башню на воздухъ, но и тутъ встрѣтилось сильное затрудненіе. Скала, на которой стояла башня, не позволяла ни провести минной галереи, ни заложить колодца; пробивать гранитъ у насъ не доставало инструмента и времени. Чтобы не терять людей безъ проку, представлялось одно средство: провести блиндированный ходъ къ основанію башни, пробить стѣну и заложить мину въ погребъ. Лѣсъ потребный для крытаго хода отыскали въ аулѣ, на веревкахъ перетаскивали чрезъ гору и принялись за работу. На третьи сутки пять пудовъ пороху, заколоченнаго въ крѣпкій, желѣзомъ окованный ящикъ, лежали въ погребѣ, несмотря на всѣ усилія непріятеля остановить работу. Онъ пробилъ даже сводъ погреба и стрѣлялъ въ саперъ работавшихъ въ немъ надъ закладкой мины. Нѣсколько разъ предлагали осажденнымъ сдаться, но каждый разъ они отвергали наше предложеніе. Когда все было приготовлено ко взрыву, добрый, человѣколюбивый баронъ Григорій Владиміровичъ еще разъ послалъ сказать Галгаевцамъ чтобы пожалѣли себя, и въ случаѣ сдачи обѣщаль имъ жизнь и даже разбѣгъ. Они согласились наконецъ выйти изъ башни, испросивъ два часа сроку на очистку двери отъ камней которыми былъ заваленъ выходъ. Въ назначенное время весь штабъ съѣхался къ башнѣ, одна рота стала въ ружье для приѣма плѣнныхъ, двери распахнулись, сперва вылетѣли съ полдюжины ружей, потомъ спустились по веревкѣ два оборванные,

грязные Гагаевца, которые, скрестивъ руки на груди и глядя на насъ изъ-подлѣба, ждали своей участи.

— Гдѣ же остальные, отчего они не выходятъ? спросили у нихъ чрезъ переводчика.

— Насъ только и было!

Чрезъ десять минутъ, въ нашемъ виду, изъ-подъ башни поднялся высокій столбъ дыма, раздался глухой гулъ, масса камней съ трескомъ рухнула на землю, и когда вѣтеръ разнесъ густую пыль, на мѣстѣ ея оставалась одна груда сѣрыхъ развалинъ. Для утверженія истины христіане строили въ горахъ крѣпкія башни; для восстановленія порядка такіе же христіане принуждены были ихъ уничтожать. Обыкновенное противорѣчіе въ потребностяхъ прошедшихъ вѣковъ и настоящаго времени.

Въ эту знаменитую осаду мы потеряли: убитыми трехъ, ранеными одиннадцать человѣкъ. Подобные случаи не разъ бывали на Кавказѣ и въ прежнія времена. Осетины, во время возстанія, заключались въ башняхъ человѣкъ по сорока и больше и нерѣдко защищались въ нихъ до послѣдней крайности, предпочитая сдачу вѣрную смерть отъ взрыва. Но подобную оборону можно было встрѣтить у однихъ Гагаевцевъ, въ первый разъ видѣвшихъ въ своей землѣ русскія войска и незнакомыхъ еще со всеми способами разрушенія которыми обладаетъ европейское военное искусство.

На другой день, разоривъ Цори до основанія, мы выступили въ Шуани, гдѣ насъ ожидали наши палатки, платье, чистое бѣлье и съѣстные припасы въ которыхъ мы крайне нуждались. Невыносимо дурная погода сопровождала нашъ походъ. Мелкій, холодный дождикъ моросилъ съ раннаго утра; горы были застланы густымъ сѣрымъ туманомъ, сквозь который вяло тянулись уморенные солдаты, осторожно шагавшіе по скользкой дорогѣ. Намѣреваясь въ Шуани увъхать изъ отряда, корпусный командиръ остановился на небольшой площадкѣ и сталъ пропускать мимо себя войска, благодаря ихъ за службу и прощаясь съ ними на короткое время. Посреди карабинеръ шли два пыльные защитника цоринской башни одѣтые въ лохмотья и покрытые дыравыми, поношенными бурками. Ихъ вели солдаты на длинныхъ веревкахъ, съ туго за спину связанными руками. Порывавшись съ Григоріемъ Владиміровичемъ, въ которомъ они еще наканунѣ имѣли случай узнать главнаго начальника, Гагаевцы принялись

знаками и голосомъ о чемъ-то молить. Жалобныя лица ихъ растрогали барона.

— О чемъ просить бѣдняки? спросилъ онъ у возлѣ стоявшаго Гойтова.

— Жалуются на холодъ. Руки связаны такъ крѣпко что они не въ состоянiи придерживать бурки. Просить чтобы веревку ослабили.

— Распустить веревку! приказалъ баронъ.

— Опасно, пожалуй убѣгутъ, замѣтилъ кто-то изъ числа штабныхъ офицеровъ.

Баронъ оглянулся, какъ бы отыскивая глазами нечеловѣколюбиваго критика своихъ распоряженiй.

— Бѣгутъ изъ середины баталiона? Какъ? Куда? чистые пустиакъ! и повторилъ приказанiе.

Плѣннымъ ослабили веревку до такой степени, что имъ можно было, скрестя руки на груди, закутаться въ свои бурки. По окончанiи операцiи баталiонъ пошелъ своею дорогою.

Часъ спустя у Эривандевъ поднялась сильная суматоха. Офицеры засуетились, горны протрубили „нагѣво“ и „прямо впередъ“; солдаты оцупью стали спускаться подъ гору, ничего не видя предъ собой кромѣ густаго тумана, въ которомъ глухо звучали клики: „нѣтъ, не сюда, иди правѣй, иди лѣвѣй, тутъ кручь, гляди, оборвешься!“ Долго мы не могли добраться толку для чего это дѣлается, наконецъ загадка объяснилась: Галгаевецъ пропалъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ карабинеръ. Проходя надъ крутымъ обрывомъ, онъ неожиданно бросился съ горы и увлекъ за собой унтеръ-офицера, неосторожно обвязавшаго конецъ веревки, которою были спутаны его руки, вокругъ своего пояса, что и послужило къ его гибели. Дѣло произошло въ виду ближайшихъ солдатъ такъ быстро, что они не успѣли помочь своему товарищу. Долго отыскивали безъ всякаго прока несчастнаго карабинера, и сколько ни жалѣли о немъ, и какъ ни рвались вернуть плѣннаго, а все-таки были принуждены уйти, покинуть ихъ на произволъ судьбы. Въ послѣдствiи мы узнали отъ лазутчиковъ что Галгаевецъ, хорошо зная мѣстность, выбралъ для бѣгства удобный пунктъ, съѣхалъ безъ вреда до извѣстнаго ему уступа горы, тамъ окончательно освободился отъ ослабленной веревки, а солдатъ, ошеломленнаго паденiемъ, столкнулъ въ пропасть.

Въ Шуани мы нашли вещи и маркитанта со свѣжимъ

хлѣбомъ и прочими припасами, и наконецъ получили возможность не только наполнить, какъ слѣдуетъ, отощавшіе желудки, но и обратиться въ опрятныхъ, порядочныхъ людей, освободившись отъ бѣды сомнительной чистоты, отъ грязнаго платья и отъ прорванныхъ сапоговъ.

Оставивъ войска слѣдовать обыкновенными переходами, корпусный командиръ со всѣмъ штабомъ поѣхалъ изъ Шуани, подъ прикрытіемъ коннаго конвоя, прямо во Владикавказъ, показавшійся намъ постя́ нашей горной экспедиціи идеаломъ человеческого комфорта. На терекской переправѣ стоимъ подполковникъ Челяевъ, съ грузинскою пѣшею милиціей. Предъ палаткой его покоился на козлахъ огромный бурдюкъ, изъ котораго Грузинъ цѣдилъ въ серебрянную азарнешъ душистую, живительную влагу благодатной Кахетіи, приветствуя каждого изъ насъ всегда пріятнымъ, но въ этотъ разъ особенно сладко звучащимъ „Алла-верды“. Горы плава и ряды ружейныхъ шомполовъ, на которыхъ шашлыкъ шипѣлъ надъ яркимъ жаромъ, довершали встрѣчу приготовленную Челяевымъ для возвращавшихся изъ голодной экспедиціи.

Слѣдуетъ добавить что пока мы, по вершинамъ горъ, стяжали довольно безплодную славу неутомимыхъ ходоковъ, осетинскіе милиціонеры оставленные въ Шуани, побуждались болѣе практическимъ взглядомъ на вещи, отыскали, и не потерявъ ни человѣка, отбили до трехъ тысячъ галгаевскихъ барановъ, которые и были отданы имъ въ безспорное владѣніе. Такимъ образомъ кончилась 28-го іюля Галгаевская экспедиція, теперь совершенно забытая, а въ свое время надѣлавшая на Кавказѣ не мало шуму.

Въ Владикавказѣ собрались тѣмъ временемъ всѣ остальные войска назначенныя для чеченской экспедиціи, долженствовавшей составить второй періодъ военныхъ дѣйствій 1832 года. Пока мы были въ Галгаѣ, командовавшій войсками на Кавказской Линіи генераль-лейтенантъ Вельяминовъ ходилъ съ небольшимъ отрядомъ обращать въ покорность отложившихся Галгаевцевъ, въ чемъ и успѣлъ безъ большаго труда и кровопролитія.

VI.

На лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи самые злые противники наши были Чеченцы, занимавшіе глубину лѣсовъ покрывающихъ пространство лежащее между сѣвнымъ

хребтомъ, Сунжею и Акташъ-су. Враждебныя столкновенія съ ними начались со времени перваго поселенія казаковъ на берегу Терека, во второй половинѣ прошедшаго столѣтїя. Съ тѣхъ поръ вражда Чеченцевъ къ Русскимъ возрастала съ каждымъ годомъ, принимая все болѣе и болѣе характеръ непримиримой, истребительной войны. Когда между Лезгинами разпространилось ученіе изъ котораго возникъ мюридизмъ, и дагеставскія нагорныя общества признали надъ собой духовную власть Кази Мегмета, тогда и Чеченцы не замедлили присоединиться къ имаму проповѣдывавшему „казавать“, священную войну противъ Русскихъ, ихъ коренныхъ враговъ. И какъ было не идти за такимъ учителемъ который по пути грабежа и безпощаднаго ищенія велъ къ вратамъ рая каждаго правотѣрнаго посвятившаго себя на истребленіе гяуровъ. Въ 1831 году она участвовали съ Кази-Мегметомъ въ разграбленіи Кизляра и, во всѣхъ его вторженїяхъ въ наши предѣлы, и до того умножили свои воровскіе набѣги на Линію что по лѣвую сторону Терека ни многочисленныя станицы, ни далекая, пустая степь не были безопасны отъ разбоя. По ночамъ, бывало, на станичныхъ улицахъ убивали казаковъ, уводили со двора лошадей и скотину, и не разъ случалось, партіи ихъ степью проходили къ устью Волги. Два года мы оставались въ оборонительномъ положеніи, изрѣдка отыскивая непрїятеля въ его собственныхъ предѣлахъ для отплаты за слишкомъ уже дерзкое нарушеніе безопасности на Линіи. Не всѣ наши карательныя экспедиціи были успѣшны въ теченіи этого періода. Въ 1831 году начальникъ Кавказской Линіи, генералъ Эмануель, потерялъ въ Аухѣ до тысячи человекъ и принужденъ былъ вернуться, давъ только новую пищу дерзости Чеченцевъ. Эмануеля замѣнили на Линіи генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ.

Назначеніе этого генерала, друга и сослуживца Алексѣя Петровича Ермолова, при которомъ онъ въ Тифлисѣ много лѣтъ занималъ должность начальника штаба, повлекло за собой разительную перемѣну въ системѣ дѣйствій и повело бы въ послѣдствіи къ постепенному, нашимъ политическимъ выгодамъ не противорѣчающему умиротворенію края, ежели бы въ Петербургѣ менѣе оспаривали его мысли, и жизнь его не прекратилась такъ скоро. Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ безспорно принадлежалъ къ числу нашихъ самыхъ

замѣчательныхъ генераловъ. Умомъ, многостороннимъ образованіемъ и непоколебимою твердостью характера онъ сталъ выше всѣхъ личностей управлявшихъ въ то время судьбами Кавказа. Никогда онъ не кривилъ душой, никому не льстилъ, правду высказывалъ безъ обиняковъ, дѣйствовалъ не иначе какъ по твердому убѣжденію и съ полнымъ самозабвеніемъ, не жалѣя себя и другихъ, имѣя въ виду лишь прямую государственную пользу, которую, при своемъ обширномъ умѣ, понималъ вѣрно и отчетливо. Никогда клевета не дерзала прикоснуться къ его чистой, ничѣмъ не помраченной репутаціи. Строгаго, съ виду холоднаго, малорѣчиваго Вельяминова можно было не любить, но въ уваженіи не смѣлъ ему отказать ни одинъ человекъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ судьбой. Я не встрѣчалъ другаго начальника пользовавшагося такимъ сильнымъ нравственнымъ значеніемъ въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. Слово Вельяминова было свято, каждое распоряженіе его безошибочно; даже въ кругу самонадѣянной и болтливой военной молодежи, призжавшей къ намъ изъ Петербурга за отаичіемъ, признавалось дѣломъ смѣшнымъ и глупымъ разбирать его дѣйствія. Горцы, знакомые съ нимъ изстари, боялись его гнѣва какъ огня, но вѣрили слову и безотчетно полагались на его справедливость.

Не увлекаясь теоріями которыя наши государственные люди того времени выработывали относительно покоренія Кавказа, Вельяминовъ совершенно отвергалъ оборонительную систему; усиленныя наступательныя операціи и набѣги, безъ цѣли и безъ способа удержать за собой пройденное пространство, признавалъ злою необходимостію для усмиренія горцевъ на короткое время, а для полнаго покоренія Кавказа считалъ полезнымъ, медленно подвигаясь впередъ, утверждаться не одною силою оружія, но основательными административными мѣрами. Во избѣжаніе истощительной для государства траты людей и денегъ, онъ совѣтовалъ болѣе оставлять дѣйствію времени, сохраняя притомъ для русскаго войска хорошую практическую военную школу. Безпристрастный историкъ позже раскроетъ на сколько Вельяминовъ былъ правъ въ своихъ предположеніяхъ.

Баронъ Розенъ, ничего не предпринимавшій въ этомъ году безъ совѣта и согласія Вельяминова, сознавая его превосходную опытность въ кавказской войнѣ, окончательно

рѣшился передать ему непосредственное начальство надъ войсками чеченскаго отряда, сохранивъ для себя положеніе зрителя и принимая участіе въ дѣлѣ лишь чрезъ распоряженія требовавшія согласія главноуправляющаго краемъ. Отдохнувъ недѣлю во Владикавказѣ и покончивъ закавказскія дѣла присланныя изъ Тифлиса на разрѣшеніе, корпусный командиръ 5-го августа выступилъ въ Назрань, гдѣ его ожидалъ Вельяминовъ съ войсками собранными имъ на Линіи.

Въ составъ соединеннаго чеченскаго отряда вошли:

Эриванскаго карабинернаго полка (командиръ полковникъ князь Дадіанъ) 2 баталіона.

41-го Егерскаго полка (командиръ маіоръ Резануиловъ) 1 баталіонъ.

40-го Егерскаго полка (полковникъ Шумскій) 2 баталіона.

Московскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Щеголевъ) 2 баталіона.

Бутырскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Пирятинскій) 2 баталіона.

Кавказскаго сапернаго баталіона одна рота (командиръ капитанъ Богдановичъ).

Полкъ пѣшей грузинской милиціи (командиръ полковникъ Челяевъ), 5 сотень.

Линейскихъ казаковъ (командиръ полковникъ Засъ), 5 сотень.

Грузинскій конный полкъ (командиръ князь Ясси Андрониковъ), 5 сотень.

1-й мусульманскій конный полкъ (командиръ князь Бебутовъ), 5 сотень.

2-й мусульманскій конный полкъ (командиръ Мирза-Джанъ Мадатовъ), 5 сотень.

Кабардинская милиція (командиръ князь Асланъ-бекъ Бѣковичъ-Черкасскій), 2 сотни.

Легкихъ орудій 24, горныхъ 4.

Всего, считая приблизительно, 9.000 человекъ.

Баталіонъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка ходившій въ Галгай, сколько помню, отдѣлился отъ насъ во Владикавказѣ, а осетинская милиція была распущена по домамъ, кромѣ нѣкоторыхъ старшинъ,—между ними мой пріятель Магометь-Кази,—слѣдовавшихъ за нами волонтерами. При этомъ я долженъ замѣтить что и наше малое число баталіоновъ, по характеру мѣстности и по роду войны, ни въ одномъ случаѣ

не могло быть сосредоточено для общаго удара, какъ бываетъ въ европейской войнѣ; большею частію они были принуждены дѣйствовать порознь.

Вся чеченская земля покрыта вѣковыми лѣсами и прорѣзана множествомъ рѣкъ и потоковъ текущихъ съ юга на сѣверъ; самые значительные между ними Фартанга, Асса, Аргунъ и Аксай. Сулжа, принимающая въ себя съ правой стороны всѣ чеченскія воды, обтекаетъ Чечню съ запада и сѣвера, отдѣляя ее отъ земли Ингушей и отъ Малой Кабарды. Сѣверная полоса Чечни представляетъ ровную мѣстность, по которой проходятъ арбяныя дороги годныя для обоза и для артиллеріи; южная часть ея весьма гориста и поэтому неудобна для движенія войскъ. Посреди лѣсовъ открывались просторныя поляны, занятыя населеніемъ плотившимся во многолюдныя аулы; затѣмъ большинство Чеченцевъ обитало въ отдѣльныхъ хуторахъ разбѣянныхъ по непроницаемымъ тущобамъ, составлявшимъ самую надежную оборону ихъ жилищъ. Всѣ, даже большія селенія непремѣнно прислонялись однимъ бокомъ къ густому лѣсу, служившему вѣрнымъ убѣжищемъ для чеченскихъ семействъ, когда имъ угрожала опасность отъ русскихъ войскъ. Дома, или сакли, какъ ихъ называли Кавказцы, были построены изъ плетня покрытаго густымъ слоемъ глины, имѣли плоскія крыши и вмѣщали двѣ или три весьма опрятныя, чисто выбѣланныя комнаты. Въ жилищныхъ селеніяхъ сакли были окружены садами, въ которыхъ Чеченцы разводили разныя овощи и фрукты. На полянахъ и въ лѣсныхъ прогалинахъ встрѣчались немалые посѣвы кукурузы, проса, пшеницы, ржи и ячменю. Лѣса были наполнены орѣховыми деревьями, яблонями, грушами, сливой и кизилемъ. Въ то время нашими войсками не были еще сдѣланы просьбки въ лѣсахъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Ермоловъ разчистилъ на ружейный выстрѣлъ по обѣ стороны одну дорогу проходившую чрезъ знаменитый Гойтинскій лѣсъ; къ тридцать второму году и эта просьбка успѣла покрыться непроходимо густою порослію; поэтому мы были осуждены вести въ Чечнѣ самую трудную лѣсную войну. Какъ противники, Чеченцы заслуживали полное уваженіе, и никакому войску не было позволено пренебрегать ими посреди ихъ лѣсовъ и горъ. Хорошіе стрѣлки, злобно храбрые, смѣтливые въ военномъ дѣлѣ, подобно другимъ кавказскимъ горцамъ, они ловко

умѣли пользоваться для своей обороны мѣстными выгодами, подмѣчать каждую ошибку нашу и съ неимоверною скоростью давать ей гибельный для насъ оборотъ.

Составленный Вельяминовымъ планъ чеченскаго похода былъ очень простъ. Отнюдь не сомнѣваясь въ удачѣ острожно направляемой экспедиціи, но и не ожидая отъ нея другаго результата кромѣ временнаго усмиренія Чеченцевъ которое позволило бы русскому линейскому населенію отдохнуть отъ тревожной жизни послѣднихъ годовъ, онъ предполагалъ пройти по чеченской плоскости, разоряя селенія, уничтожая жатву, отбивая стада и атакуя непріятеля вездѣ гдѣ бы онъ имѣлъ дерзость собраться въ большихъ силахъ. Обстоятельства должны были указать дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

На другой день мы выступили съ разсвѣтомъ изъ Назрана и переправились черезъ Сунжу по мосту поставленному на козлахъ, потому что броды чрезъ эту рѣку существуютъ только въ ея верховьяхъ. За Сунжей мы ступили на непріятельскую землю, и съ слѣдующаго перехода началась для насъ ежедневная, неумолкаемая драка. Въ войнѣ съ Чеченцами одинъ день походилъ на другой. Изрѣдка неожиданный эпизодъ, встрѣча съ значительнымъ сборищемъ, штурмъ укрѣпленнаго аула или набѣгъ въ сторону измѣняли утомительно-однообразный ходъ дѣйствій. Переходы соразмѣрялись съ разстояніемъ полянъ лежавшихъ на берегу рѣчекъ и достаточно просторныхъ для размѣщенія на нихъ лагеря не ближе ружейнаго выстрѣла отъ ближайшаго лѣса. Дороги пролегли преимущественно чрезъ густой и высокій лѣсъ изрѣдка перерѣзанный лужайками, ручьями и оврагами. Въ продолженіе всего перехода дрались, ружейные выстрѣлы гремѣли, пули жужжали, люди падали, а непріятеля не было видно. Одни дымки вспыхивавшіе въ лѣсной чащѣ обозначали его присутствіе; не имѣя предъ собой другой цѣли, наши солдаты были принуждены стрѣлять на дымокъ.

Послѣ перехода войска распологаались лагеремъ на одинъ день, или долѣе, глядя по числу окрестныхъ ауловъ которые предполагалось разорить. Съ мѣста стоянки посылались во всѣ стороны небольшія колонны для истребленія непріятельскихъ полей и домовъ. Аулы горятъ, хлѣбъ косятъ, и опять загорается перестрѣлка, раздается пушечная пальба, опять несутъ убитыхъ и раненыхъ. Татары везутъ въ торокахъ

отрѣзанныя непріятельскія головы, лѣвннхъ нѣтъ: мужчины не сдаются, а женщины и дѣти заранѣе спрятаны въ такіа трупобы куда не пойдутъ ихъ отыскивать. Вотъ показалась голова колонны возвращающейся съ ночнаго набѣга; хвоста еще не видать, онъ дерется въ лѣсу. Чѣмъ ближе къ выходу на чистое мѣсто тѣмъ чаще гремятъ выстрѣлы, слышенъ гакъ. Непріятель провожаетъ арріергардъ, тѣснить его со всѣхъ сторонъ, кидается въ шашки, ожидая только минуты когда онъ выйдетъ на открытое мѣсто чтобы засыпать его градомъ пуль. Приходится поднять изъ лагеря свѣжіи баталіоны и нѣсколько орудій для поддержанія отступающаго арріергарда. Картечь и бѣглый огонь останавливаютъ непріятельскій натискъ и даютъ нашей колоннѣ возможность выйти изъ лѣсу безъ лишней потери.

Посылаютъ косить траву, и тотчасъ начинается драка; дрова для варки пищи и для бивачныхъ огней берутъ не иначе какъ съ боя. За рѣчкой растетъ кустарникъ или выдалась едва примѣтная лощина; это заставляетъ прикрыть водою полубаталіономъ съ артиллеріей, иначе перестрѣляютъ лошадей или отгонятъ ихъ. Одинъ день какъ другой, что было вчера—повторится завтра; вездѣ горы, вездѣ лѣсъ, а Чеченцы злы и неутомимы въ дракѣ.

Порядокъ движенія и лагерное расположеніе были какъ нельзя лучше приспособлены къ характеру войны и никогда не измѣнялись. Походная колонна строилась слѣдующимъ образомъ: въ авангардѣ и въ арріергардѣ по пѣхотному баталіону при нѣсколькихъ легкихъ орудіяхъ, гдѣ существовали дороги удобопроходимыя для полевой артиллеріи, замѣнявшейся въ противномъ случаѣ горными единорогами. Кавалерія, резервная артиллерія и обозъ помѣщались въ серединѣ колонны и прикрывались пѣхотой слѣдовавшею рядами по обѣ стороны. Предъ авангардомъ, позади арріергарда, и направо и налево, по протяженію всей колонны, шли стрѣлки, имѣя за собой резервы съ горными орудіями. На ровныхъ и открытыхъ поляхъ боковыя прикрытія удалялись отъ колонны на хорошій ружейный выстрѣлъ; вступивъ въ лѣсъ, они шли какъ позволяла мѣстность, по возможности стараясь уберечь ее отъ непріятельскаго огня, слѣшкомъ губительнаго когда ему подвергалась сомкнутая масса войскъ. Солдаты называли это водить колонну въ яцикъ. На походѣ все дѣло происходило въ цѣпи: въ авангардѣ, когда шли

впередъ, въ аррьергардѣ, когда отступали, и почти непрерывно въ боковыхъ прикрытіяхъ, выполнявшихъ самую трудную и самую опасную задачу. Въ лѣсу стрѣлковымъ парамъ нерѣдко приходилось идти не видя другъ друга, при этомъ разрываться, и Чеченцы, будто выростая изъ земли, наскakивали на нихъ и рубили отдѣлившіхся солдатъ прежде чѣмъ товарищи успѣвали имъ помочь. Движеніе стрѣлковъ, закрытыхъ лѣсомъ и горами, рѣдко было видно съ дороги по которой слѣдовала колонна. Съ ними переговаривались посредствомъ сигналовъ на рожкѣ. Для того чтобы въ лѣсу и въ горахъ всегда имѣть возможность узнавать гдѣ находятся части войскъ отдѣленные отъ главной колонны, авангардъ, аррьергардъ и боковыя прикрытія обозначались предъ выступленіемъ сигнальными нумерами которыми по уставу называются роты въ баталіонѣ. Эти сигналы мѣнялись весьма часто, дабы горцы, подмѣтивъ ихъ, заранѣе не угадывали кому отдають приказаніе. Желая дознаться гдѣ какая-нибудь часть пробирается по лѣсу, подавали условенный вопросительный сигналъ, горюисты всѣхъ частей откликались своими нумерами, и судя по звуку, приказывали потомъ, назвавъ кого слѣдовало, укоротить шагъ, стоять или приблизиться къ колоннѣ. Непріятельскія пули, случалось, ложились въ средину войска, но очень рѣдко удавалось горцамъ, разорвавъ цѣпь, нападать на колонну. Въ экспедицію 1832 года не могу припомнить болѣе четырехъ такихъ прорывовъ.

Лагерь постоянно размѣщался кареемъ: по фасамъ пѣхота и артиллерія, посрединѣ кавалерія и обозъ. Для небольшого числа войскъ строился вагенбургъ изъ повозокъ. Вокругъ всего лагеря располагалась двумя негустая цѣпь, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ палатокъ. На ночь число застрѣльщиковъ умножалось, придвигали резервы и впереди укладывали еще секреты въ болѣе опасныхъ мѣстахъ. Людей разводили на эти посты послѣ наступленія темноты, для того, чтобы не подсмотрѣлъ непріятель. Они были обязаны наблюдать глубокую тишину, подходящихъ не окликать, а освистывать, и стрѣлять на каждый подозрительный шорохъ, хотя бы не могли точно разглядѣть отъ чего онъ происходитъ. На каждомъ фасѣ лагернаго каре держали наготовѣ дежурныя части для подкрѣпленія передовой цѣпи въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія. Солдаты отъ этихъ частей лежали предъ палатками, имѣя при себѣ ружья и патронныя

сумки. Остальные солдаты и офицеры спали раздѣтые и не имѣли привычки тревожиться отъ выстрѣловъ которые намъ почти каждую ночь посылали Чеченцы, подползавшіе къ лагерю несмотря на всѣ наши предосторожности. Нерѣдко мнѣ самому случалось просыпаться ночью отъ бѣлаго огня лагерной цѣпи и слышать надъ палаткой свистъ чеченскихъ пуль. Тогда полусоннымъ голосомъ кто-нибудь провозглашалъ:

— Опять подползли, спать не даютъ. Откуда это они стрѣляютъ?

— Справа (или слѣва), ваше благородіе, отвѣчалъ какой-нибудь солдатъ или казакъ.

И принявъ къ свѣдѣнію такого рода извѣщеніе, бывало, закроешь голову подушкой съ той стороны откуда летятъ пули, и чрезъ нѣсколько минутъ снова засыпаешь крѣпкимъ сномъ, съ надеждой что въ лагерь Чеченцевъ не пустатъ, а отъ пули Богъ убережетъ.

Одиннадцать дней, съ 6-го по 17-е августа, мы проходили по Малой Чечнѣ, перестрѣливаясь и разоряя аулы, потомъ подошли къ крѣпости Грозной, сдали больныхъ и раненыхъ, забрали провіанту и снарядовъ, и двинулись въ сердце Большой Чечни. Въ это время мое служебное положеніе нѣсколько измѣнилось. Во Владикавказъ пріѣхалъ изъ Тифлиса генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Норденстамъ, по праву старшинства вступилъ въ управленіе походною канцеляріей, и имѣя особенную склонность къ письменнымъ дѣламъ, принявъ въ свое распоряженіе и переписку по второму, мнѣ принадлежавшему, отдѣленію. Вольховскій, видя что я, какъ говорится, отбиваюсь отъ рукъ, нашель для меня дѣло при войскахъ болѣе сродное моему характеру, приказалъ чередоваться въ авангардѣ и въ арріергардѣ съ офицерами генеральнаго штаба состоящими при войскахъ на Линіи и посылаалъ нерѣдко съ отрядами ходившими въ сторону уничтожать чеченскіе аулы. Это послѣднее дѣло послужило поводомъ къ сближенію съ Вельяминовымъ моей незначительной персоны. Вольховскій представилъ ему въ Назранѣ всѣхъ офицеровъ принадлежавшихъ къ штабу корпуснаго командира, въ томъ числѣ и меня, но весьма естественно что онъ обратилъ мало вниманія на молодого, невиднаго егерскаго подпоручика, затертаго среди блестящихъ адъютантскихъ мундировъ, и даже забылъ въ послѣдствіи мое лицо и имя.

Недѣлю спустя Вольховскій прикомандировалъ меня къ небольшому отряду посланному разорить не помню какую-то деревушку, лежавшую версты десять въ сторонѣ отъ лагеря. Мы выступили до разсвѣта, заняли аулъ, сожгли его, накопили на поляхъ сколько нужно было фуражу, остальное вытоптали, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; но при выступленіи попали довольно неожиданно подъ огонь непріятеля выжидавшего этотъ моментъ въ примыкавшемъ къ селенію дѣсу. Пришлось уходить съ боемъ, стоившимъ намъ человекъ семь нижнихъ чиновъ выбывшихъ изъ строя. На обратномъ пути, не доходя до лагеря версты двѣ, я опередилъ отрядъ, какъ мнѣ было приказано начальникомъ штаба, для предварительнаго сообщенія ему подробностей дѣла происходившаго на моихъ глазахъ. Корпусный командиръ завтракалъ у Вельяминова съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Я вошелъ въ большую кибитку, гдѣ былъ накрытъ столъ, и отыскивая глазами Вольховскаго, остановился у входа, не замѣтивъ при этомъ что въ сторонѣ стоялъ казачій офицеръ усѣвшій прежде меня пріѣхать съ донесеніемъ отъ командира нашего отряда.

Вельяминовъ первый меня замѣтилъ, и принявъ по мундиру за строеваго офицера, спросилъ зачѣмъ я пришелъ.

— Съ донесеніемъ къ Дмитрію Владиміровичу.

Вольховскій, предупредивъ его что я принадлежу къ корпусному штабу, обратился ко мнѣ съ разными вопросами объ отрядѣ изъ котораго я прибылъ. Отвѣчать было не трудно, я передавалъ дѣло какъ видѣлъ его.

Вельяминовъ, прислушиваясь къ моимъ отвѣтамъ, попросилъ позволеніе въ свою очередь сдѣлать мнѣ вопросъ.

— Много ли вы имѣли противъ себя Чеченцевъ?

— Трудно сказать, непріятель прятался, и намъ были видны одни дымки отъ его выстрѣловъ.

— А судя по огню, какъ вы заключаете о числѣ его?

— Могла быть сотня, много полторы.

— Вотъ кто говоритъ правду, возразилъ Вельяминовъ обратившись къ своимъ гостямъ,—а господинъ сотникъ пріѣхалъ разказывать басни. По мѣсту и по времени, не могло собраться болѣе Чеченцевъ, я и прежде былъ въ этомъ убѣжденъ.

Тутъ Вельяминовъ спросилъ у Вольховскаго мою фамилію и потомъ вполголоса поговорилъ съ корпуснымъ командиромъ.

— Алексѣй Александровичъ проситъ меня уступить васъ въ его распоряженіе, обратился ко мнѣ баронъ.—Согласно ли это съ вашимъ желаніемъ?

— За честь сочту служить при немъ, какъ служилъ и при вашемъ высокопревосходительствѣ.

— Совсѣмъ не расстаюсь съ вами, а на время похода вы имѣете находиться при командующемъ войсками на Линіи.

— Очень радъ, прибавилъ Вельяминовъ,—и начнемъ знакомство съ теперешняго завтрака. Садитесь и берите приборъ.

Такимъ случаемъ я попалъ къ Вельяминову подъ начальство, что не помѣшало однако и Вольховскому распоряжаться мною по старой привычкѣ. вмѣсто одного, я нажилъ двухъ начальниковъ, дѣло довольно неудобное, но за то меня совершенно освободили отъ канцеляріи.

Вступая въ большую Чечню со стороны крѣпости Грозной, намъ слѣдовало пройти чрезъ Гойтинскій лѣсъ, прорубленный, какъ я прежде упомянулъ, при Алексѣе Петровичѣ Ермоловѣ и успѣвшій однако зарости, хотя и мелкимъ, но неизмѣримо густымъ кустарникомъ. Въ этомъ лѣсу, имѣвшемъ около семи верстъ протяженія и посреди котораго въ болотистыхъ берегахъ протекала рѣчка Гойта, Чеченцы искони дрались противъ Русскихъ съ несказаннымъ упорствомъ. Гойтинскій лѣсъ и рѣчка Валерикъ были памятны всѣмъ старымъ Кавказцамъ; подходя къ нимъ, отрядные начальники удваивали осторожность, а русскій солдатъ готовился на нешуточный бой.

Предъ лѣсомъ Вельяминовъ приказалъ поставить вправо и влево отъ дороги по шести орудій и открыть сперва картечный огонь по опушкѣ, а потомъ стрѣлять въ средину чащи ядрами и гранатами, хотя не было видно ни одного Чеченца, и ни одинъ выстрѣлъ не встрѣтилъ насъ съ неприятельской стороны. Послѣ того застрѣльщики отъ дѣлаго баталіона, подкрѣпленные во второй линіи ротными колоннами, безъ выстрѣла, съ громкимъ ура! бросились бѣгомъ къ опушкѣ, и занявъ ее, тотчасъ легли на землю. Нѣсколько мгновеній спустя ружья затрещали съ обѣихъ сторонъ; оказалось что лѣсъ не такъ безлюденъ какъ можно было думать съ перваго раза. Такимъ образомъ занимали на Кавказѣ каждую опушку, каждый пролѣсокъ, каждую нѣсколько закрытую переправу и каждое селеніе. Вся разница состояла въ томъ что, соображаясь съ мѣстностію и съ числомъ

предполагаемаго непріятели, увеличивалось или уменьшалось количество артиллеріи и войскъ назначаемыхъ для первой атаки. Тишина господствующая въ лѣсу или въ селеніи ничего не доказывала: непріятель былъ вездѣ и нигдѣ, рѣдко удерживалъ позицію, но дрался всюду гдѣ находилъ мѣстное прикрытіе и гдѣ имѣлъ свободное отступленіе. Только по занятіи опушки главная колонна входила въ лѣсъ, имѣя впереди себя авангардныхъ застрѣльщиковъ. Стрѣлки же, лежавшіе предъ лѣсомъ по обѣ стороны дороги, втягивались въ чащу и составляли правое и лѣвое прикрытіе походной колонны; тогда начиналась драка прекращавшаяся не прежде выхода войскъ на открытое мѣсто. По временамъ огонь усиливался, и эхо выстрѣловъ сливалось съ чеченскимъ гикомъ и съ русскимъ *ура!* Въ глубинѣ лѣса работали штыкъ да шашка.

Въ Гойтинскомъ лѣсу ожидала насъ одна изъ непріятныхъ случайностей кавказской войны. Колонна прошла уже половину пути. По срединѣ лѣса, на берегу рѣчки, столпились обозъ и артиллерія въ ожиданіи очередной переправы по весьма мало надежному мостику. Чеченцы, пользуясь этою задержкой, налегли на правое прикрытіе, и отгнѣснвъ его, стали посылать пули въ средину обоза. По сигнальнымъ отвѣтамъ, казалось, наши не понимали, или не могли исполнить приказаніе идти впередъ; Вельяминовъ приказалъ мнѣ съѣздить въ лѣсъ и отвести стрѣлковую цѣпь подальше отъ колонны. Съ трудомъ продираясь на лошади чрезъ мелкую поросль, я сталъ отыскивать командира цѣпи; кое-гдѣ мелькали, предомной солдатскія шинели, но офицера между ними не было. Въ это время недалеко отъ меня промчался Чеченцы, пули посыпались какъ горохъ, и солдаты, за ними нѣсколько офицеровъ, вынырнули изъ-за деревьевъ и кустовъ поспѣвая къ мѣсту откуда раздавался крикъ. Имѣя съ собой одного казака, я ради собственной безопасности увязался за ними и выѣхалъ на небольшую прогалину въ то самое мгновеніе какъ подоспѣвшіе застрѣльщики принялись штыками отбивать Чеченцевъ рубившихъ разрозненныя пары. На землѣ лежалъ раненый юнкеръ, князь Иванъ Урусовъ; въ-время подскочившій офицеръ защитилъ его отъ шашки сверкавшей въ рукѣ противника имѣвшаго видимое желаніе его покончить. Схватка продолжалась не болѣе двухъ минутъ. Резервъ подбѣжалъ, и непріятель скрылся изъ виду; только

дуи его продолжали жужжать мимо нашихъ ушей. Урусова понесли на перевязку, и подняли убитыхъ, тѣла которыхъ кавказскіе солдаты ни въ какомъ случаѣ не оставляли на поруганіе непріятеля.

Этотъ случай заставилъ меня узнать какъ хороша память у русскаго солдата и какъ онъ примѣчаетъ за всѣмъ что дѣлають офицеры. Въ цѣпь я попалъ такъ же случайно какъ и на схватку съ непріятелемъ, оставался при ней послѣ происшествія отнюдь не долѣе чѣмъ требовало приказаніе давное мнѣ Вельяминовымъ, и потомъ вернулся прямо къ нему. Двѣнадцать лѣтъ спустя я снова проходилъ чрезъ Гойтивскій лѣсъ съ Робертомъ Карловичемъ Фрейтагомъ, у котораго исправлялъ должность отряднаго оберъ-квартирмейстера. Дѣло мы имѣли жаркое; мнѣ приходилось скакать во всѣ концы колонны. Проѣзжая мимо Куринцевъ, я былъ остановленъ солдатомъ который, пристально вглядываясь въ мое лицо, вдругъ заговорилъ:

— Ваше высокоблагородіе, а ваше высокоблагородіе, какъ жись, я васъ признаю; вы были съ нами въ здѣшнемъ лѣсу, помните ли, когда Чеченцы зарубили застрѣльщикова и ранили нашего юнкера, князя Урусова.

Солдатъ меня узналъ, несмотря на долгое время и на перемѣну мундира; въ тридцать второмъ году я былъ одѣтъ въ егерскую форму, а въ сорокъ четвертомъ носилъ мундиръ генеральнаго штаба.

— Который разъ, ваше высокоблагородіе, изволите проходить чрезъ этотъ лѣсъ? спросилъ послѣ того мой старый знакомый.

— Седьмой.

— А я двадцатый. Когда же лѣсъ останется за нами?

— Ну, любезный, спроси про это у Господа Бога, а я вѣдать не вѣдаю, отвѣчалъ я и направилъ лошадь къ Роберту Карловичу, моему давнишнему другу и защитнику, съ которымъ въ томъ году отбылъ не одно горячее дѣло.

И Чеченцы попытались недешево. За лѣсомъ начиналось открытое мѣсто. Наши конные Грузины и Татары, посланные впередъ отряда, изрубили десятка два вѣвшихъ молодцовъ не успѣвшихъ уйти съ поляны въ лѣсъ. При этомъ случаѣ одинъ изъ нихъ, вида что ему нѣтъ спасенія, ухватился за поясъ наскочавшаго на него Татарина и ударилъ

его кинжаломъ въ бокъ съ силой прогнавшею сквозь тѣло широкое лезвие; въ то же мгновение сабля Татарина опустилась Чеченцу на голову, и оба покатались мертвые на траву.

Предъ вечеромъ отрядъ вышелъ на открытое лагерное мѣсто; стали разбивать палатки; для Вельяминова поставили барабанъ и развели огонь, у котораго онъ молча принялся грѣть руки. Это была его постоянная привычка. Вокругъ него болтали офицеры. Казалось, онъ былъ ко всему равнодушенъ, однако мало словъ ускользали отъ его слуха. Онъ позволялъ молодежи, на походѣ ли, за столомъ, или у себя въ кабинетѣ, говорить свободно обо всемъ, прислушивался къ разговору и заключалъ по немъ объ умѣ и характерѣ каждаго изъ разсуждающихъ. Когда, бывало, иной слишкомъ разбоявляется, онъ, безъ строгости, безъ гнѣва, скажетъ только: „ну, дражайшій, перестань, перестань, чрезъ мѣру заговорился!“

Въ этотъ вечеръ находился въ кругу офицеровъ собранныхъ около Вельяминова и капитанъ уберегшій Урусова отъ чеченской шашки. Онъ разказывалъ съ жаромъ подробности своего подвига. Долго Алексѣй Александровичъ слушалъ, не говоря ни слова; наконецъ, онъ обратился къ разказчику:

— А, дражайшій, какимъ образомъ ты попалъ въ дѣль когда ранили Урусова?

— Я командовалъ застрѣльщиками; Урусовъ служить въ моей ротѣ.

— И ты изрубилъ Чеченца напавшаго на раненаго юнкера; гдѣ же были твои застрѣльщики?

— Дѣль разорвалась, никого тутъ не случилось; я самъ еле, еле подоспѣлъ.

— А! ты командовалъ застрѣльщиками; дѣль не шла въ порядкѣ, и ты былъ принужденъ рубить Чеченцевъ собственною рукой. Нечего сказать, ты храбрый офицеръ. Отдай, однако, дежурному штабъ-офицеру твою собственную шашку и отправляйся подъ арестъ; дѣло начальника наблюдать за солдатами, а не рубиться съ неприятелемъ.

И бѣдный ротный командиръ, вмѣсто ожидаемой похвалы, понутивъ голову, пошелъ исполнять приказаніе Вельяминова.

На другое утро командующій войсками приказалъ отдать капитану оружіе и поблагодарить за спасеніе юнкера. Такъ онъ понималъ офицерскую обязанность. Ермоловъ дѣйствовалъ еще строже въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не

терпѣлъ выскочки и сажалъ подѣ арестъ каждаго офицера безъ надобности и безъ приказанія бросающагося въ огонь, и никогда не давалъ награды за подобнаго рода безполезную храбрость.

При переправѣ черезъ Аргунъ и движеніи къ селенію Шали мы имѣли 22-го августа вторую сильную перестрѣлку, мало отличавшуюся отъ другихъ всеневныхъ встрѣчъ съ неприятелемъ; за то борьба съ рѣкой выходила изъ предѣловъ обыкновеннаго порядка.

Переправы чрезъ горныя кавказскія рѣки вообще принадлежали къ категоріи довольно щекотливыхъ операцій и часто стоили добраго дѣла. Рѣка, проходящая въ бродѣ по колѣно еще вечеромъ, за ночь наливалась по грудь, отъ дождя въ горахъ, или отъ подснѣжнаго потока промывшаго себѣ дорогу къ ея покапистому руслу. И Аргунъ, на подобіе Сулака, Сагуани, Ингура, Бзыба, принадлежалъ къ числу чрезвычайно быстрыхъ и неуловимо своенравныхъ рѣкъ. Когда мы къ нему подошли, онъ находился въ состояніи неожиданнаго налива: стрѣлою неслась вода, унося въ Сунжу огромныя карчи и ворочая камни заграждавшіе ей дорогу. Ни мостъ на козлахъ, ни на арбахъ, для одной пѣхоты, не удержался бы противъ силы воды и карчей, да и время не позволяло испытывать степень ихъ стойкости; намъ надо было спѣшить къ Герменчугу, куда Кази-Мегметъ собиралъ Горцевъ на защиту аула, пока число ихъ не увеличится до размѣровъ силы непреодолимой для нашего отряда. На Кавказѣ не имѣли привычки задумываться надъ быстротой и глубиной рѣки, когда существовала искра надежды преодолѣть эти препятствія. Мостъ не устоитъ противъ карчи, а живые люди всегда могутъ отъ нея посторониться: отвести ее, или обождать пока она проплыветъ; поэтому было рѣшено не мѣшкая переходить въ бродѣ. Въ виду этой небезопасной операціи самъ Вельяминовъ сѣлъ возлѣ переправы для личнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій, и съ собственнымъ ему терпѣніемъ, не сошелъ съ мѣста пока послѣдній человекъ не перешелъ на другую сторону.

Сперва обстрѣляли противоположный берегъ картечью, какъ слѣдуетъ, потомъ Грузины, Татары и часть линейцевъ, по сѣдло въ водѣ, перешли на другую сторону и смѣло атаккой разогнали Чеченцевъ пытавшихся оспаривать переправу.

Кавказскія лошади привычны къ водѣ: на быстрыхъ рѣкахъ онѣ упираются туловищемъ противъ теченія, и зная что на днѣ водятся большіе, скользкіе камни, не торопясь и щупая копытомъ грунтъ переставляютъ крѣпкія ноги. Потерявъ дно, онѣ плывутъ безъ усталы. Дурно только когда лошадь въ упряжи: не имѣя воли пользоваться своею силою, она перевертывается быстрою вверхъ ногами, тонетъ, да и повозку нерѣдко уноситъ невѣсть куда.

По переходѣ конницы, устроили переправу для пѣхоты, артиллеріи и обоза. Подъ острымъ угломъ поставили, къ теченію спиной, плотный рядъ линейскихъ казаковъ на самыхъ сильныхъ лошадяхъ; двадцать сажень ниже помѣстили къ нимъ лицомъ двѣ конныя цѣпи. Выше поставленные казаки составляли оплотъ противъ напора воды, размѣщенные ниже должны были ловить пѣхотинцевъ уносимыхъ быстрою. По этой улицѣ пошла пѣхота, по отдѣленіямъ, разутая до пояса, сапоги, ружья и сумки на плечахъ, солдаты каждой шеренги крѣпко ухватившись подъ руку, а фланговый чловѣкъ придерживаясь свободною рукою за стремя казака ѣхавшаго со стороны теченія. Въ такомъ порядкѣ переправилась вся пѣхота, и за нею повозки и артиллерія. Подъ напоромъ волны шеренги колыхались, люди не разъ теряли дно, слабосильныхъ срывало и несло по водѣ, ниже стояшіе казаки хватили ихъ и вывозили на берегъ; но дѣло не обошлось и безъ утонувшихъ. Два зарядные ящичка и нѣсколько повозокъ опрокинуло на срединѣ рѣки, лошади потонули, а ящички были спасены. Подобнаго рода переправы мнѣ удалось видѣть на лѣвомъ флангѣ и на береговой Линіи.

Герменчугъ, самый большой чеченскій аулъ, имѣвшій три мечети, изъ коихъ лучшая была построена на деньги пожалованныя Ермоловымъ, находился въ семи верстахъ отъ Шали, гдѣ мы ночевали переправившись черезъ Аргунъ. Алексѣй Петровичъ, дознавъ на опытъ какъ трудно было вѣдаться съ Чеченцами живущими разсѣянно по лѣсамъ, принесъ эту жертву, надѣясь около прочно и красиво построенной мечети сгруппировать болѣе значительное число жителей, и не ошибся въ своемъ разчетѣ; герменчугское населеніе увеличивалось съ каждымъ годомъ, и долгое время его жители, дорожа своею осѣдлостію, не принимали прямого участія въ грабежахъ и разбояхъ своихъ одноплеменниковъ. Въ 1831 году они были увлечены въ общее возстаніе, и Вельяминовъ челъ

полезнымъ показать на нихъ примѣръ всему краю. Въ его правилахъ было во всѣхъ взысканіяхъ за равную вину начинать съ большихъ, а не съ малыхъ. Чужа приближеніе злой грозы, Герменчугцы долго колебались, просить ли пощады, или защищать селеніе; Казимегметъ убѣдилъ ихъ испытать счастье оружія, укрѣпить селеніе и ждать въ немъ прихода Русскихъ. Три тысячи Чеченцевъ засѣли въ Герменчугъ; имамъ лично привелъ къ нимъ на помощь восемьсотъ конныхъ Лезгинъ и, кромѣ того, каждый день подходили къ аулу поборники очищенной вѣры изъ самыхъ отдаленныхъ горъ.

Оставивъ возлѣ Шали весь обозъ подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ и двухъ орудій, мы съ остальными войсками двинулись къ Герменчугу. На разсвѣтѣ отрядъ переправился чрезъ неглубокую рѣчку протекавшую предъ ауломъ и къ полудню сталъ на позицію въ виду ожидавшаго насъ непріятеля. На лѣвомъ флангѣ мы имѣли рѣчку, на правомъ — густой лѣсъ въ которомъ скрывались пѣшіе Чеченцы и лезгинская конница; предъ нами лежало пространное селеніе съ трехъ сторонъ опоясанное крѣпкимъ окопомъ, усиленнымъ еще фланговою обороною, и заслоненное съ тылу высокимъ лѣсомъ. Линейскіе казаки, грузинскій и татарскіе конные полки, подъ командой полковника Засса, первые заняли мѣста предъ ауломъ и съ утра завязали джигитовку съ непріятельскою конницею завлекавшею ихъ къ лѣсу, откуда огонь пѣшихъ Чеченцевъ снова принуждалъ нашихъ отходить на чистое поле. Когда весь отрядъ перешелъ чрезъ рѣчку и построился въ колонны, Вельяминовъ приказалъ варить кашу для солдатъ, а своему повару готовить обѣдъ. Люди не сходявшіеся нравомъ съ Вельяминовымъ, не зная чѣмъ его попрекнуть, находили поводъ обвинять его въ излишнемъ пристрастіи къ гастрономическимъ наслажденіямъ. Вельяминовъ дѣйствительно охотно занимался столомъ, наравнѣ съ естественною исторіей, архитектурой, гомеопатіей, изъ любви къ наукѣ и къ искусству, и гораздо болѣе въ пользу другихъ чѣмъ для самого себя. Страдая расположеніемъ къ грудной водяной болѣзни, отъ которой онъ и скончался въ 1838 году, Вельяминовъ постоянно находился на самой строгой діетѣ; но въ то же время оставилъ себѣ въ удовольствіе вкусно кормить офицеровъ обѣдавшихъ за его столомъ. На походѣ, до десятка верблюдовъ носили за нимъ каалмыцкую кибитку, кухню и

съѣстные припасы. Въ числѣ другихъ и Вольховскій часто укорялъ его въ этой слабости. Эти два человека, въ одинаковой мѣрѣ преданные принципу долга и чести, близко сошедшіеся въ умственномъ воззрѣніи на житейскія дѣла, къ сожалѣнію, расходились диаметрально въ примѣненіи своихъ понятій: Вольховскій былъ строгой доктринеръ, Вельяминовъ неумолимый практикъ. Кромѣ того, Вольховскій, страдавшій нервною раздражительностію, былъ вспыльчивъ и нерѣдко увлекался первымъ впечатлѣніемъ; Вельяминовъ, обладавшій ледянымъ хладнокровіемъ, подчинялъ всѣ свои дѣйствія одному разсудку и силой характера бралъ верхъ надъ Вольховскимъ. Поверхностно понимая вещи, многіе потому считали Вельяминова человекомъ бездушнымъ, и крѣпко ошибались. Я испыталъ на себѣ самомъ сколько его сердце было доступно самому заботливому участію; онъ умѣлъ только владѣть своими чувствами и скрывалъ ихъ въ глубинѣ души, для того чтобы никакому плутоватому уму не удалось воспользоваться ими ко вреду справедливости и общаго порядка.

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить характеръ Вельяминова и его взглядъ на обязанности государственнаго человека слѣдуетъ отыскать въ ставропольскомъ штабномъ архивѣ и изучить его переписку съ военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ, касательно военныхъ дѣйствій на берегу Чернаго моря. Три раза сразу онъ имѣлъ смѣлость самымъ положительнымъ образомъ, подтверждая фактами свои заключенія, опровергать пользу проекта присланнаго къ нему изъ Петербурга при именномъ повелѣніи безотговорочно привести его въ исполненіе. Свою послѣднюю записку онъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Ежели государь императоръ и на этотъ разъ не удостоитъ, на основаніи изложенныхъ мною доказательствъ и фактовъ, осчастливить меня отъѣмъ сказаннаго проекта, то прошу какъ милость назначить на мое мѣсто другаго, болѣе способнаго и свѣдущаго генерала; я готовъ служить подъ его начальствомъ простымъ солдатомъ, но по долгу присяги и по совѣсти не могу принять на себя выполнение мѣръ которыя, по моему убѣжденію, должны принести только одинъ вредъ для края отданнаго мнѣ въ управленіе. Присягая государю я обѣщала не только повиноваться, но и хранить славу и соблюдать интересъ его величества и Русскаго государства по моему крайнему разумѣнію.“

Покойный императоръ Николай Павловичъ оцѣнилъ въ этомъ случаѣ твердость Вельяминова, согласился съ его мнѣніемъ, отмѣнилъ свое первое повелѣніе и осыпалъ его милостями, когда онъ осенью того же года пріѣхалъ въ Петербургъ. Таковъ былъ Вельяминовъ, и такъ государь внималъ правдивому слову когда оно исходило отъ человѣка преданнаго ему и Россіи свыше всякаго личнаго разчета.

Подъ Герменчугомъ Вельяминовъ подвергъ сильной пылкѣ терпѣніе Вольховскаго, не во всѣхъ случаяхъ умѣншаго владѣть своею нервозно-раздражительною натурой; даже болѣе флегматическій и пожилой баронъ Григорій Владиміровичъ не на шутку сталъ тревожиться отчего онъ столько медлитъ атаковать аулъ. А Вельяминовъ былъ правъ; его медленность имѣла основаніемъ самый вѣрный расчетъ. Войска, сваривъ похлебку, да еще съ удвоенною мясною порціей, спокойно наполняли себѣ желудокъ. На правомъ флангѣ батареи въ двадцать два орудія, поставленной въ разстояніи хорошаго ядернаго выстрѣла отъ непріятельскихъ окоповъ, для Вельяминова накрыли столъ, какъ бы дома; вокругъ него разставили барабаны, и мы сѣли обѣдать. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади насъ, менѣе затѣливо помѣстившись на коврахъ, закусывалъ корпусный командиръ съ своими офицерами. Непріятельскій брустверь и всѣ плоскія крыши герменчугскихъ домовъ были буквально унизаны Чеченцами, которые, съ ружьями наголо, ожидали атаки и, полагаю, также не понимали чего мы ждемъ. Нѣсколько зрительныхъ трубъ были направлены изъ Герменчуга на нашъ обѣденный столъ.

Въ часъ пополудни корпусный командиръ прислалъ своего адъютанта спросить не пора ли атаковать.

— Нельзя, солнце слишкомъ жарко печетъ; къ тому же и люди не кончили ѣды.

Черезъ полчаса новый посланецъ къ Вельяминову.

— Не выпили еще порцію которую приказано раздать.

По прошествіи нѣкотораго времени Вольховскій прислалъ за мною. Нетерпѣливо сталъ онъ меня спрашивать отчего мѣшчаютъ, — будто отъ меня зависѣло дѣло, — и потомъ поручилъ передать Алексѣю Александровичу что это противно видамъ корпуснаго командира. Не знаю почему именно меня выбрали для такого порученія; можетъ, только на тотъ случай,

если Вельяминовъ разсердится: чтобъ его сарказмы обрушились на меня, а не на другаго.

Когда я вернулся и доложилъ Вельяминову слова Вольховскаго, онъ поморщился, подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Ступай, дражайшій, назадъ и скажи пославшему тебя что, по моему мнѣнію, надо еще подождать; впрочемъ, какъ угодно, только въ такомъ случаѣ не беру на себя отвѣта. Надо же, прибавилъ онъ, улыбнувшись, — время докончить обѣдъ и убрать столъ.

Передавъ отвѣтъ, разумѣется безъ послѣдняго прибавленія, я возвратился на свое мѣсто. Когда дѣйствительно убрали столъ, и я стоялъ позади его, онъ повернулся ко мнѣ:

— Хочу, дражайшій, чтобы ты понялъ отчего я медлил, можешь потомъ объяснить и другимъ; взгляди съ какимъ напряженіемъ Чеченцы ждутъ атаки, они томятся, каждый часъ ожиданія отнимаетъ у нихъ силы и духъ, а наши солдаты тѣмъ временемъ отдыхаютъ, и сила ихъ растетъ. Однако пора начинать.

Онъ сѣлъ на лошадь и приказалъ артиллеріи открыть огонь, по двадцати выстрѣловъ изъ орудія. Въ то же время Зассъ съ казаками и Грузинами былъ посланъ направо къ лѣсу, въ которомъ находилась непріятельская конница, для прикрытія съ этой стороны нашихъ штурмующихъ колоннъ, а два мусульманскіе полка направлены влѣво, къ рѣчкѣ.

Съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ барабаны забили атаку, и два Бутырскіе баталіона справа, два егерскіе слѣва отъ батареи бѣглымъ шагомъ помчались къ непріятельскому укрѣпленію. Чеченцы, выдержавшіе пушечный огонь лежа за брустверами, вскочили, дали залпъ, и не успѣли снова зарядить винтовки, какъ наши баталіоны, перескочивъ чрезъ неширокій ровъ, очутились на кронѣ и штыками погнали ихъ чрезъ селеніе. Бутырцы ворвались первые въ деревню. Атака была поведена на центръ укрѣпленія. Лѣвый флангъ его, примкнутый къ лѣсу, оставался еще во власти Чеченцевъ, съ праваго они бѣжали не обороняясь. Тѣмъ временемъ наши казаки, погнавъ непріятельскую конницу, попали подъ сильный ружейный огонь изъ опушки лѣса. Вельяминовъ, заботившійся, по Ермоловской методѣ, всего болѣе о сохраненіи войскъ отъ ненужной потери, послалъ меня немедленно вернуть ихъ къ пѣхотѣ оставшейся при батарее. Я пустилъ свою лошадь во весь опоръ; Цукато, мой палаточный

товарищъ, никогда не отстававшій отъ меня когда предвидѣлась опасность, поскакалъ за мной. Между тѣмъ Засѣ, зная какъ Вельяминовъ понимаетъ вещи, самъ, на полныхъ рысяхъ, сталъ удаляться отъ губительной лѣсной опушки. Путь его пролегалъ мимо лѣваго фланга Герменчугскаго окопа. Встрѣченный съ него мѣткимъ огнемъ, онъ не задумываясь поскакалъ къ нему со своею конницей. Въ это мгновеніе мы попали въ средину казаковъ, были увлечены вихремъ атаки, и не имѣя времени опомниться, со всею толпою очутились предъ заваломъ, спрыгнули съ лошадей, перепрыгнули черезъ ровъ, и какъ другіе, остановились на бермѣ, закрывшись непріятельскимъ брустверомъ. Озадаченные Чеченцы въ первое мгновеніе отшатнулись, потомъ опомнились, остановились въ двадцати шагахъ и выжидали насъ выставивъ заряженные винтовки. Они берегли заряды на ту минуту когда мы вскочимъ на крону; но казаки люди не только храбрые, но и смѣшленные въ высшей степени, они понимали что опрометчивость имъ дорого обойдется, и не покидая мѣста также дѣлали въ непріятеля. Мгновеніе длилась эта выдержка; Чеченцы не вытерпѣли, дали залпъ, и дымъ еще не пронесся, какъ казаки и Грузины съ обнаженными шашками и саблями уже сидѣли у нихъ на плечахъ. Наша конница взяла заваль обороняемый пѣхотой. Хотя Засѣ предупредилъ приказаніе командующаго войсками и по дорогѣ взялъ еще непріятельское укрѣпленіе, однако мнѣ все-таки слѣдовало его отыскать для того чтобы не вернуться безъ отвѣта. Казаки не знали куда онъ дѣвался и стали за него беспокоиться. Мы сѣли на лошадей и поѣхали въ поле его отыскивать, гдѣ и нашли лежащаго на землѣ съ прострѣленною ногой; около него суетились докторъ и близнецы Атарщиковы. Въ недалекомъ разстояніи лежалъ князь Андрониковъ; пуля пробила ему грудь немного выше сердца и вышла въ спину; казалось, его ожидала близкая кончина, однако онъ жилъ еще долго послѣ того: пуля обогнула ребра, не проникнувъ внутрьности. Кромѣ нихъ подобрали еще двухъ раненыхъ офицеровъ да десятка полтора простыхъ всадниковъ.

Когда я вернулся съ донесеніемъ, мнѣ не дали даже вздохнуть и отправили съ новымъ порученіемъ узнать что происходитъ въ деревнѣ, въ которой пальба не прекращалась. На этотъ разъ Вельяминовъ послалъ со мной нѣсколько линейцевъ. Въ тѣсной улицѣ, огороженной пестнями съ обѣихъ

сторонѣ, я навхалъ нечаянно на весьма неблаговидную сцену. Егеря сѣпились съ бѣгущими Чеченцами и кололи ихъ штыками; пули жужжали по разнымъ направленіямъ; Чеченцы метались во всѣ стороны, прыгали черезъ плетни и вездѣ натыкались на солдатъ. На землѣ валялся какой-то военный докторъ; я счелъ его раненымъ; но оказалось что онъ отъ испуга потерялъ разсудокъ. Руками отмахивая летавшія пули: „кышь! кышь!“ докторъ кричалъ жалобнымъ голосомъ чтобъ его не кололи, потому что навѣки закаялся лѣзть въ драку. Бѣднякъ вообразилъ себя Чеченцемъ; казаки насильно его подняли, перевалили какъ куля черезъ сѣдло, и повезли на перевязочный пунктъ. Отъ полковника Пирятинскаго я узналъ что непріятель обратился въ полное бѣгство, но что около сотни Чеченцевъ, отрѣзанные отъ лѣса, засѣли въ три смежные дома стоящіе посреди большого сада и не хотятъ сдаваться. Съ этимъ извѣстіемъ вернулся я къ командующему войскамъ. Въ то же время подвезли помѣшаннаго лѣкаря. Корпусный штабъ-докторъ Ильяшенко слѣзъ съ лошади, пощупалъ пульсъ и скомандовалъ фельдшеру: „ланцетъ!“ Едва пациентъ увидалъ этотъ инструментъ, какъ сталъ вырываться изъ рукъ у казаковъ и раздирающимъ голосомъ звать: „ради Бога, не рѣжьте голову, я мирной! мирной! никогда не буду драться“. Ланцетъ показался ему огромнымъ кинжаломъ. Несмотря на протестъ, два сильные казака растянули его на травѣ, открыли ему вену, и выцѣдивъ порядочную толику крови, отправили въ лазаретъ.

По вторичному донесенію отъ Пирятинскаго что Чеченцы которые заперлись въ трехъ домахъ, отвергая пощаду, сильно отстрѣливаются и успѣли уже убить одного подполковника и переранить многихъ солдатъ, Вольховскій пошелъ вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи, полковникомъ Бриммеромъ, со Всеволожскимъ и съ Богдановичемъ лично распорядиться развязкой этого дѣла. Меня послали провести ихъ по дорогѣ съ которою я успѣлъ познакомиться, когда въ первый разъ проѣзжалъ по селенію. Сакли были оцѣплены тройною цѣпью застрѣльчиковъ, лежавшихъ на землѣ, за плетнями и за деревьями. Никто не смѣлъ показаться на виду у непріятеля: вѣрнымъ глазомъ направленная пуля наказывала неосторожнаго; поэтому и мы прилегли за заборомъ, находясь безполезнымъ сдѣлаться мишенью для Чеченцевъ. Подвезли

легкое орудіе. Ядро провизало три сакли во всю ихъ длину; послѣ втораго выстрѣла прибѣжали однако сказать что на противоположной сторонѣ наши ядра бьютъ собственныхъ людей. Очистить хотя бы одну сторону отъ застрѣльщиковъ съ ихъ резервами, значило открыть непріятелю дорогу къ бѣгству, а этого не хотѣли допустить; поэтому прекратили пальбу. Приказали зажечь сакли хотя бы съ одной стороны. Легко было приказать, но исполнить довольно трудно; въ первыхъ, футовой слой глины оберегалъ отъ огня внутреннюю плетневую стѣну, въ вторыхъ, вся она была пробита отверстіями изъ которыхъ выглядывали дула мѣткихъ винтовокъ. Нашлись однако два сапера которые рѣшились взяться за дѣло: подвигая предъ собой дубовую дверь вмѣсто щита и неся пуки соломы и хворосту они подползли къ узкому фасу крайняго дома, съ неимовернымъ трудомъ сбили глину у фундамента и подожгли плетень, начавшій медленно тѣть подъ своею несгораемою оболочкой. Чеченцы продолжали стрѣлять и съ этого боку, пока жаръ не отогналъ ихъ отъ горящей стѣны. Къ саперамъ зажигателямъ присоединились по охотѣ еще два артиллериста. Они влѣзли по зажженной стѣнѣ на плоскую крышу, саперы подавали имъ гранаты которыя они, сообщивъ трубкѣ огонь, черезъ широкую дымовую трубу стали бросать во внутренность сакли, тѣсно набитой оборонявшимися Чеченцами. Слышно было какъ лопнули первыя двѣ гранаты; послѣдующія перестало рвать. Позже мы узнали что Чеченцы, садясь на нихъ, тушили огонь въ трубкахъ прежде чѣмъ онъ сообщался пороку.

Мало-по-малу огонь охватилъ и прочія двѣ сакли; непріятелю оставалось только сдаться или горѣть. Вольховскій пожалѣлъ храбрыхъ людей и приказалъ находившемуся при насъ переводчикомъ старому моздокскому казаку Атарцикову предложить имъ положить оружіе, обѣщая въ такомъ случаѣ отъ имени главнаго русскаго начальника не только жизнь, но и право размѣна на русскіхъ плѣнныхъ, открывающаго для нихъ надежду когда-нибудь вернуться къ своимъ семействамъ. Огонь замолкъ, когда Атарциковъ выступилъ впередъ и по-чеченски крикнулъ что хочетъ говорить. Сидѣвшіе въ домахъ выслушали предложеніе, посоветовались нѣсколько минутъ, потомъ вышелъ полуобнаженный, отъ дыму почернѣвшій Чеченецъ, проговорилъ короткую рѣчь,—и

выстрѣлы засверкали изо всѣхъ бойницъ. Отвѣтъ заключался въ слѣдующихъ словахъ:

— Пощады не хотимъ; одной милости просимъ у Русскихъ, пусть дадутъ знать нашимъ семействамъ что мы умерли, какъ жили, не покоряясь чужой власти.

Тогда было приказано зажигать дома со всѣхъ концовъ. Солнце закатилось, и одно красное пламя пожара освѣщало эту картину гибели и разоренія. Чеченцы, твердо рѣшившіеся умереть, заплѣли предсмертную пѣснь, сперва громко, потомъ все тише и тише, по мѣрѣ того какъ число поющихъ убывало отъ огня и дыма.

Гибнуть въ огнѣ, однако, страшно мучительно, и не каждый въ силахъ перенести эту пытку.

Неожиданно растворились двери догоравшаго дома. На порогѣ явилась человѣческая фигура — огонь блеснулъ, пуля свистнула мимо нашихъ ушей, и сверкая лезвеемъ шашки, Чеченецъ бросился прямо къ намъ. Широкоплечій Атарциковъ, одѣтый въ панцырь, подпустилъ бѣшенаго Чеченца на десять шаговъ, тихо навелъ ружье, и всадилъ ему пулю прямо въ обнаженную грудь.

Чеченецъ сдѣлалъ огромный прыжокъ—повалился, поднялся опять на ноги, вытянулся въ струну, и медленно склонялся, упалъ мертвый на родную землю.

Черезъ пять минутъ повторилась та же сцена, выскочилъ еще Чеченецъ, выстрѣлилъ изъ ружья, и махая шашкой, прорвался черезъ двѣ цѣпи застрѣльчиковъ; на третьей цѣпи его закололи.

Горяція сакли стали разваливаться, осыпая искрами истоптанный садъ;—изъ-подъ дымящихся развалинъ выползли шесть раненыхъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ Лезгинъ; солдаты подняли ихъ и отнесли на перевязку; ни одинъ Чеченецъ не дался живьемъ; семьдесятъ два человѣка кончили жизнь въ огнѣ.

Разыгрался послѣдній актъ кровавой драмы; ночь покрыла сцену. Каждый по совѣсти исполнилъ свое дѣло; главные актеры отошли въ вѣчность; прочія дѣйствующія лица, и за ними зрители, съ камнемъ на сердцѣ, стали расходиться по палаткамъ; и можетъ статься, не одинъ въ глубинѣ души задавалъ себѣ вопросъ:— для чего все это? развѣ для всѣхъ, безъ разбора языка и вѣры, нѣтъ мѣста на землѣ?

На обратномъ пути въ лагерь мы должны были проходить

мимо лазаретныхъ палатокъ; въ нихъ охали и стонали раненные; поодаль стоялъ большой наметъ, изъ-подъ котораго мерцалъ слабый огонекъ и слышалось мѣрное чтеніе псалтыря: тамъ лежали тѣла нашихъ убитыхъ, въ ожиданіи могилы. На каждомъ шагѣ встрѣчались намъ невеселыя впечатлѣнія, однако мы не имѣли времени подчиняться имъ надолго: въ лагерѣ ожидали насъ живые интересы, ожидали начальники и товарищи; одни озабоченные отвѣтственностію лежавшею на нихъ не легкимъ бременемъ; другіе — съ горячимъ участіемъ свойственнымъ молодости; третьи — съ затѣннымъ чувствомъ эгоизма, побуждавшимъ взирать на все чѣдѣвалось какъ на бенефисное представленіе въ пользу ихъ честолюбивыхъ расчетовъ. Эти люди не могли миновать блестящей будущности. Къ корпусному штабу присоединилось въ послѣднее время много новыхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ. Пріѣхали: правитель гражданской канцеляріи — забылъ его имя, казначей Крыловъ, секретарь Николай Павловичъ Титовъ, добрый, умный, исполненный странностей и неизмовѣрно разсѣянный, писатель и поэтъ, страстный поклонникъ и подражатель Балзака, дававшій намъ въ Тифлисѣ послѣ экспедиціи весьма вкусныя литературныя ужины. Въ отрядѣ явился и до сумашествія храбрый, благородный, вѣчно восторженный Албрандъ, пріѣхавшій на Кавказъ отъ несчастной любви искать славы или смерти. Онъ выпросился немедленно къ Зассу и во время кавалерійской атаки Герменчугскаго завала случайнымъ образомъ я столкнулся съ нимъ на бермѣ. „За мной, ребята!“ крикнулъ онъ казакамъ, и тотчасъ полѣзъ на брустверь. Цукато и я за фалды черкески стянули его внизъ. „Погодите, не такъ скоро, напрасно подведете людей подъ вѣрныя пули.“ Въ это время молодой казакъ, пораженный прямо въ сердце, упалъ возлѣ насъ; мгновенная смерть не успѣла стереть улыбки съ его лица. „Какой завидный конецъ! воскликнулъ Албрандъ:—зачѣмъ злая судьба поразила его, а не меня!“ На это нечего было отвѣчать, у каждаго своя охота. Между адъютантами корпуснаго командира замѣтнѣе другихъ былъ все-таки А. Е. Врангель, и я очень его любилъ за его всегдашнюю пріятливость, проистекавшую отъ непритворно доброжелательной души. Часто сходился я также съ Давыдомъ Дадіаномъ, сыномъ мингрельскаго владѣтеля, молодымъ, довольно изнѣженнымъ мальчикомъ, не переносившимъ виду крови, а съ

моимъ стариннымъ пріателемъ Пикаловымъ видѣлся, не прошло дня, въ палаткѣ, на походѣ, или на батареѣ подъ неприятельскимъ огнемъ.

Кази-Мегметъ уберется отъ насъ. Чеченцы хотѣли его удержать въ аулѣ, когда подошли русскія войска, но онъ, сомнѣваясь въ успѣхѣ, увернулся отъ нихъ хитростію: ему вдругъ явилось внушеніе свыше что Аллахъ не даруетъ побѣды своимъ многогрѣшнымъ поклонникамъ, ежели онъ, его имамъ, не станетъ во время бою молиться за нихъ надъ текучею водою, а рѣчка находилась за ауломъ. Не дерзая ослушаться боговдохновеннаго человѣка, они выпустили его къ водѣ. Тогда онъ приказалъ имъ непременно отразить Русскихъ, обѣщая въ такомъ случаѣ довершить ихъ со своими Лезгинами и ни одного человѣка не выпустить живымъ изъ чеченской земли. Когда, по взятіи нами Герменчуга, Чеченцы принялись обвинять его во лжи, онъ отвѣтилъ имъ что вина принадлежитъ имъ, ибо сражаясь безъ вѣры и упованія, они впустили Русскихъ въ селеніе и тѣмъ отняли у него возможность исполнить волю Аллаха. Однако въ скоромъ времени онъ заплатилъ намъ за герменчугскую удачу и снова поднялся на прежнюю высоту богоугодности въ глазахъ легковѣрныхъ горцевъ.

Шесть дней простояли мы возлѣ Герменчуга, разоряя селеніе и поджидая возвращенія колонны отправленной съ ранеными въ крѣпость Грозную, откуда она должна была привезти почту, провіантъ и снаряды. Засѣвъ уѣхалъ въ Науръ, главную станицу Моздокскаго казачьяго полка, лѣчить свою рану. Время проходило не весело, въ сравнительномъ бездѣйствіи, и одинъ только эпизодъ подалъ нѣсколько новую пищу для разговора. Лѣкарь потерявшій разсудокъ во время штурма бѣжалъ къ Чеченцамъ которые, какъ всѣ мусульмане, идіота считаютъ существомъ неприкосновеннымъ. Забравшись къ нимъ, онъ счелъ обиднымъ что его не потчуютъ пуншемъ, и за это сталъ ихъ ругать и даже бить. Чеченцы, желавшіе избавиться отъ такого безпокойнаго гостя, прислали въ лагерь переговорщика съ предложеніемъ размѣнять доктора на нѣкоторыхъ Лезгинъ захваченныхъ въ Герменчугѣ.

— Какъ, размѣнять этого доктора? сказалъ Вельяминовъ, призвавъ Чеченца:—напротивъ того, я пошлю къ вамъ въ

лѣсъ еще нѣсколько такихъ субъектовъ, у меня имѣется въ запасѣ не одинъ идіотъ.

Чеченцы до того испугались этого обѣщанія, что на другой день привели доктора въ лагерь безъ всякаго условія.

Перваго сентября мы двинулись отъ Герменчуга къ селенію Автури и опять въ лѣсу имѣли сильную перестрѣлку; тутъ наши казаки отбили сотни двѣ рогатой скотины которую неприятель не успѣлъ загнать въ лѣсъ. При этомъ случаѣ моздокскій казакъ показалъ примѣръ необыкновенной ловкости и силы. Трехлѣтній быкъ, впереди стада, стрѣлой несся въ лѣсъ, казаки и Татары напрасно старались его догнать. Тогда Линеецъ, на доброй лошади, опередилъ прочихъ, настигъ быка и на всемъ скаку нанесъ ему пашкой два удара, одинъ по заднимъ ногамъ, отъ котораго онъ присѣлъ, другой по шеѣ, отъ котораго голова покатила на землю. Дѣло случилось на моихъ глазахъ. Однимъ ударомъ срубленную голову животного отнесли къ корпусному командиру, который приказалъ подарить казаку три червонца за его молодецкую силу. Черкесы вообще умѣли хорошо владѣть конемъ и оружіемъ, но и наши линейскіе казаки не уступали имъ въ этомъ дѣлѣ. Спустя два года я имѣлъ случай видѣть на Кубани другой примѣръ казацкой удали на конѣ, о которомъ стоить упомянуть. Вдоль праваго берега Кубани тянется рядъ кургановъ на которыхъ во время дня помѣщались сторожевые парные пикеты. Саженой сто позади кургановъ проходила почтовая дорога. Существовалъ порядокъ по которому, когда начальникъ ѣдетъ по дорогѣ, одинъ казакъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, а другой скакать наперерѣзъ начальническаго экипажа и рапортовать о томъ что замѣчено. Однажды я проѣзжалъ вмѣстѣ съ Зассомъ по кубанскому кордону которымъ онъ командовалъ въ то время. Коляска неслась во всю прыть отличныхъ почтовыхъ лошадей. Казакъ съ ближайшаго кургана поскакалъ къ намъ навстрѣчу, вдругъ, не останавливая коня, сдѣлалъ вольтъ, выхватилъ изъ чехла винтовку, далъ выстрѣлъ, и на второмъ вольтѣ поднявъ съ земли какой-то предметъ, продолжалъ скачку. Когда онъ поровнялся съ коляской, мы разглядѣли у него въ рукѣ застрѣленнаго зайца; теплая еще кровь доказывала что штука была не подготовлена заранее, а онъ дѣйствительно убилъ лежачаго зайца на котораго случайно наѣхалъ.

Въ Автури дошло до насъ весьма неприятное извѣстiе о сильномъ пораженiи которое Казы-Мулла нанесъ Гребенскимъ казакамъ въ недалекомъ разстоянiи отъ Терека. Дней шесть спустя послѣ герменчугскаго дѣла онъ показался съ значительною партiей по правую сторону Терека, въ виду станицы Червленной. Командиръ полка переправился за рѣчку съ тремя сотнями казаковъ и двумя конными орудiями и пошелъ навстрѣчу неприятелю. Чеченцы стали отступать и завлекли полковника Волжинскаго въ тѣсь, находившiйся отъ нашей границы дагѣ двадцати верстъ, окружили тамъ заранѣе спрятанною пѣхотой и разбили на голову его отрядецъ. Не болѣе половины казаковъ уцѣлели отъ побоища; Волжинскiй палъ жертвой своей неосторожности, и оба орудiя были потеряны. Неприятель не мѣшкавъ увезъ ихъ въ селенiе Бѣной, лежащее въ нагорной Чечнѣ, извѣстной на Кавказѣ подъ именемъ Ичкеры. Всѣ, безъ исключенiя, приняли къ сердцу эту неожиданную неудачу. Вельяминовъ хмурился, молчалъ, думалъ, и сидя на барабанѣ предъ палаткой, только ладонью смахивалъ пыль со своихъ рыжеватыхъ бакенбардъ, заслужившихъ ему у Черкесовъ названiе генерала-плизера (краснаго генерала), и обчищалъ рукава и полы у своего сюртука. Онъ былъ очень опрyтенъ и не терпѣлъ на себѣ ни пылинки; въ то же время любилъ онъ собакъ до крайности. Въ минуту досады только собака могла его развеселить своими ласками. Ей позволялось прыгнуть на него съ грязными лапами, замарать платье, лизнуть куда попало; онъ начиналъ ее гладить, называть по имени, и пасмурное лицо его прояснялось. Между собаками, бѣжавшими за отрядомъ, фаворитомъ его былъ большой черныи „Приблудъ“, принадлежавшiй батареѣ кавказской гренадерской бригады. И дѣйствительно, Приблудъ былъ умная и вѣрная собака, не измѣнявшая своимъ кормильцамъ артиллеристамъ и понимавшая вмѣстѣ съ тѣмъ значенiе своего покровителя, къ которому она никогда не пропускала явиться, виляя хвостомъ, только онъ займетъ свое мѣсто предъ огнемъ. Но тутъ всѣ ласки, всѣ прыжки Приблуда, котораго съ намѣренiемъ подговяли къ Вельяминову, теряли свою успокоительную силу; онъ продолжалъ хмуриться и думать не говоря ни слова. Результатъ его размышленiй и частыхъ совѣщанiй съ корпуснымъ командиромъ обнаружился, наконецъ, и для насъ, хотя не прежде самой минуты выступленiя. Алексѣй

Александровичъ вообще былъ несообщителенъ и отнюдь не любилъ огласки своихъ военныхъ замысловъ. На Кавказѣ очень былъ извѣстенъ отвѣтъ который онъ далъ одному любопытному дивизионному командиру спросившему у него однажды, на походъ за Кубанью, куда идти. „Про то вѣдаетъ барабанщикъ, онъ ведетъ; спросите у него, ваше превосходительство, а я ничего не знаю.“ Изъ походныхъ приготовленій мы поняли что рѣшено идти въ Ичкеру, отнять потерянные орудія и разорить Дарго гдѣ Казимегаметъ, проживавшій въ Гимрахъ, основалъ себѣ одновременно вторую осѣдлость. Для этой цѣли Вельяминовъ отдѣлилъ отъ отряда: два баталіона Бутырцевъ, баталіонъ Московцевъ, баталіонъ 40-го и баталіонъ 41-го егерскихъ полковъ, да два баталіона эриванскихъ карабинеровъ, съ ротой саперъ. Изъ нерегулярной пѣхоты пошелъ съ нами Грузинскій полкъ. Собираясь съ лѣсистою горною мѣстностью, на которой намъ приходилось дѣйствовать, Вельяминовъ повелъ при пѣхотѣ только четыре горныя орудія, двѣ мортирки, два легкія орудія въ шесть лошадей, къ нимъ по одному зарядному ящичку въ пять лошадей и два запасныя лафета, да одну сотню линейскихъ казаковъ и сотню конныхъ Татаръ. Пятьдесятъ воловьихъ аробъ везли за отрядомъ провіантъ, съ тѣмъ чтобы на обратномъ пути поднять раненыхъ и больныхъ. Численность этого отряда превышала съ небольшимъ четыре тысячи пятьсотъ человекъ. Малое число артиллеріи, кавалеріи, казеннаго обоза и офицерскихъ выюковъ, сокращенныхъ до нельзя, много уберегла насъ отъ неудачи какую въ 1845 году понесъ въ Ичкеринскихъ горахъ князь Воронцовъ, у котораго отрядъ былъ загроможденъ кавалеріей и артиллеріей, нигдѣ не находившими мѣста дѣйствовать и увеличивавшими только протяженіе колонны на тѣсныхъ лѣсныхъ дорогахъ. Остальная часть нашей пѣхоты, съ обозомъ, артиллеріей и со всею кавалеріей, должна была въ послѣдствіи перейти чрезъ Сунжу, по направленію къ Герзель-аулу, и ожидать приказанія гдѣ остановиться.

Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАНУРГОВО СТАДО

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Х. Сходка.

Дня два спустя послѣ паннихиды въ номеръ къ Хвалынцеву заглянулъ Устиновъ.

— А я къ тебѣ на минутку, началъ онъ, снимая калоши и разматывая гарусный шарфъ: — съ тобой желаетъ познакомиться одна милая дѣвица.... Лубянская. Можетъ, ты замѣтилъ? стриженная, стояла около этого.... Полоярова, что въ кумачѣ-то ходить.

— Что же этой милой дѣвицѣ нужно отъ меня? лѣниво проговорилъ Хвалынцевъ, лѣниво подымаясь съ дивана.

— Ну какъ „что“! Ты вѣдь, въ нѣкоторомъ родѣ, интересная личность, новый человекъ здѣсь, да еще и въ Снѣжкахъ былъ.... Нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ добрая! Если хочешь, отправимся нынче вечеромъ, я забѣгу за тобой.

— Да вѣдь скука? поморщился было Хвалынцевъ.

— Нѣтъ, ничего! Увидишь разныхъ народовъ.... Между прочимъ, Татьяна Николавна Горева будетъ, какъ бы въ сѣбкахъ замѣтилъ учитель.

— Ахъ, это *та-то!* воскликнулъ студентъ, не сумѣвъ воздержаться отъ хорошей, открытой улыбки.

— Она самая.

— Ну, пожалуй, поѣдемъ!... Я не прочь.

— А кстати, слышалъ ты самую новую новость? серьезно спросилъ Устиновъ, собравшись уже уходить отъ пріятеля:— говорятъ что нынче ночью арестовали нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ на паннихидѣ.

Хвалынцева слегка покорило: онъ словно почувствовалъ возможность быть арестованнымъ.

— Что жь, мудренаго ничего нѣтъ, пожалъ онъ плечами.

— Штука скверная.... и довольно грустная. Вечеромъ, вѣроятно, услышимъ кой-какія подробности, заключилъ Устиновъ, подавая руку на прощанье.

На весьма скромной и порядкомъ-таки пустынной улицѣ, называемой Переконкой, стоялъ довольно ветхій деревянный домикъ о пяти окнахъ. Жестянка на воротахъ гласила что домъ сей принадлежитъ отставному маіору Петру Петровичу Лубянскому. Въ калитку этого самаго дома, часовъ около восьми вечера, прошли двое нашихъ пріятелей.

Почти въ самыхъ дверяхъ изъ прихожей Хвалынцева встрѣтила миловидная брюнеточка, въ простомъ люстриновомъ платьѣ темнаго цвѣта, съ пухленькимъ личикомъ, въ томъ характерѣ который наиболѣе присущъ брюнеткамъ чисто русской породы.

— Хвалынцевъ? вскинула она на него улыбающіеся глазки, не прибавя къ его имени обычнаго „господинъ“.

— Хвалынцевъ, подтвердилъ ей студентъ съ поклономъ.

— Ну, здравствуйте! Я хотѣла познакомиться съ вами. Пожалуста, безъ церемоній... можете дѣлать что захочется: хотите—садитесь, хотите—курите, молчите, или разговаривайте, какъ найдете для себя удобнѣе, хотя мнѣ собственно хотѣлось бы болѣе чтобы вы разговаривали, но.... это, впрочемъ, для васъ нисколько не обязательно.

Прощебетавъ все это довольно быстро, дѣвушка отошла къ большому креслу предъ рабочимъ столикомъ и усѣлась за какое-то шитье.

— Папахень, закричала она въ другую комнату:— ступай сюда, познакомься! Къ намъ новый гость пришелъ.

Изъ смежной комнаты послышалось шлепанье туфель, и въ дверяхъ показался, въ чистомъ стеганомъ халатикѣ, сивелькій старичокъ съ очень добродушнымъ лицомъ которое

носило на себѣ почтенную печать многихъ походовъ и долгой боевой жизни.

— Очень пріятно!... очень пріятно! привѣтливо заговорилъ онъ, съ видимымъ радушіемъ сжимая и трясая обѣими руками руку Хвалынцева: — извините старика.... что я къ вамъ здакъ.... по-домашнему.

— Ну, папахень! ты это оставь!... Хвалынцевъ, конечно, знаетъ пословицу что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Студентъ немножко сконфузился, почувствовавъ при этихъ словахъ маленькую неловкость: показалось оно ему больно ужъ оригинально; но онъ тотчасъ же и притомъ очень поспѣшно постарался самъ себя успокоить тѣмъ что это, молъ, и лучше, по крайней мѣрѣ безъ всякихъ церемоній, и что оно, по-настоящему, такъ и слѣдуетъ.

— Я гостей своихъ не рекомендую другъ другу, обратилась Лубянская къ Хвалынцеву изъ-за своей работы: — это одинъ только скучныя официальности, а коли угодно, каждый можетъ самъ знакомиться.

Студентъ молча поклонился, и снова ощутивъ нѣкоторую неловкость, разсѣянно перевелъ глаза на обстановку комнаты.

Маленькая гостиная была убрана весьма просто: кое-какая сборная мебель, кисейныя занавѣски, старыя клавикорды, а по стѣнамъ портреты Ермолова, Паскевича, Воронцова и двѣ литографіи изображающія подвиги простыхъ русскихъ солдатиковъ: умирающаго рядоваго который передаетъ товарищу спасенное имъ полковое знамя, да другаго такого же точно солдата съ дымящимся фитилемъ предъ пороховымъ погребомъ, въ то время когда малочисленные защитники укрѣпленія почти всѣ уже перебиты да перерѣзаны огромными полчищами горцевъ. Въ этихъ портретахъ, да въ этихъ литографіяхъ, быть-можетъ, заключались лучшія, самыя завѣтныя и самыя теплыя воспоминанія стараго маіора.

Пріятели наши застали уже здѣсь кое-кого изъ гостей. Въ углу дивана помѣщался въ развалисто-небрежной позѣ и въ неизмѣнной красной рубахѣ Ардалионъ Полоярковъ, а рядомъ съ нимъ сидѣла дама лѣтъ двадцати семи, весьма художавая, однако не безъ остатковъ прежней миловидности. Волосы ея точно также были острижены; но то что довольно еще шло къ молодому личику хозяйки, вовсе ужъ

было не къ лицу ея гостѣвъ, придавая всей физиономіи ея не то какой-то птичій, не то деревянно-кукольный и даже непріятный характеръ. Дама эта, по имени Лиденька Затцъ, жгаа вмѣствъ съ Полояровымъ папиросу за папиросою и время отъ времени кидала на него изподтишка довольно нѣжные взоры.

Маленькій Анцыфровъ, заложивъ въ карманы руки и на ходу постукивая каблукомъ о каблукъ, безъ всякой видимой надобности, скучно сонялся изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Маіоръ, усадивъ Хвалынцева, какъ-то застѣнчиво удалился въ свою комнату, запахивая халатикъ, а Полояровъ при этомъ довольно безцеремонно оглядѣвъ усѣвшагося студента пристальнымъ взглядомъ; но изъ-подъ синихъ очковъ характеръ этого взгляда не могъ быть хорошо замѣченъ, такъ что Хвалынцевъ скорѣе почувствовалъ его на себѣ нежели увидѣлъ.

— Вы студентъ? началъ наконецъ Ардалионъ, повернувшись къ нему голову и продолжая свое разсматриваніе.

— Это видно по моему синему воротнику, слегка улыбнулся Хвалынцевъ.

— Синій воротникъ, батюшка, ничего не доказываетъ. Вонъ и у жандармовъ тоже синій воротникъ. Синій воротникъ, это одна только форма, а я спрашиваю: по духу студентъ ли вы?

Хвалынцеву показалось это достаточно наглымъ.

— А что васъ такъ интересуешь? впадая въ тонъ Ардалиона, въ упоръ спросилъ онъ его.

— То-есть меня-то собственно оно нисколько не интересуешь, уставивъ глаза въ землю, и туго, медленно потирая между колѣнъ свои руки, сталъ какъ-то выжимать изъ себя слова Полояровъ: — а я собственно потому только спрашиваю что люблю все на чистоту: всегда, знаете, какъ-то пріятнѣй сразу знать съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Но вѣдь пріятель мой доселѣ, кажется, не имѣеть съ вами никакого дѣла? довольно мягко вступился Устиновъ.

Этотъ нежданный отпоръ слегка озадачилъ Полоярова.

— Все равно! поправился онъ въ ту же минуту:—мы вотъ вмѣствъ въ гостяхъ теперь у Лубянской, стало-быть, вотъ ужъ вамъ и есть въ данный моментъ общее дѣло.

— Ну, коли это такъ интересно знать, я пожалуй успокою васъ, помирилъ учитель все съ тою же деликатно-снисходи-

тельной улыбкой:—я вполне уважаю моего пріятеля. Довольно съ васъ этого?

Полояровъ изподлбья бросилъ косою взглядъ на Хвалынцева, и въ знакъ удовлетворенія, съ какою-то медвѣжьею упрямостью слегка кивнулъ головой.

— Стало-быть, вы нашъ. Это хорошо! пробурчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Вы вѣдь, кажется, помѣщикъ здѣшній? Я такъ слыхала что-то, прищурясь на Хвалынцева, спросила Лиденька Затцъ, все время не перестававшая уничтожать папироски.

— Помѣщикъ, сударыня.

— Гм.... Стало-быть собственникъ. Это не хорошо, вернулъ свое слово Полояровъ.

Студента начинало покорабливать отъ всѣхъ этихъ распросовъ и замѣчаній, такъ что онъ уже сталъ недоумѣло и вопросительно поглядывать на Устинова: что, молъ, все это значить? куда и къ кому завелъ ты меня?

— Анна Петровна! обратился учитель къ хозяйкѣ, намѣреваясь сразу повернуть разговоръ въ другую сторону:—слыхали вы, нынче ночью аресты сдѣланы?

— Да, да! Представьте, какая подлость! вдругъ разгорячася и круто повернувшись на каблукахъ, запищаль и замахалъ руками плюгавенькій Анцыфровъ:—это.... это чортъ знаетъ что! Дѣйствительно, арестовано множество, и я не понимаю, какими это судьбами удѣляли мы съ Ардалиономъ Михайловичемъ.... Впрочемъ, пожалуй, гляди—не сегодня, завтра—и насъ арестуютъ.

Анцыфровъ видимо желалъ порисоваться, показать что и онъ тоже такого рода важная птица которую есть за что арестовать. Полояровъ, напротивъ, какъ-то злобно отмалчивался. По свѣдѣніямъ хозяйки оказалось, однако, что забрано въ ночь вовсе не множество, на чемъ такъ упорно продолжалъ настаивать Анцыфровъ, а всего только четыре человѣка: одинъ молодой, но семейный чиновникъ, одинъ офицеръ Новоземельскаго полка, племянникъ соборнаго протопопа да гимназистъ седьмаго класса, сынъ инспектора врачебной управы.

Устиновъ и стриженная дама весьма удивились: всѣ четверо хотя и присутствовали на панихидѣ, но были люди далеко не бойкіе и едва ли въ чемъ особенно замѣшанные.

— Это все Пшецыньскіи! все онъ!... Но я вамъ, напротивъ,

говору что взято множество! вы еще не знаете! продолжалъ межъ тѣмъ Андифровъ. — Этотъ Пшецыньскій, это такая продувная бестія...

— А еще Полакъ! съ горькимъ упрекомъ замѣтила г-жа Затцъ:—безчестить польское имя!

— Ну, ужъ я вамъ доложу-сь, по моему крайнему убѣжденію вотъ какъ выходитъ, заговорилъ Полояровъ:—а Полакъ люблю и уважаю; но коли Полакъ разъ пошелъ на вѣдакую службу, такъ ужъ это такой кремень который не то что насъ съ вами, а отца роднаго не пощадить! Это ужъ проданный и отпѣтый человѣкъ! Въ немъ Полака ни на востокъ не осталось! заключилъ Ардалионъ указывая на кончикъ своего мизинца, и всѣ безусловно согласились съ его компетентнымъ мнѣніемъ.

Къ воротамъ подкатила крытая колясочка въ одну лошадь, и чрезъ минуту въ комнату вошла Татьяна Николаевна Горева.

Лицо Хвалынцева замѣтно прояснилось и даже заиграло яркимъ румянцемъ. Онъ вообще очень плохо умѣлъ скрывать свои ощущенія. И самъ не вѣдалъ какъ и почему онъ неоднократно въ теченіи этихъ двухъ сутокъ вспоминалъ ея разговоръ въ церкви съ Анатодемъ и всю ея изящную, стройную фигурку, и эти воспоминанія безотчетно были ему пріятны.

Вотъ и теперь вошла она такъ просто, такъ хорошо и спокойно, въ простомъ, но очень изящномъ нарядѣ, съ своими честными, умными глазами, съ своею безмятежною улыбкой, и Хвалынцеву стало хорошо и весело при ея появленіи.

Весело, но немножко принужденно встрѣтила ее Дубянская. Старый майоръ нарочно вышелъ къ ней въ залу, и здороваясь, душевно поцѣловалъ ея русую головку, причемъ Полояровъ никакъ не удержался чтобы не буркнуть про себя: „скажите, пожалуйста, какія вѣжности!“ Устиновъ который, повидимому, былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ, представилъ ей Хвалынцева, и Хвалынцевъ, при этомъ, покраснѣлъ еще болѣе, за что, конечно, остался на себя въ некоторой досадѣ.

— А вы, никакъ, въ своемъ экипажѣ пріѣхали? адресовался къ ней Ардалионъ, подойдя къ окну и заложивъ большіе пальцы рукъ за поясъ.

— Въ тетушкиномъ, удовлетворила его любопытству Татьяна Николаевна.

— Такъ-съ!... Аристократничаете, значить. Горевъ оглядѣлъ его спокойно, но холодно.

— Желаете папироску? продолжалъ Ардалионъ, подавая ей вынутую изъ кармана пачку.

— Вы, кажется, знаете что я не курю.

— Я, кажется, знаю это, подтвердилъ онъ:—но терпѣть не могу когда люди вообще сидятъ ничего не дѣлая! Папироску сосать все-таки какое-нибудь занятіе. Вотъ я Лубянскую приучаю, да плохо что-то. Все это, доложу я вамъ, жантильничанье!... Женственность, изводите видѣть, страдаетъ. А по-нашему: первымъ дѣломъ, каждая порядочная женщина, то-есть *женщина дѣла*, должна прежде всего всякую эту женственность къ чорту!

Ардalionъ попалъ на одну изъ любимѣйшихъ своихъ темъ и потому пошелъ расписывать. Анцыфровъ то и дѣло поддакивалъ, мотая бѣлобрысенкою головенкой.

— Намъ нужна женщина-работникъ, женщина-товарищъ, женщина-человѣкъ, а вѣрнѣе сказать—женщина самка, продолжалъ Полояровъ:—а эта гнилая женственность, это одинъ только изящный развратъ который изъ вашего брата дѣлаетъ куколь. Это все эстетика! (Послѣднее слово было произнесено съ особеннымъ презрѣніемъ.) Лубянская, хотите, что ла, папироску? Бафра, что называется, Сампсонъ крѣпкій.

Лубянская не посмѣла отказаться отъ предложеннаго курева и, морщась, стала втягивать въ себя струю крѣпкаго дыма. Полояровъ глядѣлъ на нее, забавляючись, и самодовольно улыбался.

Вскорѣ пришли еще двое новыхъ гостей: докторъ Адамъ Яроць и учитель Подвильяньскій. Подали чай. Подвильяньскій отозвалъ въ сторону Полоярова и таинственно показалъ ему изъ боковаго кармана сложенный печатный-листъ.

— Новый номеръ, вчера только что полученъ, преинтересная статья есть, сообщилъ онъ тихо.

Ардalionъ кивнулъ доктору.

— Послушайте, Яроць, началъ онъ тише чѣмъ вполголоса:— уведите-ка глупаго старца да засядьте съ нимъ въ шанки чтобы не мѣшала, а мы тутъ почитаемъ пока.

Яроць отвѣтно мигнулъ на это: дескать, смекаемъ, приятель! и политично направился къ маіору.

Но оказалось что маіора теперь, пожалуй, не скоро сдви-

нень съ точки его разговора. Петръ Петровичъ тоже попалъ на любимую свою тему и завербовалъ въ разговоръ Татьяну Николаевну, да Устинова съ Хвалынцевымъ. Онъ толковалъ своему новому знакомому о воскресной школѣ которую, наконецъ-то, удалось ему, послѣ многихъ хлопотъ и усилій, завести въ городѣ Славнобубенскѣ. Эта школа была его созданіе и одна изъ главныхъ сердечныхъ его слабостей.

— Вотъ, спасибо Татьянѣ Николаевнѣ да Андрею Павлычу (старикъ указалъ на Устинова), помогаютъ доброму дѣлу! Самъ я кое-какъ грамотѣ обучаю; законъ Божій—пречистенскій дьяконъ, отецъ Сидоръ, ходитъ преподавать; Андрей Павлычъ по ариметикѣ, а Татьяна Николаевна съ Анютой мнѣ, старику, насчетъ грамоты помогаютъ, да вотъ тоже которыя дѣвочки есть у насъ, такъ тѣхъ рукодѣлю разному обучають. И пока, надо благодарить Бога, отлично шло дѣло: восемнадцать мальчиковъ да одиннадцать дѣвочекъ обучаются, итого двадцать девять человекъ-съ! Ужь сколько благодарностей отъ родителей получили! Бѣдные люди-съ, за учебы платить не изъ чего, ну, и благодарятъ.... И теперь вотъ много желающихъ есть, да помѣститься-то негдѣ: помѣщеніе у насъ тѣсновато, вотъ и все тутъ, какъ видите! (Старикъ указалъ на комнату и обвелъ ее по отъѣмамъ глазами.) Ужь мы тутъ что себѣ надумали: хорошо бы эдакъ концертикъ какой съ литературнымъ чтеніемъ въ пользу школы устроить! Еслибы только рубашекъ полтораста собрать, такъ можно бы и пособій кое-какихъ купить: грифельныхъ досокъ, букварей, катехизисовъ, да вотъ по сосѣдству тутъ за сто рублей въ годъ просторную квартиру уступаютъ, вотъ бы и нанять ее подъ школу-то: человекъ до ста могло бы обучаться! Ужь я рѣшился отправиться къ губернаторшѣ. Она, говорятъ, добрая, буду просить ея покровительства да содѣйствія насчетъ концертика-то. Какъ вы полагаете? Авось, Богъ поможетъ, а?

— А я вамъ доложу-съ что вы это насчетъ школы не того! вѣшался въ разговоръ подошедшій въ это время Полоаровъ:— у васъ совсѣмъ не рационально-съ ведется дѣло.

— Какъ это, то-есть, не рационально? уставился на него недоумительными глазами Петръ Петровичъ.

— А такъ-съ! Нѣтъ настоящаго принципа, здороваго направленія нѣтъ въ преподаваніи. Кабы я повелъ это дѣло, я

бы сей часъ, съ самаго же начала, по боку этого вашего отца Сидора.

— Это почему? изумились разомъ и старикъ, и Устиновъ съ Горевой.

— А потому что глухой человекъ. Что онъ ихъ эти молитвы въ долбяжку заставляетъ учить да побасенки рассказываетъ? Тутъ нужно не того: нужно имъ разъяснять это дѣло въ настоящую! въ корень! Нужно здоровую почву готовить, закваску хорошую, чтеніе здоровое дать.

— А чтѣ это вы понимаете подъ здоровымъ? слегка нахмурясь, спросилъ старикъ.

— Ну, ужъ это мы про себя разумѣемъ, отклонился Полоаровъ:—разное есть.

— Нѣтъ, батюшка, извините меня, старика, а скажу я вамъ по-солдатски! рѣшительнымъ тономъ завершилъ Петръ Петровичъ:—дѣло это я почитаю, ровно царскую службу мою, святымъ дѣломъ, и ваялся я за него, на старости лѣтъ, съ молитвой да съ Божьимъ благословеніемъ, такъ ужъ дьяволато тѣшить этимъ дѣломъ мнѣ не приходится. Я, сударь мой, хочу обучать ребятъ чтобъ они были добрыми христианами да честными русскими людьми. Мнѣ за нихъ отчетъ Богу давать придется; такъ ужъ не смущайте вы нашего дѣла!

— Да нѣтъ, это такъ невозможно оставить: въ вашу школу необходимо ввести освѣжающій элементъ, а безъ того все это ни къ чорту! Эдакъ-то вы намъ только ребятъ перепортите!

Петръ Петровичъ лишь рукой махнулъ съ затаенною досадою и ушелъ въ свою комнату.

Докторъ Ярецъ улучилъ подходящую минуту и предложилъ ему партію въ шашки. Старикъ не отказался.

А тѣмъ часомъ, осторожно притворивъ дверь его комнаты, Подвиляньскій съ таинственно-многозначительнымъ видомъ вынулъ изъ кармана свернутый печатный листъ, и торжественно держа его надъ головой, показалъ всему обществу.

— *Колокола!* проговорилъ онъ нѣжно-почтительнымъ и даже священно-благотворнымъ шепотомъ.

Все общество необыкновенно живо подвинулось къ столу за который усялся Подвиляньскій, и жадно, нетерпѣливо приготовилось слушать, съ тѣмъ чувствомъ живѣйшаго интереса который уже переходилъ въ лихорадочный зудъ любопытства.

Подвиляньскій началъ чтеніе своимъ нѣжно-макенымъ,

тихимъ голосомъ. Полояровъ въ иныхъ мѣстахъ выражалъ одобреніе довольно сдержаннымъ мычаньемъ, а неодобреніе подшюкиваньемъ да хмурыми гримасами; за то Анцыфровъ каждый разъ просто взвизгивалъ и подпрыгивалъ отъ преизбытка наслажденія.

— Нѣтъ, чортъ возьми, это все не то! не выдержалъ, наконецъ, Ардаліонъ Полояровъ:—этого Александра Иваныча пора ужъ и въ архивъ бы сдать: выдыхаться начинаетъ, сердечный! Да и глупъ сталъ! Ну что онъ тутъ дуракомъ-то привѣтствуетъ эти реформы!... Какія тутъ, у чорта, реформы!... Тутъ реформа одна только, въ! (И онъ выразительно выдвинулъ при этомъ на показъ свой кулакъ.) Тутъ реформа — топоръ!... Кровопусканьице маленькое учинить нужно господамъ дворянамъ да собственникамъ, тогда и реформы сами собой явятся, а безъ того — все комедь да сапоги въ смятку!

Хвалянцева наблюдалъ какое впечатлѣніе производятъ на присутствующихъ вѣщанія Ардаліона. Все общество, за исключеніемъ Горевой да Устинова, слушало его съ весьма страннымъ вѣрой и раболѣпнымъ благоговѣніемъ. Самоувѣренность съ какою обыкновенно изрекалъ свои приговоры Ардаліонъ Полояровъ показывала что онъ давно уже привыкъ почитать себя какимъ-то избранникомъ и оракуломъ, чьи вѣщанія рѣшительны и непогрѣшимы; онъ до такой степени былъ уже избалованъ безусловнымъ вниманіемъ, уваженіемъ и вѣрой въ его слова что требовалъ отъ всѣхъ и каждого почтительнаго благоговѣнія къ своей особѣ, принимая его въ смыслѣ достоудожной дани.

Горева слушала, слушала и наконецъ не выдержала: довольно явная пролическая усмѣшка заиграла на ея хорошенькихъ губкахъ, а глаза глядѣли на вѣщателя съ безпощаднымъ пониманіемъ всей его внутренней сути.

Тотъ это замѣтилъ. Его покорило и передернуло подъ ея спокойнымъ взглядомъ; брови насунились, и на лицо выступила багровая краска.

— Вы! Горева! послушайте! началъ онъ тѣмъ нахальнымъ тономъ который уже прямо сбивался на явную и предумышленную дерзость.

— Вонервыхъ, господинъ Полояровъ, прежде чѣмъ я васъ послушаю, перебила она его совершенно спокойно и не измѣняя характера своей прежней улыбки:—я охотно желала

бы напомнить вамъ что у меня есть имя. Зовутъ меня Татьяной Николаевной.

— Да кто тамъ еще будетъ поминать вѣв ваши имена!... Моей головѣ нѣтъ лишняго времени заниматься такими пустяками!

Полояровъ все болѣе и болѣе терялъ необходимое хладнокровіе.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы не утруждать себя, продолжала дѣвушка: — вы бы могли очень просто прибавить къ моей фамиліи слово „госпожа“. Это вѣдь не трудно, и вѣжливо.

— Ну, я насчетъ галантерейностей не мастеръ! Это все рутина-съ!... Я, извините, все забываю что въ васъ эта барская закваска сидитъ. Я хотѣлъ только спросить чего это вы такъ ухмыляетесь на меня глядячи? Изволили вы найти въ моихъ словахъ что-нибудь смѣшное и несообразное? Любопытно было бы знать что именно?

— О, если это вамъ такъ любопытно,—да; изволила!

— Потрудитесь объясниться.

Полояровъ избоченился и приготовился слушать съ тѣмъ высокоумнымъ достоинствомъ которое почиталъ убійственнымъ для каждаго дерзновеннаго смертнаго осмѣливавшагося такимъ образомъ подойти къ его особѣ. А между тѣмъ въ немъ кипѣла и багровыми пятнами выступала на лицо вся его злоба, вся боль уязвленнаго самолюбія. Въ ту минуту у него просто руки чесались взять да прибить эту Гореву.

Татьяна Николаевна очень хорошо видѣла и понимала его внутреннее состояніе: онъ не прощалъ ей этого упорнаго отсутствія всякаго поклоненія его особѣ, и въ тотъ моментъ ей сильно захотѣлось, что называется, порядкомъ проучить Ардалиона Полоярова.

— „Ухмыляюсь“ я, какъ вы выразились, тому, начала она еще съ бѣльшимъ спокойствіемъ, — что мнѣ жалко васъ стало. Ну, что вы насъ, дѣвчонокъ, удивляете вашимъ радикализмомъ, это не трудно. А жалко мнѣ васъ потому что вы сами вѣдь ни на горчичное зерно не вѣруете въ то что проповѣдуете.

— Мое дѣло не расходится съ моимъ словомъ! съ гордымъ презрѣніемъ и будто неуязвимымъ достоинствомъ перебилъ Полояровъ: — за меня факты-съ!... Я, милостивая государыня, не далѣе какъ два дня назадъ съ паперти говорилъ народу!

Андыфровъ, который было смарненько съежился при словахъ Горевои, теперь вдругъ просіялъ, и потирая руки, даже смелка подпрыгнулъ на своемъ стулѣ. „Что, молъ, взяла!“ Онъ торжествовалъ побѣду своего друга.

— Эхъ, Ардааліонъ Михайловичъ, полноте! покачала головой дѣвчушка: — слышала я и видѣла что вы говорили и что дѣлали! Улучили минутку когда квартальный куда-то отвернулся; а подъѣхала полицеймейстерская пара въ пристажку... Извините, но я бы очень хотѣла знать что случилось съ вами и съ вашимъ краснорѣчіемъ въ ту самую минуту?

Устиновъ не выдержалъ и рассмѣялся. Легкая улыбка покосила и губы Хвальцаева; Андыфровъ же снова примолкъ и съежился. Остальные сидѣли молча, пригнетенные, словно ожидая что вотъ-вотъ сейчасъ разразится гроза и буря. Одна только Горева была совершенно спокойна и улыбалась своею ясною, безмятежною улыбкой.

Пунцовый Ардааліонъ вдругъ поблѣднѣлъ и поднялся съ мѣста. Это уже было смущеніемъ. Этого онъ даже и отъ Горевои не ожидалъ. Кулаки его судорожно были сжаты; губы нервночески подергивало злобною усмѣшкой. Онъ видимо боролся съ собой, стараясь сдержать и подавить въ себѣ какое-то нехорошее чувство, и потому угрюмо зашаталъ по комнатѣ.

Всѣ молчали, и всѣмъ это молчаніе было особенно тягостно; но никто не чувствовалъ ни возможности, ни желанія заговорить о чемъ бы то ни было первымъ.

— Такъ, по вашему убѣжденію, я струсилъ? съ ироническою гримасой, но уже гораздо мягче и на нѣсколько тоновъ ниже заговорилъ наконецъ Полояровъ, остановясь предъ Горевою. — Нѣтъ-съ, Татьяна Николавна, ошибаться изволите!... Не трусость, а благоразуміе во мнѣ говорило! Эта самая голова-съ (и онъ не безъ пополазновения на эффектъ указалъ на свою кудластую шевелюру), да! эта вотъ самая-съ башка пригодится еще и впредь на что-нибудь болѣе серьезное.... Въ наше время каждый честный дѣятель обязанъ доберечь себя до рѣшительной минуты. Поживете такъ увидите, а не увидите такъ услышите! вѣско и многозначительно закончилъ онъ съ легкимъ полупоклономъ, и фигурка Андыфрова снова просіяла, да и всѣ присутствующіе почувствовали словно камень какой съ плечъ у нихъ скатился.

Ардаіоновъ съ удовольствіемъ замѣтилъ что авторитетъ его возстановлень, и ему теперь захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь поскорѣе сгладить послѣдніе слѣды недавняго настроенія своихъ поклонниковъ чтобъ окончательно закрѣпить въ ихъ глазахъ полную незыблемость своего авторитета. Поэтому онъ подошелъ къ Подвилянскому, и хлопнувъ его слегка по плечу, сказалъ съ улыбкой:

— Ну, пане-брате, воспроизведи-ко что-нибудь на фортопьясь!

Подвилянскій не заставилъ долго просить себя, и на разбитомъ флигелѣ сталъ брать какіе-то аккорды.

— Что это такое вы играете? спросилъ его кто-то.

— Польское, отвѣчалъ онъ тихо, но гордо: — это нашъ гимнъ: „z dymemъ рогагow“.

Всѣ удвоили вниманіе и прослушали гимнъ съ видимымъ удовольствіемъ и большою симпатіей. Анцыфровъ захопалъ въ ладоши и присталъ повторить.

— Нѣтъ, стойте! перебилъ Полояровъ: — я вамъ спою штуку! Играй-ко, пане-брате, помнишь, я училъ тебя она-медни, на голосъ: „Я посью ль молода младенька“. Слыхали вы, господа, русскую марсельезу?

— Bravo! bravo! восторженно завизжалъ Анцыфровъ.

Подвилянскій взялъ нѣсколько новыхъ аккордовъ, а Полояровъ, видимо рисуясь, сталъ въ размахисто-ухарскую позу, откинулъ назадъ свои волосы, обдергалъ книзу кумачовую рубаху и запѣлъ звучнымъ басомъ:

„Доаго насъ помѣщики душили,
Становые били,
И привыкаи всякому злодѣю
Подставлять мы шею.
Въ страхъ насъ квартальные держали....“

Но въ эту самую минуту изъ кабинета показался маіоръ въ своемъ халатикѣ.

— Ну нѣтъ, батюшка, у меня въ домѣ такихъ пѣсень не пойте! остановилъ онъ Ардаіонова прямо и рѣшительно. — И какъ это вамъ не стыдно: взяли хорошую солдатскую пѣсню, да на-ко тебѣ какую мерзость на нее сочинили! Перестаньте, пожауста!

— Ха-ха-ха! расхохотался Полояровъ: — что это вы, батенька, никакъ Пшецыньскаго испужались?

— Что-съ? Пшецыньскаго? смелка прищурился на него старикъ:—я, сударь мой, Турка не пугался, Черкеса не пугался, да и Англичанина съ Французомъ не испугался, такъ ужъ вашего-то Пшецыньскаго мѣш и Богъ да и совѣсть бояться не велѣли! А пѣсню-то вы все-таки не пойте!

— Стало-быть, принципы, убѣжденія не позволяютъ? ась? аляповато подтрунилъ Полояровъ.

— Да ужъ тамъ какія ни есть убѣжденія, а свои, не купленные! отрѣзалъ ему Петръ Петровичъ:—я, сударь мой, старый солдатъ!... Я, сударь мой, на своемъ вѣку одиннадцать ранъ за эти свои убѣжденія принялъ, такъ ужъ на старости-то лѣтъ не стать мнѣ мѣняться!

— Ну, папахей! что это такое! съ неудовольствиемъ фыркнула Лубянская.

— Что, моя милушка? Что, голубчикъ?

— Ужъ и пѣсню наконецъ нельзя пѣть!... Это чистыя глупости! Это деспотизмъ!

— Пѣсню, дружокъ, пой еколькo хочешь, а мерзостей пѣть да слушать не слѣдуетъ.

— Ну, хорошо, хорошо!... съ многозначительною сухостью подхватила дѣвушка:—я съ тобой *потомъ* поговорю! Теперь не время.

Это походило на какую-то угрозу. Взволнованный старикъ, въ замѣшательствѣ, съ невыразимою тоской, бросилъ тихій взглядъ на свое дѣтище. По всему было видно что онъ любитъ свою дочку безпредѣльно, до безумія, до всякой слабости.

— Ну, ну, полно, полно! забормоталъ онъ, словно извиняясь. — Ну, Господь съ тобой, Нюточка!... Развѣ я тебя стѣсняю въ чемъ!... Пой себѣ, коли охота такая, только дай мнѣ уйти прежде, я ужъ этихъ пѣсень слушать не стану.

И съ тихимъ, подавленнымъ вздохомъ онъ ушелъ изъ комнаты.

Полояровъ снова было заплѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало, но Татьяна Николаевна тотчасъ же поднялась съ мѣста, мигнула Устинову и громко стала прощаться со своею подругой. Вслѣдъ за ней поднялись и Устиновъ съ Хвалынцевымъ. Подвиляньскій, обладавшій бѣльшимъ тактомъ чѣмъ его пріятель Полояровъ, пересталъ акомпанировать и тоже взялся за шляпу.

Лиденька Затцъ подошла къ Ардалиону и попросила проводить себя.

— Ну нѣтъ! ужь увольте! отклонилась она, значительно поморщась, и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ тише чѣмъ вполголоса: — я хотѣлъ бы лучше ужь здѣсь какъ-нибудь остаться на ночь.

Лиденька бросила на него взглядъ вопросительнаго и нѣсколько ревниваго свойства.

— Это для чего-съ? Скажите пожалуйста? тихо прошипѣла она очень нервнымъ голосомъ.

— Да такъ.... не хотѣлось бы дома, замаялся Ардалионъ: — неравно и въ самомъ дѣлѣ полиція.... жандармы.... Ужь лучше эти дни кое-гдѣ по чужимъ мѣстамъ переждать бы.... Спокойнѣе!

— Ступайте къ намъ ночевать! охотно и поспѣшно предложила Затцъ.

— Да вѣдь вашъ благовѣрный....

— Это ровно ничего не значить.... Онъ теперь въ клубѣ... Мы, кажется, всегда вамъ рады.

— Ну, ишь быть по-вашему! Куда ни шло! махнулъ наконецъ рукой Ардалионъ послѣ нѣкотораго колебанія, и сталъ прощаться.

Лубянская крѣпко сжала его руку, и Устиновъ замѣтилъ что она съ какимъ-то опасеніемъ, съ полустрахомъ и полундеждой, проводила его за порогъ тревожными и влюбленными глазами.

На душѣ у Хвалынцева, особенно послѣ маленькой исторіи съ пѣсней, было какъ-то смутно и неловко, словно онъ попалъ въ какое мѣсто не вовремя и совсѣмъ некстати, такъ что только ощутившись на свѣжемъ ночномъ воздухѣ, грудь его вздохнула легко, широко и спокойно.

Вышли на улицу почти всѣ разомъ. Подвилянскій съ докторомъ кликнули извозчика и укатили. Полояровъ закутался, поднимъ воротникъ пальто, упряталъ въ него носъ и бороду и низко надвинулъ на глаза свою шляпу. Очевидно, послѣ сегодняшнихъ арестовъ, онъ даже и ночью боялся быть узникомъ. Стриженная дама повисла на его рукѣ.

— Анцыфровъ! обернулся онъ на своего адъютанта: — а нынче не ночью дома, можешь располагаться свободно.

— Какъ же такъ?... Вѣдь хотѣли же вмѣстѣ?... Это соб-

ственно какъ же? заегозвалъ оторопѣвшій пускунокъ, который совсѣмъ не ожидалъ такого пассажи.

— Какъ знаешь.... Мнѣ-то что!

— Но.... какъ же это такъ, ей Богу!.. одному-то?... Ужь лучше бы какъ-нибудь вмѣстѣ.... Я тоже не хочу домой къ себѣ.... У меня тоже вѣдь не безопасно.... Ужь, право, лучше бы вмѣстѣ....

— Ну, ладно! Проваливай къ чорту! порѣшилъ Полоярковъ, и безъ дальнѣйшихъ церемоній, пошелъ себѣ со своею дамою, не обращая на злосчастнаго пускунка ни малѣйшаго вниманія.

Тотъ постоялъ съ минуту въ самой затруднительной нерѣшительности и, нечего дѣлать, скрѣпя сердце, потрусилъ кое-какъ восвояси.

Ночь стояла ясная, тихая и сухая, съ легкимъ морозцемъ.

— А хорошо бы пройтись, у меня, ей Богу, даже голова заболѣла, сказала Горева, и Хвалынцевъ предложилъ ей руку, а Устиновъ пошелъ рядомъ съ ней сбоку. Крытыя дрожки шагомъ вѣхали назадъ.

— А, кажется, недолюбливаетъ васъ этотъ Полоярковъ, началъ Хвалынцевъ.

— Обоихъ недолюбливаетъ, улыбнулась дѣвушка:—и меня, и Андрея Павлыча; но меня болѣе.

— За что же это такая немилость?

— А такъ. Мнѣ, видите ли, нампожко извѣстно его прошлое.

— Но развѣ это прошлое такого свойства что за него можно не любить тѣхъ кто знаетъ его?

— Отчасти, да. Мнѣ, конечно, Богъ съ нимъ! какое мнѣ до него дѣло! Но Амяту жаль. Она добрая и хорошая дѣвушка, а этотъ баринъ ее съ толку сбиваетъ. Вѣдь онъ у вошкъ у нихъ въ рангъ какого-то идола, полубога. Вѣдь ему здѣсь поклоняются.

— Но.... странное дѣло! замѣтилъ студентъ:—сколько могу судить, онъ, кажется, и не особенно уменъ.

— Э, помилуйте! А наглость-то на что? Вѣдь у него что ни има, то дуракъ, что ни человекъ не его покроя, то подлецъ, продажный человекъ. Голосъ къ тому же у него очень громкій, вотъ и кричить; а съ этимъ куда какъ легко сдѣлать себя умишкомъ. Вся хитрость въ томъ чтобы другихъ всѣхъ ругать дураками. Вѣдь тутъ кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.

— Ну, а прошлое-то его какое? полюбопытствовалъ Хвалынцевъ.

— По питейной части служилъ когда Верхолебовъ въ Олонецкой губерніи откупъ держалъ, а потомъ очень не долгое время становымъ былъ; но.... что называется, „съ начальствомъ не поладилъ“. Впрочемъ, Ардаіонъ Михайловичъ о своемъ прошломъ не любитъ распространяться.

— А теперь-то онъ что же? продолжалъ Хвалынцевъ, котораго послѣ всего этого заинтересовала нѣсколько личность Полоярова.

— Теперь?... А вотъ, великимъ дѣтелемъ сталъ, статьи разныя пишетъ, въ журналы посылаетъ.

— Ну, и печатають?

— Отчего жь не печатать! Поди-ка, сперва раскуси чело-вѣка! Вѣдь тамъ не знаютъ его. Но это бы все Богъ съ нимъ! А мнѣ Асюту жаль, и старика-то жаль. Хорошій старикъ!

— Да неужели же она не видитъ и не знаетъ?

— Какое! И слушать ничего не хочетъ, и не вѣрить. Вѣдь онъ, говорю вамъ, Богъ для нихъ. Совсѣмъ забралъ въ руки дѣвочку, такъ что въ послѣднее время со мною даже гораздо холоднѣе стала, а ужъ на что были друзьями.

Вскорѣ наши путники дошли до дому, гдѣ жила Горева со своею теткой. На прощанье, она совсѣмъ просто пригласила Хвалынцева зайти какъ-нибудь къ нимъ, буде есть охота. Тотъ былъ радъ и съ живѣйшею благодарностью принялъ ея приглашеніе. Послѣ этого онъ вернулся домой въ свою гостиницу, чувствуя легко и свѣтло на душѣ, довольный и вышедшимъ вечеромъ, и собою, и своимъ пріятелемъ, и ею, этою хорошею Татьяной Николаевной....

XI. Кто предполагаетъ, и кто располагаетъ.

На другое утро Петръ Петровичъ составилъ и чистенько переписалъ коротенькую докладную записку о разрѣшеніи литературно-музыкальнаго вечера въ пользу его школы; затѣмъ напялилъ свой отставной мундиръ, со всѣми регалиями, и отправился, помолясь, къ губернаторшѣ.

Эмилія Александровна дѣловые пріемы свои назначала :

обыкновенно во второмъ часу. Гораздо ранѣе этого времени Петръ Петровичъ сидѣлъ уже на стулѣ въ ея приемной. Онъ попросилъ доложить о себѣ. Лакей угрюмо покосился на него и хотѣлъ было пройти мимо; но майоръ тоже зналъ достодолжную въ этихъ случаяхъ ссоровку и потому, подмигнувъ лакею, сунулъ ему въ руку двугривенничекъ. Ея превосходительство выслава сказать майору чтобъ онъ обождалъ, и Петръ Петровичъ ждалъ, испытывая томительное состояніе просительской скуки.

Нѣсколько разъ мимо его промелькнула горничная, дежурный чиновникъ промчался куда-то, губернантка поведла на прогулку пару дѣтей мадамѣ Гржибъ, а майоръ все ждетъ себѣ, оправываясь да покракивая съ приходомъ каждаго лица, и все съ надеждой устремляетъ взоры на дверь ведущую въ покои губернаторши.

Вотъ смиренно-мягкою, неслышною походочкой прошелъ за эту завѣтную дверь славнобубенскій десендъ Кунцевичъ, и о его приходѣ, повидимому, никто не докладывалъ. Послѣ него майору пришлось еще сидѣть по крайней мѣрѣ около часу. Просительская скука начинала въ немъ переходить уже въ просительскую тоску, какъ вдругъ лакей съ какою-то особенною официальною распахнулъ двери, и изъ смежной комнаты послышался шорохъ тяжелаго шелковаго платья.

Майоръ молитвенно вздохнулъ, перекрестился мелкимъ крестикомъ, помахавъ сложенными пальцами между третьей и четвертою пуговицами своего мундира и, въ нѣкоторомъ волненіи, поднялся съ мѣста.

Губернаторша вошла довольно величественно, распространивъ вокругъ себя легкой запахъ лондонскихъ духовъ, и съ официально-благоклонною снисходительностью остановилась предъ майоромъ. Отъ всей позы, отъ всей фигуры ея такъ и вѣяло губернаторшей, то-есть въ нѣкоторомъ родѣ правительницей, властью предержающею.

— Отставной майоръ Лубянской, отрекомендовался Петръ Петровичъ, и протянулъ впередъ руку съ докладною запиской.

Эмилиа Александровна отвѣтила величественнымъ кивкомъ и устроила на лицѣ такую мишу которая ясно говорила что она готова благоклонно выслушать.

— Къ вашему превосходительству... зная ваше доброе сердце... во имя просвѣщенія и человѣколюбія... неловко заго-

ворилъ Петръ Петровичъ, сбивался на фразы заранѣе обдуманной рѣчи.

Старикъ умѣлъ служить и точно исполнять приказанія, когда-то стойко драться съ неприятелемъ и стоять подъ огнемъ, но никогда, во всю свою жизнь, и ни о чемъ не умѣлъ просить какое бы то ни было „начальство“, или какую бы то ни было „знатность“. Поэтому и въ данную минуту онъ почти совсѣмъ переконфузился, особенно встрѣчая на себѣ этотъ неотводный, вопросительный взглядъ губернаторши.

— Мы учредили воскресную школу, продолжалъ онъ кое-какъ свои объясненія:—бѣдныя дѣти... кое-какъ обучаются, но скудость средствъ, помѣщенія... Тутъ, впрочемъ, все это обстоятельно изложено, давалъ онъ, указывая на докладную записку.

Губернаторша опять кивнула головой и продолжала вопросительно глядѣть на него.

— Для поддержки дѣла осмѣливаюсь просить ваше превосходительство принять его, въ нѣкоторомъ родѣ, подъ свое покровительство... Мы предположили литературно-музыкальный вечеръ... надобно разрѣшеніе... и потомъ еслибы ваше превосходительство пожелали помочь намъ своимъ сочувствіемъ и участіемъ... и вотъ тоже по части раздачи или рекомендаціи билетовъ, то наша школа процвѣла бы, благодаря вашему превосходительству.

Склеивъ кое-какъ эти фразы и развернувъ ихъ наконецъ предъ губернаторшей, маіоръ вздохнулъ свободно, словно грузъ какой сбросилъ съ своей шеи.

— Вы хотите чтобъ я пропѣла что-нибудь въ концертъ? спросила г-жа Гржибъ которая, будучи очарована собственнымъ голосомъ, никогда и нигдѣ почти не упускала приличнаго случая похвастаться имъ предъ публикой.

— О, ваше превосходительство!.. я даже и не смѣла бы подумать... но если вы столь добры и великодушны, то это все чего мы только могли бы желать!.. вѣдь бѣдныя дѣти, ваше превосходительство... вѣдь это для нихъ тотъ же хлѣбъ насущный.

— Хорошо. Я подумаю... Все что могу, отдаю для васъ непремѣнно... Я постараюсь, будьте увѣрены, проговорила губернаторша самымъ благосклоннымъ тономъ и отпустила маіора, наградивъ его новымъ кивкомъ величественнаго свойства.

Маіоръ ушелъ необыкновенно довольный собою и вполне счастливый такимъ результатомъ своей просьбы, посавъ котораго онъ, въ простотѣ душевной, считалъ существованіе школы въ концѣ обезпеченнымъ.

Возвратившись отъ духовной своей дщери имѣвшей обыкновеніе во всѣхъ почти дѣлахъ своихъ прибѣгать къ пастырскому совѣту, ксендзъ Игнатій тотчасъ же написалъ маленькую записочку къ учителю Подвилянскому, въ которой убѣдительноше просилъ его пожаловать къ себѣ въ возможно скорѣйшемъ времени. Записка эта была отправлена съ однимъ изъ костельныхъ прислужниковъ.

Подвилянскій не замедлилъ явиться и былъ принять въ скромной приѣмной комнатѣ, потому что комфортабельный „лабораторіумъ“ предназначался у ксендза только для самыхъ короткихъ пріятелей. Впрочемъ, и на этотъ разъ дверь въ прихожую была тщательно приперта самимъ хозяиномъ.

— Припомнилъ я, началъ Кунцевичъ, усѣвшись поближе къ своему духовному сыну: — нанъ повѣдалъ мнѣ разъ что имѣеть знакомство съ маіоромъ Лубянскимъ. Что это за человекъ маіоръ Лубянскій?

— Москаль.... И самый заядлый Москаль, отрекомендовалъ учитель своего знакома.

Кунцевичъ, въ какомъ-то соображающемъ]размышленіи, многозначительно поднялъ брови надъ опущенными въ землю глазами.

— Гм.... такъ и думалъ!... Такъ и думалъ!... раздумчиво прошепталъ онъ, какъ бы самъ съ собою. — Гм.... А какъ онъ вообще до дѣла.... безвредный?

— Н.... не думаю, усомнился Подвилянскій: — дочка его, та годится, а самъ — не думаю.

— Чтò же онъ?

— Старый солдатъ.... усердный схизматикъ.... на царя своего Богу молится.... Нѣтъ, человекъ не годящій!

— А на школу имѣеть вліяніе?

— О! и пребольшое! самъ учить, самъ надъ всѣмъ надзираеть.... Учить, конечно, въ своемъ, въ московскомъ духѣ.

— Гм.... вотъ какъ!... Это неудобно.... неудобно. Ну, а еслибъ отъ него перенять какъ - нибудь школу въ другія руки, понадежнѣе?

— Для дѣла вообще это было бы хорошо. И люди напились бы. Я такъ думаю.

Ксендзъ внимательно поднялъ глаза на своего собесѣдника.

— А есть на примѣтъ? спросилъ онъ.

Учитель въ знакъ утвержденія склонилъ голову.

— Изъ нашихъ? продолжалъ Кунцевичъ съ легкою улыбкой.

— То-есть, нѣтъ: изъ стада, пояснилъ Подвилянскій:—люди завязтые, повели бы дѣло бойко.

Ксендзъ опять опустилъ глаза въ землю и на нѣсколько времени задумался.

— А что, не отказался бы панъ, пытливо началъ онъ, — еслибы начальство вмѣшалось въ дѣло и передамо бы пану администрацію этой школы?

Подвилянскій немножко изумился и, въ свою очередь, задумчиво сталъ глядѣть въ полъ.

— Хоть бы на первое время, продолжалъ каноникъ:—лучше бы только дѣло поставить какъ слѣдуетъ, а тамъ можно будетъ передать съ рукъ на руки другому надежному лицу изъ нашихъ: самъ въ сторонѣ останешься, и опасаться, значить, нечего!

Учитель, въ нерѣшительности, раздумчиво пожалъ плечами.

— Это дѣло совѣсти, спокойнымъ и строгимъ голосомъ проговорилъ каноникъ, не сводя пристальныхъ глазъ съ своего духовнаго сына:—это дѣло Бога и.... отечества, прибавилъ; онъ тихо, но выразительно:—не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человекъ; надо глядѣть въ будущее....

Подвилянскій подумалъ и согласился.

— Только какъ же мы устроимъ это? спросилъ онъ.

Ксендзъ загадочно улыбнулся и слегка развелъ руками.

— Подумаемъ и придумаемъ, съ Божьею помощью! сказалъ онъ, покорно склоняя голову, какъ бы предъ высшею волей Провидѣнiя:—сказано: толцуйте и отверзится, ищите и обращете, ну, стало быть, и поищемъ! А если что нужно будетъ, я опять увѣдомлю пана.

Подвилянскій смиренно подошелъ къ нему подъ благословенiе, и они разстались.

ХII. Иллюзіи и разочарованiя стараго маіора.

Въ самомъ счастливомъ настроеніи духа, ретиво принялся маіоръ за свои хлопоты. Създилъ къ старшинамъ клуба и выпросилъ залу, околесилъ полгорода, приглашая участво-

вать разныхъ любителей по части музыки и чтенія, заказалъ билеты, справилась что будутъ стоить афишки съ бумагой, печатаніемъ и разноской по городу и, наконецъ, общими усиліями съ Устиновымъ и Горевой, составилъ программу литературно-музыкальнаго вечера. Оставалось только губернатору разрѣшить, цензору пропустить, полицеймейстеру подписать и затѣмъ—печатать и выпускать афишу.

Но судьба готовила маіору нѣсколько разочарованій, и первое изъ нихъ наступило для него въ ту минуту когда пріѣхалъ онъ къ полицеймейстеру получить отъ него разрѣшенную и подписанную программу.

— Ея превосходительство поручила мнѣ передать вамъ, сообщилъ ему подполковникъ Гнутъ, — что она по особымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не можетъ участвовать у васъ въ концертѣ, поэтому я уже самолично распорядилась вычеркнуть ея имя.

— Эхъ!... Какъ же это такъ! съ раздумчивымъ сожалѣніемъ прицокнулъ да покачалъ головой опѣшенный Петръ Петровичъ: — ну, жаль, очень жаль!... Ея превосходительство была такъ милостива, сама даже предложила.... Мы такъ надѣялись.... Очень, очень жаль.... А участіе ея много помогло бы доброму дѣлу.... Много помогло бы.

Онъ говорилъ это, какъ-то разсѣянно и равнодушно глядя въ переносицу Гнуту, но словно и не видя его.

— Н-да! Но.... что же дѣлать! пожалъ тотъ плечами: — ея превосходительство весьма сожалѣетъ и.... даже извиняется; но.... она тѣмъ не менѣе готова всячески помочь вамъ, и потому поручила мнѣ взять отъ васъ нѣсколько билетовъ для раздачи.

— Ея превосходительство сама раздать желаетъ? оswѣдмился старикъ.

— Н-да.... то-есть, нѣтъ! Она поручила мнѣ распорядиться этимъ дѣломъ.... Да вы не безпокойтесь, ужъ я какъ-нибудь постараюсь.

Со скрипучимъ чувствомъ на душѣ вышелъ маіоръ отъ полицеймейстера.

„Вотъ те, бабушка, и Юрьевъ день!... вотъ те и сочувствіе! съ горечью подумалъ онъ: эдакъ-то и безъ вашего превосходительства обошлись бы.... Выходитъ что и просить не стоило!“

Маіоръ однакоже не унывалъ. Тридцать билетовъ онъ

отправилъ къ полицеймейстеру, да нѣсколько штукъ вручилъ для раздачи Устинову съ Татьяной Николаевной, да самолично завезъ еще кое къ кому и весьма многимъ разо-слаалъ въ конвертахъ вмѣстѣ съ афишами. И тутъ-то вотъ начались для него новыя разочарованія. Иные отказывались отъ билетовъ, говоря что возьмутъ потомъ, или что уже взяли, другіе присылали ихъ обратно, кто при вѣжливо-извинительныхъ записочкахъ, выставяя какое-нибудь благо-видное препятствіе къ посѣщенію вечера, а кто, то-есть большая часть, безъ всякихъ записокъ и поясненій, просто возвращали въ тѣхъ же самыхъ, только уже распечатанныхъ конвертахъ, чрезъ своего кучера или съ горничною, прика-завъ сказать маіору „что для нашихъ, молъ, господъ не надо, потому — не требуется“. И маіоръ очень сердился на то что почти всѣ кучера, возвращая билеты, переминаясь, просили еще у него же „на чаекъ-съ“.

— Ну, ужъ это и въ самъ-дѣлѣ, чортъ знаетъ чтѣ! разво-дилъ онъ руками: — словно ты у нихъ для самого себя на бѣдность выпрашиваешь! Эдакое англійское равнодушіе! (Маіоръ полагалъ что вообще всѣ Англичане очень равно-душны.) Вѣдь общественный же интересъ! Вѣдь свое же род-ное, русское дѣло!... Тьфу, ты! Чтѣ за народъ нынче пошелъ!

— Да-съ, вотъ тотъ-то оно и есть! въ отвѣтъ на это под-разнивалъ его Полояровъ, который почти дня не пропускалъ безъ того чтобы не побывать у Анны Петровны и заодно ужъ позавтракать тамъ, либо пообѣдать, либо чаю напиться.—А кабы вотъ мы-то дѣлали, такъ у насъ не то бы было!

— Вы!... Да чтѣ такое вы?! досадливо горячился Лубянской.

— Мы-то?... А мы сила живая, вотъ мы чтѣ! А вы сила мертвая, ваша пѣсенка спѣта, оттого и общественнаго со-чувствія вамъ нѣтъ.

— Ну, батенька, пошла! поѣхали!

Петръ Петровичъ только рукой махалъ на это.

Сутокъ за двое до назначеннаго дня вдругъ стало извѣст-но по городу что графиня Курси большой „раутъ“ у се-бя дѣлаетъ, на которомъ будетъ весь элегантнѣйшій Слав-нобубенскъ и, какъ нарочно, дернула же ее нелегкая назна-чить этотъ „раутъ“ на то самое число на которое и маіоръ назначилъ свой вечеръ. Вольною или невольною причиною этому явилась все та же очаровательная Эмилія Але-ксандровна, которая давно уже собиралась къ графинѣ и

теперь,—совсѣмъ изъ ума ей вонъ про маіорскій концертъ!— по забывчивости, сама назначила ей день этого „раута“.

Маіоръ просто въ отчаяніе пришелъ. Чтò тутъ дѣлать! Отложить вечеръ? Но афиши уже напечатаны, да и клубъ уступилъ ему залу только на это именно число. Хоть совсѣмъ отказывайся отъ заветной идеи! Но... и отказываться было уже поздно: всѣ необходимые предварительные расходы уже сдѣланы, деньги затрачены, а Лубянской вообще былъ далеко не изъ числа обладателей излишнихъ капиталовъ. Оставалось положиться на авось да на волю Божию; такъ онъ и сдѣлалъ. А тутъ еще—новый сюрпризъ!—въ самый день концерта, часа за два до начала, полицеймейстеръ возвратилъ ему, изъ числа тридцати, девятнадцать билетовъ нераспроданными, извиняясь при этомъ что несмотря на всѣ свои старанія никакъ не успѣлъ разсовать почтеннѣйшей публикѣ болѣе одиннадцати билетовъ. За то въ это время, среди всяческихъ горечей, довелось маіору познать и сладость маленькаго утѣшенія: Пшецънскій не только не отказался отъ посланнаго ему билета, но еще прислалъ за него, сверхъ платы, три рубля, при очень милой запискѣ, въ которой благодарилъ Петра Петровича за оказанное ему вниманіе и присовокуплялъ что почитаетъ себя весьма счастливымъ имѣя столь прекрасный случай оказать свое сочувствіе такому истинно благому и благородному дѣлу какъ просвѣщеніе русскаго народа.

— Вотъ, и судите тутъ послѣ этого! Ругаютъ человекѣ за то только что жандармскій мундиръ носить! горячо увлекался Петръ Петровичъ, показывая всѣмъ и каждому изъ своихъ друзей письмо полковника: — а онъ хоть и Полякъ, а посмотрите-ка, получше многихъ Русскихъ оказывается!... А вы ругаете!

И дѣйствительно, друзья Петра Петровича находили поступокъ жандарма прекраснымъ и вполне достойнымъ каждаго порядочнаго человекѣ. Особенно цѣнили въ немъ, въ жандармѣ, это никакъ нежданное сочувствіе „такому принципу“. Одинъ только всеотрицающій Полоярвъ умаллялъ значеніе штабъ-офицерскаго великодушія.

— Эка штука три рубля! говорилъ онъ, фыркая и задирая голову; — оттого и сочувствуетъ что у Петра Петровича у самого преподаваніе—то идетъ почитай что на тѣхъ же самыхъ жандармственнахъ принципахъ; а небось, кабы мы

вели эту школу, такъ намъ бы кукишъ съ масломъ прислать! Эта присылка только еще больше все дѣло компрометтируетъ.

— Ну, батенька! Опять пошла-повѣхали! На васъ не угодишь! отмахивался Петръ Петровичъ.

ХІІІ. Въ пользу славнобубенской воскресной школы литературно-музыкальный вечеръ, съ участіемъ гг. такихъ-то и такихъ-то.

Въ ярко-освѣщенной залѣ довольно много пустыхъ мѣстъ, особенно въ первыхъ рядахъ, но все-таки нельзя сказать чтобъ было совсѣмъ уже пусто. Публика мало-по-малу набиралась. Пріѣхали даже на короткое время многіе изъ приглашенныхъ на „рауть“ графини Курси, куда явиться было слишкомъ еще рано. Поэтому нѣсколько дамъ баистали своими черезчуръ открытыми плечами (славнобубенскія жены и дщери вообще очень любятъ декольтироваться), а мужчины черными фраками и бѣлыми галстуками, — обстоятельство, придававшее маіорскому вечеру нѣсколько офиціально-парадный характеръ. Задніе ряды въ залѣ были даже полны: поддержали господа офицеры Новоземельскаго полка, да чиновничество второй и третьей руки, которые преимущественно разбирали билеты при входѣ, а ужъ о хорахъ нечего и говорить: тамъ было биткомъ набито, и душно, и говорно, словно въ пчелиномъ ульѣ, ибо верхами почти безраздѣльно владѣли гимназисты съ семинаристами. Цѣны, кромѣ первыхъ рядовъ, маіоръ назначилъ весьма дешевыя, и потому теперь съ живѣйшимъ удовольствіемъ стали замѣчать что въ убытокъ никакъ не останется, а кажись, еще и желаемую сумму соберетъ. То были блаженныя времена когда всякіе литературные вечера не успѣли еще утратить своей свѣжести, своей отчасти „прогрессивно-либеральной“ моды. Вышелъ Устиновъ и прочелъ что-то изъ Гоголя. Ему умѣренно похлопали.

Вышла какая-то дебелая барышня и громко отбарабанила нѣчто изъ Мендельсона-Бартольди. И ей тоже похлопали.

Хвалынцевъ прочиталъ *Развеселое жительство* изъ Щедринскихъ разказовъ, а за нимъ появилась другая барышня и подъ акомпаниментъ Лиденьки Затцъ пропѣла довольно сносно арію изъ *Карла Смѣлаго* и романсъ *Я очи знала, о! эти очи,*

составлявшій тогда модную слабость града Славнобубенска. И барышнѣ, и Хвалынице похлопали дружитѣ чѣмъ прочимъ.

Затѣмъ на эстрадѣ появился высокій гимназистъ седьмага класса, Иванъ Шиткинъ, который очень хорошо читалъ стихи. Гимназистъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій на хорахъ и бойко наизусть продекламировалъ Некрасовскаго *Филантропа*, по окончаніи котораго чтеца вызывали раза три или четыре, причемъ онъ форсисто, но неловко раскланивался.

Затѣмъ играли, читали и пѣли разные любители, и публика всѣхъ ихъ награждала благодушнымъ хлопаньемъ. Майоръ хлопалъ благодушнѣе всѣхъ остальныхъ и, сидя въ уголкѣ, на особомъ стулѣ, просто сіялъ отъ восторга: тутъ во очию сбывалась заветная мечта о расширеніи и преуспѣваніи его роднаго дѣтища, его воскресной школы. Онъ все время находился въ тревогѣ: то порывисто срывался съ мѣста и убѣгалъ въ смежную „артистическую“ комнату, предназначенную для участвующихъ, то озабоченно приказывалъ челоѣку поправить какую-нибудь свѣчу или лампу, то снова торопился сѣсть на свое мѣсто чтобы не пропустить начала какого-нибудь нумера и успѣть похлопать при встрѣчѣ исполнителю. А въ „артистической комнатѣ“, смежной къ клубнымъ буфетомъ, кипѣлъ самоваръ и стоялъ лимонадъ съ оржадомъ. Сюда специально прикомандировались Полояровъ съ Анцыфровымъ и Подвилянскій, которые со всѣмъ почти не показывались въ залѣ. Полоярова всѣ эти дни куда какъ сильно подмывало съ эффектомъ показать свою особу на публичной эстрадѣ; но... хотя боязнь ареста и поуспокоилась въ немъ, однакоже не на столько еще чтобы рискнуть появленіемъ предъ публикой; и Полояровъ къ тому же полагалъ что ужъ если онъ заявитъ себя, то долженъ заявить не иначе какъ только чѣмъ-нибудь сильно „въ носъ ошибательнымъ“. А это находилъ онъ не совсѣмъ-то удобнымъ въ разубужденіи полковника Пшецыньскаго.

Подвилянскій потребовалъ изъ буфета бутылку шампанскаго и предложилъ Полоярову съ Анцыфровымъ распить ее по-пріятельски. Въ это время подвернулся ему на глаза гимназистъ Шиткинъ.

— Господинъ Шиткинъ, пожалуйста-ка сюда! кликнулъ его учитель: — вы что еще будете читать?

— *Клермонтскій соборъ*, Майкова, словно на экзаменѣ,

отчетисто отчеканилъ юноша, въ силу давно ужъ усвоенной ученической привычки.

— И тоже наизусть будете?

— Наизусть.... Я всегда наизусть.

— А не хотите ли для храбрости?

— Чего это-съ?

— А вотъ, стаканчикъ сладенькаго?

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю, смутился юноша.

— Э, полноте! Вѣдь мы не въ классѣ! Не бойтесь, я не скажу инспектору! пріятельски улыбнулся Подвилянскій, подавая ему полный и довольно уемистый стаканъ: — пейте-ка, пейте! Это вѣдь легонькое вино, слабое, совсѣмъ дамское.... Ну, хватите-ка!

— Да я.... извините.... признаться сказать, принимая стаканъ, замаялся немножко гимназистъ, ободренный внутренно такою пріятельскою фамиллярностью своего учителя, — признаться сказать, я ужъ тутъ.... по секрету.... два стакана пуншуку хватилъ.... Не много ли-съ будетъ ужъ?

— Ну, что за вздоръ!... Не маленькій вѣдь, не свалитесь!... Сами, батюшка, бывали когда-то въ вашей шкурѣ, знаемъ какъ пьютъ гимназисты! Ну-ну! для храбрости! безъ разговоровъ!

Въ конецъ уже ободренный и подзадоренный юноша, которому сказали столь лестную, хотя и косвенную похвалу, на счетъ того какъ умѣютъ пить гимназисты, слегка поклонился и залпомъ выпилъ въ себя стаканъ шампанскаго. Ему хотѣлось показать предъ учителямъ и предъ барышнями, и предъ этими двумя господами, что онъ совсѣмъ молодець.

— Вотъ такъ! по-нашему! по-ученому! похвалимъ Подвилянскій: — берите-ка стулъ да присядьте.

Гимназистъ развязно двинулъ стулъ и опустился на него совсѣмъ уже бойко, что называется, по-гимназически, „съ форсомъ“.

— Славно читаетъ стихи! кивнулъ на него Подвилянскій, обращаясь къ Андцыфрову и Полоярову: — вы знакомы, господа?

— Еще бы! Ивана Шишкина да не звать! подхватилъ пискунокъ: — вѣдь на серебряную медаль кончаетъ!... А?... Какъ-съ?

— Можетъ и на золотую дернемъ! не безъ самодовольно-гордой заносчивости похвалился юноша, покосясь на барышень. Онъ уже начиналъ понемногу хвѣтѣть и все болѣе чувствовалъ себя молодецкомъ.

— А славно, ей же Богу, славно декламируетъ! воскликнулъ Подвилянскій и даже прижмурилъ глаза, будто при воспоминаніи о томъ наслажденіи какое доставляетъ ему декламация Шишкина.—Онъ... вѣдь вы съ нимъ не шутите! Онъ помнитъ чортъ знаетъ сколько запрещенныхъ стиховъ. Кажется, всю *Полярную звезду* наизусть выучилъ. Память-то богатая какая!... А?... Каковъ?!.. Изъ *Полярной*-то! изъ *Полярной*!... Послушайте, душечка, Шишкинъ, интимно и ласково примолвилъ онъ, хлопнувъ гимназиста по колену,— скажите-ка намъ *Орла*! А? Не бойтесь! ничего! Вѣдь между своими... никто не услышитъ... шпионовъ нѣтъ, кажись. Прелесть, господа, чтѣ за стихи, послушайте!... Ну, Шишкинъ, валайте!

— Да я... не помню... слегка озираюсь, отклонился юноша.

— Ну, вотъ вздоръ какой, „не помню“!... На прошлой недѣлѣ читалъ же у меня въ классѣ, а тутъ вдругъ „не помню“!... Э, батюшка, я не зналъ что вы такой трусъ!

Последнее слово окончательно уже подошло гимназиста. Онъ предварительно кракнулъ и прочелъ *Орла*.

— Bravo! bravo!... молодець! пискнулъ было Андцыфровъ, и тихонько захолопалъ въ ладоши.

Полояровъ, въ сосредоточенномъ молчаніи, взялъ руку гимназиста и выразительно потрясъ ее.

Подвилянскій, успѣвшій уже мигнуть чтобы подать вторую бутылку, налилъ еще стаканъ юному декламатору, который и не замедилъ порядочно изъ него отвѣдать.

— А вотъ бы штука-то была, съ оживленіемъ началъ учитель, словно подъ наптіемъ внезапно блеснувшей мысли: — еслибъ этого самаго *Орла* да дернуть сегодня на публичномъ чтеніи.

— Bravo! bravo!... Отлично! великолепно! запицалъ и заерзалъ на стулѣ Андцыфровъ, поделѣновато отыскивая свой налитый стаканъ.

— А чтѣ жь? Я бы прочелъ, да... выдеруть пожалуй? сомнѣвающимся тономъ тихо спросилъ гимназистъ, уже полу-рѣшившись на эту выходку.

— Выдеруть? угрозаиво насупился Полояровъ:—а вѣ! этого не хотятъ ли? Пуцай попробуютъ вкусно ли пахнетъ!

— Ну-у, гдѣ выдрать! солидно возразилъ учитель:—теперь и вообще-то не дерутъ, а тутъ еще ученикъ на выпускѣ.

Развѣ такъ что-нибудь.... въ карцеръ' посадятъ на недѣлку, и только.

— Такъ я хвачу!... Ей-Богу, хвачу! съ живостью подхватилъ Шшшкинъ, срываясь съ мѣста.

— Ну вотъ, вздоръ какой! Я вѣдь только такъ.... помутнѣлъ, отклоняясь учитель, все въ томъ же солидномъ тогѣ.

— Отлично бы хватить, да не хватите! вздохнулъ Анцыфровъ.

— Не хвачу?... А почему.... позвольте узнать.... почему вы думаете что не хвачу?

— Да такъ; смѣлости не хватить.

— Смѣлости?... У меня-то? У Ивана-то Шшшкина смѣлости не хватить? Ха-ха!... Мы въ прошломъ году, батюшка, Французу бенефисъ цѣлымъ классомъ задавали, такъ я въ него, вопервыхъ, жвачкой пустилъ прямо въ рожу, а потомъ парикъ сдернулъ.... Цѣлыя полторы недѣли въ карцерѣ сидѣлъ, на хлѣбъ и на водѣ-съ, а никого изъ товарищей не выдалъ. Вотъ Феликсъ Мартыновичъ знаетъ! сослался онъ на Подвилянскаго: — а вы говорите, смѣлости не хватить!... А вотъ хотите докажу что хватить? Мнѣ что? мнѣ все равно.

— Нѣтъ-съ, тутъ, батюшка, не парикъ и не жвачка, возражалъ пискунъ: — тутъ нѣчто побольше да посерьознѣе, да и подоблестяѣ-съ!... Тутъ гражданское мужество нужно-съ!

— А вотъ увидимъ, коли такъ! Увидимъ! хорохорился гимназистъ, у котораго голова ходенемъ пошла съ двухъ стакановъ шампанскаго.

— Ну, нѣтъ, не дѣлайте глупостей! сталъ было солидно урезонивать Подвилянскій, и эта солидность оказалась у него очень искусно сдѣланною, такъ что даже на постороннiе глаза ее смѣло можно было бы принять за солидность настоящую и вполне искреннюю.

— Чего тамъ не дѣлайте! обернулся на него Шшшкинъ:— они меня за труса считаютъ, такъ нѣтъ же, чортъ возьми! Я имъ докажу!

— Господинъ Шшшкинъ! Господинъ Шшшкинъ! хлопотливо вбѣжалъ въ комнату Петръ Петровичъ.—Пожалуйте поскорѣе, вашъ чередъ!

Шшшкинъ бойко и самоувѣренно взомелъ на встряду. Подояровъ, Анцыфровъ и Подвилянскій съ любопытствомъ ожиданiя подошли къ дверямъ и приготовились слушать.

— *Орель!* раздался звучный голосъ декламатора.

Андыфровъ пискнулъ, хихикнулъ и даже присѣлъ отъ удовольствія.

— Молодецъ!... Ей-Богу, молодецъ!... Я никакъ не думалъ, пропеталъ онъ.

По залъ понеслись звучныя строфы:

„Я кашель, друзья, кашель,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдъ и нашихъ золъ!
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычный, двухголовый
Всероссійскій нашъ орелъ!“

И пошелъ, и пошелъ все дальше, да дальше....

Недоумѣніе, удивленіе, вошленіе, шепотъ понеслись по залъ, слушатели оглядывались другъ на друга и вокругъ себя, иные опасались за смѣлаго чтеца, иные искали глазами не слушаетъ ли гдѣ-нибудь полиція....

Эффектъ вышелъ полный и неожиданный.

Лубянской поблѣдѣвалъ и стоялъ словно на него столбнакъ кашель.

Взволнованный и перетревоженный, въ страхъ за чтеца, онъ искалъ глазами Пшецыньскаго, но того не было въ залъ. Полковникъ ограничился только присылкой денегъ, а самъ не почтилъ вечера своимъ присутствіемъ.

Но въ сущности легче ли было отъ этого? Измѣняло ли его отсутствіе хоть сколько-нибудь участь пьянаго Шиткина? И едва кончилъ онъ, какъ раздался взрывъ неистовыхъ криковъ и топанья. Особенно отличались хоры, шумѣвшіе по двумъ причинамъ: первая та что читалъ свой братъ гимназистъ, котораго повтому „нужно поддержать“; а вторая—читалось *запрещенное* слово, вѣчно заключающее въ себѣ что-то влекущее, обаятельное.

Большинство вопило „браво!“ и требовало „bis!“ Только немногіе сохраняли необходимую сдержанность и приличіе, и въ числѣ этихъ немногихъ, между прочимъ, были докторъ Адамъ Яроць и самъ Подвилянскій, незамѣтно проскользнувшій въ залу. Теперь онъ старался держаться на глазахъ всѣхъ и съ видомъ серьезнаго равнодушія оглядывалъ бѣсновашуюся часть публики.

Одурманенный виномъ и усѣвхомъ, Шиткинъ шелъ уже на эстраду чтобы повторить *Орла*, какъ вдругъ изъ одного конца залы смѣло раздалось рѣзкое шиканье.

Всѣ обернулись въ ту сторону. Тамъ, приложивъ щиткомъ руки къ губамъ, что есть мочи шикалъ одинъ только человекъ. И этотъ одинъ, къ удивленію многихъ, былъ Устиновъ.

— Молчать!... Не шикать!... Кому не нравится, тотъ вонъ!... Не мѣшайте слушать!... Долой шикальщика! съ разныхъ концовъ залы раздались нѣсколько ретивыхъ, задорныхъ голосовъ.

Устиновъ, не обращая вниманія, продолжалъ свое дѣло.

Къ счастью, Шиткинъ не былъ допущенъ на эстраду. Майоръ удержалъ его за руку и почти насильно увелъ въ „артистическую комнату“.

— Чтò вы надѣлали!... Господи! Чтò вы надѣлали! въ ужасъ качалъ онъ головой, заслоняя собой гимназисту проходъ въ шумѣвшую залу.

— Вы думаете выдерутъ? Небойсь, не посмѣютъ!... Въ карцеръ развѣ, а это—нѣтъ! Пустите меня, публика требуетъ! порывался тотъ, стараясь выскользнуть изъ рукъ Лубянскаго.

А публика все еще шумѣла, стучала, хлопала.... Скандалъ былъ полный и всесовершенный.

Частный приставъ возвысилъ было голосъ, нѣсколько человекъ вытѣснили его изъ залы и наглухо захлопнули входную дверь.

Майоръ былъ въ отчаяніи и поспѣшилъ выслатъ на эстраду двухъ барышень, поющую и вопиющую, которыя громогласнымъ дуэтомъ хотѣли заглушить стукъ и крики. Нѣкоторое время длилась борьба между пѣніемъ и шумомъ, но храбрыя и стойкія барышни преодолѣли публику, и она наконецъ снисходительно замолкла.

Вечеръ кончился какъ-то странно. Одни выходили изъ залы въ недоумѣніи, другіе, то-есть большинство, весьма шумно. Тамъ и сямъ, какъ послѣдніе выстрѣлы отступающихъ солдатъ, раздавались еще выкрики: „Шиткина!... *Ора!*... *bis!*... браво! Шиткина!“

— Это съ какой стати вы зашикать изволили? дерзко вызывающимъ тономъ обратился къ Устинову Полояровъ.

— Съ такой, что если разъ уже сдѣлана глупость, то не слѣдуетъ повторять ее! рѣшительно отчеканилъ Устиновъ, не смутясь отъ взгляда Полоярова.

— А въ чемъ эта глупость, по-вашему, и почему это не повторять ее? позвольте полюбопытствовать!

— Глупость въ томъ что она вредитъ хорошему и почетному дѣлу, а повтореніе ея могло бы отозваться еще болѣе горькими послѣдствіями для Шипкина.

— Все это вздоръ! Никакихъ послѣдствій не будетъ и быть не можетъ! Тутъ голосъ общественнаго мнѣнія-съ!

— Въ такомъ разѣ напрасно сами вы не вышли вмѣсто гимназиста и не прочли *Орла*. Скажите, пожалуйста, отчего это вы пропустили такой прекрасный случай?

Послѣдній вопросъ былъ предложенъ съ весьма чувствительною ѣдкостью и попалъ прямо по назначенію. Молодору нечего было отвѣтить и потому, промывчавъ проиически „гм!“¹⁶, онъ отвернулася отъ Устинова.

XIV. Кому досталось расхлебывать кашу.

На другое утро къ воротамъ маіорскаго домика прискакалъ казакъ и привезъ Петру Петровичу повѣстку изъ губернаторской канцеляріи.

Эта повѣстка вызывала его прибыть къ его превосходительству въ одиннадцать часовъ утра. Лаконизмъ извѣщенія показался маіору довольно зловѣщимъ. Онъ зналъ, онъ предчувствовалъ по поводу чего будутъ съ нимъ объясненія. И хуже всего для старика было то что не видѣлъ онъ ни малѣйшихъ резоновъ и оправданій всему этому дѣлу.

Когда маіоръ вступилъ въ губернаторскую залу, тамъ уже толкались кое-какія силы офиціальнаго міра. Правитель канцеляріи и нѣсколько чиновниковъ ожидали со своими докладами; лихой полицеймейстеръ Гнутъ расхаживалъ съ рапортомъ; дежурные канцеляристъ и квартальный суетились около какихъ-то шнуровыхъ разграфленыхъ книгъ и сортировали только что полученные пакеты. Лихой Гнутъ попытался было мимоходомъ окинуть маіора внушительно строгимъ соколинымъ взглядомъ; но того этотъ взглядъ не смутилъ ни мало. Въ своемъ тщательно вычищенномъ и щеткой, и метелкой мундирѣ, при всѣхъ регаліяхъ, стоялъ маіоръ у окна и съ тайною смутой на сердцѣ ожидалъ что-то будетъ.

Прошло одиннадцать, губернаторъ не показывается.

Пришелъ черненькій Шписъ, небрежно мотнувъ головой на поклонъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, фамильярно подаль

руку правителю канцеляріи и пріятельски заболталъ съ подполковникомъ Гнутомъ о вчерашнемъ „раутѣ“ графини. Пришли и еще двое чиновниковъ по особымъ порученіямъ, изъ коихъ одинъ обладалъ весьма либеральною бородою, либеральными усами, либеральною прическою и либеральными панталонами. Онъ небрежно поигрывалъ стальною цѣпочкой отъ часовъ, которая изображала собой въ нѣкомъ родѣ кандалы, съ ядромъ и „мертвою головою“. Либеральный чиновникъ, видимо, желалъ обратить вниманіе присутствовавшихъ на свою цѣпочку, и дѣйствительно, лихой Гнутъ вскорѣ замѣтилъ ее:

— Посмотрите, господа, какая оригинальная цѣпочка!

И всѣ кинулись разсматривать цѣпочку либеральнаго чиновника. Одинъ только ни чему непричастный маіоръ попрежнему оставался у окна.

— Это цѣпь каторжныхъ галерниковъ, самодовольно пояснял чиновникъ:—совсѣмъ новая новинка! Только что получены.

— Гдѣ? гдѣ? скажите пожалуйста! у кого это? хороше на сѣли на него заинтересованные чиновники.

— Въ Парижскомъ магазинѣ.... цѣлая партія прислана.

— А! надо купить!.. непременно надо! Отличная штука!

И чиновники долго еще любовались цѣпочкой своего либеральнаго собрата.

Пробило половину двѣнадцатаго: неидетъ губернаторъ.

Чиновники по особымъ порученіямъ либерально расхаживаютъ по залѣ вмѣстѣ съ „правителемъ“ и Гнутомъ, тогда какъ всѣ остальные почтительно дожидаются, не двигаясь съ мѣста.

Вотъ на минуту растворилась дверь, и вышелъ изъ нея, вполне серьезный, полковникъ Пшецыньскій, представитель но брадая шпорами и поддѣтою на крючокъ саблей, причемъ кисточки его серебряныхъ эполетъ болтались весьма эффектно. Онъ на ходу отвѣтилъ любезнымъ склоненіемъ головы на общій поклонъ чиновниковъ и, съ озабоченнымъ видомъ, прошелъ въ прихожую, мимо маіора, котораго хотя и видѣлъ, но будто и не замѣтилъ.

Пробило двѣнадцать. Опять на минуту растворилась дверь, и губернаторскій лакей пронесъ на подносѣ корзинку съ хлѣбомъ, да два пустые стакана послѣ кофею.

Либеральные чиновники продолжаютъ расхаживать, болтая

о „раутѣ“, о madame Прудко, о Лудовикѣ Наполеонѣ, объ актрисѣ Шмитгофѣ, о какой-то статьѣ въ *Современникѣ*, о внезапномъ повышеніи по службѣ какого-то Кузьмы Демьяныча, о новомъ рысакѣ Верхохлебова... и о многихъ иныхъ подобныхъ предметахъ, о которыхъ вообще и всегда, отъ нечего дѣлать, болтають губернаторскіе чиновники въ ожиданіи своего патрона.

Но вотъ раздался кабинетный звонокъ, и дежурный канцеляристъ, застегивая послѣднюю пуговицу вицмундира, со всѣхъ ногъ бросился на призывъ его превосходительства. По прошествіи нѣкотораго времени онъ опять показался въ залѣ, и собственноручно отворилъ самымъ торжественнымъ образомъ половинку двери. Послышались вѣскіе шаги, съ легкимъ скрипомъ, и въ дверяхъ появилась Непомукъ Анастасевичъ Гржибъ-Загржимбайло.

— Гдѣ? лаконично произнесъ онъ, обративъ вопросительный взглядъ на дежурнаго.

Тотъ указалъ рукой на маіора.

Губернаторъ, отдавъ всѣмъ общій поклонъ, вышелъ на середину залы и остановился. Онъ не позвалъ маіора въ кабинетъ, но нарочно хотѣлъ „распушить“ его въ залѣ при всѣхъ, дабы всѣ видѣли Непомуковскую строгость и высшую благонамѣренность.

— Пожалуйте-ка сюда, господинъ Лубянской! издали обратился онъ къ Петру Петровичу тѣмъ официально-деревяннымъ тономъ, который не предвѣщаль ничего добраго. Старикъ и чувствовалъ, и понималъ что — во всякомъ случаѣ — ему рѣшительно нечего говорить, нечего привести въ свою защиту и оправданіе, и потому онъ только произнесъ себѣ мысленно: „помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его!“ и, по возможности, твердо и спокойно подошелъ къ губернатору.

— Чтò это у васъ такое произошло! грозно загнулъ и засопѣлъ его превосходительство: — воззваніе къ бунту!... демонстраціи!... порицаніе правительственнаго принципа!... И вы думаете что я это потерплю? Вы думаете что со мной можно безнаказанно такіа шутки шутить?... Да знаете ли, милостивый государь, что я васъ, административнымъ порядкомъ, въ двадцать четыре часа изъ города вонъ! въ Тобольскую упрячу!... Вы у меня народъ агитировать, молодежь развращать!... Я вырву съ корнемъ это гнусное сѣмя!...

Стыдитесь: вы—старикъ, штабъ-офицеръ; на васъ эти кресты, эти медали—и вы.... вы....

Последній незаслуженный упрекъ былъ слишкомъ горекъ и обиденъ старому солдату. Онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ отъ волненія.

— Ваше превосходительство.... ваше превосходительство! возвысилъ онъ голосъ:—въ вашемъ положеніи оскорбить человека легко-съ. Но.... я за двухъ моихъ государей двадцать пять лѣтъ мой лобъ и мою грудь подставлялъ.... я одиннадцать ранъ имѣю-съ, такъ не мнѣ, на старости лѣтъ, подъускивать на бунты!

И повернувшись, онъ твердыми шагами пошелъ изъ комнаты.

— Стойте! закричалъ ему вслѣдъ губернаторъ.

Маіоръ словно и не слышалъ.

— Стойте же, говорю я вамъ!... Я еще не кончилъ.... Оставьте его!

Дежурный квартальный преградилъ ему выходъ.

Потухшіе глаза маіора вдругъ сверкнули нестарческимъ огнемъ. Еслибы полицейскій офицеръ только дотронулся до него.... было бы не хорошо. Петръ Петровичъ на мгновеніе замедлился предъ нимъ, словно соображая на что ему рѣшиться. Улыбающееся личико дочери вдругъ мелькнуло въ его воображеніи, и этотъ спасительный образъ, къ счастью, удержалъ его отъ многого....

— Потрудитесь вернуться.... и выслушать! кричалъ межъ тѣмъ Гржибъ-Загржимбайло.

Лубявскій подошелъ къ нему твердымъ шагомъ.

— Изъ уваженія къ вашимъ сѣдинамъ, я не хочу лишать васъ покоя и потому оставляю въ городѣ, продолжалъ Непомукъ уже гораздо сдержаннѣе:—но за подобныя вещи отдаютъ, по крайней мѣрѣ, подъ строгій надзоръ полиціи.... Послѣ этого я не могу, не имѣю права дозволить вамъ учить дѣтей и оставить школу въ вашихъ рукахъ. Но я не хочу также чтобы бѣдныя дѣти которыя ни въ чемъ не виноваты лишились, благодаря вамъ, того образованія которое они получали; поэтому я учреждаю надъ школой административный надзоръ, и вы потрудитесь передать завѣдываніе ему тому благонадежному лицу которое будетъ мною назначено!... Ему же передадите вы отчетъ и сумму отъ вчерашняго вечера. Теперь можете идти!

И онъ вѣжливѣе, но очень выразительнымъ жестомъ указалъ на дверь маіору.

Старикъ, почти не помня себя, вышелъ на улицу убитый, оскорбленный, уничтоженный и разомъ лишенный лучшаго и завѣтнѣйшаго дѣла своей тихой и честной старости.

XV. Конференція совѣта гимназіи.

Объявленіе положенное на столѣ сборной учительской комнаты извѣщало господъ учителей объ экстренномъ засѣданіи совѣта гимназіи которое имѣеть быть сегодня, въ два съ половиной часа пополудни. Учителя болѣе или менѣе знали уже о чемъ пойдетъ рѣчь на этомъ засѣданіи.

Въ половинѣ третьяго, по окончаніи классовъ, когда гурьба гимназистовъ съ гамомъ и шумомъ высыпала на улицу, учителя собрались въ совѣтскую залу, по стѣнамъ которой стояли высокіе шкафы съ чучелами птицъ и моделями звѣрей; на шкафахъ—глобусы и семь мудрецовъ греческихъ; на столахъ и въ витринахъ около оконъ — электрическая и пневматическая машины, Вольтовъ столбъ, Архимедовъ винтъ, лейденскія банки, минералогическая коллекція. По срединѣ залы стоялъ длинный столъ покрытый краснымъ сукномъ, и вокругъ него рядъ кресель. На площадкѣ предъ этою комнатою дождалась чего-то маленькая, бѣдно одѣтая старушка, и молча, но съ невыразимо тоскливою мольбой во взорѣ, провожала каждаго входившаго въ дверь конференцъ-залы. Пока еще директоръ не занялъ предсѣдательскаго мѣста, члены совѣта въ группахъ разговаривали между собой. Устиновъ отозвалъ Подвилянскаго въ сторону и сказалъ ему тихо:

— Я надѣюсь, Феликсъ Мартыновичъ, вы употребите всѣ усилія, все стараніе чтобъ облегчить участь Шишкина.... Это долгъ вашей совѣсти, Феликсъ Мартыновичъ! прибавилъ онъ съ удобопонятною для Подвилянскаго выразительностью.

— Конечно.... все что могу.... прощѣдилъ тотъ сквозь зубы. Раздался призывный колокольчикъ, и учителя заняли свои мѣста.

— Предварительно обсужденія главнаго вопроса нынѣшней конференціи, начавъ директоръ, видимо стремившійся усвоить

себѣ парламентскія формы, — я долженъ сообщить вамъ, милостивые государи, вотъ что: сегодня приглашалъ меня къ себѣ его превосходительство Непомукъ Анастасьевичъ для совмѣстнаго обсужденія весьма важнаго вопроса о воскресной школѣ. Послѣ всего происшедшаго на литературномъ вечерѣ, его превосходительство полагаетъ совершенно невозможнымъ ни оставить завѣдываніе школою въ рукахъ майора Лубянскаго, ни дозволить ему дальнѣйшее преподаваніе. Это его крайнее и послѣднее рѣшеніе. Его превосходительство намѣренъ предложить администрацію и наблюденіе за ходомъ преподаванія въ школѣ господину Подвилянскому и спрашивалъ меня о благонадежности Феликса Мартыныча въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Я, съ своей стороны, конечно, могъ дать только самый лестный отзывъ.

Подвилянскій при этомъ слегка поклонился, со скромною улыбкой благодарности.

— Что касается меня, продолжалъ директоръ, — я не нашелъ ничего противъ предложенія его превосходительства и въ принципѣ совершенно соглашаюсь съ нимъ. Остается только узнать на этотъ счетъ рѣшеніе самого Феликса Мартыныча, и если Феликсъ Мартыновичъ согласенъ, то....

— Я соглашаюсь, подхватилъ Подвилянскій. — Конечно.... у меня есть много занятій, но.... для пользы такого дѣла.... просвѣщеніе народа.... вы сами, конечно, понимаете.... я не считаю себя въ правѣ отказаться.

— Въ такомъ случаѣ я извѣщу объ этомъ Непомука Анастасьевича, а вы потрудитесь завтра утромъ отправиться къ его превосходительству, и онъ сообщитъ вамъ нѣкоторыя инструкціи.

Феликсъ Мартыновичъ поклонился вторично въ знакъ полнаго и покорнаго своего согласія.

— Какъ!... Позвольте-съ! поднялся съ мѣста озадаченный и даже ошеломленный Устиновъ:—но вѣдь эта школа дѣло совершенно частное, какое же тутъ вмѣшательство....

— Разрѣшеніе на школу дано все-таки администраціей, рѣшительно перебилъ директоръ,—и если направленіе преподаванія, или духъ школы идетъ въ разрѣзъ съ правительственными видами, администрація всегда имѣетъ полное право....

— Но, вѣдь надо же сперва знать, надо изслѣдовать, по крайней мѣрѣ, все дѣло! Вѣдь такъ нельзя же! вѣдь это что жь

такое, наконецъ!.. Вредный духъ школы.... да Господи Боже мой! взгляните прежде....

— Я ничего не знаю; это касается администраціи, можете къ ней адресоваться, настойчиво прервалъ директоръ Устинова: — администрація во вчерашнемъ происшествіи имѣетъ налицо достаточно краснорѣчивый фактъ, противъ котораго я не нахожу возможности спорить, и если заговорилъ объ этомъ, то для того только чтобы передать Феликсу Мартынычу рѣшеніе лично до него касающееся. За симъ дебаты объ этомъ предметѣ я считаю оконченными и предлагаю перейти къ главному нашему вопросу.

Будто почувствовавъ важность этой минуты, всѣ какъ-то подбодрились, оправдись, подвинули ближе къ столу свои кресла и приготовились слушать.

— Вамъ, милостивые государи, началъ директоръ, вздохнувъ съ печально-важнымъ видомъ, — извѣстно уже грустное происшествіе на литературномъ вечерѣ, поэтому я избавляю себя отъ прискорбнаго труда повторять вамъ сущность его. Всѣ вы и безъ того хорошо знаете дѣло. Антонъ Антонычъ, обратился онъ къ инспектору, — какъ распорядились вы съ Шимкинымъ?

— Съ утра еще посаженъ въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду.

— Это хорошо-съ. Теперь, госнода, вашему обсужденію предлежитъ вопросъ: что сдѣлать съ нимъ? Господинъ Шёнфенгаузенъ, вы, какъ младшій, потрудитесь изложить намъ ваше мнѣніе, отнесся предсѣдатель къ учителю чистописанія, черченія и рисованія.

— Эъ бальшинства загла-асенъ, сгибая колѣнки и оскаля гаупою улыбкой свою лошадиную челюсть, приподнялся скромный и немногослаголивый господинъ Шёнфенгаузенъ.

— Очень хорошо-съ. Господинъ Краузе?

— Висѣкать и вигонять, рѣшилъ учитель нѣмецкаго языка.

— Очень хорошо-съ. Monsieur Fume! votre opinion?

— Oh, oui! et розгъ, et cachôt, et вигану.... et tout ce que vous voulez! O, c'est un grand gaillard ce Chichkin là!.. Эти сквернѣ мальшинскі! Tout ce que vous voulez, monsieur le directeur! et вигану, et cachôt, et розгъ! жестикуировалъ учитель французскаго языка, который точилъ противъ Шимкина старый зубъ еще за прошлогодній бенефисъ со жвачкой и сдернутымъ парикомъ.

— Очень хорошо-съ. Не угодно ли вамъ, господинъ Подвилянскій?

— Съ большинствомъ согласенъ, уклончиво отвѣтилъ онъ на вопросъ.

— То-есть, позвольте-съ! какъ же это съ большинствомъ? сказалъ Устиновъ, въ упоръ и строго глядя въ глаза ему:— до сихъ поръ большинство за розги и исключеніе? И вы тоже на сторонѣ большинства?

— Господинъ Фуше имѣетъ свои основанія подать мнѣніе этого рода, опять таки уклонился Подвилянскій, обращаясь не къ Устинову, но ко всемъ вообще:—Я прошу позволенія напомнить совѣту что прошлаго года этотъ самый Шипкинъ высидѣлъ полторы недѣли въ карцеръ за грубыя дерзости которыя онъ позволилъ себѣ относительно господина Фуше.

— Я нахожу что напоминаніе ваше едва ли умѣстно, покраснѣвъ отъ негодованія, сдержанно проговорилъ Устиновъ:— были другіе которые были виноваты гораздо болѣе Шипкина, но Шипкинъ не захотѣлъ выдать товарищей и на самомъ себѣ понесъ все наказаніе. Я нахожу что это черта весьма благородная.

— Итакъ, Феликсъ Мартыновичъ, ваше мнѣніе? обратилъ председатель къ Подвилянскому.

— Остаюсь при прежнемъ, коротко поклонился тотъ.

Устиновъ поглядѣлъ на него честными изумленными глазами.

— Вы что скажете, Андрей Павловичъ? повернулся директоръ къ Устинову.

— Я скажу одно, поднялся маленькій математикъ:—пощадите, господа, молодого человѣка!... Если у васъ есть въ сердцѣ хоть капелька человѣческой крови, пощадите его. Онъ виноватъ, не спорю. Ну, выдержите его въ карцеръ, сколько вамъ будетъ угодно; ну, лишите его домашнихъ отпусковъ до конца курса; ну, постарайтесь представить предъ собраніемъ товарищей весь позоръ, всю глупость его проступка; но.... только, Бога ради, не выгоняйте его!

— Это будетъ весьма недостаточное наказаніе; поступокъ его заражаетъ большинство весьма дурнымъ примѣромъ, замѣтилъ инспекторъ.

— Эхъ, Антонъ Антоновичъ! возразилъ Устиновъ:—видно что своихъ дѣтей у васъ нѣтъ и никогда не было!... Какъ это все легко говорится!... Вѣдь Шипкинъ способнѣйшая,

даровитая голова! Вѣдь онъ у насъ который годъ первымъ ученикомъ идетъ! Ну, натура у него немножко широкая, увлекающаяся натура, но вѣдь онъ честный юноша; вѣдь ему чрезъ два мѣсяца курсъ кончать, изъ гимназіи выходить, а вы вдругъ хотите лишить его всего, всего, за одну глупость которую, вдобавокъ, и сдѣлалъ-то онъ, какъ я не безъ основанія подозреваю, по чужому внушенію.

Подвилянскій, при этихъ словахъ, отчасти измѣнился въ лицѣ и сталъ сосредоточенно обмахивать обшлагъ своего вѣтъ-мундира, словно на немъ засѣла какая-то упрямая пылинка.

— Господа! продолжалъ Устиновъ:—здѣсь, за дверью, какъ жизни или смерти, ожидаетъ вашего рѣшенія несчастная старуха, бабушка этого Шашкина. Вѣдь онъ вся ея радость, единственная надежда, единственный кусокъ хлѣба на старости лѣтъ.... Пощадите же, Христа ради!

— Для чего же вы сами шикали вчера? ехидственно спросилъ Подвилянскій.

Устиновъ, прежде чѣмъ отвѣтить, посмотрѣлъ на него холодно презрительными и строгими глазами.

— А я васъ спрошу, началъ онъ вѣско и развѣренно:—для чего вы подуськивали его?

— Какъ!... Позвольте, милостивый государь! гдѣ? когда я подуськивалъ его! горячо сорвался съ мѣста Феликсъ Мартыновичъ:—а?... я, напротивъ, удерживалъ, отговаривалъ его, у меня есть свидѣтели, очевидцы.... Я представляю доказательства!... Я не позволю никому оскорблять меня такимъ образомъ! Я не могу допустить чтобы такъ нагло клеветали на меня!... Это уже называется подкочами....

— Обвиненіе столь важно, перебилъ предсѣдатель,—что я полагаю лучше допросить объ этомъ первоначально самого Шашкина.... Пусть онъ намъ скажетъ внушалъ ли ему кто, или нѣтъ. Антонъ Антоновичъ, распорядитесь, пожалуйста, чтобы привели его сюда изъ карцера.

Чрезъ нѣсколько минутъ подсудимый уже стоялъ предъ ареопагомъ своихъ наставниковъ и воспитателей. Едва успѣлъ онъ войти, какъ Подвилянскій, упреждая возможность перваго вопроса со стороны директора, къ которому арестантъ, естественно, не могъ быть подготовленъ, стремительно поднялся вдругъ съ кресла и съ особенною торопливостью обратился къ гимназисту:

— Господинъ Шшккинъ! Какъ *честный человекъ*, скажите откровенно, останавливалъ ли я васъ вчера отъ этого поступка? Не говорилъ ли я вамъ чтобы вы не дѣлали этой глупости? Скажите по совѣсти!

Шшккинъ поглядѣлъ на него пристально и твердо отвѣтилъ:

— Да; говорили.... Останавливали.

Подвилянскій съ гордымъ презрѣніемъ вымѣрлялъ торжествующимъ взглядомъ Устинова.

— Повремените немного, сказалъ ему послѣдній, очень хорошо понявъ значеніе этого безмолвнаго торжества:— Господинъ Шшккинъ! Я не хочу допустить мысли чтобы вы сдѣлали вашъ проступокъ безъ чьего-нибудь посторонняго побужденія. Скажите откровенно, кто подуськалъ васъ на это? Или какъ, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе чего пришла вамъ эта несчастная мысль прочесть *Орла*?

Подвилянскій опять почувствовалъ маленькую неловкость и опять было прибѣгнулъ къ старательному обтиранію обшлага; но изъ этого безпокойнаго положенія, къ счастью, вывелъ его преподаватель географіи Бенедиктъ Кулькевичъ.

Шшккинъ еще не собрался отвѣтить, какъ уже раздался голосъ этого Бенедикта.

— Я полагаю, началъ онъ, — вопросъ господина Устинова не совсѣмъ умѣстнымъ; мы здѣсь, во первыхъ, не слѣдственная по политическимъ дѣламъ коммиссія....

Послѣдняя фраза была сказана съ тою ѣдкою ироніей которая прямо была на то чтобы подѣйствовать на щекотливую струнку самолюбія членовъ.

— Да, но мы здѣсь тѣмъ не менѣе рѣшаемъ судьбу молодого человѣка! горячо перебилъ его Устиновъ.

— Вотъoryхъ, продолжалъ Кулькевичъ, не обративъ вниманія на это возраженіе, — мнѣ кажется что такой вопросъ даже оскорбителенъ для самого господина Шшккина. По крайней мѣрѣ, еслибъ я былъ на его мѣстѣ, я бы оскорбился за мое самолюбіе: господинъ Устиновъ какъ будто предполагаетъ въ господинѣ Шшккинѣ совсѣмъ глупенькаго, неразумнаго ребенка, мальчишку, дурачка, котораго такъ вотъ вдругъ можно взять да и подуськать на что-либо; какъ будто господинъ Шшккинъ недостаточно взрослый и самостоятельный юноша чтобы дѣйствовать по собственной инициативѣ? Впрочемъ, это только мое личное мнѣніе; можетъ, кто

и „подуськивалъ“ его, я не знаю. Объ этомъ онъ самъ, конечно, лучше знаетъ.

Сказано все это было какъ нельзя болѣе кстати, и расчетъ оказался вѣрнѣй. Шипкинъ, какъ одинъ изъ лучшихъ и при томъ бойкихъ учениковъ, естественно былъ весьма самолюбивъ. Кулькевичъ зналъ за нимъ это качество, и его-то именно рѣшился задѣть въ нужную минуту. Восемнадцатилѣтній юноша переживалъ то время когда школьнической гимназической мундиръ становится уже тѣсенъ, малъ и узокъ на человѣкѣ, когда самолюбіе таетъ чедовѣка на каждомъ шагѣ заявить себя взрослымъ, когда онъ, такъ сказать, борьбой добываетъ себѣ эту привилегію на взрослость въ глазахъ тѣхъ которые продолжаютъ еще считать его мальчишкой и школьникомъ.

— Меня никто не уськалъ.... Я самъ читалъ, по своему побужденію, съ достоинствомъ проговорилъ юноша. Честный малый, онъ даже былъ убѣжденъ въ эту минуту что свершаетъ вѣкій подвигъ гражданскаго мужества.

— Хорошо-ся, можете отправляться обратно въ карцеръ, сухо отвѣтилъ ему на это директоръ.

Когда арестантъ удалился, Подвилянскій, весь пылая чувствомъ гордаго и удовлетвореннаго достоинства, смѣло и твердо поднялся съ мѣста.

— Господа! возвысился онъ голосъ:—послѣ того что сказано здѣсь самимъ Шипкинымъ, я не считаю нужнымъ отвѣчать на обвиненіе господина Устинова: пускай онъ самъ назоветъ его достойнымъ именемъ.

— Я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, стоіко и не смутясь отвѣтилъ Устиновъ, — и только прибавлю къ нему одно, что *легально* вы остались правы. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Такъ послѣ же этого!! запальчиво вскочилъ было Феликсъ Марыновичъ, но предсѣдатель прекратилъ ихъ прю настойчивымъ призывомъ къ порядку и предложилъ отбирать мнѣнія членовъ совѣта.

Большинство трехъ голосовъ оказалось на сторонѣ исключенія. Два изъ нихъ принадлежали самому предсѣдателю, который нѣкоторое время колебался было, отдать ли эти два голоса въ пользу Устиновскаго предложенія, или въ пользу его противниковъ, но изъ столь затруднительнаго колебанія

вывелъ его опять—таки все тотъ же находчивый и предусмотрительный Феликсъ Мартыновичъ Подвиляньскій.

— Господа! сказалъ онъ съ видомъ величайшей искренности, положивъ руку на сердце:—вѣрите моей совѣсти, я отъ души радъ бы былъ сдѣлать все возможное, лишь бы только облегчить участь молодого человѣка; я вполнѣ сочувствую господину Устинову и прочимъ которые подали голоса противъ исключенія, но, господа!... все это вполнѣ бесполезно! Проступокъ Шипкина не такого рода чтобъ администрація оставила его безъ вниманія: доказательство—сегодняшнее рѣшеніе господина губернатора. Они уже знаютъ объ этомъ! Если мы и не исключимъ Шипкина, его все-таки заберетъ въ свои лапы жандармерія, и стало-быть все-таки, volens nolens онъ будетъ исключень, а мы между тѣмъ можемъ подвергнуться со стороны министерства серьезному замѣчанію въ потворствѣ.... заподозрять благонамѣренность нашего правленія, и чѣмъ жъ изъ того выйдетъ? Какая польза, а васъ спрашиваю? Ни себѣ, ни ему! Лучше же умыть руки, сдѣлать достодолжное и—дальнѣйшее предоставить администраціи: какъ тамъ себѣ хотять, такъ пусть и дѣлають, а мы бы въ сторонѣ были!

Подумавъ, предсѣдатель отдалъ свои оба голоса въ пользу исключенія.

Конференція окончилась. Члены совѣта оставаяли залу и выходили на ту площадку, гдѣ ждала скромно одѣтая старушка.

Едва показался инспекторъ, какъ она, въ величайшемъ напряженіи ожиданія, въ борьбѣ между страхомъ и надеждой, молча, но съ выразительнымъ вопросомъ въ глазахъ и во всемъ лицѣ своемъ, подступила къ Антону Антоновичу.

— Къ сожалѣнію, ничѣмъ не могу утѣшить васъ, сударыня, грустно пожалъ онъ плечами:—большинствомъ голосовъ вашъ внукъ присужденъ къ исключенію изъ гимназіи. Завтра утромъ можете явиться за его бумагами.

Старушка страшно поблѣднѣла, нижняя челюсть ся вдругъ какъ-то бессильно отвалилась отъ верхней, подбородокъ замѣтно запрыгалъ, задрожалъ, сама она вся затряслась, и какъ стояла, такъ и хлопнулась на мѣстѣ о каменные плиты помоста.

— Господишь Подвиляньскій! съ силой схватилъ вдругъ Феликса за руку взволнованный Устиновъ.

Онъ говорилъ съ трудомъ, почти задыхаясь. Въ его зрачкахъ сверкало вдохновеніе бѣшенства.

Феликсъ оробѣлъ и попытался.

— Господинъ Подвилянскій, повторилъ онъ, все крѣпче сжимая его руку между локтемъ и кистью: — вы... вы подлецъ!

Это страшное слово было громко и смѣло брошено ему въ лицо въ присутствіи всѣхъ сотоварищей по службѣ, и послѣ этого слова Устиновъ съ презрѣніемъ, даже болѣе, съ омерзѣніемъ, словно отъ какой-нибудь холодной и склизкой гадюки, отдернулъ отъ него свою руку.

— Господа!... господа!... вы слышали? взволнованно забормоталъ потерявшійся учитель: — я этого не могу такъ оставить... Мое имя... моя честь... я требую сатисфакціи!... сатисфакціи!

— Къ вашимъ услугамъ! сходя со ступенекъ и, повидимому, уже спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, обернувшись къ Феликсу, поклонился Устиновъ.

XVI. Вызовъ.

Скромно пообѣдавъ, обычнымъ образомъ, за четвертакъ въ кухмистерской, на Московской улицѣ, но неволью найдя всѣ три блюда какими-то прѣсными, безвкусными, Андрей Павловичъ Устиновъ отправился восвояси выпить чаю да отдохнуть пока часокъ-другой до вечера. Послѣ давишей крутой сцены онъ чувствовалъ какую-то усталость, какой-то упадокъ въ груди; весь онъ какъ-то былъ утомленъ, разбитъ, словно послѣ длиннаго перехода или послѣ долгой непомярной верховой ѣзды, но только это была усталость и разбитость не совсѣмъ физическая, а болѣе моральная, душевная, ощущенія которыя, впрочемъ, почти всегда сопровождаютъ и сильную усталость физическую. Организмъ про силъ сна, покоя, отдыха, потому что экстазъ бѣшенства непремѣнно обезсиливаетъ человѣка.

Послѣобѣденное время было обыкновенною порою когда Хвалынцевъ заходилъ поболтать къ Устинову. Такъ уже дѣлалъ онъ раза три или четыре. Подходя къ дому, учитель и

сегодня почти у самыхъ воротъ столкнулся со старымъ своимъ пріятелемъ. Нынче онъ обрадовался ему болѣе чѣмъ когда-либо: для человѣка очень часто есть томительная потребность подѣлиться съ другою сочувствующею душой своими черезчуръ уже сильными ощущеніями и мыслями которыя переполняютъ вмѣстѣ его внутренняго міра. Тѣмъ отрадѣе потомъ, послѣ этого изліянія, будетъ отдохновеніе несущее съ собой миръ и покой душевный.

Но не успѣли пріятели распить по стакану чаю и не успѣлъ еще Устиновъ окончить свой разказъ какъ въ дверь его постучались.

— Войдите, пригласилъ учитель съ недовольною миной.

Вошелъ Полояровъ вмѣстѣ съ Анцыфровымъ, и оба, не снямая ни пальто, ни калошъ, подошли къ Андрею Павловичу.

— Мы къ вамъ отъ Подвилянскаго, тотчасъ же началъ Ардалионъ, не сядясь по приглашенію, но опираясь на свою дубину: — и предваряю, по весьма нелѣпному порученію, которому я, по моимъ принципамъ, нисколько не сочувствую, но не отказался единственно изъ дружбы. Онъ васъ вызываетъ на дуэль, а мы вотъ секунданты его.

И проговоривъ это, Полояровъ засмѣялся, словно сказалъ или услышалъ самую наивную глупость.

Устиновъ тоже слегка улыбнулся, и въ ожиданіи что изъ этого послѣдуетъ далѣе, слегка поклонился.

— Ну-съ? проговорилъ онъ, вида что Полояровъ, какъ-то переминаясь, комкаетъ свою сѣрую шляпу.

— Да что „ну-съ“?... „Ну-съ“ по-нѣмецки значитъ орѣхъ! А я нахожу что все это глупость! Какая тутъ дуэль? Помоему просто: коли повздорили другъ съ другомъ, ну возьми другъ друга да и потузи сколько душѣ твоей угодно!... Кто поколотилъ, тотъ, значитъ, и правъ!... А то что такое дуэль? Ну что такое дуэль, я васъ спрашиваю? Средневѣковой, феодально-аристократической обычай! Ну и къ чорту бы его!... Но въ этомъ въ Подвилянскомъ все-таки этотъ гороръ еще шляхетскій сидитъ, традиціи, знаете, и прочее... Такъ вотъ угодно что ли вамъ драться?

Устиновъ пожалъ плечами.

— Можетъ-быть, оно и очень глупо, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой: — и спорить объ этомъ мы съ вами, конечно, не станемъ, но... если меня вызываютъ, я не считаю себя въ правѣ отказать, чтобы не подать поводъ, хотя бы даже и госпо-

дину Подвилянскому, обозвать меня малодушнымъ трусомъ. Передайте ему, господа, что я согласенъ.

Это неожиданное согласіе видимо озадачило обоихъ секундантовъ: они словно совсѣмъ и не ожидали получить его.

— Подвилянскій, впрочемъ, требуетъ, торопливо вмѣшался пистунокъ Андифровъ: — чтобы вы при всѣхъ учителяхъ извинились предъ нимъ и взяли назадъ свои слова. Онъ только въ крайности, еслибы вы не согласились на это, предлагаетъ вамъ дуэль.... Въ противномъ случаѣ, онъ поручилъ передать вамъ что онъ найдетъ свою собственную расправу.

Учитель вспыхнулъ отъ негодованія.

— Ну, я хоть и малъ да крѣпокъ, возразилъ онъ весьма внушительнымъ тономъ: — и меня застрашивать да запугивать нечего! Расправа, о которой вы говорите, будетъ для господина Подвилянскаго пожалуй что поубыточнѣе чѣмъ для меня! Но... я, во всякомъ случаѣ, завѣяться не стану, и сколь ни находить это глупымъ господинокъ Полояровъ, предпочитаю дуэль и принимаю вашу вызовъ.

Оба пріятеля опять на нѣкоторое время остались вѣснѣ озадачены такимъ рѣшительнымъ поворотомъ дѣла, и не то недоумѣло, не то совѣщательно переглянулись между собой.

— Когда же вы намѣрены драться? спросилъ Ардалионъ послѣ минутнаго раздумья.

— Это совершенно все равно. Когда ему будетъ угодно.

— Онъ хотѣлъ бы завтра утромъ, такъ, часовъ въ восемь.

— Ну въ восемь такъ въ восемь, я ничего не имѣю противъ.

— А на чемъ вы воевать желаете?

— И это точно также совершенно все равно для меня: я ни на чемъ не умѣю.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-а! Эхъ вы воители!... Какъ же это такъ-то?... Ну не лучше ли же по-моему, на кулачкахъ?... Ха-ха-ха!...

— Впрочемъ, Подвилянскій желалъ бы лучше на пистолетахъ, опять вмѣшался пистунокъ не безъ нѣкоторой многозначительности въ тонъ: — вы какъ на этотъ счетъ думаете, господинокъ Устиновъ?

— Ну, на пистолетахъ такъ на пистолетахъ.

— И будете стрѣлять? недоувѣрчиво, но шутливо спросилъ Полояровъ.

— Васъ, конечно, не попрошу за себя.

— Ха-ха-ха!... Да я и не пошелъ бы. Нашли дурака!... И то ужь и въ секунданты-то такъ только по дружбѣ. Ну, а кто же у васъ секундантомъ-то будетъ?

— Я буду, отозвався Хвалынцевъ.

— Вы?... Ну, очень пріятно!... очень пріятно!... Значить, по крайности, выпивку послѣ того хорошему устроимъ; ась?

— Нѣтъ, ужь пить вмѣстѣ съ господиномъ Подвилянскимъ мы не станемъ, сухо и рѣзко возразилъ Устиновъ,—довольно съ него и этой чести что я не отказываюсь отъ его вызова.

— Ну, ладно! была бы честь предложена, а отъ убитка Богъ избавилъ! Такъ такъ-то съ! Значить, воюемъ! Ну-съ, а вы, господинъ секундантъ, займите ко мнѣ, либо я къ вамъ зайду, прощаясь, обратился Полояровъ къ Хвалынцеву:—надо вѣдь еще насчетъ мѣста условиться.

Студентъ обѣщаль захватить въ девять часовъ вечера, и секунданты Феликса Мартыновича удалились.

— Какъ тебѣ нравится еще эта милая выходка? обратилась, по уходѣ ихъ, учитель къ своему пріятелю.

— Ничего изъ этого не выйдетъ! съ полною увѣренностью отвѣчалъ тотъ:—просто-на-просто запугать хотѣлъ.

— Ну, не на таковского навалъ, дружокъ!... Я, признаться, съ перваго же слова почувствовалъ это. Однако, что жь теперь дѣлать, въ недоумѣніи пожалъ плечами учитель:—вѣдь вся эта штука очень сильно глупостью пахнетъ.

— Такъ-то оно такъ, согласился Хвалынцевъ,— и потому-то вотъ до времени ровно ничего не слѣдуетъ дѣлать. погоди, вотъ въ девять часовъ я поѣду къ нему, тогда поглядимъ, а теперь ложись-ка спать: тебѣ успокоиться надо.

Устиновъ охотно послѣдовалъ совѣту стараго товарища, и проводивъ его отъ себя, завалился на свою кушетку. Не прошло и пяти минутъ какъ онъ уже храпѣлъ глубокимъ и темнымъ сномъ сильно усталого человѣка.

XVII. Въ ожиданіи роковой минуты.

— Ну, братъ Андрюша, вставай! просыпайся! разбудилъ учителя Хвалынцевъ, вернувшись къ нему въ половинѣ десятаго:—дѣло въ серіозъ пошло!... Какъ ни глупо, а драться кажись, и взаправду придется.

— Былъ у Полоярова? протирая глаза, потянулася и звѣнуль Устиновъ.

— Сейчас только оттуда. Деретесь завтра, как назначено, въ восемь часовъ, въ оврагъ.... знаешь, тамъ, въ этой рощѣ за Духовымъ монастыремъ.

— Ну что жь, въ оврагъ такъ въ оврагъ! И прекрасное дѣло! съ напускнымъ равнодушіемъ сказалъ учитель, подымаясь съ постели. Въ сущности же въ эту минуту кѣто жуткое слегка стало похватывать его за душу. — Стало-быть, не отказывается? вопрошительно остановилса онъ предъ Хвалынцевымъ.

— Куда тебѣ!... махнулъ тотъ рукой: — говорить, теперь и слышать не хочеть! У нихъ уже тамъ и пистолеты приготовлены: достали откуда-то. Анцыфровъ такъ и старается около нихъ!

Легкая усмѣшка, выражавшая не то полупрезрѣніе, не то полуравнодушіе, покривила чуть-чуть губы учителя.

— Ну, и пускай!... Ну, и чортъ съ ними! пробурчалъ онъ, принимаясь шагать по комнатѣ.

Около четверти часа прошло въ совершенномъ молчаніи. Хвалынецъ сидѣлъ и барабанилъ ногтями по столу, а Устиновъ все еще продолжалъ расхаживать, и только время отъ времени та же самая полупрезрительная, полуравнодушная усмѣшка появлялась на его губахъ. Порою самому ему казалось будто онъ совершенно равнодушенъ ко всему что бы ни случилось, и дѣйствительно, въ эти мгловенія на него вдругъ напывало какое-то полнѣйшее, абсолютное равнодушіе; а порою это жуткое *ничто*, этотъ невольный цистиктъ молодости, жизни и самохраненія опять-таки хваталъ и щемилъ его сердце. Въ эти-то послѣднія минуты на губахъ его и появлялась та принужденная усмѣшка, посредствомъ которой сиделся онъ если не прогнать и разсѣять, то хоть не выдать своихъ ощущеній.

— Послушати! прервалъ наконецъ Хвалынецъ это молчаніе, и отъ внезапнаго звука его голоса Устиновъ какъ-то чутко вздрогнулъ: — ты совсѣмъ-таки не умѣешь стрѣлять?

— Всесовершеннѣйше не умѣю.

— Гм! Это неудобно!... Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты не отказался? Вѣдь выборъ оружія на твоей сторонѣ.

— Э, Боже мой! Да не все ли равно? Вѣдь я жь говорю тебѣ что я ни на чемъ не умѣю.... Развѣ только „на кулачьяхъ“, какъ говорилъ Полодоровъ, да и на тѣхъ не пробовалъ.

Опять на нѣкоторое время сосредоточенное молчаніе смѣнилось короткій разговоръ ихъ.

— А вотъ что было бы не дурно! придумаешь студентъ по прошествіи нѣкотораго времени: — у меня тамъ, въ номерѣ, есть съ собою револьверъ, такъ мы вотъ что: завтра утромъ встанемъ-ка пораньше да отправимся хоть въ ту же роццу.... Я тебѣ покажу какъ стрѣлять, какъ цѣлить.... все же-таки лучше; хоть нѣсколько выстрѣловъ предварительно сдѣлаешь, все же наука!

Устиновъ махнулъ рукой.

— Чего ты махаешь?

— Не стоить, мой ангелъ, ей-Богу не стоить! промолвилъ онъ съ равнодушною гримасой:—вѣдь ужъ коли всю жизнь не бралъ пистолета въ руки, такъ съ одного урока, все равно, не научишься.... Да и притомъ же.... мнѣ такъ сдается.... что въ человѣка цѣлить совсѣмъ не то что въ мишень, хоть бы этотъ человѣкъ былъ даже и Феликсъ Подвилянскій, а все-таки....

Хвалынцевъ молча согласился съ этимъ мнѣніемъ.

— А ты вотъ что, предложилъ ему учитель:—коли хочешь, такъ оставайся ночевать у меня, а тебѣ въ той комнатѣ свою постель уступлю, а самъ на кушеткѣ.... А завтра встанемъ пораньше и отправимся. Идетъ что ли?

Студентъ согласился, и кое-какъ скоротали они остатокъ вечера. Устиновъ взялся за книгу, Хвалынцеву тоже попался истрепанный номеръ какого-то журнала, и они принялись за чтеніе, изрѣдка перекидываясь между собою кой-какими незначащими фразами и замѣчаніями. Разговоръ въ этотъ вечеръ, вообще, какъ-то не клеился между ними. Наконецъ студентъ пожелалъ учителю спокойной ночи и удалился въ его спальню, а тотъ межъ тѣмъ долго и долго еще сидѣлъ надъ своею книгой; только читалось ему нынче что-то тихо и больно ужъ разсѣянно, хотя онъ и всѣми силами напрягалъ себя чтобы постороннею книгой отвлечь отъ завтрашняго дня свои не совсѣмъ-то веселыя мысли.

По утру онъ проснулся первымъ, умылся, одѣлся и совсѣмъ бодро и даже довольно весело пошелъ будить Хвалынцева, объявляя ему что ужъ половина седьмаго и самоваръ уже поданъ.

Хвалынцевъ быстро, на босую ногу, вскочилъ съ постели, взялъ за плечи учителя, и повернувъ его къ свѣту, сталъ вглядываться ему въ лицо.

— Чего ты смотришь? удивился тотъ.

— Ничего, молодець! Какъ и быть надлежитъ, однимъ словомъ, свѣжъ и душистъ! и духъ бодръ, и плоть не немощна, такъ и свѣдуетъ! Са іга! са іга! весело подпѣлъ онъ въ заключеніе, предполагая что его веселость поддержитъ въ товарищѣ достодолжную твердость и необходимое спокойствіе духа. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже одѣтъ, и пріятели усаиись за чай.

— Однако, распорядилась ли ты? озабоченно спросилъ студентъ.

— То-есть, что это? насчетъ извощика? Найдемъ!

— Какой тамъ „извощикъ“!... Я спрашиваю.... вѣдь всако можетъ случиться.... почему знаты!...

— То-есть, коли подстрѣлять?

— Ну, хотъ и такъ!

— Такъ что жъ такое?

— Ну, все жъ-таки.... письмо къ кому какое.... завѣщаніе тамъ, что ли.... родные, можетъ....

Устиновъ искренно разсмѣялся.

— Эка о чемъ заботится!... А мнѣ и не въ домекъ! Нѣтъ, ангель мой, вздохнулъ онъ: — писать мнѣ не къ кому, завѣщать нечего.... вѣдь я, что называется, „бѣдна, красна сирота—веселаго живота“; плакать, стало-быть, некому будетъ.... А есть кое-какіе должшкі пустячные, рублей на сорокъ; тамъ въ бумажники записано.... счетъ есть. Ну, такъ ежели что, продай вотъ вещи да книги, да жалованья тамъ еще есть за полмѣсяца, и буду я, значить, квитъ!

— А больше ничего? пытливо взглянулъ на него Хвалынцевъ.

— Больше?... Да что больше-то? Больше ничего. Клянйся хорошимъ людямъ.... Татьянѣ Николаевнѣ клянйся, прибавилъ учитель какъ-то застѣнчиво и словно не-хотя.

Хвалынцевъ бросилъ на него быстрый и скользящій взглядъ еще пытливѣе прежняго: ему почуялось что въ голосѣ пріятеля дрогнула, при этихъ послѣднихъ словахъ, какая-то нотка, болѣе нервная и теплая чѣмъ та которую могло бы вызвать чувство одной только простой дружбы.

— Да, впрочемъ, признаться сказать, примолвилъ Устиновъ: — я и самъ не знаю почему, только совсѣмъ не разчитываю нынче быть убитымъ. Вчера, казалось, будто и да, а выпался—какъ рукой сняло!

— А что и въ самомъ дѣлѣ? схватился съ мѣста студентъ—

какъ вдругъ этотъ Подвилянскій возьметъ да и не придетъ на дуэль-то? Вотъ будетъ штука-то!

— Ну ужъ это было бы глупѣ всего. Мы-то тогда ужъ совсѣмъ дураковъ изъ себя разыграемъ, добрымъ людямъ на потѣху. Впрочемъ, нѣтъ, увѣренно прибавилъ Устиновъ, — не думаю, онъ хоть и мерзецъ, а этого не сдѣлааетъ.

Въ это время кто-то постучался въ двери. Пріятели изумленно переглянулись: „кто бы могъ быть въ такую пору столь раннимъ посѣтителемъ?“ Вдругъ, къ удивленію ихъ, вошли вчерашніе секунданты.

— Чтò же, господа, вы за нами чтò ли? пошелъ къ нимъ навстрѣчу Хвалынцевъ: — а мы думали встрѣтиться съ вами тамъ?

— Нѣтъ-съ, мы тамъ не встрѣтимся, сухо и вскользь поклонился Полояровъ, не подавая руки.

— Господинъ Устиновъ! самымъ офиціальнымъ образомъ обратился онъ къ Андрею Павловичу: — нашъ другъ, Подвилянскій, поручилъ передать вамъ что послѣ всего того чтò мы узнали о васъ вчера самымъ положительнымъ образомъ, онъ съ вами не дерется: порядочный и честный человекъ не можетъ драться со шпиономъ тайной полиціи. И оскорбленіе ваше, значить, само себя херить!

Ошеломленный Устиновъ не успѣлъ еще опомниться и придти въ себя какъ Полояровъ со своимъ спутникомъ уже удалились самымъ поспѣшнымъ образомъ. Въ этой поспѣшности, конечно, не малую роль играло серьезное опасеніе за несокрушимость своихъ шей, боковъ и физиономій.

Хвалынцевъ раньше его собрался съ мыслями послѣ столь неожиданнаго пораженія, и какъ сидѣлъ на кушеткѣ, такъ и покатился со смѣху.

Устиновъ вопросительно обернулся на него.

— Чему ты заливаешься?

— Ха, ха, ха, ха, ха!... Вотъ тебѣ и шляхетскій гоноръ!... Вотъ тебѣ и бретеръ!... Ха, ха, ха!... Однако, выкинулъ же, бестія, штуку!... Увернулся!... Находчиво, нечего сказать, весьма находчиво!... Ахъ, какой же это мерзецъ, однако!...

— Да! съ раздумчивою усмѣшкой проговорилъ Устиновъ. — Однако.... чтò жь это въ самомъ дѣлѣ!... Ужъ и шпиономъ... Тьфу ты! Какая гнусная мерзость! съ презрительнымъ отвращеніемъ сплюнулъ онъ въ сторону.

XVIII. Au profit de nos raucres, спектакль благородныхъ любителей съ живыми картинами.

Ея превосходительство madame Гржибъ-Загжимбабло, все время пока дались разказанныя нами происшествія, была въ большихъ хлопотахъ и заботахъ. Пикникъ на картинномъ берегу рѣки, балъ и спектакль благородныхъ любителей, вотъ сколько важныхъ и многообразныхъ вещей надлежало устроить ея превосходительству, создать ихъ силою своего ума, вдохновить своею фантазіей, освятить своимъ участіемъ и сочувствіемъ, провести въ общество, и кодко двинуть все дѣло своимъ желаніемъ, своимъ „я такъ хочу“. Madame Гржибъ разочла что лучше всего начать благороднымъ спектаклемъ, продолжить пикникомъ и завершить баломъ.

Весь Славнобубенскъ встрепенулся и оживился при вѣсти о благородномъ спектаклѣ, а въ Славнобубенскѣ вѣсти разлетаются съ неимоверною быстротой. Всѣ эти madames Чапыжниковъ, Ярыжниковъ, и Фелисата Егоровна, и Нина Францовна, и Петровы, и Ершовы, и Сидоровы перепомошались и засуетились и забѣгали другъ къ другѣ словно посыпанные бурой тараканы. Но болѣе всѣхъ расстрожилась шестерикъ княжень Чухломинскихъ, которыхъ остроумецъ и философъ Подхалютинъ довольно мѣтко презвалъ княжнами Тугоуховскими. Извѣстно что ни одинъ губернской городъ, не обходящійся безъ своего мѣстнаго остроумца, не можетъ обойтись и безъ своихъ княжень Тугоуховскихъ. Княжны Тугоуховскія необходимо должны быть въ каждомъ добropорядочномъ губернскомъ городѣ Россійской Имперіи, и притомъ въ количествѣ не менѣе шести. У княжень необходимо есть князь-папа и княгиня-таман; былъ у нихъ и князь-дѣдушка, котораго они знаютъ только по закомтѣлому фамильному портрету и который былъ очень богатъ и очень знателъ, но жизнь велъ черезчуръ уже широкую, и потому оставилъ князю-папа очень маленькое наследство, а князь-папа служившій нѣкогда въ гусарахъ постарался наследство это сдѣлать еще менѣе, такъ что шестерикъ княжень въ сущности причитается къ лику бѣдныхъ вѣствъ, и двѣ старшія княжны мажорное уже на всю свою

жизнь останутся невѣстами неневѣстными. Но въ силу своего княжескаго титула, онѣ всегда стараются держаться около высшихъ властей губернскихъ и составляютъ „высшее общество“; и каждый губернаторъ, каждый предводитель считаетъ какъ бы своею обязанностью доставлять княжнамъ скромныя развлечения, приглашать ихъ въ свою ложу и на свои вечера, причемъ княженъ привозятъ и отвозятъ въ каретѣ того кто пригласилъ ихъ, потому что у князюпапа нѣтъ своей кареты. По скромности состоянія княжны Тугоуховскія не могутъ жить въ Москвѣ (о Петербургѣ нечего ужъ и говорить) и принуждены прозябать и увядать въ противномъ Славнобубенскѣ, гдѣ у нихъ находятся еще покуда, какъ остатокъ прежняго величія, старый деревянный домъ, во вкусѣ старинныхъ барскихъ затѣй, съ большимъ, но запущеннымъ садомъ.

Итакъ шестерикъ княженъ Чухломинскихъ переполошился чуть ли не болѣе всѣхъ остальныхъ дамъ и дѣвицъ славнобубенскихъ. Большая часть дамъ и дѣвицъ втайнѣ тревожились неизвѣстностью получатъ ли онѣ *отъ самой* мадамъ Гржибъ приглашеніе на любительскій спектакль или не получатъ, что конечно будетъ для нихъ величайшимъ афронтомъ. Инымъ хотѣлось самолично участвовать въ спектаклѣ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, дабы публично обнаружить свои таланты и прелести, причемъ особенно имѣлся въ виду блистательный гость: каждая мечтала такъ или иначе затронуть его сердце, и поэтому каждая наперерывъ другъ предъ дружкой изошряла всѣ силы остроумія и фантазіи насчетъ туалета. Положеніе княженъ Тугоуховскихъ было печальнѣе чѣмъ можно себя вообразить. Всѣмъ шестерымъ непремѣнно хотѣлось участвовать и въ спектаклѣ, и въ живыхъ картинахъ, и онѣ знали что неизбѣжно будутъ участвовать и въ томъ и въ другомъ, а особенно въ живыхъ картинахъ, потому что и мадамъ Гржибъ, и графиня де-Курси всегда къ нимъ очень благосклонны, княжны такъ наивно и такъ котячьи-нѣжно умѣютъ къ нимъ ласкаться. Дѣло, конечно, не обойдется безъ участія княженъ Чухломинскихъ, хотя бы ради одной представительности, заключающейся въ ихъ княжескомъ имени, — ну, да и мадамъ Гржибъ, съ высоты своего губернаторскаго величія, никогда не забывала протектировать бѣдныхъ, но титулованныхъ невѣстъ и потому при всякомъ подходящемъ случаѣ выдвигала ихъ на выставку. Но вотъ въ чемъ главная

бѣда и величайшее горе: къ спектаклю и особенно къ живымъ картинамъ придется дѣлать новые костюмы, свѣжіе туалеты, а тамъ еще балъ въ виду имѣется, значитъ, опять нужны свѣжія платья, а тутъ на прошлой недѣлѣ князь-папа изволилъ въ клубѣ проигратъ, и денегъ въ виду никакихъ и ни откуда! Ни модистка Узодъ, ни портниха Боришина, ни купецъ Ласточкинъ, того и глады, не отпустятъ въ кредитъ матеріалу; придется просить, выпрашивать, утѣрять, кланяться и, можетъ-быть, все это понапрасну. Поэтому весь княжескій домъ былъ преисполненъ вздохомъ, охотъ, истерическихъ всхлипываній и бранчивыхъ возгласовъ. Княгиня-татап нервно корила князя-папа въ томъ что онъ не отецъ дѣтямъ, а прямой расточитель, что онъ не хочетъ счастья своихъ дочерей, губить ихъ молодость, ихъ судьбу, ихъ карьеру. Князь-папа пыхтѣлъ изъ своего длиннаго черешневаго чубука и громко желалъ себѣ провалиться въ преисподнюю изъ этого каторжнаго дома. Двѣ старшія княжны поругались съ татап, поругались съ папа, поругались съ сестрицами, со своею злосчастною горничной, которая наконецъ просто очумѣла, огаупѣла и сбилась съ толку отъ бѣготни, хлопотъ, подшиванья, глаженья, брани и крику. Въ заключеніе обѣ старшія княжны переругались между собою и теперь обѣ лежали въ истерикахъ, а младшія княжны продолжали свое: кто вертѣлася предъ зеркаломъ въ залѣ, повторяя на вальса, кто продолжалъ еще доканчивать прежнюю брань и крики, и слезы. Словомъ сказать, князь-папа былъ совершенно правъ, когда назвалъ домъ свой каторжнымъ и всю эту чепуху и сумятицу сушимъ Содомомъ.

Анатоль со Шписсомъ изрыскалъ весь городъ, объявляя повсюду что одинъ играетъ въ Тургеневской *Провинціалкѣ* графа, а другой будетъ Финтикомъ въ *Москвѣ Чарльоникѣ*. Анатоль цѣлыя утра проводилъ предъ зеркаломъ, громко разучивая свою роль по тетрадкѣ, превосходно переписанной писцомъ губернаторской канцеляріи, и даже совершенно позабылъ про свои прокурорскія дѣла и обязанности, а у злосчастнаго Шписса, кромѣ роли, оказались теперь еще сугубо особыя порученія которыя ежечасно давали ему то monsieur Гржибъ, то madame Гржибъ, и чернявкій Шписсъ слома голову леталъ по городу, заказывая для генеральши различныя принадлежности къ спектаклю; то устраивалъ оркестръ и руководилъ капельмейстера, то толковалъ съ

подрядчикомъ и плотниками, оставившими въ залѣ дворянскаго собранія временную сцену (играть на подмосткахъ городскаго театра madame Гржибъ нашла въ высшей степени неприличнымъ), то объяснялъ что-то декоратору, приказывалъ о чемъ-то костюмеру, глядѣлъ парики у парикмахера, порхалъ отъ одного участвующаго къ другому, отъ одной „благородной любительницы“ къ другой, и всѣмъ и каждому старался угодить, сдѣлать что-нибудь пріятное, сказать что-нибудь любезное, дабы всѣ потому говорили: „ахъ, какой милый этотъ Шписсъ!“ Что касается, впрочемъ, до „мелкоты“ въ родѣ подрядчика, декоратора, парикмахера и тому подобной „дряни“, то съ ними Шписсъ не церемонился и „приказывалъ“ самымъ начальственнымъ тономъ: онъ вѣдъ тоже зналъ себѣ дѣву.

Наконецъ роли кое-какъ были розданы, причеиъ не обошлось безъ великихъ затрудненій. Что касается до *Провинциалки* и *Москаля*, то насчетъ этихъ пьесъ не могло уже быть ни малѣйшихъ возраженій и разговоровъ, ибо сама прелестная madame Гржибъ взяла на себя главную роль какъ въ той, такъ и въ другой, и закрѣпила постановку ихъ своимъ непрекословнымъ „я такъ хочу“. Но бѣда произошла съ водевилемъ: всѣ дамы непременно хотѣли играть первую роль, но никто не желалъ играть старуху; еще менѣе того нашлось желающихъ взять на себя роль горничной которая была единогласно сочтена за предосудительную и унизительную. Супруга одного уѣзднаго предводителя не на шутку обидѣлась, когда Шписсъ предложилъ ей дочери взять на себя „эту рольку“. Молоденькой барышнѣ сильно хотѣлось заявить свой талантъ, хотя бы даже въ роли горничной, но маменька наотрѣвъ запретила ей и думать о спектаклѣ, сочтя все это дѣло за желаніе со стороны губернаторши пустить ей шпильку и усмотрѣвъ въ немъ даже оскорбленіе всему дворянскому сословію, почему и поспѣшила заявить Шписсу что отнынѣ нога ея не будетъ не только что въ спектаклѣ, но и въ домѣ самой губернаторши. Напрасно клялся, увѣрялъ и распинался злосчастный Шписсъ, напрасно хныкала барышня, гордая матрона осталась непреклонною и очень сухо откланялась черемьяному Шписсу. Шписсъ уѣхалъ въ отчаяніи, приходилось просто хотъ самому играть и старуху, и горничную. Наконецъ-то подыскали для горничной какую-то бѣдную сироту, изъ чьихъ-то безгласныхъ племянницъ или

воспитанницъ, а старуху почти-что приказали сыграть супругъ какого-то частнаго пристава, и любительскій спектакль, слава Богу, былъ окончательно обставленъ. Маленькій Шписсъ впервые вздохнулъ свободно.

Начались репетици, которыя такъ любятъ артисты-„любители“ въ родѣ прелестнаго Анатоля, и такъ не жалуяютъ ревнивые супруги иныхъ „любительницъ“. Во всѣ дни пока продолжаютъ любительскія репетици, — блаженное время для влюбленныхъ, заинтересованныхъ и ухаживающихъ, — городскіе сплетни начинаютъ разрастаться и идутъ все crescendo и crescendo, завершаясь въ концѣ концовъ обыкновенно нѣсколькими ссорами и даже скандалами.

Сама губернаторша имѣла обыкновеніе часомъ и даже двумя опаздывать на репетицію, при чемъ всѣ остальные должны были кротко и терпѣливо дожидаться прибытія ея превосходительства. Являлась она не иначе какъ въ черномъ платьѣ, въ черныхъ гипюрахъ, въ черныхъ перчаткахъ, съ черными четками на шеѣ, съ которыхъ спускался на грудь черный крестъ, сдѣланный такъ что имѣлъ видъ креста сломаннаго Ни единой цвѣтной ленточки не было замѣтно въ строго-траурномъ нарядѣ генеральши, только изъ-подъ четокъ сквозило серебро небольшой брошки, которая изображала одноглаваго орла съ поднятыми крыльями. Тридцати-двухлѣтняя мадамъ Гржибъ, — надо отдать ей полную справедливость, — въ своемъ одноцвѣтномъ и строго обдуманномъ нарядѣ казалась очень эффектною женщиной и была даже хороша. Славнобубенцы замѣтили что съ нѣкотораго времени это черное платье и эти украшенія сдѣлались неизмѣннымъ костюмомъ губернаторши. Графиня де-Курси, — единственная дама которая дерзала еще ставить себя почти на одну доску съ нею, — изъ подражанія ей, тоже облекала себя въ черное, воображая въ началѣ, до разъясненія дѣла, что это „англоманія“. И шестерикъ князь Чухломинскихъ, само собой, не отставалъ отъ своихъ протектрисъ, благо черныя платья, сшитыя еще два года назадъ, когда померла ихъ тетка, нашлись подъ рукой. Теперь платья были только почищены да передѣланы на болѣе модный, современный фасонъ. И глядя, чрезъ нѣкоторое время, почти все что только имѣло претензію причислять себя къ славнобубенскому „порядочному обществу“, необыкновенно возлюбило черныя платья, видя этотъ цвѣтъ самымъ изящнымъ выраженіемъ высшего

comme il faut. Особенно жены чиновниковъ стремились подражать губернаторшѣ. Мода вообще заразительна, а мода, инициатива которой исходитъ отъ власти, становится почти обязательною для каждой благонамѣренной чиновницы. Въ Славнобубенскѣ же мода эта особенно пошла въ ходъ послѣ одного маленькаго случая. Madame Прудко явилась на одну изъ репетицій въ яркомъ, цвѣтномъ платьѣ, въ яркой сѣткѣ и въ яркихъ перчаткахъ. Губернаторша только молча покосилась на эту праздничную яркость и перекинулась взглядомъ съ графиней де-Курси которая изобразила на губахъ своихъ легкую пренебрежительную усмѣшку. Когда madame Прудко подлетѣла къ нимъ съ поклономъ, графиня, сухохато протянувъ руку, спросила ее какъ-то сквозь зубы:

— Чтò это вы, ма сèге, именины сегодня празднуете?

Madame Прудко нашла себя очень „афрапированною“ такимъ страннымъ вопросомъ, и весьма удивленная, съ живостью отвѣтствовала:

— Именины?!.. Нѣтъ. А чтò?

— Ваше платье.... вашъ костюмъ....

Графиня не договорила и только плечами пожала въ заключеніе.

— А чтò же? Это платье Узòд мнѣ шила по зимней картинкѣ, возразила Прудко.

— О, я въ этомъ увѣрена! подхватила графиня: — но.... эта яркость.... ма сèге, такое ли теперь время чтобы радоваться, носить цвѣтное!... Пожауйста! вспомните что на бѣломъ свѣтѣ творится!... Люди страдаютъ, мученики гибнутъ, вездѣ слезы, скорбь.... Знаете ли, ма сèге, скажу вамъ по-секрету, между нами, въ такихъ обстоятельствахъ, нѣчему намъ особенно радоваться.... Черный цвѣтъ приличнѣе.... и тѣмъ болѣе что это мода.... Взгляните, напримѣръ, на Эмилию Александровну: не выходитъ изъ чернаго цвѣта.

Madame Прудко хотя и не совсѣмъ-то ясно уразумѣла гдѣ это слезы и скорбь, и какіе именно мученики гибнутъ, однако убѣжденная послѣднимъ аргументомъ касательно губернаторши, на другой же день облеклась въ черное и, по секрету, разблаговѣстила всѣмъ пріятельницамъ о своемъ разговорѣ съ графиней.

И вскорѣ послѣ этого, элегантный Славнобубенскъ щеголялъ уже въ траурѣ, отыскивая по всѣмъ галантерейнымъ лавкамъ черныхъ крестовъ и четокъ, а Славнобубенскъ

невегантный покамѣсть все еще продолжалъ косячь въ своемъ цвѣтномъ невѣжествѣ.

За недѣлю до спектакля билеты почти уже всѣ были разобраны. Это показываетъ, во первыхъ, какъ Славнобубенскъ интересовался игрою „благородныхъ любителей“, а вовторыхъ объясняется оно тѣмъ что предварительную продажу билетовъ взяла на себя сама Эмилиа Александровна, задніе же ряды были поручены полицеймейстеру, а тотъ уже „принялъ свои мѣры“ чтобы всѣ билеты были пораспиханы, и въ этомъ случаѣ,—хочешь не хочешь,—отдувалось своими карманами преимущественно именитое купечество. Всякій благонамѣренный гражданинъ, желая заявить свое усердіе, спѣшилъ воспользоваться случаемъ чтобы лично, изъ ручекъ ея превосходительства, заполучить билетецъ. Ея превосходительство распорядилась назначить цѣну мѣстамъ вообще довольно высокую и при этомъ печатно заявила что всякое пожертвованіе будетъ принято ею съ благодарностью. Послѣ этого, понятное дѣло, ей только и оставалось изъявлять благодарности.

Пріѣзжаетъ къ ней, напримѣръ, какой-нибудь господинъ съ визитомъ. Первымъ дѣломъ, послѣ нѣсколькихъ словъ незначащаго разговора, она приступала къ гостю:

— Ахъ, да! *monsieur такой-то*, вы, конечно, будете въ нашемъ спектаклѣ?

Монсіеиr такой-то спѣшитъ любезнымъ склоненіемъ головы подтвердить ей полное и всенепремѣнное свое намѣреніе присутствовать на любительскомъ представленіи.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте предложить вамъ билетъ.... Видъ вы не запасаетесь еще?

И генеральша, тутъ какъ тутъ, вытаскила уже карточку изящно отпечатанную на гласированномъ пергаментѣ. *Монсіеиr такой-то* съ любезною застѣнчивостью осѣдомляется что это стоить.

— О, это вполнѣ зависитъ отъ вашего добраго желанія предупреждаетъ губернаторша:—чѣмъ больше тѣмъ лучше! Видъ это въ пользу бѣдныхъ. Вы доброе дѣло сдѣлаете!

Прелестная женщина произноситъ эти слова съ такимъ прелестнымъ выраженіемъ просьбы, доброты и человѣколюбія, что *monsieur такой-то* тотчасъ же изображаетъ улыбкой свою полнѣйшую и вселюбезнѣйшую готовность заклать самого себя въ пользу милыхъ бѣдныхъ губернаторши. И

вотъ, въ шкатулку ея превосходительства прячется синяя или красная депозитка, за мѣсто стоящее два или три рубля. Ея превосходительство благодаритъ такъ мило, и граціозно протягивая для пожатія свою благоухающую руку, прибавляетъ съ такою очаровательною кокетливостью:

— Смотрите же, хлопайте мнѣ, вѣдь я сама играю!

И господинъ увѣзжаетъ, обѣщая не жалѣть для нея ни перчатокъ, ни ладоней.

Съ другими же господами которые, чтò называется, на карманъ туговаты, Эмилія Александровна принимала тактику иного рода, и эту тактику мы могли бы назвать милымъ нахальствомъ. Получивъ билетъ, освѣдомляется, напримѣръ, господинъ о выставленной на немъ цѣнѣ своему мѣсту и вытаскиваетъ изъ кармана какія-нибудь двѣ желтенькія бумажки. Генеральша тотчасъ же встрѣчаетъ ихъ своимъ кокетливымъ удивленіемъ:

— Чтò это! Только-то? Это въ пользу моихъ-то бѣдныхъ? произносить она съ милою недовольною гримаской:—фи, какой вы не добрый! Какой вы скупой! Извольте жертвовать больше, чтобъ я могла поблагодарить васъ, а то, еслибы знала я это, такъ и билета не дала бы вамъ.

Господинъ конфузится, неловко улыбается и, нечего дѣлать, вытаскиваетъ добавочныя деньги.

А съ цѣлыми, кто желалъ жертвовать рубля два или три сверхъ номинальной цѣны, но не имѣя при себѣ мелкихъ бумажекъ, подавали губернаторшѣ для сдачи какую-нибудь красную, а не то и лиловую депозитку, она обращалась еще съ большею безцеремонностью:

— Чтò это, сдачу хотите? (При этомъ слѣдовалъ все тотъ же граціозно-удивленный взглядъ). Но у меня нѣтъ мелкихъ; я не имѣю сдачи; значить, ужъ надобно жертвовать все.... Я васъ буду очень, очень благодарить за это, отъ лица моихъ милыхъ бѣдныхъ!

И генеральша съ невыразимою любезностью, съ невыразимо пріятнымъ взоромъ и улыбкой потрясаетъ руку невольническому жертвователю.

И такимъ образомъ, еще задолго до спектакля, въ ея изящной шкатулкѣ накопилась уже весьма и весьма порядочная сумма.

Наконецъ наступилъ и парадный часъ „благороднаго спектакля.“ Нечего разказывать о томъ что зала была биткомъ набита публикой, ореди которой собрался весь цвѣтъ славно-бубенскаго общества, что madame Гржибъ въ роли madame Ступендыной была встрѣчена громомъ рукоплесканій, причемъ ей была подана изъ оркестра прелестный букетъ, плодъ особенныхъ стараній находчиваго Шписса. Скажемъ только что Ступендына блистала изяществомъ своихъ манеръ, прелестный Анатоль явился прелестнѣйшимъ графомъ, и всѣ прочіе артисты далеко уступали имъ въ изяществѣ; за то роли свои выдолбили превосходно. *Москаль Чаристинъ* прошелъ столь же блистательно. Майоръ Перехонинъ, командиръ баталіона внутренней стражи, изображалъ солдата и явился предъ публикой истиннымъ бурбономъ, что было весьма характерно и все время сопровождалось аплодисментами. Madame Гржибъ, въ роли козачки Татьяны, пѣвила всѣхъ своимъ костюмомъ и своимъ пѣніемъ. Цѣль ея была почти достигнута: баронъ Иксъ фонъ-Саксенъ плавалъ въ морѣ восторга и все время щурился на нее сладостными взорами. Но когда усердно преданный Шписсъ, въ видѣ приказнаго Фантика, выползъ изъ-подъ печи, весь перепачканный сажей, и смиренно поползъ на колышкахъ, восторгамъ и хохоту публики не было конца. Предводитель князь Кейкулатовъ даже расчихался отъ смѣху, а Непомукъ хохоталъ всею утробой и всѣмъ софнѣемъ своимъ, такъ что трудно было рѣшить чего издастъ онъ болѣе: хохоту или софнѣю? Непомукъ, въ тотъ же счастливый мигъ, рѣшилъ что Шписса необходимо нужно представить къ слѣдующей наградѣ. Водевиллю аплодировали менѣе, потому что губернаторша въ немъ не участвовала, а игру частной приставши даже очень многіе весьма раскритиковали, хотя приставша отличалась яичуть не хуже прочихъ.

Наконецъ пошла живая картина, главное поприще шестерыхъ княженъ Чухломинскихъ, madame Пруцко и mesdames Чалыжниковъ съ Ярыжниковой. Три старшія княжны изобразили собою трехъ Грацій. Весь шестерикъ кое-какъ уладилъ свои затрудненія относительно костюмовъ. Купецъ Ласточкинъ, дѣйствительно, не возжелалъ отпустить имъ матерій, а madame Ойсап не бралась шить и ставить прикладъ, но княжны заявили о своемъ слезномъ горѣ Эмили Александровнѣ, и ея превосходительство въ ту жь минуту откомандировала Шписса къ непокорному невяжѣ

Ласточкину, съ приказаніемъ немедленно отпустить подобающее количество разныхъ матерій, по приложенному реестру княженъ, а модистку Ойсеа велѣла позвать къ себѣ, переговорила съ нею о чемъ-то наединѣ, и madame Ойсеа въ три дня пошла костюмы на весь шестерикъ. Такимъ образомъ княжны были и обуты, и одѣты, и на показъ публикѣ поставлены. Mesdames Ярыжниковъ, Чапыжниковъ и Пруцко аллегорически изобразили изъ себя три рѣки: Вислу, Оку и Волгу. Висла печально, но гордо стояла поодаль, а Волга принимала Оку въ свои объятія. Одна изъ среднихъ княженъ Чухломинскихъ предстала въ видѣ Свободы, одѣтой въ красную фригійскую шапку, и острословъ Подхалютинъ довольно громко замѣтилъ при этомъ что Свобода ничего бы себѣ, да жаль что больно тощая. Замѣчаніе его найдено иными неприличнымъ, а иными иносказательнымъ. Вслѣдъ за этимъ, madame Гржибъ показала себя полупрозрачною Вакханкой у ручья и никакъ не воздержалась чтобы не метнуть при этомъ на барона взоръ весьма выразительнаго свойства. Непомукъ, увидя супругу свою въ столь соблазнительномъ видѣ, опустилъ глаза долу и поскорѣе полѣзъ въ задній карманъ за золотою табакеркой чтобы въ медленной полюшкѣ табаку найти себѣ приличное занятіе, пока длится эта краснорѣчивая картина. Добавить ли что появленіе супруги въ такомъ видѣ, показала ему втайнѣ не совсѣмъ-то удобнымъ ощущеніемъ? За то баронъ чуть не подпрыгнулъ на кресла отъ избытка сладострастнаго восторга; за то публика разразилась восторженными рукоплесканіями; за то усердно преданный Шписсъ замаралъ отъ почтительнаго и въ то же время дерзостнаго (до известной степени) наслажденія. Послѣ „Вакханки у ручья“ слѣдовала картина подъ названіемъ *Фонтанъ невинности*. На картинѣ стоялъ картонный барашекъ, а подлѣ барашка вторая средняя княжна Чухломинская съ опрокинутою урной въ рукахъ, изъ которой примѣрно истекала въ бассейнъ фольговая вода. Подхалютинъ пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе и спросилъ гдѣ же тутъ собственно невинность, въ княжнѣ или въ кувшинѣ, и если въ кувшинѣ, то напрасно княжна „Тугоуховская“ столь безразчетно тратитъ ее, и что напрасно не участвуетъ въ этой прекрасной картинѣ mademoiselle Сидорова. Сидѣвшая рядомъ съ нами подруга Сидоровой, ради которой собственно и была

пущена острословомъ эта выходка, ничего ему не возразила, но за то весьма коварно и не безъ удовольствія улыбкулась. Было и еще двѣ или три картины, въ родѣ пляски съ тамбуриномъ, Ангела ночи, Амура и Психеи, которыя, всѣ до единой, приняты публлкою съ полнымъ одобреніемъ. Одинъ только Подхамютичъ оставался не совсемъ доволенъ, но и то потому что на предварительномъ совѣщаніи относительно картинъ не было принято его предложеніе.

— Помилуйте, говорилъ онъ:—я предлагаю икъ поставить двѣ русскія и очень поучительныя картины. Обѣ изъ басенъ Крылова. Одну *Лягушки просилия царя*, а другую *Квартетъ*. „Помилуйте, говорятъ мнѣ; какъ же это лягушекъ вдругъ изображать? кто же ставитъ лягушками?“ Какъ, Боже мой, кто! А мадамъ Прудко? а Чашкинкова съ Ярыжниковой? а Федисата? да и мало ли ихъ тутъ? И чѣмъ же не годятся? А что касается до *Квартета*, то тутъ даже и костюмовъ не надо: возьмите просто членовъ губернскаго правленія и поставьте—цѣликомъ, какъ есть будетъ картина въ лицахъ! И притомъ очень поучительно!

Но блестящеѣе всего было заключеніе этого спектакля. Мадамъ Гржибъ заранѣе еще задумала поразить почтеннѣйшую публику неожиданнымъ сюрпризомъ. Никто не ожидалъ ея появленія, какъ вдругъ, при громѣ удалой мазурки поднялась завѣса, и изумленнымъ очамъ зрителей предсталъ ея превосходительство въ польскомъ національномъ костюмѣ... Малиновая конфедератка съ бѣлымъ султаномъ лихо была взброшена на бекрень, рукава бѣлаго кунтуша еще лучше откинута назадъ, красныя сапожка со шпорами изящно облегли икры вкусныхъ ножекъ генеральши, въ рукахъ бельгійскій штуцеръ, сбоку блестящая сабля. Эмилія Александровна произвела рѣшительный фуроръ. Даже самъ Непомукъ, не смотря на всю свою солидную осторожность, не выдержалъ и усиленно захопалъ въ ладоши, а баронъ просто ослабѣлъ отъ избытка наслажденія, и упоенно втягивая въ себя воздухъ, какъ-то шипяще вздыхалъ: „charmant! charmant!...“ Пшецыньскій не хлопалъ, но сладко улыбался и замхватски покручивалъ да пощипывалъ своей русый усъ: онъ былъ очень и очень доволенъ неожиданнымъ сюрпризомъ. За то лихой полицеймейстеръ Гнутъ, вообще цѣлитель женской красоты, упоенный жгучими прелестями ея превосходительства, надсѣдался всею грудью, стучалъ каблуками,

и саблей,—и производилъ все это безъ малѣйшей задней мысли, вполнѣ безкорыстно, восхищенный одною эстетическою стороною дѣла. Эта неожиданная картина пошла у генеральши взаимно „Молодаго Грека съ ружьемъ“.

Въ спектаклѣ благородныхъ любителей сказалась весьма замѣтная, но едва ли случайная особенность: очень много дамъ, которыя составляли чуть ли не большинство славнобубенскаго общества, явились на этотъ спектакль въ строго черныхъ нарядахъ. Между ними были даже и такія которыя никто никогда и не запомнилъ чтобъ онѣ носили черное, а теперь и эти вдругъ блистаютъ мрачнымъ цветомъ своего костюма.

— Астафій Егорычъ, обратился въ антрактѣ къ Подхаляутину одинъ изъ его знакомыхъ: — что это, батенька? замѣчаете вы, почти всѣ въ черномъ? Словно бы трауръ у нихъ!

— Да трауръ и есть, подтвердилъ славнобубенскій философъ.

— Господи помилуй! Но по комъ же однако?

— А здравый смыслъ погребаютъ. Это одно; а второе, крепостное право только что схоронили: какъ же тутъ не плакать?

— Э, да вы все сажаете городите! Нѣтъ, я васъ спрашиваю серьезно: вѣдь это, взвѣшайте сами, просто въ глаза бросается!

— А въ самомъ дѣлѣ любопытная штука! пробурчала себѣ подъ носъ философъ, окинувъ внимательнымъ взглядомъ всю залу: — мода это что ли завелась у нихъ такая? Поиду спросу у Марьи Ивановны, благо и сама тоже въ черномъ: она вѣдь человекъ компетентный.

И острословъ направился своею лѣнливо-перевалистою походкой къ одной полной пожилой дамѣ, которая, не взирая на двухъ взрослыхъ и рядомъ съ нею сидящихъ дочерей, все еще стремилась молодиться и нравиться, и разговаривая съ людьми глядѣла на нихъ не иначе какъ сквозь лорнетъ.

— Здравствуйте, маменька! подошелъ къ ней Подхаляутинъ: — скажите мнѣ на милость, зачѣмъ это вы на такое блестящее позорище явились вдругъ чуть не въ траурѣ? И барышни тоже вотъ въ черномъ, примолвилъ онъ, кивнувъ на двухъ ея дочекъ.

— А вы инспектируете наряды?... Это скорѣе бы дѣло полиціи! слегка козко, но очень мило отвѣтствовала маменька.

— Нѣтъ, я только любопытствую, оправдывался философъ:— и прошу просвѣтить меня въ темнотѣ ходящаго. Чтѣ это, мода у насъ нынче такая, или чтѣ?

— Не мода, а обязанность, долгъ нашъ! довольно гордо и не безъ самодовольной рисовки отвѣтила одна изъ барышень.

Не мало изумленный Подхалютинъ выпучилъ глаза.

— До-олгъ?... Обязанность? недоумѣло протянулъ онъ: — то-есть какъ же это?

— А вы хотите чтобы мы радовались когда родина наша страдаетъ? съ задорливою искоркой застрекотала другая дочка.

— Э, барышня, чтѣ это вы такое говорите! спсеходительно усмѣхнулся Подхалютинъ: — ну гдѣ тамъ страдаетъ! Наша родина вообще страдаетъ только тремя недугами: желудкомъ послѣ масленицы, тифомъ на святой, по веснѣ, да филансовымъ разстройствомъ, en général, которое, кажется, нынче перейдетъ въ хроническое. Вотъ и всѣ наши страданія.

— Да; это *ваша* родина, можетъ-быть; но *ваша* не *мама*, продолжала та же барышня.

— Такъ по-вашему Польша не страдаетъ? подхватила другая сестрица.

— Польша?... Да какое намъ съ вами дѣло до Польши? удивленно пожалъ плечами Подхалютинъ: — вы развѣ Польшка?

— Польшка! гордо отвѣтила, каждая за себя, обѣ барышни.

— Вотъ сюрпризъ-то!—Подхалютинъ даже съ жѣстою вскочилъ при этомъ. — Марья Ивановна! Маменька! обратился онъ къ полной дамѣ: — да чтѣ это онѣ у васъ за вздоръ говорятъ?

— Ни чуть не вздоръ, возразила та: — мы, дѣйствительно, Поляки.

— Давно ли это? продолжалъ все болѣе изумляться Подхалютинъ.

— Вотъ вопросъ! всегда Поляками были!

— Ну подготте, маменька!... Ужь вы не шутите ли надо мной?

— Съ какой же стати! Да и чтѣ за шутки? Развѣ такими вещами можно шутить?

— Господи помилуй! пожималъ плечами философъ: — Поляки.... Въ первый разъ слышу!... Такъ и палецька замѣтъ Матвѣй Осипычъ Яснопольскій тоже Полякъ?

— Разумѣется! амбиціозно подфыркнули барышни.

Подхалютинъ перекрестился обѣими руками.

— Господи Боже мой! продолжалъ онъ: — двадцать лѣтъ знаю человека, встрѣчаюсь каждый день, и все считалъ его Русскимъ, а онъ вдругъ, на тебѣ, Полякомъ оказывается! Вотъ ужъ не ожидалъ-то! Ха-ха-ха! Ну, сюрпризъ! Точно что сюрпризъ вы мнѣ сдѣлали! А вѣдь я какое угодно пари сталъ бы держать что славнобубенскій страпчій нашъ Матвей Оеипычъ чистокровный Русакъ!... Вѣдь я даже думалъ что онъ изъ поповичей!

— Это намъ очень грустно, если вы насъ за Русскихъ считаете, сухо отвѣтствовали ему барышни.

Подхалютинъ внимательно посмотрѣлъ на нихъ полуиспытующимъ, полусоображающимъ взглядомъ, молча отвѣсилъ невѣжливый поклонъ и отретировался.

— Ольга Назаровна! пошелъ онъ вслѣдъ за тѣмъ къ одной старухѣ, сидѣвшей на противоположномъ концѣ того же ряда: — ужъ вы, матушка, тоже не Полька ли?

— Что такое? не разсашавъ, или не понявъ, прищурилась на него старушка.

— Я спрашиваю, не Полька ли вы?

— Полька?.. Да что ты, мой батюшка, очумѣлъ что ли? Какая я тебѣ Полька!

— А зачѣмъ же вы тоже въ черномъ? Вѣдь вы такъ любите и розы, и алмазныя ленты, и яркія матеріи, а?

— Въ черномъ? Старушка оглядѣла самое себя и обдернула свое шелковое платье. — Да какъ тебѣ сказать это, мой батюшка!... Всѣ, видишь, нынче носятъ черное, ну, такъ и я заодно ужъ надѣла.

— По пословицѣ, значить: куда люди, туда и мы?

— По пословицѣ, редной, по пословицѣ. А ты, мой батюшка, все шалберничаешь, погрозила она ему пальцемъ: — а вѣтъ того чтобы зайти къ старухѣ посидѣть!... Приходи что ли; въ бостонъ, по старой памяти, поиграемъ. А мнѣ кстати изъ деревни медвѣжьи окорока прислали, ты вѣдь любишь пожрать-то!

— Это мы можемъ, потому на! томъ живемъ! согласилась Подхалютинъ, и въ знакъ благодарности поцѣловала ея руку.

Черезъ день послѣ спектакля, въ неофициальномъ отдѣлѣ славнобубенскихъ губернскихъ вѣдомостей, на первомъ мѣстѣ, красовалась статейка подъ названіемъ: „Благотворительный спектакль благородныхъ любителей съ живыми картинами“. Статьйка эта умленно отдавала дань признательности

и восхищенія всѣмъ участвовавшимъ; но на первомъ планѣ, конечно, стояла ея превосходительство Эмилія Александровна Гржибъ-Загржимбайло.

„Въ настоящее время, когда вся Россія спѣшитъ обновиться и обогатиться плодами прогресса и европейской цивилизаціи“, вѣщала эта статейка, „и нашъ далекій городъ Славнобубенскъ тоже не отстаетъ отъ другихъ своихъ собратьевъ, раскинутыхъ на всемъ могуче-необъятномъ пространствѣ нашей родной широкой матушки-Руси. И мы, Славнобубенцы, въ нашемъ мирномъ далекомъ уголкѣ, тоже стремимся положить свою лепту въ общую сокровищницу, и мы тоже порой умѣемъ веселиться и поднимать свой нравственный и интеллектуальный уровень истинно-эстетическими удовольствіями.“ За симъ слѣдовало цвѣтистое описаніе самого спектакля, „который почтимо своимъ присутствіемъ наше славнобубенское общество въ лицѣ всѣхъ лучшихъ его представителей“. Тутъ отдавалась вполне справедливая дань талантамъ Анатоля, Шписса и гарнизоннаго маіора Перевохина. „Наши милыя и достойно уважаемыя дамы“, говорила далѣе статейка, „неожиданно и очень пріятно поразили насъ своимъ искусствомъ и дарованіями, коимъ могла бы истинно позавидовать не одна столичная артистка. Нельзя не поблагодарить также молодыхъ князей Чухломинскихъ, которыя украсили собой превосходно поставленныя живыя картины. Присутствовавшая избранная публика вполне оцѣнила и отдала имъ должную дань справедливости, похвалъ и одобренія. Г-жи Ярыжникова, Чапыжникова и Прудко съ граціей достойною ихъ наружности плѣнили зрителей картиннымъ сочетаніемъ въ эффектно поставленной аллегоріи трехъ рѣкъ славянскихъ.“ (Въ этомъ мѣстѣ, по опискѣ или по невѣжеству усердствовавшаго автора, было поставлено прежде „русскихъ“, но Непомукъ, къ которому для просмотра и одобренія была предварительно доставлена корректура, зачеркнулъ слово „русскихъ“, и собственноручно вмѣсто того изволилъ написать „славянскихъ“.) „Но болѣе всѣхъ оживила нашъ скромный спектакль“, продолжалъ авторъ статейки, „это, безъ сомнѣнія, ея превосходительство достойная супруга г-на начальника губерніи Эмилія Александровна Гржибъ-Загржимбайло. Исполненная ею роль Ступендиной въ Тургенѣвской *Провинціалкѣ* не оставляетъ желать ничего лучшаго. Звучный тембръ ея сильнаго, гибко-страстнаго,

выразительнаго и отлично обработаннаго органа въ роли Татьяны изъ *Москвы Чаривника* приводилъ всѣхъ въ истинный и неподдѣльный восторгъ и, казалось, переносилъ мечтающую и упоенную душу зрителя въ какой-то иной, невѣдомый, дивно-фантастическій, волшебнo-сказочный мiръ....“

Воздавъ достодолжную дань поклоненія артистамъ-любителямъ, авторъ въ заключеніе перешелъ къ благотворительной цѣли спектакля. „Теперь“, восклицалъ онъ, „благодаря прекрасному сердцу истинно-добродѣтельной женщины, благодаря самоотверженно-неусыпнымъ трудамъ и заботамъ ея превосходительства, этой истинной матери и попечительницы нашихъ бѣдныхъ, не одну хижину бѣдняка посвѣтитъ и озаритъ внезапная радость; не одна слеза неутѣшной вдовицы будетъ отерта; не одинъ убогій, дряхлый старецъ съ сердечною благодарностью помянетъ достойное имя своей благотворительницы; не одинъ отрокъ, призрѣваемый въ пріютѣ состоящемъ подъ покровительствомъ ея превосходительства супруги г-на начальника губерніи, вздохнетъ изъ глубины своей невинной души и вознесетъ къ небу кроткій взоръ съ молитвенно-благодарственнымъ гимномъ къ Творцу міровъ за ту которая замѣнила сирому отроку пѣжное лоно родной матери. И всѣ они, эта убогая вдовица, этотъ согбенный и сирый старецъ, этотъ отрокъ невинный, благословятъ отъ чистаго сердца своего ангела-утѣшителя!“

Словомъ сказать, статейка вышла очень трогательная.

Неусыпно-дѣятельный и трудолюбивый Шписсъ составилъ отчетъ о спектаклѣ. Въ отчетѣ этомъ сборъ былъ показанъ по номинальнымъ цѣнамъ, и изъ этого сбора, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, въ число копѣекъ входили неоднократно чай, закуски, конфеты и лимонады съ оржадами для любителей, во время репетицій, осталось чистой выручки 127 рублей 32³/₄ коп. сер. Эти деньги, при форменномъ отношеніи, и были препровождены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

XIX. Do funduszu żelaznego.

А между тѣмъ въ шкатулкѣ ея превосходительства хранилось около тысячи рублей, собранныхъ ею изъ вольныхъ и невольныхъ пожертвованій сверхъ номинальной цѣны.

Въ кабинетѣ Эмилиі Александровны дверь была весьма предусмотрительно заперта на задвижку. Тяжелая портьера

вплотную закрывала ее собой. Сторы на окнахъ тоже были опущены, такъ что ни чей нескромный глазъ не могъ бы подглядѣть и ни чье постороннее ухо не могло бы подслушать того что дѣлалось въ данную минуту въ комфортабельномъ кабинетѣ славнобубенской губернаторши.

Прелестная женщина сидѣла на бархатномъ пате, предъ раздвижнымъ столикомъ, а противъ нея, за тѣмъ же столикомъ, помѣщался на мягкомъ табуретѣ ксендзь Кунцевичъ. Предъ обоими стояло по чашкѣ кофе, а между чашками изящная шкатулка губернаторши, очень хорошо знакомая всѣмъ ея вольнымъ и невольнымъ жертвователямъ „въ пользу милыхъ бѣдныхъ“. Ксендзь, изрѣдка прихлебывая кофе, очень внимательно выводилъ на бумагѣ какіе-то счеты. Эмилія Александровна съ неменьшимъ вниманіемъ слѣдила за его работой.

— Такъ. Теперь вѣрно, тихо сказалъ наконецъ каноникъ, кладя карандашъ: — негласной офяры переправлено мною 110 рублей; отъ лотереи въ пользу пріюта удѣлено 230; отъ публичныхъ лекцій Кулькевича и Подвилянскаго 50 рублей; костельнаго кружечнаго сбора 31 рубль 50 копѣекъ; старогорскій исправникъ Шипчинскій съ пяти волостей, изъ сбора на погорѣлыхъ, удѣлилъ тогда 20 рублей; отъ Шпецынскаго получено мною 15, да нынѣ 941 рубль: итого выходитъ 1.397 рублей 50 копѣекъ. Въ пять мѣсяцевъ съ одного только Славнобубенска, дали-Бугъ, не дурно!

И ксендзь съ удовольствіемъ потеръ свои мягкія, бѣлыя ручки.

— Я хочу, поднялась съ мѣста губернаторша: — я хочу чтобы на нынѣшній разъ мы отправили ужъ такъ-таки полную тысячу.... Пусть тамъ получать они круглую сумму! Поэтому я жертвую отъ себя пятьдесятъ девять рублей, да страховыхъ съ вѣсовыми двѣнадцать.

И она достала изъ своего бюро и подала ксендзу счетомъ семьдесятъ одинъ рубль.

Кунцевичъ благоговѣнно благословилъ ея подающую руку и съ видомъ теплой благодарности присоединилъ эти деньги къ полномѣсной пачкѣ перевязанной тесемкою!

— Какъ же переправить ихъ? озабоченно спросила пани Эмилія.

Ксендзь поклонился на это такъ что поклонъ его явно выражалъ: „Ужъ мы-де знаемъ! Вполнѣ на насъ положитесь!“

— Прямо до бискупа? продолжала она.

— Ой, нѣтъ! Какъ же такъ-таки до бискупа! До бискупа дойдутъ своимъ чередомъ. Тамъ ужъ у насъ есть надежные люди, на нихъ и отправимъ. А тамъ ужъ передадутъ.... Я думаю такъ что рублей четыреста самъ я пошлю, а объ остальныхъ попрошу пана Пшецыньскаго, либо Подвилянскій пусть поручитъ пану Яроцю, а то неловко одному переправлять такую большую сумму.

— Надо бы поскорѣе....

— Поскорѣй не можно.... поскорѣй опять неловко будетъ: какъ же такъ-таки заразъ послѣ спектакля?... Мало ль что можетъ потомъ обернуться! А мы такъ, черезъ мѣсяцъ, сперва Яроць, а потомъ я. Надо напередъ отправить наши расписки, то-есть будто мы должны тамъ, а деньги прямо на имя полиціи; полиція вытребуетъ кредиторовъ и уплатитъ сполна, а намъ расписки перешлетъ обратно. Вотъ это такъ. Это дѣло будетъ, а то такъ по-татарски! Надобно всегда поступать благоразумно и легально.

Ксепдзъ допилъ кофе, бережно положилъ въ боковой карманъ пачку денегъ, и благословивъ свою духовную дочь, удалился, имѣя на нынѣшній еще день много работы. Онъ опустилъ сторы въ своемъ „лабораторіумѣ“, приказалъ Зосѣ сказывать всѣмъ, за исключеніемъ развѣ Пшецыньскаго или Подвилянскаго, что его нѣтъ дома, и усѣлся за письменный столъ. Писалъ онъ долго, съ видимымъ удовольствіемъ:

„... Не имѣю пока достаточныхъ свѣдѣній такъ ли идетъ въ другихъ городахъ и провинціяхъ Московіи, но у насъ — успѣхъ за успѣхомъ, и каждый успѣхъ малый вѣнчается успѣхомъ бѣльшимъ. Вамъ уже извѣстно происшествіе въ Высокихъ Сѣвѣкахъ, пока еще не оправдавшее надеждъ насчетъ здѣшняго варварски-тупаго народа, въ сравненіи съ которымъ волкъ, огрызающійся на разящую его руку, является существомъ болѣе свободолюбивымъ и болѣе разумнымъ. Впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ отчаиваться. Здѣсь не теряютъ надежды; агитація по весамъ непремѣнно должна сдѣлать свое дѣло. Здѣшній *уеитръ*, какъ уже было доносимо, организовался давно и необыкновенно счастливо: имѣя по правую руку высокопоставленную вліятельную женщину, а по лѣвую добраго сына отечества, можно дѣйствовать, соображать, наставлять и направлять по тройственному усмотрѣнію. *Центръ* хорошо спрятанъ, отлично замаскированъ: его никто не знаетъ, никто не подозреваетъ. Въ недавнее время начинаетъ и здѣсь идти въ ходъ система

троекъ *. Ни съ правой, ни съ лѣвой руки, никто кромѣ главы, никакихъ сношеній не имѣеть и о причастности ихъ къ центру не знаетъ. Въ послѣдніе дни, послѣ неспѣшной, но удачной подготовки, образовался центръ подцентральный, который репрезентуетъ себя въ одной только особѣ нѣкоего учителя, имѣющаго непосредственныя и исключительныя сношенія съ главою, но не знающаго о содѣйствіи рукъ. Этотъ-то подцентральный центръ служитъ для двухъ посвященныхъ низшей степени осозаемымъ центромъ, и эти двое (докторъ и другой учитель) почитаютъ его, въ убѣжденіи своемъ, за мѣстный и притомъ единственный центръ, облеченный самостоятельностью и независимостью. Эти послѣдніе двое успѣшно завербовали себѣ тройки, зная что мѣстный центръ въ *чьемъ-то* лицѣ существуетъ, но въ *чьемъ?* — то пока остается для нихъ непроницаемою тайной, да надѣемся таковою и навсегда останется. По свѣдѣніямъ, лица составляющія эти тройки, каждое въ отдельности, съ успѣхомъ уже занялись вербованіемъ слѣдующихъ своихъ собственныхъ троекъ. Рѣшено было нарочито принять систему *троекъ*, а не *десятокъ*, въ томъ предпочтеніи что тройка, являющая собою единицу меньшую количествомъ чѣмъ десятокъ, наименѣе опасна для цѣлости и стройности остальной организациі, ежели бы кто по малодушію не удержалъ языкъ свой предъ врагами.

„Слово *свѣтлаго костела* и тайна конфессіонала сдѣлалъ, съ помощію Бога, то что тѣ лица и даже цѣлыя семейства которыя, живя долгіе годы въ чуждой средѣ, оставили въ небреженіи свой языкъ и свою національность, нынѣ вновь къ нимъ вернулись, съ раскаяніемъ въ своемъ печальномъ заблужденіи и съ тѣмъ болѣе сильнымъ рвеніемъ на пользу отчизны.

„Общество враговъ растлѣнно и легкомысленно, и та часть онаго которая наиболѣе оказываетъ сочувствія дѣлу для нея чуждому, по истинѣ, наиболѣе достойна презрѣнія. Польская земля, гордая любовію и вѣрой сыновъ своихъ, покраснѣла бы отъ сраму и заплакала бы кровавыми слезами

* Въ послѣднемъ польскомъ заговорѣ были приняты системы *троекъ* и *десятокъ*. Каждый членъ заговора избиралъ себѣ двухъ товарищей, составляя съ ними тройку. Избиравшій составлялъ звено съ тѣмъ лицомъ которое самого его выбрало и т. д. Такимъ образомъ тройка (въ Россіи) и десятокъ (въ Польшѣ и Западномъ краѣ) являлись вполнѣ самостоятельными, изолированными и въ то же время непрерывно связанными звеньями заговорной цѣпи. Членъ принадлежащій къ тройкѣ знаетъ только лицъ входящихъ въ ея составъ; лица же другихъ троекъ извѣстны ему не были. Приказанія и сообщенія передавались послѣдовательно отъ избравшихъ къ избраннымъ и т. д.

въ тотъ день когда изъ нѣдръ ея могло бы народиться столько отщепенцевъ, столько Искаріотовъ! Но, къ счастью, Польша не Татарія. Это отребье земли своей, эти псы богохульные, гаумая въ гордынѣ безвѣрія своего надъ Богомъ и надъ своею (хотя бы то и схизматическою) вѣрой, затѣяли отслужить паннихиду по убитымъ въ Свѣжкахъ. Сколько гнуснаго гаумаенія, сколько франтовства своимъ невѣриемъ, достойныхъ омерзительнаго презрѣнія! Тѣмъ не менѣе, они сдѣлали изъ своей паннихиды добрую демонстрацію, и весьма значительная часть здѣшняго общества этой демонстраціи сочувствуетъ. Въ этомъ, конечно, для насъ есть весьма много полезнаго. Ихъ можно презирать, но ими необходимо пользоваться, ибо нынѣ они — сила.

„Симпатіи къ *уенетаемой* все болѣе и болѣе высказываются въ здѣшнемъ обществѣ: работа нашихъ не пропадаетъ даромъ. Все высшее общество (правда, хотя и изъ глупаго подражанія) облеклося въ *жалобу*: черный цвѣтъ является преобладающимъ въ женскихъ нарядахъ; на языкѣ у многихъ слова сожалѣнія, сочувствія къ намъ и слова порицанія своего російскаго ржонда. Либераловъ и красныхъ распложается все болѣе. Вредные до известной степени въ родной средѣ Поляковъ, красные въ Россіи являются намъ полезнымъ подспорьемъ.

„Къ числу положительныхъ прибрѣтеній надо отнести также и воскресную школу находившуюся доселѣ въ рукахъ чело­вѣка почтеннаго и честнаго, но, къ сожалѣнію, вреднаго своимъ противнымъ и фанатическимъ направлениемъ. Нынѣ, чрезъ вмѣшательство администраціи, школа эта ввѣрена благонадежному лицу изъ нашихъ, которое само уже почти отстранилось отъ нея, а передало все дѣло въ руки Москалей изъ самыхъ завязатыхъ либераловъ. Работа съ этимъ переходомъ пошла весьма успѣшно. Прежній же руководитель школы находится подъ надзоромъ полиціи. Одинъ изъ преподавателей гимназіи, а равно и воскресной школы, оказался чело­вѣкомъ направленія вреднаго; въ то же время вліяніе его на учениковъ было достаточно сильно. Для престѣненія вреда могущаго постоянно происходить отъ этого чело­вѣка, авторитетъ его и, къ сожалѣнію, даже самое доброе имя необходимо должны были быть подорваны. Мѣра крайняя, но вполне необходимая, въ виду зла имѣвшаго парализовать многія добрыя начинанія.

„Не малую силу (безъ сомнѣнія, подлежащую борьбѣ) являетъ въ лицѣ своемъ здѣшній епархіальный архіерей Іосифъ — оплотъ восточной схизмы, чело­вѣкъ пользующійся большимъ вліяніемъ на паству. Есть нѣкоторые признаки, по которымъ заключаю что онъ можетъ быть вреденъ. Впрочемъ, это покажетъ будущее.

„Быль спектакль любителей, на которомъ особенно ярко проявились симпатіи къ распятой на крестѣ ойчизнѣ нашей. Вскорѣ, на имя известныхъ Вамъ особъ, будетъ при-

слана до funduszu żelaznego тысяча рублей. Напередъ вышлемъ на себя расписки. О дальнѣйшемъ донесу своевременно, а пока смиренно прошу благословенія на дѣло неустаннаго служенія своего.“

Подписи не было, но вмѣсто нея выставленъ шифрованный знакъ: „15—13“, что въ сущности означало: „J—R.“, начальные буквы имени и фамиліи ксендза.

Не успѣлъ еще онъ, по окончаніи письма, выпить предъобъеденную рюмку настойки да закусить свѣжею молодою речиской со сливочнымъ масломъ, какъ въ нижней комнатѣ раздалось знакомое бряцаніе сабли полковника Пшецыньскаго, для котораго ксендзъ „всегда былъ дома“.

— Вѣкъ нашъ крутки — выпіемы вудки!... А ну-бо! по кѣашку! весело подмигнулъ хозяинъ только-что вошедшему гостю.

Гость не отказался, и не выпилъ, но что называется „вонзилъ“ въ себя полную рюмку, послѣ чего вкусно поморщился, какъ обыкновенно морщится отъ добраго глотка хорошаго гостя, желая сдѣлать этимъ комплиментъ хозяйской водкѣ, и въ заключеніе очень выразительно кракнулъ.

Ксендзъ ухмыльнулся и подмигнулъ вторично.

— Вѣкъ нашъ не долги, выпіемы по другей! пустьъ онъ свою обычную прибауточку:—а потомъ возляжемъ за скромную трапезу!

Отъ трапезы полковникъ отказался, но насчетъ недолгаго вѣка, по поводу котораго надлежало выпить по другой, сказалъ по-русски что умныя рѣчи приятно и слышать. И приятели хватили еще по кѣашку.

— Панъ заѣхалъ кстати, пожалъ Кунцевичъ руку Пшецыньскому:—у меня тутъ только-что цидула окончена. Если хочешь прочесть, вотъ она.

Полковникъ взялъ еще не сложенное письмо.

— Что жь, надо отправить? спросилъ онъ, какъ о дѣлѣ давно привычномъ и самомъ обыкновенномъ.

— Съ надписомъ: „конфиденціально“, пояснилъ панъ Игнатій, изображая сложенными пальцами одной руки на раскрытой ладони другой какъ бы предполагаемую подпись:—только будь такъ ласковъ, брацшкы, отправь поскорѣе.... въ казенномъ пакетѣ, за печатью.... Чтобы все было въ порядкѣ.

— На бискупа, или на полицеймейстера? освѣдомился полковникъ.

— Какъ самъ знаешь, пожалъ плечами ксендзъ: — только думаю что на полицеймейстера натуральнѣе; а то что за корреспонденци у жандармовъ съ бискупами! На полицеймейстера спокойнѣе будетъ: его превелебна мосьцъ писалъ уже чтобы такъ поступать намъ, ужь они тамъ знаютъ!... Имъ это лучше извѣстно!

Полковникъ пріятельскимъ кивкомъ вполне одобрилъ соображенія своего предусмотрительнаго друга.

— А кстату! вспомнилъ Кунцевичъ:—Ну, что тамъ гимназистъ?

— Да вѣдь панъ каноникъ самъ же просилъ оставить пока, я и не трогалъ его.

— Ну, и лучше!... Овъ, сдается мнѣ, пригодится еще къ дѣлу.

— Мм... молодъ! съ кислой гримасой замѣтилъ Пшецыньскій.

— Э! ничего что молодъ! Подвилянскій аттестовалъ его подходящимъ. Къ чему терять лишніа чужія руки? Пусть и это будетъ на добро да на пользу.

Полковникъ взглянулъ къ себѣ на часы и сталъ прощаться.

— Э, нѣ, нѣ! Почекай трешечку! остановилъ его ксендзъ, наливая рюмки:—такъ не водится! Слухай коханы: „Жебы быць намъ спудьне на тымъ свѣцѣ, выпіемы, браццшку, по тршецей!“

И подчмокнувъ другъ другу, они опрокинули и закусили по третей, на прощанье.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

(До слѣд. №.)

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ О РЫЛѢВѢ

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ ГРЕЧА.

Въ минувшемъ году была напечатана въ июньской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* статья: *Изъ Записокъ Николая Ивановича Греча*.

Изъ множества біографическихъ очерковъ приведенныхъ Гречемъ въ его *Запискахъ*, мы встрѣтили одинъ въ высшей степени не вѣрный, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ общихъ чертахъ. Мы говоримъ о К. Ѡ. Рылѣевѣ, одномъ изъ главнѣйшихъ участниковъ печальнаго событія 14-го декабря 1825 года. Безъ всякаго также основанія брошена Гречемъ тѣнь на учебное заведеніе, знаменитое въ исторіи нашего просвѣщенія, гдѣ воспитывался Рылѣевъ, и на всѣхъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, къ числу которыхъ принадлежу и я.

Обладая малоизвѣстными свѣдѣніями отъ лицъ близко знавшихъ Рылѣева, также свѣдѣніями добытыми мною изъ разныхъ архивовъ и, наконецъ, личными воспоминаніями, я счелъ долгомъ сдѣлать ихъ теперь общеизвѣстными. Съ появленіемъ въ свѣтъ *Записокъ* Греча, полагаю, что представляемая мною свѣдѣнія будутъ не бесполезны для исправленія ошибокъ означеннаго писателя. Свѣдѣнія мои о Рылѣевѣ относятся преимущественно къ его частной жизни и имѣютъ нѣкоторую связь съ его литературною дѣятельностью.

Нѣсколько поколѣній нашего семейства находились въ близкихъ сношеніяхъ съ фамиліей Рылѣевыхъ. Бабка моя

по матери, Прасковья Васильевна Устинова, съ матерью Рылѣва, Настасьей Матвѣвной, находилась въ самой тѣсной дружбѣ съ первыхъ годовъ своего замужества, а бабка моя вышла замужъ на пятнадцатомъ году отъ рожденія. Обѣ онѣ были весьма несчастливы своими мужьями, и это общее горе, какъ кажется, послужило основаніемъ ихъ дружескихъ сношеній продолжавшихся до самой смерти Настасьи Матвѣвны, скончавшейся въ концѣ 1823 или въ началѣ 1824 года. На своемъ смертномъ одрѣ она просила Рылѣва и жену его, Наталью Михайловну, почитать мою бабку за свою родную мать и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни прибѣгать къ ея совѣтамъ. Этотъ завѣтъ матери они всегда исполняли свято. Последнее письмо свое изъ крѣпости Рылѣвъ заканчиваетъ словами: „Почтеннѣйшей П. (расковѣ) В. (асильевнѣ) моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность.“ Съ сыномъ моей бабки, а моимъ дядей, Александромъ Васильевичемъ Устиновымъ, воспитывался вмѣстѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и Рылѣвъ. Но сей послѣдній былъ старше дяди нѣсколькими годами. Изъ корпуса они вышли вмѣстѣ, 10-го февраля 1814 года. Дядя мой, бывшій первымъ ученикомъ по выпуску, оставленъ былъ при корпусѣ для преподаванія воспитанникамъ артиллеріи и фортификаціи. Рылѣвъ же былъ во второмъ десяткѣ, и выпущенъ въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду. Дядя мой, находившійся въ частыхъ и короткихъ сношеніяхъ съ Рылѣвымъ до конца его жизни, никогда однакожъ и не подозревалъ о политическихъ замыслахъ своего корпуснаго товарища. Объ участіи Рылѣва въ заговорѣ онъ узналъ уже на третій или на четвертый день послѣ его арестованія. Дядя мой умеръ въ мартѣ 1868 года.

Отъ этихъ-то двухъ лицъ, имѣвшихъ возможность знать Рылѣва, я и приобрѣлъ часть тѣхъ свѣдѣній которыя значительно расходятся со свѣдѣніями г. Греча.

Отецъ Рылѣва, бригадиръ Екатерининскаго времени, былъ человекъ суровый, крутой и властолюбивый въ высшей степени. Отъ его непреклонной воли терпѣли всѣ домашніе, не исключая и членовъ его семейства. Кондратій Рылѣвъ, родившійся 18-го сентября 1789 г., терпѣлъ отъ отца едва ли не болѣе всѣхъ. За неуспѣхъ въ наукахъ или за малѣйшую дѣтскую шалость отецъ съѣлъ его лозою нещадно. Впрочемъ,

исхожденія онъ не имѣлъ даже къ матери его, Настасьѣ Матвѣевнѣ, съ которою обходился весьма дурно. Въ бытность мою съ Натальей Михайловною Рылѣевой въ деревнѣ Батовой, * она мнѣ показывала погребъ въ который этотъ жестокосердый человѣкъ запираетъ мать Рылѣева, женщину добродѣтельную и весьма умную. Желая избавить сына отъ суроваго отцовскаго обращенія, она отдала его въ корпусъ 23-го января 1801 года. Но и тутъ несчастіе преслѣдовало бѣдную мать. Это учебное заведеніе, пользовавшееся заслуженною славой во время блистательнаго управленія корпусомъ графа Ангальта, въ февралѣ мѣсяцѣ этого года поступило въ завѣдываніе генералъ-маіора Клингера. Этотъ извѣстный ученостью германскій писатель оставилъ по себѣ печальную память въ томъ воспитательномъ заведеніи которое императрица Екатерина называла расадникомъ великихъ людей. На воспитаніе довѣреннаго ему юношества онъ не обращалъ никакого вниманія и весьма часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ воспитанниковъ. Съ утра до ночи онъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, занимаясь своими литературными произведеніями, которыя пересылалъ потомъ для напечатанія за границу. Почти о каждомъ изъ своихъ произведеній онъ предварительно сообщалъ въ министерство полиціи, завѣдывавшее тогда цензурой, для принятія соответственныхъ мѣръ о непроездѣ ихъ въ Россію, такъ какъ сочиненія свои считалъ крайне опасными для малолетственной русской публики. Минуты отдохновенія своего онъ обыкновенно проводилъ со своими собаками, которыхъ имѣлъ множество, любилъ самъ ихъ кормить и училъ скакать черезъ палку. Послѣ краткаго и истинно отеческаго обращенія графа Ангальта, время Клингероваго управленія корпусомъ можно безъ преувеличеній назвать временемъ террора. Обиліе и жестокость введенныхъ имъ тѣлесныхъ наказаній въ настоящее время могутъ показаться невѣроятными. Неразборчивость его и немилосердіе выходили изъ всѣхъ границъ справедливости и благоразумія: довольно сказать что за самыя невинныя дѣтскія шалости онъ предѣлялъ отъ 30-ти до 50-ти ударовъ,

* Деревня Батова находится въ С.-Петербургскомъ уездѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Рождествена, принадлежавшаго когда-то несчастному царевичу Алексѣю Петровичу.

но при болѣе важныхъ, число это имъ утроивалось. Другихъ наказаній, кромѣ розогъ, повидимому, онъ и не зналъ. Утромъ, почти ежедневно, въ каждой ротѣ раздавались раздрающіе вопли и крикъ дѣтей. Удивительно ли что при такой системѣ воспитанія ожесточались юныя сердца? Рылѣвъ былъ пыкій, славолубивый и въ высшей степени предприимчивый сорванецъ. Безпрестанно повторяемыя наказанія такъ освоили его съ ними что онъ переносилъ ихъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и стоицизмомъ. Часто случалось что вину товарищей онъ принималъ на себя и сознавался въ проступкахъ сдѣланныхъ другими. Подобное самоотверженіе пріобрѣло ему множество друзей и почитателей, вырученныхъ имъ изъ бѣды и потому питавшихъ къ Рылѣву безграничное довѣріе. Онъ былъ зачинщикомъ всѣхъ заговоровъ противъ учителей и офицеровъ. Года за три до выпуска онъ былъ жестоко наказанъ, и начальство, выведенное, наконецъ, изъ терпѣнія, уже собиралось исключить его изъ заведенія, какъ вдругъ обнаружилось что Рылѣвъ былъ наказанъ безвинно. Это обстоятельство и послужило ему въ пользу. Обращеніе съ нимъ послѣ того было измѣнено: его убѣдили попризаяться математическими науками и обѣщали, при малѣйшемъ въ нихъ успѣхѣ, выпустить въ офицеры. Рылѣвъ послѣ того вдругъ смирился, сдѣлался скромнѣе и прилеженъ до такой степени что былъ удостоенъ выпуска въ артиллерию. По математическимъ наукамъ онъ принадлежалъ, однакожъ, къ числу посредственныхъ учениковъ; но въ словесныхъ постоянно былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ. Повѣстическій талантъ Рылѣва обнаружился еще въ корпусѣ. Изъ произведеній его принадлежащихъ къ тому времени сохранилась написанная имъ по случаю смерти старшаго повара Кулакова шуточная поэма подъ заглавіемъ *Кулакиада*, въ двухъ частяхъ. По поводу этой поэмы разказываютъ слѣдующую проказу Рылѣва. Въ то время былъ экономомъ почтенный Андрей Петровичъ Бобровъ, произведенный изъ нижнихъ чиновъ и дослужившійся въ послѣдствіи до чина статскаго совѣтника, личность въ высшей степени благодушная, честная и безкорыстная. По долгу службы своей, онъ ежедневно, въ извѣстную часть утра, представлялъ директору корпуса рапортъ о количествѣ и цѣнности припасовъ употребленныхъ для продовольствія воспитанниковъ. Рапортъ этотъ, подписанный Бобровымъ въ

канцеляріи, вкладывался обыкновенно въ его трехъугольную шляпу, которая вмѣстѣ со шпагой всегда лежала въ кухнѣ на особой тумбѣ, подъ образами. Румяевъ переписалъ свою *Кулакиаду* на такомъ же листѣ бумаги какъ и рапортъ и положилъ ее въ шляпу Боброва вмѣсто рапорта. Можно себѣ представить изумленіе старика Боброва, когда оказалось что онъ своими руками подалъ начальству сатиру на собственное же управленіе, въ формѣ кулинарнаго документа! Разказываютъ, будто раздраженный этою шуткой, Бобровъ предсказалъ Румяеву будущую печальную его участь.

Необходимо сказать теперь нѣсколько словъ объ образованіи которое получала въ тѣ времена молодежь воспитывавшаяся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Еслибы г. Гречъ просто сравнивалъ тогдашнее образованіе съ нынѣшнимъ, а бы не сказалъ ни слова, потому что объемъ тогдашнихъ курсовъ наукъ дѣйствительно не можетъ идти въ сравненіе съ учебными программами настоящей эпохи. Но г. Гречъ прямо говорить что оттуда выходили одни неучи, набравшіеся всякаго либеральнаго вздора изъ *Сокращенной Библиотеки* пьянаго Желѣзнакова. Въ концѣ минувшаго вѣка это заведеніе въ образовательномъ отношеніи всегда занимало у насъ второе мѣсто послѣ Московскаго университета. Въ смыслѣ же воспитательнаго заведенія и по военной спеціальности, равныхъ оно не имѣло. Въ тѣ времена еще не существовало въ Петербургѣ университета, и потому всѣ лучшіе преподаватели избирали для своего педагогическаго служенія 1-й кадетскій корпусъ, всегда находившійся подъ особымъ покровительствомъ нашихъ государей. Очень можетъ быть что привлеченію преподавателей способствовало и самое топографическое положеніе заведенія въ средоточіи столицы. Въ прежнія времена корпусъ пользовался многими изъ университетскихъ правъ, напримѣръ, правомъ экзаминовать домашнихъ учителей и иностранцевъ-гувернеровъ и выдавать имъ на право преподаванія свидѣтельства. Кромѣ военныхъ заслугъ, принадлежащихъ исторіи, воспитанники этого корпуса оказали не меньшія и отечественному просвѣщенію. Въ стѣнахъ этого корпуса положено начало образованію русскихъ юристовъ. Питомцы корпуса занимали съ честію высшія мѣста и въ службѣ гражданской, и даже во флотѣ. Фельдмаршалы: Румянцевъ, Прозоровскій и Каменскій; генераль-прокуроры: князь Вяземскій, Беклешовъ, Стрекаловъ и Храпо-

вицкй; адмиралъ Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный мореплавателъ Коцебу, основатель русскаго театра Сумароковъ, писатели: Херасковъ, Озеровъ, Крюковскій; издатель первой русской алгебры Н. Е. Муравьевъ; И. И. и П. И. Меллисино, Веймаръ, графъ Толь, Кульневъ и многіе другіе были кадетами 1-го кадетскаго корпуса. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что императоръ Николай Павловичъ избралъ воспитателемъ для своего старшаго сына, нынѣ царствующаго Государя Императора, изъ бывшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, К. К. Мердера, личность почтенную и высоконравственную. Другой воспитанникъ того же корпуса, С. А. Юрьевичъ, состоялъ при Государѣ Цесаревичѣ кавалеромъ съ 1828 года. Кромѣ сего, когда шли въ 1833 году совѣщанія покойнаго государя съ графомъ В. П. Кочубеемъ о назначеніи воспитателя къ Великому Князю Константину Николаевичу, то выборъ императора Николая сначала также упалъ на бывшаго воспитанника того же 1-го кадетскаго корпуса. Уже въ послѣдствіи былъ назначенъ къ этой должности *Θ. П. Литке*. Хотя приведенные доводы и достаточно свидѣтельствуютъ о почтенномъ значеніи 1-го кадетскаго корпуса, но въ заключеніе мы сошлемся на слова самого *Н. И. Греча*, произнесенныя имъ въ присутствіи многочисленной публики, собравшейся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ для празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его, г. Греча, литературной дѣятельности: „... Лестною для меня наградой было милостивое соизволеніе Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, Наслѣдника престола, отпраздновать мой юбилей въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, съ которымъ соединяются для меня семейственныя воспоминанія и преданія. Если я умолчу, заговорятъ стѣны этого зданія. Здѣсь возникло и расцвѣло просвѣщеніе и образованіе Россіи. За сто двадцать два года предъ симъ, учреждено было первое въ Россіи свѣтское учебное заведеніе, Сухопутный кадетскій корпусъ, и въ немъ получили воспитаніе многіе государственные люди, военачальники и писатели русскіе. Императрица Екатерина II, по всей справедливости, называла кадетскій корпусъ разсадникомъ великихъ людей. И этотъ вертоградъ отечественнаго просвѣщенія не оскудѣлъ, напротивъ, послужилъ началомъ и основаніемъ другимъ подобнымъ заведеніямъ.“ *

* См. Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельно-

Не болѣе основательно показаніе г. Греча будто большаѣ часть заговорщиковъ образовалась въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Это неправда: изъ множества лицъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу, только одинъ Рылѣевъ получалъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Что касается до мнѣнія будто изъ *Сокращенной Библиотеки Желѣзнякова* кадеты почерпали свои республиканскія идеи, то оно также не имѣетъ никакого основанія. *Библиотека Желѣзнякова* въ тѣ времена исправляла должность существующихъ нынѣ христоматій и находилась въ употребленіи до 1845 или 1846 года, не возбуждая никакихъ опасеній. Кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ повѣстей Карамзина, она заключала множество переводныхъ статей самаго невиннаго содержанія, принадлежащихъ по слогу ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Напечатанная въ корпусной типографіи безобразнымъ шрифтомъ и на сѣрой бумагѣ, она, со дня своего появленія въ свѣтъ, находилась въ какомъ-то у всѣхъ пренебреженіи, никто и не бралъ ея въ руки, а если иногда и приводили изъ нея цитаты, то развѣ для потѣхи. Любители чтенія могли имѣть книги по своему вкусу и болѣе любопытныя изъ обширной и довольно хорошо составленной корпусной библиотеки. Имѣя у себя въ теченіе многихъ лѣтъ эту книгу, мы никогда и не подозрѣвали въ ней свойства орсиніевской гранаты.

Обращаясь за тѣмъ къ образованію самого Рылѣева, могу сказать слѣдующее. Рылѣевъ былъ выпущенъ изъ корпуса, какъ уже было упомянуто, въ артиллерію прапорщикомъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ числу воспитанниковъ перваго разряда. Изъ языковъ онъ основательно зналъ французскій и польскій. У меня былъ въ рукахъ экземпляръ сочиненій Бентама, во французскомъ переводѣ, принадлежавшій Рылѣеву, со множествомъ помѣтокъ, писанныхъ его рукой. Уже для простаго уразумѣнія твореній этого законовѣда, полагаю, недостаточно одного поверхностнаго знанія языка, но необходимо, кромѣ знакомства съ юридическою техникой, и нѣкоторое основательное изученіе его особенностей. Какимъ образомъ и когда Рылѣевъ познакомился съ польскимъ языкомъ, мнѣ въ точности неизвѣстно; но кажется, выучилъ его этому языку Зигмунтовичъ, корпусный товарищъ Рылѣева,

сти Ник. Ис. Греча, 27-го декабря 1854 года, состава. Полевымъ. С.-Петербург. 1855 г., стр. 9.

вышедшій съ нимъ въ одну батарею. Могу только сказать что языкъ этотъ былъ уже хорошо знакомъ Рылѣву до прїѣзда его въ Петербургъ, то-есть до 1820 года, когда стали появляться первыя его думы, начальныя мысль которыхъ, какъ извѣстно, была порождена чтеніемъ *Spiewow Historycznych* польскаго писателя Нѣмцевича. Что касается до нѣмецкаго языка, за незнаніе котораго преслѣдуется Рылѣвъ Гречемъ, то очень можетъ быть что онъ и не владѣлъ этимъ языкомъ какъ слѣдуетъ природному Нѣмцу. Но при этомъ полагаю нелишнимъ привести слѣдующее обстоятельство, приводящее насъ въ недоумвіе. Въ спискахъ масонскихъ ложъ за 1820—1821 года, Рылѣвъ показанъ дѣйствительнымъ членомъ первой степени въ ложѣ № 9 Пламенѣющей Звѣзды, въ числѣ наличныхъ. Надо знать что въ масонскихъ ложахъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ, пренія и дѣлопроизводство происходили на русскомъ языкѣ, но въ нѣкоторыхъ на французскомъ и на нѣмецкомъ. Въ вышеприведенной ложѣ Пламенѣющей Звѣзды всѣ члены ея (52 наличныхъ) принадлежали къ лицамъ нѣмецкаго происхожденія, за исключеніемъ трехъ: генералъ-лейтенанта и сенатора Егора Куселева, Алексѣя Пушкина и Кондратія Рылѣва. Въ этой именно ложѣ всѣ дѣла и пренія производимы были на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, о чемъ упомянуто и въ заголовкѣ списка: *Arbeitet in Deutscher Sprache*. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ могъ вступить въ эту ложу или принимать участіе въ преніяхъ не понимавшій нѣмецкаго языка Рылѣвъ, тогда какъ существовало множество ложъ въ которыхъ всѣ дѣла и пренія исключительно происходили на русскомъ языкѣ? Быть же не можетъ чтобы Рылѣвъ прибѣгнулъ къ этой уловкѣ на случай если лѣтъ черезъ сорокъ послѣ его смерти кому-нибудь вздумается обвинить его въ невѣдѣніи нѣмецкаго языка. Впрочемъ, предоставляю обстоятельство это объяснить другимъ, болѣе свѣдущимъ въ исторіи масонства. Съ своей же стороны могу только прибавить что о дѣятельномъ участіи Рылѣва въ масонскихъ дѣлахъ никакого сомнѣнія быть не можетъ, равно какъ и о томъ что эти дѣла могли многихъ скомпрометтировать предъ правительствомъ. Основываю это между прочимъ и на томъ что въ минуту арестованія своего Рылѣвъ просилъ жену свою озаботиться истребленіемъ однихъ только масонскихъ бумагъ, лежавшихъ особо въ его кабинетѣ, которыя къ утру и были

сожжены. Недостатки образованія полученнаго Рылѣевымъ въ юности не составляли для него тайны. Онъ понималъ ихъ очень хорошо и старался пополнить чтеніемъ и бесѣдами съ людьми стоявшими тогда во главѣ нашего просвѣщенія. Вѣроятно съ этою цѣлью, по приѣздѣ въ Петербургъ, онъ и познакомился со многими тогдашними учеными. Изъ числа ихъ я назову профессора Петербургскаго университета Моисея Гордѣевича Плисова, который часто бывалъ у него и цѣлые вечера проводилъ въ бесѣдахъ о политической экономіи. На эти бесѣды собиралось слушателей иногда человѣкъ до десяти. Очень можетъ быть что и самая дружба его съ извѣстнымъ Строевымъ основана была на подобномъ же побужденіи ознакомиться съ темными мѣстами нашей исторіи. Но не вдаваясь въ произвольныя догадки, можно однакоже каждому убѣдиться самому въ основательныхъ знаніяхъ Рылѣева по части отечественной исторіи: они свидѣтельствуются изданными имъ въ 1825 году *Думами*, патріотическое содержаніе которыхъ почерпнуто имъ изъ старинныхъ нашихъ преданій и лѣтописей. Но всего лучше основательное знакомство Рылѣева съ русскою исторіей доказывается взглядомъ его на польскій вопросъ, къ которому наше общественное мнѣніе стадо подходить только во второй половинѣ 1863 года. Тогдашнее же наше общество и даже высшія правительственныя сферы совершенно были увлечены убѣжденіями Адама Чарторыйскаго въ необходимости возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Эти убѣжденія были раздѣляемы и всѣми питомцами германскихъ университетовъ: Пестелемъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Тургеневымъ. Возставали противъ этихъ убѣжденій весьма немногіе, большею частію московскіе студенты: Карамзинъ, Григорій Карташевскій и Михайло Муравьевъ (въ послѣдствіи графъ). Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Кондратій Рылѣевъ.

Занятія Рылѣева по Американской Компаніи доставили ему возможность сблизиться со многими лицами имѣвшими вліаніе на государственныя дѣла и извѣстными по своему высокому просвѣщенію. Такимъ образомъ, по случаю передачи, на основаніи заключеннаго тогда трактата, основанной нами въ Калифорніи колоніи Россіи Северо-Американскимъ Штатамъ, Рылѣевъ познакомился съ членами государ-

ственнаго совѣта Н. С. Мордвиновымъ и М. М. Сперанскимъ и приобрѣлъ ихъ благосклонность къ нему. Первому изъ нихъ онъ даже посвятилъ свои *Думы*. Можно полагать, что если бы Рылѣевъ былъ въ самомъ дѣлѣ такимъ неучемъ какъ его описываетъ Гречъ, то всѣ сношенія его съ этими почтенными лицами ограничились бы одною официальною. Между тѣмъ отношенія этихъ двухъ сановниковъ къ Рылѣеву до такой степени выходили изъ разряда официальныхъ, что въ то время разнеслась въ обществѣ молва, будто Мордвиновъ и Сперанскій за долго до 14-го декабря знали о политическихъ замыслахъ декабристовъ. Но въ подтвержденіе этой молвы другихъ доказательствъ не было, однакожь, приводимо, кромѣ упомянутыхъ уже сношеній ихъ съ Рылѣевымъ по компанейскимъ дѣламъ и посвященія послѣднимъ Мордвинову своихъ литературныхъ произведеній. Говоря о службѣ Рылѣева въ Американской Компаніи, Гречъ увѣряетъ, будто слышалъ отъ директора Компаніи, Ив. В. Прокофьева, что въ послѣднее время Рылѣевъ служилъ дурно и валитъ, какъ говорится, черезъ пень колоду. Это показаніе Греча справками не подтверждается. Съ небольшимъ за два мѣсяца до арестованія, за полезную и усердную службу Рылѣевъ получилъ въ подарокъ отъ Компаніи драгоценную енотовую шубу, стоившую по компанейской оцѣнкѣ 700 рублей.

Рылѣевъ былъ членомъ основаннаго въ 1816 году Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія, издававшаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свой журналъ. Въ засѣданіяхъ этого Общества онъ читалъ свои произведенія до появленія ихъ въ печати. Отправляясь въ засѣданія, обыкновенно онъ заходилъ по дорогѣ къ Устинову и прочитывалъ ихъ ему. Иногда заходилъ и по возвращеніи съ засѣданій сообщить о сорванныхъ, какъ говорилъ онъ, рукоплесканіяхъ, къ которымъ былъ неравнодушенъ, о чемъ можно было догадаться по его веселому расположенію духа. Однажды при подобномъ случаѣ Устиновъ попросилъ его написать что-нибудь на память ему въ альбомъ. Рылѣевъ присѣлъ къ столу и, подумавъ съ минуту, написалъ слѣдующій триолетъ къ Наташѣ (имя его жены). Стихотворенія подобнаго рода, нынѣ уже не встрѣчаемыя, въ то время были еще въ большой модѣ.

Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ,
 Чтобы Наташу не любить!
 Чтобъ зря ее, быть равнодушнымъ,
 Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ!
 Я сердцу вѣчно былъ послушнымъ,
 Такъ какъ же мнѣ не говорить:
 Ахъ! должно, должно быть бездушнымъ,
 Чтобы Наташу не любить!

Что касается до упоминаемаго Гречемъ посланія къ князю П. А. Вяземскому, написанному въ подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелію, то оно напечатано было не въ *Невскомъ Вѣстникѣ*, а въ *Невскомъ Зрителѣ*, издававшемся съ января 1820 по июль 1821 года Сниткинымъ, Кругликовымъ (живъ и служить въ петербургскомъ почтамтѣ), Яковлевымъ и Рожковымъ.

Затѣмъ полагаю излишнимъ входить въ дальнѣйшее опроверженіе „достоверныхъ“ свѣдѣній г. Греча относительно образованности Рылѣева.

По выпускѣ изъ корпуса въ офицеры, Рылѣевъ поступилъ на службу, какъ уже было упомянуто, въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду, квартировавшую въ 1818 и послѣдующихъ годахъ въ Острогскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Рылѣевъ стоялъ со своею батареей въ селѣ Подгорномъ, часть котораго принадлежала помѣщику М. Г. Тевяшову, весьма уважаемому своими сосѣдами. Познакомившись въ домѣ сего послѣдняго, Рылѣевъ не могъ не обратить вниманія на его дочь, дѣвицу Наталью Михайловну. Необыкновенная красота дѣвушки и превосходныя свойства ея души произвели на молодого артиллериста сильное впечатлѣніе. Года чрезъ два послѣ первой встрѣчи молодые высказали другъ другу свои чувства. Такъ какъ оба были довольно еще молоды, да и чинъ Рылѣева былъ очень не великъ, то трудно было ожидать со стороны отца дѣвицы согласія на бракъ. Но Рылѣевъ рѣшился во что бы то ни стало достигнуть предположенной цѣли, и въ одно утро вошелъ къ старику въ кабинетъ и откровенно высказалъ ему волновавшія его чувства. Старикъ, усадивъ его въ кресла, благодарилъ за честь оказанную его дому, но съ тѣмъ вмѣстѣ представилъ рядъ препятствій, не допускавшихъ этого союза. Рылѣевъ отвѣтилъ что всѣ эти препятствія уже были имъ

предвидѣны и въ свою очередь развернулъ весь планъ устройства своей будущности. Старикъ однакоже не удовольствовался этимъ планомъ и присовокупилъ новые доводы, окончательно разрушавшіе сладкія мечты влюбленнаго артиллериста. Наконецъ Рыльевъ всталъ, медленно поднялся и старикъ, полагавшій что дѣло уже окончено. „Я люблю васудочъ,“ снова началъ Рыльевъ, „и рѣшился не выходить изъ этой комнаты, не получивъ вашего согласія на нашъ бракъ....“ — „Что вы хотите этимъ сказать?“ — „Что я не выйду отсюда живой.“ При этихъ словахъ Рыльевъ вынулъ изъ кармана пистолетъ. Кроткій и миролюбивый Тевяшовъ питалъ крайнее отвращеніе ко всякому оружію, особенно огнестрѣльному, и потому при видѣ пистолета бросился къ Рыльеву и схватилъ его за руку. „Да подумали ли вы о томъ что еслибъ я и согласился на вашъ бракъ, то не могу же принудить къ тому мою дочь,“ проговорилъ взволнованный старикъ.... Въ эту минуту двери распахнулись, и любимая дочь съ рыданіями бросилась на шею своего отца: „Папенька, отдайте за Кондратія Федоровича или въ монастырь!“ и съ этими словами упала безъ чувствъ. Старикъ, не ожидавшій съ этой стороны нападенія, былъ застигнутъ врасплохъ. Спротивляться долѣе взаимному влеченію молодыхъ людей едва ли ему было и возможно. Старикъ закрѣпилъ ихъ чувства своимъ благословеніемъ. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ 22-го января 1820 года.

Вскорѣ затѣмъ Рыльевъ вышелъ въ отставку подпоручикомъ и отправился на жительство въ Петербургъ. По пріѣздѣ въ столицу онъ поселился съ молодою женою на Васильевскомъ острову, въ 16-й линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, въ деревянномъ одноэтажномъ домѣ Безбородова. Въ угловой комнатѣ этого дома, выходившаго окнами на улицу, онъ далъ помѣщеніе незаконной дочери своего отца, Аннѣ Федоровнѣ, дѣвушкѣ не молодой, но вѣтряной и надѣлавшей ему много хлопотъ. Изъ-за нея онъ стрѣлялся съ полковникомъ княземъ Ш. и былъ раненъ въ ступню. Я помню какъ послѣ этой дуэли онъ долго лежалъ въ постели и потомъ нѣкоторое время ходилъ прихрамывая. На этой дуэли былъ необыкновенный случай, едва ли не единственный со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія. Противники должны были стрѣлять въ одно время, по командѣ одного изъ секундантовъ. Но князь Ш. спустилъ курокъ

моментомъ ранѣе. Не успѣвъ оны опустить своего дымащагося дула, какъ пушолетъ былъ вышибенъ изъ его руки. Оказалось что пуля Рылѣева попала въ пушолетное дуло князя Ш. Анна Федоровна пользовалась въ домѣ Рылѣева всѣми правами родной сестры и потомъ, когда оны переѣхали въ зданіе Американской Компаніи что у Синяго моста, получала отъ него средства для безбѣднаго существованія. Въ домѣ Безбородова оны лишился единственнаго своего сына, младенца Александра, схороненнаго на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ извѣстной и надѣлавшей въ свое время много шума дуэль Чернова съ Новосильцовымъ Рылѣевъ принималъ участіе въ качествѣ секунданта Чернова, которому оны приходился двоюроднымъ братомъ, ибо матери ихъ были родными сестрами. Эта дуэль произошла такимъ образомъ: штабсъ-капитанъ квартирмейстерской части Галаминъ, производившій съемку окрестностей села Рождествена, по окончаніи ея много разказывалъ о дивной красотѣ дочери генераль-маіора Чернова, Аграфены Пахомовны, жившей съ своею матерью неподалеку отъ Рождествена въ своемъ помѣстьѣ. Воспламененный разказами Галамина, кавалергардскій поручикъ Владиміръ Новосильцовъ отправился въ имѣніе Черновыхъ и тамъ познакомился въ ихъ семействѣ. Дѣвица Чернова дѣйствительно была красоты необыкновенной. Черезъ нѣсколько недѣль знакомства Новосильцовъ сдѣлалъ ей предложеніе, и получивъ согласіе родителей ея на бракъ, уговорилъ мать переѣхать въ Петербургъ, гдѣ, поселившись въ одномъ домѣ съ ними, бывалъ у нихъ ежедневно, и какъ женихъ, даже выѣзжалъ въ своемъ экипажѣ вдвоемъ съ невестой. Но потомъ, когда оны обратился къ своей матери за дозволеніемъ ему жениться, то мать его, Екатерина Владиміровна, урожденная графиня Орлова, рѣшительно воспротивилась этому браку. Гордая аристократка не могла помириться съ мыслью чтобъ единственный сынъ ея женился на дѣвушкѣ изъ небогатой фамиліи. Носился слухъ, будто ее въ особенности смущало неблагозвучное имя будущей невестки. Какъ бы то ни было, но Новосильцовъ, не желая спориться со своею матушкой, а можетъ-быть и вслѣдствіе охлажденія, почелъ за лучшее покориться ея волѣ и отложить бракъ на неопредѣленное время. Прекративъ затѣмъ свои посѣщенія въ домѣ Черновыхъ, оны неосмотрительно тщеславился въ обществѣ прежними отношеніями своими

къ этому семейству. Рыльевъ зналъ о щекотливомъ положеніи своей двоюродной сестры отъ одного изъ братьевъ ея, подпоручика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Чернова. Сей послѣдній, по совѣщаніи съ Рыльевымъ, написалъ къ Новосильцову письмо, требуя объясненій въ его поведеніи. Получивъ уклончивый и нѣсколько рѣзкій отвѣтъ, онъ отправилъ Рыльева къ Новосильцову съ вызовомъ на поединокъ. Въ опредѣленный часъ противники съѣхались за заставой, по Муринской дорогѣ, въ паркѣ Лѣснаго Института. Секунданты развели ихъ по мѣстамъ и подали пистолеты. По командѣ Рыльева, они выстрѣлили другъ въ друга, и оба пали смертельно раненые. Новосильцовъ былъ раненъ въ животъ, перенесенъ былъ въ ближайшій трактиръ, гдѣ и умеръ чрезъ сутки, на биліардѣ. Въ послѣдствіи неутѣшная мать построила на этомъ мѣстѣ церковь. Должно замѣтить, что онъ стрѣлялся уже имѣя согласіе своей матери на вступленіе въ бракъ. Черновъ умеръ чрезъ недѣлю и погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ. Огромное стеченіе народа, шедшаго пѣшкомъ за его гробомъ, имѣло видъ громкаго заявленія сочувствія къ молодому человѣку павшему жертвой общественныхъ предразсудковъ. Поединокъ Чернова съ Новосильцовымъ до настоящаго времени приводится нѣкоторыми юристами въ примѣръ неразрѣшимости легальнымъ путемъ нѣкоторыхъ случаевъ изъ частной жизни. Должно, однакожъ, надѣяться, что со временемъ здравый смыслъ законодателей нашихъ положить предѣлъ варварскому предразсудку, и законъ восторжествуетъ надъ самоуправствомъ, ничего не разрѣшающимъ и всего менѣе вопросы о чести.

Вечеру 14-го декабря Рыльевъ явился домой пасмурнымъ и молчаливымъ. Напившись чаю, сказалъ женѣ: „Худо, мой другъ; всѣхъ моихъ друзей берутъ подъ стражу, вѣроятно, не избѣгнуть и мнѣ общей участи.“ Отправившись въ свой кабинетъ, онъ улегся на диванъ. Послѣ полуночи пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и объявилъ ему повелѣніе объ арестованіи его. Рыльевъ одѣлся на-скоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко сжалъ въ объятіяхъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести, и поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился въ двери.

Предъ слѣдственною комиссіею онъ принесъ полное раскаяніе, нисколько не увлекаясь надеждою избѣгнуть тяжкой

но заслуженной кары. На всѣ вопросы комиссiи онъ отвѣчалъ со всею откровенностію, о которой можно судить по послѣднему его показанію: „Впрочемъ, я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го декабря: я могъ все остановить и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно, нужную для блага Россіи, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей.“ Въ началѣ іюня дозволено было Рылѣеву даже имѣть свиданіе съ семействомъ, то-есть съ женою и дочерью. На этомъ свиданіи довелось быть и мнѣ. Мы отправились въ Петропавловскую крѣпость въ коляскѣ. Наталья Михайловна съ бабушкой, Прасковьей Васильевной, сидѣли рядомъ, Настенька и я сидѣли напротивъ. Проѣхавъ Іоанновскія ворота, мы сейчасъ же остановились, не доѣзжая паласадики. Наталья Михайловна съ Настенькой отправились въ казематъ, а мы съ бабушкой остались въ экипажѣ. Спустя три четверти часа Наталья Михайловна и Настенька возвратились въ слезахъ, безпрестанно оглядываясь на одно окно. На окнѣ, за желѣзною рѣшеткой, стоялъ Рылѣевъ, въ бѣлой одеждѣ, слегка потрясая воздѣтыми къ небу руками. Сидя въ коляскѣ, мы смотрѣли на окно каземата и заливались слезами. Кучеръ Петръ, снявъ свою шляпу, громко рыдалъ и причитывалъ, какъ это водится въ деревняхъ, по умершемъ. Наконецъ мы тронулись.

Рылѣевъ принадлежалъ къ числу немногихъ узниковъ которымъ Высочайше разрѣшено было переписываться со своимъ семействомъ. Имѣется основаніе предполагать что разрѣшеніе сіе было послѣдствіемъ его прямодушныхъ отвѣтовъ. Въ послѣдствіи мнѣ случилось прочесть въ одномъ изъ лондонскихъ изданій удостовѣреніе Герцена или Бакунина, будто написанное Рылѣевымъ за нѣсколько часовъ предъ смертію письмо, въ которомъ онъ выражаетъ свое раскаяніе и христіанскія убѣжденія, подложное и никогда не существовало. Я, съ своей стороны, считаю долгомъ засвидѣтельствовать что оно дѣйствительно было имъ написано и въ моемъ присутствіи вручено женѣ Рылѣева Ѳ. И. Прявишниковымъ, бывшимъ потомъ главноуправляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ, а тогда завѣдывавшимъ перепиской съ заключенными. Что касается до стиховъ написанныхъ будто бы

имъ въ крѣпости и ходившихъ потомъ по рукамъ подъ его именемъ, то могу также удостовѣрить, что во всѣхъ его письмахъ, посланныхъ изъ заточенія, прочитанныхъ мною и до настоящей минуты сохраняющихся въ цѣлости, не было ни одной рижованной строки.

Напечатанное въ запискахъ Греча послѣднее письмо Рыльева передано не совсѣмъ вѣрно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно подправлено, а въ другихъ имѣетъ небольшіе пропуски. Привожу оное въ точномъ видѣ:

„Богъ и государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть, и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя! За душу мою молись Богу, Онъ услышитъ твои молитвы! Не ропщи ни на Него, ни на государя: это будетъ безразсудно и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые пути Непостижимаго? Я ни разу не возроптавъ во все время моего заключенія, и за то Духъ Святый дивно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ: и въ сію минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ! О, милый другъ, какъ спасительно быть христианиномъ! Благодарю моего Создателя, что Онъ меня просвѣтилъ, и что я умираю во Христвѣ! Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію, ищи утѣшенія въ религіи! Я просилъ нашего священника посвятить тебя. Слушай совѣтовъ его, и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ привнательности моей или, лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее чтобы она проостила меня; равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же; К. И. и дѣтямъ ея кланяйся и скажи чтобъ они не роптали на меня за М. П.: не я его вовлекъ въ общую бѣду; онъ самъ объ этомъ засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, чтобы не разстроить себя. Молю за тебя и за Наст. и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причастить. Настеньку благословляю мысленно Нерукотвореннымъ Образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому прокровительству живаго Бога! Прошу тебя болѣе всего: заботься о воспитаніи ея, я желалъ бы чтобъ она была воспитана при тебѣ. Старайся переселить въ нее свои христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, несмотря ни на какія превратности въ

жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый другъ, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіи восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ! Богъ тебя наградитъ за все!...

„Почтеннѣйшей П. В. моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность.

„Прощай!... Велятъ одѣваться.... Да будетъ Его святая воля!...

„Твой истинный другъ Кондратій Рылѣевъ.“

„У меня остались здѣсь 530 р., можетъ-быть, отдадутъ тебѣ!...“

Последняя приписка, свидѣтельствующая весьма понятную заботливость умирающаго отца объ остающемся семействѣ, подала поводъ Гречу замѣтить о Рылѣевѣ что онъ передъ смертію распоряжался какою-то неважною суммой, какъ-будто вѣхалъ на дачу. Объ очевидной неумѣстности этого замѣчанія полагаю излишнимъ распространяться.

Перехожу къ явленію болѣе утѣшительному. Для характеристики покойнаго государя необходимо привести здѣсь одну замѣчательную черту его великодушія. Выше я уже упомянулъ что императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ Рылѣеву не только переписываться, но даже и имѣть свиданіе съ своимъ семействомъ. Многие, вѣроятно, будутъ крайне удивлены, когда узнаютъ что государь сей въ отношеніи семейства важнѣйшаго изъ государственныхъ преступниковъ простеръ великодушіе свое еще гораздо далѣе: вдова Рылѣева, находившаяся тогда въ весьма затруднительномъ положеніи, получила семь или шесть тысячъ рублей вспоможенія, и не только дочь его, но и внука, приняты были въ посадьствіи, первая—въ Патриотическій, а вторая—въ Елисаветинскій институты на счетъ собственныхъ суммъ его величества.

ДМ. КРОПОВЪ.

ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ МЯТЕЖЪ 1861—1863 ГОДОВЪ *

VIII.

Внутренній смыслъ политическихъ демонстрацій въ Западномъ краѣ, въ теченіе 1861 и 1862 годовъ, заключался въ торжественномъ заявленіи тамошней польской партіи предъ Россіей и Европой что „польская народность“ признаетъ этотъ край безусловно польскимъ, и что она рѣшается вступить въ открытую борьбу съ русскимъ правительствомъ для возстановленія Рѣчи Посполитой.

Такъ какъ къ польской народности Западнаго края причисляли себя исключительно дворянство и римско-католическое духовенство, то объявивъ себя представителями *всего населенія края*, эти два сословія, отъ начала до конца агитаціи, и были единственными ея дѣятелями. Окатоличенная часть мѣстнаго городского населенія привлекалась къ волненіямъ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, и то мѣрами искусственными: деньгами, обманами, пирушками, обѣщаніями, угрозами.

Исключительное участіе въ мятежѣ дворянства и духовенства отразилось и на характерѣ манифестацій: однѣ изъ нихъ совершались подѣ непосредственнымъ руководствомъ крупнаго помѣстнаго дворянства, другія подѣ руководствомъ духовенства. Разница между этими двумя родами демонстрацій состоитъ въ томъ что первыя обходились безо всякаго

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1860 г. №№ 1 и 2.

участія въ нихъ ксендзовъ; въ послѣднихъ же дворянство и духовенство дѣйствовали вмѣстѣ, рука объ руку. Каждый изъ двухъ названныхъ родовъ подраздѣлялся, согласно условіямъ времени и мѣстности, на виды. Начнемъ съ демонстрацій при участіи костела.

Этого рода демонстраціи, начавшіяся паннихидами, усилились присоединеніемъ къ нимъ сначала пѣнія революціонныхъ гимновъ въ костелахъ и на улицахъ и наконецъ вплоть развились введеніемъ въ число манифестацій духовныхъ процессій, сначала религіознаго, а затѣмъ уже открыто политическаго характера.

Всѣ демонстраціи, при содѣйствіи костела, были лишь воспроизведеніемъ манифестацій варшавскихъ. Костель искусно проводилъ въ массы идею о солидарности польской партіи Западнаго края съ революціонерами Царства Польскаго, стараясь, по возможности, придать варшавскимъ событіямъ въ глазахъ народа характеръ не столько политической сколько религіозный. Въ матеріалахъ для этого не могло быть недостатка, потому что Поляки не останавливались ни предъ извращеніемъ, ни предъ сочиненіемъ фактовъ. Февральскія событія въ Варшавѣ послужили для польской партіи Сѣверо-Западнаго края сигнальною ракетой къ открытію волненій. Заупокойныя паннихиды по такъ-называемымъ *пяти жертвамъ* павшимъ тамъ въ стычкѣ 13-го февраля и, съ разрѣшенія русскихъ властей, похороненнымъ съ необываемою помпой, были со стороны литовскаго дворянства первымъ, послѣ 1831 года, открытымъ заявленіемъ сочувствія варшавскимъ революціонерамъ и готовности вступить въ борьбу съ русскими властями. Для администраціи Сѣверо-Западнаго края наступало трудное время: было очевидно что отъ того какъ отнесется она къ этому первому проявленію волненій зависѣла и степень развитія агитаціи въ будущемъ. Польское дворянство, пуская пробный шаръ, въ видѣ паннихиды по *варшавскимъ мученикамъ*, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за первымъ впечатлѣніемъ манифестаціи на начальствующихъ лицъ и за каждымъ шагомъ послѣднихъ въ отношеніи польской партіи и мѣстнаго населенія.

Въ послѣднихъ числахъ февраля броженіе умовъ въ Вильнѣ было уже весьма сильное, но оно ограничивалось пока исключительно средой высшаго польскаго дворянства, во главѣ котораго, въ отношеніи руководства въ дѣлѣ агитаціи, стоялъ

одинъ изъ самыхъ крупныхъ пановъ края, предъ тѣмъ всысканный монаршими милостями и даже возведенный въ придворное званіе. Его домъ сдѣлался центромъ изъ котораго исходили вчинанія направляемыя противъ русской власти въ край. По общей молвѣ, одинаково ходившей между Русскими и Поляками и не разъ появлявшейся въ нашей печати, роль графа Андрея Замойскаго была при этомъ предметомъ честолюбивыхъ помысловъ виленскаго пана. Не входя въ разборъ степени достовѣрности этой молвы, вельзя, однако, не замѣтить, что популярность Замойскаго, — безспорно одного изъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ просвѣщенныхъ вожаковъ польщизны, — не выросла какъ грибокъ, а создалась тридцатилѣтнею широкою и трудною его дѣятельностью, направленною къ объединенію, посредствомъ экономическихъ интересовъ, Польши съ Западнымъ краемъ, личнымъ вліяніемъ его на развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ и первенствующею ролью не только въ средѣ тамошняго дворянства, но и въ средѣ рабочихъ классовъ. Разумѣется, не трудно было подражать этому человѣку на поприщѣ революціонныхъ скандаловъ, но для того чтобы стремиться стать, подобно ему, во главѣ возстанія, недостаточно было имѣть титулованную фамилію да обширныя помѣстья, а нужно было лично пріобрѣсть, прежде всего, говорящее для польщизны прошлое. Борьба съ Замойскимъ, какъ врагомъ, была для насъ сопряжена съ трудностями, и исходъ ея оставилъ по себѣ впечатлѣніе въ общественномъ мнѣніи Поляковъ, тогда какъ для разрѣшенія вопроса объ исходѣ борьбы съ его виленскимъ соперникомъ за глаза достаточно было бумаги съ генераль-губернаторскою подписью.

Первыя фазы начавшихся волненій обнаружилась въ пассивной оппозиціи высшихъ слоевъ польскаго дворянства: мушкетеры и дамы высшаго круга перестали посѣщать театръ и общественныя собранія; крупныя паны избѣгали принимать у себя Русскихъ и тѣхъ Поляковъ которые считались преданными правительству; даже нѣкоторые вліятельныя административныя лица имѣли случаи испытывать лично на себѣ холодность, чтобы не сказать сильнѣе, польской губернской знати. Эти предвѣстники волненій тянулись впрочемъ не долго: 2-го марта была уже первая демонстрація, имѣвшая впрочемъ, по наружности, мирную обстановку. Въ этотъ день общаго поминовенія уопшихъ все высшее польское обще-

ство въ Вильнѣ, въ глубокомъ траурѣ, съѣхалось въ костелъ Св. Іоанна (бывшій университетскій) гдѣ была торжественно отслужена паннихида о пяти варшавскихъ „жертвахъ“. Виленскія власти, *знавшія еще наканунѣ* о намѣреніи пановъ устроить демонстрацію, дабы знать римско-католическому епископу чтобъ онъ запретилъ духовенству произнесеміе проповѣди и упоминаніе именъ убитыхъ въ Варшавѣ, что и было исполнено. Паны, открывая демонстраціи, не желали, однако, быть въ костелѣ одни: сдѣлано было распоряженіе чтобы на паннихиду явились ремесленники и крестьяне ближайшихъ къ Вильнѣ деревень. Первыхъ было нѣсколько человекъ, изъ крестьянъ ни одного.

Первая демонстрація прошла спокойно: администрація, затруднявшаяся въ изысканіи мѣръ для воспрепятствованія первому политическому скандалу, считала однако нужнымъ сообщить о происшествіи въ Петербургъ, назвавъ при этомъ и имя главнаго агитатора. Въ этой демонстраціи вышнее дворянство виленское и, какъ мы сейчасъ увидимъ, другихъ губерній края дѣйствовало пока или одно, или во главѣ мелкой шляхты: жокакамъ партіи бѣлыхъ надо было втянуть въ агитацию босоногою и чиновную шляхту да школьничковъ, тогда еще робкихъ предъ русскою властью, дабы затѣмъ отступить, для вида, на второй планъ и начать предъ русскою администраціей обычную пѣснь о своемъ могущественномъ значеніи для Россіи въ качествѣ „ея охранительнаго элемента“ и да „поддержки русскаго престола“.*

Въ Гродненской губерніи, въ городахъ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ, паннихиды по „пяти жертвамъ“ отслужены были нѣсколько ранѣе, прежде всего въ Брестѣ. Тамъ предполагалось совершить паннихиду на Кобринскомъ форштадтѣ, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ и церковными и цеховыми хоругвями; на эту церемонію уже собирались пожертвованія. Во главѣ агитаціи стоялъ мѣстный предводитель дворянства Гажичъ, незадолго предъ тѣмъ перешедшій съ своими дочерьми изъ православія въ католицизмъ.

Брестская крѣпость подчинена была коменданту генералъ-лейтенанту Бартоломею; городъ же состоялъ подъ начальствомъ городничаго, официально не подчиненнаго коменданту. Генералъ

* Такъ называется польское дворянство крупный панъ-повстанецъ *ж. Замысль* о которой мы упоминали въ предыдущей главѣ.

Бартоломей, знавшій о приготовленияхъ брестскаго польскаго дворянства и его уѣзднаго предводителя, формально отнесся къ городничему съ требованіемъ принять мѣры противъ агитаціи. Несмотря однако на это требованіе, 25-го февраля паннихида въ память убитыхъ Поляковъ была отслужена, причемъ новообращенный католикъ-предводитель во все время службы стоялъ предъ алтаремъ на кофляхъ. Гродненскія власти, крайне недовольныя внимательствомъ въ дѣло паннихиды коменданта, жаловались на это въ Вильну, утверждая что на его отвѣтственность возможна только крѣпость, а отнюдь не городъ, который-де подчиненъ единственно городничему. Гнѣвъ этотъ на генерала Бартоломея происходилъ, однако, вовсе не оттого чтобы со стороны самихъ властей приняты были противъ манифестацій какія-нибудь мѣры. Напротивъ, эти власти смотрѣли на начавшуюся бурю по-своему. По ихъ мнѣнію, официально сообщенному въ Вильну, *„вообще не слѣдуетъ обращать особеннаго вниманія на богослуженіе (въ память убитыхъ въ Варшавѣ), тѣмъ болѣе что, по удостовѣренію генераль-лейтенанта Бартоломея, оно совершалось безъ всякихъ публичныхъ демонстрацій. Что же касается до волненія умовъ, то неизвестно на чьей онѣ, е. комендантъ, свое мнѣніе основываетъ“*.

При такомъ возрѣніи, понятно, что въ самомъ Гроднѣ демонстративная паннихида о пяти жертвахъ прошла *незамѣченною* для администраціи, и въ губерніи оказалось бы „все благополучнымъ“, еслибы не стали поступать изъ уѣздовъ донесенія что и тамъ тоже совершаются траурныя служенія демонстративнаго характера. Такъ, паннихида совершена была въ Слонимѣ, 2-го марта, въ монастырѣ Бернардиновѣ, причемъ ей приданъ былъ частный характеръ траурнаго служенія за упокой души одного мѣстнаго помѣщика. „Съѣздъ на оное помѣщиковъ былъ весьма значительный“, гласило донесеніе слонимскаго городничаго Божанова.

Донесеніе это крѣпко не понравилось въ Гроднѣ; по необходимости, его представили однако въ Вильну, заботливо повторяя что „не слѣдуетъ обращать большаго вниманія на богослуженіе, такъ какъ оно совершалось безъ публичной огласки и не повлекло за собой безпорядковъ. Что же касается упоминаемаго въ рапортѣ городничаго Божанова *какого-то напряженнаго состоянія мыслей и умовъ жителей города Слонима*, то оно легко объясняется *сочувствіемъ*

которое действительно существует между дворянством Гродненской губернии къ жертвамъ бышимъ въ Варшавѣ безпорядковъ“. Такое сознание было уже шагомъ впередъ послѣ вышеприведеннаго отзыва о брестской демонстраціи.

Въ томъ же духѣ, но съ большою осторожностью, присланы были извѣстія изъ Бѣлостока гдѣ „при паннихидѣ, совершенной въ костелѣ, находились всѣ служащіе и было большое стеченіе народа, ибо *предводитель дворянства* обязалъ всѣхъ ремесленниковъ при томъ присутствовать и хотѣлъ принудить городского голову, Еврея, убѣдить своихъ единовѣрцевъ совершить подобное же служеніе“. „Мушныя не служащіе, дамы-католички и ихъ дѣти всѣ носятъ глубокой трауръ“, писали по этому поводу урядныя власти изъ Бѣлостока. „Въ костелѣ были приглашены и Евреи, но изъ нихъ было только до шести человекъ, въ томъ числѣ два Рабиновича, которые въ Бѣлостокѣ содержатъ книжную лавку, и эти Евреи, за бытность ихъ въ костелѣ, навлекли на себя всеобщее негодование своихъ единовѣрцевъ.“

Не перечисляя остальныхъ паннихидъ въ Гродненской губерніи, замѣтимъ, что когда изъ Петербурга получено было извѣстіе что высшее правительство смотритъ на агитацію вовсе не съ тою снисходительностью какъ гродненскія губернскія власти, изъ Гродна полетѣли предводителямъ дворянства, деканамъ римско-католическаго духовенства, земскимъ исправникамъ и городничимъ строгіе циркуляры, порицавшіе демонстрацію.

Въ Ковнѣ 9-го марта въ Августіанскомъ костелѣ паннихидъ было отправлено двѣ, обѣ, по наружности, въ память недавно умершихъ помѣщиковъ. По окончаніи службы собрано было въ пособіе семействамъ убитыхъ въ Варшавѣ 500 рублей и отправлено, *чрезъ ковенскую почтовую контору*, въ Варшаву, въ редакцію *Ежедневной Газеты*, для передачи въ тамошній комитетъ, приглашенія котораго къ участию въ пожертвованіяхъ печатались тогда во всѣхъ польскихъ газетахъ, выдававшихъ съ разрѣшенія цензуры.

Траурныя паннихиды гласно совершены были во всѣхъ урядныхъ городахъ Ковенской губерніи; только изъ Шавель и Ново-Александровска не было объ этомъ извѣстій. Изъ числа паннихидъ Ковенской губерніи наиболее замѣчательна, по торжественности, повѣщѣнная, отслуженная подъ предлогомъ потребенія одного десятилѣтняго мальчика, гимназиста. Ее

совершили десять късендзовъ, при огромномъ стеченіи народа и въ особенности мѣстныхъ помѣщиковъ, причемъ денежный сборъ простирался до 2.000 руб.

Деньги пожертвованныя на этихъ паннихидахъ для семействъ убитыхъ были довольно значительны, если принять въ соображеніе что онѣ собирались во всѣхъ городахъ Западнаго края и Царства Польскаго. Центральная администрація края очень добивалась собрать точныя данныя какъ о количествѣ пожертвованныхъ денегъ, такъ и о лицахъ которыми ими распоряжались, но не могла достигъ этого. Демъги для семействъ „пяти жертвъ“, собирались еще довольно гласно, но всѣ прочія приношенія на возстаніе дѣлались тайно и доуврѣнными отъ польской партіи лицами. Поэтому въ числѣ сборовъ того времени извѣстны, и то случайно, лишь нѣкоторыя; между ними особенно замѣчательна тайная складчина дворянъ Россіенскаго уѣзда *„на наемъ на мѣсть демонстраторовъ изъ людей праздныхъ и мальчишекъ“*.

Высшее дворянство подало первый примѣръ демонстрацій въ формѣ паннихидъ, усердно поддерживало ихъ и постепенно вовлекало въ агитацію мелкую шляхту и молодежь. Въ теченіи марта и апрѣля паннихиды успѣли сдѣлаться явленіемъ до того обычнымъ что по поводу ихъ не признавалось нужнымъ даже принимать особенно строгія административныя мѣры. Въ Вильнѣ изъ числа паннихидъ, въ теченіи марта и апрѣля, двѣ, совершенныя въ соборахъ, отличались особенною торжественностью и пышностью.

Паннихиды собственно по варшавскихъ „пяти мученикахъ“ прекратились въ концѣ апрѣля и началѣ мая, когда костельныя демонстраціи стали принимать болѣе рѣзкій характеръ введеніемъ въ нихъ пѣнія революціонныхъ гимновъ; служеніе же паннихидъ по другимъ случаямъ продолжалось въ теченіе всего періода демонстрацій. Польское дворянство, успѣвъ достигъ своей цѣли, старалось быть менѣ замѣтнымъ, хотя въ теченіи перваго полугодія періода демонстрацій оно, для поддержки волненій и изъ опасенія чтобы революціонныя страсти, за недостаткомъ топлива, не погасли, должно было руководить большинствомъ демонстрацій.

Что касается собственно до учащейся молодежи, то съ мая она была уже вполне увлечена въ религиозныя демонстраціи, и получивъ въ нихъ очень видную роль, доставила панамъ возможность увѣрять администрацію будто школьники—

коренная причина безпорядков и главная действующая въ нихъ сила. Дѣйствительно, на демонстративныхъ паннихидахъ послѣдующаго времени, гимназисты и студенты стали лицами неизбѣжными. Наиболее замѣчательная изъ паннихидъ была 9-го юня 1861 года, въ вилненскомъ костелѣ Св. Іоанна, по случаю смерти за границей Лелевеля *, извѣстнаго польскаго историка и бывшаго профессора Вилненскаго университета. На нее стеклось множество народа, преимущественно изъ высшаго сословія, а также учениковъ гимназій. При богослуженіи ксендзь францисканскаго ордена Булакъ говорилъ проповѣдь, въ которой вспоминалъ прошедшія времена Польши, „полныя науки и славы, выхвалялъ доблестную молодежь, совѣтовалъ не упасть душою, быть твердыми и постоянными въ надеждѣ на лучшую будущность, и выражалъ убѣжденіе что *нужно одинъ разъ умереть, а потому лучше умереть за отечество, чѣмъ де высоко цѣнится и тамъ (на небѣ) и здѣсь (на землѣ).*“ Въ заключеніе онъ ставилъ Лелевеля въ особенную заслугу то что послѣдній былъ Полакъ.

Объ этой проповѣди сообщено было епископу, который отвѣчалъ, что „Булакъ находится въ монастырѣ францискановъ на испытаніи и до окончанія въ новиціатѣ студіевъ не въ правѣ проповѣдывать, то и воспрещено ему, какъ во Францисканскомъ, такъ и во всѣхъ костелахъ города Вильны, произносить проповѣди до разрѣшенія епархіальнаго начальства“.

Кончина варшавскаго архіепископа Фіалковскаго, который пользовался во время демонстрацій большою популярностію за свое потворство агитаторамъ, вызвала въ краѣ рядъ паннихидъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Въ Вильнѣ 18-го октября 1861 года траурное служеніе было совершено во Францисканскомъ костелѣ, гдѣ, по его окончаніи, пропѣта была учениками и десятью женщинами революціонная пѣснь составленная по случаю смерти Фіалковскаго. Въ Гроднѣ паннихида по Фіалковскомъ (27-го сентября) была отправлена не менѣе торжественно. Начальство командировало въ костелъ для наблюденія частнаго пристава и квартальнаго надзирателя; но ни тотъ, ни другой не исполняли порученія.

* Паннихида по немъ служилась во всемъ почти Западномъ краѣ, даже въ Кіевѣ (16-го октября).

Первый изъ нихъ говорилъ что „по множеству дѣлъ“ прибыль въ костелъ уже по окончаніи службы, „а послѣдній—что хотя и присутствовалъ во время службы, но вышелъ не дожидаясь пока разойдется весь народъ, полагая что по окончаніи службы пѣнія не будетъ“. Начальство все-таки добивалось получить о паннихидѣ свѣдѣніе, собрало о ней справки у нѣкоторыхъ „заслуживающихъ довѣрія“ людей и у коэвза. Послѣднему удалось вполнѣ успокоить начальство увѣреніемъ что „по окончаніи паннихиды немногими оставшимися пропѣта была дозволенная пѣснь Пресвятой Богородицы, только на тонъ извѣстнаго возмутительнаго гимна“.

9-го октября назначена была въ ковенскомъ Августіанскомъ костелѣ паннихида за упокой Ѡаддея Костюшки. Губернаторъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, предупредилъ настоятеля костела (словесно и письменно) чтобы въ тотъ день не служить ни паннихиды, ни торжественнаго молебствія. Несмотря на это паннихида была совершена, но дабы замаскировать ея демонстративный характеръ, объявлялось что она служится по какомъ-то мѣстномъ жителѣ Ѡаддеѣ Кульвецѣ который-де умеръ предъ тѣмъ года за три. Эта фамилія приискана была чтобъ объяснить легально выставку въ костелѣ, надъ траурнымъ катафалкомъ, первоначальныхъ буквъ имени и фамиліи Костюшки, Т. и К. На паннихидѣ присутствовали и дворяне собравшіеся въ городъ на выборы.

Такая же паннихида по Костюшкѣ была отслужена и въ бѣлостокскомъ костелѣ, 20-го октября 1862 года, со всею торжественностью, съ катафалкомъ, множествомъ свѣчъ и хоругвами. Дабы замаскировать демонстрацію, распущенъ былъ слухъ будто служба отправлялась по родителямъ бѣлостокскихъ монахинь сестеръ милосердія. Въ минокскомъ кафедральномъ соборѣ отслужена была по Костюшкѣ паннихида 4-го октября (день его кончины) въ 7 часовъ утра. Стеченіе народа было значительное; въ числѣ молившихся было не мало учениковъ гимназій и воспитанницъ минскихъ частныхъ пансіоновъ. Сверхъ названныхъ паннихидъ отправлялись въ западныхъ губерніяхъ еще слѣдующія: по разстрѣлянныхъ офицерахъ Арнольдѣ и Сливицкомъ, по Рылѣ, Ржондѣ и Ярошинскомъ, и по умершемъ осенью 1861 года князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ.

Паннихиды по названнымъ офицерамъ отправлены были и въ Царствѣ Польскомъ, и отчасти въ западныхъ губерніяхъ.

съ цѣлью произвести впечатлѣніе на войска. Офицеры служившіе въ квартированномъ въ Новогеоргиевскѣ 4-мъ стрѣльковомъ баталіонѣ, поручикъ Аригольдъ и подпоручикъ Славичкій (оба православные и воспитанники Павловскаго кадетскаго корпуса), вмѣстѣ съ двумя унтеръ-офицерами Поляками, уличены были въ революціонной пропагандѣ между нижними чинами и, по приговору военнаго суда, разстрѣляны. Агитаторы воспользовались этимъ случаемъ для распространения въ войскахъ * стоявшихъ въ Западномъ крайѣ *Духовнаго завѣщанія поручиковъ Аригольда, Славичкаго, унтеръ-офицера Ростковскаго, рядоваго Шура, погибшихъ мученической смертью 16-го іюня 1862 года въ крѣпости Новогеоргиевскѣ*. Это завѣщаніе, разумѣется подложное, убѣждаетъ солдатъ перестать повиноваться начальству.

Не менѣе любопытно было торжественное отправленіе въ костелахъ паннихидъ по кинжальщикахъ Рылѣ, Ржонцѣ и Ярошинскомъ, родоначальникахъ жандармовъ - вѣшателей. Двое первыхъ, какъ извѣстно, покушались на жизнь Велѣпольскаго, послѣдній на жизнь Великаго Князя Намѣстника.

28-го августа 1862 года въ минскомъ римско-католическомъ кафедральномъ костелѣ совершена была мѣстнымъ ксендзомъ, при немаломъ стеченіи народа, паннихида за упокой умершей два года предъ тѣмъ вдовы Сосновской, но по розыску оказалось что паннихида эта отправлена за Ярошинскаго, и что при совершеніи ея нѣкоторыми изъ патріотовъ были раздаваемы присутствовавшимъ свѣчи, однѣ съ надписью золотыми буквами, а другія съ привѣщенными записками: „*Świętej pamięci Iaroszynskiego.*“ **

Въ Бѣлостокѣ римско-католическое духовенство, 11, 16 и 17-го Августа 1862 года служило по Рылѣ, Ржонцѣ и Яро-

* Между войсками расположенными въ западномъ пограничномъ пространствѣ польская партія усердно старалась распространять воззванія въ разчетъ подорвать ими довѣріе солдата къ начальникамъ. Лишь говорить что воззванія эти возбуждали въ солдатахъ только смѣхъ. Изъ наиболѣе распространенныхъ въ ту пору по краю воззваній замѣчательно особенно слѣдующее: „*что надо дѣлать войску?*“ Оно развито на тему: „А чего хочетъ Полякъ? Воли! А чего хочетъ мужикъ? Воли! Стало: они хотятъ одного и того же? И за это ихъ бить?“ Мѣстомъ, печатанія показанъ Петербургъ, но по нѣкоторымъ признакамъ, воззваніе принадлежитъ къ лондонскимъ произведеніямъ.

** Святой памяти Ярошинскаго.

шиномъ паннихиды съ присвоенными этому служенію у католиковъ церемоніями, „при исполненіи коихъ, гласить до-несеніе, присутствовало много женщинъ, въ особенности изъ высшаго сословія, одѣтыхъ въ глубокомъ траурѣ. За симъ католическое духовенство, опасаясь подвергнуться взысканію за таковыя дѣйствія, распустило слухъ будто помянутыя паннихиды были отправляемы, согласно просьбѣ какихъ-то крестьянъ, по ихъ умершимъ родственникамъ.“

Паннихиды, имѣвшія мѣсто преимущественно въ городахъ, служили средствомъ возбужденія шляхты и молодежи. На простой народъ, чуждый политики, онѣ не могли, конечно, производить то же раздражающее впечатлѣніе. Для возбужденія политическихъ страстей въ простолюдинѣ, нужны были иныя средства. Въ Ковенской губерніи, гдѣ католическое духовенство по большей части изъ среды мѣстнаго населенія и пользуется у крестьянъ такимъ довѣріемъ о какомъ не смѣетъ и мечтать виленскій или гродненскій ксендзъ, всего удобнѣе было дѣйствовать на религиозныя убѣжденія массъ. Поэтому ксендзы не пренебрегали ничѣмъ для развитія въ народѣ неприязни къ Русскимъ во имя различія въ вѣрѣ, и съ этой цѣлью старались укоренить въ немъ убѣжденіе что русское правительство враждебно католицизму и пользуется всякимъ случаемъ для преслѣдованія католиковъ и католической святыни. Весною 1862 года рѣшено было торжественно праздновать въ сельскихъ костелахъ годовщину событія 27-го марта (8-го апрѣля) въ Варшавѣ, когда сломанъ былъ, во время уличной демонстраціи, деревянный крестъ.

Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ эту исторію: 27 марта 1861 года, въ Варшавѣ, предъ замкомъ собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ (въ средѣ которой было множество пьяныхъ) съ требованіемъ востановленія Земледѣльческаго Общества. Чтобы разогнать ее, администрація нашла вынужденною прибѣгнуть къ употребленію вооруженной силы: въ средину толпы двинуть былъ эскадронъ, за которымъ слѣдовало нѣсколько пѣхотныхъ ротъ въ колоннахъ. Въ то время какъ масса народа, за давкой, стояла еще въ недоумѣніи, отъ смежнаго съ замковою площадью монастыря показалась большая толпа, предводимая студентомъ Новаковскимъ, который, взявъ изъ монастыря большой деревянный крестъ, съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ, быстро

двигался на наши войска, и сблизясь съ ними, въ фанатическомъ иступленіи ударилъ на нихъ съ толпой въ атаку, употребивъ вмѣсто оружія крестъ. Дивиться ли, что въ начавшейся свалкѣ крестъ былъ изломанъ? Этотъ случай послужилъ коноводамъ мятежа темой для поддержанія агитаціи и для придаванія ей религіознаго характера: стали распространять слухи будто Москали, какъ враги католицизма, ломаютъ католическіе кресты. Съ этой поры изображеніе изломаннаго креста сдѣлалось революціонною эмблемой: оно постоянно встрѣчалось на издававшихся въ ту пору революціонныхъ брошюркахъ, воззваніяхъ, затѣмъ стало даже туалетнымъ украшеніемъ и попадалось на серьгахъ, кольцахъ, запонкахъ и т. п.

Въ 1862 году, за мѣсяць до годовщины описаннаго событія, по Ковенской губерніи стали распространяться въ средѣ сельскаго населенія воззванія, въ которыхъ польская партія добивалась сдѣлать изломанный крестъ предметомъ демонстративныхъ служеній въ костелѣ. Воззванія эти были на жмудскомъ языкѣ. Сначала распространено было слѣдующее:

„Братья Жмудины! Вотъ посмотрите на изломанный крестъ. Въ городѣ Варшавѣ (1861 года 8-го апрѣля) подъ этимъ крестомъ убито Москалями 20 человекъ и одинъ ксендзь на молитвѣ. Послѣ того дѣйствительно оскверненъ костелъ, иорваны священныя вещи, опрокинуты алтари, а въ двухъ костелахъ сдѣлали Москали разбой, такъ что остались кровь и слезы (1861 года 3-го октября). За то вдругъ всѣ костелы заперты въ Варшавѣ.“

Это воззваніе было напечатано красными буквами, съ изображеніемъ на немъ переломленнаго креста, и найдено было приклееннымъ на стѣнахъ нѣсколькихъ костеловъ. Затѣмъ, за нѣсколько дней до годовщины варшавскаго событія, совпадавшей въ 1862 году съ первымъ днемъ Пасхи, распространено было въ средѣ населенія Ковенской губерніи другое воззваніе, приспособленное къ обстоятельствамъ времени. По расчетамъ агитаторовъ, между крестьянами собравшимися въ костелы по случаю праздника Пасхи должны были начаться толки о появившихся новыхъ воззваніяхъ. Ксендзы и шляхта знали уже какъ слѣдуетъ руководить такими толками. Вотъ чтò гласило это второе воззваніе.

„Всемогущій, помилуй насъ! Братья Жмудяки! этотъ перерубленный крестъ есть знакъ преслѣдованія Москалями нашей вѣры, нашей святой церкви и нашихъ братій. Выстав-

лемъ онъ здѣсь съ тѣмъ чтобы напомнить вамъ, что сей день назначемъ святою церковью для моленій за страждующихъ братій, за томящихся въ плѣну, за нашу вѣру и истину; а также для того чтобы вы оставили всѣ старыя дурныя привычки, жили въ согласіи и единствѣ, имѣли вѣру, надежду и любовь; тогда во истину, по словамъ Всемогущаго Бога, вскорѣ на вашей землѣ узрите царствіе Божіе и правду Его.“

Въ заключеніе приводимъ, для куріоза, распространенную одновременно съ названными воззваніями, и тоже по поводу изломаннаго креста, прокламацію къ *Русскимъ*, на русскомъ языкѣ, найденную въ городѣ Шавляхъ, на воротахъ мызы графа Зубова. Сохраняемъ ореографію подлинника, обнаруживающую національность автора, который выдаетъ себя, подобно нынѣшнимъ корреспондентамъ нашихъ польскихъ газетъ, за *русскаго патріота*.

„Братья Русскіе!“

„Крестъ срубленный на улицѣ Варшавы и эти сотни невѣрныхъ жертвъ падшихъ отъ стрѣловъ ненасытныхъ и кровожадныхъ палачей Русскихъ въ Варшавѣ есть фактомъ оскверненія цѣлаго христіанства. Мы *русскіе патріоты* протестуемъ противъ такихъ варварскихъ и пагубныхъ дѣйствій монгольско-нѣмецко-русскаго правленія, и повторяя слова знаменитаго Искандера, „скрестивши руки на груди просимъ прощенія у Польши“. Россія стоитъ ниже государствъ азійскихъ, ибо будучи христіанскою, поступаетъ во сто разъ хуже погань. Теперешній монгольскій деспотизмъ мѣшаетъ образованности и развитію не только въ здѣшнемъ государствѣ, но и прочимъ европейскимъ державамъ. Чтобы избѣгнуть отъ чернаго и тягостнаго пятна на сердцѣ русскомъ, *отдадимъ Польшу, Литву и Украину*. Если отдадимъ добровольно, то будемъ имѣть въ нихъ вѣрнѣйшихъ друзей и хорошихъ сосѣдей. Если же не отдадимъ добровольно, то раньше или позже народъ дотребуетъ своихъ правъ истинныхъ, надлежащихъ ему, созрѣетъ, дойдетъ до силы и будетъ непримиримымъ и заклятымъ врагомъ не только нынѣшняго монгольскаго деспотизма, но и нашей народности, съ орудіемъ въ рукахъ выгонитъ насъ изъ своего отечества какъ собакъ; затѣмъ

Реформы! Реформы!“

„Голосъ русскихъ патріотовъ.“

Пѣніе въ костелахъ революціонныхъ пѣсенъ, которымъ польская партія, а за нею и мы, стали придавать названіе гимновъ, составляло вторую степень открытыхъ при пособіи костела волненій. Для того чтобы мятежники были въ состояніи пѣть въ костелахъ, надо было способствовать наибольшему распро-

страненію текста пѣсенъ, которыхъ насчитывалось около двухъ десятковъ, и научиться пѣть ихъ хоть съ голоса. Руководители агитаціи обратили на этотъ предметъ должное вниманіе. За недостаткомъ печатнаго текста; они распорядились о перепискѣ пѣсенъ въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ; наиболѣе дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ приняли мѣстныя учебныя заведенія, гдѣ даже дѣвочки усиленно содѣйствовали патриотическому дѣлу: въ Вильнѣ, лѣтомъ 1861 года, заразъ закрыты были, за переписку революціонныхъ гимновъ, два женскіе частныя пансіона: г-жъ Выгановской и Клечковской. Къ согласному пѣнію, по составленному въ Варшавѣ мотиву, приучались не только въ домашнихъ кружкахъ, но и въ костелахъ, въ свободное отъ церковной службы время: такъ, напримѣръ, ковенскихъ гимназистовъ училъ пѣть ихъ законоучитель въ гимназическомъ костелѣ.

Первая демонстрація въ Вильнѣ съ пѣніемъ состоялась 8-го мая. Въ этотъ день, по случаю праздника Св. Станислава, въ кафедральномъ римско-католическомъ соборѣ отправлялась литургія епископомъ, при сослуженіи духовенства. Со стороны администраціи, *знавшей* о намѣреніи Поляковъ произвести демонстрацію, *еще наканунѣ* сдѣлано было распоряженіе чтобы полиція наблюдала за агитаторами. Костель былъ полонъ народомъ; на службѣ присутствовало все высшее дворянство. Въ ту минуту когда епископъ вознесъ дары предъ народомъ, человекъ тридцать-сорокъ агитаторовъ, ставъ въ кучу, запѣли „*Боже цюсъ Польске*“. По знаку данному духовенствомъ, заигралъ органъ, но не могъ заглушить пѣнія, которое перешло въ крикъ и окончилось только тогда когда гимнъ былъ пропѣтъ до конца.

Несмотря на то что въ пѣніи участвовало отъ тридцати до сорока человекъ, полиція арестовала не коноводовъ, а пятерыхъ студентовъ университетовъ: Петербургскаго—Виктора Пашковскаго, Московскаго—графа Казимира Тышкевича, Ксаверія Корево, Александра Зильверовича, и Дерптскаго—Болеслава Лимаповскаго.

Надъ ними наряжено было формальное слѣдствіе, которое привело къ тому, что „никакихъ указаній о подстрекателяхъ и тайныхъ агентахъ не обнаружено, по отсутствію чистосердечнаго раскаянія въ арестованныхъ лицахъ“. Коммиссія, по новости дѣла, добивалась по крайней мѣрѣ узнать „откуда пѣвцы узнали гимнъ“, но

любопытство ея не было удовлетворено даже и въ этомъ отношеніи: одинъ показывалъ, что узналъ гимнъ за границей, другой что зналъ его смолоду, а графъ Тышкевичъ объяснилъ съ откровенностью что слышалъ его въ *Москвѣ* * *при пѣніи за убитыхъ въ Варшавѣ*. Молодыхъ людей, какъ политическихъ преступниковъ, выслали, разумѣется, изъ края, тогда какъ не только истинные виновники волненій, но и семь восьмыхъ изъ числа пѣвшихъ гимнъ преспокойно остались въ Вильнѣ: главная вина юношей состояла въ томъ что изъ массы пѣвшихъ они первыми попались въ руки полиціи.

Изъ костела агитація быстро перешла на улицу. 9-го мая толпа женщинъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ были помѣщицы Валицкая съ дочерью и Жаба, явилась въ генералъ-губернаторскій дворецъ и настойчиво домогалась свиданія съ начальникомъ края для истребованія, какъ онѣ объясняли, освобожденія изъ-подъ ареста юныхъ агитаторовъ, принимавшихъ участіе въ пѣніи. Паннамъ было въ этомъ отказано. Патріотки, не теряя бодрости, объявили тогда что онѣ на другой же день соберутся въ гораздо большемъ числѣ и настоятъ на своемъ.

Онѣ сдержали слово. 10-го мая въ Вильнѣ поднялось небывалое до того времени уличное волненіе. Съ утра у Островратской часовни стала собираться толпа женщинъ, одѣтыхъ въ глубокой трауръ; къ ней присоединилась другая толпа изъ гимназистовъ и студентовъ; паны опасавшіеся ответственности за первую уличную манифестацію благоразумно уклонились отъ *непосредственнаго участія* въ ней и находились въ сторонѣ, въ качествѣ зрителей. Толпа траурныхъ дамъ, подъ предводительствомъ помѣщицы Валицкой, Жобы и дѣвицы графини Плятеръ, отправляясь на патріотическій пивъ, кинулась на колыни предъ иконой Островратской Божіей Матери и пропѣла революціонную пѣсню. За тѣмъ попарно двинулась она ко дворцу, шествуя по самымъ люднымъ улицамъ города. Гимназисты и студенты, также попарно, слѣдовали въ процессіи за дамами.

Дворецъ въ Вильнѣ расположенъ на пересѣченіи улицы съ площадью, куда выходятъ его главный и боковой фасады;

* Въ петербургскомъ и московскомъ костелахъ тоже были, какъ извѣстно, демонстративныя панихиды „по пяти жертвамъ“.

третій фасадъ, на которомъ находится и парадный подъездъ, обращенъ на широкій дворъ съ воротами на улицу.

Часть толпы, человекъ во сто, успѣла ворваться во дворъ. Такъ какъ за ней немедленно заперли ворота, то вся остальная часть, простиравшаяся до полуторы тысячи, осталась на улицѣ и загроудила площадь.

Главный начальникъ края дозволилъ допускать, для объясненія, нѣкоторыхъ изъ ворвавшихся на дворъ патриотовъ, но съ тѣмъ чтобъ онѣ входили во дворецъ не иначе какъ по одиночку. Требования ихъ объ освобожденіи арестованныхъ удовлетворены, конечно, не были. Переговоры тянулись однако часа два: толпа въ это время росла, и волненіе усиливалось. Дабы покончить наконецъ со столь скандальной сценой, призваны были войско и пожарная команда, и патриоткамъ объявлено, что если онѣ не разойдутся, пожарнымъ приказано будетъ обливать ихъ водой. Угроза подѣйствовала: толпа стала расходиться.

Слѣдствіемъ этой исторіи было распоряженіе о принатіи по городу кое-какихъ полицейскихъ предосторожностей и о высылкѣ г-жъ Валицкой съ дочерью, Жабы и графини Плятеръ въ ихъ имѣнія, съ отобраніемъ подписокъ что онѣ оттуда отлучаться не будутъ.

Надо отдать справедливость коноводамъ агитации, что употребленный ими маневръ для перенесенія агитации изъ костела на улицу былъ искусно разчитанъ и выполненъ. Еслибъ уличныя демонстраціи были начаты прямо панами со сподручною имъ шляхтой, онѣ могли бы, чего добраго, возбудить энергію власти. Перенесеніе же агитации на улицу женщинами, при содѣйствіи школьниковъ, *безъ всякаго, повидимому, участія зрѣлыхъ людей*, должно было, по расчету пановъ, показаться дѣломъ менѣе серьезнымъ чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Устранившись, по наружности, отъ уличныхъ скандаловъ, коноводы возложили ихъ на первое время всецѣло на учащуюся молодежь и женщинъ, поддержанныхъ ватагами мелкой шляхты и канцеляристовъ. Эти подставные политическіе дѣятели съ начала второй половины мая дѣлами толпами странствовали по костеламъ и по городу, распѣвая повсюду революціонные гимны, преслѣдуя полицію бранью, а иногда и побоями, дѣлая неприятели дамамъ не носившимъ траура, оскорбляя встрѣчныхъ Русскихъ, выбивая стекла въ

домахъ гдѣ жили русскіе чиновники, и т. д. Толпы эти брали не только своею численностью и дерзостью, но и ничтожествомъ, потому что администрація затруднялась принятиемъ серьезныхъ мѣръ противъ агитаціи такого сорта мятежниковъ.

Періодъ наружнаго преобладанія школьниковъ продолжался въ теченіе всего лѣта 1861 года. Чтобы ознакомиться съ его характеромъ, приведемъ нѣсколько выборокъ изъ бывшихъ у насъ подъ рукою виленскихъ полицейскихъ документовъ этого времени.

16-го мая, въ 7 часовъ пополудни, предъ изображеніемъ Богородицы у Францисканскаго монастыря, когда духовенство возвратилось въ костелъ, ученики виленской гимназіи, въ числѣ около 60-ти, а также студенты разныхъ университетовъ до 10 человекъ, и прочій народъ, коего было около 500, пѣли возмутительный гимнъ. Въ числѣ поющихъ замѣчено: гимназистовъ 24, кадетъ 1, дворянокъ 5, содержательницъ пансіоновъ 2, чиновницъ 5, помѣщиковъ (изъ крупныхъ) 1, помѣщицъ 3.

17-го мая, въ 6¹/₂ часовъ пополудни, въ Островратскомъ костелѣ, „послѣ отслуженія епископомъ Красинскимъ вечерни, ученики виленской гимназіи, коихъ было до 30-ти, стѣснившись въ толпу по лѣвой сторонѣ большого престола, пропѣли съ неистовствомъ, крича каждый изъ нихъ со всей силы возмутительный гимнъ. Изъ числа ихъ извѣстны только два...; сверхъ того пѣла этотъ гимнъ дочь помѣщицы N° N°. Возлѣ поющихъ находилась толпа *разнаго народа*, въ числѣ коего стоялъ аптекаръ, а также было до 70 другихъ той же гимназіи учениковъ, которые хотя не пѣли, но слѣдили за дѣйствіями чиновниковъ полиціи. По окончаніи пѣнія, помянутые ученики толпою вошли чрезъ особыя двери, находившіяся возлѣ большого престола, въ ризницу. Выходя же изъ костела, затворивъ за собою двери, сказали: „пойдемъ тѣсною толпою“. „Не представится ли возможнымъ, замѣчено въ донесеніи, убѣдить учебное начальство, чтобы для наблюденія за учениками назначаемы были надзиратели заведеній какъ въ костелы, такъ и на гулянья въ Закретъ и Антоколь, * такъ какъ безъ сего они свободно будутъ продолжать эти безпорядки?“

* Предмѣстья Вильны.

21-го мая, „въ половинѣ перваго пополудни, въ костелѣ Св. Іоанна, при большомъ стеченіи народа, послѣ окончанія богослуженія, ученики здѣшней гимназіи, въ числѣ болѣе 150-ти, стѣснившись въ густую толпу по лѣвой сторонѣ, между стѣною и колоннами, будучи окружены множествомъ разнаго сословія людей, стали на колѣни, а за ними и всѣ ихъ окружающіе, и громкимъ голосомъ пропѣли возмутительный гимнъ. Стоявшихъ на колѣнахъ было около пяти сотъ, но какъ всѣ вообще были пригнувши и прикрывались платками, шляпами и бурнусами, а потому замѣчены только слѣдующіе“ (слѣдуетъ перечень именъ). Гимназистовъ насчитано 62.

„Къ сему присовокупляется, 1) что зачинщиками и руководителями пѣнія были ученики 6-го класса гимназіи, два брата Д., и 2) ученики гимназіи съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе смѣлыми и дерзкими, а также публично оскорбляютъ полицейскихъ чиновниковъ. Это въ особенности доказали они 21-го мая, при проходѣ двухъ полицейскихъ чиновниковъ изъ костела большими дверьми чрезъ гимназіальный дворъ на улицу, гдѣ они, собравшись до двухъ сотъ, стали кричать, ругать послѣдними словами и угрожать самыми дурными послѣдствіями; потомъ, когда одинъ изъ этихъ чиновниковъ, сѣвъ на дрожки, отъѣзжалъ отъ костела, то они, выйдя со двора, провожали его, при большомъ стеченіи народа, тоже оскорбительными бранными словами“.....

Того же числа, „передъ фигурую Пресвятой Богородицы у Францискавскаго костела, на дворѣ находящеюся, ученики гимназіи, въ числѣ 30-ти, и прочіе люди, бывшіе на вечерня, когда духовенство отправилось въ костелъ, пропѣли возмутительный гимнъ“.

24-го мая, „въ 7 часовъ пополудни, предъ фигурию Пресвятой Богородицы у Францискавскаго костела, на дворѣ находящеюся, по окончаніи вечерни, разнаго званія люди, а въ томъ числѣ около 60 учениковъ виленской губернской гимназіи, пѣли возмутительный гимнъ. „Въ числѣ ихъ названо: гимназистовъ 24, чиновниковъ 3. По окончаніи этого гимна, ученики гимназіи, выйдя на улицу, остановились и нарочно ожидали выхода полицейскихъ чиновниковъ, а потомъ поносили ихъ самыми оскорбительными выраженіями,“ приглашая ихъ на слѣдующій день на какую-то маевку; „дамы же, повидимому подстрекая ихъ къ тому, также съ улыбкою дѣлали насмѣшку.“

26-го мая, „въ 7 часовъ пополудни, послѣ вечерни, предъ фигуροю Пресвятой Богородицы у Францисканскаго монастыря, на дворѣ находящеюся, ученики здѣшней гимназiи, въ числѣ около 40, нѣсколько студентовъ разныхъ университетовъ, а также и прочiй народъ, коего было около 600, пѣли возмутительный гимнъ“. Въ числѣ поющихъ названо: учениковъ гимназiи 47, помѣщиковъ и помѣщицъ 5, шляхтянокъ 2, чиновникъ 1.

Того же числа, „въ 6 часовъ утра, въ костелѣ Антокольскаго Тринитарскаго монастыря, во время литургiи, ученики гимназiи, студенты разныхъ университетовъ и прочiя лица, въ числѣ около 70, вытѣснивъ изъ костела Антокольскаго форштата хожалаго унтеръ-офицера, пѣли тоже упомянутый гимнъ. Зачинщиками онаго были служащiй въ казенной палатѣ сынъ парикмахера Л., какой-то К., юнкеръ Новоиперманландскаго пѣхотнаго полка, фамилiя коего неизвѣстна, и дочь доктора Г.“

29-го мая, „въ 7 часовъ пополудни, предъ фигуροю Пресвятой Богородицы у Францисканскаго костела, на дворѣ находящеюся, ученики здѣшней гимназiи, въ числѣ 40, тѣ же самые кои ежедневно замѣчаются въ пѣнiи, и прочiй народъ, коего было до 500, пѣли возмутительный гимнъ“. Въ числѣ поющихъ названо: 1 помѣщикъ, 3 чиновника и нѣсколько дамъ и дѣвицъ.

Вечеромъ 7-го iюня „ученикъ 5-го класса виленской гимназiи изъ Евреевъ, П., посланъ былъ учениками изъ прогимназiи П. и И., а также гимназистомъ П. къ ученикамъ раввинской школы съ порученiемъ объявить имъ, что они хотятъ съ ними помириться, съ тѣмъ чтобъ они возмутительный гимнъ перевели на еврейскiй языкъ и пѣли его, а также дабы они ходили съ ними на маевку“.

По этимъ выпускамъ, которыя легко было бы продолжать до безконечности, можно судить о политической роли выпавшей на долю несчастной молодежи. Великодушныя патриоты-пань не задумались выставить ее ширмой для прикрытiя своихъ замысловъ и направить этимъ путемъ карательныя мѣры съ больной головы на здоровую. Для того чтобы вскипятить политическiя страсти въ молодежи не требовалось ни искусства, ни ума: нуженъ былъ лишь достаточный запасъ недобросовѣстности дабы имѣть мужество, вызывать

съ нашей стороны атаку, прятаться отъ нея за женскія юпки и за дѣтей.

То же повторялось и въ другихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края, въ особенности тамъ гдѣ находились гимназіи. Гдѣ послѣднихъ не было и гдѣ въ молодежи чувствовался недостатокъ, ея роль выполнялась шляхтой и чиновниками.

Въ Гродненской губерніи агитація была особенно сильна въ губернскомъ городѣ, Бѣлостоку, Брестѣ, Бѣльскѣ и Друскеникахъ, — городахъ по большей части пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ. Начнемъ съ Бѣлостока, гдѣ находилась гимназія и гдѣ молодежь была скучена въ значительномъ числѣ.

Первымъ наружнымъ поводомъ къ агитаціи послужила прибывшая туда, въ первыхъ числахъ мая, труппа польскихъ актеровъ подъ дирекціей Гана. Репертуаръ былъ выбранъ, разумѣется, польскій, и въ немъ особенное вниманіе обращали на себя піесы *Дороги*, *Краковяки* и *Касперъ Корминскій*, которыя незадолго предъ тѣмъ исполнялись на виленской сценѣ. Театръ былъ постоянно полонъ; между посѣтителями на первомъ планѣ, по численности, были гимназисты. Все время представленія проходило въ изступленныхъ аплодисментахъ и крикахъ, которые, для начала, должны были служить наружнымъ проявленіемъ патріотическихъ чувствъ зрителей. Каждое выраженіе піесы которое хоть съ натяжкой можно было истолковать въ патріотическомъ смыслѣ, вызывало въ театрѣ бурю: она продолжалась обыкновенно нѣсколько минутъ и послѣ кратковременнаго затишья возобновлялась съ прежнею силою.

Это заявленіе польскихъ чувствъ скоро стало принимать характеръ болѣе задорный. Извѣстія изъ Вильны, дававшей токъ польской партіи Сѣверо-Западнаго края, были до того благоприятны для патріотовъ что ободряли самыхъ робкихъ. 23-го мая попробовали первую демонстрацію съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. При значительномъ стеченіи въ тамошнемъ костелѣ публики, человекъ двадцать гимназистовъ въ статскомъ платьѣ заплѣли „Боже цось Польске“. Старшій священникъ Бонковскій обратился къ агитаторамъ съ просьбой прекратить пѣніе и доказывалъ все неприличіе политической манифестаціи въ церкви; когда слова его не подѣйствовали, коендзь сталъ грозить приказаніемъ вывести агитаторовъ изъ костела. „Не хватитъ столько служителей

чтобы насъ вывести“, загудѣло въ толпѣ, и пѣніе продолжалось. Священникъ вынужденъ былъ остановить службу и въ сопровожденіи младшихъ ксендзовъ и органиста удалился изъ костела. То же повторилось и на другой день. Уѣздная власть не могла узнать даже именъ зачинщиковъ пѣнія, несмотря на то что стеченіе народа было многочисленное, и что вмѣстѣ съ гимназистами былъ въ костелѣ ихъ учитель Г.

Попытка благочестиваго ксендза остановить профанацию костела прошла, повидимому, незамѣченною, и сколько намъ извѣстно, ничего не было сдѣлано чтобы поддержать служителя церкви который рѣшился идти противъ польскаго общественнаго мнѣнія.

Особенную агитацию произвелъ въ Бѣлостокѣ случившійся почти одновременно съ этимъ приѣздъ туда графа Андрея Замойскаго, который, пробывъ въ городѣ лишь нѣсколько часовъ, въ тотъ же день отправился въ Варшаву. Замойскій, бывшій въ ту пору въ апогеѣ своей популярности въ Варшавѣ, сдѣлался предметомъ самыхъ восторженныхъ публичныхъ овацій бѣлостокской шляхты, которая видѣла въ немъ и открытаго врага русской власти, и главу партіи бѣлыхъ. Все польское населеніе Бѣлостока, собравшись на улицѣ чрезъ которую Замойскій возвращался на станцію желѣзной дороги, громко сопровождало его криками: „ура, Замойскій, первый шляхтичъ польскій!“ Мужчины махали шляпами, женщины осыпали путь цвѣтами.

Въ теченіи іюня пѣніе гимновъ въ Бѣлостокѣ стало со дня на день усиливаться. Видимую главой агитациі были, какъ и въ Вильнѣ, молодежь и въ особенности женщины. Послѣднія несли на патриотическое дѣло послышную ленту. Вдова К. съ дочерью сдѣлалась главною руководительницей костельной агитациі. Дѣвица В., сестра учителя о которомъ мы сейчасъ упоминали, раздавала по костеламъ народу медали съ изображеніемъ разрубленнаго креста, продавала перстни „въ память падшихъ братьевъ“ и др. Магазищица Л. приняла на себя верховное наблюденіе чтобы бѣлостокскія дамы не уклонялись отъ ношенія траура. Другая магазищица Б. вышила революціонное знамя, поставленное, по слухамъ, въ костелѣ. Одна изъ мѣстныхъ паннъ, жена русскаго чиновника, была непремѣннымъ членомъ всѣхъ сборищъ агитаторовъ и публично проповѣдывала что она „сознаетъ

и исповѣдуетъ за собою одинъ страшный грѣхъ: тотъ что она вышла замужъ за Москаля и схизматика.“ Большимъ подспорьемъ для бѣлостокскихъ агитаторовъ были тамошніе служащіе при варшавской желѣзной дорогѣ Поляки, которые, находясь подъ начальствомъ французскаго шаженера, чуть ли не считали за собою дипломатическаго *droit d'exterritorialité* и пытались отговариваться своею *nonobscud-ностью* русскимъ учрежденіямъ. Во главѣ этого куріознаго дипломатическаго корпуса стоялъ возвратившійся изъ-за границы и состоявшій подъ надзоромъ полиціи эмигрантъ П—скій, который съ дерзостью выгналъ полицейскаго служителя посланнаго за приглашеніемъ, для какихъ-то объясненій, кучера г. Лемера, объявивъ что „полиція не имѣетъ никакого права требовать прислугу г. Лемера.“ П—скій былъ, до своего удаленія изъ Бѣлостока, однимъ изъ самыхъ ярыхъ агитаторовъ.

Въ іюлѣ костельная агитація въ Бѣлостоцкѣ развилась уже до такой степени, что было найдено необходимымъ командировать туда для водворенія порядка вице-губернатора. Это распоряженіе не прекратило костельныхъ волненій.

16-го іюля, въ воскресенье вечеромъ, послѣ обыкновеннаго въ католическомъ костелѣ звона, лица разныхъ сословій стали за костельную ограду и болѣе получаса пѣли революціонныя пѣсни. То же повторилось 17-го и 18-го числа.

19-го іюля вице-губернаторъ, въ расчетъ предупредить нарушеніе порядка, заблаговременно потребовалъ жандармскую команду и 15 рядовыхъ мѣстныхъ инвалидовъ и расположилъ этотъ отрядецъ близъ костела, ожидая обычнаго часа въ который агитаторы сходились для пѣнія. Когда агитаторы собрались и пѣніе началось, солдаты загородили всѣ выходы изъ ограды. Этимъ маневромъ удалось арестовать нѣсколько человекъ: двухъ шляхтичей служившихъ при желѣзной дорогѣ, дворянина К. служившаго поваромъ у г. Лемера, горничную дворянку В. и какого-то казеннаго крестьянина. Всѣ они стали отговариваться что „въ пѣніи не участвовали, а зашли-де въ ограду костела случайно“. Тогда арестовали нѣкоторыхъ господъ которымъ, при множествѣ уликъ, не было возможности отпираться отъ участія въ пѣніи. Но и тѣ объявили себя совсѣмъ не виновными: „Зайдя-де въ ограду костела и услышавъ общее пѣніе *набожныхъ* молитвъ, они и сами, преклонивъ колѣна, присоединились къ

помощимъ.“ Тѣмъ не менѣе арестованныхъ повели въ полицію. За ними двинулась вся толпа, человекъ до тысячи, которая, какъ гласить лаконической рапортъ о событіи, „настойательно требовала освобожденія (арестованныхъ) и даже брошено было нѣсколько камней, которыми нанесены были удары полицейскому унтеръ-офицеру и одному рядовому, и видимо было намѣреніе отбить арестованныхъ“.

20-го іюля снова собралась толпа въ ограду. Городничій опять разставилъ военную команду, поддержанную только что прибывшею въ Бѣлостокъ сотней донскихъ казаковъ, и самъ сталъ у костела. Когда началось пѣніе, то „люди лучшаго происхожденія пошли далѣе отъ городничаго, и уже многіе ушли на другую сторону костела“, на глазахъ полиціи пѣло только простонародье изъ мелкой шляхты и мѣщанъ. На этотъ разъ городничій рѣшился составить списокъ всѣмъ бывшимъ за оградой и съ этою цѣлью велѣлъ выпускать оттуда не иначе какъ по-одиночкѣ. Это распоряженіе возбудило общее негодованіе агитаторовъ, опасавшихся отвѣтственности. Они отправили отъ себя депутатомъ къ городничему ксендза, съ требованіемъ выпустить ихъ безъ записи фамилій, и грозя что въ противномъ случаѣ „объ этихъ насильственныхъ мѣрахъ вся Европа будетъ извѣщена, и сообщится въ газету *Колоколъ*“. Ни угроза, ни переговоры не привели ни къ чему, а между тѣмъ наступала полночь, и надо было на что-нибудь рѣшиться. Тутъ ходатаями за заключенныхъ явились нѣсколько мѣстныхъ вліятельныхъ чиновниковъ: они стали убѣждать полицію исполнить желаніе мятежниковъ и выпустить ихъ безъ записи фамилій, обѣщая за нихъ что костельныхъ пѣній *болѣе не повторится*. Полиція уступила.

На другой день, 21-го іюля, за „костельною оградой вновь собралась толпа до 400 человекъ, и послѣ обыкновенной пѣсни къ Богородицѣ, когда городничій появился въ оградѣ и ограду окружила одна сотня донскаго казачьяго № 28 полка, то началось пѣніе патріотической пѣсни. По требованію городничаго разойтись по-одиночкѣ, только нѣсколько человекъ это исполнили; остальные же требовали отвода войска, и тогда только согласились разойтись всѣ вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобъ ихъ фамиліи не были записаны. Между тѣмъ повади войска началъ стекаться народъ, который, впрочемъ, по

приглашенію городничаго разойтись, разошелся, кромѣ секретаря П., не только не исполнившаго распоряженія полиціи, но еще выказывавшаго явное непослушаніе городничему. Находившаяся же въ оградѣ толпа оставалась до полуночи, пока не послѣдовало распоряженіе вице-губернатора объ освобожденіи собравшихся безъ записи ихъ фамилій.“

Въ Гроднѣ пѣніе гимновъ производилось съ тою же настойчивостью и съ немалымъ неуваженіемъ къ законнымъ властямъ. Было бы слишкомъ утомительно для читателя слѣдить шагъ за шагомъ за процессомъ втягиванья общества въ пѣніе гимновъ, и потому мы ограничимся описаніемъ пѣнія въ костелѣ 29-го іюля.

29-го іюля утромъ, во время службы въ Фарномъ костелѣ, происходило пѣніе революціонныхъ гимновъ. Тамъ присутствовалъ по обязанностямъ службы и частный приставъ В. Одинъ изъ участниковъ пѣнія, канцелярскій служитель Лебель, сидѣвшій на первой скамейкѣ, сталъ грозить пальцемъ частному приставу. По окончаніи богослуженія и по выходѣ народа изъ костела, полицеймейстеръ встрѣтилъ Лебеля на бульварѣ и пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ губернатору. Лебель отвѣчалъ что отправится, если самъ найдетъ это нужнымъ. Въ то время когда шла объ этомъ бесѣда между Лебелемъ и полицеймейстеромъ, ихъ окружила толпа Поляковъ, которые объявили полицеймейстеру что всѣ они пѣли въ костелѣ и готовы вмѣстѣ съ Лебелемъ отправиться къ губернатору.

Губернаторъ, узнавъ объ этомъ приключеніи, потребовалъ къ себѣ Лебеля, но послѣдній отозвался болѣзною, и только по вторичному приказанію губернатора былъ приведенъ къ послѣднему. На вопросы губернатора „онъ отвѣчалъ дерзко и насмѣшливо и объявилъ что онъ не только не грозилъ пальцемъ, но даже и не пѣлъ что его полиція не имѣетъ права задерживать на улицѣ, что онъ будетъ жаловаться генералъ-губернатору и даже Государю Императору на самоуправныя дѣйствія полиціи, что онъ будетъ просить формальнаго слѣдствія. Все это говорилъ Лебель на польскомъ языкѣ, увѣряя что говорить по-русски не умѣетъ, межъ тѣмъ какъ онъ находился на службѣ въ губернскомъ правленіи съ 1857 года и воспитывался въ гродненской гимназіи.“

Губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе объ исключеніи Лебеля

изъ службы и сверхъ того приказалъ арестовать его на нѣскольکو дней на гауптвахтѣ.

Въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, явилась къ губернатору толпа „разнаго званія, болѣе 300 человекъ, изъ которыхъ было *женщинъ* болѣе 200 и *мущинъ* до 100 человекъ, съ шумомъ и крикомъ требовала освобожденія Лебеля и силой (преимущественно женщины) врывается въ губернаторскій домъ, несмотря на то что по семейнымъ обстоятельствамъ начальника губернии необходима была особая тишина. Всѣ *убѣжденія* губернатора разойтись по домамъ остались безуспѣшными.“ Такъ какъ толпа продолжала увеличиваться, то потребованы были двѣ роты гарнизоннаго баталіона, которыя оцѣнили губернаторскій домъ. Несмотря на это толпа *еще часа три* окружала домъ губернатора, пока наконецъ конные жандармы не заставили ее разойтись.

„Пѣніе возмутительныхъ гимновъ внутри костеловъ, писали тогда изъ Гродна, какъ въ Гроднѣ такъ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ продолжается, и несмотря на всѣ *убѣжденія*, дѣлаемая лично начальникомъ губернии Ксендзамъ въ Гроднѣ, а также и другимъ лицамъ, оно вовсе не уменьшается.“ Что касается до лицъ замѣшанныхъ въ главномъ участіи въ пѣніи, то „всѣ они въ томъ *не сознаются*, объясняя что они только находились въ костелѣ, но вовсе не пѣли, *уличить же ихъ въ этомъ нѣтъ никакой возможности, потому что никто не рѣшается подтвердить въ этомъ отношеніи докладъ полиціи, а сами уличаемые объясняютъ что, вѣроятно, по личному негодованію сдѣлавъ подобный докладъ*“.

Для предупрежденія на будущее время повторенія сценъ подобныхъ той какая была 29-го іюля, сдѣланы были въ Гроднѣ слѣдующія распоряженія:

- 1) Гродненская полиція усилена пятьюдесятью казаками.
- 2) Экзекуторы всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Гроднѣ обязаны были подпискою *каждодневно находиться въ костелахъ во время ранней службы*. Имъ предписывалось:

„Для наблюденія чтобы служащіе молодые люди вели себя съ должнымъ приличіемъ и благоговѣніемъ въ храмахъ Божіихъ и чтобы не участвовали въ пѣніи возмутительныхъ гимновъ, поручается съ подпискою на семь же гг. экзекуторамъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы они *каждый день непременно съ 7 до 10 часовъ утра присутствовали*

при совершеиі въ костелахъ богослуженій, предваривъ нынѣ же служащихъ лицъ что пѣніе *возмутительнаго гимна въ костель воспрещено*, и что всякій чиновникъ замѣченный въ томъ пѣніи будетъ удаленъ отъ службы, *какъ не исполняющій распоряженій правительства*. При чемъ вмѣняется въ обязанность гг. экзекуторамъ, въ случаѣ вопроса полицейскихъ чиновниковъ о фамилии служащаго лица, которое будетъ замѣчено въ пѣніи, немедленно объявить имъ фамилію того лица.“

Наконецъ, 3) для предупрежденія чтобы служація лица не участвовали въ пѣніи во время ранней службы, написано декану чтобъ онъ начиналъ утреннюю службу, *въ семь, въ девять часовъ*. Деканъ отозвался на это что „порядка богослуженія въ римско-католическихъ костелахъ, *существующаго съ давнихъ временъ*, онъ перемѣнить не въ правѣ“.

Та же агитація была и въ другихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. Разница ея отъ Виленской и Гродненской губерній заключалась не въ сущности, а въ формахъ, да развѣ въ томъ еще, что по мѣрѣ удаленія отъ Варшавы къ востоку, патриотизмъ пановъ высказывался осязательнѣе, молодежь чувствовала себя болѣе польскою. Въ Могилевѣ, Горкахъ, Рогачевѣ, гдѣ въ средѣ кореннаго мѣстнаго населенія нѣтъ ни одного католика, гимны въ костелахъ пѣлись съ большимъ ожесточеніемъ, тяготѣніе пановъ въ Варшавѣ проявлялось еще замѣтнѣе чѣмъ въ Ковнѣ или въ Вильнѣ.

Последнимъ и самымъ буйнымъ проявленіемъ революціонной агитаціи, при содѣйствіи костела, были религиозныя процессіи. Онѣ имѣли назначеніемъ вовлекать въ волненія не причастное имъ католическое простонародье въ селахъ и городахъ, разрушать въ его глазахъ авторитетъ законной власти, готовить массы къ открытому сопротивленію полиціи и войскамъ. Этого рода демонстраціи начались въ іюнѣ съ процессіей религиозныхъ, при которыхъ политическій характеръ, по возможности, маскировался, по крайней мѣрѣ на словахъ; за тѣмъ, къ концу іюля, онѣ приняли характеръ уже чисто политическій.

Религиозныя католическія процессіи совершались въ западныхъ губерніяхъ при такой обстановкѣ которая уже сама по себѣ приводила городское населеніе въ напряженное состояніе. Католическое духовенство не щадило ничего чтобъ увеличить помпу процессій. Оно съ торжественною медленностью двигалось по главнѣйшимъ улицамъ городовъ, при крестахъ,

иконахъ, хоругвахъ, свѣтильникахъ, цеховыхъ значкахъ, при участи всего духовенства и въ сопровожденіи массы католическаго населенія, внушительно говоря собою встрѣчному что тутъ исключительное царство католицизма, а такъ какъ у насъ католицизмъ успѣлъ объединиться съ польщицкой, то процессіи служили какъ бы наружнымъ проявленіемъ безраздѣльнаго господства въ край польской партіи. Поляки ясно понимали впечатлѣніе производимое такими торжественными процессіями на воображеніе массъ, и съ своей стороны усердно содѣйствовали поддержанію помпы церковныхъ ходовъ и уваженія къ нимъ простонародья. Все дворянство, польское чиновничество, ополеченное мѣщанство, панская челядь въ праздничныхъ нарядахъ, съ непокрытыми головами слѣдовали за церковнымъ ходомъ; лавки не только католиковъ, но и Евреевъ и Русскихъ, во время слѣдованія церемоніи запирались, рискуя въ противномъ случаѣ поплатиться выбитыми у оконъ стеклами или инымъ скандаломъ; Евреи не смѣли показываться на улицѣ безъ опасенія быть до полу-смерти избитыми слѣдующимъ за процессіей людомъ; встрѣчный, который не снялъ бы предъ процессіей шапки, подвергся бы уличному скандалу.

Процессіи сами по себѣ, какъ обрядъ чисто религіозный, не имѣли бы, разумѣется, политическаго значенія, но такъ какъ онѣ искони служили, подъ покровомъ религіи, заявленіемъ польскихъ національныхъ тенденцій, то онѣ и въ мирное время имѣли прежде всего характеръ манифестацій политическихъ, на которыя мы, по привычкѣ затрудняться при разрѣшеніи вопросовъ требовавшихъ серьезнаго обсужденія, смотрѣли сквозь пальцы. Мы не хотѣли знать что даже въ такихъ католическихъ государствахъ какъ Франція и Италія процессіи внѣ костела вовсе не признаются необходимою принадлежностью католической церкви и подлежатъ вѣдѣнію не епархіальнаго, а *исключительно* полицейскаго вѣдомства, отъ котораго вполне зависитъ не только разрѣшить или не разрѣшить процессію, но и опредѣлить тѣ условія при которыхъ она можетъ совершаться, а въ случаѣ нарушенія котораго-либо изъ условій, взыскивать съ нарушителей, несмотря на то будутъ ли они лица духовныя или свѣтскія, по законамъ гражданскимъ. Можно сказать съ увѣренностью, что при тѣхъ политическихъ и религіозныхъ условіяхъ въ которыхъ находятся наши западные

губерніи, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не были бы разрѣшены католическія процессіи *по городу* и развѣ, и то въ видѣ особенной любезности, были бы допущены крестные ходы вокругъ костеловъ, съ особымъ на каждый разъ разрѣшеніемъ полиціи.

Понятно что процессіи имѣвшія, какъ мы указали, политическій и вмѣстѣ съ тѣмъ буйный характеръ и во время полнаго спокойствія въ краѣ, должны были сдѣлаться весьма сильнымъ революціоннымъ средствомъ при разгарѣ въ краѣ политическихъ страстей и разнузданности польской партіи. Въ 1861 году, помимо процессій бывавшихъ въ прежніе годы, духовенство стало назначать множество новыхъ, прежде небывалыхъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ единственно по своему усмотрѣнію и не только не испрашивая на то разрѣшенія гражданскаго начальства, но совершая ихъ зачастую при формальномъ запрещеніи администраціи. Виленское епархіальное вѣдомство, зная что въ Вильнѣ есть полная возможность воспрепятствовать манифестаціи, удостоивало еще центральную администрацію краткимъ *извѣщеніемъ* что такого-то числа состоится обычная церковная процессія; что же касается до прочихъ латинскихъ епархій съ ихъ приходами, то онѣ не только старались въ большей части случаевъ вовсе не испрашивать разрѣшеній со стороны мѣстныхъ свѣтскихъ властей, но добивались подчинить и гражданскія власти своимъ требованіямъ.

Вотъ для куріоза извлеченіе изъ отношенія виленскаго епископа, писаннаго въ 1862 году по поводу праздника *Божьяго тѣла*. Епископъ не испрашивалъ разрѣшенія на процессію, а только предупредилъ начальство что 7-го іюня совершится въ Вильнѣ процессія. Какъ полный хозяинъ города, онъ не только властною рукою назначилъ время совершения церковнаго хода и улицы по которымъ церемонія будетъ слѣдовать, но опредѣлялъ даже степень участія въ ней такого свѣтскаго учрежденія какъ городское общество. „Религіозный актъ этотъ, писалъ епископъ, при участіи всѣхъ цеховыхъ обществъ съ ихъ знаменами, начнется въ 12 часовъ утра съ кафедральнаго собора и послѣдуетъ оттоль по улицамъ: Замковой, около ратуши, Нѣмецкой, Доминиканской и Дворцовой, съ провозглашеніемъ Св. Евангелія у кафедръ, у церкви Св. Іоанна, у ратуши и у дома Дераеса.“

Подобныя „предписанія“ возможны развѣ въ одномъ Римѣ

и то по именному повелѣнiю папы; а между тѣмъ далеко ли то время когда такого рода бумаги никого не удивляли и безпрекословно исполнялись гражданскими властями!

Въ Брестѣ, въ 1861 году, въ праздникъ *Божьяго тѣла*, процессiи предшествовала бѣлая хоругвь съ чернымъ крестомъ, вышитая въ память *пяти варшавскихъ мучениковъ* содержательницей тамошняго женскаго пансіона Шостаковскою. Хоругвь эту вокругъ костела и по городу носили воспитанницы пансіона *, которыхъ патриотки не стыдились втягивать въ политическую агитацію. При всемъ томъ процессiи въ честь „Божьяго тѣла“, вызывая частные беспорядки, сохраняли характеръ до известной степени мирный: въ ту пору убѣжденіе въ безнаказанности антиправительственныхъ агитаторовъ и въ перевѣсѣ силъ революціонной партіи надъ силой законныхъ властей не успѣло еще вполнѣ усвоиться въ средѣ польщизны.

Съ наступленіемъ послѣднихъ чиселъ іюня и началомъ іюля, католическое духовенство, согласно *mot d'ordre* полученному отъ революціонныхъ властей, начинаетъ обуреваться страстью къ процессiямъ и устраивать ихъ безъ всякаго повода и по большей части даже безъ предварительныхъ сношеній съ гражданскими властями. Церемоніи эти назначались въ городскихъ и сельскихъ костелахъ, и со дня-на-день развивались болѣе и болѣе: въ половинѣ іюля въ нѣкоторыхъ городахъ случалось по нѣскольку процессiй въ недѣлю; въ нѣкоторыхъ бывало даже по нѣскольку процессiй въ день. Онѣ слѣдовали въ сопровожденіи болѣе или менѣе многочисленной толпы народа не только по улицамъ города, но чаще за городъ, верстъ за 10—15, иногда и гораздо далѣе, откуда возвращались или ночью, или на другія сутки. Легко представить себѣ какую агитацію производили эти демонстраціи, усиленно втягивавшія народъ въ мятежъ, особенно если вспомнить что папы употребляли всѣ мѣры къ тому чтобъ усилить волненіе: процессiя двигалась съ чрезвычайною помпой, съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ; ей предшествовала вездѣ почти револю-

* Въ 1862 году къ этой хоругви прибавленъ былъ, рядомъ съ крестомъ, одноглавый польскій орелъ, и прицѣплено къ кресту нѣсколько бѣлыхъ лентъ, за которыя, при процессiяхъ, патриотки-наставницы заставляли держаться ученицъ въѣренныхъ ихъ попеченію.

ціонная хоругвь съ изображеніемъ креста съ терновымъ вѣнкомъ (въ память варшавскихъ событій); жители селеній, чрезъ которыя слѣдовалъ крестный ходъ, обязаны были выходить ему навстрѣчу и сопровождать его; при прохожденіи мимо костеловъ процессія встрѣчалась и провожалась съ колокольнымъ звономъ; помѣщики, ксендзы дѣлали ей торжественныя встрѣчи; при продолжительномъ пути, для толпы сопровождавшей ходы устраивались панами на привалахъ угощенія и попойки.

Бороздя край во всѣхъ направленіяхъ, процессіи вносили необычную тревогу въ мирную среду сельской жизни. Воображеніе простолюдина поражалось не столько quasi-церковнымъ характеромъ и торжественностью ихъ, не столько революціонными гимнами которыя распѣвались ксендзами и шляхтой, не столько даже проклятіями которыя, подъ свѣію крестовъ, иконъ и хоругвей, въ изобиліи сыпались на Москалей, сколько очевидностію что законныя власти не въ силахъ бороться противъ лиги пановъ со ксендзами и вынуждены терпѣливо сносить наносимыя имъ оскорбленія. Для того чтобы судить о характерѣ агитаціи посредствомъ процессій, укажемъ нѣсколько случаевъ изъ одного уѣзда, на примѣръ Бѣлостоцкаго.

27-го іюля, въ 11 часовъ вечера, прибыла въ Бѣлостокъ изъ мѣстечка Супрасля съ одною хоругвію и со ксендзомъ процессія изъ города Василькова. Ее сопровождало до ста человекъ съ обычнымъ пѣніемъ. Отъ Гродненской заставы она отправилась прямо въ бѣлостоцкій костелъ, гдѣ встрѣчена была мѣстными ксендзами. На другой день, 29-го іюля, въ 5 часовъ утра, эта процессія, въ соединеніи съ бѣлостоцкою процессіей, отправилась съ пѣніемъ въ мѣстечко Заблудово, въ сопровожденіи ксендзовъ и народа. Бѣлостоцкая процессія вернулась въ городъ вечеромъ въ 10 часовъ.

9-го іюля изъ бѣлостоцкаго католическаго костела отправилась процессія въ мѣстечко Тыкочинъ (въ Царствѣ Польскомъ) съ образами, въ сопровожденіи мѣстнаго духовенства, при стеченіи народа и съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ. Ксендзы отозвались въ послѣдствіи, будто бы „9-го іюля, во время службы, толпа *немыслимыхъ* людей, преимущественно женщинъ, явилась въ костелъ, и взявъ подъ руку совершавшаго службу ксендза, насильно заставила его сопровождать процессію“.

25-го іюля, послѣ утренней литургіи, изъ бѣлостоцкаго костела вышла „незначительная по числу сопровождавшихъ, но знаменательная по характеру процессія въ мѣстечко Добржиновъ, никогда прежде не бывавшая. Ксендзы ея не сопровождали, но при выходѣ изъ костела, она благословлена была ксендзомъ, совершавшимъ литургію, Малышевичемъ, и самъ деканъ уѣхадъ впередъ и въ Добржиновъ принималъ ее вмѣстѣ съ другими. Въ восьмомъ часу вечера она возвратилась также безъ ксендзовъ, которые оставили ее предъ городомъ.“

23-го іюля „готовились прибыть въ Бѣлостокъ пять процессій“, которыя не прибыли единственно вслѣдствіе предупредительныхъ мѣръ находившагося тамъ въ ту пору вице-губернатора.

30-го іюля въ имѣніи графини Потоцкой Туросль (Гродненской губерніи) совершенно было по случаю праздника Св. Анны молебствіе, на которое изъ смежнаго прихода Неваднецы прибыла процессія съ образами и хоругвами (но безъ ксендзовъ), никогда до того времени не бывавшая. Она вступила въ Туросль съ пѣніемъ религиозныхъ гимновъ, которые пропѣла предъ началомъ и по окончаніи литургіи, и т. д.

При польскихъ процессіяхъ Сѣверо-Западнаго края замѣчалось что онѣ наиболѣе распространены были въ смежныхъ съ Царствомъ Польскимъ мѣстностяхъ, особенно по теченію Нѣмана и Буга, отдѣляющихъ Царство отъ губерній Гродненской, Виленской и Ковенской. Дѣло вскорѣ объяснилось: Поляки готовили цѣлый рядъ блистательныхъ процессій въ годовщину соединенія Литвы съ Польшею, 31-го іюля (12-го августа). Поляки смѣло величали эту годовщину „великимъ народнымъ праздникомъ“, „свадьбой Польши съ Литвой“, „добровольнымъ и братскимъ союзомъ“, въ увѣренности что безцеремонное извращеніе ими исторіи не вызоветъ, не говоримъ уже со стороны администраціи, но даже со стороны русской печати ни единого звука для изображенія въ истинномъ свѣтѣ политическаго фокуса придуманнаго въ 1569 году варшавскими магнатами и латинскимъ духовенствомъ, въ видахъ устраненія для западныхъ губерній легальнаго возмощенія возвращенія къ родному и единовѣрному имъ царству Московскому, при предсто-

явшемъ въ ту пору, со смертію Сигизмунда-Августа, прекращеніи династіи Ягеллоновъ (до того времени эта династія служила *единственною* связью между Западнымъ краемъ и Польшей). Печать наша безмолвствовала отчасти, впрочемъ, поневолю, ибо событія въ западныхъ губерніяхъ покрывались непроницаемою тайной для русской публики, и администрація ревниво отстраняла отъ содѣйствія ей всякаго рода общественную дѣятельность. Между тѣмъ для дѣла было бы очень полезно, еслибы мы, хотя на почвѣ исторической, напомнили въ ту пору польскимъ патриотамъ Западнаго края объ истинномъ значеніи „братской и добровольной уніи“ и о томъ какъ огромное большинство литовскихъ бояръ уѣхало изъ Люблина не подписавъ акта, какъ за нѣсколько дней до подписанія акта даже тѣ немногіе бояре которые оставались въ Люблинѣ въ торжественной рѣчи къ королю со слезами говорили: „мы хотя склонились (на нѣкоторые пункты польскаго проекта уніи) *съ великою болью и стѣсненіемъ нашего сердца*, по приказанію вашей королевской милости, повинуюсь волѣ и приказу вашему, *но какъ намъ все это больно, невозможно выразить словами.*“*

О торжествѣ 31-го іюля за цѣлый мѣсяцъ возвѣщено было пышными прокламаціями, въ которыхъ ржондъ предписывалъ польской партіи на этотъ день снять трауръ, одѣться въ цвѣтныя платья, помѣщикамъ освободить отъ работы крестьянъ, мастеровымъ подмастерьевъ.

Съ наступленіемъ 31-го іюля во всѣхъ костелахъ Западнаго края совершены были торжественныя молебствія. Объ этомъ, помимо собранныхъ свѣдѣній, свидѣтельствуетъ и самъ ржондъ, въ воззваніи 1862 года, по поводу годовщины 31-го іюля: „торжественно праздновали мы и прошлаго 1861 года, сказано тамъ между прочимъ. Не было *ни одного прихода въ утлой землѣ польской*, въ которомъ бы не праздновали сего великаго дня.“ Но наиболѣ замѣчательными проявленіями этого торжества были религіозныя процессіи, устроенныя въ городахъ лежащихъ на границѣ Сѣверо-Западнаго края съ Царствомъ Польскимъ. Особенное вниманіе заслуживаетъ, по чрезмѣрной агитаціи, процессія въ Ковнѣ.

Ковенская администрація имѣла за нѣсколько дней свѣ-

* Рѣчь эта приведена въ брошюрѣ г. Кояловича: *Люблинская унія*, Спб., 1863 г.

дѣнія о приготовленіи Поляками политическаго скандала, а потому сдѣлано было распоряженіе чтобы плавучій мостъ чрезъ Нѣманъ, на правомъ берегу котораго находится Ковно, на лѣвомъ селеніе Алексота, былъ разведенъ; кромѣ того, по улицѣ ведущей къ рѣкѣ поставленъ взводъ конныхъ казаковъ. Взводу, подъ командой сотника Попова, приказано было: *„не допускать, если можно, соединенія, но не употреблять насильственныхъ мѣръ.“*

Процессія выступила изъ ковенскаго Августіанскаго костела въ 9 часовъ утра съ хоругвями, крестами и иконами, въ сопровожденіи трехъ ксендзовъ и пяти-шести тысячъ народа, въ числѣ котораго находились, какъ гласитъ officialный документъ того времени, „всѣ городскіе жители и чиновники высшихъ и низшихъ классовъ католическаго исповѣданія“. Процессія двинулась по направленію къ Нѣману, одновременно съ этимъ на встрѣчу ей двинулись двѣ такія же процессіи изъ Годлева и Понемуна со стороны Алексоты.

Когда ковенская процессія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди толпы офицера въ сѣромъ пальто и темнозеленой фуражкѣ съ капитанскими погонами *, подошла къ казачьему взводу заграждавшему ей дорогу, сотникъ Поповъ приказалъ было взводу, упиравшемуся флангами въ зданія, стать тѣснѣй, дабы сдѣлать проходъ процессіи дѣйствительно невозможнымъ, но полицеймейстеръ, бывшій тутъ представителемъ гражданскихъ властей, во избѣжаніе кровавой развязки приказалъ, какъ значитса въ рапортѣ командира сотни, „построить взводъ по обѣ стороны улицы у моста чрезъ Нѣманъ и пропустить Поляковъ“. Такимъ образомъ казачій взводъ неожиданно превратился изъ войска дѣйствовавшего противъ агитаторовъ въ почетную стражу революціонной процессіи. Поляки сумѣли, конечно, отблагодарить за это, и во время слѣдованія процессіи тремъ казакамъ (какъ значитса въ приведенномъ рапортѣ) были нанесены Поляками удары палками. „Несмотря на это, краснорѣчиво гласитъ рапортъ казачьяго офицера, и на оскорбленія лично мнѣ нанесенныя молодыми Поляками, и несмотря на неудовольствіе при этомъ казачьѣ, не сознававшихъ нужнаго въ такомъ случаѣ воздержанія

* Капитанъ корпуса инженеровъ путей сообщенія К—скій (Полякъ), тогда начальникъ мѣстнаго округа путей сообщенія.

и находившихъ обиднымъ свое положеніе безъ употребленія по крайней мѣрѣ нагакъ за нанесенныя оскорбленія, казаки успѣли исполнить приказаніе и никого не обидѣли, когда толпа *почему-то* сильно негодовала на казаковъ, исполнявшихъ только долгъ службы, и невольно вызывала на брань.“

Причина по которой войско поставлено было полицей-мейстеромъ въ столь унижительное положеніе заключалась, какъ оказалось въ послѣдствіи, въ томъ что ковенская администрація (губерніей *ad interim* управлялъ вице-губернаторъ) въ это время „взвѣшивала что изъ двухъ крайностей менѣе гибельно (для кого?) по своимъ послѣдствіямъ: принесеніе ли жертвъ убійствомъ и утопленіемъ и все-таки совершеніе обряда, или же совершеніе *безъ жертвъ* одного только обряда, прикрытаго всѣми священными атрибутами“. Всѣ склонились на послѣднее, и казаки, по распоряженію гражданскихъ властей, должны были стать шпалерою, снять шапки предъ проходившею процессіей и съ христіанскимъ смиреніемъ молча сносить ругательства и побои мятежниковъ.

Когда процессія спустилась къ мосту, у котораго разведено было четыре плашкоута со стороны ковенскаго берега, александская процессія уже стояла на другой половинѣ моста. Находившіяся на рѣкѣ двѣ лодки, „на которыхъ разводили мостъ, были отведены перевозчиками къ берегу Царства Польскаго. Агитаторы, завладѣвъ этими лодками“, подплыли къ ковенской процессіи и стали перевозить на противоположную сторону людей съ хоругвами, алтариками и крестами, „а потомъ подѣхали къ разведеннымъ плашкоутамъ, и при содѣйствіи людей ковенской процессіи навели мостъ. Толпа народа безпрепятственно переправилась тогда на противоположный берегъ; ковенская процессія, соединившись съ двумя ожидавшими ее другими процессіями, отправилась въ Годлевскій приходъ къ костелу Цюнтекъ, гдѣ была встрѣчена ксендзомъ Годлевскаго костела. По совершеніи тамъ богослуженія, были сказаны ксенздами двѣ проповѣди. Для массы собравшагося народа мѣстные паны устроили угощеніе. Ковенская процессія вернулась во-свояси около 8 часовъ вечера, въ сопровожденіи народа, между которымъ, какъ замѣчаетъ донесеніе, „было много пьяныхъ“.

По поводу этой процессіи наряжено было формальное слѣд-

ствіе, изъ котораго извлекаемъ наиболѣе характеристическія показанія.

Настоятель ковенскаго Августіанскаго костела, хотя лично не принимавшій участія въ процессіи, но допустившій ее, отозвался, что „31-го іюля, по церковнымъ законамъ и обрядамъ Тельшевской епархіи, процессіи не полагалось. Но по обычаямъ *римско-католическаго народа* часто встрѣчались и ежедневно встрѣчаются, по нѣкоторымъ приходскимъ костеламъ, примѣры многолюдныхъ шествованій народа на торжества церковныя, и церковь такихъ шествій не оуждала, напротивъ нерѣдко священники сопровождали выходъ“... Въ означенный же день (31-го іюля), продолжаетъ настоятель, въ Годлевскомъ приходѣ происходило освященіе вновь построенной церкви и четырнадцати иконъ, для чего туда собрались всѣ окрестныя приходы; ковенское населеніе также де пожелало участвовать въ этомъ торжествѣ. *Народъ* сталъ де просить трехъ находившихся въ костелѣ ксендзовъ сопровождать туда процессію, и „ксендзы не могли устоять противъ усилій *народа*“.

Три участвовавшіе въ процессіи ксендза подтвердили это показаніе, прибавивъ съ своей стороны, по обычаю польской партіи того времени, что „о другой цѣли процессіи, кромѣ освященія костела и стацій (иконъ) страстей Господнихъ, имъ неизвѣстно“. Кто изъ народа нанесъ удары казакамъ они-де не видѣли, но слышали плачь и крикъ въ народѣ отъ побоевъ причиненныхъ казаками. Мятежникамъ казалось недостаточнымъ наругаться надъ казаками: надо было еще оклеветать ихъ.

Ковенскій уѣздный предводитель Жилинскій показалъ, что онъ „принималъ участіе въ процессіи, — происходившей въ Ковнѣ 31-го іюля въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей,—съ самаго начала до конца оной“. *Ковенскій губернский предводитель Довгирдъ* показалъ, что онъ участвовалъ въ процессіи, но на противоположный берегъ не переправлялся.

По распоряженію изъ Вильны, оба эти предводителя дворянства были, за свое участіе въ демонстраціи, отрѣшены отъ должностей, первый съ арестованіемъ на гауптвахтѣ въ Вильнѣ.

Въ Вильнѣ празднованіе 31-го іюля послужило началомъ цѣлаго ряда демонстрацій, которыя продолжались нѣсколько дней и

отличались характеромъ до того буйнымъ, что дѣло дошло наконецъ до кровавой стычки съ войсками. Въ этотъ день въ Вильнѣ, въ костелѣ Св. Іоанна, торжественно отслужена была обѣдня ксендзомъ Бышевскимъ, при двухъ дьяконахъ и шести прислужникахъ изъ частныхъ лицъ (между ними два студента). Въ костелѣ собралось до 3.000 человекъ дворянъ и чиновниковъ; дамы одѣты были въ свѣтлыя платья (80 изъ нихъ были совершенно въ бѣломъ и съ бѣлыми шляпками); у большинства женщинъ на лѣвомъ рукавѣ красовались кокарды изъ голубыхъ, красныхъ и бѣлыхъ лентъ. Послѣ „Тебе Бога хвалимъ“ присутствовавшими пропѣто было „Боже цюсъ Польске“; свѣчи на большомъ престолѣ горѣли до окончанія этой польской марсельезы на ладъ церковнаго гимна. За костельнымъ торжествомъ, чрезъ нѣсколько часовъ, послѣдовала демонстрація уличная.

Въ 6 часовъ пополудни огромная толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ, собравшись предъ открытою иконою Островратской Божіей Матери, отслушала литанію, предъ окончаніемъ которой была пропѣта революціонная пѣснь, причемъ совершавшій литанію ксендзъ Сафоровичъ оставался на колѣняхъ. Въ толпѣ носились слухи что послѣ молебствія предполагается гдѣ-то народное гулянье и пиршество, но гдѣ именно, никто не зналъ: коноводы преднамѣренно держали это въ большомъ секретѣ; дабы ввести въ заблужденіе мѣстныя власти, они пустили даже въ наши административныя сферы слухъ будто пиршество назначено на Погулянкѣ; туда, дѣйствительно, и направлены были казаки. Когда коноводамъ удалось такимъ образомъ обмануть бдительность властей, два дисненскіе дворянина Г. и Ю., по окончаніи революціоннаго гимна, закричали толпѣ по-польски „панове-братья, пожалуйте въ *Бельмонтъ!*“—и вся масса народа, тысячь въ пять, шумно потянулась къ этому пункту. *

Бельмонтское пиршество принадлежитъ къ числу самыхъ памятныхъ событій періода демонстрацій. На этомъ загородномъ гулянѣ происходила давно ожидавшаяся церемонія „сближенія высшихъ сословій съ низшими“, что означало, въ русскомъ переводѣ, происки пановъ вовлечь въ политическую агитацію виленское мѣщанство, которое до того времени

* Погулянка и Бельмонтъ находятся на діаметрально противоположныхъ концахъ города.

держало себя въ сторонѣ отъ волненій. Эта церемонія замѣняла собой неудавшійся, вслѣдствіе предупредительныхъ мѣръ администраціи, панскій обѣдъ на Пасхѣ для виленскихъ ремесленниковъ.

Въ Бельмонтѣ толпа раздѣлилась на двѣ части: одна, болѣе значительная по числу, пировала на площадкѣ предъ гостиницей Каденацкаго, другая въ лѣсу, около 1000 шаговъ отъ этой гостиницы. Въ толпѣ около гостиницы находились и всѣ виленскіе паны съ ихъ женами, все мѣстное польское чиновничество, гимназисты, панская прислуга и мастеровые. Мелькали въ толпѣ даже военные мундиры, и одинъ изъ нихъ съ адъютантскимъ аксельбантомъ до такой степени поражалъ мѣстную полицію, что она, въ донесеніи, предъ фамиліей облеченнаго въ мундиръ пана сочла долгомъ бюрократической вѣжливости приставить частицу *якобы*. Это куріозное *якобы*, красующееся въ перечнѣ лицъ бывшихъ на демонстраціи 31-го іюля, исчезаетъ однако далѣе при точномъ описаніи подвиговъ пана къ которому оно относится.

Политическая сходка эта, заблаговременно заготовленная, открылась рѣчами пановъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, ораторствовавшихъ съ импровизованной ростры о свободѣ Польши, братствѣ, равенствѣ, сближеніи пановъ съ низшимъ сословіемъ и т. д. Рѣчи ораторовъ прерывались криками: „Да здравствуетъ Польша!“ „Да здравствуетъ братство и согласіе!“ „Да здравствуютъ ремесленники!“ „На висѣлицу шпионовъ!“ Одинъ ремесленникъ говорилъ рѣчь о возстановленіи Польши; какой-то сапожникъ, слушая панскіе толки о равенствѣ, спросилъ: „и сапожники тоже будутъ равны съ панами?“ „Будутъ, и они будутъ равны; ура!“ заревѣли паны (сапожники почему-то пользуются у Поляковъ особеннымъ презрѣніемъ). Паны обнимались и цѣловались съ мастеровыми, суля имъ золотыя горы по изгнаніи Москалей. Начались танцы: паны танцевали съ мастеровыми, паны съ мѣщанками и чиновницами. Пѣсни, рѣчи, чоканье бокаловъ и поцѣлуи, подъ вліяніемъ заблаговременно заготовленнаго виннаго запаса, становились оживленнѣе; выходки патріотовъ дѣлались болѣе и болѣе откровенными. Вотъ толпа шляхтичей качаетъ на рукахъ и подбрасываетъ на воздухъ крупнаго мѣстнаго пана, облеченнаго въ русскій мундиръ; изъ словъ качающихъ: „то панъ

N N, который былъ своихъ крестьянъ“, становится понятнымъ, что восторгъ шляхтичей вызвала недавняя расправа этого пана съ крестьянами, надѣлавшая въ свое время много шума. Предъ концомъ танцевъ, которые заключились ужинкомъ, одинъ канцеляристъ гражданской палаты вскрикнулъ: „Еще разъ полонезъ на погибель Москвы“, и танцы на время возобновились. Предъ ужинкомъ дворянство попарно отправилось къ партіи пировавшей въ лѣсу. Тамъ тоже безъ устали орали революціонный гамъ; во время пѣнія слышенъ былъ даже оружейный выстрѣлъ. Какой-то юноша, паничъ Ю., лѣтъ 20-ти, говорилъ рѣчь къ ремесленникамъ, въ которой, между прочимъ, убѣждалъ ихъ „не бояться шпионовъ“. „Мы грудью защитимъ васъ“, ораторствовалъ онъ; „приходите въ воскресные дни въ одинъ костелъ и будемъ тамъ молиться Богу“. „Ура!“ гремѣло въ толпѣ. За тѣмъ говорилъ какую-то рѣчь ксендзъ, котораго за тѣмъ качали и подбрасывали на воздухъ. „На этой гулянкѣ была на какой-то предметъ большая складка“, гласить донесеніе полиціи.

Вслѣдъ за этою демонстраціей по Вильнѣ разнесся слухъ будто соединенная ковенско-августовская процессія 31-го іюля, по окончаніи демонстраціи на мѣстѣ, двинется въ Вильну и будетъ встрѣчена тамъ торжественно религіозною же процессіей. Дѣйствительно ли таково было намѣреніе агитаторовъ, мы не знаемъ; но слухъ объ этомъ былъ пущенъ въ Вильнѣ и встрѣченъ польскою партіей съ такимъ довѣріемъ, что Поляки, ожидавшіе отъ десяти до пятнадцати тысячъ посѣтителей, дѣлали уже приготовленія для продовольствія и размѣщенія на ночлегъ желанныхъ гостей. По существующему въ Вильнѣ преданію, нѣкоторые полицейскіе чиновники обходили даже дома съ приглашеніемъ заготовить квартиры и хлѣбъ для людей сопровождавшихъ ковенскую процессію. Какъ бы то ни было, слухъ о предстоящей громадной манифестаціи сильно волновалъ полицію въ первыя числа августа 1861 года. Такъ какъ, по расчету, процессія изъ Ковна въ Вильну должна была прибыть чрезъ четыре дня, то агитація къ 4-му августа дошла до серьезныхъ размѣровъ. „Любопытные“, гласить официальный документъ того времени, „начали ежедневно ходить на предмѣстье Погулянку, чтобы посмотреть, а другіе и встрѣтить процессію, но прождавъ долгое время напрасно, возвращались спокойно въ свои

дома. Эти ежедневныя прогулки дали возможность нѣкоторымъ исполнить предпринятое намѣреніе, заявленіемъ злонамѣренной манифестаціи надъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда разстрѣлянь былъ преступникъ Канарскій, съ пѣніемъ возмутительнаго гимна, а также подготовленными будто бы хоругвями и другими церковными принадлежностями. Увѣренность съ самаго начала о прибытіи процессіи была такъ велика, что жители ходили за 15 верстъ къ ней на встрѣчу.“

6-го августа назначень былъ даже часъ вступленія процессіи, именно восемь часовъ вечера. Толпа, численностью тысячь въ пять, „сплошной массою“ отправилась на предмѣстье, гдѣ, по распоряженію администраціи, поставлена была застава рота пѣхоты съ сотней казаковъ, а три пѣхотныя роты расположены были, въ видѣ резерва, за заставой. Другой казацкой сотнѣ приказано было „занять цѣпью всѣ ведущія изъ города дороги“.

Хотя процессіи изъ Ковна вовсе не было, но толпа, преднамѣренно вводимая коноводами въ обманъ, предполагала что войска стоятъ лишь для воспрепятствованія встрѣчи Ковенцевъ и потому желала пробраться за заставу. Увидавъ войско, она было остановилась, но когда изъ Вильны къ ней подоспѣла новая толпа, только что прокричавшая нѣсколько революціонныхъ пѣсень предъ Островатскою часовней, масса народа начала, своими передними слоями, напирать на роту. Передадимъ дальнѣйшее описаніе дѣла словами офиціальнаго документа того времени.

„Дворянинъ Виленскаго уѣзда, Кржижевичъ, предводительствуя громадною толпой, который видимо подстрекалъ ее и, оборачиваясь, убѣждалъ идти впередъ и не оставлять его, самъ съ мастеромъ гуттаперчевыхъ калошъ, Вельцомъ, въ сопровожденіи толпы, бросился на взводъ пѣхоты, построенный фронтомъ къ городу и державшій ружья на руку, съ явнымъ намѣреніемъ вырвать у нижнихъ чиновъ ружья и пробиться за заставу. Слѣдившая за дѣйствіями своихъ руководителей толпа начала бросать въ войско большими камнями, вынутыми, какъ полагаютъ должно, изъ мостовой, которые принесли въ карманахъ и подолахъ женщины и, какъ утверждали нѣкоторые изъ рядовыхъ, переодѣтые въ женское платье мужчины, хотя захватить послѣднихъ не представилось возможности, такъ какъ они прикрывались толпой и оставались въ отдаленіи. Другіе же бросались на взводъ съ кольями, взятыми тутъ же изъ разобраннаго ими частокола. При этомъ нападеніи были ушибены довольно силь-

но камнями и кольями до раны на лицѣ одинъ и коломъ по рукѣ также одинъ рядовой пѣхоты. *Нижніе чины съ величайшимъ терпѣніемъ сопротивлялись ослѣпленнымъ, стараясь беречь ихъ*, но при всемъ томъ довольно также сильно ушибли прикладами вышеупомянутыхъ дворянина Кржижевича и мастера Вельца, которые въ то же время были задержаны и отправлены на излѣченіе въ военное отдѣленіе госпиталя Св. Якова. Тогда только сотня казаковъ бросилась на буйствующую толпу и нагайками обратила ее въ бѣгство полемъ къ городу. При чемъ одинъ оберъ-офицеръ, одинъ трубачъ и три казака получили также довольно сильныя ушибы камнями и кольями. Направившись обратно къ городу народъ отправился къ образу Остробрамской Божіей Матери и какъ предъ онымъ, такъ и при слѣдованіи полемъ пѣлъ возмутительный гимнъ. Наконецъ оттуда пошелъ большою улицей, и остановаясь предъ распятіемъ Спасителя, на костелѣ Св. Іоанна находящемся, вновь повторилъ пѣніе того же гимна и за тѣмъ разошелся по домамъ. При самомъ происшествіи, стоявшій на улицахъ любопытный народъ оставался спокойнымъ, кромѣ только того что, когда одной прежде прибывшей изъ роты, уставшей отъ продолжительной стоянки, велѣно было возвратиться въ казармы, то во время ея слѣдованія канцелярскій служитель Токаевскій, дворянинъ Эдмундъ Токаевскій и подмастерье Феликсъ Сорочинскій, бросились на ближайшихъ къ нимъ нижнихъ чиновъ съ намѣреніемъ овладѣть ружьями; при каковомъ нападеніи канцеляристъ Токаевскій изломалъ одно ложе и онъ же, по объявленію рядовыхъ, кричалъ: „еслибы у насъ были ружья, дали бы мы вамъ“. Всѣ эти три человека были также арестованы.“

Происшествіе 6-го августа послужило для польской партіи предметомъ къ усиленной агитаціи. Распущенъ былъ слухъ, поддержанный иностранными газетами, будто въ этотъ день убито множество Поляковъ и брошено въ рѣку Вилію. Въ послѣднихъ числахъ сентября въ Варшавѣ, затѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Царства и наконецъ въ западныхъ губерніяхъ, стали совершаться торжественныя паннихиды за виленскихъ мучениковъ, за братьевъ-Литовцевъ, умерщвленныхъ Москалями въ Вильнѣ 18-го (6-го) августа. Распространенъ былъ циркуляръ якобы отъ виленскаго епископа и духовенства, въ которомъ описывалась „измѣнническая рѣзня беззащитныхъ“. „Наша защита въ Богѣ“, прибавлялось въ циркулярѣ.

Вѣсти эти, повидимому, встревожили администрацію. Запросы были виленскіе епископъ, губернский предводитель

дворянства и городской голова: не былъ ли кто-нибудь убитъ или раненъ, кромѣ Кржижевича и Вельца. Всѣ они отозвались отрицательно; епископъ прибавилъ что приписываемый ему циркуляръ подложный. Главный начальникъ края обнародовалъ эти отзывы въ особомъ объявленіи къ виленскимъ жителямъ.

Можно было бы составить обширное описаніе разнообразныхъ торжествъ, которыя въ день 31-го іюля были отправлены Поляками въ разныхъ мѣстахъ Северо-Западнаго края. Въ большинствѣ мѣстностей послѣ службы въ костелѣ устроены были пирушки и угощенія народа. Въ Поневѣжѣ, напримѣръ, заблаговременно разосланы были помѣщикамъ приглашенія доставить для угощенія крестьянъ продукты и деньги. 30-го іюля, въ воскресенье, послѣ обѣдни, ксендзъ капелланъ М. у алтаря говорилъ по-польски проповѣдь, въ которой требовалъ чтобы прихожане собрались завтра въ костелъ на молебствіе въ память соединенія Литвы съ Польшей, а оттуда отправились за городъ на пиръ устраиваемый помѣщиками.

Другой ксендзъ М. произнесъ послѣ обѣдни проповѣдь, на литовскомъ языкѣ, въ которой прямо говорилъ, что „крестьяне *должны* ненавидѣть русское правительство“. На празднествѣ ксендзъ капелланъ опять сказалъ рѣчь, въ которой доказывалъ крестьянамъ „что освобожденіе ихъ отъ крепостной зависимости послѣдовало по волѣ помѣщиковъ, а не Государя, который-де одинъ, помимо ихъ желанія, ничего не могъ бы сдѣлать, а потому-де крестьяне должны непременно *помогать* помѣщикамъ“. Викарій М. и капелланъ К. раздавали народу книжки съ гимнами. Во время пиршества красовался революціонный флагъ, привезенный помѣщицей К—скою; по окончаніи праздника онъ отданъ былъ паномъ Б., для водруженія, мѣстному крестьянину Иосифу Стрикасу; къ флагу этому привязаны были дамами два польскіе орла. Послѣ того открылся пиръ и угощеніе крестьянамъ, съ которыми танцевали дамы при музыкѣ странствующихъ Нѣмцевъ. Революціоннымъ пѣніемъ на этомъ пиршествѣ руководилъ помѣщикъ Б.

Съ такимъ же торжествомъ праздновалось 31-е іюля и въ 1862 году.

Заканчиваемъ статью о процессіяхъ описаніемъ манифестаціи въ Гроднѣ 15-го августа 1861 года, замѣчательной по рѣшительной оппозиціи католическаго духовенства граж-

данскимъ властямъ. Гродненскій деканъ ксендзъ Маевскій объявилъ 14-го августа въ костелѣ съ амвона, что на слѣдующій день будетъ процессія въ Рожанный стокъ (на лѣвомъ берегу Нѣмана), куда должны были придти въ этотъ же день и процессіи изъ Царства Польскаго. Произнесенная по этому случаю проповѣдь такъ типична, что мы считаемъ не лишнимъ цѣлкомъ передать ее въ русскомъ переводѣ.

„Вѣроятно всѣмъ достаточно извѣстно, что правительственная власть объявила, что силою оружія воспрепятствуетъ осуществленію религиозной процессіи, предпринимаемой съ чисто-религіозною цѣлью, и наши пастырь, не воспротивившись нисколько всему тому, что могло бы насъ освятить и сдѣлать угодноишимъ Господу, уподобляеть только, для оповѣщенія всѣмъ, что начальникъ края сдѣлалъ распоряженіе объ употребленіи военной силы, въ случаѣ еслибы захотѣли, по обычаю, какой здѣсь каждымъ по-одиночкѣ исполняется, пойти процессіею въ Рожанный стокъ, для моленія Богу и порученія себя покрову нашей Матери Небесной.

„Что распоряженіе власти уважать слѣдуетъ, объ этомъ никто спорить не можетъ. Но вы сдѣлали постановленіе, учинили обътъ Всевышнему Богу, чтобы поручить себя покровительству Пресвятыя Маріи. А потому сообразно постановленіямъ костела каждый изъ насъ обязанъ исполнить обътъ Господу Богу; и я не могу ни подговаривать васъ противу власти, ни убѣждать противу костела ни малѣйшаго права не имѣю; въ этомъ случаѣ не имѣете никакого принужденія; оставляется это собственной волѣ и совѣсти каждаго. Въ христіанскомъ духѣ нашего костела внушить только обязываемъ, еслибы воля Божія была пребыть въ нашемъ предпріятіи, то Боже упаси, никакого насилія, никого буйства, ни сопротивленія, подѣ страхомъ рѣшительнаго воспрещенія, никто изъ васъ, братія, употребить не долженъ.

„Когда насъ встрѣтитъ трудное препятствіе на пути, то пусть единственнымъ нашимъ оружіемъ будетъ молитва къ Богу: „Богъ наше убѣжище и помощь“; еслибы опасности намъ угрожали, въ такомъ случаѣ молитва: „Подѣ кровъ твой приубѣгаемъ“ единственнымъ должна быть щитомъ и оградой нашею; наконецъ вся наша безопасность, вся наша сила и покой да будутъ въ Бозѣ, нашемъ Отцѣ въ Троицѣ единомъ на вѣки. Аминь.“

Губернаторъ, узнавъ объ этой проповѣди, убѣждалъ ксендза Маевскаго отгнать процессію, но ксендзъ оказалъ

* Епископъ. Смыслъ нижеслѣдующаго намека на воззрѣнія епископа (высланнаго въ 1863 году изъ края) объясняется изъ дальѣйшихъ дѣйствій ксендза Маевскаго.

непреклонныя. Тогда телеграфировано было въ Вильну начальнику края, и по требованію послѣдняго, виленскій епископъ телеграммой далъ знать Маевскому чтобы процессіи не было; Маевскій телеграммой же отвѣчалъ своему епископу, что хотя прежде въ этотъ день процессіи и не бывало, но по *духовнымъ нуждамъ* прихожанъ процессія необходима, для *устраненія вліянія злонастроенныхъ (!) людей и прекращенія затѣмъ проявившагося волненія умовъ*. Процессія въ четыре часа совершится *непретѣнно*, такъ заключилъ деканъ свою телеграмму епископу. Излишне, кажется, доказывать, что мнимое упорство декана и его отказъ въ повиновеніи епископу могутъ быть объяснены только полнымъ убѣжденіемъ что они встрѣчены будутъ съ сочувствіемъ.

Наступило 15-е августа. Деканъ приказалъ не запирать церкви которая оттого съ утра была наполнена людьми, приготовлявшимся къ манифестаціи. Когда полицеймейстеръ потребовалъ запереть костелъ, Маевскій рѣшительно отказался. „Въ 4 часа началась въ костелѣ вечерня, продолжавшаяся до 5½ часовъ; потомъ, въ сопровожденіи декана съ четырьмя ксендзами, процессія, выйдя изъ костела, направилась къ Нѣману, но встрѣтивъ на пути войска, впереди которыхъ были начальникъ дивизіи и губернаторъ“, она вернулась на площадь. Тамъ она, окруженная войскамъ, остановилась; духовенство и сопровождавшая его толпа мятежниковъ пали на колѣна, пропѣли литанію и гимнъ Богородицы. По окончаніи пѣнія и по произнесеніи деканомъ проповѣди, въ которой развивалось, что „правительство не разрешаетъ исполнить *обѣтъ*“, процессія вернулась въ костелъ, гдѣ пропѣтъ былъ, послѣ литаніи, революціонный гимнъ. Затѣмъ толпа разошлась по домамъ.

Ксендзъ Маевскій преданъ былъ суду и въ концѣ ноября 1861 года высланъ на жительство въ Тобольскую губернію. *Неповиновеніе* его епархіальнымъ властямъ не привело однако въ негодованіе его епархіальное начальство: еще до слѣдствія, въ послѣднихъ числахъ августа, митрополитъ Жлаинскій обратился къ администраціи съ ходатайствомъ за Маевского какъ *за строгого исполнителя воли начальства* и благонадежнаго служителя. Въ іюль 1862 года декану Маевскому исходатайствовано было полное прощеніе, и онъ возвращень былъ въ Гродненскую губернію.

Мы уже имѣли случай замѣтить о чисто революціонной

роли латинскаго духовенства въ политической агитаціи 1861 и 1862 годовъ и указывали что она была логическимъ слѣдствіемъ искусственнаго слиянія въ Западномъ краѣ католицизма съ польщиизмомъ. Эта истина въ періодъ демонстрацій выяснилась рядомъ осязательныхъ фактовъ: въ средѣ польской партіи, демонстрировавшей подъ прикрытіемъ костела и проникнутой, по наружности, религиознымъ фанатизмомъ, священникъ пользовался уваженіемъ и вліяніемъ лишь по мѣрѣ его содѣйствія видамъ ржонда. Ксендзъ искренно проникнутый сознаніемъ святости своего призванія и потому чуждый политической агитаціи, былъ въ глазахъ польской партіи настолько же предметомъ общей ненависти и преслѣдованія, на сколько пользовался у нея уваженіемъ всякій ксендзъ сочувствіе котораго мятежу не подлежало сомнѣнію. Польской партіи нужны были въ ксендзахъ вовсе не католики, а патриоты: честныхъ служителей алтаря, не рѣшавшихся обратитъ амвонъ въ политическую кафедру, она преслѣдовала съ тою же властью какъ Русскихъ. Въ костелѣ монахинь-визитокъ ксендзъ Ижевскій попытался было убѣждать прихожанъ (4-го іюня 1861) что „грѣшно во храмѣ Божіемъ пѣть революціонныя гимны“: въ костелѣ поднялся громкій ропотъ, прихожане вышли изъ церкви въ негодованіи на священника. То же сдѣлалъ старшій ксендзъ въ бѣлостокскомъ костелѣ, обращаясь къ пѣвшимъ гимнъ гимназистамъ: юные агитаторы вступили съ нимъ въ пререканія. Законоучитель минокой гимназіи каноникъ Новицкій высказывалъ ученикамъ несочувствіе къ празднованію годовщины мятежа 1831 года: онъ подвергся за то оскорбленіямъ. Ночью на 22-е и 24-е іюня 1861 года въ Вилькомірѣ, въ домѣ ксендза Балевича, двукратно перебиты были стекла: это служило местию за то что ксендзъ со строгостью отнесся къ прихожанамъ начавшимъ пѣть въ церкви революціонныя пѣсни. Въ мѣстечкѣ Шидловѣ (Россійскаго уѣзда) молодой ксендзъ К. объявилъ съ амвона что 31-го іюля (1862), то-есть въ годовщину люблинской униіи, отслужено будетъ молебствіе „для испрошенія хорошей погоды“, но по распоряженію ксендза Добшевича костельная служба была въ этотъ день отправлена раньше назначеннаго времени, такъ что съѣхавшаяся для манифестаціи публика нашла костель уже запертымъ: на другой же день въ квартирѣ этого священника выбито было каменьями шесть оконъ. Перечень

подобныхъ случаевъ можно бы значительно распространить. * Но допустимъ, что случаи эти были немногочисленны; тѣмъ не менѣе самое существованіе ихъ доказываетъ, что не вся масса латинскаго духовенства сразу рѣшилась обратить религію въ политическое орудіе, что въ ней была среда проникнутая сознаніемъ святости своего долга, и что эта среда самоотверженно шла по одному пути съ законнымъ правительствомъ въ такую пору, когда мы не оказывали ей никакой поддержки и не ограждали ея отъ преслѣдованія польскаго общества и духовной іерархіи. Среда эта дѣйствіями своими говорила намъ вразумительно, что вовсе не въ католицизмѣ опасность для Русскаго государства (какъ многіе у насъ привыкли думать), что напротивъ *у католицизма и у Русскаго государства одинъ общій врагъ*—польская партія, и что противъ этого врага имъ слѣдуетъ бороться общими силами. Но для того чтобы съ успѣхомъ вести подобную войну, намъ надо было по меньшей мѣрѣ оградить своего союзника отъ преслѣдованій польской партіи и доказать что католикамъ идти съ нами рука объ руку, строго слѣдуя ученію католической церкви, и безопасно, и почетно. При такихъ условіяхъ и при разумномъ руководствѣ, по всей вѣроятности, сформировалась бы въ край партія католическихъ священниковъ вѣрныхъ требованіямъ религіи и чуждыхъ политическимъ волненіямъ. Возможность такой партіи въ Западномъ край основывается не на томъ только что въ основѣ ея лежало бы ученіе согласное съ требованіемъ римской церкви, но и на опытѣ 1863—1867 годовъ, когда въ средѣ латинскаго духовенства стали обнаруживаться люди ревностно преданные своей вѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ враждебные оскверненію костела демонстраціями.

Но могли ли мы въ ту пору серьезно помешлять о чемъ-нибудь подобномъ при тогдашнихъ воззрѣніяхъ нашихъ на католицизмъ въ западныхъ губерніяхъ? Чтобы дать понятъ

* Извѣстны, впрочемъ, и такіе случаи, что у католическихъ духовныхъ лицъ, возбудившихъ подозрительность правительства, выбивали окна для того чтобы ввести администрацію въ заблужденіе и отвести ея глаза отъ революціонныхъ продѣлокъ мнимой жертвы. Такъ было поступлено, напримѣръ, съ однимъ духовнымъ лицомъ высланымъ въ послѣдствіи графомъ Муравьевымъ изъ края: но подобные случаи были исключеніемъ и предпринимались въ крайности, развѣ ради спасенія *сазубной* для матажа личности.

о томъ какъ были эти воззрѣнія, достаточно, кажется, привести слѣдующій фактъ. Въ декабрѣ 1860 года законоучитель католическаго исповѣданія въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ ксендзь Козьмянъ объявилъ начальнику корпуса что онъ не находитъ болѣе возможнымъ преподавать законъ Божій въ низшихъ классахъ на русскомъ языкѣ и проситъ дозволенія преподавать по-польски, а если ему въ этомъ будетъ отказано, то онъ „по совѣсти и долгу присяги“ долженъ будетъ оставить службу при корпусѣ (до того времени онъ въ теченіе 18-ти лѣтъ преподавалъ на русскомъ языкѣ). Вслѣдствіе возбужденной по этому поводу переписки между Петербургомъ и Вильной, со стороны виленьской администраціи высказано было что въ корпусѣ законъ Божій „удобнѣе читать на польскомъ языкѣ“. Дивиться ли что при подобныхъ воззрѣніяхъ нашихъ на католицизмъ, число ксендзовъ враждебно относившихся въ началѣ волненій къ оскверненію костела революціонными выходками стало со дня на день сокращаться?

С. РАЙКОВСКИЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОВЫЙ ПАРИЖЪ

И

ЕГО ФИНАНСЫ

Пренія, происходившія въ концѣ февраля и въ началѣ марта нынѣшняго года во французскомъ законодательномъ корпусѣ относительно города Парижа, имѣють тройкій интересъ. Вопервыхъ, самая сущность преній, затрагивающая вопросъ о муниципальномъ управленіи, объ источникахъ дохода и о правахъ города, представляетъ особый интересъ для русскихъ читателей въ виду того значенія какое вопросы этого рода приобрѣли нынѣ въ Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ политическая сторона этого дѣла, которая одна только можетъ объяснить странный образъ дѣйствій котораго держалось правительство во время публичныхъ преній по означенному вопросу, и который возбуждалъ напряженное вниманіе французской публики. Наконецъ, въ этомъ же дѣлѣ есть сторона чисто техническая, историческая и статистическая, можетъ-быть наиболѣе интересная, особенно для тѣхъ изъ читателей которые видѣли новый Парижъ или собираются посѣтить его, и которымъ, конечно, любопытно будетъ узнать какимъ образомъ совершилась эта великая перестройка громадной столицы, чего она стоила, и какія перемѣны повлекла за собой въ отношеніяхъ экономическомъ, социальномъ, строительномъ, гигиеническомъ и военномъ. Я постараюсь рассмотреть это дѣло съ указанной мною точки зрѣнія по возможности кратко, но такимъ образомъ чтобы сами читатели, по прочтеніи моего очерка, могли составить себѣ о немъ точное понятіе.

Перестройка Парижа въ обширныхъ размѣрахъ была, какъ извѣстно, любимой мыслью Наполеона I и принадлежить его инициативѣ. До XVII вѣка Парижъ, то-есть то что называютъ старымъ Парижемъ, сосредоточивался въ нижней части города, на югѣ, по сию сторону Сены, и заключалъ въ себѣ все пространство лежащее къ юго-востоку отъ Иль-де-Франса, древняго удѣла французскихъ королей, до знаменитой въ то время *Королевской площади* (Place Royale) нынѣ пустынной, расположенной въ кварталѣ носящемъ по его низменному положенію названіе *Болота* (Marais). Выше этой части, по направленію къ нынѣшнимъ бульварамъ, тянулась къ сѣверу до холма Монмартрскаго загородная равнина, на которую изъ города выходили заставы Сень-Мартенъ и Сень-Дени, видныя еще и доннынѣ. Пространство это обратилось потомъ въ городскую часть носящую названіе *Chaussée d'Antin*, въ которой во время реставраціи и при Лудовикѣ-Филиппѣ проживала богатая буржуазія. Но въ то время о которомъ мы ведемъ рѣчь, тамъ разстлались еще поля на которыхъ паслись коровы, и тамъ же находился знаменитый *Pré-aux-clercs*, историческое мѣсто любовныхъ свиданій и поединковъ. Мало-по-малу богатые селіоры оставили нездоровый *Болотный* кварталъ, гдѣ поселились крупные негодіанты, а сами направились къ западной части Парижа и даже перебрались за Сену. То было эпохой увеличенія Лувра, постройки (при Ришелье и Мазарини) Пале-Рояля и главныхъ дворцовъ Сень-Жерменскаго предмѣстья. Это переселеніе изъ центра Парижа на западную сторону его, за *Площадь Победы* (Place des Victoires), имѣло результатомъ привлеченіе туда мелкой торговли, а такъ какъ въ то время дома и улицы строились очень тѣсно, то и образовалось между Болотомъ, улицей Сентъ-Оморе и Лувромъ то скопленіе дрянныхъ домишекъ и темныхъ переулковъ, которое при Лудовикѣ-Филиппѣ являлось страшнымъ клоакомъ, вертепомъ бродягъ и мошенниковъ, исполненнымъ всякаго рода нечистотъ, гнѣздомъ нравственной и физической заразы. Такимъ образомъ, во время первой имперіи, Парижъ сосредоточивался между Болотомъ, Лувромъ и Сень-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Въ первомъ пребывала и пребываетъ до сихъ поръ крупная торговля, во второмъ — административный центръ, въ третьемъ — дворянство. Во время реставраціи и при Лудовикѣ-Филиппѣ кварталъ *Chaussée d'Antin* сдѣлался

фешенебельнымъ мѣстожительствомъ богатой буржуазіи удалившейся отъ дѣвъ, а кварталъ Сентъ-Антуанъ, между симъ послѣднимъ и Болотомъ, центромъ многолюднаго рабочаго населенія. Тамъ-то возникло июльское революціонное движеніе 1830 и февральское—1848 года. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ наружный видъ и планъ Парижа въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Замкнутый между холмомъ Монмартрскимъ съ одной стороны и Бельвильскимъ—съ другой, Парижъ, и съ этнографической и съ географической точки зрѣнія, могъ расширяться только со стороны сѣверной, самой высокой и здоровой. Съ этой же стороны Наполеонъ рѣшилъ раздвинуть его и провести по немъ чистый воздухъ посредствомъ большихъ артерій съ юга на востокъ и на западъ. Всѣ большія работы производившіяся съ тѣхъ поръ во время реставраціи и при Лудовикѣ-Филиппѣ, и даже большая часть тѣхъ которыя производятся нынѣ, были предположены или указаны Наполеономъ I. Имперію, реставрацію и июльской монархіи принадлежать, между прочимъ: *Площадь Согласія* (Place de la Concorde), безспорно красивѣйшая въ Европѣ, *Улица Мира* (rue de la Paix), *Вандомская площадь* въ ея нынѣшнемъ положеніи, *Шанзезе д'Антин*, улица *Vivienne* и пр. Какъ только Наполеонъ III приготовился 2-го декабря 1852 года произвести свое 18-е брюмера, то онъ рѣшилъ привести въ исполненіе планъ своего дяди относительно перестройки Парижа, но только исправить и увеличить его. Подобно послѣднему, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ тремя важными и разнообразными соображеніями—строительно-гигіеническимъ, политическимъ и военнымъ. Превратить Парижъ, до тѣхъ поръ душавый, съ узкими и грязными улицами, въ самую красивую и здоровую столицу въ мірѣ, проведеніемъ повсюду чистаго воздуха, устройствомъ подземныхъ водосточныхъ трубъ, которыя уносили бы всю воду Парижа въ Сену-далеко отъ города, и снабженіемъ его, по примѣру Лондонскаго аристократическаго квартала, широкими улицами, великолѣпными бульварами, красивыми скверами и обширными публичными гуляньями для народа; дать этимъ способомъ занятіе и привязать къ своему правленію многочисленныхъ рабочихъ по *строительной* части: каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, слесарей, маляровъ, обойщиковъ и пр., формировавшихъ всегда инсуррекціонныя

арміи и занимавшихся воздвиганіемъ баррикадъ; наконецъ, направить эти длинныя и широкія улицы стратегически, устраивая при исходныхъ пунктахъ ихъ и въ точкахъ соединенія обширныя и красивыя казармы, изъ которыхъ въ каждой могъ бы помѣщаться цѣлый полкъ и которыя имѣли бы внутреннее сообщеніе по главнымъ артеріямъ подземнаго Парижа, для того чтобы сдѣлать баррикады невозможными, въ одно мгновеніе уничтожить всякую попытку къ мятежу и незамѣтно направить войска изъ одного мѣста въ другое, — такова была тройная цѣль Наполеона III, который убѣжденъ былъ что это великое и трудное предпріятіе будетъ славнѣйшимъ дѣломъ его царствованія. Но для выполненія его прежде всего нужно было много денегъ, а между тѣмъ дѣло это, столь дорогое, онъ желалъ довести до благопріятнаго окончанія „не создавая новыхъ налоговъ“; затѣмъ ему нужно было найти человѣка смѣлаго, предпріимчиваго, смыславаго и настойчиваго. Съ громадными источниками доходовъ Франціи и Парижа, найти такого человѣка значило найти и средства къ исполненію задуманнаго предпріятія. Лудовикъ-Филиппъ нашелъ для занятія должности парижскаго префекта де-Рамбюто, Наполеонъ III—Гауссмана. Этотъ послѣдній еще до 1848 года извѣстенъ былъ какъ человѣкъ съ большими способностями, энергическій, смѣлый, не слишкомъ разборчивый на средства, но настойчивый въ достиженіи цѣли и одаренный умомъ ловкимъ на всевозможные извороты. Это и нужно было Наполеону III, который предоставилъ лично себѣ строительное, гигиеническое и стратегическое направленіе предпріятія, но который не имѣлъ никакого понятія о средствахъ и способахъ эксплуатаціи. Онъ нашелъ въ г. Гауссманѣ агента тѣмъ болѣе пригоднаго, что послѣдній, подобно самому императору, понималъ вещи въ обширныхъ размѣрахъ, а правительственная система Наполеона III позволяла ему предоставить въ распоряженіе Гауссмана большія средства и не подчинять его конституціоннымъ формальностямъ, которыя такъ сильно стѣсняли префекта Лудовика-Филиппа, г. де-Рамбюто. Г. Гауссманъ, съ своей стороны, принялся дѣйствовать тѣмъ съ большею увѣренностью, что опирался на поддержку императора и чувствовалъ себя необходимымъ. Такимъ образомъ, императоръ и г. Гауссманъ рука объ руку дружно пошли къ задуманной цѣли, достигнуть которой

Лудовику-Филиппу отчасти воспрепятствовала февральская революція, и для достиженія которой г. де-Рамбюто, въ свое время, предложилъ заемъ въ 60 милл. франковъ, мотивируя это требованіе необходимостью „очистить Парижъ отъ вредныхъ испареній, губельно дѣйствующихъ на здоровье жителей“.

Такимъ образомъ, чтобы понять сущность вопроса который обсуждался на дняхъ въ законодательномъ корпусѣ, необходимо имѣть въ виду что Наполеонъ III предпринялъ перестройку Парижа въ ту эпоху своего царствованія когда онъ правилъ Франціей неограниченно. Очевидно, что по мѣрѣ того какъ права и бдительность законодательнаго корпуса расширялись, неудобства такого хода вещей съ конституціонной точки зрѣнія должны были выступать все сильнѣе. Такимъ образомъ, когда постановленіе палаты оказалось необходимымъ, Наполеонъ III сдѣлалъ для перестройки Парижа, которою дорожилъ такъ много, то же самое что сдѣлалъ для свободной торговли, для Италіанской войны, для Мексиканской экспедиціи и пр., то-есть, находя что мелочной и хлопотливый контроль палаты слушкомъ стѣснителенъ, онъ постарался обойти его. И дѣйствительно, еслибъ онъ въ самомъ началѣ представилъ на утвержденіе депутатовъ всю торговую реформу въ томъ смыслѣ нововведенія въ которомъ она была совершена, то не нашелъ бы во Франціи палаты которая согласилась бы ее утвердить. Подобнымъ образомъ, когда были расширены права законодательнаго корпуса, и пришлось обратиться къ нему съ требованіемъ денегъ необходимыхъ для выполнения громаднхъ работъ по перестройкѣ Парижа, онъ не подумалъ сообщить палатѣ весь заранее составленный планъ этой перестройки, объяснить всѣ свои проекты, одни предпринятые въ видахъ общественной пользы, другіе просто для украшенія города, и не сказалъ всей суммы, потребной для этого дѣла. Никакая французская палата, какъ бы она ни была предана императору, никогда не дала бы на то заранее своего согласія. Итакъ необходимо было прибѣгнуть къ изворотамъ, то-есть опереться на совершившіеся факты. Онъ и представилъ палатѣ сначала планъ одной только части предпринятыхъ работъ, и потребовалъ у нея только часть необходимыхъ средствъ. Но даже и эта часть плана представлена была палатѣ не

разомъ, но въ три различныя пріема, въ 1855, 1860 и 1865 годахъ. Я не говорю чтобъ императоръ и г. Гауссманъ не были потомъ сами увлечены громадностью предпріятія, которое при исполненіи потребовало добавочныхъ, непредвидѣнныхъ работъ, но самая сущность, въ которой заключается узелъ вопроса представленнаго на обсужденіе законодательнаго корпуса, состоитъ въ томъ что настоящая сущность новаго Парижа никогда не была вполнѣ объяснена палатѣ. Когда дѣло будетъ окончено, оправдаетъ или обвиняетъ вышнюю администрацію будущее поколѣніе, которое увидитъ только полезную сторону ея дѣятельности и для котораго незамѣтны будутъ ея уклоненія? Мнѣнія на этотъ счетъ различны, да и самый вопросъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ интересъ второстепенный. Несомнѣнно только то что французская палата никогда не утвердила бы заранѣе баснословныхъ суммъ которыя были и еще будутъ израсходованы на перестройку Парижа; несомнѣнно также что множество денегъ истрачено было понапрасну, благодаря упорству полновластнаго распорядителя судьбами Франціи и бесполезнымъ работамъ. Очевидно, г. Руаръ не можетъ объявить нынѣ законодательному корпусу что отъ него въ началѣ скрывали истину, и что все настоящее затрудненіе заключается въ томъ что палата введена была въ обманъ относительно размѣра работъ и громадныхъ суммъ которыхъ онѣ требовали. А между тѣмъ въ этомъ и заключается весь вопросъ. Личныя спекуляціи въ которыя могъ пуститься г. Гауссманъ для себя и для людей ему близкихъ, если и допустить таковыя, нисколько не измѣнили бы дѣла; онѣ исчезли бы въ громадности израсходованныхъ суммъ, да къ тому же онѣ не доказаны, и сама оппозиція не настаиваетъ на нихъ. Большинство, такъ же какъ и оппозиція, настаиваютъ только на неправильности дѣйствій, которая дѣйствительно поразительна, и неправильность эта происходитъ исключительно отъ необходимости въ которую поставлены были строители Парижа добывать себѣ деньги и иными средствами, помимо утвержденныхъ законодательнымъ корпусомъ, чтобы покрыть расходы, въ огромныхъ размѣрахъ превысившіе сумму представленную на утвержденіе этому собранію. Г. Гауссманъ нисколько не виноватъ въ этомъ. Онъ былъ только исполнителемъ высшей воли, и, какъ справедливо выразился г. Тьеръ, былъ только смысленнымъ, дѣятель-

нымъ и очень ловкимъ агентомъ. Таковъ былъ образъ дѣйствій которому слѣдовали во всемъ этомъ громадномъ предпріятіи императоръ и г. Гауссманъ, таковы были средства ими употребленныя, и въ нихъ-то заключаются неправильности возбуждающія нынѣ такіа одушевленныя пренія.

Весь планъ перестройки Парижа обнималъ три большія сѣти. Къ первой принадлежатъ, между прочимъ, продолженіе улицы *Риволи* и устройство большихъ и великолѣпныхъ бульваровъ, нынѣ оконченныхъ и обитаемыхъ, *Сева-стопольскаго*, *Маджентскаго*, *Малерба*, *Араго* и пр. Первая сѣть не подверглась порицанію, а напротивъ вызвала одобреніе. Вторая состоитъ, между прочимъ, изъ бульваровъ *Принца Евгенія*, *Гауссмана*, *Короля Римскаго*, *Королевы Гортензій*, изъ новаго квартала *Елизейскихъ Полей*, улицы *Турбиго* и пр. Эта вторая сѣть подвергается сильной критикѣ, какъ съ точки зрѣнія политической пользы, такъ и съ точки зрѣнія громадныхъ добавочныхъ расходовъ коихъ она потребовала. Къ третьей, наконецъ, принадлежитъ проведеніе улицъ *Лафайета*, *Кардинала Феша* и *Ренна*, улицъ *Сольферино*, *Рюмюра*, площади *Трокадеро*, постройки новаго опернаго театра и пр. Эта третья сѣть подвергается такой же критикѣ и по тѣмъ же причинамъ. Для этихъ трехъ сѣтей, только въ общихъ чертахъ обозначенныхъ въ смѣтахъ представленныхъ одна за другою законодательному корпусу въ теченіе трехъ вышеозначенныхъ лѣтъ, 1855, 1860 и 1865, правительство требовало отъ него въ тѣ же сроки трехъ займовъ, первый въ 250 милліоновъ фр., второй во 180 и третій въ 270 милліоновъ. При-нужденное нынѣ, по причинамъ которыя я объясню ниже, прибѣгнуть снова къ постановленію законодательнаго корпуса, правительство должно было сознаться что расходы по первой сѣти превысили первый заемъ на 70 милліоновъ, по второй на 320 милліоновъ и по третьей на 30 милліоновъ, всего на 420 милліоновъ болѣе чѣмъ назначено было законодательнымъ корпусомъ. Вотъ первый упрекъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, съ которымъ палата обращается къ г. Гауссману. Мы увидимъ ниже что она возводитъ на него обвиненія гораздо болѣе важныя. Утверждая въ 1860 году второй заемъ, законодательный корпусъ, исполненный тогда восторга отъ побѣдъ одержанныхъ въ Италіи, разрѣшилъ

въ то же время назначить городу государственную субсидію во сто милліоновъ и уполномочилъ его основать *Cassa работъ города Парижа*, съ правомъ выпускать облигаціи на 15 милліоновъ. Нынѣ же оказывается что она ихъ выпустила на 60 милліоновъ. Эта вторая неправильность въ 45 милліоновъ присоединенная къ первой въ 420 милліоновъ составляетъ сумму въ 465 милліоновъ, что нынѣ и изображаетъ цифру которую городъ объявляетъ дефицитомъ, неправильностью, и проситъ палату, во уваженіе величія дѣла, даровать ему такъ-называемый *bill of indemnity* (билль отпущенія) и законное средство пополнить означенный дефицитъ. Правительство поддерживало эту просьбу, и чтобы умилостивить палату, приняло обязательство представлять впредь на ея обсужденіе городской бюджетъ. Но оппозиція и значительная часть большинства, повидимому, не поддались на эту приманку, и вотъ по какой причинѣ. Слагая вмѣстѣ три разрѣшенные займа и сверхсметные расходы, уже признанные, правительство заявляетъ о суммѣ въ 980 милліоновъ, почти въ миллиардъ. Оно присовокупляетъ къ ней сто милліоновъ субсидій отъ государства и сверхъ того громадную сумму въ 850 милліоновъ, происходящую отъ сверхсметныхъ доходовъ города Парижа съ начала работъ, что составляетъ общую цифру въ 1.930 милліоновъ, т.-е. *около двухъ миллиардовъ*. Сумму эту оно признаетъ. Оно объявляетъ что въ счетъ этой громадной суммы оно уже уплатило около полутора миллиарда, вслѣдствіе чего оно заявляетъ о дефицитѣ въ 465 милліоновъ, для уплаты коего оно и прибѣгаетъ къ законодательному корпусу. Но оппозиція и часть большинства не допускаютъ чтобы въ этомъ только состоялъ дѣйствительный дефицитъ города. Онѣ подозреваютъ что правительство старается снова затаять истину и требуютъ рѣшительно чтобы оно съ полною искренностью изложило настоящее положеніе города Парижа, дабы привести его въ порядокъ разомъ и окончательно. Г. Тьеръ и его товарищи доказываютъ, напримѣръ, что счеты г. Гауссмана до такой степени неточны, что онъ даже не поставилъ въ число доходовъ, дабы скрыть ихъ при израсходованіи, сначала 61 милліонъ, добытые займомъ 1852 года и находившіеся еще въ кассѣ при открытіи работъ, за тѣмъ 250 милліоновъ займа разрѣшеннаго для присоединенія къ Парижу подгородной слободы (*banlieue*). Они присовокупаютъ къ этому, что *Cassa*

работъ города Парижа превысила цифру назначенную палатой для выпуска ея облигацій не на 45 милліоновъ, а на 85. Изъ чего, по ихъ увѣреніямъ, оказывается что дефицитъ столицы составляетъ не 465 милліоновъ, но 700 или 800 милл. Правда, коммиссія назначенная палатой для изслѣдованія законопроекта представленнаго правительствомъ отрицаетъ точность этихъ цифръ. Докладчикъ ея, г. Дюмираль, утверждаетъ что *касса* выпустила только на 45 милліоновъ облигацій сверхъ дозволенной суммы; что 250 милліоновъ, занятые для присоединенія подгородной слободы, были сполна употреблены на эту важную мѣру, а именно на вознагражденія и на работы, произведенныя въ подгородной слободѣ, и что наконецъ сумма въ 61 милл., оставшаяся отъ займа 1852 г., послужила на уплату процентовъ и погашеніе долга по прежнимъ займамъ, заключеннымъ при Людовикѣ-Филиппѣ и во время республики. Какъ бы то ни было, палата, повидимому, не убѣдилась этими доводами. Но не въ этомъ еще главный упрекъ взводимый ею на г. Гауссмана. Главная неправомерность и даже беззаконіе, въ которомъ она его обвиняетъ, заключается въ слѣдующемъ. Накопивъ дефицитъ въ 465 милліоновъ и нуждаясь въ деньгахъ для продолженія начатыхъ работъ, вотъ какой изворотъ придумалъ г. Гауссманъ. Устранивъ прежнюю систему сдачи работъ съ торговъ, онъ заключалъ сделки прямо съ компаніями предпринимателей (фактъ, который самъ по себѣ есть уже нарушеніе закона, но многочисленныя примѣры коего встрѣчаются во времена г. де-Рамбюто, г. Бергера, г. Араго, даже самого г. Тьера), иногда на громадныя капиталы, необходимыя для проведенія и перестройки цѣлой улицы. Этими компаніямъ, составлявшимъ иногда капиталы въ 200 милліоновъ, городъ продавалъ цѣлую улицу или кварталъ съ обязательствомъ уплаты рабочимъ и домовладѣльцамъ за отчужденіе ихъ собственности, при чемъ цифра вознагражденія определялась городомъ. Въ послѣдствіи, при встрѣтившихся уклоненіяхъ, городъ потребовалъ отъ сихъ предпринимателей значительнаго залога, въ видѣ гарантіи исполненія ихъ обязательствъ и уплаты вознагражденія, выдачу коего владѣльцамъ за отчужденіе ихъ собственности онъ принялъ на себя. Эти залоговъ г. Гауссманъ израсходовалъ, и тогда-то онъ выпускалъ на означенную сумму въ 465 милліоновъ, составлявшую его дефицитъ, такъ-называемыя *bons de délégation*.

tion, то-есть облигаціи приносящія проценты и подлежащія къ уплатѣ городомъ въ теченіи десяти лѣтъ. Этими облигаціями онъ расплатился съ предпринимателями. Но послѣдніе, имѣя надобность представить ихъ къ учету, чтобы добыть въ свою очередь денегъ, потребовали подписи г. Гауссмана на оборотѣ. Требованіе ихъ было исполнено, и тогда они добились что облигаціи эти приняты къ учету Поземельный Кредитъ. Былъ ли заключенъ договоръ между городомъ и означеннымъ учрежденіемъ относительно такой сдѣлки, неизвѣстно. Заинтересованныя стороны утверждаютъ что такого договора не было. Какъ бы то ни было, но по мнѣнію оппозиціи и значительной части большинства, г. Гауссманъ учинилъ при этомъ нѣсколько вопіющихъ беззаконій. Во-первыхъ, по словамъ ихъ, онъ распорядился внесенными залогами, которые должны оставаться неприкосновенными. На это докладчикъ и правительство отвѣчали, что такъ какъ означенные вклады представляли часть цѣнности проданныхъ городомъ участковъ земли, то городъ и могъ ими распорядиться. Затѣмъ, оппозиція и часть большинства обвиняютъ г. Гауссмана въ томъ что онъ распорядился означенными участками, тогда какъ они, на основаніи закона, служатъ гарантіей *кассы работъ*. На это докладчикъ и правительство отвѣчали, что именно для пополненія этой кассы означенные участки и были проданы, и что цѣнность ими представляемая и была пущена въ обращеніе. Наконецъ, — и это важнѣйшее изъ всѣхъ обвиненій, — г. Гауссманъ обвинялся въ томъ что онъ этимъ способомъ реализовалъ подложный, замаскированный заемъ въ 465 милліоновъ и нарушилъ законъ, запрещающій съ одной стороны Поземельному Кредиту выдавать соуды общинамъ не получившимъ на то разрѣшенія въ силу спеціальнаго закона, утвержденнаго законодательнымъ корпусомъ, съ другой стороны общинамъ дѣлать займы свыше милліона безъ разрѣшенія законодательной власти. На это докладчикъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, г. де-Форкадъ, рѣчь коего произвела сильное впечатлѣніе на палату, отвѣчая что дѣйствительно громадность цифры одна только придаетъ помянутой операціи видъ незаконности, тогда какъ въ принципѣ Поземельный Кредитъ, простое частное учрежденіе, имѣлъ право принимать къ учету всѣ бумаги какія ему заблагоразсудится, что городъ имѣлъ право выдавать предпринимателямъ билеты на предъявителя для уплаты.

за работы, разрѣшенныя палатой, и что громадность суммы, принятой къ учету не только Поземельнымъ Кредитомъ, но и другими частными финансовыми учрежденіями, свидѣтельствуешь о кредитѣ коимъ пользуется подпись города на рынкахъ. Министръ старался еще оправдать г. Гауссмана отъ другихъ упрековъ, и въ особенности отъ обвиненія что онъ превысилъ на 420 милліоновъ цифру расходовъ установленныхъ тремя займами 1855, 1860 и 1865 годовъ. Онъ доказывалъ, что эта огромная разность произошла отъ фактовъ не зависѣвшихъ отъ воли города; факты эти суть слѣдующіе: во первыхъ, при смѣтахъ приняты были нормой по отчужденію имущества цѣны 1852 года, тогда какъ въ дѣйствительности цѣнность участковъ земли съ того времени и по нынѣ увеличилась на 50%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на 100%. Это совершенно справедливо. Даже на однихъ этихъ спекуляціяхъ покупки поземельныхъ участковъ, гг. Перейры и многіе другіе составили себѣ огромныя состоянія. Большая часть этихъ участковъ прошла черезъ трое и четверо рукъ и обогатила трехъ или четырехъ человекъ, прежде чѣмъ на нихъ успѣли положить хотя одинъ камень. Второй фактъ, заявленный министромъ внутреннихъ дѣлъ, состоитъ въ томъ что вслѣдствіе юридической процедуры, установленной съ 1860 года кассационнымъ судомъ, счетною палатой и государственнымъ совѣтомъ, тремя инстанціями постоянно враждебными г. Гауссману, на городъ возложена была, кромѣ обязательства вознаграждать владѣльцевъ отчуждаемыхъ земель и домовъ, еще уплата вознагражденія наемщикамъ квартиръ по контрактамъ, лавочникамъ и торговцамъ. Эта новая повинность дѣйствительно увеличила въ весьма значительныхъ размѣрахъ расходы города по его новымъ работамъ. Аргументы г. де-Форкада, коего первая политическая рѣчь въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ была весьма удачна, отчасти удовлетворили и палату, которая потребовала заключенія общихъ преній. На этомъ она остановилась въ четвергъ, 25-го февраля, когда на слѣдующій день одинъ изъ членовъ большинства, г. Калле-Сель-Шоль, самъ банкиръ и зять генерала Флери, самого близкаго человека къ императору, всталъ чтобы защищать свою поправку къ первой статьѣ закона и распространилъ тревогу въ палатѣ. Законопроектъ, представленный законодательному корпусу, имѣеть цѣлію разрѣшить городу заключеніе

съ Поземельнымъ Кредитомъ договора, относительно ко- его они уже условились. Договоръ этотъ состоитъ въ слѣдую- щемъ. Поземельный Кредитъ имѣетъ нынѣ въ своихъ рукахъ всѣ городскія *bons de délégation*, которые онъ принялъ къ учету отъ предпринимателей на сумму въ 465 милліоновъ, и вслѣдствіе этого есть единственный кредиторъ города Парижа на эту сумму. Но такъ какъ эти облигаціи подлежатъ къ уплатѣ не даѣе какъ черезъ десять лѣтъ, то городу приходи- тся въ такой короткій срокъ внести всю эту громадную сумму. Очевидно, онъ могъ бы выполнить это двумя спосо- бами: или приостановить свои работы, что значило бы оста- вить безъ дѣла отъ 200 до 300 тысячъ рабочихъ, рискуя про- извести революцію, или же заключить четвертый заемъ, от- носительно коего г. Гауссманъ не разчитывалъ ни на под- держку министровъ, ни на благоприятное постановленіе па- латы. Какъ же поступилъ онъ? Очевидно поддерживаемый императоромъ, — ибо, опять-таки, за г. Гауссманомъ всегда скрывается императоръ, — онъ вступилъ въ сдѣлку съ Позе- мельнымъ Кредитомъ чтобы тотъ отсрочилъ ему на нѣко- торыхъ, довольно впрочемъ снисходительныхъ условіяхъ ком- миссіоннаго куртажа и ежегодной уплаты, на сорокъ лѣтъ долгъ въ 465 милліоновъ, подлежащій уплатѣ въ 10 лѣтъ, на основаніи *bons de délégation*. Но чтобы договоръ этотъ всту- пилъ въ силу необходимо утвержденіе законодательной вла- сти, о чемъ и озаботился упомянутый законопроектъ. Но г. Калле-Севъ-Поля въ сжатой рѣчи доказать, что эта сдѣл- ка, даже на благоприятныхъ условіяхъ кои приняты, есть отягощеніе для города, и что онъ сдѣлалъ бы лучше еслибы воспользовался выгоднымъ положеніемъ биржи, переполнен- ной деньгами, и обратился прямо къ общественному кре- диту посредствомъ займа. Онъ доказалъ, что только на ком- миссіи, куртажѣ, курсѣ и пр., городъ реализовалъ бы ба- рышъ въ 77 милліоновъ, что этотъ барышъ гораздо съ боль- шемъ выгодой могъ быть употребленъ на погашеніе ра- зомъ всего городского дефицита, который не можетъ про- стираться и не простирается только на 465 милліоновъ, но должно, прибавилъ ораторъ, потребовать отъ г. Гауссмана чтобъ онъ сказалъ всю правду, такъ какъ императоръ введенъ въ заблужденіе и ему слѣдуетъ открыть глаза и пр. Хотя г. Калле-Севъ-Поля и подозреваютъ въ давнишнемъ желаніи занять мѣсто г. Гауссмана, или по крайней мѣрѣ г. Фреми,

директора Поземельнаго Кредита, но его личное положеніе въ официальномъ мірѣ, въ мірѣ торговомъ и даже въ нѣдрахъ самого большинства, и въ особенности его критика, столь соответствовавшая настроенію палаты, все это вмѣстѣ привело къ такому результату, что послѣ его рѣчи большинство поколебалось, пришло въ страшное волненіе и готово было отвергнуть первую статью закона. Вслѣдствіе этого на другой день, въ субботу (27-го февраля), измѣнилась обстановка, измѣнилось положеніе правительства, и произошло одно изъ самыхъ бурныхъ и оригинальныхъ засѣданій. Г. Руэръ, до сихъ поръ не принимавшій участія въ преніяхъ, поднялся съ своего мѣста и произнесъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей, въ которой онъ старался защитить величіе парижскихъ построекъ и личную честность г. Гауссмана, но въ которой онъ принесъ въ жертву всѣ средства употребленныя послѣднимъ, признавъ и осудивъ ихъ неправильность, которая впредь уже повториться не можетъ, такъ какъ бюджетъ города будетъ представляемъ на утвержденіе законодательнаго корпуса. Въ заключеніе онъ потребовалъ чтобы договоръ съ Поземельнымъ Кредитомъ былъ утвержденъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ городу было разрѣшено воспользоваться условіемъ дозволяющимъ ему расплатиться съ своимъ кредиторомъ вполнѣ или частію, когда заблагоразсудитъ, и дана возможность заключить непосредственный публичный заемъ въ такую минуту которую онъ и правительство найдутъ наиболее благоприятною, такъ какъ такая минута можетъ наступить въ промежутокъ между сессіями палаты. Вся палата привѣтствовала рукоплесканіями такую перемену въ положеніи правительства; оппозиція сочла ее торжествомъ для себя; средняя партія и большинство приписали побѣду себѣ, и законодательный корпусъ рѣшилъ, по требованію г. Руэра, отослать снова первую статью въ коммиссію и разошелся съ ликоваціями. Вечеромъ весь Парижъ былъ въ движеніи; повсюду только и толковали что объ этомъ засѣданіи. Вообще обвиняли г. Руэра, что онъ пожертвовалъ г. Гауссманомъ изъ ненависти къ нему, что онъ заставилъ своихъ товарищей разыграть жалкую роль и пр. А такъ какъ именно въ этотъ день было вечернее собраніе въ *Hôtel de Ville*, то г. Гауссману и была сдѣлана тамъ восторженная овація. Въ дѣйствительности же совершенно иное

побужденіе руководило дѣйствіями г. Руэра. Вотъ какъ было дѣло.

Правда, г. Руэръ не жалуется г. Гауссмана, могущество и авторитетъ котораго, поддерживаемые императоромъ, нѣрѣдко беспокоятъ его, но въ настоящемъ случаѣ имъ руководило болѣе серьезное побужденіе. Его главная и важнѣйшая роль быть стратегическимъ вождемъ большинства, поддерживать силу и совокупность онаго въ пользу императорскаго правительства. И дѣйствительно, это правительство, по своей демократической сущности и по своей абсолютистской формѣ, не можетъ, подобно парламентарнымъ правительствамъ, довольствоваться малымъ большинствомъ по какому-либо закону; ему необходимо всегда и во что бы то ни стало сильное и компактное большинство. Но послѣ рѣчи г. Калле-Сенъ-Поля, г. Руэръ, съ своею опытностью и вѣрностью взгляда, тотчасъ же понялъ что большинство готово ускользнуть отъ него, и что если онъ въ слѣдующее засѣданіе (27-го февраля) допустить палату приступить къ подачѣ голосовъ о первой статьѣ въ томъ же настроеніи, то законъ будетъ отвергнутъ или утвержденъ весьма слабымъ большинствомъ. И то и другое было бы неудачей для императорскаго правительства, и неудачей тѣмъ болѣе опасною, что она составляла бы прискорбный прецедентъ. Поэтому онъ и прибѣгнулъ къ стратегіи о которой мы упомянули. Въ тотъ же вечеръ онъ отправился вмѣстѣ съ своими товарищами къ императору, изложилъ ему положеніе дѣлъ и испросилъ у него позволенія пожертвовать нѣсколько г. Гауссманомъ чтобы спасти все дѣло и, въ особенности, чтобы сохранить союзъ власти съ большинствомъ. Императоръ согласился, и въ слѣдующее засѣданіе тактика эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Но г. Руэръ не выпутался еще изъ всѣхъ затрудненій. Послѣ перемѣнъ произведенныхъ комиссіей въ первой статьѣ, законъ возвратился къ публичному обсужденію въ законодательный корпусъ 3-го марта. Оппозиція и г. Тьеръ, искусный тактикъ, а равно и вожди средней партіи, формирующейся въ палатѣ, поняли наконецъ стратегию употребленную г. Руэромъ. Тогда они потребовали, такъ какъ непосредственный заемъ былъ признанъ болѣе выгоднымъ для города чѣмъ договоръ съ Поземельнымъ Кредитомъ, чтобы договоръ этотъ былъ отмененъ и заемъ былъ допущенъ тотчасъ же. Это отнюдь не входило въ виды правительства, которое не желаетъ вредить

Поземельному Кредиту, и въ особенности не желаетъ разстаться со средством обойтись еще разъ безъ утвержденія палаты, чтобъ имѣть возможность скрывать настоящее положеніе вещей и продолжать свои затраты на парижскія работы. Вслѣдствіе этого г. Руэръ противодѣйствовалъ этимъ поправкамъ, но при этомъ онъ долженъ былъ до такой степени выставить выгоды договора съ Поземельнымъ Кредитомъ, что разоблачилъ свою игру и потерялъ всѣ преимущества приобретенныя имъ въ засѣданіи 27-го февраля заявленіями въ противоположномъ смыслѣ. „Надъ нами издѣваются!“ воскликнули нѣкоторые депутаты правой стороны. Напрасно министръ финансовъ, г. Манъ, пользующійся большимъ уваженіемъ палаты, принялъ обязательство выпустить для города частные займы и тотчасъ же приступить къ первому въ 250 милліоновъ, напрасно г. Фреми, директоръ Поземельнаго Кредита, принесъ повинную и объявилъ, что если палата находитъ взимаемую имъ сумму за комиссію слишкомъ высокою, то онъ заранѣе соглашается уменьшить ее. Уменьшеніе это дѣйствительно было сдѣлано въ размѣрахъ 16-ти милліоновъ; несмотря на всѣ эти уступки, часть большинства настаивала на своей поправкѣ. Когда составитель ея, г. Пейрюссъ, оставилъ ее, по настоятельному убѣжденію правительства, то за нее принялись другіе, и г. Пуля-Кертъе, непреклонный противникъ-протекціонистъ г. Руэра, потребовалъ, поддерживаемый всею своею фалангой, новой отсылки законопроекта въ комиссію. Какъ видите, кризисъ появлялся снова и еще въ болѣе грозномъ для правительства видѣ чѣмъ въ первый разъ. Засѣданіе было закрыто, и дѣло пока на этомъ и остановилось.

Принятіе означеннаго законопроекта было дѣломъ столь великой важности, что г. Руэръ сдѣлалъ изъ него кабинетный вопросъ и грозилъ, въ случаѣ неутвержденія первой статьи онаго, подать въ отставку. Тѣмъ не менѣе средняя партія держалась твердо и настаивала на своихъ поправкахъ, требовавшихъ вторичной отсылки этой статьи въ комиссію. Видя что большинство готово снова ускользнуть отъ него, г. Руэръ отправился къ императору въ сопровожденіи двухъ своихъ товарищей, министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Императоръ рано утромъ послалъ своихъ секретарей, гг. Конти и Пьетри, къ вождямъ средней партіи, чтобы просить ихъ, именовъ его величества, утвердить статью и

взять назадъ ихъ поправки. Предъ засѣданіемъ они были приглашены къ президенту законодательнаго корпуса, который возобновилъ свои настоянія и устроилъ соглашеніе между этими господами и г. Руэромъ, который подалъ бы въ отставку еслибъ они не уступили. И несмотря на все это, при подачѣ голосовъ, на сторонѣ правительства оказалось только большинство въ 18 голосовъ.

Вотъ изложеніе великаго вопроса по предмету громаднхъ перестроекъ Парижа, который въ продолженіе недѣли возбуждалъ всѣ страсти палаты и публики и который едва не оставилъ императорскаго правительства съ меньшинствомъ законодательнаго корпуса. Вы видите, что сущность вопроса заключается совершенно не въ томъ о чемъ толкуютъ газеты; онъ гораздо важнѣе чѣмъ вообще полагаютъ и тѣсно связанъ съ политическимъ положеніемъ Франціи, что бы ни говорилъ г. Руэръ. Сводится онъ къ слѣдующему: съ одной стороны, непремѣнная воля императора сохранить въ рукахъ г. Гауссмана главное руководство парижскими работами, дабы продолжать ихъ по начертанному им плану; съ другой стороны, также непремѣнная воля императора и необходимость для г. Руэра воспрепятствовать во что бы то ни стало разбѣдненію большинства и предупредить всякую попытку съ стороны послѣдняго нанести поражение правительству. Въ то же время, съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе образованіе въ нѣдрахъ большинства средней партіи, съ которою правительству, безъ сомнѣнія, придется посчитаться послѣ общихъ выборовъ.

Испытаніе, порожденное необходимостью согласовать верховную волю императора съ сохраненіемъ союза его съ палатой, было дѣйствительное и тяжелое. Подобное испытаніе правительство перенесло во время преній по дѣламъ Рима. Тогда правительство принуждено было дѣйствительно уступить, и Италія принесена была въ жертву. На этотъ разъ правительство уступило только по наружности, и жертвой, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ смыслѣ, былъ г. Гауссманъ. Но и тогда, какъ нынѣ, побѣда осталась за великимъ тактикомъ, г. Руэромъ.

Такимъ образомъ Франція избѣжала министерскаго кризиса, который былъ бы до крайности опасенъ, ибо въ первый разъ, со времени основанія имперіи, она потерпѣла бы пора-

женіе въ вѣдрахъ національнаго представительства, съ которыми она, по ея собственнымъ неоднократнымъ заявленіямъ, пребывала всегда въ полнѣйшемъ согласіи. Къ тому же всѣмъ извѣстно что большинство высшихъ депутатовъ было избрано только благодаря поддержкѣ правительства. Что же было бы, еслибы они не были официальными кандидатами, а поступили бы въ палату по свободному избранію націи? Событіе это имѣетъ такую громадную важность что составляетъ исключительный предметъ всѣхъ разговоровъ и толковъ въ Парижѣ и провинціяхъ, и важность эта возрастаетъ въ виду предстоящихъ общихъ выборовъ. И дѣйствительно, неудача правительства, отвращенная чрезвычайными, не парламентскими средствами, все-таки грозила ему, и это обстоятельство, составляющее характеристическій признакъ настоящаго настроенія умовъ, создаетъ грозный прецедентъ, которымъ не преманетъ воспользоваться оппозиція. Все это заставило сильно призадуматься императора, который ни за что не хочетъ отступить отъ своего принципа личной отвѣтственности, и который, чтобы выпутать изъ бѣды одного изъ своихъ министровъ, принужденъ былъ обнаружить свою собственную слабую сторону. Личному авторитету г. Руэра также нанесенъ былъ сильный ударъ, что придало духа многочисленнымъ его противникамъ и скрѣпило сильнѣе ихъ оппозицію. Это видно уже изъ постоянно возрастающаго числа новыхъ журналовъ, которые основали эти противники, всѣ впрочемъ преданные Наполеоновской династіи и имѣющіе единственною цѣлю борьбу на жизнь и смерть противъ всѣхъ дѣйствій государственнаго министра. Вслѣдствіе этого, въ Парижѣ многіе убѣждены что г. Руэръ не усидитъ на своемъ мѣстѣ до выборовъ. По моему мнѣнію, императоръ только и желаетъ удержать его въ виду этихъ выборовъ, руководство коими онъ намѣренъ исключительно поручить ему. И дѣйствительно, эти выборы будутъ важнѣйшимъ и самымъ рѣшительнымъ событіемъ для второй имперіи и для династіи Наполеона III.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ сообщить вамъ нѣкоторыя статистическія данныя относительно города Парижа.

Изъ двухъ миллиардовъ, которыхъ стоила перестройка Парижа, работы по проведенію улицъ, бульваровъ, водосточныхъ трубъ, подземныхъ переходовъ и пр. обошлись въ 884 милліона; церкви, школы и новые памятники въ 708 мил-

ліоновъ. Въ этомъ числѣ считается 14 новыхъ католическихъ церквей, двѣ протестантскія, и двѣ новыя синагоги. Новые или перестроенные госпитали стоили 55 милліоновъ; новыя жеріи и прочія муниципальныя учрежденія — 129 милліоновъ; скверы, сады и публичныя гулянья — 195 милліоновъ. Вотъ еще нѣсколько цифръ, которыя дадутъ понятіе о цѣнности на звонкую монету красивѣйшихъ построеній, поражающихъ путешественника который не бывалъ въ Парижѣ лѣтъ десять. Одинъ новый оперный театръ обошелся въ 54 милліона; бульваръ Малерба въ 40; бульваръ королевы Гортензіи въ 39; бульваръ Гауссмана въ 60 и бульваръ принца Евгенія въ 75 милліоновъ. Въ общей сложности, новыя постройки Парижа образуютъ пространство въ 134 километра (версты) и содержатъ въ себѣ поверхность въ 310 гектаровъ. Что касается до обыкновенныхъ муниципальных расходовъ по городу Парижу, то-есть на содержаніе мостовой, водостоковъ, освѣщенія и пр., простиравшихся въ 1847 году до 4.300.000 фр., то они доходятъ нынѣ до 23.600.000.

Вотъ еще другія цифры, свидѣтельствующія о результатахъ экономическихъ, социальныхъ и гигиеническихъ этого радикальнаго преобразованія столицы.

Муниципальные доходы города Парижа, простиравшіеся въ 1831 году до 31 милліона, возвысились въ 1847 году до 47 милліоновъ; то-есть, въ 16 лѣтъ увеличились на 16 милліоновъ. Въ 1852 году, при основаніи имперіи, они достигли 52 милліоновъ. Съ 1852 года по 1867 они увеличились на сто милліоновъ, и въ 1867 году простирались уже до 151 милліона. Это увеличеніе доходовъ весьма замѣчательно. Что касается до налоговъ уплачиваемыхъ городомъ Парижемъ, то увеличеніе ихъ еще значительнѣе. Въ 1852 году они простирались до одного миллиарда 338 милліоновъ; въ 1867 году повысились на два миллиарда 604 милліона, то-есть удвоились въ 14 лѣтъ. Во всей остальной Франціи они простирались въ 1867 году только до трехъ миллиардовъ 672 милліоновъ; изъ чего оказывается что относительно налога, Парижъ даетъ двѣ трети въ общихъ доходахъ всей Франціи. Увеличеніе это главнымъ образомъ относится къ торговымъ патентамъ, что свидѣлствуетъ о развитіи мелкой парижской торговли. Этотъ видъ налога увеличился съ 1852 года на 10% въ остальной Франціи, въ Парижѣ же на 42%. Чтобы представить вамъ образецъ увеличенія

прочихъ доходовъ, я упомяну вамъ что парижскія боины, доставлявшія въ 1852 году ежегодно 1.100.000 фр., доставили въ 1867 г. 2.500.000, и что пошлины съ рынковъ, дававшія въ 1852 году около двухъ миллионѣвъ, перешли въ 1867 за девять миллионѣвъ. Цѣнность движимостей въ Парижѣ возросла въ этотъ промежутокъ времени на 50%, цѣнность работъ на 25%, а нѣкоторыхъ на 80%. Наконецъ парижское производство, представлявшее въ 1861 году цифру въ 1½ миллиарда, достигло въ 1867 году громадной цифры въ десять миллиардовъ. Что касается до недвижимой собственности, то въ 1852 году она цѣнилась въ два миллиарда 557 миллионѣвъ, а въ 1867 г. въ пять миллиардовъ 300 миллионѣвъ.

Въ 1847 году первоначальное обученіе стоило Парижу 1.100.000 фр. ежегодно; въ 1867 году оно обошлось ему въ 5.540.000. Въ 1831 году въ Парижѣ было по одному нищему на 11 жителей, теперь по одному на 27. Въ 1831 году умирало по одному изъ 30, нынѣ же умираетъ по одному изъ 47. Наконецъ, населеніе Парижа достигло въ 1867 году громадной цифры въ 1.800.000 человекъ; увеличивается оно на 30.000 ежегодно.

Н.

Парижъ.

22-го (10-го) марта 1869.

БѢЛЫЕ ГОЛУБИ

Бѣлыми голубями называютъ себя сектаторы, о которыхъ по случаю Платицынскаго дѣла такъ много говорятъ теперь. О таинственномъ ученіи хамствоу и скопцоу до сихъ поръ напечатано было очень немного. * Мы сочли благовременнымъ напечатать о скопцахъ кое-что намъ извѣстное, не вдаваясь въ большія подробности, которыя со временемъ надѣемся представить въ большомъ трактатѣ *Тайныя секты*. Начало этого трактата было помѣщено въ пятой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1868 годъ.

Источниками для представляемаго изслѣдованія служили: 1) Выпуски изъ дѣлъ о квакерской ереси, производившихся въ Москвѣ въ 1734 и 1745 — 1752 годахъ. 2) Выпуски изъ 180 дѣлъ о хамстахъ и скопцахъ производившихся въ разныхъ мѣстахъ въ 1774 — 1861 годахъ. Онѣ сдѣланы въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, генераль-аудиторіата, московскаго старыхъ дѣлъ, канцеляріи московскаго генераль-губернатора, московской уголовной палаты, нижегородскаго губернскаго правленія, канцеляріи тамбовскаго губернатора, канцеляріи Кавказскаго Намѣстника и др. 3) Напечатанное въ

* Въ 1819 году была напечатана въ Петербургѣ книжка: *О скопцахъ*. Едвали она не писана кѣмъ-нибудь изъ сочувствовавшихъ этой сектѣ. Авторъ, представивъ скопцоу людьми совершенно невинными, не указываетъ на тайное ихъ ученіе. Въ 1845 году, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, напечатано было *Изслѣдованіе о скопческой ереси покойнаго Надеждина*, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Оно перепечатано г. Кельсиевымъ въ Лондонѣ. Предъ тѣмъ приготовлялось къ печати, по распоряженію того же министра, *Изслѣдованіе о скопцахъ* В. И. Даля, вошедшее въ книгу Надеждина. Отъ изслѣдованія г. Даля сохранилась одна только корректура, пожертвованная авторомъ въ Чертковскую бібліотеку въ Москвѣ. Любопытныя свѣдѣнія о скопцахъ находятся въ *Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* г. Варадинова, томъ VIII, въ статьяхъ г. Кельсіева напечатанныхъ въ *Отчественныхъ Запискахъ* 1867 года, подъ заглавіемъ: *Великорусскіе двоевѣры*, и въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* (статьи В. С. Толстаго и И. П. Ливради).

ограниченномъ числѣ экземпляровъ покойнаго Надеждина *Измѣдованіе о скопческой ереси*, Спб. 1845 г., и *Измѣдованіе о скопцахъ* В. И. Даля (единственный экземпляръ этого сочиненія въ Чертковской библиотекѣ). 4) Корректурные листы *Измѣдованія о шлыстовской ереси* покойнаго Надеждина. 5) *Сводънїя о разныхъ раскольническихъ сектахъ и ихъ заблужденїяхъ*, собранныя въ Соловецкомъ монастырѣ. Рукопись. 6) *Два донесенїя Императору Александру Павловичу, поданныя въ февраль 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи Иваномъ Андреевичемъ*. Рукопись. 7) Архимандрита Досужея *О тайноствахъ скопческой ереси*. Рукопись. 8) *Объясненіе Ивана Кудилова*. Рукопись. 9) *Объясненіе скопца штабсъ-капитана Созоновича*. Рукопись. 10) *Объясненіе скопца Овчинникова*. Рукопись. 11) *Полюковника князя Голицына О скопцахъ, открытых въ Москвѣ въ 1835 году*. Рукопись. 12) *Преосвященнаго Іакова, архіепископа нижегородскаго, О шлыстахъ въ Саратовской губерніи*. Рукопись. 13) *Священника Алексѣя Зайцева Описаніе скопческой секты, ея обряды и пр.* Рукопись. 14) *О скопцахъ Бобровскаго уѣзда*. Рукопись. 15) *О раскольникахъ и въ особенности о скопцахъ*. (Записка представленная графомъ Л. А. Перовскимъ императору Николаю Павловичу въ августѣ 1844 года.) 16) *О скопцахъ и скопческой ереси*. (Два записки, представленныя императору Николаю Павловичу въ 1845 году.) 17) *О скопцахъ открытых въ Москвѣ по доносу крестьянина Матусова*. Рукопись. 18) *Военно-судное дѣло о скопцахъ при Кронштадтскомъ портѣ*. Рукопись. 19) *О донесенїи скопцовъ на Кавказъ въ 1842 году*. Рукопись. 20) *Маранскїе скопцы*. Рукопись. 21) *Листы Мышкинскаго и Уелицкаго уѣздовъ, открытыя въ 1851 году*. Рукопись. 22) *Рижскїе скопцы*. Рукопись. 23) *О приеункахъ въ Таврической губерніи*. Рукопись. 24) *О московскихъ шлыстахъ*. Рукопись. 25) *О богородицѣ Устиньѣ, послѣдней въ родѣ Данилы Филипповича*. Рукопись. 26) *Монтане въ Самарской губерніи*. Рукопись. 27) *Письма пророка Василья Радаева къ священнику села Мотовилова, Арзамаскаго уѣзда, въ 1850 году*. Рукопись. 28) *О сектѣ фарисеевъ*. Рукопись. 29) *Арина Лазаревна, ея ученїе и послѣдователи*. Рукопись. 30) *Сводънїя о богомолкахъ въ Тамбовской губерніи*. Рукопись. 31) *Извѣстія о шлыстахъ Тульской губерніи*. Рукопись. 32) *Священника города Каауги Ивана Сергѣева Изъясненїе раскола, именуемаго шлыстовщина или шрыстовщина, представленное имъ святѣйшему синоду въ 1809 году*. Рукопись. 33) *Страды или Посланїе отца искупителя* (Кондратія Селиванова). Рукопись. Напечатана въ 4 книжкѣ *Чтенїй Московскаго Общества Исторїи и Древностей* на 1864 годъ. 34) *Сто шестидесятъ четыре пѣсни шлыстовъ и скопцовъ*. Въ разныхъ рукописяхъ и отдѣльно. 35) *Скопчество между лютеранъ С.-Петербургской губерніи*. Рукопись. 36) *Два пѣсни скопческія на чухонскомъ языкѣ*. Рукопись.

I.

Русскіе скопцы, равно какъ и совершенно одинаковые съ ними, какъ по вѣрованіямъ такъ и обрядамъ, хлысты или „Божьи люди“, *—не раскольники. Согласно каноническому распредѣленію всѣхъ разномыслящихъ со вселенскою церковью, они должны быть отнесены къ такъ-называемому „первому чину“, то-есть къ еретикамъ. Несмотря на то что скопцы постоянно представляются самыми усердными православными, часто бываютъ въ церкви и благоговѣяно тамъ молятся, говѣютъ по нѣскольку разъ въ годъ, дѣлаютъ значительныя приношенія въ пользу церкви и духовенства, строятъ храмы, золотятъ на нихъ куполы, льютъ большіе колокола — ихъ нельзя признавать не только православными, но и христианами. Впрочемъ ошибались нѣкоторыя лица изъ православнаго духовенства (даже изъ высшаго), считая скопцовъ и хлыстовъ усердными православными. Впрочемъ, исторія хлыстовской и скопческой ересей представляетъ не мало примѣровъ не только тайнаго, но даже и явнаго уклоненія въ эти ереси самихъ лицъ духовнаго сана. Колыбель скопчества—въ одномъ изъ православныхъ монастырей Москвы.

Не говоря уже объ изувѣрномъ уродованіи, подрывающемъ самыя основы человѣческаго общежитія, секта „бѣлыхъ голубей“ и по вѣрованіямъ своимъ отличается дикою уродливостью извращенныхъ понятій о Богѣ и Спасителѣ міра. Истинный Сынъ Божій, называемый у нихъ „старымъ Христомъ“, далеко не такъ уважается какъ новые христы, отъ времени до времени являющіеся въ ихъ „корабляхъ“ (общинахъ). Какъ и хлысты, бѣлые голуби вѣрують въ „живыхъ боговъ“ и „богинь“ и воздаютъ имъ божескія почести.

Оскопленіе не составляетъ непремѣннаго условія принадлежности къ сектамъ *бѣлыхъ голубей* и *людей божіихъ* (хлыстовъ). Въ сектѣ бѣлыхъ голубей не только иные „братцы“, но даже самыя „кормишки корабля“, то-есть начальники общины, не подвергаются иногда оскопленію, хотя и считаются даже пророками и Христами. Это такъ-называемые „духовные скопцы“. Съ другой стороны, несмотря на то что

* Такъ хлысты называютъ сами себя; нерѣдко „Божьими людьми“ называютъ себя и скопцы.

истые хлысты съ презрѣніемъ относятся о бѣлыхъ голу-
бяхъ, говоря „не великое дѣло бороться съ врагомъ зарѣзан-
нымъ, а ты поборись съ живымъ“, сами нерѣдко имѣютъ въ
своей средѣ скопцовъ, а еще чаще скопчихъ. О томъ поче-
му и для чего они имѣютъ въ своихъ корабляхъ скопчихъ,
будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Начало скопчества относится къ глубокой древности. Еще
въ книгахъ Ветхаго Завета говорится о скопцахъ, напри-
мѣръ у пророка Исаи въ 56 главѣ. При дворѣ израильскихъ
царей, по обычаю древняго Востока, бывали евнухи. Въ *Дья-
ніахъ Апостольскихъ* упоминается о скопцѣ, казначей егип-
тской царицы Кандакии, котораго окрестилъ апостолъ Фи-
липпъ. Русскіе бѣлые голуби увѣрены, что самъ Іисусъ Хри-
стосъ и апостолы были оскоплены, и что ученіе Спасителя міра,
нынѣ будто сохранившееся только въ ихъ корабляхъ, состоя-
ло въ ученіи „огненнаго крещенія“, то-есть оскопленія, въ
противоположность „водному крещенію“, проповѣданному
Іоанномъ Крестителемъ.

Въ первыя времена христіанства скопцы дѣйствительно
бывали въ средѣ вѣрныхъ, но апостолы строго относились
къ нимъ. Въ *Правилахъ Апостольскихъ* сказано: „кто сдѣ-
лался скопцомъ отъ человѣческаго насилія, или во время
гоненій отъ варваровъ, или отъ врачей по болѣзни, или
такъ родился, тотъ можетъ быть въ клирѣ и, ежели до-
стоинъ, даже епископомъ, но кто скопилъ самъ себя, тотъ,
ежели клирикъ, извергается, самоубійца бо есть и врагъ
Божія созданія“, а если мирянинъ — отлучается отъ Св. Та-
инъ, „ибо навѣтникъ есть своя жизнь“. * Въ послѣдствіи
Константинопольскій соборъ, именуемый двукратнымъ, тѣхъ
которые скопять собственноручно, или отдають приказаніе
произвести надъ кѣмъ-либо оскопленіе, сравнялъ съ убійцами.**

Говорятъ что обычай оскопленія первоначально возникъ
въ Вавилонѣ. Семирамида, по извѣстію церковныхъ пи-
сателей, влюбившись въ роднаго своего сына, склоняла его
вступитъ съ нею въ связь, но когда юноша отказался, царица
въ наказаніе велѣла его оскопить. *** Евнухи находились при

* *Правила Апостольскія* 21, 22, 23 и 24. То же постановлено на
первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никей (правило 1).

** *Двукратнаго собора* правило 8.

*** Объ этомъ говорить и Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Лето-
пису*.

дворахъ восточныхъ деспотовъ, а потомъ при дворѣ православныхъ византійскихъ императоровъ. Но это скопчество не было, какъ теперь, слѣдствіемъ религіознаго фанатизма. Оскопленіе у древнихъ не представлялось добровольною жертвою, приносимую въ убѣжденіи что она угодна Богу. Варварскій обычай древнихъ былъ послѣдствіемъ многоженства. Никто лучше евнуха не можетъ оберегать гарема, не возбуждая ревности въ душѣ своего повелителя. При дворахъ мусульманскихъ государей и донинѣ держатъ евнуховъ.*

Ложное толкованіе словъ Спасителя: *Суть же скопцы, иже указиша сами себѣ царствія ради небеснаго; можій ели стити да ели ститъ,*** породило скопчество въ христіанствѣ. Принявъ иносказаніе Спасителя въ смыслъ буквальномъ, иные стали скопить себя, но мы уже замѣтили какъ отнеслись къ такимъ людямъ апостолы и ихъ преемники.

Въ православной Византіи, при дворѣ императорскомъ, находились евнухи—обычай заимствованный у восточныхъ государей Сиріи и Ирана. Кубикуларіи (постельничьи) византійскаго двора обыкновенно бывали изъ евнуховъ. Будучи чужды другихъ страстей, кромѣ честолюбія и алчности къ богатствамъ, они были чрезвычайно искусны въ придворныхъ интригахъ и нерѣдко достигали званія людей государственныхъ. Это была суцая язва константинопольскаго двора; высококомѣріе евнуховъ, достигавшихъ высшихъ степеней, не знало предѣловъ. Такъ евнухъ Антоній, воспитатель императора Феодосія младшаго, оскорблялъ своимъ высококомѣріемъ даже самого государя, который до того наконецъ разгнѣвался на бывшаго своего учителя, что лишивъ его званія патриція, узаконилъ чтобы впредь никто изъ евнуховъ не былъ возводимъ въ это

* Впрочемъ святой Василій Великій, опровергая въ своихъ твореніяхъ скопчество какъ ересь опирающуюся на неправильно толкуемый ею текстъ Св. Евангелія, между прочимъ говоритъ о околѣдахъ: „Въ возмужаломъ возрастѣ въ нихъ тѣмъ сильнѣе и необузданнѣе дѣйствуетъ страсть.... Сдѣлавъ оскопленіе хитрою приманкой для обольщенія, скопцы тѣмъ неумѣреннѣе. Одинъ почтенный старецъ сказывалъ, какъ признавалась ему одна женщина, что скопецъ, которому она была вѣрена отъ мужа или господина, сообщалась съ нею.“ (*Творенія Св. Василія Великаго*, IV, 845). Отзывы врачей, находящіеся при дѣлахъ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ то же.

** Евангеліе отъ Маттея, XIX, 12.

достоинство. Но постановление Θεодосія вскорѣ было забыто, и при дворѣ императрицы Ирины являются внуки Ставрикій и Левъ Клокъ, пользовавшіеся огромнымъ значеніемъ въ государствѣ.

Въ восточныхъ государствахъ, какъ языческихъ (персидскіе Арсакиды и Сассаниды), такъ и христіанскихъ (арменское), видимъ нѣсколько случаевъ оскотленія царскихъ родственниковъ или сильныхъ вельможъ, которыхъ царствующій государь считалъ для себя опасными. То же было и въ Византіи: императоръ Левъ Армянинъ, овладѣвъ престоломъ, оскотилъ Теофилакта, сына своего предшественника, Михаилъ, отнявъ корону у Льва Армянина, оскотилъ четырехъ его сыновей. Изъ оскотленныхъ насильственно, въ силу этого обычая, были даже цареградскіе патріархи, на примѣръ Германъ, сынъ патріарха Юстина, Игнатій, сынъ императора Михаила.

Скотчество, какъ религіозная секта, появилось въ VI столѣтіи. Извѣстный церковный писатель Оригенъ былъ скотецъ, самовольно оскотившійся. Хотя по *Правиламъ Апостольскимъ* онъ не могъ быть рукоположенъ, но во вниманіе къ его учености, къ его трудамъ на пользу церкви и ревности къ вѣрѣ, сдѣлано было исключеніе, и Оригенъ поставленъ во священника. Въ послѣдствіи ученіе его было осуждено на пятомъ вселенскомъ соборѣ. Сто шестьдесятъ пять святыхъ отцевъ, бывшихъ на семъ соборѣ, постановили: Оригена и другихъ „возобновившихъ еллинскія басни, прехожденія и превращеніе нѣкоторыхъ тѣлъ и душъ наги намъ представившихъ на позоръ, въ сонныхъ мечтаніяхъ блуждающаго ума, и противу воскресенія мертвыхъ нечестиво и нездравомысленно возстававшихъ“—отривуть и соборно предать проклятію.

Ученикъ Оригена, философъ Валезій, образовалъ общество скотцовъ и постепенно его увеличивалъ, то привлекая въ свою секту убѣжденіями, то прибѣгая къ обманамъ или къ насилію, преимущественно же секта его пополнилась оскотленными рабами, которые, получивъ отъ господъ свободу, не могли жить въ обществѣ по неспособности къ жизни общественной и по всеобщему къ нимъ презрѣнію. Секта Валезія обратила на себя вниманіе императора Юстиніана Великаго, онъ издалъ строгій декретъ, по которому скотителей вѣрно казнить смертію, а имѣніе ихъ предавать разграб-

ленію. Но и такая строгость не уничтожила секты. Валезіане впади потомъ въ другія ереси. Такимъ образомъ и въ сектѣ Панаикіанъ, и въ сектѣ Богомиловъ встрѣчаются скопцы, которые, конечно, произошли отъ Валезіа.

Богомиль-скопѣцъ, монахъ Адріанъ, явился въ Кіевѣ чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ крещенія Русской земли (1004). Онъ училъ православную церковь, былъ обличенъ митрополитомъ Леонтіемъ, отлученъ и посаженъ въ темницу.*

Съ тѣхъ поръ до XVIII столѣтія ничего не знаемъ о скопческой ереси въ Россіи. Но тождественная съ нею ересь хлыстовская существовала почти постоянно, какъ мы показали въ началѣ своего трактата *Тайная секта*.**

II.

По связи хлыстовской ереси со скопческою, выдѣляющеюся изъ нея и отличающеюся отъ своей родоначальницы единственно уродованіемъ тѣла, не лишнимъ считаемъ предварительно упомянуть о главнѣйшихъ догматахъ и обрядахъ „людей божіихъ“ (хлыстовъ). Для этого припомнимъ кое-что изъ сказаннаго нами въ пятой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1868 годъ.

Хлысты разказываютъ, что крестьянинъ кыѣвскаго Юрьевецкаго уѣзда Давидъ Филипповичъ (бывшій прежде въ числѣ учениковъ расколоучителя Капитона), во время споровъ о томъ по старымъ или по новымъ книгамъ можно спасаться, рѣшилъ что ни тѣ ни другія книги никуда не годятся, и что для спасенія необходима одна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная —
Самъ, сударь, Духъ Святый.***

Онъ училъ, что надо молиться духомъ, и что при такомъ только моленіи въ человѣка можетъ вселиться Духъ Божій. Хлысты разказываютъ, что учитель ихъ въ доказательство ненужности и старыхъ, и новыхъ книгъ, собралъ тѣ и другія въ одинъ кулъ, положилъ въ него для груза камней, и

* *Никоновская Летопись* I—112.

** *Русскій Вѣстникъ* № 5, 1868 г.

*** Изъ писан употреблаемой хлыстами и скопцами при радѣніяхъ.

бросилъ въ Волгу. Черезъ нѣсколько времени послѣ потопленія книги Данило Филипповичъ явился въ окрестностяхъ Стародуба Кляземскаго. * Въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, говорятъ хлысты, на гору Городину **, среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, на огненной колесницѣ, сошелъ съ небесъ во всей славѣ своей самъ „Господь Саваоѣ“. Силы небесныя вознеслись назадъ на небо, а „Саваоѣ“ остался на землѣ, въ образѣ человѣческомъ, воплотясь въ Данилѣ Филипповичѣ. Съ того времени Данило Филипповичъ пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался „живымъ богомъ“. Онъ сталъ называться „верховнымъ гостемъ“, „превышнимъ богомъ“, „богатымъ гостемъ“. Признавшіе его живымъ богомъ стали именоваться *людьми божьими*. Такъ называютъ себя хлысты; такъ называютъ себя нерѣдко и бѣлые голуби.

„Господь Саваоѣ“ Данило Филипповичъ водворился въ деревнѣ Старой, неподалеку отъ Костромы. Сюда сходились къ нему для отправленія своихъ обрядовъ люди божьи. Домъ, гдѣ жилъ онъ, названъ „домомъ божьимъ“. Городъ Кострома, близъ которой поселился „верховный гость“, получалъ отъ его послѣдователей названіе „Горняго Иерусалима“, а также „городъ Кострома—верховная сторона“. Черезъ нѣсколько времени „Саваоѣ“ Данило Филипповичъ перенесъ свой домъ, то есть домъ божій изъ деревни Старой въ городъ Кострому.

Потопленіе Данилою Филипповичемъ книгъ въ Волгѣ, по сказаніямъ нѣкоторыхъ хлыстовъ, было послѣ чуда совершившагося на горѣ Городинѣ. *** Не имѣя земнаго начала, разказываютъ они, „верховный гость Данило Филипповичъ“ отъ Святаго Духа получалъ наставленія о томъ что надо проповѣдывать земнороднымъ и творилъ чудеса. По наставленію Святаго Духа, говорятъ они, Данило Филипповичъ утопилъ и книжное писаніе, не велѣвъ людямъ брать книги въ руки ****

* Кляземскій Городокъ—село Ковровскаго уѣзда Владимирской губерніи.

** Село Егорій на рѣкѣ Клязмѣ и деревня Городина на рѣкѣ Уводи находятся въ Ковровскомъ уѣздѣ, близъ Ивановской желѣзной дороги.

*** *Сльдственное дѣло о хлыстахъ, открытыя въ Москвѣ въ 1846 году.*

**** Города Калуги Преображенской церкви, что въ Забѣльнѣ, священникъ Иванъ Сергѣевъ, самолично участвовавшій въ хлыстовскихъ

и заповѣдавъ всѣмъ руководствоваться единственно его словами и тѣми вдохновенными рѣчами, что будутъ „выпѣвать“ пророки, „пребывая въ духѣ“, то-есть въ состояніи восторженнаго изступленія, до котораго доходятъ послѣ круженій и скачекъ на „радѣніяхъ“*.

„Господь Саваоѣ“ Данило Филипповичъ далъ людямъ божьимъ двѣнадцать заповѣдей:

1. Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣсть другаго бога, кромѣ меня.

2. Нѣтъ другаго ученія. Не ищите его.

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните божьи заповѣди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмѣльнаго не пейте, плотскаго грѣха не творите.

сборищахъ и переписывавшійся съ жившимъ въ Петербургѣ оконченнымъ „христомъ, царемъ израильскимъ и императоромъ Петромъ Федоровичемъ“ (Кондратій Селивановъ), въ поданномъ въ 1809 году въ святѣйшій синодъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина* (небольшія извлеченія изъ него можно видѣть въ Румянцовскомъ Музеѣ), говоритъ между прочимъ, что по ученію хлыстовъ и скопцовъ, „всякое книжное писаніе есть порча, то есть все вредно, все соблазнительно, все служитъ къ претыканію, все складаетъ къ развращенію; учителя хлыстовскіе запрещаютъ читать книги, потому что они затмеваютъ умъ, вводятъ челоуѣка въ неистовство, развлекаютъ мысли, отводятъ отъ истины и удаляютъ отъ пути Божія“. *Чети-Миней* и *Прологи*, говорятъ хлысты, по свидѣтельству священника Сергѣева, обыгаютъ святыхъ угольниковъ. Изъ разныхъ дѣлъ о хлыстахъ и скопцахъ видно, что эти сектаторы зовутъ Библию—„запотѣницей“, и говорятъ что читать ее значитъ подвергать себя опасности сумашествія. Не отсюда ли идетъ народное, повсемѣстное почти, повѣрье о томъ, что кто Библию читаетъ, тотъ съ ума сойдетъ, „Библию зачитается“?

* Слово *радѣніе* у хлыстовъ и скопцовъ употребляется не въ общепринятомъ смыслѣ старанія, усердія, заботы, но въ смыслѣ радѣнія къ Богу, то-есть усердія соединиться съ Нимъ посредствомъ особыхъ тѣлодвиженій, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Въ *Толковомъ Словарѣ живаго великорусскаго языка* В. И. Даля (III—4) это слово объяснено такъ: „радѣть у скопцовъ, хлыстовъ и прочихъ—отправлять оное богослуженіе съ верченьемъ; *радѣніе*—молитва въ сборѣ радѣющихъ (созерцательныхъ) толковъ; *радѣтель*—радѣльникъ, *радѣльщикъ*—радѣющій хлыстъ, скопецъ.“

6. Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женою какъ съ сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.

7. Окверныхъ словъ и сквернословія * не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копѣйку украдетъ, тому копѣйку положить на томъ свѣтѣ на тема, и когда отъ адскаго огня она растопится, тогда только тотъ человекъ прощенье приметъ.

10. Сіи заповѣди содержите въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнutomъ будутъ бить и огнемъ жечь—терпите. Кто вытерпитъ, тотъ будетъ вѣрный, получить царство небесное, а на землѣ духовную радость.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, заповѣди мои храните, бога молитесь.

12. Святому духу вѣрите. **

Эти заповѣди „Саваооа“ Даниила Филипповича послужили какъ увидимъ, основаніемъ и скопческаго ученія. „Отецъ искупитель, царь израильскій, христосъ Петръ Федоровичъ“ (такъ зовутъ бѣлые голуби основателя секты своей крестьянина Кондратія Селиванова) говорилъ, что пришелъ онъ не старые законы раззорять, но забытые возстановить и восполнить ихъ ученіемъ „огненного крещенія“, то-есть осконенія.

За пятнадцать лѣтъ до сошествія „Господа Саваооа“ на гору Городину, рассказываютъ хлысты, родился сынъ божій, христосъ, Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ. *** Родился онъ въ

* Подъ „скверными словами“ хлысты разумѣютъ цвѣтаны русскія ругательства, подъ „сквернословіемъ“—упоминаніе словъ: діаволь, чортъ, бѣсъ и т. п.

** Сказаніе о Данилѣ Филипповичѣ и заповѣди его заимствованы изъ формальнаго дѣла производившагося въ 1845 и 1846 годахъ объ открытыхъ въ Москвѣ хлыстахъ корабля пророка Василія Евграфова.

*** Когда хлыстамъ или скопцамъ говорятъ что Христосъ былъ и есть одинъ, они отвѣчаютъ что вѣчный Богъ постоянно воплощается между людьми, и христы часто рождаются. И воакны спрашивали, говорятъ они, не гдѣ Христосъ родился, а гдѣ онъ *разъдается* (*Евангеліе Матвея II—4*), и въ церкви поется, продолжаютъ они, „Христосъ *разъдается*—славите“, а не „Христосъ родился“. Значитъ, говорятъ хлысты и скопцы, Христосъ всегда рождается, а не одмаждм родился.

тогдашнемъ Муромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Максаковѣ, отъ богородицы Арины Нестеровны („родился духовно“, то-есть обращенъ ею въ секту людей божіихъ). Ей было уже сто лѣтъ какъ она родила, то-есть обратила въ секту, Христа **Ивана Тимошеевича**. Ему же было тогда тридцать лѣтъ. Онъ былъ позванъ верховнымъ гостемъ Данилой Филипповичемъ въ Кострому. Въ деревнѣ Старой верховный гость „далъ ему божество“, сдѣлавъ Суслова „живымъ богомъ“. Для того онъ три дня сряду, при свидѣтеляхъ, возносилъ **Ивана Тимошеевича** съ собою на небеса. Послѣ того, по велѣнію отца своего, превышняго бога Данилы Филипповича, сынъ божій христокъ **Иванъ Тимошеевичъ** возвратился въ свои мѣста на берега Оки. Однимъ изъ главнѣйшихъ притоновъ его было село Павловъ Перевозъ (нынѣ извѣстное своею слесарною и ножевою промышленностью село Павлово, Горбатовскаго уѣзда). Переходя изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, христокъ **Иванъ Тимошеевичъ** распространялъ ученіе отца своего верховнаго гостя, заключающееся въ двѣнадцать заповѣдяхъ. Съ нимъ жила дѣвица, очень красивая собой, она почиталась „богиней“, дочерью „живаго бога“ и „богородицей“. По свидѣтельству святаго Дмитрія Ростовскаго, она была родомъ изъ села Ландеха, посадскаго челоуѣка дочь. * Кромѣ богородицы, по свидѣтельству того же святителя, были у **Ивана Тимошеевича** и двѣнадцать апостоловъ.

Когда „истинная вѣра людей божіихъ“ отъ проповѣди Христа **Ивана Тимошеевича** съ его богородицей и апостолами стала распространяться, дошло о томъ, по сказаніямъ хлыстовъ, до вѣдома царя Алексѣя Михайловича. По его велѣнію, **Ивана Тимошеевича** схватили и съ сорока учениками привезли въ Москву. Здѣсь подвергли ихъ розыску, и самого Суслова и учениковъ его пытали. Одному-де ему было дано столько ударовъ кнутомъ, сколько вѣзмъ сорока ученикамъ вмѣстѣ. Но судьи ни отъ него, ни отъ учениковъ ничего не узнали. Никто изъ нихъ слова не проронилъ о томъ въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. Тогда будто бы царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ихъ допрашивать самому патриарху **Никону**, но и тотъ ни въ чемъ не успѣлъ, и ему не

* *Розыскъ*, изд. 1855, т. III, стр. 599. Села Верхній и Нижній Ландеха въ Гороховскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.

открыли тайны ни христось Иванъ Тимоѣевичъ, ни ученики его. Передалъ ихъ царь Морозову, самому ближайшему своему боярину. Морозовъ будто бы понялъ святость Ивана Тимоѣевича и уклонился отъ производства надъ нимъ розыскаго дѣла подъ предлогомъ болѣзни. Оно передано было князю Одоевскому (Никитѣ Ивановичу?). Онъ въ московскомъ Кремлѣ на Житномъ дворѣ, гдѣ поставлена потомъ церковь Благовѣщенія, пыталъ Ивана Тимоѣевича. Жегъ-де его князь Одоевскій на маломъ огнѣ, повѣсивъ на желѣзный пруть, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ. Но огонь не касался христа, и съ Житнаго двора Иванъ Тимоѣевичъ вышелъ ничѣмъ не вредимъ. Послѣ того стали будто бы его пытать на Красной площади, у Лобнаго мѣста, и распяли на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасскихъ воротъ, идя въ Кремль направо, гдѣ послѣ того поставлена была часовня. Когда Иванъ Тимоѣевичъ испустилъ духъ, приставленная стража изъ стрѣльцовъ сняла его со креста. Это было въ четвергъ, а въ пятницу схоронили его на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами. Съ субботы на воскресенье онъ воскресъ при свидѣтеляхъ и явился ученикамъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. Здѣсь попрежнему онъ училъ людей божиихъ. Опять свѣдалъ-де про то царь Алексѣй Михайловичъ, опять велѣлъ взять Ивана Тимоѣевича въ Москву на муки. Снова былъ преданъ христось страшнымъ пыткамъ, снова распятъ на крестѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, у Спасскихъ воротъ. Тутъ содрали съ него кожу, но одна изъ ученицъ покрыва его тѣло чистой простыней, и произошло-де чудо: простыня обратилась въ новую кожу, и сынъ божий Иванъ Тимоѣевичъ остался ничѣмъ не вредимъ. Однако умеръ и во второй разъ на крестѣ, и во второй разъ воскресъ на третій день, также въ воскресенье. Съ того времени онъ приобрѣлъ еще болѣе послѣдователей. Они звали его „стародубскимъ христомъ“. Молва усиливалась, и Сусловъ въ третій разъ былъ взятъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и въ третій разъ обреченъ на мученія. Это случилось, говорятъ хлысты, въ то самое время какъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (стало-быть, въ 1672 году). Царицѣ было пророчество, что она въ такомъ лишь случаѣ разрѣшится благополучно, если царь освободитъ отъ мукъ Ивана Тимоѣевича. Царь велѣлъ освободить его.

Съ тѣхъ поръ сынъ божій, христосъ Иванъ Тимоѣевичъ, говорятъ хлысты, тридцать лѣтъ спокойно проживалъ въ Москвѣ, тайно распространяя ученіе людей божіихъ (стало-быть, до 1702 года). Московскій „домъ божій“, устроенный имъ по подобію костромскаго „Горняго Іерусалима“, находился за Сухаревою башней, на мѣстѣ принадлежавшемъ князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и былъ названъ „Новымъ Іерусалимомъ“. Сюда-то въ 1699 году пришелъ изъ Костромы къ „возлюбленному сыну своему“ Ивану Тимоѣевичу господь саваоѣ, верховный гость, Давило Филипповичъ, на сотомъ году своей жизни. Здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ сыномъ своимъ за столомъ, который до 1846 года, какъ сватыня, сохранялся у московскихъ хлыстовъ. По разказамъ ихъ, изъ этого дома 1-го января 1700 года, въ Васильевъ день, Давило Филипповичъ, послѣ долгаго радѣнія, въ виду всѣхъ собравшихся въ Новый Іерусалимъ хлыстовъ, вознесся на небо. Потому, говорятъ они, съ этого дня и стали считать Новый годъ. Вскорѣ послѣ вознесенія Данила Филипповича, Иванъ Тимоѣевичъ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, ибо на хлыстовъ обратило вниманіе правительство.

Пятнадцать лѣтъ Сусловъ не бывалъ въ Москвѣ, скрываясь по разнымъ мѣстамъ у своихъ учениковъ. Удостоившись, наконецъ, что въ Москвѣ про хлыстовъ забыли и преслѣдованій больше нѣтъ, возвратился онъ въ свой Новый Іерусалимъ, за Сухареву башню и, можетъ-быть, для того чтобы не возбуждать вниманія тогдашней полиціи, не поселился въ томъ домѣ гдѣ бесѣдовалъ съ верховнымъ гостемъ Давилою Филипповичемъ, а выстроилъ противъ него другой маленькій домикъ, который сдѣлался вторымъ московскимъ „божьемъ домомъ“. Живя здѣсь, Сусловъ распространялъ свое ученіе въ московскихъ монастыряхъ, женскихъ: Вознесенскомъ, Рождественскомъ, Ивановскомъ, Новодѣвичьемъ и Варсонофьевскомъ, въ мужскихъ: Симоновомъ и Высокопетровскомъ. Проживъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, христосъ Иванъ Тимоѣевичъ, по словамъ хлыстовъ, при многихъ свидѣтеляхъ вознесся на небо. Бездыханное же тѣло его осталось на землѣ и было погребено при церкви Николы въ Драчахъ. Онъ не взлѣзъ на небо тѣла своего какъ отецъ его, саваоѣ Давила Филипповичъ, потому, говорятъ хлысты, что будучи воплощеннымъ сыномъ божіимъ, хотѣлъ

показать примѣръ благочестиваго смиренія и терпѣнія на землѣ. Тѣло его недолго оставалось на погостѣ Никольской церкви. Приверженцы Суслова вскорѣ исходатайствовали перенесеніе останковъ своего христа въ женскій Ивановскій монастырь, гдѣ въ средѣ инокинь было уже не мало послѣдовательницъ хлыстовщины. Надъ новою могилою Суслова поставленъ былъ памятникъ, надпись на немъ гласила что тутъ погребенъ святой угодникъ Божій. Около двадцати лѣтъ былъ цѣль этотъ памятникъ.

По смерти Ивана Тимоѣевича мѣсто христа, сына божія, заступилъ нижегородскій стрѣлецъ Прокофій Даниловичъ Лупкинъ. Нѣкоторые хлысты утверждаютъ что онъ былъ роднымъ сыномъ саваоиа Данилы Филипповича. Лупкинъ былъ христомъ людей божьихъ съ 1713 года до своей смерти, случившейся въ 1732 году, похороненъ въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ, рядомъ съ христомъ Иваномъ Тимоѣевичемъ. Жена Прокофья Лупкина, нижегородская стрѣлцкая дочь Акулина Ивановна была хлыстовскою богородицею. Сынъ ихъ Спиридонъ Прокофьевичъ, во иночествѣ (постриженъ въ Симоновомъ монастырѣ) Серафимъ, равно какъ монахи Петровскаго монастыря Филаретъ Муратинъ и Тихонъ Струковъ (оба изъ дворянскихъ фамилій), были пророками. Въ женскихъ монастыряхъ города Москвы, Рождественскомъ, Новодѣвичьемъ, Вознесенскомъ, а особенно въ Ивановскомъ, было много приверженницъ христовъ Суслова и Лупкина. Божій домъ былъ на прежнемъ мѣстѣ, неподалеку отъ Сухаревой башни. Въ числѣ хлыстовъ былъ одинъ изъ князей Мещерскихъ.

По сказаньямъ хлыстовъ, христокъ Прокофій Лупкинъ умеръ въ 1733 году, въ Москвѣ, въ божьемъ домѣ, въ Новомъ Иерусалимѣ. Они говорятъ что въ день смерти Прокофья Даниловича находились у него въ собраніи всѣ его послѣдователи, что во время „корабельнаго“ (общаго) ихъ радѣнія въ ихъ „святой кругъ“ съ небесныхъ круговъ слетѣли безплатные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и что они вознесли христа Лупкина при множествѣ свидѣтелей на небо. По-просту сказать, Лупкинъ умеръ во время радѣнія. И тогда настало, продолжаютъ хлысты, „древнее молчаніе“, прекратилось пророчество по случаю наставшаго гонительнаго времени.

Лупкина похоронили въ Ивановскомъ монастырѣ, близъ Ивана Тимоѣевича Суслова. На могилѣ его соорудили

каменное надгробное строеніе (памятникъ) и на немъ написали похвалу святости погребеннаго. Недолго однако оставались въ покоѣ кости Прокофья Даниловича. Предъ самою смертію его разразилась надъ его послѣдователями буря, кончившаяся казнями ближайшихъ къ нему людей, ссылкой въ отдаленные сибирскіе монастыри жены, сына, свояченицы, и сожженіемъ его уже полуистлѣвшаго тѣла чрезъ палачей.

Дѣло было такъ. Въ 1732 году къ начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову, явился добровольно нѣкто Семень Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своею главный притомъ подъ Каменнымъ мостомъ чрезъ Москву-рѣку. Повинившись предъ графомъ въ разбоѣхъ, Карауловъ объявилъ, что „есть въ Москвѣ четыре дома, гдѣ чинятся великія непотребности. Собираются-де туда по ночамъ на праздники разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы и прочіе. Изъ нихъ нѣкоторые-де выбираются въ начальники сборищъ и садятся въ переднемъ углу, а прочіе по лавкамъ. Какъ приходятъ въ домъ, то старшимъ своимъ, сидящимъ въ переднемъ углу, кланяются, цѣлуютъ у нихъ руки, и собирая деньги, имъ отдають, и другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ.“

Дѣло было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени казни ростовскаго епископа Досифея, пророчествовавшаго заточенной въ Суздальъ царицѣ Авдотѣ Ѳедоровнѣ. Салтыковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и по указаніямъ разбойника Караулова, на хлыстовскихъ радѣніяхъ было захвачено семьдесятъ восемь человекъ. Въ числѣ ихъ были монахи и монахини разныхъ московскихъ монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановскаго монастыря Анастасія (въ мѣрѣ Агафья Карпова). Открылось, что она и еще двѣ старицы и старецъ пророчествовали, и вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ, подавали рѣзанный кусками хлѣбъ, а изъ стакана давали пить квасъ, иногда воду.

Въ послѣдствіи открылось (собственныя признанія скопцовъ), что сія благочестивая московская цюкиня была первоначальною основательницей секты „бѣлыхъ голубей“. Русское скопчество вышло изъ келій не совсѣмъ цѣломудренныхъ черницъ одного изъ знаменитѣйшихъ мона-

отырей Москвы. „Убѣленіе“, то-есть осклопеніе, было сочувственно принято духовными особами мужескаго пола: іеромонахи Филаретъ и Тихонъ сдѣлались пособниками честныя старицы Анастасіи, а симоновскій архимандритъ, въ посядствіи курскій архіерей Петръ, имѣлъ своимъ наперстникомъ инока — хлыста Серафима, кандидата въ христы и роднаго сына христа Прокофья и богородицы Акулины Лупкиныхъ. Странное явленіе представляетъ наше духовенство того времени: гонясь за двуперстіемъ какъ за страшною отъ Бога отводящею ересью, оно держало подъ своимъ крылышкомъ секты изуверныя. Мало того, сами духовныя лица увлекались въ эти секты, за что иногда и расплачивались головами, какъ напримѣръ іеромонахи Высокопетровскаго московскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ.

Христа людей божихъ, Прокофья Даниловича, во время розысковъ по доносу Караулова уже не было въ живыхъ. Мѣсто его заступилъ сынъ его, симоновскій монахъ Серафимъ. Онъ былъ захваченъ.

Богородица Настасья Карпова была казнена въ Петербургѣ на Сытномъ рынкѣ въ октябрѣ 1738 года. Той же участи подверглись иноки Петровскаго монастыря Филаретъ и Тихонъ. Остальные публично наказаны кнутомъ и разсланы на вѣчное житіе въ Сибирь и по монастырямъ. Трупы христовъ Сулова и Лупкина, по распоряженію святѣйшаго синода, были выкопаны изъ могилъ находившихся въ Ивановскомъ монастырѣ и сожжены за городомъ рукой палача. Но хлысты успѣли подымить останки перваго христа Ивана Тимофеевича.

III.

Хлысты и скопцы все вышесказанное объясняютъ третьєю книгой *Эздры*. Господь Савасоеъ, говорятъ они, обѣщавъ самъ воплотиться „я рече: се дніе грядуть ввсегда приближатися начну, да посѣщу обитающихъ на землѣ“. * И исполнилось это, продолжаютъ они, пришелъ Богъ Савасоеъ на землю въ лицѣ верховнаго гостя Давиды Филипповича и далъ людямъ правое ученіе. Хотя оно и было дано при старомъ Христѣ (т.-е. во время воплощенія истиннаго Сына

* III *Эздр.* IV, 18

Божіа), но въ теченіе времени забылось и исказилось. Затѣмъ, говорятъ хлысты, сбылось пророчество: „явится не-вѣста и являющаяся покажется, иже нынѣ крывается отъ земли.“ * явилась богородица Арина Нестеровна и чудесно родила Іисуса Христа Ивана Тимоеевича, по писанію: „Открыетбоя сынъ мой Іисусъ“. ** Въ первый разъ, продолжаютъ хлысты, Іисусъ Христосъ *родился* отъ Дѣвы Маріи, во второй разъ онъ *открылся* отъ дѣвы Арины Нестеровны ***. Слова Эздры „открыетбоя сынъ мой Іисусъ съ тѣми иже съ нимъ суть и насладятся въ лѣтѣхъ четырехъ стѣхъ,“ **** означаютъ, по толкованію ихъ, что „люди божіи“ наслаждались ученіемъ Іисуса на 200 радвнѣяхъ бывшихъ съ Иваномъ Тимоеевичемъ Сусловымъ, и на 200 бывшихъ съ Прокофьемъ Давылычемъ Лупкинымъ. О тѣлесной смерти послѣдняго по понятіямъ сектаторовъ предсказано Эздрою такъ: „и будетъ по лѣтѣхъ сихъ (то-есть послѣ 400 радвнѣй), и умретъ сынъ мой Христосъ, и вси иже дыханіе имутъ чловѣцѣ, и обратятся вѣкъ въ древнее молчаніе двѣй седмь, якоже въ прежнихъ судѣхъ, тако яко да никто останется.“ † Это означаетъ, что по смерти Прокофья Лупкина „всѣ иже дыханіе имутъ“, то-есть всѣ таинственно воскресніе, имѣющіе въ себѣ Духъ Святой и пророчествующіе, будутъ изгнаны: замолкнетъ пророчество и настанетъ *древнее молчаніе*, какое было до пришествія на землю саваоа Давилы Филипповича. Согласно съ пророчествами Эздры, сіе „древнее молчаніе“ продолжалось только семь лѣтъ, по пршествіи которыхъ „разрѣшиль уста“ третій Христосъ, безъ таинственной смерти таинственно воскресшій, а за нимъ стали пророчествовать и послѣ таинственной смерти воскресніе пророки. ††

* III Эздры, VII, 26.

** III Эздры, VII, 28.

*** Это имѣетъ таинственный смыслъ, говорятъ хлысты, и означаетъ что Сусловъ не родился отъ дѣвы, но въ томъ „кораблѣ“ (обществѣ хлыстовъ, божьемъ домѣ), гдѣ была Арина Нестеровна богородицей, не умирая таинственною смертию, праже родилась духовно и открылась людямъ божіимъ.

**** III Эздры, VII, 28.

† III Эздры, VII.

†† Казнь и смысла хлыстовъ были въ 1734 году, а черезъ семь лѣтъ, по словамъ хлыстовъ и скопцовъ, въ Москвѣ *разрѣшиль уста* новый христосъ. Значить, въ 1742 году снова началась въ Москвѣ

Этотъ разрѣшившій уста, во всемъ подобный Суслову и Лупкину, воскресшій безъ таинственной смерти христось былъ притворявшійся юродивымъ помѣщичій крестьянинъ Сѣвскаго уѣзда, села Брасова, Андрей Петровъ, жившій въ Москвѣ и принадлежавшій къ хлыстовскому кораблю, что былъ въ Ивановскомъ монастырѣ. * Онъ, по понятіямъ хлыстовъ, былъ христось сынъ божій, рожденный отъ богородицы Настасьи Карповны, то-есть принятый ею въ секту. Онъ имѣлъ домъ (все тотъ же „божій домъ“ что былъ при Сусловѣ и Лупкинѣ) за Сухаревою башней, о шести свѣтлицахъ (то-есть комнатахъ), на дворѣ его была церковь, гдѣ лежали останки Ивана Тимоѣевича, вырытые изъ могилы Ивановскаго монастыря прежде чѣмъ палачи коснулись ея. Съ христомъ Андреемъ жили хлысты: Иванъ Ивановичъ Четкинъ или Бѣлый изъ крестьянъ села Ворсмы, Семень и Игнатій Ивановичи Шигины изъ села Павлова (оба села Горбатовскаго уѣзда), да сынъ старшаго Шигина, Василій Семеновъ. Домъ юрода былъ богато отдѣланъ; такъ, напримѣръ, въ одной комнатѣ, что предъ спальней, стѣны были обиты обоями фабрики Затрапезнаго. Конечно, христось Андрей, бывшій всегда нищимъ, не могъ купить этого дома, и онъ достался ему другимъ какимъ-либо образомъ. Изъ слѣдственнаго дѣла 1745—1752 годовъ о квакерской ереси, открытой въ Москвѣ, видно что этотъ христось былъ принимаемъ въ качествѣ „святаго“ и „блаженнаго“ въ нѣкоторыхъ домахъ тогдашняго высшаго московскаго

оборища „людей божіихъ“ и ихъ радѣнія. Такъ оказывается и по слѣдственному дѣлу о квакерской ереси (хлыстовъ) открытой въ 1745 году въ Москвѣ по доносу сыщика Ваньки Каина.

* О немъ упоминается въ пѣснѣ сочиненной въ XVIII ст. основателемъ русскаго театра Ф. Г. Волковымъ для маскарада устроеннаго на московскихъ улицахъ императрицей Екатериной II. Она начинается словами „Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ.“ Въ ней поется:

Ванька Каинъ и лжехристь Андрюшка!
Дайте намъ карты, здѣсь олухи есть.

Ванька Каинъ, подражая разбойнику Семену Караулову, предавъ хлыстовъ въ руки правосудія. Въ обществѣ того времени много было говора о Ванькѣ Каинѣ и объ открытомъ имъ лжехристь Андрюшкѣ. Волковъ воспользовался этимъ.

общества и что нѣкоторыя знатныя барыни, * по избытку благочестивой набожности, ни въ чемъ не отказывали „блаженному юроду“. Можно полагать, что поклонницы юрода Андрея, изъ благодарности за его душеспасительныя прореченія, доставляли ему средства къ безбѣдной жизни и даже къ роскошному по тому времени убранству комнатъ „божія дома“ у Сухаревой башни.

Когда хлысты были открыты (въ 1745 г.), въ приворотной свѣтелкѣ, гдѣ жили Четекинъ и Шигины, по указанію Ваньки Каина найденъ былъ трупъ, не задолго предъ тѣмъ зарытый въ землю возлѣ печки. При осмотрѣ трупа нельзя было заключить къ какому полу онъ принадлежитъ, но по обстоятельствамъ стало ясно что это былъ трупъ Ивана Тимоѣевича Суслова, похищенный хлыстами изъ могилы въ Ивановскомъ монастырѣ, когда, вслѣдствіе синодальнаго распоряженія, трупы обоихъ христовъ велѣно было вырыть и сжечь чрезъ палача. При домѣ христа Андрея Петрова, какъ мы сказали, была построена деревянная церковь; утварь, иконы и книги ея были конфискованы въ 1745 году при арестованіи христа Андрея и переданы въ московскую контору святѣйшаго синода. Въ домѣ юрода Андрея вмѣстѣ съ нимъ жилъ капитанъ Смуригинъ, тоже хлыстъ, который въ 1745 году ѣздилъ вмѣстѣ съ Андреемъ въ Петербургъ и тамъ заказалъ семь парчевыхъ покрововъ на мощи святыхъ. Онъ показалъ будто заказывалъ эти покровы на мощи новгородскихъ угодниковъ, почивающихъ въ Софійскомъ соборѣ и въ монастыряхъ Хутынскомъ и Антоньевѣ, но на самомъ дѣлѣ эти покровы были дѣланы для тѣла Ивана Тимоѣевича, стоявшаго въ церкви построенной на дворѣ христа Андрея. Покровы у капитана Смуригина были отобраны въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при его арестѣ. **

Дѣло продолжалось долго: не ранѣе 1752 года, Шигины и другіе хлысты, по наказаніи кнудомъ, сосланы были въ Сибирь, въ Рогервикъ и иныя мѣста. Что касается христа

* Большою частію старушки; но были и молодыя, которымъ прішлась по вкусу любовь юрода. Обходимъ молчаніемъ ихъ родословныя имена. Любопытные найдутъ ихъ въ подлинномъ дѣлѣ о кватерской ереси.

** Дѣло о кватерской ереси открытой въ 1745 году. Дѣла канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Андрея, о немъ разнеслась молва будто онъ умеръ еще во время производства слѣдствія о „квакерской ереси“. Но въ послѣдствіи это оказалось несправедливымъ. Вѣроятно, знатныя и сильныя своимъ богатствомъ, родственными связями и положеніемъ въ обществѣ почитательницы Андрея Петровича хлопотали о сохраненіи драгоценной для нихъ жизни. Не знали онъ какимъ ремесломъ чрезъ нѣсколько лѣтъ займется ихъ милый дружокъ „святой-блаженный юродъ“.

Черезъ нѣсколько лѣтъ между хлыстами явился начальникъ и отецъ секты скопцовъ. Стали его называть императоромъ Петромъ Федоровичемъ. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты и особенно скопцы, „открылся Вышній на престолѣ суда,* то-есть безъ таинственной смерти, подобно Сулову, Лупкину и Андрею Петрову, таинственно воскресъ „сѣдящій на престолѣ царскаго суда“, государь Петръ Федоровичъ. Онъ не родился, говорятъ скопцы, но подобно Ивану Тимофеевичу открылся духовно отъ пренепорочныя дѣвы императрицы Елизаветы Петровны, оставившей престолъ и жившей въ Орловской губерніи подъ именемъ Акулины Ивановны. Петръ III, по мнѣнію скопцовъ и нѣкоторыхъ хлыстовъ, живетъ и понынѣ въ Иркутской странѣ, на морѣ, гдѣ солнце восходитъ. Они иногда зовутъ его *иркутскимъ искупителемъ* (оскопителемъ)**. Теперь никто не можетъ его видѣть, говорятъ они, до грознаго дня страшнаго суда, для совершенія котораго онъ вскорѣ явится. О невозможности теперь его видѣть сказано было, говорятъ скопцы, и въ Св. Писаніи: „не можетъ кійждо видѣти на земли сына моего или тѣхъ, иже съ нимъ суть, токмо во время дне“***, то-есть когда придетъ

Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеьемъ, со прощеньемъ,
Со небесными дарами****,

когда взойдетъ въ Москву и зазвонитъ въ царь-колоколъ, что на колокольнѣ Ивана Великаго.... Тогда пойдутъ за нимъ люди полкѣ полкѣми, и придетъ онъ въ Петербургъ, и возсѣвъ на царскомъ престолѣ, сотворитъ страшный судъ

* III книга Эздры.

** Нѣкоторые хлысты говорятъ что онъ находится въ Турціи.

*** III книга Эздры.

**** Пѣсня хлыстовъ и скопцовъ начинающаяся словами: „Благослови Вышній Творецъ“.

надъ всѣми земными племенами *. Тогда-то наступитъ нескончаемое царство Христа по духу, „тогда пройдутъ бѣды и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудетъ, истина станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовать будетъ, и мзда покажется, и правды воспрянуть, и неправды не возобладаютъ“ **.

IV.

Чѣмъ болѣе было собираемо свѣдѣній о вѣрованіяхъ и обрядахъ хлыстовъ, тѣмъ болѣе было находимо въ нихъ до того рѣзкихъ противорѣчій, что нельзя было не придти къ убѣжденію что ересь людей божіихъ съ теченіемъ времени распалась на многіе разнообразныя толки. Иначе и быть не могло въ сектѣ фанатической, гдѣ все зависитъ отъ повелѣнія людей, пользующихся безусловною покорностью приверженцевъ и находящихся въ восторженномъ состояніи весьма недалекомъ отъ сумашествія. Если квакерское ученіе, систематически изложенное и содержимое людьми болѣе или менѣе образованными, распалось на секты, какъ же было не распаться нашей доморощенной хлыстовщинѣ, содержимой преимущественно безграмотными мужиками и не имѣющей не только систематическаго изложенія, но даже ничего почти писаннаго? Пророкъ людей божіихъ Василій Радаевъ (лично мнѣ извѣстный), послѣ родоначальника скопцовъ Кондратія Селиванова, былъ едва ли не первымъ и не единственнымъ хлыстовскимъ писателемъ.

Никакой раскольничій толкъ не узнается съ такими затрудненіями какъ ересь людей божіихъ и происшедшія изъ нея скопческая и лазаревщинская. Содержаніе котораго-либо изъ этихъ ученій, вступаая въ ересь, даютъ страшныя клятвы никогда никому не открывать ея таинства и скорѣе тѣло свое

* Пророкъ людей божіихъ Никифоръ Михайловъ Майданскій, при допросѣ въ маѣ 1850 года, показалъ: „Искушитель градеть отъ страны Иркутской, ударить въ большой московскій успенскій колоколъ, и пойдутъ за нимъ люди полки полками, и придетъ въ Петербургъ сдѣлать тамъ страшный судъ.“ (*Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ* 1850 года.) О страшномъ судѣ, какъ понимаютъ его „бѣлые голуби“, подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

** III Эздры, VII, 33, 34 и 35.

отдать на раздробленіе чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-либо изъ слышаннаго или видѣннаго въ „кораблѣ“, собирающемся гдѣ-нибудь въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, въ часъ полуночный. Притомъ не всякій сектаторъ и допускается на всѣ таинственныя собранія, не всякому извѣстно все относящееся до обрядовъ и вѣрованій его общины. Долго испытываютъ новобранца, пока, наконецъ, увѣрившись, не начнутъ мало-по-малу раскрывать предъ нимъ таинственную завѣсу, подъ которою старшины общества тщательно стараются скрыть внутреннее устройство своего „корабля“.

Представляю обзоръ хлыстовской ереси безъ различія сектъ. Обзоръ мое не стройно, въ немъ встрѣтятся, можетъ-быть, и противорѣчія, но представляя что стало мнѣ извѣстно, не смѣю дозволить себѣ, для большей стройности изложенія или ради избѣжанія противорѣчій, что-либо переименовывать.

Говоря о тайныхъ сектахъ, надо указать источники на которыхъ основываются представляемые публикѣ свѣдѣнія. Письменные источники перечислены въ предисловіи къ этой статьѣ, но мнѣ приводилось изучать хлыстовскую и скопческую ереси не по отдѣльнымъ бумагамъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ сектаторами лицомъ къ лицу и притомъ въ двоякомъ положеніи: и въ качествѣ лица officialнаго, и частнымъ человѣкомъ пріобрѣтшимъ до нѣкоторой степени довѣріе нѣкоторыхъ изъ людей божіихъ. Первый разъ я узналъ хлыстовъ въ 1850 году. Тогда были открыты они въ селахъ Мотовиловъ и Волчихъ Арзамасскаго уѣзда. Я былъ тогда въ Арзамасѣ, ревизуя городское хозяйство Нижегородской губерніи по порученію министра внутреннихъ дѣлъ. Желая поближе ознакомиться съ хлыстами, испросилъ я у тогдашняго губернатора, князя М. А. Урусова, дозволеніе находиться при допросахъ производимыхъ въ особой свѣдѣтельной комиссіи. Тутъ я имѣлъ возможность познакомиться съ сочиненіями *таинственно воскресшаго* Василія Радаева, съ его письмами къ священнику села Мотовилова Минервину, имѣлъ случай говорить съ самимъ Радаевымъ, тридцатипяти-лѣтнимъ, красивой наружности крестьяниномъ, выдававшимъ себя за вмѣстителище Святаго Духа, а также и съ другими хлыстами. Радаевъ былъ въ то время до того самообольщенъ что писалъ къ священнику Минервину: „Не можешь ты понимать премудрости Св. Духа

во мнѣ находящагося, такъ призови меня къ себѣ, дай бесѣдовать сутки, мало—двое, трое“*. Глядя на Радаева, и покорные волѣ его ученики говорили не скрываются. Но острогъ, это училище правовѣдѣнія для просто-народа, гдѣ на первыхъ же порахъ объяснять туда попавшемуся за какое преступленіе какое полагается наказаніе, и всякаго научать что самое вѣрное средство (при старомъ судопроизводствѣ) для избѣжанія наказанія состоитъ въ словахъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“,—острогъ въ короткое время научилъ Радаева и учениковъ его обратиться, говоря хлыстовскимъ языкомъ, *въ древнее молчаніе*. Я успѣлъ, однако, поговорить съ ними пока еще они „разрѣшали уста“, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ велѣ подробныя записки. Незадолго предъ тѣмъ, именно въ декабрѣ 1849 года, была открыта хлыстовская ересь въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Преосвященный нижегородскій Іаковъ, получивъ объ этомъ донесеніе предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, послалъ для собранія свѣдѣній объ этихъ сектаторахъ одно довѣренное лицо, меня же просилъ составить изъ его показаній записку и прислать ее въ Петербургъ. Но посланный воротился въ Нижній когда преосвященнаго уже не было на свѣтѣ. Составленная записка осталась у меня. Въ послѣдствіи имѣлъ я случаи покороче узнать нѣкоторыхъ лицъ принадлежавшихъ къ ересямъ хлыстовской и скопческой. Скопцы скрытны, но хлысты, если увѣритца что бесѣдующій съ нимъ „въ помятїи состоитъ“, какъ онъ выражается, бываетъ довольно откровененъ. Вотъ какимъ образомъ удалось мнѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ проникнуть въ нѣкоторыя „тайности“ ересей хлыстовской и скопческой. Архивныя бумаги и разныя записки дополнили мой запасъ свѣдѣній.**

* Письма находились при слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ. Въ 1864 году я довелъ о нихъ до свѣдѣнія бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Вибикова, при которомъ состоялъ по службѣ, и онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ. Вскорѣ министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило ихъ къ оберъ-прокурору св. синода, а онъ покойному митрополиту Григорію, бывшему тогда казанскимъ архіепископомъ. Преосвященный Григорій отдалъ ихъ въ Каванскую духовную академію, гдѣ, по всей вѣроятности, онъ и до нынѣ хранятся. У меня есть снятая съ нихъ копія.

** Въ то время когда я занимаюсь изслѣдованіями о хлыстахъ и

V.

Такъ - называемыя „пророчествующія“ или „созерцательныя“ ереси (хлысты, скопцы и другія) основаны на ученіи о *тайственной смерти и тайственномъ воскресеніи*.^{*} Подъ именемъ тайственной смерти они разумѣютъ состояніе полнаго безстрастія и святости. Хлысты, составляющіе первоначальный толкъ пророчествующихъ ересей, такъ излагаютъ свое ученіе:

Назначеніе чловѣка состоитъ въ томъ чтобъ умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы суть не что иное какъ отжившіе люди, сподобившіеся тайственного воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и есть мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе грѣха прародительскаго, исполненіе божескаго приговора надъ первымъ преступникомъ: „Земля еси и въ землю отыдеши“. Смерть о Христѣ есть смерть тайственная, состоящая въ умерщвленіи своей воли, себялюбія и гордости, въ умерщвленіи плоти, въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За сею

скопцахъ въ Россіи, не имѣя никакого понятія о хлыстахъ и скопцахъ заграничныхъ, съ сими послѣдними находился въ близкихъ сношеніяхъ В. И. Кельсіевъ, когда, оставивъ Герцена, жилъ онъ въ Молдавіи. Въ прошломъ 1868 году г. Кельсіевъ былъ въ Москвѣ, и у насъ съ нимъ было не мало разговоровъ о раскольникахъ, хлыстахъ и окупцахъ. Оказалось, что не зная другъ друга и издавна хлыстовщину и скопчество въ разныхъ мѣстоностяхъ, мы пришли совершенно къ однимъ и тѣмъ же выводамъ.

* Священникъ Минервинъ, долго убѣждавшій Радаева оставить свое самообольщеніе и получавшій отъ него письма, словомъ, коротко выикшій въ его ученіе, такъ пишетъ: „Ученіе Радаева состоитъ въ чистотѣ, самоотверженіи, преданности и униженіи, что называетъ онъ „тайственною смертію“, а самъ себя называлъ или представлялъ „тайственно воскресшимъ“, такъ какъ онъ уже прошелъ всѣ степени самоотверженія, преданности и униженія. Законъ и церковь его обязать уже ничѣмъ не могутъ, хотя они и ведутъ къ Богу, но онъ уже достигъ въ міру духовнаго совершенства и пришелъ къ нему.“ (*Сообщеніе священника Минервина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хотянцеву, 30-го мая 1850 года.*)

смертію сдѣдуетъ „погребеніе о Христвѣ“, то-есть отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя какъ въ могилу. Въ тайникѣ всякой души есть „начатокъ Духа Божія“, говорятъ хлысты, и если кто таинственно умретъ и „спогребется Христу крещеніемъ въ смерть“, то-есть по предуготовительномъ умерщвленіи воли и плоти низойдетъ въ самого себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутреннее слово Духа Божія, говорящее въ немъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое „внутри насъ есть“. Кто услышитъ въ себѣ этотъ голосъ „внутренняго Евангелія“, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается „храмомъ Божіимъ, и Духъ Божій живетъ въ немъ“, съ той минуты онъ „умершій (таинственно) оправдится отъ грѣха“, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему какъ „праведнику законъ не лежитъ“, тогда онъ „нѣстъ во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ немъ“.*

* Такъ учила принадлежавшая къ хлыстовщинѣ и считающаяся основательницей секты „лазаревщина“, Арина Лазаревна, настоятельница Зеленогорской общины (въ Нижегородскомъ уездѣ), умершая въ 1841 году. (На самомъ дѣлѣ первымъ проповѣдникомъ этой секты, называемой также „фарисейскою“ и „богомолами“, былъ крестьянинъ деревни Черетева Муромскаго уѣзда Дмитрій Бодростинъ, умершій лѣтъ сорокъ тому назадъ.) Арина Лазаревна была изъ Мордвы, ее считали святою. Слушать ея пророчества и за совѣтами пріѣзжали къ ней многіе православные, и она успѣвала увлекать за собой не только крестьянъ, но даже нѣкоторыхъ людей изъ дворянства и духовенства. Совѣтникъ нижегородскаго губернскаго правленія Ларионовъ, помощникъ управляющаго удѣльной конторы Виноградовъ, благочинный села Ревезени священникъ Асанацій и архіерейскій духовникъ инокъ Дамаскинъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлались послѣдователями ученія Арины Лазаревны. Изъ нихъ благочинный до такой степени увѣровалъ въ святость ея воли, что когда она, умирая, завѣщала гробъ съ своимъ тѣломъ вынести изъ кельи не въ дверь, а въ окошко, онъ въ ризахъ полѣзъ предъ гробомъ въ окно, но будучи тученъ, завязъ. Въ 1842 году, уже по смерти Арины Лазаревны, секта была открыта. Ученіе ея изложено въ особой рукописи. Послѣдователи этой секты не вѣрятъ въ христовъ и въ иркутскаго искупителя. Они не признаютъ и того что въ таинственно воскресшаго вселяется самъ Богъ, но говорятъ что такой человекъ озаряется особенною благодатью Божіей, которая даруетъ ему силу творить чудеса и пророчествовать, но что эта благодать тотчасъ же оставляетъ человека какъ скоро онъ подвергается грѣху, особенно же если онъ нарушитъ цѣломудріе. Вѣрованіе ихъ о безплотныхъ

Вотъ основныя начала ученія „людей Божіихъ“, сходныя съ началами ученія квакерскаго. Это-то ученіе, свободное отъ безобразной примѣси изувѣрства, до котораго дошли нѣкоторые хлыстовскіе „корабли“ (общины), и увлекаетъ отъ времени до времени въ хлыстовщину людей набожныхъ и благочестивыхъ, но недалнихъ разумомъ, увлекаетъ даже людей образованныхъ, склонныхъ къ мистицизму, какъ напримѣръ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, увлекло оно министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора синода князя А. Н. Голицына, тайнаго совѣтника В. М. Попова, Тургенева, генерала отъ инфантеріи Головина съ его женою,

духахъ такіа же какъ и у хлыстовъ: они говорятъ что ангелы не были сотворены безплотными, но суть души отжившихъ людей (то же говорить и шведскій мистикъ и духовидецъ Сведенборгъ). Ангелы—души людей праведныхъ, діаволы—души людей грѣшныхъ, и тѣ и другіе имѣютъ сношенія съ здѣшнимъ міромъ. Какъ на землѣ люди двухъ половъ, такъ и ангелы и діаволы двухъ половъ. Ангелъ женскаго пола есть тайная милостыня, діаволы женскаго пола приносятъ людямъ болѣзни, старшая изъ нихъ, Иродіада, падчерица царя Ирода, наноситъ самыя мучительныя лихорадки. Православную церковь послѣдователи лазаревщины, также какъ скопцы и хлысты, признаютъ *внѣшнюю*, а свою—*внутреннюю* или *апостольскую*. Для спасенія нужно пребывать и въ той и въ другой, говорятъ послѣдователи Арины Лазаревны. Милостыни должны быть непремѣнно тайныя. Позвоительно украсть у богатаго чтобы помочь бѣдному. На бесѣдахъ *внутренней* церкви послѣдователи Арины Лазаревны читаютъ и толкуютъ книги духовнаго содержанія, поютъ псалмы, читаютъ поученія, и приходя въ изступленное состояніе (безъ пласокъ или раднѣй) пророчествуютъ и разказываютъ про разныя видѣнія. О таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи думаютъ одинаково съ хлыстами. Изъ дѣла объ арзамаскихъ хлыстахъ видна связь съ ними Арины Лазаревны. Пророкъ Никифоръ Майданскій показалъ: „Благочинный села Ревезени отецъ Аванасій и Арина Лазаревна еще прежде Радаева дѣлали мнѣ такіа же наставленія. Учитель Арины Лазаревны состояло въ ученіи о тайной милостыни, она говорила что это ангелъ женскаго пола. Она (Арина Лазаревна) показывала мнѣ семь небесъ, на которыя восходитъ тайная милостыня черезъ трубочку. Арина Лазаревна учила и тому, что явная милостыня до Бога не доходитъ, и что въ случаѣ неимѣнія чего подать, должно украсть у богатаго и подать. Вслѣдствіе сихъ ученій сдѣлалось доступно и мнѣ видѣть эти небеса и трубочку, черезъ которую доходитъ тайная милостыня.“ Никифоръ Майданскій былъ на похоронахъ Арины Лазаревны и тоже лѣзъ за нею въ окошко.

статскаго совѣтника Пилецкаго, князя Енгальцева, инженеръ-капитана Буксгевдена, коллежскаго ассессора Родионова, камергера Еялцскаго, баронессу Буксгевденъ, статскую совѣтницу Татаринovu, помѣщика Дубовицкаго и многихъ другихъ лицъ петербургскаго образованнаго общества. Но мистическое ученіе о таинственной смерти, перешедшее въ толпу людей необразованныхъ, большею частію даже неграмотныхъ, поддерживаемое юродивыми и блаженными, содержимое изуверами и суеверами, не могло не усвоить дикихъ формъ бѣшеннаго фанатизма, противныхъ истинной религіи здравому смыслу и доброй нравственности.

Для объясненія чудовищности ереси „людей Божіихъ“ достаточно изобразить *таинственно-воскресшаго пророка*, этой степени, къ достиженію которой стремится все принадлежащее къ такъ-называемымъ пророчествующимъ ересямъ.

Таинственно-воскресшій, въ замѣвъ умерщвленной имъ воли, получаетъ волю божественную. Въ него вселяется Святой Духъ, и съ этой минуты что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ, не онъ дѣлаетъ, не онъ говоритъ, но самъ живущій въ немъ Богъ. Повтому, всѣ велѣнія такого человѣка исполняются прочими съ безусловною покорностью, со слѣпюю вѣрой, какъ велѣнія самого Бога. Если онъ, какъ это часто бываетъ у хлыстовъ, дурачится, прикидывается юродивымъ, во всѣхъ его дурачествахъ, во всѣхъ его соблазнахъ видятъ какую-то особенную премудрость Божію, которая хотя не умершимъ еще о Христѣ и непонятна, но во всякомъ случаѣ требуетъ благоговѣйнаго подражанія и исполненія „за не буетъ Божіе— премудрѣе человѣкъ есть“. * Дѣлаетъ таинственно воскресшій пророкъ самый безнравственный поступокъ, противный правиламъ самой ереси, и въ такомъ случаѣ смотрятъ на него съ благоговѣніемъ, и въ такомъ случаѣ въ поступкѣ его видятъ

* Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина*, говоритъ: „учители (хлыстовъ) не только не стыдятся своего невѣжества, но и за честь себя поставляютъ называть себя „некнижными рыбаками, безграмотными архіереями, Духомъ Святымъ просвѣщенными и самимъ Богомъ умудренными“, а пророки и пророчицы— „безграмотными полами“. Про нихъ сказано, говорятъ они, въ самомъ Евангеліи: „исповѣдуюся Тебѣ Господи небеси и земци, яко угадалъ еси сія вса отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси младенцамъ. Ей, отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобюю“.

особыя, невѣдомыя простому-смертному тайны божественнаго смотрѣнія. „Хотя Радаевъ и прелюбодѣй“, говорили арзамаскіе хлысты при допросахъ, „но отъ того соблазна другимъ не бывало, ибо онъ въ этотъ грѣхъ впадалъ не по своей волѣ, а по волѣ Святаго Духа.“ * Велитъ онъ сдѣлать преступленіе, какого бы рода оно ни было, безъ размысленія оно совершается, какъ повелѣніе самого Бога. И никто не смѣетъ подумать что совершенно преступленіе, ибо не пророкъ повелѣлъ совершить его, а самъ Богъ, не преступленіе совершено, но исполнена святая воля Божія.

Состояніе таинственно-воскресшаго, по понятіямъ хлыстовъ, исполнено высочайшей степени блаженства, такъ что ни на землѣ, ни на небесахъ нѣтъ ничего ему подобнаго. Онъ, какъ вмѣстившій въ себя Духа Святаго и сдѣлавшійся богочеловѣкомъ, наслаждается тѣмъ блаженствомъ которымъ наслаждается само божество; сила его равна силѣ самого Бога. „Еслибы послали меня во адъ, писалъ Радаевъ, и тамъ никакая сила не можетъ меня коснуться, хотя бы и въ рай, и тамъ больше радости не встрѣчу.“ ** Эта сила всемогущества, которую получаетъ таинственно воскресшій, не знаетъ никакихъ преградъ и препонъ, для нея нѣтъ ничего невозможнаго. „Душа моя поставлена въ состояніе апостольское, говорилъ Радаевъ въ письмѣ своемъ къ священнику Минервину, замѣняетъ мѣсто Христово; сія то душа надѣляется властію столь великою что и повѣритъ вамъ даже сомнительно, потому что она творитъ то же чтѣ и Христосъ. Я могу свидѣтельствовать о себѣ и свидѣтельство мое истинно есть.“ *** Онъ творитъ чудеса и предсказываетъ будущее посредствомъ живущаго въ немъ Духа. **** Онъ проникаетъ своимъ взоромъ въ седьмое

* *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показаніе Ивана Жигалева и другихъ.

** *Посланіе Радаева къ священнику Минервину.*

*** *Посланіе Радаева къ священнику Минервину.*

**** О чудесахъ своихъ Радаевъ говорилъ слѣдующее: „У Ивана Васильева Мухи была сестра, которая, собираясь въ путь, пришла ко мнѣ проститься; я ей сказалъ: „потиме, дупокъ допнетъ!“ она пошла и на дорогѣ умерла. Я пришелъ къ Мухѣ и сталъ перебирать лучины въ рукахъ, одну воткнулъ въ полъ и сказалъ: „Иванъ Васильевъ одинъ останется,“ и черезъ четыре дня жена его умерла. На Вадѣ (село Арзамаскаго уѣзда, гдѣ много хлыстовъ) хворала женщина, ее зовутъ Настасья Пашкова, я пришелъ къ ней, къ хворой, попросилъ у ней квасу, и когда она сказала что сама не мо-

небо. * Онъ влечетъ къ себѣ людей не только словомъ, но и таинственною силою, ему данной. ** На людей онъ низводитъ Духъ Святый *** и по своему усмотрѣнiю одному даетъ золотыя вѣнцы, другаго вселяетъ въ небесный горнiй Иерусалимъ, третьяго дѣлаетъ серафимомъ и даетъ ему шесть огненныхъ крыль. **** Онъ властенъ возводить души изъ ада

жетъ идти, я велѣлъ ей хотъ ползти, да самой принести, когда же она принесла квась, я взялъ его, перекрестилъ и далъ ей выпить; на другой день она стала здорова." *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

* *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показанiе Никифора Майданскаго: „Арина Лазаревна (основательница ереси Лазаревщины) показывала семь небесъ, на которые восходить тайная милостыня черезъ трубочку.... а потомъ и мнѣ стало доступно видѣть эти небеса и трубочку.“ Радаевъ сказалъ что такія же видѣнiя случались и съ нимъ. Но этой трубѣ, которая идетъ отъ земли до седьмага неба, сойдетъ, по мнѣнiю хлыстовъ, на землю предъ Страшнымъ судомъ господъ савоаевъ Данила Филипповичъ. Они смылаются приетомъ на *Посланiе къ Солунянамъ IV*, 16: „Самъ Господь... въ трубѣ Божiи соидетъ съ небеси.“ И у хлыстовъ, и у скопцовъ, и у Лазаревщины одно понятiе, что небесъ семь (хотя апостолъ Павелъ говоритъ только о трехъ: *II Посл. къ Коринѣ. XII*, 2). У хлыстовъ есть пѣсня, которая начинается такъ:’

Сокатаа матушка, пречистая Богородица,
Сокатаа царица Акулина Ивановна,
Сокатаа на землю со седьмага неба.

** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показанiе Василья Радаева, мая 29-го 1850 года: „Духъ во мнѣ находящiйся имѣетъ влеченiе ко мнѣ привязывать и притягивать людей, и въ доказательство могу привести то, что однажды шелъ я по дорогѣ изъ Волчихи въ Крiушу, вдругъ Духъ Божiй остановилъ меня, и я стоялъ долго какъ вкопанный. Сестра жены брата моего жала въ то время хлѣбъ и была такъ далеко, что видѣть меня не могла, но вдругъ оттолкъ привакала ее къ мнѣ, и она заревѣла и говорила что при всемъ усилiи противиться Духу она не смогаа. Я ее успокоилъ и отпустилъ.“

*** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показанiе пророка Никифора Майданскаго: „на нашемъ золотомъ кораблѣ кормчiй Василiй Радаевъ; онъ низвелъ на меня Духъ Святый.“

**** Радаевъ писалъ къ хлысту Лобанову: „Рабъ Божiй Юанкъ пекись о умноженiи и о распространенiи братства нашего, особенно молодежи дѣвушекъ: любить ихъ Богъ, и если онъ отъ чистаго

въ рай, и когда придетъ изъ Иркутска искупитель со страшнымъ судомъ, * таинственно воскресшій раздвинетъ всѣхъ близкихъ къ нему, сядетъ подлѣ Христа и станетъ судить свой „корабль“ кого куда. ** Земной власти надъ нимъ не существуетъ. „Духъ Святой, писалъ Радаевъ, поставилъ меня выше всякаго начала и власти.“ *** Какъ будто истинный богочеловѣкъ, онъ, входя въ православную церковь, изгоняетъ оттуда тѣхъ которые, по его мнѣнью, не достойны стоять предъ Богомъ. **** Всѣ правители, всѣ цари земные—рабы его. Не онъ подлежитъ ихъ суду, но они его, ибо онъ Богъ, а они его созданія. Этого мало, даже на небѣ нѣтъ надъ нимъ власти. „Богъ на меня не гнѣвается, писалъ Радаевъ, я все равно какъ вѣрный и любимый сынъ, уже исполнившій волю отца

сердца посылаютъ мнѣ, то я имъ приготоваю славные вѣнды, тебѣ же великій горній Иерусалимъ. Евгении (дѣвушка шестнадцати лѣтъ) шесть серафимскихъ крыльевъ, и лицо ея просвѣтитя яко солнце.“ Дѣвка Евгенья Круглова показала при допросѣ, что Радаевъ велѣлъ ей уступить его желамьямъ, говоря что это должно сдѣлать по волѣ Божіей, а не по его, ибо онъ своей воли не имѣетъ, за что обѣщалъ мнѣ огненные крылья, чему я вѣрю.... *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

* Что подъ именемъ Христа арзамасскіе хлысты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, разумѣли иркутскаго искупителя, видно изъ показанія пророка Никифора Майданскаго.

** Радаевъ говорилъ своимъ односельцамъ: „Я имѣю власть вязать и рѣшать, возводить грѣшныя души изъ ада и давать имъ царство небесное, и если вы попросите меня придти на кладбище и поклонитесь всѣмъ седомъ, то всѣхъ покойниковъ, во адѣ находящихся, введу въ царство небесное, а когда настанетъ страшный судъ, то я раздвину всѣхъ близкихъ ко Христу, сяду около него и стану судить васъ (то есть собранныхъ на радѣннѣ) кого куда.“ Показанія хлыста Лобанова и другихъ въ *слѣдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

*** *Посланіе Василья Радаева. Сообщеніе священника Минервина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хотаинцову, 30-го мая 1850 г.*

**** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показаніе Василья Радаева 29-го мая 1850 г.: „Одинъ разъ въ церкви, противъ дѣвушки Устиньи стояла вдова, къ которой она, Устинья, имѣла вражду, почему и чувствовала въ сердцѣ своемъ сильную на нее злобу. Вдругъ все это мнѣ открылъ Духъ Святой, и я вывелъ ее изъ церкви на паперть и сказалъ: „Устинья, такъ въ церкви стоять не подобаетъ.“

и за то имѣющій во всемъ свою волю. На мнѣ отецъ уже
взыскать ничего не хочетъ, да и не можетъ.“ *

Таково состояніе таинственно-воскресшаго **. Непогрѣши-
тельность папы, божественность далай-ламы, хутухты и ху-
бийхановъ ничто въ сравненіи съ непогрѣшимостью и бо-
жественностью хлыстовскаго или сконческаго христа или

* *Посланіе Василья Радаева. Сообщение священника Минервина
чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора г. Хота-
нциеву, отъ 30-го мая 1850 года.*

** Значеніе таинственно воскресшаго пророка изображено въ од-
ной хлыстовской пѣсни, употребляемой ими при радѣніяхъ. Она
поется отъ имени Бога, протѣжнымъ напѣвомъ:

Я родитель сокровенный
Для живущихъ въ мѣрѣ чадъ,
Для своихъ же откровеній
Имъ я далъ мой свѣтлый взглядъ.
Дѣти вѣры, дѣти свѣта
Зрять меня въ своихъ дѣлахъ;
Не постигнуть — ждуть отвѣта
Въ гласѣ духа, не въ словахъ.
Между мной и человѣкомъ
Есть посредникъ — мой пророкъ!
Даръ пророка пренебесенъ
Для ума непостижимъ,
Душамъ сладокъ, прелюбезенъ,
И онъ вѣрою движимъ.
Среди вѣрныхъ воздвигаю
Я пророка своего,
Имъ я церковь создаю,
Снизойдя къ ней чрезъ него,
Моимъ духомъ наполняю
Я пророка, какъ сосудъ,
И въ бесѣду съ нимъ вступаю,
Свой даю душамъ я судъ.
Мой пророкъ есть исполнитель
Моей воли на кругу.
Съ трубой ангелъ солетаетъ,
Подавая голоса,
А пророкъ лишь прорекаетъ,
Говоря слова тѣ въ слухъ и т. д.

Эта пѣсня сочинена помѣщикомъ А. П. Дубовицкимъ въ тридцатыхъ
годахъ нынѣшняго столѣтія. Дубовицкій былъ пророкомъ людей бо-
жійхъ и сосланъ за то въ Саровскую пустынь на покаяніе. *Тульскія
Епархіальныя Вѣдомости* 1867 года, № 23.

пророка! Это нѣчто въ родѣ „старца горы“, начальника секты Ассасиновъ, бывшихъ въ Сиріи во времена крестовыхъ походовъ. Еслибы кормчій какого-нибудь „корабля“, въ падкѣ бѣшеннаго самообольщенія, вздумалъ отринуть всѣ доселѣ содержимыя хлыстами правила и самыя пророчества, сейчасъ на радѣвняхъ сказанныя, самую такъ-называемую *Книгу животную*, сказавъ что все это больше не спасительно, ученики его въ ту же минуту признали бы это за „волю Божію“.

Такова власть находящаяся въ рукахъ „кормщиковъ“ хлыстовскихъ и скопческихъ кораблей. Такъ безпредѣльна покорность предъ ними вѣрующихъ въ божественность ихъ духа. Было бы излишне доказывать что такіе сектаторы не могутъ быть терпимы въ государствѣ благоустроенномъ.

Вся цѣль людей принадлежащихъ къ пророчествующимъ сектамъ состоитъ въ достиженіи апотеозы таинственно воскресаго: каждый хлыстъ, каждый скопецъ стремится къ тому чтобы еще въ здѣшнемъ мірѣ сподобиться таинственнаго воскресенія, но если кто изъ нихъ не достигаетъ на землѣ такого состоянія, тотъ умираетъ въ полной надеждѣ на будущее блаженство. Скопецъ и хлыстъ вѣрятъ что тѣлесная смерть есть освобожденіе „духовнаго тѣла изъ тѣла душевнаго, этихъ ризъ кожаныхъ“, въ которыя одѣтъ Богъ Адама, въ наказаніе за его гордость, и которыя въ сей жизни надобно повтому умерщвлять смиреніемъ, постомъ, цѣломудріемъ, оскотленіемъ. Какъ скоро чловѣкъ освободится отъ этихъ оковъ, онъ въ душевномъ тѣлѣ, еще не воскресшій, является уже „въ сонмѣ людей Божіихъ“, которыхъ собираетъ иркутскій христосъ отецъ-искупитель на Востокъ. Такимъ образомъ по смерти онъ переходитъ въ состояніе „умершихъ о Христѣ“, которые, такъ же какъ и здѣсь, составляютъ на небѣ „круги“ или „корабли“ и совершаютъ такіа же какъ и здѣсь радѣвнѣя. Эти круги называются „восточнымъ сонмомъ“ или „дольными небесами“. Воскресшіе таинственно здѣсь, послѣ тѣлесной смерти, не идутъ съ умершими о Христѣ въ „дольнія небеса“, но тѣла ихъ духовныя переносятся прямо въ высшія селенія блаженства, на седьмое небо, гдѣ они составляютъ свои „круги“, въ которыхъ также производятся радѣвнѣя. Это тѣ самыя „небесныя круги“, говорятъ хлысты, съ которыхъ для благовѣщенія Дѣвѣ Маріи слетѣлъ архангелъ

Гавріиль *. Эти круги населены ангелами, то-есть хлыстами, въ земной жизни своей таинственно воскресшими послѣ таинственной смерти. **

Скоро, думаютъ хлысты и скопцы, наступитъ время торжества людей Божиихъ. Раздастся гласъ архангела, воскликнетъ къ людямъ божіимъ христосъ Иванъ Тимоѣевичъ ***. Вслѣдъ за гласомъ его раздастся „труба божія“. Величиной та труба отъ земли до седьмага неба, затрубитъ въ нее самъ господь саваоель, Данила Филипповичъ. И снудетъ съ круговъ небесныхъ на дольнія небеса — въ восточный сонмъ

* Они говорятъ здѣсь про небесные круги, о которыхъ поется церковью въ стихерѣ Благовѣщенія: „Съ небесныхъ круговъ саетъ Гавріиль въ Назаретъ.“

** Понятія арзамасскихъ хлыстовъ объ ангелахъ заимствованы изъ ажеученія лазаревщины, утверждающей будто ангелы суть души отжившихъ людей, сподобившихся на землѣ таинственнаго воскресенія. Радаевъ, при разговорахъ со мною въ 1850 году, говорилъ, что ангелы на небесахъ совершаютъ радѣнія, но безъ тѣлодвиженій, ибо дрожь и корчи происходятъ отъ совершающейся внутри пророка борьбы Св. Духа съ темными силами, которымъ на небеса доступу нѣтъ, оттого тамъ и радѣютъ безъ дрожи и безъ корчи, но сидятъ или лежатъ. Въ здѣшнемъ свѣтѣ „на кругахъ“ учатъ простыхъ людей таинственно воскресшіе, а на небесахъ таинственно воскресшихъ, то-есть ангеловъ, поучаетъ самъ Христосъ. На вопросъ: сколько же тамъ круговъ? Радаевъ сказалъ: „счету нѣтъ“, а когда, желая навести его на разговоръ объ Иванѣ Тимоѣевичѣ, о Лупкинѣ и другихъ христахъ, я спросилъ: „какъ же Христосъ успѣваетъ на всѣхъ кругахъ бывать“, Радаевъ отвѣчалъ: „много тамъ христовъ то“. Не зналъ ли о Сусловѣ и другихъ хлыстовскихъ христахъ Радаевъ, не хотѣлъ ли говорить о нихъ, но всегда уклонялся онъ отъ разговоровъ, если они касались этого предмета. Только одинъ разъ проговорился онъ объ иркутскомъ икупителѣ, и то уже въ 1852 г. Въ августѣ этого года былъ я у него въ тюрьмѣ и на вопросъ: „что скучно въ острогѣ?“ Радаевъ отвѣчалъ: „что дѣлать? держутъ вотъ третій годъ“, и потомъ сквозь зубы, тономъ угрозы, примолвилъ: „когда Петръ придетъ, что скажутъ“. Про какого Петра говоришь ты? спросилъ я его. „Нѣтъ, это я про пріятеля одного вспоминаю, сказалъ Радаевъ, про Петра, изъ Крутаго Майдана (село Арзамасскаго уѣзда), ушелъ на золотые прииски, такъ не знаю воротился или нѣтъ.“ И затѣмъ ни слова не отвѣчалъ на мои вопросы.

*** То-есть Сусловъ, первый христосъ людей божіихъ, а теперъ „пророкъ надъ пророками въ кругахъ небесныхъ“, какъ говорятъ хлысты.

людей божіихъ—отець-искупитель иркутскій Петръ Федоровичъ *. И всѣ жители дольнихъ небесъ, то-есть „мертвіи о Христвѣ“ (хлысты и скопцы), еще не достигшіе на землѣ таинственнаго воскресенія, въ это время въскреснутъ. Тогда дольня небеса, теперь нами видимыя, и собственно для жилища „мертвыхъ о Христвѣ“ созданныя, какъ болѣе не нужны, распадутся, надъ землею же явится „небо ново“, и сама земля обновится, и пойдетъ отець-искупитель съ умершими о Христвѣ и теперь воскресшими отъ востока солнца до запада, и на встрѣчу ему, по воздуху, на облакахъ полетятъ всѣ хлысты и скопцы, еще въ живыхъ на землѣ оставшіеся **. И придетъ отець-искупитель въ Москву, и зазвонитъ въ царь-колоколъ. По этому „третьему гласу“ *** пойдутъ съ отцомъ-искупителемъ въ Петербургъ люди полку полками, а съ небесъ слетитъ вся сила небесная, то-есть всѣ въ земной жизни таинственно воскресшіе. И сядетъ сила небесная кругомъ отца-искупителя, и каждый ангель начнетъ судить корабль, въ которомъ, живши на землѣ, былъ кормщикомъ. Затѣмъ начнется общій страшный судъ надъ всѣми мертвыми о Адамѣ, то-есть не хлыстами и не скопцами, послѣ чего настанетъ блаженное царство людей божіихъ „пройдутъ бѣды, и долготерпѣніе соберется, судъ же единъ пребудетъ, истина станетъ, и вѣра возможетъ, и дѣло послѣдовати будетъ, и мзда покажется, и правды воспрянутъ, и неправды не возобладаютъ.“ ****

Таковы вѣрованія хлыстовъ и происшедшихъ отъ нихъ скопцовъ относительно будущей жизни, таковы надежды ихъ

* Изъ арзамасскихъ хлыстовъ одинъ только пророкъ Никуфоръ Майданскій говорилъ объ иркутскомъ искупителѣ (не называя, впрочемъ, его по имени), который придетъ въ Москву, зазвонитъ въ царь-колоколъ, поведетъ за собой полки полками въ Петербургъ, гдѣ сотворитъ страшный судъ. (*Свидѣственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*, показаніе Никуфора Майданскаго).

** Арина Лазаревна, а также хлысты и скопцы въ доказательство всего этого приводятъ слово апостола: „яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловъ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христвѣ воскреснутъ первѣе. Потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздухѣ“. *Посланіе къ Солунянамъ*, IV, 16, 17.

*** Первый гласъ—гласъ архангела, второй—труба Божія, третій—звонъ царь-колокола.

**** III книги Эздры, VII, 33, 34, 35.

на жизнь загробную. Конечно, ни одно человеческое вѣрованіе не представляетъ своимъ послѣдователямъ столь обольстительныхъ надеждъ, столь полнаго торжества въ будущемъ. Не одни таинственно воскресіе, всякій вошедшій въ общество „людей божіихъ“, всякій, наконецъ, осконившійся имѣетъ полную увѣренность въ неотъемлемомъ блаженствѣ, его ожидающемъ. Ничто не ограничиваетъ его въ здѣшней жизни, онъ не боится осужденія въ будущей, не страшится правосудія небснаго. Въ фанатическомъ ослабленіи, хлысты или скопцы принимаютъ слова изступленныхъ изуверовъ за волю Божию, и нѣтъ закона, нѣтъ правила, которые бы удержали житейскую нравственность его въ постоянныхъ и непреложныхъ границахъ *.

VI.

Условія при которыхъ, по ученію хлыстовъ, человѣкъ можетъ достигнуть таинственнаго воскресенія состоятъ: а) въ самоотверженіи, преданности и униженіи, б) въ погребеніи самого себя и в) въ умерщвленіи плоти.

Самоотверженіе, преданность и униженіе составляютъ главнѣйшее правило людей божіихъ. Радаевъ, указывая на себя, говорилъ ученикамъ, своимъ: „и вы того достигнуть можете, и будете то же что и я, пройдите лишь всѣ степени самоотверженія, преданности и униженія“ *. Поэтому хлысты безусловно подчиняютъ волю свою волѣ таинственно воскресшихъ, думая что подчиняются самому Богу, пребывающему съ ними въ лицѣ тѣхъ людей. Они до такой степени послушны своимъ „кормщикамъ“, что невозможно представить подчиненіе другому лицу, которое бы превосходило подчиненіе имъ людей божіихъ или скопцовъ. „Иди за мной“, говоритъ Радаевъ, „и куда я пошлю, и веди что дѣлать, дѣлай безъ размышленій, что требую отъ твоей собственности—безъ жалѣнія подавай, и отнюдь своей воли не смѣй имѣть, ты не долженъ ничего дѣлать безъ моей воли и безъ моего благословенія.“ ** Если таинственно

* *Посланіе Василія Радаева. Сообщеніе священника Минервина чиновнику особыхъ порученій нижегородскаго губернатора Хотимцову въ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

** Тамъ же.

воскресній велить ограбить кого-нибудь, убить или даже самому себя лишитъ жизни, хлысть или скопецъ исполнить это безъ думы, безъ сожалѣнія, и никогда не придетъ ему въ голову что онъ совершилъ преступленіе; онъ останется въ полной увѣренности что исполнилъ святую волю самого Господа. Что хлыстовскіе и скопческіе старшины отдають такіа повелѣнія, можетъ служить доказательствомъ показаніе пророка Никифора Майданскаго, который при допросѣ говорилъ что онъ свято исполняетъ повелѣніе Арины Лазаревны, объявившей ему что явная милостыня до Бога не доходитъ, а только одна тайная, и что если для сотворенія тайной милостыни нѣтъ у него ничего, то долженъ онъ украсть у богатаго и подать нищему тайно. * Чистота и безбрачіе составляютъ, по понятіямъ хлыстовъ, самую высокую добродѣтель, безъ которой нельзя достигнуть таинственнаго воскресенія. Чистота и безбрачіе заповѣданы самимъ савооомъ Данилой Филипповичемъ, но если пророкъ велить нарушить чистоту, это исполнится какъ велѣніе Бога. Такъ Радаевъ въ посланіяхъ своихъ хотя и завѣщаль: „хранить чистоту яко зѣнцу ока“, хотя на бесѣдахъ безпрестанно твердилъ: „пробудьте въ чистотѣ, такъ велитъ Богъ“, но иногда съ послѣднимъ звукомъ подобныхъ рѣчей обращался къ шестнадцатилѣтней ученицѣ, говоря: „не я, но Духъ Святой велитъ тебѣ идти со мною“, и дѣвушка, безъ стыда, безъ размышленія, спѣшила повиноваться, съ глубокимъ убѣжденіемъ что она исполняетъ волю Божію, что она обязана исполнить ее. По произведенному слѣдствію оказалось что Радаевъ былъ въ связи съ тринадцатью женщинами и дѣвущками. Всѣ эти женщины единогласно показали при допросахъ: „сказалъ онъ мнѣ что это надо сдѣлать по волѣ Божіей, а не по его, ибо въ немъ своей воли нѣтъ, чему вѣруя, я согласилась“. Радаевъ не отрекся въ этомъ предъ судомъ. „Я дѣлалъ это“, сказалъ онъ предъ слѣдственной комиссіей, „не по своей волѣ, а по волѣ Святаго Духа, во мнѣ дѣйствующаго.“ По ученію хлыстовъ и скопцовъ самый тяжкій грѣхъ—гордость, уничиженіе же себя тѣломъ и духомъ составляетъ первѣйшее условіе для достиженія таинственнаго воскре-

* *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показаніе Никифора Майданскаго.

сенія. * На этомъ основаніи Радаевъ училъ, что самое цѣломудріе дѣвицы или чистая жизнь вдовы не что иное какъ смертный грѣхъ гордыни, что дѣвушка не должна хранить дѣвства, дабы не было ей чѣмъ гордиться предъ потерявшими себя подругами.

Другое условіе для достиженія таинственнаго воскресенія состоитъ въ отвлеченіи мыслей отъ всего внѣшняго. Въ каждомъ человѣкѣ, говорятъ хлысты и скопцы, есть царствіе Божіе, то-есть откровеніе Бога, „внутреннее Евангеліе“, по выраженію Радаева. Нисходи въ самого себя, опускайся въ самого себя какъ въ могилу, то-есть „спогребайся Христу крещеніемъ въ смерть“, и ты услышишь говорящій въ тебѣ Духъ Божій, говорятъ люди Божіи. Когда заговорить внутри тебя этотъ голосъ Духа Божія, ты таинственно воскресь.

Третье условіе необходимое, по ученію ереси людей божіихъ и скопческой, для достиженія таинственнаго воскресенія состоитъ въ умерщвленіи плоти. Въ доказательство тому они приводятъ слова апостола „да упразднится тѣло грѣховное ** да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ нашемъ тѣлѣ во еже послушати его въ похотѣхъ его ***, аще ли духомъ дѣянія плотскія умерщвляете — живы будете,“ **** то-есть таинственно воскреснете, прибавляютъ они. Образъ умерщвленія плоти у хлыстовъ различенъ: одни держатъ строгіе посты во дни опредѣленные православною церковью и даже прибавляютъ къ нимъ еженедѣльный постъ по понедѣльникамъ, другіе, говоря что „брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ“ совершенно отвергаютъ постничество въ опредѣленные дни, нѣкоторые хлысты ѣдятъ всякую пищу кромѣ мясной безъ разбора, но въ маломъ лишь количествѣ, другіе питаются только хлѣбомъ, рыбой и медомъ, какъ явствами, объ употребленіи которыхъ Иисусомъ Христомъ говорится въ Евангеліи. Вообще собранныя въ разныхъ

* Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщина или хлыстовщина*, говорить что учителя хлыстовскіе на бесѣдахъ даютъ иногда другъ другу оплеухи. Получившій ее подставляетъ другую щеку, и кто терпѣливѣе сноситъ заушенія, тому приписывается больше святости.

** *Посланіе къ Римлянамъ*. VI, 6.

*** *Посланіе къ Римлянамъ*. VI, 12.

**** *Посланіе къ Римлянамъ*. VIII, 13.

губерніяхъ свѣдѣнія объ умерщвленіи хлыстами плоти, особенно же о постахъ, до такой степени разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить каждый ли „корабль“, каждый ли даже сектаторъ держится особенныхъ правилъ, или же постепенно переходитъ отъ одной степени воздержанія къ другой, подобно тому какъ они, по словамъ Радаева, должны переходить различныя степени самоотверженія, преданности и униженія. Въроятнѣе всего, что правила послѣдователей ереси людей божіихъ, до умерщвленія плоти относящіяся, зависятъ отъ повелѣнія таинственно воскресшихъ, которые въ одномъ кораблѣ повелѣваютъ одно, въ другомъ другое. Въ большей части кораблей хлыстовскихъ и у всѣхъ бѣлыхъ голубей возбранено употребленіе мяса, вина, пива и табаку.

Безбрачіе и чистота составляютъ непремѣнное условіе нравственности хлыстовъ. Вступающій въ ихъ секту, если женатъ, долженъ прекратить супружескія отношенія съ женой. Гласнаго расторженія брака при этомъ не бываетъ; живя въ одномъ домѣ и однимъ хозяйствомъ, супруги должны жить въ братскомъ согласіи, но не болѣе. Вообще собраныя въ разныхъ губерніяхъ свѣдѣнія о безбрачіи и чистотѣ хлыстовъ оказываются до крайности противорѣчивыми. Хлысты представляются то достигшими высшей степени безстрастія, то предающимися иногда грубому разврату, то поставляющими себѣ въ главную заслугу сохраняемое цѣломудріе, то признающими что сохраненіе дѣвства есть смертный грѣхъ, равный гордости. Всѣ эти противорѣчія можно объяснить лишь тѣмъ, что каждый корабль людей божіихъ держится правилъ предписываемыхъ кормщикомъ, и что повелѣнія сихъ изступленныхъ людей не подлежатъ никакимъ обязательнымъ для нихъ правиламъ или уставамъ.

Какимъ образомъ происходитъ таинственно евоскресеніе, Радаевъ, въ показаніи данномъ слѣдственной комиссіи, разказываетъ такъ: „сначала я сомнѣвался, не ошибочно ли я думаю что во мнѣ Духъ Божій, полно нѣ вражій ли, но когда въ сердцѣ моемъ сказалъ Духъ: „молись Божіей Матери“ и я исполнилъ, молившись цѣлую недѣлю, то Духъ Святой сталъ мною „водить“, и когда случилось что противился я Духу, за это страдалъ недѣлю по шести.... Я сталъ жить въ кельи — въ лѣсу, на пчельникѣ, куда перетаскалъ и книги свои, — вдругъ меня сильно двинуло и

стало захватывать дыханіе, и сталъ я умирать таинственно. Послѣ того ходилъ я исповѣдываться къ священнику, но Духъ къ причастію меня не допустилъ. Я сдѣлался боленъ, а потомъ чрезъ недѣлю почувствовалъ въ себѣ Духа Божія говорящаго: „вставай, иди причащаться“. Я всталъ и былъ весь здоровъ, но воли своей во мнѣ уже не было. Я причастился и ободрился, и начало меня „гонять“ и „водить“ Духомъ Божиимъ. Съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Святой Духъ.“ *

* Показаніе Василія Радаева въ *свидѣтельствѣхъ дѣлѣ объ арзамасскихъ свѣстахъ*: „Женщина одна хворала и пришла просить меня помазать ее елеемъ. Я сталъ брать изъ лампадки масло, но Святой Духъ остановилъ меня и велѣлъ ей дать только свѣчей да ладану. Когда же она ушла, Духъ Божій послалъ меня къ ней: она говоритъ что поправилась отъ болѣзни, хочетъ жить жизнью лучшею, но Святой Духъ сказалъ мнѣ что она жить больше не будетъ, и она на утро умерла. Имя же ей было Евгенія, села Волчихи крестьянка.... Я всегда приказывалъ молиться съ зажженною лампадой, но нѣкоторыя дѣвки по скупости этого не исполняли, когда я ходилъ къ дѣвкамъ, то по Святому Духу это узнавалъ, и каждый разъ у нихъ за то масло вылавывалъ.... Во Вторусскомъ (деревня Арзамасскаго уѣзда) сѣна Кузьмы Петрова была приведена ко мнѣ одной дѣвучкой и говоритъ, что третій годъ у нихъ нездорова женщина; на это Святой Духъ приказалъ мнѣ дать ей воды. Перекрестившись, я исполнилъ это, и отъ того часа она стала здорова. Кто же приходилъ ко мнѣ съ невѣріемъ въ меня, съ желаніемъ лишь испытать меня, съ тѣми ничего я не дѣлалъ и выгонялъ ихъ вонъ, во всемъ этимъ дѣйствовалъ не я, а Духъ Святой, *всюду вода меня и повертывал*. Когда же я вдохновлялся, то чувствовалъ въ себѣ радость несказанную, слезы, умиленіе и смиреніе.... Духъ Божій открывалъ мнѣ и то кто какой жизни: кто дурной, а кто хорошей. Такъ однажды сидѣлъ я въ кельи, и пришла ко мнѣ женщина, которая по Духу была мнѣ неприятна, тогда я, по воли Духа Святаго, выслалъ ее. Меня отъ нѣкоторыхъ людей отверщало. Я прихожу иногда въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголанья, и вообще со мною случаевъ видимой благодати Духа Святаго было много, но всѣхъ не припомню. Подобныя видѣнія случались и съ Никифоромъ (Майданскимъ). Вообще благодать Святаго Духа и надъ нимъ большая, и все у насъ одно, разница лишь въ томъ, что я въ поступкахъ поблестательнѣе его буду. Духъ Божій кладетъ меня иногда наземь крестомъ, иногда приводитъ меня въ восторженья тѣлодвиженія, во время которыхъ я себя не помню. Здѣсь (въ Арзамасѣ, въ острогѣ) хотя все это я и чую, но не проявляю потому что окружающіе меня люди не поймутъ меня.“

Достигшій таинственнаго воскресенія дѣлается учителемъ своей общины и получаетъ званіе „кормщика корабля“. * Власть его безгранична, самые безнравственные поступки его объясняются, какъ сказано выше, не иначе какъ таинственною волей самого Бога. Сомнѣваться въ святости кормщика все равно что сомнѣваться въ святости и всемогуществѣ Бога. * Пророки или кормщики весьма часто прикидываются юродивыми и нерѣдко въ самомъ дѣлѣ оказываются страдающими черною немочью или падучею болѣзнию. * Подъ такой личиной они почти всегда остаются незамѣтными какъ для полиціи такъ и для духовенства; народъ же обыкновенно считаетъ ихъ такъ-называемыми блаженными.

* Пророкъ Никифоръ Маїданскій въ показаніи своемъ сказалъ: „каждое общество (хлыстовское) имѣть значеніе корабля, а на нашемъ золотомъ кораблѣ кормщикомъ Василій (Радаевъ), который и на меня низвелъ Святой Духъ.“

** Такъ хлыстъ Федоръ Матрешкинъ о Радаевѣ показалъ: „та женщина, которая повидимому съ нимъ (Радаевымъ) поступаетъ хуже, лучше поступаетъ для души своей.“ Самъ Радаевъ пишетъ въ своемъ посланіи: „съ которой я, повидимому, хуже поступаю, та лучше устоитъ, потому что я самъ за нее молиться стану; которая же опасается и бережется — не устоитъ. О сколь велико безуміе дѣлаютъ тѣ которые себя берегутъ! Развѣ онѣ умѣе Бога? Коль себѣ великій убытокъ дѣлаютъ и душамъ: вѣдь это онѣ Бога безразсуднымъ почитаютъ; не вѣрятъ Богу. Человѣкъ бранный учитъ Бога какъ его спасати! О сѣпости! О безуміе! Ты ли умѣе Бога? Его разсуждаеши и Его уставаеши какъ тебя спасати? Его поступокъ самый скверный лучше твоей чистоты въ миллионъ разъ. Богъ-то во едины сутки устроить въ такую степень святости, что ты своими добрыми дѣлами въ двадцать лѣтъ до того не достигнешь. О маловѣры!“

*** Василій Радаевъ, въ своемъ показаніи, говоритъ: „съ Никифоромъ Маїданскимъ случается то же самое что и со мною, только онъ прикидывается больше меня дурацимъ.“ Изъ сообщенія священника Минервина г. Хотяинцову видно, что арзамасскіе хлысты по взятіи Радаева подъ стражу стали юродствовать. „И столько сильны дѣйствія его (Радаева) оболъщенія, говоритъ священникъ Минервинъ, что оными пораженное сердце впадаетъ въ крѣпкое страданіе тоски, и не могутъ они съ нимъ переносить разлуки, въ особенности же женскій полъ. Если онѣ удерживаются страхомъ наказанія или какой бы то ни было строгостію воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать.“

VII.

До сихъ поръ мы представляли на первомъ планѣ арзамаскаго учителя хлыстовъ Василья Максимовича Радаева, замѣчательнаго особенно тѣмъ что послѣ него осталось письменное изложеніе его вѣрованій. Обратимся теперь къ современникамъ его христамъ Тамбовской губерніи: отцу и сыну Копыловымъ, Нѣмцову и другимъ.

Хлыстовщина въ Тамбовской губерніи, была извѣстна еще въ прошломъ XVIII столѣтіи; тогда она особенно была распространена въ нынѣшнихъ уѣздахъ Моршанскомъ, Курсановскомъ, Борисоглѣбскомъ, Усманскомъ и Тамбовскомъ. Вообще ни въ одной изъ русскихъ губерній нѣтъ столько хлыстовъ какъ въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ. Въ этихъ же губерніяхъ была и колыбель секты бѣлыхъ голубей.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ селѣ Перевозѣ Курсановскаго уѣзда, явился христосъ людей Божіихъ Аввакумъ Ивановичъ Копыловъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже старикомъ. Былъ онъ вдовецъ и жилъ въ особой кельѣ на усадьбѣ сыновей своихъ. Церковную печать читалъ Аввакумъ Копыловъ хорошо, и все свое время посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ и молитвъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ безпрерывно постился. Однажды, еще въ молодости его, разказывали тамбовскіе хлысты на слѣдствіи, * послѣ сорокадневнаго поста, въ теченіи котораго Копыловъ не ѣлъ ни крошки хлѣба и даже не пилъ воды, поддерживая себя одною молитвою, онъ былъ взятъ на седьмое небо двумя ангелами, оставившими плоть его на землѣ, а душу представившими къ Богу. Такимъ образомъ былъ онъ взятъ на седьмое небо живымъ. На седьмомъ небѣ Аввакумъ говорилъ съ Богомъ изъ устъ въ уста и былъ о немъ гласъ отъ Бога: „сей есть сынъ мой возлюбленный о немъ же благоволите“. Въ бесѣдѣ этой Богъ повелѣлъ Аввакуму доходить по

* Слѣдствіе это было произведено въ 1851 году г. Набоковымъ (нынѣ статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества), бывшимъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при тамбовскомъ губернаторѣ г. Вулаковѣ.

книгамъ (то-есть священнымъ) о томъ какъ избавиться грѣха и какъ спасти душу, а потомъ научить сему и ближнихъ своихъ. Возвратясь съ седьмага неба на землю, Аввакумъ отправлялся будто бы къ тогдашнему тамбовскому преосвященному Аѳанасію, которому разказалъ про свою жизнь и про бывшее ему видѣніе. Преосвященный Аѳанасій, выслушавъ Аввакума, сказалъ будто бы что это очень хорошо, и что ему самому было подобное видѣніе, что и онъ получилъ частицу благодати Божіей; но въ послѣдствіи не соблюлъ по жизни, и та благодать отъ него отпала. Для облегченія же Аввакуму пути къ собственному и ближнихъ его спасенію, епископъ Аѳанасій подарилъ будто бы ему двѣ книги, одну: *О истинныхъ каждаго христіанина должностяхъ*, соч. Св. Тихона Задонскаго, а другую *Чинovníкъ*, по которому архіереи служатъ обѣдню. Въ послѣдователяхъ Аввакумъ Ивановичъ недостатка не имѣлъ, ученіе его въ теченіи двадцати лѣтъ распространилось по уѣздамъ: Курсановскому, Тамбовскому и Борисоглѣбскому, Тамбовской, Аткарскому—Саратовской; Ростовскому—Екатеринославской и Бузулуцкому—Самарской губерній. Первою послѣдовательницей его была подвизавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ постахъ и молитвахъ крестьянка того же села Перевоза, Татьяна Макарова Черно-свитова, по народному прозванію Ремизова. Она, по разказамъ тамбовскихъ хлыстовъ, хотя и не удостоилась быть взятою на небо, но послѣ сорокадневнаго поста получила благодать Святаго Духа: не зная до того грамотъ, вдругъ начала пророчествовать, читать священное писаніе и обличать людей въ скрытныхъ грѣхахъ и тайныхъ помышленіяхъ. Спустя почти двадцать лѣтъ послѣ видѣнія бывшего Копылову, слухъ объ его разказахъ и о пророчествахъ Ремизовой дошелъ до свѣдѣнія начальства; ихъ призвали къ слѣдствію, и они объявили себя на судѣ посланниками Бога и разказали чтó съ ними было. Въ курсановскомъ тюремномъ замкѣ Аввакумъ Копыловъ умеръ, а Ремизова отправлена была на поселеніе.

Послѣ смерти Аввакума, случившейся въ самое Свѣтлое Воскресенье, и ссылки Татьяны, послѣдователи ихъ, видя въ нихъ мучениковъ за истинную вѣру, еще сильнѣе привязались къ проповѣданному ими хлыстовскому ученію. Они стали всѣхъ увѣрять что преосвященный Аѳанасій будто бы далъ Копылову охранную грамоту къ земскимъ властямъ и духо-

венству, которою приказывалъ Аввакума и послѣдователей его не тревожить и въ постыческой жизни не стѣснять; но что когда начались гоненія отъ земскихъ и духовныхъ властей, то Аввакумъ будто бы изорвалъ эту грамоту, говоря „всѣ святые за вѣру терпѣли, и мнѣ, святому, надо пострадать съ ними навравнѣ“.

Не задолго до арестованія Аввакума, родной сынъ его Филиппъ Копыловъ (который, какъ показывали сами хлысты, велъ дотогѣ жизнь разгульную, предаваясь пьянству), вмѣстѣ съ такимъ же гулякой, крестьяниномъ села Перевоза, Перфиломъ Петровичемъ Кутасоновымъ, послѣдовалъ ученію отца своего. Не взирая на прежнюю жизнь Филиппа и Перфила, и они вскорѣ удостоились будто бы особой благодати Святаго Духа, а Филиппъ, по преемству отъ отца, по смерти его сдѣлался главою собраннаго имъ корабля. И Филиппъ Копыловъ, и Кутасоновъ знали грамотѣ; первый изъ нихъ выучился самоучкой. Кутасоновъ, бывшій въ работникахъ у Копыловыхъ, захотѣлъ по примѣру ихъ сдѣлаться главою корабля и завелъ съ Филиппомъ споры о какихъ-то правилахъ своей вѣры. Слѣдствіемъ этихъ споровъ было раздѣленіе хлыстовъ села Перевоза на два корабля. При Филиппѣ мѣсто богородицы Татьяны замѣнила теща его, крестьянка села Перевоза, Меланья Захаровна Хованская; она пророчествовала, обличала людей въ грѣхахъ и сокровенныхъ мысляхъ, и на нее смотрѣли какъ на мученицу, потому что ея мужъ билъ и истязалъ ее всячески. Но богородица Меланья вскорѣ привлекла къ своей сектѣ мужа и старшаго своего сына Фому. Отецъ и сынъ Хованскіе переселились въ Бузулуцкій уѣздъ, Самарской губерніи (въ деревню Андреевку), оставивъ богородицу Меланью въ Перевозѣ. Въ Самарской губерніи они распространили хлыстовское ученіе, извѣстное тамъ болѣе подъ названіемъ „монтанской секты“.

Въ корабль Перфила богородицей и пророкицей явилась крестьянка Тамбовскаго уѣзда, села Тугодукова, Лукерья Астаховна Камбарова, а пророкомъ—крестьянинъ Тамбовскаго уѣзда, деревни Аванасьевки, Еоимъ Кузьминъ. Имъ обоимъ, какъ и Аввакуму, были посланы, по сказанію хлыстовъ, отъ Бога разныя видѣнія. Лукерья, какъ сама она показала на допросѣ, было видѣніе во время припадка, нерѣдко случающагося съ женщинами извѣстными въ народѣ подъ именемъ

„кликнуть“, къ которымъ и она принадлежала. По разказамъ хлыстовъ, она въ это время тоже была взята къ Богу на седьмое небо, а потомъ неизвестныя ей существа показывали ей муки грѣшниковъ въ аду и водили ее по раскаленнымъ плитамъ. Тутъ Богъ обѣщалъ ей за святую и чистую жизнь вѣчное блаженство въ будущей жизни. Пастухъ Еюимъ Кузьминъ не былъ взятъ на небо, но паса овецъ, видалъ неоднократно небо отверстымъ и слышалъ ангеловъ поющихъ что-то въ родѣ псалмовъ. И Лукерья, и Еюиму было дано отъ Бога творить все что творили богородицы Татьяна Ремизова и Меланья Хованская.

Такими же главами особыхъ кораблей, отдѣлившихся отъ одинаго Аввакумова корабля, и христами были: въ деревнѣ Березовкѣ * Василій Лукьяновичъ Манаенковъ, а въ селѣ Уваровѣ Софронъ Ивановичъ Нѣмцовъ. При Манаенковѣ были три пророка: Федоръ Наумовичъ Нехорошевъ, Карпъ Григорьевичъ Милооердовъ и Алексѣй Алексѣевичъ Осиповъ. У Софрона Нѣмцова пророкомъ былъ сынъ его Меркулъ. По смерти христа Филиппа Копылова и богородицы Меланьи, корабль ихъ, вмѣстѣ съ кораблями Манаенкова и Нѣмцова, поступилъ подъ начало жены Филипповой, богородицы Анисьи Ивановой Копыловой, при которой пророчицей состояла крестьянка села Ржаксы, Кирсановскаго уѣзда, Мавра Галактионовна Нѣмцова.

Ученіе Аввакума Копылова состояло въ слѣдующемъ: всѣ обыкновенные православные христіане живутъ по вѣрѣ ветхаго Адама и суть дѣти ветхаго рожденія; человекъ во грѣхѣ зачинается и во грѣхѣ рождается; для избавленія отъ грѣха надо отрѣшиться отъ міра, что достигается постомъ, молитвою и удаленіемъ отъ женщинъ. Сообщеніе съ женщинами, по ученію Аввакума Копылова и по мнѣнію всѣхъ хлыстовъ, самый тяжкій изъ всѣхъ грѣховъ. Запрещается ѣсть мясо, рыбу, лукъ, чеснокъ, картофель и пить вино. „въ немъ же есть блудъ“ по словамъ апостола Павла. Запрещается ходить на игрища, ругаться екверными словами, а женщинамъ не позволено носить нарядовъ и украшеній, для скромности же повелѣвается имъ повязывать платки на головѣ какъ можно ниже на глаза. Кто все это соблюдеть во всей строгости, тотъ не только достигнетъ

* Выселокъ села Уварова, Ворисоглабскаго уѣзда.

въ будущей жизни вѣчнаго блаженства, но и здѣсь на землѣ сподобится благодати Святаго Духа и даже удостоится сдѣлаться сыномъ или дочерью Божіею, равными Іисусу Христу и Пречистой Дѣвѣ Маріи. Сказано (?), говорятъ тамбовскіе хлысты, въ писаніи: „кто отъ кого рожденъ тотъ того именовемъ и называется“; мы же всѣ родились черезъ отреченіе отъ грѣха къ новой жизни, обновившись духомъ, а потому и стали обновленными и первенствующими христіанами, рожденными отъ Бога-Слова, отъ Христа, который самъ есть воплощенное Слово Божіе. Сказано также въ писаніи, говорятъ они: „кто заповѣди мои соблюдаетъ и пути моя сохраняетъ, тотъ во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ“. Отъ того, продолжаютъ они, всѣ строго исполняющіе заповѣди нашей вѣры удостоиваются вселенія въ нихъ Бога, Слова и Святаго Духа. Муцины удостоившіеся сего суть христы, женщины — богородицы. Въ Тамбовской губерніи удостоивались отъ хлыстовъ божескаго почитанія и поклоненія: самъ Аввакумъ и сынъ его Филиппъ Копыловы, Софромъ Нѣмцовъ, Василій Манаенковъ и Перфілъ Катасоновъ. Богородицами и пророчицами были: Татьяна Ремизова, Меланья Хованская, ея дочь (жена Филиппа Копылова) Анисья Иванова и Лукерья Камбарова.

Власть хлыстовъ и богородицъ только духовная; они отпускаютъ грѣхи, разрѣшаютъ принятіе въ общину новыхъ лицъ и совершаютъ разные обряды. Всѣ сектанты составляютъ одинъ союзъ братьевъ и сестеръ, въ которомъ заповѣдуются почитать себя другъ другу равными, жить въ тѣсной братской любви и помогать другъ другу во всѣхъ нуждахъ. На основаніи ученія Аввакума Копылова, сказавшаго что можно спастись только по образу жизни имъ заповѣданному, тамбовскіе хлысты утверждаютъ что всѣ находящіеся внѣ ихъ союза, то-есть всѣ не хлысты, погибнуть въ вѣчныхъ мукахъ. На томъ же основаніи они не признаютъ ни православнаго духовенства, ни святости таинствъ ими совершаемыхъ. „Мы почитаемъ священниковъ какъ богослововъ, говорятъ они, но примѣру жизни ихъ подражать не можемъ, потому что они пьютъ жемъ и раждаютъ дѣтей. Если бы священники жили какъ должно, они были бы столпами церкви и солию земли, чего на дѣлѣ нѣтъ. Священники пьютъ вино, а въ винѣ блудъ, священники ѣдятъ мясо, а оно рождаетъ похоти. По этому священникъ и не можетъ отпустить

грѣховъ и въ благословеніи своемъ передать Духа Святаго, ибо самъ его лишень.“ Хлысты своими обрядами замѣнили церковныя таинства, не гнушаясь впрочемъ ими и видя въ нихъ напоминанія Божественнаго ученія, только пользы отъ нихъ для души не предполагаютъ. Ходятъ они постоянно въ церковь и священниковъ ко всѣмъ требамъ православной вѣры призываютъ, такъ повелѣлъ христосъ Аввакумъ Копыловъ, дабы строго сохранить свою вѣру въ тайнѣ, ибо еще не пришла времена торжества ея, говорятъ хлысты, но современемъ она восторжествуетъ. Для сохраненія этой вѣры Аввакумъ завѣщалъ ученикамъ своимъ терпѣливо сносить гоненія и муки, такъ какъ истинная вѣра ихъ должна быть гонима до скончанія вѣка. Замѣняются таинства православной церкви въ сектѣ Аввакума Копылова слѣдующимъ образомъ: Крещеніе совершается не при рожденіи, а въ совершенные года, когда человѣкъ чрезъ постъ и молитву достигнетъ благодати Святаго Духа и такимъ образомъ крестится духомъ. Другое же крещеніе совершаемое надъ нимъ въ то же время, есть тѣлесное или плотское. Совершается оно посредствомъ поставленія образа на голову и поливанія водою безъ всякихъ особыхъ молитвъ. * Таинство евхаристіи изображается у нихъ раздачей хлѣба и воды; хлѣбъ изображаетъ слово Божіе, вода—слезы кающихся грѣшниковъ. Покаяніе совершаютъ они предъ своими христами, богородицами и пророками по нѣскольку разъ въ годъ, на основаніи повелѣнія христа Аввакума, сказавшаго: „первенствующему христіанину надлежитъ приносить покаяніе еженедѣльно, а внѣшнему мірянину (то-есть не хлысту) только одинъ разъ въ году“. Такъ какъ они считаютъ себя первенствующими христіанами, то и каются какъ можно чаще. Всѣ эти таинства совершаются на собраніяхъ христами, богородицами или пророками. На тѣхъ же собраніяхъ бывають у нихъ: плачь о грѣхахъ, поклоненіе въ ноги христу и богородицѣ, а равно и другъ другу, смиренія ради. ** Грѣховъ на собраніи утаить

* Въ другихъ корабляхъ, сколько намъ извѣстно, воднаго крещенія у хлыстовъ вовсе не бываетъ.

** Въ другихъ хлыстовскихъ корабляхъ земное поклоненіе другъ другу означаетъ поклоненіе образу Божію, ибо, говорятъ хлысты, а также и скопцы, не доска, расписанная красками, а человѣкъ, созданный по образу и подобию Божію, есть истинный образъ Господа, достойный поклоненія. Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщиной или хлыстов-*

нельзя, ибо пророки изобличаютъ ихъ. Эти же пророки на собраніяхъ предсказываютъ будущее, читаютъ писаніе не зная грамоты, „по гласу“, какъ они выражаются, творятъ и другія чудеса, напримѣръ, кладутъ образа, кому въ ноги, кому на голову, кому къ сердцу, означая тѣмъ кто какъ почитаетъ Бога; одѣваютъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ въ особую одежду, иныхъ въ свѣтлую и новую, другихъ въ дрянную и ветхую, означая тѣмъ, какъ кто одѣтъ такъ, у того и душа украшена добродѣтелями или помрачена пороками. Надѣваютъ также нѣкоторымъ изъ присутствующихъ на голову вѣнки изъ соломы или изъ вѣтвей, означая тѣмъ избранныхъ и вѣнчаныхъ постниковъ. Всѣ эти обряды совершаются, какъ сказано, христами, богородицами и пророками; особыхъ молитвъ при этомъ не читается. Писаннаго устава или закона у хлыстовъ нѣтъ. Пляски и круженія или, какъ называютъ ихъ тамбовскіе хлысты, „хожденія“, ввелъ христосъ Филиппъ Копыловъ, при отцѣ его не кружились. Хлысты увѣряютъ что эти хожденія дѣлаются невольно, отъ какой-то неизяснимой радости, бывающей послѣ усиленныхъ постовъ. Пляска эта продолжается нерѣдко до тѣхъ поръ пока отъ усталости взмокнутъ рубахи, которыя тогда скидаютъ, и пляшутъ нагими до упада. Сектанты называютъ себя „богомолдами“, „постниками“, „обновленными“ и „первенствующими христіанами“.*

иной, говоритъ о калужскихъ хлыстахъ: „При народѣ кажутся они небожны и богомольны, а въ домахъ своихъ никогда почти (на иконы) не молятся, креста и иконы не почитаютъ, но вмѣсто того молятся сами на себя; лучше-де покланяться живымъ иконамъ чѣмъ доскамъ неодушевленнымъ, кои ничего не говорятъ и не творятъ.... Молятся на портретъ (своего христа) съ крестнымъ знаменіемъ въ земаю, какъ и на себя. На себя молятся при всякомъ свиданіи. Когда придутъ къ своимъ, по обычаю, помолятся святымъ иконамъ, а потомъ спрашиваютъ: „чистъ ли полъ?“ Если изъ постороннихъ нѣтъ въ домѣ никого, хозяева отвѣчаютъ что полъ чистъ, и тогда начинается взаимное челобитіе, если же есть кто-нибудь изъ непрінадлежащихъ къ хлыстовской сектѣ, то отвѣчаютъ что полъ не чистъ, и тогда говорятъ о житейскихъ предметахъ.“ О поклоненіи другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ разказываетъ и Иванъ Андриановъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи, поданномъ имъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу.

* Мы не представляемъ ученія и обрядовъ хлыстовъ открытымъ въ другихъ губерніяхъ. Мы привели свидѣнія о тамбовскихъ „бого-

VIII.

Хлысты и скопцы, какъ было уже сказано, наружно исполняютъ всѣ обряды православной церкви, ходятъ часто въ церковь, исповѣдаются, причащаются и слыгутъ за самыхъ благочестивыхъ людей. Привлекаемыхъ въ свою ересь они сначала въ продолженіи нѣкотораго времени держатъ въ полной увѣренности что они истинные православные христіане. „Попы насъ не поучаютъ, такъ надо самимъ книги читать“, говорятъ они соблазняемь, и сначала учатъ ихъ: непрестанно

молахъ“ только потому что они были не безъ вліянія на моршанскихъ бѣлыхъ голубей, и что отъ нихъ произошелъ петербургскій скопческій корабль въ Кабинетской улицѣ. Упомянемъ еще только о хлыстовщинѣ въ великорусскихъ губерніяхъ. Нѣкоторые утверждаютъ что между Малоруссами нѣтъ хлыстовщины. Это несараведливо; мы имѣемъ подъ руками нѣсколько дѣлъ доказывающихъ противное. Вотъ, наприкладъ, одно изъ нихъ. Въ 1828 году въ Подольской губерніи производилось дѣло о христѣ штабсъ-капитанѣ Савицкомъ и о царцѣ небесной Домнѣ, дочери одного православнаго священника. Савицкій, оставивъ военную службу, поступилъ послушникомъ въ Бершадскій монастырь (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ), но тамъ подражая съ монахами и былъ исключенъ изъ духовнаго вѣдомства въ 1824 году. Но выходя изъ монастыря Савицкій шатался по разнымъ мѣстамъ, особенно же по Немирову и въ селеніяхъ Кривомъ Озерѣ и Любомирѣ, гдѣ были у него ученики. Но главное гнѣздо секты христа Савицкаго осталось въ Бершадскомъ монастырѣ; жившіе тамъ послушники: Алексѣй и Тимофей Пашуты, Моисей Лемцовъ и Павелъ Кушмиръ, были ревностнѣйшими его послѣдователями. Въ Немировѣ, Кривомъ Озерѣ и Любомирѣ, Савицкій совершалъ свои вечера и заутрени. Кушмиръ открыто проповѣдывалъ что христосъ вновь явился въ лицѣ Федора Савицкаго. Было разглашаемо и между Евреями что пришелъ Мессія подъ видомъ штабсъ-капитана. Кушмиръ распространялъ въ народѣ что Іисусъ Христосъ послалъ на землю вмѣсто Себя Савицкаго, какъ обѣщаннаго въ Евангеліи Утѣшителя, что онъ есть царь, будетъ обладать всею вселенною и имѣть войско; кто не будетъ вѣровать въ христа Савицкаго и ему поклоняться, тотъ погибнетъ на вѣки во адѣ. Кушмиръ говорилъ что скоро будетъ война, и христосъ Савицкій всѣхъ побѣдитъ, сдѣлается царемъ всей вселенной, а женой у него будетъ царица небесная Домна, окруженная

творить молитву Иисусову, * ходить какъ можно чаще въ церковь, чтить православныхъ священниковъ и пр. Послѣ того хлысты внушаютъ имъ, что „есть на свѣтѣ праведные люди, въ которыхъ пребываетъ благодать Святаго Духа, а въ иныхъ и самъ Богъ живетъ; такой человекъ, говорятъ они, можетъ вязать и рѣшать, выводить грѣшныя души изъ ада въ царство небесное“, ** но кто именно эти люди и гдѣ они находятся — пока умалчиваютъ. Затѣмъ хлысты поучаютъ что должно „терпѣть всѣ бѣды, всѣ напасти и скорби“, *** вести жизнь воздержную, всячески унижать себя, служить всѣмъ и у всѣхъ быть въ повиновеніи, не ѣсть мяса, не пить вина и пива **** не употреблять табаку, не поминать имени діавола, въ случаѣ же крайности называть его „врагомъ“, или „не хорошимъ“, не пѣть мірскихъ пѣсень, не плясать, не сказывать и не слушать сказокъ

избранными дѣвицами. У христа-царя-штабсъ-капитана были свои апостолы, изъ нихъ Кухниръ былъ старѣйшимъ, другіе же: два Пашуты, Лемповъ и Калалаицкѣ. Самъ Савицкій говорилъ что онъ сынъ божій и антихристъ, но что антихристъ не есть какое зло, но означаетъ „агнецъ-крестъ“. Дочь священника царица небесная Домна говорила, что вида великіе молитвенные подвиги Савицкаго, она вѣритъ что онъ „свѣтой антихристъ“. Крестьянка Александра, дочь одного жителя мѣстечка Чечельника, была у нихъ пророчицей и находилась въ столь же близкихъ отношеніяхъ къ Кухниру какъ повская дочка царицы небесная къ христу-штабсъ-капитану. (*Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1828 года, № 120). Не только между Малороссами, но даже между крещеными Остяками въ Сибири, между Чухонцами подъ Петербургомъ были открываемы послѣдователи хлыстовской ереси.

* *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Первое показаніе крестьянина Федора Павлова: „ученіе его (Радаева) состояло въ томъ чтобы непрестанно творить молитву Иисусову.... Отъ церкви учениковъ своихъ онъ нисколько не отвращалъ, а толковалъ что непрестанно надобно въ ней пребывать.“ То же самое показало и другіе арзамаскіе хлысты, а крестьянинъ Иванъ Васильевъ прибавилъ: „поученіемъ своимъ заставлялъ Радаевъ ходить въ церковь и почитать священниковъ великими людьми.“

** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Второе показаніе Федора Павлова.

*** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.* Показаніе Аграфены Зюзиной.

**** *Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ.*

и всегда пребывать въ цѣломудріи. Завлекая постепенно въ свои сѣти не знающаго ихъ настоящаго ученія, хлысты приглаголяютъ наконецъ его на свои бесѣды, но въ это время ничего противнаго православію не дѣлаютъ и не говорятъ, * а только читаютъ церковныя книги, толкуютъ ихъ, и поютъ иногда псалмы Давидовы. Доведа завлекаемаго до того что онъ станетъ во всемъ имъ вѣрить, начинаютъ ему открывать что люди, въ которыхъ пребываетъ Духъ Святой, находятся между ними, что истинная Христова вѣра погибла на землѣ и сохранилась только въ ихъ обществѣ, что никакихъ книгъ не нужно, кромѣ единой „Книги Голубиной“, „Книги Животной“, то-есть живущаго внутри человѣка и учающаго его Духа. Наконецъ они объявляютъ совращаемому что Богъ всегда пребываетъ съ ними, и если кто поступитъ въ ихъ общество, на того спидеть Святой Духъ, такъ точно какъ древле сошелъ Онъ на апостоловъ.

Когда совращенный изъявитъ согласіе на вступленіе въ секту, ему велятъ нѣсколько дней поститься и пребывать въ уединеніи. Въ назначенное время приходитъ за нимъ старшина общины, или же самъ кормщикъ корабля. Въ одной рукѣ держитъ онъ икону (обыкновенно Нерукотвореннаго образа, или же другую какую либо), а въ другой зажженную свѣчу. Онъ вводитъ совращеннаго въ собраніе („бесѣда“, „святой кругъ“, „соборъ“, „корабль“), гдѣ сидятъ на лавкахъ съ одной стороны мущины, съ другой женщины, всѣ босые, или въ однихъ чулкахъ, одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи особаго покроя, а въ переднемъ углу подъ образами отдѣльно сидитъ женщина (богородица или пророчица), также вся одѣтая въ бѣломъ. ** Комната ярко освѣщена восковыми свѣчами и лампадами.

— Зачѣмъ пришелъ ты? спрашиваетъ приведеннаго богородица.

* На сходбищахъ хлыстовъ Макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи, въ 1849 году бывали священники селъ Татица и Красной Луки, и они при производствѣ формальнаго слѣдствія показали: „на этихъ сходбищахъ они сами читали книги святаго писанія и толковали его, но ничего противнаго ученію православной церкви не говорилось“. *Журналъ нижегородскаго совѣщательнаго по дѣламъ раскола комитета* 23-го мая 1852 года.

** Въ нѣкоторыхъ корабляхъ христы, пророки, богородицы подпоясываются золотымъ поясомъ, въ другихъ всѣ подпоясываются красными поясами, въ иныхъ корабляхъ, напримѣръ въ саратовскомъ,

— Душу спасать, отвѣчаетъ наученный заранѣе неофитъ.
 — Хорошо душу спасать, замѣчаетъ ему богородица. — А
 кого даешь за себя порукой?

— Самого Христа, царя небеснаго, отвѣчаетъ тотъ.

— Смотри же, чтобъ Христось отъ тебя поруганъ не былъ,
 говорить богородица.

Затѣмъ обрацаемаго приводятъ къ присягѣ предъ ико-
 ной, которую несъ предъ нимъ кормщикъ. Присяга состо-
 итъ въ слѣдующемъ:

1) Святую вѣру принявъ, отъ нея никогда не отступать.

2) Чаще въ церковь ходить, исповѣдываться и причащать-
 ся въ церкви, но священнику на исповѣди про свою вѣру ни
 слова не говорить.

3) Если случится за святую вѣру пострадать, не бояться
 ни тюрьмы, ни ссылки въ Сибирь, ни самой смерти, тѣло
 свое отдать на раздробленіе, а про вѣру свою никому ниче-
 го никогда не открывать. * „Никому не сказать какое Бо-
 жіе дѣло будетъ открыто: ни отцу, ни матери, ни роду, ни
 подродку, ни попу отцу духовному, ни другу своему мірско-
 му, хотя бы огонь принять, хотя бы кнутъ принять, хотя
 бы топоръ принять, а если Божія дѣла не сохранию, на пути
 Божиємъ не устою, то да побѣдитъ меня Господь въ семь
 свѣтъ и въ будущемъ вѣкѣ.“

— Въ сіе время ангелъ Божій сходитъ съ неба, говоритъ
 богородица неофиту,—и пишетъ твою душу въ томъ что она
 обѣщала служить Богу до конца жизни вѣрно. **

Послѣ того кормщикъ велитъ приходящему просить весь
 корабль молиться за него. Тогда всѣ садятся въ „кругъ“
 и напѣвомъ простонародной пѣсни начинаютъ пѣть такъ-
 называемую ими „молитву Господню“, которою начинаются
 всѣ хлыстовскія и скопческія моленія. Во время пѣнія ея всѣ
 правою рукой бьютъ тактъ по колѣвкамъ, на которыхъ
 разостланъ платокъ или бѣлое полотенце („знамя“).

черными. Иванъ Андреяновъ въ донесеніи, поданномъ въ 1825 году
 императору Александру Павловичу, говоритъ: „Сойдась на бесѣду,
 учитель одѣвается въ бѣлую, длинную, коленкоровую одежду и опоя-
 сывается золотымъ поясомъ, если его имѣеть; прочіе одѣваются въ
 бѣлыя, длинныя нижнія одежды, а женщины какъ имъ прилично...“

* Такая же присяга была у хлыстовъ и въ 1734 году. (*Первое пол-
 ное собраніе законовъ Россійской имперіи, IX, № 6.613.*)

** Донесеніе поданное императору Александру Павловичу въ 1825
 году крестьяниномъ Иваномъ Андреяновымъ.

Дай намъ, Господи, къ намъ Иисуса Христа,
 Дай намъ, сударь, Сына Божія и помилуй, сударь, насъ.
 Сомаи къ намъ Духа Святаго утѣшителя!
 Пресвятая Богородица, попроси, мой свѣтъ, за насъ
 Свѣта сына своего Иисуса Христа!—
 Свѣтъ тобою спасенъ, государыня,
 Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшныхъ на земѣ,
 На сырой на земѣ, свѣтъ, на матушкѣ,
 На матушкѣ, на кормилицѣ. *

* Хамытовской „молитвы Господней“ есть нѣсколько редакцій. Это варианты одной и той же пѣсни. Вотъ, на примѣръ, какъ пѣли ее петербургскіе хамыты высшаго общества (въ Михайловскомъ дворцѣ и на сборищахъ у Татариновой за Московскою заставою, въ домѣ Федорова):

Дай намъ, Господи, къ намъ Иисуса Христа!
 Дай намъ Сына Твоего, Бога нашего, творца!
 Съ нами Духъ твой Святой объемлетъ радостью сердца,
 Пресвятая Богородица упроси за слабыхъ насъ,
 Свѣтъ, у сына Твоего, Бога нашего творца!
 Отъ престола Твоей просьбы,
 Сокажутъ къ намъ Духъ Святой.
 Ты Христось и Богъ помощникъ,
 Иного Бога нѣтъ у насъ,
 Наряди изъ насъ пророка, чтобы слабыхъ подкрѣпить!
 Мы здѣсь съ вѣрою, съ любовью принесли свои сердца,
 Со слезами шеба просимъ милосерднаго отца:
 Ты наставъ насъ, Утѣшитель, на свой истинный на путь,
 Засуди судомъ небеснымъ и не дай врагу мѣшать,
 Не изволь грѣшныхъ до гроба ты сей радости лишать.

Или:

Дай намъ, Господи, къ намъ Иисуса Христа!
 Дай намъ Сына Твоего!
 Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
 Изъ Твоея волноты
 Дай, Создатель, теплоты —
 Наряди изъ насъ пророка, чтобы силы подкрѣпить,
 Засуди судомъ небеснымъ и не дай врагу мѣшать;
 Испосади живое слово здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ.
 Ты Христось, Ты нашъ Спаситель,
 Иного Бога нѣтъ у насъ,
 Твоей силой укрѣпимся, за Тобою въ сабѣзъ идемъ,
 Прими слезы Твоей твари и поставъ всѣхъ на пути.

Послѣ того трое или четверо мушницъ или женщницъ входятъ въ кругъ, спускають съ плечъ рубахи по поясъ, и взявъ длинныя холщевыя или полотняныя бѣлыя полотенца („знамена“), развѣшивають ихъ себѣ на плеча, затыкають концы за поясъ, и начинаютъ, припрыгивая, кружиться посоловь. Это называется *радѣнїемъ*. Во время радѣнїа поють пѣсни. Такихъ пѣсенъ у насъ подъ руками сто шестьдесятъ четыре. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

I.

Наша матушка родная
 Въ полку пребывала,
 Въ полку она пребывала,
 Чудеса творила.
 Чудеса она творила,
 Съ нами говорила:
 „Ужь вы дѣвушки, дѣвицы,
 Духовны сестрицы,
 И вы Богу назвалаися,
 Служить ему отдалися,
 Вы служите не робѣйте,
 Живу воду пейте,
 Внутренняго змѣя
 Вы въ себѣ убейте,
 На васъ платицо-то бѣло
 Сама матушка надѣла
 Она о васъ порадаѣла,
 Вами завадаѣла.“
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.*

II.

Ай у насъ на Дону,**
 Самъ Спаситель во дому
 Со ангелами, со архангелами,
 Съ херувимами, государь, съ серафимами
 И со всею силою съ небесною.
 Ай Духъ, Святой Духъ!

* Это пѣсня пророчицъ поется женщинами обращаясь къ женщинамъ же.

** Рѣкою Дономъ хлысты, по удостовѣренїю священника Ивана Сергѣева, называютъ иногда своего Христа. (Сергѣева *Изясненїе раскола именуемаго пристовщиной или хлыстовщиной.*)

Русскій Вѣстникъ.

Эка милость благодать
 Стала духомъ овладать!
 Богу слава и держава
 Во вѣку вѣковъ. Аминь.*

III.

Богъ, Богъ съ нами
 Самъ Богъ надъ богами,
 Духъ Святой съ нами,
 Самъ духъ надъ духами,
 Агнецъ нашъ Спаситель,
 Вземляй грѣхи міра!
 Твоя, Сыне Божій,
 Власть надъ нами, воля
 Надъ нашими сердцами,
 Душами, тѣлами...
 Гусли вы, гусли
 Пророка Давыда!
 Самъ лился слезами.
 Остальными силами,
 Славилъ Саваоа:
 „Помилуй мя, Боже,
 „Излей на мя милость“ и т. д.

IV.

Прочь леть, прочь ложь, хитросплетенность,
 Порочность, сладость красныхъ словъ,
 Утѣха сердцу, развращенность—
 Пою небесную любовь,
 Пою источникъ благодати,
 Святую истину пою... и т. д.

V.

Въ ясляхъ—колыбель Ісуса,
 Дѣва—мать, отецъ—тектокъ!
 Жизнь его—позоръ и иго
 Отъ рожденья до конца!
 Не имѣлъ себѣ покрова,
 Гдѣ главу бы преклонить,
 Какъ злодѣй и богохульникъ,
 Ядъ, вымошникъ, льстецъ,
 Межъ разбойниковъ повѣшенъ

* Эта пѣска поется во время радѣній, совершаемыхъ мужиками.

И къ злодѣямъ сопричтень,
Испущаетъ духъ въ мученьи;
„Совершилося“, онь рекъ,
Дѣло важное спасенья
Совершилъ презрѣнный крестъ.*

Послѣднія двѣ пѣсни по складу и по приѣмамъ своимъ не похожи на другія хлыстовскія и скопческія пѣсни. Онѣ сочинены помѣщикомъ А. П. Дубовицкимъ, бывшимъ кормищикомъ корабля находившагося въ его весьма значительномъ имѣніи Орловской губерніи Елецкаго уѣзда. Въ этомъ кораблѣ находились и крѣпостные его люди, въ томъ числѣ ближайшій помощникъ его и наперстникъ, пророкъ Ермилушка. Были въ кораблѣ Дубовицкаго и нѣкоторые дворяне. У хлыстовъ немного пѣсенъ составленныхъ по правиламъ версификаціи, въ родѣ приведенныхъ пѣсенъ Дубовицкаго (писали ихъ, сколько намъ извѣстно, петербургскіе хлысты: Лабзинъ, редакторъ журнала *Сіонскій Вѣстникъ*, тайный совѣтникъ В. М. Поповъ и князь Енгальчевъ). Простонародныя хлыстовскія пѣсни большею частію импровизація, всегда почти безсмысленная, нелѣпная. Вотъ нѣсколько пѣсенъ вылившихся изъ устъ простолюдиновъ на хлыстовскихъ радѣньяхъ:

УІ.

Ай кто пиво варилъ? **
Ай кто затиралъ?
Варилъ пивушко самъ Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка саивала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала,
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили, (bis)
Серафимы подносили.—
Скажи батюшка родной, ***

* Первая и послѣднія три пѣсни напечатаны въ № 23 *Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* 1867 года.

** „Пивомъ“ хлысты называютъ круженіе производимое ими на радѣньяхъ. Священникъ Иванъ Сергѣевъ въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго христовщиной или хлыстовщиной*, говоритъ: „оное круженіе свое именуютъ они по дѣйствию „пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ“, и похваляя сіе, говорятъ: „то-то пивушко! чело-вѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ.“ Пѣсня „Ай кто пиво варилъ“ находится при его *Изъясненіи*.

*** „Батюшка родной, гость дорогой“ — христоръ людей божіихъ.

Скажи гость дорогой,
 Отчего пиво не льяно,
 Али я гостямъ не рада?
 Рада, батюшка родной,
 Рада, гость дорогой,
 На святомъ кругу гулять
 Бога свѣта прославлять,
 Въ золоту трубу играть,
 Въ живогласку возносить.*
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

VII.

Савооъ чудо творилъ
 Съ Сыномъ Божимъ говорилъ:
 „Ужь ты сынъ ли мой, сынокъ,
 Ты мой ясный соколокъ,
 Ты Сионская гора,
 Съ неба на землю пора—
 Живописный ты Спаситель,
 Живой агнецъ икупитель,
 Духъ—вселенной утѣшитель,
 Изволь вселенку утѣшать,
 На Алагофъ гору послѣшать;
 На Алагофъ тебѣ пошю,
 Ризы бѣлыя сошю—
 Изволь ризы надѣвать,
 Пречисту кровь проливать.“
 На крестѣ солнышко свѣтитъ,
 За вѣкъ вѣрныцкъ освѣтитъ,
 Собокозъ ясный нащъ летитъ—
 Икупитель не стерпитъ,
 Зблотъ орбъ полетѣтъ,
 Всю вселенку исходитъ,
 Темну стѣну побѣдитъ,
 Жало — лѣность умертвитъ,
 А страданіемъ своимъ
 Веревъ вѣчны сломилъ,
 Очищаетъ грѣхи мѣръ,
 Агнецъ божій наречеса....
 Агнецъ ты животворящій,
 И женихъ происходящій!

* „Живогласная, золотая труба“ — пророчество.

На всѣхъ вѣрныхъ оглаулся,
На крестѣ Богъ вострепеталъ,
Страшный громъ загремѣлъ,
Земля, небо ужаснулись,
Море кровью зачарпнулось,
Въ лучахъ солнца померкаетъ,
Мѣсяцъ свѣту не даетъ,
Темной тучей закрывается,
Зѣри свѣтомъ засвѣтились,
Звѣзды съ неба сокатились,
Всѣ престола подвигнулись,
Архангелы ужаснулись,
А архангелъ Михаилъ
Въ золотыхъ крылахъ предсталъ,
Страху тремету достоинъ,
И въ сенатѣ онъ сенаторъ,
И на небѣ губернаторъ,
Много разуму имѣеть,—
Доложить Христу не смѣеть;
Судьбу божью исполняетъ,
Архангеловъ собираетъ,
Христа на крестъ убираетъ,
И сосуды подставляетъ,
Пречисту кровь проливаетъ.
А Илья пророкъ пророчить,
Что воскреснуть Христось хочетъ;
Давидъ въ гусли заигралъ,
Заскакалъ онъ, заплясалъ,
Ковчегъ Божій предъ нимъ скачетъ;
Петръ апостолъ горько плачетъ,
Много ревности имѣеть,—
Доложить Христу не смѣеть,
Востру саблю свою точить,
Распинается съ Христомъ хочетъ,—
Духъ Святой накатилъ,
Петру ревность прекратилъ.
А Кузьма, сударь, Демьянъ
Съ Христомъ въ страстяхъ ликовалъ,
Кандалы всѣмъ расковалъ,
У Христа въ гостяхъ гостиалъ,
Съ темницъ вѣрныхъ отпустиалъ.
А и Флоръ, сударь, Лавѣръ
И коней своихъ подвезъ,
Колесницы закладаетъ,
Христа на крестъ убираетъ.

А Егорій-то святой
 Темну ночь не усыпаетъ,
 Горьки слезы проливаетъ,
 Христа на крестъ убираетъ;
 Огонь-пламя утушилъ,
 Змѣя люта побѣдилъ.
 Николай-то чудотворецъ,
 Чудеса онъ тутъ творилъ,
 Седьмо небо отворилъ,
 Ко Христу часто ходилъ,
 Христа на крестъ снарядилъ.
 Сама матушка царица
 Прилетѣла райска птица,
 Христа на крестъ убирала,
 Сама смертью умирала,
 Саваога упросила,
 Сына Божья воскресила.
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Таково въ большей части хлыстовскихъ и скопческихъ пѣсенъ дикое смѣшеніе священныя именъ и предметовъ съ чудовищными представленіями прішедшихъ въ изступленіе „людей божіихъ“.

Приведенныя пѣсни поются напѣвомъ совершенно отличнымъ отъ церковнаго, онѣ скорѣе приближаются къ народнымъ пѣснямъ: однѣ поются протяжно, другія скоро, на подобіе плясовыхъ. Но нельзя сказать чтобъ онѣ по напѣву своему были совершенно сходны съ пѣснями народными.

Когда поютъ эти „радѣльные пѣсни“, а поютъ ихъ на каждомъ собраніи по нѣскольку десятковъ, сидящіе хлысты или скопцы бьютъ въ тактъ правою рукою по колѣнѣ, а радѣющіе хлысты хлопаютъ въ ладоши и самыя топотъ ногами принаравливаютъ въ тактъ пѣсни. Объ этихъ пѣсняхъ хлысты и скопцы говорятъ что онѣ тѣ самыя о которыхъ сказано въ Апокалипсисѣ: „и слышахъ поющихъ пѣснь нову предъ престоломъ, и никто же можаше навькнути пѣсни, токмо сіи“.*

Послѣ „радѣльныхъ“ пѣсенъ выводятъ приходящаго на середину круга, опоясываютъ его „знаменами“ и водятъ кругомъ подъ пѣсню:

* *Апокалипсисъ*, XIV, 3.

Благодатный Богъ,
 Попусти намъ, Богъ,
 Съ нами пребудь, Богъ,
 До скончанія вѣка. Аминь.

Лицы отъ Христа (sic) во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Аллилуія.

Послѣ того даютъ принятому въ корабль приложиться къ образу (иногда къ мѣдному кресту), надѣваютъ на него *радѣльную рубашу* и подпоясываютъ ее „знаменемъ“. Затѣмъ всѣ цѣлуютъ новаго хлыста и поздравляютъ другъ друга съ новорожденною духомъ душою. У дѣвки же сидящей въ углу (богородицы) какъ обращенный, такъ и прочіе, цѣлуютъ колѣнку или другую часть ея „святаго и животворящаго тѣла“. Въ то время когда цѣлуетъ ея тѣло обращенный, въ иныхъ корабляхъ богородица три раза освѣняетъ его крестообразно зажженною свѣчой. Хлысты говорятъ что на пляску ихъ сходитъ Святой Духъ, и приходящій, введенный во „святой кругъ“, крестится духомъ, когда же богородица креститъ его свѣчкой, онъ крестится огнемъ. Тогда-то, говорятъ хлысты, принимаетъ онъ истинное крещеніе „Духомъ Святымъ и огнемъ“.

IX.

Обыкновенныя моленія хлыстовъ („радѣнія“), совершаются слѣдующимъ образомъ. Часовъ въ шесть вечера они собираются въ одинъ домъ, * гдѣ въ особой комнатѣ, **

* Изъ свѣдѣннаго дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ видно, что они собирались по 30 и по 40 человекъ обою пола. По свѣдѣтельству священника Ивана Сергѣева, въ Калугѣ собирались по сту и болѣе человекъ. Въ Петербургѣ у Кондратія Селиванова бывало на радѣніяхъ по шести сотъ человекъ хлыстовъ и скопцовъ. У хлыстовъ, а также и у скопцовъ, иногда, какъ видно изъ свѣдѣнныхъ дѣлъ, устраивались особыя укромныя помѣщенія для радѣній. Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: „для безопасности достаточные люди, особенно въ городахъ, роютъ подземные, потаенные ходы, а шны на чердакахъ устраиваютъ внутреннія горницы чтобы толпа не слышно было“. Почти вездѣ на время радѣнія ставятся снаружи караульные, которые при малѣйшей опасности даютъ знать радѣющимъ, чтобы ихъ не застали врасплохъ.

** Домъ гдѣ бывають радѣнія зовется „монастыремъ“, „Іерусалимомъ“, „домомъ божіимъ“. Комната гдѣ совершаются радѣнія и другіе обряды—„Сіонскою горницею“.

въ углу, сидитъ богородица, а по лавкамъ съ одной стороны мущины, а съ другой женщины, всѣ въ особаго покроя длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. * Въ иныхъ, немногихъ впрочемъ, корабляхъ, моленіе начинается чтеніемъ священныхъ книгъ: Толковаго Евангелія, Новаго Завѣта, Писаній отцовъ, особенно аскетическихъ житій святыхъ и пр., а потомъ поется всенощная или однѣ стихеры праздниковъ **. Послѣ того встаютъ, становятся въ кругъ и начинаютъ свои радѣнія. Это бываетъ обыкновенно въ самую полночь. Мущины становятся хороводомъ, вокругъ ихъ хоровода составляется другой, изъ женщинъ. *** Въ этихъ хороводахъ (*святыхъ кругахъ*) хлысты, а также и скопцы, ходятъ или, лучше сказать, бѣгаютъ посолонь съ припрыжкой, подъ пѣсню: „Дай намъ Господи Іисуса Христа!“ **** По окончаніи радѣнія каждый подходитъ къ богородицѣ и цѣлуетъ у ней голую колѣнку.

Калужскій священникъ Иванъ Сергѣевъ, бывавшій на хлыстовскихъ, радѣніяхъ, говоритъ о нихъ слѣдующее. У хлыстовъ бываютъ праздники большіе и малые. Большіе бываютъ въ опредѣленные дни, и на нихъ собирается человѣкъ

* Въ иныхъ корабляхъ и мужчины и женщины сидятъ вмѣстѣ.

** Это бываетъ особенно у фарисеевъ или лазаревщины. Въ чисто хлыстовскихъ корабляхъ всякое книжное ученіе признается вреднымъ, противнымъ Богу, отводящимъ отъ истины и удаляющимъ отъ непосредственнаго сообщенія съ божествомъ. Потому въ нихъ не читаютъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ и не поютъ пѣсней употребляемыхъ при богослуженіи православной церкви, но прямо приступаютъ къ радѣніямъ.

*** Очень во многихъ корабляхъ кругъ составляется изъ мужчинъ и женщинъ общій. Вообще у хлыстовъ и скопцовъ оба пола почитаются равными и безразличными. Они говорятъ: „и Павелъ, апостолъ „старога Христа“ (то-есть истиннаго Спасителя міра), говоритъ: „нѣсть мужескъ полъ, нѣсть женскій : всѣ бо едино во Христѣ“, а у насъ и подавно такъ.“

**** *Журналъ нижегородскаго совѣщательнаго комитета, 23-го мая 1852 года, о хлыстахъ Макарьевского уѣзда:* „По праздничнымъ днямъ собираются въ домахъ, поютъ, читаютъ, потомъ начинаютъ пѣть стихи голосомъ мірскихъ пѣсней, и подъ это пѣніе настоятель или настоятельница посреди́тъ комнаты прыгаютъ, а потомъ и соучастники ихъ одинъ за другимъ, по испрошенію у нихъ благословенія. Черезъ это они приходятъ въ чрезвычайное изступленіе, которое почитаютъ сошествіемъ Св. Духа или милостію Божіею.“

по пятидесяти, по сту и болѣе; „малые же бываютъ случайно, на примѣръ по случаю прїѣзда гостей, на нихъ собирается отъ трехъ до десяти человекъ. Большіе праздники продолжаются нерѣдко по недѣлѣ, и все это время ханы проводятъ въ безпрестанномъ круженіи по солнцу; перестаютъ только на время обѣда, каждый день радѣютъ. Когда поютъ начальную молитву (*Дай намъ Господи Исуса Христа*), бываютъ вмѣстѣ мужчины и женщины, а потомъ въ иныхъ корабляхъ кружатся и слушаютъ пророчества мужчины въ однихъ комнатахъ, а женщины въ другихъ.* „А когда „ходятъ въ словѣ“ пророки (то-есть пророчествуютъ), продолжаетъ священникъ Иванъ Сергѣевъ, то нѣкоторые изъ нихъ вертятся по одному на одномъ мѣстѣ, какъ жерновъ, такъ быстро, что и глазъ ихъ не видно. Отъ такового быстрого стремленія волосы на головѣ поднимаются къ верху. На мужчинахъ рубахи, а на женщинахъ платы раздуваются какъ трубы, и происходитъ отъ нихъ чувствительный вихрь. Иногда всѣ вообще кружатся, по ихъ выраженію, въ „стѣнку“, составляютъ большой кругъ, и если посмотрѣть на сію ихъ живую сцену, когда хорошо сладятъ, то представится совершенно какъ бы и подлинно плавающій по воздуху или водѣ кругъ, колеблющійся и изъ тиха-поднимающійся какъ бы единою машиною. Оный кругъ знаменуетъ у нихъ чанъ или „купель духовную“, какъ и молва въ народѣ гласитъ, будто бы они въ чанѣ купаются. Но сей чанъ у нихъ не изъ чувственныхъ досокъ, но изъ плотей человѣческихъ состоитъ. Въ семь-то чанѣ, или по ихъ выраженію „духовной купели“, то-есть въ кровавомъ своемъ поту они крестятся, будучи увѣрены что тутъ на нихъ сходитъ или, по ихъ выраженію, „скатается“ Духъ Святой, и кружатся (радѣютъ, по ихъ выраженію) дотолѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ случится

* Въ петербургскомъ „Новомъ Иерусалимѣ“ Кондратія Селиванова, что въ Литейной части близъ Лиговки, была устроена зала гдѣ могло радѣть болѣе шестисотъ человекъ. Она была устроена въ два свѣта и раздѣлена на двѣ части глухою перегородкой въ одинъ этажъ. Надъ этою перегородкой была устроена ложа (въ родѣ каѳедры въ протестантскихъ молитвенныхъ домахъ) подъ багдахиномъ, гдѣ сидѣлъ христосъ Петръ Федоровичъ, царь израильскій (то-есть Кондратій Селивановъ). Въ одной половинѣ залы радѣли мужчины, въ другой—женщины. И тѣ, и другіе въ это время видѣли своего „живаго бога“.

собраніе весьма многонародно, принуждены бываютъ даже ползъ отъ поту ихъ подтирать ветошками, и рубахи на нихъ сдѣлаются какъ въ водѣ обмоченныя. И до такого изнеможенія они искружатся и измучатся, что уже будутъ безсильны какъ мухи, и обезсилѣвъ падаютъ, а въ лицѣ бѣлы какъ полотно, почему легко можно узнать ихъ по лицу, когда идутъ съ богомолья домой. Оное круженіе свое именуютъ они „пивомъ духовнымъ, чувствительнымъ“ и похваляя сіе говорятъ: „то-то пивушко! Человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ.“ Въ продолженіе круженія и скаканія поютъ сочиненныя ими пѣсни со всхлипываніемъ и перерывистыми духа трелями, производятъ гоготаніе и какой-то необыкновенный тихій свистъ, повторяя безпрестанно: „ой духъ, ой духъ, ой Богъ, ой Богъ, царь Богъ, царь Богъ, царь духъ, царь духъ“, а иные: „о Ега, о Ега, о Ега!“ чѣмъ наводятъ на слушающихъ даже нѣкоторый ужасъ. И если подслушать ихъ гоготанье изъ-за стѣны, то представится совершенно, якобы чѣмъ сѣкуются или хлещутся. Можетъ-быть, не отъ того ли и молва въ народѣ носится, будто бы они, ходя вокругъ чана, хлещутся“ приговаривая:

Хлыщу, хлыщу,
Христа щу,
Выйди къ намъ наружу.
Дай денегъ на нужу.

„Не удалось ли кому-нибудь изъ постороннихъ подслушать ихъ дѣйствіе и заключить что вѣрно они чѣмъ-нибудь сѣкуются, и прочимъ въ народѣ такъ разгласили. При круженіи они всячески дурачатся и бѣсятся, иные изъ нихъ трясутся, кривляются, ломаются какъ бѣсноватые, другіе топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ и вдругъ какъ неустовые вскрикиваютъ, приходятъ въ энтузіазмъ, нѣчто пересказываютъ, и говорятъ иными языки. А какими? Татарскими ли, тарбарскими ли? Думаю, и сами не понимаютъ, кольми паче другіе ни одного слова не знаютъ, да и понимать нечего *.“

Дѣйствительно, на радѣнія вокругъ чана съ водой и на бичеванія или хлыстанія во всѣхъ ста восьмидесяти извѣстныхъ намъ слѣдственныхъ дѣлахъ нѣтъ ни одного указанія кого-либо изъ хлыстовъ или скопцовъ, хотя иные

* Священника Ивана Сергѣева. *Изъясненіе раскола, именуемаго аристовщина или хлыстовщина.*

весьма подробно и съ полною откровенностью разказывалъ про свои тайны. Нѣкоторые изъ нихъ показывали при допросахъ такъ: „носится слухъ въ народѣ что хлысты кружатся вокругъ чана и хлыщутся, но при мнѣ этого никогда не случилось, развѣ что бываетъ это въ другихъ корабляхъ“.*

О хлыстаньи вокругъ чана письменное извѣстiе находится только у покойнаго нижегородскаго преосвященнаго Іакова въ его статьѣ *О хлыстахъ въ Саратовской губерніи*. Тамъ сказано, что въ 1828 г. въ тюремномъ замкѣ города Вольска содержалась дѣвка Анна Федоровна Скачкова изъ села Давыдовки (Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи), бывшая у хлыстовъ богородицей. Она, говоритъ преосвященный Іаковъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ вѣтрившись одному изъ содержавшихся съ ней въ тюрьмѣ, за глубочайшій секретъ открыла ему тайны своей ереси, при чемъ сказала, что обряды ихъ моленія будто бы писаны въ книгахъ „грамотою никому неизвѣстною, печатною“, что грамоты той учатся лишь тѣ которые продолжительнымъ временемъ утвердятся неизмѣнно въ сектѣ. Эта Анна Федорова разказывала и о чанѣ, а о бичеваньи весьма подробно. Въ моей запискѣ, составленной со словъ посланнаго въ 1849 году покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ развѣдать о хлыстахъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи также говорится о бичеваньи. Тамъ сказано что богородица или пророчица, когда другіе радѣютъ, сидитъ въ углу на возвышеніи подъ образами и изъ тесемокъ или нарѣзаннаго полосками холста вьетъ такъ-называемые „святые жгутики“, или же свиваетъ по три прута вербы въ одинъ. Когда прикладываются къ ея колѣнкѣ, она ударяетъ тѣмъ жгутикомъ или вербой и даетъ то или другое подходящему. Составляется новый кругъ: бѣгаютъ другъ за другомъ, бьютъ себя и другихъ жгутиками и вербами по голымъ плечамъ, и поютъ:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу.

* Такъ, напримѣръ, при производствѣ слѣдственнаго дѣла объ арзамасскихъ хлыстахъ, крестьянинъ Федоръ Павловъ сказалъ: „Народный слухъ, что Василій (Радаевъ) и его послѣдователи молятся около чана съ водой и хлыщутся съ произнесеніемъ словъ: „Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!“ если и справедливъ, то мнѣ видѣть не случилось.“ То же показали и всѣ другіе.

Сниде къ намъ, Христе,
 Со седьмага небесе,
 Походи съ нами, Христе,
 Во святомъ кругу,
 Сокати съ небеси
 Сударь Духъ Святой.

Но довѣренный покойнаго архіепископа Іакова хотя и вступилъ въ хлыстовскій корабль, но самъ тоже никогда не видалъ радѣній вокругъ чана и видѣній „золотаго христа“. Онъ только слышалъ о томъ и другомъ отъ постороннихъ. Я внесъ однако его разказъ въ трактатъ мой *О современномъ состоянiи раскола въ Нижегородской губернии* (въ тринадцать большихъ тетрадахъ), писанный въ 1854 году по высочайшему повелѣнiю. Онъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковымъ былъ переданъ на разсмотрѣнiе покойному петербургскому митрополиту Григорію, который, будучи тогда казанскимъ архіепископомъ, передалъ списокъ съ моего трактата въ Казанскую духовную академію. Тамъ изъ него взяли цѣликомъ не мало статей для *Православнаго Собесѣдника*, не ссылаясь на источникъ. Такимъ образомъ и сказаніе о радѣніяхъ хлыстовъ вокругъ чана съ водой вошло (слово въ слово) въ трактатъ *О людяхъ Божьихъ* г. Добротворскаго, напечатанный въ *Православномъ Собесѣдникѣ*. По дальнѣйшимъ моимъ изслѣдованіямъ, все написанное мною о чанѣ и о бичеваньи хлыстовъ и затѣмъ перешедшее цѣликомъ на страницы *Православнаго Собесѣдника* оказалось невѣрнымъ.

Радѣнья у хлыстовъ и скопцовъ совершаются тремя способами. Первый называется *круговымъ*. Составя кругъ въ родѣ хоровода, они ходятъ другъ за другомъ, повертываясь направо, то-есть по солнцу, * подъ тактъ радѣльныхъ пѣсень. Подъ это пѣніе они вертятся сильнѣй и сильнѣй, пока не дойдутъ до изступленія. Пѣсня поется съ болѣе и болѣе учащеннымъ тактомъ; рубашки отъ верченія раздуваются, а пророкъ или богородица приговариваетъ радѣющимъ:

Радѣйте, радѣйте,
 Цотей не жалѣйте,
 Марѣу не щадите,
 Богу поскочите.

* Даже не при радѣніяхъ ни хлысть, ни скопечъ никогда не возвращается назадъ.

Царь Давидъ съ ковчегомъ
 Скакаше, играя.
 Людіе божьи, святыи,
 Богу порадайте,
 Трудовъ не жалуйте.... и т. д.

Или:

Ей вы, нуте-ка, други, порадайте-ка,
 Меня, христа бога, поуташьте-ка,
 Мою мать, богородицу, порадайте, и пр.

Продолжается это до тѣхъ поръ пока рубашки взмокнуть отъ пота. Это ухлыстовъ называется *банею пакибытія, духовною купелью*.

Отдохнувши, они начинаютъ радѣть *корабельнымъ радѣніемъ*. Становятся въ кругъ другъ къ другу лицомъ, молятся другъ на друга (на образъ и подобіе Божіе), а потомъ прыгаютъ вверхъ, подскакивая какъ можно выше, хлопая въ ладоши, бія себя въ грудь и голову и безпрестанно приговаривая: „ой, Духъ! Святой Духъ! Накати, накати!“

Третье радѣніе *крестное* (радѣть на крестикъ) дѣлается такъ: по угламъ комнаты становятся по одному, по два или по нѣскольку человекъ и перебѣгаютъ изъ угла въ уголъ какъ можно скорѣе. Во время этого перебѣганья притопываютъ ногами и кричатъ подъ тактъ пѣсни: „Ой Духъ, Святой Духъ! Накати, накати!“

Крестьянинъ Костромской губерніи, Галицкаго уѣзда, Иванъ Андреяновъ. въ своемъ донесеніи поданномъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу, разказываетъ о радѣніяхъ слѣдующее: „по отвѣтіи молитвъ ихъ собственнаго сочиненія, учитель садится впереди, а прочіе по достоинствамъ ихъ, поютъ разныя духовныя пѣсни, сложенныя ими же самими, иногда бьютъ сильно руками по колѣнямъ въ одинъ махъ всѣ. При началѣ пѣнія крестятся и просятъ благословенія: „благослови государь-батюшка“. Потомъ учитель приказываетъ „радѣть“ или вертѣться по солнцу. Иногда радѣніе начинаетъ самъ учитель, за нимъ слѣдуютъ другіе, и такимъ образомъ составляется большой кругъ: скоро ходятъ кругомъ по солнцу, приподымаясь понемногу, сильно топаятъ ногами въ одинъ шагъ, машутъ руками, дышатъ сильно и отрывисто въ разъ съ топаніемъ ногъ, а когда почувствуютъ въ себѣ духъ, то начинаютъ бѣгать все скорѣй и скорѣй, какъ скорость коней бѣгущихъ рысью. Это радѣніе называютъ они

„радѣніе кораблемъ“. Потомъ поворачиваются бокомъ, ходятъ скоро кругомъ, скачутъ при томъ вдругъ обѣими ногами, весь кругъ разомъ, и машутъ руками. Это радѣніе называется „стѣнкою“. Послѣ чего становятся на четыре угла по одному и по два, одни противъ другихъ, и бѣгаютъ парами на крестъ. Это „радѣніе на крестикъ“. Затѣмъ становятся въ рядъ отъ передней къ задней стѣнѣ, бѣгаютъ скоро, топая ногами и помахивая руками, у стѣны оборачиваются по солнцу всѣ вдругъ и начинаютъ „радѣніе на кругу“, которое заключается въ томъ что они вертятся по солнцу на одномъ мѣстѣ весьма проворно, сильно топаютъ ногами, и отрывисто и тяжело дышать. Въ этомъ радѣніи отъ скорости оборотовъ едва бываетъ видно лицо человѣка вертящагося, и скорость оборотовъ подобна вихрю. Другіе при этомъ поютъ въ тактъ: „Сей духъ, сей духъ, царь духъ, царь духъ, благодать, благодать!“ При этомъ они крестятся, наблюдаютъ за вертящимися, и когда замѣтятъ „сильное и удивительно скорое дѣйствіе радѣнія ихъ“, то говорятъ: „На него благодать накатила“. Во время такихъ дѣйствій ихъ, вселяется въ человѣка духъ, и выходятъ пророки. Женщины дѣлаютъ то же что и мужчины, и изъ нихъ выходятъ пророчицы. Тѣ и другія имѣютъ къ радѣнію большую охоту и чувствуютъ въ сердцѣ радость. Учитель мой говорилъ, что при радѣніи надо молчать и ни о чемъ не помышлять, иначе духъ не можетъ вселиться въ радѣющаго. Онъ уговаривалъ меня непременно радѣть на кругу, объясняя что иначе благодать въ меня не вселится... Они радѣютъ больше „кораблемъ“ и „на кругу“, но если есть время, то и на всѣ манеры. По окончаніи радѣнія, всѣ садятся, поютъ разныя пѣсни и хлопаютъ въ тактъ руками по колѣнямъ; потомъ становятся предъ учителемъ на колѣни, крестятся, кланяются ему въ землю и просятъ сотворить милость, чтобы Духъ Святыи просвѣтилъ ихъ чрезъ уста пророка. Учитель выбираетъ пророчицу для женщинъ, а самъ пророчествуетъ мужчинамъ. Избранные становятся лицомъ къ народу, съ платками въ рукахъ, разомъ пророчествуютъ съ небольшимъ движеніемъ тѣла, и громко выговариваютъ рѣчи стихами. И сперва бываетъ „слово“ (то-есть пророчество) всему собранію, и тогда все собраніе стоитъ на колѣняхъ предъ пророками, всѣ крестятся и кланяются въ землю.... Потомъ бываетъ слово каждому порознь. Тотъ, стоя на колѣняхъ, молится и кланяется

пророку, кланяется въ землю, иногда со слезами, ибо тогда они каются предъ пророками въ грѣхахъ, и пророки обличаютъ ихъ. Прочіе изъ собранія при этомъ встаютъ.... Пророчество всему собранію продолжается иногда безпрестанно до четырехъ часовъ. По окончаніи пророчествъ учитель и всѣ остальные поютъ *Христосъ воскресъ*, потомъ учитель кладетъ на лавку, подъ святыя образа, крестъ Господень и покровы (платки) отца исповителя. Присутствующие покорно поклоняются въ землю и прикладываются ко кресту и къ покрову, и кладутъ деньги по усердію, крестятся, попарно кланяются учителю въ землю. Послѣ толкуютъ иногда пророчество, кому что вышло въ словѣ.“

Изъ другихъ источниковъ имѣющихся у насъ подъ руками видно, что если во время радвнія кто-нибудь изъ хлыстовъ начнетъ приходить въ изступленный восторгъ, почувствуетъ что ему захватываетъ духъ (это называется „заблжилъ въ немъ Духъ Святъ“), онъ тяжело дышетъ и начинаетъ вскрикивать: „Вотъ катитъ! Вотъ катитъ!... Духъ Святъ!... Духъ Святъ!... Накатилъ!... Накатилъ!...“ И начинаетъ снова кружиться, кружится какъ дервиши до безпамятства, и послѣ того, не помня себя, произноситъ скороговоркой или нараспѣвъ несвязныя рѣчи. Эти рѣчи и считаются *пророчествами*. *

* О томъ что чувствуютъ въ это время пророки, Василій Радаевъ такъ показывалъ на допросѣ: „Я прихожу тогда въ восторгу многіе и воздыханія неизглаголанныя.“ (*Слѣдственное дѣло объ арзамасскихъ хлыстахъ*. Показаніе Василія Радаева.) Никифоръ Майданскій въ своемъ показаніи (въ томъ же дѣлѣ) говорилъ: „Передъ тѣмъ когда нисходитъ Святой Духъ, чувствую затменіе въ умѣ и стѣсненіе въ груди.“ Федоръ Павловъ, скрывавшій о самыхъ дѣйствіяхъ радвнія, говоритъ о пророчествахъ Радаева слѣдующими словами: „На бесѣдахъ, гдѣ толковалъ Радаевъ свое ученіе, постепенно входилъ онъ въ какую-то горячность разговора, такъ что наконецъ приходилъ въ какое-то затменіе ума и чувствовалъ, какъ онъ про то самъ утверждалъ, особенное стѣсненіе въ груди, которое, по утверженію его, происходитъ отъ дѣйствія Св. Духа, и послѣ котораго онъ впадалъ въ какое-то безпамятство.“ Хлыстъ Иванъ Ивановъ, изъ деревни Вторусской, показалъ о Радаевѣ такъ: „При полученіи Василіи приходилъ въ какое-то затменіе ума и въ безпамятствѣ падалъ на полъ; таковыя же припадки случались и съ Никифоромъ Михайловичемъ Майданскимъ.“ Одинъ хлыстъ, рассказывая о томъ что чувствуетъ онъ во время радвнія, говоритъ: „чувствую что

У хлыстовъ и у скопцовъ нѣтъ установленныхъ пѣсень, которыя бы пѣлись при известномъ случаѣ. Одинъ запоетъ какую-либо известную всѣмъ пѣсню, другіе тотчасъ же ее подхватываютъ и начинаютъ пѣть хоромъ. Иногда изъ одной пѣсни переходятъ въ другую, иногда кто-нибудь поетъ пѣсню импровизованную. Поэтому и нельзя опредѣлительно указать на то какія именно пѣсни поютъ они, приходя въ изступленное состояніе. Вотъ напримѣръ одна пѣсня. Начинаютъ ее хоромъ, протяжно, заунывно, и постепенно возвышая голоса, поютъ скорѣй и скорѣй. Пѣсня изъ *largo* и *pianissimo* мало-по-малу переходитъ въ *vivace allegro* и *fortissimo*. Подъ конецъ поющіе задыхаются, всхлипываютъ, гогочутъ и взвизгиваютъ:

Какъ не золотая трубушка жалобненько вострубила,
Ой да жалобненько, жалобненько,
Возставали, возставали дуи бурные,
Заходили, заходили тучи грозныя...

Соберемтесь-ка мы, братцы, во единъ во соборъ,
Мы посудимте, порадимте такую радость:

Ужь вы вѣрные, вы избранные,
Вы не знаете про то, вы не вѣдаете,
Что у насъ нынѣ на сырой землѣ понадѣалось:

Катаетъ у насъ въ раю птица,
Она летитъ,
Во ту сторону глядитъ,
Да гдѣ трубушка трубитъ,
Гдѣ самъ Богъ говоритъ:
Ой Богъ! ой Богъ! ой Богъ!
Ой духъ! ой духъ! ой духъ!
Накати, накати, накати!
Ой Егà, ой Егà, ой Егà!

во мнѣ во всемъ, внутри меня небесный свѣтъ, а кромѣ меня во всей вселенной нѣтъ ничего; значитъ, Богъ тогда во мнѣ, а безъ Бога ничто же бысть, еже бысть. Вся вселенная, значитъ, вселенлась съ Богомъ въ мою утробу, и кромѣ меня нѣтъ нигдѣ ничего." Сравните съ этимъ слова протопопа Аввакума, известнаго расколочителя временъ царя Алексѣя Михайловича. Аввакумъ писалъ что однажды онъ „былъ въ духѣ“, и въ утробу его вселенлась вся вселенная.

Накатилъ, накатилъ,
 Духъ святъ, Духъ святъ!
 Царь духъ, Царь духъ!
 Разблажилса,
 Разблажилса
 Духъ святъ, Духъ святъ!

Ой горю, ой горю,
 Духъ горитъ, Богъ горитъ,
 Свѣтъ во мнѣ, свѣтъ во мнѣ,
 Святъ духъ, Святъ духъ,
 Ой горю, горю, горю,
 Духъ! ой Егѣ!
 Ой Егѣ, ой Егѣ, ой Егѣ,
 Евое!

Духъ Евой, духъ Евой, духъ Евой...

Пророки и богородицы людей божіихъ пророчествуютъ или отъ своего лица, или въ видѣ словъ идущихъ отъ Бога, иногда же въ видѣ разговоровъ съ Іисусомъ Христомъ, съ Духомъ Святымъ, съ Божіею Матерью и пр. *

Если кто, придя въ изступленное состояніе (это называется *быть въ духъ*), начнетъ пророчествовать (*ходитъ въ слово*), все умолкаетъ. Всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ пророка или пророчицу, принимая ихъ слова за слова самого Бога. Пророчества говорятся въ риему и нерѣдко бываютъ совершенно безсмысленны. Вотъ для примѣра одно общее ко всѣмъ, ко всему собору или кораблю, а другое къ одному лицу:

„Ужь вы, батюшки, братцы и духовныя сестрицы, вы не извольте на землѣ жить и унывать, а извольте твердо на Бога уповать, а я буду вамъ драгоценнаго товару раздавать, а вы извольте на землѣ имъ торговать, царство и блаженный рай въ седьмомъ небѣ доставать.“

„Слушай, братъ, Саваоѣ тебѣ радъ. Я тебя не оставляю, сорокъ

* Изъ дѣла, произведеннаго въ 1851 году о хмыстовской богородицѣ Нижегородскаго уѣзда, села Елховки, Авдотѣй Шамниковой, видно, что когда слѣдователь, чиновникъ особыхъ порученій нижегородскаго губернатора Хотяинцовъ, арестовалъ ее, то „она пришла въ изступленіе, потомъ билась какъ въ припадкѣ (падучей болѣзни) съ полчаса, послѣ припадка пришла въ расслабленіе и скороговоркой начала говорить двумя голосами: отъ себя къ Богородицѣ и отъ Богородицы къ себѣ.“

ангеловъ къ тебѣ приставлю; будутъ тебя стеречь, отъ всякаго зла беречь. Я, Богъ, тебя награжу—хлѣба вволю урожу, будешь ѣсть, пить, меня Бога хвалить; станешь хлѣбецъ кушать, Евангеліе слушать. Вотъ тебѣ отъ Бога сказъ, отъ Святаго Духа указъ. Оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою.*

Послѣ пророчествъ всѣ садятся по мѣстамъ, и начинается общая трапеза: ѣдятъ молочную кашу, блины, молоко, калачи, у богатыхъ пьютъ чай. Это дѣлается на складчину.** Главное, годовое радѣніе бываетъ въ должайшіе іюньскіе дни, около

* Иванъ Андреяновъ, въ донесеніи поданномъ въ февралѣ 1825 года императору Александру Павловичу, о пророчествахъ говоритъ: „многу выпѣваютъ что искупитель-отецъ его любитъ, своего духа посылаетъ, на золотый кругъ посылаетъ, въ золоту трубу трубить заставляетъ (то-есть даръ пророчества даетъ), на бѣлаго коня сажаетъ (удостоить его осклопенія), на Голгофѣ году снаряжаетъ (послаетъ ему страданія). Если кто въ чемъ сомнѣвается въ вѣрѣ, то такому въ словѣ выпѣваютъ: „истинно, истинно, истинно, я богъ, а отецъ, тебѣ прорекаю: повѣрь, любезный сирота, что это истинное дѣло божіе творится, а мѣръ-народъ тому дивится; истинно, истинно, а, отецъ, тебя не покину, тебѣ милость покажу и со грѣхомъ тебя развяжу, и ты будешь у меня отца не пусть, посажу я тебя въ виноградный кустъ, къ тебѣ Духъ Святой будетъ прилетать, а ты изволь его узнавать; и я, отецъ, не дамъ тебя въ іудейскія руки и избавлю тебя отъ вѣчныхъ муки; не дамъ напасть на тебя чернымъ вранамъ; ходитъ за тобой змѣя, и хочется ей тебя ужалить и твою душу погубить, но я, отецъ, тебя сохраняю“. За невѣріе же угрожаютъ разными изреченіями, разными случаями наказанія и болѣзни. Иногда пророки выпѣваютъ давно умершихъ изъ своихъ братьей: Александра Ивановича (Шилова, скопческаго Іоанна Предтечу) и духовную матушку искупителя Акулину Ивановну; что они въ царствѣ небесномъ великіе люди, что они за нихъ Богу молятся и во всемъ имъ помогаютъ. Пророчество ихъ всегда, происходятъ отъ лица искупителя ихъ. Въ концѣ слова иногда выпѣваютъ: „оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою, ангелъ Божій со трубою всегда ходитъ за тобою.“ Прежде выпѣвали въ словѣ: „возлюбленный ты мой“, а теперь поютъ: „любезный сирота“. Изъ пророковъ многіе не учены грамотѣ.

** Священникъ Иванъ Сергѣевъ, въ своемъ *Изъясненіи раскола, именуемаго хлыстовщиной*, говоритъ: „учители строго запрещаютъ ходить въ другіе корабли къ другимъ учителямъ и праздновать на чужихъ праздникахъ, развѣ въ превеликой нуждѣ, дабы не развлекались сердцами и не раздѣлялись любовію ко инымъ учителямъ и братіи иныхъ скопщій.—Между учителями и мянками (пророцды, ухаживающія

Троицына днѣ. Въ то время въ иныхъ, весьма впрочемъ немногихъ корабляхъ, хлысты, радѣя, поютъ пѣсни обращенныя къ „матушкѣ сырой землѣ“, которую отождествляютъ съ Богородицей. Черезъ нѣсколько времени богородица, одѣтая въ цвѣтное платье, выходитъ изъ подполья, вынося на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами. Это сама „мать сыра земля“ со своими дарами. Она причащаетъ хлыстовъ изюмомъ, приговаривая: „даромъ земнымъ питайтесь, Духомъ Святымъ услаждайтесь, въ вѣрѣ не колебайтесь“, * потомъ помазываетъ ихъ водою, приговаривая: „даромъ Божиимъ помазайтесь, Духомъ Святымъ наслаждайтесь и въ вѣрѣ не колебайтесь.“ Говорятъ, будто во время радѣнія, бывающаго въ этотъ день, хлысты радѣютъ болѣе чѣмъ въ другіе дни, и что въ это время изступленнымъ представляется какой-то дымъ, и въ немъ будто бы видятъ они младенца, сіяющаго золотымъ блескомъ. Это называютъ они явленіемъ „золотаго христа“. Какъ скоро покажется это видѣніе, хлысты падаютъ ницъ. **

за большими, особливо за вновь осклапенными) бываютъ между собой ссоры. Ссорятся промежъ себя изъ-за того которую больше любить, у кого чаще сборища бываютъ, и при этомъ случаетъ кому болѣе *гостинцевъ* приносятъ, у кого больше народу бываетъ.“ У людей достаточныхъ угощеніе бываетъ на ихъ счетъ, а не на складчину.

* О причащеніи изюмомъ говоритъ и Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ* (часть III, стр. 572). У послѣдователей скопческой ереси, происшедшей изъ хлыстовщины, есть портреты аскушителя, на которыхъ онъ всегда изображается сидящимъ у стола, на которомъ лежатъ плоды и виноградъ.

** О причащеніи изюмомъ „матерью сырою-землею“ не упоминается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ свѣдѣнныхъ дѣлъ, хотя люди Божіи изъ этого обряда не дѣлаютъ большаго секрета. О явленіи „золотаго христа“ хлыстовская богородица Анна Федоровна въ Вольскомъ тюремномъ замкѣ разказывала слѣдующее: „хлысты до тѣхъ поръ себя хлыщутъ, пока не всколышется въ чашѣ вода. Колыханіе въ чашѣ воды бываетъ не по каждому моленію, а послѣ двухъ, трехъ, четырехъ разъ. Сверхъ сихъ моленій бываетъ еще годовое моленіе среди лѣта, во весь самый большой день и ночью, тѣмъ же порядкомъ, а когда всколебается вода, то всѣ, ставъ на колѣна, видятъ надъ чашомъ туманъ, а въ туманѣ младенца, сіяющаго свѣтомъ. Въ сію минуту они приходятъ въ ужасный трепетъ, дѣлаются безъ движенія, потомъ опаматовавшись и пришедъ въ себя, какаяся другъ другу, говорятъ: „поздравляю тебя съ видѣніемъ христа.“ Послѣ того воду изъ

Во время тѣхъ радвнй на которыхъ совершается причащеніе хлыстовъ, они, послѣ пророчества, по обыкновенію, садятся за столъ, христоръ, пророкъ или богородица рѣжетъ бѣлый хлѣбъ, и раздавая куски людямъ божіимъ, произноситъ слова: *примите, идите* и пр. Въмсто вина, котораго хлысты ни въ какомъ случаѣ не пьютъ, христоръ, богородица или пророкъ причащаютъ ихъ водою, иногда квасомъ.

X.

Кромѣ изложенныхъ обрядовъ, совершаемыхъ послѣдователями хлыстовщины во время ихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ радвнй, ихъ большихъ и малыхъ праздниковъ, въ нѣкоторыхъ „корабляхъ“, но далеко не во всѣхъ, изрѣдка (можетъ-быть, лѣтъ черезъ десять и болѣе) совершаются

чана берутъ въ посудѣ по домамъ, какъ святыню (преосвященнаго Іакова архіепископа Нижегородскаго, *О хлыстахъ въ Саратовской губерніи*). О явленіи „золотога христа“ упоминается и въ свѣдѣственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ. Пророкъ Никифоръ Майдавскій въ своемъ показаніи говорилъ: „я не видалъ золотога христа въ видѣніяхъ, какъ это всегда бываетъ у другихъ хлыстовъ“. Прочіе хлысты почему-то объ этомъ не были спрошены. Такъ-называемый „золотой христоръ“ изображается у хлыстовъ и сконцовъ на картинахъ. На одной картинѣ нарисована гора, на ней бѣлый барашекъ, подлѣ него мальчикъ въ бѣлой сорочкѣ, подолъ которой выше коленъ. Бѣлокурый мальчикъ съ длинными волнистыми волосами, голыя ноги его красиво обвиты красными лентами крестъ-на-крестъ. Стоитъ онъ изогнувши нога на ногу, одной рукой держитъ переднюю ножку агнца, а другою обнимаетъ его шею, голову же преклонилъ къ головѣ барашка. Тутъ же прислоненный къ горѣ жезлъ съ четвероконечнымъ крестомъ на верху; перевязанъ тотъ жезлъ бѣлымъ подотенцемъ (знаменемъ хлыстовскимъ). На другой картинѣ изображенъ на облакѣ мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ, на верху его бѣлый голубь. Отъ голубя (Святый Духъ) лучи падаютъ на голову мальчика, вокругъ херувимы. Копіи съ этихъ картинъ приложены къ книгѣ покойнаго Надеждина *Изслѣдованіе о сконческой ереси*. Но эти и другія картины не самими хлыстами или сконцами сочинены. Онѣ взяты ими съ вицетокъ, которыми украшались русскіе переводы нѣмецкихъ мистиковъ Юнга Шталацка, Экартсгаузена и др. Совершенно несправедливо сообщаютъ нѣкоторыя газеты извѣстіе будто такія картины находятся во всякомъ сконческомъ домѣ. Напротивъ, онѣ очень рѣдки.

отвратительные обряды „христовой любви“ и „причащенія тѣла и крови“. Повторяемъ, совершается это далеко не во всѣхъ корабляхъ и чрезвычайно рѣдко.

„Христовою любовью“ называется общій развратъ корабля, происходящій послѣ радвнїя, когда и мужчины и женщины находятся въ изступленномъ состоянїи. Этотъ развратъ, не разбирающій ни возраста, ни узъ родства ^{объясняется} двояко. Одни хлысты говорятъ что они, поступая такъ, *грѣхомъ грѣхъ истребляютъ*. * Но есть, кромѣ того, свѣдѣнїя, что хлысты отъ времени до времени дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобъ имѣть дѣтей рожденныхъ, какъ они говорятъ, отъ Духа Свята (такъ-называемыхъ „христосиковъ“). Если какая женщина сдѣлается беременною, она принимаетъ санъ богородицы, и рожденный ею считается „не отъ крове, не отъ похоти плотскїя, не отъ похоти мужескїя, но отъ Бога родившимся“.

Дикїй обрядъ „христовой любви“ въ иныхъ, немногихъ, конечно, хлыстовскихъ корабляхъ соединяется съ другими, еще болѣе отвратительными, еще болѣе ужасными обрядами: причащенія тѣлу и крови.

Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россїи въ началѣ сороковыхъ годовъ, которому нашимъ правительствомъ предоставлены были всѣ способы, какъ вещественные такъ и не-вещественные, къ собранїю всевозможныхъ свѣдѣнїй, такъ передаетъ откровенный разказъ одного хлыста Ярославской губернїи: „Во время моленїя, въ чанѣ, наполненный теплою водою, сажаютъ пятнадцатилѣтнюю или шестнадцатилѣтнюю дѣвushку, которую успѣли склонить къ оскотленїю. Когда она усядется въ чанѣ, къ ней подходятъ старухи, дѣлаютъ глубокой надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ, лѣвый, и съ удивительною ловкостью останавливаютъ теченїе крови. Во время этой операціи дѣвushкѣ даютъ въ руки икону Святаго Духа, чтобъ она, углубившись въ благоговѣйное созерцанїе, легче переносила страшную боль. Потомъ отрѣзываютъ часть тѣла, кладутъ на блюдо, разрѣзы-

* Радаевъ говорилъ: „Христосъ принялъ плоть отъ Адама, чтобы грѣхомъ грѣхъ потребить, а я принялъ плоть и творю плотское, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить.“ Показанїе хлыста Лобанова въ *Сльдственномъ дѣлѣ объ арзамасскихъ хлыстахъ*.

заютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ, которые и ѣдятъ ихъ. Когда кончится это людовѣдство, ту дѣвushку сажаютъ на возвышенное мѣсто, особо для нея устроенное, и все собраніе начинаетъ вокругъ нея плясать, припѣвая:

Поплясатомъ, погорахомъ
На Сіонскую гору.* *

Баронъ Гакстгаузенъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ легковѣрныхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые, говоря о Россіи, допускаютъ въ разказахъ своихъ всевозможныя нелѣпности. Его свидѣтельство достоверно. Мнѣ самому случалось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знавшихъ хлыстовскіе корабли, разказъ о гнусномъ людовѣствѣ, равно какъ и о закланіи младенцевъ мужескаго пола, раждаемыхъ богородицей. То же самое слышалъ г. Кельсievъ за Дунаемъ отъ одной богородицы Авдотьи Ивановны, бѣжавшей изъ Курской губерніи, у которой хлысты съѣли лѣвую грудь и выпили кровь ея осьмидневнаго ребенка.

Вотъ разказъ записанный мною лѣтъ пятнадцать тому назадъ со словъ одного крестьянина, бывшаго въ хлыстовской ереси.

Въ христы, въ богородицы, въ пророки, какъ у хлыстовъ, такъ и у скопцовъ, поступаютъ не по выбору, а такъ сказать по вдохновенію.** Привлекается въ корабль молодая дѣвushка, чистой жизни. Если замѣчаютъ что на нее сильно дѣйствуютъ тѣлодвиженія, употребляемыя при радѣніяхъ, а еще лучше, если и безъ радѣній случаются съ нею припадки въ родѣ истерики, при чемъ она впадаетъ въ безпамятное изступленіе („кликша“ по народному названію), то на нее начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на

* *Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie.* T. I, стр. 308; примѣчаніе. Это приведено и въ *Православномъ Собесѣдникѣ* (1858, № 7, стр. 404 и 405), но безъ означенія откуда заимствовано.

** Священникъ Иванъ Сергѣевъ говоритъ: „въ самъ пророка, Христа, богородицы, поступаютъ не по благословенію учителей, и никакого видимаго постановленія не бываетъ, все дѣлается по прореченію на кругу.“

избранный сосудъ. То же самое и относительно мушницъ. Черезъ нѣсколько времени, когда молодая дѣвушка участвуетъ въ „бесѣдѣ“, подходитъ къ ней пророчица и начинаетъ выпѣвать въ родѣ слѣдующаго:

Молодая ты юница,
 Богу милая пѣвица,
 Чистая отроковица,
 Красная дѣвица,
 Полюбилъ тебя Богъ,
 Самъ Господь Саваоѣъ.
 Благословенна ты въ женахъ,
 Родиль Спаса въ пеленахъ,
 Во святыхъ во знаменахъ,
 Въ золотыхъ во теремахъ.
 Люди божьи тебѣ помолятся,
 Всѣ цари, короли поклонятся;
 Будешь ты святая юродица,
 Матушка пресвятая богородица,
 Отъ тебя христосъ народится,
 Дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься

Дѣвушка сначала и сама не знаетъ что это означаетъ, но чрезъ нѣсколько времени начинаетъ понимать что ее возводятъ въ величайшій для женщины санъ хлыстовъ, въ санъ богородицы. *

Старыя пророчицы снимаютъ съ нея одежды и раздѣтую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Начинается обожаніе. Новой богородицѣ съ крестнымъ знаменіемъ кланяются въ землю и прикладываются кто къ ногѣ, кто къ рукѣ, кто къ груди и пр. Называютъ ее богородицей, царицей небесной, владычицей и т. п. Молятся ей и просятъ сподобить причаститься пречистаго тѣла ея, а когда отъ Духа Свята отъ нея „христосикъ“ родится, причаститься и его животворящей кровью....

Новая богородица на этой же „бесѣдѣ“, или чрезъ

* Въ сокращенныхъ *Страдахъ или Посланіи отъ истиннаго сына искупителя* есть возлюбленнымъ дѣтушкамъ (оно напечатано въ четвертой книжкѣ *Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1864 года) сказано что сокращенная богородица Акулина Ивановна говорила: „всѣ пророки иже поютъ будто отъ меня сынъ божій народится; а этому и сама диваюсь“.

нѣсколько времени, на другой, радѣть (въ бѣлой полотняной рубашкѣ), припѣвая:

Я люблю, люблю дружка,
Саваоа въ небесахъ.

Ей, ей, люблю!

Ей, ей, люблю!

Радѣнія продолжаютъ... Быстрѣй и быстрѣй всё вертятся... Все оканчивается „христовой любовью“....

Съ этой поры корабль, воздавая избранной дѣвушкѣ божескія почести, поетъ, обращаясь къ ней на радѣніяхъ, „похвалу богородицы“:

Въ чистомъ полѣ, при дорожкѣ, стояла свѣтлица,

Эта свѣтлая свѣтлица—дѣвственное тѣло;

Красивѣй солнца, свѣтлѣй свѣта, бѣлѣй она снѣгу. и пр. *

Ее дарятъ разными вещами, а когда прислуживающія ей „пророчицы“ и „праведныя“ замѣчаютъ что она беременна, собираютъ корабль и совершаютъ обрядъ причащенія тѣломъ богородицы, о которомъ упоминаетъ баронъ Гакстгаузенъ.

Для этого ставятъ среди горницы чанъ съ теплою водою. Богородица сначала радѣть какъ и другіе, потомъ ее раздѣваютъ и сажаютъ на престолъ подѣ иконы. Послѣ обоженія, пророчицы ведутъ ее къ чану, сажаютъ туда, и даютъ въ руки икону Нерукотвореннаго Спаса **, которую она держитъ надъ головой. Вокругъ чана весь корабль радѣть при громкихъ пѣсняхъ, въ которыхъ величаютъ богородицу и просятъ ее сподобить людей Божіихъ причаститься ея пречистаго тѣла. Наконецъ одна изъ старыхъ богородицъ или пророчица отрѣзываетъ у ней лѣвую грудь и прижигаетъ рану раскаленнымъ желѣзомъ. Отрѣзанную часть тѣла рѣжутъ на деревянномъ кружкѣ въ кусочки и причащаются ими.

Дѣлаютъ это въ иныхъ случаяхъ съ дѣвушками непорочными, но такія не называются богородицами, а только

* Обѣ послѣднія пѣсни заимствованы изъ архива департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онѣ присланы изъ Тульской губерніи.

** Баронъ Гакстгаузенъ говоритъ, что даютъ икону Святаго Духа. Но такой иконы у насъ, сколько извѣстно мнѣ, нѣтъ. Я слышалъ, что при этомъ употребляется образъ Нерукотвореннаго Спаса. То же сказывали и В. И. Кельсиеву за Дунаемъ.

пророчицами или же богинями. Богинями зовуть, впрочемъ, и богородицъ.

Если отъ изуродованной такимъ образомъ дѣвочки родится дочь, ее отдають матери, и эта дѣвочка въ послѣдствіи обыкновенно сама дѣлается богородицей или пророчицей. Но если родился мальчикъ, онъ считается сыномъ божіимъ и называется „христосикомъ“. На восьмой день его закалають въ лѣвый бокъ, такимъ же копіемъ какое употребляется въ церквахъ, пронзають ему сердце и причащаются горячею кровью. Тѣло сушатъ и превращають въ порошокъ, съ которымъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водою.

Объ этомъ ужасномъ изувѣрствѣ разказываетъ Святый Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ*. Онъ пишетъ что между Вологдой и Каргополомъ жилъ въ его время изувѣръ, считавшійся святымъ и преподобнымъ, и съ нимъ жило много учениковъ и ученицъ, „ученіемъ бо его лестнымъ и лицемѣрнымъ житіемъ влекомы бяху къ нему, аки къ великому угоднику Божію. Учасе же той славимый мнимый святець тайно, еже вѣтъ жити блудно безо всякаго зазора, глаголя яко нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію, но любовь есть.“ Однажды къ нему пришли два человекъ и сказали, что такая-то дѣвица родила мальчика: „Той же окаянный мнимый святый пустынникъ рече имъ: не рѣхъ ли вамъ прежде сего, да егда та дѣвица родить отроча, абіе у новорожденнаго младенца ножемъ, поднявъ груди, измете сердце и да принесете на блюдѣ ко мнѣ? Идите убо и сотворите якоже рѣхъ вамъ. Они же абіе отшедше, по маломъ часѣ принесоша на блюдѣ древяномъ онаго новорожденнаго младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и владоша ему. Онъ же возьмъ ножъ, своими руками разрѣза е на четыре части и рече имъ: „пріимите сіе, и въ печи изсушивъ, истолките.“ Скверные же тіа сауги окаяннаго онаго пустынника, шедше сотвориша повелѣнное имъ и паки принесоша къ нему истолченное въ муку младенческое сердце. Пустынникъ же возьмъ листъ писція бумаги и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки, и призвавъ нѣкія послушники своя, рече имъ: „возьмите бумажки сіи со святынею“ и пр. *

* *Розыскъ*, III, 534 и слѣд.

О такихъ дѣтубійцахъ въ прошломъ столѣтїи говорилъ и Теофилактъ Лопатинскій въ своемъ *Обличенїи неправды раскольнической*. Въ нынѣшнемъ столѣтїи, въ составленномъ, по приказанію рязанскаго епископа Симона, *Наставленїи состязаться съ раскольниками*, тоже о нихъ упоминается.

Бумажки съ порошкомъ, въ которомъ подозрѣвался тотъ порошокъ о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, находимы были при обыскахъ у хлыстовъ и скопцовъ, но не было случая чтобъ изувѣрное преступленіе было вполне обнаружено и юридически доказано.

Изувѣры, извращенно толкуя святое Евангеліе, полагаютъ что Дѣва Марїа также отдала на восьмой день обрѣзать Іисуса Христа, то-есть заклать его для причащенїа вѣрныхъ его тѣломъ и кровью. Обрѣзаніе (то-есть закланіе) совершено было, говорятъ они, пророкомъ Симеономъ и пророчицею Анною. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, продолжаютъ они, Дѣва Марїа родила *духовно*, то-есть обратила въ вѣру людей божїихъ Іисуса, сына плотника Іосифа, который и сдѣлался Христомъ. Точно также, говорятъ они, столѣтняя богородица Арина Нестеровна, въ молодости отдавшая рожденнаго ею христосика въ „снѣдь вѣрнымъ“, духовно родила Христа Ивана Тимоеевича; богородица Акулина Ивановна — Христа Петра Федоровича, основателя скопчества, и т. д.

XI.

Секта бѣлыхъ голубей выдѣлилась изъ хлыстовщины, какъ выдѣлились изъ нея, съ одной стороны—монтане, духовники, а съ другой—секты Татариновой и адамистовъ, существовавшїя въ образованномъ обществѣ Петербурга. Въ сущности же всѣ эти секты какъ по вѣрованїямъ такъ и по обрядамъ, одно и то же. *Скопцы отличаются отъ хлыстовъ единственно физическимъ изуродованїемъ тѣла, составляя съ ними одну и ту же секту.*

Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что скопчество началось въ хлыстовскихъ корабляхъ еще при богородицѣ Настасьѣ Барповнѣ, казненной въ 1733 году *. Сыномъ богородицы

* См. Дѣло въ архивѣ департамента общїихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1817 г., № 20. Въ немъ есть записка министра полицїи, внесенная въ комитетъ министровъ. Въ этой запискѣ

Настасья Карповна, то-есть родившимся или открывшимся отъ нея духовно былъ христосъ Андрей Петровичъ, юродивый, въ домѣ котораго, какъ сказано выше, въ 1745 году были открыты хлыстовскія сборища, по указанію сыщика Ваньки Каина. Куда дѣвался Андрей юродивый по окончаніи дѣла въ 1752 году, неизвѣстно. Но вотъ его слѣды, отысканные въ дѣлахъ позднѣйшаго времени.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тульской провинціи появилось двое бродягъ: скопцы Андрей и Кондратій, называвшіе себя монахами и кievскими затворниками. Первый изъ нихъ, старшій годами, былъ, почти безспорно можно сказать, тотъ самый христосъ Андрей юродивый, чтó успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій правительства въ 1752 году, вѣроятно при содѣйствіи своихъ покровительницъ изъ высшаго московскаго общества. Другой, помоложе его, Кондратій Ивановичъ Селивановъ, былъ лицомъ не менѣе загадочнымъ. Въ послѣдствіи оказалось, что это былъ крестьянинъ Орловской губерніи, села Столбова. Затворники Андрей и Кондратій пришли въ нынѣшній Алексинскій уѣздъ. Въ домѣ фабриканта купца Лугинина нашли они крестьянина Емельяна Ретивова, принадлежавшаго къ хлыстовской сектѣ, уговорили его „убѣдиться“ (принять оскотленіе), доказывая что онъ долженъ это сдѣлать, если желаетъ чисто и свято соблюсти истинную вѣру „людей божіихъ“. Кромѣ Ретивова они „убѣдили“ еще нѣсколько другихъ фабричныхъ крестьянъ.

Ретивовъ поѣхалъ въ Тамбовъ для покупки кожъ и проѣздомъ, въ селѣ Сосновкѣ, чтó близъ Моршанска, вовлекъ въ свою секту дворцоваго крестьянина этого села, хлыста Софона Авдѣева Попова. Этотъ Поповъ, согласясь съ сыномъ своимъ

сказано: „петербургскіе скопцы разказываютъ, что секта ихъ началась прежде 1770 г. (какъ они были въ первый разъ открыты), потому что въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны Иоанновны дѣвка Настасья Карпова и три другія дѣвки, происшедшія оскотленія отъ Моисея, были схвачены, привезены въ Петербургъ и по именному повелѣнію казнены на Сытнѣонъ рынкѣ.“ Въ дописаніи, подаанномъ въ февралѣ 1825 года крестьяниномъ Костромской губерніи, Галицкаго уѣзда, Иваномъ Андреевичемъ императору Александру Павловичу, сказано, что у скопцовъ сохраняется преданіе о Настасьѣ Карповѣ, которая скопчила (*Дѣло департамента объухъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1825 года, № 15*).

Ульяномъ, съ крестьянами Иваномъ Прокудинымъ, Пименомъ Плотичинымъ * и съ приходскимъ своего села дьякономъ Семеномъ Алексѣевымъ, поѣхали въ Алексинскій уѣздъ къ Ретивому, гдѣ бродяга Андрей и убѣдилъ ихъ всѣхъ. Послѣ того еще нѣсколько крестьянъ изъ Сосновки ѣздило съ тою же цѣлю къ Ретивому. Въ его домѣ бродяги Андрей и Кондратій и ихъ убѣдили. Наконецъ, въ началѣ 1774 года, Андрей и Кондратій съ какимъ-то мальчикомъ сами ѣздили въ Сосновку, прожили у Софона Попова двѣ недѣли, масляную и первую Великаго поста, убѣдили еще многихъ Сосновскихъ крестьянъ, и въ домѣ Софона Попова завели *домъ божій*, куда всѣ сосновскіе „бѣлые голуби“ собирались на радвяня, отдѣльно отъ хлыстовъ, которыхъ было тогда довольно много въ селѣ Сосновкѣ. Всего Андреемъ и Кондратьемъ въ двѣ недѣли убѣдено въ Сосновкѣ до шестидесяти человекъ.

Священники села Сосновки, Герасимъ Лазаревъ и Иванъ Емельяновъ, узнавъ о сборищахъ въ домѣ Софона Попова и о томъ что въ общество новоявившихся бѣлыхъ голубей вступили церкви ихъ дьяконъ Семенъ Алексѣевъ и дьячокъ Алексѣй Савельевъ, 16-го марта того же 1774 года донесли о томъ тамбовскому епископу Θεодосію. Архіерей о сосновскихъ крестьянахъ сообщилъ тамбовской провинціальной канцеляріи, а принадлежавшихъ къ духовному сословію самъ допросилъ въ консисторіи, и 25-го мая 1774 года представилъ о нихъ въ святѣйшій синодъ.

Тамбовскія провинціальная канцелярія и духовная консисторія еще не кончили слѣдственныхъ дѣлъ о сосновскихъ скопцахъ, какъ въ Моршанскѣ пріѣхалъ статскій совѣтникъ Александръ Волковъ для производства слѣдствія.

* Едва ли не прадѣдъ нынѣшняго моршанскаго купца, Максима Плотичина. Въ дѣлѣ, производившемся о моршанскихъ скопцахъ съ 1840 по 1841 г., видны имена Поповыхъ, Плотичиныхъ, Селивановыхъ, происходящихъ отъ основателей секты. Замѣчательно что и тогда, какъ теперь, къ дѣлу привлечено было много женщинъ. Моршанскъ и Сосновка—колыбель скопчества, и мѣсто рожденія знаменитой богородицы Анны Софоновны Поповой, воспѣваемой въ пѣсняхъ бѣлыхъ голубей. Она была дочерью Софона Авдѣевича, отличалась въ молодости рѣдкою красотой и была жива еще въ пятидесятыхъ годахъ. Мы еще встрѣтимся съ нею въ этомъ трактатѣ. Младшая сестра ея, Афросинья Софоновна, была пророчицей въ Петербургѣ и тоже отличалась красотой.

Это было первое дѣло о скопцахъ. Волкову императрица предоставила право не только произвести слѣдствіе, но и положить рѣшеніе надъ виновными. Августа 16-го онъ объявилъ приговоръ: бродяга Андрей былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу *, Кондратій Селивановъ приговоренъ къ такому же наказанію, но такъ какъ во время слѣдствія онъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, то на нѣкоторое время и избавился отъ наказанія. Вскорѣ однако онъ былъ отысканъ, и чрезъ мѣсяць послѣ наказанія Андрея, 15-го сентября 1774 года, высѣченъ кнутомъ въ Сосновкѣ и сосланъ въ Иркутскую губернію въ вѣчную ссылку. Первые вступившіе въ секту бѣлыхъ голубей и склонявшіе въ нее другихъ были на торгу биты батогами и сосланы въ крѣпостную работу въ Динаминдъ. Этой участи подверглись: Софоя Поповъ, Пимень Плотыцынъ, Иванъ Семикинъ, Иванъ Прокудинъ, Кузьма, неизвѣстный по прозванію, дьяконъ Семень Алексѣевъ, и дьячокъ Алексѣй Савельевъ. Остальные безъ наказанія оставлены на мѣстѣ жительства. Имъ только подтвердили чтобъ они не уклонялись отъ православної церкви и не склоняли въ скопчество другихъ. **

Слѣдствіе производилось не въ одной Сосновкѣ. Надъ бѣлыми голубями, обнаруженными въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской и Тульской, производили слѣдствія особья

* Андрей до того времени распространялъ скопчество въ Орловскомъ уѣздѣ. Въ *московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ*, въ дѣлѣ 16-го января 1801 г., № 53 (181.300), есть донесеніе орловскаго вице-губернатора Протасова, отъ 15-го декабря 1800 года, московскому военному губернатору фельдмаршалу графу Салтыкову, въ которомъ сказано: „Изъ найденныхъ въ орловскомъ округѣ скопцовъ, крестьянинъ Федоръ Еремѣевъ Лопатынъ показалъ: аѣтъ двадцать или больше (стало-быть въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія), пришедшій къ нашу деревню Богдановку Сѣвскаго округа, села Брасова, помѣщика Апраксина, крестьянинъ Андрей Ивановъ (?), обольстивъ искусствомъ своимъ въ скопленіи къ избѣжанію грѣховъ, произвелъ оное въ деревнѣ ихъ тридцати человѣкамъ. По узнаніи о семъ ихъ помѣщикомъ полковникомъ Александромъ Турчаниновымъ, всѣ они представлены были тогда въ бывшую орловскую провинціальную канцелярію, по присужденію которой начинщикъ Андрей Ивановъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ ссылку, а онъ и товарищи его освобождены на прежнее жилище безъ наказанія.“

** *Дѣло департамента общинахъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1817 г., № 20.

коммисіи, дѣйствовавшія подъ руководствомъ того же Волкова. Такъ въ Тулѣ былъ публично наказанъ и потомъ сосланъ въ Динаминдскую крѣпость ближайшій ученикъ Селиванова и главнѣйшій его помощникъ, крестьянинъ деревни Масловой, Алексинскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Шаловъ, признаваемый скопцами за Иоанна Предтечу.

Таковы свѣдѣнія извлеченныя изъ официальныхъ дѣлъ. Обратимся теперь къ скопческимъ сказаніямъ.

Изъ *Страды или Посланія отъа искупителя*, и изъ показаній данныхъ скопцами при производствѣ разныхъ слѣдствій, о Кондратѣ Селивановѣ извѣстно слѣдующее:

Онъ былъ родомъ изъ села Столбова, Орловской провинціи, принадлежалъ къ хлыстовской сектѣ и находился въ кораблѣ богородицы Акулины Ивановны. По словамъ Селиванова, въ этомъ кораблѣ было тысяча человекъ, и между ними первою и главною пророчицей была Анна Романовна. „Она узнавала въ морѣ и рѣкахъ“, разказываетъ Селивановъ, „когда будетъ рыбъ ловъ, а въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по явности она прославлялась. Знавши объ ономъ, многіе изъ міру (то-есть не хлысты) приходили къ ней и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ, ѣздить ли ловить или кѣтъ? И если она велитъ кому сѣять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ, а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ, не уродится хлѣбъ.“ *

Въ тотъ день когда Селивановъ вступалъ въ корабль Акулины Ивановны, „ходила въ словѣ“, то-есть прорицала, Анна Родионовна. На радѣннѣ было восемьдесятъ человекъ. Когда онъ пришелъ въ собраніе, Анна Родионовна стала радѣть, и пророчествуя, сказала, обращаясь къ новому члену корабля:

— Самъ богъ пришелъ! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ! **

Взявъ крестъ, стала она подходить по порядку къ каждому бывшему на собраніи, давая его въ руки. Къ Селиванову подошла она къ послѣднему. Тотъ, будучи человекомъ смиреннымъ, и теперь, какъ и послѣ всегда, сидѣлъ на послѣднемъ мѣстѣ, у самаго порога. Онъ никогда ничего не говорилъ на собраніяхъ, оттого и прозвали его „молчанкой“.

* *Страды искупителя въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1864 г. № 4, смѣсь.

** Бѣлый конь — символъ скопчества, какъ и бѣлый голубь.

Подойдя къ Селиванову, Анна Родіоновна отдала ему крестъ, и обращаясь къ пророкамъ, заговорила въ „духѣ“:

— Ступайте на округу, угадайте у кого богъ живетъ?

Пророки пошли по кругу и стали промежь себя искать бога, искали у всѣхъ богатыхъ, у всѣхъ первыхъ людей, но ни у кого не нашли присутствія божества. Анна Романовна, въ изступленномъ восторгѣ, сказала имъ отъ имени бога:

— Для чего жъ вы меня, бога, не нашли? Гдѣ я пребываю?— И указавъ на Кондратя прибавила: — Вотъ гдѣ богъ живетъ!

Приказавъ выдвинуть на средину горницы сундукъ, она сѣла на немъ, и посадивъ возлѣ себя Кондратя, стала ему выпѣвать такое пророчество:

„Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя ихъ спрашивать, а ты никому не давай и не показывай, сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А теперь тебя хотятъ всѣ предать, но хоть ты и будешь сосланъ далеко, хоть и наложатъ тебѣ оковы на руки и на ноги, но по претерпѣннѣ великихъ нуждъ, возвратишься ты въ Россію и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лицо, и станешь ты судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полкѣ полкамі!...“

Такъ былъ встрѣченъ Кондратій при вступленіи въ хлыстовскій корабль. Онъ оставался смиреннымъ, занималъ всегда посажденное мѣсто, и притворяясь нѣмымъ и глухимъ, никогда не пророчествовалъ. Никто не слышалъ его голоса, иные думали что онъ и въ самомъ дѣлѣ глухонѣмой. Но „сила была въ немъ“, какъ выражаются хлысты и скопцы. Разъ завала его пророчица Анна Родіоновна въ особую горницу, съ дѣлію привести его въ восторженное изступленіе чтобъ онъ заговорилъ.

— Я давно хочу съ тобой побесѣдовать, сказала она: — садись возлѣ меня.

И посадя Селиванова, схватила крестъ. Желая привести его въ изступленіе, она сказала:

— Приложись ко кресту!

Но Кондратій самъ взялъ у нея крестъ и проговорилъ:

— Дай-ко я приведу тебя самое.

Пророчица удивилась.

— Ахъ, да и ты говоришь! сказала она. — Чтѣ жъ это мы никогда не слышали чтобъ ты съ кѣмъ говорилъ?

„И тутъ накатилъ на нее духъ мой“, разказываетъ Селивановъ, „и она сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ, и я было испугался того какъ это богъ мой ничего не знаетъ. Взялъ дунулъ на нее своимъ духомъ, и она какъ отъ сна пробудилась, встала, и перекрестившись, сказала: „О, Господи! Что такое со мной случилось? О, куда твой богъ великъ! Прости меня!“ Взяла и приложилась ко кресту, и говорила: „Ахъ! что я про тебя видѣла!“ Я сказалъ: „Что такое видѣла? скажи, такъ и я тебѣ скажу.“ И тогда она стала мнѣ называть пророчество.“

Вотъ оно, второе пророчество Анны Родионовны Кондратью Селиванову:

— Полетѣла отъ тебя птица по всей вселенной всѣмъ возвѣститъ, что ты богъ надъ богами, царь надъ царями, пророкъ надъ пророками.

— Это правда, спокойно отвѣчалъ ей Селивановъ.—Смотри же никому про то не сказывай.

Но и послѣ того Кондратій Селивановъ по-прежнему молчалъ на радѣньяхъ. Въ то время поступилъ въ корабль Акулины Ивановны новый хлыстъ, Александръ Ивановичъ Шиловъ. „Это былъ, говоритъ Селивановъ, мнѣ другъ и наперсникъ, родился онъ съ благодатью. Еще въ мѣрѣ (то-есть до поступленія въ хлысты) Бога узналъ, произошелъ всѣ вѣры, былъ переkreщенецъ и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: „не истинна наша вѣра, и постоять не за что. О, еслибы нашелъ я истинную вѣру Христову, не пощадилъ бы своей плоти, радъ бы головушку за нее сложить, отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить.“

„И Господь, услышавши сіе его обѣщаніе, продолжаетъ Селивановъ, избралъ его мнѣ въ помощника. Потому и говорилъ я чрезъ искупительскія уста свои (одному изъ хлыстовъ):

— Романушко! Поди, любезный, къ одному человѣку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему о моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ и оною желаетъ на путь истины придти.

Романъ пошелъ къ Шиллову и сказалъ ему:

— Александрюшка! Не можно ли какъ получше жить?

— Нѣтъ, еслибъ ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, я бы съ нимъ поговорилъ, а съ тобой говорить

ми: вѣчего. Знаю что нѣтъ его больше на свѣтѣ, и что только онъ одинъ можетъ грѣховный нашъ узелъ развязать.

Селивановъ самъ пошелъ къ Шилову. И только что подошелъ къ его дому, какъ тотъ встрѣтилъ его словами:

— Вотъ кого надо. Кого сорокъ лѣтъ я ждалъ, тотъ идетъ. Ты нашъ истинный свѣтъ, ты просвѣтишь всю тьму, ты освѣтишь всю вселенную, тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся. И тебѣ я съ крестомъ поклонюсь (то-есть перекрестившись, и даже обѣими руками). Ты одинъ, а насъ много, и радъ я за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить. Кто какъ хочетъ, а я *почитаю тебя за сына божія*. И ты живи на землѣ, а я прежде тебя сойду. Тебѣ еще много дѣла надо на землѣ сдѣлать, чистоту свою утвердить и всю лѣпость истребить, всѣхъ пророковъ сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить.

Такъ исповѣдывалъ сына божія Кондратія Ивановича Селиванова Александръ Ивановичъ Шиловъ. За это исповѣданіе онъ признается бѣлыми голубями за Іоанна Предтечу.

Кондратій благословилъ его, далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ (то-есть ножъ, который потомъ употреблялся при операціяхъ), и сказалъ:

— Вотъ тебѣ мой мечъ, будешь у многихъ деревьевъ сучья свѣчь.

И много съ нимъ бесѣдовалъ „молчанка“ Кондратій, какъ ни съ кѣмъ еще не бесѣдовалъ, и послалъ онъ его къ богородицѣ Акулинѣ Ивановнѣ чтобъ она приняла его въ корабль свой, и велѣлъ онъ Шилову поклониться ей со крестомъ. А до тѣхъ поръ съ крестнымъ знаменіемъ у хлыстовъ не кланялись.

Когда Шиловъ вошелъ въ соборъ, и крестясь, три раза поклонился Акулинѣ Ивановнѣ, а потомъ на всѣ четыре стороны, всѣ удивились. Стали говорить: „никакъ онъ ужъ давно приведенъ (обращенъ въ хлыстовскую секту)? Да кто его научилъ съ крестомъ кланяться?“ И сказалъ Шиловъ про Селиванова что онъ научилъ его. Тутъ вышелъ на середину пророкъ, сталъ радѣть и такое пророчество выпѣвать Александру Ивановичу:

„Подъ-ко, братъ, молодець! Давно тебя дожидаль, ты мнѣ, богу и духу святому, надобенъ. Благословляю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ христомъ; вотъ тебѣ отъ самого божьяго сына мечъ, имъ много будешь грѣховъ свѣчь, и дастся

тебѣ Книга Голубина отъ божьяго сына. Ты самъ о томъ знаешь съ кѣмъ бесѣдовалъ, и отъ васъ много народу народится; знать опять старинка хочетъ явиться.“

Богородица Акулина Ивановна позвала Александра Ивановича къ себѣ и стала спрашивать:

— Кто тебя сюда прислалъ? Никакъ ты приведенъ?

— Вы матушка сами изводите знать, отвѣчалъ предтеча богородицѣ, — что мы всѣ отъ одного приведены, отъ сына божія да отъ владычицы.

— Знаю, знаю, отвѣчала Акулина Ивановна, — поди же теперь, поклонись ему отъ меня.

До сихъ поръ сношенія съ начальницей корабля Акулиной Ивановой молчавшаго при всѣхъ Кондратя Селиванова бывали лишь тайныя. Тайно обратили они Шилова въ хлыстовщину, тайно и утверждали его въ вѣрѣ. Когда Александръ Ивановичъ пришелъ отъ богородицы къ Селиванову, то разказалъ ему про всю свою бесѣду съ ней.

— О, государь батюшка! сказалъ онъ:—что вы изволили говорить, то и пророки пѣли *, а матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мной, что „это-де мой сыночекъ, что всѣ пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ божій народится, а я этому и сама дивлюсь“.

— Ну, любезный мой сыночекъ, отвѣчалъ своему предтечѣ христокъ Селивановъ, говоря въ „духѣ“, на распѣвъ:

Дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ
Святой Духъ и я, отецъ-искупитель, много силъ,
И порубишь ты много осинъ....
Коли ты сына божьяго просилъ,
Жалуешь тебя Богъ Рогой да тюрьмою **,
И благодарить тебя Отецъ, Сынъ и Святой Духъ
За вѣрное обѣщанье головушку за меня сложить.
Хочешь животь и сердце надсадить,
Да и сады мнѣ насадить,
Такъ благословяю я тебя идти въ ночь,

* Скопцы считаютъ великимъ чудомъ, что пророкъ на бесѣдѣ отъ имени Бога пропѣвалъ Шилову то самое, что предъ тѣмъ говорилъ ему Селивановъ.

** Намекъ на то что Шиловъ посаженъ былъ сосланъ въ городъ Ругу.

А господь пойдетъ на востокъ.*
 И будетъ у насъ межъ собой истекать одинъ истокъ,
 Духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣкъ пребывать
 И обо мнѣ возвѣщать,
 И мы съ тобой будемъ хотъ плотами и врозь,
 Но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ.
 Кому будетъ ночь, а тебѣ день,
 И не возьметъ тебя никакая лѣнь и т. д. **

Сильно негодовалъ Селивановъ на хлыстовъ за то что не соблюдаютъ они заповѣданной имъ чистоты, и вмѣсто того чтобы проводить жизнь не только въ безбрачїи, но и въ цѣломудрїи, какъ требовалось правилами секты и самими заповѣдами саваоа Данилы Филипповича, предаются разврату. Ходя изъ одного хлыстовскаго корабля въ другой, напрасно Селивановъ искалъ въ нихъ чистоты и цѣломудрїи. „Исходилъ я по всѣмъ кораблямъ, говоритъ онъ въ своемъ *Посланїи*, но всѣ лѣпостїю перевязаны, только того и глядятъ гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть.“ И вздумалъ Селивановъ истребить развратъ у людей божїихъ. Въ самообольщенїи полагалъ онъ, что свыше предназначено ему „освятить всю вселенную, истребить въ божїихъ людяхъ всю лѣпность и побѣдить змѣя лютаго, поѣдающаго всѣхъ на пути идущихъ“.

Сначала Селивановъ сталъ обличать людей божїихъ. „Лѣпность весь свѣтъ поѣдаетъ, говорилъ онъ, и отъ Бога отвращаетъ, и идти къ Богу не допускаетъ, и потому многіе въ пагубной лѣпности учителя учительства, пророки пророчества, угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царства небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на пагубное житїе. Единые дѣвственники предстоятъ у престола Господня.... Храните дѣвство и чистоту. Не заглядывайтесь братья на сестеръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ.... и празднословїа не чините, отъ сего раждается злая лѣпность, которую не безъ труда искоренить можно.... Удаляйтесь злой лѣпности и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями,

* Намекъ на то что Шиловъ былъ послѣ сосланъ на сестеръ отъ Ораовской губерніи, въ Ругу, а самъ Селивановъ на востокъ, въ Сибирь.

** Всѣ приведенные разговоры и пророчества дословно взяты изъ *Страды*.

праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ лѣпность, ибо она какъ магнитъ, камень имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, такъ и женская лѣпность, по врожденному свойству своему, каждого близко обращающагося брата съ сестрою привлекаетъ къ себѣ и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поѣдаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божию.* *

Хлысты не могли равнодушно слушать обличеній Селиванова. Они возненавидѣли обличителя и нѣсколько разъ покушались даже на жизнь его. Во всѣхъ корабляхъ пророки возстановляли противъ него людей божьихъ, говоря что онъ хочетъ законъ измѣнить, но Селивановъ отвѣчалъ на то: „Я пришелъ къ вамъ не разорять вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить.“ ** И дѣйствительно, онъ не коснулся ни единого изъ хлыстовскихъ вѣрованій; ввелъ одно лишь обыкновеніе кланяться на радѣнїяхъ другъ другу съ крестнымъ знаменіемъ. Пророки поносили Селиванова. Особенно одинъ пророкъ, Филимонъ, ненавидѣлъ его, но въ *Страдахъ* упоминается что самъ онъ, когда „ходилъ въ словѣ“, выпѣвалъ „про чистоту Селиванова“.

Неуспѣшна была устная проповѣдь Селиванова. Обратился онъ къ другому средству.

Въ одной бесѣдѣ съ наперсникомъ своимъ Шиловымъ Селивановъ сказалъ ему: „Всѣ лѣпностию перевязаны, то и норвать себѣ гдѣ бы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть. *Ужь битъ злѣю, такъ бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула да не укусила.*“

И сталъ онъ учить людей Божьихъ: сказано въ писаніи: „аще рука твоя или нога твоя соблазняетъ тя, отсѣцы ю и верзи отъ себя, и аще око твое соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себя“. По сему и въ прочемъ слѣдуетъ поступать. Чтò соблазняетъ, то и отсѣки.

Шиловъ первый исполнилъ осконленіе надъ собой, потомъ надъ Селивановымъ. Присталъ къ нимъ третій, христокъ Андрей юродивый, за тѣмъ другіе.... Но никто не былъ такъ

* *Страды* или *Посланіе отца искупителя*.

** Тамъ же.

ревностенъ къ дѣлу „убѣленія“, никто такъ много не выпустилъ на свѣтъ „бѣлыхъ голубей“, какъ предтеча и креститель Александръ Ивановичъ Шиловъ.

Божьи люди не любившіе Селиванова еще больше не возлюбили его за проповѣдь „убѣленія“. Однажды на хлыстовской бесѣдѣ особенно за что-то ненавидѣвшая его пророчица стала у дверей съ камнемъ, чтобъ убить его когда онъ ставеть вонъ выходить, но поднятая рука ея, по словамъ *Страдъ*, окаменѣла. Селивановъ пошелъ изъ бесѣды, легъ въ ясли и пролежалъ въ нихъ трое сутокъ, не пилъ, не ѣлъ, плакалъ и молился. * Пророчица между тѣмъ увидала во снѣ что ангелы наказываютъ ее жезлами и велятъ просить у Селиванова прощенья. Она испросила прощеніе, но братъ ея хотѣлъ застрѣлить Кондратя, когда тотъ ходилъ на праздникъ въ Тулу. Каждый праздникъ выходилъ онъ на дорогу и шесть разъ стрѣлялъ, но каждый разъ не попадалъ въ отца-искупителя.

Божьи люди жаловались на Селиванова своему учителю пророку Филимону. Призвалъ тотъ къ себѣ Кондратя Ивановича и говоритъ:

— На тебя всѣ жалуются, ты людей отъ меня отвращаешь.

Селивановъ ни слова ему не отвѣтилъ.

— Вишь ты какой, сказалъ пророкъ, — даромъ что молчишь. Смотри, берегись.

Въ то время Селиванову видѣ не было пристанища. Всѣ божьи люди прогнали его отъ себя. Пришелъ онъ къ одному хлысту Аверьяну, говорить ему:

— Любезный Аверьянушка! не оставь ты меня сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестріи твоей **, чтобы никто не зналъ, пусти ты меня къ себѣ въ житницу, за то Богъ тебя не оставитъ.

„И онъ меня прирѣзалъ и ходилъ ко мнѣ потихоньку отъ своихъ. И объявилъ я ему о „чистотѣ“, говорить въ своемъ *Посланіи* Селивановъ (то-есть, предложилъ оскпление).

— Боюсь чтобы не умереть, отвѣчалъ Аверьянъ.

* Это все сдѣлано въ подражаніе словамъ Святаго Евангелія. Какъ истинный Спаситель міра по рождествѣ былъ положенъ въ ясли, такъ и Кондратій легъ въ нихъ. Гоненія, бывшія на него въ ту пору, бѣлые голуби называютъ гоненіемъ отъ царя Ирода.

** Посестрія — жена, съ которою прекращены супружескія отношенія

— Не бойся, не умрешь, а паче душу свою воскресишь, сказалъ ему на это отецъ-искупитель Кондратій Ивановичъ,— и будетъ тебѣ легко и радостно, станешь ты какъ на крыльяхъ летать, духъ въ тебя преселится, душа твоя обновится. Поди къ учителю своему, пророку Филимону, онъ самъ тебѣ то же пропоетъ и скажетъ, что въ домѣ твоёмъ самъ Богъ вътайнѣ живеть, и никто о томъ не знаетъ кромѣ тебя.

Пророкъ Филимонъ, дѣйствительно, выпѣлъ Аверьяну все, что ни сказывалъ ему Селивановъ. Аверьянъ повѣрилъ, пришелъ домой, поклонился отцу-искупителю и — *принялъ чистоту*....

Когда Кондратій Селивановъ попался подъ судъ, враждебные ему хлысты Филимонова корабля не переставали его преслѣдовать. Ходилъ онъ въ нищенскомъ образѣ (вмѣстѣ съ Андреемъ) и прошелъ въ Тулу, а оттуда отправился въ Тифинь *. Преданный ему скопецъ Мартынъ уговаривалъ отца-искупителя не ходить, но тотъ не послушался и пошелъ. Судя по словамъ *Страда*, въ это время Селивановъ продолжалъ свою проповѣдь и многихъ хлыстовъ превращалъ въ „бѣлыхъ голубей“. „У меня было три сумки, говоритъ онъ своимъ иносказательнымъ языкомъ, — двѣ я набралъ да хотѣлъ набрать и третью, и пошелъ къ солдатамъ просить милостыню **, но они меня схватили и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телѣгу меня привязали, и крѣпко караулили.“ Какъ арестанту, обрили ему голову. Но Селивановъ ночью бѣжалъ изъ-подъ караула и пришелъ къ своему ученику Мартыну.

„На крестъ (то-есть подъ кнутъ) отдали меня божьи люди“ (хлысты), говоритъ Селивановъ. Скрывался онъ у одной женщины, не принадлежавшей ни къ хлыстовцамъ, ни къ кораблю „бѣлыхъ голубей“; звали ее Федосьей Левеевой. Враждебные Селиванову хлысты указали полициі гдѣ скрывается отыскиваемый колодникъ. Два раза приходили солдаты съ обыскомъ къ Федосьѣ, но не могли найти спрятаннаго въ подпольи Кондратія. Пошли въ третій разъ, вмѣстѣ съ солдатами, сами докащики изъ божьихъ людей, разломали полъ въ избѣ Федосьиной, вытащили оттуда за волосы Селиванова,

* Мѣсто намъ неизвѣстное. Во всякомъ случаѣ не городъ Тифинь: это мѣсто гдѣ-нибудь поближе къ Тулѣ.

** То-есть, и ихъ уговаривать къ принятію „чистоты“.

избили его и отдали солдатамъ. „И тутъ меня били всѣ чѣмъ попало безо всякой пощады, рассказываетъ Селивановъ въ своемъ *Посланіи*,—поясокъ и крестъ съ меня сняли, а руки назадъ связали и назадъ гирю привязали, и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши и со всѣхъ сторонъ ружьями примкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, другимъ сзади и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не закололи. И привели меня въ Тулу и посадили на стулъ *, подпоясали поясомъ желѣзнымъ фунтовъ въ пятнадцать и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить; на часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой Комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которые на меня доказали и которыхъ по утру хотѣли бить плетью.“ Послѣ допросовъ снятыхъ въ Тулѣ (по дѣлу въ имѣніи Лугинина), повезли Селиванова въ Тамбовъ. Въ тамбовеи тюрмѣ содержался онъ два мѣсяца. Когда вышло рѣшеніе наказать Селиванова, повезли его за конвоемъ на мѣсто преступленія, въ Сосновку. „И тогда за мною шли полки полками, рассказываетъ Селивановъ въ своемъ *Посланіи*,—у солдатъ были шпаги наголо, а у деревенскихъ мужиковъ палки въ рукахъ. И тутъ меня сосновскіе дѣтушки встрѣчали, плакали и рыдали, и говорили: „ведутъ нашего роднаго батюшку!“ И въ самое то время поднялась великая буря, сдѣлался въ воздухѣ такой шумъ что за тридцать сажень никого не было видно, и никого не можно было разглядѣть. И привезли меня въ Сосновку, стали наказывать кнутомъ и сѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтъ, и было мнѣ весьма тошно....“

Въ то время, при наказаніи кнутомъ, иногда взваливали преступника на плеча первому попавшемуся дюжему мужику. Иванъ Прокудинъ держалъ Селиванова („былъ за мѣсто крестнаго древа“), а Ульянъ, сынъ Софона Попова, держалъ его за голову **. Послѣ наказанія сняли съ Селиванова окро-

* Тяжелый стулъ съ дѣлюю, къ которому приковывали въ старину важныхъ арестантовъ, или же бѣгавшихъ изъ тюрмы.

** Въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.* 1864, № 4, напечатано: „Иванушка былъ за мѣсто древа“. Это опечатка. Въ трехъ спискахъ *Страдъ или Посланія отца-искупителя*, у меня находящихся, вездѣ стоитъ Иванушка. Въ экземплярѣ, взятомъ въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ у скопца Горбачова, съ котораго пошли всѣ

заваленную рубашку и надѣла новую. Окровавленная рубашка въ посаждствіи сохранялась въ кораблѣ рижскихъ скопцовъ какъ святыня и была известна подъ названіемъ „крестной ризы“.

Селиванова съжали кнутаомъ 15-го сентября 1774 года. Бѣлые голуби постыжся въ этотъ день страданій своего испуителя. На томъ мѣстѣ гдѣ его наказывали, по словамъ бѣлыхъ голубей, была построена ими церковь, но это, по оправкамъ дѣланымъ въ сороковыхъ годахъ, оказалось несправедливымъ. Въ иныхъ корабляхъ скопцы говорятъ и поютъ въ „страстныхъ пѣсняхъ“ о томъ что Селивановъ былъ наказанъ не въ Сосновкѣ, а въ Моршанскѣ. Выстроенный скопцами Плотицкими и другими въ этомъ городѣ великолѣпный соборъ находится, говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ наказывали основателя ихъ секты.

Когда Селиванова погнали въ Сибирь, на дорогѣ онъ встрѣтился съ Пугачевымъ, котораго везли тогда въ Москву на казнь *. Не тутъ ли пришла ему мысль назваться императоромъ Петромъ III?

XII.

Смыка Селиванова и его ближайшихъ помощниковъ за не уничтожила. Тамъ гдѣ были до того времени хлысты, теперь стали появляться и бѣлые голуби. Такъ было въ Орловской губерніи, на родинѣ скопчества, такъ было въ Моршанскѣ и Сосновкѣ, его колыбели, такъ было въ губерніяхъ Курской, Тульской, Калужской, Смоленской, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тверской и Новгородской. Бѣлые голуби появились и въ обѣихъ столицахъ.

Въ это время кѣмъ - то распущенъ былъ слухъ, что подъ именемъ сосланнаго въ Иркутскую губернію Кондратя Селиванова скрывается императоръ Петръ III. Въ царствованіе Екатерины не одинъ Пугачевъ принималъ имя этого

описки *Посланія отца-искупителя* также стоитъ Иванушка. Вообще списокъ напечатанный г. Толстымъ въ *Чтеніяхъ* довольно не вѣренъ.

* *Посланіе искупителя или Страды.*

государя. Самозванцевъ было много, и мысль что бывший императоръ скрывается сильно была тогда распространена въ простомъ народѣ.

Въ *Посланіи* своемъ, по всей вѣроятности писанномъ уже по возвращеніи Селиванова изъ ссылки, онъ, именуясь царемъ израильскимъ, нигдѣ не называетъ себя императоромъ Петромъ III; называетъ богородицу Акулину Ивановну „матушкой - государынею“, но никогда Елизаветю Петровною. Тѣмъ не менѣе по всѣмъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ дѣлахъ о скопцахъ, видно, что мысль назваться императоромъ Петромъ III принадлежитъ самому Селиванову, и что онъ сталъ называться этимъ именемъ въ Сибири.

Бѣлые голуби разказываютъ и поютъ въ своихъ пѣсняхъ слѣдующее:

Отецъ-искупитель воплотился отъ Святаго Духа и родился отъ пренепорочныя дѣвы Елизаветы Петровны, по благоугодиванію ей Іоанна Богослова. Будучи предызбрана Богомъ къ святому житію, императрица Елизавета Петровна царствовала всего только два года *. Отдавъ правленіе любимой фрейлинѣ, очень похожей на нее лицомъ, она будто бы „отложила царскія одежды, надѣла нищенское платье и пошла пѣшкомъ въ Кіевъ на богомолье“. На пути, въ Орловской губерніи, познала она истинную вѣру людей божьихъ и осталась съ ними жить подъ именемъ Акулины Ивановны **.

Еще въ Петербургѣ будто бы родила она сына Петра Федоровича и отправила его въ Гоштинію на воспитаніе, гдѣ достигнувъ отроческихъ лѣтъ, сдѣлался онъ „бѣлымъ голубемъ“. Возвратясь вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, былъ онъ объявленъ наследникомъ престола и женился. Супруга Петра, продолжаютъ скопцы, возненавидѣла его за то что онъ былъ „убѣленъ“ и когда принялъ онъ правленіе, склонила на свою сторону нѣкоторыхъ вельможъ, которые рѣшились убить его

* По другимъ, вовсе не царствовала. Архимандрита Досиея *Открытіе тайностей скопческой ереси*. Рукопись.

** Можетъ-быть, это была одна изъ двухъ сестеръ, называвшихся Акулинами Ивановнами, которыя были сосланы по дѣлу о московскихъ хлыстахъ 1834 года. Одна была женой христа Прокофья Лупкина и нижегородскою богородицей, а потомъ московскаго Ивановскаго монастыря старицей Анной, другая, ея родная сестра, была въ томъ же монастырѣ въ монахинѣхъ подъ именемъ Александры. Въ 1774 году старшей могло быть лѣтъ 85, а младшей не болѣе 60,

въ Ропшѣ. Но Петръ, свѣдавъ о томъ, перемѣнялся платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, также бѣлымъ голубемъ, и скрылся. Трое сутокъ, скрываясь отъ поисковъ, онъ не пилъ, не ѣлъ, потому будто бы сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, укрывался у колонистовъ жившихъ подъ Петербургомъ, и наконецъ успѣлъ скрыться въ Москвѣ. Солдата между тѣмъ убили и похоронили въ Невской лаврѣ. Въ Москвѣ Петръ началъ свою проповѣдь „чистоты“, за тѣмъ ушелъ въ Орловскую губернію къ Акулинѣ Ивановнѣ, принялъ имя Кондратія Ивановича Селиванова, а ушедшій съ нимъ вмѣстѣ графъ Чернышевъ (по другимъ, князь Дашковъ) назвался Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ. Оба они исходили всю Россію и разныя иностранныя государства „проповѣдуя чистоту“, были наконецъ взяты въ Тулѣ, наказаны въ Сосновкѣ кнутомъ и сосланы: отецъ-искупитель Петръ Федоровичъ на востокъ, въ землю Иркутскую, предтеча его Шилонъ на сѣверъ, въ Ригу (то-есть въ Динамундскую крѣпость). *

* Командиръ 1-й бригады грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ, генералъ-майоръ Сѣтковъ, 27-го декабря 1845 года, за № 2.809, донесъ кавказскому намѣстнику графу Воронцову, что отправленіе въ Сибирь на поселеніе въ 1843 году скопцовъ подвижной инвалидной № 96 роты (маранскіе скопцы), Степана Крюкова, Федора Аксенова и Пантелеймона Харьковского не прекратило зла, но напротивъ возродило въ оставшихся скопцахъ желаніе быть сосланными въ Сибирь для соединенія съ находившимися тамъ ихъ единокумшаенниками, почему скопцы и подавали въ 1843 году полковнику Бревверну прошеніе, представленное генералъ-адъютанту Нейгардту (17-го іюня 1843 года № 6). Скопцы, видя что попытки ихъ къ достиженію желаемого не удалась, подали состоявшему при графѣ Воронцовѣ полковнику артиллеріи князю Голицыну, въ видѣ прошенія, слѣдующее „благовѣстіе“, въ которомъ излагается взглядъ ихъ на своего искупителя, почитаемого ими за императора Петра III: „О пришествіи Господа нашего Иисуса Христа страшнымъ, грознымъ судомъ его, какъ свидѣтельствуется священное писаніе. Въ скорое время подобаетъ Спасителю придти и совершить судъ на земли и поставить престолъ среди міра.... Въ то время спроситъ у всѣхъ отвѣта для чего Превышній Свѣтъ такія страсти претерпѣлъ, царской крови не жалѣлъ, пошелъ волею на страды, оставилъ въ Питерѣ градъ свой престолъ и не восхотѣлъ быть земнымъ царемъ, и оставилъ правленіе государствомъ, поѣхалъ съ приближенными своими друзьями въ „Ранбуумъ“ для обозрѣнія любимыхъ своихъ голштинскихъ войскъ. Едва успѣлъ отправиться, такъ и дѣла приняла ту же ночь и присягала за

Эта сказка ходила по простонародью и достигла до свѣденія правительства въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. Жилъ тогда въ Москвѣ купецъ Федоръ Евсеѣвичъ Колесниковъ изъ бѣлыхъ голубей, и былъ онъ извѣстенъ государынѣ, называвшей его въ шутку „масономъ“. Ему, какъ разказываютъ спонцы, поручено было съѣздить въ Сибирь и развѣдать про ссыльнаго Селиванова. Колесниковъ воротился въ Петербургъ уже по кон-

Екатерины. Петръ III услышалъ о семъ, тогда приближенные друзья совѣтовали ему удалиться въ свое отечество, въ Голштинію, и тамъ принять всѣ нужныя мѣры къ поправленію своихъ обстоятельствъ, искать вспоможенія отъ постороннихъ державъ. Онъ садится на корабль и хочетъ переправиться въ кронштатскій цѣль, но тамъ было предупреждено, и его непустили. Возвратившись назадъ въ Рамбоумъ, Петръ III посылаетъ два письма, одно за другимъ вскорѣ, къ воцарившейся императрицѣ Екатеринѣ, на обоихъ письмахъ отрицаясь самъ добровольно отъ короны, не желая царствовать въ Россійскомъ государствѣ, полагая то за великое бремя. Екатерина на оборотъ посылаетъ ему записку съ тѣмъ, чтобы онъ для всеобщаго спокойствія Россійскаго народа добровольное отрицаніе написалъ своеручно въ надлежащей формѣ. Когда Петръ III получилъ записку отъ Екатерины, тогда торжественно написалъ своею рукою отрицаніе отъ російскаго престола, написалъ въ слѣдующемъ содержаніи: „Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ на самомъ дѣлѣ узналъ я тягость и бремя. Сила моя не согласна, чтобы мнѣ не токмо самодержавнымъ, но и какимъ бы те- ни было образомъ правительствомъ владѣть въ Россійскомъ государствѣ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю перемѣну наклонающую ко опаденію его цѣлости и ко обрѣтенію себя вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради помыслилъ я самъ безпристрастно и не-принужденно чрезъ сіе объявить не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюсь, не желая ни самодержавнымъ ниже инымъ какимъ образомъ правительствомъ владѣть во всю жизнь мою. Отрицаюсь въ російскомъ государствѣ владѣть ниже ино гдѣ-либо или черезъ какую помощь себя искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную приношу предъ Богомъ и всѣмъ цѣлымъ свѣтомъ, приношу нелицемѣрную. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою іюня 19-го дня 1762 г.“ Петръ III не восхотѣлъ наслаждаться временнымъ житьемъ, а лучше согласился съ народомъ божьимъ страдать, считалъ сіе больше для себя богатствомъ нежели питерское сокровище, ибо онъ взиралъ на возмездіе небесное, оставилъ онъ Питеръ....“ и т. д.

чивъ государыни, и будто бы объявилъ новому государю что Петръ дѣйствительно живъ. Императоръ Павелъ велѣлъ привезти Селиванова въ Петербургъ. * Вѣроятно все-го что скопческій отецъ-искупитель, при содѣйствіи и помощи разбогатѣвшихъ во время его ссылки скопцовъ, бѣжалъ изъ

* Въ царствованіе императора Павла являлось нѣсколько же-Петровъ. Такъ, напримѣръ, мѣсяца черезъ три по вступленіи Павла Петровича на престолъ, присланъ былъ Архаровымъ изъ Москвы одинъ трудникъ, молчаливикъ, въ веригахъ, называвшій себя Петромъ Ш, и былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Объявившій о немъ и также посаженный въ Петропавловскую крѣпость крестьяниномъ бывшаго Никитскаго уѣзда Московской губерніи, деревни Дурнова (нынѣ Бронницкаго уѣзда), Иванъ Гавриловъ, 16 февраля 1797 года въ собственноручномъ показаніи писалъ: „Баузь нашего селенія, въ вотчинѣ г. Измайлова, въ селѣ Быковѣ, подъ колокольнею жилъ чело-вѣкъ трудникъ, какъ безъязыченъ, болаѣ двухъ годовъ, который имѣлъ на себѣ желѣзныя вериги на животѣ и на ногахъ. Вида его къ Богу великіе труды и подвиги, имѣлъ и я съ прочими при-верженность къ нему, нѣсколько разъ ходилъ и почиталъ его трудъ за свято, и просилъ его чтобъ онъ сказалъ про себя какого онъ званія чело-вѣкъ, и проговорилъ бы азыкомъ, и происходило этого времени съ годъ, однако онъ мнѣ не открылся, а сталъ меня просить пись-момъ, чтобъ я для него нанялъ подводу отвезти его въ Стародубъ, въ старообрядскій монастырь, для постриженія въ монахи. Я на его просьбу сначала долго не склонялся, а потомъ согласился. Потомъ стали мы его просить усердно, и въ ноги ему кланялись, и слезно плакали, чтобы онъ намъ объявилъ кто онъ такой. Но онъ мнѣніемъ, а не азыкомъ разсуждая, все пальцами: потерпите немного, скажуся. Проживъ недѣли двѣ у меня, сталъ онъ на себѣ воображать паль-цемъ на груди какъ кресты или звѣзды, и дѣлалъ будто артикулъ руками, и вынималъ будто шпагу. Мы по этому примѣру не поняли, ста-ли еще больше просить его, приговаривая притомъ: „по твоему труду, „неужели ты у Господа Бога не упросишь азыкомъ съ нами прогаа-„голати?“ И такъ онъ при отъѣздѣ въ Стародубъ у меня въ домѣ объ-явилъ себя государемъ Петромъ Феодоровичемъ, и тутъ завѣщалъ намъ съ клятвою чтобы мы, до того времени когда государь приметъ коронацію, никому этого не сказывали. Отпустя его въ Стародубъ на наемныхъ подводахъ, я усомняся какъ бы чрезъ сіе не послѣдовало въ Россіи какого неустройства, для совѣта сказалъ московскому жителю Ильѣ Алексѣичу (извѣстный основатель Преображенскаго кладбища Ковылинъ), а онъ сказалъ намъ что непременно онаго че-ловѣка надобно искать и объявляи бы мы о семъ Ивану Петровичу Архарову. И по поводу онаго мы, обще съ братомъ моимъ Нико-

Сибири, и отысканный, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. *

„Бѣлые голуби“ въ одной изъ своихъ „воскресныхъ пѣсень“ поютъ, что купецъ Федоръ Колесниковъ

Святимъ Духомъ разблажилъ,
 Отца царю доложилъ:
 „Онь не умеръ, вѣдь, а живъ,
 „Во Иркутскѣ все блажилъ,
 „Сорокъ лѣтъ въ страдахъ онъ жилъ“.
 Тутъ царь сердцемъ встрепенулся,
 На отца онъ ужаснулся,
 И заплакалъ, затужилъ,
 Все собранье нарушилъ,
 Послалъ скорого гонца,
 Отыскать своего отца,
 Чтобъ представилъ бы въ столицу
 Со Иркутской со границы.
 Скоро это сотворилъ,
 Отцу двери растворилъ.
 Онъ вошелъ со бурнымъ духомъ,
 А самъ гордо говорилъ:
 „Сотвори мою ты волю,
 „Я имѣю власть теперь,

авемъ Алексѣевымъ и съ опредѣленнымъ отъ Архарова офицеромъ поѣхали въ Стародубскіе монастыри секретно его искать, но тамъ не отыскали, а прѣйхавши въ Москву обратно, отыскали его въ Москвѣ уже въ сѣзжемъ домѣ. И тотъ трудникъ Архаровымъ представленъ вмѣстѣ со мною въ Петербургъ.“ (*Дѣло департамента общицъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, 1827 г., № 3.) Крестьянинъ Гавриловъ, скорѣе по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, подавалъ въ 1826 году всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ подтверждалъ написанное имъ въ февралѣ 1797 года. (*То же дѣло*). Не былъ ли этотъ трудникъ и молчаливый бѣжавшій изъ Сибири Селивановъ?

* Указанія на побѣгъ Селиванова изъ Сибири, а не на возвращеніе его по распоряженію высшей власти, находимъ и въ свидѣльствахъ самихъ скопцовъ. Такимъ образомъ Костромской губерніи крестьянинъ Иванъ Андреевъ, въ поданномъ императору Александру Павловичу донесеніи, говоритъ: „учитель мой, отставной солдатъ, скопецъ Алексѣй Ивановъ разказывалъ, что икупитель, „изъ царскаго рода царь“, бѣжавши съ какимъ-то молодымъ генераомъ изъ Иркутска, проживалъ гдѣ-то въ деревнѣ, у одной женки, подъ поломъ скрывался отъ ищущихъ.“

„Отдамъ скипетръ и вѣнецъ
 „Коль ты мнѣ родной отецъ.“
 Нашъ батюшка-искупитель
 Прогаголаалъ съ высоты:
 „Ты послушай, молодець,
 „Что грѣху я не отецъ.
 „Я за тѣмъ сошелъ съ небесъ
 „Раззорить грѣхи въ конецъ,
 „Чистоту буду любить,
 „Хочу грѣхъ весь погубить,
 „А и въ праведной семьѣ
 „Буду въ трубушку трубить,
 „Всѣхъ поставитъ, утвердитъ.“
 Тутъ царь крѣпко осерчалъ,
 Забылъ первый свой начаъ,
 Пошелъ, очень закричалъ.
 Затворилъ оны крѣпко двери:
 „Не хочу въ твоей быть вѣрѣ,
 „А за этого за смѣшокъ
 „Пошлю въ каменный мѣшокъ.“
 Нашъ батюшка-искупитель
 Кроткимъ гласомъ провѣстилъ:
 „Я бы Павлушку простилъ,
 „Воротись ко мнѣ ты, Павелъ,
 „Я бы жизнь твою исправилъ“.
 А царь гордо отвѣчалъ,
 Божества не замѣчалъ,
 Не сталъ слушать и ушелъ.
 Нашъ батюшка-искупитель
 Своимъ сердцемъ воздохнулъ,
 Правой ручемькой махнулъ:
 „О земная клеветина!
 „Вечеромъ твоя кончина;
 „Изберу себѣ слугу,
 „Царя Бога на кругу,
 „А земную царску справу
 „Отдамъ кроткому царю:
 „Я вѣмъ трюномъ и дворцами
 „Александра благословлю.
 „Будеть вѣрно управлять.
 „Властямъ воли не давать;
 „Я вамъ истинный Христось,
 „Учителю не слабѣйте,
 „А пророки не робѣйте....“ и т. д.

- Представляемъ еще два разказа скопцовъ о возвращеніи Селиванова въ Петербургъ: унтеръ-офицера Архипова, которому самъ Селивановъ разказывалъ про свиданіе свое съ императоромъ Павломъ, и штабсъ-капитана Созоновича, знавшаго всѣ тайны скопческаго общества.

Изъ записки полковника князя Голицына *О скопцахъ откритыхъ въ Москвѣ въ 1835 году* и изъ слѣдственного дѣла о нихъ тогда производившагося видно, что скопецъ отставной унтеръ-офицеръ Денисъ Архиповъ, служа въ Нотебургскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ 1789 году въ Ригѣ, стоя на часахъ въ Динаминдской крѣпости, былъ совращенъ въ скопческую ересь содержащимся тамъ крестьяниномъ Александромъ Ивановымъ Шиловымъ и тутъ же „убѣленъ“ инженернымъ унтеръ-офицеромъ Казуткинымъ. Въ Ригѣ бѣлые голуби собирались на радвнїа въ домѣ мѣщанина Дегтярева, куда приходилъ и кормщикъ рижскаго корабля Іоаннъ Предтеча Шиловъ, отпускаемый для того каждый разъ изъ-подъ караула изъ Динаминдской крѣпости, благодаря слабости надзора за арестантами и тому что многіе изъ караулившихъ его сами принадлежали къ обществу бѣлыхъ голубей. „Когда воцарился императоръ Павелъ Петровичъ, разказывалъ Архиповъ, то возникли въ народѣ разные толки про императора Петра III. Узнали мы что учитель нашъ Александръ Ивановичъ Шиловъ и сосланные съ нимъ въ крѣпостныя работы скопцы Софонъ Авдѣевичъ Поповъ, дьяконъ Семень Алексѣевъ, Иванъ Прокудинъ, Емельянъ Ретивовъ, Иванъ Семикинъ и еще Кузьма, присланные изъ Моршанска, разказываютъ будто старѣйшій скопческій нашъ учитель есть императоръ Петръ Ѳедоровичъ, что онъ живъ и находится въ Сибири въ ссылкѣ.“ Вслѣдствіе такихъ ихъ разговоровъ, всѣ они были отправлены по высочайшему повелѣнію изъ Риги въ Шлиссельбургскую крѣпость, и тогда же, по словамъ ихъ, вытребованъ былъ изъ Сибири отецъ-искупитель Петръ Ѳедоровичъ. „Я бывши въ 1805 году въ Петербургѣ, во время уже своей отставки, по надобностямъ, говорилъ Архиповъ, видалъ его въ домѣ скопца тамошняго купца Сидора Яковлевича Ненастьева, бесѣдовалъ съ нимъ и изустно отъ него слышалъ, что по возвращеніи его изъ Сибири, представляли его императору Павлу Петровичу, который спросилъ его: „почему ты именуешься по народной молвѣ отцомъ моимъ?“ На сіи слова батюшка отецъ-искупитель, продолжалъ Архи-

повъ, отозвался, что когда ты (то-есть государь Павелъ Петровичъ) согласишься „принять чистоту“ и поступить въ нашу истинную вѣру, то и будешь моимъ сыномъ. Разгнѣвавшись за такой отвѣтъ, государь отправилъ отца-искупителя въ какую-то богадѣльню подъ надзоръ, откуда онъ былъ освобожденъ уже императоромъ Александромъ Павловичемъ.“

Въ такомъ же родѣ разказываетъ другой скопецъ, штабсъ-капитанъ 34 егерскаго полка (цзъ дворянъ, Смоленской губерніи, воспитанникъ С.-Петербургскаго дворянскаго корпуса) Борисъ Петровичъ Созоновичъ, убѣдившійся на 24 году отъ рожденія. „По вступленіи на престолъ императора Павла Петровича (говорить онъ въ *Объясненіи*, которое, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, писалъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ), по доносу нѣкотораго московскаго купца Масонова (то-есть Колесникова), освобожденнаго онымъ государемъ изъ заточенія, что якобы отецъ его, бывшій императоръ Петръ Федоровичъ, находится въ живыхъ, тотъ самозванецъ былъ возвращенъ изъ Сибири въ Петербургъ. Когда государь спросилъ его точно ли онъ его отецъ, то онъ якобы отвѣтствовалъ, что когда-де примешь мое дѣло, то-есть осклопеніе, то я почту тебя за сына. А равно и помянутый предтеча того лжехриста (Шиловъ) въ оное же время изъ заключенія освобожденъ. Но какъ государь Павелъ Петровичъ не почелъ ихъ тѣми особами коими они отъ купца Масонова были названы, то якобы государь самозванца Петра изъ секретнаго заключенія опредѣлилъ въ нѣкую богадѣльню съ пенсіей, а означенный лжепредтеча сосланъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.“*

Въ дѣйствительности императоръ Павелъ, не зная тайнъ скопческой ереси и считая уродующихъ себя сумашедшими, облегчилъ наказанія которымъ подвергались они въ царствованіе Екатерины по суду статскаго совѣтника Волкова. Привезенный въ Петербургъ Кондратій Селивановъ былъ по высочайшему повелѣнію помѣщенъ въ смиреннѣйшій домъ, находившійся при Обуховской больницѣ, подъ именемъ „секретнаго арестанта“. Шиловъ изъ крѣпостныхъ работъ въ Динамидѣ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ получалъ хорошее содержаніе съ разными удобствами въ жизни, а Софонъ Авдѣевичъ Поповъ помѣщенъ въ Зеленецкій

* *Объясненіе штабсъ-капитана Созоновича. Рукопись.*

монастырь Петербургской епархіи, гдѣ постригся и нареченъ въ монашество Савватіемъ. Другіе сконцы также получили облегченіе. Многіе изъ моршанскихъ и орловскихъ бѣлыхъ голубей переселились уже въ это время въ Петербургъ, приписались въ тамошнее городское общество и завели большія торговыя дѣла.

Императоръ Александръ Павловичъ черезъ годъ по вступленіи на престолъ (6-го марта 1802 года), въ сопровожденіи молодого своего совѣтника графа Строгонова, посѣтивъ Обуховскую больницу и находившіяся при ней заведенія, разговаривалъ съ Селивановымъ и приказалъ освободить его и помѣстить въ богадѣльню.

Въ тотъ же день петербургскій камеральный департаментъ писалъ надзирателю богадѣльни находившейся при Смольномъ монастырѣ, коллежскому совѣтнику Бѣлкину, слѣдующее: „во исполненіе высочайшаго именнаго его императорскаго величества повелѣнія, здѣшній военный губернаторъ генералъ отъ инфантеріи Голешицевъ-Кутузовъ сему департаменту предложилъ: содержащагося въ смиренномъ домѣ подъ именемъ секретнаго арестанта, крестьянина Орловской губерніи, села Столбова, Кондратія Селиванова освободивъ, опредѣлить въ богадѣльню.“ *

Въ тотъ же день надзиратель городской больницы Солодовниковъ увѣдомилъ Бѣлкина о высочайшей волѣ, и препровождалъ Селиванова, предписалъ принять его въ богадѣльню *въ первый сортъ*. **

Въ богадѣльнѣ Смольнаго монастыря Селивановъ ходилъ по церкви съ кружкою для сбора въ пользу бѣдныхъ. Черезъ три съ половиною мѣсяца онъ, по прошенію жившаго въ Александровской лаврѣ Поляка, статскаго совѣтника Елянскаго, былъ уволенъ, уже безъ высочайшаго повелѣнія. ***

* *Предписаніе петербургскаго камеральнаго департамента коллежскому совѣтнику Бѣлкину 6-го марта 1802 года, № 189.* Смирительный домъ, называвшійся болѣе „духтраузомъ“, находился тогда въ вѣдѣніи петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія и помѣщался въ зданіяхъ у Обуховскаго моста. Богадѣльня при Смольномъ монастырѣ—нынѣшній вдовій домъ.

** *Отношеніе надзирателя городской больницы Солодовникова надзирателю богадѣльни при Смольномъ монастырѣ коллежскому совѣтнику Бѣлкину 6-го марта 1802 года, № 176.*

*** *Предписаніе петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія (въ вѣдѣніи котораго находилась богадѣльня при Смольномъ мона-*

Бѣлые голуби, называя наказаніе кнутаъ Кондратя Селиванова „крестною смертію“ и „распятіемъ“, а ссылку его въ Сибирь „погребеніемъ“, считаютъ возвращеніе его въ Петербургъ и полученіе имъ свободы „воскресеніемъ.“ Со времени этого „воскресенія“ на радѣніяхъ бѣлыхъ голубей, какъ въ Петербургѣ, въ присутствіи самого обоготворяемаго Селиванова, такъ и по другимъ мѣстамъ, скопцы стали пѣть пасхальную пѣснь православной церкви *Христосъ воскрес.* Этими же словами начинается Селивановъ и свое *Посланіе къ дѣтушкамъ*, которое писалъ онъ, безспорно, въ Петербургѣ. У скопцовъ есть слѣдующая „воскресная пѣснь“ о возвращеніи свободы ихъ отцу-искупителю.

Со восточной со сторонушки
 На западную, на западную
 Провезли древо кипарисовое,
 На томъ древѣ пятьсотъ золотыхъ вѣтвей,
 Эти вѣтви
 Израильски дѣти,*
 А везли то древо на пяти стахъ коняхъ,
 А на всякомъ конѣ по пяти сотъ ковровъ,
 А на всякомъ коврѣ по пяти сотъ ангеловъ,
 Еще ангеловъ, да архангеловъ.
 Привезли то древо-кипарисъ во Питеръ градъ,
 Стаковали древо отъ земли до неба:

стырѣ) коллежскому совѣтнику Бѣлкину, 23 го іюля 1802 г., № 312: „находящагося въ богадѣльнѣ, Орловской губерніи, села Столбова, крестьянина Кондратя Селиванова уволить просителею статскому совѣтнику Елянскому.“ Этотъ далъ слѣдующую странную расписку: „Бывши польскаго двора камергеромъ, въ 1793 году переименованъ російскаго двора статскимъ совѣтникомъ. По случаю пріобрѣтенія мною смиренной жизни, сложилъ я добровольно патенты, отрекся гражданской службы, получаю по указу всемилостивѣйшаго монарха пенсію въ годъ 500 рублей изъ кабинета, а самъ имѣя квартиру въ Невской лаврѣ, именуясь: польскій дворянинъ Алексѣй Елянскій.“ Эта расписка хранится въ дѣлахъ богадѣльни. Она 1-го апрѣля 1844 года, за № 588, въ засвидѣтельствованной копіи, была препровождена къ дѣйствительному статскому совѣтнику И. П. Липранди, который, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, занимался тогда розысканіями о скопцахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. (Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ бумагъ переданныхъ мнѣ В. И. Далемъ).

* Израильскія дѣти—скопцы.

Будуть строить градъ Іерусалимъ
 Съ Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ съ самимъ,
 И со Троицею, съ богородицею,
 И великіе дома строятся,*
 Кладъ великій откроется,
 Источникъ протечеть,
 Сынъ Божій на всю земаю проречеть:
 „Кто хочетъ живой воды напиться,
 Изволь въ Питеръ прикатиться,
 То душамъ вѣчно годится.
 Чтобы тѣлу не потакать,
 А живому Богу работать,
 Души въ царство привлекать,
 На плеча бѣлы ризы надѣвать,
 Будеть весь Израиль доставать
 И этому дѣлу не миновать.“ **

По выходѣ изъ богадѣльни Смольнаго монастыря, отецъ-искупитель бѣлыхъ голубей поселился въ домѣ купца Сидора Ненастьева, гдѣ собирався тогда петербургскій хлыстовско-скопческій корабль, въ то время уже многочисленный и поддерживаемый лицами принадлежавшими къ высшему, образованному обществу. Живалъ Селивановъ и въ другихъ домахъ скопческихъ, у Красниковыхъ, у Добрецова, Артамонова, Васильева и у купчихи Афросиньи Софоновны Поповой, *** дочери сосновскаго скопца Софона Авдѣевича, теперь инока Савватія, бывшей, для виду, замужемъ за купцомъ Андреемъ Костровымъ, тоже скопцомъ. Эта Афросинья, очень красивая собой, хотя уже немолодая женщина, была въ петербургскомъ кораблѣ пророчицей. Наконецъ купецъ Солодовниковъ, въ 1816 году, построилъ въ Литейной части, близъ Лиговки, „Новый Іерусалимъ“, гдѣ водворился отецъ-искупитель и жилъ до 1820 года, то-есть до ссылки его въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь.

Заклучимъ эту главу сохранившимися извѣстіями о скопческомъ Іоаннѣ Предтечѣ, Александрѣ Ивановичѣ Шоловѣ,

* Это относится до построения скопцами Солодовниками дома Комаратю Селиванову, который назывался „Новымъ Іерусалимомъ“; о немъ подробно будетъ разказано далѣе.

** Эта пѣсня находится въ дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1822, № 16.

*** Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1814, № 8. Въ домахъ Поповой (Кострова) и у Ненастьева до построения „Новаго Іерусалима“ были скопческія молельныя.

котораго называли то графомъ Чернышевымъ, то княземъ Дашковымъ, заключеннымъ будто бы въ темницу по повелѣнiю императрицы Екатерины. Въ рѣдкой рукописи *Russische skoncy* *, экземпляръ которой находится у насъ, говорится о немъ слѣдующее:

Сконцы съ какою-то таинственностью и благоговѣнiемъ разказываютъ, будто бы императоръ Павелъ Петровичъ, будучи еще великимъ княземъ, въ 1776 году два раза одинъ на одинъ разговаривалъ съ Шиловымъ въ Динаминдской крѣпости. Овдовѣвшiй въ этомъ году (15-го апрѣля) великiй князь черезъ восемь недѣль по кончинѣ супруги своей Наталiи Алексѣевны (13-го iюня) поѣхалъ въ Берлинъ свататься къ принцессѣ Софiи Доротеѣ Виртембергъ-Штутгардской (императрица Марiа Ѳеодоровна) и воротилса въ Петербургъ 14-го августа. Находясь въ Ригѣ въ концѣ iюня и въ первыхъ числахъ августа 1776 года, онъ дѣйствительно обозрѣвалъ казематы Динаминдской крѣпости и конечно видѣлъ Шилова и другихъ сконцовъ, не задолго предъ тѣмъ присланныхъ изъ Сосновки и Моршанска. Вступивъ на престолъ, онъ отдалъ повелѣнiе президенту города Риги Егору Егоровичу Гене прислать Шилова въ Петербургъ, а остальныхъ сконцовъ разослать по монастырямъ. Шилова привезли въ Петербургъ и въ продолженiе полутора мѣсяца содержали у Обольянинова, въ угловомъ домѣ выходившемъ на набережную Невы изъ Мошкова переулка. Въ то же время взяли шестерыхъ сконцовъ жившихъ въ Петербургѣ и въ концѣ 1796 года всѣхъ ихъ отправили въ Шлиссельбургъ. ** Вскорѣ послѣ того, именно 6-го января 1799 года,

* Доставлена В. И. Далекъ. Эта рукопись составлена И. П. Липранди, который своими изслѣдованiями первый пролилъ свѣтъ на темную секту бѣлыхъ голубей, до него совершенно почти неизвестную.

** Изъ числа этихъ сконцовъ, лично знавшихъ Шилова, въ сороковыхъ годахъ были еще живы въ Петербургѣ: купецъ Агѣевъ и бывшiй купецъ, а потомъ мѣщанинъ, Савельевъ. Послѣднiй былъ одаренъ большимъ умомъ и удивительною по его лѣтамъ памятью. Онъ разказывалъ, между прочимъ, о смерти императора Ивана Антоновича, содержавшагося въ томъ самомъ казематѣ въ которомъ въ послѣдствiи сидѣлъ Савельевъ, и слышалъ объ обстоятельствахъ его смерти отъ сторожей. Савельевъ, Агѣевъ и другiе разказывали что въ числѣ посаженныхъ съ ними въ Шлиссельбургскую крѣпость былъ и московскiй купецъ Ѳедоръ Евсеевичъ Колесниковъ. Оми гово-

рано утромъ прїѣхалъ въ Шлиссельбургъ нарочный курьеръ (камергеръ, ибо имѣлъ на заднемъ карманѣ ключъ), съ повелѣніемъ привезти въ Петербургъ для освобожденія Шилова съ другими сконцами. Но посланный не застаѣ Шилова въ живыхъ: онъ умеръ въ то самое утро какъ тотъ прїѣхалъ. Это поставило камергера въ недоумѣніе: онъ недоумѣвалъ везти ли ему другихъ сконцовъ, которыхъ предписано было ему представить вмѣстѣ съ умершимъ. По совѣщаніи съ комендантомъ крѣпости, генералъ-маіоромъ Плуталовымъ, онъ рѣшился пока оставить ихъ въ крѣпости, а Шилова не предавать землѣ до разрѣшенія государева. Черезъ двѣнадцать дней послѣдовало повелѣніе Павла Петровича предать тѣло Шилова землѣ, со всѣми христіанскими обрядами, * а заключенныхъ одновременно съ нимъ сконцовъ допустить проститься съ его тѣломъ. Они нашли при гробѣ коменданта и священника. Изъ нихъ Савельевъ и Агвевъ чрезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ того утверждали что тѣло Шилова не только не было испорчено, но и не имѣло дурнаго запаха. Въ

риши что этотъ Колесниковъ пользовался милостію императрицы Екатерины II, что она употребляла его по разнымъ дѣламъ и прозвала въ шутку „масономъ“, названіе которое, изъ подражанія государями, и всѣ давали въ то время сконцамъ. Будучи посланъ Екатериною по какимъ-то дѣламъ въ Сибирь, Колесниковъ, возвратясь, нашелъ на престолѣ уже Павла Петровича, также знавшаго его и осыпавшаго милостями, когда былъ великимъ княземъ. Принявъ бумаги отъ Колесникова и полный отчетъ по порученію даданю Екатерिनѣ, императоръ Павелъ будто бы рассердился на него за то что тотъ явился къ нему въ сибирской одеждѣ, и какъ въ то самое время отправляли Шилова и шестерыхъ петербургскихъ сконцовъ въ Шлиссельбургъ, то онъ велѣлъ отправить съ ними и его, но черезъ два года возвратилъ, и тогда какъ самъ, такъ и императрица Марія Федоровна, снова осыпали будто бы Колесникова своими милостями.

* Савельевъ утверждалъ что Александръ Ивановичъ былъ первый котораго разрѣшено было вывезти для погребенія изъ крѣпости; но что обыкновенно умиравшихъ до него шлиссельбургскихъ арестантовъ хоронили на томъ же мѣстѣ, гдѣ они содержались, что даже императоръ Иванъ Антоновичъ также былъ похороненъ. Къ этому Савельевъ присовокупялъ, что императоръ Александръ Павловичъ, по вступленіи на престолъ, два раза прїѣзжалъ въ Шлиссельбургъ и приказывалъ отыскать тѣло Ивана Антоновича. Поэтому перерыли все водъ мусоромъ и другимъ хламомъ, но ничего не нашли.

этомъ нѣтъ, впрочемъ, удивительнаго: дѣло было зимою. Шилова похоронили при подоснвѣ Преображенской горы, близъ берега Невы, куда будто бы сопровождали гробъ его: комендантъ генераль-маіоръ Шлуталовъ, плацъ-маіоръ Юхаревъ, множество чиновниковъ, народъ и все духовенство. По восшествіи на престолъ императора Александра Павловича, бывшіе въ заточеніи спутники Шилова освобождены и возвращены въ экипажахъ въ Петербургъ. Въ 1802 году, при комендантѣ Шлуталовѣ, плацъ-маіорѣ Юхаревѣ, разныхъ чиновникахъ, священствѣ и множествѣ народа, стекшагоса какъ изъ Шлиссельбурга, такъ и изъ Петербурга, гробъ Шилова былъ вырытъ, и тѣло будто бы найдено неповрежденнымъ и по словамъ плацъ-маіора Юхарева, передававшего это скопцу унтеръ-офицеру Трусову, оказался одинъ только ноготь на пальцѣ ноги почернѣвшимъ, но и то Юхаревъ относилъ къ тѣснотѣ гроба. Мертваго Шилова причесали, потомъ, закрывъ, положили въ тотъ же гробъ, и въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ Шлиссельбурга и постороннихъ лицъ, перенесли выше на той же горѣ, туда гдѣ оно и теперь находится. Здѣсь сначала была построена надъ могилой обширная деревянная часовня (будто бы иждивеніемъ коменданта, который былъ съ покойнымъ въ дружбѣ). Могила скопческаго предтечи сдѣлалась предметомъ обожанія съ того времени какъ Кондратій Селявановъ сталъ свободно проповѣдывать ученіе свое въ Петербургѣ. Бѣлые голуби со всѣхъ сторонъ стали стекаться на поклоненіе этой могилѣ. Петербургскіе скопцы купцы Борисовъ * и Шеметовъ сдѣлали надъ нею прочный сводъ, а въ 1829 году поставили существующій до нынѣ памятникъ. **

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

(Продолженіе будетъ.)

* Въ послѣдствіи почетный гражданинъ, выстроившій на Преображенской горѣ въ 1818 году церковь и домъ. Онъ былъ старостою двухъ церквей въ Шлиссельбургѣ: Благовѣщенской, въ городѣ, и Преображенской, на кладбищѣ, въ которой въ началѣ 1844 года и похороненъ.

** Сравни. *Исследования о скопческой ереси* Н. И. Надеждина. При этой книгѣ приложено и изображеніе надгробнаго памятника Шилова.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Соч. автора *Исторіи отечественной войны 1812 года.* Спб. 1869, т. I—IV.

Послѣ довольно большаго числа обнародованныхъ въ послѣдніе годы документовъ относящихся къ эпохѣ императора Александра I, послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ монографій касающихся той же эпохи, мы получаемъ наконецъ ея *Исторію*. Эпоха въ высшей степени важная и любопытная, за разработку которой пора было наконецъ принятыся, чтобъ установить на нее правильную точку зрѣнія. Императоръ Александръ I и его время, точно такъ же какъ и всѣ историческіе дѣятели и историческія эпохи, подвергались у насъ то ожесточеннымъ порицаніямъ, то какому-то тенденціозному восхваленію, которое какъ будто имѣло въ виду колоть глаза настоящему времени. „То былъ вѣкъ богатырей“, восклицалъ поэтъ прежняго времени и прибавлялъ:

„Но смѣшались шатки,
И поѣзжали изъ щелей
Мотки да букашки.“

Правда, послѣднія слова Давыдова относятся не къ нашему времени, но сколько есть охотниковъ (особенно между стариками) дать выразить, что и тѣ люди которые разрѣшили крестьянскій вопросъ и осуществляютъ судебную реформу—*мотки и букашки*.... И безусловныя похвалы, и ожесточенныя порицанія дѣятелямъ первой четверти XIX вѣка не справедливы: эти люди не лучше и не хуже насъ, но они дѣйствовали при иныхъ обстоятельствахъ, находились въ иныхъ условіяхъ и,

главное дѣло, стремились часто къ осуществленію иныхъ идеаловъ чѣмъ мы: вотъ причина что ихъ и обвиняють, и восхваляють съ такою страстностію. Но потому-то самому что такое различіе понятій отдѣляетъ насъ отъ людей и дѣлъ Александровской эпохи, намъ и слѣдуетъ внимательно изучить эти дѣла и этихъ людей. Большое спасибо, слѣдовательно, почтенному генералу Богдановичу за то что онъ составилъ полное и обстоятельное описаніе эпохи, о которой были разсѣяны до сего времени лишь эпизодическія, нерѣдко одностороннія или даже пристрастныя извѣстія.

Прежде чѣмъ заняться сочиненіемъ заглавіе коего выписано выше, да позволено намъ будетъ приостановиться на мысли выраженной нѣсколько строкъ выше сего. Естественное ли, нормальное ли явленіе это различіе въ понятіяхъ двухъ столь близкихъ между собою эпохъ, какъ нынѣшняя и Александровская? Естественное ли, нормально ли чтобы правительство одной и той же страны имѣло такіе-то идеалы въ данную минуту, а пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ спустя совершенно иные? Многое измѣняется и даже должно измѣняться по мѣрѣ того какъ одно поколѣніе смѣняется другимъ, но, напримѣръ, система внѣшней политики страны должна ли измѣняться? Вотъ вопросъ который, конечно, заслуживаетъ нѣсколькихъ минутъ вниманія со стороны читателей *Русскаго Вѣстника*. Обращаясь для разрѣшенія этого вопроса къ примѣру другихъ странъ, мы видимъ что Англія въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ стремится къ господству на моряхъ, учреждаетъ морскія станціи на всѣхъ океанахъ и ревниво наблюдаетъ за возникновеніемъ всякой новой силы на Востокъ; Франція болѣе двухъ сотъ лѣтъ стремится къ границамъ на Рейнѣ и къ подножію Альпъ, къ преобладанію на Средиземномъ морѣ и къ утверженію своего вліянія въ Прирейнской Германіи и въ сѣверной Италіи; Пруссія со времени Фридриха II заявляла постоянно желаніе стать во главѣ германскаго единства.... Только въ Россіи мы не замѣчаемъ твердыхъ политическихъ преданій. Какая могла бы быть тому причина? Неужели вокругъ такого исполнскаго организма какъ Россія не образовалось извѣстныхъ условій которыя специально соответствовали бы его потребностямъ? Или же не нашлось великаго государственнаго человѣка въ Россіи который бы угадалъ эти потребности? Нѣтъ, недаромъ иностранцы сочинили легенду

о политическомъ завѣщаніи Петра Великаго, которому будто бы всѣ послѣдовавшія съ того времени правительства неуклонно слѣдуютъ: значить предполагается же известная политическая система специально пригодная для Россіи. Дѣйствительно, подобно тому какъ Кромвель, Ришелье и Фридрихъ II были родоначальниками національной политики Англіи, Франціи и Пруссіи, такъ Петръ I есть отецъ русской національной политики. Различіе состоитъ только въ томъ что въ Англіи, Франціи и Пруссіи установилась въ теченіи времени неизмѣнная политическая система и образовались правительственныя преданія, между тѣмъ какъ у насъ этого не было. Одна Екатерина Великая усвоила себѣ Петровы преданія; за то едва лишь закрыла она глаза, какъ все существенное и по внутреннимъ дѣламъ, и по вѣшнимъ, приняло иное, по большей части диаметрально противоположное прежнему направленіе. Екатерина всю жизнь свою стремилась къ утверженію государственнаго единства и къ подавленію провинціализмовъ; ея преемникъ успѣшилъ возстановить особенныя учрежденія прибалтійскихъ и возвращенныхъ отъ Польши губерній. Екатерина руководствовалась единственно выгодами Россіи въ дѣлахъ международной политики; въ послѣдніе годы своей жизни она, правда, много говорила о необходимости подавить революціонную гидру во Франціи, но найдя ея отпрыски въ Варшавѣ, свела съ нею свои счеты и не захотѣла идти далѣе, а предпочла употребить русскую армію для утверженія своей власти на Востоку; Павелъ, напротивъ того, отозвалъ русскія войска изъ восточнаго Кавказа и послалъ ихъ возстановлять власть Сардинскаго короля....

Екатерининскія преданія были слѣдовательно совершенно заслонены, забыты, истреблены, когда Александръ I вступалъ на престолъ. Молодой императоръ счелъ нужнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе что онъ будетъ царствовать по духу и разуму своей бабки. Но духъ и разумъ ея правительства были утрачены; тѣ изъ ея сотрудниковъ которые дожили до воцаренія ея внука едва ли были въ состояніи сообщить ему ея правительственныя преданія, да притомъ и самъ Александръ и ближайшіе его совѣтники многое презирали и многое отрицали (начиная съ Потемкина и Греческаго проекта) въ томъ царствованіи которое ставили себѣ будто бы въ образецъ. Чтѣ же предпримутъ они сами? Чѣмъ

стануть руководствоваться?... Предъ ними была *tabula rasa*; имъ предстояла свобода дѣйствія тѣмъ болѣе полная, что даже международные акты, эти видимыя связи настоящаго съ прошедшимъ, ослабили и утратили значеніе въ началѣ нынѣшняго вѣка, благодаря всеобщей пертурбаціи въ европейской политикѣ причиненной революціонными войнами. Посмотримъ же на первые шаги императора Александра въ сферѣ внѣшней политики; они тѣмъ болѣе любопытны что слѣды ихъ мы находимъ въ продолженіе всего его царствованія.

Франція была въ это время на верху своего могущества; анархія уступила мѣсто умной, энергической администраціи,

....*Rome remplissait Sparte;*

Déjà Napoléon perçait sous Bonaparte,

Et du premier Consul le masque étroit

Le front large de l'empereur perçait en mainte endroits.

Что касается до международнаго положенія Франціи, то оно было, можно сказать, господствующее. Присоединеніемъ Бельгіи и Савоиі съ Пиемонтомъ границы ея передвинуты были къ Нижнему Рейну и Альпамъ, съ чѣмъ вмѣстѣ увеличено было и протяженіе ея морскихъ береговъ. Далѣе, широкою полосой окружили Францію владѣнія покорныхъ ей и трепещущихъ предъ нею союзниковъ: на сѣверѣ къ ней прикасалась Батавская республика; на востокѣ группа мелкихъ германскихъ владѣній, сжимаемая въ желѣзной рукѣ перваго консула Франціи, приучалась къ осуществленію задуманнаго имъ Рейнскаго Союза; изъ рукъ того же перваго консула Франціи Швейцарія, подъ именемъ Гельветической республики, получила свое политическое устройство и была въ дѣйствительности его вассаломъ; сѣверная и средняя Италія, соединенная въ единое политическое цѣлое, считала генерала Бонапарта своимъ президентомъ; онъ занималъ своими войсками Неаполитанскія владѣнія, заставлялъ трепетать предъ собою Испанію, принудилъ германскаго императора къ двукратному унизительному миру, грозилъ высадкой Великобританіи, Ганноверскія владѣнія коей онъ занялъ вооруженною рукою, и полагалъ основанія континентальной системѣ закрытіемъ для англійской торговли устьевъ Везера и Эльбы.... Со времени Карла V Европа не видала такого преобладанія одной державы надъ остальными.

Въ какихъ отношеніяхъ находились между собой въ это время Франція и Россія?

Императоръ Александръ наследовалъ отъ родителя своего очень удовлетворительныя отношенія къ генералу Бонапарту, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего вступленія на престолъ заключилъ съ нимъ секретную конвенцію, коею, казалось, Россія и Франція раздѣляли между собой диктатуру надъ Европой. Онѣ договорились доставить, по обоюдному соглашенію, вознагражденіе королю Сардинскому и германскимъ владѣтелямъ потерявшимъ свои владѣнія по Люневильскому трактату, Императоръ Александръ принималъ на себя ходатайство въ Константинополѣ объ освобожденіи французскихъ итѣнскихъ, а генералъ Бонапартъ обязывался вывести свои войска изъ Неаполитанскихъ владѣній и признавалъ независимость освобожденныхъ русскимъ оружіемъ изъ-подъ турецкаго ига Ионическихъ острововъ. Итакъ, всѣ текущіе международные вопросы должны были разрѣшиться совмѣстнымъ дѣйствіемъ Россіи и Франціи: такъ значилось въ трактатѣ. Но Бонапартъ находилъ что для обѣихъ сторонъ удобнѣе замѣнить совмѣстное ихъ дѣйствіе дѣйствіемъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ, каждой въ сферѣ наиболее важныхъ для нея интересовъ. Такъ какъ, соображалъ онъ, вопросъ объ устройствѣ дѣлъ въ Италіи или на берегахъ Рейна болѣе интересуеть Францію чѣмъ Россію, то послѣдняя могла бы предоставить первой устроить эти вопросы по своему усмотрѣнію, а Франція, съ своей стороны, не стала бы вмѣшиваться въ распоряженія Россіи по дѣламъ восточной Европы. Помянутою конвенціей было постановлено чтобы на Ионическихъ островахъ не было иностранныхъ войскъ, а русскія войска не торопились выходить оттуда и даже, если вѣрнѣе выраженнымъ въ послѣдствіи на это жалобамъ со стороны Франціи, число нашихъ войскъ тамъ постоянно увеличивалось; но генералъ Бонапартъ дѣлалъ видъ что не замѣчаетъ этого, и за то требовалъ чтобы императоръ Александръ не торопилъ его вознагражденіемъ короля Сардинскаго и выводомъ войскъ изъ Неаполитанскихъ владѣній.

Итакъ, отношенія между Россіей и Франціей устанавливались на ногѣ совершеннаго равенства; это могло быть началомъ союза, но не такого какой образовался послѣ Тильзитскаго мира, это могло быть началомъ союза непостыднаго для Россіи, союза который ставилъ ее въ необыкновенно

выгодное положеніе. Дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей, прерванныя во время революціонныхъ сатурналіи, возобновились зимою 1801—1802 года, и въ продолженіе нѣкотораго времени Европа могла думать что тѣсная дружба соединяетъ императора Александра и маю Французской республики. На Ратисбонскомъ конгрессѣ, происходившемъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Франціи, представленіямъ Петербургскаго двора было оказываемо величайшее вниманіе; второстепенные князья Германіи, если только они находились въ родствѣ съ императоромъ Александромъ или пользовались его покровительствомъ, получали вознагражденіе болѣе широкое чѣмъ прочіе. Позже, при возникавшихъ уже недоразумѣніяхъ между Франціей и Россіей, первый консулъ два раза заявлялъ самымъ серьезнымъ образомъ о своемъ уваженіи къ императору Александру и о желаніи сохранить добрыя отношенія къ Россіи. Въ первый разъ это случилось по поводу уклоненія со стороны Англіи отъ обязательства вывести, согласно Аміенскому трактату, свои войска изъ Мальты и возвратить этотъ островъ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго. Такъ какъ британское правительство выражало опасеніе что этотъ важный по своему положенію островъ легко можетъ перейти изъ рукъ ордена въ руки Франціи, то первый консулъ предложилъ сдать оный подъ охрану Александра, — предложеніе, которое было отклонено англійскимъ кабинетомъ. Потомъ въ томъ же дѣлѣ, по поводу тѣхъ же недоразумѣній съ Великобританіей, первый консулъ еще разъ торжественно засвидѣтельствовалъ о своемъ довѣріи и уваженіи къ русскому правительству по слѣдующему случаю. Король Георгъ нашелъ нужнымъ заявить своему парламенту что морскія вооруженія Франціи не дозволяютъ ему вывести свои войска изъ Мальты. Такое заявленіе, сдѣланное официальнымъ образомъ предъ лицомъ всего свѣта и (по французскимъ источникамъ) не оправдываемое дѣйствительностію, вызвало со стороны перваго консула одну изъ тѣхъ бѣшеныхъ выходокъ, которыя были результатомъ не столько его горячаго темперамента, сколько никогда не покидавшаго его политическаго разчета: онъ рѣшился „оборвать“ Англію въ лицѣ ея представителя. Тщетно было все искусство Талейрана чтобъ успокоить его; 1-го (13-го) марта 1803 года, на третій день послѣ полученія въ Парижѣ извѣстія о королевскомъ посланіи, у супруги перваго консула былъ приемъ. Пока

гостинныя наполнялись, Бонапартъ, совершенно одѣтый, находился во внутреннихъ комнатахъ своей супруги; онъ игралъ съ племянникомъ своимъ, новорожденнымъ младенцемъ, старшимъ братомъ нынѣшняго императора Франціи, и разсѣянно слушалъ имена прибывавшихъ гостей. Но когда произнесено было имя лорда Витворта, онъ вдрогнулъ, оставилъ ребенка, быстро взялъ за руку Жозефину и прошелъ ускореннымъ шагомъ къ гостямъ. Не замѣчая никого, онъ направился прямо къ англійскому посланнику и сказалъ ему съ чрезвычайнымъ волненіемъ: „Милордъ, имѣете ли вы извѣстія изъ Англіи?“ Затѣмъ, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ, задыхаясь отъ волненія: „Итакъ, вы хотите войны?... Вы хотите войны?“ говорилъ онъ возвышая голосъ. „Мы дрались десять лѣтъ, и вы желаете чтобы мы дрались еще другихъ десять лѣтъ?... Какъ смѣли сказать у васъ что Франція вооружается?...“ Разрывъ былъ полный, громкій. Однако прежде чѣмъ обнажить оружіе, Бонапартъ съ большою предупредительностію принялъ предложеніе посредничества со стороны Русскаго императора, и если оно не состоялось, то еще разъ по недостатку довѣрія къ Петербургскому двору со стороны британскаго, а не французскаго правительства.

Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ половинѣ 1803 года. Первый консулъ явно заискивалъ расположенія Россіи. Въ Европѣ готовы были, казалось, образоваться двѣ отдѣльныя политическія сферы, изъ коихъ въ одной центромъ была бы Франція, а въ другой—Россія. Не такого ли положенія дѣлъ для Россіи и желали въ свое время Петръ I и Екатерина II? Какъ тотъ такъ и другая, почти не вмѣшиваясь въ дѣла крайняго Запада, старались освободить отъ вмѣшательства Франціи и Англіи дѣла Востока, которыя, по мнѣнію этихъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей, отнюдь не должны были подчиняться западной гегемоніи. Еслибъ императоръ Александръ руководствовался преданіями Петра и Екатерины, то онъ не преминулъ бы замѣтить что ему открывается возможность не только продолжать, но можетъ-быть и окончить то что они начали, то-есть, перестроить восточную Европу на основаніяхъ согласныхъ съ интересами ея населеній и съ интересами Россіи, окружить Россію владѣніями естественныхъ ея союзниковъ и сдѣлать ее центромъ особой политической системы....

Но преданія прошлаго не имѣли силы для Александра, ибо

не представляли полной, стройной политической системы, издавна дѣйствующей, провѣренной въ законодательныхъ собраніяхъ, въ клубахъ, въ газетахъ всевозможныхъ направленій. Предъ нимъ былъ полный, безусловный просторъ, широкое поле, по которому проходили сотни тропинокъ: которую изъ нихъ выбрать? Дѣлать подобный выборъ а priori очень трудно: ничто такъ не ускользаетъ отъ подобныхъ рѣшеній какъ задачи политическаго свойства. Такія задачи рѣшаются мудростью цѣлыхъ поколѣній, опытомъ вѣковъ, разумніемъ историческаго назначенія той или другой націи: но этихъ-то указаній и не имѣлъ предъ собою Александръ. Единственное надежное, повидимому, основаніе на которомъ онъ могъ утвердиться была общая всѣмъ христіанская нравственность. Это основаніе провозглашалось притомъ современными мыслителями, которые сѣтовали что государи не слѣдуютъ ему въ своихъ международныхъ отношеніяхъ. Молодые совѣтники Александра съ этой же точки зрѣнія порицали политику Екатерины и убѣждали его быть представителемъ новыхъ началъ; наконецъ въ семействѣ своемъ онъ постоянно слышалъ ожесточенныя выходки противъ Наполеона, какъ противъ революціонера, рагвепи, явно замышляющаго надѣтъ на себя королю Св. Лудовика.... Въ это время приходитъ въ Петербургъ извѣстіе о похищеніи французскими солдатами одного изъ представителей Бурбонской фамиліи и о разстрѣляніи его ночью во рву Венсенскаго замка. Съ человѣкомъ руки котораго обрызганы кровью, и притомъ кровью Бурбоновъ, императору Александру казалось невозможнымъ быть не только въ дружественныхъ, но даже въ мирныхъ отношеніяхъ. Онъ вступилъ въ сношенія съ различными дворами, гдѣ надѣялся встрѣтить сочувствіе волновавшему его негодованію. Но и теперь, вступая на новый политическій путь, Александръ не имѣлъ ясной политической программы; если вѣрить Тьеру, то виды Петербургскаго кабинета были такъ неопредѣленны, что ихъ подсказалъ русскимъ министрамъ нѣкій Піатоли, Италіанецъ по происхожденію, аббатъ по званію, а по занятіямъ — политическій мечтатель и авантюристъ.

Аббатъ Піатоли пробрался въ Польшу еще во времена короля Станислава-Августа, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Курляндіи, и наконецъ явился въ Петербургъ, гдѣ не безъ блеска развивалъ въ разныхъ салонахъ свои политическія теоріи.

Принятый подъ покровительство княземъ Чарторыйскимъ, въ то время управлявшимъ иностранными сношеніями Россіи, онъ подалъ черезъ него русскому правительству записку о современномъ положеніи дѣлъ и, по словамъ Тьера, эта записка рѣшила судьбу русской политики. Поднявшись на самую высъ общечеловѣческихъ соображеній, онъ, во имя бѣдствій всей Европы буруемаемой-де своекорыстными стремленіями Франціи и Англіи, предлагалъ русскому правительству, ставъ выше политическихъ ссоръ и выше матеріальныхъ стремленій, собрать подъ свое знамя всѣ страдающія и угнетенныя правительства и народы и затѣмъ воззвать къ нарушителямъ всеобщаго спокойствія, предложить имъ условія, и соединившись съ тою изъ двухъ препирающихся державъ которая приметъ русскую программу, обрушиться на другую всюю тяжестью негодованія цѣлой Европы; Піатоли, — говоритъ г. Тьеръ имѣвшій предъ глазами копію съ его записки, — провозглашалъ что не должно быть пощады въ отношеніи страны „qui aurait déserté la cause de l'humanité“. Политическими мечтателями и авантюристами, подобными Піатоли, кишела въ то время Европа; но Петербургъ былъ ихъ обѣтованною страной. Указывая Россіи такое высокое положеніе въ своихъ политическихъ соображеніяхъ, Піатоли указывалъ и средство достигнуть оного: въ священной войнѣ за благо челоѣчества, она должна была выставить три арміи, къ которымъ должны были примкнуть мелкіе контингенты остальной Европы: роль „Агамемнона царей“ ясно указываема была Александру еще въ 1804 году! Цѣлю всеобщей войны противъ Франціи было бы преобразование карты Европы; нѣкоторые изъ ея завоеваній были бы у нея отнять; король Сардинскій, за котораго очень хлопотали всѣ усердные католики, былъ бы возстановленъ въ своихъ владѣніяхъ, Европа была бы разграничена почти такъ же какъ ее разграничилъ въ послѣдствіи Венскій конгрессъ, наконецъ Польша была бы воссоздана въ ея старинныхъ предѣлахъ, съ подчиненіемъ ея Русскому императору....

Не знаемъ почему генералъ Богдановичъ не упоминаетъ о странной, но любопытной запискѣ Піатоли; она ярко характеризуетъ мечтательную политику нашу въ первые годы выѣшняго вѣка. Проникнутый мыслями которыхъ Піатоли былъ отчасти машатаемъ, а отчасти отголоскомъ, Александръ рѣшился отправить одного изъ молодыхъ совѣтниковъ

своихъ, Новосильцова, въ Лондонъ, и начерталъ ему инструкцію которую г. Богдановичъ приводитъ въ довольно подробномъ извлеченіи. Мы передадимъ съ его словъ содержаніе этого оригинальнаго и любопытнаго документа. По мнѣнію государя, самымъ опаснымъ оружіемъ Французовъ было распространенное ими убѣжденіе будто они ратуютъ за свободу и благосостояніе народовъ. И потому необходимымъ казалось прежде всего, вырвавъ это оружіе изъ рукъ правительства недостойнаго подвизаться за столь правое дѣло, принять на себя защиту независимости и блага державъ угнетенныхъ Французами. Вовсе не желая замедлять преуспѣяніе человѣчества, что впрочемъ, по мнѣнію императора Александра, не только было бы напрасно, но повело бы къ собственному вреду, государь предполагалъ во всѣхъ странахъ освобожденныхъ отъ ига Бонапарта искоренить прежнія злоупотребленія и обезпечить свободу. Участіе союзниковъ въ судьбѣ короля Сардинскаго, въ отношеніи къ коему Россія и Англія приняли на себя обязательства, должно было подать тому полезный примѣръ: безопасность Европы требовала не только его восстановления, но и увеличенія его владѣній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣ державы могли совокупно ему посовѣтовать даровать своимъ подданнымъ благоразумную и свободную конституцію: король, безъ сомнѣнія, убѣдился бы что этого требуютъ его собственныя выгоды, и что только дѣйствуя такимъ образомъ онъ могъ принести пользу общему дѣлу. Касательно Швейцаріи и Голландіи, государь полагалъ предоставить ихъ жителямъ такой образъ правленія какого они пожелаютъ сами. Что же касается Франціи, то одержавъ успѣхи силою оружія и заслуживъ общее сочувствіе соблюденіемъ справедливости и снисхожденія, можно было надѣяться что всякое обѣщаніе союзниковъ будетъ съ довѣріемъ встрѣчено французскимъ народомъ. Пользуясь этимъ, они должны были объявить что они воюютъ не противъ Франціи, а противъ правительства столь же тягостнаго для нея сколько и для прочихъ державъ Европы, и что они обращаются къ Французамъ не съ вызовомъ къ бунту, либо къ послушанію законамъ, а съ приглашеніемъ оставить несогласія раздѣлявшія ихъ на партіи и учредить такой образъ правленія какой они сами сочтутъ лучшимъ для блага Франціи. Предполагая что Французы пожелаютъ ввести у себя конститу-

цѣнную монархію, государь желалъ бы предоставить имъ выборъ главы правительства. Вообще же относительно формы правленія императоръ Александръ полагалъ что „началами учрежденій вездѣ должныствовати быть священныя права челоувѣчества, и что самыя учрежденія будутъ различны, сообразно свойствамъ странъ и жителей ихъ“. „По мнѣнію государя,“ продолжаетъ генералъ Богдановичъ,—

„великая цѣль утвержденія на прочномъ основаніи будущаго спокойствія Европы могла быть достигнута, съ одной стороны, преданностію народовъ правительствамъ, руководящимся благомъ своихъ подданныхъ, а съ другой—опредѣленіемъ международныхъ отношеній болѣе точными правилами. По словамъ его, „внимательное обсужденіе этихъ предметовъ и опытъ прежнихъ вѣковъ доказываютъ, что такіе результаты возможны только тогда, когда внутренней общественной жизни основанъ на благоразумной свободѣ, которая одна лишь скрѣпляетъ правительство и служитъ преградой страстямъ, либо необузданному властолюбію правителей, и когда, въ то же время, народное право утверждено на неизблемыхъ началахъ“. Средствомъ къ упроченію спокойствія Европы, по мнѣнію императора Александра, могло быть заключеніе общаго договора, подобнаго Вестфальскому трактату.

„Императоръ Александръ былъ убѣжденъ въ необходимости усилить второстепенныя государства чтобъ они имѣли средства выдержать первый ударъ и выждать помощь которую дадутъ имъ прочія союзныя державы. Очевидно, что существованіе слишкомъ малыхъ владѣній было несообразно съ предположенною цѣлью, потому что они, не обладая собственной силой, служатъ приманкой властолюбію другихъ державъ и не могутъ содѣйствовать общей пользѣ. Такія неудобства нельзя отстранить ничѣмъ кромѣ присоединенія ихъ къ государствамъ болѣе обширнымъ, либо составленія федеративныхъ союзовъ. Необходимость обуздать Францію заставляетъ обратить вниманіе на эти соображенія въ отношеніи къ Италіи и еще болѣе къ Германіи, которая, по видимому, водаетъ удобства къ измѣненію своего политическаго устройства не соответствующаго пользамъ ея народовъ и всей Европы. Но отнятіе владѣній у многихъ германскихъ князей было столь несправедливо, что нельзя о томъ и думать. Не лучше ли отдѣлать эти владѣнія совершенно отъ преобладающихъ надъ ними державъ, Австріи и Пруссіи, и образовать изъ второстепенныхъ германскихъ государствъ болѣе тѣсный союзъ? Таковъ былъ вопросъ, требовавшій, по мнѣнію государя, зрѣлаго обсужденія, коль скоро настанетъ время устроить судьбу Германіи.

„Руководимыя одними и тѣми же видами и чувствами, обѣ союзныя державы легко могли согласиться между собою

насчетъ образа дѣйствій въ отношеніи къ прочимъ государствамъ которыя примуть участіе въ войнѣ. Австрія будетъ дѣйствовать по ихъ внушеніямъ изъ опасенія лишиться помощи Россіи и англійскихъ субсидій. Но едва ли можно надѣяться на добровольное присоединеніе Пруссіи къ союзу противъ Франціи, и потому предстоялъ вопросъ не лучше ли заставить ее силою пристать къ одной изъ воюющихъ сторонъ нежели признать ея нейтралитетъ? Впрочемъ, каковы бы ни были сподвижники коалиціи, великобританское министерство, убѣдясь въ пользѣ предлагаемыхъ видовъ, согласится въ необходимости сохранять ихъ въ тайнѣ, ограничиваясь направлениемъ общихъ усилій къ желаемой цѣли.

„По мнѣнію государя, Россія и Англія должны были войти въ искреннее соглашеніе насчетъ судьбы Оттоманской Порты. Не подлежало сомнѣнію что слабость сей державы, безначаліе ея управленія и безпрестанно возрастающее неудовольствіе христіанъ, ея подданныхъ, постоянно угрожали спокойствію Европы, и потому слѣдовало принять какія-либо мѣры, сообразныя съ благомъ человѣчества и съ правами здравой политики. Конечно, главнымъ препятствіемъ тому было правдушіе, отъ котораго обѣ союзныя державы не захотятъ отклониться даже въ отношеніи къ столь тиранскому правительству; тѣмъ не менѣе, однакоже, еслибы Турки вошли въ союзъ съ Французами, или еслибы, по другимъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ содѣлалось невозможно, то союзныя державы должны были распорядиться устройствомъ различныхъ частей ея. Далѣе было упомянуто „о вознагражденіи по окончаніи войны обѣихъ державъ за сдѣланныя ими пожертвованія, могущемъ послужить свидѣтельствомъ что пользы ихъ „народовъ не были ими оставлены безъ вниманія“.

Эта инструкція, равно какъ и записка италіанскаго аббата служащая ей ключомъ и объясненіемъ, заключаютъ въ себѣ въ общихъ чертахъ мысли которыми руководствовалась политика наша во все продолженіе царствованія Александра I; поэтому помянутые акты заслуживаютъ того чтобы въ нихъ вглядѣться пристально. Прежде всего поражаетъ въ нихъ и кидается въ глаза космополитическій и теоретическій ихъ характеръ, особенно если сличить ихъ съ программой которой слѣдовала политика перваго консула. Генералъ Бонапартъ могъ ошибаться насчетъ того что составляло потребности управляемой имъ страны, онъ, можетъ быть, придавалъ чрезмѣрное значеніе вопросу о внѣшнемъ, международномъ величіи Франціи, но цѣлю его постоянно и исключительно была Франція, одна Франція; напротивъ того, какъ въ инструкціи данной Новосильцову, такъ и въ

запискѣ Платоли говорится о владѣніяхъ Сардинскаго короля и германскихъ владѣтелей, о Ганноверѣ и Швейцаріи, высказывается много великодушныхъ и просвѣщенно-либеральныхъ мыслей, но не говорится спеціально о Россіи. О ней говорится въ инструкціи Новосильцова лишь по поводу турецкихъ дѣлъ; но при этомъ обнаружены мысли поражающія своею отвлеченностію, какъ напримѣръ слѣдующая: „Россія и Англія, сказано между прочимъ въ этой инструкціи, единственныя державы въ Европѣ не имѣющія враждебныхъ между собою интересовъ...“ Далѣе, Новосильцову повелѣвалось условиться о совокупномъ дѣйствіи Россіи и Великобританіи „въ случаѣ еслибы дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ сдѣлалось невозможно,“ — и условиться съ кѣмъ же? Съ сыномъ того кто утверждалъ что не стоить разговаривать о политикѣ съ человекомъ не понимающимъ что Англія не можетъ допустить усиленія русскаго вліянія на Востокахъ.. Далѣе, окончивъ переговоры въ Лондонѣ, Новосильцовъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ и стараться привлечь перваго консула къ принятію русской программы.... Признаемся, мы находимъ очень понятными слова Бонапарта сказанныя по поводу вѣстой русскаго посланника въ пользу Сардинскаго короля: „Мнѣ кажется, оказалъ онъ, что императора Александра также мало могутъ интересовать дѣла Сардинскія, какъ меня дѣла Персидскія!“ Питтъ былъ сдержаннѣе Бонапарта, но и онъ, — этотъ практичнѣйшій изъ людей, — слушая диссертацію Новосильцова, долженъ былъ думать: съ какой стати эти люди, живущіе подъ полюсомъ, такъ хлопочутъ сдѣлаться всеобщими опекунами!

Станемъ ли однако порицать императора Александра? Возвышенность его стремленій невольно налагаетъ на насъ печать молчанія; но обращаясь отъ факта къ общимъ соображеніямъ, мы позволяемъ себѣ сказать что каждое правительство должно прежде всего блюсти интересы страны имъ управляемой. Эти интересы, въ своихъ главныхъ основаніяхъ, неизмѣнны: также должны быть неизмѣнны и основанія политики каждой страны, также своеобразны и самостоятельны какъ своеобразны и самостоятельны условія существованія каждаго большаго политическаго организма. А для этого необходимо чтобы въ самой странѣ существовала политическая жизнь, и чтобы съ перемѣной правительственныхъ лицъ и обсто-

ательствъ перемѣнялись только приемы, а не основанія политической системы. Франція теперь покровительствуетъ построенію желѣзной дороги черезъ Суэскій перешеекъ чтобы занять почетное положеніе на Востока, а 70 лѣтъ тому назадъ она предпринимала завоеваніе Египта съ тою же самою цѣлью; также точно Пруссія, организовавъ въ концѣ прошедшаго вѣка Fürstenbund, а въ началѣ нынѣшняго привлекая въ Берлинъ всѣхъ лучшихъ представителей германской мысли, преслѣдовала ту же цѣль, — объединеніе Германіи подъ своимъ главенствомъ, — какую она имѣла въ виду нанося Австріи ударъ при Садовой.... Почему же мы не видимъ въ Россіи такой послѣдовательности? Почему въ восьмидесятыхъ годахъ всѣ помыслы русскаго правительства сосредоточивались на *греческомъ проектѣ*, а лѣтъ двадцать спустя на возстановленіи Сардинскаго короля въ его владѣніяхъ? Почему Екатерина говорила съ негодованіемъ: „я не лифляндская императрица“, а Александръ принималъ титулъ царя Польскаго?.. Кто же ошибался, Александръ или Екатерина? Почему на разстояніи какихъ-нибудь двадцати пяти лѣтъ представителями русской политики являются Потемкинъ и графъ Нессельроде?

Потому что у насъ не было еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка твердыхъ правительственныхъ преданій, а ихъ не было, потому что не было политической жизни въ странѣ. Тамъ гдѣ нѣтъ этой жизни, возможенъ переходъ отъ „греческаго проекта“ къ Священному союзу, тамъ можно сегодня усиленно добиваться клочка скалы въ Архипелагѣ, а завтра безъ борьбы отказываться отъ Юническихъ острововъ.

II. III.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

ТАКТИКА ПРОТИВНИКОВЪ

НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Не такъ давно *Московскія Вѣдомости* разоблачили продажку къ которой прибѣгъ *Вѣстникъ Европы* по поводу статьи англійскаго писателя Фоулера. Дѣло полезное, и можно сказать заранѣе, что еслибы кто вознамѣрился почаще обращаться къ подвигамъ нашихъ мнимыхъ педагоговъ, то не пришлось бы ему, конечно, жаловаться на недостатокъ весьма любопытнаго матеріала. Вотъ уже четыре года сряду какъ петербургская журналистика ратуетъ почти поголовно противъ классицизма, и всякому мыслящему и сколько-нибудь понимающему дѣло человѣку хорошо извѣстно удалось ли ей способствовать разъясненію вопроса. Серіозныхъ аргументовъ она не имѣетъ, но за отсутствіемъ этихъ аргументовъ, вымыслы, подлоги, искаженія фактовъ приняли грандіозные размѣры. Въ сущности продажка со статьей Фоулера не представляетъ ничего новаго: эта продажка принадлежитъ еще къ числу самыхъ невинныхъ сравнительно съ другими которыми изобилуютъ страницы петербургскихъ газетъ и журналовъ. Что за важность въ самомъ дѣлѣ, если *Вѣстникъ Европы* заставилъ мало извѣстнаго англійскаго писателя проповѣдывать противъ классической системы? Такіе ли еще авторитеты какъ Фоулера принуждены были участвовать, по капризу редакціи *Вѣстника Европы* въ подобныхъ же упражненіяхъ? Вообще редакторъ *Вѣстника Европы* сильно напоминаетъ намъ мастера Тутса, героя Диккенсова романа *Домби и Сынъ*. Извѣстно, что этотъ почтенный господинъ велъ дѣятельную корреспонденцію со всѣми знаменитостями Англіи, самъ сочиняя къ себѣ отъ нихъ письма,

въ которыхъ заставлялъ ихъ говорить, разумѣется, лишь то что было приятно и лестно самому ему, мистеру Тутсу. Точно также и редакторъ *Вѣстника Европы*: между отечественными и европейскими учеными онъ выбираетъ нарочно такихъ отъ которыхъ менѣе всего можно ожидать что они явятся противниками классическаго образованія, и съ помощью особаго процесса которому подвергаются въ его рукахъ произведенія этихъ писателей, онъ преспокойно 'отводитъ имъ мѣсто въ рядахъ друзей нашей доморощенной педагогii. Штука, повидимому, не хитрая, а между тѣмъ разчитанная на вѣрный успѣхъ: быть-можетъ, многіе читатели и не положились бы на авторитетъ *Вѣстника Европы*, но есть ли средство устоять когда этотъ журналъ непрерывно подкрѣпляетъ свои злокубраціи ссылками на всѣми признанные авторитеты? Каково положеніе некомпетентнаго въ педагогическихъ вопросахъ чловѣка, когда принимаются увѣрять его, что даже въ тѣхъ странахъ гдѣ классицизмъ пустилъ глубокіе корни въ просвѣщенные умы только и толкуютъ о томъ чтобы сдать поскорѣе въ архивъ эту давно будто бы обветшалую систему? Нельзя было придумать, конечно, лучшаго средства съ цѣлью произвести путаницу въ понятіяхъ публики, на глазахъ которой совершается такимъ образомъ изумительная подтасовка картъ, къ удивленію, остававшаяся до сихъ поръ безнаказанною.

Московскія Вѣдомости упомянули о Фоулерѣ: позволимъ себѣ привести здѣсь на выдержку нѣсколько другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ....

Вѣстникъ Европы началъ заниматься изобрѣтенною имъ игрою вскорѣ послѣ того какъ возникъ къ существованію. Сколько помню, для перваго дебюта избралъ онъ имя Т. Н. Грановскаго, котораго понадобилось ему среди запальчивыхъ возгласовъ противъ такъ-называемой классической системы. Подобная выходка не могла не изумить, конечно, всѣхъ людей знавшихъ лично незабвеннаго профессора, не могла не изумить особенно послѣ того какъ въ особой статьѣ (см. его *Сочиненія*, т. II, стр. 379) онъ высказалъ весьма ясно и опредѣленно свой взглядъ на значеніе классицизма. Статья эта столь замѣчательна, что считаемъ не лишнимъ напомнить здѣсь о ней. Она была написана по поводу удара нанесеннаго въ 1851 году преподаванію древнихъ

языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Т. Н. Грановскій счелъ долгомъ заявить открыто, что мѣры принятыя въ то время „не безъ причины изумили и опечалили всѣхъ принимающихъ къ сердцу судьбу русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія“, что „люди понимавшіе дѣло были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усилению тѣхъ именно идей противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены.“ Авторъ статьи возражаетъ сначала противъ нелѣпой мысли будто классическое образованіе способствуетъ развитію и распространенію революціонныхъ ученій, затѣмъ онъ старается доказать что реальныя школы, изгоняя древніе языки, не въ состояніи замѣнить ихъ никакими другими предметами на которыхъ могъ бы всецѣло сосредоточиться умъ воспитанника, что школы эти, „заботясь о сообщеніи многостороннихъ свѣдѣній нужныхъ для пракческаго приложенія, требуютъ отъ учащихся чрезмѣрнаго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлаждають въ нихъ любознательность“, что слѣдствіемъ всего этого является умственное безсиліе и поверхностность. „Иначе, говоритъ онъ, понимаетъ свою задачу здравая педагогія, менѣе заботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая вниманіе на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, *какъ незамѣнимое никакимъ другимъ* средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія. Основательное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила получили математическую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе новыми языками, такъ что простое грамматическое знаніе греческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ другихъ приобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за употребленное время. Но не въ этомъ заключается главная польза изученія классической литературы. Гдѣ, какъ не въ ея отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и столь возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи и Рима было бесспорно много ложнаго и непримѣнимаго къ быту

новыхъ гражданскихъ обществъ, но умному наставнику не трудно отдѣлать чисто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно-истиннаго элемента въ твореніяхъ древнихъ поэтовъ и мыслителей....“

Повторяемъ, все это такъ ясно и опредѣленно, что нужно только удивляться зачѣмъ понадобилась статья Т. Н. Грановскаго людямъ избравшимъ своею спеціальностью голословныя нападки на классицизмъ. Но въ рукахъ ловкихъ мастеровъ все становится пригоднымъ къ дѣлу. Покойный московскій профессоръ, имя котораго высоко стоитъ во мнѣніи его почитателей, былъ ревностнымъ защитникомъ классической системы; а что если нападки на эту систему подкрѣпить ссылкой на его авторитетъ? Мысль заманчива, и *Вѣстникъ Европы* отважно принимается за дѣло. Сначала пускаетъ онъ въ ходъ маленькую оговорку, что если Грановскій и „принадлежалъ лично къ почитателямъ классическаго образованія“, то это отнюдь не удивительно въ человѣкѣ „посвятившемъ себя исторической наукѣ, въ которой неммыслимы дальнѣйшіе успѣхи безъ успѣховъ классической филологіи“. Такимъ образомъ дѣлается намекъ, что взглядъ Т. Н. Грановскаго на педагогическую важность древнихъ языковъ объясняется единственно увлеченіемъ ученаго, вполне преданнаго своей спеціальности (какъ неизмѣримо выше его стоитъ въ этомъ отношеніи г. Стасюлевичъ, который успѣлъ остережеться отъ подобныхъ увлеченій, который также былъ профессоромъ всеобщей исторіи, а теперь преспокойно позоритъ классическую систему въ своемъ изданіи!). Затѣмъ, продолжаетъ *Вѣстникъ Европы*, нужно обратить вниманіе на постороннія обстоятельства: въ пятидесятихъ годахъ „на древніе языки смотрѣли такъ же недовѣрчиво, какъ смотрятъ нынѣ на естественныя науки“. Грановскій возсталъ противъ этой крайности. „Несмотря на гоненіе классической науки, онъ въ ту пору тѣмъ не менѣе настаивалъ на необходимости и пользѣ изученія исторіи Греціи и Рима, точно такъ же какъ и нынѣ онъ, *върогатно*, не настаивалъ бы на томъ чтобъ изучали только греческую и римскую исторію, какъ требуетъ *ученіе времени* (?).“ Словомъ, твердое и категорическое заявленіе покойнаго профессора что онъ видитъ въ древней филологіи *незамѣнимое никакимъ другимъ* средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія, весьма искусно обставляется

такого рода толкованіями которыя должны ослабить его силу. Остается теперь придѣлаться къ какому-нибудь выраженію Т. Н. Грановскаго которое можно было бы перевернуть въ такомъ смыслѣ будто онъ самъ сомнѣвался въ пригодности классицизма на нашей почвѣ, -- и дѣло въ шляпѣ. *Вѣстникъ Европы* думаетъ что онъ отыскалъ это выраженіе. А именно, въ концѣ замѣчательной статьи своей покойный профессоръ говоритъ:

„До 1851 года русскія гимназіи шли медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной имъ цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеалъ средняго заведенія приготовляющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ же плоды семнадцатилѣтняго классическаго направленія? говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ. Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей“....

Только этого и нужно было *Вѣстнику Европы*. Онъ вдругъ впадаетъ въ лирической паносъ отъ словъ Т. Н. Грановскаго: какое безпристрастіе, какая трезвость взгляда! „Грановскій не боится правды въ исторію“ и потому сознается открыто что дѣйствительно семнадцатилѣтнее классическое направленіе осталось у насъ бесплоднымъ, что „другими словами, исторія классическаго направленія у насъ — весьма плохое доказательство его пользы“. Къ тому же Грановскій ставитъ успѣхи филологическихъ знаній въ зависимость отъ хорошихъ учителей, но гдѣ же они въ Россіи? Чтѣ сдѣлано у насъ чтобы такіе преподаватели могли явиться?... Изумленный читатель едва успѣваетъ слѣдить за всѣми этими странными выводами, перемѣшанными пышными похвалами безпристрастію покойнаго профессора, котораго *Вѣстникъ Европы* окончательно рѣшился считать съ этой минуты „однимъ изъ своихъ“. Но гдѣ же говорилъ Грановскій что классическое направленіе оказалось у насъ *бесплоднымъ*? Развѣ указать на тотъ фактъ что до 1851 года означенное направленіе не успѣло еще принести желаемыхъ плодовъ, что древніе языки преподавались у насъ не вполне

удовлетворительно, значить утверждать что они не принесли пользы? Съ другой стороны, конечно, хорошіе учителя необходимы для успѣшнаго сообщенія воспитанникамъ филологическихъ знаній, но развѣ требованіе такого рода не относится одинаково ко всѣмъ училищамъ, развѣ, напримеръ, реальныя школы обладаютъ такою чародѣйскою силой что дѣло можетъ идти въ нихъ хорошо и съ плохими преподавателями? Мысль Т. Н. Грановскаго ясна какъ нельзя болѣе: до 1851 года наши гимназіи опирались на вѣрныя начала, основой учебнаго курса признаны были древніе языки, и если преподаваніе этихъ языковъ страдало недостатками, надлежало лишь заботиться о томъ чтобъ устранять эти недостатки; *Вѣстникъ* же *Европы* толкуетъ мысль покойнаго профессора такимъ образомъ: состояніе древнихъ языковъ было не совсѣмъ удовлетворительно, ergo классическая система оказалась безплодною, ergo нужно покончить съ нею навсегда, и ура Грановскому, который, „не боясь правды въ исторіи“, высказалъ будто бы столь замѣчательную истину, хотя самъ *лично* и принадлежалъ къ поклонникамъ классическаго образованія!

Первая попытка оказалась столь удачною, что естественно должна была придать храбрости почтенному журналу. Не довольствуясь отечественнымъ авторитетомъ, нашъ мистеръ Тутсъ избираетъ корреспондентомъ своимъ авторитетъ общеевропейскій, да еще какой авторитетъ! Ни болѣе, ни менѣе какъ Маколей.... Знаменитый авторъ *Lays of ancient Rome*, человекъ глубоко изучившій литературу Греціи и Рима, являющій слѣды этого изученія почти на каждой страницѣ своихъ твореній, — чѣмъ могъ онъ заслужить весьма сомнительную честь фигурировать въ однихъ рядахъ съ сотрудниками *Вѣстника Европы*? Какая обмолвка, какое неосторожное слово въ его многотомныхъ сочиненіяхъ могло послужить аргументомъ для нашихъ петербургскихъ педагоговъ?

Пусть успокоятся читатели: ни неосторожности, ни обмолвки съ его стороны не было. Дѣло происходило такимъ образомъ: въ 1846 году Маколей присутствовалъ на празднествѣ въ честь открытія философскаго института въ Эдинбургѣ и провозгласилъ при этомъ тостъ за англійскую литературу, предпославъ ему при этомъ длинную рѣчь. Известно, что знаменитый историкъ любилъ прибѣгать къ блестящимъ сопоставленіямъ, любилъ пояснять свою мысль анало-

гями и антитезами заимствованными изъ различныхъ эпохъ. Точно такъ же и въ настоящемъ случаѣ: восхваляя богатство своей отечественной литературы, онъ сравниваетъ положеніе современнаго англійскаго ученаго съ положеніемъ ученаго въ XIII вѣкѣ.... Но позволимъ себѣ привести здѣсь самый отрывокъ изъ рѣчи, послужившій темою для разглагольствованій *Вѣстника Европы*.

„Положимъ даже, говоритъ Маколей, что онъ (то-есть средневѣковой ученый) владѣлъ всѣми цѣнными произведеніями римской литературы, то и тогда онъ имѣлъ бы гораздо меньше для образованія ума и для умственнаго наслажденія чѣмъ человѣкъ въ наше время, знающій одинъ англійскій языкъ, и библіотека котораго наполнена лучшими произведеніями англійской литературы. Нашъ великій человѣкъ среднихъ вѣковъ не могъ вообразить ничего подобнаго *Макбету*, *Лиру* или *Генриаду*. Лучшая ему извѣстная эпическая поэма была далеко ниже *Потеряннаго Рая*, и всѣ томы его философовъ не стоили одной страницы изъ *Novum Organon*. Люди знающіе одинъ англійскій языкъ должны, правда, читать *Novum Organon* въ переводѣ, но это-то и напоминаетъ мнѣ одно важное преимущество нашего учрежденія (то-есть учрежденія въ Эдинбургѣ библіотеки исключительно изъ произведеній на англійскомъ языкѣ). Такіе люди будутъ имѣть возможность познакомиться здѣсь съ лучшими произведеніями отдаленныхъ вѣковъ и другихъ народовъ. Большая часть того чтѣ стобитъ читать изъ древнихъ писателей, также какъ изъ произведеній Франціи, Италиі, Германіи и Испаніи, переведено на англійскій языкъ. Едвали возможно чтобы переводъ великаго произведенія могъ равняться оригиналу. Но хотя мелкіе отбѣжки ускользаютъ, сущность остается. Англичанинъ, не издавшій никогда фресокъ Ватикана, можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о граціи Рафаэля и энергіи Микель-Анджело по гравюрамъ. Геній Гомера виденъ въ самыхъ дурныхъ переводахъ *Илиады*, геній Сервантеса—въ самомъ плохомъ переводѣ *Донъ-Кихота*. Не думайте только что я этимъ хочу отклонять кого-нибудь отъ изученія древнихъ или новѣйшихъ языковъ. Совсе нѣтъ. Я высоко ставлю эти ключи къ знанію и думаю что человѣкъ, имѣющій доступъ для занятія, не долженъ успокоиться пока не изучитъ нѣсколько языковъ. Меня всегда прельщало одно выраженіе Карла V: „когда я учусь новому языку, мнѣ кажется что я приобретаю новую душу“. Но я желаю утѣшить тѣхъ кто не можетъ быть лингвистомъ, завѣряя ихъ, что зная одинъ родной языкъ, они имѣютъ свободный доступъ къ огромнымъ умственнымъ сокровищамъ, которымъ позавидовали бы величайшіе лингвисты времени Карла V, превосходящимъ тѣ которыми владѣли Альдъ, Эразмъ и Меланхтонъ....“

Со стороны Англичанина, со стороны человека который призванъ былъ воздать хвалу, въ торжественномъ собраніи, національной англійской литературѣ, слова эти не испражаютъ странности. Увлеченія и парадоксы здѣсь какъ нельзя болѣе извинительны. Въ пылу своего краснорѣчія Англичанинъ могъ утверждать что ни одна эпическая поэма не выдержитъ сравненія съ *Потерянными Раемъ*, и что цѣлые томы древнихъ философовъ не стоять одной страницы Бекона, но мы сомнѣваемся чтобы свѣдущіе люди согласились безусловно съ подобными приговорами... Но оставая это въ сторонѣ, спросимъ только какое отношеніе имѣютъ слова Маколея къ вопросу о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ? Развѣ его имѣлъ въ виду знаменитый историкъ? Развѣ говорилъ онъ о молодежи учащейся въ школахъ и о томъ какъ и чему нужно учить эту молодежь? Развѣ не началъ онъ съ того что замѣчанія его относятся къ людямъ которые „хотя не лишены научныхъ свѣдѣній и чувствительны къ наслажденіямъ доставляемымъ литературою, вынуждены, однако, довольствоваться лишь тѣмъ что написано на англійскомъ языкѣ?“ Этотъ-то многочисленный классъ Маколей „утѣшаетъ“ (собственное его выраженіе) мыслью что съ помощью своего природнаго языка они все-таки имѣютъ средство удовлетворить въ значительной степени свою любознательность, точно такъ же какъ люди, никогда не видавшіе въ подлинникъ Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ мастеровъ, могутъ по гравюрамъ составить себѣ кое-какія, хотя и поверхностныя, понятія объ этихъ великихъ мастерахъ. Маколей говоритъ не о древнихъ только языкахъ, но и о языкахъ новѣйшихъ, и еслибы нелѣпнымъ образомъ придираться къ его словамъ, то слѣдовало бы заключить что онъ возстаетъ столько же противъ изученія литературъ Греціи и Рима, сколько современныхъ литературъ Франціи и Германіи, что молодые люди въ англійскихъ школахъ должны довольствоваться лишь своимъ національнымъ языкомъ и не знать ничего кромѣ своей національной литературы. Могъ ли онъ утверждать такую нелѣпность? Самъ *Вѣстникъ Европы* знаетъ, конечно, что Маколей утверждать этого не могъ, но ему выгодно прикинуться наивнымъ чтобы завербовать и Маколея въ ряды противниковъ классицизма. Съ великимъ торжествомъ выписываетъ онъ приведенный нами отрывокъ изъ рѣчи этого писателя, загѣмъ нѣсколько словъ изъ того

же отрывка беретъ еще эпиграфомъ для другой своей статьи, и разглагольствуетъ такимъ образомъ: „Они (то-есть защитники классической системы) особенно любятъ ссылаться на Англiю, но объ Англiю полезнѣ всего послушать Англiю. Чтò скажутъ наши противники въ отвѣтъ на такое мнѣнiе, которое въ Англiи выражаютъ Маколея, будто съ однимъ знанiемъ англiйскаго языка въ наше время можно достигнуть такого образованiя какого не достигалъ даже ученый ограниченный кругомъ одной римской литературы? Мы полагаемъ что трудно отдѣлаться отъ Маколея однимъ призванiемъ къ суду за то чтò онъ подкладываетъ камешки подъ ходъ англiйской образованности“.... Мы полагаемъ что мнѣнiе Маколея отнюдь не вызываетъ возраженiй: никто и не думалъ сомнѣваться что образованный человѣкъ нашего времени обладаетъ гораздо болѣе обширными свѣдѣнiями чѣмъ ученый древности или среднихъ вѣковъ, но какое же отношенiе имѣетъ все это къ вопросу о педагогическомъ значенiи классическихъ языковъ? Чтò хочетъ доказать *Вѣстникъ Европы* словами Маколея, или ничего не хочетъ доказывать онъ, а усиливается только произвести путаницу въ понятiяхъ своихъ читателей?...

Но пойдемъ далѣе. Мы имѣемъ предъ собой еще любопытный образецъ обычной тактики къ которой прибѣгаетъ петербургскiй журналъ. Въ прошломъ году извѣстный французскiй лингвистъ Ренанъ издалъ сборникъ своихъ статей подъ заглавiемъ: *Questions contemporaines*. Въ сборникѣ этомъ говорится много весьма дѣльнаго и полезнаго о недостаткахъ высшаго преподаванiя во Францiи, но нѣтъ почти ни слова о классической системѣ по сравненiю ея съ системой реальною. Дѣло въ томъ что Ренанъ считаетъ совершенно безплодною тратой времени доказывать вещи въ справедливости которыхъ никто не сомнѣвается, какъ напримѣръ необходимость древнихъ языковъ для школы: есть вопросы давно уже рѣшенные въ Европѣ и которые кажутся нерѣшенными только для извѣстныхъ кружковъ Петербурга. Ренанъ весьма подробно развиваетъ мысль что во главѣ умственнаго движенiя въ настоящее время находится Германiя, и что превосходствомъ этимъ обязана она преимущественно широкому развитiю въ ея средѣ филологическихъ знанiй. „Въ наукахъ историческихъ и филологическихъ, говоритъ онъ, превосходство нѣмецкихъ университетовъ таково, что Гер-

манія оказываетъ здѣсь болѣе услугъ чѣмъ вся остальная Европа вмѣствъ.“ И не удивительно поэтому, продолжаетъ Ренанъ, что Франція готова утратить роль которую нѣкогда занимала она въ научномъ движеніи, не удивительно что „многочисленная группа просвѣщенныхъ людей, которые съ ревностью и успѣхомъ стремятся отвлечь Англію отъ ея остальныхъ привычекъ (de ses habitudes arriérées), эта группа вся обращена къ Германіи“. *Вѣстникъ Европы* спѣшитъ сдѣлать слѣдующее маленькое примѣчаніе къ этимъ послѣднимъ словамъ: „Отсталыя привычки, о которыхъ говоритъ Ренанъ, относятся къ англійскому—оксфордскому и кембриджскому—классицизму, который столько же безплоденъ сколько и французскій, и теперь, *какъ извѣстно*, возбудилъ, наконецъ, сильную оппозицію противъ себя со стороны разумныхъ людей англійскаго общества.“ Удивительное дѣло! Ренанъ самымъ подробнымъ образомъ развиваетъ мысль что физико-математическія знанія получили весьма широкое развитіе въ Англіи, но что несмотря на то многочисленная группа просвѣщенныхъ людей не довольна современнымъ состояніемъ тамъ науки и обращаетъ свои взоры на германскіе университеты, которые стоятъ высоко именно благодаря блестящему процвѣтанію въ нихъ наукъ филологическихъ, а по словамъ *Вѣстника Европы* выходитъ что эти просвѣщенные люди прониклись непреодолимымъ отвращеніемъ къ классицизму! Не сомнѣваемся, что *Вѣстнику Европы* пріятно думать такимъ образомъ, но зачѣмъ же онъ навязываетъ свои злоклубраціи Ренану? Зачѣмъ прибѣгаетъ онъ, напримѣръ, къ слѣдующей уловкѣ: французскій ученый часто указываетъ на недостатки классическаго преподаванія во Франціи, но указываетъ на эти недостатки съ цѣлію устранить ихъ, съ цѣлію возвысить классическое преподаваніе до надлежащаго уровня, а *Вѣстникъ Европы* пользуется замѣчаніями Ренана для голословныхъ выходокъ противъ „хваленнаго, какъ выражается онъ, классицизма“ вообще. Прилично ли прибѣгать къ подобнымъ шуткамъ съ публикой?

Еслибы тщательно порыться въ книжкахъ петербургскаго журнала, то пашлось бы, вѣроятно, достаточно диковинокъ и кромѣ указанныхъ нами. Въ послѣднее время къ Грановскому, Маколею, Ренану присоединилъ онъ еще Фоулера и, вѣроятно, не остановится на этомъ пути, да и какъ остановиться, если не захочетъ онъ обречь себя на молчаніе?

Собственныя возраженія, измышленныя имъ противъ системы обученія господствующей во всей Европѣ, слишкомъ безсильны чтобы сбить съ толку здравомыслящаго человѣка; ссылки на иностранныя писанія направленные противъ классицизма также не принесутъ много пользы, ибо писанія эти лишены серіознаго авторитета въ педагогическомъ мѣрѣ; затѣмъ не остается ничего болѣе, какъ пожертвовавъ добросовѣстностью, увѣрять будто бы люди пользующіеся заслуженною репутаціей и не имѣющіе ничего общаго съ теоріями нашихъ доморожденныхъ прогрессистовъ говорятъ съ нами въ одинъ тонъ. Французскій драматургъ Эмиль Ожье выставилъ въ одной изъ своихъ комедій забавную личность отчаяннаго клерикала, который сочинилъ рѣчь въ защиту свѣтской власти папы, но для вящаго эффекта старается приискать протестанта который согласился бы произнести ее. *Вѣстникъ Европы* смѣло шествуетъ по стопамъ этого господина...

Р.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ае. Аваньева, бывшаго директора Тверской гимназiи и оставителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМИИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драпусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. д-ра Эмиля Вольфа. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ, магистромъ восточной словесности М. Л. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 50 коп. сер.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Курашцева, покойнаго проф-ссора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ИЗДАНИЕ П. И. ЮРГЕНСОНА. ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ 2 РУКИ

Р. ШУМАНА,

ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ИЗДАВАННОЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. Г. РУВИНШТЕЙНА.

Открывая подписку на полное издание сочиненій для ф.-п. Р. Шумана, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу предстоящаго изданія.

Всѣмъ болѣе или менѣе знакомымъ съ музыкальными произведеніями новѣйшихъ композиторовъ вѣроятно извѣстно, что до сихъ поръ еще не выходило въ свѣтъ полного изданія сочиненій Р. Шумана. Всѣ же его произведенія въ отдѣльныхъ тетрадахъ обходились не менѣе 92 р. сер., и даже цѣна отдѣльныхъ піесъ доходила до 4 рублей. Нечего и говорить что такая цифра для большинства играющихъ была недоступна. А между тѣмъ сочувствіе публики къ твореніямъ Шумана росло такъ быстро, что необходимость соединить его произведенія въ одномъ изданіи и удешевить цѣну ихъ стала весьма чувствительна.

Фортепианныя сочиненія Шумана составляютъ примѣрно 1.000 печатныхъ страницъ большаго формата въ 6 томахъ; подписная цѣна назначена очень не высокая, а именно по 3 р. сер. за каждый томъ. Печать и бумага будутъ болѣе чѣмъ удовлетворительны; я приложу все стараніе чтобы наружный видъ этого изданія соответствовалъ внутреннему содержанию.

При подпискѣ желающіе могутъ и не внести полной суммы (18 р. сер.) за все изданіе, а только за послѣдній томъ 3 р. Они будутъ получать изданіе это въ еженедѣльныхъ тетрадахъ по 30 коп. 6-й же томъ выдается безъ платы. За пересылку г. изогорядные благоволятъ прилагать по 50 коп. за каждый томъ. Послѣ выхода 6-го тома цѣна возвысится на 30%.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ ВЫШЕЛЪ и заключаетъ въ себѣ на 168 страницахъ 10 первыхъ сочиненій Р. Шумана.

ВТОРОЙ ТОМЪ выйдет не позже 1-го августа 1869 г.

ТРЕТІЙ " " " " 1-го октября 1869 г.

О времени выхода остальныхъ трехъ томовъ будетъ объявлено въ свое время.

Въ заключеніе я позволю себѣ указать на изданныя мною прежде по подпискѣ 5 изданій: Романсы съ русскимъ текстомъ Ф. Шуберта и Р. Шумана, Полное собр. сѣч. Мендельсона, 40 мелодій Шуберта, Сборникъ 50 романсовъ знаменитыхъ композиторовъ. Всѣ эти изданія вышли въ назначенный срокъ, встречены сочувственно публикой и распространялись въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	№.	Р. К.
Op.	1. Abegg	— 70
"	2. Papillons.....	— 70
"	3. Six Etudes ou caprices de Paganini liv I.	1 40

	P.	K.
Op. 4. Intermezzi 1, 2.....	—	70
5. Impromptus sur un thème de Cl. Wieck	—	85
6. Die Davidsbündler. 18 Stücke.....	1	50
7. Toccata C-dur	—	70
8. Allegro H-moll.....	—	70
9. Carnaval. Scènes mignonnes	1	80
10. Six Etudes ou Caprices de Paganini liv II	1	60
II.		
11. Grande Sonate № 1. Fis-moll.....	1	80
12. 8 Fantasiestücke.....	1	80
13. Douze études symphoniques	1	80
14. Gr. Sonate. № 3. F-moll.....	2	50
15. Kinderscenen	1	—
16. Kreisleriana 8 Fantasien	1	80
III.		
17. Fantasie C-dur	1	50
18. Arabeske. C-dur.	—	60
19. Blumenstück. Des-dur.....	—	60
20. Humoreske. B-dur.....	1	50
21. 8 Noveletten	3	—
— in 4 Heften à	—	85
22. Gr. Sonate. № 2. G-moll	1	50
23. Vier Nachtstücke.....	—	85
IV.		
26. Faschingsschwank in Wien. 5 Fantasiebilder.....	1	15
28. Drei Romanzen. Bm. Fis-dur. H-dur	1	15
32. Scherzo, Gigue, Romance et Fughette.....	—	75
54. Concert. A-moll.....	2	40
68. Album für die Jugend. 43 Stücke net.....	2	25
V.		
72. Quatre fugues	—	85
76. Quatre marches	1	40
82. Waldscenen. 9 Clavierstücke	1	30
92. Concertstück	1	40
99. Bunte Blätter. 14 Stücke net.....	2	25
— en 8 cahiers.....	—	60
111. 3 Fantasiestücke. Cm. As. Em.....	—	80
118. 3 Claviersonaten für die Jugend. Des Jugend-Albums III Abthl. net	1	50
№ 1. Kinder Sonate in G	—	75
2. Sonate in D.....	1	15
3. „ in E.....	1	15
VI.		
124. Albumblätter, 20 Clavierstücke	2	25
— en 4 Cahiers. à	—	75
126. Sieben Clavierstücke in Fughettenform.....	1	15
133. Gesänge der Frühe. 5 Stücke.....	1	50
184. Concert-Allegro mit Introduction D-moll.....	1	80
Oeuvres posth. Scherzo	—	60
„ „ Presto passionato.....	1	15

2.090.

когда-то со старикомъ Ганди, и они часто припоминаютъ исходъ этого дѣла за виномъ; но теперь онъ увѣдомилъ бы полицію, поднялъ бы университетъ и погубилъ бы мою репутацию. Чортъ бы побралъ Дика Больтона! Зачѣмъ онъ меня выбрадь? У него множество друзей, которые были бы очень рады.

Такъ я размышлялъ, обсуждая каждый шагъ свой, и все-таки дѣлая этотъ шагъ и идя впередъ, потому что не видѣлъ другаго пути, а указать мнѣ его было некому.

— Такъ вы пришли, сказалъ Морисъ Прендергастъ,—передать мнѣ вызовъ отъ имени Дика Больтона? Вы знаете, продолжалъ онъ съ горькою усмѣшкой,—что это вовсе не по правиламъ. Но я не буду стоять на формальностяхъ. Я искренно жалѣю о случившемся, но не могу высказать этого, а вотъ онъ хочетъ чтобъ я застрѣлилъ его подъ предлогомъ удовлетворенія, или меня застрѣлить за обиду которую я нанесъ ему. Я велъ себя какъ дикій, но теперь мнѣ ничего не остается какъ только драться. Еслибъ однимъ движеніемъ пальца я могъ избѣгнуть этого поединка, я не рѣшился бы пошевелить пальцемъ. Я дамъ ему удовлетвореніе. Уговоритесь съ Консидиномъ насчетъ времени и мѣста.

Мистеръ Патъ Консидинъ былъ старше всѣхъ насъ. На основаніи репутации пріобрѣтенной имъ двухгодовою службой въ австрійскихъ кирасирахъ, прежде чѣмъ для какой-то непостижимой дѣла онъ поступилъ въ университетъ, къ нему часто обращались за совѣтомъ въ щекотливыхъ дѣлахъ молодые люди его партіи. Онъ отличался умѣніемъ, кланяясь, браться шпорами и такою учтивостію при встрѣчѣ съ мало-знакомыми, отъ которой кровь бросалась имъ въ лицо.

Мистеръ Консидинъ съ необыкновенною любезностію и привѣтливостію выслушалъ меня.

— Я уже думалъ объ этомъ; такъ какъ есть одно только средство покончить это дѣло, то я уже сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, которыми вы, вѣроятно, останетесь довольны. Въ Фениксъ опасно, а около Булла постоянно бродятъ сторожа, тамъ намъ могутъ помѣшать. Не отправиться ли намъ за Кильбаракское кладбище? Я увелъ бы моего друга изъ его квартиры, мы вышли бы туда часовъ въ пять, и никто бы ничего не замѣтилъ; а вы съ товарищемъ могли бы переночевать въ гостиницѣ и встать рано, будто вамъ нужно куда-нибудь ѣхать въ дорогу. Доктора, я полагаю, не нужно.

Впрочемъ, если вамъ угодно, можно, пожалуй, поговорить съ нашимъ общимъ другомъ Рингбономъ. Какъ вы объ этомъ думаете?

Я поспѣшилъ заявить что присутствіе Рингбона кажется мнѣ не лишнимъ.

— Вы правы. Удивительно какъ пули иногда безтолково попадаютъ. Вы привезете свои пистолеты. До свиданія, мистеръ Бреди. Въ пять часовъ у Кильбаракской церкви.

Не сонъ ли все это? Нѣтъ. Вотъ Патъ Консингъ бьется шпорами у своей двери. Какъ бросало меня въ жаръ и въ холодъ когда встрѣтилъ я на скверѣ моего тьютора, и пришлось разказать ему какъ спасся я отъ злодѣевъ напавшихъ на полковника Фрезера и полицейскаго!

— Не удивляюсь вашему волненію при одномъ воспоминаніи объ этихъ странныхъ событіяхъ, сказалъ мой тьюторъ.— Вы должны благодарить Бога. Безъ сомнѣнія, виновные будутъ привлечены къ суду. Видите до чего доводитъ неправильная жизнь и дурное общество. Избѣгайте же ихъ впередъ. До свиданія.

А что теперь у тебя на умѣ, Теренсъ Бреди? Одно слово этому высокому, ничего не подозревающему, доброму старику измѣнило бы судьбу твою, направило бы твою жизнь на иной путь. Вымолви это слово! Говори! Я не могъ, потому что не хотѣлъ.

Болтонъ отворилъ мнѣ дверь. Я замѣтилъ у него на столѣ ящикъ съ парю такихъ длинныхъ пистолетовъ, какихъ никогда еще не видывалъ.

— Я ѣздилъ домой за ними, сказалъ онъ,—и безсовѣстно нагналъ чего-то матери, чтобы добыть ключъ отцовскаго кабинета. Пистолеты эти принадлежали моему дядѣ. Замѣтка которую вы видите на ручкѣ у одного изъ нихъ, была сдѣлана когда онъ застрѣлилъ мистера Феллоса. Постараюсь, если возможно, чтобы не пришлось накладывать другую замѣтку. Не можете представить себѣ какъ бѣдный дядя подъ конецъ жизни мучился угрызениями совѣсти за то что застрѣлилъ человѣка. Онъ по ночамъ ревѣлъ какъ сумашедшій, и въ глазахъ у него появлялось иногда такое выраженіе что, становилось страшно.

Бѣдный Дикъ при этихъ словахъ слегка содрогнулся. Онъ выслушалъ мой отчетъ о приготовленіяхъ къ дуэли.

— Слѣдуетъ, конечно, приготовиться къ худшему, сказалъ онъ.—Я вѣдь себя очень дурно. Если меня застрѣлятъ, такъ бѣдной матери моей будетъ одно большое горе, которое поглотитъ всѣ мелкія огорченія какія я ей причинялъ. Теренсъ, я теперь останусь одинъ, не для того чтобы бесѣдовать съ самимъ собой, а чтобы написать нѣсколько словъ и привести въ порядокъ мой уголъ. Такъ до свиданія же. Въ семь часовъ у Лакена.

Я казался себѣ человѣкомъ весьма важнымъ, когда снявъ форменную шапку и плащъ, вышелъ изъ воротъ Коллегіи на пути въ гостиницу Морисона. Не испытываютъ ли великіе преступники обдумывающіе ужасное дѣло, которое все определеннѣе очерчивается въ ихъ умѣ, чувство радости при мысли, что они выйдутъ изъ темноты и сдѣлаются людьми извѣстными, выдающимися? Я знаю, что глядя въ лица встрѣчныхъ я слышалъ внутренній голосъ, говорившій мнѣ: „Эти люди и не подозреваютъ что у тебя на умѣ! Какъ бы вытаращили они глаза еслибы сказать имъ что завтра ты готовишься быть секундантомъ на дуэли!“

У двери Морисоновой гостиницы была толпа. Подойдя ближе, я увидалъ Рустума, „Индійскаго принца“, сидящаго въ старой дорожной каретѣ, нагруженной багажемъ. Увидѣвъ меня, онъ отвернулся. Зачѣмъ? Я не понималъ, да и не интересовался узнать, ибо вовсе не дорожилъ его знакомствомъ.

— Полковнику Фрезеру настоятельно лучше, сказалъ мнѣ швейцарь,—что онъ былъ въ состояніи принять индійскаго принца, который, слава Богу, увѣзжаетъ отъ насъ. Миссъ Фрезеръ приказала сказать вамъ, если вы зайдете, чтобы вы ни подъ какимъ видомъ не уходили, не увѣдомивъ ея.

Крикъ поднятый толпой, когда тронулась карета и за нею телѣга наполненная индійскою прислугой, заглушилъ мои извиненія, и не успѣлъ я объяснить что мнѣ некогда ждать, какъ швейцарь побѣжалъ наверхъ доложить обо мнѣ.

— Пожалуйста! крикнулъ сверху лакей чрезъ перила.— Миссъ Фрезеръ будетъ очень рада васъ видѣть.

— Очень рада, дѣйствительно, повторилъ нѣжный голосъ.— Папенькѣ, слава Богу, гораздо лучше. У него все еще боль въ головѣ и шумъ, и словно огонь въ глазахъ, но доктора говорятъ что опасности нѣтъ, и что черезъ нѣсколько дней онъ совсѣмъ оправится. Онъ спрашивалъ о васъ нѣсколько разъ; надо сказать ему что вы здѣсь.

Она шла уже къ двери, какъ я воскликнулъ:

— Нѣтъ, прошу васъ! Не теперь, пожалуйста, миссъ Фрезеръ. Лучше не теперь, лучше для насъ обоихъ. Подождите до завтра. Я теперь не въ состояніи видѣть его.

— О! На него смотрѣть не такъ страшно какъ вы думаете, мистеръ Бреди. Еслибы вы знали какъ ему хочется васъ видѣть, я увѣрена, вы не стали бы отговариваться.

— Право, лучше не надо. Это можетъ взволновать его. Позвольте мнѣ прежде переговорить съ вами, умоляю васъ.

Мабель Фрезеръ поглядѣла на меня съ удивленіемъ, затворила дверь, подошла къ стулу, на которомъ я сидѣлъ, взяла меня за руку, и глядя мнѣ въ лицо своими ясными, кроткими глазами, сказала тихо:

— Конечно, вы не станете говорить мнѣ ничего такого чего не слѣдовало бы мнѣ слушать. Я сяду и выслушаю васъ безпрекословно. Ну, что же такое.

Послѣдовало молчаніе, весьма недолгое.

— Ну, повторила она,—вотъ я сижу и слушаю васъ со всею внимательностью.

— Миссъ Фрезеръ, заговорилъ я не безъ труда,—не хотѣлось бы мнѣ теперь видѣться съ вашимъ батюшкой; съ тѣхъ поръ какъ я обѣдалъ у васъ, случились такія вещи....

■— Ахъ! прошептала она:—какая ужасная ночь! Буря не давала мнѣ заснуть.... Тутъ принесли отца.... страшно было взглянуть на него.... я чуть въ обморокъ не упала. Слава Богу, что еще такъ кончилось. Бѣдный папа! Мистеръ Бреди, онъ благороднѣйшій человѣкъ на землѣ; я люблю его больше всего на свѣтѣ!

Миссъ Фрезеръ закрыла глаза платкомъ и отвернулась.

— Знаете ли вы, спросилъ я,—куда отправился полковникъ Фрезеръ, когда оставилъ насъ?

— Онъ отправился на вечеръ. Я чувствовала себя утомленною и не поѣхала съ нимъ. О! Еслибъ я знала, я, разумѣется, не отпустила бы его одного. Онъ только и думаетъ что обо мнѣ. Мы долго были разлучены. Папенька одно время былъ очень несчастливъ. Да, и очень неблагоприятенъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхала къ нему въ Индію, кромѣ одной тучи, прошедшей весьма скоро, я была счастлива, о! очень счастлива съ нимъ всегда.

— А эта туча была....

— Туча, и больше ничего. Она прошла, и съ нею тѣнь,

которую она на насъ бросала. Однакожь я говорю, а вы слушаете. Помнятесь ролями, пожалуста.

— Такъ дайте же мнѣ говорить. Уйдя отъ васъ, я встрѣтилъ вашего отца.

Мабель Фрезеръ повернула голову и взглянула мнѣ въ лицо быстрымъ, твердымъ взглядомъ.

— Встрѣтили отца? Что же? На балу мистрисъ Латушь?

— Нѣтъ, не на балу мистрисъ Латушь. Я выходилъ изъ дома одного университетскаго товарища послѣ полуночи, какъ вдругъ выскочили три человѣка и бросились за мной. Долго они за мной гнались. Только одинъ не отставалъ. Полицейскій попытался остановить меня, но я ускользнулъ отъ него и вдругъ наткнулся на экипажъ, стоявшій у одного подъѣзда. Я вскочилъ въ него; въ ту же самую минуту дверь открылась, и полковникъ Фрезеръ, какъ видѣлъ я несомнѣнно, вышелъ изъ дому. Самъ не знаю почему, я уѣхалъ и оставилъ его одного. Мы слышали что полицейскій далъ свистокъ, и ничего больше. Я вернулся въ Коллегію и поутру услышалъ о случившемся злодѣяннѣ.

— Такъ еслибъ вы не взяли экипажа, папенька остался бы невредимъ! воскликнула миссъ Фрезеръ. — Какое несчастное для всѣхъ насъ обстоятельство, мистеръ Бреди!

— Вы не спрашиваете меня, миссъ Фрезеръ, гдѣ это случилось?

— Признаюсь, мистеръ Бреди, этотъ вопросъ нисколько не интересуеть меня. Я не знаю ни одной улицы въ Дублинѣ. Но у полковника Фрезера, прибавила она холодно, — есть здѣсь разные знакомые, и я не имѣю привычки спрашивать гдѣ онъ бываетъ. Онъ, кажется, одѣваясь, собирався въ два-три различныя мѣста.

Набобъ не повѣряетъ тайнъ своихъ дочери, или она хорошо хранитъ ихъ. Послѣдовало небольшое молчаніе.

— Я встрѣтилъ въ тотъ же вечеръ и индійскаго принца, который только что уѣхалъ отсюда.

— Индійскаго принца? повторила она. — Кто же это, мистеръ Бреди?

— Рустумъ Сингъ, пріятель полковника Фрезера.

— Рустумъ Сингъ индійскій принцъ! воскликнула она со смѣхомъ. — Да онъ былъ одно время у насъ въ услуженіи буфетчикомъ и никогда не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія на титулъ Синга, или льва какого бы то ни было. Онъ

сдѣлался подрадачикомъ по арміи и пріѣхалъ сюда по тяжбѣ съ правительствомъ. Рустумъ принцъ! Дѣйствительно смѣшно.

— Онъ увезъ нѣкоторые чемоданы вашего отца. Я видѣлъ ихъ нѣсколько, съ мѣткой А. Ч. Фрезеръ, на верху кареты.

— Вѣроятно старые, которые мы ему дали, или которые онъ укралъ когда служилъ у насъ, замѣтила миссъ Фрезеръ. — Но вотъ, папенька звонитъ. Позвольте мнѣ сказать ему что вы здѣсь.

И она вышла изъ комнаты тихимъ, неслышимъ шагомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она вернулась.

— Папенька дремлетъ, сказала она.—Я ничего не говорила о васъ; мы отложимъ ваше посѣщеніе до завтра. Только обѣщайте что придете. Я пойду сидѣть съ нимъ. Онъ говоритъ что ему лучше когда я подлѣ него. Знаете ли, мистеръ Бреди, что меня нисколько не занимаютъ эти неудачные убійцы! Не все ли равно кто они? Я только одного желаю, чтобъ отецъ поскорѣй поправился, и чтобъ мы уѣхали изъ Ирландіи. До свиданія.

Съ аккуратностью свойственною людямъ не располагающимъ вполне своимъ временемъ, Дикъ Болтонъ подѣхалъ къ Лакеновой гостиницѣ въ семь часовъ съ дорожнымъ мѣшкомъ, который положили въ ужасное порожденіе цивилизаціи, называемое двуспальной комнатою; туда же отправил и мой чемоданъ, принесенный Финнъ Коддомъ, чтобы показать видъ будто я собираюсь въ деревню дня на два.

— Вдругъ вѣхать въ учебное время, ворчалъ мистеръ Коддъ, укладывая чемоданъ.—Разсѣрдятся же мистеръ Бетсъ и титоръ, какъ узнаютъ что вы уѣхали.

Обѣдъ былъ заказанъ въ общей комнатѣ. Входя въ нее, мы замѣтили въ отдаленномъ углу не молодого уже джентльмена. Онъ очевидно уже пообедалъ и громко грызъ орѣхи. Высокая, худая фигура, въ синемъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами и желтомъ жилетѣ, надъ которымъ возвышалось какъ будто знакомое мнѣ красное лицо увѣчанное сѣдыми волосами.

— Смотрите же чтобъ пирожки были горячіе, сказалъ Дикъ, когда Мать, слуга, изящнымъ движеніемъ руки поднялъ крышку съ суповой миски, какъ будто снималъ покровъ со статуи.

— Молчать! крикнулъ голосъ, сопровождаемый стукомъ щипцовъ по столу:—молчать тамъ, слышите?

— Слышу, полковникъ! Это я разговариваю, сказала Мать поспѣшно, мигая намъ очень усердно и убѣдительно.— Больше не буду.— Затѣмъ, дѣлая видъ что подаетъ тарелки, онъ шепнулъ намъ:— Бога ради, оставьте его въ покоѣ, господа. Онъ скоро кончитъ. Онъ уже выпилъ бутылку хересу, да бутылку краснаго, да кружку портера, а теперь пьетъ третій стаканъ послѣ обѣда.

— Чтò же онъ пьетъ?

— Чтò онъ пьетъ? Водку. Онъ ее разбавляетъ на половину водой. Можетъ-быть, осилитъ еще стаканъ, а пожалуй и два. Это старикъ Финукенъ изъ графства Слиго. Завтра утромъ въ пять часовъ онъ будетъ гулять по Стефенсъ-Грину, а чего добраго, и въ морѣ выкупается чтобъ освѣжиться. Бога ради, оставьте его въ покоѣ чтò бы онъ ни дѣлалъ.

Не легко было послѣдовать совѣту Мата. Немного спустя, когда слуги не было въ комнатѣ, мы съ Дикомъ, разговаривая между собой, замѣтили что полковникъ поднялся на ноги и приближался къ намъ не безъ труда, но очевидно съ опредѣленнымъ намѣреніемъ. Мы продолжали разговаривать. Вдругъ костлявая рука и синій обшлагъ съ мѣдными пуговицами тяжело опустились на нашъ столъ. Обернувшись, мы увидѣли наклонившееся надъ нами лицо потребителя многихъ стакановъ водки.

— Мнѣніе мое объ васъ обоихъ такое, сказалъ онъ разомъ съ какою-то порывистою прямою,— что бить васъ не стоить. Я просилъ васъ молчать, потому что нервы мои не выносятъ ни малѣйшаго шума, а вы ревете и кричите, нарочно. Вотъ моя карточка. Не то чтобы требовать удовлетворенія: развѣ я отгаскаю васъ за носъ. Но...

Вошедшій въ эту минуту Мать бросился къ намъ.

— Такъ точно, полковникъ! Я говорилъ имъ не шумѣть. Это настоящіе джентльмены, они охотно дадутъ вамъ удовлетвореніе, когда вы вернетесь. Вотъ сейчасъ пришло извѣстіе мистеру Лакену; васъ нужно въ Кильдеръ чтобъ уладить ссору возникшую тамъ между мистеромъ О'Ше и капитаномъ Поуеромъ. Они не хотятъ слушать ни одного человека во всей Ирландіи, кромѣ васъ.

Полковникъ, не замѣчавшій знаковъ и гримасъ Мата, очевидно значительно смягчился. Лицо его приняло менѣе свирѣлое выраженіе.

— Вы не нарочно? И вы въ самомъ дѣлѣ джентльмены? Въ

такомъ случаѣ, если вы извинитесь, я все возьму назадъ, когда приду. (Онъ постарался принять выраженіе достоинства.) Въ настоящую минуту меня отзываютъ устроить маленькое дѣльце. Постараюсь сдѣлать чтобъ они подрались; кровь, по крайней мѣрѣ, не портится. Боюсь я, однако, этого Поуера: его не легко будетъ настроить.

Ворча про себя, онъ дошелъ съ помощью слуги до передней, гдѣ получилъ другое извѣстіе, что дѣло улажено, послѣ чего выпилъ еще стаканъ водки съ водой и затѣмъ препровожденъ въ постель дружнымъ усиліемъ многихъ рукъ и ногъ.

— Не нужно, Дикъ, спартанскаго раба послѣ этого поковника изъ Слиго. Какъ подумаешь что дѣло которое мы теперь затѣяли происходитъ въ сущности изъ такого же источника!

Къ сожалѣнію, однако, я долженъ сознаться что мы чувствовали внутреннюю нѣкоторую гордость, будто весьма похвальное дѣло съ нашей стороны что мы встали такъ рано.

— Я не буду въ него цѣлиться, сказалъ Дикъ,—хоть онъ меня и оскорбилъ. Я вообще плохой стрѣлокъ: стрѣлялъ однажды въ ворону, и промахнулся.

Кильбаракская церковь въ развалинахъ. Она стоитъ близъ морскаго берега, въ немногихъ миляхъ отъ Дублина. Стѣна, нѣкогда окружавшая кладбище, обрушилась, скотина свободно заходитъ на него щипать сочную траву, растущую надъ могилами покойниковъ. Памятники и надгробные камни съ надписями обломаны, стерты, поросли травой.

Когда мы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ группы деревъ окружавшей развалину, стали отпущать извозчика, нанятаго наканунѣ, онъ сказалъ съ замысловатымъ взглядомъ:

— Вамъ, должно-быть, нужно отслужить раннюю обѣдню въ той церкви? Я, пожалуй, привязалъ бы здѣсь лошадь и очень охотно донесъ бы вамъ молитвенники которые вы привезли въ томъ ящикѣ.

Тихая прелесть ранняго утра, щебетанье птицъ въ кустахъ, свистъ каравайки, поднимавшейся съ луговины у взморья, блеянье стада, полусокрытыхъ въ высокой травѣ, все это вовсе не гармонировало съ нашимъ „дѣломъ“. Подходя къ кладбищу, я разглядѣлъ трехъ человекъ стоявшихъ въ полуразрушенныхъ воротахъ. Рѣшительный часъ наступалъ.

— Я вижу Прендергаста, Консидина и доктора; по крат-

ней мѣръ, я полагаю что третій не кто иной какъ врачъ. Нѣтъ, это американскій полковникъ. Зачѣмъ онъ здѣсь?

Съ натянутою учтивостью поклонились мы другъ другу. Ловкость съ какою Консидинъ распаркался и щелкнулъ шпорами на могильномъ камнѣ, встрѣчая насъ у входа въ кладбище, обратила бы на себя вниманіе при любомъ германскомъ дворѣ.

— Полковникъ Слаттери здѣсь, господа, потому что избранный нами общій другъ медикъ отозванъ къ больной дамѣ; а такъ какъ этотъ доблестный офицеръ изучалъ медицину въ знаменитѣйшихъ школахъ (полковникъ Слаттери кивнулъ головой) и былъ такъ добръ что самъ вызвался вѣхать съ нами, то я и счелъ себя въ правѣ причислить его къ нашему обществу въ настоящемъ интересномъ случаѣ.

— Опытны ли вы въ этомъ дѣлѣ? спросилъ мистеръ Консидинъ вполголоса, когда мы отиѣрили пятнадцать шаговъ. — Нѣтъ? Такъ, можетъ-быть, вы не сочтете навязчивостью съ моей стороны, если я посовѣтую вамъ положить двѣ драхмы пороха въ мои пистолеты. Мѣрка отиѣчена на пороховницѣ. Если положить больше, такъ они бьютъ вверхъ, и меньше также не годится. А насчетъ этихъ угодно вамъ сдѣлать какія-нибудь замѣчанія? Благодарю васъ. Кажется, мы поставили ихъ хорошо. Кто же дастъ знакъ, вы, или я? Я? Очень вамъ благодаренъ.

Мы всѣ размѣстились, кромѣ полковника, который таинственно исчезъ.

Я поставилъ Больтона, по принятымъ правиламъ, бокомъ къ противнику; но мнѣ никогда не казался онъ такъ толстымъ, какъ въ это утро: такъ и хотѣлось какъ-нибудь сдвинуть его. Позади его было мѣсто свободное отъ могильныхъ камней и обломковъ старой стѣны.

Морисъ Прендергасть, скрестивъ руки, стоялъ спиной къ развалинѣ. Мы подали пистолеты молодымъ людямъ, и Дикъ весело кивнулъ мнѣ головой. Учтивость мистера Консидина дошла теперь до невыносимой приторности балетнаго танцовщика. Онъ сталъ подлѣ стараго дерева такъ торжественно, какъ будто онъ тутъ единственное дѣйствующее лицо, и вся дуэль происходитъ ради его одного.

— Разъ! воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, глухо отозвавшимся въ развалинахъ. — Два! еще громче. Сердце у меня замерло. — Стрѣляй! произнесъ онъ рѣзко послѣ промѣжутка

который показался мнѣ вѣкомъ. Я видѣлъ какъ поднялись пистолеты, и Морисъ Прендергастъ и Дикъ Болтонъ минуту поглядѣли другъ-на-друга. Оба выстрѣла раздалась разомъ. Я видѣлъ, что Прендергастъ дрогнулъ, уронилъ пистолетъ, и струя крови потекла ему сквозь пальцы когда онъ приложилъ руку къ лицу; я бросился къ нему. Въ ту же минуту полковникъ Слаттери съ ужаснымъ крикомъ выскочилъ изъ-за дерева, проговорилъ: „я убитъ!“ и упалъ на траву.

— Клянусь вамъ какъ предъ престоломъ вѣчнаго милосердія, бормоталъ Болтонъ на колѣняхъ предъ Морисомъ, взглядывая съ ужасомъ то на него, на меня,—я не цѣлился въ васъ, я не хотѣлъ, о! право не хотѣлъ попасть въ васъ!

— Такъ-то большею частью и подстрѣливаютъ людей. Это приемъ опасный, мистеръ Болтонъ, проговорилъ Консидинъ.— Не могу только понять какъ зацѣпило полковника.

Пуля Дика Болтона ударилась о! надгробный камень, сплюснулась, отскочила и нанесла страшную съ виду рану Морису въ щеку, а Морисова пуля отыскала доблестнаго Слаттери за старинною могилой, гдѣ онъ прижался подъ листьями и ранила его слегка въ верхнюю часть ноги.

Я усердно принялся перевязывать раны. Патъ Консидинъ побѣждалъ за экипажами. Вдругъ нѣсколько человекъ бросилось къ намъ, и я услышалъ голосъ мистера Бетса, воскликнувшій: „О, Господи! Тутъ кровь!! мы опоздали. Убийство уже совершилось! О, Терри, Терри, какъ могли вы вмѣшаться въ такое дѣло?“

Х. О с у ж д е н н ы й.

Дуэль надѣлала въ Дублинѣ много шума; но предержанія власти довольствовались надежными за насъ поручками и вальнымъ свидѣтельствомъ, на которомъ не оказалось у правительства свидѣтелей кромѣ одного полковника Слаттери, да и тотъ былъ окончательно сбитъ безопаздными вопросами нашего адвоката, мистера Брюзера, и мы были оправданы среди шумныхъ изъявленій сочувствія. Полковникъ Фрезеръ съ дочерью выѣхалъ изъ города на другой день послѣ нашего ареста; мы увидѣли изъ мѣстной газеты что онъ останавливался два дня въ Десмондовой гостиницѣ въ Кильмойлѣ. Потомъ онъ опять проѣхалъ чрезъ Дублинъ вечеромъ, наканунѣ судогворенья по нашему дѣлу, и [прислалъ мнѣ записку, въ

которой выражалъ надежду что мы когда-нибудь встрѣтимся въ Индіи.

„Вы понимаете, добавлялъ онъ, — что я не могу не принимать участія въ вашей судьбѣ, такъ какъ теперь, слава Богу, устранены недоразумѣнія возникшія вслѣдствіе ошибочныхъ свѣдѣній которыя вамъ передавали.“

Я не жалѣлъ объ его отъѣздѣ. Мнѣ человекъ этотъ очень не нравился. Хотя пережито было время порывистаго горя, я все-таки не могъ вспоминать печали моего дѣтства безъ боли въ сердцѣ. Его полное равнодушіе ко мнѣ и то какъ отзывался онъ „о ней“—такъ я привыкъ называть свою мать—возбудило во мнѣ отвращеніе къ нему, и я надѣялся никогда болѣе не видать его.

Полиція не могла найти никакого слѣда къ объясненію ночнаго происшествія. Какой-то констебль показавъ, что онъ видѣлъ какъ три человека, одинъ очень смуглый, похожій на иностранца, а два другіе, повидимому, моряки, бродили у игорнаго дома, но въ одиннадцать часовъ они скрылись. Констебль Дуди говорилъ что часа два позже этого, находясь на дежурствѣ, онъ услышалъ шаги бѣгущихъ людей и остановился сторожить въ воротахъ. Передній изъ бѣжавшихъ, когда онъ пытался его остановить, отскочилъ въ сторону и побѣжалъ дальше; а вслѣдъ за нимъ пробѣжалъ другой человекъ, поменьше ростомъ и потоньше. Констебль погнался за ними. Онъ слышалъ какъ отъ двери отеля Мортонъ отъѣхалъ экипажъ, и въ то же время изъ дома вышелъ джентльменъ, который, кажется, пытался остановить втораго бѣжавшаго человека, но тотчасъ же былъ поваленъ имъ на землю. Когда констебль началъ стучать трещоткой, его ударили сзади въ голову, и послѣ этого онъ ничего не помнитъ.

Все это происшествіе занимало публику въ продолженіе девяти дней; потомъ о немъ совсѣмъ забыли, такъ какъ страна тогда сильно волновалась, а прошли многіе годы прежде чѣмъ я узналъ всю истину о происшествіи этой страшной ночи.

Мой добрый опекунь, мистеръ Бетсъ, принужденъ былъ бросить дѣла и отправиться за границу для поправленія здоровья. Онъ продолжалъ ободрять меня письмами.

„Сэръ-Ричардъ здѣсь, писалъ онъ изъ Висбадена, и быстро приближается къ концу, какъ мнѣ кажется. Вашъ другъ Мери превратилась въ красивую дѣвушку, и кто получитъ ея

сердце, получить сокровище, если даже она не принесетъ съ собой Кильмоилла, что очень вѣроятно, судя по расточительности сэръ-Ричарда и по тому состоянію до котораго онъ довелъ это имѣніе. Джеральдъ Десмондъ, молодой человѣкъ, который служить въ гвардіи, тоже здѣсь и останется до тѣхъ поръ пока не истратитъ всего своего запаса денегъ, что будетъ очень скоро. Онъ красивый малый, хотя далеко не такъ красивъ какъ мошенникъ его отецъ, котораго вы не знали, потому что онъ давно уже умеръ. Съ сожалѣніемъ долженъ сказать вамъ, что положеніе Лохъ-на-Каррѣ нисколько не лучше положенія Кильмоилла. Кончайте свой экзамень поскорѣй, милый Терри, вы будете скоро совершеннолѣтнимъ, и ваше родовое имѣніе ждетъ васъ. Миссъ Бутлеръ кланяется доктору Бреди, какъ она васъ называетъ. Она защищаетъ васъ противъ маіора Турнбулла, который говоритъ что онъ лучше согласился бы служить рядовымъ нежели докторомъ. „Въ такомъ случаѣ, говоритъ она, я скажу вашему другу и доктору, г-ну профессору Вагерману, что ему лучше поступить въ драгунъ чѣмъ таскаться по Висбадену, и что впередъ вы больше не будете нуждаться въ докторахъ.“ Она ужасно горячится по этому поводу, милый мой мальчикъ.“

Я былъ совершенно одинокъ и потому работалъ усиленно. Какъ я удержался въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ, я самъ не понимаю. Я не сходилъ въ убѣжденіяхъ ни съ одною партіей, но почва моей золотой середины была такъ шатка, что я самъ едва удерживался на ней.

„Джакъ Виндо отащился, атаковавъ на своемъ маленькомъ суденышкѣ флотилію вооруженныхъ пиратовъ и разбивъ ихъ артистическимъ образомъ. Я былъ радъ, вѣроятно, не менѣе его самого, когда узналъ о его производствѣ въ командиры и о назначеніи на *Термагантъ*“, писалъ мнѣ Стендишъ, изрѣдка присылавшій мнѣ газеты и короткія письма. Стендишъ женился, не получивъ еще никакихъ тяжбныхъ дѣлъ, но все ожидалъ ихъ, и сдѣлался издателемъ газеты, большую часть которой, говорилъ онъ, онъ писалъ самъ, включая сюда и объявленія.

Морисъ Прендергастъ неожиданно оставилъ Коллегію, и я потерялъ его изъ виду, но носились слухи что онъ поселился съ сестрой въ своемъ старомъ домѣ, близъ Кильмоилла. Отъ полученной раны у него остался глубокій красный рубецъ. Однажды мнѣ случилось прочесть въ газетѣ одну изъ его

страстныхъ рѣчей, которая выдавалась газетою за образчикъ краснорѣчія и ума.

Благоразуміе рѣдко уживается съ несчастіемъ, и какъ бѣдность дѣлаетъ иногда человѣка повѣтомъ, такъ несчастіе часто дѣлаетъ его ораторомъ. Краснорѣчіе Мориса было жельно, горячо, какъ краснорѣчіе человѣка переживающаго незаслуженное оскорбленіе, раздражающее своей неопредѣленностію и побуждающее осыпать язвительною бранью и полными негодованія упреками воображаемаго виновника униженія и страданій. Разсужденія его и выводы были удивительно хороши, хотя они и исходили изъ ложныхъ положеній. Онъ былъ однимъ изъ передовыхъ въ партіи Молодой Ирландіи. Собаченка лаяла на слона, и слонъ готовился отбросить ее, какъ только она дерзнетъ приблизиться къ его всемогущему хоботу. Ирландію постигъ голодъ, который внезапно и страшно увеличилъ ея бѣдствія и обнаружилъ предъ свѣтомъ положеніе до котораго она дошла постепенно.

Голодъ прошелъ, но онъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ народѣ. Когда толпа, избѣгнувшая смерти, дивилась еще своему спасенію, до нея достигли торжествующіе клики демократіи опрокидывавшей троны на материкѣ, и внимая этимъ кликамъ, она присоединила свой голосъ къ хору возмущенныхъ. Удивительно ли что она повѣрила тѣмъ которые говорили ей, что если она возстанетъ и присоединится къ бунту, то встрѣтитъ симпатію всего свѣта, и ей помогутъ сбросить иго на которое она давно привыкла смотрѣть какъ на причину своихъ страданій. Тѣ которые говорили ей обманывали ее, или сами заблуждались. Они воображали что одна нація подобна другой, и что можетъ дѣлать одна, на то же способна и другая, при совершенно различныхъ условіяхъ. Сельскіе джентльмены, нисколько не воинственные и непрактичные; юристы безъ дѣла, упоенные лестью своей партіи; горячіе журналисты, считавшіе свои громкія фразы и огненные рѣчи равносильными залпамъ ружей и картечи; безсильные энтузіасты, полагавшіе что достаточно умереть за идею чтобы доставить ей побѣду; самоотверженные, но жестокіе и совершенно безсильные заговорщики, утромъ интриговавшіе въ газетахъ, а ночью устраивавшіе митинги, чтобы достичь своихъ затаенныхъ цѣлей,—недобные-то люди, подкрѣпленные отчаянными молодцами всегда готовыми играть опасностію смерти во всякомъ опасномъ

предпріятіи, принялись за освобожденіе Ирландіи изъ-подъ власти которой она была подчинена за сотни лѣтъ до того какъ Шотландія подчинилась этой власти, и почти также давно какъ сама Англія.

Весь замыселъ взлетѣлъ на воздухъ при первомъ залпѣ картечи, но подобно тому какъ малѣйшее изверженіе изъ кратера вулкана свидѣтельствуетъ о страшномъ подземномъ огнѣ, такъ и возмущеніе это показало что стихіи страшнаго изверженія таились подъ поверхностью едва согрѣвшеюся отъ потухшаго уже изверженія. Вулканъ не потухъ до сихъ поръ, хотя съ того времени многіе благоразумные люди снабдили склоны его водоемами, изливающими воды въ кратеръ чтобы погасить страшный внутренній огонь.

— Чтò за времена такіа пришли! говорилъ Финни Коддъ. — Взяли меня нынче утромъ за то что я будто бы храню тайное оружіе, а это былъ просто клинокъ стараго ножа, которымъ я отскабливаю сапоги. Полиція божится что это клинокъ копья.

— А ты видалъ когда-нибудь копья, Финни?

— Настоящихъ никогда не видалъ, сэръ. Видалъ на картинкахъ. Въ старину, говорятъ, Римляне (я не принадлежу къ римскимъ католикамъ, вы знаете) употребляли копья.

— Да, въ старину Римляне не возились съ ружьями и штыками, Финни.

— Ужь конечно не возились, сэръ. Оно и лучше, копье не просить заряда, да и дешевле.

Я подозрѣвалъ что мистеръ Коддъ имѣлъ болѣе точное понятіе о копьяхъ чѣмъ ему угодно было показывать. Онъ съ большимъ интересомъ относился къ „бѣдному мистеру Прендергасту“ и ко всему касавшемуся политики.

Однажды вечеромъ, послѣ того какъ утихло возмущеніе сорокъ восьмаго года, я сидѣлъ за занятіями, приготовляясь къ своему послѣднему экзамену, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь. Я отворилъ и увидалъ Мориса Прендергаста. Онъ стоялъ угрюмый, глубокія морщины избороздили его бѣдное, худое лицо. Широкій красный рубецъ усиливалъ выраженіе отчаянія и рѣшимости его лица. Онъ глядѣлъ на меня налитыми кровью глазами.

— Теренсъ Бреди, сказалъ онъ, — я пришелъ къ вамъ искать убійца. Часъ проведенный здѣсь спасетъ меня.

Я молча взялъ его за руку, и ввелъ въ комнату.

— Я полагаю что вы знаете все. сказалъ онъ. — За мою голову назначена награда. Нашъ бунтъ прекращенъ на время, намъ измѣнили. Негодяевъ затоптали ногами такъ, что на нихъ не осталось образа человѣческаго. Еслибы дѣло шло только о спасеніи моей жизни, я не отступилъ бы ни шагу. Но я остался жить, потому что я все еще надѣюсь. Долго ли, Боже мой, долго ли!

— Вы больны, Морисъ, вамъ нуженъ покой. Я сдѣлаю все что могу чтобы спасти васъ. Ради Бога, отдохните теперь, а завтра мы подумаемъ что намъ дѣлать.

— Боленъ, повторилъ онъ, — покой! Да, одному Богу извѣстно какъ у меня болитъ сердце. А покоя я не буду знать, пока не окончу своего дѣла, или не раздѣлю судьбы тѣхъ которые проложили мнѣ дорогу. Или вы думаете что даже въ могилѣ можетъ успокоиться тотъ кто любитъ свою родину и слышитъ хладными ушами смерти ея предсмертные вздохи и вопли отчаянія?

— Я знаю, Морисъ, что вы навлекли на себя тяжкія обвиненія, но я увѣренъ что правительство, свергнуть которое вы употребили всѣ силы, охотно проститъ васъ, если вы будете просить о помилованіи.

Морисъ ударилъ кулакомъ по столу и съ проклятіемъ воскликнулъ:

— Еслибъ оно могло спасти всѣхъ кто мнѣ дорогъ отъ всякаго горя и душу мою отъ вѣчныхъ мукъ ада, я бы и тогда ничего не попросилъ у него.

Вдругъ я разслышалъ шаги на лѣстницѣ и приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Раздался стукъ въ дверь. Лицо Мориса омрачилось, и прислушиваясь къ шагамъ, онъ досталъ съ груди пистолетъ и быстро надѣлъ пистонъ, прошептавъ:

— Это они! Не бойтесь, я не сдѣлаю имъ никакого зла. Я это приготовилъ для себя; я не отдамся живымъ.

Я взялъ его за руку и отвелъ въ свою спальню.

Толкнувъ Мориса въ кресло, я схватилъ свой плащъ, накрылъ его имъ, потомъ бросилъ на него одѣяло, какъ будто оно попало туда нечаянно, когда я вскочилъ съ постели. Стукъ усиливался. Я былъ въ халатъ и туфляхъ. Стукнувъ дверью спальни, какъ будто я только что отворилъ ее, я поспѣшно пошелъ къ двери.

— Кто тамъ, спросилъ я.

— Будьте такъ добры, мистеръ Бреду, отворите дверь, къ вамъ есть очень важное порученіе.

Я отперъ, и два человѣка въ полицейскихъ мундирахъ вошли въ мою комнату.

— Извините, сэръ. Всѣмъ извѣстно что вы честный джентльменъ, мистеръ Бреду, но обязанность моя, сэръ, принуждаетъ меня обезпокоить васъ. Вы знаете мистера Мориса Прендергаста?

— Знаю.

— Не видали ли вы его въ послѣднее время?

— Прежде чѣмъ отвѣчу на вашъ вопросъ, позвольте спросить васъ кто вы и по какому праву предлагаете мнѣ такіе вопросы.

— Мы полицейскіе констебли, и у меня въ рукахъ повѣленіе арестовать мистера Мориса Прендергаста, по обвиненію въ заговорѣ; и я спрашиваю васъ, сэръ, видѣли ли вы его, и если видѣли, то когда?

— Вы не имѣете права спрашивать меня объ этомъ, но предположимъ что я сказалъ бы вамъ что видѣлъ его сегодня вечеромъ и въ этой комнатѣ, что жъ изъ этого?

Одинъ изъ полицейскихъ взялъ свѣчу, которую я забылъ на столѣ, обошелъ комнату, заглянулъ въ шкафы и наконецъ отправился въ спальню. Шляпа Мориса лежала на стулѣ возлѣ стола; полицейскій остановилъ на ней глаза, и бросивъ на меня быстрый, провицательный взглядъ, посмотрѣлъ на своего начальника, восклицавшаго:

— Сегодня въ этой комнатѣ! видишь, я не ошибся, Корриганъ, онъ въ Коллегию.

— Да, онъ былъ здѣсь, и насколько я знаю, онъ даже теперь въ Коллегию, но больше я вамъ ничего не скажу. Вы сами можете видѣть у меня онъ, или нѣтъ. Смѣю замѣтить вамъ что здѣсь много комнатъ, а не одна моя, и что есть такія гдѣ онъ остановится охотнѣе чѣмъ у меня.

Корриганъ опять пристально посмотрѣлъ на меня, и потому, обратясь къ товарищу, сказалъ:

— Я здѣсь не нахожу его слѣдовъ, сержантъ Брантъ. Онъ, можетъ-быть, прокрался въ паркъ и перелѣзъ черезъ стѣну. Сержантъ Брантъ пошелъ въ спальню. Онъ заглянулъ подъ кровать, облокотившись на то самое кресло, гдѣ сидѣлъ Морисъ, осмотрѣлъ шкафы, и никого не нашелъ.

— Я полагаю, не стоить спрашивать васъ куда отпра-
вля мистеръ Прендергастъ, потому что вы не знаете?

Я отрицательно покачалъ головой.

Сержантъ опять осмотрѣлъ комнату. Ковстебль Корриганъ
взялъ свѣчу съ камина, и заглянувъ въ чуланъ, покачалъ го-
ловой. Потомъ они взглянули другъ на друга и удалились, но
мнѣ казалось, что одинъ изъ нихъ зналъ болѣе того что
счелъ нужнымъ сообщить своему начальнику.

Морисъ прислушивался пока не умолкли шаги ихъ внизу
на дворѣ.

— Спрячьте свѣчу, Бреди, сказалъ онъ,—голосъ одного изъ
нихъ мнѣ знакомъ.

Онъ подкрался къ окну, и мы разглядѣли на освѣщенномъ
лампой дворѣ фигуры уходящихъ полицейскихъ. На по-
воротѣ ихъ поджидалъ какой-то человѣкъ.

— Видите этого хромоногаго подлеца съ которымъ они
говорятъ? Развѣ вы его не узнаете? спрашивалъ Прендер-
гастъ.—Смотрите, они идутъ всѣ вмѣстѣ. Хорошо, мистеръ
Слаттери, судьба можетъ свести насъ опять, а ужъ если мы
встрѣтимся...

— Можно-ли довѣряться такимъ подлецамъ, Морисъ! о, ка-
кая это старая исторія!

— А еслибы не было риску, для чего же нужны были бы
жертвы? Не имъ ли должны мы доказать величiе нашего
дѣла? Но не время спорить. Мы должны проститься. Если я
спасусь, мы больше не увидимся, потому что я не могу оста-
ваться въ этой несчастной, униженной странѣ. Сестра моя
послѣдуетъ за мной въ Новый Свѣтъ, гдѣ Ирландцы соста-
вятъ обновленную націю. Прощайте, Терри, благослови васъ
Богъ.

Онъ на минуту остановился. Лампа освѣщала его взволно-
ванное лицо.

— Теренсъ, началъ онъ опять, — одно лежитъ у меня
на сердцѣ. Я не могу не сказать вамъ этого прежде чѣмъ
уйду. Насъ связываетъ общее несчастье: я люблю Мери Бут-
лерь, люблю безумно, потому что безнадежно. Я говорю вамъ
это, потому что ваша любовь къ ней также безнадежна
какъ и моя. Молчите, не спорьте! Любовь свѣтлый источ-
никъ, онъ не выноситъ никакой тѣни. Да, помоги намъ Гос-
поди обоимъ вынести это. Я удаляюсь, но оставляю здѣсь
свою душу. Я завидую вамъ что вы будете ходить по

несчастной, но носящей слѣдъ ея ноги, землѣ. Но куда бы меня ни кинула судьба, я никогда не потеряю ея изъ виду. Не правда ли, я счастливый малый, Теренсъ Бреди? Двадцати двухъ лѣтъ я нищій, осужденный на изгнаніе преступникъ! Въ любви два недостижимые предмета: свобода Ирландіи и племянница сэръ-Ричарда Десмонда!

Онъ горько засмѣялся.

— Да, необыкновенное счастье! Можетъ-быть, лучше бы было, еслибъ эти господа сейчасъ наложили на меня свои лапы. Я прежде думалъ,—мы были тогда еще мальчиками,—что вы можете быть моимъ соперникомъ, и я васъ ненавиждѣлъ. Теперь же, когда у васъ такъ же мало надежды какъ и у меня, я васъ жалѣю, такъ же какъ и вы меня жалѣете за мою преданность родинѣ. А теперь я погружусь въ бездну!

Онъ отворилъ дверь и выглянулъ.

— Васъ навѣрное поймають, воскликнулъ я. — Побудьте у меня до утра, и мы придумаемъ какой-нибудь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Меня поймають! Никогда! Планы же мои давно порѣшены. Нѣтъ, я долженъ идти. Они могутъ воротиться чтобы сдѣлать болѣе тщательный обыскъ. Да сжалятся небо надо мной и надъ вами, Теренсъ! Прощайте.

Онъ тяжело сталъ спускаться съ лѣстницы; я слышалъ какъ онъ громко пѣлъ, пробираясь по двору, и повернулъ къ парку Коллегии. Я прислушивался, пока не наступила совершенная тишина.

— Да, онъ правъ, я люблю Мери Бутлеръ! Я безумецъ, безнадежный безумецъ! Но чѣмъ же я тутъ могу помочь? Нѣтъ, поздно, любезнѣйшій Теренсъ Бреди! Не поможетъ тутъ то что ты уже шести футовъ ростомъ, или что у тебя мягкій, женственный, нерѣшительный характеръ, склонный мечтать и бредить на яву. Такъ ложись лучше въ постель, господинъ безумецъ; помолись чтобы тотъ несчастный избавленъ былъ отъ суда, а ты отъ узъ которыя, увы, связали тебя, кажется, на вѣки!

XI. Дебютъ доктора.

Чудный, осенній вечеръ. Вѣтерокъ играющій ооломою, сухими листьями и перышками на площади Тильбюри, едва имѣлъ силу расправить складки флага поднятаго въ честь командира корабля ея величества — *Термаганта*, Джака

Видо, эсквайра, возвратившагося изъ Вестъ-Индіи и оставившагося на якорѣ въ Темзѣ, близъ Фальконъ - Отела, къ великому удовольствію гостей этой старой гостиницы и къ радости кораблей *Мери Броунъ* и *Анны Маріи Джонсъ*, на которыхъ помѣщается отрядъ „Бенгальскихъ Тигровъ“. Я сижу, въ полномъ блескѣ новаго мундира младшаго доктора, среди группы молодыхъ джентльменовъ изъ Фортъ-Шитта, большею частью медиковъ. Мы наблюдаемъ за старымъ командиромъ, быстро прохаживающимся взадъ и впередъ съ полковникомъ Гримшо и майоромъ Багшо, и до насъ отрывками долетаетъ ихъ разговоръ.

— Это гнусная обида посылать насъ въ Ирландію, я вотъ что скажу. Видъ есть здѣсь восемьдесятъ второй полкъ, который...

Голосъ полковника теряется вдали, и мы ничего болѣе не слышимъ, до тѣхъ поръ пока при новомъ поворотѣ голосъ Багшо продолжаетъ то же самое.

— Я старшій майоръ, пятью годами по службѣ старше Пипера! Гнусная обида, вотъ что я скажу. Еслибъ я могъ, я сейчасъ же вышелъ бы въ отставку, и бросилъ бы всякую службу!

Неясныя слова и опять молчаніе, и намъ всѣмъ, медикамъ, прапорщикамъ и лейтенантамъ начинаетъ казаться что все что насъ ожидаетъ впереди, все это гнусная обида, и мы начинаемъ ворчать.

Я былъ назначенъ въ полкъ ея величества, носившій названіе „Бенгальскихъ Тигровъ“, младшимъ докторомъ, и получилъ наканунѣ приказаніе въ Чатамъ, отъ моего начальника, отправиться къ моей должности съ отрядомъ выходившимъ изъ Тильбюри-Форта.

Экзаменъ я сдалъ блистательно. Я терпѣливо вынесъ всѣ насмѣшки и прозванія, какъ напр. „пилюля“, приготовившись къ нимъ заранѣе. Мое предварительное воспитаніе въ Свигтенгамъ оказало свою пользу въ Чатамъ. Я заслужилъ расположеніе начальства, которое удостоивало замѣчать мое существованіе и даже интересовалось моею работой.

Сэръ-Филиппъ былъ очень доволенъ отзывами экзаменаторовъ обо мнѣ. Еслибъ изъ Лохъ-на-Каррѣ были болѣе утѣшительныя вѣсти, и еслибы,—увы, я долженъ признаться въ этомъ, хотя эта мысль заставляетъ биться мое сердце,—еслибъ я могъ еще разъ увидать Мери Бутлеръ и попросить

ее не забывать меня, нѣтъ, забывать слишкомъ холодное слово, еслибъ я, однимъ словомъ, могъ видѣть ее не стѣсняясь тѣмъ что мнѣ говорить съ ней, я былъ бы очень доволенъ, если не вполне счастливъ; я укрѣпился бы въ своемъ намѣреніи исполнять честно свои обязанности и не измѣнилъ бы себя до конца.

Неужели кто-нибудь повѣритъ мнѣ, если я буду увѣрять что нарядившись въ новый красный мундиръ, съ изящными зелеными отворотами, я не оглянулъ себя лишній разъ въ зеркало съ ногъ до головы? что я не вынималъ шпаги и не любовался блестящимъ клинкомъ? что я не рисовался красивыми позами, и что я не былъ красенъ какъ ракъ, отправляясь обѣдать, въ первый день моего вступленія въ должность, къ начальнику своему, генераль-инспектору госпиталей? Не думаю чтобы кто-нибудь повѣрилъ этому, и не стану лгать. Я знаю только что въ тѣ дни я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ. О чинахъ я не заботился, мнѣ было рѣшительно все равно, выше или ниже меня прапорщикъ Стокъ, или лейтенантъ Троттеръ, и никакое различіе въ мундирахъ не беспокоило меня.

Мармадукъ Блоссомъ, докторъ медицины, генераль-инспекторъ госпиталей, былъ чрезвычайно представительный, наклонный къ полнотѣ джентльменъ, надменный съ младшими докторами, съ пациентами, съ ординарцами, смотрителями и вообще со всѣмъ госпитальнымъ штатомъ, считавшимъ его Наполеономъ медицины. Онъ былъ уже украшенъ множествомъ орденовъ. У него были медали за Кафрскую кампанію, но онъ также мало разчитывалъ на орденъ Бани, какъ и на орденъ Подвязки. Онъ занимался ботаникой и энтомологіей, написалъ монографію о „*Rosus Gigis* южной Африки“, о „*Rosus Minor* Лудіана“, „о пользѣ возбуждательныхъ въ случаяхъ истощенія“, и сочиненіе его о желчи весьма уважалось между медиками въ Индіи. Вообще онъ считался образцовымъ офицеромъ и свѣтломъ округа.

Мистрисъ Блоссомъ была маленькая, худая женщина, съ тонкими, неприятными чертами лица, которая говорила о себѣ всегда во множественномъ числѣ и очень рѣдко допускала маленькія исключенія изъ этого правила, какъ напримеръ: „генераль-инспекторъ и я“. Была еще куча маленькихъ Блоссомовъ, коихъ гувернантки, няньки и кормилицы составляли предметъ ужаса молодыхъ медиковъ и

офицеровъ, такъ какъ носились слухи о нѣкоторыхъ молодыхъ сосланныхъ въ Вестъ-Индію за дерзкіе взгляды на этихъ особъ.

На слѣдующее утро я отправился въ Тильбюри и представился своему военному начальнику, капитану Десмонду. Я зналъ что у третьяго брата сэръ-Ричарда былъ сынъ въ арміи, но между дядей и племянникомъ никогда не было дружественныхъ отношеній, и теперь судьба сводила меня съ нимъ. Онъ былъ красивый молодой человекъ, очень напоминавшій дядю: тѣ же свободныя, небрежныя манеры, быстрый, пронизательный взглядъ; губы его часто слагались въ насмѣшливую улыбку, а голосъ принималъ холодный тонъ, чѣмъ онъ и заслужилъ себѣ прозвище цивика.

— Такъ вы сынъ того Джака Бреди о которомъ я такъ много слышала, когда былъ мальчикомъ; толковали много и о тетускѣ Мери, не правда ли? А этотъ старый повѣса, мой дядюшка, вашъ опекунъ? Надѣюсь, онъ немного занимался вашимъ обученіемъ.

Онъ слушалъ меня съ полузакрытыми глазами, когда я разказывалъ ему какъ мало имѣлъ я дѣла съ его дядей.

— Мнѣ, впрочемъ, это все равно. Когда онъ умретъ, а говорятъ онъ продержится недолго, дядя Денисъ займетъ его мѣсто, и посмотримъ что онъ сдѣлаетъ съ тѣмъ что его братедъ оставить ему отъ Кильмойля. Кстати, мистеръ Бреди, знаете вы мою хорошенькую кузину, Мери Бутлеръ? Она произвела фуроръ въ Лондонѣ въ короткое время своего появленія въ свѣтъ. Я не имѣлъ счастья видѣть ее тогда, потому что былъ въ отпуску, но мнѣ помнится, она обѣщала быть хорошенькою, хоть она была немного неповоротлива и глупа.

— Глупа, капитанъ Десмондъ? Значить, она сильно измѣнилась. Я не видалъ ее уже давно, но я увѣренъ что она не глупа. Еще дѣвочкой она была очень добра и умна.

— А знаете вы что добрыя дѣвушки съ годами дѣлаются дурами, а умныя дѣвочки чертовски скучными? Впрочемъ, надѣюсь, что я самъ когда-нибудь буду въ состояніи судить о ней. Я очень радъ что у меня въ полку будетъ человекъ изъ Кильмойля. Прощайте, мы встрѣтимся за обѣдомъ.

Я бродилъ по двору казармъ, дивясь энергіи британскихъ прачекъ и невольно слушая горячія разсужденія этихъ

достойныхъ матронъ и увѣщанія съ которыми онъ обращался къ своимъ юнымъ питомцамъ, игравшимъ возлѣ нихъ.

— На караулъ! раздался вдругъ голосъ, и всѣ обитатели караульни выстроились въ линію, и въ воротахъ показался морской офицеръ въ мундирѣ, эполетахъ и треугольной шляпѣ. Неужели это онъ? Онъ! ни одинъ человекъ такъ не улыбается и не оглядывается такими большими, изумленными, добрыми глазами. Это былъ Джакъ Виндо. Онъ на минуту остановился, провелъ рукой по лбу, какъ бы не вѣра своимъ глазамъ, и чрезъ минуту мы такъ горячо жали руки другъ другу, что это произвело волненіе между праздными людомъ двора. Въ слѣдующую минуту старая стѣна форта задрожала отъ выстрѣла, салютовавшаго съ *Термаганта*. Генераль округа и фортъ-адмиралъ возвратились изъ поѣздки для осмотра, и капитану Виндо приказано было стоять на якорѣ близъ транспортовъ прибывшихъ съ отрядомъ „моего полка“.

— Говорятъ, у васъ тамъ, въ вашей ужасной странѣ, опять бунтуютъ, Терри, говорилъ капитанъ Джакъ.—Ей Богу, правъ тотъ кто сказалъ что самое лучшее 'потопить весь островъ.

— Кто будетъ жить въ Ирландіи, тотъ превратится въ Ирландца, когда она всплыветъ со дна. Если вы населите островъ Англичанами или Шотландцами, то изъ исторіи можете видѣть что съ нами будетъ труднѣе ладить чѣмъ съ Ирландцами.

— Замолчите съ своею исторіей, Терри. Не будемъ разсуждать о политикѣ. Я хотѣлъ только спросить почему у васъ тамъ постоянно волнуются?

— А развѣ вамъ случалось видѣть океанъ спокойнымъ, когда вѣтеръ бушуетъ? Однако вѣтра никто не видитъ, хотя всякій его чувствуетъ.

— Я молю небо чтобъ оно навѣки утвердило тамъ спокойствіе, проворчалъ капитанъ Джакъ.—Прошу васъ, оставьте политику.

Я разказалъ ему все что произошло со мной съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. Потомъ онъ разказывалъ мнѣ отрывочные эпизоды своего скитальчества.

— Кстати, Терри, воскликнулъ онъ неожиданно,—что сдѣлалось съ этимъ чернымъ, красивымъ малымъ, вашимъ товарищемъ, который мнѣ тогда такъ не понравился, Пендеграсъ, Прендергасъ, какъ-то такъ?

— Онъ вышелъ изъ Коллеги, былъ замѣшанъ въ бунтъ 1848 года, и уѣхалъ за границу. Я уже больше года ничего не знаю о немъ. Говорятъ, онъ уѣхалъ въ Америку, а сестра его хочетъ ѣхать къ нему. Она производила чудеса во время голода.

— Такъ, ей Богу же, это онъ! воскликнулъ капитанъ Джакъ, ударивъ себя по ногѣ.—Я рѣдко ошибаюсь въ лицахъ. Я отправлялся въ Пенсаколу изъ Кей-Веста, это портъ Янки, знаете Терри, и тамъ насъ абординовалъ какой-то капитанъ О'Дрисколя, и съ нимъ былъ человѣкъ который, я готовъ побожиться, былъ вашъ товарищъ. А какъ вы думаете, кто былъ капитанъ О'Дрисколя? Повѣсьте меня, если это не старый нашъ знакомецъ! Каково мнѣ было выдержать когда онъ спросилъ меня: „Скажите, капитанъ, не случилось ли вамъ, въ то время какъ вы стояли въ Ирландіи, сдѣлать маленькую прогулку въ нашу сторону, въ погонѣ за балтиморскимъ судномъ *Сарой-Сейксъ*?“ Я такъ и окаменѣлъ на мѣстѣ!

— Былъ у того человѣка, котораго вы сочли за Мориса Прендергаста, какой-нибудь знакъ на лицѣ.

— Да, красный рубецъ на щекѣ, я поэтому только и сомнѣвался онъ ли это.

— Что жъ вы сдѣлали?

— А что жъ я могъ сдѣлать. Я долженъ былъ быть вѣжливымъ; держалъ мистера О'Дрисколя на разстояніи выстрѣла и при первой возможности постарался выбраться изъ Пенсаколы.

Возвращаясь назадъ, послѣ свиданія съ фортъ-адмираломъ, капитанъ Джакъ успѣлъ шепнуть мнѣ:

— Будь готовъ, мой мальчикъ, завтра мы отправляемся отсюда съ утреннимъ приливомъ.

Въ военной службѣ есть обыкновеніе во время войны дѣйствовать съ полною гласностью, въ мирное же время хранить всѣ дѣйствія въ глубокой тайнѣ, и поэтому Гримшо и Багшо, получившіе нѣкоторые намеки о нашемъ назначеніи, хранили тайну въ сердцѣ своемъ и не подавали никакихъ знаковъ приготовленія до тѣхъ поръ пока не получено было формальное предписаніе, а тогда, конечно, раздалось опять—„гнусная обида!“

Капитанъ Десмондъ принялъ извѣстіе съ философскимъ гладнокровіемъ. „Теперь плохое время отправляться туда, если хорошее существуетъ. Рѣки высохли, травить поздно,

стрѣлять рано. Меня однако разбираетъ непомнятное любопытство увидать эту страну, къ которой я принадлежу, хотя мнѣ тамъ ничего не принадлежитъ.“ Лейтенантъ Твидъ, только что пригласившій знаменитаго профессора приходитъ каждый день давать ему уроки на флейтѣ, пришелъ въ ярость. „Паукъ“ Лейтонъ, прапорщикъ только что влюбившійся наканунѣ, былъ въ отчаяніи. Однако, первая обязанность солдата повиноваться, да и плохо пришлось бы ему еслибы онъ вздумалъ не повиноваться. На слѣдующій вечеръ мы уже сидѣли на палубѣ *Анны Маріи Джонсъ* и глядя на стекло на берегъ, скользя при слабомъ вѣтрѣ мимо *Доверъ-Кестля* и направляясь къ Ландсенду.

ХII. Постои въ провинціи.

Книга полковыхъ приказовъ переходила изъ рукъ въ руки небольшого общества офицеровъ, ожидавшихъ обѣда въ темной столовой казармъ города Турльса:

— Десмондъ опять въ отпуску на цѣлый мѣсяцъ. Онъ всегда въ отпуску, ворчалъ Вильмотъ.

— Развѣ вы не слышали, его дядя умеръ? сказалъ Нашъ.— Я встрѣтилъ его въ Коркѣ, и онъ говорилъ что отправляется въ Ниццу. Онъ ждетъ другаго дядю, который возвращается изъ Индіи и прибудетъ въ Англію на слѣдующей недѣлѣ.

— Счастливымъ человѣкъ! Баронетъ, и славное помѣстье!

— Помѣстье-то, говорятъ, совсѣмъ не хорошо. Покойникъ промоталъ большія деньги, и времена-то теперь плохія пришли для землевладѣльцевъ, хотя едва ли были для нихъ когда-нибудь хорошія времена.

Это было первое извѣстіе которое я получилъ о давно ожидаемомъ событіи. Въ тотъ же вечеръ я получилъ письмо съ почтовою маркой изъ Ниццы, отъ мистера Бетса, объявляшаго мнѣ о потерѣ звена въ цѣпи связывавшей меня съ прошлымъ. „Миссъ Бутлеръ удивительная дѣвушка, писалъ онъ. Нигдѣ не найти такой сидѣлки какою она была для сэръ-Ричарда, и онъ имѣлъ полное право говорить что вокругъ него витаетъ ангель. Джеральдъ Десмондъ, который постоянно держался въ отдаленіи отъ дяди, въ послѣднее время писалъ ему, прося позволенія пріѣхать, но сэръ-Ричардъ, кажется, не имѣлъ особаго желанія его видѣть, хотя

не поручилъ Мери прямо отказаться отъ его посвященія. Я съ удовольствіемъ усамхалъ что онъ дружелюбно относится къ вамъ. Мистеръ Денисъ возвращается на родину, и его ожидаетъ сюрпризъ что онъ уже сэръ-Денисъ. Онъ найдетъ помѣстье въ несовсѣмъ желанномъ положеніи. Бѣдный сэръ-Ричардъ былъ слишкомъ снисходителенъ съ арендаторами, но и самъ не могъ жить безъ денегъ; и если дѣла шли худо когда онъ былъ за границей, они шли еще хуже когда онъ пріѣзжалъ въ Кильмойль. Рента все умекъшалась, а проценты по закладнымъ все увеличивались. Все бы однако поправилось съ поступленіемъ арендъ и съ поднятіемъ цѣвъ, есаубы не голодъ. Кильмойль былъ обложенъ большими податями въ пользу бѣдныхъ, и теперь нѣтъ никакой надежды собрать долги по рентамъ, такъ какъ арендаторы или умерли, или разбѣжались. До чего простирается долгъ, я теперь не могу сказать, прежде чѣмъ мы не приведемъ въ порядокъ всѣхъ счетовъ. Все будетъ зависѣть отъ сэръ-Дениса, и если онъ такъ богатъ какъ говорятъ, и будетъ управлять Кильмойлемъ такъ же хорошо какъ онъ управлялъ Аврипоромъ и другими индійскими мѣстечками, не помню названій, онъ можетъ еще все поправить. Миссъ Мери, конечно, будетъ жить съ новымъ баронетомъ; онъ всегда настаивалъ чтобъ она пріѣхала къ нему. Онъ до безумія любилъ ея мать, и если теперь не оцѣнитъ племянницы, то онъ хуже Турка.“

Все дальше и дальше отодвигалась цѣль моей жизни, мечты разлетались. Я повязалъ крепомъ рукавъ, въ память о покойномъ опекунѣ, и съ горемъ на сердцѣ, день за днемъ бродилъ по своему маленькому госпиталю. Новый баронетъ не можетъ принимать во мнѣ участія, напротивъ, онъ съ неудовольствіемъ встрѣтитъ меня, потому что онъ никогда не могъ простить моему отцу поступка съ его сестрой. Онъ, говорятъ, суровый, холодный, деспотичный человекъ, и по письмамъ мистера Бетса я могъ судить о противоположности его характера съ добродушнымъ сэръ-Ричардомъ.

„Сэръ-Денисъ одобрилъ все что мы дѣлали, писалъ мистеръ Бетсъ, но настоялъ чтобы гробница была отворена и останки перевезены въ Кильмойль. Каррарскій мраморъ немного удивить ихъ, и воображаю какъ сэръ-Денисъ откроетъ глаза, когда увидитъ сельскую церковь. Онъ очень нѣженъ и добръ съ Мери, очень постояненъ въ своихъ намѣреніяхъ и памятаивъ, и таетъ какъ снѣгъ на солнцѣ, когда она появляется въ

комнатъ. Ему, кажется, понравился племянникъ Джеральдъ, и уже устроено такъ что онъ получить отпускъ еще на мѣсяць, и они всѣ вмѣстѣ отправятся въ Ирландію. Мистеръ Джеральдъ, повидимому, пораженъ своею прелестною кузиной, да иначе и быть не можетъ. Она будетъ полною хозяйкой въ домѣ, хотя есть еще другая молодая дѣвушка, которую сэръ-Денисъ привезъ съ собою изъ Индіи и которая будетъ жить съ ними. Она, кажется, дочь стараго друга, впрочемъ, я ничего не знаю, и такъ какъ меня не удостоиваютъ довѣренностью, я самъ ничего не спрашиваю. Онъ поразилъ лондонскихъ страпчихъ; они писали ему, что такъ какъ онъ, вѣроятно, не поселится въ Кильмойль, послѣ долгаго пребыванія за границей, то они готовы принять попеченіе объ имѣніи. Онъ сразу напустился на нихъ. Въ отвѣтъ Феггу и Груббу, онъ далъ имъ столько указаній и порученій что у нихъ вѣрно духъ захватило. Они должны „немедленно“ составить отчетъ о положеніи всего имѣнія, сдѣлать планы, составить счетъ доходовъ съ рентъ, доходовъ со всѣхъ производствъ, и вообще всѣхъ доходовъ; означить точно все касающееся до каждаго арендатора и вообще всѣхъ живущихъ въ помѣстьяхъ, и все должно быть готово къ его пріѣзду, то-есть ровно черезъ три недѣли отъ числа его письма. Онъ намѣренъ, писалъ онъ имъ, жить постоянно въ Кильмойль. Охотничьи дома въ горахъ и въ Лемингтонѣ должны быть проданы немедленно, но фамильную резиденцію въ Гросвеноръ-Стритъ онъ оставляетъ, и жильцы изъ нея должны быть выпровожены какъ можно скорѣй. Къ письму онъ приложилъ таблицы въ индійскомъ вкусѣ, которыя должны быть наполнены статистическими отчетами о тюрьмахъ, о сельскихъ податяхъ, о налогахъ въ пользу бѣдныхъ, церквей и школъ, о рыбныхъ ловляхъ, о рудникахъ, о лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ, о пастбищахъ, о пахотной землѣ, о торфяныхъ болотахъ, о протестантахъ, католикахъ, методистахъ, квакерахъ и т. д. и т. д. Феггъ пишетъ мнѣ: „теперь Груббу и мнѣ хватитъ работы на весь остатокъ нашей жизни. Это извлеченіе изъ голубыхъ книгъ, законовъ о бѣдныхъ и парламентскихъ бумагъ изданныхъ со временъ Союза. Да, теперь не то что было при сэръ-Ричардѣ. Но, если я не ошибаюсь, онъ скоро убѣдится, что то что хорошо при управленіи Индусами и Индійцами, то не идетъ въ управленіи Ирландцами.“ Миссъ Мери кланяется вамъ и говоритъ

что надѣется видѣть васъ опять въ Кильмойлѣ, когда они возвратятся; она говорила много хорошаго о васъ сэрѣ-Денису, который, какъ вы знаете, имѣетъ какое-то предубѣжденіе противъ вашей фамиліи. Она хочетъ видѣть васъ въ мундирѣ чтобы судить, говоритъ она, измѣняется ли человекъ въ глазахъ женщины мундиръ или одежда эскулана. Бѣдный маіоръ Турнбуллъ сильно пораженъ потерей стараго друга и говоритъ что не въ силахъ теперь ѣхать въ замокъ, хотя сэрѣ-Денисъ, знавшій его еще въ Индіи, настаиваетъ чтобъ онъ оставался на своей старой квартирѣ. Что касается до меня, то я, раздѣлавшись съ дѣлами сэрѣ-Ричарда, далъ себѣ маленькій отдыхъ,—боюсь что это будетъ грустный отдыхъ,—заглявшись дѣлами Лохъ-на-Каррѣ, насколько это будетъ возможно изъ какого-нибудь теплаго мѣстечка за границей, оказывая услуги тѣмъ кому я могу быть полезенъ, если я еще могу быть полезенъ кому-нибудь.“

Въ продолженіи длиннаго года я получалъ подобныя извѣстія о сэрѣ-Денисѣ и о Мери Бутлерѣ. Полкъ нашъ раздѣленъ былъ на отряды, и сначала я оставленъ былъ въ Турльсѣ съ больными, которыхъ, отъ свирѣпствовавшаго тифа и отъ дѣйствія водки, было не мало. Потомъ меня перевели въ Клонмель, и такимъ образомъ переводили изъ одного мѣста въ другое, и наконецъ я очутился въ тихомъ городкѣ Атлонѣ. Тамъ я былъ недалеко отъ Кильмойля и Килькарры, и въ самый день моего пріѣзда узналъ что сэрѣ-Дениса ожидаютъ скоро въ Кильмойлѣ. Новость что новый владѣлецъ будетъ жить въ родовомъ помѣстьѣ вызвала не мало толковъ въ публикѣ. Арендаторы хотѣли бы знать будетъ ли онъ такъ же добръ какъ его братъ или окажется „тираномъ“. Немногіе сосѣдніе помѣщики были не совсѣмъ довольны что ихъ затмитъ такой извѣстный и богатый человекъ.

Отрядъ „Бенгальскихъ тигровъ“ соединился въ Атаонѣ, какъ бы готовясь опять перелетѣть куда-нибудь, и по этому случаю маіоръ Багшо и офицеры, приглашая окружное дворянство, „просили оказать имъ честь“, пожаловать на обѣдъ.

Признаюсь откровенно, я любилъ такіе обѣды, несмотря на то что кухня наша трудно переваривалась, и вино было „лучшее какое можно было достать“, и блескъ посуды нашей давно уже не служилъ украшеніемъ переваренныхъ суповъ, недоваренной рыбы, невоображаемыхъ entrées и ужасныхъ entre-mets.

Между гостями въ этотъ вечеръ были жители дальнихъ областей Кильмоилля, которые знали меня и помнили моего бѣднаго старика-дѣдушку.

— Что случилось съ Морисомъ Прендергастомъ, спросилъ я у молодого Кези, изъ Баривелля.

— Говорятъ, онъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но носятъ слухи что онъ недавно былъ здѣсь; люди хорошо его знающіе видѣли его близъ Кильмоилля. Его бы простили, еслибъ онъ самъ захотѣлъ, но онъ самый упрямый бунтовщикъ. Бѣдная сестрица его Роза пробовала продать свой старый домъ и немногіе акры земли, но не нашлось охотниковъ купить. Говорятъ, теперь не будутъ покупать земли пока не измѣнятся времена, и тогда дадутъ хорошую цѣну.

— Слышите, Кессиди, закричалъ съ другаго конца стола лордъ Бельбрукъ, — сэръ-Денисъ пріѣхалъ, наконецъ, вчера въ Кильмоилль. Замокъ исправили, и теперь красота миссъ Бутлеръ будетъ господствовать надъ графствомъ. Говорятъ, съ ними есть еще чертовски-хорошенькая дѣвушка. Сэръ-Денисъ не будетъ давать баловъ, но только дружескіе обѣды.

— Я бы желалъ знать любитъ ли онъ травлю, сказалъ Кессиди.

— Летаешь верхомъ какъ птица, отвѣчалъ лордъ Бельбрукъ. — Мой племянникъ, Джакъ, говоритъ что онъ страстный любитель всѣхъ забавъ и готовъ также подраться, если кому угодно.

— Если онъ будетъ держать старый кильмоилльскій кларетъ и будетъ такъ же гостепріименъ какъ его братъ, бѣдный Дикъ, мнѣ больше ничего и не нужно. Но говорятъ, у нихъ тамъ, въ Индіи, не пьютъ ничего кромѣ пива.

— Ему едва ли придется пить что-нибудь кромѣ воды, если онъ будетъ жить тѣмъ что ему будутъ платить его арендаторы, замѣтилъ Пейтонъ.

— Что вы говорите, Пейтонъ, вѣдь онъ набобъ. У него, говорятъ, счету нѣтъ рупіямъ и могурамъ; ихъ везутъ въ такихъ мѣшкахъ въ какіе мы кладемъ овощи и везутъ не на ослахъ, а на верблюдахъ и слонахъ, замѣтилъ кто-то.

— Боюсь, однако, что онъ найдетъ что Кильмоилль трудно привести въ порядокъ чѣмъ завладѣть Аврипоромъ. Славное то было дѣло, и онъ едва самъ тогда не поплатился жизнью, сказалъ мой сосѣдъ, смуглый офицеръ, принадлежавшій къ полку стоявшему близъ нашего.

— Разкажите намъ, пожалуйста, объ аврипорскомъ дѣлѣ, гдѣ вы знаете, просилъ мистеръ Тренчъ.—О немъ много говорятъ въ послѣднее время, и какъ-то неловко встрѣтиться съ сосѣдомъ совершившимъ великое дѣло и не знать всѣхъ подробностей.

— Я хорошо знаю эту исторію, только боюсь, не будетъ ли она слишкомъ длинна.

— Непременно разкажите, воскликнулъ лордъ Бельбрукъ.—Я не разъяснилъ себѣ всѣхъ *pro* и *contra*, хотя вдоволь наслушался объ этомъ въ парламентѣ.

Мы сидѣли за виномъ, и маіоръ началъ свой разказъ, который онъ передалъ въ необыкновенно торжественномъ, поучительномъ тонѣ. При концѣ разказа я едва могъ переводить духъ, безотчетный ужасъ овладѣлъ мной; опять какія-то сомнѣнія выступили изъ мрака прошлаго, неопредѣленная, но ужасная тревога оледенила кровь.

XIII. Королева Аврипорская.

„Раджа Аврипорскій, началъ маіоръ Гарнессъ, — былъ посаженнымъ въ своемъ родѣ, — въ родѣ который былъ уже древнимъ въ тѣ дни когда Вильгельмъ и Гарольдъ клялись въ дружбѣ въ Нормандіи, и былъ извѣстенъ въ Индіи еще въ то время когда Александръ увелъ изъ этой страны своихъ желѣзныхъ воиновъ на родину, которой ему никогда не суждено было видѣть. Раджа былъ человекъ извѣженный, любившій удовольствія, поэзію, музыку, духи, цвѣты. Ни одинъ джентльменъ нашего времени не могъ бы равняться съ нимъ по беззаботности, ни одинъ такъ безумно не расточалъ своего состоянія и не заботился такъ мало о благосостояніи своихъ подданныхъ, какъ раджа Аврипорскій, а если таковой существуетъ, то счастье что близъ него кѣтъ мистера Десмонда чтобы судить и наказывать его за распущенность. Дальше, джентльмены! Когда юный раджа былъ вызванъ изъ гарема на тронъ, въ странѣ возникли волненія: буйные вельможи поднялись войной противъ раджи и другъ на друга, и производили буйства которыя, мы всѣ были согласны въ этомъ, угрожали опасностью нарушить миръ смежной англійской территоріи. Аврипоръ былъ богатый штатъ давно уже привлекавшій вниманіе Компаніи.

„Въ Аврипорѣ посланъ былъ офицеръ чтобы предупредить раджу что видѣ такихъ безпорядковъ огорчаетъ Компанію. Раджа, скрываясь отъ вражескихъ выстрѣловъ, покинулъ свои охотничьи дачи и заперся въ стѣнахъ города. Онъ спрашивалъ всѣхъ что ему дѣлать. Нашлись люди которые увѣрили его что враги его поддерживаются обѣщаніями помощи, а можетъ быть и дѣйствительною помощью деньгами и людьми, со стороны державы которая теперь предлагаетъ ему безопасность, если онъ согласится подписать трактатъ. Трактатъ былъ подписанъ, и отрядъ британскихъ солдатъ и сипаевъ перешелъ границу и съ огнемъ и мечомъ прошелъ по странѣ. Губернаторомъ въ Аврипорѣ назначенъ былъ мистеръ Десмондъ, и страна скоро почувствовала тяжесть его власти. Но интриги во дворцѣ и возмущенія не прекращались. Доходовъ не могли собрать, буйные владѣльцы не хотѣли платить податей. За Аврипоромъ накоплялись недоимки, и каждый годъ увеличивался долгъ. Раджа пробовалъ избавиться отъ увѣщаній губернатора, запершись въ своемъ гаремѣ, но, какъ вы можете догадаться, это не помогло ему.

„Считаю долгомъ увѣдомить ваше высочество (писалъ мистеръ Десмондъ), что если тяжкіе проступки нарушающіе миръ не прекратятся, и если неисполненіе обязательствъ вашего высочества будетъ продолжаться, то правительство мое принуждено будетъ силой требовать исполненія условий трактата который ваше высочество торжественно заключили съ нами.“

„Прокламаціи, объявлявшія о прекращеніи власти раджи, были уже напечатаны; способъ вступить во владѣніе рѣшенъ; вланы, по которымъ новое правительство размежуетъ землю, были уже готовы; корпуса инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи стояли на границахъ.

„Но вдругъ неожиданно войску велѣно было удалиться. Длинный конвой нагруженный золотомъ и серебромъ отправленъ былъ изъ резиденціи въ сокровищницу Компаніи, въ Агру. Раджа распустилъ свое министерство, музыкантовъ и танцовщицъ, и наполовину сократилъ свиту. Заслуженные елуги его отца посланы были въ самыя спокойныя области смѣнить его собственныя фаворитовъ. Десмондъ только улыбался, слушая всѣ эти новости.

„— А кто, скажите, причиною всего этого? спрашивалъ онъ нашего вѣстовщика. — Долго ли это продлится?“

„Говорятъ, милордъ, что женщина. Если это правда, то власть ея будетъ недолговѣчнѣ распустившагося цвѣтка.

„Но мы ошиблись, это продолжалось долѣе чѣмъ мы ожидали, и Десмондъ почувствовалъ что ударъ нанесенъ его репутаціи какъ въ Калькуттѣ, такъ и въ Леденгаль-Стритѣ. Онъ скоро получилъ конфиденціальное посланіе слѣдующаго содержанія:

„Мѣры, которыя вы считали необходимыми для подкрѣпленія трактата съ его высочествомъ раджей Аврипора, повлекли за собой издержку 270.000 рупій. Совѣтъ не можетъ не выразить своего сожалѣнія что ошибка, происшедшая отъ необдуманной поспѣшности, повела за собой такія тяжелыя, незаконныя издержки.“

„Десмондъ молчалъ, а Аврипоръ продолжалъ барахтаться и увертываться отъ него, какъ раненая птичка спасающаяся отъ боа. Пронесся слухъ что раджа хочетъ короновать одну изъ своихъ фаворитокъ. Кто она? спрашивали мы.

„— Чудо свѣта, богиня, а не женщина; прекрасная какъ свѣга Девангири; у ней золотые волосы, голубые глаза, а кожа ея бѣла какъ алебастръ.

„Черезъ нѣсколько времени объявлено было что у его высочества родился ребенокъ; потомъ вдругъ пронесся слухъ что раджа боленъ, и наконецъ объявили что онъ умеръ.

„На другой день, съ восходомъ солнца народъ читалъ на стѣнахъ краткія, но суровыя прокламаціи: „Такъ какъ раджа Аврипора скончался не оставивъ послѣ себя завѣщанія, наследника или преемника, то владѣнія его, въ силу трактата, переходятъ къ Остѣ-Индской Компани.“

„Пламя погребальныхъ факеловъ озаряло еще краснымъ пламенемъ небеса, когда мистеръ Десмондъ отправился во дворецъ, окруженный свитою и конвоемъ. Горожане пришли въ волненіе, и поспѣшивъ къ воротамъ города, поражены были блескомъ артиллеріи и штыковъ. Фрезеръ, командовавшій Аврипорскимъ участкомъ, выстроилъ войско предъ фасадомъ дворца. Кавалерія составляла флангъ и прикрывала артиллерію. Внутри дворца, походившаго скорѣй на маленькое предмѣстіе чѣмъ на дворецъ, все пришло въ смятеніе; обитатели волновались какъ муравейникъ.

„— Что же будетъ съ королевой? Что будетъ съ младенцемъ его высочества? спросилъ старый слуга, принесшій губернатору письмо изъ дворца, которое тотъ прочелъ молча.

„Его превосходительство посмотрѣлъ на посланнаго, выпустилъ облако дыма отъ сигары и потомъ сказалъ:

„— Нѣтъ никакой королевы, и вы это знаете; у раджи не было никакого ребенка, и это вы тоже знаете.

„Старикъ попробовалъ сказать еще что-то, но не могъ, молча поклонился и ушелъ.

„— Теперь, Фрезеръ, сказалъ его превосходительство, — приступите къ исполненію вашихъ обязанностей.

„Мистеръ Десмондъ вѣхалъ на дворъ, гдѣ въ ужасѣ толпились приближенные раджи, и сошелъ съ лошади. Онъ сѣлъ на тронъ раджи, и къ нему приведены были музыканты, танцовщицы и толпа королевскаго семейства. Когда они поочередно преклонялись предъ нимъ, онъ только махалъ рукой и говорилъ: „ступай!“ Глаза его обращены были на высокую лѣстницу. Наконецъ явился Фрезеръ, большими шагами прошелъ залъ и доложилъ:

„— Королева въ гаремѣ, сѣръ, и отказывается придти сюда. Я боюсь заставить выломать дверь, потому что не ручаюсь за своихъ людей: они ужасно озабочены.

„— Идите назадъ къ королевѣ, какъ вы ее называете, Фрезеръ, и скажите ей, что если у ней есть доказательства что она жена покойнаго раджи и что ея ребенокъ его сынъ, то мы откажемся отъ всего и постараемся исправить то что сдѣлано. А если она не выйдетъ, я поручу лейтенанту Гарнесу выломать дверь.

„Фрезеръ хотѣлъ что-то сказать, но Десмондъ такъ взглянулъ на него что онъ молча удалился. Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ онъ уже возвратился съ своими людьми, сопровождая паланкинъ съ занавѣсками изъ золотой парчи. Паланкинъ былъ богато украшенъ драгоценными камнями, и изъ конусообразной вершины, осыпанной изумрудами и жемчугомъ, торчалъ пучокъ павлиньихъ перьевъ. Его несли четверо слугъ въ ливреяхъ покойнаго раджи, по сторонамъ шла толпа женщинъ подъ покрывалами, нарушая мертвую тишину звономъ своихъ украшеній. Старикъ въ зеленомъ съ золотомъ мундирѣ, съ жезломъ въ рукахъ, сопровождалъ паланкинъ. Когда носильщики приблизились къ трону на которомъ сидѣлъ губернаторъ, они поставили паланкинъ на полъ, поклонились въ землю и удалились.

„— Королева прибыла, ваше превосходительство, сказалъ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW
PUBLIC LIBRARY
MOSCOW, LENINX AND
TALDEN BUILDINGS

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

1869

АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ОЧЕРКИ ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ. Окончаніе. Е. М. Феокистова.
- II. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Окончаніе первой части. В. В. Крестовскаго.
- III. ВОЕННО-ОКРУЖНАЯ СИСТЕМА. Гл. IV. В. В. Комарова.
- IV. ГРАФЪ ПАНИНЪ, УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ. Гл. III. Д. А. Анучина.
- V. ВОСПОМИНАНІЯ О КАВКАЗѢ И ГРУЗИИ. Окончаніе. Т. Вуслаева.
- VI. НОВЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ. Е. И. Вуслаева.
- VII. ТИХВИНСКАЯ СИСТЕМА. Изъ дорожныхъ замѣтокъ на пути изъ Петербурга въ Крымъ. А. И. фонъ-деръ Ховена.
- VIII. ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ. *Феофанъ Прокоповичъ и его время.* Соч. Чистовича. Р.
- IX. ОБЪ ИЗДАНИИ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ.
- X. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время.* Соч. автора *Исторіи отечественной войны 1812 года.* Спб., 1869, тт. I—IV. П. III.
- XI. НИГИЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРИИ. П. К. Щебальскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма-Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XIV—XV.

О Ч Е Р К И

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ

И С П А Н И И

IV. *

Цѣлыхъ два мѣсяца продолжалось торжественное шествіе Фердинанда отъ перваго пограничнаго городка, гдѣ вступилъ онъ на родную почву, до столицы королевства. Политическія партіи находились во все время въ крайне тревожномъ настроеніи, ибо онѣ не могли не сознавать что тутъ окончательно рѣшалась ихъ судьба. Въ самомъ началѣ дѣйствія Фердинанда отличались замѣтною осторожностью; онъ не успѣлъ еще составить себѣ вѣрнаго понятія о положеніи страны, а потому опасался обнаружить свой настоящій образъ мыслей; въ письмахъ отправленныхъ имъ съ границы къ членамъ временнаго правительства заключалось только выраженіе признательности къ націи за геройскіе ея подвиги въ борьбѣ съ чужеземнымъ игомъ. Но эта сдержанность длилась не долго. Уже въ Дарокѣ король приступаетъ къ совѣщанію со своими приближенными, слѣдуетъ ли сохранить конституцію или объявить тотчасъ же объ ея отмене; по прибытіи въ Валенсію онъ высказывается еще болѣе откровенно; выслушавъ въ соборной церкви рѣчь главнаго каноника,—рѣчь, оканчивавшуюся словами: „умоляю ваше величество безотлагательно принять мѣры для возстановленія священнои инквизиціи и вообще того порядка вещей

* См. № 2 *Русскаго Вѣстника*.

который господствовалъ когда вы покинули эту страну“, — король отвѣтилъ: „таковы именно мои желанія, и я не успою пока не выполню ихъ“. Заявленія въ подобномъ смыслѣ становились въ послѣдствіи все чаще и опредѣленнѣе. Правда, и самъ король, и окружавшіе его сановники какъ бы смущались нѣкоторое время посягнуть на конституціонныя учрежденія, опасаясь встрѣтить упорное и сильное сопротивленіе. Это видно, между прочимъ, изъ приѣма сдѣланнаго ими сэръ-Генри Веллеслею, когда тотъ посвѣшилъ привѣтствовать Фердинанда на пути; они обратились къ нему съ вопросомъ, можетъ ли правительство разчитывать на безусловное содѣйствіе Англіи, и согласится ли герцогъ Веллингтонъ дѣйствовать, во главѣ своей арміи, противъ недовольныхъ. Англійскій дипломатъ отвергнулъ самымъ энергическимъ образомъ всѣ увѣщанія такого рода, но отказъ его отнюдь не измѣнилъ положенія дѣлъ. Рѣшеніе короля уже созрѣло.....

Зная что Фердинандъ отнюдь не отличался смѣлымъ и предприимчивымъ характеромъ, любопытно изслѣдовать причины которыя повліяли въ этомъ случаѣ на принятое имъ намѣреніе. Конечно, по своей натурѣ, воспитанію, понятіямъ и наклонностямъ онъ былъ отъявленнымъ врагомъ либеральныхъ учреждений, но вполнѣ несомнѣнно также что онъ не имѣлъ бы мужества однимъ почеркомъ пера уничтожить ихъ, еслибы предпріятіе это было сопряжено съ какими-либо серіозными опасностями. Король предпочелъ бы вести потаенную борьбу съ ненавистнымъ ему порядкомъ вещей до тѣхъ поръ пока обстоятельства помогли бы нанести ему рѣшительный ударъ. Отчего же теперь не считалъ онъ нужнымъ церемониться съ людьми въ которыхъ непременно хотѣлъ видѣть своихъ враговъ? На вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить, что настроеніе самой націи побуждало его къ отважнымъ и насильственнымъ мѣрамъ. Зрѣлище которое представляла Испанія въ описываемое нами время доказало, до какой степени ошибались люди утѣшавшіе себя надеждами что продолжительная и геройская борьба за независимость будетъ способствовать политическому и гражданскому возрожденію страны. „Невозможно сомнѣваться, говорить г. Баумгартенъ, что тяжкія бѣдствія испытанныя народомъ не только не сдѣлали его лучше, но пробудили въ немъ дикіе инстинкты давно мивувшаго времени.

Варварство и грубость—вотъ плоды которые, въ низшихъ слояхъ общества, были порождены войной съ Наполеономъ. Война эта уничтожила въ Испаніи слабые зародыши культуры; она покрыла развалинами цѣлые города и села; по вполнѣ вѣрнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ болѣе двухъ сотъ тысячъ домовъ было разрушено въ теченіи предшествовавшихъ шести лѣтъ; матеріальное благосостояніе государства было совершенно потрясено въ своихъ основахъ, такъ что требовался трудъ нѣсколькихъ поколѣній чтобы возмѣстить громадныя потери капиталовъ, зданій, скота и фруктовыхъ деревьевъ. Но особенно чувствительныя язвы нанесены были войною нравамъ и характеру Испанской націи. Испанцы въ состояніи были держаться долгое время противъ превосходныхъ силъ Наполеона не иначе какъ принося въ жертву своей независимости, религіи и королю все что въ глазахъ цивилизованныхъ людей даетъ цѣну жизни; ради потребностей упорной обороны, отстаивая шагъ за шагомъ каждый клочокъ земли, они должны были предать на разореніе самыя цвѣтушіе свои города; они были вынуждены сами портить дороги, разрушать мосты, опустошать поля, уничтожать водопроводы и сжигать мельницы; необходимость заставляла торговцевъ покидать свои лавки, земледѣльцевъ—свой плугъ, пастуховъ—свои стада, и всѣ спѣшили занять мѣсто въ рядахъ гверильясовъ, этихъ образцовыхъ ополченій, прославившихся столько же безумною отвагой, сколько дикою распущенностью и безчеловѣчными жестокостями. Вспомнимъ только какія слабыя сѣмена экономическаго развитія и культуры посѣяны были на неблагоприятной почвѣ Испаніи правительствомъ Карла III; вспомнимъ что сѣмена эти совершенно заглохли въ печальное царствованіе его преемника; вспомнимъ что въ 1808 году финансовое, административное и нравственное состояніе страны представлялось въ самомъ жалкомъ видѣ,—и мы легко поймемъ что шестилѣтняя кровавая борьба должна была возвратити націю къ первобытной эпохѣ ея историческаго развитія. “Послѣ всѣхъ тревогъ и тяжкихъ испытаній послѣдняго времени масса общества жаждала главнымъ образомъ спокойствія; съ безграничнымъ довѣріемъ бросалась она въ объятія короля; энтузіазмъ съ которымъ онъ былъ встрѣчаетъ повсюду куда ни показывался на своемъ пути превосходилъ всякое описаніе. И конечно, рѣдко находилась

государь въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ какъ Фердинандъ въ эту торжественную для него минуту, еслибы только захотѣлъ уразумѣть надлежащимъ образомъ свое призваніе. Совершенно чуждый предшествовавшей борьбѣ партій, онъ могъ явиться теперь ихъ примирителемъ; преданность къ нему народа была до такой степени безгранична, что не представлялось ему большаго труда, съ одной стороны, обуздать крайнія увлеченія приверженцевъ нововведеній, а съ другой—заставить поборниковъ старины уступить требованіямъ разумнаго прогресса. Судьбы націи находились совершенно въ его рукахъ, и отъ него зависѣло дать имъ какое угодно направленіе. Онъ могъ водворить новую и благодатную эпоху для внутренняго развитія Испаніи, но уже по всему тому что извѣстно намъ до сихъ поръ о характерѣ Фердинанда легко понять до какой степени были несбыточны подобныя надежды. Онъ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ личностей которыя, къ счастью для человечества, рѣдко появляются на престолахъ. Не говоримъ уже о томъ что по отсутствію всякаго образованія, по невѣжественнымъ предразсудкамъ, которые приближали его къ самому послѣднему изъ простолудиновъ, его подданныхъ, онъ не въ состояніи былъ питать никакихъ благородныхъ мыслей, но вся предшествовавшая жизнь развила въ его характерѣ непомирное презрѣніе къ людямъ и ненависть ко всѣмъ кто возвышался надъ обычнымъ уровнемъ своимъ умомъ или нравственными достоинствами. Способности Фердинанда были весьма ограниченны, но онъ усвоилъ отъ матери двоедушіе и хитрость въ такой степени, что лица пользовавшіяся, повидимому, полнымъ его довѣріемъ отнюдь не могли на него положиться. Онъ находилъ какое-то наслажденіе наносить имъ тяжкіе удары въ ту самую минуту когда они находились въ упоеніи отъ королевскихъ милостей. Уже въ ранней молодости поражалъ Фердинандъ своею безсердечностью, и конечно, долгое изгнаніе не способно было смягчить эту черту въ его характерѣ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова жестокимъ человекомъ. Въ лицѣ его снова воскресалъ Филиппъ II, съ тѣмъ только различіемъ, что Фердинандъ не обладалъ ни малѣйшею энергіей, что онъ дѣлалъ зло пока могъ дѣлать его безопасно для себя, но лишь только возникали неблагопріятныя обстоятельства,

какъ тотчасъ же обнаруживалъ самое позорное, слабое.

Неудивительно что восторженные клики которыми встрѣчалъ его народъ на пути были ему пріятны въ одномъ только отношеніи: этотъ повсемѣстный энтузіазмъ доказывалъ что онъ можетъ безпрепятственно обнаружить ненависть свою къ новому порядку вещей возникшему въ его отсутствіе. И самъ король, и его приближенные только и повторяли что конституція не нужна, ибо народъ не хочетъ конституціи. Въ каждомъ городѣ появлялись гранды и прелаты, которые съ своей стороны, укрѣпить Фердинанда въ этой мысли; адресъ, требовавшій немедленной отмѣны конституціонныхъ учрежденій, представленъ былъ ему консервативными членами кортесовъ, — такъ-называемыми *Персами* (кличка, полученная ими отъ вступительныхъ словъ адреса: „Древніе Персы имѣли обычай проводить въ anarchii пять дней по смерти своего царя....“). Вообще реакціонная партія предавалась во всей странѣ неистовому ликованію; она считала вполне позволительнымъ преслѣдовать, позорить своихъ противниковъ и угрожать имъ суровыми карами отъ имени короля. Печатные ея органы, и во главѣ ихъ *Atalaya*, изрыгали ежедневно самыя постыдныя хулы противъ виновниковъ конституціи, выставляя на поруганіе даже частную ихъ жизнь. Среди этого взрыва раздраженныхъ страстей либеральная партія совершенно потеряла голову. „Какъ бы подъ наутіемъ демоническихъ чаръ, говоритъ г. Баумгартенъ, взирала она неподвижно на потокъ долженствовавшій поглотить ее...“ Это томительное ожиданіе продолжалось недолго. 4-го мая король подписалъ въ Валенсіи манифестъ, которымъ отмѣнялась конституція, какъ и вообще все что сдѣлано было кортесами во время пребыванія ихъ въ Кадиксъ и затѣмъ въ столицѣ. Эта первая мѣра послужила сигналомъ къ цѣлому ряду гоненій противъ приверженцевъ либеральной партіи: вліятельнѣйшіе ея члены были тотчасъ же схвачены и посажены въ темницу, и чернь осыпала ихъ проклятіями въ то время какъ вели ихъ по улицамъ Мадрида.

Какъ знать, многіе изъ этихъ людей, быть-можетъ, вспомнили тогда пророческія слова которыя появились въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ официальной газеты короля Иосифа: „Вы — либералы — задались непреклонною мыслью

возстановить престоль Фердинанда, но помните же, что если теперь не хотите соединиться съ нами, то рано или поздно вы будете влечь такія же цѣпи какъ въ прежнее время....“

13-го мая имѣлъ наконецъ король торжественное вшествіе въ Мадридъ. Восторгъ народа дошелъ до какого-то опьяненія. Не только день, но цѣлую ночь оставался онъ на улицахъ, огапалъ воздухъ своими кликами, плясалъ и распѣвалъ невѣроятный, по своему безсмыслию, куплетъ, появившійся за нѣсколько времени предъ тѣмъ на столбахъ клерикальной *Atalaya*:

Vivan la cadenas,
Viva la opresion
Viva el rey Fernando,
Muera la nacion! *

Съ этого злополучнаго дня 13-го мая начинается въ Испаніи тяжкая и мрачная пора для всѣхъ кто отличался сколько-нибудь просвѣщеннымъ образомъ мыслей и независимыми убѣжденіями. Давно уже деспотизмъ не принималъ такихъ грубыхъ и безчеловѣчныхъ формъ. Фердинандъ назначилъ министерство, во главѣ коего стоялъ герцогъ Санъ-Карлосъ, но ни самъ герцогъ, ни его товарищи не пользовались значительнымъ вліяніемъ. Хотя то были люди навлекшіе въ 1808 году катастрофу на свое отечество и пріобрѣтшіе всѣмъ предшествовавшимъ своимъ образомъ дѣйствій крайне печальную репутацію, все-таки не рѣшались они сообразоваться безусловно съ требованіями безсмысленной черни и фанатическаго духовенства. Фердинандъ держалъ ихъ при себѣ противъ воли и лишь изъ уваженія къ европейскимъ дипломатамъ. Онъ считалъ ихъ слишкомъ прогрессивными; настоящими совѣтниками его, лицами имѣвшими постоянный и безпрепятственный къ нему доступъ и съ которыми любилъ онъ дѣлиться сокровенными своими помыслами, были мелкіе прислужники, которые находились при немъ во все время его пребыванія въ Валансе. Эта шайка камердинеровъ была составлена какъ бы на подборъ изъ отъявленныхъ негодяевъ, цыригановъ и донощиковъ, людей продажныхъ и развратныхъ, не останавливавшихся ни предъ

* „Да здравствуютъ цѣпи, да здравствуетъ гнетъ, да здравствуетъ король Фердинандъ,—смерть націи.“

какою подлостью. Тѣмъ не менѣе они были самыми довѣренными лицами при Фердинандѣ, а вмѣстѣ съ ними его духовникъ и нѣсколько монаховъ, между которыми особенно отличался Остолаца,—человѣкъ не лишенный дарованій, но въ высшей степени безразвѣтный: за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ управлялъ онъ сиротскимъ заведеніемъ въ Мадридѣ и вынужденъ былъ покинуть свою должность, уличенный въ развратномъ обращеніи съ дѣтьми. Вотъ тотъ кружокъ въ рукахъ котораго очутилось управление страной. Прошло лишь нѣсколько дней послѣ возвращенія Фердинанда, какъ уже обнаружилось вполнѣ чего можно было ожидать отъ начинавшагося царствованія. Тотчасъ же возстановлена была самая суровая цензура; инквизиціонный трибуналъ снова приступилъ къ своей дѣятельности; возбуждено было гоненіе противъ лицъ занимавшихъ должности по назначенію кортесовъ; появился также декретъ которымъ устанавливалось судебное преслѣдованіе относительно всѣхъ кто находился на службѣ у Французовъ—декретъ, подписанный королемъ который не зналъ границъ своему раболѣпью предъ Наполеономъ въ то время когда вся нація боролась съ непріятельскимъ нашествіемъ! Аресты приверженцевъ либеральной партіи продолжались ежедневно, и вскорѣ число несчастныхъ заключенныхъ въ темницы считалось уже тысячами; многочисленные шпионы слѣдили за каждымъ неосторожнымъ выраженіемъ, подсматривали кто въ церквахъ недостаточно усердно молится Богу, и инквизиція не задумывалась руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ ихъ словесными наставленіями. Фердинандъ съ какимъ-то артистическимъ наслажденіемъ принималъ самъ участіе въ распоряженіяхъ своей тайной полиціи. „Цѣлыя семейства мирныхъ гражданъ, доносилъ въ Берлинъ прусскій посланникъ Вертеръ, томатся въ заточеніи за неизвѣстныя преступленія. Нѣсколько ночей сряду король производилъ аресты во главѣ отряда войскъ...“ Представители либеральной партіи находились уже въ рукахъ правительства, но было между ними незначительное число занимавшихъ высшія должности въ военной и гражданской службѣ, которые уцѣлели отъ этого общаго погрома; ихъ спасали пріятельскія отношенія съ герцогомъ Веллингтономъ. Фердинандъ сильно желалъ дать имъ почувствовать свою ненависть, но опасался раздражить англійскаго полковода, который въ это время еще не

покидаютъ страны. Онъ прибѣгнулъ тогда къ другимъ средствамъ, и средства эти такъ рельефно выставляютъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица, что нельзя не упомянуть о нихъ. Въ юль 1814 года, напимѣръ, губернаторъ города Севильи получилъ приказаніе арестовать генераль-капитана Абисбала и немедленно вслѣдъ затѣмъ вскрыть препровожденный къ нему пакетъ, въ которомъ заключалось особое королевское повелѣніе; какъ же изумился онъ, когда узналъ изъ бумаги содержавшейся въ упомянутомъ пакетѣ что Абисбаль долженъ быть тотчасъ же разстрѣлянъ безъ всякаго суда и слѣдствія! Хотя воля короля была выражена весьма ясно, губернаторъ не рѣшился выполнить ее: боясь недоразумѣнія, онъ обратился съ запросомъ къ военному министру; поступокъ этотъ совершенно разстроилъ задуманный планъ. Военный министръ нашелся вынужденнымъ отвѣчать что дѣйствительно это произошло отъ „ошибки“ одного изъ чиновниковъ, который вскорѣ затѣмъ получилъ однако повышеніе, а недалновидный губернаторъ лишился своей должности.....

Говоря о бѣдственной политикѣ водворенной Фердинандомъ, мы должны остановиться здѣсь на одномъ изъ его дѣйствій, которое имѣло неисчислимыя послѣдствія для будущаго развитія Испаніи. Еслибы правительство ограничилось преслѣдованіемъ приверженцевъ либеральной партіи, то не создало бы, быть-можетъ, серьезныхъ опасностей для себя. Какъ уже не разъ было замѣчено нами, партія, о которой идетъ рѣчь, не отличалась многочисленностью и не имѣла глубокихъ корней въ странѣ; выдвинутая на первый планъ совершенно исключительными обстоятельствами, она утратила свое эфемерное вліяніе тотчасъ же послѣ реставраціи Бурбоновъ; Фердинандъ могъ, слѣдовательно, свирѣпствовать противъ нея не опасаясь раздражить массу народонаселенія. Но онъ самъ постарался создать для этой партіи силу на которую она могла опереться во всякое время. Злоба его обращена была столько же противъ либераловъ, сколько противъ всего военного сословія. Испанская армія, которая въ теченіе восьми лѣтъ сряду проливала кровь за отсутствующаго короля и отстояла ему престолъ, испытывая въ то же время невѣроятныя лишенія, сдѣлалась теперь предметомъ особенной ненависти со стороны Фердинанда. Онъ совершенно забывалъ объ оказанныхъ ею услугахъ

и помнилъ лишь что армія эта не только боролась съ непріателемъ, но и поддерживала порядокъ вещей при которомъ возникли ненавистныя ему реформы. „Король какъ бы умышленно обрекъ военное сословіе на голодную смерть, говорить г. Баумгартенъ, и не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія; конечно, испанскіе государи со временъ Карла I, за исключеніемъ лишь Филиппа V, отнюдь не отличались особеннымъ расположеніемъ къ солдатамъ; народъ также оставался къ нимъ равнодушенъ, но въ послѣдніе годы, когда независимость и существованіе монархіи покоились на остріѣ меча, настроеніе общества внезапно измѣнилось. Въ самомъ войскѣ господствовало гордое сознаніе что оно вполнѣ заслужило признательность короля, который былъ обязанъ ему сохраненіемъ короны. Понятно, слѣдовательно, что теперь, когда и офицеры, и солдаты подвергались въ одинаковой мѣрѣ самому оскорбительному обращенію, когда, вмѣсто признанія ихъ заслугъ, обрушились на нихъ гоненія и нищета, въ рядахъ арміи распространилось сильное озлобленіе противъ правительства. И озлобленіе это было вполнѣ основательно. Не только по мѣсяцамъ, но даже по цѣлымъ годамъ войска не получали вовсе жалованья; въ казармахъ, въ самомъ Мадридѣ, солдаты давно уже отвыкли отъ кроватей, а спали на голомъ полу. Пища ихъ была самая отвратительная; если таково было положеніе ихъ въ столицѣ, на глазахъ короля, можно составить себѣ понятіе о томъ что происходило въ провинціяхъ; тамъ они буквально умирали съ голоду; путешественники, посѣщавшіе Испанію въ описываемое время, разказываютъ, что непрерывно встрѣчались солдаты покрытые рубищами и просившіе милостыню; дезертирство распространилось въ огромныхъ размѣрахъ, и сами начальники не имѣли духу слѣшкомъ строго преслѣдовать это зло, въ виду бѣдствій которымъ подвергались ихъ подчиненные. Нѣкоторые изъ этихъ начальниковъ вынуждены были допускать дѣйствія не терпимыя ни въ какой благоустроенной арміи; они разсылали шайки мародеровъ по сосѣднимъ деревнямъ; въ Бургосѣ и Вальядолидѣ гарнизонныя полки, вмѣстѣ съ офицерами, отправились однажды церемоніальнымъ маршемъ на рынки и забрали всю провизію которая находилась тамъ. Конечно, это было отвратительно, но другихъ средствъ для пропитанія не существовало. Вотъ участь постигшая армію которая

не задолго предъ тѣмъ удивляла всю Европу своимъ мужествомъ и геройствомъ! Не забудемъ при этомъ, что правительство непрерывно выхватывало изъ рядовъ войска генераловъ и офицеровъ пользовавшихся вполне заслуженною популярностью, не разъ отличавшихся во время войны за независимость, и которые подвергались теперь заточенію или изгнанію за близкія связи съ либеральными членами бывшихъ кортесовъ. Неудовольствіе становилось всеобщимъ: оно было тѣмъ законнѣе что король, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ нищетѣ и бѣдствіямъ военного сословія, щедрою рукою раздавалъ деньги духовенству. Вскорѣ по возвращеніи его монахи получили нѣсколько милліоновъ на украшеніе двадцати монастырей и церквей въ одномъ лишь Мадридѣ; въ августѣ 1815 года поступило въ распоряженіе правительства 100.000 талеровъ, собранныхъ публикой по подпискѣ для несчастныхъ плѣнныхъ которые возвращались изъ Франціи буквально въ лохмотьяхъ, но даже и эта незначительная сумма была подарена Фердинандомъ монахамъ Атохскаго монастыря. Духовенству Эскуриала даны были средства перестроить свой храмъ съ неслыханною роскошью. Пусть же читатели сообразятъ всѣ эти факты, и понятно сдѣлается имъ почему политическіе перевороты, волнующіе Испанію послѣ 1815 года, отличаются постоянно военнымъ характеромъ. Армія, оскорбленная и презрѣнная правительствомъ, склонилась открыто на сторону революціонной партіи. Между ними уже тогда образовался тѣсный союзъ, который все болѣе укрѣплялся съ теченіемъ времени; сами по себѣ, испанскіе либералы далеко не имѣли силы измѣнить существовавшій порядокъ вещей, но они нашли опору въ военномъ сословіи. Это торжество опять-таки было подготовлено для нихъ вопіющею неспособностью и безразсудствомъ самого правительства, не понимавшаго собственныхъ своихъ интересовъ: фактъ, повторяемъ, крайне знаменательный и отразившійся важными послѣдствіями на политическомъ развитіи страны...

Мы сказали уже, что почти всѣ либеральные члены кортесовъ подверглись аресту. Въ темницѣ, обремененные дѣлами, ожидали они результата назначеннаго надъ ними судебнаго слѣдствія. Но никакой судъ, даже составленный изъ работящихъ клеветовъ правительства, не въ состояніи былъ, оставаясь на законной почвѣ, изречь карательный

приговоръ этимъ людямъ, дѣйствовавшимъ по полномочію народа, въ отсутствіе короля и среди чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а осудить ихъ произвольно, безъ всякаго уваженія къ справедливости, было не совсѣмъ удобно, потому что не только общественное мнѣніе Европы, но и многіе правительства интересовались участіемъ несчастныхъ депутатовъ. Дѣйствительно, безсмысленная и жестокая политика Фердинанда и его совѣтниковъ вызывала порицанія со всѣхъ сторонъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Англію герцогъ Веллингтонъ высказалъ откровенно свой образъ мыслей на этотъ счетъ. „Я не скрылъ отъ герцога Санъ-Карлоса и другихъ министровъ, пишетъ онъ лорду Касльри, что нынѣшнія дѣйствія короля вызываютъ негодованіе во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ, и что напрасно разчитывалъ бы онъ на какую-либо помощь со стороны Англіи прежде чѣмъ не станетъ сообразоваться въ своемъ управленіи съ либеральными принципами. Опасаюсь, впрочемъ, что увѣщанія мои не имѣли успѣха, ибо ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ, и не далѣе какъ вчера ночью снова трое несчастныхъ были брошены въ темницу.“ Англійскій полководецъ не ошибался, что правительство Фердинанда не обращало ни малѣйшаго вниманія на его совѣты. Если по внѣшности оказывало оно ему нѣкоторое уваженіе, то единственно въ надеждѣ вынудить отъ Англіи денегъ, но относительно этого пункта герцогъ Веллингтонъ тотчасъ же и самымъ безжалостнымъ образомъ разочаровалъ министровъ короля. Послѣ Веллингтона, братъ его сэръ-Георги Веллеслей, занимавшій попрежнему должность великобританскаго посла въ Мадридѣ, дѣйствовалъ въ такомъ же смыслѣ, но предетательство его предъ Фердинандомъ имѣло результатомъ своимъ лишь ухудшеніе судьбы заключенныхъ. Наконецъ, безобразія эти побудили европейскія державы на весьма важный шагъ. Въ сентябрѣ 1815 года Россія, Англія, Австрія и Пруссія отправили къ уполномоченнымъ своимъ при Мадридскомъ дворѣ инструкцію одинаковаго содержанія, въ которой говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Въ ряду событій сопровождавшихъ возвращеніе его католическаго величества на престолъ Испанскаго королевства, ни одно не возбуждало въ столь сильной степени интересъ европейской публики, какъ участь постигшая людей которые находятся нынѣ въ заточеніи за свой образъ дѣйствій во время отсутствія короля. Если упомянутые люди,

стараясь утвердить новую конституцію, и увлеклись крайними и дурно понятыми принципами, то это было лишь минутнымъ заблужденіемъ, вполне искупленнымъ непоколебимымъ мужествомъ и патриотизмомъ, съ которыми противились они всякой, несомнѣнной съ достоинствомъ страны, сдѣлкѣ съ неприятелемъ. Нельзя удивляться, слѣдовательно, что союзные государи принимаютъ живое участіе (*un vif intérêt*) въ судьбѣ несчастныхъ заключенныхъ; если воздерживались они доселѣ отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ пользу, то единственно въ надеждѣ что его католическое величество, изъ собственного чувства великодушія и справедливости, обнаружитъ имъ милость. “Кабинеты Петербургскій, Лондонскій, Вѣнскій и Берлинскій поручали своимъ уполномоченнымъ обсудить мѣры которыя могли бы способствовать освобожденію бывшихъ депутатовъ либеральной партіи и вообще не щадить никакихъ усилій для этой цѣли. Но и эта попытка осталась совершенно безплодною: посланники при Мадридскомъ дворѣ отвѣчали, что по твердому ихъ убѣжденію, основанному на несомнѣнныхъ данныхъ, всякія представленія съ ихъ стороны только раздражили бы короля и заставили бы его усугубить свои жестокости.

Въ высшей степени любопытно было бы изслѣдовать, кому принадлежала честь инициативы въ дѣлѣ о которомъ говорили мы сейчасъ? Болѣе чѣмъ сомнительно чтобы Вѣнскій дворъ выступилъ съ мыслью о вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла во имя требованій челоѣколюбія и справедливости; нельзя допустить также чтобы прусское правительство возымѣло эту мысль: оно весьма мало интересовалось событіями на Пиренейскомъ полуостровѣ и не охотно высказывалось по ихъ поводу. Вѣрнѣе всего, что Англія, раздраженная неблагоприятностью Фердинанда и видя что вліяніе ея въ Испаніи совершенно поггло, старалась возвысить либеральную партію, отъ которой и могла только ожидать благопріятной для себя перемены дѣлъ. Но одинъ Лондонскій кабинетъ не въ силахъ былъ увлечь за собой на этотъ путь европейскія правительства; онъ нуждался въ поддержкѣ, и все показываетъ, что ревностное содѣйствіе было оказано ему въ этомъ отношеніи императоромъ Александромъ. Участіе какое принимала тогда Россія въ испанскихъ событіяхъ было выставляемо до сихъ поръ иностранными писателями въ самомъ искаженномъ видѣ. На томъ основаніи что въ послѣдствіи, въ двадцатыхъ

годахъ, русское правительство являлось твердою опорой такъ-называемой консервативной политики, предполагали обыкновенно, что и съ самаго возвращенія Фердинанда въ Испанію оно одобряло ту систему бессмысленной реакціи, которую водворилъ этотъ государь въ своихъ владѣніяхъ. Дѣятельность нашего посланника при Мадридскомъ дворѣ, Д. П. Татищева, вызывала сильныя нареканія, и только теперь удалось г. Баумгартену, съ помощью многочисленныхъ и никогда еще не обнаруженныхъ документовъ, обнаружить до какой степени неосновательны подобныя заключенія. „Все, что было писано доселѣ объ интригахъ Татищева въ Мадридѣ, говоритъ онъ, находится въ грубомъ противорѣчій съ фактами и объясняется лишь страннымъ смѣшеніемъ двухъ совершенно различныхъ періодовъ времени; русскому посланнику приписываютъ между 1814—1820 годами ту роль которую преемникъ его игралъ послѣ революціи 1820 года. Не только не служилъ онъ опорой деспотическому произволу, какъ утверждаютъ обыкновенно во всѣхъ сочиненіяхъ, но постоянно стремился расположить короля въ пользу реформъ и примирительной политики. Россія поставила себѣ задачей спасти Испанію отъ того хаоса варварства и безсмыслия, въ который она была повергнута возстановленіемъ Бурбоновъ.“

Авторъ разбираемой нами книги задаетъ себѣ вопросъ, какія побужденія заставляли русское правительство дѣйствовать подобнымъ образомъ? По мнѣнію его, императоръ Александръ увлекался антагонизмомъ съ Англіей, — антагонизмомъ, который принимаетъ особенно сильныя размѣры послѣ 1815 года, „ибо во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ Россія и Англія преслѣдуютъ совершенно противоположные интересы: онѣ ведутъ борьбу по вопросу польскому, стараются побороть вліяніе другъ друга во Франціи, на Востокѣ и т. д.“ Основываясь на донесеніяхъ прусскихъ дипломатовъ, г. Баумгартенъ предполагаетъ, что императоръ Александръ имѣлъ въ виду установить тѣсный союзъ между бурбонскими дворами съ цѣлью противопоставить современемъ соединенныя ихъ морскія силы великобританскому флоту, и что для этого-то, между прочимъ, старался онъ заблаговременно ослабить вліяніе Англіи на Пиринейскомъ полуостровѣ. Мы не можемъ произнести рѣшительный приговоръ о предположеніяхъ такого рода, но по малой мѣрѣ кажутся они намъ

весьма странными. Если соперничество С.-Петербургскаго и Лондонскаго кабинетовъ въ Испаніи было до такой степени сильно, какъ увѣряетъ авторъ разбираемой нами книги, то нельзя не замѣтить, что соперничество это выразалось довольно оригинальнымъ образомъ: оба правительства дѣйствовали именно въ одинаковомъ смыслѣ, стараясь склонить короля Фердинанда къ благоразумнымъ реформамъ, указывая ему на гибельныя послѣдствія жестокой его политики и рискуя этимъ самымъ вызвать его раздраженіе противъ себя! Все это заставляетъ насъ думать, что не антагонизмъ съ Англіей, а совершенно другія побужденія, лежавшія въ настроеніи и образѣ мыслей императора Александра, руководили его политикой въ Испаніи. Онъ не могъ не сочувствовать этой странѣ, которая, подобно Россіи, обнаружила геройское сопротивленіе завоевателю, тогда какъ всѣ другія государства континентальной Европы преклонялись предъ нимъ въ прахъ; съ Испаніей заключенъ былъ у насъ союзный трактатъ (въ Великихъ-Лукахъ, 8-го іюля 1812 года) въ ту самую минуту когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ предѣлы нашего отечества; въ трактатѣ этомъ признается „законность“ не только кортесовъ, но и установленной ими конституціи *. Императоръ Александръ, какъ можно судить по этому, относился сочувственно къ попыткамъ испанскихъ политическихъ людей водворить у себя либеральныя учрежденія, и авторъ разбираемой нами книги имѣетъ полное право утверждать, что возрѣнія его нисколько не измѣнились послѣ реставраціи Бурбоновъ. Время реакціи еще не наступало; императоръ все еще оставался вѣренъ мысли которая была высказана имъ въ тронной рѣчи при открытіи перваго польскаго сейма: „докажите вашимъ современникамъ, что либеральныя учрежденія вполне согласуются съ порядкомъ и могутъ обезпечить истинное благоденствіе націй“; голосъ его постоянно возвышался въ пользу уступокъ со стороны правительствъ разумнымъ требованіямъ общества. Не достаточно ли этихъ причинъ чтобъ объяснить намъ живое участіе которое принималъ Александръ въ судьбахъ Испаніи, хотя никакіе близкіе интересы не связывали эту страну съ Россіей?

* См. ст. III трактата: „Его величество императоръ всероссійскій признаетъ законными генеральныхъ и чрезвычайныхъ кортесовъ, а равно и конституцію, ими учиненную и утвержденную.“

Вотъ почему не удивляемся мы, что императоръ Александръ постоянно заботился отклонить Фердинанда отъ губельнаго пути, избраннаго ~~этимъ~~ послѣднимъ тотчасъ по возвращеніи своемъ на престолъ. Онъ самъ не разъ писалъ королю, стараясь убѣдить его что „интересы Испанской монархіи и слава его царствованія тѣсно связаны съ системой умѣренности, которая одна можетъ загладить воспоминаніе о происшедшемъ и прочнымъ образомъ обезпечить будущее“. Татищевъ дѣйствовалъ, согласно своимъ инструкціямъ, точно въ такомъ же смыслѣ, и усилія его были по достоинству цѣнными испанскимъ обществомъ. Въ началѣ 1815 года распространились слухи о бракосочетаніи короля съ великою княжною Анною Павловною; нельзя рѣшить въ какой степени было основательно предположеніе такого рода, но политическія партіи были въ высшей степени заинтересованы имъ, сообразно тому какъ относилась каждая изъ нихъ къ вопросу о вліяніи Россіи. „Клерикалы, говоритъ г. Баумгартенъ, приходили въ ярость; либералы, напротивъ, смотрѣли на вступленіе Фердинанда въ бракъ съ сестрою Русскаго императора какъ на величайшее счастье которое могло быть ниспослано ихъ отечеству.“ Несмотря на то что дѣло это не имѣло никакого хода, Д. П. Татищевъ успѣлъ приобрѣсти значительное вліяніе при дворѣ; камарилья вынуждена была считаться съ нимъ какъ съ опаснымъ для нея противникомъ; онъ имѣлъ частыя свиданія съ королемъ, который выслушивалъ его одного, въ то время какъ видимо отстранялся отъ другихъ европейскихъ дипломатовъ находившихся въ Мадридѣ; къ сожалѣнію, не слѣдуетъ заключать изъ этого чтобы г. Татищеву удалось способствовать измѣненію системы которая возбуждала негодованіе всего цивилизованнаго міра. Иногда Фердинандъ сознавалъ, повидимому, опасность слѣдовать ей, онъ расточалъ нашему посланнику самыя утѣшительныя обѣщанія, но проходило послѣ того лишь нѣсколько дней, какъ мрачныя свойства его характера снова брали верхъ. Все это обнаружилось весьма рельефно въ знаменитомъ процессѣ либеральныхъ депутатовъ: мы говорили уже что судъ не нашелъ возможнымъ признать ихъ виновными, и король весьма положительнымъ образомъ объявилъ нашему посланнику, что они получаютъ свободу, какъ вдругъ, въ ноябрѣ 1815 года, собственною своею властью, презрѣвъ всѣ обычныя формы и не обращая ни малѣйшаго вниманія на увѣщанія и совѣты

европейскихъ правительствъ, онъ изрекъ суровый приговоръ надъ этими несчастными, уже цѣлыхъ двадцать мѣсяцевъ предъ тѣмъ томившимися въ темницѣ. Большинство ихъ было осуждено на каторжную работу въ колоніяхъ.

Казалось бы, что послѣ этого поступка нечего было ожидать отъ Фердинанда, какъ вдругъ произошло событіе поразившее всѣхъ своею неожиданностью. Король распустилъ прежнихъ своихъ совѣтниковъ и замѣнилъ ихъ новыми, между которыми первое мѣсто принадлежало министру финансовъ Гараи. То былъ человекъ весьма почтенный, всегда принадлежавшій къ рядамъ умѣренной либеральной партіи и уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ среди гоненія воздвигнутаго на людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Чѣмъ объяснить внезапное возвышеніе его среди тогдашнихъ обстоятельствъ? Г. Баумгартенъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ что то было дѣломъ исключительно одного Д. П. Татищева, которому удалось, наконецъ, убѣдить короля въ необходимости реформъ. И въ самомъ дѣлѣ, реформы были предприняты немедленно. Разумѣется, при этомъ не могъ возникнуть вопросъ о совершенномъ измѣненіи господствовавшей до тѣхъ поръ системы, ибо не въ натурѣ Фердинанда было отважиться на столь благодѣтельный поступокъ. Гараи ограничилъ поэтому свою задачу самыми скромными размѣрами; онъ рѣшился принести странѣ всю возможную пользу среди тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, и вниманіе его обращено было прежде всего на финансы, находившіеся въ бѣдственномъ состояніи: государственные доходы принесли въ 1816 году 597 милліоновъ реаловъ, расходы были изчислены въ 1051 милл., слѣдовательно, дефицитъ простирался до 454 милліоновъ. Помочь этому зау можно было только уничтоживъ привилегіи духовенства и дворянства, освобождая ихъ отъ платежа налоговъ, и именно въ такомъ смыслѣ составленъ былъ финансовый проектъ Гараи; но можно себѣ представить какое неистовое негодованіе возбуждено было имъ! Оно еще усилилось, когда сдѣлалось извѣстнымъ что на обсужденіе государственнаго совѣта внесенъ былъ вопросъ о весьма широкой амнистіи. Ежедневно приходили къ королю адреса, въ которыхъ старались выставить новаго министра революціонеромъ и якобинцемъ; монахи публично позорили его въ своихъ проповѣдяхъ; вліятельная партія при дворѣ пускала въ ходъ самыя изысканныя

интриги чтобы низвергнуть его. Если Гарай устоялъ съ самаго начала противъ этой бури, то единственно благодаря могущественной поддержкѣ которую оказывалъ ему русскій посланникъ. „Вліяніе г. Татищева, доносилъ берлинскому двору Вертеръ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ; король совершенно подчинился [ему, и ни одинъ министръ не дерзнетъ противиться его желаніямъ“, — но при этомъ всѣ видѣли что вліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, посвящено было на служеніе интересамъ столь же дорогимъ для Испаніи, сколько сочувственнымъ всему цивилизованному міру.

Надежды были такимъ образомъ возбуждены, но, увы! онѣ господствовали не долго.... Не трудно было замѣтить, что если король склонялся въ пользу преобразованій, то вовсе не потому чтобъ онъ подавилъ въ себѣ мрачныя инстинкты своей натуры или убѣдился доводами русскаго посланника въ зловредности своей политики. Онъ поддерживалъ Гарай въ ожиданіи что реформы, задуманныя этимъ послѣднимъ, обогатятъ казну, а деньги были ему крайне нужны для борьбы съ американскими колоніями. Борьба эта продолжалась съ самаго возвращенія его на престолъ и сильно истощала страну. Ежедневно предпринимались новыя экспедиціи за океанъ, требовавшія громадныхъ издержекъ, что не могло не отзываться весьма неблагоприятнымъ образомъ на заботахъ Гарай о поправленіи финансовъ. Русское правительство и тутъ вознамѣрилось оказать королю услугу. Оставааясь вѣрнымъ любимой своей мысли что либеральныя учрежденія могутъ обезпечить благоденствіе народовъ въ томъ только случаѣ, если они исходятъ сверху, а не являются плодомъ революціи, императоръ Александръ строго осуждалъ стремленія испанскихъ колоній въ Америкѣ къ независимости. Именно въ описываемое время обнародованъ былъ циркуляръ графа Нессельроде, въ которомъ говорилось, что „Европа не должна относиться равнодушно къ вопросу о томъ, какъ оградить обширныя области Новаго Свѣта отъ ужасовъ революціоннаго движенія“. Зная этотъ взглядъ нашего правительства, нельзя удивляться тому что оно рѣшилось оказать содѣйствіе Испаніи. Дѣло шло объ уступкѣ ей нѣсколькихъ морскихъ судовъ, а именно пяти линейныхъ кораблей и трехъ фрегатовъ. Переговоры ведены были чрезъ г. Татищева, но, къ сожалѣнію, подробности ихъ почти неизвѣстны намъ, [такъ] что мы не можемъ составить

себѣ надлежащаго понятія о всей этой любопытной исторіи. Знаемъ только что русская эскадра прибыла въ Кадиксъ осенью 1817 года; извѣщая объ этомъ событіи, официальная мадридская газета упоминала, что „могущественный Всероссійскій императоръ, оказавшій столь великія услуги Европѣ для освобожденія ея отъ позорнаго ига и для возстановленія повсюду законности и порядка, уступилъ мнѣнью правительству короля нѣсколько судовъ, чтобъ этими приращеніемъ морскихъ силъ Испаніи оградить торговлю, разсѣять паратовъ, спасти отъ анархіи вѣрноподаваемое населеніе за океаномъ и снова обезпечить Европѣ выгоды, которыхъ въ послѣднее время была она лишена вслѣдствіе преступныхъ воженій въ Америкѣ.“ Кто бы могъ предполагать, что событіе, должествовавшее, повидимому, еще болѣе усилить вліяніе Россіи, послужило, напротивъ, во вредъ ему? Король ласкалъ себя надеждою что эскадра будетъ въ состояніи тотчасъ же отправиться въ путь; на дѣлѣ обнаружилось что она требовала весьма значительныхъ исправленій, которыя могли затянуться почти на годъ; къ тому же, новыя издержки были въ высшей степени неприяты для испанскаго правительства, разчитывавшаго до тѣхъ поръ что упомянутое приобрѣтеніе принесетъ ему лишь громадныя выгоды.

Многочисленные враги г. Татищева при Мадридскомъ дворѣ успѣшили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ чтобы возстановить противъ него короля. Вліяніе его поколебалось до такой степени, что вскорѣ затѣмъ онъ вынужденъ былъ покинуть свой постъ и отправиться въ отпускъ, откуда уже не возвращался назадъ. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствія этого событія отразились особенно губительно на самой Испаніи: реформы, задуманныя Гарай, были тотчасъ же покинуты; лишившись могущественной поддержки русскаго посланника, онъ былъ не въ силахъ бороться съ реакціонною партіей и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описанной катастрофы не только лишился своей должности, но былъ отправленъ на жительство въ Сарагоссу...

Послѣ паденія Гарай могли ли ожидать чего-нибудь отъ правительства противника существовавшаго порядка вещей? Не странно ли было бы съ ихъ стороны предаваться еще какимъ-нибудь надеждамъ въ виду бессмысленнаго террора который усилился теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь? Положение страны представлялось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ:

дѣло дошло до того что всѣ сколько-нибудь просвѣщенные люди вынуждены были, по словамъ Вертера, вспоминать съ сожалѣніемъ даже о временахъ Карла IV и Годой! Правда, Испанія покрылась тогда позоромъ, но по крайней мѣрѣ не слышно было о тѣхъ оргіяхъ тираниіи которымъ предавался Фердинандъ со своими приближенными. Въ провинціи Валенсіи, напримѣръ (а по одной провинціи можно составить заключеніе о всемъ королевствѣ), генераль-капитанъ Эліо казнилъ въ теченіе пяти лѣтъ около 300 человекъ за политическія преступленія; несмотря на положительное запрещеніе закона, онъ подвергалъ подозрительныхъ лицъ страшнымъ пыткамъ. Въ одной изъ прокламацій своихъ къ жителямъ онъ говорилъ: „Ваша обязанность—указывать мнѣ на недовольныхъ, а моя—*истреблять* ихъ.“ И губернаторъ Эліо вовсе не составлялъ какого-либо исключенія среди другихъ правителей которые терзали и мучили страну. Находясь въ открытой враждѣ съ образованными классами общества, правительство Фердинанда въ то же время ровно ничего не сдѣлало и для матеріальнаго благосостоянія массы народа. Вслѣдствіе повсемѣстной нищеты подати съ трудомъ поступали въ казну, несмотря на неумолимую строгость чиновниковъ. Въ 1819 году велѣно было приостановить выдачу жалованья и пенсій всѣмъ лицамъ находящимся на службѣ. Въ то же самое время правительство рѣшилось прибѣгнуть къ принудительному займу у главнѣйшихъ мадридскихъ банкировъ и угрожало имъ заключеніемъ въ темницу, если они осмѣлятся отвѣчать отказомъ. Угроза имѣла успѣхъ, но въ послѣдствіи банкиры вынуждены были скрывать свои капиталы, не имѣя ни малѣйшаго ручательства что въ одно прекрасное утро они не подвергнутся официальному грабежу.

Въ теченіе шести лѣтъ король Фердинандъ исчерпалъ всѣ мѣры самаго грубаго произвола; и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи онъ совершенно разорилъ страну; всякій сколько-нибудь образованный человекъ между его подданными смотрѣлъ на него съ содроганіемъ; европейскія правительства не скрывали своего презрительнаго къ нему чувства. Чаша была такимъ образомъ полна. „Вы не можете составить себѣ даже приблизительнаго понятія о бѣдственномъ положеніи этой страны, писалъ Веллеслей лорду Касльри; единственное утѣшеніе при видѣ теперешняго

порядка вещей заключается въ твердомъ сознаниі что онъ не можетъ продолжаться долго. Всѣ достойные уваженія люди (all respectable men) живутъ надеждой и ожиданіемъ катастрофы, вслѣдъ за которою должны наступить болѣе счастливыя времена....“

V.

И катастрофа дѣйствительно наступила. Она никого не поразила своею неожиданностью, ибо возможно ли было предположить что люди, не утрачившіеся нѣкогда вступить въ борьбу съ Наполеономъ, согласятся теперь томиться подъ гнетомъ одичалыхъ отъ фанатизма монаховъ и презрѣнной камарильи? Уже начиная съ 1815 года заговоры слѣдовали быстро одинъ за другимъ. Мина, Порлье, Ришаръ, генералъ Ласи, графъ Мирбаль пытались измѣнить существовавшій порядокъ вещей, — но безъ успѣха. Всѣ эти попытки замѣчательны въ томъ лишь отношеніи, что въ нихъ преобладающее участіе принимало военное сословіе, обстоятельство отнюдь не удивительное для всякаго кто знаетъ какимъ незаслуженнымъ оскорбленіямъ подвергало правительство армию; замѣчательны онѣ также потому что представили много любопытныхъ фактовъ для характеристики Фердинанда, который обнаруживалъ самое постыдное малодушіе при наступленіи опасности и спѣшилъ вознаграждать себя неслыханными жестокостями послѣ того какъ опасность проходила; замѣчательны онѣ, наконецъ, въ томъ отношеніи, что если большинство общества и не содѣйствовало заговорщикамъ, то относилось къ нимъ скорѣе сочувственно чѣмъ враждебно. „Генералъ Ласи и его товарищи, писалъ Веллеслей, возбуждаютъ всеобщее соболѣзнованіе объ ихъ судьбѣ; неудивительно это, ибо всякій видитъ вопіющія злоупотребленія правительства и убѣжденъ что нѣтъ большаго грѣха въ желаніи измѣнить существующій порядокъ вещей.“

Но дѣла приняли другой оборотъ, когда около Кадикса сосредоточены были значительныя военныя силы для отправленія въ Америку. Въ одномъ мѣстѣ скопилось такимъ образомъ много революціонныхъ элементовъ, которыми отважныя люди могли, съ весьма основательною надеждой на успѣхъ, воспользоваться для своихъ цѣлей. Офицеры, по большей

части, сочувствовали перевороту; солдаты питали непреодолимое отвращеніе къ экспедиціи и были убѣждены что ихъ отправляютъ въ Америку на вѣрную смерть; не имѣя ни достаточно пищи, ни порядочной одежды, не получая вовсе жалованья, они громко роптали на свою судьбу,—а къ тому же желтая лихорадка, начавшая свирѣпствовать въ окрестностяхъ Кадикса, долженствовала еще усилить это мрачное настроеніе въ рядахъ войска. Подробности возстанія вспыхнувшего въ первыхъ числахъ января 1820 года слѣдующимъ образомъ извѣстны изъ множества сочиненій, чтобы слѣдовало намъ долго останавливаться на нихъ. Предводители этого возстанія были полковники Рафаэль Ріего, Антоніо Квироса и Санъ-Мигуель,—особенно первый изъ нихъ, уроженецъ Астуріи, обратившій на себя вниманіе отчаянною храбростію во время борьбы за независимость. „Человѣкъ съ пылкою головою, сильными страстями, но вовсе необразованный,— всегда готовый на самыя отважныя предпріятія, но неспособный обдумать ихъ и къ тому же проникнутый непомѣрнымъ тщеславіемъ“, — такъ говоритъ о Ріего г. Баумгартенъ, и читатель увидитъ изъ слѣдующаго разказа что отзывъ этотъ вполнѣ вѣренъ.

Первыя времена возстанія, о которомъ идетъ рѣчь, особенно замѣчательны для характеристики тогдашняго положенія Испаніи. Не слѣдуетъ думать чтобы заговорщики достигли съ самаго начала какого-либо рѣшительнаго успѣха; напротивъ того, дѣла приняли тотчасъ же такой оборотъ, что долженствовали внушить имъ тяжкое разочарованіе. Они пытались овладѣть Кадиксомъ, но безуспѣшно; они ласкали себя надеждой, что при первомъ же извѣстіи объ ихъ отчаянномъ подвигѣ, возмущеніе быстро охватитъ сосѣднія провинціи, а между тѣмъ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль ни одинъ городъ, ни одна деревня не сочли возможнымъ присоединиться къ нимъ. Еслибъ это продолжалось еще нѣсколько времени, то Ріего и Квироса должны были ожидать той же самой участи которая еще недавно постигла Портье и генерала Ласи; нужно было найти исходъ изъ этого отчаяннаго положенія, и вотъ почему рѣшено было что Ріего, во главѣ значительнаго отряда, отправится въ Андалузію, чтобы личнымъ своимъ вліяніемъ склонить тамошнее населеніе въ пользу революціи,—но и этотъ походъ не принесъ ни малѣйшей пользы; народъ встрѣчалъ заговорщиковъ

съ невозмутимой апатіей; „уныніе господствовало повсюду, говорить самъ Ріего, и жители обнаруживали сочувствіе къ намъ въ нѣкоторыхъ городахъ только тѣмъ, что привѣтствовали насъ изъ оконъ слабыми восклицаніями.“ Не забудемъ, что все это продолжалось цѣлый мѣсяць: невольно рождается вопросъ, почему же правительство не воспользовалось столь значительнымъ срокомъ чтобы принять мѣры для отраженія угрожавшей ему опасности? Вѣроятно, всякій, кто слѣдилъ за тогдашними событіями, былъ пораженъ этимъ загадочнымъ обстоятельствомъ, для объясненія коего надлежало имѣть вѣрныя свѣдѣнія о томъ что происходило въ королевскомъ дворцѣ. Невѣроятный хаосъ господствовалъ тамъ; Фердинандъ, по обыкновенію своему, тотчасъ же упалъ духомъ; онъ не могъ придумать никакого плана, не могъ остановиться ни на какомъ рѣшеніи и непрерывно обращался за совѣтами къ своимъ приближеннымъ, которые не менѣе его были озадачены событіями. Одни изъ нихъ совѣтовали поставить во главѣ министерства „энергическаго“ генерала Эліо и усугубить, если только это было возможно, систему террора; другіе предлагали даровать странѣ умѣренную конституцію; третьи — конфисковать имущество духовенства, и выплативъ съ помощью его жалованье арміи и гражданскимъ чиновникамъ, постараться сохранить прежній порядокъ вещей и т. д. Въ теченіе нѣсколькихъ дней или даже нѣсколькихъ часовъ король обнаружилъ готовность испробовать попеременно всѣ эти мѣры, причемъ происходили весьма оригинальныя явленія: 3-го февраля произведены были въ Мадридѣ, по совѣту друзей генерала Эліо, аресты въ громаднхъ размѣрахъ, такъ что въ тюрьмахъ оказалось недостаточно мѣста для всѣхъ заключенныхъ, а 6-го февраля сами приверженцы Эліо должны были отправиться въ изгнаніе.... Всѣ согласны, впрочемъ, въ томъ, что самъ Фердинандъ не прочь былъ отъ уступокъ (онъ всякій разъ расположенъ былъ къ намъ, когда приходилось имѣть дѣло съ вооруженнымъ возстаніемъ), но клерикальная партія, имѣвшая энергическую опору въ родномъ братѣ короля, донъ-Карлосѣ, одержала верхъ. Еслибы, по крайней мѣрѣ, она воспользовалась своимъ торжествомъ чтобы выступить противъ заговорщиковъ, но нѣтъ, — до самой послѣдней минуты правительство обнаруживало полное бездѣйствіе. Никогда еще презрѣнная неспособность его не проявлялась такъ рельефно

какъ въ эти критическія минуты. Положеніе страны было въ высшей степени странно; безсильное правительство и беспильная революція стояли другъ противъ друга какъ бы выжидаа кто изъ нихъ окажется слабѣе; приглядѣвшись къ дѣйствіямъ заговорщиковъ, можно было считать предпріятіе ихъ совершенно потеряннымъ, но стоило затѣмъ постѣтить дворецъ чтобы убѣдиться въ неминуемомъ торжествѣ революціи...

Общество, какъ мы уже сказали, оставалось безучастнымъ. Столько невзгодъ испытало оно въ послѣднее время, отъ столькихъ надеждъ принуждено было отказаться, такая апатія овладела имъ, что долгое время не рѣшалось оно присоединиться къ движенію. Видя, однако, бездѣйствіе правительства, оно ободрилось. Въ первой половинѣ февраля вспыхнуло возстаніе въ главнѣйшихъ городахъ Галиціи, которое окончательно смутило Фердинанда. Онъ пригласилъ въ Мадридъ генерала Баллестероса для совѣщаній, и Баллестеросъ объявилъ, что ему нѣтъ другаго средства спастись, какъ преклониться предъ революціей. 7-го марта появился декретъ возвыщавшій народу что король соглашается принести присягу въ вѣрности конституціи 1812 года.

Такъ произошелъ переворотъ, совершенно ниспровергнувшій прежній порядокъ вещей въ Испаніи. Какія же послѣдствія будетъ онъ имѣть для страны,—вотъ вопросъ, въ высшей степени интересовавшій теперь европейскую публику. Многие полагали что онъ не породитъ ничего кромѣ анархіи; многие опасались что либеральная партія, послѣ всѣхъ таковыхъ испытаній, претерпѣнныхъ ею, воспользуется успѣхомъ чтобы жестоко отомстить своимъ врагамъ, и что необходимымъ слѣдствіемъ того будетъ междуусобная война; многие, наконецъ, были убѣждены, и вполне справедливо, что при господствѣ хартіи 1812 года невозможно правильное развитіе конституціонно-монархическихъ учрежденій. Всѣ мрачныя предсказанія эти оказались, однако, слишкомъ преувеличенными. Конечно, испанской націи приходилось бороться съ огромными затрудненіями, но — какъ увидимъ мы изъ послѣдующаго разказа — она имѣла полную возможность выступить на вѣрный путь, и если не случилось этого, то главную вину слѣдуетъ приписать опять-таки королю Фердинанду.

Начать съ того что масса народа жаждала прежде всего спокойствія и далеко не сочувствовала уличнымъ вакханалі-

лѣтъ, которыя наступаютъ послѣ каждаго революціоннаго переворота. Когда собрались кортесы, то оказалось что большинство ихъ состояло изъ людей умѣреннаго образа мыслей; при содѣйствіи кортесовъ образовано было министерство, одушевляемое самыми лучшими намѣреніями; во главѣ его находились Аргуэльесъ и Перейра-де-Кастро, сильно пострадавшіе за свой образъ дѣйствій въ 1812 году, но возвращавшіеся теперь къ дѣламъ безъ малѣйшаго чувства злобы и раздраженія, а съ единственнымъ желаніемъ обезпечить благоденствіе своего отечества. Они открыто объявили, что задачей ихъ будетъ—примирить короля съ его прежними противниками, утвердить на прочныхъ основахъ господство разумной свободы и поддержать дружескія отношенія Испаніи къ европейскимъ правительствомъ, разсѣлавъ опасенія этихъ послѣднихъ относительно совершившейся революціи: программа весьма умѣренная, и никто не сомнѣвался что министры будутъ добросовѣстно трудиться надъ ея выполненіемъ. Вопросъ шелъ лишь о томъ, найдется ли въ странѣ достаточно сильная партія которая, чуждая столько же деспотическихъ, сколько и революціонныхъ стремленій, оказала бы имъ поддержку. До сихъ поръ этой партіи въ Испаніи не существовало. Нужно было создать ее вновь,—и еслибъ она возникла, то можно было бы приступить къ пересмотру конституціи, чтобы согласовать ее съ монархическою формою правленія и потребностями общества. Всѣ сколько-нибудь умѣренные и благоразумные люди сознавали, что трудно оставить конституцію такою, какою она вышла изъ рукъ прежнихъ кортесовъ: она устанавливала въ сущности республику, сохраняя въ то же время королевскую власть, которая была лишена всякаго дѣйствительнаго значенія и силы; она подчиняла министровъ строгой отвѣтственности предъ представительнымъ собраніемъ, а между тѣмъ министры не имѣли мѣста въ этомъ собраніи,—они являлись туда лишь по особому призыву и не имѣли права принимать участіе въ обсужденіи законовъ и отражать обращенныя противъ нихъ нападки. Ни въ какой другой странѣ міра не существовало столь ненормальнаго и неестественнаго порядка вещей....

Но очевидно, съ другой стороны, что прочное утвержденіе конституціонныхъ учрежденій являлось возможнымъ въ томъ лишь случаѣ, еслибы король захотѣлъ искренно содѣйствовать этой задачѣ. Трудиться же надъ разрѣшеніемъ ея, имѣя

протявъ себя фанатическую реакціонную партію, отчаянныхъ революціонеровъ, и въ то же время главу государства—подобное предпріятіе было не по силамъ, конечно, не только Аргуаллесу и его товарищамъ, при всей несомнѣнной ихъ добросовѣстности, но и людямъ съ несравненно болѣе блестящими талантами. Мы уже достаточно знаемъ характеръ Фердинанда чтобы понять на какого рода содѣйствіе съ его стороны могли разчитывать приверженцы конституціонной системы. Французскій историкъ Виль-Кастель * превосходно характеризовалъ тогдашнее положеніе Испаніи въ слѣдующихъ словахъ: „Весьма возможно было бы, говорить онъ, утвердить революціонное движеніе, еслибы король искренне присоединился къ своимъ министрамъ, еслибы успокоилъ публику и показалъ что отнюдь не думаетъ и не желаетъ возвратиться къ прежнему деспотизму. Къ сожалѣнію, не таковы были его дѣйствительныя намѣренія и цѣли. Онъ только и помышлялъ о томъ чтобы какъ можно скорѣе возстановить порядокъ вещей господствовавшій до 1820 года, — возстановить его какими бы то ни было средствами, съ помощью ли внутреннихъ заговоровъ, или чужеземнаго вмѣшательства. Съ отвращеніемъ соглашался онъ на тѣ мѣры которыя были способны упрочить порядокъ и спокойствіе въ странѣ. Тайныя козни его разрушали всѣ усилія умѣренныхъ людей (*moderados*, какъ называли они себя въ противоположность крайней партіи *exaltados*), желавшихъ честно служить коронѣ.“ 9-го іюля 1820 года Фердинандъ принесъ, въ присутствіи кортесовъ, торжественную присягу конституціи. Событіе это вызвало и въ народѣ, и въ умѣренной либеральной партіи энтузіазмъ, долженствовавшій поразить всякаго хладнокровнаго наблюдателя своими странными увлеченіями. Нѣкоторые члены кортесовъ предлагали воздвигнуть статую королю, другіе—увѣковѣчить привесеніе имъ присяги великолѣпною картиною, третьи — присоединить къ его титулу названіе „великаго“, и т. д. Словомъ, была минута когда исчезло, повидимому, всякое воспоминаніе о прошедшемъ, когда общество готово было съ неограниченнымъ довѣріемъ обратиться къ Фердинанду. Посреди этихъ восторговъ онъ одинъ оставался неизмѣнно

* *Histoire de la restauration*, t. IX, 160.

вѣренъ самому-себѣ. Они, невидѣвъ своихъ министровъ, находились въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ этими людьми, которые служили какъ бы живымъ упрёкомъ за его предвѣднѣйшій образъ дѣйствій, было для него самымъ тяжкимъ испытаніемъ. Назначая ихъ, король ласкалъ себя надеждой, что они будутъ держаться крайне революціонной политики, которая вызоветъ столкновение съ монархическою Европой, но когда обнаружилось, что Аргуэллесъ и его товарищи заботятся напротивъ объ умиротвореніи страны, онъ сталъ смотрѣть на нихъ какъ на личныя своихъ враговъ. Понятно до какой степени, вслѣдствіе того, было невыносимо положеніе совѣтниковъ короля. Они видѣли слабыя стороны конституціи 1812 года и сознавали необходимость произвести въ ней существенныя измѣненія, но къ чему повело бы предпріятіе такого рода. Оно породило бы сильную рознь въ рядахъ партіи содѣйствовавшей государственному перевороту и облегчило бы побѣду надъ этою партіей ея врагамъ. Съ другой стороны, упомянутыя нами измѣненія въ конституціи должныствовали усилить королевскую власть; но возможно ли было сомнѣваться хотя на одну минуту, что Фердинандъ воспользуется этимъ усиленіемъ своей власти для совершеннаго испроверженія либеральныхъ учрежденій? Такимъ образомъ роль министровъ была въ высшей степени двусмысленна: они желали бы отстаивать интересы короны и не могли, по совѣсти, рѣшиться на то; они не сочувствовали безсмысленнымъ увлеченіямъ крайней партіи, и не отваживались принять энергическія мѣры чтобъ обуздать ее. Страна попрежнему раздѣлена была на два лагеря — фанатиковъ-революціонеровъ и фанатиковъ-обскурантовъ: всякія попытки примирить эти крайности или образовать сильную среднюю партію, на которую правительство могло бы опереться въ заботахъ своихъ о прочномъ утвержденіи конституціоннаго порядка вещей, встрѣчали громадныя затрудненія на своемъ пути. А если обстоятельства и принимали по временамъ благоприятный для нихъ оборотъ, то король всегда стоялъ на готовѣ чтобы во всемъ своимъ вліяніемъ помѣшать успѣху этихъ попытокъ.

Трудно рѣшить съ какой стороны угрожали бѣднѣйшій опасности министерству Аргуэллеса — со стороны ли революціонеровъ, или со стороны упорныхъ защитниковъ деспотическаго правленія. Нельзя не отдать справедливости этимъ послѣднимъ

въ томъ отношеніи, что они, по крайней мѣрѣ, вполне ясно сознавали свои стремленія и цѣли. Совершенно другое—революціонная партія. Если будить по ея току, то можно было бы водумать что она держала въ своихъ рукахъ судьбы не только Испаніи; но судьбы всей Европы,— въ сущности же энергія ея проявлялась лишь въ громкихъ фразахъ и въ неутомимой агитаціи. Напрасно было бы повторять этимъ людямъ что приверженцы стараго порядка вещей въ странѣ весьма многочисленны и пользуются, чрезъ духовенство, большимъ вліяніемъ на народъ; напрасно было бы говорить имъ что европейскія державы относятся весьма враждебно къ испанской революціи; что необходимо, садовательно, при этихъ обстоятельствахъ дѣйствовать съ особенною осторожностью и искусствомъ, — экзальтадосы оставались глухи ко всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ. Съ самаго начала объявили они непримиримую войну министерству; умѣренная программа котораго казалась имъ измѣной національному дѣлу. Самоуверенность и кичливость этой партіи не знала никакихъ границъ. „Англія, говорилъ вліятельнѣйшій органъ ея въ печати, *Zurriago*, употребила цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ кровавой борьбы чтобъ утвердить у себя свободу; Франція стремилась къ той же цѣли путемъ войнъ и внутреннихъ потрясеній, продолжавшихся не менѣе четверти столѣтій; Испаніи же достаточно было для того шести лѣтъ террора и нѣсколькихъ дней прописанто... Быть-можетъ, не далеко то время, когда чужеземцы, которые нынѣ съ завистію и удивленіемъ смотрятъ на насъ, обратятся къ Испаніи, какъ къ странѣ благословенной свыше, чтобы поучаться у нея истинной свободѣ, недоступной доселѣ ихъ понятіямъ и несомнѣнной съ ихъ нравами и характеромъ.“ Внимательство Европы въ событія на Пиренейскомъ полуостровѣ представлялось революціонной партіи несбыточною мечтой. „Мы не боимся ничего и никого, повторяла она ежедневно: еслибы какому-либо изъ чужеземныхъ правительствъ пришла нелѣзная мысль идти наперекоръ нашей волѣ, мы дали бы ему маленькій урокъ, который не скоро изгладился бы изъ его памяти.“ И дѣйствительно, мадридскіе революціонеры—члены извѣстнаго *Café Lorenzini*,—готовы были бы, кажется, объявить войну всей Европѣ! Особенный восторгъ обуялъ ихъ, когда пронеслась вѣсть что въ королевствѣ Обихъ Сацаній вспыхнуло возстаніе, и что Неапо-

литанды провозгласили у себя испанскую конституцію 1812 года. „Теперь здѣшніе демагоги убѣждены, писалъ прусскій посланникъ, что конституція эта чуть ли не обладаетъ божественною силой....“ Не было бы большой бѣды, еслибы дѣло ограничивалось болѣе или менѣе шумными демонстраціями, но партія, о которой идетъ рѣчь, постоянно возбуждала чернь и противъ кортесовъ, и противъ министерства; засѣданія представительнаго собранія вовсе не пользовались свободой, ибо каждый изъ его членовъ зналъ очень хорошо, что если осмѣлится говорить и дѣйствовать въ разрѣзъ съ мнѣніемъ революціонныхъ клубовъ, то ему не избѣгнуть публичнаго оскорбленія; изъ провинцій приходили извѣстія что тамошнія юнты, возникшія тотчасъ послѣ переворота, отказывались повиноваться правительству. Словомъ, хаосъ былъ безпримѣрный. Напрасно министры употребляли всѣ усилія чтобъ умѣрить эту агитацию. Они обратились за содѣйствіемъ къ Ріего, который въ исходѣ августа прибылъ въ Мадридъ и встрѣтилъ тамъ торжественный приѣмъ; но тщетно доказывали они ему необходимость умѣренной политики, тщетно убѣждали его воспользоваться своею громадною популярностію для утвержденія конституціоннаго порядка вещей. Ріего объявилъ что вовсе не намѣренъ выслушивать совѣты, напротивъ, самъ хочетъ подавать ихъ, и горетѣмъ кто не послушается его словъ! Онъ не думалъ скрывать отъ министровъ что не успокоится до тѣхъ поръ пока не удастся ему низвергнуть ихъ, и дѣйствительно, во время пребыванія его въ Мадридѣ, смуты приняла особенно тревожный характеръ. Этотъ легкомысленный человѣкъ упивался еиміамомъ который расточала ему чернь и не могъ устоять противъ самой грубой лести....

Если революціонная партія объявляла непримиримую войну умѣренной политикѣ и постоянно утѣшала себя мыслью, что по примѣру поданному Испаніей, народныя движенія вспыхнутъ во всѣхъ другихъ государствахъ, то, очевидно, это происходило отъ того что она имѣла самое ложное понятіе о тогдашнемъ положеніи Европы. Безпрерывно ожидала она извѣстія о переворотахъ во Франціи, Германіи, даже Англійи.... Такія событія какъ убійство герцога Беррійскаго или заговоръ Тиславуда противъ британскихъ министровъ казались ей первыми признаками громадной катастрофы долженствовавшей наступить въ самомъ скоромъ времени, но проходила

день за днемъ, и ничто не оправдывало этихъ мрачныхъ предсказаній. Правда, правительства были въ высшей степени встревожены испанскою революціей и потрясеніями возникшими непосредственно вслѣдъ затѣмъ на Аппенинскомъ полуостровѣ; болѣе чѣмъ когда-нибудь были они убѣждены что происшествія эти находятся въ тѣсной связи между собою, и что ихъ слѣдуетъ приписать пропагандѣ какого-то таинственнаго комитета который, изъ Парижа, раскинулъ свои сѣти по всей Европѣ. Мы знаемъ теперь, что опасенія эти были чрезчуръ преувеличены: государственные люди извѣстной школы умышленно эксплуатировали ихъ для своихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ настроеніе европейскихъ кабинетовъ угрожало весьма серьезными опасностями Испаніи. Вотъ чего Аргуэллесъ никакъ не могъ растолковать вожакамъ анархической партіи, которые считали священнымъ долгомъ воздвигать ему препятствія на каждомъ шагу. Тщетно повторяя онъ имъ что этимъ нелѣпнымъ образомъ дѣйствій они какъ нельзя лучше помогаютъ королю, что только умѣренной и осторожною политикой можно помѣшать замысламъ реакціонеровъ и обезоружить неудовольствіе Европы, которая не упустила бы, конечно, удобнаго случая вмѣшаться въ испанскія событія. Факты доказывали, что это послѣднее предположеніе было болѣе чѣмъ основательно. По крайней мѣрѣ англійскіе государственные люди съ самаго начала нисколько не сомнѣвались въ немъ и всячески старались не допустить его осуществленія, ибо, въ случаѣ вмѣшательства, первая роль долженствовала принадлежать Франціи, которая такимъ образомъ получила бы возможность утвердить свое вліяніе на Пиринейскомъ полуостровѣ. Веллингтонъ вступилъ, по этому поводу, въ дѣятельную корреспонденцію съ французскимъ первымъ министромъ, герцогомъ Ришелье: онъ напоминалъ ему, что въ теченіи шести лѣтъ не менѣе 600.000 человекъ двинуто было Наполеономъ за Пиринеи, и что значительной ихъ части не суждено уже было увидѣть снова свое отечество; всѣ невѣроятныя усилія французской арміи остались безплодными предъ ненавистью испанскаго народа къ чужеземцамъ. „Вотъ почему, говорилъ знаменитый полководецъ, не совѣтую я французскому правительству отваживаться на вмѣшательство; воспоминанія о послѣдней войнѣ еще живы въ народѣ, который и теперь, съ неменьшею энергіей, ополчится за независи-

мость своего отечества. Но голосъ Ангаи раздавался одиноко среди другихъ великихъ державъ. Весьма скоро получила онъ возможность опредѣлить свои отношенія къ событіямъ, совершившимся на Пиринейскомъ полуостровѣ, и случай этотъ былъ доставленъ имъ Россіей. Еще въ самыхъ первыхъ числахъ марта 1820 года правительство наше предлагало союзнымъ кабинетамъ приступить къ обмѣну мыслей относительно возникшей революціи, а 20-го апрѣля (2-го мая) препроводило въ Парижъ, Лондонъ, Вѣну и Берлинъ подробную депешу и меморандумъ по тому же самому предмету. Эти два документа въ высшей степени замѣчательны, ибо сопоставивъ ихъ съ послѣдующими, можно слѣдить шагъ за шагомъ какимъ образомъ развивались возрѣнія императора Александра подъ вліяніемъ идей Священнаго Союза. Въ упомянутое нами время императоръ выражалъ еще открыто сочувствіе свое къ порядку вещей, который, между прочимъ, по собственной его инициативѣ и вопреки совѣтамъ остальныхъ европейскихъ правительствъ, только что былъ утвержденъ въ Польшѣ. Мы знаемъ уже что тупая и жестокая реакція, господствовавшая послѣ 1814 года въ Испаніи, отнюдь не пользовалась его одобреніемъ; мало того, русское правительство употребило самыя искреннія усилія чтобы склонить Фердинанда къ благоразумію и умѣренности; если радовалось оно возвращенію его на престолъ, то не переставало вмѣстѣ съ тѣмъ питать желаніе чтобы „власть испанскаго короля, въ обоихъ полушаріяхъ, опиралась на учрежденія которыя, въ благородныхъ и чистыхъ своихъ принципахъ, дѣйствуютъ тѣмъ благотворнѣе чѣмъ правильнѣе ихъ происхождение.“ Точно также и послѣ переворота, способствовавшаго ограниченію этой власти, русское правительство не имѣло въ виду возстановленія прежняго деспотизма; оно выражало мысль что либеральныя учрежденія могутъ обезпечить спокойствіе и благоденствіе испанскаго народа, но лишь съ слѣдующею важною оговоркою: „если свободныя учрежденія исходятъ отъ престола, то отличаются консервативнымъ характеромъ, если же возникаютъ въздѣствіе внутреннихъ смутъ и потрясеній, то не способны породить ничего кромѣ хаоса“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается основной взглядъ, съ которымъ Петербургскій кабинетъ приступалъ къ обсужденію испанскихъ событій. Онъ предлагалъ союзнымъ дворамъ обратиться

къ новому правительству короля Фердинанда съ слѣдующимъ коллективнымъ заявленіемъ: „Монархи никогда не переставали желать счастья Испаніи, и желанія эти остаются неизмѣнными, до сихъ поръ. Они желали чтобы, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, политическія учрежденія, соотвѣтствующія успѣхамъ цивилизаціи и потребностямъ времени, обезпечили на долгое время миръ и благоденствіе испанскому народу, и продолжаютъ желать того же самаго и теперь. Они желали чтобы учрежденія эти, правильнымъ возникновеніемъ своимъ, принесли дѣйствительную пользу странѣ, и держатся донынѣ того же образа мыслей. Правительство его католическаго величества пойметъ, слѣдовательно, съ какими смущеніемъ узнали государи о событіяхъ совершившихся въ мартѣ мѣсяцѣ. По мнѣнію ихъ, собственные интересы Испаніи и спокойствіе Европы требуютъ, чтобы зло это было исправлено, чтобы пятно было смыто, чтобы отстраненъ былъ поводъ къ соблазну. Честь подобнаго дѣла долженствуешь, повидимому, принадлежать кортесамъ. Они могутъ открыто выразить порицаніе мѣрамъ употребленнымъ для утвержденія новаго порядка вещей и, не переставая заботиться объ упроченіи разумнаго конституціоннаго правленія, издать строгіе законы противъ анархіи и мятежа. Тогда, и только тогда, въ состояніи будутъ союзные кабинеты сохранить дружественныя и искреннія отношенія къ Испаніи.... Если кортесы послѣдуютъ этимъ спасительнымъ совѣтамъ, если, отъ имени націи, представляютъ они доказательство повиновенія королю, то революція потерпитъ пораженіе въ ту самую минуту когда она мечтала уже достигнуть полнаго своего торжества; если же суждено произойти прѣтвивому, то державы исполнятъ по крайней мѣрѣ священнѣйшій долгъ, воспользовавшись происходящими нынѣ событіями для заявленія о принципахъ, дѣлахъ и намѣреніяхъ общевропейскаго союза....“ Таково было предложеніе русскаго правительства. Очевидно, что оно не могло удовлетворить ни ту, ни другую сторону: Испанцы должны были считать оскорбительнымъ для себя внимательство во внутреннія ихъ дѣла, имѣвшее дѣлью предписать имъ опредѣленную программу дѣвствій, съ угрозой, что если они не выполнятъ эту программу, то подвергнутся гнѣву Европы; что касается Австріи и Пруссіи, имъ не могло нравиться внимательство на такія основанія которыя были задуманы императоромъ

Александромъ, т. е. вѣзвѣстательство, выражавшее въ сущности симпатію къ конституціонному порядку вещей. Франція опасалась броситься въ войну; Англія заблаговременно выражала порицаніе этой войнѣ.... Вотъ почему мысль, выраженная русскимъ правительствомъ, не имѣла вначалѣ успѣха, но уже тогда можно было видѣть что всѣ эти колебанія и разногласія между кабинетами, за исключеніемъ только англійскаго, спадаютъ мало-по-малу подъ вліяніемъ общей вражды ихъ къ испанской революціи. Они одинаково считали ее опасною и гибельною для Европы; одинаково были убѣждены въ необходимости положить ей конецъ, и вопросъ шелъ лишь о томъ чтобы приискать средство для достиженія этой цѣли, не возбуждая столкновенія между взаимными своими интересами. Князь Меттернихъ съ особенною ревностью трудился надъ этою задачей, и что старанія его увѣнчались, успѣхомъ, это обнаружилось вскорѣ на Лайбахскомъ конгрессѣ. Въ виду колеблющейся Франціи и Англіи, все болѣе и болѣе отстранявшейся отъ идей Священнаго Союза, ему удалось установить тѣсное соглашеніе между тремя сѣверными державами; удалось также достигнуть того что императоръ Александръ началъ замѣтно уклоняться отъ идей которыя были имъ выражаемы до тѣхъ поръ. Въ Лайбахѣ императоръ говорилъ французскому уполномоченному Ла-Феронне: „Чѣмъ я былъ, тѣмъ остаюсь теперь, и останусь навсегда. Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить, но можно ли вводить ихъ безъ различія у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію; ясное дѣло, что свобода и права, которыми можетъ пользоваться такая просвѣщенная нація какъ ваша, не применимы къ отсталымъ и невѣжественнымъ народамъ обоихъ полуострововъ.“ Во имя этой теоріи о непригодности либеральныхъ учрежденій для извѣстныхъ націй, былъ испровергнутъ конституціонный порядокъ вещей только что возникавшій въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и ясны были для всякаго сколько-нибудь проникательнаго человѣка послѣствия подобной политики: Генцъ, factotum князя Меттерниха, вполнѣ вѣрно опредѣлялъ ихъ, замѣтивъ, что поражаая неаполитанскую революцію, союзники этимъ самымъ „морально объявляли войну революціи испанской...“

Еслибы демагоги, утвердившіе свое господство въ Мадридѣ,

обладали сколько-нибудь здоровымъ политическимъ смысломъ, то предназначеніе это не пропало бы для нихъ, конечно, даромъ. Отрезвившись отъ нелѣпыхъ своихъ увлеченій, они должны были бы открыто соединиться вокругъ министерства, и держась строго законной почвы, отнять у короля возможность поощрять смуты, которыя могли послужить европейскимъ правительствамъ поводомъ для вмѣшательства. Но такое благоразуміе было совершенно чуждо имъ: они шли, очертя голову, на встрѣчу анархіи, не замѣчая того что подобный образъ дѣйствій съ ихъ стороны въ высшей степени радовалъ Фердинанда...

VI.

Всѣ средства испробованы были королемъ—и законныя, и незаконныя, — чтобы подорвать ненавистный ему порядокъ вещей. Въ ряду первыхъ изъ нихъ находилось предоставленное ему конституціей право *veto*. Онъ воспользовался имъ вскорѣ послѣ созванія кортесовъ и притомъ относительно такой законодательной мѣры, настоятельная необходимость которой была признаваема всѣми просвѣщенными людьми. Нельзя было извлечь страну изъ матеріальнаго и нравственнаго упадка, въ которомъ она находилась, не ограничивъ прежде всего привилегіи духовнаго сословія и громаднаго богатства скопившіяся въ его рукахъ. Духовенство нисколько не заботилось объ исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей и оставалось равнодушнымъ къ бѣдствіямъ народа, между тѣмъ какъ поземельная собственность, принадлежавшая ему, цѣнилась въ сотни милліоновъ. И къ тому же собственность эта была распределена далеко неравномѣрно; она составляла исключительное достояніе монастырей. Бѣлое духовенство терпѣло страшную бѣдность, а, на примѣръ, главный монастырь въ Севильѣ получалъ ежегоднаго дохода два съ половиной милліона реаловъ, помимо трехъ милліоновъ которые шли на содержаніе архіепископа. Статистика испанской церкви представляла поразительныя цифры: въ Астуріи, на примѣръ, считалось 35 народныхъ школъ и 43 монастыря, въ Каталоніи 99 училищъ и 109 монастырей съ 6.000 монаховъ, и т. д. Правительство не имѣло другаго средства помочь печальному финансовому положенію страны, какъ наложить

руку на громадныя церковныя имущества, и оно не остановилось предъ этою задачей; въ сентябрѣ 1820 года кортесы утвердили, по предложенію Переца-де-Кастро, законъ, главнѣйшія распоряженія коего состояли въ слѣдующемъ: имъ устанавливалось различіе между монашескими орденами нищенствующими (frailes) и всеми остальными, какъ, напримеръ, Бенедиктинскими, Августинскими и т. п. Эти послѣдніе, со включеніемъ рыцарскихъ духовныхъ орденовъ Сантъ-Яго, Калатравы, Алькантары, лишены были права имѣть свои монастыри; что же касается до монастырей нищенствующихъ орденовъ, то они удѣляли, но подъ условіемъ полного подчиненія ихъ мѣстнымъ епископамъ. Движимая и недвижимая собственность всѣхъ монастырей безъ различія, и оставшихся, и закрытыхъ, переходила въ казну, которая обязывалась выдавать опредѣленное содержаніе какъ монастырямъ, такъ и братствамъ монастырей прекративших свое существованіе....

Съ мрачнымъ предчувствіемъ вотировали кортесы этотъ законъ, служившій съ ихъ стороны послѣднимъ, рѣшительнымъ вызовомъ клерикальной партіи. Ожиданія ихъ вполнѣ оправдались. Духовенство тотчасъ же ударило въ набатъ, а король объявилъ что оовѣсть воспреещаетъ ему утвердить мѣру, которая противорѣчила основнымъ и самымъ дорогимъ его убѣжденіямъ. Обычные совѣтники короля, имѣя во главѣ своей папскаго нунція и донъ-Карлоса, твердили ему, что если онъ отважится на уступку которой потребовали отъ него министерство и кортесы, то навсегда лишится содѣствія духовнаго сословія и очутится однимъ лицомъ къ лицу съ революціонною партіей. По мнѣнію ихъ, именно теперь наступила благоприятная минута объявить войну новому порядку вещей и воспламенить фанатизмъ народонаселенія. Но подобная открытая война была вовсе не по характеру Фердинанда. Онъ упорствовалъ до тѣхъ поръ пока могъ сдѣлать это безъ видимой опасности для себя. Лишь только обнаружилось въ столицѣ волненіе, лишь только клубы выступили съ обычною своею агитаціей, какъ онъ потерялъ всякое присутствіе духа и согласился утвердить законъ. Клерикалы были въ отчаяніи, но король надѣялся искорѣнить ихъ другими средствами....

Онъ сдѣлался душой всѣхъ интригъ направленныхъ къ испроверженію новыхъ учрежденій. Дворецъ представлялъ

въ высшей степени странное зрѣлище: по утрамъ король принималъ министровъ, выслушивалъ ихъ доклады, совѣщался съ ними о государственныхъ дѣлахъ, а вечеромъ, потаенными ходами, собирались къ нему различные агенты, изъ которыхъ каждый приносилъ ему готовый планъ, какимъ образомъ компрометтировать этихъ самыхъ министровъ и приготовить ихъ погибель. Еще гораздо прежде, въ мартѣ 1820 года, нѣкто Хаварри (прусскій посланникъ Вертеръ называетъ его „жестокимъ и кровожаднымъ человѣкомъ“) предложилъ Фердинанду покинуть тайно Мадридъ, отправиться въ сѣверныя провинціи и издать оттуда манифестъ объ отменѣ конституціи. Уже сдѣланы были надлежащія для того приготовленія; начертанъ былъ подробный маршрутъ короля и собраны на каждой станціи вооруженные люди долженствовавшіе сопровождать его; но въ условленное время у Фердинанда не хватило духа выполнить это намѣреніе, а между тѣмъ правительство попало на слѣды заговора и успѣло захватить главнѣйшихъ его виновниковъ. Эти послѣдніе сдѣлали полныя и подробныя показанія. Смущенные министры поспѣшили къ самому королю чтобъ узнать отъ него истину, и король вынужденъ былъ сознаться имъ что принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ! Событіе, о которомъ говоримъ мы, поставило Аргуэлеса и его товарищей въ положеніе въ высшей степени затруднительное. Какъ надлежало поступить имъ? Освободить арестованныхъ? Но это значило обнадежить и ихъ, и людей одинаковаго съ ними образа мыслей, полною безнаказанностью на будущее время. Обнадежить Фердинанда? Но въ такомъ случаѣ радикальная партія окончательно взяла бы верхъ и осуществила бы, быть-можетъ, замыслы, которые должныствовали имѣть своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ междуусобную войну въ Испаніи. Именно въ описываемое нами время партія эта производила агитацію противъ министерства, о характерѣ которой можно составить понятіе по слѣдующему отрывку изъ главнаго ея органа *Zurriago*: „Доколѣ же будете вы, дьявольскіе министры, злоупотреблять нашимъ долготерпѣніемъ? Никому неудивительно, конечно, что вы недостойны внушеніямъ чести, ибо для вашихъ подлыхъ душъ только золото и власть имѣютъ приманку. Но берегитесь; скоро раздастся трубный звукъ, по которому стекутся въ столицу свободные люди, вооруженные съ ногъ до головы,

страшные съ виду, давшіе клятву произвести всеобщій разгромъ и разрушеніе. Если народъ сдѣлалъ важную ошибку, обнаруживая вамъ до сихъ поръ свое милосердіе, то теперь онъ вполне понимаетъ, что вѣрнѣйшее средство свергнуть свои цѣли, это—истребить васъ....“

Люди, выражавшіе такимъ образомъ свое озлобленіе противъ конституціонныхъ министровъ, не могли быть совсѣмъ неприятны Фердинанду. Правда, они были непримиримыми его врагами, но король ласкалъ себя надеждой, что лишь только выступили бы они на первый планъ, какъ вся Европа поспѣшила бы избавить его отъ этой напасти. Вотъ почему онъ пришелъ къ убѣжденію что слѣдовало не подавлять, а поощрять ихъ; планъ заговора при содѣйствіи реакціонеровъ не удался,—надлежало завязать сношенія съ экзальтатосами. Король не отступилъ даже и предъ этимъ отчаяннымъ средствомъ: духовникъ его, патеръ Цирило, получилъ приказаніе начать переговоры съ Алькала Галионо, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ героев революціонныхъ клубовъ,—переговоры, клонившіеся къ тому чтобы низвергнуть умѣренное министерство и образовать новое изъ приверженцевъ радикальной партіи. И это въ ту самую минуту когда европейскія правительства были убѣждены что Фердинандъ употребляетъ всѣ усилія для обузданія революціи! Коварный поступокъ короля не укрылся, однако, отъ бдительности Аргуэлеса и его товарищей, и эти люди, въ теченіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ искренно и честно трудившіеся надъ упроченіемъ конституціоннаго порядка вещей, подвергавшіеся наглýmъ оскорбленіямъ за стремленіе свое возстановить достоинство королевской власти и примирить съ Испаніей Европу, окончательно упали теперь духомъ. Они сами рѣшились сдѣлать уступки революціонерамъ и впервые измѣнили такимъ образомъ прежней своей программѣ, которая была бы, конечно, выполнена ими, еслибы встрѣтила сколько-нибудь твердую поддержку со стороны короля. Послѣдствія упомянутаго событія были именно таковы какъ и слѣдовало ожидать: анархическая партія, расположенія коей заскивали одновременно и Фердинандъ, и министры, получила высокое понятіе о своемъ вліяніи и могуществѣ и готова была преслѣдовать самыя дикіе планы. Именно въ упомянутое время возникаетъ въ ея средѣ такъ называемое общество „Сыновъ Падильи“, — избравшее своимъ образцомъ докъ-Хуана де-Падилю, знаменитаго вождя

демократическаго движенія при Карлѣ V. Но если демократы XVI вѣка имѣли опредѣленную цѣль, то никакъ нельзя сказать того же объ ихъ потомкахъ: странная церемонія установленная ими для вступленія въ общество, — церемонія сильно напоминавшая довь-Кихота, — присяга которую приносили новопосвященные „защищать свободу и права всего человѣческаго рода“, вести борьбу съ тиранами, умерщвлять всякаго изъ сочленовъ который отказался бы „предать свою шею палачу, свой трупъ пламени, а пепелъ вѣтру“, — все это отъзывалось слѣшкомъ мистическимъ характеромъ и обнаруживало совершенное отсутствіе здраваго политическаго смысла. Союзъ съ подобною партіей былъ совершенно невозможенъ для Аргуэлеса и людей одинакаго съ нимъ образа мыслей. Они сами сознавали это, сознавалъ это и король, который вознамѣрился нанести имъ рѣшительный ударъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: 1-го марта 1821 года, при открытіи обыкновенной сессіи кортесовъ, Фердинандъ произнесъ тронную рѣчь, сочиненную, разумѣется, официальными его совѣтниками, но каково же было изумленіе присутствующихъ, когда, по окончаніи рѣчи, прибѣгнувъ оны къ запальчивымъ выходкамъ противъ министровъ, обвиняя ихъ въ томъ что своею слабостью и отсутствіемъ энергіи они потворствуютъ анархическому состоянію страны? Возможно ли было имъ послѣ столь вопіющаго скандала оставаться на мѣстѣ?

Давнишнія желанія Фердинанда осуществились. Оны удалилъ отъ управленія ненавистныхъ ему людей. Для всякаго было ясно что теперь оставался ему одинъ выборъ — окружить себя приверженцами реакціонной партіи и объявить открытую войну конституціи, или же броситься въ объятія революціонеровъ, стараясь показать въ то же время Европѣ, что эти новые совѣтники навазаны были ему силой, и что оны сдѣлались несчастною жертвою обстоятельствъ. Подобный образъ дѣйствій вполне соответствовалъ тайнымъ видамъ короля, но опять-таки у него не хватило рѣшимости остановиться на немъ. Долгое еще время послѣ раказаннаго нами событія обращался оны къ лицамъ которымъ, по убѣжденіямъ своимъ, нисколько не отличались отъ своихъ предѣстниковъ, но по крайней мѣрѣ оны имѣлъ удовольствіе видѣть что новые министры не пользовались ни жалѣйшимъ авторитетомъ

и видѣть не встрѣчали себя опоры. Не только крайнія партіи; но даже люди которые дѣйствовали доселѣ въ одномъ съ ними лагерѣ не могли простить имъ что они приняла наслѣдіе Аргуэллеса послѣ всѣхъ тѣхъ незадавленныхъ оскорбленій которымъ подвергался этотъ достойный государственный человѣкъ со стороны Фердинанда. Вотъ почему министерство, во главѣ коего находилась сначала донъ-Рамоны-Фелиу, а за нимъ Мартинесъ де-ла-Рова, было до такой степени безсильно, что вступленіе его въ должность ознаменовало ослабленіе всѣхъ узъ которыми еще поддерживался, по внѣшности, общественный порядокъ. Оно оставалось совершенно безпомощнымъ среди ожесточенной борьбы партій, изъ которыхъ каждая не признавала надъ собою никакого закона. Безпрерывная агитація экальтадосовъ породила страшныя сцены въ Мадридѣ: уже нѣсколько мѣсяцевъ содержался тамъ въ темницѣ одинъ изъ придворныхъ капеллановъ, Винуэза, по обвиненію въ заговорѣ для испроверженія конституціи; 4-го мая огромная толпа черни двинулась къ мѣсту его заточенія, выломала двери и избила солдатъ которые вздумали защищаться. Винуэза вышелъ навстрѣчу къ своимъ врагамъ съ крестомъ въ рукѣ, но тотчасъ же былъ умерщвленъ самымъ варварскимъ образомъ, и трупъ его былъ растерзанъ на части; чернь бросилась затѣмъ къ другимъ тюрьмамъ, гдѣ содержались политическіе преступники, и только подоспѣвшимъ войскамъ удалось воспрепятствовать дальнѣйшему кровопролитію. Черезъ нѣсколько времени послѣ того возстаніе повторилось въ столицѣ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, по поводу извѣстія что Риго былъ лишенъ должности и отправленъ на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ: правительство отважилось на эту мѣру, получивъ вѣрныя свѣдѣнія что онъ составилъ планъ водворить республиканскія учрежденія не только въ Испаніи, но даже во Франціи, для чего вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ тамошними радикалами. Французскій посланникъ, графъ де-Лагардъ, требовалъ немедленнаго удовлетворенія, и трудно было отвѣчать ему отказомъ при тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ въ которыхъ находилась Испанія къ сосѣдней державѣ. Но соображенія такого рода имѣли весьма мало цѣны въ глазахъ радикальной партіи, считавшей поступокъ Риго весьма естественнымъ. Провинціи представляли невротичес-

зрѣлице. Во многихъ изъ нихъ мѣстныя власти прямо отказывали въ повиновеніи центральному правительству, произвольно устанавливали и отменяли налоги, сочиняли для себя особые законы. „Нужно прибавить къ этому, говорить г. Баумпартенъ, что въ средѣ самихъ радикаловъ господствовали сильныя раздоры: общество сыновъ Падильи вело непримиримую войну съ масонами, масоны враждовали съ клубами, городская милиція съ регулярными войсками, войска ступенчатая съ морскими, одни полки съ другими и т. д. Малое честолюбіе и самый презрѣнный эгоизмъ выступали съ несмѣненнымъ цинизмомъ, жертвуя драгоценнѣйшими интересами государства своимъ корыстнымъ разчетомъ.....“

Возможно ли было ожидать чтобы реакціонная партія не воспользовалась столь благоприятными для нея обстоятельствами? Она была убѣждена что теперь наступила самая удобная минута дѣйствовать, и Фердинандъ вполне согласился съ нею. Въ исходѣ іюля мѣсяца онъ снова возвратился къ любимой своей мысли о бѣгствѣ изъ Мадрида; на этотъ разъ заговоръ былъ задуманъ весьма искусно и долженъ былъ состоять изъ шести гвардейскихъ баталіоновъ, вполне преданныхъ королю. Планъ состоялъ въ томъ что часть гвардейцевъ затѣветъ драку съ городской милиціей, а другіе воспользуются суматохой чтобы вывести Фердинанда изъ столицы. Все случилось именно такъ какъ было предположено, ожесточенная схватка возгорѣлась на улицахъ, лилась кровь, но Фердинандъ не показывался изъ дворца, ибо опять овладѣлъ имъ тотъ же припадокъ мамоушнѣя въ которомъ онъ никогда не умѣлъ справиться въ критическія минуты. Замыселъ такимъ образомъ рушился, но реакціонная партія зашла саашкомъ далеко чтобъ остановиться на половинѣ пути; къ тому же страсти были раздражены въ высшей степени; радикалы почували опасность и приготовили все штры для отраженія удара. Прежній планъ былъ измѣненъ: рѣшено было, что гвардейскіе баталіоны, о которыхъ мы упоминали выше, соберутся въ окрестностяхъ дворца, что король лично приметъ надъ ними начальство, и что среди бѣлаго дня, послѣ упорной битвы, они силой выведутъ его изъ Мадрида. На разсвѣтъ 3-го іюля городъ раздѣлился на два лагеря на одной сторонѣ милиція, на другой войска неказавшіяся въ непоколебимой вѣрности

Фердинанду. Положеніе министерства, во главѣ коего находился теперь Мартинесъ де-ла-Роза, было въ высшей степени затруднительно; оно недоумѣвало куда присоединиться ему, не сочувствуя успѣху ни той, ни другой партіи, и сочло самымъ благоразумнымъ сложить съ себя бремя управления. Единодушно поспѣшило оно подать просьбу объ отставкѣ, но король не принявъ этой просьбы; министры настаивали,—король объявилъ имъ что они находятся пѣнными во дворцѣ и угрозами понуждалъ къ исправленію своихъ обязанностей. Такимъ образомъ эти люди, употреблявшіе всѣ старанія чтобъ отстранить междуусобную борьбу, выуждены были присутствовать безсиальными зрителями этой борьбы, зная очень хорошо что на нихъ прежде всего обрушатся удары реакціонной партіи, есаибы суждено было ей остаться побѣдительницей! Между тѣмъ войска ожидали только сигнала чтобы начать наступательныя дѣйствія; король и на этотъ разъ обманулъ ихъ надежды,—онъ не захотѣлъ лично принять начальство надъ ними, но тѣмъ не менѣе полученъ былъ отъ него приказъ атаковать противниковъ. Страшная битва закипѣла на улицахъ Мадрида, но результатъ ея оказался далеко не такимъ какъ можно было предполагать въ началѣ: милиціонеры обнаружили необыкновенное мужество и обратили въ бѣгство регулярныя войска. Фердинандъ остался среди этой катастрофы вполнѣ вѣренъ самому себѣ. Убѣдившись что дѣло окончательно проиграно, онъ вышелъ на балконъ и криками: „бейте ихъ, бейте ихъ!“ побуждалъ милицію преслѣдовать своихъ собственныхъ преверженцевъ. Фактъ этотъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но вполнѣ безпристрастные свидѣтели подтверждаютъ его—и въ томъ числѣ дипломатическій агентъ прусскаго правительства, Шенпелеръ. „Когда гвардейскіе баталіоны выуждены были спастись въ беспорядочномъ бѣгствѣ, говоритъ онъ, его католическое величество возбуждалъ милиціонеровъ противъ этихъ несчастныхъ....“ На другой день король принималъ въ торжественной аудіенціи главнѣйшихъ предводителей радикальной партіи, объявилъ свою признательность милиціи и назначилъ строгое судебное свидѣствіе надъ виновниками заговора!

Событія, о которыхъ говорили мы сейчасъ, имѣли отроенныя послѣдствія для страны. Если король Фердинандъ въ теченіи почти двухъ лѣтъ сряду старался подорвать вліяніе

людей умѣреннаго образа мыслей, ревностно заботившихся о правильномъ развитіи конституціонныхъ учрежденій, то это удалось ему теперь вполне: открытъ не только никто не вѣрилъ въ успѣхъ задуманнаго ими дѣла, но они сами покачали головой предъ испытанными ими неудачами. Имъ не оставалось ничего болѣе какъ сойти съ политическаго поприща, или присутствовать безсильными зрителями совершавшихся событій. Страна сдѣлалась жертвой двухъ крайнихъ и ожесточенныхъ одна противъ другой партій, борьба между которыми могла быть рѣшена только оружіемъ. Уже заранѣе не трудно было предвидѣть на чьей сторонѣ останется побѣда: приверженцы стараго порядка вещей пользовались, посредствомъ духовенства, значительнымъ вліяніемъ на массу народа и имѣли достаточное основаніе разчитывать что европейскія правительства не откажутъ имъ въ энергической поддержкѣ. На первое время, впрочемъ, преобладаніе осталось за партией только что нанесшею тяжкое пораженіе своимъ противникамъ. Она приобрѣла огромное большинство въ представительномъ собраніи; главный ея вождь, Рафаель Ріего, избранъ былъ въ должностъ президента кортесовъ; новое министерство, послѣ выхода въ отставку Мартинеса де-ла-Роза и его товарищей, разыгравшихъ поневолю столь печальную роль во время іюльскихъ событій, составлено было изъ ревностныхъ ея приверженцевъ. Во главѣ этого министерства находился Санъ-Мигуэль, одинъ изъ героевъ революціоннаго движенія 1820 года, сдѣлавшійся потомъ душою мадридскихъ клубовъ и непримиримымъ противникомъ умѣренной политики. Принявъ въ свои руки заведываніе иностранными дѣлами, онъ получилъ отъ короля полномочіе назначить на всѣ другія министерскія должности людей принадлежавшихъ къ одному съ нимъ лагерю. Радикальная печать предалась неистовому восторгу: она твердила единодушно что теперь „наступилъ часъ свободы для всей Европы“ и обѣщала Фердинанду полное забвеніе прошедшаго, если онъ будетъ неуклонно держаться избраннаго имъ пути. Новое министерство постановило себѣ задачей оправдать какъ можно скорѣе это довѣріе къ нему его единомышленниковъ: будучи твердо убѣждено что всѣ бѣдствія страны происходили отъ робости и слабодушія умѣренной партіи, отъ ея потворства королю и опасенія возбудить гнѣвъ европейскихъ правительствъ, оно рѣшилось слѣдовать

въ своей политикѣ совершенно противоположнымъ правиламъ. Какіе же результаты достигнуты были цѣль на этомъ пути? „Несчастіе испанскаго народа, говоритъ п. Баумгартель, заключалось въ томъ что его умѣренная партія далеко не была умѣренною, а радикальная далеко не радикальною, что умѣренные, обившись съ пути, вынужденны были прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ, — радикалы же, хотя и обладали избыткомъ анархическихъ силъ которыя въ клубахъ, въ печати и на площадяхъ поддерживали непрерывное броженіе, но совершенно были лишены революціонной энергіи, при которой за словами тотчасъ же слѣдуютъ соответствующія дѣйствія. Поставленные лицомъ къ лицу съ королемъ, эти пресловутые агитаторы не умѣли произвести ничего кромѣ оскорбительныхъ, но безплодныхъ демонстрацій..... Въ средѣ кортесовъ обнаруживали они самое жалкое безсиліе и отсутствіе всякаго политическаго смысла. Вместо того чтобы преслѣдовать какую-нибудь опредѣленную, положительную цѣль, они только усиливали всеобщее замѣшательство и свѣшили облачь свои фантастическія доктрины въ форму законовъ, до такой степени ненавистныхъ, что число ихъ враговъ увеличивалось съ каждымъ днемъ....“ Санъ-Мигуэль вышелъ, какъ мы знаемъ, изъ рядовъ этой радикальной партіи и отнюдь не возвышался надъ нею умомъ, проникательностью и талантами. Онъ полагалъ что обнаружитъ достаточную энергію въ управленіи, если прибѣгнетъ къ жестокостямъ противъ приверженцевъ стараго порядка вещей, и въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительно неутомимъ. Удары обрушились прежде всего на бывшаго губернатора Эліо. Конечно, много мрачныхъ преступленій таготало на душѣ этого человека который до 1820 года былъ усерднымъ исполнителемъ деспотическихъ мѣръ Фердинанда, но онъ былъ отнюдь не виноватъ въ томъ преступленіи въ которомъ его обвиняли, — въ послѣднихъ смутахъ, обрызгавшихъ кровью Мадридъ. Съ трудомъ нанявъ человека который согласился быть прадѣвателемъ военнаго суда; адвокатъ не посмѣлъ произнести записки; не взирая на отсутствіе доказательствъ, Эліо былъ приговоренъ къ смертной казни удавленіемъ, и приговоръ этотъ исполненъ при громадномъ стеченіи народа.

А между тѣмъ торжество радикальной партіи называлось явленіемъ; какого можно было ожидать уже съ давнихъ поръ.

Враги конституціи; потерявъ, въ слѣдствіе слабодушія Фердинанда, цѣлый рядъ неудачъ въ заговорахъ, рѣшились теперь дѣйствовать независимо отъ него и вызвать междуусобную войну въ странѣ. Духовенство, и во главѣ его монахи, выступили съ проповѣдью крестоваго похода противъ новаго порядка вещей: въ городахъ и селахъ, съ крестомъ въ одной рукѣ и оружіемъ въ другой, проповѣдывали они народу, что нищета, голодъ и наконецъ желтая лихорадка, начинавшая свирѣпствовать въ послѣднее время, являлись заслуженнымъ наказаніемъ, которое ниспосылало небо за злодѣянія либераловъ. Повсюду формировались ополченія исполненныя духомъ ненависти и фанатизма; въ концѣ 1821 года удалось предводителямъ этого возстанія овладѣть весьма важнымъ пунктомъ, крѣпостью Сео-де-Уржелъ, въ самомъ центрѣ Пиринеевъ, на границѣ съ Франціей. Здѣсь-то образовалось временное правительство, имѣвшее во главѣ своей Матафлориду, барона Эрмеса и архіепископа Таррагонскаго, которое поклялось не полагать оружія, до тѣхъ поръ пока не увѣнчаетъ своего дѣла полнымъ успѣхомъ, и обращалось къ Европѣ съ мольбами о помощи.

Но европейскія державы и безъ того уже, болѣе чѣмъ когда-нибудь, склонялись къ внимательству....

VII.

До самаго исхода 1821 года, правительства связаннаго системою Священнаго Союза не покидали надежды что въ средѣ самого испанскаго народа найдется достаточно элементовъ способныхъ обуздать революціонное движеніе. Теперь эти надежды рушились окончательно: власть перешла въ руки радикаловъ, и Фердинандъ, подобно Лудовику XVI, находился у нихъ въ плѣну. Каждая депеша изъ Мадрида приносила вѣстину о террорѣ, которымъ революціонная партія старалась поразить своихъ противниковъ. Явленія такого рода должны были отзываться весьма тягостно прежде всего въ соседней Франціи, гдѣ не задолго предъ тѣмъ герцогу Рашемъ вынуждено было выйти въ отставку, и образовалось новое министерство, вліятельнѣйшими членами коего были Вилласъ, Монморанси и Корбьеръ. Новые совѣтники Лудовика XVIII находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ клери-

кальною партией и питали, конечно, самыя недружелюбныя чувства къ порядку вещей господствовавшему за Пиринеями. Лично Вилмелъ не расположенъ былъ, впрочемъ, къ вмешательству, боясь что война потребуеъ огромныхъ жертвъ, которыя оказались бы не подъ силу Франціи при крайне разстроенномъ положеніи ея финансовъ, но по этому вопросу онъ находился въ постоянномъ разногласіи съ остальными своими товарищами—преимущественно съ Монморанси—отнюдь не раздѣлявшими его мнсеній. Осенью 1821 года французское правительство учредило пограничный кордонъ, вслѣдствіе желтой лихорадки свирѣпствовавшей въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи; хотя зимой эпидемія прекратилась почти совершенно, упомянутая мѣра не только не была отменена, но напротивъ, на югъ Франціи скоплялись многочисленныя военныя силы, назначеніе коихъ не было тайной ни для кого. Подъ покровомъ ихъ формировались ополченія, безпрепятственно вторгавшіяся въ Каталонію и Арагонію. Тщетны были всѣ жалобы и представленія испанскихъ министровъ: они должны были убѣдиться что Тюльерійскій кабинетъ не скрываетъ своего враждебнаго къ нимъ расположенія, хотя дѣло и не дошло еще до явнаго разрыва.

Отъ Веронскаго конгресса зависѣло рѣшеніе вопроса, присоединится ли Франція къ политикѣ трехъ сѣверныхъ державъ, окончательно склонившихся къ мысли о необходимости подавить насильственными средствами испанскую революцію. Англійское правительство употребляло чрезвычайныя усилія чтобы воспрепятствовать этому результату, Уполномоченный его, герцогъ Веллингтонъ, отправляясь въ Верону, посѣтилъ на пути Парижъ и старался доказать тамъ что предполагаемая война, не обѣщая никакихъ выгодъ Франціи, можетъ поставить ее въ весьма затруднительное положеніе. Изъ переговоровъ своихъ съ Вилмелемъ онъ вынесъ почти твердую увѣренность, что Тюльерійскій кабинетъ намеренъ тщательно уклоняться отъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ. Но совершенно другое настроеніе нашелъ онъ въ Веронѣ, куда въ октябрь 1822 года прибыли императоръ Русскій въ сопровожденіи графа Нессельроде, князя Ливена и Поццо-ди-Борго, императоръ Австрійскій съ Меттернихомъ и Генцеми, король Пруссійскій съ принцами Вильгельмомъ и Карломъ, графомъ Бернсдорфомъ и барономъ Гумбольдтомъ.

Александръ при первомъ же свиданіи высказалъ англійскому уполномоченному, что Испанія сдѣлалась главнымъ притономъ революціи и якобинизма; что королю Фердинанду и всему его семейству угрожаютъ страшныя опасности; что зараза можетъ легко распространиться на воѣ другія государства, и преимущественно на Францію; что образъ дѣятельности державъ на Аппенинскомъ полуостровѣ опредѣляетъ роль которой должны онѣ сдѣлать относительно Испаніи, тѣмъ болѣе что Фердинандъ, еще болѣе настойчиво чѣмъ неаполитанскій король, взываетъ къ нимъ о помощи. Не будучи въ силахъ поколебать убѣжденія императора, герцогъ Веллингтонъ возлагалъ всѣ свои надежды на Францію, безъ содѣйствія коей державы не въ состояніи были предпринять ничего рѣшительнаго. Онъ зналъ, что представителямъ ея на конгрессѣ, Монморанси и Шатобриану, даны были инструкціи составленныя въ смыслѣ осторожной и уклончивой политики Виллеля. Въ инструкціяхъ этихъ говорилось между прочимъ: „Франція, будучи единственною державою которая призвана дѣйствовать вооруженною силою за Пиринеями, одна имѣетъ право опредѣлять когда должна наступить необходимость прибѣгнуть къ этимъ дѣйствіямъ. Французскіе уполномоченные не должны соглашаться на то чтобы конгрессъ предписалъ Франціи какъ слѣдуетъ ей вести себя относительно Испаніи.“ Еслибы Монморанси и Шатобрианъ сообразовались въ точности съ этими предписаніями, то конгрессъ не остановился бы ни на какихъ положительныхъ мѣрахъ. Герцогъ Веллингтонъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ и заранѣе извѣщалъ Каннинга, что единственнымъ результатомъ конференціи будетъ предоставленіе испанскаго народа его собственной судьбѣ. Но дѣла внезапно приняли такой оборотъ, какого англійскій уполномоченный не могъ предвидѣть при всей своей провидательности. Подъ вліяніемъ собственныхъ своихъ увлеченій и поддаваясь обаятельному для нихъ увѣщаніямъ князя Меттерниха, французскіе дипломаты заговорили языкомъ далеко не соответствовавшимъ намѣреніямъ ихъ правительства. Монморанси обратился къ конгрессу съ вопросами такого рода: 1) Въ случаѣ, если Франція вынуждена будетъ прервать дипломатическія сношенія съ Испаніей, союзныя державы сдѣлаютъ ли то же самое? 2) Если война возгорится между Франціей и Испаніей, то въ какой формѣ союзники дадутъ первой изъ этихъ державъ

нравственную опору, которая должна сообщать ей действительную силу общеевропейскаго авторитета и внушить спасительный страхъ революціонерамъ всѣхъ странъ? 3) Если окажется необходимымъ действительное вмешательство союзниковъ, то на какую матеріальную помощь съ ихъ стороны въ состояніи разчитывать Франція? На всѣ эти вопросы русское правительство успѣло отвѣчать безъ всякихъ ограниченій и условій. „Россія, оказано было въ запискѣ ея уполномоченныхъ, разчитываетъ съ полною увѣренностью на то что Франція воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ чтобъ оказать всѣмъ европейскимъ государствамъ услугу, которой они въ правѣ ожидать отъ ея провинцательности, ея международнаго положенія и принциповъ руководящихъ ея правительствомъ. Съ своей стороны императоръ нисколько не колеблется заявить о готовности оказать Тюльерійскому кабинету ревностное содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ о которыхъ упоминается въ вопросныхъ пунктахъ герцога де-Монморанси.“ Пруссія и Австрія высказались гораздо сдержаннѣе: онѣ соглашались прервать дипломатическія сношенія съ Мадридомъ и обѣщали Франціи всякую нравственную опору, относительно же матеріальной помощи не рѣшались идти такъ далеко какъ С.-Петербургскій кабинетъ. Хотя дѣло подвинулось такимъ образомъ значительно впередъ въ смыслѣ весьма неблагоприятномъ для Англіи, герцогъ Веллингтонъ все еще не терялъ надежды на сохраненіе мира: и действительно, державы предлагали свое содѣйствіе французскому правительству, но все-таки ни отъ кого болѣе какъ отъ этого правительства зависѣло рѣшеніе вопроса, вступить оно, или нѣтъ, въ явную вражду съ Испаніей? Самообозначеніе англійскаго уполномоченнаго продолжалось не долго: оно было совершенно уничтожено предложеніемъ, съ которымъ выступилъ князь Меттернихъ въ засѣданіи конгресса 31-го октября. Упомянувъ объ опасностяхъ, ежеминутно угрожающихъ королю Фердинанду, и объ оскорбительности, надвигавшейся на нѣтъ, который усвоили себѣ испанскіе министры въ сношеніяхъ съ Европой, австрійскій канцлеръ настаивалъ на необходимости для союзниковъ обратиться въ Мадридъ съ тождественными или составленными въ одинаковомъ смыслѣ нотами, въ которыхъ было бы выражено строгое порицаніе установленнаго тамъ порядка вещей; въ то же время ему казалось полезнымъ опредѣлить

заранѣе тѣ случаи которые слѣдовало считать законнымъ поводомъ къ войнѣ, а также количество войскъ долженствующихъ быть выставленными каждою державою, ихъ расположеніе, маршруты и т. п. Напрасно усиливался герцогъ Веллингтонъ воспрепятствовать этой мѣрѣ, утверждая что она отличается явно непріязненнымъ характеромъ. Мысль князя Меттерниха была одобрена всеми присутствовавшими на конгрессѣ, и вѣкорѣ вслѣдъ затѣмъ отправлены были къ испанскому правительству ноты одинаковаго содержанія, съ настоятельнымъ требованіемъ измѣнить политическую систему.

Что же происходило, между тѣмъ, въ Мадридѣ? Тамъ господствовалъ полный хаосъ, ибо новое радикальное министерство рѣшительно не было въ состояніи справиться со своими собственными приверженцами. Если вступленіе его въ должность привѣтствуемо было какъ самое счастливое событіе для страны, то теперь, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, оно успѣло уже возбудить сильное негодованіе за свой мнимо умѣренный образъ дѣйствій и подвергалось столь же ожесточеннымъ нападкамъ какъ и его предшественники. Чтобы зажать ротъ ораторамъ революціонныхъ клубовъ Санъ-Мигуэль сознавалъ необходимость обнаружить чѣмъ-нибудь свою энергію, а лучшимъ для того средствомъ было, съ его точки зрѣнія, возбудить усиленныя преслѣдованія противъ реакціонной партіи. Съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1822 года, потребовалъ онъ отъ кортесовъ чтобы министерство облечено было чрезвычайною властью, чтобы ему предоставлено было право распускать по произволу муниципальные совѣты въ городахъ, устанавливать военные суды для политическихъ преступленій, контролировать приговоры всѣхъ обыкновенныхъ судовъ, подвергать штрафу сельскія общины которыя не оказывали противодѣйствія мятежнымъ шайкамъ, запрещать неблагонадежныя газеты и т. д. Кортесы одобрили всѣ предположенія Санъ-Мигуэля, министерство получило огромныя права, но сдѣлалось ли оно отъ этого сильнѣе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующая характеристика тогдашняго состоянія Испаніи, вышедшая изъ-подъ пера англійскаго посланника Гервея: „еслибъ я находился въ какой-либо другой странѣ, говорить онъ, то не сомнѣвался бы ни на минуту въ необходимости близкаго и рѣшительнаго кризиса; но видѣть дѣйствительность разбиваетъ въ прахъ всѣ, даже, повидимому, самыя основательныя предпо-

ложенія. Вотъ картина, представляющаяся здѣсь взору каждаго безпристрастнаго наблюдателя: правительство совершенно безсильное и играющее роль жалкаго орудія въ рукахъ партіи, которая непрерывно наталкиваетъ его на крайнія и безсмысленныя мѣры; армія ничтожная числомъ, съ весьма сомнительнымъ настроеніемъ духа, не получающая жалованья, дурно одѣтая и не имѣющая понятія о дисциплинѣ; мятежъ принимающій съ каждымъ днемъ все болѣе грозныя размѣры; крестьянское сословіе открыто недоброжелательное установленному порядку вещей; высшіе каассы не способные ни на какія пожертванія и съ идиотскимъ равнодушіемъ вззирающіе на ходъ событій; даже тѣ изъ нихъ которые желали бы переменъ не отваживаются произвести ее, ибо страшатся, съ одной стороны, торжества якобинцевъ, а съ другой—клерикаловъ....“ Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ будущее рисовалось въ весьма мрачномъ свѣтѣ, но мадридскіе демагоги умышленно закрывали глаза на опасность и предавались самому неслѣпому самообольщенію. Имъ ли было пугаться Европы, когда они были, напротивъ, убѣждены, что всѣ европейскіе кабинеты со страхомъ и трепетомъ смотрятъ на Испанію? *Zurriago* ежедневно утѣшалъ ихъ баснями о томъ что въ Россіи господствуетъ сильное революціонное броженіе, что прусское правительство не отваживается собирать свои войска даже для маневровъ—до такой степени ненадежно ихъ настроеніе,—что Лудовикъ XVIII изнемогаетъ въ борьбѣ съ тайными обществами, и т. д. Немедленно послѣ отъѣзда изъ Вероны государей принимавшихъ участіе въ конгрессѣ, Англія сдѣлала Мадридскому кабинету предложеніе вступить въ союзъ съ нимъ, подъ тѣмъ лишь условіемъ чтобы были произведены нѣкоторыя существенныя измѣненія въ конституціи 1812 года, но едва пронесся объ этомъ слухъ, какъ радикальная печать забила тревогу. „Никакихъ переменъ, никакихъ уступокъ“, — таковъ былъ ея лозунгъ! Министерство Санъ-Мигуэля работало подчинялось этому настроенію окружавшей его среды и не умѣло принять никакихъ мѣръ могшихъ отстранить отъ Испаніи угрожавшія ей опасности....

Въ началѣ января 1823 года прибыли въ Мадридъ депешы кабинетовъ Тюльерійскаго, Петербургскаго, Висскаго и Берлинскаго. Графъ де-Лазаръ прежде другихъ товарищей своихъ до дипломатическому корпусу и независимо отъ нихъ

сдѣлалъ сообщеніе испанскому правительству: депеша, которую было поручено ему прочесть С. Мигуэлю, принадлежала перу Шатобриана, который не задолго предъ тѣмъ занялъ мѣсто герцога Монморанси. Выходъ въ отставку прежняго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ возбудилъ сильныя надежды на сохраненіе мира, ибо всѣмъ было извѣстно что онъ покинулъ свою должность вслѣдствіе неудовольствія возбужденнаго его образомъ дѣйствій на конгрессѣ; но надежды эти тотчасъ же разсѣялись при назначеніи его премьера. Шатобрианъ былъ ревностнымъ приверженцемъ мысли о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ испанскія дѣла; онъ съ горячностью проповѣдывалъ эту мысль на конгрессѣ; онъ отстаивалъ ее противъ Виллея, и обстоятельства видимо склонялись въ его пользу. Содержаніе французской депеши, точно такъ же какъ подобныхъ же депешъ сѣверныхъ державъ, отличалось весьма опредѣленнымъ характеромъ: онѣ требовали измѣненія существовавшаго порядка вещей въ Испаніи, требовали чтобы королю предоставлена была полная свобода „прекратить междуусобную борьбу, избѣжать войны съ Европой и окружить себя просвѣщенными и извѣстными испытанною вѣрностью подданными, которые могли бы ему даровать странѣ учрежденія соотвѣтствующія ея дѣйствительнымъ потребностямъ и желаніямъ“. Дипломатическіе документы, о которыхъ идетъ рѣчь, были вручены Санъ-Мигуэлю 6-го января 1823 года, а ровно чрезъ два дня послѣ того Мадридскій кабинетъ сообщилъ свой отвѣтъ на нихъ, — отвѣтъ, начинавшійся заявленіемъ что упомянутыя депеши были наполнены „извращенными фактами, злословными предположеніями, несправедливыми и оскорбительными нападками“; министры Фердинанда VII считали излишнимъ входить въ подробныя объясненія по этому поводу и выражали готовность отразить всякую попытку посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи. Посланники русскій, австрійскій и прусскій тотчасъ потребовали свои паспорта и покинули Мадридъ, причемъ представитель нашего двора отказался даже взять отвѣтную депешу Санъ-Мигуэля, находя ее оскорбительною для достоинства своего правительства.

Образъ дѣйствій министерства вызвалъ восторженное одобреніе со стороны кортесовъ. Умѣренная и радикальная партіи забыли на этотъ разъ свои распри, чтобы воздать хвалу

мужеству и энергіи министерства, тѣмъ болѣе что даже въ эту критическую минуту, по какому-то непонятному заблужденію, онѣ все еще утѣшали себя мыслью что политическій горизонтъ не представляетъ ничего опаснаго для ихъ отечества. „Европейскія правительства забыли, кажется, воскликнулъ одинъ изъ популярнѣйшихъ ораторовъ въ кортесахъ, что испанскій левъ непобѣдимъ, что онъ нанесъ страшные удары побѣдоноснымъ орламъ Аустерлица, Маренго и Иены. Испанцамъ предоставлена слава даровать свободу всему человечеству,—задача, которая, не взирая на кажущіяся трудности, не должна пугать мыслящихъ людей. Политическій переворотъ во Франціи неизбѣженъ; никто не сомнѣвается что въ скоромъ времени Наполеонъ II вступитъ тамъ на престолъ подъ опекой императрицы Маріи-Луизы. Италия не замедлитъ протянуть намъ руку, и въ Германіи дѣла принимаютъ также весьма благопріятный для насъ оборотъ, подъ вліяніемъ общества союза добродѣтели. Все доказываетъ такимъ образомъ, что наступилъ послѣдній часъ для тирановъ, дерзнувшихъ въ высокомѣрїи своемъ предписывать законы свободной націи....“ Подобное хвастовство нисколько не успокоивало, разумѣется, политическихъ людей, которые считали своимъ интересомъ оградить по возможности Испанію отъ угрожавшаго ей кризиса. Англійское правительство продолжало расточать самыя ревностныя усилія съ этою цѣлью: съ одной стороны дѣйствовало оно своимъ дипломатическимъ вліяніемъ въ Парижѣ, съ другой—отправило чрезвычайнымъ уполномоченнымъ въ Мадридъ лорда Фицроя-Соммерсета, который снова долженъ былъ убѣждать испанскихъ министровъ къ измѣненію конституціи 1812 года. Ни то ни другое не привело, однако, ни къ какому результату. Шатобрианъ прибѣгалъ къ самымъ противорѣчающимъ увѣреніямъ, стараясь обмануть англійское правительство, а между тѣмъ, лишь только былъ полученъ отвѣтъ на депешу Тюльерійскаго кабинета, какъ онъ настоялъ на немедленномъ отозваніи изъ Мадрида графа де-Лагарда. Затѣмъ рѣчь короля при открытіи сессіи палаты разъяснила вполнѣ настоящее положеніе дѣлъ. Въ рѣчи этой было сказано, что „представленія сдѣланныя въ Мадридѣ Франціей отвергнуты были съ такимъ ослѣпленіемъ, что отнимаютъ всякую надежду на сохраненіе мира....“ „Я приказалъ отозвать моего посланника, продолжалъ Лудовикъ XVIII; 100.000 войска, подъ началь-

ствомъ одного изъ принцевъ моего дома, готовы двинуться за Пиринеи, призывая на себя благословеніе Бога и святаго Лудовика, чтобы сохранить престолъ внуку Генриха IV, спасти Испанію отъ гибели и примирить ее съ Европой.“ Въ то же самое время лордъ Соммерсетъ доносилъ, что министры Фердинанда VII остались глухи къ его увѣщаніямъ сдѣлать сколько-нибудь существенныя уступки требованіямъ континентальныхъ державъ.

Рѣдкое событіе возбуждало столько предположеній, споръ и разнорѣчащихъ догадокъ какъ начинавшаяся война между Франціей и Испаніей. Французское правительство ожидало отъ нея самыхъ блестящихъ успѣховъ, но многіе опытные люди,—достаточно сказать что къ числу ихъ принадлежалъ Талейранъ,—были совершенно противнаго мнѣнія. Они опасались что война можетъ вызвать революціонное движеніе противъ Бурбонской династіи, ибо настроеніе арміи представлялось крайне не надежнымъ: многочисленныя тайныя комитеты распространяли въ полкахъ прокламаціи имѣвшія цѣлю доказать офицерамъ и солдатамъ до какой степени постыдно предпріятіе, задуманное по наущенію сѣверныхъ державъ и долженствующее утвердить въ Испаніи невыносимый гнетъ монашескаго сословія. Прокламаціи эти производили сильное впечатлѣніе, какъ удостовѣряли въ томъ донесенія различныхъ военныхъ начальниковъ. Не задолго предъ походомъ открытъ былъ въ рядахъ арміи обширный заговоръ, въ которомъ замѣшаны были весьма вліятельныя лица. Но главнѣйшая опасность, по словамъ порицателей войны, заключалась въ томъ отчаянномъ сопротивленіи которое должныствовали встрѣтить Французы за Пиринеями, ибо никому не приходило въ голову чтобъ испанскій народъ, обнаружившій столько энтузіазма въ событіяхъ 1808—1814 годовъ, покорно подчинился теперь чужеземному вмѣшательству. Тьеръ, только что выступавшій тогда на политическое поприще, посѣтилъ осенью 1822 года восточныя Пиринеи чтобъ ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, и въ брошюрѣ своей *Les Pyrénées et le Midi de la France* оплакивалъ безразсудство которое „увлекало его соотечественниковъ въ страну, гдѣ геройская храбрость старыхъ солдатъ Наполеона оказалась совершенно безсильною....“

Но люди разсуждавшіе такимъ образомъ очевидно не имѣли

надлежащаго понятія о тогдашнемъ настроеніи испанскаго народа и о поразительной неспособности его правителей. Радикальные министры какъ бы умышленно усугубляли ошибки долженствовавшія причинить имъ сильныя невзгоды. Такъ, напримѣръ, въ ту самую минуту когда разрывъ съ Франціей сдѣлался неизбежнымъ, Санъ-Мигуэль назначилъ посланникомъ въ Римъ нѣкоего Виллануеву, который не задолго предъ тѣмъ издалъ сочиненіе противъ папской власти, торжественно осужденное римскою куріей. Кардиналъ Консалви протестовалъ противъ этого назначенія; возникла запальчивая переписка, кончившаяся тѣмъ что папскому нунцію велѣно было тотчасъ же выѣхать изъ Мадрида, — и легко понять какое впечатлѣніе должно было произвести упомянутое событіе на народъ, которому духовенство постаралось, разумѣется, истолковать его въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Это значило давать оружіе въ руки собственныхъ враговъ; но если распря съ Римомъ довершила ожесточеніе клерикальной партіи противъ министровъ, то либералы не могли простить имъ другой мѣры, имѣвшей столь же губительное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Непріятель не переступалъ еще границъ Испаніи, какъ Санъ-Мигуэль предложилъ перенести резиденцію правительства и кортесовъ въ Севилью, казавшуюся ему вполне безопаснымъ убѣжищемъ въ случаѣ военныхъ неудачъ. Нельзя было придумать ничего несчастнѣе подобнаго рѣшенія, которое обнаруживало неувѣренность министерства въ успѣхъ начинавшейся борьбы и должно было породить сильный упадокъ духа въ народѣ! Къ чему же было, слышалось со всѣхъ сторонъ, отвѣчать надменнымъ отказомъ на требованія Европы, къ чему отвергать посредничество Англіи, если лица, стоявшія во главѣ правленія, спѣшили укрыться постыднымъ бѣгствомъ прежде чѣмъ наступила опасность? Перенесеніе резиденціи на югъ страны не могло совершиться безъ согласія короля, а въ случаѣ его отказа, не оставалось другаго средства какъ принудить его къ тому силою, то-есть засвидѣтельствовать предъ всѣмъ міромъ до какой степени правы были великія державы, утверждая что король находится въ пѣнѣ у своихъ подданныхъ. Последнее предположеніе оправдалось на дѣлѣ: Фердинандъ пришелъ въ сильный гнѣвъ, узнавъ о намѣреніи министровъ, и объявилъ наотрѣзъ, что не считаетъ нужнымъ покидать столицу; онъ ссылался на болѣзненное

свое состояніе, — на припадокъ подагры, который не позволялъ ему предпринять продолжительное путешествіе; онъ представилъ кортесамъ свидѣтельство придворныхъ врачей, но кортесы отправили къ королю комиссію другихъ докторовъ, засѣдавшихъ въ представительномъ собраніи на скамьяхъ либеральной партіи, которые удостовѣрили что переездъ не только не повредитъ здоровью Фердинанда, но можетъ имѣть благотворныя для него послѣдствія. 20-го марта весь дворъ, въ сопровожденіи министровъ, двинулся въ Севилью....

Санъ-Мигуэль и нѣкоторые изъ его товарищей, какъ на примѣръ Алькала Галіана, оставили послѣ себя подробныя записки, въ которыхъ они много разглагольствуютъ объ упомянутыхъ сейчасъ событіяхъ, но тщетно сталъ бы искать читатель какія мѣры были принимаемы ими въ то время для отраженія опасности непосредственно угрожавшей странѣ. Непонятная, изумительная апатія господствовала въ правительственныхъ сферахъ! Повидимому, министры Фердинанда были твердо убѣждены, что при вторженіи непріятеля повторится такое же чудо какъ въ 1808 году, то-есть весь народъ возьмется за оружіе, хотя многія знаменательныя явленія совершенно противорѣчили этой сладкой увѣренности. Офицеры спѣшили покидать службу подъ самыми ничтожными предлогами, а что касается солдатъ, то дезертирство приняло такіе размѣры, что кортесы вынуждены были издать декретъ, угрожавшій лишеніемъ имущества не только нижнимъ чинамъ виновнымъ въ помянутомъ преступленіи, но всѣмъ ихъ родственникамъ до четвертаго колѣна.

VIII.

Нельзя удивляться, послѣ всего сказаннаго выше, что Французы, съ самаго вступленія своего на испанскую почву и до стѣнъ Кадикса, не встрѣтили почти нигдѣ ни малѣйшаго отпора. Если они жаждали военной славы, то должны были расстаться съ этими мечтами по той простой причинѣ, что ни разу не приходилось имъ серьезнымъ образомъ обнажить оружіе. Успѣхъ достался весьма легко герцогу Ангулемскому, но тѣмъ не менѣе положеніе его было въ высшей степени затруднительно.

Онъ явился во главѣ значительнаго войска чтобы возвратить полную свободу королю Фердинанду, но для всякаго было ясно какое употребленіе поспѣшить сдѣлать король изъ этой свободы. Безчеловѣчныя жестокости и гнѣтъ, къ которымъ прибѣгалъ, онъ въ прежнее время, вызвали заслуженное порицаніе цивилизованнаго міра; европейскія правительства тщетно старались остановить его на этомъ пути и не могли не сознаться что онъ самъ былъ главнымъ виновникомъ вспыхнувшей революціи; но гдѣ же было ручательство что и теперь, достигнувъ полновлѣстія, онъ не возобновитъ ту же самую губительную систему? Мысль эта сильно тревожила союзниковъ Фердинанда, они сознавали необходимость установить въ Испаніи сколько-нибудь сносное управленіе и недоумѣвали только какимъ образомъ приняться за дѣло. Предписать заранѣе извѣстныя условія королю,—но возможно ли было разчитывать что, по удаленіи Французовъ, онъ исполнитъ ихъ? Сохранить конституцію, произведя существенныя въ ней перемѣны,—но конституція эта была вовсе не добровольнымъ даромъ Фердинанда, а вырвана у него мятежомъ, слѣдовательно оставить ее въ силѣ значило узаконить ея происхожденіе, а великія державы именно не допускали никакой сдѣлки, никакого соглашенія съ революціонными принципами. Онъ рѣшились поэтому отнюдь не стѣснять свободной воли короля, но энергически настаивать предъ нимъ чтобъ онъ самъ, по собственной инициативѣ, даровалъ странѣ учрежденія, которыя обезпечивали бы гражданскія права и личную свободу его подданныхъ. Такъ думали Виллель и герцогъ Англемскій, въ такомъ же смыслѣ не переставали выражаться и сѣверныя державы. Въ одной изъ депешъ Петербургскаго кабинета говорилось, что союзники не исполнили бы своего долга относительно самихъ себя и короля Фердинанда, еслибы не указали на угрожающія ему опасности, еслибы „не напомнили ему о прошедшемъ съ цѣлю предотвратить на будущее время ошибки губительныя по своимъ послѣдствіямъ“, еслибы не употребили всѣхъ усилій чтобы предотвратить революціонное броженіе, „которое будетъ неминуемо вызвано восстановленіемъ деспотизма“. Таковы были намѣренія великихъ державъ, но можно только подивиться что онъ вѣрило въ возможность осуществить ихъ! Опытъ прошедшаго доказалъ имъ, кажется, что Фердинандъ постоянно оставался глухъ

ко всѣмъ совѣтамъ благоразумія и умѣренности, и трудно было надѣяться чтобъ онъ вдругъ измѣнилъ свой характеръ послѣ всѣхъ неудачъ и оскорбленій испытанныхъ имъ въ послѣдніе годы, когда онъ помышлялъ только о мести, и когда многочисленная партія готовилась увлечь его на путь безумной реакціи.

А реакція эта наступила тотчасъ же при появленіи Французовъ, несмотря на ревностныя старанія герцога Ангулемскаго обуздать ее. Намъ завлекло бы слишкомъ далеко, еслибы захотѣли мы изобразить картину всѣхъ ужасовъ которыя испытывала Испанія отъ пресловутыхъ защитниковъ святой вѣры. Многіе города, и во главѣ ихъ Мадридъ, не только не думали бороться съ непріателемъ, но напротивъ умоляли его прибыть скорѣе, чтобы положить конецъ дикому своеволію черни и монаховъ. Г. Баумгартенъ приводитъ въ своей книгѣ много отрывковъ изъ депешъ секретаря прусскаго посольства г. Іенча (Jentsch), который завѣдывалъ временно дѣлами по удаленіи посланника. „Положеніе столицы и другихъ городовъ, пишетъ этотъ дипломатъ, несравненно хуже чѣмъ еслибы они были взяты приступомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ все возвращается къ прежнему порядку послѣ того какъ солдаты насытятъ свое хищничество; здѣсь же, напротивъ, жители и днемъ и ночью подвергаются неистовству вооруженной вольницы, которая не имѣетъ понятія о дисциплинѣ и думаетъ только объ убійствахъ, грабежѣ и разореніи. Письма изъ Аррагоніи и Кастиліи сообщаютъ подробности которыя приводятъ въ содроганіе. Въ небольшомъ мѣстечкѣ Паленсіи, заключили болѣе 120 богатѣйшихъ гражданъ въ темницу — людей вполне невинныхъ, тихихъ, чуждыхъ политикѣ, — единственно потому, что коноводамъ черни хотѣлось завладѣть ихъ имуществомъ. Недавно толпа королевскихъ приверженцевъ вступила въ одинъ изъ аррагонскихъ городовъ и потребовала двухъ милліоновъ контрибуціи, а такъ какъ жители не могли выплатить этой суммы, то городъ былъ въ нѣсколько часовъ совершенно ограбленъ, причѣмъ убито много даже дѣтей и женщинъ.“ Еслибы могли предвидѣть все это въ Веронѣ! восклицаетъ наивный дипломатъ.... Съ теченіемъ времени извѣстія, сообщаемыя имъ, становятся все мрачнѣе: „Чернь не считаетъ нужнымъ теперь, говоритъ онъ, сдерживать свой дикій фанатизмъ, кровожадные инстинкты и страсть къ грабежу, и

съ изступленіемъ набросилась на образованные и зажиточные классы общества. Подъ предводительствомъ монаховъ и священниковъ совершаетъ она неслыханные ужасы повсюду куда не простирается вліяніе Французовъ. Духовенство постоянно твердитъ ей что не слѣдуетъ давать никакой пощады приверженцамъ либеральной партіи, и она остается вполнѣ вѣрна этому лозунгу... Мадридъ превратился въ пустыню: на гуляньяхъ, нѣкогда столь оживленныхъ, не видно ни одного человѣка, магазины закрыты; банкиры и богатѣйшіе купцы посѣщали пробраться во Францію, чтобъ избѣгнуть рабшченія своего имущества. Инквизиція возникла снова и дѣйствуетъ съ прежнею жестокостью....“ Изъ всѣхъ испанскихъ военнопачальниковъ только одинъ Мина еще держался мужественно въ Каталоніи; что касается другихъ, то всѣ они давно бы передались непріятелю, еслибы не удерживалъ ихъ страхъ подвергнуться ярости реакціонной партіи. Уже по одному этому герцогъ Ангулемскій не могъ относиться равнодушно къ совершавшимся повсюду безобразіямъ, но и вообще они возмущали его до глубины души. Онъ думалъ ограничиться сначала только военными дѣйствіями и не вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны: возможно ли было, однако, Французамъ допустить, чтобы на глазахъ ихъ чернь и духовенство ежедневно совершали злодѣянія, возможно ли было не отвѣчать имъ на мольбы о помощи и не установить нѣкотораго порядка по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ были расположены французскія войска? Поневоля пришлось подумать объ учрежденіи регентства: оно было составлено изъ людей извѣстныхъ своею преданностью королю, но съ этой минуты дѣла пошли еще хуже нежели прежде. Регентство не обращало ни малѣйшаго вниманія на герцога, оно потворствовало разъяреннымъ страстямъ народа и стало даже возбуждать эти страсти противъ Французовъ, которыхъ обвиняло почти явно въ „заговоръ“ съ либеральною партіей. Извѣстная Андухарская прокламація обнаружила вполнѣ безвыходное положеніе герцога Ангулемскаго: прокламаціей этою, изданною имъ 8-го августа, воспрещалось испанскимъ властямъ подвергать кого-либо тюремному заключенію безъ согласія командировъ французскихъ полковъ, и повелѣвалось немедленно освободить всѣхъ кто былъ арестованъ за политическія мнѣнія, подѣ угрозой строгой кары за невыпол-

неніе этихъ предписаній. Волье негодованія и ярости поднялся въ рядахъ реакціонной партіи, когда сдѣлался извѣстнымъ этотъ документъ: она готова была проповѣдывать поголовное возстаніе противъ Французовъ, и герцогъ принужденъ былъ взять его назадъ. Нельзя было и поступить иначе, если не желалъ онъ очутиться между двухъ огней— между защитниками конституціонныхъ учрежденій и ихъ озлобленными противниками.

Все это происходило еще во время неволи короля, и естественно было ожидать что кровавая реакція усилится послѣ того какъ получитъ онъ свободу. Фердинандъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этой минуты. Дѣятельность кортесовъ въ послѣднее время представляетъ такое печальное зрѣлище, что не стоить даже труда серьезно останавливаться на ней, ибо нельзя указать ни на одну ихъ мѣру которая соответствовала бы тогдашнимъ критическимъ обстоятельствамъ. Убѣдившись что пребываніе ихъ въ Севильѣ далеко не надежно, они рѣшились перенести свои засѣданія въ Кадиксъ, но, разумѣется, и на этотъ разъ встрѣчено было сильное противодѣйствіе со стороны Фердинанда. Коммиссія, которой поручено было сообщить ему рѣшеніе палаты, представила докладъ, проникнутый злобною ироніей: „Такъ какъ его величество, говорилось въ немъ, не хочетъ спастись отъ опасности и обнаруживаетъ даже наклонность очутиться въ рукахъ непріятеля, который угрожаетъ странѣ порабощеніемъ, то подобный образъ дѣйствій съ его стороны очевидно доказываетъ что онъ не вполне располагаетъ въ настоящую минуту своими умственными способностями. Случай этотъ былъ предвидѣнъ конституціей, и на основаніи ея коммиссія предлагаетъ учредить временное регентство.“ Въ Кадиксѣ кортесамъ не долго пришлось дожидаться развязки драмы: въ концѣ августа появились Французы и начали осаду этого города,—осаду, не представлявшую для нихъ большихъ затрудненій, ибо онъ не обладалъ никакими средствами для продолжительной обороны. Послѣ взятія трехъ главныхъ укрѣпленій пришлось подумать о капитуляціи, но главнокомандующій непріятельской арміи не хотѣлъ слышать о переговорахъ до тѣхъ поръ пока король не получитъ свободу. Необходимость заставила согласиться и на это условіе. Министры и главнѣйшіе члены кортесовъ домогались отъ короля лишь того чтобъ онъ торжественнымъ актомъ

обезпечилъ безопасность всѣхъ лицъ содѣйствовавшихъ утвержденію конституціи. Фердинандъ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, причѣмъ разыгралъ сцену которая достойнымъ образомъ увѣнчала его роль въ теченіе послѣднихъ годовъ. Когда министръ юстиціи Калатрава представилъ ему именно проектъ декрета, онъ нашелъ въ немъ многія выраженія недостаточно ясными и исправилъ ихъ собственною рукой. „Вотъ такъ-то будетъ лучше, сказалъ онъ,—теперь не возникнетъ никакихъ сомнѣній относительно моихъ намѣреній....“ Затѣмъ король простился со всѣми присутствовавшими въ самыхъ благоклонныхъ выраженіяхъ, такъ что даже люди хорошо изучившіе его характеръ предалися сладкимъ надеждамъ....

Но Фердинанду нужно было ступить на противоположный берегъ залива чтобы дать волю настоящимъ своимъ чувствамъ. Вечеромъ этого дня (1-го октября 1823 года) герцогъ Ангудемскій написалъ Виллеаю слѣдующія строки: „То что я предвидѣлъ, дѣйствительно случилось. Я былъ у короля и ревностно убѣждалъ его обнародовать амнистію и принять какія-либо мѣры, которыя позволили бы съ довѣріемъ взирать на будущее. На всѣ мои доводы онъ отвѣчалъ что посмотреть какъ слѣдуетъ поступить ему. Когда пять или шесть человекъ закричали подъ окнами во время нашего разговора: да здравствуетъ полновластный король, онъ замѣтилъ мнѣ, что въ крикахъ этихъ выражается чего хочетъ народъ. Я отвѣчалъ что было бы печально, еслибъ онъ опять усвоилъ политику которая уже породила событія 1820 года. Теперь совѣсть моя спокойна, но увѣряю васъ, что немедленно начнутся здѣсь самыя невѣроятныя безобразія.“ И предсказаніе герцога Ангудемскаго вполне оправдалось на дѣлѣ. Если прежнія неистовства можно было приписать своеволю черни и подстрекательствамъ коноводовъ реакціонной партіи, то Фердинандъ какъ бы вознамѣрился узаконить ихъ своимъ авторитетомъ, воздвигнувъ безчеловѣчное и систематическое гоненіе противъ приверженцевъ либеральныхъ учрежденій, не разбирая умѣренныхъ и крайнихъ. Первымъ министромъ назначенъ былъ Саезъ, монахъ и духовникъ короля, тупой изуверъ, которому были совершенно незнакомы милосердіе и кротость. Лучше набросить завѣсу на эту мрачную картину, ибо ничего отвратительнѣе не представляла, конечно, исторія ни одного изъ европей-

скихъ государствъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, за исключеніемъ развѣ Неаполитанскаго королевства при Фердинандѣ II.

Въ высшей степени любопытно слѣдить по книгѣ г. Баумгартена за безсильными попытками, къ которымъ прибѣгла европейская дипломатія чтобъ обуздать эти дикія проявленія деспотизма. „Мы столько же рады освобожденію короля, писалъ прусскій министръ графъ Бернсторфъ, сколько смущены и испуганы слухами о томъ какъ пользуется онъ своею свободою. Неблагодарность его къ Французамъ непостижима. Всѣ его распоряженія запечатлѣны духомъ безразсудства, жестокости и жажды мести, совершенно неприличнымъ для государя; онѣ отдаляютъ отъ него порядочныхъ людей, подавляютъ всякія надежды и приготоваютъ въ будущемъ еще болѣе тяжкія испытанія чѣмъ тѣ которымъ подвергался онъ до сихъ поръ. Необходимо удержать Фердинанда на краю пропасти: конечно, это не легко, но нужно стремиться къ тому всѣми средствами.“ И дѣйствительно, дипломатія стремилась, по мѣрѣ силъ, совладать съ этою неразрѣшимою задачею. Несчастіе ея заключалось въ томъ, что испанское правительство имѣло предъ собою хотя и позорную, но вполнѣ опредѣленную цѣль, тогда какъ она рѣшительно не въ состояніи была уяснить себѣ въ чемъ должны состоять заключенія ея требованія. „Хотя король и дѣлалъ доселѣ громадныя ошибки, твердили европейскіе дипломаты, но ошибки эти были искуплены жестокомъ урокомъ, и союзные государы, спасшіе его отъ опасности, должны открыть ему теперь глаза и направить его на истинный путь спасительными совѣтами“,—но король предпочиталъ оставаться въ ослѣпленіи и упорно не хотѣлъ выслушивать совѣтовъ. Посланники при Мадридскомъ дворѣ приходили въ совершенное отчаяніе. „Мы непрерывно совѣщаемся, писалъ уполномоченный прусскаго правительства, но совѣщанія наши не приводятъ ни къ какому результату,—будемъ совѣщаться и на будущее время, и все также бесплодно. Главный корень зла лежитъ въ самомъ королѣ, этой испорченной жалкимъ воспитаніемъ личности, которую не могъ исправить цѣлый рядъ несчастій....“—„Король, доносилъ тотъ же дипломатъ, сдѣлался орудіемъ самыхъ недостойныхъ интригъ. Увѣщанія наши не производятъ на него ни малѣйшаго дѣйствія. Только конгрессъ союзныхъ государей былъ бы еще въ состояніи спасти Испанію....“

Не забудемъ при этомъ, что представители великихъ державъ ни разу не могли условиться между собой относительно какого бы то ни было общаго плана дѣйствій. Соперничество и вражда господствовали въ ихъ средѣ. Вотъ убѣдительный примѣръ тому: въ концѣ октября 1823 года прибылъ въ Мадридъ, съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ императора Александра, Поццо-ди-Борго, которому удалось приобрести отчасти вліяніе на Фердинанда. Невозможное министерство, имѣвшее во главѣ своей фанатика-монаха, было уволено въ отставку, и мѣсто его заняли люди, хотя вполнѣ принадлежавшіе къ реакціонной партіи, но отличавшіеся по крайней мѣрѣ свѣдѣніями и опытностью въ дѣлахъ. Это былъ, хотя и не значительный, но все-таки шагъ впередъ. И между тѣмъ Поццо-ди-Борго возбудилъ сильнѣйшее недоброжелательство къ себѣ со стороны своихъ товарищей по дипломатическому поприщу, которые боялись чтобъ онъ не сталъ играть при Мадридскомъ дворѣ роль принадлежавшую некогда Татищеву!

При такомъ положеніи дѣлъ легкомысленно было соблазновать о томъ что вмѣшательство Европы въ испанскія дѣла принесло печальные плоды. Напротивъ, пора было сознаться что вся исторія этого вмѣшательства, по справедливому замѣчанію г. Баумгартена, представляетъ одну изъ самыхъ темныхъ страницъ въ лѣтописяхъ нашего столѣтія. Священный Союзъ нанесъ тяжкій ударъ самому себѣ. Къ чему стремился онъ? Подавить революціонные принципы? Но предъ появленіемъ Французовъ эти принципы начинали уже обнаруживать свое безсиліе на Пиринейскомъ полуостровѣ. Возстановить порядокъ? Но по созданію самихъ европейскихъ правительствъ, трудно было назвать порядкомъ ту систему варварскаго деспотизма которая возникла въ Испаніи послѣ возстановленія самодержавія Фердинанда. Къ тому же революціонный принципъ далеко не считалъ себя побѣжденнымъ, ибо въ то же самое время онъ восторжествовалъ на другой почвѣ, а именно въ испанскихъ колоніяхъ Америки, которымъ Англія посвѣшила подать руку для утвержденія ихъ независимости. Кому же принесло пользу вооруженное вмѣшательство задуманное на Веронскомъ конгрессѣ? Не сѣвернымъ державамъ, ибо въ виду всего что происходило въ Испаніи послѣ 1823 года, онѣ не могли по совѣсти хвалиться своимъ дѣломъ. Не Франціи также, ибо

сдѣлавъ огромныя матеріальныя пожертвованія, Французы спѣшили какъ можно скорѣе убраться изъ Испаніи, гдѣ они должны были стыдиться своихъ собственныхъ союзниковъ, гдѣ эти союзники отплатили имъ самую черною неблагодарностью, и гдѣ ихъ вліяніе было потрясено на долгое время. И не испанскому народу принесло пользу европейское вмѣшательство, ибо этотъ народъ обреченъ былъ томиться въ невѣжествѣ и нищетѣ, подъ гнетомъ того же порядка вещей который въ прежнее время причинялъ всѣ его бѣдствія. Словомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на это вмѣшательство, невольно приходишь къ убѣжденію, что если кто-нибудь могъ съ восторгомъ привѣтствовать его, такъ единственно та злобѣщая партія на полуостровѣ, которая была исполнена духа неукротимаго фанатизма, непримиримой вражды къ цивилизаціи, и которая ознаменовала торжество свое убійствами и грабежомъ. Но вступая въ союзъ съ этою партіей, возможно ли было разчитывать на симпатіи всѣхъ тѣхъ кому дороги истинные интересы человѣчества?

IX.

Мы остановились только на одномъ эпизодѣ въ исторіи Испаніи нынѣшняго столѣтія, но читатель легко оцѣнитъ огромную его важность для всего послѣдующаго развитія этой страны. Возвращаясь мыслямъ къ событіямъ между 1808 и 1823 годами, мы не будемъ удивляться тому что происходитъ въ настоящее время на нашихъ глазахъ. Событія эти объясняютъ намъ почему Испанія переживала въ послѣднее время цѣлый рядъ безплодныхъ потрясеній, въ которыхъ главная роль принадлежала военному сословію, между тѣмъ какъ масса народа оставалась и остается совершенно индифферентною. Могло ли и быть иначе, если въ теченіи трехъ вѣковъ сразу королевская власть и фанатическое духовенство, дѣйствовавшія въ тѣсномъ союзѣ, употребляли ревностныя усилія чтобы заглушить въ этомъ народѣ всякія политическія стремленія, держать его въ состояніи грубаго невѣжества и внушить ему презрѣніе къ интересамъ европейской цивилизаціи? Мы видѣли что совершенно особыя, исключительныя обстоятельства пробудили его на время отъ долгаго сна, выдвинули на новый путь, — но что же ожидало его на этомъ пути? Неурядицы,

междуусобія, и въ концѣ всего прежній гнетъ и прежняя нищета, быть-можетъ, еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Неудивительно, что чувство тупаго равнодушія неудержимо распространяется въ массѣ народа. Не трудно убѣдиться въ этомъ, сравнивъ настроеніе которое одушевляло его послѣ 1808 года съ тѣмъ которому предавался онъ десять или пятнадцать лѣтъ спустя: никакія жертвы не казались ему обременительными для борьбы съ Наполеономъ, для восстановленія на престолѣ короля Фердинанда, но вотъ немного спустя тѣ же самые Французы появляются въ странѣ, и тотъ же самый Фердинандъ терпитъ оскорбленіе отъ своихъ противниковъ, которые насильно влечать его изъ одного города въ другой, — и народъ остается совершенно равнодушень къ этому зрѣлищу. Жители сель и даже большей части городовъ какъ бы не хотятъ знать о томъ что происходитъ вокругъ нихъ. Невозмутимая и непробудная апатія овладѣваетъ ими, — апатія, отъ которой они не пытались освободиться до послѣдняго времени. Если испанское правительство было до такой степени бессмысленно что готово было радоваться этому явленію, то весьма скоро пришлось ему разочароваться самымъ жестокимъ образомъ. По мѣрѣ того какъ масса народа становилась болѣе индифферентною, взаимное ожесточеніе партій достигало крайнихъ размѣровъ, и не было силы которая могла бы обнаружить спасительное на нихъ вліяніе и обуздать ихъ борьбу. Временная побѣда той или другой изъ этихъ партій зависѣла чисто отъ случая или, вѣрнѣе сказать, отъ расположенія войска. А если войско бросилось въ политическую агитацію, и вмѣсто того чтобы служить опорой порядка, сдѣлалось разсадникомъ заговоровъ, то опять-таки гдѣ искать разгадку столь печальнаго явленія какъ не въ событіяхъ разказанныхъ нами, какъ не въ этой плачевной политикѣ Фердинанда, причинившей странѣ столько неисправимыхъ бѣдствій?

А между тѣмъ ясно, что пока будетъ продолжаться подобный порядокъ вещей, Испанія не можетъ разчитывать на правильное и спокойное развитіе, безъ котораго нельзя и помышлять объ упроченіи разумной свободы. Чтобы достигнуть этой великой цѣли необходимо пробудить народъ отъ усыпленія, приучить его къ самостоятельности, воспитать его политическія нравы, утвердить дисциплину въ войскахъ—задача, которая потребуетъ, конечно, много времени, политическаго

смысла и единодушныхъ безкорыстныхъ усилій всѣхъ истинныхъ патріотовъ. Положено ли будетъ, по крайней мѣрѣ, начало тому совершившимся въ послѣднее время переворотомъ? Съ одной стороны, обстоятельства представляются весьма благоприятными для подобнаго предпріятія: нужно надѣяться, во-первыхъ, что опытъ принесъ пользу людямъ которые находятся во главѣ дѣлъ; они счастливѣе своихъ предшественниковъ, ибо не вынуждены страшиться постоянного и губительнаго противодѣйствія со стороны власти, которая въ двадцатыхъ годахъ была главною виновницей всѣхъ неудачъ приверженцевъ умѣренной политики; они не имѣютъ, наконецъ, причины страшиться посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла ихъ отечества, ибо Европа также много научилась и извлекла для себя полезныя уроки изъ прошедшаго. Но въ то же время нельзя упускать изъ виду что и теперешній переворотъ имѣлъ точно такое же происхожденіе какъ всѣ предшествовавшіе, то-есть что онъ порожденъ былъ военною силой, безъ всякаго почти участія въ немъ народа; нельзя забыть что политическія партіи только на первое время умѣли дѣйствовать единодушно, что послѣ „медоваго мѣсяца“ революціи онѣ не разъ уже обнажали оружіе другъ противъ друга, и Испанія все еще не можетъ выйти изъ того натавутаго, переходнаго положенія, при которомъ нисколько нельзя отвѣчать за будущее. Не станемъ предугадывать дальнѣйшія судьбы этой несчастной страны, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно что она переживаетъ теперь рѣшительный кризисъ, отъ котораго зависитъ вопросъ—суждено ли ей занять снова почетное мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ государствъ, или влечить по-прежнему то печальное существованіе, на которое она была обречена въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій.

Е. ѲЕОКТИСТОВЪ.

ПАНУРГОВО СТАДО

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XX. Изъ-за „шпіона“.

Андрей Павловичъ Устиновъ никакъ не ожидалъ тѣхъ послѣдствій которыя произошли изъ его мнимаго шпіонства, сымпровизованнаго Подвильяньскимъ. Молва о тайной миссіи Устинова очень быстро разнеслась по всему Славнобубенску, что, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ она весьма ловко была пущена въ среду гимназистовъ, которымъ пояснено, будто Устиновъ потому-то и шикнулъ Шипкину что самъ онъ шпіонъ, и что онъ-то собственно и погубилъ Шипкина своимъ шиканьемъ. Гимназисты разнесли молву по своимъ семействамъ, а тѣ по своимъ знакомымъ и, глядь, сутокъ черезъ двое весь Славнобубенскъ былъ уже убѣжденъ что въ средѣ его ходитъ, подглядываетъ и подсматриваетъ весьма опасный агентъ тайной полиціи, учитель Устиновъ. Очень многіе стали чуждаться Андрея Павловича. Входитъ онъ, напримѣръ, въ сборную учительскую комнату, нѣкоторые изъ сослуживцевъ многозначительно переглядываются между собою и прекращаютъ разговоры. Поклоны ихъ стали гораздо суше; иные избѣгали протягивать ему руку. Проходя изъ класса по гимназическому корридолу, онъ встрѣтилъ гурьбу

* См. №№ 2 и 3 *Русскаго Вѣстника*.

учениковъ, которая, пропустивъ его мимо себя, вдругъ единодушно зашикала, и среди этого шума раздалось нѣсколько голосовъ: „шпіонъ! шпіонъ! Устиновъ шпіонъ!“ Тотъ обернулся, обвелъ гурьбу изумленнымъ взглядомъ, и улыбувшись, прошелъ себѣ мимо.

Въ кухмистерской, на Московской улицѣ, точно также, при входѣ его, весьма многіе изъ присутствующихъ, знавшихъ его въ лицо, прерывали нѣкоторые изъ своихъ разговоровъ, переглядывались и перешептывались между собой и окидывали его иногда какимъ-то осторожнымъ, неприязненнымъ взоромъ. При встрѣчахъ на улицѣ, очень многіе изъ знакомыхъ дѣлали видъ будто не замѣчаютъ его; и на поклонъ отвѣчали словно нехотя, вскользь, торопливо, съ явнымъ смущеніемъ.

Вскорѣ и самъ онъ замѣтилъ что положеніе его становится какимъ-то глупымъ, неловкимъ, неестественно-натянутымъ, и это стало то бѣсить, то сильно огорчать его. Но всего обиднѣе была потеря довѣрія и привязанности учениковъ. Взаимныя отношенія ихъ, помимо его воли, какъ-то сами собою перемѣнились: въ нихъ явилась холодность, неприязнь и даже школьнически-своеобразное презрѣніе къ нему, выражавшееся какимъ-нибудь безмолвнымъ взглядомъ, свистомъ или возгласомъ „шпіонъ!“ брошеннымъ ему за спиной, и положительнымъ отсутствіемъ весело-довѣрчивыхъ разговоровъ и разспросовъ, какъ бывало прежде.

Устиновъ сознавалъ что все это было слишкомъ мелко и черезчуръ уже глупо для того чтобъ обратить на подобныя проявленія серьезное вниманіе, а между тѣмъ новое положеніе втайнѣ начинало уже очень больно и горько хватать и грызть его за сердце.

Кажется, во всемъ городѣ Славнобубенскѣ только и осталось три-четыре человѣка, отношенія короткихъ къ Андрею Павловичу ни на іоту не измѣнились, и это были: Хвалынцевъ, майоръ Лубянской да Татьяна Николаевна со своею старою теткой. Все остальное разомъ отшатнулось отъ учителя.

Разъ какъ-то зашелъ онъ къ майору. Анна Петровна, встрѣтивъ его весьма сухимъ поклономъ, тотчасъ же удалась изъ комнаты. За то майоръ обрадовался отъ чистаго сердца.

— Ну, голубчикъ мой! Наконецъ-то! протянулъ онъ ему обѣ руки:—пойдемте въ мою келью, потолкуемъ-ка!... Хоть душу отведешь съ человѣкомъ!...

Устиновъ глянулъ на старика и замѣтилъ что онъ видимо измѣнился за послѣднее время: сивая щетинка на бородѣ уже нѣсколько дней не брита, чего прежде никогда не случалось; лицо слегка осунулось и похирѣло, въ глазахъ на мгновеніе мелькало легкой тѣнью нѣчто похожее на глухую, затаенную кручину. При взглядѣ на Петра Петровича, Устинову стало еще грустнѣе.

— Ну, что, какъ живете-можете? началъ онъ, лишь бы отогнать немного свое тягостное чувство.

— Да что, голубчикъ, скверно старикамъ стало жить на свѣтѣ, скверно! съ глубокимъ, сокрушеннымъ вздохомъ покачалъ головой Лубянскій:—прежде людьми пренебрегали за что-нибудь дурное, за порокъ какой тамъ что ли, а нынѣ за одну только старость ужъ пренебрегать начали. Или я ужъ и въ самъ-дѣлъ изъ ума совсѣмъ выжилъ, или что, и самъ не понимаю; а только вдругъ, на шестомъ десяткѣ, подъ сюркупъ полицейскій попалъ! Чуть что ни каждый день вдругъ квартальный сталъ шататься, да житье-бытье мое повѣрять! „Вы, говоритъ, за неблагонамѣренность подъ призоръ отданы, и я долженъ за поведеніемъ вашимъ наблюдать!“ Легко ли это, я васъ спрашиваю?... Издѣваются они надо мной, что ли? Да кто же это далъ имъ нынѣ право такое надъ честнымъ солдатомъ издѣваться?... До чего дожили, прости Господи! Ужъ я этому квартальному, чтобы не часто шатался, грѣшный человѣкъ, далъ по секрету трешвицу. Школу отняли, самого оплевали.... А слыхали вы, батенька, что со школой-то сталося? Слыхали? Вы не бываете тамъ больше?

— Мнѣ Подвилянскій прислалъ письмо съ извѣщеніемъ что я могу прекратить мои дальнѣйшія занятія тамъ, сказалъ Устиновъ.

— Я такъ и зналъ! Такъ и зналъ я это! махнулъ старикъ:— а съ отцомъ-то Сидоромъ что сдѣлали? Не слыхали-съ?

— Признаюсь, не слыхалъ еще.

— Ну, ужъ это чистое невѣжество! развелъ майоръ руками:— приходитъ онъ это въ школу, а навстрѣчу ему господинъ Полодаровъ: „вы, говоритъ, зачѣмъ сюда?“ — Какъ зачѣмъ! Я законъ Божій читаю! — „Теперь, говоритъ, я вмѣсто васъ

законъ Божій читаю, а вы, говорить, ступайте, прихожанъ своихъ эксплуатируете (такъ и оказалъ! Это самое слово!); всѣ вы, говорить, за зловерное направление отсюда уволены!“ Чтò жь за это наглость-то наконецъ, я васъ спрашиваю! До чего жь это доидеть у нихъ?!... Отець Сидоръ хочетъ владыкѣ жаловаться,—да и въ самъ-дѣлѣ, вѣдь ужь тутъ просто житья нѣтъ никакого! Нагналъ это туда новый-то распорядитель-то учителей хорошихъ: всѣ эти Полояровы да Анцыфровы, да Лиденъки разныя, поди-ка, чай, хорошему научать!... Ужь они мнѣ, батюшка, вотъ они всѣ гдѣ сидятъ-то мнѣ! указалъ старикъ на свое горло: — вѣдь ужь я терпѣливъ, терпѣливъ, ну, да и мое терпѣнiе лопнетъ скоро!

— Полояровъ-то бываетъ у васъ? спросилъ Устиновъ.

— Ужь не говорите лучше! съ негодованiемъ отплюнулся Петръ Петровичъ:—не знаю какъ избавиться! И чтò это такое съ Нюточкой сдѣлалось, просто не понимаю! Не далѣе какъ годъ назадъ вѣдь это прелесть что за дѣвочка была—сами, чай, помните! — а нынѣ (старикъ съ боязливою осторожностью покосился на дверь и значительно понизилъ голосъ), нынѣ — Богъ ее знаетъ! какая-то нервная, раздражительная стала. Строптивость у нея какая-то вдругъ.... Чтò ни скажешь, чтò ни сдѣлаешь, все это не такъ, все это не по ней.... одного только *этого*.... *его*-то, только его и слушаетъ. Начнешь говорить ей, — сейчасъ въ раздраженiе: „вы, говорить, меня стѣсняете, лишаете меня свободы!“ Ты ей резоны представляешь, а она сейчасъ: „произволь! насилiе!... Это, говорить, деспотизмъ родительской власти!“ Господи Боже мой! Андрей Павлычъ! (Голосъ старика дрогнулъ отъ волненiя.) Сами вы знаете, ну, стѣсняю ли я въ чемъ ее? Ну, могу ли я стѣснять? Я.... я души въ ней не чаю, а она.... деспотъ.... деспотизмъ....

Старикъ примолкъ и огорченно повикъ головою.

— Теперь хоть это: хорошо ли это съ ея стороны? продолжалъ онъ черезъ минуту:—отца осрамили, отцу учить запретили, подъ надзоръ полиции отдали, школу отняли, а она въ этой школѣ продолжаетъ учить какъ ни въ чемъ не бывало. Съ *этими*-то.... съ *этими*-то вмѣстѣ учить, въ одной компании.... съ врагами!... Вѣдь они враги-съ дѣлу-то! Ну, прилично ли это?... Отчего же Татьяна Николаевна сразу перестала, сама перестала, чуть только провѣдала про всю эту

компанію?... И я же еще стѣсняю ее! Я деспотствую!.. Эхъ, голубчикъ мой, горько мнѣ все это! горько!.. И откуда на насъ вся эта напасть? продолжалъ старикъ, ходя по комнаткѣ и закуривъ свою коротенькую трубку:—отчего же прежде у насъ на Руси ничего такого не было? Иль ужъ и въ самъ-дѣлъ всѣ мы прежде до такой степени были глупы и слѣпы, и подлы, что на насъ теперь и плюнуть не стоить порядочному человѣку, или чтѣ — я ужъ и не понимаю. Думаешь-думаешь такъ-то вотъ себѣ ночью (нынче ночами-то что-то плохо спится мнѣ). Только нѣтъ, думаешь себѣ: отчего же подлы? Отчего же глупы да пошлы? Вѣдь и между нами были же и умные, и честные, и образованные люди, и доблестные граждане; умѣли же и мы любить свое отечество, и жили честно; не все же глупцы, да воры, да взяточники! За чтѣ же теперь-то всѣ мы огуломъ охаяны да оплеваны? Вѣдь и сами они будутъ стариками, значить, и ихъ заплюютъ? Да отчего же мы-то на своихъ отцовъ не плевали? Отчего же мы любили и чтили заслуги ихъ?... Отчего жъ это такъ вдругъ все перевернулось у насъ? Откуда это, я васъ спрашиваю! И вотъ все это, голубчикъ мой, мучаютъ меня всѣ эти неотвязныя мысли проклятыя, и никакого я себѣ отвѣта найти не могу!.. Эхе-хе! тяжело стало старикамъ на свѣтѣ! грустно заключилъ онъ, выколачивая въ черепокъ золу изъ своей носогрѣвки.

Потолковалъ онъ и еще кое-что на ту же самую тему, и потомъ, чтобы разбить нѣсколько свои невеселыя мысли, предложилъ учителю партійку въ пашки. Сыграли они одну и другую, и третью, а тамъ старая кухарка Максимовна принесла имъ на подносѣ два стакана чаю, да сливокъ молочникъ, да лотокъ съ ломтями бѣлаго хлѣба. Былъ седьмой часъ въ началѣ.

— А гдѣ же барышня-то? что ея не видать? спросилъ старикъ у кухарки.

— Барышни нѣту-ти. Оны еще давеча, какъ Андрей Павлычъ пришли только, такъ ушли изъ дому.

— Куда же это? не сказала?

— Ничего не сказывали, а только вышли одѣвшись и пошли.

— Ну, хорошо.... Ладно; ступай-себѣ!

— Вотъ, батюшка мой, обратился майоръ къ Устинову когда кухарка вышла за дверь: — это вотъ тоже новости

последняго времени. Прежде бывало идти куда, так непременно хоть скажется, а нынче—вздумала-себя—хватить!—одѣлась и—шмыгъ за ворота! Случись что въ домѣ, храни Богъ, такъ куда и послать-то за ней не знаешь. И я же вотъ еще свободы ее при этомъ лишаю!

Устиновъ посидѣлъ еще съ полчаса и простился.

Вскорѣ послѣ него вернулась домой Анна Петровна. На хмуромъ личикѣ ея написано было молодое нетерпѣніе непосѣдной рѣшимости. Снимая предъ зеркаломъ свою гарибальдійку и приглаживая короткіе волосы, она даже ножкой досадливо топала. Видно было что ей поскорѣе хочется рѣшить что-то на *да*, или *нѣтъ*, и что на этотъ послѣдній ладъ она кѣмъ-то настроена.

— Гдѣ была, Нюточка? ласково и тихо обратилась къ ней Лубянской.

— Гдѣ была тамъ ужъ нѣту! отвѣчала она съ усмѣшкой:— а ты вотъ что, папахень.... Мнѣ съ тобой надо поговорить серьезно и.... рѣшительно. Угодно тебѣ меня выслушать?

— Говори, дружочекъ.... еще тише промолвилъ старикъ, у котораго вдругъ упало сердце отъ этого тона рѣчи. Онъ смутно предчувствовалъ что-то недоброе.

— Извольте-съ. Я буду говорить, начала она съ какою-то особенною рѣшимостію ставши предъ отцомъ и скрестивъ на груди руки:— скажи мнѣ, пожалуста, папахень, для чего ты принимаешь къ себѣ въ домъ шпионовъ?

— Шпионовъ?... Какихъ это шпионовъ? поднялъ на нее глаза Лубянской.

Изъ этого вопроса онъ уже понялъ о чемъ пойдетъ дѣло.

— Какъ какихъ? Какъ будто Полояровъ не при тебѣ говорилъ?

— Э, дѣвочка! Мало ли что говоритъ Полояровъ!

— Но это всѣ говорятъ!... Весь городъ знаетъ!

— Ну, мало ли что!... Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ: слышала, чай, пословицу? У насъ вѣдь чего не болтаютъ?

— Но это не болтовня, это правда! Намедни у самого Пещиньскаго спрашивали, такъ онъ только какъ-то странно уямбулся на это и сталъ увѣрять что вздоръ и выдумки. Одно ужъ это увѣреніе достаточно подтверждаетъ фактъ.

— Ну, Нюта, полно пустяки болтать!... Ни въ жизнь я такими вздорами не повѣрю и даже слушать-то про нихъ не хочу.

— Ха, ха, ха!... Это мило! Это мнѣ нравится! первно потирая руки зашагала она по комнатамъ:— ну, такъ я же тебѣ говорю что я не желаю, не хочу—слышишь ли, папахень?— не-хо-чу чтобъ у насъ въ домѣ бывалъ этотъ шпионшка! Послеъ этого къ намъ ни одинъ порядочный человекъ носу не покажетъ. Мнѣ ужъ и то говорятъ всѣ!...

— Кто говоритъ-то? какой-нибудь Полояровъ....

— Вопервыхъ, перебила дѣвушка съ ярко проступившею на щекахъ краской досады:— вопервыхъ, Полояровъ вовсе не „какой-нибудь“, а порядочный человекъ, котораго я уважаю, и потому покорнѣйше прошу о немъ такъ не говорить!

— Да ты сама-то, Нюта, какъ говоришь со мной, съ отцомъ-то своимъ? Чтѣ жъ тебѣ Полояровъ ближе отца сталъ, что ли?

— Это вопросъ совсѣмъ посторонній; и замѣчаній мнѣ тоже не надо; а я тебя спрашиваю въ послѣдній разъ: угодно тебѣ быть знакомымъ со шпионами?

— Я Андрея Павлыча за шпиона не считаю и считать не буду, рѣшительно и твердо отвѣтилъ онъ на это:—и знакомства съ нимъ отъ какихъ-нибудь нелѣпыхъ сплетенъ не прерву. Вотъ тебѣ, Нюта, мое слово!

— Покорнѣйше благодарю! иронически поклонилась она:— я и не знала что тебѣ этотъ баринъ дороже дочери и собственнаго добраго имени!

— Матушка! покачалъ головой маіоръ:—не Андрыфровымъ какимъ-нибудь дарить меня добрымъ именемъ, я его самъ себѣ добылъ; и не имъ его вырывать отъ меня! А о себѣ ты и не говори.... Нюта!... Нюточка! да неужто же ты не видишь, голубка моя, какъ люблю я тебя! съ глубокою нѣжностью протянулъ онъ къ ней руки.

— Скажите, пожалуйста! Да въ чемъ эта любовь-то ваша? съ пренебреженіемъ выдвинула она свои губки:— великая заслуга—любовь! Каждое животное, собака, и та любитъ щенятъ своихъ: просто, животное-эгоистическое чувство и большаго ничего! Это очень естественно!

Старикъ въ какомъ-то ужасѣ поднялся съ мѣста.

— Нюта, Нюта! горько покачалъ онъ головой:—и это ты!... это ты говоришь такія вещи!... Да кто это вселилъ въ тебя мысли-то такія?!.. Боже мой! Родительское чувство.... отца вдруть къ собакѣ.... ко псу приравняла!... Да чтѣ жъ это, ей

Богу!... Нюта, это не ты говоришь.... это чудится мнѣ то...ко!...
Нюта! родная моя!...Поди ко мнѣ!

— Оставь, пожалуста, нѣжности, папахень! мимоходомъ махнула она рукой:—я тебѣ повторяю, если хочешь жить со мной въ мирѣ, то чтобы въ домѣ у насъ не было больше Устинова, а если онъ еще разъ придетъ, то я надѣлаю ему такихъ дерзостей, какихъ онъ еще ни отъ кого не кушалъ.

— Ну, ужь нѣтъ! Этого не будетъ! опять-таки рѣшительнымъ тономъ возразилъ Петръ Петровичъ:—гостя, каковъ бы онъ ни былъ, я въ моемъ домѣ оскорблять не позволю, потому что онъ гость мой.

— Ха, ха, ха! Это у тебя все твои эти кавказскія, восточныя правила! насмѣшливо проговорила она:—да если этотъ гость шпионшка, подлець, мерзавецъ?

— Сударыня! да постыдись ты, Христа-ради! укорливовсплеснулъ старикъ руками:—вѣдь ты благородная дѣвушка! Ну что ты дѣвчицы уста свои оскверняешь такими гнусными словами! Откуда все это? И чтѣ это за тонъ-то у тебя нынче? Гдѣ жь твоя скромность, голубушка ты моя?!

— Мнѣ это наконецъ надоѣло! топнула она ножкой, снова скрепящая руки и становясь предъ отцомъ:—я хочу знать рѣшительно: будутъ ли у насъ! бывать шпионы, или не будутъ?

— Шпионовъ не бывало и бывать не будетъ, категорически отвѣтилъ старикъ, поднявшись съ мѣста:—а Андрей Павлычъ будетъ! И пока я живъ, я никому не позволю оскорбить его въ моемъ домѣ, и никто этого не осмѣлится!

— А! когда такъ, такъ хорошо [же! взвизгнула Анна Петровна, заливаясь гнѣвными слезами:—это деспотизмъ.... это насиліе.... это самодурство наконецъ!... [Этого я выносить не стану!... я не въ силахъ больше!... Терпѣніе мое лопнуло, такъ жить нельзя, и я не хочу, не хочу, не хочу больше!... возвышала она голосъ:—слышите ли, не хочу, говорю я вамъ!... Послѣ этого, между нами все кончено! Прощайте, Петръ Петровичъ!

И стремительно вырвавшись изъ комнаты, она мимоходомъ захватила гарибальдійку да бедуинъ, перекинутый через спинку стула, и бросилась вонъ изъ дому.

— Нюта! Нюточка! голубчикъ!... Куда ты!... вернись! вернись, Христа-ради! вдругъ переполошившись, схватился старикъ въ догонку за дочерью. Словно ошалѣлый, выбѣжалъ онъ

за калитку и, какъ былъ въ одномъ халатѣ и безъ шапки, побѣжалъ по улицѣ.

Нюточка спѣшно обернулась на его голосъ, и вида что онъ ее, пожалуй, догонитъ, сама торопливо пустилась бѣжать отъ него, махая встрѣчному извозчику, и поравнявшись съ его дрожками, съ разбѣгу прыгнула въ нихъ.

— Пошелъ!... Пошелъ живѣе! Поворачивай! чуть не задыхаясь толкала она своего возницу, и тотъ, въ надеждѣ на хорошую вырубку, со всеусердiемъ сталъ хлестать свою лошадь.

Въ эту минуту молодая дѣвушка вся была въ какой-то изступленно-нервной экзальтаціи. Ее душилъ приливъ злост-ной досады избалованнаго, капризнаго ребенка; слезы ручьями катились по щекамъ; лихорадочная дрожь колотила все тѣло. Она сама не помнила и не понимала хорошенько что съ нею и что она дѣлаетъ.

Старикъ поглядывалъ ей вслѣдъ и поныкъ головой. Изъ разныхъ оконъ на эту сцену уже глядѣли любопытныя головы. „Господи! чужіе люди видѣли!“ чѣмъ-то колючимъ отозвалось въ сознаниі Петра Петровича, и онъ вдругъ какъ-то осыпая, сконфузился, и стараясь ни на кого не глядѣть, побрекъ въ свою калитку.

XXI. Безъ дочери.

Не скоро пришелъ въ себя старый Лубяскій, но все-таки мало-по-малу болѣе спокойное, сознательное горе тихо овладѣло имъ, и среди этого горя нашлось еще мѣсто надеждѣ. Надежда же явилась потому, что слѣшкомъ велика была любовь его.

„И куда это поскакала она, сумасшедшая? думалъ себѣ майоръ, слоняясь изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ:—къ дурицѣ къ этой къ Лидіи Затцъ, что ли? или къ Татьянѣ Николаевнѣ?... Нѣтъ, та не того покроя, къ той не поскачетъ!... Неужели къ Полояррову? вдругъ мелькнула ему жуткая, страшная мысль, которую онъ всячески постарался тотчасъ же отогнать отъ себя: — нѣтъ, нѣтъ.... нѣтъ, не можетъ этого быть!... Какія глупости бредутъ мнѣ въ голову!... Это я разстроены нынче, это оттого все.... Моя Нюточка, нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ.... Вѣрно у Лидіи Затцъ.... Она скоро вер-

нется, утѣшалъ онъ себя баюкающею надеждою:—образумится и вернется.... Она благоразумная вѣдь.... не можетъ не вернутся.... Надо тогда поговорить съ ней.... Надо покротче, поласковѣе.... Вѣдь и я ужъ тоже! развѣ можно эдакъ-то круто?... Эдакъ нельзя.... Надо уговорить, урезонить.... Она пойметъ же вѣдь наконецъ.“

А между тѣмъ время шло да шло себѣ, и пробило уже десять часовъ.

Маіоръ снова начиналъ тревожиться и сердиться.

„Вѣдь эдакая, право, скверная, упрямая дѣвчонка! Характеръ-то какой настойчивый!... Это хочеть чтобъ я покорился, чтобъ я первымъ прощенія просилъ да по ея бы сдѣлалъ.... Ну, ужъ нѣтъ-съ, извините! Этого не будетъ! Этого нельзя-съ!... Да-съ; этого нельзя-съ!... Изъ-за пустой поблажки да честныхъ хорошихъ людей обижать, это называется бабствомъ! А я не баба, и бабой не буду!... Да-съ; не буду бабой! вотъ чтò!“

Маіоръ, жестикулируя, размахивая руками и говоря самъ съ собой въ полшепота, все къ кому-то обращался, словно въ этой комнатѣ сидѣла воображаемая Нюточка.

„Нѣтъ, надо будетъ взять другія мѣры!... Непремѣнно другія мѣры!...“ совѣтовалъ онъ самому себѣ. Но какія именно будутъ эти предполагаемыя мѣры, — старикъ не опредѣлялъ, и даже будто избѣгалъ такого опредѣленія, онъ только какъ бы утѣшалъ и баюкалъ себя тѣмъ что мѣры непременно должны быть другія. „Хорошо бы всѣхъ этихъ господъ того.... въ шею! показалъ онъ выразительнымъ жестомъ:—чтобъ и духомъ ихъ тутъ не пахло! тогда будетъ отлично.... тогда все какъ нельзя лучше пойдетъ!... Да-да; непременно другія мѣры....“

„Но, Господи! Чтò же это Нюточка?!..“

Пробило одиннадцать, а ея все нѣтъ еще. Вотъ и половина двѣнадцатаго; вотъ и двѣнадцать, но Нюта не возвращается. Безпокойство все болѣе и болѣе овладевало имъ, и къ этому безпокойству примѣшивались и тоска, и страхъ безотчетный. Онъ рѣшился ожидать до часу, и все время, въ открытую форточку, напряженно и чутко прислушивался—не дребезжать ли на улицѣ дрожки, не слышать ли легкихъ приближающихся шаговъ. Онъ бы по чутью угадалъ звукъ походки своей дочери. И вотъ, изрѣдка послышатся чьи-нибудь шаги, маіоръ встрепенется, сердце его станетъ биться порывистѣй,

напряженіе.... но нѣтъ, не она!... все не она это! все другіе, посторонніе, либо не доходя гдѣ-нибудь останавливаются и затихнуть въ какой-нибудь чужой кааиткѣ, либо все мимо да мимо проходятъ, а ея все нѣтъ какъ нѣтъ!... И когда же наконецъ она будетъ? И когда же затихнетъ и уляжется этотъ страхъ, эта тоска все болѣе и все мрачнѣе растущая въ сердцѣ стараго маіора? Но вотъ и *часъ* простоналъ гулкій колоколь на далекой соборной колокольнѣ.

Маіоръ съ лихорадочною поспѣшностью сталъ одѣваться и ушелъ изъ дому, къ несказанному, но безмолвному удивленію заспанной Максимовны.

Спѣшнымъ шагомъ, и почти что рысцой, направился онъ въ Кривой переулкъ, гдѣ жила Лиденъка Затцъ. Но въ Кривомъ переулкѣ все было глухо и тихо, и у одного только подъѣздика полицеймейстерской Дульцинеи, обычнымъ образомъ, стояла лихая пара подполковника Гнута, да полицейскій хожалый, завернувшись въ тулупъ, калякалъ о чемъ-то съ кучеромъ. Маіоръ поспѣшно прошелъ мимо нихъ, стараясь спрятать въ воротникъ свое лицо чтобы не выдали его, словно казалось ему, они могли и знать, и догадываться куда онъ идетъ и кого отыскиваетъ.

Лиденъка Затцъ не спала еще и, понятное дѣло, съ подобающимъ изумленіемъ встрѣтила поспѣтителя, столь позднаго, столь рѣдкаго, и притомъ въ такую странную, необычную пору. Она еще болѣе удивилась, когда тотъ спросилъ о своей дочери. Лиденъка не знала гдѣ она и сегодня весь день даже не видала ея. Маіоръ ушелъ еще болѣе озадаченный и разстроенный.

— Не у Горевыхъ ли она? сказала Затцъ въ догонку ему на лѣстницѣ.

— Не знаю.... Побѣгу сейчасъ.

— А можетъ-быть....

Хотѣла еще что-то сказать она, но не договорила и замолкла. Видно было, что самое ее одолѣло вдругъ какое-то сомнѣніе.

— Что „можетъ-быть“? жадно и тревожно обернулся на нее Лубянский.

— Нѣтъ.... ничего, я такъ только....

— Что „можетъ-быть“? Говорите, не бойтесь! настойчиво повторилъ онъ.

— М-м-можетъ-быть, она.... у Полоярова, сомнительно высказалась Лиденъка, которую засосалъ червячокъ ревности.

Старика словно вѣтромъ шатнуло, такъ что онъ едва успѣлъ ухватиться за перила. Это было слово котораго онъ самъ себѣ не смѣлъ выговорить, предположеніе котораго онъ страшился, вопросъ котораго даже не дерзалъ онъ задать себѣ. Нѣсколько секундъ простоялъ Петръ Петровичъ въ нѣмомъ раздумьи, и наконецъ снова повернулся къ Лиденъкѣ.

— Нѣтъ; этого нѣтъ и быть не можетъ! твердо сказалъ онъ ей рѣшительнымъ и поддѣльно увѣреннымъ тономъ: — это вздоръ!... нелѣпость!... Она.... я знаю гдѣ она: она у Горевыхъ.

— Ну, ступайте, ищите! Помогай вамъ Господи! проговорила Затѣцъ, затворяя двери, и въ голосъ ея послышалась боль и насмѣшка уязвленной ревности и страдающаго самолюбія....

Петръ Петровичъ пошелъ въ другую часть города, гдѣ жили Горевы. Но въ окнахъ у нихъ было темно, тамъ, очевидно, всѣ давно уже спали.

„Что жъ стучаться-то, тревожить понапрасну, подумалъ себѣ майоръ:—стало-быть, ея тамъ нѣтъ.... Только одинъ лишній скандалъ.... Нечего и спрашивать!... А кабы ночевать осталась, или заболѣла, такъ прислали бы сказать....“

„Куда жъ теперь?“ спросилъ онъ себя мысленно. И стало ему вдругъ страшно, жутко и холодно.... Замерещилось будто онъ, онъ самъ жестоко обидѣлъ, оскорбилъ свое родное дитя, и оно, бѣдное, безумное, съ горя пошло да въ воду кинулось.... утопилось.... умерло.... плыветъ теперь гдѣ-нибудь.... или къ берегу прибило волной его мертвое тѣло....

И полный этими черными мыслями, онъ, какъ къ единственной надеждѣ своей, бросился къ Устинову.

Учитель еще не спалъ и работалъ, обложенный книгами. Въ первую минуту онъ даже испуганно отшатнулся отъ своего неожиданнаго гостя, до того было болѣзненно-блѣдно и разстроено лицо Лубянскаго.

— Петръ Петровичъ! Чтѣ съ вами?

Тотъ кое-какъ, съ трудомъ, разказалъ въ чемъ дѣло.

— Пойдемъ искать вмѣстѣ.... помогите мнѣ.... вмѣстѣ скорѣе, можетъ.... какъ-нибудь.... спасите ее! говорилъ онъ урывками какихъ-то смутныхъ мыслей, въ какой-то почти помутѣвшей растерянности.

Учитель молча, но поспѣшно сталъ одѣваться, и въ двѣ три минуты былъ уже готовъ.

— Куда же идти-то? спросила онъ, выйдя на улицу.

— На рѣку.... на рѣку идти.... Она тамъ вѣрно.... тамъ.... Гдѣ же больше? бормоталъ майоръ, весь дрожа нервическимъ трепетомъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, этого быть не можетъ, самымъ увѣреннымъ тономъ сталъ успокаивать его Устиновъ. — Я головой готовъ ручаться что не можетъ!... Просто такъ, подурила себя немножко, а это нѣтъ, это вы только напрасно себя беспокоите.... Тутъ что-нибудь иное....

— Иное?... Да что жь иное? Затцъ говорила.... что у этого.... у Полоярова.... Но вѣдь Затцъ дура.... она вретъ это.... этого быть не можетъ, съ одышкой сказалъ наконецъ Лубянской.

Устинову мелькнула вдругъ новая мысль, новая догадка.

— А вы тамъ были? у Полоярова-то? осторожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не былъ.... Зачѣмъ же туда?... Тамъ вѣдь нѣту....

— Да все-таки.... попытаемся, сходимъ.... можетъ, онъ знаетъ....

Отправились къ Ардалиону. У воротъ того дома гдѣ обиталъ онъ, дремалъ дежурный дворникъ.

— Дома господинъ Полояровъ, не знаешь ты? спросилъ Устиновъ.

— Нѣтъ его дома; не бывалъ еще.

— А не была тутъ вечеромъ.... молодая.... дѣвушка? съ трудомъ проговорилъ Лубянской.

— У Полоярова-то? переспросилъ дворникъ.

— Да, да, у Полоярова....

— Какая это?... Чернявенькая такая? стриженная?

— Ну, да, да!... Она самая.... Не была?

— Вечеромъ? такъ часу, значить, въ девятомъ?

— Такъ, такъ; въ девятомъ, въ началѣ девятого.

— Была, приѣзжала, подтвердилъ дворникъ: — да она тутъ часто у его бываетъ.

— Гдѣ жь она? здѣсь? перебилъ Устиновъ.

— Нѣтъ; таперя нѣтъ ея, уѣхамши....

— Какъ, уѣхавши!... Куда? почти вскрикнулъ Петръ Петровичъ.

— А не знаю доподлинно.... Слышалъ, такъ часу въ одинъ

наддатою, рядили аны тутъ вдвоемъ извощика за-городъ, значить, какъ быдто въ Гулякину роцу, самъ-то, кажись, маленько выпикши былъ, а въ точности не знаю, можетъ и не туда.... потому, назадъ еще не бывали.

— Ну, спасибо, спасибо, голубчикъ, заговорилъ Лубянской, торопиво порывшись въ карманъ и сунувъ въ руку дворника какую-то монетку: — на, на, возьми себѣ! Пойдемте, Андрей Павлычъ.... Пойдемте отсюда.... Что жь намъ здѣсь дѣлать?

И старикъ торопливымъ шагомъ побрелъ отъ воротъ. Устиновъ пошелъ слѣдомъ и сталъ замѣчать что Лубянской усиленно старается придать себѣ бодрость. Но вотъ завернули они за уголь, и здѣсь уже Петръ Петровичъ не выдержалъ: оперевши на руки голову, онъ прислонился локтями къ забору и какъ-то странно закашлялся; но это былъ не кашель, а глухія, старческія рыданія, которыя, сжимая горло, съ трудомъ вырывались изъ груди.

Учитель тихо отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону чтобы не мѣшать своимъ присутствіемъ этому порыву глубокаго горя, и въ то же время не спускалъ внимательныхъ глазъ со старика, будучи готовъ при первой надобности подать ему какую-либо помощь. Прошло нѣсколько минутъ пока нарыдался Лубянской. Тихо отклонясь отъ забора, онъ, шатаясь, сдѣлалъ два шага и присѣлъ на тумбу.

Минуло и еще нѣсколько минутъ когда наконецъ учитель рѣшился подойти къ нему.

— Петръ Петровичъ!... а, Петръ Петровичъ?... Пойдемте-ка лучше домой.... Я провожу васъ, осторожно и тихо сказалъ онъ, съ участіемъ дотронувшись до плеча Лубянскаго.

— А?... что?... какъ?... пробормоталъ тотъ, словно бы очнувшись. — А, это вы, голубчикъ?... Что вы говорите?

— Я говорю, пойдемте домой.... дома лучше.... Что жь сидѣть-то!...

— А?... Домой?... Хорошо, пойдемъ домой.... Хорошо.... пойдемте....

Устиновъ помогъ ему подняться съ тумбы и подъ руку повелъ по улицѣ. Старикъ видимо ослабѣлъ и даже слегка пошатывался.

Молча дошли они до самой калитки, и здѣсь Петръ Петровичъ какъ будто пріободрился немного.

— Спасибо вамъ, голубчикъ, спасибо! сказалъ онъ, сжимая

руку учителя: — теперь ужъ я самъ.... Извините что потребовалъ васъ.... Не беспокойтесь, я самъ.... я самъ какъ-нибудь.

Учитель понялъ что ему хочется остаться одному-одиношеньку со своею думой, со своимъ великимъ горемъ, и потому, не входя во дворъ, простился у калитки.

Столъ же, повидимому, бодро вошелъ старикъ и въ комнату. Сонная кухарка зажгла ему свѣчу и поставила ее на столъ, гдѣ еще съ десяти часовъ вечера былъ собранъ холодный ужинъ, за который маіоръ никогда не садился безъ дочери. Два прибора и закуска до сихъ поръ оставались нетронутыми.

— Ступай, Максимовна, спи себѣ, ты не нужна мнѣ, обернулся онъ къ кухаркѣ которая зѣвая и почесываясь стояла у дверей.

Оставшись наконецъ совершенно одинъ, Петръ Петровичъ долго стоялъ по срединѣ комнаты, не то въ какомъ-то разсѣянномъ раздумьи, не то въ полномъ оцѣпенѣломъ безмыслии. Даже лицо его не выражало теперь никакого оттѣнка горя, тоски или думы, или другаго какого ощущенія, но не сказывалось въ немъ тоже и равнодушія, ни апатичной усталости, а было оно, если можно такъ выразиться, вполне безлично, безвыразительно.

Съ тѣмъ же тупымъ, безличнымъ взглядомъ подошелъ онъ къ столу, разсѣянно налил рюмку водки, разсѣянно пропустилъ ее сквозь зубы и медленно отошелъ на прежнее мѣсто.

Странное раздумье все еще владѣло имъ, и чрезъ нѣсколько времени онъ опять повторилъ тотъ же маневръ съ рюмкой, словно и не помня что одна уже выпита, и тихо, на цыпочкахъ, прокрадся въ комнату дочери.

Предъ благословленнымъ образомъ покойной жены его тихо мерцала тамъ лампадка которую никогда не забывала затеплить на ночь старая Максимовна, и свѣтъ этой лампадки слабо озарялъ предпостельный столикъ со свѣчой и графиномъ воды, кисейную занавѣску, нѣсколько книгъ на окошкѣ и дѣвическую кровать застланную чистымъ, свѣжимъ бѣльемъ и тщательно, какъ всегда, приготовленную на ночь. Надъ кроватью висѣлъ небольшой портретъ покойной жены Петра Петровича, умершей назадъ тому четыре года. Фотографическій оттискъ давно уже сталъ выцвѣтать, но все еще довольно живо хранилъ добрыя, мягкія, спокойныя черты немолодой пожилой женщины.

Маіоръ остановился и надолго застылъ въ раздумьи предъ постелью своей дочери.

Эта чистая дѣвическая постель еще въ первый разъ въ жизни оставалась въ такую глухую, позднюю пору ночи пустою и несмятою.

„Гдѣ она?... Чтѣ съ нею?..“

Что-то колючее, какъ тонкая холодная игла, щекотно проникло старику въ самую заповѣдную глубь сокрушеннаго сердца.

„Ушла.... Сама ушла.... И нѣтъ ея.... и не будетъ больше.... Кабы жива была покойница, можетъ, этого не случилось бы.“

Словно больной, надѣвливый зубъ, сердце все ныло и ныло, такъ тихо, но непрестанно, и такъ долго, такъ однообразно....

Маіоръ присѣлъ на стулъ предъ кроватью, около столика, безотчетно поправилъ отвернувшійся край простыни, подперъ руками голову и — безъ думы, безъ мысли, съ одною только болью въ сердцѣ, — сталъ глядѣть все на тѣ же бѣлыя подушки, да на тотъ же портретъ, смотрѣвшій на него со стѣны добрыми, безмятежными глазами. Такъ застали его первые лучи солнца. Онъ спалъ, теперь спомъ глухимъ и тяжелымъ.

XXII. Великодушный Ардалионъ.

Въ девятомъ часу утра, отправляясь въ гимназію, Устиновъ нарочно далъ крюку и завернулъ къ маіору провѣдать чтѣ съ нимъ теперь дѣлается. Онъ очень опасался за его здоровье. Маіоръ уже проснулся, вымылся, оправился и, судя относительно, глядѣлъ довольно бодро.

— Чтѣ же мнѣ дѣлать теперь, Андрей Павлычъ? Научите, присоветуйте. Я вѣдь, просто, голову потерялъ! грустно говорилъ онъ Устинову: — не знаю, хорошо ли это, но думаю пойти туда.... все-таки узнаю что-нибудь.

— А не подождать ли, можетъ, сама вернется....

— Ахъ! да вѣдь сердце-то все мое изныло!... Не могу я такъ! тоскливо перебилъ старикъ: — ужъ хоть бы знать что-нибудь положительное! Ну, умерла она — ну, такъ бы, по крайней мѣрѣ, и зналъ что умерла; а бросила — такъ бросила!..

Господь съ нимъ!.. А то эта неизвѣстность хуже всего! Вѣдь ужь я измучилась!

Устиновъ не нашель возраженій противъ этого чувства, и старикъ вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ дому. Одинъ пошелъ на службу, другой къ Ардалиону Полоярову.

Анна Петровна проснулась уже давно и притомъ очень рано. Ей спалось плохо; перерывистый сонъ былъ смутенъ и тревоженъ. Подобравъ подъ себя ноги и плотно закутавшись въ свой бедуикъ, она прижалась въ уголокъ кожаного дивана, и раздумье о своемъ новомъ положеніи, о новой жизни, помимо ея собственной воли, неотступно брело въ ея голову. У другой стѣны, примостившись кое-какъ на составленныхъ креслахъ и стульяхъ, спалъ Ардалионъ Полояровъ. Въ комнатѣ было грязно и беспорядочно, и вся обстановка съ перваго взгляда показывала что здѣсь живетъ холостой бобыль бездомовникъ.

Ардалионъ потянулся, почавкалъ губами, зѣвнулъ, и открывъ глаза, приподнялся на локтяхъ со своихъ стульевъ.

— А, матушка, уже проснулась? улыбнулся онъ Аннѣ Петровнѣ. — А что самоварчикъ? Побаловаться бы горяченькимъ, а то смерть какъ скверно!

Самоваръ давно уже стоялъ на столѣ, и давно парился на немъ чайникъ, но новая хозяйка даже и не дотронулась до налитой чашки. Она молча подошла теперь къ столу, нашла стаканъ и подала Полоярову.

— Что это? Никакъ глазки на слезки? спросилъ онъ, взглянувъ на смутное, опечаленное лицо дѣвушки. — О чемъ это? Ужь не о папенькѣ ли стосковались?

— Да, о немъ, отвѣтила она очень серьезно.

— Э, барышня! Это надо же было предвидѣть! Вѣдь рано ли, поздно ли, ты все-равно должна же была бы оставить его.

— Да, но такъ оставить какъ я оставила....

— Рѣшительно все одно и то же. Важна сущность факта, а сущность законна, потому что естественна, а обстановка— такъ ли или иначе совершился фактъ, это не суть бо важная; это пустяки!

— Но вѣдь дворникъ сказывалъ что насъ спрашивали.... Это, вѣрно, онъ былъ, раздумчиво проговорила дѣвушка, отвѣчая не Полоярову, но какъ будто самой себѣ, на какую-то свою собственную, отдѣльную мысль.

— Всепретемно оны... и должно-быть съ Устиковымъ, подтвердилъ Ардалионъ.

— Я боюсь что оны придетъ и сегодня, сказала Нюточка.

— Ха-ха-ха! „Боюсь“!... Чего же тутъ бояться?... Ну, и пусть его приходить!... Я бы даже желалъ чтобъ оны пожаловалъ.

— Это зачѣмъ? подняла она удивленные взоры.

— А зачѣмъ чтобы поглядѣть какъ вы встрѣтитесь. Это тебѣ, матушка, будетъ хорошій оселокъ.... что называется— проба пера. До сихъ поръ все пустячки были, а теперь игра пойдетъ въ серьезную. Вотъ ты и испытай, на сколько ты боецъ жизни! Теперь и узнаешь, есть ли у тебя настоящій характеръ или, просто, ты тряпца, кисейная барышня.... Полю-ка, матушка, возьми лучше голову въ руки и будь заправскою женщиной, а сантиментальничанье къ чорту, если хочешь чтобъ я уважалъ тебя! Коли предъ всякимъ старикомъ киснуть, такъ что же ты станешь дѣлать предъ настоящимъ, предъ серьезнымъ-то дѣломъ?

Въ дверь заглянула квартирная хозяйка и объявила Ардалиону что его какой-то старичокъ спрашиваетъ.

Лубянская смутилась и принужденною улыбкой хотѣла скрыть это чувство предъ Полояровымъ, который въ свою очередь окинулъ ее пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Ну, Анютка!... Смотри, молодцомъ у меня!... Сдѣлай! подмигнувъ оны ей, и растворилъ маіору дверь своей комнаты.

Петръ Петровичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ тревожнымъ взглядомъ окинулъ всю обстановку и невольно попятился къ дверямъ, смущенный, сконфуженный и какъ бы пришибенный какою-то внезапностію.

Оны ожидалъ многого, но то что увидѣлъ оны здѣсь было сверхъ его ожиданій.

Эта грязная, пропитанная табачнымъ дымомъ комната, эти составленные стулья, этотъ диваншко съ брошеною подушкой, этотъ разстегнутый воротъ кумачной рубахи, и среди всей этой обстановки вдругъ она, его чистая голубка, его родное, любимое дѣтище.... Маіоръ смѣшался и сконфузился до того что не могъ ни глазъ поднять, ни выговорить хоть единое слово.

Полояровъ вызывающимъ взглядомъ глядѣлъ на дѣвучку.

Стараясь побороть въ себѣ чувство смущенной невольности, она, съ улыбкой напускнаго равнодушія, словно ничего

особеннаго не случилось съ ней, отправилась къ отцу стоявшему на порогѣ.

— А, это ты, папахень? Здравствуй!.. Что же ты не ходишь?

— Нюта!.. Гдѣ ты?.. Что съ тобой? глухо проговорилъ онъ наконецъ, не двигаясь съ мѣста.

— Какъ, Боже мой, гдѣ? У Ардалиона Михайлыча! отвѣтила она все съ тою же дѣланною улыбкой.— Да чего ты такой страшный, папахень? Ровно ничего такого особеннаго не случилось чтобы въ священный ужасъ приходить! Повздорили мы съ тобой вчера немножко, ну, что же дѣлать, всако бываетъ! Вчера повздорили, а сегодня помиримся.

Старикъ стоялъ и глядѣлъ на нее изумленно и недовѣрчиво, точно бы онъ и въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ что это дочь его.

— Да чего ты такъ глядишь на меня, продолжала она, ласково положивъ на плечо ему руку:— своя, не чужая! Все та же что и прежде. Ну, хочешь, подѣлаемся?

— Нюта! Голубушка! Что это ты надъ собой сдѣлала? не выдержавъ, наконецъ, зарыдалъ отецъ и припалъ на плечо дочери. — За что ты себя опозорила!.. Нюта... Нюта моя!..

— О, какіе ты вздоры говоришь, папахень! ласково засмѣялась она.— Ну, чѣмъ же я себя такъ опозорила? Что жъ я подлость какую сдѣлала? украдала? продала кого? Въ чемъ позоръ-то?

— У него... Нюта! у него на квартирѣ... ночью... одна!.. Боже мой, Боже! до чего дожилъ я!

— Экая важность что у него! возразила дѣвушка, успѣвшая уже оправиться и даже нѣсколько успокоиться и облегчить себя тѣмъ что отецъ такъ мягко встрѣтилъ ее.— Что у него, что въ другомъ мѣстѣ, не все ли равно? А ты зачѣмъ дритвоишь меня? Кабы ты больше уважалъ мои человѣческія права, я бы не ушла отъ тебя. А уйдя, куда же мнѣ было дѣваться? Конечно къ Полоярову, потому мы друзья съ нимъ.

— Нюта моя! Пощади ты мою сѣдую голову! Не говори ты такихъ словъ ужасныхъ!

И онъ вдругъ упалъ предъ ней на колѣни.

— Умоляю тебя!.. Господи! Кабы все это одинъ только сонъ былъ; кабы ничего этого не было!.. Я не вѣрю... не могу вѣрить... Нюта! скажи ты мнѣ, вѣдь этого ничего нѣту?.. Да?... да? Вѣдь нѣту?

— Да чего вѣту? О чемъ ты хлопочешь, папахень? Не понимаю тебя я!

— Ну... хоть обними ты меня... но только... Да вѣтъ, неужели же все это правда?

И онъ мучительно, тоскливо схватилъ себя за голову.

Дѣвушка, не зная что дѣлать, что отвѣчать ему, недоумѣло пожала плечами и бросила взглядъ на Полоярова, какъ бы прося его помощи и совѣта. Но Ардалионъ, закура папиросу, спокойно разсылся на диванѣ, и заложивъ ногу на ногу, безучастно оозерцалъ эту сцену.

— Ахъ, да встань же ты, папахень! досадливо принялась Анна Петровна подымать старика съ колысь.—Ну что это, право, за глупости!... Это, наконецъ, оучно!... Я разсержусь, папахень, слышишь ли? И чего тебѣ отъ меня хочется, понять не могу я!

— Хочется мнѣ.... хочется, Нюта.... знать тебя чистой.... не опозоренной.... Вѣдь это все неправда? Ничего этого не было? да?

— Старикъ затоваривается, пробурчалъ Полоярвъ.

— Я?... Я? подъялся вдругъ Петръ Петровичъ.—и ты еще осмѣлился!

И онъ въ изступленіи, порывисто кинулся на Ардалиона.

— Стопъ, машина! Стопъ! Не ву горяче на! Полегче! отстранялъ его Полоярвъ.—Вѣдь вамъ не сладить со мной: я маленько постыльнѣ буду, да и горячиться-то не изъ чего. А вы присядьте-ка, да успокойтесь, мы важъ чайку нальемъ, пожалуй, да тогда и потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

— Папахень, милый мой! обнима Лубянского дѣвушка, удерживая его дрожащія руки: — ей-Богу, все это напрасно! Ну что за трагикомедія? И все изъ-за такихъ пустяковъ! Ну, можешь успокоиться: я все та же и люблю тебя по-прежнему. Довольно съ тебя этого?

— Ахъ, Нюта, Нюта! Еслѣбъ у людей не было памяти, совершенно задохнулъ онъ, понеминому прижеда въ себя.—какъ вспомню, я съ ума схожу!... За что ты убила меня? Что я сдѣлалъ тебѣ? А вы! съ укормной обратилась онъ къ Полоярву:—я принималъ васъ въ домъ къ себѣ какъ честнаго челоуѣка, а вы вотъ чѣмъ отплатили!... Спасибо вамъ, господамъ Полоярвъ!... И тебѣ спасибо, дочка!

— Эхъ, почтеннѣйшій мой Петръ Петровичъ! махнула рукой Ардалионъ:—какую вы, право, ерунду городите, такъ

даже слушать смѣшно! Ну что же я такого безчестнаго сдѣлалъ противъ васъ? Что дочка-то ваша пришла ко мнѣ? Такъ же выгнать же мнѣ ее! Ну, все равно что пришелъ бы Андруфровъ или Подпилянскій, то и она! Я вѣдь въ этомъ вашихъ помыслахъ различій не дѣлаю, да и не понимаю ихъ. По мнѣ это все равно! Она такой же пріятель мой какъ и ты. Ну, попросилась переночевать, кабы у меня была лишняя комната, а бы, конечно, уступилъ ее, а нѣтъ комнаты, такъ гдѣ же мнѣ спать?

— А по ночамъ въ Гулянкины трактиры ѣздить съ порядочною дѣвушкой, это по-вашему не безчестно? презрительно и строго спросилъ его Лубянской.

— Въ трактиры?... М-да! это какъ на чей взглядъ, конечно... По-моему, не безчестно; просто, погулять людямъ захотѣлось, ну, и поѣхали. Самое естественное дѣло!

— Естественное дѣло позорить имя дѣвушки!

— Имя!... Ну что такое имя? Каког-то фиктивное понятіе! Пишите ваше имя на вашей дверной доскѣ, на вашей книгѣ, на вашихъ векозлахъ тамъ что ли, это я все понимаю; а что люди погулять поѣхали, такъ при чемъ тутъ имя-то? Все это, батюшка мой, одни только нелѣпые предрасудки! Эта пѣсня стара, ее бросить пора! Ну, да ужъ такъ и быть! съ рѣшимостью какой-то внезапной мысли махнулъ вдругъ рукой Полосаровъ: — хоть это и въ корень противно моимъ принципамъ и убѣжденіямъ, но... ужъ куда ни шло! Липъ бы только кончить эти скучныя объясненія! Мнѣ, пожалуй, все равно! Коли вы находите что Анна Петровна опозорена мною, я, извольте, женюсь на ней! То-есть, формально сочетаясь законнымъ бракомъ! Угодно вамъ этого? Ну ужъ, кажется, „благородіе“ невозможно!

Дѣвушка изумленно и радостно окинула на него глаза свои.

— Папашень, голубчикъ! Старикашка ты мой, милый! веселе зашебетала вдругъ она, ахнула и увидалась около отца.— Ну вотъ, видишь ли какъ все это вдругъ хорошо устроилось! Ну, о чемъ же печалиться? Ну, улыбнись мнѣ, что ли! Вѣдь чего же тебѣ еще больше? Вѣдь мы съ нимъ любимъ другъ друга!

„Ишь заговорила какъ про налей-то услышала!“ молча и саркастически подумала себѣ Полосаровъ. „Вотъ она,

натура-то, и сказалась Дрянь ты, матушка, какъ поглажу я! Кисейная дрянь!"

Но старикъ не обрадовался. Великодушіе Ардалиона не произвело на него ни малѣйшаго эффекта. Онъ стоялъ въ глубоко грустномъ и сосредоточенномъ раздумьи, и только глаза его были устремлены на головку дочери съ какою-то болѣзненно-тоскливою вѣжностью.

— Пойдемъ, Нюта, домой, грустно проговорилъ онъ, и въ голосъ его сказалась тихая мольба и полное прощеніе во имя неизбежной покорности предъ судьбой и совершившимся фактомъ.

— А ты не будешь притѣснять меня? Не станешь дѣлать наперекоръ мнѣ? заторговалась вдругъ она. Въ ней митомъ проснулась капризно-своенравная, избалованная натура.—Я, пожалуй, вернусь, но только на вчерашнихъ моихъ условіяхъ! Не иначе!

— Пойдемъ, Нюта, домой! тихо повторилъ старикъ, беря ее за руку:—я ни въ чемъ тебѣ... ни въ чемъ не поперечу.

И лицо его криво передернуло нѣчто горькое при этомъ послѣднемъ словѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, ступайте-ка вы лучше домой пока, охотно поддакнулъ Полояровъ:—только ужъ, пожалуста, Петръ Петровичъ, вы ее не того.... Ужъ теперь мнѣ, какъ жениху, предоставьте право свѣдѣть за ея поступками, — не вамъ, а мнѣ, вѣдь, жить-то съ нею. Такъ вы родительскую власть маленько того.... на уздечку. Ха-ха ха! Такъ что ли говорю-то я? ась?...

— Папахель! защebetала снова радостная дѣвушка: — да что же ты не сказалъ еще ни слова! Радъ или не радъ? Я рада! Вѣдь говорю тебѣ, я люблю его! Ну скажи же намъ, скажи, какъ это обыкновенно въ старыхъ комедіяхъ говорится: „дѣти мои, будьте счастливы!“ съ комической важною приподнялась она на цыпочки, разставляя руки въ видѣ театральнаго благословенія, и наконецъ, не выдержавъ, весело расхохоталась.

Старикъ глубоко вздохнулъ и покачалъ головой.

— Охъ, милая моя!... радоваться-то особенно нечему! сказалъ онъ:—надо говорить правду: не такого жениха я всегда мечталъ тебѣ, извините, господинъ Полояровъ!... Ну, да коли любишь, выходи, Господь съ тобою! Изъ двухъ золъ это,

конечно, все жь таки меньшее... Одывайся, голубка! Продайте, господинъ Полояртовъ.

И черезъ минуту онъ увелъ свою дочь изъ этой мерской квартиры.

XXIII. Нежданнѣй ходатаѣ.

Первый часъ пополудни. Въ губернаторской столовой, за большимъ столомъ, сидятъ самое отборное общество града Славнобубенска и завтракаетъ. По правую руку отъ хозяйки графиня де-Курсы, по лѣвую—баронъ Шксь-фонъ-Саксенъ. На другомъ концѣ стола—хозяинъ и около него ксендзь Игнатій Кунцевичъ и полковникъ Пшецыньскій. Пространство по обѣ стороны между этими двумя поясами занимаютъ: княгиня-тамап и князь-папа Чухломинскіе, шестерикъ княжень-дочекъ, маленькій Шписсъ и Анатоль де-Водо. Одинъ только ни къ чему непригодный князь-папа, съ ни къ чему не нужною княгиней-тамап составляя тутъ вѣчто въ родѣ официально-неизбѣжнаго зла. За симъ все остальное общество въ различномъ составѣ своимъ представляло самый интимный кружокъ губернаторскаго дома. Тутъ былъ всѣ тѣ кого особенно жаловала тадаше Гржибъ-Загржимбайло.

Эмилія Александровна праздновала день своего рожденія. Она хотѣла придать этому дню исключительно семейный характеръ, и потому большого приѣма не дѣлала. Служащіе, кто повыше, оставляли въ прихожей свои визитныя карточки, а кто пониже, тотъ расписывался на особомъ листѣ, по которому Непомукъ потомъ опредѣлялъ степень благонамѣренности и служебной доброкачественности славнобубенскихъ чиновниковъ. Ея превосходительство нарочно не желала обременять себя утренними приѣмами, чтобы сохранить надлежащую бодрость и свѣжесть къ вечеру, такъ какъ сегодня у нея заранѣе условленный пикникъ на картинномъ берегу рѣки.

Непомукъ Анастасьевичъ любилъ хорошо поѣсть и хорошо выпить въ хорошей, интимной компаніи, а такъ какъ теперь собралась у него компанія самая хорошая и самая интимная, и такъ какъ при этомъ всѣ обратились въ самое счастливомъ, въ самомъ праздничномъ настроеніи духа, то Непомукъ достаточно успѣлъ уже оказать подобающую честь разнымъ соленьямъ и сырамъ, пропустивъ предварительно

двѣ веселыя рюмочки хорошей старой водки, которую „презентовалъ“ ему любезный ксендзъ-пробоцъ, и теперь готовился оказать еще болѣе подобающую честь огромному ростбифу который будетъ запить великолѣпнымъ англійскимъ элемъ.

И въ эту-то минуту едва лишь начавшихся гастрономическихъ наслажденій, въ столовой неожиданно появилась официальная фигурка дежурнаго канцеляриста.

Непомукъ вообще терпѣть не могъ чтобъ его безпокоили какими бы то ни было дѣлами и официальностями въ минуты наслажденія собственной утробы, и потому онъ уже кинулъ выразительно-строгий взглядъ на смущеннаго чиновника, осмѣливавшагося завѣдомо нарушить губернаторскія привычки, какъ вдругъ тотъ почтительно доложилъ что его пресвященство владыка Иосафъ изволило пожаловать.

Визитъ былъ крайне рѣдкій, вполнѣ неожиданный, и потому показался всѣмъ нѣсколько страннымъ.

Непомукъ недоумѣло перекинулся взглядами съ супругой. Что дѣлать и какъ быть въ столь экстремномъ случаѣ? Прерывать свое упитыванье, едва лишь начавшееся при столь счастливыхъ обстоятельствахъ, и прерывать его, быть-можетъ, на неопредѣленное время для какихъ-нибудь дѣловыхъ разговоровъ, это значило бы лишитъ себя одного изъ высшихъ наслажденій благами жизни и погрузиться на весь остальной день въ самое неприятное расположеніе духа. Отказать владыкѣ въ приѣмѣ—неловко, коли ужъ онъ разъ приѣхалъ, заставить его дожидаться—еще неловче, а доброе впечатлѣніе завтрака во всякомъ случаѣ уже испорчено этимъ неожиданнымъ и притомъ, втайнѣ, весьма неприятнымъ гостемъ. Непомукъ порядкомъ-таки не долюбивалъ владыку и, между *своими*, интимно называлъ его иронически „стопомъ“; „строгимъ ревнителемъ du pravoslavié“.

Эмилія Александровна, встрѣтивъ вопрошающій взглядъ супруга, своею миной и пожатіемъ плечъ послала ему отвѣтъ что, молъ, нечего дѣлать, надо принять, и Непомукъ торопливо направился въ залу.

Посреди бѣлой залы рѣзко выдѣлялась черная, высокая фигура владыки. Суковная ряса и клобукъ, съ котораго почти до пяти спадали складки крестовой наметки, составляли его нарядъ, всегда отличавшійся строгою простотой, наравнѣ съ каждымъ рядовымъ монахомъ его епархіи. Сѣдая, длинная

барода обрамляла его продолговатое, блѣдное и худощавое лицо. Въ тихихъ глазахъ свѣтился умъ, улыбка дышала кротостію, и только одни характерные углы губъ давали чувствовать что, въ случаѣ надобности, у этого человека, вѣроятно, найдется достаточно энергію, мужества, силы воли и твердости характера.

Молчаливый поклонъ, которымъ приветствовалъ онъ входящаго Непомука, отличался простотой и достоинствомъ.

— Ваше преосвященство! Чему обязанъ такую честью? любезно заговорилъ Гржибъ-Загжимбайло.

— Я, кажется, къ вамъ не въ-время? съ видомъ извиняющей предупредительности освѣдомился Иосафъ, замѣтивъ то особенное чавканье и чмоканье губами, которыя всегда почти сопровождаютъ рѣчь только-что явшаго, но не дошедшаго человека.

— О, это рѣшительно все равно! Такой почтенный гость всегда въ-время! торопливо заговорилъ Непомукъ съ нѣсколько принужденною, но за то весьма изысканною любезностью: — позвольте просить ваше преосвященство въ кабинетъ....

И хозяинъ съ вѣжливымъ поклономъ одѣлалъ ему приглашающую жестъ по направлению кабинетной двери.

Славнобубенекаго владыку сильно не долѣблявало все то что интимно терлось около славнобубенскаго губернатора и особенно около губернаторши. Отношенія ихъ давно уже были натянуты. Какъ характеристику этихъ отношеній, въ Славнобубенскѣ рассказываютъ одинъ анекдотъ, сущность котораго не подлежитъ, по отзывамъ Славнобубенцевъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Однажды, по какому-то чуть ли не официальном случаю, владыка долженъ былъ обѣдать у губернатора. Непомукъ, конечно, посадилъ Иосафа за столomъ рядомъ съ собою. Подавались между прочимъ свиныя котлеты. Въ это время у нихъ завязался какой-то административно-дѣловой споръ, а Непомукъ вообще терпѣть не могъ ничего дѣловаго за столomъ, во время упитыванія. Въ досадѣ на владыку, и желая размѣнять дѣло на шутку чтобы потомъ ужъ больше къ нему и не возвращаться, онъ, собственноручно наложивъ на тарелку свиныхъ котлетъ, любезно подаетъ ихъ аркіерею, говоря съ самою пріятною улыбкой:

— Ну, о дѣлѣ мы, ваше преосвященство, поспѣ! А теперь—

не угодно ли? „Примите и идите!“ такъ видѣ это, кажется, говорится?

Владыка на мгновеніе выскнулъ въ лица, и смотря на губернатора, удивленно отклонился на оптанку стула.

— Ваше преосвященство! я къ вамъ обращаюсь! говоривъ межъ тѣмъ Непомукъ, держа предъ мимъ котлетки:—примите и идите!

— Продолжайте, ваше превосходительство, продолжайте, съ очень внимливою улыбкой повернулъ Иосафъ свое спокойное лицо къ губернатору.

Такъ въ лоскъ и положило сконфуженнаго Непомука, предъ цѣлымъ столомъ, это неожиданное, но наиваль быстрое „продолжайте“!

Старикъ Иосафъ былъ прежде всего твердый русскій человекъ, который презиралъ всякую кривду, всякое шатаніе житейское, какъ умственное такъ и нравственное, шелъ неуклонно своимъ прямымъ путемъ, паче земли ока оберегая интересы церкви и своей многочисленной паствы; онъ охотно благославлялъ и содѣйствовалъ открытію воскресныхъ и народныхъ школъ, но не иначе какъ подъ руководствомъ людей хорошо ему извѣстныхъ; къ нему шелъ за совѣтомъ и помощью всякій дѣйствительно нуждающійся въ совѣтѣ, либо въ помощи, и никогда не получалъ себѣ отказа. Не многоглаголивое и не частое слово его, раздававшееся съ епископской кафедры, звучало вѣрой въ Бога, любовью къ православнои Россіи, надеждой на добрые плоды благихъ царскихъ починовъ. Это строгое, неблажное, самоуважающее слово порою умѣло чутко поднимать въ массѣ народное чувство. Сказать короче: въ тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы застаемъ геродъ Славнобубенюкъ, владыка Иосафъ на своемъ мѣстѣ былъ человекъ положительно вредный. Понятно, почему не долюбивали его въ салонѣ папаше Гржибъ-Загржимбайло. Съ нимъ нужно бы было бороться, и необходимость этой борьбы очень хорошо понималъ и чувствовалъ ксенавъ Игнатій Кунцевичъ; его, по-настоящему, надо бы было постараться какъ-нибудь выжить отсюда вскорѣе и куда-нибудь подальше, гдѣ бы онъ могъ быть менѣе вреденъ. Но какъ бороться и въ особенности какъ выжить, если подъ него, что называется, иголки не подточить, если этотъ старикъ, на виду у всѣхъ, идетъ себѣ тихо, но вѣрно своею прямою дорогой и честно дѣлаетъ свое

дѣло! Задача не малая, которую, такъ или иначе, необходимо нужно было рѣшить въ свою пользу.

Но.... тамъ гдѣ часто ослабѣваютъ великія силы, вдругъ иногда помогаютъ дѣлу маленькія и совсѣмъ ничтожныя, совсѣмъ пустыя обстоятельства, лишь бы только ловкій умъ сумѣлъ ими воспользоваться.

— Я нынѣ просителемъ къ вашему превосходительству! уже въ кабинетѣ тихо началъ владыка, обращаясь къ Непомуку:—вы, конечно, позволите мнѣ похотѣть предъ вами за одного изъ моей паствы?

— За кого это? серьезно сдвинувъ брови, спросилъ губернаторъ, которому былъ уже не повутру самый разговоръ подобнаго рода, въ то время когда въ столовой ждетъ заль и ростбифъ.

— За старицка тутъ одного.... за маіора Лубянскаго, посылалъ ему владыка.—Тѣмъ болѣе, ваше превосходительство, продолжалъ онъ:—что въ этомъ дѣлѣ, какъ мнѣ достоверно извѣстно, вы были даже въ обманѣ введены, а это, полагаю, даетъ мнѣ тѣмъ большую смѣлость раскрыть предъ вами истину. Вы, конечно, не посѣтуете на меня за это?

— Я это дѣло хорошо знаю, ваше преосвященство; я очень хорошо знаю это дѣло! отпарировалъ Непомукъ, котораго задѣли за живое слова Иосафа.

„Объ какой стати и по какому праву мѣшается этотъ старикъ въ непринадлежащую ему область гражданской администраціи?“ подумалъ онъ въ досадѣ на архіерея.

— Итакъ, ваше превосходительство не посѣтуете на меня, если я все-таки буду продолжать по предмету моего ходатайства, говорилъ владыка:—я нарочно самъ лично пріѣхалъ къ вашему превосходительству, потому что я очень беру къ сердцу это дѣло. Подъ полицейскій надзоръ отданъ человѣкъ вполне почтенный, котораго я знаю давно какъ человѣка честнаго, благонамѣреннаго,—примите въ томъ мое ручательство. Вамъ, полагаю, нехвѣрно доложили о немъ.

— Ваше преосвященство, началъ, оравившись, Непомукъ:—я осмѣлюсь замѣтить вамъ на это что я слѣшкомъ хорошо знаю моихъ чиновниковъ и, какъ начальникъ, обязанъ вступить за ихъ добрую славу: ни одинъ изъ нихъ не *можетъ* сдѣлать мнѣ невѣрный докладъ! И.... наконецъ, я самъ слѣшкомъ подробно выкаю въ мои дѣла, и потому не могу быть обманутымъ. Сфера нашей гражданской администраціи,

конечно, нѣсколько менѣ знакома вашему преосвященству чѣмъ мнѣ, и потому.... извините ваше преосвященство! — а имѣю скромную претензію знать что творится въ моемъ хозяйствѣ, и что касается до этого маіора, то мы имѣли достаточно данныхъ, основываясь на которыхъ, обязаны были поступить такъ, а не иначе. Это можетъ подтвердить и господинъ мѣстный жандармокій штабъ-офицеръ.

— То-есть, ваше превосходительство хотите дать мнѣ уразумѣть что я мѣшаюсь не въ свое дѣло? благодушно удыблался, замѣтилъ Иосафъ:—но я вѣдь прешу только опознать на просьбу, а въ этомъ случаѣ обращаюсь къ сердцу человека....

— Ваше преосвященство, возразилъ губернаторъ: — моему сердцу жаль его, можетъ, не менѣ чѣмъ вамъ; но... сердце человека должно молчать тамъ гдѣ дѣйствуетъ неуклонный долгъ администратора. Будучи сами администраторомъ своей епархіи, вы, конечно, поймете меня, и я, повѣрьте, весьма радъ бы сдѣлать все угодное вамъ, но въ данномъ случаѣ мой долгъ положительно воспрещаетъ мнѣ всякое послабленіе. Да самое лучшее вотъ что, домекнулся вдругъ Непомукъ:—дѣло это такого рода что самъ я ни за что не возьму на себя разрѣшать его согласно вашему ходатайству.... И надо мной вѣдь тоже есть власти.... А мы вотъ что, ваше преосвященство: у меня, кстати, теперь сидитъ баронъ Иксъфонъ-Саксенъ, какъ сами знаете, присланъ для общихъ наблюденій за направленіемъ края. Чего же лучше! Мы вотъ спросимъ его мнѣнія. Если онъ согласится, я сію же минуту исполню желаніе вашего преосвященства. Тогда я въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ.

И прежде чѣмъ Иосафъ успѣлъ что-либо выговорить, губернаторъ бросился къ дверямъ въ столовую и позвалъ Саксена:

— Адольфъ Крестьяновичъ!... Извините!... Пожалуйте сюда на минуточку! Дѣло есть!

Баронъ неохотно покинулъ свою прелестную софодку и небрежною походкой направился въ кабинетъ.

— Что скажете, mon cher?

Непомукъ изложилъ сущность ходатайства владыки и свои затрудненія удовлетворить его просьбѣ.

Нѣмецъ фонъ-Саксенъ остался нѣсколько недоволенъ тѣмъ что владыка, при видѣ его, не выразилъ ему лично никакихъ особенныхъ знаковъ почтенія, и въ душѣ отдавъ въ этомъ отношеніи большое преимущество Кунцевичу, который

всегда такъ видимо и почтительно уклонился вредъ благодѣлательнаго положеніемъ барона.

— Я точно также не возьму на себя рѣшить это, съ суховатымъ поклономъ отклонился баронъ.

— Итакъ, ваше преосвященство, сами изволите видѣть! пожалъ плечами Непомукъ: — я говорилъ вамъ что тутъ на какое послабленіе невозможно. Посмотрите, въ этой школѣ его Богъ знаетъ что дѣлалось?

— Не дѣлалось, а дѣлается, съ значительнымъ удареніемъ, скромно поправилъ владыка — и вотъ именно въ качествѣ администратора моей епархіи, на обязанности коего лежить, между прочимъ, блюсти за духовною нравственностью своей паствы, я считаю долгомъ своимъ обратить вниманіе вашего превосходительства на то что нынѣ дѣлается въ здѣшней воскресной школѣ. Эта школа стала школой безбожія: тамъ открыто проповѣдуются такія мысли и ученія отъ какихъ избави Богъ cadaго честнаго человѣка. Прѣжній законоучитель, человѣкъ достойный, котораго самъ я благословилъ на это дѣло, изгнанъ вдругъ чуть не съ позоромъ, а на мѣсто его учить какой-то исключенный изъ службы становой, вопреки постановленію закона.

— Но почему же становой, хотя бы и исключенный, не можетъ быть хорошимъ учителемъ? вышлася въ разговоръ фонъ-Саксенъ.—Сколько я понимаю, это одно къ другому не относится.

— Я и не говорю что не можетъ, отвѣтилъ владыка: — я говорю только что этотъ человѣкъ открыто проповѣдуетъ безбожіе, читаетъ тамъ воспрещенныя брошюры и дѣлаетъ на нихъ свои комментаріи, отвращаетъ учениковъ отъ церкви, наконецъ.... Вотъ что говорю я, ваше превосходительство!

— Н-да-а! Это, конечно, дурно! небрежно протянулъ сквозь зубы фонъ-Саксенъ:—хотя, собственно говоря, въ нашъ вѣкъ болѣе важно чтобы церковь была построена въ сердцѣ человѣка, чтобъ онъ въ сердцѣ своемъ имѣлъ церковь.... Это, конечно, важнѣе чѣмъ онъ будетъ ходить ничего не чувствуя и не покаямая въ видимую церковь.

Иосафъ спокойно и нѣсколько строго посмотрѣлъ на амбальнаго барона.

— Да, ваше превосходительство изволили совершенно справедливо замѣтить, сказалъ онъ тихо и медленно: — въ нашъ вѣкъ, дѣйствительно, появилось, къ прискорбію истинной

деревни, очень много людей которые говорят что ихъ церковь въ одномъ только сараѣ построена; но—странное дѣло! Я самъ знаю очень много подобныхъ, и почти всегда замѣчая что у такихъ колокольна неяркииъ въ головѣ построена... и колокола, въ добавокъ, очень душно подобралы.

И сказавъ это своимъ старчески-ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, владыка поднялся съ мѣста.

— Извините, ваше превосходительство, что обезпокоилъ васъ, поклонился онъ губернатору: — а мнѣ пора и къ дому,

Непомукъ, не удерживая его, пошелъ провожать до передней.

Баронъ былъ жестоко уязвленъ словами Юсафа. Въ первую минуту онъ покраснѣлъ и закусилъ губы, но тотчасъ же овладѣвъ собою, изображалъ одну только улыбку презрительнаго пренебреженія: дескать, эти слова оскорбить меня никакъ не могутъ; я слишкомъ уменъ и слишкомъ высоко стою для этого!

— Какая грубость! Malotru! быстро вошелъ въ столовую Непомукъ, выражая и лицомъ, и голосомъ, и походкой значительную степень негодованія. Онъ словно желалъ показать до какой степени возмущена вся его внутренность.— Это, наконецъ, чистое невѣжество!

— Ну что жъ! съ небрежною снисходительностью встрѣивалъ Саксенъ:—на это, вѣдь, нельзя сердиться: онъ, вопервыиъ, уже въ тѣхъ предѣлахъ старости, за которыми все прощительно, а вторыхъ... вторыхъ... чего жъ вы хотите отъ людей его званія? Это вполне понятно!

Однакоже, произнося всѣ эти успокоительныя фразы ради вѣшняго огражденія своего достоинства, баронъ въ душѣ весьма былъ золъ на владыку, ибо самымъ живѣйшимъ образомъ отнесъ на свой собственный счетъ его послѣднее слово.

— Это наконецъ ужъ Богъ знаетъ что такое! въ прежнемъ тонѣ продолжалъ Непомукъ:—до которыхъ же поръ будутъ продолжаться эти вѣщательства!.. Вѣдь я не вѣщаюся въ его управленіе, съ какой же стати онъ въ мое вѣщается? Этого наконецъ уже нельзя болѣе терпѣть, и я рѣшительно намѣренъ сдѣлать представленіе объ огражденіи себя на будущее время!

— О чемъ это онъ просилъ, я хорошеняко не понялъ? не выказывая особеннаго любопытства, съ обычною небрежностью спросилъ фонъ-Саксенъ.

— Представьте себѣ, cher Baron: администрація отдастъ

человѣка подъ надзоръ полиціи за зловредность его дѣйствій, за явный призывъ къ неповиновенію власти, за публичный скандалъ, за порицаніе, наконецъ, правительственнаго принципа; администрація даже — каюсь въ томъ! — оказала здѣсь достаточное послабленіе этому господину, а его преосвященство, какъ сами видите, вдругъ извоилтъ являться съ претензіями на наше распоряженіе, требуетъ чтобы мы снали полицейскій надзоръ! Если мнѣ на каждомъ шагѣ будутъ дѣлаться подобныя загвоздки, я ни за что не могу отвѣчать предъ правительствомъ!

— Н-да; его преосвященство безпокойный, очень, очень безпокойный человѣкъ, надо сознаться въ этомъ! многозначительно шевельнувъ усамъ, съ нѣкоторымъ прискорбіемъ замѣтилъ Пшещынскій.

— Помиауйте! волнуемся губернаторъ: — я, изъ крайней необходимости, учреждаю надъ школой административный надзоръ, поручаю его человѣку лично извѣстному мнѣ своею благонамѣренностью, человѣку аттестованному съ самой отличной стороны директоромъ гимназій, человѣку способному и прекрасному педагогу, а его преосвященство жившивается въ дѣло и видитъ въ этомъ распространеніе какихъ-то зловредныхъ идей, а самъ вступаетъ за господина который устраиваетъ антиправительственныя демонстраціи! Это, наконецъ, ни на что не похоже! При такихъ порядкахъ, и особенно въ настоящее смутное время, я рѣшительно отказываюсь управлять губерніей, если правительство не позаботится оградить меня! Или я губернаторъ, или я пѣшка!

— Но зачѣмъ же вы не дѣлаете предостереженія? Чего же ждать еще? замѣтилъ фонъ-Саксенъ: — на вашемъ мѣстѣ я давно бы постарался оградить себя.

— Ахъ, баронъ! прикарбно вздохнулъ губернаторъ: — это не такъ-то легко какъ кажется: у нихъ тамъ въ синодѣ я не знаю какіе порядки и какими соображеніями они руководствуются: для насъ это вполнѣ terra incognita; но... я очень радъ что все это случилось при васъ, что вы сами были свидѣтелемъ.... Теперь вы видите что это такое! Я непремѣнно приму свои мѣры, и приму ихъ немедленно; а будетъ ли успѣхъ, ей-Богу не знаю!

— Въ успѣхѣ нечего сомнѣваться! авторитетно рѣшилъ баронъ: — въ этомъ случаѣ, если что будетъ зависеть отъ меня,

я конечно подтвержу одну только голую истину. Но этого, дѣйствительно, не возможно такъ оставить!

Непомукъ не продолжалъ, и разговоръ на этомъ прекратился. Веселое расположеніе духа его было поколеблено, и завтракъ испорченъ. Тѣмъ не менѣе это неприятое приключеніе не измѣнило программы нынѣшняго дня, и пикникъ устроился своимъ порядкомъ.

На другой день въ почтовой конторѣ были приняты, съ казенными печатами, четыре пакета для отправки въ Петербургъ: одинъ отъ владыки, другой отъ губернатора, третій отъ жандармскаго штабъ-офицера и четвертый отъ барона Иксъ-фонъ-Саксена.

XXIV. Съ неба свалилось.

Прошло около двухъ недѣль съ тѣхъ поръ какъ исключили Шипкина. Ударъ внезапнаго горя столь сильно по дѣйствовалъ на его старуху-бабушку, что она серьезно заболѣла. Дома лѣчить было не на что, и пришлось отправиться въ городскую больницу. Шипкинъ остался одинъ въ убогой квартиршкѣ, за которую было уже заплачено хозяевамъ за мѣсяць впередъ. Старуха жила скуднымъ пансіономъ да тѣми крохами которыя удѣляли ей кое-кто изъ достаточныхъ знакомыхъ. Сынъ ея давалъ уроки въ трехъ домахъ и получалъ за это ежемѣсячно двѣнадцать рублей; но послѣ несчастнаго *Орла* ему сразу отказали два дома, и молодому человѣку пришлось остаться на четырехъ рубляхъ въ мѣсяць, а на эту сумму не только въ Славдубенскѣ, но даже и въ какомъ-нибудь Енотзевскѣ или Бузулукѣ особенно не разживешься, и потому Иванъ Шипкинъ начиналъ уже голодать. Занятій, или какого-либо дѣла онъ еще не подыскалъ себѣ и не зналъ пока что предложить ему въ дальнѣйшемъ будущемъ. Что можно было заложить изъ домашняго скарба, то онъ уже свезъ къ Армакѣ-ростовщицѣ, и часть денегъ отдалъ матери, на ея скудную больничныя нужды, а остальное проѣлъ. Но вотъ опять стали подходить крутыя обстоятельства — закладывать было почти уже нечего — и Шипкинъ въ весьма грустномъ настроеніи духа похаживалъ по своей горенкѣ. Онъ былъ золъ и печаленъ: нужда со

всѣхъ сторонъ, а помощи ни откуда и, какъ обыкновенно бываетъ съ неособенно сильными людьми въ подобномъ положеніи, самъ онъ терпѣя и рѣшительно не могъ придумать чѣмъ бы и какъ пособить своему горю. Положеніе казалось ему безвыходнымъ и отчаяннымъ. Былъ десятый часъ вечера. Молодой человѣкъ уныло ходилъ въ темной комнатѣ, потому что свѣчу купить было не на что. Одинъ только лучъ маслянаго фонаря слабо закрадывался съ улицы въ его окошко и чуть свѣтлою полосой ложился на стѣну. Благодаря его бесплатному свѣту, Шишкинъ могъ еще кое-какъ ходить по комнатѣ. Вдругъ замѣтилъ онъ что кто-то заглянулъ къ нему въ окошко, но сначала не обратилъ на это обстоятельство никакого особеннаго вниманія и продолжалъ ходить по-прежнему. Черезъ нѣсколько времени темный обликъ чьей-то вглядывавшейся фигуры опять появился на томъ же мѣстѣ. Шишкинъ вскинулъ глаза, быстро подошелъ къ окну, но въ эту самую минуту обликъ исчезъ. Онъ подождалъ, приглядѣлся и подумалъ что это все только такъ ему показалось.

— Должно-быть, нервы разстроены, рѣшилъ онъ самъ съ собой.

Вдругъ въ снѣгахъ послышались чьи-то незнакомые шаги, очевидно, нацупывавшіе полъ, чья-то рука шарилъ по двери, отыскивая ручку, и въ ту жь минуту незапертая дверь довольно быстро и смѣло отворилась.

— Господинъ Шишкинъ здѣсь? спросилъ незнакомый голосъ.

— Здѣсь. А что вамъ?

— Кажется, вы сами и есть?

— Да, это я. Что вамъ угодно?

— Письмо къ вамъ. Извольте получить.

И незнакомый человѣкъ, котораго ни наружности, ни костюма не могъ разглядѣть юноша, вручилъ ему запечатанный конвертъ:

— Отъ кого это? спросилъ онъ.

— Тамъ написано... узнаете, торопливо отвѣтилъ этотъ *кто-то*, и вдругъ исчезъ изъ комнаты, плотно прихлопнувъ за собою дверь. Въ снѣгахъ послышалось послѣднее шарканье быстрыхъ удаляющихся шаговъ.

— Да отъ кого же, однако? закричалъ въ догонку ему Шим-

кинь, взволнованно выбѣжавъ на дворъ, но чья-то тѣнь безъ отвѣта мелькнула въ калиткѣ и скрылась на улицѣ.

Эксъ-гимназистъ постоялъ въ нѣсколько тревожномъ раздумьи и вернулся въ горницу.

— Чтò жь бы это значило?... И чтò за странная таинственность! думалъ онъ, ощупывая конвертъ:—прочестъ его; да какъ прочтешь-то?... Хозяева не дадутъ вѣдь свѣчки.

Но недаромъ говорится что голь хитра на выдумки. Вспомнилъ онъ что подъ кроватью валяется какая-то старая дощечка—дерево, стало-быть, сухое. Онъ нашарилъ ее рукой и накололъ лучины. Спички, слава Богу, тоже нашлись, и Иванъ Шашкинъ устроилъ себѣ освѣщенiе.

Посмотрѣлъ онъ на конвертъ—нѣтъ никакой надписи; недовѣрчиво сорвалъ печать, развернулъ письмо, изъ бумажки выпала двадцати-пяти рублевая ассигнація.

— Господи!... да чтò жь это?... благодѣтель какой-то невѣдомый! вскрикнулъ онъ въ радостномъ восторгѣ, и вѣря, и не вѣря глазамъ своимъ. Ощупалъ поднятую бумажку, внимательно осмотрѣлъ ее предъ огнемъ: такъ; дѣйствительно двадцать пять рублей, и эта цифра не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнiю.—Чтò жь это значитъ?

Взглянулъ на почеркъ; рука была совсѣмъ незнакомая. Онъ жадно сталъ читать письмо:

„Вашъ смѣлый поступокъ на литературно-музыкальномъ вечерѣ доказалъ что вы обладаете въ достаточной мѣрѣ гражданскимъ мужествомъ. Ваше послѣдующее благородное поведенiе побуждаетъ насъ вѣрить что вы человекъ честный, который дѣйствовалъ сознательно, изъ служенiя своему принципу. Хотите ли стать въ ряды тѣхъ дѣятелей, которые несутъ съ собою новое социальное устройство свободного общества? Хотите ли приносить пользу честному дѣлу? Если да, то дайте отвѣтъ. Вамъ дается сроку два дня на то чтобы подумать и рѣшиться. Отвѣтъ вы можете дать слѣдующимъ образомъ: завтра, или послѣ завтра, ровно въ четыре часа пополудни, въ городскомъ саду, на поворотѣ изъ главной аллеи въ поперечную среднюю, противъ второй скамейки, начертите тростью на пескѣ дорожку крестъ, такъ чтобъ его можно было удобно замѣтить. Зная ваши временно стѣсненные обстоятельства, покорнѣе просимъ не отказаться отъ *общественнаго пособiя* изъ того фонда который имѣется въ нашемъ обществѣ для вспоможенiя его

членамъ въ ихъ полезныхъ предпріятіяхъ. Во всякомъ случаѣ—угодно ли вамъ будетъ принять наше предложеніе, или нѣтъ—вы должны прежде всего хранить самое строгое молчаніе, подѣ страхомъ неминуемой отвѣтственности предъ трибуналомъ общества.“

Волненіе отъ всей этой внезапности; радость при неожиданныхъ и весьма значительныхъ для него деньгахъ; страхъ предъ страннымъ тономъ письма и особенно предъ заключительною, весьма-таки полновѣсною угрозою; заманчивость этой загадочно-таинственной неизвѣстности, за которою скрывается какая-то невѣдомая, но, должно-быть, грозная и могучая сила (такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Шишкинъ), и наконецъ это лестно-приятное щекотаніе по тѣмъ самымъ стрункамъ самолюбія которыя пробуждаютъ въ молодомъ человѣкѣ самодовольно-гордое сознаніе собственнаго достоинства и значительности, что вотъ, молъ, стало-быть, и я что-нибудь да значу, если меня ищутъ „такіе люди“. Вотъ мысли, чувства и ощущенія, которыя овладѣли восемнадцатилѣтнимъ юношей по прочтеніи письма, невѣдомо кѣмъ поданнаго. Все это такъ странно, такъ неожиданно, внезапно, въ такую пору, въ такую минуту,—кто же, и что же это такое? У Шишкина просто голова закружилась. Онъ отчасти испытывалъ ощущенія человѣка стоящаго на самомъ краю площадки очень высокой башни: „а ну, какъ поймутъ, какъ все это раскроется, обнаружится? тогда что?... Страшно, чортъ возьми!... Страшно, но.... заманчиво. Служить честному, великому дѣлу, быть членомъ.... *самому* быть членомъ.... Меня зовутъ... меня ищутъ.... Они первые обратили на меня вниманіе, они, а не я.... значить, я стою того, если меня избираютъ!“

И онъ перечиталъ письмо и старался вдумываться въ отдѣльныя, наиболѣе льстящія самолюбію фразы, повторяя ихъ про себя по два и по три раза, словно любуясь этими фразами, ихъ смысломъ, значеніемъ, ихъ красивою сверткою.

Имъ овладѣло какое-то щекотно-щемящее, захватывающее, жуткое чувство. Самолюбіе разыгрывалось все болѣе. Онъ уже такъ живо сталъ воображать себя дѣтелемъ. Чего?—это ему самому не было еще вполне ясно. Дѣтелемъ *чего-то*, но чего-то высокаго, честнаго, благороднаго, дѣтелемъ окруженнымъ таинственностью грозной силы. „Новое социальное устройство свободнаго общества“, кажется, такъ сказано въ

этомъ письмѣ? — Да, такъ точно! Онъ воображалъ себя устраивающимъ нѣчто большое, предъ чѣмъ всѣ преклоняются, дивятся ему и завидуютъ.... Онъ извѣстенъ, онъ знаменитъ, имя его гремитъ, о немъ говорятъ, имъ интересуются, ему удивляются.... Его вездѣ и повсюду встрѣчаютъ почетъ, и любовь, и слава народная.... Онъ говоритъ съ народомъ, даетъ ему новыя свободныя права, народъ избираетъ его своимъ диктаторомъ.... Наполеонъ.... Вѣдь могъ же Наполеонъ добиться всего этого! Простой артиллерійскій поручикъ!.. Директоръ и инспекторъ гимназiи приходятъ къ нему и униженно вымаливаютъ пощады, потому что на площади эшафотъ стоитъ.... Онъ отсылаетъ ихъ на эшафотъ, но тамъ, въ самую роковую минуту, даритъ имъ пощаду и жизнь, въ виду восторженнаго народа, и даже награждаетъ весьма значительными деньгами.... хорошенькая племянница директора, вѣв себя отъ радости, кидается ему на шею. Да чтѣ племянница! тутъ ужъ не племянница, а княгиня и графиня.... Но нѣтъ! Онъ не унизится до брака съ княгиней.... Его жена (если ужъ жениться!) должна быть гражданкой, демократкой.... А вдругъ жандармы? вдругъ Пещинскій является?... Обыскъ, арестъ, казематы.... Его вывозятъ на площадь, читаютъ приговоръ.... Онъ гордо и смѣло всходитъ на эшафотъ.... „Я умираю за васъ!“ говоритъ онъ народу.... На ногахъ его кандалы, на рукахъ кандалы, на плечахъ каторжная сермяга съ бубновымъ тузомъ.... Длинная, безконечно-длинная, снѣжная пустыня.... кандалы — звякъ, звякъ.... пѣсня долгая поется во всю широкую грудь.... Тобольскъ прошли.... Томскъ прошли.... Иркутскъ прошли.... Нерчинскъ. „Такъ вѣдь, кажется? Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Чита—главный городъ Забайкальской области“, Богъ знаетъ по какому сдѣленiю мыслей и почти машинально вспоминаетъ Шашкинъ старый, давно уже наизусть заученный урокъ изъ географiи. И онъ идетъ бодро и гордо.... Онъ страдаетъ, но не падаетъ духомъ.... „Я за васъ страдаю“, говоритъ онъ кому-то:—„вы не признали, вы отвергли меня!... Я гибну.... Чтѣ жь? Ничего!... Пусть гибну я, но я гибну за честное дѣло! за свободу!... за свободу миллионнѣ братьей моихъ!...“

Такъ мечталъ юноша. Мысль его перелетала отъ знаменитости и диктатуры къ кандаламъ и Нерчинску; но одно его прельщало, другое же не пугало нисколько: въ обоихъ случа-

яхъ онъ чувствовалъ и мечталъ себя героемъ... И все это казалось ему такъ просто, такъ легко и возможно, и яркое восемнадцати-лѣтнее, воображеніе заносилось все дальше и дальше, все выше, все привлекательнѣй.... Онъ почувствовалъ себя какъ-то жутко, болѣзненно счастливымъ. Двадцати-пяти-рублевая ассигнація лежала предъ нимъ; онъ взялъ ее, и съ тѣмъ особеннымъ наслажденіемъ, которое хорошо знакомо людямъ очень рѣдко имѣющимъ въ рукахъ своихъ деньги, пощупалъ и пошурстѣлъ ею между кончиками пальцевъ. Онъ воображалъ себя почти богатымъ. „Теперь деньги будутъ!“ говорилъ онъ себѣ съ непоколебимою увѣренностью:—„теперь-то ужъ навѣрное будутъ!... И много будетъ.... У нихъ вотъ фондъ какой-то есть.... для членовъ.... значить, будутъ!... Бабушкѣ надо рублей десять снести.... То-то обрадуется!... Скажу: заработалъ!... „Молчать подѣ страхомъ неминуемой ответственности“.... Ну, еще бы тебѣ болтать! что я, мальчишка, что ли!... Хорошо бы кумачовую рубаху завести, какъ у Ардалиона Михайлыча... А вѣдь онъ, вѣрно, тоже того?... Впрочемъ, вѣтъ,—гдѣ ему?... Только надо бы еще и поддевку.... писовую.... Если когда случится, то непременно такой указъ надо издать чтобы фраки и мундиры долой, а одѣвъ бы только поддевки....“

Но мечтая такимъ образомъ и быстро перебѣгая отъ одной мысли къ другой, Шишкинъ вспомнилъ что онъ сегодня очень плохо обѣдалъ, то-есть, лучше сказать, совсѣмъ не обѣдалъ, а съѣлъ одну только трехкопѣчную булку которую купилъ на пристани. Желудокъ, при этомъ воспоминаніи, не преминулъ заявить о себѣ довольно чувствительнымъ голодомъ. Юноша запряталъ письмо въ комодъ, отыскалъ шапку и весело отправился въ трактиръ, аппетитно разрешая вопросъ чего бы лучше заказать себѣ: поросенка подъ хриномъ, или московскую селянку на сковородкѣ?

Вернувшись домой уже сытый и притомъ съ фунтомъ стеариновыхъ свѣчей подъ мышкой, да съ пачкой папирозъ въ карманѣ, Шишкинъ почувствовалъ себя еще болѣе довольнымъ и счастливымъ. На сытый желудокъ, при ровномъ свѣтѣ свѣчи и въ струйкахъ табачнаго дыму, лежа на постелѣ, мечталось еще лучше. Онъ часто и такъ довѣрчиво улыбался широкою, мечтательною улыбкой на свои увлекательныя фантазіи, поминутно ворочался съ боку на бокъ и очень долго не могъ заснуть. Порою нѣчто острое и жуткое

возвращало его изъ міра поэзіи въ міръ дѣйствительности, и вставалъ предъ нимъ серьезный и какъ бы какой-то лотерейный вопросъ: что же дѣлать? Какъ быть? Вѣдь завтра или послѣ завтра!

„Ну, конечно, крестъ! Есть тутъ долго думать о чемъ!... Aut Caesar, aut nihil! беззавѣтно порѣшилъ онъ себѣ:—Противъ второй скамейки, на поворотѣ изъ большой въ среднюю поперечную.... Однакоже, какъ подумаешь: Господи, какъ странно все это!“

Наконецъ-то Шиткинъ заснулъ, и снился ему все тѣ же грезы. Снилось широкая, свѣтлая пустыня.... снилось дарованіе новыхъ правъ и диктатура надъ Русскою землею, и уничтоженный инспекторъ, и директорская племянница, и писовая поддевка....

XXV. Крестъ и черчень.

Шиткинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ назначеннаго часа. На нынѣшнее утро раздумье почти совсѣмъ уже не приходило ему въ голову. Онъ рѣшился на „была не была!“ Утромъ сходилъ въ больницу къ бабушкѣ и снесъ ей десять рублей, сказавъ что получилъ два новые и очень выгодные урока по рублю за часъ. Старуха, дѣйствительно, и удивилась, и обрадовалась несказанно, да и вжукъ-то былъ доволенъ что успѣлъ доставить ей эту неожиданную радость.

— Теперь, бабушка, вы только выздоравливайте! утѣшалъ онъ ее:—а денегъ у насъ съ вами будетъ вдвоёмъ! Вотъ погодите: заживемъ припѣваючи.

Та слушала, и старое сердце ея дрожало любовью и слезами....

„А какъ же, если Сибирь.... какъ же она-то?“ мелькнула ему неприятная, укоряющая мысль, и онъ самъ себѣ удивился что до этихъ поръ, во всѣхъ его мечтахъ и предположеніяхъ, при всемъ ихъ калейдоскопическомъ разнообразіи, мысль о бабушкѣ ни разу не пришла ему въ голову.

„Какъ же бабушка-то?... Что жъ она тогда?“ думалъ онъ, и тотчасъ же утѣшилъ себя самымъ успокоительнымъ завѣщеніемъ что Сибирь — вздоръ! „Сибири не будетъ; надо толькѣ умѣть молчать хорошо.... Вѣдь ужъ они-то, при ихъ силахъ, при ихъ средствахъ, знаютъ же что дѣлають.“

Кто были эти *они*—Шушкинъ не зналъ, и какъ ни бился, со вчерашняго вечера, все-таки никакъ не могъ опредѣлить себя *какъ* даже приблизительно; но при этомъ въ немъ почему-то поселилось твердое убѣжденіе что *они* сила, воращующая очень большими и могучими средствами.

Онъ не могъ дожидаться, когда-то наконецъ придуть эти желанные четыре часа, и время сегодня казалось ему какимъ-то безконечнымъ. Уйдя отъ бабушки, онъ долго безцѣли бродилъ по городу, наконецъ въ два часа пообедалъ въ трактирѣ и прямо оттуда отправился въ городской садъ. Вотъ и условный перекрестокъ, вотъ и вторая скамейка.... на этой самой дорожкѣ будетъ начертень крестъ. Кто же замѣтитъ его? Кто прочтетъ этотъ отвѣтъ? Кто такой это будетъ? Теперь уже Шушкина завлекало лихорадочное любопытство разгадать поскорѣй кто такіе эти таинственные, невѣдомые *они*, которымъ онъ уже весь принадлежитъ и душою, и тѣломъ, на жизнь и на смерть. (Такъ ему думалось.)

День былъ прекрасный. Въ саду нестрѣло много гуляющихъ. Юноша пыталъ и притомъ съ особенною выразительностью вглядываясь во многія лица, стараясь разгадать: не одинъ ли *изъ нихъ* это идетъ мимо него.

Но вотъ наконецъ на соборной колокольнѣ пробило четыре.

„Что жь, чертить, или нѣтъ?... Aut Caesar, aut nihil!... Все равно теперь!“

Онъ торопливо, но внимательно оглядѣлся во всѣ стороны: кажется, никто не обращаетъ на него особеннаго вниманія. Вставъ со скамейки и принявъ равнодушно-разсѣянный видъ, нервно дрожащею рукой рѣзко начертилъ онъ на пескѣ крестъ, и пошвыстывая да поглядывая вверхъ на вѣтви и прутья, съ независимымъ видомъ и какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ себѣ вдоль по дорожкѣ.

А между тѣмъ лицо его было нѣсколько блѣдно, и сердце билось шибко-шибко и немного болѣзненно.

„Ну, теперь ужь кончено!... basta на вѣку!... Теперь ужь нѣтъ возврата!“ думалъ онъ себѣ, и было ему, по-вчерашнему, такъ жутко и такъ радостно, только ощущенія эти скрывались теперь еще ярче и сильнѣе.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по аллеѣ, все ожидая что вотъ-вотъ кто-нибудь сейчасъ подойдетъ къ нему, дотронется легонько до плеча, шепнетъ какое-то условное, таинственное слово и поведетъ за собой, и приведетъ *куда-то*, и тамъ

будуть *они*, и онъ всѣхъ ихъ увидитъ, и начнутъ они сейчасъ дѣло дѣлать....

Но тщетно прохаживался и ждалъ увлекающійся юноша, тщетно заглядывалъ въ лицо чуть не каждому прохожему: къ нему никто не подходилъ, никто не прикасался и не шепталъ таинственного слова.

Онъ прошатался по саду до поздняго вечера, да такъ и не дождался, и ушелъ съ досадою и почти что съ полнымъ разочарованіемъ въ сердцѣ. Мечтамъ его на сей день не суждено было сбыться.

XXVI. Изъ тѣхъ или нѣтъ?

На другой день, навѣстивъ нарочно пораньше бабушку, Шпшккинъ отправился, по-вчерашнему, бродить по саду. Но всѣ ожиданія его точно также были тщетны. Думая что крестъ его либо не былъ замѣченъ, хотя самъ онъ очень хорошо видѣлъ двѣ рѣзкія черты, либо никто *изъ нихъ* не пришелъ вчера, вѣроятно, ожидая на сегодня крайняго назначеннаго срока,—онъ, едва лишь пробило четыре часа, начертилъ новый крестъ на томъ же самомъ мѣстѣ, совсѣми вчерашними предосторожностями, и отправился гулять по главной аллеѣ. Предположивъ что его прогулка мимо креста, выказывая извѣстную степень ненужнаго любопытства, быть-можетъ, послужила причиною что никто не подошелъ къ нему, изъ понятной предосторожности, онъ на нынѣшній разъ, сдѣлавъ должное, нарочно сталъ прохаживаться по другимъ дорожкамъ.

Но опять-таки и на сегодня, до самаго поздняго вечера, были тщетны всѣ его ожиданія. Озадаченный и еще болѣе раздосадованный, онъ рѣшился на завтра цѣлый день не выходить изъ сада, и, точно, привелъ это рѣшеніе къ самому аккуратному исполненію, но результатъ оказался все также безуспѣшенъ.

Тѣмъ не менѣе ретивый юноша рѣшился продолжать ежедневно свои прогулки, до тѣхъ поръ пока не добьется чего-нибудь положительнаго.

„Вѣдь не можетъ же быть чтобы мистификація! Да и съ какой же стати? разсуждалъ онъ самъ съ собою:—какой же дуракъ, ради одной шутки, станетъ посылать такіа деньги?

А если кто-нибудь и рѣшился оказать мнѣ помощь, такъ тотъ, конечно, по сталъ бы шутить и издѣваться надо мной. Это было бы несообразно.“

Заключенія Шшкина были вполне разсудительны. Онъ гулялъ по саду, почти уже потерявъ всякую надежду на осуществленіе нетерпѣливой мечты своей, но все-таки ходилъ, почти изъ одного упрямства. Страшная обстановка всего этого приключенія положительно сбила его съ толку. Онъ ломалъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ загадки и все-таки ни до чего не добился. Думалъ было въ третій разъ начертить условный знакъ, такъ какъ прежній былъ уже стертъ ступнями гуляющаго люда, но поостерегся, чтобы не подать этимъ кому-либо излишнихъ подозрѣній. Уже четвертый день ораду проводилъ онъ въ городскомъ саду.

Былъ третій часъ въ началѣ. День стоялъ прекрасный. Теплое солнце высоко горѣло среди чистаго, весенне-синяго неба. Молодая, нѣжная поросль быстро прорѣзывалась изъ почекъ и мягкожелтоватою зеленью запушила сочно налитыя, упругія вѣтви, въ которыхъ свистали, заливались и перекакивались весеннія птицы.

Иванъ Шшкинъ, уставъ наконецъ шататься по дорожкамъ, сѣлъ въ тѣни стараго вяза на скамейку помѣщавшуюся у площадки предъ павильономъ, куда на лѣтній сезонъ переселялся нѣкій предприниматель и открывалъ тамъ кафе-ресторанъ и кондитерскую. По краямъ площадки, предъ скамейками, стояли зеленые столики—признакъ того что предприниматель уже открылъ свою лѣтнюю дѣятельность, къ услажденію славнбубенской гуляющей публики. Эксъ-гимназистъ снялъ фуражку, оберъ со лба потъ, взерошилъ немножко волосы и закурилъ папирску.

Вскорѣ на той же площадкѣ появи.ся какой-то молодой человекъ, довольно привлекательной наружности, лѣтъ двадцати-пяти, въ костюмѣ буднично-сѣроватомъ, но вполне приличномъ.

Шшкинъ сначала не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Этотъ неизвѣстный господинъ присѣлъ на другой конецъ той же самой скамейки и сталъ отдуваться, какъ обыкновенно отдувается человекъ нѣсколько утомленный ходьбой подъ солнечнымъ жаромъ. Затѣмъ неторопливо скрутилъ

онъ себѣ папироску, вставилъ ее въ простой мундштучокъ и раза два искоса взглянулъ на своего сосѣда.

— Позвольте у васъ попросить огоньку! вѣжливо обратился онъ къ Шишкину, подвигаясь ближе чѣмъ на полокамейки.

Тотъ молча подаль ему папироску, съ обычною въ такихъ случаяхъ готовностью.

— Очень вамъ благодаренъ. Фу, батюшки, какая жара сегодня!... Это, кажись, еще первый день такой.

— Да, тепловато, проговорилъ Шишкинъ, чувствуя какъ бы въ некоторую необходимость отвѣтить на фразу которая въ данную минуту ни къ кому кромѣ него не могла относиться.

— Даже и черезчуръ, я нахожу. Эй! Человѣкъ! закричалъ неизвестный сосѣдъ лакею торчавшему на террасѣ павильона:—подай-ка мнѣ сюда пива бутылку, да только холоднаго!... Смерть вить хочется! какъ бы въ скобкахъ замѣтилъ онъ, обращаясь въ ползгляда къ Шишкину.

Тотъ ничего не отвѣтилъ на это, кромѣ какого-то безотносительнаго „гм!“, сопровождаемаго легкимъ кивкомъ, и продолжалъ курить свою папиросу.

Прошла минута молчанія. Незнакомецъ искоса поглядывалъ порою на сосѣда и раза два откашлялся.

— Извините... если не ошибаюсь, вы, кажется, господинъ Шишкинъ? вѣжливо и немного застѣнчиво спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ.

Гимназистъ оторопѣлъ и смутился.

„Вотъ оно!... Это изъ нихъ! изъ нихъ навѣрно!... Наконецъ-то!“ думалъ онъ, силясь поскорѣй отдѣлаться отъ своего неизвестнаго смущенія.

— Имѣлъ удовольствіе слышать васъ на публичномъ чтеніи, продолжалъ незнакомый съ легкимъ, но пріятнымъ поклономъ: — ваше дарованіе.... это, знаете, вѣдь надо особое искусство умѣть читать.... Вы имъ вполне обладаете.

Теперь уже Шишкинъ, въ свою очередь, сдѣлалъ легкій, но пріятный поклонъ.

„Изъ нихъ или нѣтъ?... Изъ нихъ или нѣтъ? прыгалъ въ умъ его неотвязный вопросъ:—какъ бы это разрѣшить себѣ поскорѣе! Какъ бы вызнать его?“

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? полусклоняясь, приподнял онъ свою фуражку.

— Василій Свѣтка, отрекомендовался незнакомый: — бывшій казанскій студентъ.... теперь въ некоторомъ родѣ

торговыми предпріятіями занимаемся. Я еще недавно здѣсь, въ Славнобубенскѣ, говорилъ оны совершенно просто и добродушно:—по дѣламъ зятя моего.

— А вашъ зять что такое? безцеремонно спросилъ юноша.

— А дѣсопромышленникъ.... Жду вотъ теперь плотовъ, по первому половодью погнали.... Лѣсъ сплаваемъ, такъ надо вотъ встрѣтить, провѣрку сдѣлать.... да тутъ еще съ купцомъ съ однимъ заподрядиться надо.... Вотъ и сижу пока.

„Нѣтъ, это не изъ тѣхъ, должно-быть,“ сомнѣвался юноша, пытливо разсматривая сосѣда и слушая его болтовню, простую и, повидимому, вполне искреннюю, вполне лишнюю всякихъ заднихъ мыслей. „Нѣтъ, не изъ тѣхъ!... Это просто такъ себѣ, добрый малый какой-то, и только!“ рѣшилъ оны и успокоился.

Лакей принесъ на подносѣ бутылку.

— Не хотите ли? предложилъ Свитка: — по жарѣ хорошо это холодненькаго.

— Нѣтъ... благодарю васъ, замаявшись, нерѣшительно отказался Шипкинъ.

— Пожалуста, не церемоньтесь!... Мнѣ очень пріятно.... Эй, человекъ! Тащи еще стакань, да скорѣе!... Для перваго знакомства! кивнулъ головой Свитка, дотронувшись краемъ своего стакана до налитаго стакана Шипкина: — мнѣ очень пріятно!... Я здѣсь, знаете ли, совершенно одинъ и никого почти не знаю, ни съ кѣмъ не знакомъ.... Должно-быть, у васъ тутъ въ Славнобубенскѣ скука ужасная?... То ли дѣло, бывало, у насъ, въ Казани!... Дивный городъ, я вамъ скажу! Вы не бывали?

— Въ Казани? Нѣтъ.

— А жаль. Вамъ бы понравилось. Вы, конечно, въ университетѣ намѣрены?

— Право, не знаю еще.... какъ случится.

— Если поступать, такъ поступайте въ Казанскій, я вамъ совѣтую.

— Да мнѣ это довольно трудно.... вѣдь я.... замаялся немного Шипкинъ, глядя въ земаю: — вѣдь я за это самое чтеніе исключенъ изъ гимназіи.

— Какъ исключены!... Быть не можетъ! сорвался съ мѣста неожиданно изумленный Свитка: — да за что же-съ?

— А вотъ, за *Ора*.

— Ну, что за мерзости!... И за что же исключать-то тутъ? Ахъ ты Господи Боже-мой!... А я и не зналъ этого!

„Нѣтъ, это не изъ тѣхъ! Совсѣмъ не изъ тѣхъ!“ оконча- тельно убѣждалъ себя въ душѣ Иванъ Шешкинъ.

— Что жь вы намѣрены дѣлать теперь? съ участіемъ спросилъ Свитка.

— А право, не знаю.... Я не рѣшилъ еще.

Свитка призадумался.

— Гм!... Это не хорошо. Мой совѣтъ все-таки въ универ- ситетѣ. Экзаменъ вѣдь не затруднитъ васъ?

— Экзаменъ-то? Нисколько! Я экзамена не боюсь. Но... средства.... какъ добраться-то? У меня средствъ нѣтъ.

— А пѣшечкомъ? пояснилъ Свитка, искоса взглядывая пыт- ливо на сосѣда: — и пѣшечкомъ можно! Не вы первый, не вы и послѣдній. Покрайности прогуляетесь, время теперь хорошее, съ народомъ познакомитесь, а это вѣдь никогда не лишнее.

— Н-нѣтъ, мнѣ это неудобно, отклонился экъс-гимназистъ, вспомя о своей прикосновенности къ какому-то „дѣлу“.

— Почему такъ? съ живостью спросилъ Свитка.

— Такъ.... Я ужь лучше тутъ какъ-нибудь устроюсь. А раз- вѣ потому какъ-нибудь...

Тотъ какъ-то особенно и чуть замѣтно улыбнулся про себя и опять заговорилъ съ прежнимъ участіемъ:

— Если хотите поступать; я могу объяснить вамъ все дѣло, какъ и что, однимъ словомъ, весь ходъ, всю процедуру.... Научу какъ устроиться, заочно съ профессорами познаком- лю, то-есть, дамъ ихъ характеристики.... Ну, а кромѣ того есть тамъ [у меня товарищи кое-какіе, могу познакомить, дамъ письма, это все вѣдь на первое время необходимо въ чужомъ городѣ.

— Благодарю васъ.... я подумаю.

— Подумайте, подумайте!... Вообще, господинъ Шешкинъ, прибавилъ онъ, радушно и любезно протягивая руку: — мнѣ бы очень пріятно было познакомиться съ вами поближе.... Извините, можетъ-быть, вы примете это за навязчивость съ моей стороны, но... я здѣсь совершенно одинъ, просто слова не съ кѣмъ перемолвить...

Экъс-гимназистъ охотно принялъ предложеніе этого зна- комства.

— Я стою здѣсь въ номерѣхъ Шешкова, пояснилъ Свит-

ка:—милости просимъ ко мнѣ какъ-нибудь, очень радъ буду! Да самое лучшее вотъ что: вы ничего не дѣлаете нынче вечеромъ?

— Особеннаго ничего.

— Такъ приходите-ка ко мнѣ!... Поболтаемъ, закусимъ, а?

Шшшкинъ согласился. Юноши его возраста вообще очень легко и скоро сходятся съ людьми.

Часу въ восьмомъ вечера онъ уже сидѣлъ въ гостяхъ у новаго своего знакомаго. Тотъ разказывалъ ему о Казанскомъ университетѣ, о жизни въ Казани.... Потоковали и о современномъ положеніи дѣлъ вообще и о Россіи въ особенности. Въ рѣчахъ Василья Свитка было очень много симпатіи къ Польшѣ. Шшшкинъ тоже вполне раздѣлялъ это чувство.

— Я думаю что и наша матушка-Русь тоже того... накануне какой-нибудь большой революціи, замѣтилъ хозяинъ, бросая пристальный взглядъ на гостя.

— Да, вотъ ужъ въ Высокихъ Снѣжкахъ поднимались... тамъ уже началось, авось и другіе подхватятъ, подтвердилъ ему Шшшкинъ.

— Да, да; вообще въ воздухѣ, кажись, сильно пахнетъ чѣмъ-то, согласился Свитка:—но все-таки, мнѣ кажется, всѣ эти бунты не приведутъ ни къ чему большому безъ послѣдовательной агитаціи.... Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, нужна система, планъ; а безъ того будутъ только отдѣльныя вспышки. Еслибы тутъ какая-нибудь организація была, ну, тогда другое дѣло.

— А можетъ-быть и есть уже организація, задорливо возразилъ Шшшкинъ.

Свитка быстро вскинулъ на него глаза, и не сводя съ его лица своего внимательно наблюдающаго взора, спросилъ:

— Организація?... А почему вы думаете что есть?

Юноша спохватился что чуть было не сказалъ лишняго: „подъ страхомъ немигнуемой отвѣтственности предъ трибуналомъ общества“, отчеканилась въ его сознаніи знакомая фраза.

— То-есть, я... конечно, ни на чемъ собственно не основываю этого, пояснилъ онъ:—но... такъ, одно предположеніе.... Почему жъ и не быть ей? Если Италия, напряжѣтъ... отчего жъ бы и намъ тоже?

— Нѣтъ-съ, батюшка, мы, Русскіе, слишкомъ еще дураки

для этого, авторитетно возразилъ Свитка съ какимъ-то презрѣніемъ: — вы говорите: Италия! Такъ вѣдь въ Италиі, ба-тюшка, были карбонаріи-съ, Италия вся покрыта сѣтью революціонныхъ кружковъ, тайныхъ обществъ, въ Италиі — шутка сказать! — голова дѣлу, Мадзини, есть, наконецъ, сердце и руки, Джузеппе Гарибальди-съ! А у насъ-то что?

— А Герценъ? а Огаревъ? горячо вступился Шшшкинъ, юное самолюбіе котораго особенно задѣло за живое эти презрительные отзывы о дуракахъ Русскихъ.

— Ну что же!... Конечно, Герценъ-то есть, да вѣдь одна ласточка весны еще не дѣлаетъ!... Ну, положимъ, что есть у насъ и Герценъ, и Огаревъ, и еще кто-нибудь, кто ихъ тамъ знаетъ! Да гдѣ же наши кружки? гдѣ наша организація? Я нигдѣ и ни въ чемъ не вижу ея пока! Ну, вотъ, сойдемся, наприимѣръ, мы съ вами и потолкуемъ по душѣ, и оба, кажись, одушевлены одними стремленіями, одними симпатіями, а что изъ этого выходитъ? Словоизверженіе одно, а чего-нибудь дѣйствующаго мы все-таки никогда не составимъ, и эта недѣятельность, эта апатія лежитъ въ нашей національной глупости, потому что мы, Русскіе, рабы по натурѣ своей и лучшаго ничего не желаемъ! И организаціи у насъ нѣтъ и никогда не будетъ!

Шшшкина такъ и подмывало схватиться съ мѣста и сказать ему: „анъ нѣтъ, молъ, вотъ есть же! есть!“ и показать въ подтвержденіе полученное имъ письмо и деньги, и для окончательной убѣдительности признаться что самъ онъ членъ тайнаго общества, и что стало-быть Русскіе не совсемъ ужъ такіе круглые дураки и презрѣнные рабы какими изводитъ изображать ихъ геоподитъ Свитка. Однако же попридержалъ на время свою прыть, „подъ страхомъ неминуемой ответственности“.

— Ну, какъ знать чего не знаешь! процѣдилъ онъ сквозь зубы не безъ вѣкоторой многозначительности въ тонѣ.

Хозяинъ изъ подлѣбья огадывалъ его своимъ изучающимъ взглядомъ и улыбулася про себя, какъ прежде, чуть замѣтною, странною усмѣшкой.

Этотъ взглядъ и усмѣшка были замѣчены Шшшкинами.

„Неужели изъ *тльз*!“ быстро мелькнуло въ его соображеніи, но всѣ предшествовавшія обстоятельства ихъ знакомства противорѣчили такому предположенію. „Зачѣмъ же онъ такъ пылко взглянулъ на меня? Чему онъ такъ улыбулся“

ся.“ думалъ эксъ-гимназистъ, „Боже мой! ужъ не шпіонъ ли это какой-нибудь?... Можетъ, заодно съ Устиновымъ, съ Пещинскимъ.... можетъ, онъ хочетъ выпытывать меня?“

И Шишкинъ вдругъ поблѣднѣлъ и тревожно забѣгалъ глазами по комнатѣ.

— Однако прощайте.... мнѣ пора, поднялся онъ съ мѣста, неловко и нѣсколько смущенно протягивая хозяйну руку.

— Куда же вы? изумился тотъ:—а я думалъ, мы цѣлый вечеръ проведемъ вмѣстѣ, чаю напьемся, закусимъ.... Оставайтесь-ка, полноте!

— Нѣтъ, ей-Богу, пора!... Не могу я больше.... Прощайте-съ.

— Ну, какъ знаете! До свиданья.

„И чего я такъ испугался?“ думалъ Шишкинъ, подходя уже къ своей квартирѣ: „вѣдь я самъ чуть не похвастался, что какъ знать чего не знаешь! Можетъ, онъ оттого-то только и поглядѣлъ на меня эдакъ.... И ударилъ сейчасъ, а онъ ужинать приглашалъ!... Дуракъ, право, дуракъ я! И съ чего онъ вообразился мнѣ то вдругъ изъ тѣхъ, то вдругъ шпіономъ, а онъ, кажись, просто такъ себѣ, добрый малый и очень нерлуный.... а я, какъ дуракъ, струсилъ!“

И на будущее время Шишкинъ рѣшился уже не трусить болѣе своего новаго знакомца.

XXVII. В ъ западнѣ.

На слѣдующій день, около четырехъ часовъ пополудни, прохаживаясь по главной аллеѣ городского сада, Шишкинъ, все еще не теряя нѣкоторой надежды что ожиданія его увѣнчаются какимъ-нибудь успѣхомъ, вдругъ завидѣвъ идущаго навстрѣчу Василія Свитку который еще издали кивалъ ему головой и махалъ руками.

— Здравствуйте, батюшка, оказалъ онъ подхода къ Шишкину:—а вы, кажись, частенько тутъ прогуливаетесь?

Тотъ немного смутился.

— Нѣтъ, я такъ только.... отъ нечего дѣлать.

Свитка подхватилъ его подъ руку, и дойдя до поворота въ среднюю поперечную аллею, повернулъ туда какъ бы неумышленнымъ и совсѣмъ машинальнымъ образомъ.

— Фу! какъ усталъ я!... Присядемте-ка малость!

И онъ опустился какъ разъ на вторую скамейку.

Шишкинъ опять слегка смутился. Нѣкоторое сомнѣнiе закралось ему въ голову: случайно все это, или нѣтъ? Изъ тѣхъ, или шпионить? Но взглянувъ внимательно въ лицо своего знакома и прочтя на немъ полнѣйшее и открытое простодушiе, онъ снова рѣшилъ что Свитка ни то, ни другое.

— Послушайте, Шишкинъ, началъ тотъ, усаживая подлѣ себя экъсъ-гимназиста: — простите мою нескромность, но я все думалъ о васъ какъ вы ушли отъ меня, и знаете ли что пришло мнѣ въ голову?

— Что такое?

— Видь вы тутъ ровно ничего не дѣлаете, ничѣмъ особенно не занимаетесь?

— Уроки кой-какіе имѣю.

— Н-да, конечно, это немаловажно.... А я хотѣлъ было вамъ предложить прокатиться вмѣстѣ со мной кое-куда. Отличное бы дѣло, ей-Богу! а? А потомъ прямо бы васъ въ Казань и предоставилъ, какъ разъ къ началу курса.

Шишкинъ задумался: предложенiе имѣло свою заманчивую сторону, но.... какъ же *тѣ*-то? Какъ же отказаться отъ блестящей перспективы быть заправскимъ, серіознымъ дѣятелемъ „такого дѣла“? Или, по крайней мѣрѣ, хоть узнать бы прежде что-нибудь положительное: есть ли тутъ что, или одна только мистификація?

— А какъ скоро поѣдете вы? спросилъ онъ.

— А право не знаю еще!... Думаю, скоро, на дняхъ.

— Н-нѣтъ, на дняхъ-то мнѣ не удобно.

— Отчего неудобно? съ живостью спросилъ Свитка.

— Да такъ.... не могу я.

— Отчего не можете?

— Да мало ли?... Ну, уроки.... ну, бабушка у меня.... нездоровая, замаялся Шишкинъ:—да и вообще, просто не могу.

Оба примолкли.

— А я знаю почему вы не можете! вѣско и медленно началъ наконецъ Свитка, смотря ему въ глаза пристально и нагло.

Сердце юноши екнуло тревогой страха и ожиданiя.

— Почему? едва могъ проговорить онъ.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, взявъ у него трость и рѣзко начертилъ ею крестъ на пескѣ дорожки.

Шишкинъ поблѣднѣлъ. Чувство внезапности, удивленiе,

испугъ и страхъ разомъ отразились на его лицѣ. Свитка неотводно продолжалъ глядѣть на него своимъ наглымъ взглядомъ.

— Дайте вашу руку!... Вы человекъ годящій! похвалилъ онъ съ видомъ покровительства.

Юноша не успѣлъ еще придти въ себя.

— Но зачѣмъ же вы только теперь!.. Зачѣмъ не сразу... не тогда какъ я крестъ поставилъ?

Тотъ усмѣхнулся, будто на ребяческое слово.

— Гм... сразу ничто, мой другъ, не дѣлается. Надо было прежде дать вамъ срокъ, чтобы поглядѣть на сколько серьезна ваша рѣшимость, потомъ попытать вашу скромность, удостовѣриться, умѣете ли вы держать языкъ на привязи,—ну, экзамень оказался удаченъ, значитъ, теперь можно поздравить.

— Я вашъ и душой, и тѣломъ! восторженно воскликнулъ юноша:—дѣлайте со мной чтò хотите!... Когда вы меня представите?

— Какъ это „представите“? куда? кому? серьезно поморщился Свитка.

— Ну, понятно: членамъ нашего общества, пояснилъ Шшкнвъ.

— Членамъ? Да вы уже представлены; васъ знаютъ тамъ. Развѣ безъ этого рѣшились бы выбрать васъ?

Этотъ отвѣтъ польстилъ самолюбію эксъ-гимназиста.

— Но когда же я увижу ихъ? оживленно спросилъ онъ.

— Кого это „ихъ“?

— Ну, разумѣется, членовъ!

— Полагаю, что совсѣмъ не увидите. Да это и не нужно. Вы знаете меня, и больше никого, и по всѣмъ дѣламъ будете сноситеся только со мной.

— Стало-быть, общества нѣтъ никакого?

— Напротивъ, есть, и весьма сильное, весьма многочисленное; но знать всѣхъ членовъ, это совершенно излишне и даже вредно; да, наконецъ, и нѣтъ возможности; ихъ слишкомъ много, они разбѣяны повсюду.

— Чтò же я обязанъ дѣлать? пожавъ плечами, спросилъ юноша. Дѣло выходило совсѣмъ не такъ какъ мечтавъ онъ, и въ мечтахъ оно казалось ему лучше, красивѣе какъ-то.

— Дѣлать? а вотъ чтò дѣлать, пояснилъ Свитка:—вы будете строго и неуклонно исполнять чтò вамъ укажутъ. Въ

Передъ вечеромъ онъ постучался у двера ксендза прѣбодца; Зоса, отворивъ ему, объявила что его миссиа нѣтъ дома. Свѣтка вырвала листокъ изъ записной книжки, и написавъ на немъ нѣсколько словъ, тщательно свернула и отдала жещцѣ для передачи по принадлежности, а вечеромъ, возвращаясь домой, навъ Кунцевичъ не безъ труда разобралъ на этомъ листочкѣ слѣдующее:

„Дѣло съ гимназіастомъ кончено неуспѣшнѣе. Послѣ завтра, въ ночь, отправляемся.

„Фр. Пожондковскій.“

Черезъ сутки, дѣйствительно, Шаткинъ исчезъ изъ города. На прощанье, онъ вручилъ бабушкѣ еще десять рублей и увѣрилъ ее что ѣдетъ на ваканцію къ одному помѣщику, приготовить къ гимназіи его сына.

XXVIII. Женихъ.

Ардалионъ Полоярковъ, совѣтъ неожиданно для самого себя, очутился въ положеніи жениха. Онъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, жертвой собственнаго великодушія. За то Дубанская все время оставалась вполне довольна своею судьбой, въ качествѣ будущей супруги Ардалиона Михайловича. Но о самомъ маіорѣ далеко нельзя сказать того же. Въ странныхъ какихъ-то отношеніяхъ вдругъ очутились между собой эти три лица, съ той минуты, какъ слово великодушія неожиданно-негаданно было произнесено Полоярковымъ. Старикъ не перечилъ, не и не радовался; напротивъ, теперь чаще чѣмъ когда-либо онъ, навъ своего уголочка, подолгу сталъ засматриваться на дочку, съ молчаливою, но глубокою грустью. Хотя онъ и молчалъ, но по всему было видно что сердце его и не чуеъ для дочери ничеъ хорошаго въ будущемъ, и не ждеъ никакого счастья въ этомъ бракѣ. Съ Полоярковымъ отношенія его были удивительно вѣжливы: въ нихъ проглядывало такое чувство, какъ будто, подавая руку Ардалиону, онъ говора съ нимъ, старикъ боялся быть укушеннымъ какою-нибудь гадиною, или чѣмъ-нибудь занекалься, — чувство давно не испытанное его прѣстѣмъ, голымъ чѣмъ

откровеннымъ сердцемъ. Онъ какъ-то все, не взирая на чистоту Колодровскаго великолудша, и порою казалось ему будто брака этого никогда не будетъ, что впрочемъ несколько это и не печалило бы, лишь бы только быть увѣреннымъ что она, чистая голубка его, останется такою же какъ и прежде. Слѣжь Колодровъ ни мало впрочемъ не смущался подобными отношеніями; онъ, говоря его словами, „игнорировалъ глупаго старца“ и, какъ ни въ чемъ не бывало, въ качествѣ жениха, почти ежедневно ходилъ къ нему то обѣдать, то чай пить, то ужимать. Только въ отношеніи Нюточки томъ его сдѣлался еще рѣзче и нахальнѣе. Когда же майоръ замѣтилъ ему это однажды, то Ардалионъ отвѣчалъ, что „какъ мы съ нею теперь женихи, такъ особенно пережидаться нечего, потому не съ тономъ жить, а съ чашовкомъ“.

Одна только Нюточка, повидимому, казалась довольна и счастлива. Вѣра ея въ Колодрова была безгранична: ужь если онъ сказалъ, ужь если онъ что сдѣлалъ, значить, это такъ и должно, значить, иначе и быть ничего не можетъ, и все что ни сдѣлаетъ онъ, все это хорошо, потому что Колодровъ не можетъ сдѣлать ничего дурнаго, потому что это человекъ много закала, много развѣдья, много ума, даже просто, наконецъ, иной совѣтъ, новой дореды, тѣмъ болѣе что и самъ онъ называлъ себя „новымъ человекомъ“. Дѣвушка привязалась къ нему еще больше съ той минуты, какъ онъ, ради нея, ради любви къ ней, поступилъ даже самымъ кореннымъ изъ своихъ убѣжденій, предложивъ ей „формальнымъ образомъ окрутиться вокругъ насоя“. Она видѣла въ этомъ величайшую съ его стороны жертву, а жертва его льстила ея самолюбію.

Съ какимъ удовольствіемъ бѣгла она въ гостиницѣ дворъ накупать то себѣ, то ему разныя принадлежности къ своему приданому. Каждая вещица, каждая наволочка, полотенецъ, каждая дюжина чулокъ или платковъ досовыхъ, купленная на скромныя деньжишки прикованныя для нея майоромъ, приводила ее въ восторгъ. Съ какою радостью припасала она все это къ устройству будущаго своего хозяйства; сколь светло мечтала о томъ какъ, это у нихъ, все такъ хорошо, такъ просто и мило будетъ устроено; съ какимъ жаркимъ наслажденіемъ показывала жениху эти покупки и приготовленія, сама любясь, и не мучь, и на мѣстѣ своихъ воспаленными глазами!

Но Полеяровъ всѣ эти радости и восторги встрѣчалъ совершенно поодино: боязно ужь не понутру оно ему было. И именно въ тѣ самыя минуты когда она показывала ему новыя свои покупки, разказывая планы будущаго житья-бытья, онъ глядѣлъ совсѣмъ равнодушно какъ на что-то постороннее и слушалъ вполне безучастно, а иногда съ видимымъ раздраженіемъ и неудовольствіемъ.

Все это искренно огорчало любящую дѣвушку.

— Ардалионъ! да что это съ тобой! высказала она ему однажды съ полудосадивымъ и полунѣжнымъ упрекомъ:—я хлопочу, я бѣгаю, стараюсь, прошу твоего совѣта, одобренія, а ты глядишь на все на это словно бы совсѣмъ чужой, словно бы даже тебѣ неприятно это!... Ей Богу, хотъ бы маленькое участіе!... Неужели же тебя это нисколько не занимаетъ?

— Да чему тутъ особенно занимать-то?... Есть на что радоваться! фыркнулъ онъ, скесивъ свои губы:—ну, нравится тебѣ это, ну, и занимайся! Я не мешаю.... Мнѣ-то что!

Нюта поглядѣла на него пристально, рѣшительнымъ взглядомъ.

— Послушай, начала она послѣ нѣкотораго молчанія,—мнѣ кажется, ты раскаиваешься въ своемъ намѣреніи.... Пожалуйста, не стѣсняй себя; скажи мнѣ прямо, вѣдь еще есть время....

Ардалионъ молчалъ и хмурился.

— Ну, вотъ видишь, ты молчишь, ты сердитесь!.. Зачѣмъ все это!.. Не лучше ли прямо?... (На рѣсницахъ ея задрожали слезы.) Милый ты мой!.. Ты знаешь что мнѣ лично, пожалуй, и не нужно этого пустаго обряда: я и безъ того люблю тебя, вѣдь ужь я доказала!.. Мнѣ ничего, ничего не нужно, но отецъ.... вѣдь это ради отца.... я вѣдь понимаю что и ты-то ради него только рѣшился тогда. Милый мой! я тебя еще больше полюбила за эту жертву!

— Хм!... Полюбить-то, пожалуй, и больше полюбила, согласился онъ, по обыкновенію, медленно и туго потирая между коленъ свои руки и глядя мимо очковъ въ какое-то пространство впрядъ собой—насчетъ любви не знаю, можетъ и такъ, а можетъ и нѣтъ; но уважать-то ужь, конечно, мнѣ стала.

— Какъ!.. Почему это? отклонилась дѣвушка, широко раскрывъ на него изумленные зоры.

— А потому что за такіе пассажики нельзя никого ува-

жать, да и не за что!... Развѣ ты можешь уважать человѣка измѣняющаго своимъ принципамъ, идущаго противъ убѣжденія? Ну, стало-быть, и меня не уважаешь!

— Но, милый мой, это совсѣмъ другое....

— Э, матушка! одно и то же! перебилъ Ардаліонъ, съ гримасой махнувъ рукою.

— Такъ не женись на мнѣ! Кто жъ тебя принуждаетъ! открыто и престо предложила она.

Полоярвъ скорчилъ новую, досадно-негерцѣвную гримасу и нѣсколько времени не отвѣчалъ ни слова, только по-прежнему теръ себѣ ладони. Нюточка тихо заплакала.

— Ну, ужъ что сказано разъ... такъ ужъ нечего говорить, пробурчалъ наконецъ Ардаліонъ сквозь зубы въ какомъ-то раздумьи. — Да, пожалуйста, слезы-то въ сторону! прибавилъ онъ, замѣтивъ что невѣста вытерла платкомъ свои глаза:— терпѣть не могу когда женщины плачутъ: у нихъ тогда такое гаупное лицо — не то на моченую рѣву, не то на каучиковую куклу похоже.... Чего куксишь-то? Ладно!... Садись-ка лучше ко мнѣ на колѣни; это я, по крайности, люблю хоть; а слезы къ чорту!

Нюта исполнила его желанье, но съ этой минуты отлетѣла отъ нея всѣ счастливыя мечты и планы. Она уже безъ удовольствія стала ходить въ ряды и даже неохотно готовила себѣ приданое, никогда болѣе не заставляла жениха любоваться на свои покупки. Въ душу ея закралось тяжелое и темное раздумье о своемъ сомнительномъ будущемъ....

Маіоръ молчалъ и курилъ свою трубочку, но сердце его чуяло, и родной глазъ очень хорошо замѣчалъ все что дѣется съ дѣвочкой.

Однажды она пошла въ ряды, и сдѣлавъ какую-то покупку, забѣжала „по пути“ къ жениху, хотя, собственно говоря, это было ей вовсе не по пути.

Полоярвъ спалъ на диванѣ. Нюта осторожно подкралась къ нему и разбудила своимъ звучнымъ, любящимъ пощелкомъ.

— Здравствуй, милый! Что я тебѣ скажу.... начала она весело и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то таинственно и отчасти смущенно.

— Ну, ладно!... Послѣ, послѣ!... Теперь я спать хочу.... Убери-раися, пожалуйста!... Не мѣшай мнѣ, или, коли хочешь, посиди, пожалуй, пока высплюсь, пробормоталъ Ардаліонъ, и

калачомъ отвернувшись къ спинкѣ дивана, въ ту же минуту сонно засопѣвъ съ носовымъ прищипкомъ.

Дѣвушка постояла, посмотрѣвъ ему въ спину, повернулась и ушла. Съ большимъ чувствомъ обиды возвратилась она домой, сѣла на маленькую скамеечку за какимъ-то коленкоромъ который въ тотъ день кроила, и зашлакала тихо, беззвучно, но горько.

Маіоръ, запахнувъ калачикъ, подкрался на цыпочкахъ къ двери и осторожно заглянулъ на дочь изъ своей комнаты. Тревога отеческой любви и вмѣстѣ съ тѣмъ негодующая досада на кого-то чинъ-то трепетанье отразились на лицѣ его. Нервно сжимая въ зубахъ чубучокъ своей носогрѣйки, пришелъ онъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Нюта не замѣчавшая среди горя его присутствія, и зашагала отъ одного угла до другаго, искоса вглядывая иногда на плачущую дочку.

Наконецъ онъ остановился предъ нею.

— Ну его къ чорту! нервно дрогнувъ голосъ старика:— Брось, Нюта!.. брось!.. Не стойтъ!.. Не думай ты о немъ больше!.. Право!.. Весь-то онъ какъ есть одной твоей слезенки чистой не стойтъ!.. Ну его!.. Ей-Богу, говорю, брось ты все это!

И онъ еще ярвѣе защемилъ между зубами свой чубучокъ, потому что и у самого-то уже навертывались на глаза жгучія слезы обиды, бѣды и досады. Но Нюта, не поднимая головы, только медленно и отрицательно покачала ею, и въ этомъ движеніи было такъ много чего-то кручиннаго, безнадежнаго, безпомощнаго....

XXIX. Эврика по-гречески значитъ: нашель!

Ардалиона разбудили вторично. Но на этотъ разъ предъ нимъ уже стояла не улыбающаяся Нюточка, а почталіонъ принесшій ему съ почты письмо. На конвертѣ значился петербургскій штемпель. Заспанный Полояровъ однакоже почти сразу догадался отъ кого было это посланіе. Въ письмѣ значилось:

„Все готово. Предпріятіе наше прочно поставлено на ноги, открываемъ типографію, швейную, переплетную, читальню и много еще другаго; если можешь, приѣзжай поскорѣе; ты бы былъ теперь здѣсь очень кстати! До свиданія!

„Весь твой Лукашка.“

— Не многого годно, но ясно! улыбнулася про себя Подояровъ.

Письмо это заставило его призадуматься.

„Вхоть.... Конечно, надо вхоть! размышлялъ онъ: — объ этомъ нечего и говорить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то еще гляди, пожалуй, окрутатъ какъ-нибудь... заставить... Начальство, власти и прочее... Вѣдь добродѣтельный папенька, пожалуй, и на это способенъ!... Но какъ тутъ, чортъ возьми, уфдешь!... Занять бы, у кого, что ли?... Хм!... Какъ же! поди займи въ этомъ подломъ обществѣ! Дадутъ чорта съ два!... Дождайся! Развѣ какъ-нибудь у Затцъ да у Нюточки прихватить?... Сотнягу бы, что ли, тогда, хватить... Да бѣда, капиталы-то вѣдь у добродѣтельнаго папахена въ шкатулкѣ!... Кабы у самой, такъ и говорить бы не о чемъ, а тутъ вотъ и домай себя голову!“

И действительно, Ардалионъ Подояровъ упорно ломалъ голову надъ разрѣшеніемъ трудной задачи. При дальнѣйшихъ размышленіяхъ выходило что и у Нюточки не совсѣмъ-то довко взять деньги: станеть подозрѣвать, догадается, пойдуть слезы, драмы, и прочее, а лучше махнуть такъ, чтобы она узнала объ этомъ только по письму, уже послѣ отъѣзда; тогда дѣло короче будетъ. Оставалась одна только Лиденька Затцъ; но и тутъ встрѣчалось нѣкоторое сомнѣніе: Лиденька и безъ того уже зла на него за Лубянскую, за его предлагаемую женитьбу. Но положимъ что на этотъ счетъ можно бы легко разубѣдить ее; для этого потребуется только немного нѣжности да бойкій разговорецъ въ томъ духѣ и въ тѣхъ принципахъ которыми поклоняется съ нѣ котораго времени Лиденька, и сердце ея умягчится, и прикажетъ она своему благовѣрному добыть ей, какъ бы то ни было, денегъ, и благовѣрный въ этомъ случаѣ не будетъ ослушникомъ обожаемой супруги, только съ получателя документовъ возьметъ на всякій случай. Но главное сомнѣніе не въ этомъ. „А какъ дернетъ ее нелегкая, думалъ Подояровъ, — бросить благовѣрнаго? Да какъ ко мнѣ на шею накачается: бери, молъ, съ собой! тогда что?... Куда мнѣ съ нею?... А это весьма легко можетъ случиться!“

Возиться съ Лиденькой Затцъ никакъ не входило въ дальнѣйшіе расчеты и планы Ардалиона Михайловича, и потому онъ все еще бродилъ въ лабиринтѣ своихъ сомнѣній и пред-

положеній, не остававливаясь ни на чемъ рѣшительномъ от-носительно путей добычи.

Какъ часто бываетъ съ человекомъ, который въ критиче-скую минуту полнѣйшаго отсутствія какихъ бы то ни было денегъ, начинаетъ вдругъ шарить по всемъ карманамъ стараго своего платья, въ чаюніи авось-либо обрѣтется гдѣ какой-нибудь забытый, завалачій двугривенникъ, хотя самъ въ то же вре-мя почти вполне убѣжденъ что двугривенника въ жилеткахъ нѣтъ и быть не можетъ; такъ точно и Ардалионъ Полояровъ, ходючи по комнатамъ, присѣлъ къ столу и почти безотчетно сталъ рыться въ ящикахъ, перебирая старыя бумаги, словно онъ могъи вдругъ подать ему какой-нибудь дѣльный, прак-тическій совѣтъ.

Принялся онъ за это занятіе разсѣянно, почти и самъ не опредѣляя и даже не зная цѣли зачѣмъ и для чего это дѣ-лается, и вотъ, перебирая машинально бумагу за бумагой цѣ-лый ворохъ писемъ и записокъ, адресовъ, рецептовъ, гости-ничныхъ и иныхъ счетовъ, начатыхъ и неконченныхъ ста-тей, выписокъ, зашѣтокъ, наткнулся онъ вдругъ на одну свою старую и позабытую рукопись. Листы ея были залиты ко-феемъ и частію закапаны саломъ, но рукопись эта напомни-ла Ардалиону то крутѣе время, когда откупщикъ Верхоле-бовъ, послѣ самоличной ревизіи, вдругъ прогналъ его съ очень вкусной и питательной должностію. Она напомнила ему вре-мя, когда онъ только что сталъ мечтать о литературномъ поприщѣ и принимался уже кое-что пописывать. Эта руко-пись была даже чуть ли не первою его попыткой. Фигуриро-валъ въ ней откупщикъ Верхолебовъ, въ тѣ дни либераль и патриотъ сольгородскій, какъ нынѣ все такой же либераль и патриотъ славнобубенскій. Фигурировалъ онъ въ этой руко-писи своею собственною персоною купно съ сожительницами законною и незаконною, со чады и домочады, и со всеми дѣ-лами и помышлениями своими, со всемъ домашнимъ обихо-домъ и явными и тайными грѣхами и провинностями, по части откупныхъ и иныхъ не совсемъ-то свѣтлыхъ опера-цій, которыя сильно попахивали уголовщиной. Писалъ тогда Полояровъ эту рукопись подъ впечатлѣніемъ свѣжихъ ранъ, причиненныхъ ему личеніемъ питательнаго мѣста, подъ на-пывомъ яростной злости и личнаго раздраженія противъ либерала и патриота сольгородскаго, и слѣды сей злобы явно сказывались на всемъ произведеніи его, которое было

преисполнено обличительнаго жара и блистало молчаливо благороднаго негодованія и паесобитъ гражданскихъ чувствъ. Но такъ какъ въ тѣ поры, — рукопись относилась къ 1857 году, — Ардалионъ Полоярковъ былъ еще писатель юный и начинающій, а известно что юнымъ и начинающимъ писателямъ весьма свойственъ бываетъ пересоль увлеченія, то повтому и онъ черезчуръ пересолилъ въ своемъ произведеніи всѣ благородныя и гражданскія чувства. Но въ то время все это казалось ему безусловно прекраснымъ и возвышеннымъ. Онъ гордился своимъ произведеніемъ, и желая полною неожиданностью поразить сердце Верхохлебова, переписалъ начисто и тщательно отирая свое созданіе въ одну изъ редакцій. Долго ждалъ онъ посылъ того произведенія его въ печать и даже писалъ письма въ редакцію, но неизвѣстно почему редакція не воспользовалась созданіемъ Ардалиона Полояркова, которое такъ и погубило въ ея непригодномъ хламѣ. Слѣдующее произведеніе Ардалиона, не казавшееся патриота съ его сожителемъ и домашнимъ обиходомъ, было отчасти въ первомъ, а затѣмъ вскорѣ получилъ онъ мѣсто отаковаго пристава, и среди коныхъ впечатлѣній и занятій, позабылъ про свою рукопись. Такъ она съ тѣхъ поръ и лежала черникомъ въ его столѣ, изрѣдка попадаясь случайно на глаза, при переборкѣ бумагъ, но уже не возбуждая собою никакихъ особнхъ соображеній. Въ послѣдствіи даже самъ авторъ созналъ въ своемъ дѣтницѣ нѣкоторые недостатки, и это сознаніе не мало способствовало полному забвенію, тѣмъ болѣе что и самия раны, нанесенныя автору патриотомъ, отъ времени успѣли затануться.

И вотъ теперь, въ критическую минуту жизни, сидитъ Ардалионъ надъ своею рукописью и въ разобранной задумчивости перебираетъ поблеклыя листы ея, прочитывая кое-какія мѣста и переносясь мыслію въ прошедшее.

Вдругъ его словно бы что-то кольнуло.

Быстро вскочилъ онъ со стола, онъ приложилъ палецъ къ зубамъ и серьезно задумался.

За тѣмъ на лицѣ его отразилось нѣкоторое колебаніе, мелькнула тѣмъ сомнѣнія; за тѣмъ скользянулъ яркій лучъ надежды, и наконецъ все оно самодовольно оживилось лучезарною и радостною улыбкой.

— Эврика!... Эврика по-гречески значитъ: нахожу! вотъ

кавказъ, дѣль, цѣнникомъ, потерявъ знаменитую фразу Милорада Васильевича Крещинскаго.

Чрезъ полчаса, послѣ этого, Ардалионъ уже сидѣлъ за переносной рукописью, значительно исправляя, сокращая и уснащая ее перьями и оловомъ.

XXX. Игра въ половинки.

Чрезъ день вся эта работа была уже готова. Полоаровъ отправился къ Верхолаеву и приказалъ доложить о себѣ по веселья-важному „для самого барина“ и безотлагательно-важному дѣлу.

Либераль и патриотъ поморщилась при имени Ардалиона Полоарова, однакоже имѣя въ соображеніи какую-то невѣдомую важность и безотлагательность, приказалъ впустить его.

Ардалионъ по мягкому ковру вступилъ въ кабинетъ патриота; причѣмъ сопровождавшій его лакей не безъ преревительной злобы покосился на его смазанные сапожищи.

«Славнорубежскій откупщикъ жаль на широкую ногу. Кабинетъ его, какъ и весь домъ, носилъ яркую печать аляповатой, но сибирской роскоши. Тутъ все блистало бархатомъ и позолотой, тончайш орѣхъ и рѣзной дубъ, ковры и бронза, а серебро въ шкафахъ за стекломъ, сидно на выставкѣ, и яризольные ковши и кубки (онъ былъ страстный любитель рваностанъ лошадей), дорогое и рѣдкое оружіе, хотя самъ онъ никогда не употреблялъ его и даже не умѣлъ имъ владѣть, но держалъ запѣты единственно, что „лучшай, молъ, будетъ; потому зачѣмъ ему не быть, коли это мы можемъ, и нушай, всака видать и знаетъ, что мы все можемъ, хотя собственно намъ на все это наплевать!“ По угламъ въ роскошныхъ золоченыхъ рамкахъ висѣли разныя картины весьма еднмнительнаго достоинства, но тѣмъ же мѣсто на дощечкахъ при нихъ красовались имена Калама, Верне, Делароше и прочія. Въ эти произведенія искусства обмѣлъ ему въ Петербургѣ, за оная выгядный кушъ, мѣкій аферистъ, и Верхолаевовъ необъясненно былъ дозволенъ покупкой, „по крайности, стѣны не будутъ голыя, и все же дому украшеніе“. И въ залѣ, и въ гостиной, и въ кабинетахъ, „словожъ доволу, гдѣ только могъ, Верхолаевовъ поразвѣсилъ масляныя

и фотографическимъ изображеніемъ собищенной веревки, и не иначе какъ во войнѣ своихъ медалей и реліквій „за по-
жертвованіа“. Особенно въ этомъ отношеніи отличались вѣла
и кабинеты, гдѣ находил портреты его во весь ростъ, въ са-
мой государственной позатурѣ, какъ говорилъ онъ. Сла-
бость къ регалиямъ доходила въ немъ до того, что онъ даже
сдѣлалъ какое-то пожертвованіе самому маху Мерсицкому,
за что и получилъ звѣзду Льва и Сокола, которую неукосни-
тельно возлагалъ на себя во всякъ важнѣйшій и экстремнѣйшій
случаѣхъ жизни.

— Что скажете-съ? въ полъ-оборота и почти чрезъ плечо
обратился онъ къ Полодарову, встрѣтивъ ладкомъ ладкомъ, свое
покловъ.

— Скажу очень многое! со мноюзначительною умишкой
отвѣтилъ гость, не мало не измѣняя своему общему, такъ
сказать, Полодаровскому достоинству:—у васъ есть на часъ
свободнаго времени?

— Это смотря какъ: имѣе дѣло и на два, и на три есть,
а имѣе—и на полсекунды нѣту.

— Ну, для моего, я надѣюсь, найдется! съ полною увѣрен-
ностью зашпигалъ Ардалионъ—дѣло, которое вамъ, очень важ-
ное, и вы будете мнѣ даже весьма благодарны за то что я
не пошелъ съ нимъ помимо васъ.

— Да въ чемъ дѣло-то? Вы мнѣ толкуйте прямо, а не съ
подходящемъ, сказалъ Берхолебовъ, показывая знаки нетер-
пѣнія.

— Своевременно узнаете, спокойно возразилъ Полодаровъ:—
намъ нужно будетъ поговорить ладкомъ, побожья, чтобы тол-
комъ кончить. Прикажете-ка никого не принимать пока я
здѣсь.

— Да зачѣмъ же это? съ неудовольствіемъ замаялся откуп-
щикъ.

— А за тѣмъ что присутствіе дѣшваго человека будетъ
для васъ самихъ обременительно. Вотъ увидите!

Верхолебовъ позвонилъ и отдалъ требуемое распоря-
женіе.

— Вотъ это такъ! Это хорошо! добрили неперемонный
гость:—теперь ужъ, не взыщите, я присяду, и вамъ, посѣди-
тую сдѣлаать то же, потому, знаете, сто-то недолго.

И усѣвшись въ малиновое бархатное кресло, онъ вынулъ
изъ боковаго кармана рукопись.

— Что это? Никакъ статья какая? прищурился Верховлебовъ:— у меня, сударь мой, времени нѣтъ. Это ужъ оставьте!
 Но Полоярвъ, разъ уже добившись такого свиданья, рѣшительно не желая и не могъ даже оставить дѣло и уйти изъ этого кабинета безъ какого-либо положительнаго результата.

— Эй, Калистратъ Стратилатовичъ, смотрите, чтобы не пришлось потомъ горько покаяться! предостерегъ онъ весьма поновѣсно и внушительно:— видите пословицу: и близко локоть, да не укусишь; такъ кусайте-ка пока еще можно! Говорю; сами благодарить будете! Вы вѣдь еще по прежнимъ отношеніямъ знаете что я малый не дуракъ и притомъ человѣкъ предприимчивый, а нынче вотъ не безъ успѣха литературой занимаюсь. Полноте! что аргачиться! а вы лучше присядьте, да выслушайте: это не долго будетъ.

— Проектъ что ли какой? недоумчиво спросилъ Калистратъ Стратилатовичъ.

— И—да, пожалуй, въ некоторомъ родѣ, есть и проектъ. Вотъ погляжу какъ вы найдете... Одобрите ли его? Прошу прислушаться!

И комфортно разсѣвшись въ глубокомъ креслѣ, да заложивъ ногу на ногу, Ардавіонъ Михайловичъ не безъ внутреннего удовольствія принялся за чтеніе и читалъ, что называется, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, наблюдая время отъ времени, изъ-подъ синихъ очковъ, какое дѣйствіе производитъ его статья на Калистрата Стратилатовича. Но въ началѣ не было замѣтно никакого дѣйствія. Верховлебовъ даже пренебрежительно перебилъ его:

— Что это? Никакъ повѣстуйка какая-то?.. Это къ намъ неподходящее!

— Постойте, не торопитесь! остановилъ Полоярвъ:— оно только въ началѣ такъ кажется; „но подождемъ конца!“ скажутъ дураки какой-то. Вотъ и вы, батюшка, подождите: свое-временно все выйдется, все-съ обкажится!

И чтеніе продолжалось. И по мѣрѣ того какъ продолжалось оно, оказывалось и достопамятное дѣйствіе его на либерала и патриота славнобубенскаго. Брови его сузились, лицо хмурилось, губы подергивало нервною гримаской. Онъ то бѣлѣлъ, то наливался пунцовымъ пѣномъ и дышалъ тяжело, съ какимъ-то сопѣньемъ; на лбу проступали

каши крупнаго поту, а въ плавахъ выраженіе злобы и негодованія смѣнялось порою выраженіемъ ужаса и боязди.

Цолояровъ очень хорошо подмѣчалъ все что дѣлалось съ Верхолебовымъ, и это обстоятельство придавало ему еще болѣе прыти. Онъ, не смущаясь ни мало, читалъ еще съ блаженнымъ чувствомъ, толкомъ и разстановкой.

Опубликованіе подобной статьи, во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени неблагопріятно и невыгодно для Кавустрата Стратиаактовича. Она, изъ тѣмъ видныхъ подваловъ и изъ-подъ спуда собственной его совѣсти, выводила на свѣтъ Божій множество такихъ мимыхъ дѣлишекъ, которыя либералъ и патриотъ считалъ безвозвратно каузушники въ пучину забвенія. А тутъ вдругъ, неожиданно-негаданно, всплываютъ они напоказъ почтеннѣйшей и благосклонной публикѣ, во всей своей цѣльности, во всемъ блистаніи своей подпольной красоты. Особенно не хотати было все это именно въ настоящее время, когда патриотъ только что одѣлалъ новое „пожертваніе“ и, чрезъ ходатайство барона Икоффонъ-Саксена и иныхъ сильныхъ людей въ Петербургѣ, ожидалъ полученія Святыя Анны на шею.

Святая Анна! Боже мой!.. Онъ такъ давно и такъ сердечно мечталъ о ней, такъ томился, ждалъ и надѣялся, совершенно основательно полагая ее гораздо выше Льва и Солнца, „хотя Левъ будетъ и не въ примѣръ показиствѣ“,—онъ ужъ даже призвалъ къ себѣ живописца и заранѣе заказалъ ему перемалевать на портретахъ свои регалии, чтобы выше всѣхъ прочахъ начертить Анну,—и теперь, когда Анна готова уже украсить собою его шею, вдругъ, словно съ неба свалился—на-ко тебѣ!—эдакой позорный скандаллицо! „И хотъ бы има-то какъ-нибудь замаскировалъ, злодѣй, а то виѣсто Верхолебова, да вдругъ Низколебовъ—ну, кто жъ не узнаеть? И для кого еще останется хотя малѣйшее сомнѣніе?“

Верхолебовъ уразумѣлъ ясно, что, по всемъ вѣроятіямъ, придется ему теперь дѣлать новое „пожертваніе“, только ужъ не въ пользу казны, и въ тайникѣ сердца своего рѣшилъ что сдѣлать его необходимо.

„Десяти тысячъ не покажю, думалъ онъ,—а ужъ этой пакости не допущу!... Потому, има мараетъ... Лишь бы болѣе не запросилъ, каналья.. Въ случаѣ надобности, можно и потрговаться. А какъ урется?... Вотъ она штука-то!.. Коли

упрется, пожалуй что илуэтировалъ Эка-навость, пожалуй Господи... и в... ..

Полоярскъ кончалъ.

Патріотъ озадавался, словно кузнечный мѣлъ и вытираетъ паштукость обильный потъ со своей пудровой физиономіи.

— Какъ вы находите это, почтеннѣйшій Калостратъ Страгилатовичъ? не безъ гордой ироніи отнесся къ нему Ардалионъ Михайловичъ.

— То-естъ, что же-съ? пробормоталъ тотъ невнятно: — пашквиль какой-то! значить, пашквильми заниматься изволивъ... Что же, это похвально!

— Да не въ томъ дѣло-съ! Каждый занимается чѣмъ можетъ: кто отъ откуповъ наживаетъ, плоть и кровь народную высасываетъ, а кто литературнымъ трудомъ добываетъ; дѣло это, значить, отъ талантовъ и отъ способностей, а вы скажите-ка мнѣ лучше, узнаете ли вы кого-нибудь въ господѣхъ Никкохаебовъ?

— Почему же мнѣ звать-съ!.. Что вы тамъ напишете, я знать этого не могу... Откуда-жь мнѣ!

— Э, полноте, батюшка! Чего тутъ политику-то эту!.. Дайте лучше дѣло на чистоту: эта рукопись праготовлена мною для печати и отсылается завтра же въ Питеръ въ самыя вѣрныя и надежныя руки. Вы знаете, что вѣдь меня всѣ журналы печатаютъ, а за эту штуку обими руками ухватятся! Одна *Искра*-то чего съѣсть, а ужъ о другіяхъ нечего и говорить!.. Впрочемъ, я въ *Искру* дамъ одно только изъясненье, а всю штуку помѣщу въ серіозномъ журналѣ. Скажите же откровенно: угодно вамъ чтобъ это все было цѣликомъ, какъ есть, «пронепечано»?

— Да мнѣ-то что-жь жемъ!.. Конечно... я-то, собственно, не желаю бы... Потому что жъ это... мнать: отечественную литературу такими пашквильми. Дѣло зазорное-съ!

Полоярскъ патю расхотѣлся.

— Да полноте: вѣдь, почтеннѣйшій, вѣдь-то!.. Вѣдь мы ошарашу допрашиваемъ: другъ друга!.. Небось, однакъ другаго не проведетъ! Скажите напрямикъ: я, молъ, не желаю чтобъ это было маценатано! тогда у насъ и разговоръ побѣдетъ насобачій, значить, добожры!..

— Да вѣдь это можно и къ суду потауивъ... Это вѣдь дѣло парвенатное, парвенатное патріотъ...

— Ге-ге! Куда хватили! ухмыльнулся обличитель. — А поз-

вольте спросить, за что же вы это къ суду потянете? что же вы на судъ говорить-то станете? что вотъ, меня, молъ, господинъ Полоярвъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи? Это, что ли? А судъ васъ спроситъ: стало-быть, вы признали самого себя? Ну, съ чѣмъ васъ и поздравляю! Вѣдь нынче, батюшка, не тѣ времена-съ; нынче гласность! газеты! въ тебѣ, значить, нельзя сыграть! Почему вы тутъ признаете себя? Развѣ Низкохлебовъ то же самое что Верхохлебовъ?

— Не то, да похоже, возразилъ обитый съ пункта Калитра Стратилатовичъ.

— Похоже да не съ рѣшн, хотя къ дѣлу и гоже, знаете, какъ говорится это, по-простому! подхватилъ Ардалионъ.

— Но я.. я могу сказать какъ дѣло было-съ, какъ вы у меня въ кабинетъ все это читали, какъ торговались..

— Можете! согласился Полоярвъ: — а гдѣ, позвольте узнать, гдѣ у васъ на все на это свидѣтели найдутся: дѣло-то вѣдь у насъ съ глазу на глазъ идетъ, а я—мало ль зачѣмъ я могъ приходиться къ вамъ! Кто видѣлъ? Кто слышалъ? Нѣтъ-съ, почтеннѣйшій, ни хера вы на этомъ не возьмете! И мы вѣдь тоже не лыкомъ шиты! А вы лучше, совѣтую вамъ, эдакъ душевно, побожью! Ну-съ, такъ что же-съ? вопросительно прибавилъ онъ въ заключеніе:— говорите просто, желаете, или нѣтъ?

— Не желаю, тако и какъ бы стыдливо оказалъ наконецъ Верхохлебовъ, упорно глядя на коверъ сильно потупленными глазами. Въ эту минуту у него просто духъ захватило: а ну, какъ хватить, каналья, сейчасъ такую цифрицу, отъ которой семь круговъ огненныхъ въ глазахъ заколеется!

— Не желаете? прашурился Ардалионъ:— ну, такъ покупайте за тысячу рублей!

Верхохлебовъ чуть съ жѣста не шкочилъ, чуть въ глаза не расхохотался своему мучителю, чуть дуракомъ его не назвалъ. Проманская сметка моментомъ обварила его голову: онъ тотчасъ же быстро сообразилъ положеніе противника, сравнительно со своимъ собственнымъ, и ослидно сдержалъ себя отъ всякихъ излишнихъ и безцѣльныхъ промановъ: свободъ чувствъ и мыслей.

«Она! подумалъ онъ: малость-то; какъ видно, только, цѣлкомъ нар... Ну, другъ... любезный, она! тебѣ отъ ядочка, значить, а ядочка и ядочка...»

ужь больше много.... Не дѣйству тебѣ деньги такіа. Не умѣешь ты ими пользоваться!¹⁶

— Хе, хе, хе! тихо засмѣлася она въ берлогу съ инварическимъ лукавствомъ истаго кулака:—тысячу!. За что же—о туть тысячу?.. Какъ это вы легко такіа крупныя суммы валаете!. У меня вѣдь не самодѣльныя, чтобы на вѣтеръ, зря, по тысячѣ кидать!.. А вы же задумывайте, вы по душѣ скажите!

— Н. нѣтъ, менѣе тысячи нельзя, запнувшись, сказалъ Полоярвъ, и въ голосѣ его явно дрогнуло внутреннее сомнѣніе.

— Чего туть нельзя!. Вамъ нельзя дать, а мнѣ нельзя дать, у каждаго, значить, свои разчеты. А вы возьмите полвинку? пятьсотъ? ась? Пятьсотъ рубачковъ? Что вы на это скажете?

— Н-нѣтъ, пятьсотъ саишкомъ мало.... Пятисотъ невозможно!..

— Эхъ, любезнѣйшій! Ну что вы мнѣ говорите! Вѣдь напечатать-то, такъ вамъ за мое сущую пуотаковину дадутъ! Знаемъ мы тоже что вашему брату платятъ-то! Ну, что же это такое? говорилъ Верхолабовъ, взявъ рукопись и перелистывая ее да прикидывая на вѣсь во рукъ. — Такъ-себѣ, жиденькая тетрадошка.... Ну сколько туть листиковъ-то этихъ? сущая бездѣлица! Поди-ка и всей-то бумаги на четверть фунта не будетъ, а вы вдругъ — тысячу! Берите-ка лучше по чести пятьсотъ! Деньги хороши! Вѣдь экіе куша на павлаи не валяются... берите что ль, а то я неравно рассержусь!

— Нѣтъ, пятьсотъ мало.... Ей-Богу нельзя, никакъ нельзя мнѣ! полусдавался колеблющійся обманчивый.

— Ну, такъ печатайте! Мнѣ все равно!.. Мнѣ это ровно что напечатать, коли вы чести не понимаете! рѣшительно махнулъ рукой Верхолабовъ.—Прощайте! Извольте уходить отсюда!.. Извольте!.. Мнѣ некогда туть съ вами, поважѣе вашего дѣла есть. Ступайте, любезнѣйшій, ступайте!

И она его выпроводила за двери.

„Что же коли напечатать ее? грустно раздумывалъ Полоярвъ, очутивъ уже вѣдь кабинетъ:—вѣдь туть за болѣе какъ два съ половиной листа печатаешь, а дадутъ за нихъ.... ну, много-много коли по пятидесяти съ лихва.... и то ужь красная плата! Значить, за все сто двадцать пять, / а галди и

того меньше будетъ!... Что жь, пятьсотъ рублей цѣна хорошая, вѣдь это выходитъ по двѣсти съ листа; да такой благодати во вѣкъ не дожدهшься! Ну его къ чорту, помирись и на этомъ!»

И онъ направился обратно къ кабинету.

А въ это самое время Верхолебова одолевали мысли и сомнѣнія другаго рода.

„А ну какъ напечатаетъ! возмоялся онъ въ нервнѣтельности: — вѣдь шкандадь-то какой! шкандалище!... А тутъ Анна... а тутъ срамъ, позоръ... да и свидѣствіе, пожалуй!... Вернуть его нешто? Ужъ куда ни шла тысяча! Дамъ ему!“

И онъ тоже направился въ догонку за Полояровымъ.

Стоакнувшись они въ самыхъ дверяхъ.

— А, вы еще здѣсь!... Чего вамъ? окинуль его патриотъ притворно-удивленнымъ взглядомъ, сразу смекнувъ что фонды его не совсѣмъ еще плохи.

— Я, Калистратъ Стратилатовичъ, согласенъ, упрямо проговорилъ обличитель.

— То-есть насчетъ чего-съ это? прищурился тотъ съ обычнымъ шальничествомъ.

— Да насчетъ пятисотъ.... Ужъ такъ и бытъ! Для васъ только!

— Ахъ, насчетъ пятисотъ!... Да-съ; ну, такъ что же?

— Вотъ вамъ рукопись и позвольте деньги.

— Да-съ.... Рукопись? Очень хорошо-съ. Такъ вы теперь согласны?... Тэкъ-съ, тэкъ-съ.... Да я-то, вотъ, видите ли, не согласенъ уже: я раздумалъ.

— Какъ же это такъ, право! почти жалобно протоналъ Полояровъ.

— А такъ, что надо было не привередничать, а сразу брать тогда, когда давалъ. Вотъ оно что-съ, любезнѣйшій!

— Да вѣтъ, это вы шутите!... Давайте пятьсотъ и покончимъ!

— Нѣтъ-съ, сударь мой, теперича ужъ я вамъ не дамъ пятисотъ, а не угодно ли помириться на половинакъ? агриво предложилъ Верхолебовъ.

„Да что жь это, дневной грабежъ, просто!“ въ отчаяніи подумалъ Ардамонъ, почувствовавъ себя въ некоторомъ родѣ припертымъ къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, перестаньте, Калистратъ Стратилатовичъ! угодитъ. т. лхх.

варивалъ онъ уже чуть не просительнымъ тономъ:—ей-Богу! **Клянусь вамъ, меньше пятисотъ никакъ невозможно!**

— Нѣ, нѣ! Полно, любезнѣйшій, полно! Чтò баловать-то! отрицательно замахалъ откупщикъ.—Бери двѣсти пятьдесятъ, а то черезъ минуту я, можетъ, и половины-то не дамъ!

— Ну, нечего дѣлать! Получайте рукопись! съ глубоко скорбнымъ и досадливымъ вздохомъ сказалъ онъ.—Только не думалъ же я, Калистратъ Стратилатовичъ, чтобы вы были такой.... Эхъ, право!

— Ну, а ты напередку думай! Это, значить, наука!

— Да ужь чтò съ вами!... Вотъ вамъ тетрадка, давайте деньги.

Верхолебовъ принялъ съ рукъ на руки Полояровскій паспортъ и внимательно поглядѣлъ на рукопись.

— Да вѣдь это бѣлякъ? спросилъ онъ.

— Бѣлякъ, Калистратъ Стратилатовичъ.

— Ну, то-то, я и вижу что бѣлякъ. А вы мнѣ, батюшка, чернычокъ пожалуйте, а безъ того нельзя; мнѣ и чернычокъ тоже нуженъ. Доставьте прежде чернычокъ, тогда и деньги получите.

— Да на чтò же вамъ черныкъ-то? Не все ли равно это?

— Нѣтъ, ужь все-таки для спокойствія.... Такъ-то поблагодѣйнее будетъ.

Полоярова покорило. Онъ понялъ что этого гуса никакъ не проведешь.

— Хорошо-съ, я вамъ доставлю завтра утромъ, попытался вильнуть онъ въ послѣднее.

— Э, нѣтъ, милѣйшій, завтра уже будетъ поздно! отрицательно развелъ руками патріотъ.—А вы мнѣ его сейчасъ же доставьте, не медля ни секундочки, тогда и деньги вамъ съ рукъ на руки.

Ардалионъ согласился, на извоцкѣ полетѣлъ домой за черною рукописью. Его душила злость и досада, но въ тщетномъ безсиліи онъ только награждалъ себя названіями осла и дурака, а Верхолебову посылая эпитеты подлеца и мерзавца. „Двѣсти пятьдесятъ рублей—шутка сказать!—такъ-таки ни за-что изъ-подъ носа вотъ врагомъ развѣдались!.. Экой мерзавецъ! Чуть три половины не отнял! Три половины! Тьфу, подлець какой!“

Черезъ четверть часа онъ опять уже стоялъ въ откупничьемъ кабинетѣ.

— Ну что, милѣйшій, привезамъ?

— Привезъ, Калистратъ Стратилатовичъ! Извольте по-лучить.

Верхолебовъ взялъ чернакъ и тщательно провѣрилъ его съ бѣловою.

— Да ужъ не беспокойтесь, вѣрно! Не надую, повѣрьте слову! убѣждалъ его Ардалионъ Михайловичъ.—Вы мнѣ деньги-то поскорѣе давайте!

— Позвольте, батюшка.... Деньги!... Такъ дѣло не дѣлается. Своевременно и деньги получите; не задержу-сь, не бойтесь! А вы сперва вотъ что, солидно предложивъ оное съ видомъ вполне дѣльнаго, резоннаго человека:— извольте-ка мнѣ прежде выдать такую подписку, что вы обязуетесь ни на меня, ни на мое семейство никакихъ болѣе пашквилей не писать, во всю вашу жизнь, и что все написанное вами въ переданныхъ нынѣ статьяхъ есть ложь и пашквиль, одна только ваша чистая выдумка, отъ которой вы, по совѣсти, отказываетесь, и нигдѣ болѣе ни письменно, ни устно повторять этой лжи не станете. Вотъ какъ вы мнѣ дадите такую подписку, я вамъ и деньги вручу-сь. Понимаете?

Полоярковъ увидѣвъ что тутъ, какъ ни вертись, а ровно ничего не подѣлаешь, и потому присѣлъ къ столу и подыктовавъ Верхолебову настроилъ требуемую подписку.

Калистратъ Стратилатовичъ внимательно прочелъ ее, аккуратно сложилъ пополамъ и, вмѣстѣ съ двумя рукописами, заперъ въ свой массивный несгораемый шкапъ, ключъ отъ котораго неизмѣнно носилъ въ карманѣ. Оттуда же, изъ одной полновѣсной пачки (Ардалионъ очень хорошо замѣтилъ эту полновѣсность быстрымъ и горящимъ взоромъ) отсчиталъ оное двѣ новелькія радужныя бумажки и одну сѣрую, и съ полупоклономъ подалъ ихъ Полояркову.

— Теперича, значитъ, дѣло между нами чисто, сказалъ оное съ облегченно-сіяющею физиономіей.

— Послушайте, Калистратъ Стратилатовичъ, въ минорномъ тонѣ заговорилъ Ардалионъ, кисло и жалостно пожимаясь,—вѣдь вы у меня, ей-Богу, за бездѣлюшку приобрѣли, сами понимаете!... вѣдь только одна крайность моя.... Вы бы что-нибудь прибавили!... право! Ей-Богу, не грѣхъ бы вамъ!... Вѣдь не разоритесь!

— Ну, ну! Не окрипи, не окрипи! Ужъ такъ и быть, куда ли шло, одну красненькую накину! пренебрежительно утѣ-

шаль его патриотъ, выбрасывая на столъ десятирублевую ассигнацію.

И вдругъ захотѣлось ему, жестоко захотѣлось, до какого-то дьявольскаго зуда во всей волѣ и во всемъ помышленіи, во всемъ сердцѣ своемъ, безпощадно подразнить Ардаліона Полоярова.

Онъ выждалъ пока тотъ положилъ деньги въ карманъ и сталъ откланиваться.

— Пстой-ка, милый, стой малость самую! остановилъ онъ его:—слово тебѣ хочу сказать еще одно.

И самодовольно растопыривъ ноги и фертомъ залажа въ карманы панталонъ мясистыя руки свои, съ серьезнымъ лицомъ, но нагло издѣвающимися глазами сталъ онъ глядѣть въ Полояровскую физиономію.

— Чтѣ вамъ угодно? угрюмо повернулся облачитель.

— А мнѣ угодно сказать тебѣ что ты дура! какъ есть дурабаба несурзая! Вѣдь пойми, голова, что я тебѣ за этотъ самый твой пашквиль не то чтѣ тысячи, а десяти, пятнадцати тысячъ не пожалѣлъ бы!... Да чего тутъ пятнадцать! И всѣ бы двадцать пять отдалъ! И за тѣмъ не постоялъ бы, кабы дѣло въ крутую пошло! Вотъ лопни глаза мои, чтобъ и съ мѣста съ этого не сойти, когда лгу.... А потому что какъ есть ты дура, не умѣлъ пользоваться, такъ будетъ съ тебя и двухъ съ половиною сотенокъ. Вотъ те и упустилъ всю фортуна свою! Упусти-иль!

И онъ весело и самодовольно расхохотался прямо ему въ лицо своимъ широкимъ, размахистымъ и неудержимымъ смѣхомъ. Полояровъ поблѣднѣлъ и даже зашатался отъ этого неожиданнаго удара. Лицо его перекосила злостная судорога.

— У меня... все жь таки остались факты! проговорилъ онъ съ трудомъ и чуть не задыхавъ.

— Факты? шишнически прищурился Верхолебовъ:—нѣтъ, братъ, врешь! Вонъ она гдѣ, факты-то, у меня въ шкапчикѣ!.. И только, значить, пики ты мнѣ, такъ ничего не пожалѣю, а ужь засужу! За бутры опроражу!.. И всю подписку твою дѣлаюкомъ пропечатю!.. Ну, да теперь уже кончено! Чтѣ съ дозу упало, то провало! благодушно-лаутовски махнулъ онъ рукой: — Пешель;:: пешель отсюда! Проваливай, сударь! Не досугъ мнѣ съ тобою!.. Ишь, сапожищами-то по коври на-владилъ какъ! У меня, братъ, ковры дорогіе, одинъ поди чай

стоить дороже тебя самого и со всеми-то потрохами твоими. Ну, убирайся же, съ Богомъ, убирайся! Христось съ тобою! И онъ, безъ церемоніи, деликатными, легонькими толчками выпроводилъ его изъ комнаты.

XXXI. Прощаюсь, ангель мой, съ тобою!

Какъ представить всю великую степень той досады и злобы которыми воспыдалъ Ардалионъ Подояровъ по выходѣ отъ Верхохлебова. Онъ, дѣйствительно, почувствовалъ что лишился всей фортуны своей и кромѣ того еще дозволилъ насмѣяться и наругаться надъ собою „какому-нибудь“ Калистрату Верхохлебову, тогда какъ часъ тому назадъ онъ изъ этого самаго Калистрата веревки могъ вить, и Калистратъ не викнулъ бы. Хуже всего было то, что самъ Ардалионъ чувствовалъ и сознавалъ, какъ разыгралъ онъ жалкаго дурака и упустилъ изъ рукъ своихъ львиную силу. „Какъ Исавъ.... какъ Исавъ, за чечевичную похлебку! думалъ онъ:—да и тотъ-то поступилъ умнѣе, потому продалъ какое-то тамъ фиктивное первенство, а я капиталъ.... капиталъ!.. двадцать пять тысячъ серебромъ продалъ за двѣсти пятьдесятъ рублишекъ!“ И на глаза его чуть слезы не проступали отъ боли всей злобы его.

Послѣ такого пассажа и тѣмъ паче невозможно было оставаться въ Славнобубенскѣ: Ардалиону казалось (впрочемъ совершенно неосновательно) будто здѣсь каждая собака, каждый камень на улицѣ будетъ знать какого дурака разыгралъ онъ и какъ наругался надъ нимъ—шутка сказать! надъ нимъ, надъ Ардалиономъ Подояровымъ!—какой-нибудь кабатчикъ.... Самолюбіе вопіяло. Надо было удирать поскорѣе. Вернувшись домой, Ардалионъ наказалъ хозяйкѣ, что кто бы его ни спрашивалъ, а особенно Затѣ и Дубянская, говорить всѣмъ „дома нѣтъ, и когда будетъ—неизвѣстно, и комната молъ заперта, и ключъ унесъ съ собою“. Послѣ таковой мѣры предосторожности, онъ спѣшно удрался, уложилъ въ чемоданъ всѣ свои пожитки да бумаги, и принялся за письмо къ невѣстѣ. Оно гласило такъ:

„Дубянская! Васъ, конечно, удивить это посланіе, но удивляться тутъ въ сущности нечего. Я получилъ извѣщеніе, которое немедленно призываетъ меня къ дѣлу. Надѣюсь, вы поймете, что дѣло для насъ прежде всего. Я бы позволилъ каждому назвать себя презрѣннымъ эгоистомъ и подлецомъ, еслибы ради моего личнаго комфорта и счастья, ради моихъ личныхъ выгодъ, рѣшился пожертвовать счастьемъ миллионновъ и дѣломъ, которое составляетъ высшія стремленія людей нашего закала. Мой разумъ, моя совѣсть, наконецъ, рѣшительно воспрепятствуютъ мнѣ думать исключительно о себѣ тамъ гдѣ надо безкорыстно служить дѣлу. Думать и желать иначе было бы малодушно. Я люблю васъ и, сколь ни горестно это, вижу тѣмъ не менѣе что намъ необходимо разстаться. Надоело ли? Это покажетъ будущее. Если современемъ ваше чувство ко мнѣ не остынетъ, можете пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ я, вѣроятно, и останусь. Тогда отъ насъ будетъ зависть продолжать ли наши отношенія или нѣтъ, тогда же, глядя по обстоятельствамъ, быть-можетъ, успѣемъ и сочетаться законнымъ бракомъ. Если же вамъ понравится кто-либо другой, можете спокойно назвать его своимъ супругомъ и быть увѣренною что я ни на минуту не позволю себѣ стѣснять какими бы то ни было обязательствами вашу свадьбу. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, мы разстанемся друзьями. Пожелайте мнѣ успѣха въ нашихъ честныхъ начинаніяхъ, въ нашемъ общемъ великомъ дѣлѣ. Если всѣ сѣмена, брошенная мною на вашу почву, не пропали безслѣдно, то я съ полнымъ моимъ уваженіемъ буду считать васъ женщиной дѣла, а какъ женщина дѣла, вы не имѣете даже права выставлятъ на первый планъ ваши личныя, эгоистическія желанія и чувства, и охотно покоритесь необходимости. Постарайтесь легко перенести нашу разлуку, быть-можетъ, только временную. Современемъ, если обстоятельства позволятъ, повторяю вамъ, вы можете пріѣхать. Васъ ожидаетъ тогда новая жизнь съ неизмѣнно преданнымъ вамъ

„Ардалиономъ Полояровымъ.“

„P. S. Нарочно уѣзжаю экспромптомъ и даже не прощаясь съ вами чтобъ избѣжать лишнихъ слезъ и печалей. Дальніе проводы—лишнія слезы, знаете пословицу, а я слезъ, вообще, терпѣть не могу, какъ вамъ уже хорошо извѣстно. Вѣрьте одному, что мнѣ очень тяжело расставаться съ вами. Кланяйтесь отъ меня всѣмъ добрымъ пріятелямъ.“

Заклеивъ пакетъ и надписавъ адресъ, Ардалионъ отдалъ письмо хозяйкѣ съ точнымъ приказаніемъ отнести его къ Дубянской завтрашній день, въ три часа пополудни.

XXXII. Въ Жегуляхъ.

На лѣвомъ берегу Волги, у протока Куньей Вѣложки, окруженный темными лѣсистыми горами, пріютился городокъ Ставрополь со своими двумя каменными церковками. Начиная отъ этого городка Волга беретъ прямо къ востоку, до двухъ совершенно однообразныхъ, похожихъ одна на другую каменистыхъ горъ, которыя называются повтому „Двумя Братьями“. Одинъ братъ стоитъ на правомъ берегу, другой, какъ разъ насупротивъ его, на лѣвомъ. Съ этого послѣдняго мѣста будетъ виднѣться уже направо, къ югу, въ голубоватой дали, городъ Самара. Отъ Самары Волга круто пойдетъ на западъ, вплоть до города Сызрани. Нѣсколько выше Ставрополя, на правомъ берегу, лежитъ деревня Жегули, и весь заворотъ Волги отъ Жегулей до Сызрани извѣстенъ подъ именемъ Луки Самарской. Въ Россіи рѣдко найдется мѣсто красивѣе горъ Жегулевскихъ, извѣстныхъ просто подъ именемъ Жегулей. На всемъ протяженіи ихъ, верстъ на восемьдесятъ, Волга, сжатая между крутизнами, словно широчайшій каналъ, течетъ ровно, прямо, стрѣлой. „Словно бы она тутъ тебѣ вразъ кнутомъ шибанута,“ говорятъ о ней мѣстные Поволжане, характеризуя прямолинейное направленіе своей „матушки“.

Дичь, глушь, тишина и величіе.

Вонъ потянулись они вверхъ, на восемьдесятъ и на сто сажень надъ рѣчнымъ уровнемъ, эти утесистые великаны: то цѣлая сплошная масса ровно тянется съ версту, словно валъ гигантской крѣпости, вся заросшая дремучимъ, темнымъ, непродорнымъ лѣсомъ; то, глядишь, сплотился цѣлый рядъ скалистыхъ конусовъ, покрытыхъ, словно зеленою мерлушкой, кудравымъ кустарникомъ. Подъемъ туда, на эти вершины, почти неприступенъ: тамъ гнѣздится соколъ, плаваютъ крупный крапчатый коршунъ, да орель-бѣлохвость. По дѣйствиельнымъ вѣтвямъ прыгаетъ большая бѣлка-бѣляцка; при корняхъ сѣро-пестрый гадъ ползаетъ, а ниже, межъ водороевъ и узкихъ ущелій, въ труппобахъ да въ берлогахъ, да въ каменистыхъ пещерахъ вырытыхъ либо водой, либо временемъ, залегаетъ черный и красноватый медвѣдь, порскаетъ лисица, рыщетъ волкъ понурый, да ходитъ человекъ бездомный,

котораго народъ знаетъ подъ общимъ именемъ „куклама четырехсторонней губерніи“, а самъ онъ себя при дознаньяхъ показываетъ спокойно и просто „Иваномъ родства не помнящимъ“.

Плывешь ты внизъ по рѣкѣ, а справа по горамъ точно развалины замковъ какихъ-то разбросаны: вонъ, точно столбъ какой или обломленная колонна высится, и на вершинкѣ ея тонкое деревцо у самого края прильнулось, вотъ, подпертыя контрафорсами, выступаютъ остатки стѣнъ какого-то замка съ разрушенными башнями, и точно бы еще скважины бойницъ и амбразуры оконъ видны тамъ; вонъ цѣлый бастіонъ выдается умомъ впередъ, и весь онъ украшенъ причудливыми нишами да колонками. И невольно дашь ты разгулъ воображенію, которое на каждомъ шагу поражается этими обломками какой-то стародавней, фантастической, вѣками изжитой уже жизни... Но... никакихъ замковъ, никакой особо фантастической жизни и ничего никогда тутъ не бывало, а всѣ эти чудеса понадѣлала природа изъ скалистыхъ известковыхъ горъ, да вѣчная Волга, которая прорыла да пробуравила въ этихъ скалахъ множество причудливыхъ пещеръ и водомоинъ. То насупятся тихія горы къ самой водѣ почти отвѣсными скалами, то раздвинутся узкимъ, глубокимъ ущельемъ, въ которомъ взоръ замѣчаетъ другія, за другими третьи курчавыя и сизо-темныя лѣсистыя вершины. Налетитъ вѣтеръ, и пойдетъ по горамъ ровный гулъ и мягкій шумъ и шепотъ между лѣсами. Набѣжитъ гроза, и посыплются трескучіе, громоносные, долгіе раскаты, которые переливисто подхватываетъ и несетъ по дальнимъ ущельямъ гулкое, содрогающееся горное эхо. Жегулевскій старецъ-отшельникъ перекрестится въ отвѣтъ „Божему гнѣву“ и тихо зачитаетъ про себя псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго“. Въ Жегуляхъ, по природнымъ пещерамъ, либо въ нарочито вырытыхъ землянкахъ, спасаются индѣ старцы-отшельники; но всѣ они люди „древляго благочестія“. Скудно и сурово-подвижнически живетъ жегулевскій старецъ, въ постѣ и молитвѣ, и дикій звѣрь его не трогаетъ, и гадъ ползучій не жалитъ. По зарямъ выходитъ онъ молиться на востокъ, и мѣрно кладетъ земные поклоны. Вотъ пароходъ „бѣжитъ“ мимо, старецъ долго машетъ ему бѣлымъ ручникомъ и шлетъ свое благословеніе странствующимъ и путешествующимъ. Вонъ по визу

бурлаки съ однообразнымъ, протяжнымъ стономъ идутъ бичевою, старецъ съ вершины горы своей благословляетъ труждающагося и обремененнаго челоуѣка, и бурлакъ, завидѣвъ старца, благоговѣнно, на ходу, обмазаетъ свою обличную потомъ голову. А взобраться на вершину да глянуть окрестъ себя—Господи! что за кругозоръ откроется предъ тобой! что за даль раскинется тамъ веротъ на девяносто въ окружности! Вотъ подъ ногами, внизу, эта полоса Волги „кнупомъ шибанутая“, а тамъ, въ далекой, далекой дали „Сенгилѣвы Уши“ видѣются. Обернись на югъ, на западъ, замѣтишь индѣ искры солнца на крестахъ церквей православныхъ. Вотъ онъ, этотъ размашистый просторъ, эта необъятная ширь свято-русская!

И долго, до самаго „Царева Бугра“, до самыхъ „Двухъ Братевъ“ тянется эта безлюдная, дико и сурово-предестная пустыня. На всемъ протяженіи ея приткнулись по рѣдкимъ лоцинкамъ три-четыре деревни, и окрестъ этихъ сѣрыхъ деревнюшекъ мѣсто всегда такое хорошее, красивое, благодатное и покрытое тучною пашней, либо сочнымъ, веселымъ лугомъ. Близъ деревень, по берегу рѣки, у подножія нѣкоторыхъ скалъ, крестьяне мѣстами жгутъ известь и промышляютъ ею. Сказываютъ тоже иные изъ усольскихъ и жегулевскихъ мужаковъ, будто въ горахъ, кромѣ извести да сѣры, есть и золото самородное; но слова ихъ никѣмъ еще не провѣрены на дѣлѣ.

Теперь по Волгѣ то и дѣло „бѣгаютъ“ пароходы, и потому бурлакъ спокойно себѣ тянетъ бичеву Жегулями, и спокойно плыветъ мимо ихъ расшива и бѣлана, а еще не далѣе какъ лѣтъ двадцать назадъ Жегули, это классическое мѣсто волжскихъ разбоевъ, были далеко не безопасны. Вдругъ, бывало, надъ гладью рѣки раздастся зычно молодецкое *сарымъ на кичку!* и судоховнякъ вмѣстѣ съ батраками, въ ужасѣ, ничкомъ падаетъ на палубу и лежитъ неподвижно пока въ его суденышкѣ шарятъ, хозяйничаютъ да шалятъ вольные ребята.

Но если оживленіе стало на рѣкѣ, то въ горахъ, по-стародавнему, все та же такая, дивно-дикая пустыня. Тутъ гуляя нѣкогда „батьшка“, котораго повизовскіе Новолмане обзываютъ въ разказахъ „Стенькой“, или чувствуютъ и величаютъ по изотчеству „Тимовеичемъ“. Вамъ и теперь указать въ Жегуляхъ нѣсколько горъ да овраговъ которые

называются Стенькиными горами и Стенькиными оврагами. Здѣсь всецѣло живутъ богатые преданія о повизовской вольницѣ, потому что и обсеани-то эти мѣста все больше бѣлые изъ помѣщичьихъ да монастырскихъ крестьянъ, да кое-кто изъ служилого люда, словомъ, тотъ народъ который въ устахъ своихъ теперешнихъ потомковъ, когда ихъ спрашиваютъ про предковъ, характеризуется словами, что „быль, молъ, это всякій сбродъ да наволока“.

Надъ Жегулами собирались тучи. Въ лѣсу было сумрачно и такъ тихо, какъ будто все что ни есть въ природѣ притаило дыханье. Листъ шелестя упадетъ съ дерева, птица пугливо затрепещетъ крыломъ, сухая хворостинка хрустнетъ подъ ступней зайца—все эти звуки чутко слышатся въ пригнетенномъ, недвижномъ воздухѣ. Надъ горами скапливалась гроза — первая весенняя гроза. Дѣло шло къ вечеру: былъ часъ восьмой въ началѣ. По лѣсу брели два человѣка, одѣтые въ простыя сермяги, съ небольшими котомками за плечами. Опираясь на свои самодѣльные дубинки, они ступали довольно бодро и видимо торопились добраться, пока до грозы, къ какому-нибудь жилью.

Вдругъ зашумѣло и загудѣло по лѣсу, и этотъ мѣрный и ровный гулъ, начавшись гдѣ-то издалеца, побѣжалъ по лѣснымъ пространствамъ, пригнетая деревья на вершинахъ и сердито воя по ущельямъ. Только на днѣ глубокихъ овраговъ, залегшихъ котловинами между горъ, было все тихо и глухо: туда не залеталъ горный вихрь. Стрижи да чайки, учуя бурю, низко-низко замелькали зигзагами надъ рѣкой, черная воду своимъ острымъ крыломъ. Воронье тревожно закаркало и стаями съ разныхъ концовъ потянуло куда-то на югъ, а гулъ все шелъ да шелъ по лѣсамъ, и слышался въ немъ скрыпучій и рѣзкій трескъ ломающихся стволовъ и сучьевъ. Лѣсная сова одиноко гукала на какомъ-то деревѣ, и въ этомъ гуканьи было нѣчто такое жалобное и похожее на дѣтскій больной стонъ, что прохожихъ неволью хватала за сердце пугливая тоска. Вдругъ въ лилово-свицовой тучѣ какою-то судорогой затрепетала молнія, и съ быстрой прерывистымъ трескомъ брызнула изъ нея бѣлый огонь внизъ на горную вершину. Въ ту жь минуту, съ того самого мѣста гдѣ упалъ онъ, пока еще громовые раскаты перекликались по ущельямъ, закурился бѣлый дымокъ: какое-то дерево

загорѣлось. Нѣсколько тяжелыхъ капель шапнулись на листья. Дрогнула еще одна молнія въ другомъ концѣ неба, и сразу послѣ нея зашумѣлъ частый и крупный ливень. Съ этимъ мгновеніемъ какъ будто немножко полегчало въ природѣ: дождевая влага разрѣжала насыщенную электричествомъ сухость воздуха.

Путники спускались въ оврагъ. По глинистому дну его бурлилъ и крутился пѣнисто-мутный ручей, взбученный дождевою водою, и въ немъ кружились и стремительно неслись внизъ оторванные листья, сучья, вѣтви, корни и комья земли да глины, сейчасъ только отмытыя отъ грунта.

Вдругъ, въ серединѣ ската, у подошвы каменистой скалы, путники замѣтили человѣческую фигуру. Это былъ высокій, босой старецъ въ длинной, холщевой рубахѣ, съ обнаженною, лысою головою, который спокойно глядѣлъ на небо и медленно крестился. Вѣтеръ взвѣвалъ остатки его волосъ и длинную, совсѣмъ сѣдую бороду.

Въ первое мгновеніе оба путника даже вздрогнули и отступили шагъ назадъ: до того было неожиданно и странно это внезапное появленіе такой необыкновенной человѣческой фигуры, подъ страшною грозой, въ этой дикой пустынѣ.

— Э! жегулевскій старецъ! оправаясь отъ внезапнаго впечатлѣнія и отчасти обрадовавшись, сказалъ своему товарищу тотъ который казался постарше.

— Гей! дѣдушка! закричалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, силясь перекричать гулъ бури:—пусти, Христа ради, переждать грозу! Тотъ повернулъ на крикъ голову и сталъ вглядываться да вслушиваться: кто зоветъ и чтѣ кричатъ ему?

— Грозу переждать пусти! еще громче повторилъ путникъ. Старецъ призывно замахалъ имъ рукою и знаками силится указать тропинку по которой слѣдуетъ спуститься.

Путники уразумѣли, и хватаясь одною рукою за мокрыя вѣтви, а другою опираясь на дубинки, осторожно стали сходить внизъ по крутому и скользкому скату.

— У него вѣрно тутъ землянка гдѣ-нибудь, сказалъ старшій:—смотри, входя, не забудь перекреститься, а то выгнать, пожалуй. Съ этимъ народомъ надо умѣть ладить: народъ нужный. Ужъ я немножко успѣлъ изучить ихъ!

Спутникъ не отвѣчалъ, но къ свѣдѣнію принялъ.

Еще не доходя нѣсколько шаговъ до старца, передній почтительно снялъ свою шапку и низенько поклонился: „лучше

пересолить чѣмъ не досолить“, думалъ онь. Товарищъ его неукоснительно повторялъ все то что продѣлывалъ набольшій.

— Миръ вамъ! степенно и просто поклонился старецъ:— переждите пока.

— Впусти, дѣдушка! Мы люди добрые, молвилъ старшій.

— Коли добрые, и того лучше, опять поклонился тотъ:— а и злой человекъ такъ все одно же: злому человеку взять съ меня нечего! Войдите Бога-для Милости просимъ.

— Благослови, дѣдушка!

И старшій, склонясь предъ старикомъ, протесалъ вѣстѣ съ товарищемъ въ узкій проходѣ завѣшенный простою цыновкой.

Это была пещера вытѣченная самою природою въ глубинѣ известково-каменистой скалы. Внутренность ея слабо освѣщала огонекъ неугасимой лампы предъ образами очень древняго письма, которые помѣщались на деревянной полочкѣ, вдѣланной въ каменную стѣну. По другой стѣнѣ держались двѣ другія полочки: на одной лежало нѣсколько книгъ въ древнихъ кожаныхъ переплетахъ съ застежками; на другой—коровой пшеничного хлѣба, да съ десятокъ луковокъ и кой-какая скудная деревянная посудинка. Въ углу была свалена грудка картофеля. Обрубокъ пня, перетащенный сюда изъ лѣсу, замѣнялъ столъ, а ворохъ сѣна, покрытый старенькимъ овчиннымъ тудупомъ, служилъ постелью старцу-отшельнику.

— Вотъ гроза перейдетъ, разложимъ костеръ, сказалъ старецъ, — тогда обсушитесь, а пока — Господь съ вами!... Посидите на постели-то...

— Эка непогода! ужасъ просто! замѣтилъ младшій: — и съ чего это вдругъ поднялось?

— Божья благодать! простодушно и крѣтко молвилъ старецъ:— какъ хлѣба-то пойдутъ!... Земля прохлада и насыщенная. Жарынь-то какая стояла все!...

И онь пошелъ изъ пещеры.

— Дѣдушка, вѣдь тебя измочить всего?

— Э, милый! гроза—Божье дѣло!... Богъ съ небеси, значить, всаку тварь земную святою водою своею кропить. Въ это время молиться надо.

И онь скрылся по ту сторону цыновки.

— Послушай-ка, Шшшкинъ, штука хорошая! шепотомъ началъ Свѣтка, чуть лишь они остались одни: — вѣдь эти

старцы имѣютъ огромное вліяніе на народъ: къ нимъ воть сюда и подаваніе приносятъ, и за совѣтомъ, и за поученьемъ идутъ—святими почитаютъ. Кабы этому старцу-то, что-называется, очки втереть? Настроить бы полегоньку на такой ладъ чтобы самъ подходящую пѣсенку запѣлъ?... А?... Что ты на это скажешь?

— А что жь, надо воспользоваться! согласился Шашкинъ:— только съ чего начать? Какъ приступить-то?

— Ну, тамъ увидимъ! Къ чему-нибудь прицѣпимся.

Гроза все еще продолжалась, но дождь шумѣлъ уже тише и ровнѣе, припускаясь иногда только на минуту съ новою, тревожно напряженною силой и опять ослабѣвая. Блескъ молніи не залеталъ въ пещеру, и громовые удары слышались въ ней глухо. Казалось, будто вся эта сила гудитъ и гремитъ гдѣ-то тамъ, выше, надъ землею, а здѣсь—такая тишина, миръ и спокойствіе въ этомъ ровномъ, кроткомъ, колеблющемся мерцаніи лампы, озаряющей темные, сурово-святые, строгіе лики. Но воть громовые удары стали все рѣже и глуше, и мѣрный шумъ дождя, все болѣе слабѣя, почти прекратился.

Вскорѣ отшельникъ снова появился въ кельѣ.

— Ну, что гроза, дѣдушка?

— Перешла, слава Господу!... Пошла теперь туда на востѣкъ, на Самару, а на закатѣ расчистило.... Солнышко садится.

Путники выглянули изъ-подъ цыповки.

Въ воздухѣ разлилась живительная свѣжесть, вмѣстѣ съ тихою вечернею прохладой. Листва стала какъ-то крѣпче и темнѣе, словно вся она подбодрилась, вымылась, напилась и напиталась во время грозы, и теперь, такая сочная, свѣжая и нарядная, спокойно готовится къ ночи, на сонъ грядущій. Тамъ, вдали, на востокѣ, и земля, и небо, и рѣка, все было темно и подернуто сизо-свинцовымъ колоритомъ. Уходящія тучи, въ которыхъ порою все еще судорожно вздрагивали зеленовато-бѣлыя и лиловыя молніи, красовались тѣми разнообразно-суровыми и красивыми тонами, которыми всегда бываютъ окрашены разорванныя облака удаляющейся сильной грозы. А на западѣ все небо, весь воздухъ, и вода, и скалы, и верхушки деревьевъ были залиты ярко-розовымъ, золотистымъ блескомъ заката. Прямо надъ головой встало далеко-далеко ушедшее въ глубь густо-синее небо, по кото-

рому кое-гдѣ неслись еще разорванные ключья бѣлыхъ, полупрозрачныхъ облаковъ. Вся природа бодро и тихо дышала какою-то неизъяснимою прелестью и могуче-спокойною силой молодой, обновленной жизни.

Оба путника слышали вздохъ и обернулись. За ними стоялъ старецъ и глядѣлъ вдаль, на закатъ, на горы и воды, играющія золотыми, струистыми полосами. На лицѣ его стояла безмятежная, свѣтлая улыбка.

— Ну, вотъ, дѣтушки, теперь и костеръ разожигь, пообсушимся да картошки подваримъ, дѣло-то и ладно будетъ!

И онъ на нѣсколько саженъ опустился въ оврагъ. Тамъ находилась другая небольшая пещерка. На полу сложенъ былъ валежникъ, сухое лѣство да дрова, а подъ потолкомъ сержками подвѣшены связки вяленой рыбы аблы, которую поволжане зовутъ „ваблоу“, мерѣжи да лесы съ удочками. Старикъ иногда занимался рыболовствомъ. Онъ притащилъ теперь изъ своего запаснаго магазина связку сухой аблы да охапку хвороста и разожилъ костеръ на площадкѣ, предъ входомъ въ свою келью. Двѣ-три пригоршни прошлогоднихъ лѣстьевъ, подоженныхъ съ помощію трута, быстро занялись пламенемъ; огонекъ затрещалъ и побѣжалъ по прутьямъ, изъ костра закурился вѣкій, бѣлый дымокъ. Черезъ нѣсколько минутъ валежникъ жарко разгорѣлся. Старикъ подвѣсилъ надъ нимъ на треногѣ небольшой котелокъ съ водой и картофелемъ и, вмѣстѣ съ гостями своими, присѣлъ на корточкахъ, поближе къ огню, сушиться. Тѣ ждали что онъ начнетъ спрашивать ихъ что за люди, откуда и куда путь держать и зачѣмъ идутъ; но старикъ и не подумалъ предложить хоть одинъ изъ подобныхъ вопросовъ. Это все было для него дѣло совсѣмъ постороннее, чуждое, мірское; онъ зналъ только что къ нему пришли два человѣка просить гостепріимства, и радушно предложилъ имъ все что могъ, какъ предложилъ бы каждому кто пришелъ бы къ нему за этимъ.

— Что, дѣдушка, хорошо въ пустынь-то? спросилъ Василій Святка.

— Хорошо, милый человѣкъ, хорошо! Тихо!

— И не страшно тебѣ?

— Зачѣмъ страшно? Человѣкъ одного только гнѣва Божьяго да дна суднаго страшиться долженъ.

— А звѣрь всякій? а змѣи? вѣдь тутъ ихъ, всего этого страсть! подхватилъ Шимкинъ.

— Звѣрь не трогаеть и змѣя не кусаетъ, потому имъ отъ Бога такой предѣлъ положенъ. Звѣря ты не тронь, и онъ тебѣ не тронеть. Онъ на этотъ счетъ тоже справедливый. Ну, опять же кто Бога знаетъ, тому по Писанію „дадеся власть наступити на змію и скорпію и на всю силу вражію“. Значить, чего жъ тутъ страшиться? Надо только вѣру имати. Отъ Господа вся возможна суть.

— И въ міръ не хочется? спросилъ Свитка.

Старецъ тихо поглядѣлъ на него, и взглядъ его словно бы выразилъ: чего это малый пытается-то блазно?

— Въ міръ? молвилъ онъ, помолчавъ немного:—да чтò въ міру-то дѣлать? Я и тутъ въ міръ.... Вотъ онъ, міръ Божій окрестъ меня.... Чего же еще-то?

— Да, чѣмъ даьше отъ людей, тѣмъ лучше, замѣтилъ Шимкинъ:—теперь въ міру-то Богъ вѣсть чтò дѣлается!... Кажись, никогда еще такого не бывало.... Вѣру, дѣдушка, обижаютъ!

Старикъ внимательно поглядѣлъ на юношу.

— Вѣру? Какую вѣру-то?

— Нашу, дѣдушка, нашу! Христіанскую.

— Кто жъ обижаетъ-то?

— Какъ кто!... Известно, начальство, власти....

Тотъ, прежде чѣмъ отвѣтить, еще разъ внимательно поглядѣлъ на обоихъ.

— За чтò жъ имъ свою-то вѣру обижать? возразилъ онъ:—они, напротивъ того, блюдутъ свою вѣру-то; имъ не стать обижать ее.

— Да имъ это все одно, дѣдушка!

Старикъ тихо улыбнулся. „Молодо—зелено“, сказала улыбка его.

— Нѣтъ, чадушко, не все одно! вздохнулъ онъ:—ты какую вѣру разумѣешь-то? Вѣры есть разныя, и всяка себя православною нарицаетъ. Кабы нашу вѣру обижать, ну, это дѣло иное, потому вѣра наша старозаконная. Она же просія древле съ южныхъ странъ, отъ Кіева града. А нынѣ пошла все вѣра искаженная. Одни только наши отцы чтò живутъ въ Нѣмцахъ да въ Туркахъ, прости Господи, остались невредимы въ вѣръ-то. А спаслись они по старымъ книгамъ, которыя писаны прежде Никона патріарха. А которые и по Россіи живутъ, такъ и тѣхъ, слышно, нынѣ не трогаютъ. Да и

что же трогать, коли они, по Писанію, крѣпятся въ горахъ и вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ, и никому никакого зла не творяжу?

— Э, дѣдушка! да мало ли гонекій на васъ бывало! Такъ неужто же все это терпѣть!... Да до коихъ же поръ?

— А что же, милый? Гонимыя точно что много было. Ну, гонимы—и терпимъ; хулимы—утѣшаемся о Господѣ нашемъ. Упованіе наше Отець, прибѣжище наше Сынъ, покровитель есть Духъ Святъ и защита наша есть самъ Спаситель, равно содѣствующій Святой Троицѣ. Ты вотъ такъ строптиво мыслишь: до коихъ, молъ, поръ терпѣть-то?... А что сказано-то? Сказано: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. Значить, и терпи.

— Да; вотъ какъ Поляки, напримѣръ, тѣ тоже такъ рассуждаютъ, сказалъ Свитка:—ихъ тоже въ Польшѣ ужъ какъ вѣдь мучаютъ! И казнятъ, и огнемъ жгутъ, и въ Сибирь ссылаютъ тысячами, а они все терпѣли и терпятъ.... Только собираются всѣмъ народомъ въ церковь Богу молиться за свое горе, чтобы Богъ избавилъ ихъ, а въ нихъ тутъ, въ самомъ же храмѣ Божьемъ, изъ ружей стрѣляютъ, штыками колютъ, и женщинъ, и малыхъ дѣтей, всѣхъ безъ разбору!

Старикъ сострадательно покачалъ головой.

— Кто жь это ихъ такъ-то? спросилъ онъ.

— Какъ кто!... Да все наши же, Русскіе!... Солдаты.... начальство.

— Ну, кѣтъ, малый! Это ты, должно, бязное слово молвишь! Чтобы русскій человекъ малыхъ ребятъ сталъ штыкомъ колоть, этого ни въ жизнь невозможно! Вотъ у насъ, точно что бывало, заговорцы наши, чиновники земскіе понаѣдутъ, молельни позапираютъ, иконы святые отберутъ, иной озорникъ и надругательство какое сотворить, это все точно бываетъ объ иную пору, а чтобы бабъ съ ребятами въ церкви колоть, это ужъ неправда!

— Чего неправда! горячо подхватилъ Шиткинъ: — а вотъ недавно еще, съ мѣсяць назадъ, въ Славнобубенской губерніи, въ Высокихъ Олѣжкахъ, помѣщики да генералы съ солдатами по-мужикамъ стрѣляли! Сколько народу-то перебили. говорятъ! Страсти просто!

— Для чего жь это они стрѣляли? недовѣрчиво спросилъ старецъ.

— А такъ вотъ! Здорово живешь!

Тотъ, съ видимымъ недоувѣрїемъ, сомнительно покачалъ головою.

— Нѣтъ, что-нибудь да не такъ, сказалъ онъ:—здорово живешь стрѣлять не стануть.... Бывалъ я въ тѣхъ мѣстахъ, знавалъ и Высокіе Сяѣжки, хорошее село. Только тамъ вѣдь больше все, почитай, народъ никонїанецъ живетъ.... За что же въ нихъ стрѣлять-то? Помѣщику своихъ крестьянъ морить—себѣ же убытокъ.

— А за то за самое что имъ теперь волю дали! Помѣщику злы на это!

— Хм.... Да вѣдь кто же волю-то далъ? Вѣдь Царь далъ? А солдаты чьи? Все царскіе же? Такъ какъ же жь это Царь пошлетъ солдатъ бить крестьянъ за свою же волю? Это ты, малый, не вѣсть что городишь! Тутъ вѣрно что-нибудь да не такъ!...

— Да вѣдь бьютъ же, напримѣръ, хоть тѣхъ же самыхъ Поляковъ, ни за что ни про что! подвернулъ Свитка свое слово.

— Поляковъ коли и бьютъ, такъ за то что Полякъ бунтуетъ, увѣренно возразилъ старикъ.—Онъ еще издревле мутитъ землю Русскую, за то его и бьютъ... Поляка, малый, бьютъ за дѣло. А впрочемъ, не нашему разуму судить про то! рѣшительно завершилъ старикъ:—и вы меня, милые, такими рѣчами не блазните! не смущайте меня!... Я этихъ самыхъ дѣлъ не знаю, и не вѣрю вамъ, и слушать не желаю!... Мнѣ не о томъ надлежитъ помышленіе имѣть! А вотъ и картошка никакъ поспѣла! заглянулъ онъ въ котелокъ:—вотъ и поѣдимъ съ рыбицей. Вшьте себѣ, ничтоже сумнящеся! Милости просимъ!

Онъ отдѣлилъ себѣ въ особую посудинку нѣсколько картофелинъ, а остальные подвинулъ гостямъ своимъ. И всѣ молча, съ молитвой, по примѣру старика, принялись за ужинъ.

Наступила уже ночь, а съ ея тишиной стало ощутительнымъ то особенное явленіе, которое лѣтомъ всегда замѣчается на Волгѣ: вдругъ, откуда-то съ юга, пахнетъ въ лицо тебѣ струя теплаго, сильно нагрѣтаго воздуха, обвѣетъ всего тебя своимъ нѣжащимъ, мягкимъ дыханіемъ, то вдругъ, вслѣдъ за тѣмъ, съ сѣверо-востока рѣзкимъ холодкомъ потянетъ, и опять, спустя нѣкоторое время, теплая струя, и опять холодокъ, а въ промежуткахъ—ровная тишь и мягкая ночная прохлада. Изъ-за горъ показался край полного

мѣсяца въ темно-синемъ, чистомъ небѣ, и сквозь необыкновенно прозрачный воздухъ, на золотистомъ дискѣ этого мѣсяца отчетливо и рѣзко вырисовывались черныя вѣтви молодыхъ деревьевъ на той вершинѣ изъ-за которой онъ прорѣзывался. Гдѣ-то иволга тихо стонала; дикія утки крикали изрѣдка подъ берегомъ, а по водѣ, волнистыми струями, начинали бродить прозрачные туманы. И тихое безмолвіе жегулевской ночи нарушалось иногда только мѣрнымъ шумомъ парохода, который выбрасывалъ изъ трубы міриады красныхъ искорокъ, длинною полосой кружившихся змѣйками за кормою.

Путники улеглись въ пещерѣ, а на площадкѣ долго еще молился жегулевскій старецъ, кладя положенное число земныхъ поклоновъ, и—пока до сна—разсѣянное ухо молодыхъ людей слышало слова благоговѣйной молитвы: „Боже, милостивъ буди ми грѣшному!... Боже, направи мя на путь Твоея святаго истины и отъ злыхъ избави, и отврати помыслы отъ лукаваго, да ничѣмъ же смущаемъ предстану предъ Тобою!“

XXXIII. Золотая грамота.

Утро встало тихое, сіяющее. День былъ воскресный. Судя по солнцу, должно-быть, былъ уже часъ одиннадцатый. Путники спускались съ горы въ лощину, гдѣ засѣла небольшая деревнюшка, дворовъ въ сорокъ. Еще издали можно было легко отличить кабакъ по той пестрой кучкѣ народа которая стояла и галдила предъ крылечкомъ.... Кабачная изба глядѣла наряднѣе прочихъ. Между сѣрмагой и пестрадою ярко выдѣлялся кое-гдѣ розовый, желтый и голубой ситець, давая чувствовать собою каждому что день дѣйствительно былъ праздничный. У кабака стояла небольшая крашеная телѣжка въ одну лошадку, въ какихъ обыкновенно ѣздятъ малой руки управляющіе, сельскіе попы да прикащики хлѣбныхъ торговцевъ, скупающіе товаръ на мѣстѣ. Сытая лошадка стояла безъ привязи, потупя голову, и терпѣливо отмахиваясь хвостомъ отъ докучливой волжской мошки. Встрѣченные лаемъ собакъ, отмахиваясь отъ нихъ дубинками, вступили путники въ деревню и прамехонько направились къ кабаку.

— Съ праздничкомъ, господа честные! мимоходомъ поклонились они кучкѣ народа, взбираясь на крылечко.

И васъ съ тѣмъ же! отвѣтили имъ:—откуда Богъ несетъ?

— Съ подь-Новодѣвичья... Пока до Самары бредемъ.

— А чтѣ такъ?

— Да такъ.... бурмачии, да животомъ заболѣли подь Ново-дѣвичьемъ-то.... Прикащикъ и покинулъ.... Теперь бредемъ, пока Богъ дастъ чтѣ.

— Ну, помогай вамъ Христосъ!

И они прошли въ кабачную горницу, разсѣлись въ уголку предъ столикомъ и спросили себѣ полштофъ. Предъ стойкой, за которою возсѣдала плотная солдатка-кабатчица, въ пестрыхъ ситцахъ, стояла кучка мужиковъ, съ которыми вершилъ дѣло захмелѣвшій кулакъ, въ синей чуйкѣ нѣмецкаго сукна. Рѣчь шла насчетъ пшеницы. Повидимому, только что сейчасъ совершенно было между ними рукобитье, и теперь запивались магарычи. Свитка досталъ изъ котомки гармонику и заигралъ на ней развеселую пѣсню.

Шиткинъ молодецки хватилъ шкалакъ, подщелкнулъ языкомъ, поморщился и кракнулъ да закусалъ со стойки сухарикомъ, и залхватски заплѣлъ подь гармонику:

Какъ злодѣюшка чужа жена

Да прельстила добра молодца меня,

За колѣчущко я бракъ! бракъ! бракъ!

А собачушка-то тафъ! тафъ! тафъ!

А сердечушко-то іокъ! іокъ! іокъ!

А какъ мужъ во дворъ да скокъ! скокъ! скокъ!

Мою спинушку набухали,

Чтѣ четырьми ли обухами,

А какъ пятый-то кистель

По бокамъ моимъ свистѣлъ.

Ой, свись! свись! свись!

Плетка хлысть! хлысть! хлысть!

— Эка черти! Важно! важно! крикнулъ прикащикъ подернувъ плечомъ и стукнувъ кулакомъ по стойкѣ.—Тетка! Ставь еще сладкой водки!

Заслыша звуки гармоники, въ кабакъ навалила и та кучка народу чтѣ галдила предъ крымечкомъ. Солдатка привѣтливо ухмылялась, чуя хорошую выручку. Путники межъ тѣмъ, не обращая вниманія на новыхъ слушателей, продолжали свое дѣло. Свитка перемѣнилъ пѣсню и заигралъ новую. Шиткинъ съ тою же молодецкою ухваткой, выразительно подмигивая нѣсколькимъ молодежи да двѣкамъ, ухорски подхватилъ ее:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
 Золотой гребешокъ!
 Зачѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто поешь,
 Съ милымъ спать не даешь?
 И я встану ли, младшенька,
 Ранымъ рано ли, раненько,
 Я умоюсь ли, младшенька,
 Бѣлымъ мыльцемъ бѣашенько,
 Я взожду ли подъ настѣточку,
 Пѣтушка возьму за крылышко,
 За правильное за перышко.
 Я ударю объ настѣточку:
 Еще вотъ те пѣтушокъ,
 За ночной за смѣшокъ!
 Зачѣмъ рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Голосисто поешь,
 Съ милымъ спать не даешь!

— Ишь ты, какъ бурлаки-то пѣсни играютъ! восхищались въ кучкѣ народа:—Ай, лядъ же дери ихъ!.. Хорошо, робя!.. Что и говорить!.. И отколь это такіе развеселые!

Пѣсни, видимо, душевнымъ образомъ располагали народъ въ пользу двухъ бурлаковъ. Надо было еще болѣе завладѣть этимъ хорошимъ, привѣтливимъ расположеніемъ чтобы тѣмъ успѣшнѣе подготовить начало дѣла.

Шашкинъ подмигнувъ товарищу, наизялъ еще немного изъ полуштофа и запѣлъ новую:

Ой, чобъ! чеба-чобъ!
 Чеботочки мои!
 Черевички невелички,
 Алы бархатны!
 Ужь я вышла молода
 За новыи ворота,—
 Черевички скрипять,
 А молодчики глядятъ.
 Ахъ, молодчики глядятъ—
 Все гулять со мной хотятъ,
 Меня въ гости зовутъ,
 Въ карманъ золото кладутъ.

— Ай, лихо играютъ!.. Молодцѣ! ей-ей, молодцѣ!.. Веселые! замѣчали слушатели: — и съ чего это ихъ такъ раззудило?

— Съ воли радуемся! обратился къ мужикамъ Шиткинь:— потому нынѣ, ребяташки, совсѣмъ ужь пошла вольная воля! Слышали, братьцы?

— Чего этта?.. Волю? Какъ-ста не слышать!.. По церквамъ читали.

— Ну, это не та что по церквамъ, это совсѣмъ особая!

— Какая особая? недоумѣло переглянулись въ кучкѣ.

— Наполеоновская! Вотъ кака! подхватилъ Свитка:— Императоръ Наполеонъ Третій Бонапартъ подарилъ эту волю.

— Эка чудовый паренъ! ухмыльнулись нѣкоторые изъ слушателей:— Банапаръ.... анпираторъ!... Какой-те Банапаръ? Чтò толкуешь-то, несуразый!

— А то и толкую! Слышали, братьцы, про Крымскую войну? про Севастополь-то?

— Какъ-ста, не слышать!.. Некрутчина тогда большая была...

— Ну, такъ вотъ, противъ насъ тогда воевалъ Французъ...

— И Турка! подсказалъ кто-то изъ кучки.

Свитка мянулъ туда и замѣтилъ отставнаго солдатика въ заплатанномъ солдатскомъ пальтишкѣ.

— Ну да, и Турка, согласился онъ:— такъ вотъ, Наполеонъ съ тѣмъ только и мировую подписалъ съ нашимъ Государемъ, чтобы мужичкамъ безпремѣнно волю дать, а коли не дашь, говорить, такъ будемъ опять воевать, и все ваше царство завоеуемъ.

— Ишь ты, какъ! замѣчали озадаченные слушатели:— да что-жь это ему такая объ насъ забота? Съ чего это?

— Потому и забота что онъ—добродѣтельный человекъ, и хочетъ чтобы всѣ вольные были. Вотъ, сказываютъ, и Поляковъ тоже освободить велѣлъ.

— Поляковъ? подхватилъ солдатикъ:— ну, ужь это совсѣмъ напрасно! Полякъ глупъ, его напротивъ въ струяѣ надо содержать, а безъ того сичасъ забунтуееть.

— Эхъ, голова! какъ это такъ легко сказать! горячовступился Свитка:— если намъ съ тобой хорошо жить на свѣтѣ, и никто насъ не обижаетъ, развѣ мы станемъ бунтовать? да Господи помилуй! Зачѣмъ намъ это?

— Ну, такъ то мы, а то Поляки! возразилъ солдатикъ.

— Да развѣ не все одно это?

— Нѣтъ, не все! Ужь про Поляка ты мнѣ лучше и не говори. Поляка, братъ, я знаю, потому въ этой самой ихъ

Польшѣ мы три года стояли. Первое дѣло—лядащій человекъ, а второе дѣло, что на всю-то ихъ Польшу комаръ на хвостѣ мозгу принесъ, да и тотъ-то бабы расхватали!

Въ кучкѣ отзывчиво, дружно и весело раздавался смѣхъ удовольствія. Очевидно, слово пришлось по сердцу.

У Василия Свитки пріѣтомъ только слегка подернуло мускуль справа надъ верхнею губой.

— Н-да, вотъ тамъ толкуй какъ знаешь, продолжалъ онъ:—а Наполеонъ все-таки приказалъ воюю дать,—и дали! а кабы не онъ, быть бы намъ вѣчно крѣпостными!

— Постой, парены!.. Постой... Ты это не того! развода руками, вмѣшался въ разговоръ захмѣлѣвшій прикащикъ:—мы тоже на этотъ счетъ небезызвѣстны!.. Намъ старики тоже сказывали, какъ въ двѣнадцатомъ годѣ этого самаго Бонапартия мы метлою изъ Расаи погнали; и онъ, значить, за это за самое, oprичъ одной злобы, ничего къ намъ питать не можетъ!

— Тотъ-то былъ дядя, сказываютъ! возразилъ Свитка:—а теперь на тронѣ сидитъ племянникъ, и онъ разсуждаетъ похристіански: ваши мужички, говорить, моего дядю обидѣли, а я хочу имъ за зло добромъ заплатить, и потому пускай всѣ будутъ вольные. Вотъ онъ какъ разсуждаетъ!

— Нѣтъ, братъ, стой! подошелъ къ столу солдатикъ:—а зачѣмъ же онъ, коли такъ, эту Крымску кампанію свою затѣялъ? Сколько народу-то покалѣчилъ у насъ? Коли онъ такой сердобольный, такъ онъ бы лучше Богу молился. Вотъ что!

— Ну ужъ это не нашего ума дѣло, а лучше скажи-ка ему спасибо за его приказъ!

— Да кто-жь это нашему Государю можетъ приказывать! горячо стукнулъ солдатъ ладонью по столу:—ты, братъ, эти гауныя рѣчи покинь лучше, пока мы те бока не намали! Пѣсня вотъ ты хорошо играешь, а ужъ слова-то говоришь совсѣмъ, какъ есть, дурацкія!

— Постой, братцы! перекрикивая всѣхъ, вмѣшался Иванъ Шишкинъ:—чѣмъ попустому толковать, такъ лучше настоящее дѣло! Пускай всякъ видитъ и судитъ. Вотъ что, братцы: какъ были мы подъ Новодѣвичьимъ, такъ при насъ тамъ вотъ какую грамоту читали и раздавали народу. Одна и на нашу долю досталась... Прислушайте-ка, пожалуйста!

И развязавъ свою котомку, онъ досталъ изъ нея сложенный

вчетверо листъ плотной бумаги и показалъ его присутствующимъ.

На листѣ золотомъ и киноварью, красивымъ шрифтомъ, было напечатано: „золотая грамота“.

— Это что-жь такое? съ любопытствомъ и недоумѣніемъ пытали въ кучкѣ. Всѣ придвинулись поближе къ Шинкину.

— Это, братцы, манифестъ! Царская грамота! пояснилъ онъ:—слушайте!

И сталъ громко и внятно читать. За титуломъ, какъ быть должно, и за вступленіемъ слѣдовало:

„... Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ, такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю, безъ всякой за оную уплаты, какъ помѣщикамъ, такъ и государству, въ полное, неотъемлемое, потомственное ихъ владѣніе.“

— Это, значить, господа, помѣщикамъ больше ни копѣйки! какъ есть шипъ одинъ! пояснилъ Свитка.

— О?! И въ самъ-дѣла?... Это, братцы, намъ на руку! съ видимымъ удовольствіемъ откликнулся кое-кто изъ кучки:— Это и очерь намъ любезно!.. Ну, ну! Валяй-ка дальше! Что еще тамъ прописано?

„Полагаясь на вѣрность народа Нашего“, продолжалъ Шинкинъ, весьма подбодренный сочувственнымъ отношеніемъ слушателей: „Я признаю за благо для облегченія края упразднить армию Нашу, Мы отнынѣ впредь и навсегда освобождаемъ Нашихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ; затѣмъ солдатамъ армии Нашей повелѣваемъ возвратиться на мѣста ихъ родины.“

— Значить некрутчина шабашъ? спросилъ кто-то.

— Шабашъ! подтвердилъ Свитка:—отнынѣ и навсегда шабашъ и некрутчинѣ, и наборамъ, и всякому войску! Ни одного солдата больше не должно быть въ дѣлой Россіи! Всѣ будутъ вольные, всякъ, значить, дѣлай что хочешь!

— Э?!! Это важно?.. А насчетъ повинностей какъ?

— А вотъ, слушай далѣе!

„Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной армии, со дня изданія манифеста отменяется. Всѣмъ солдатамъ, возвращающимся изъ службы, такъ же всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и

мѣщанамъ повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣлы земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи Нашей.“

— Э, робя! Это, ей-ей, хорошо!..

— Чтѣ и говорить! Чего лучше!.. Надо только Бога молить...

— Да только неужто же все это Французъ?

— Все онъ! съ неколебимою увѣренностью подтвердилъ Свитка.

— А какъ же насчетъ теперича лѣсу? ну, и опять же всяко хозяйство тоже надо обзавести себѣ, избу поставить, скотинку тамъ чтѣ ли, безъ того нельзя же вѣдь, хотя и солдату, али дворовому. Это-то какъ же? Сказано про то, алы нѣтъ?

— Про это хотѣ и не сказано, а слышали мы такъ, будто все это брать отъ помѣщиковъ, объяснялъ Свитка:—помѣщикъ долженъ отдавать все безпрекословно, а ежели чтѣ заточился—сейчасъ его своею расправой, и бери все чтѣ хочешь!

— Это хорошо! одобрилъ чей-то голосъ, но большинство не подхватило, а напротивъ того, о чемъ-то сомнительно раздумалось.

— Ну, да этого не сказано; это, должно, малый вретъ, а ты читай далѣ! молвилъ какой-то мужикъ.

„Въ каждой волости, равно въ городѣ, продолжалъ Шиткинъ:—народъ избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ челоувѣкъ, которые, собравшись въ уѣздномъ городѣ, изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти; четыре депутата отъ каждаго уѣзда, собравшись въ губернской городѣ изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, состояять Государственный Совѣтъ, который съ Нашею помощью будетъ управлять всею Русскою землею. Такова Монаршая воля Наша.“

— Теперь, братцы, значить, сами управляться будемъ?

— Такъ, слышите, царь желаетъ! комментировалъ Свитка. Мужики призадумались.

— И бумаги править намъ же? спросилъ одинъ.

— И бумаги, и все, какъ есть, всѣмъ самимъ заправлять.

— Самимъ?.. Ну, это чтѣ-то не того... Какъ же теперъ стану я заправлять, коли я грамотѣ не знаю.

— А мозги на чтѣ?.. Есть мозги? значить и валай!

— Да всежь, безъ грамоты не управишься! Тутъ, вона, мало ли чего нужно!..

— Ну, грамотныхъ выбирайте...

— Такъ-то оно такъ!.. И значить это мужики всѣмъ царствиємъ заправлять будутъ?

— Значить, будутъ.

— А господа-то куды же?

— А къ чорту! Куда хотять, туда и идуть! А вѣтъ, и на сукъ можно вздернуть!

— Ишь какой прыткій!.. На сукъ!.. За что же это на сукъ?.. Душа-то вѣдь тоже хрещёная!.. За эки дѣла и кнутъ-емъ на площади порять да въ каторгу шаютъ... Нѣтъ, это ты, братъ, дуришь!.. Да ну, ладно! Читай давай!..

„Всякій объявляющій противное и не исполняющій Монаршей воли Нашей есть врагъ Нашъ. Уповаемъ что преданность народа оградить престолъ Нашъ отъ покушеній злонамбренныхъ людей, не оправдавшихъ Наше Монаршее довѣріе. Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрять одному Нашему Монаршему слову.“

— Такъ вотъ, слышишь, любезный, что самъ Царь повелѣваетъ! строго обратился Свитка къ мужику, выказавшему нѣкоторое сомнѣніе:—ты, значить, ослушникъ воли царской!.. За это въ кандалы!.. За это вяжутъ, да къ становому нашего брата, а ты, значить, молчи да вѣрь, коли это пропечатано!

— Да я что-жь... я ничего... я такъ только.. Известно, супротивъ Царя не пойдешь, опѣшилъ мужикъ и смущенно примокнулъ.

„Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, продолжалъ межъ тѣмъ Шиткинъ:—если генералы, губернаторы, посредники осмѣлятся силою воспротивляться сему манифесту, да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мною свободы и, не щадя живота, выступить на брань со всѣми держащими противиться сей воли Нашей. Да благословить Всемогущій Господь Богъ начинанія Наши! Съ Нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, ако съ нами Богъ!“ громко и торжественно заключилъ Шиткинъ, вторично обращая къ слушателямъ и показывая красиво расписанный листъ.

На листъ глядя съ любопытствомъ, но въ каждой почти головѣ царило недоумѣнье и сомнѣніе. Манифестъ давалъ уже такъ много, что невольно рождался въ душѣ вопросъ: да

ужь точно ли правда все это?—хотя, быть-можетъ, каждый не прочь бы былъ воспользоваться его широкими посулами. Перспектива казалась заманчивою.

— Значить, коли начальство не согласно, сейчасъ бунтовать? спросилъ кто-то.

— Такъ, голова! Вѣрно!.. Сейчасъ и бунтуя! съ полною увѣренностью одобрили оба бурлака.

— А отчего-жь это доселева за бунты-то все наказывали?

— Теперь, милый, другіе порядки пошли. Теперь самъ Царь бунтовать велить.

Наступило новое раздумье и молчаніе.

— Други вочтенные! братцы! вдругъ возвысилъ голосъ отставной солдатикъ:—это, надо быть, и вправду Французъ всю эту штуку выдумалъ! Потому онъ, первымъ дѣломъ, въ этой грамотѣ что говорить? Говорить что войско прочь, что солдатова больше не требуется! Такъ ли?

— Такъ, такъ!.. Не требуется!

— А кто же Расею-то защищать будетъ? продолжалъ онъ:— коли войска нѣтъ, сейчасъ, значить, непріятель подошелъ, и сейчасъ заполонилъ себѣ какъ есть всю землю. Это онъ подъ насъ, значить, ловкую штуку подводитъ! Никакъ тому быть не возможно, безъ войска-то! Онъ, значить, только глаза отводитъ!..

— Э!.. И въ самъ-дѣла! одобрили въ кучкѣ:—оно точно что такъ!.. А то бы съ чего ему сердобольствовать!

— Безпремѣнно такъ, братцы!.. Опять же хоть это взять: сами, говорить, управляйтесь. Теперь будемъ говорить по-солдатски! Примѣромъ взять—батальионъ. Какъ же-жь этта управится батальионъ безъ командеровъ? Никакой команды нѣтъ, и не знаешь ни куда тебѣ идти, ни что дѣлать. Солдаты этому не обучены, а командерь обученъ, онъ всю эту штуку знаетъ. Въ батальионѣ, теперича, только шестьсотъ, аль семьсотъ человекъ, а въ Расеѣ-то тьма народу! Какъ же-жь тутъ-то управиться? Это, значить, Французъ водъ Расею всю эту штуку подводитъ, чтобы способнѣй заполнить-то было! Ей-Богу, такъ, братцы!.. Этому вы ничему не вѣрите.

— Э, другъ любезный! Ты, стало быть, противъ Царя! Ослушникъ воли царской! напустился Свитка на солдата:—братцы! Слышали что Царь насчетъ ослушниковъ сказалъ? Чего глядите-то?

— Нѣтъ, ты погоди! выступилъ впередъ солдатикъ:—нешто волю царскую такъ объявляютъ? Волю царскую по церквамъ, подъ колоколами читають, а не въ кабакахъ! Царское слово чрезъ начальство да чрезъ священство идетъ; а ты что за человекъ? По какому ты праву? а?

— Эй, почтенные! Находка! закричалъ вдругъ прикащикъ.

Пока Шишкинъ читалъ, а Свитка дѣлалъ поясненія, онъ подобрался къ раскрытой котомкѣ, изъ которой чуть-чуть высовывался край другой подобной же грамоты. Подобразившись и смекнувъ что дѣло тутъ, кажись, не совсѣмъ-то чисто, онъ подъ шумокъ запустилъ въ нее руку и досталъ цѣлую пачку золотыхъ грамотъ.

— Вонъ сколько съ ними добра! кричалъ хмельной кулакъ:—дѣло не чистое!.. Это, ребята, бунтовщики!.. Смуту варятъ!.. Бей ихъ!.. Бей въ мою голову!.. всѣхъ бей!.. Держи ихъ, ребята!.. Важи по рукамъ да къ становому!

Агитаторы поблѣднѣли. Шишкинъ совсѣмъ почти растерялся, но Свитка не утратилъ присутствія духа. Минута была критическая. Люди, за нѣсколько еще минутъ расположенные вѣрить имъ, теперь готовы уже были кинуться на обоихъ и начать свою страшную расправу.

— Гдѣ твой кистень?... Держись за мною!.. Не робѣй! быстрымъ шепотомъ обратился къ Шишкину Свитка и мигомъ досталъ изъ-за пазухи заряженный револьверъ.

Солдатикъ, съ крикомъ „важи!“ первый ретиво кинулся на него.

— Убью! закричалъ тотъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ.

Пуля, вырвавъ клокъ сукна изъ лѣваго рукава, шлепнулась въ стѣну.

— Кто первый подступится, убью на мѣстѣ! грозно кричалъ Свитка!

И съ этимъ словомъ, пятась къ дверямъ вмѣстѣ съ товарищемъ, онъ воспользовался минутнымъ ошеломленіемъ присутствующихъ и выскочилъ изъ горницы.

— Держи! держи! раздались за ними крики. Но Свитка успѣлъ уже вскочить въ телѣжку—Шишкинъ вслѣдъ за нимъ—и сразу захватилъ вожжи. Ударивъ ими что было мочи по лошади, онъ отчаянно заикалъ, продолжая непрерывно хлестать ее, и озадаченная лошадь, держа головой, быстро сорвалась съ мѣста и пошла вскачь—вонъ изъ деревни.

— Держи! держи! раздавались межъ тѣмъ громкіе крики.

Весь народъ выскочилъ изъ кабака, и нѣсколько человекъ погнались за бѣглецами.

Свитка, упершись козѣномъ въ сидѣнье, стоялъ обернувшись назадъ къ преслѣдователямъ и держалъ револьверъ наготовѣ.

— Удирай живѣи!... Хаеци ее!... Нагоняютъ! задыхаясь, кричалъ онъ товарищу, и тотъ немилосердно гналъ бойкую лошадку.

Одинъ парень совсѣмъ уже почти хватался руками за задокъ телѣжки.

— Кистень!... дай кистень сюда!... живѣе!... говорилъ Свитка, и не отвращая лица отъ преслѣдователя, протянулъ назадъ руку.

Шушкинъ торопливо вложилъ въ нее требуемое оружіе.

Парень уже держался за задокъ и на бѣгу старался заскочить въ телѣжку. Свитка хватилъ его кистенемъ въ лобъ, — тотъ вскрикнулъ и опрокинулся на дорогу. Остальные, не преслѣдуя бѣглецовъ, раздумчиво остановились надъ ушибленнымъ парнемъ, который, съ посинѣлымъ лбомъ, лежалъ безъ чувствъ поперекъ дороги.

Телѣжка межъ тѣмъ скрылась въ лѣсу, но Шушкинъ все еще гналъ и билъ вожжами лошадь.

Черезъ часъ бѣглецы очутились уже версты за семь. Боякъ былъ въ конецъ заморенъ и не могъ уже двинуться съ мѣста. Они его покинули въ кустахъ, вмѣстѣ съ телѣжкой, и покрались кустами же вдоль по берегу. Теперь опасность погоны нѣсколько миновала. На счастье ихъ, неподалеку отъ берега стояла на водѣ рыбацья душегубка, и въ ней мальчишка какой-то удилъ рыбу. Они крикомъ стали звать его. Рыбакъ подчалилъ, бѣглецы прыгнули въ лодку и за гризетникъ, безъ излишнихъ торговъ и разговоровъ, перебрались на лѣвый берегъ, въ Самарскую губернію.

Здѣсь, пока, они уже были внѣ опасности.

XXXIV. Последняя литургія.

Протпо съ небольшимъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ какъ владыка Иосафъ пріѣзжалъ къ губернатору ходатайствовать за маіора Дубанскаго. И вдругъ теперь по городу Славноубенску быстро пронеслась вѣсть, что владыка покидаетъ свою катедру, на которой честно служилъ столько лѣтъ, и

что онъ переводится на дальній сѣверъ, въ другое епископство. Эта неожиданная вѣсть поразила многихъ. Большинство недоумѣвало: „какъ? что? зачѣмъ и почему?“ пыталъ каждый, и въ отвѣтъ встрѣчалъ только пожатіе плечами: никто почти не зналъ и даже не подозрѣвалъ настоящей причины этого внезапнаго смѣщенія. Весьма и весьма многіе искренно сожалѣли объ отъѣздѣ Юсафа: онъ никому не сдѣлалъ никакого зла, напротивъ, сколько людей оставило въ сердцахъ благодарное воспоминаніе о томъ добрѣ которое творилъ старикъ по силѣ по мочи! Никто не могъ укорить его въ чемъ-либо недобрѣмъ, и каждый сознавалъ въ душѣ что старикъ былъ глубоко правдивымъ и честнымъ человекомъ. Тѣмъ страннѣе казался непосвященному большинству этотъ переводъ въ отдаленную, заброшенную полосу Россіи, переводъ похожій скорѣе на какую-то ссылку.

По городу стало извѣстно что въ слѣдующее воскресенье владыка въ послѣдній разъ будетъ литургисовать въ кафедральномъ соборѣ. Эта литургія смущала нѣсколько полковника Пшецыньскаго и Непомука. И тотъ и другой ожидали, что старикъ не уйдетъ безъ того чтобы не сказать какое-нибудь громовое, облачающее слово, во всеуслышаніе православнои паствы своей. И еслибы такое слово было произнесено, положеніе ихъ стало бы весьма неловкимъ.

Но вотъ, наступило и воскресенье.

Церковь была полнехонька, безъ различія какихъ бы то ни было кастъ и сословій. Между народомъ, поближе къ кафедрѣ, затершись въ одномъ уголкѣ, стоялъ Федикъ Подвилянскій вмѣстѣ съ докторомъ Яродемъ. Оба рѣшились выстоять всю службу, даже самолично быть свидѣтелями того что произойдетъ сегодня. Они тоже ожидали чего-то...

Владыка служилъ, какъ и всегда, величественно и просто. Ясность душевная и твердое спокойствіе были написаны на его строгомъ и въ то же время кроткомъ лицѣ. Слова молитвы произносилъ онъ тихо, но явственно, такъ что голосъ его отчетливо былъ слышенъ во всѣхъ концахъ древняго храма. Подъ впечатлѣніемъ того сознанія что эта литургія уже послѣдняя, прощальная, предстоящему народу служба владыки казалась еще величественнѣе, еще торжественнѣе. Но вотъ окончилась литургія. Всѣ взоры напряженно обратились къ алтарю, всѣ ожидали появленія владыки на кафедрѣ, но кафедра оставалась пуста. При звукахъ „ис полаа эти, деспо-

талъ разоблаченный архіерей взомель на возвышеніе посреди храма, и пѣніе замолако.

Перекрестясь на алтарь, онъ положилъ земный поклонъ Богу и храму Его, съ которымъ отнынѣ прощался навѣки. За тѣмъ тихо отдалъ на всѣ четыре стороны по одному глубокому, появному поклону. Это было безмолвное прощаніе его съ народомъ.

— Прощайте, возлюбленные! Прощайте! раздался его любящій, но твердый старческій голосъ:—разставаясь съ вами, скажу одно вамъ: будьте твердыми сынами церкви; будьте твердыми и честными людьми Русскими! Ежели кого обидѣлъ, или прегрѣшилъ я предъ кѣмъ-либо изъ васъ, простите мнѣ, ради Христа, простившаго врагамъ своимъ свое великое поруганіе, свою страшную, крестную смерть. Прощайте!

И съ этимъ словомъ, благословивъ народъ, онъ пошелъ изъ храма.

Всѣ разомъ бросились къ владыкѣ. Каждый хотѣлъ получить отъ него еще одно благословеніе и въ послѣдній разъ облобызать пастырскую руку. На многихъ глазахъ видѣлись слезы.

Владыка увѣжалъ почти нищимъ. Весь небольшой капиталъ, скопленный имъ изъ своего жалованья, около пяти тысячъ, онъ пожертвовалъ на богадѣльни, больницы и народныя школы своей бывшей епархіи. Вѣсть объ этомъ пожертвованіи какъ-то успѣла разнестись между предстоящими еще во время литургіи, и это безкорыстіе еще болѣе возмысило владыку въ глазахъ покидаемой паствы.

— Поздравляю, сойдя съ паперти, обратился Подвилянскій къ Яроцю.

И онъ, съ многодогольной улыбкой, весело протянулъ и пожалъ руку своему пріятелю.

— Выпендзили, хвала Богу! съ такимъ же удовольствіемъ отвѣтствовалъ Яроць.

Въ это время мимо нихъ сходилъ со ступенекъ Лубянской. Онъ былъ растроганъ и шелъ уныло понутивъ голову.

— Полковникъ! прелюбезно снимая шляпу и пресладоство улыбаясь, обратился къ нему докторъ:— а когда же мы въ шашки сразимся?

Подвилянскій тоже любезно раскланялся.

Маіоръ отвѣтилъ обомъ очень сухимъ поклономъ.

— Какъ жаль что архіерей покидаетъ насъ! съ гримасой сожалѣнія продолжалъ Яроць, увязавшись за Лубяскимъ и таща за собой подъ руку Подвилянскаго: — и скажите, пожалуста, отчего это такъ внезапно?

— Добрые люди постарались, нехотя отвѣтилъ маіоръ.

— Ай-ай-ай!... Неужели такъ!... А говорятъ, онъ нѣкоторую частичку изъ своихъ капиталовъ пожертвовалъ на что-то? Правда ли это?

— Не частичку, а все что имѣлъ! выразительно поправилъ Лубяскій: — и завѣщалъ намъ еще быть твердыми и честными людьми Русскими. Впрочемъ, это до васъ, господа, не касается: вы вѣдь Поляки.

И проговоривъ все это довольно рѣзкимъ тономъ, старикъ круто повернулъ отъ нихъ въ другую сторону.

XXXV. Вѣ саду.

Солнце садилось за низкую тучу и послѣднимъ своимъ отблескомъ окрашивало ее въ густой темно-розовый и почти багряный цвѣтъ, съ ярко-золотистыми скважинами въ серединѣ и излучинами по краямъ, сверкавшими словно растопленное золото. Рѣка мѣстами тоже была подернута этимъ багрянымъ отливомъ послѣднихъ лучей которые жаркими искрами замирали на прорѣзныхъ крестахъ городскихъ церквей и колоколенъ.

Въ воздухѣ было тихо и тепло. Порою легкой вѣтерокъ приносилъ воздушною струей свѣжій запахъ воды и степныхъ весеннихъ травъ. Стояли послѣдніе дни мая.

Въ небольшой и легкой плетеной бесѣдкѣ, сплошь обвитой побѣгами павоя и хмѣля, на зеленой скамьѣ, предъ зеленымъ садовымъ столикомъ сидѣла Татьяна Николаевна Горева и шила себѣ къ лѣту холстинковое платье. Предъ нею лежали рабочій баулъ и недавно сорванные съ клумбы двѣ розы. По саду начинали уже летать майскіе жуки да ночныя бабочки, и какъ-то гуще и сильнѣе запахло къ ночи со всѣхъ окружающихъ клумбъ ароматомъ резеды и садоваго жасмина.

Дѣвушка старалась шить прилежнѣй, потому что чувствовала будто сегодня ей какъ-то не шьется. Голова была занята чѣмъ-то другимъ; взоръ отрывался отъ работы и задумчиво летѣлъ куда-то вдаль, и долго, почти неподвижно

тонулъ въ вечернѣющемъ пространствѣ; рука почти машинально останавливалась съ иглой, и только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, словно опомнясь и придя въ себя, дѣвушка замѣчала что шитье ея забыто, а непослушныя мысли и глаза опять-вотъ блуждали гдѣ-то.

„Господи! Да что это со мной сегодня?“ недоумѣло шептала она себя, и снова еще прилежнѣе принималась за работу.

Или вдругъ начинала она пристально вглядываться и вслушиваться въ садовую чащу, словно бы ожидая чьего-то прихода. Но замѣтивъ что слухъ и глаза опять обманули ее, снова наклонялась къ шитью, и только одна какая-то жила вѣчно вѣчно в нервно-молодомъ, впечатлительномъ лицѣ на мгновение вздрагивала досадливымъ нетерпѣніемъ. Задумчиво-ясная улыбка появлялась порою на губахъ и во взорѣ, и свѣтло блуждала нѣкоторое время по лицу, словно въ эти минуты дѣвушка вспоминала о комъ-то и о чемъ-то, словно ей приходили на память чьи-то хорошія слова, чей-то милый образъ, какія-то пріятныя мгновенья, уже перешедшія въ неведанное прошлое, быть-можетъ только вчера, быть-можетъ еще сегодня.... И она снова нетерпѣливо и выжидательно начинала вглядываться въ чащу.

Но въ саду было совсѣмъ тихо, только комарикъ какой-то звенѣлъ не далеко надъ ухомъ, да соловей гдѣ-то равно начиналъ выщелкивать, да еще гуще пахло резедой и жасминами.

Вдругъ по песку ближней дорожки послышались быстрые, легкіе, молодые шаги.

Дѣвушка чутко вздрогнула, затаила свѣтлую, всю душу выдающую улыбку и привудила себя наклониться къ работѣ, стараясь сдѣлать видъ будто она вся поглощена этимъ занятіемъ.

„Нѣтъ! Чего лгать-то!“ мелькнула ей мысль, и спѣшно отодвинувъ свой баулъ да холстинку, она нетерпѣливо и радостно подняла глаза и вся ждала ими вотъ-вотъ, сію секунду появленія предъ собой кого-то давно ужежданнаго и желаннаго.

Вошелъ Хвалынецъвъ.

— Что такъ поздно? съ легкимъ укоромъ, но внутренно довольнымъ тономъ, спросила Татьяна Николаевна, протягивая ему руку.

— Да вотъ, только что съ дѣлами управилась.

— Кончили?

— Совсѣмъ уже.

— И стало бытъ, завтра? задумчиво проговорила она, опять устремляя долгій, блуждающій взглядъ въ степное пространство за рѣкой.

— Завтра.... Прощайте, Татьяна Николаевна!... тоже задумчиво и не сразу отвѣтилъ студентъ, садясь на зеленую скамейку.

— Ну, прощайте.... Дай Богъ вамъ....

Она не договорила, и отвернувшись, глядѣла все въ ту же прозрачно-мглистую даль.

— А не хочется уѣзжать!... Ей-Богу, такъ привыкъ я за все это время.... заговорилъ онъ, глядя себѣ въ ноги, словно боялся прямымъ взглядомъ на нее выдать свои ощущенія.

— Нельзя, Константинъ Семеновичъ.... нельзя. Надо ѣхать. Надо дѣло дѣлать.

— Эхъ, ей-Богу, и вы туда же! съ нѣкоторою досадою махнулъ онъ рукой:—отъ всѣхъ вокругъ только и слышишь „дѣло да дѣло“, а какое дѣло-то?... Какъ подумать-то хорошенько, такъ и дѣла-то никакого нѣтъ!

— А учиться?... Развѣ это не дѣло?

— Положимъ и такъ; да что толку-то?

— Ну, коли о толкѣ говорить, такъ это длинные разговоры пойдутъ. Надо, голубчикъ мой, чтобъ у каждаго человѣка какое-нибудь дѣло было, какая-нибудь задача въ жизни.

— Вы, кажись, резонировать начинаете? мягко улыбнулся Хваланцевъ.

— Нѣтъ, а такъ мнѣ кажется. Скучно безъ дѣла-то.

— Хи.... Ну, возьмемъ къ примѣру хоть васъ: какое у васъ дѣло?

— А вотъ, какъ видите, платье холстинковое шью себѣ.

— И въ этомъ задача жизни? пошутилъ онъ.

— Вы къ словамъ придираетесь. Задача, положимъ, и не въ этомъ, но умѣть самой шить себѣ платье—дѣло не лишнее.

— Да вѣдь это все такъ себѣ, одни слова только, или отъ чего дѣлать! Задача въ жизни!... легко сказать!... И всѣ мы любимъ тѣшить себя такими красивыми словами. Оно и точно: сказалъ себѣ „задача въ жизни“ — и доволенъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ однимъ уже этимъ словомъ что-то опредѣлено, что-то сдѣлано, а разобрать поближе — и нѣтъ

ничего! Ну, какая, напримеръ, ваша задача въ жизни? Простите за вопросъ! улыбнулся Хвалынцевъ.

Татьяна Николаевна поглядѣла на него серьезно и просто.

— Очень не хитрая, сказала она:—быть хорошею женщиной.

— Понятіе условное-съ. Одни понимаютъ его такъ, другіе иначе. Да вотъ вамъ, для нагляднаго сравненія: мать Агаоклея потеряла жениха, пошла въ монастырь, всю жизнь осталась вѣрна его памяти, все имѣніе раздала нищимъ и на старости лѣтъ имѣеть полное право сказать о себѣ: „я честная женщина“; ну, и наша общая знакомая Дидія Затцъ тоже вѣдь съ полнымъ убѣжденіемъ и совсѣмъ искренно говоритъ: „я честная женщина“.

— Что жь, можетъ-быть, съ своей точки зрѣнія и Дидейка права, пожала плечами Горева:—какъ права и мать Агаоклея. Я, Константинъ Семеновичъ, понимаю это дѣло такъ, продолжала она:—прожить свою жизнь такъ, чтобы ни своя собственная совѣсть, ни людская ненависть ни въ чемъ не могли упрекнуть тебя, а главное—собственная совѣсть. Для этого нужно немножко сердца, то-есть человѣческаго сердца, немножко разсудка, да искренности. Ну, вотъ и только.

— Рецептъ не особенно сложенъ, возразилъ Хвалынцевъ:— и былъ бы очень даже хорошъ, еслибы сердце не шло часто наперекоръ разсудку, вотъ, какъ у меня, напримеръ, разсудокъ говоритъ: поѣзжай въ Петербургъ, тебѣ, братъ, давно пора, а сердце, быть-можетъ, проситъ здѣсь остаться. Что вы съ нимъ подѣлаете! Ну, и позвольте спросить васъ, что бы вы сдѣлали, еслибы, выйдя замужъ, да вдругъ.... вѣдь всако бываетъ! глубоко полюбили бы другаго.

Горева, прежде чѣмъ отвѣтить, поглядѣла на него серьезно и нѣсколько строго, словно бы желая опредѣлить себѣ подъ какимъ побужденіемъ былъ сдѣлаанъ этотъ вопросъ. Хвалынцевъ глядѣлъ на нее, какъ и всегда, и серьезно, и съ уваженіемъ.

— Что бы я сдѣлала? медленно проговорила она:—вопервыхъ, я бы не вышла иначе замужъ какъ только убѣдивъ прежде въ самой себѣ, что я *точно* люблю человѣка, что это не блажь, не вспышка, не увлеченіе, а дѣло крѣпкое и серьезное. Ну, и послѣ этого.... мнѣ бы ужъ, конечно, не пришлось полюбить другаго.

— Да если другой-то будетъ лучше!...

— Тутъ нѣтъ, мнѣ кажется, ни лучше, ни хуже, столь же серьезно продолжала дѣвушка: — можетъ-быть, я даже могла бы полюбить и очень дурнаго человѣка, потому что любишь не за что-нибудь, а любишь просто, потому что любится да и только. Знаете пословицу: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Но дѣло въ томъ, мнѣ кажется, что можно полюбить разъ да хорошо, а больше и не надо! Больше ужъ это будетъ не любовь, а Богъ знаетъ что! Одно баловство.

— Но какъ же послѣ этого Лиденъка-то права, положимъ, хоть и „съ своей точки зрѣнія“? спросилъ Хвалынцевъ, думая поймать на словѣ собесѣдницу.

— Лиденъка? Да Лиденъка не понимаетъ и никогда не понимала этого. И развѣ она виновата въ томъ? Вѣдь человѣкъ не виноватъ если родился слѣпымъ или безрукимъ. О немъ только пожалѣть можно. То же самое и Лиденъка.

— Однако, вѣдь эдакъ и все оправдать легко? сомнительно улыбулся студентъ.

— Обвинять еще легче. Лиденъка никогда не любила, а теперь ужъ едвали и можетъ полюбить серьезно. Она „за свободу чувства“, какъ говоритъ она, и совершенно искренно стоитъ за эту свободу, не понимая что это такое; притомъ же она никому не повредила, не сдѣлала ничего такого что называется „подлостью“, Лиденъка къ тому же еще „свои убѣжденія имѣетъ“, и потому съ полною искренностью называетъ себя честною женщиной. Ей бы только, по-настоящему, замужъ выходить не слѣдовало, но.... это ошибка ея родныхъ: ее выдали, не спрашивая согласія, чуть не ребенкомъ.

Хвалынцевъ задумался.

— Такой взглядъ на серьезное чувство, безспорно, хорошъ, сказалъ онъ наконецъ: — но вѣдь съ нимъ иногда рискуешь быть очень несчастливымъ въ жизни.

— То-есть, какъ это? подняла голову дѣвушка.

— А такъ, что если вы полюбите человѣка вѣтренаго, увлекающагося, который разлюбитъ васъ потомъ, который въ каждомъ смазливомъ личикѣ будетъ находить себѣ источникъ чувства или развлечения, тогда что?

— Да, тогда не хорошо, согласилась Горева: — это, безспорно, величайшее несчастіе, но это еще не недостаточная причина чтобъ и самой дѣлать то же.

— Опять маленькое резонерство! подхватилъ Хвалынцевъ: — это говорить голова, или, пожалуй, сознание долга, но никакъ

не сердце. Такого нестоящаго человека какъ ни люби, а на-
конецъ все-таки охладѣешь къ нему. Тогда что?

— Тогда? Уйти въ свою улитку и затвориться.

— А коли душа снова запроситъ солнца, свѣта, воздуха;
коли кровь еще въ каждой жилкѣ будетъ напоминать про
молодость?

— А сила воли на что?

— Но вѣдь это какое-то факирство! Это значить души-
ть самое себя!

— Потому-то вотъ прежде и надо почувствовать хорошо свое
чувство, а потомъ уже рѣшаться, серьезно сказала дѣвушка.

— А если обманешься и, главное, выйдешь замужъ, да по-
томъ увидишь что дѣло-то плохо?

Она улыбнулась и собралась съ мыслями.

— Знаете что, я думаю во власти самой женщины сдѣлать
такъ чтобы человекъ всегда любилъ тебя—только тебя! чтобы
ему и въ голову не пришло о возможности увлечься другомъ.
Это *можетъ* сдѣлать женщина. Надо только умѣть любить,
любить прежде всего и... вѣрить!... Въ себя вѣрить!

Она говорила съ увлеченіемъ, искренно, горячо. Голубые
глаза ея горѣли и щеки покраснѣлись молодымъ и горячимъ
румянцемъ.

Хвалынцевъ жадно слушалъ и любовался ею, ловя глазами
каждый ея взглядъ, каждое движеніе бровей, губъ, улыбку,
выраженіе лица и чувствовалъ какъ нѣчто острое и жуткое
идетъ гдѣ-то внутри его и проникаетъ весь составъ собою.

Ему было хорошо въ эту минуту. Онъ всѣмъ сердцемъ,
всѣмъ разсудкомъ, всею волею склонялся предъ этою откры-
тою простотой и беззаветною искренностью.

Разомъ обдавъ его своимъ яснымъ взглядомъ, дѣвушка за-
мѣтила, угадала и поняла все, и еще пуще зардѣвшись, вдругъ
примолкла и тихо, немножко смущенно опустила на пре-
жнее мѣсто.

Разговоръ самъ собою прекратился, да и не къ чему было
возобновлять его: на душѣ у обоихъ было такъ полно, такъ
хорошо, такъ молодо и счастливо, что слова были излишни.
Наступило полное и совсѣмъ спокойное молчаніе, въ кото-
ромъ еще отчетливыя звенѣлъ какой-то назойливый кома-
рикъ или ночная пчелка, и прерывисто раздавались надъ
уснувшимъ берегомъ яркіе соловьиные раскаты. Она си-
дѣла подпершись рукой и въ задумчивости небрежно пе-

ребирала лепестки розы, а онъ сосредоточенно курилъ свою сигару и тихо глядѣлъ на ея полуопущенную русую головку. Съ того самаго раза какъ Горева пригласила его къ себѣ, послѣ сходки у Лубянской, онъ часто и почти ежедневно сталъ бывать въ домѣ ея тетки. Къ нему скоро привыкли и перестали имъ стѣсняться. Татьянѣ Николаевнѣ незамѣтно даже стало нравиться его присутствіе; онъ и ей, и старухѣ пришелся по сердцу. Дѣвушка любила быть съ нимъ и говорить съ нимъ, а молодое весеннее чувство межъ тѣмъ обоимъ закрадывалось въ душу, и какъ это сдѣлалось? они сами того не знали и не замѣчали, а оно шло все дальше и все глубже пускало въ сердце свои живучіе, молодые корни. Они ни разу даже не подумали объ этомъ чувствѣ, ни разу не позаботились заглянуть внутрь себя и дать себѣ отчетъ о томъ чтѣ это такое; слово „люблю“ не разу ни было сказано между ними, а между тѣмъ въ этотъ часъ оба инстинктивно какъ-то поняли что они не просто знакомые, не просто пріатели или друзья, а что-то больше, что-то ближе, теплѣй и роднѣ другъ другу.

Поняли и молчали.

— Итакъ, завтра ѣдете? прервала она наконецъ это молчаніе.

— Завтра... проворчалъ Хвалынецъ и бросилъ отъ себя окурокъ сигары.

— А въ самомъ дѣлѣ, грустно какъ-то разставаться, задумчиво сказала она:—до послѣдней минуты объ этомъ и не думаешь, а тутъ—гляди—и грустно.... Такъ все это хорошо было.... время летѣло незамѣтно.... и вдругъ ничего этого не будетъ....

— Остаться развѣ? нервнито и робко отозвался Хвалынецъ.

Дѣвушка мелькомъ взглянула на него, но тотчасъ же, потупясь, отвернулась и молчала, не отвѣчая ни словомъ, ни жестомъ.

— Остаться? еще тише молвилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Повъжайте.... повъжайте.... Надо ѣхать! быстро и рѣшительно проговорила Татьяна Николаевна, какъ-то нервно и озабоченно принимаясь ощипывать лепестки своей розы, словно въ этомъ занятіи была теперь вся ея главная, сосредоточенная и серьезная забота.

— Значить, такъ и не увидимся больше? спросилъ онъ,

стараясь придать своему голосу спокойное и даже равнодушное выраженіе.

— Зачѣмъ не увидаться?... Пріѣдете опять какъ-нибудь.... А можете, и мы съ тетушкой по осени тоже въ Питеръ съ беремся.... Вотъ и увидимся.

Опять наступило молчаніе.

— Таня! громко раздался съ террасы дома знакомый голосъ старушки: — Таня! Гдѣ ты? Пора чай пить.... Андрей Павлычъ прищелъ!

— Устиновъ здѣсь, тихо вымолвилъ Хвалынцевъ.

Дѣвушка, ничего не отвѣтя, быстро собрала шитье, надѣла на руку баулъ и поднялась съ мѣста. Глаза ея встрѣтились съ глазами Хвалынцева.

— Ну, прощайте! тихо, но рѣшительно сказала она, усиливаясь улыбнуться, тогда какъ щека ея нервно подрагивала, и въ груди колесомъ ходило что-то похожее на подступающія слезы.

— Прощайте.... Нѣтъ, до свиданья! пропенталъ Хвалынцевъ, и взявъ протянутую ему руку, долго, тихо и горячо, не отрываясь, сталъ цѣловать ее.

— До свиданья.... до свиданья.... вся слегка дрожа, тихо шептала и принужденно улыбалась дѣвушка, и глядя на его лицо, отрывая и въ то же время не желая отрывать отъ его губъ свою руку: — Ну, будетъ.... будетъ.... Пойдемте.... Пора.... Тетушка ждетъ къ чаю....

И они молча пошли по дорожкѣ въ сумракъ сада, сквозь который привѣтно и весело глядѣлъ на нихъ изъ-за вѣтвей яркій свѣтъ лампы въ окнахъ хорошенькаго домика.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКИЙ.

ВОЕННО-ОКРУЖНАЯ СИСТЕМА *

IV.

При изложеніи военнаго устройства Австріи и Пруссіи мы держались одного и того же разъ принятаго порядка. Сначала разсматривали командныя и хозяйственныя управленія въ военныхъ округахъ, затѣмъ показывали общую связь окружныхъ управленій съ министерствомъ и устройство министерства. Но въ отношеніи къ Франціи такой порядокъ изложенія былъ бы не вполне удобенъ. Во Франціи военное министерство составляетъ, въ полномъ смыслѣ слова, узелъ всей военной системы. Все военное управленіе устроено во Франціи такъ чтобы концентрировать власть въ рукахъ военнаго министра. Въ Австріи, отчасти и въ Пруссіи, окружныя управленія въ большей или меньшей степени какъ бы отражаютъ собою министерство по управленію войсками, и въ командномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Во Франціи только въ лицѣ военнаго министра въ первый разъ сливаются власти по командной и хозяйственной частямъ; въ низшихъ инстанціяхъ онѣ нигдѣ не соединены, вполне самостоятельны одна отъ другой, и это развѣтвленіе ихъ, проведенное сверху до низу, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ французской военной системы. По командованію войсками органами министра служатъ командиры территориальныхъ корпусовъ, дивизій, бригадъ и т. д. По хозяйственной части войскъ министръ, какъ администраторъ и хозяинъ арміи, дѣйствуетъ въ мирное и въ военное время черезъ особый, непосредственно подчиненный ему корпусъ интендантства, независимый отъ всѣхъ другихъ военныхъ властей.

* См. Русскій Вѣстникъ 1860 г. №№ 1 и 2.

Централизациа власти въ лицѣ военнаго министра во Франціи безусловная. Само министерство, въ которомъ сосредоточивается дѣлопроизводство по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія, хотя и раздѣляется на департаменты и другіе отдѣлы, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ представляетъ не болѣе какъ канцелярію военнаго министра. Департаментамъ не оставлено никакихъ правъ, и они не могутъ *сноситься съ кѣмъ бы то ни было иначе какъ по приказанію министра и всегда отъ его имени.* Въ хозяйственномъ и военно-судномъ отношеніяхъ военный министръ не ограниченъ ни военнымъ совѣтомъ, какъ прежде было у насъ, ни генераль-аудиторіатомъ.

Въ мирное время военный министръ есть главнокомандующій всѣми военно-сухопутными силами Франціи. Подъ руководствомъ императора, верховнаго начальника арміи, опредѣляющаго ея организацию, численность и имѣющаго военно-законодательную власть, военный министръ управляетъ арміей и контролируетъ строевую и хозяйственную части ея посредствомъ особыхъ состоящихъ при немъ инспекторовъ. Онъ обязанъ представлять императору проекты новыхъ законовъ и наблюдаетъ за строгимъ исполненіемъ существующихъ.

Сосредоточивая въ лицѣ своемъ столь обширный кругъ дѣятельности, военный министръ имѣетъ въ ближайшемъ своемъ распоряженіи военное министерство, какъ присутственное мѣсто въ которомъ окончательно сосредоточиваются всѣ дѣла касающіяся военно-сухопутнаго вѣдомства. Въ составъ министерства входятъ: канцелярія министра, семь департаментовъ: инспекторскій, артиллерійскій, инженерный, хозяйственный, алжирскихъ дѣлъ, картографическій и счетный. При министерствѣ состоятъ *совѣщательные комитеты* генеральнаго штаба, жандармовъ, пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, инженерный и хозяйственный. Кроме того, военно-медицинскій совѣтъ и комиссіи: ветеринарная, дотациіи арміи, общественныхъ работъ и обороны береговъ. Занятія между управленіями распределены слѣдующимъ образомъ:

Канцелярія министра (Cabinet du Ministre) состоитъ изъ двухъ отдѣленій.

1-е *Отдѣленіе* завѣдуетъ приѣмомъ, регистратурой и отправкой бумагъ *по всему министерству*, двумя по законодательной части и награжденіемъ орденами.

2-е Отделение заведует перепиской по службѣ войскъ, дисциплинѣ и огражденію правъ военнослужащихъ, дѣлами секретными, военно-оперативными, передвиженіемъ и сборомъ войскъ, инспекторскими смотрами, собраніемъ свѣдѣній о численности арміи.

Такимъ образомъ въ канцеляріи министра сосредоточиваются или могутъ сосредоточиться, по желанію военнаго министра, всѣ отрасли дѣлъ по военному управленію. Болѣе важныя входящія бумаги подаются тотчасъ по вступленіи на резолюцію министра, менѣе же важныя, рѣшеніе по которымъ подходитъ къ заведенному порядку, отправляются въ подлежащіе департаменты и уже по исполненіи представляются къ подписи министра.

Инспекторскій департаментъ (Direction du Personnel) состоитъ изъ шести отдѣленій:

1-е Отделение — генеральный штабъ и военныя школы.

2-е Отделение — рекрутскіе наборы.

3-е Отделение — часть военно-судная.

4-е Отделение — личный составъ корпуса жандармовъ.

5-е Отделение — численное состояніе пѣхоты.

6-е Отделение — численное состояніе кавалеріи. Ремонтное.

Артиллерійскій департаментъ (Service de l'artillerie) состоитъ изъ двухъ отдѣленій:

1-е Отделение вѣдаетъ личный составъ чиновъ служащихъ въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ;

2-е Отделение — матеріальная часть артиллеріи и счетная часть.

Инженерный департаментъ (Service du génie) состоитъ тоже изъ двухъ отдѣленій, съ такими же распределеніями занятій какъ и въ артиллерійскомъ департаментѣ.

Хозяйственный департаментъ (Administration) состоитъ изъ пяти отдѣленій:

1-е Отделение вѣдаетъ личный составъ интендантства и чиновъ хозяйственнаго вѣдомства; путевое довольствіе; транспортное и перевозка войскъ и военный обозъ.

2-е Отделение — продовольственная часть арміи и отпечение.

3-е Отделение — личный составъ медиковъ, военные госпитали, гражданскія больницы, полковые лазаретные служители, санитары.

4-е Отдѣленіе — обмундированіе; постелаи; лагерь; конское снаряженіе.

5-е Отдѣленіе — жалованье, повѣрка отчетности; внутреннее хозяйство отдѣльных частей войскъ.

Департаментъ алжирскій дѣлъ (Affaires de l'Algérie), состоитъ изъ четырехъ отдѣленій:

1-е Отдѣленіе вѣдуетъ дѣла по администраціи края и дѣла о туземцахъ.

2-е Отдѣленіе — колонизацію, земледѣліе; дѣла по государственнымъ имуществамъ.

3-е Отдѣленіе — публичныя работы; дѣса; налоги.

4-е Отдѣленіе — дѣла по торговлѣ, таможнамъ, собраніе статистическихъ данныхъ.

Картографическій департаментъ (Dépot de la guerre) состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Въ **1-мъ**, соответствующемъ нашему бывшему военно-топографическому депо, сосредоточены работы геодезическія, топографическія, фотографическія и другія по картографіи; хозяйственныя распоряженія по съемкамъ, изданіе картъ, записокъ депо и др. Во **2-мъ отдѣленіи** сосредоточены работы военно-учебныя, военно-историческія, военно-статистическія и др.

Наконецъ *счетный департаментъ* (Comptabilité général) состоитъ изъ пяти отдѣленій и завѣдуетъ отчетностію и счетною частию военнаго вѣдомства по всемъ отраслямъ военнаго хозяйства. Счетному департаменту принадлежитъ окончательный повѣрочный контроль и составленіе смѣты военнаго министерства.

Совѣщательныя комитеты (comités consultatifs) шесть: Генеральнаго штаба.

Пѣхоты.

Кавалеріи.

Артиллеріи.

Инженеровъ и

Хозяйственныхъ.

Они установлены для содѣйствія министру въ обсужденіи и направленіи важнѣйшихъ вопросовъ возникающихъ по управленію военною частию. Къ занятіямъ комитетовъ относятся обсужденіе вопросовъ и составленіе уставовъ и положеній относящихся специально до ихъ вѣдомствъ. Въ комитетахъ засѣдаютъ также генералы инспектирующие войска. Прежде, до учрежденія маршалствъ (территориальныхъ

корпусовъ), комитетамъ было предоставлено право утверждать производства въ чины за отличіе и назначенія офицеровъ служащихъ въ войскахъ.

Обратимся теперь къ рассмотрѣнію тѣхъ послѣдующихъ инстанцій, сначала по командной части, а потомъ по хозяйственной, которыя служатъ органами военному министру для непосредственнаго управленія вооруженными силами.

Для управленія войсками Франція раздѣляется на шесть территоріальныхъ корпусовъ, двадцать двѣ территоріальныя дивизіи и сто пять территоріальныхъ бригадъ или субдивизій. Корпусами командуютъ маршалы, дивизіями генерал-лейтенанты или дивизионные генералы. Каждому изъ этихъ начальниковъ подчинены въ командномъ отношеніи всѣ войска расположенныя во вѣренномъ имъ районѣ.

Территоріальный корпусъ состоитъ изъ нѣсколькихъ (отъ 2—6) дивизій, дивизія изъ нѣсколькихъ (отъ 2—8) субдивизій; районы послѣднихъ соотвѣтствуютъ каждый одному изъ департаментовъ Франціи (исключеніе представляетъ Корсика). Алжиръ составляетъ особый 7-й территоріальный корпусъ и подраздѣляется, сообразно съ политическимъ раздѣленіемъ страны, на три дивизіи (Алжиръ, Оранъ и Константина).

Территоріальные корпуса были образованы по декрету императора 27-го января 1858 года. Несмотря на то что официально эта мѣра была объявлена какъ средство дать маршаламъ и въ мирное время такое же положеніе относительно начальниковъ дивизій какое они имѣютъ въ военное время и въ то же время соотвѣтствующее съ ихъ званіемъ назначеніе, несомнѣнно, что учрежденіе корпусовъ было вызвано также соображеніями политическими. Гораздо легче императору Французовъ избрать шесть человекъ согласныхъ съ видами его правительства нежели 22. До учрежденія маршалства начальники дивизій, какъ главные начальники войскъ расположенныхъ въ ихъ округахъ, сносились съ военнымъ министерствомъ непосредственно. Для однообразнаго направленія установленнаго порядка службы въ разныхъ частяхъ государства, ежегодно посылались министромъ старшіе генералы для инспектированія войскъ, для личнаго удостовѣренія въ правильности представленій о повышеніи въ чины, назначенія на должности, зачисленія въ интендантство и т. д. Инспектора, засѣдая въ совѣщательныхъ комитетахъ, обсуждали главнѣйшіе вопросы возникшіе на смотрахъ и

представляли на усмотрѣніе министра. Со введеніемъ маршальскихъ или корпусныхъ управленій, начальники дивизій подчинены корпуснымъ командирамъ, и только въ рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ они могутъ сноситься съ министромъ непосредственно. Инспекторскіе смотры утратили прежнее значеніе съ установленіемъ правила что донесенія инспекторовъ представляются министру не иначе какъ черезъ маршаловъ, дѣлающихъ противъ нихъ свои замѣчанія и отъ себя уже представляющихъ ихъ министру. Маршалъ слишкомъ сильное лицо для того чтобъ инспекторы войскъ могъ найти существенные недостатки въ его округѣ.

Окончательное одобреніе при назначеніяхъ и повышеніяхъ офицеровъ точно также зависитъ нынѣ отъ маршаловъ. Это правило отняло у инспекторовъ весьма значительное право, дававшее имъ особенный вѣсъ на инспекторскихъ смотрахъ.

Командующіе корпусами маршалы подчинены непосредственно военному министру и представляютъ ему всѣ донесенія по строевой и инспекторской частямъ. Хозяйственная часть вѣдѣнію ихъ не подлежитъ. Дѣлопроизводство каждаго корпуса сосредоточивается въ корпусномъ штабѣ, состоящемъ изъ начальника штаба (генерала или полковника генеральнаго штаба), его помощника, одного или двухъ штаб-офицеровъ и трехъ или четырехъ оберъ-офицеровъ. Распределеніе занятій по отдѣленіямъ безусловно зависитъ отъ усмотрѣнія начальника штаба. Личные адъютанты корпуснаго командира съ нѣсколькими приданными имъ писарями еоставляютъ родъ его собственной канцеляріи для веденія секретной переписки.

Территориальная дивизія есть главнѣйшая военно-административная единица по управленію войсками во всѣхъ отношеніяхъ, и съ нею согласованы всѣ другія управленія, какъ-то: управленіе спеціальными войсками, жандармами и интендантскою или хозяйственною частью войскъ.

Командованіе войсками и военными учрежденіями находящимися въ дивизіи вѣрено начальнику дивизіи. Кромѣ дѣствующихъ войскъ, ему подчинены комендантскія управленія, отдѣльные войсковые штабы и всѣ нестроевыя военныя команды расположенныя во вѣренномъ ему районѣ.

По дѣламъ относящимся до службы войскъ, обученія и дисциплины, начальники дивизій непосредственно подчинены корпусному командиру, въ отношеніи же территориальной

службы они могут прямо сводиться съ военнымъ министромъ. Въ каждой дивизіи состоитъ дивизионный штабъ, изъ начальника штаба (офицера генеральнаго штаба), трехъ или четырехъ офицеровъ для веденія дѣлопроизводства и нѣсколькихъ пасарей прикомандированныхъ изъ войскъ. Въ дивизионномъ штабѣ сосредоточивается вся переписка по округу, за исключеніемъ переписки по хозяйственной части находящейся въ рукахъ интендантства. Начальники дивизій и ихъ штабы обязаны однако слѣдить за надлежащимъ качествомъ всѣхъ отпусковъ отъ казны и своевременности выдачъ ихъ войскамъ. Для этого, кромѣ письменныхъ свидѣній которыя начальники дивизій могутъ требовать отъ интендантовъ, они командируютъ по временамъ офицеровъ штаба для личнаго удостовѣренія въ надлежащемъ состояніи хозяйственной части. Это весьма важное право начальниковъ дивизій даетъ видимое преимущество строевой части предъ хозяйственною, хотя и оставляетъ чиновниковъ интендантства независимыми отъ строевыхъ властей. Секретная переписка начальниковъ дивизій о назначеніяхъ, производствѣ, аттестаціи офицеровъ и т. д., такъ же какъ и у корпуснаго командира, производится ихъ личными адъютантами.

Каждый изъ департаментовъ входящихъ въ составъ дивизіи составляетъ „субдивизию“. Бригадные генералы, начальствующие въ субдивизіяхъ, полагаются не въ каждой изъ нихъ, а только въ болѣе важныхъ. Менѣе важныя субдивизіи соединяются подъ властію одного бригаднаго генерала по двѣ и даже по три, или, наконецъ, поручаются прямому завѣдыванію начальниковъ дивизій.

Артиллерійскіе военные округа двухъ родовъ:

1) *Артиллерійскія управленія*—для завѣдыванія строевою артиллеріей.

2) *Артиллерійскія дирекціи* — для управленія преимущественно матеріальною частью артиллеріи.

Артиллерійскія управленія, въ числѣ 12 (въ томъ числѣ одно для Алжиріи), учреждены въ 1847 году, для однообразнаго направленія службы артиллерійскихъ войскъ. Войска артиллеріи подчинены начальникамъ артиллерійскихъ управленій, въ районѣ которыхъ расположены. Въ свою очередь, начальники артиллерійскихъ управленій отправляютъ свои обязанности подъ руководствомъ начальниковъ территориальныхъ дивизій; кромѣ того, они отправляютъ обязанности

бригадныхъ генераловъ въ тѣхъ субдивизіяхъ, гдѣ расположены ихъ управленія.

Артиллерійскія дирекціи, въ числѣ 24 (въ томъ числѣ 3 для Алжиру), заведуютъ преимущественно матеріальною частью артиллеріи, всѣмъ относящимся до сбереженія, починки, постройки матеріальной части артиллеріи, изготовленія снарядовъ, орудій, лафетовъ, ящиковъ, ручнаго оружія, пороку и т. п.

Подчиненный въ командномъ отношеніи начальникамъ субдивизіи и дивизіи, начальникъ дирекціи сносится непосредственно съ министромъ по дѣламъ относящимся до матеріальной части артиллеріи, отчетности и счетоводства.

Строевыя инженерныя войска, имѣя небольшой численный составъ, не имѣютъ, подобно артиллеріи, окружныхъ управленій, матеріальная же и строительная часть инженернаго вѣдомства организована на тѣхъ же началахъ какъ и матеріальная часть артиллеріи. Франція подраздѣлена на 28 округовъ носящихъ названіе *инженерныхъ округовъ* (*Direction de fortification*), изъ коихъ три находятся въ Алжиру. Начальникъ дирекціи, полковникъ или подполковникъ, имѣетъ тѣ же права и обязанности какъ и начальникъ артиллерійской дирекціи.

Каждая инженерная дирекція, сверхъ того, подраздѣляется на известное число отдѣловъ имѣющихъ своихъ начальниковъ изъ числа инженерныхъ оберъ-офицеровъ.

Распределеніе войска въ мирное время въ бригады, дивизіи и корпусы, за исключеніемъ гвардейскаго корпуса* имѣющаго постоянную организацію, свой штабъ и свое интендантство (изъ 6 человекъ), во Франціи не принято. Войска подчиняются начальникамъ дивизіонныхъ округовъ въ составѣ полковъ, отдѣльныхъ баталіоновъ и батарей. Въ дѣйствующія же дивизіи и бригады въ мирное время войска соединяются только тогда, когда [это позволяетъ ихъ] сосредоточенное

* Императорская [гвардія] имѣетъ постоянную организацію и составляетъ корпусъ резервныхъ войскъ. Въ составъ ея входятъ двѣ пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи и необходимое число другихъ родовъ войскъ. Къ гвардіи же должно отнести и *cent gardes*, составляющихъ личную стражу императора и состоящихъ въ вѣдѣніи министра двора.

расположеніе, такъ, напримеръ, соединены парижскій и лионскій гарнизоны и кавалерійскія дивизіи въ Версали и Люневаль. По размѣщенію войскъ, передвиженію, довольствію, военной полиціи и дисциплинѣ, командиры дѣйствующихъ дивизій и бригадъ подчиняются начальнику территоріальной дивизіи, по командованію же войсками они отдають отчетъ прямо военному министру или, если дивизіи соединены въ корпуса, — корпусному командиру. Имѣя главную свою квартиру въ субдивизіи, генералы командующіе дѣйствующими дивизіями принимаютъ рапорты отъ начальниковъ субдивизій и сами уже даютъ отчетъ начальнику территоріальной дивизіи обо всемъ происходящемъ въ субдивизіи.

Мы указывали уже, что главное управленіе всѣми частями войскового хозяйства и высшій контроль надъ ними принадлежить военному министру какъ распорядителю и хозяину арміи.

Военно-хозяйственная часть, распадаясь сама по себѣ на двѣ главнѣйшія отрасли: 1) часть распорядительную и контроль и 2) исполнительную или отправленіе различныхъ хозяйственныхъ обязанностей по перевозкѣ, приему, храненію и отпуску довольствія, имѣетъ во Франціи и два рода чиновниковъ: 1) корпусъ интендантства и 2) чиновниковъ хозяйственнаго вѣдомства.

Основанія нынѣшней системы организаціи хозяйственной части во Франціи были положены во время реставраціи маршаломъ Сень-Сиромъ, управлявшимъ тогда военнымъ министерствомъ, и затѣмъ подвергнуты нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ другимъ, не менѣе знаменитымъ маршаломъ Наполеона, Сультомъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ положеній было принято, что всѣ чины служащіе по хозяйственной и контрольной частямъ въ арміи необходимо должны быть изъ рядовъ ея. Отъ этого во Франціи *въ войскѣ или при войскѣ нѣтъ ни одного гражданскаго чиновника, и по хозяйству войскъ могутъ служить только лица прослужившія известное число лѣтъ въ войскахъ*. Маршалы и ученики Наполеона, Сень-Сиръ и Сультъ, очевидно, не могли упустить начала, котораго строго держался Наполеонъ и которое весьма рельефно высказалось при устройствѣ перевозочной части артиллеріи (IX годъ), перевозочной части арміи, госпиталей, провіантской части и т. д. Въ донесеніи своемъ

дирекціи (8 фруктид. IX года), по случаю бѣгства изъ италіанской арміи одного военного комиссара, онъ писалъ: „Вотъ несообразность закона который постановляетъ чтобы военные комиссары были гражданскіе чиновники, въ то время какъ имъ нужно болѣе храбрости и военного навыка чѣмъ даже самимъ офицерамъ. Имъ нужно *мужество*, приобретаемое только привычкою къ опасностямъ. Я убѣдился при этомъ случаѣ сколь важно и необходимо допускать къ исполненію этихъ должностей лишь такихъ лицъ которые служили въ арміи и сдѣлали нѣсколько кампаній.“

Такой составъ хозяйственныхъ чиновъ имѣть еще ту хорошую сторону, что со стороны каждаго дѣятеля въ арміи обнаруживается болѣе радвія о пользѣ солдата; гражданскій чиновникъ, не бывшій воиномъ, рѣдко можетъ принять къ сердцу нужды солдата, совершенно чуждаго ему по быту и понятіямъ; нравственно онъ не связанъ съ войскомъ, и когда въ арміи набирается множество такихъ людей, въ ней вмѣсто дѣла заводятся излишняя переписка и бюрократическіе порядки.

Составляя особый корпусъ, непосредственно подчиненный военному министру, военное интендантство имѣть особую градацію чиновъ, сравненыхъ, по ихъ значенію, окладомъ жалованья и окладомъ пенсій съ соответствующими чинами арміи.

По штатамъ мирнаго времени полагается: восемь главныхъ интендантъ-инспекторовъ (въ рангѣ дивизионнаго генерала); они назначаются для производства инспекторскихъ смотровъ по хозяйственной части и составляютъ при министерствѣ совѣщательный хозяйственный комитетъ; двадцать шесть военныхъ интендантовъ (въ рангѣ бригаднаго генерала): каждому изъ нихъ ввѣряется завѣдываніе хозяйственною и контрольною частями одной изъ территориальныхъ дивизій; 50 военныхъ субъ-интендантовъ 1-го класса; 100 военныхъ субъ-интендантовъ 2-го класса. Они завѣдуютъ хозяйствомъ и контролемъ въ субдивизіяхъ или въ большихъ госпиталяхъ, въ инвалидномъ домѣ и т. д. Въ военное же время завѣдуютъ хозяйственною частью дѣйствующихъ дивизій. Интендантскихъ чиновниковъ 1-го класса 56, 2-го—24. Они служатъ ближайшими помощниками интендантовъ и субъинтендантовъ. Всего въ военномъ интендантствѣ 264 служащихъ.

Въ корпусъ интендантства могутъ поступать офицеры всѣхъ родовъ оружія на слѣдующихъ основаніяхъ:

При инспекторскихъ ревизіяхъ интендантъ-инспекторы получаютъ отъ строеваго начальства свѣдѣнія объ офицерахъ желающихъ вступить на службу въ интендантство и мѣстна объ этихъ офицерахъ мѣстныхъ интендантовъ и субъ-интендантовъ, старается узнать ихъ самъ, и затѣмъ вноситъ въ свой списокъ для допущенія къ экзамену.

Вакансіи интендантскихъ чиновниковъ 2-го класса предоставляются капитанамъ всѣхъ родовъ оружія. По представленію интендантъ-инспекторовъ, они допускаются къ изустному и письменному испытанію, въ особой коммисіи назначаемой военнымъ министромъ, записываются въ кандидатскіе списки и призываются на службу по мѣрѣ открытія вакансій. Программа испытанія, довольно обширная, обнимаетъ всѣ отрасли военной администраціи и преимущественно относящаяся до хозяйства войскъ.

Изъ числа открытыхся вакансій интендантскихъ чиновниковъ 1-го класса, $\frac{4}{5}$ предоставляются чиновникамъ 2-го класса (въ томъ числѣ $\frac{2}{5}$ производятся по старшинству и $\frac{2}{5}$ за отличіе) и $\frac{1}{5}$ тѣмъ изъ эскадронныхъ и баталіонныхъ командировъ, которые, по выдержаніи ими экзамена, пожелаютъ поступить въ интендантство.

Вакансіи субъ-интендантовъ 2-го и 1-го классовъ замѣщаются точно также, но $\frac{1}{3}$ часть ихъ предоставляется подполковникамъ и полковникамъ, поступающимъ въ интендантство уже безъ экзамена.

Вакансіи военныхъ интендантовъ замѣщаются исключительно по выбору изъ субъ-интендантовъ 1-го класса, а главные интенданты-инспекторы избираются изъ интендантовъ и бригадныхъ генераловъ.

Чиновники хозяйственнаго вѣдомства исправляютъ должности смотрителей провіантскихъ и комисаріатскихъ магазиновъ, артиллерійскихъ складовъ, госпиталей и пр., и занимаются письменною частью въ канцеляріяхъ интендантства и въ военно-судныхъ.

Къ чинамъ хозяйственнаго вѣдомства принадлежатъ: *старшій чиновникъ, отчетные чиновники* двухъ классовъ и *молочники*.

По мирному положенію штатъ чиновниковъ хозяйственнаго вѣдомства слѣдующій:

по госпитальной части	300
• комисаріатской —	80
• провіантской... —	300
• артиллерійской. —	400
• канцелярской части интендантства	400
• Канцелярской части военно-судной	71
<hr/> Итого	1551.

Всѣ эти лица пользуются офицерскимъ чиномъ, жалованьемъ и правомъ на пенсію. Избираются *исключительно* изъ унтеръ-офицеровъ, прослужившихъ не менѣе года въ этомъ званіи, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, холостыхъ, выдержавшихъ установленный экзаменъ и прожившихъ шесть мѣсяцевъ въ хозяйственныхъ управленіяхъ на испытаніи. По представленію главныхъ интендантъ-инспекторовъ, они назначаются военнымъ министромъ въ помощники 2-го класса.

Взятая отдѣльно, эта часть устроена весьма хорошо. Унтеръ-офицеры арміи стараются поступить на службу по хозяйственной части, находя для себя очень выгоднымъ получать приличное содержаніе и имѣть сравнительно почетное положеніе. Правительство же получаетъ чиновниковъ достаточно приготовленныхъ къ службѣ, свыкшихся съ военною дисциплиною, дорожащихъ своими мѣстами и отличающихся честностью.

Для исполненія разныхъ работъ при магазинахъ, складахъ, госпиталяхъ и т. п., подъ вѣдѣніемъ чиновниковъ администраціи состоятъ нестроевыя команды по хозяйственной части. Онѣ организованы такимъ образомъ:

Четыре роты плотниковъ занимаются постройкой и починкой матеріальной части обоза.

Пять эскадроновъ военнаго фуриштата—для перевозки матеріальной части находящейся при войскахъ и для уборки раненыхъ.

Батальонъ мастеровыхъ изъ многихъ отдѣленій: каменщиковъ, печниковъ, столяровъ, плотниковъ, токарей, колесниковъ, слесарей, механиковъ, кузнецовъ, мельниковъ, пекарей, масниковъ, бочарей, суконщиковъ, ткачей, красильщиковъ, маляровъ, портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ и сѣдельниковъ.

Команда лазаретныхъ служителей. Въ мирное время

число этих чиновъ простирается до 11.489 чел. (въ томъ числѣ въ военномъ обозѣ 5.800 чел. при 4.728 лошадей), въ военное же время увеличивается до 24.500. Ротами нестроевыхъ чиновъ завѣдуютъ чиновники хозяйственного вѣдомства.

Территориальныя единицы по командной части войскъ, дивизія и субдивизія, служатъ также единицами и по управленію военно-хозяйственной частью. Каждая дивизія имѣетъ свое интендантство, состоящее изъ интенданта завѣдующаго хозяйствомъ войскъ расположенныхъ въ дивизіи, нѣсколькихъ субъ-интендантовъ и чиновниковъ интендантства.

Имѣя главное наблюденіе за всѣмъ вообще хозяйствомъ войскъ, интендантство не имѣетъ суммъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи и не завѣдуетъ непосредственно никакими запасами. На обязанности его лежатъ, кромѣ части контрольной, общія распоряженія по заготовленію и пополненію запасовъ въ районѣ своей дивизіи, кромѣ запасовъ артиллерійскихъ и инженерныхъ. Никакая выдача войскамъ не можетъ быть произведена безъ засвидѣтельствованія требовательной вѣдомости интендантомъ, такъ что въ этомъ случаѣ интендантство составляетъ какъ бы родъ контролирующаго посредника между войсками и учреждениями изъ которыхъ они получаютъ довольствіе.

По нѣкоторымъ предметамъ военного хозяйства, интендантство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ части распорядительную и контрольную, но другимъ только контрольную. Распорядительныя и контрольныя обязанности интендантства простираются на денежное довольствіе войскъ, на провіантское и фуражное, освѣщеніе и отопленіе, обмундированіе, снаряженіе и лагерныя принадлежности, квартирное, путевое и госпитальное довольствіе.

Исключительно контрольныя обязанности интендантство имѣетъ по ремонту лошадей, расходамъ по производству рекрутскихъ наборовъ, матеріальной артиллерійской и инженерной частямъ и внутреннему хозяйству войскъ. Интендантство присутствуетъ на торгахъ артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства, но уплата суммъ производится по распоряженіямъ начальниковъ дирекціи. Контроль интендантства простирается на всѣ издержки; но самыя издержки производятся безъ его вмѣшательства.

Всѣми денежными выдачами, назначенными по бюджету,

за исключеніемъ расходовъ на артиллерійскія и инженерныя потребности, распоряжается интендантство. По ассигновкѣ только тогда выдаются деньги изъ казначействъ, когда она подписана субъ-интендантомъ или въ нѣкоторыхъ случаяхъ интендантомъ. За полученіемъ ассигновокъ полковые казначеи, подрядчики, штабы и лица не принадлежащіе частямъ войскъ обращаются къ своимъ субъ-интендантамъ, которые имѣютъ право дѣлать ассигнованія въ предѣлахъ суммы разрѣшенной имъ по каждому параграфу особо. По выдачѣ денегъ казначейство увѣдомляетъ объ этомъ субъ-интенданта, подписавшаго ассигновку, отчего въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ сосредоточиваются свѣдѣнія о суммахъ подлежащихъ выдачѣ и дѣйствительно выданныхъ. При такомъ порядкѣ казначейство никогда не выдаетъ лишняго, если же это и случится вслѣдствіе подлога, то онъ тотчасъ же будетъ обнаруженъ.

Провіантское и фуражное довольствіе организовано слѣдующимъ образомъ. Въ мирное время войска получаютъ только одинъ хлѣбъ и то въ испеченномъ видѣ. При всѣхъ значительныхъ магазинахъ имѣются пекарни; при незначительныхъ печеніе отдается съ подряда мѣстнымъ булочникамъ. Хлѣбъ готовится съ подряда въ зернѣ, торги производятся въ военномъ министерствѣ. Провіантскіе магазины управляются отвѣтственными смотрителями, вносящими при вступленіи въ должность залогъ отъ 10 до 50.000 франковъ. Каждый магазинъ находится подъ надзоромъ субъ-интенданта, производящаго по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ внезапное свидѣтельство. Всѣ недостатки въ магазинѣ пополняются изъ залога смотрителя. Кромѣ значительнаго содержанія, смотрители магазиновъ получаютъ проценты за представленный залогъ и добавочныя деньги соразмѣрныя отпуску хлѣба и сбереженіямъ отъ припека. Въ военное время, кромѣ хлѣба, войска получаютъ отъ казны еще мясо, рисъ, овощи, соль, вино, водку, а въ Африкѣ еще кофе и чай. Въ мирное же время на покупку этихъ продуктовъ имъ отпускаются деньги. Фуражъ отпускается отъ казны натурой и въ мирное, и въ военное время.

Освѣщеніе казармъ производится изъ отпускаемыхъ солдатамъ суммъ. Отопленіе же и отпускъ горючаго матеріала (дрова или уголь) для варки пищи производится отъ казны, отпускомъ въ натурѣ. Какъ заготовленіе горючихъ матеріа-

ловъ, такъ отпускъ и отчетность по нимъ находятся подъ непосредственнымъ наблюдениемъ интендантовъ.

Хозяйство по обмундированію, снаряженію и отпуску въ войска лагерныхъ принадлежностей организовано слѣдующимъ образомъ. Военное вѣдомство заготавливаетъ съ торговъ ткани и предметы снаряженія. Торги почти всегда производятся въ министерствѣ, въ присутствіи министра. Сдача производится или прямо въ войска, или въ комиссаріатскіе склады. Для приемки назначаются особая коммиссія, состоящая изъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, офицеровъ завѣдующихъ обмундированіемъ въ полкахъ и смотрителя склада. При приемкѣ присутствуетъ субъ-интендантъ. При разногласіи между членами коммиссіи по поводу качества товаровъ, интендантъ вмѣстѣ съ подрачникомъ назначаютъ экспертовъ. Отпускъ изъ магазиновъ производится смотрителями по требованіямъ засвидѣтельствованнымъ субъ-интендантомъ. Свидѣтельство магазиновъ производится субъ-интендантами ежемѣсячно и ежегодно. Годовыя вещи заготавливаются во Франціи точно такъ же какъ и въ Пруссіи самими полками, а не казной. Вещи принятыя полками изъ складовъ свидѣлствуются полковымъ хозяйственнымъ комитетомъ, и если окажутся дурнаго качества, ихъ запечатываютъ, и они остаются въ полку до инспекторскаго смотра, въ замѣнъ же безъ промедленія требуются изъ магазиновъ новыя. Если на инспекторскомъ смотрѣ вещи будутъ признаны негодными, отвѣчаетъ приемочная коммиссія; если порча произошла отъ дурнаго храненія — смотритель склада.

По квартирному довольствію, подъ наблюдениемъ интендантовъ производится ремонтъ казармъ, мебели и постельныхъ принадлежностей. Въ мѣстахъ казарменнаго расположенія войскъ имѣются для этого особая коммиссія изъ субъ-интенданта, коменданта и начальника инженеровъ.

Военные госпитали находятся въ вѣдѣніи интендантства. Каждымъ госпиталемъ завѣдуетъ субъ-интендантъ, причемъ ему подчиняется личный составъ госпиталя, медицинскій и хозяйственный. Завѣдующій госпиталемъ контролируетъ дѣятельность служащихъ, не вмѣшиваясь однако въ пользованіе больныхъ. Всѣ предписанія врача по выдачѣ больнымъ лѣкарствъ, пищи и одежды исполняются смотрителемъ госпиталя и аптекаремъ безпрекословно, если стоимость выдачъ не превосходитъ платы опредѣленной на содержаніе больныхъ. Субъ-

интендантъ завѣдующій госпиталемъ наблюдаетъ за точнымъ показаніемъ въ отчетахъ числа больныхъ, доброкачественностью припасовъ отпускаемыхъ больнымъ, надлежащимъ обращеніемъ съ больными и т. д.

При обзорѣнн составѣ французскаго военнаго министерства, мы видѣли, что все что ни дѣлается въ немъ, дѣлается или военнымъ министромъ, или по приказанію его. Всѣ входящія бумаги пишутся отъ его имени, всѣ входящія на его имя. Департаменты и канцелярія не имѣютъ никакой власти предоставленной имъ по закону. Исключеніе изъ списковъ, за болѣзнь, нижняго чина, назначеніе ему пенсіи, помѣщеніе его въ инвалидный домъ и въ то же время все управленіе войсками, все хозяйство войскъ въ высшемъ ихъ значеніи; заключеніе всѣхъ подрядовъ и крупныхъ и мелкихъ, — все это подлежитъ личному вѣдѣнію, личному усмотрѣнію военнаго министра. Множество лицъ и мѣстъ, не включая сюда обширной администраціи алжирской, сносятся съ министромъ непосредственно, напр. корпусные командиры, начальники территориальныхъ дивизій, военные интенданты, начальники артиллерійскихъ управленій, начальники артиллерійскихъ и инженерныхъ дирекцій, командиръ гвардейскаго корпуса, командиры дѣйствующихъ дивизій и бригадъ и другія лица. Приливъ бумагъ въ министерство огромный (въ департаментахъ министерства служатъ на жалованьи болѣе 300 чиновниковъ). Поступивъ въ канцелярію министра, онѣ распределяются на три части; главнѣйшія изъ нихъ представляются на резолюцію министра, другія прямо исполняются отъ его имени и *до него никогда не доходятъ*, третьи, исполняясь его именемъ, на основаніи закона *докладываются министру только для свѣдѣнія* *.

Именно при такой централизаціи, когда все дѣлается именемъ старшаго начальника, когда онъ отвѣтственъ за все, даже и за то чего не могъ знать, возможны тѣ огромныя злоупотребленія которыя давно уже вынудили всѣ государства Европы болѣе или менѣе децентрализовать исполнительную власть, ибо каждый можетъ быть отвѣтственъ только за то что непосредственно зависѣло отъ его усмотрѣнія, а не за то что исполняется только его именемъ.

* *Военн. Сборн.* 1862 г. № 6-й, статья полковника Ромэновскаго, который, замѣтимъ мимоходомъ, находитъ этотъ порядокъ вещей очень хорошимъ.

Учреждение территориальных корпусов замедлило дело-производство, и без того не весьма быстрое при крайней централизации, и уронило значение инспекторских смотров. Дѣленіе на округа артиллерійскіе, инженерные, жандармскіе, независимо отъ дѣленія на территориальныя дивизіи, чрезвычайно осложняетъ всю систему управления. Въ этомъ сознаются и сами Французы, обыкновенно восторгающіеся всѣмъ что имъ принадлежитъ. Вошель, напримѣръ, нигдѣ не допускающій мысли о возможности несовершенства въ организаціи французской администраціи, отступаетъ въ этомъ случаѣ отъ своего правила и послѣдовательно въ трехъ изданіяхъ своего курса администраціи (47, 54 и 59 годовъ), указывая на этотъ недостатокъ, выражаетъ необходимость устранить такое разнообразіе. Чтобы ясно указать на всѣ неудобства такого пересѣченія округовъ между собою, считаемъ достаточнымъ сказать что начальники артиллерійскихъ управленій, исполняя свои обязанности подъ руководствомъ начальниковъ территориальныхъ дивизій, подчиняются иногда двумъ начальникамъ дивизій, а начальники артиллерійскихъ и инженерныхъ дирекцій подчинены каждыи двумъ или тремъ начальникамъ субдивизій. Въ то же время, несмотря на эту подчиненность, начальники управленій и дирекцій специальныхъ войскъ сносятся по своимъ частямъ непосредственно съ министромъ и слѣдовательно столько же самостоятельны въ своихъ сношеніяхъ какъ и лица которымъ они подчинены. Намъ кажется что подобный порядокъ, не принося существенной пользы, способенъ возбудить только вредный во всѣхъ отношеніяхъ антагонизмъ между военными властями и постоянно наталкивать людей на путь интриги.

Военное интендантство, не чуждое многихъ хорошихъ сторонъ, имѣетъ въ организаціи своей и значительныя недостатки. Въ немъ слиты управление хозяйственной части и контроль хозяйственной части, не всегда удобосовмѣщаемые. Бываютъ случаи, когда интендантъ совершаетъ торги, заключаетъ подряды и поставки, напримѣръ на довольствіе раціонами въ округахъ гдѣ нѣтъ провіантскихъ магазиновъ, подряды на довольствіе госпиталей и т. п.; при такихъ случаяхъ нельзя признать раціональнымъ совмѣщеніе въ лицѣ интенданта и части контрольной. Особенно рельефно отражается это на госпиталяхъ. Главные интендантъ-инспекторы,

состоящие при министрѣ и содѣйствующіе ему въ разрѣшеніи трудныхъ и важныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, не чужды большей части хозяйственныхъ операций, приведеніе которыхъ въ исполненіе будутъ контролировать интенданты и субъ-интенданты, если и не подчиненные имъ непосредственно, то во всякомъ случаѣ стоящіе въ зависимомъ къ нимъ отношеніи. Мысль о несовмѣстности частей распорядительно хозяйственной и контрольной современна учрежденію корпуса интендантства и многократно высказывалась и во французской литературѣ.

Извѣстный юристъ и военный писатель Дюра Ласайль, указывая на этотъ весьма важный недостатокъ, высказалъ въ то же время и необходимость, въ видахъ пользы службы, раздѣленія корпуса интендантства на двѣ части, независимыя одна отъ другой: распорядительной и контрольной. * Если и прежде, и въ настоящее время корпусъ интендантства пользовался безукоризненною репутаціею, то отнюдь не вслѣдствіе своей организаціи, при которой дѣлать злоупотребленія весьма не трудно, но вслѣдствіе отлучнаго состава чиновниковъ. Въ интендантство поступаютъ преимущественно офицеры специальныхъ родовъ оружія. Въ 1862 году въ числѣ чиновниковъ интендантства считалось 52 изъ генеральнаго штаба, 44 изъ инженерныхъ войскъ и 28 изъ артиллеріи, слѣдовательно 124 человекъ кончившіе курсъ или въ специальныхъ училищахъ, или въ Политехнической школѣ.

Говоря о корпусѣ чиновниковъ хозяйственнаго вѣдомства, мы упомянули о нравственной гарантіи которую представляетъ прекрасно устроенная система замѣщенія вакансій изъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ. Что же касается до положенія въ которое поставлены чиновники хозяйственнаго вѣдомства, то оно вовсе не такъ завидно. При счастіи и способностяхъ каждый рядовой во Франціи можетъ надѣяться сдѣлаться генераломъ, даже маршаломъ: предъ нимъ открытая дорога. Чиновникъ же хозяйственнаго вѣдомства долженъ видѣть конецъ своей карьеры въ званіи старшаго чиновника, а затѣмъ въ отставку съ пенсіею въ 1500 франковъ. Да и этого положенія онъ можетъ достигнуть лишь при особенномъ счастіи, вслѣдствіе крайне ограниченнаго штатнаго числа старшихъ чиновниковъ. Есть и другія причины

* Durat-Lassalle. T. VII, стр. VIII.

ны ставяція чиновниковъ администраціи невыгодно. При учрежденіи своемъ они были сравнены въ окладахъ жалованья съ офицерами арміи; но въ послѣдствіи, когда, во вниманіе ко всеобщему вздорожанію предметовъ первой необходимости, офицеры получили надбавку къ содержанию, равенство это было нарушено. Кромѣ того, всякій унтеръ-офицеръ, даже рядовой, имѣетъ право на извѣстныя военныя почести, которыхъ совершенно лишены чиновники хозяйственной части.

Иностранцу трудно судить безошибочно объ иноземныхъ порядкахъ, почему мы и остановимся на указанныхъ недостаткахъ, такъ какъ они давно уже признаны лучшими французскими администраторами.

ВИССАРИОНЪ КОМАРОВЪ.

ГРАФЪ ПАНИНЪ

УСМИРНТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ *

МАТЕРІАЛЫ ДЛІ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

III. Военныя дѣйствія.

Ходъ возстанія послѣ разоренія Саратова Пушкинъ резюмируетъ такъ: Пугачевъ, разбивъ высланныя изъ Царицына войска, усилившись передавшимися Донцами, атаковалъ этотъ городъ, но отбитъ Бошнякомъ, а потомъ подъ Чернымъ Яромъ окончательно разбитъ Михельсономъ, обопедшимъ сзади позицію самозванца.

Въ этомъ разказѣ, повторяемомъ, послѣ Пушкина, всѣми прочими писателями занимавшимися Пугачевщиной (Щебальскій, Мордовцевъ), множество искаженій. Честь защиты Царицына принадлежитъ не Бошняку, а Цыплетеву. Донцы не бѣжали къ Пугачеву тысячами, а смѣлыми атаками сокрушили его силы и были главнѣйшими орудіями Цыплетева и Михельсона къ охраненію Царицына и уничтоженію злодѣя подъ Чернымъ Яромъ, гдѣ Пугачевъ былъ атакованъ съ фронта, а не съ тылу. По имѣющимся у насъ неизданнымъ документамъ, мы постараемся выставить оборону нижней Волги въ настоящемъ видѣ.

Еще Петръ Великій заботился объ огражденіи южныхъ нашихъ границъ отъ набѣговъ кубанскихъ Татаръ и Киргизовъ. 30-го марта 1718 года послѣдовалъ указъ о построеніи Царицынской линіи, а въ бытность свою, въ ноябрѣ 1720 г.,

* См. Русскій Вѣстникъ № 3.

въ Царицынѣ, государь самъ сочинилъ проектъ Царицынской крѣпости, состоявшей изъ четырехъугольной бастионной цитадели, при полигонахъ въ 80 сажень съ землянымъ ретраншаментомъ, окружавшимъ городъ. Въ крѣпости должно было находиться 500 человекъ гарнизона.

Царицынская линія соединяла Донъ съ Волгой, идя отъ станицы Качалинской до Царицына. Линія была изъ землянаго вала и имѣла кромѣ Царицына три крѣпостцы и одинъ редутъ. Войска на линіи должно было быть 1.600 человекъ при 12 мѣдныхъ и 61 чугунныхъ орудіяхъ.

Занятіе этой линіи и Волги вверхъ до русскихъ населеній у Камышина, возложено было на Донское войско. Тяжелая служба отбывалась казаками до 1733 года, когда повелѣно было 8-го октября * переселить на эти мѣста 1.057 семей донскихъ казаковъ и образовать изъ нихъ Волжское казачье войско. Переселенцы заняли правый берегъ Волги между Царицынымъ и Камышинымъ, и часть теченія рѣки Иловли отъ донскихъ городковъ до пригорода Дмитріевска. Казакамъ велѣно было служить, кромѣ линіи, при Саратовѣ, Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ по Волгѣ нужда востребуется. Особенно войско должно было наблюдать за Киргизъ-Кайсаками; всѣ переѣзды казаковъ на лѣвый берегъ Волги, во избѣжаніе ссоръ съ Киргизами, были запрещены; также было запрещено подъ „жестокимъ наказаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ“ принимать и записывать въ казаки пришлыхъ людей сверхъ числа 1.057. Главнымъ пунктомъ войска назначенъ посадъ Дубовка, а атаманомъ „впредь до указа“ Макаръ Персидскій. Волжскіе казаки управлялись по обычаямъ Донцовъ, а какихъ дѣлъ нельзя было рѣшить на кругахъ, представляли царицынскому коменданту и даже въ военную коллегію. Во всѣхъ населеніяхъ волжскихъ казаковъ дозволена была свободная торговля, продажа пива и вина, и безошпинная рыбная ловля. Для походовъ войско имѣло бунчукъ, два знамя и десять сотенныхъ значковъ. Атаманъ получилъ „насъку“ съ серебряною оправой и войсковую печать. На содержаніе войска отпускалось 11.996 руб., 15 пудовъ пороху и 10 пудовъ свинцу ежегодно.

Поселеніе Волжскаго войска въ такомъ богатомъ краѣ способствовало скорому его процвѣтанію. Войско разбогатѣло

* Полн. Собр. Зак., № 6508.

и весьма умножилось, но взамѣнъ того, привязанное къ одному мѣсту, потеряло всякую воинственность и только что называлось войскомъ, но къ военнымъ дѣйствіямъ было неспособно. Въ 1770 году переселено было отсюда 517 семей на Терекъ, гдѣ они образовали пятисотенный Моздокскій казачій полкъ.*

Во время Пугачевского бунта Волжское войско легко могло выставить 1.000 всадниковъ.

Съ 1752 года содержать Царицынскую линію и препроводить по ней почту возложено было на Донцовъ, для чего слѣдовало высылать на линію лѣтомъ по 1.200, а зимой по 800 человекъ казаковъ съ особымъ атаманомъ. Въ Пугачевщину этимъ атаманомъ былъ полковникъ Василій Перфиловъ. Волжское войско и донскіе казаки Перфилова состояли подъ начальствомъ царицынскаго коменданта полковника Цыплетева.

Какъ извѣстно, территория Войска Донскаго близко подходит къ Волгѣ и на пространствѣ между Камышиномъ и Сарептой только узкая полоса земли отдѣляетъ ее отъ праваго, нагорнаго берега рѣки. Такое близкое сосѣдство Дона могло быть въ разсматриваемое нами время источникомъ слабости или силы нижней Волги. Пугачевъ происходилъ изъ Донцовъ, гдѣ имѣлъ много товарищей. Земля Войска Донскаго была тогда весьма мало извѣстна, и на духъ донскихъ казаковъ и ихъ преданность правительству смотрѣли весьма подозрительно. Большинство военачальниковъ и вообще административныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ усмиреніи Пугачевщины, почти единогласно опасались что Пугачевъ проберется на Донъ и значительно тамъ усилится. Комендантъ Ново-Хоперской крѣпости, бригадиръ Арменевскій, даже опасался чтобы донскіе казаки не овладѣли его крѣпостію и просилъ у графа Панина помощи.** Только-что бывшія на

* *Полн. Собр. Зак.*, т. XIX, № 13.404. Въ 1776 году все Волжское войско переселено на Терекъ и вошло въ составъ Астраханскаго войска. Т. XX, № 14.464.

** Дѣло № 26.429. Графъ Панинъ отвѣчалъ ему что, по его мнѣнію, казаки не въ состояніи овладѣть и редутомъ. „а у нашего высокородія крѣпость“. „Военному человеку, продолжаетъ онъ, смерть съ обороною вѣрнѣе ему мѣста... есть одно только средство къ соблюденію своей чести и репутаціи.“

Дону безпорядки, смѣна атамана Ефремова и временная замѣна его Сулинымъ, увеличивали эти сомнѣнія, которыя дошли до высшихъ правительственныхъ сферъ и до самой императрицы. Она считала возможнымъ положиться на Донцовъ, но тѣмъ не менѣе согласилась послать туда довѣренное лицо чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла и настроеніемъ умовъ. Посланъ былъ Конной гвардіи ротмистръ Осиповъ, и вѣсти имъ привезенныя были успокоительны. „Что же по новѣйшимъ извѣстіямъ, читаемъ мы въ письмѣ Екатерины къ графу Панину—зловѣй бѣжитъ къ Петровску и слѣдственно къ Медвѣдицѣ, и приближается къ донскимъ станицамъ, сіе бѣ при теперешнемъ случаѣ желательно было, ибо отъ донскихъ казаковъ ему ожидать кромѣ пораженія нечего. Тому третій день какъ Конной гвардіи ротмистръ Осиповъ, который отъ меня въ Черкасскъ посыланъ, оттуда возвратился и привезъ отъ сего войска наусерднѣйшее увѣреніе о непоколебимой вѣрности и недреманномъ остереженіи отъ злодѣйскихъ покушеній. Сей разумный офицеръ нашелъ что имя Пугачева въ омерзеньи у старшинъ и казаковъ, и они даже и станицу, гдѣ родился сей извергъ, переводить желаютъ на другое мѣсто.“ *

Событія оправдали эту надежду на казаковъ, и Донъ оказался надежнымъ оплотомъ правительства противъ Пугачевскихъ шаекъ.

Подвигаясь впередъ отъ Саратова, Пугачевъ быстро приближался къ такимъ мѣстамъ, въ которыхъ могъ получить значительное усиленіе, или совершенно погибнуть. Предъ нимъ были земли двухъ казачьихъ войскъ: Волжскаго и Донскаго, кочевья Дербетевскихъ Калмыковъ и, наконецъ, Царицынская линия.

Къ оборонѣ этихъ мѣстъ приняты были мѣры еще съ конца 1773 года. 15-го октября, на другой день по полученіи въ Петербургѣ перваго извѣстія о появленіи Пугачева, государственная военная коллегія, командировавъ къ Оренбургу генералъ-маіора Кара, увѣдомила о томъ между прочимъ главнокомандовавшаго второй арміей князя Вас. Мих. Долгорукова (главная квартира въ Полтавѣ) и комендантовъ крѣпостей: Ов. Димитрія (Ростовъ), Царицына и Астрахани.

* Я. Гротъ, *Зап. Акад. Наукъ*, 1863 г.

Царицынскому коменданту, полковнику Цыплетеву, предписано было съ 1-ою легкою полевой командой секунд-маіора барона фонъ-Дица и гарнизонными войсками принять предосторожность вверхъ на Волгѣ „чтобы стараться какъ самого означеннаго злодѣя, такъ и мятежническую его шайку переловить“ и „переходу его за Волгу всемірно воспрепятствовать, въ случаѣ же требованія къмъ-либо помощи, оную подавать“.

Астраханскій комендантъ долженъ былъ помогать Цыплетеву, а князь Долгоруковъ наблюдать со стороны Дона. Все это было сдѣлано въ томъ предположеніи, что Пугачевъ скоро будетъ прогнанъ отъ Оренбурга.

Князь Долгоруковъ отвѣчалъ, что всѣ распоряженія имъ сдѣланы, но что по его мнѣнію разбитому самозванцу легче убѣжать не чрезъ Донскія селенія, гдѣ стоятъ войска 2-й арміи, а степью прямо въ Турцію. Астраханскій оберъ-комендантъ генераль-маіоръ Левинъ хотя и донесъ что сдѣлалъ надлежащее сношеніе съ Цыплетевымъ и войска при надобности пошлетъ, но прибавлялъ что боится нападенія Киргизовъ, Кубанскихъ горцевъ, возмущенія азіатскаго населенія самой Астрахани. Горько жалуется онъ на малое число войскъ и боится, чтобы не нанесенъ былъ вредъ рыбнымъ ловлямъ. Словомъ, съ самаго же начала оказалось, что изъ Астрахани никакихъ энергическихъ дѣйствій ожидать нельзя. Такъ и сбылось въ дѣйствительности: оберъ-комендантъ и губернаторъ оберегали лишь себя и войска держали поближе къ себѣ.

Только одинъ Цыплетевъ усердно и разумно принялся за дѣло. Положеніе Царицына было трудное. Онъ не только могъ подвергнуться нападенію шайкъ самозванца, еслибы тотъ обратился на Волгу, но на него могли также напасть Киргизъ-Кайсаки, Калмыки и „народы съ Кубанской стороны“. По позднему времени года опасность именно угрожала болѣе отъ Киргизовъ, которые, пользуясь замерзаніемъ Яика и Волги, могли двинуться для грабежа.

Для наблюденія за луговою стороною Волги, Цыплетевъ учредилъ противъ всѣхъ городковъ Волжскаго войска и далѣе внизъ по Волгѣ до Чернаго Яра казачьи форпосты, а у Ахтубинскаго шелковаго завода (нѣсколько выше Царицына) поставилъ подъ начальствомъ оберъ-офицера заставу изъ довольно значительной команды при одной пушкѣ. Волж-

ское войско предупреждено было о необходимости быть въ постоянной готовности къ отраженію врага.

Фортистамъ велѣно было производить частые разъѣзды, задерживая подозрительныхъ людей. Въ Царицынѣ образованъ подвижной резервъ подъ командой секундъ-маіора фонъ-Дуца изъ 1-й легкой полевой команды, роты Царицынскаго гарнизона и мѣстныхъ казаковъ. Отрядъ этотъ приведенъ былъ въ полную готовность къ немедленному выступленію на встрѣчу непріятеля, къ нему по первому требованію могли присоединиться шесть полевыхъ орудій съ достаточнымъ числомъ снарядовъ. Въ самомъ Царицынѣ,—гдѣ было 900 чел. плѣнныхъ Турокъ, требовавшихъ за собой надзора,—должны были оставаться четыре гарнизонныя роты * и триста человекъ вооруженныхъ жителей „изъ положенныхъ въ подушную окладъ съ купечествомъ“. Каждому изъ предполагаемыхъ защитниковъ крѣпости указано что именно и на какомъ мѣстѣ онъ долженъ былъ дѣлать въ случаѣ нападенія.

Для содѣйствія себѣ въ случаѣ надобности онъ вошелъ въ сношенія съ Астраханскимъ губернаторомъ и войсковою канцеляріей Донскаго войска. Кречетниковъ приказалъ по требованію Цыплетева приготиться къ походу двумъ тысячамъ Калмыковъ подъ начальствомъ князя Дундукова, а Войско Донское назначило тысячу съ полковниками Федоромъ Кутейниковымъ и Василиемъ Грековымъ. Калмыки и казаки должны были до времени оставаться—первые въ своихъ кочевьяхъ, а вторые въ ближайшихъ къ Волгѣ станціяхъ. Назначеніе тысячной команды казаковъ послѣдовало еще прежде требованія Цыплетева, по собственному рѣшенію Войска, тотчасъ по полученіи на Дону (20-го октября 1773 г.) извѣстія о Пугачевѣ отъ казанскаго губернатора фонъ-Брандта. Цыплетевъ, прося Войсковую канцелярію о назначеніи въ его распоряженіе 500 казаковъ, собственною властью приказалъ двумъ стамъ казакамъ изъ ближайшихъ станцій быть всегда въ полной готовности къ выступленію,

* Въ Царицынѣ было два гарнизонныя (внутренніе) баталіона въ 772 человека каждый. Баталіонъ состоялъ изъ 6 ротъ: 5-ти мушкетерскихъ и одной инвалидной (80 чел.) Отъ Царицынскихъ баталіоновъ по одной ротѣ было въ каждомъ изъ четырехъ укрѣпленій Царицынской линіи и одна рота въ Еяотавскѣ, т. е. всего въ расходѣ 5 ротъ.

что и было сдѣлано мѣстными властями, а канцелярія, какъ выше сказано, сама сочла нужнымъ назначить не 500 чел., а два полка, и получивъ требованіе Царицынскаго коменданта, предписала Кутейникову и Грекову „быть въ послушаніи“ у Цыплетева. На Дону и въ Царицынѣ, какъ видимъ, дѣйствовали совершенно согласно.

Распоряженія Цыплетева, кажется, заслужили одобреніе въ Военной коллегіи. 6-го декабря прискакалъ къ нему отъ президента коллегіи, генераль-фельдмаршала графа З. Г. Чернышова, курьеръ съ приказаніемъ развѣдать „въ какомъ положеніи находятся состоящія въ Яицкомъ городкѣ военныя команды и жители, противлящіеся бездѣльниковой самозванца силѣ.“

Полученныя Цыплетевымъ свѣдѣнія были неутѣшительны. Съ Кубанской стороны писали, что на обоихъ берегахъ Кубани было огромное сходбище горскихъ народовъ, порѣшившихъ идти грабить наша предѣлы. Киргизъ-Кайсаки, предводимые своимъ ханомъ Нурали, перешли Яикъ огромными массами на протяженіи 170 верстъ, нападая на форпосты, отгоняя скотъ, сжигая сѣно и жилища и хватая людей въ плѣнъ. Разнеслись слухи, что всѣ султаны согласились идти грабить Калмыковъ и Кундровскихъ Татаръ, а потомъ передаться Туркамъ. Симоновъ * не въ состояніи былъ принять противъ нихъ никакихъ мѣръ. Вскорѣ Киргизы стали показываться и около Волги. 18-го декабря они напали на дер. Куркинъ-Яръ около Чернаго Яра, взяли тамъ и въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькихъ людей въ плѣнъ, и пройдя мимо Царицынскаго округа потянулись даже, толпою „обширностью на версту“. Цыплетевъ немедленно вытребовалъ къ себѣ Грекова съ его пятисотнымъ полкомъ и тысячу Калмыковъ.

Киргизы, поравнявшись съ землями Волжскихъ казаковъ, приготовились сдѣлать на нихъ нападеніе, и когда, 27-го декабря, Войсковая канцелярія требовала отъ Цыплетева присылки двухъ орудій съ двумя канонерами, пороху и свинцу, Киргизы напали на казачьи хуторы, верстахъ въ тридцати выше Дубовки. За симъ никакихъ свѣдѣній Цыплетевъ не получалъ прямо отъ Войсковой канцеляріи, а частнымъ образомъ узналъ, что не только хуторы лѣваго берега, но и

* Комендантъ Яицкаго городка.

жительства нагорнаго берега Волги разорены Киргизами. Волжскіе казаки, несмотря на то что ихъ могло бы собраться до тысячи человекъ, не оказали должнаго сопротивленія, а это тѣмъ легче было сдѣлать что Киргизы были всего въ числѣ отъ 150 до 120 худо вооруженныхъ людей на некованныхъ лошадяхъ, едва ходившихъ не только по льду, но и по землѣ. Старшина Терскій посланъ былъ на Киргизовъ, но не имѣлъ успѣха. Говорили, что между грабителями были ядркіе казаки, подговаривавшіе волжскихъ перелазить самозванцу.

Цыпметевъ послалъ въ Дубовку на почтовыхъ сперва требуемыя орудія, потомъ небольшой летучій отрядъ подъ командой секундъ-маіора Куткина. Но умы волжскихъ казаковъ были сильно взволнованы; Куткину не дали ни требуемаго имъ числа подводъ, ни продовольствія; то и другое Цыпметеву пришлось собирать въ бѣдныхъ околицахъ Царицына и посылать въ Дубовку. Въ это время вызваны были къ Царицыну оба казацкія полка Грекова и Кутейникова. Итакъ уже въ концѣ 1773 года Волжское войско выказало свою неспособность къ собственной защитѣ и представлялось легкою добычей для самозванца.

11-го августа 1774 г. сдался Пугачеву городъ Дмитріевскъ (Камышинъ). „Въ Камышенкѣ большаго сопротивленія не было, засѣлъ было въ кремль комендантъ (Мелликъ), однакожъ Овчинниковымъ былъ взятъ, который и былъ убитъ, также и прочіе.“ (Допросы, стр. 35). Посланцы Пугачева поскакали впередъ по станицамъ волжскихъ казаковъ, распуская слухи что Пугачевъ требуетъ сдачи, угрожая въ противномъ случаѣ всѣхъ вырубить и жилища выжечь. Пятисотная шайка Андреева потянулась между Медвѣдицей и Иловней къ донскимъ предѣламъ. Самъ Пугачевъ послалъ указъ Калмыцкой Орды князю Бандуру, въ которомъ приказывалъ перебраться съ луговой стороны на горную при городѣ Камышенкѣ, обѣщая выдать каждому Калмыку по десяти рублей.

Волжскіе казаки были въ большомъ смятеніи. Старшины собирали всѣхъ изъ хуторовъ въ станицы. Казаки сходились въ круги, толковали что дѣлать. Показаніе казака Черникова (Щебальскій, стр. 111) даетъ возможность разсказать что было въ ближайшей къ Камышину Антиповской станицѣ и что затѣмъ, безъ сомнѣнія, повторилось во всѣхъ

прочихъ станицахъ. 14-го августа въ станицу приплыло по Волгѣ сверху и остановилось у пристани большое судно, съ злодѣйскою сволочью до тысячи человекъ. Казаки признали въ прѣхавшихъ каторжныхъ, потому что у многихъ были ноздри рваныя и клейма на лицѣ. Мятежники стали грабить. Три раза собирались казаки разсуждать: „противу ли злодѣя идти, или побѣгомъ спастись, или же склониться къ нему, злодѣю,“ а „напоследокъ, сожалѣя женъ своихъ, дѣтей и имущество, согласились, имѣя мало къ сопротивленію людей, склониться“. Такъ какъ, по слухамъ, Пугачевъ былъ близко, то послали къ нему на встрѣчу человекъ сорокъ со знаменами. Верстахъ въ семи отъ станицы депутаты встрѣтили самозванца; людскіе казаки научили ихъ стать на колѣни и преклонить знамена; многіе „цѣловали злодѣйскую его руку“. Та же самая сцена повторилась предъ самой станицей. Отъ стара до мала все высыпало за станицу; духовенство вышло съ образами, въ церквахъ звонили въ колокола. Завидѣвъ самозванца, все поверглось на колѣна. Пугачевъ подѣхалъ иноходью на пѣрой лошади. Не слѣзая съ коня, поцѣловалъ поданный священникомъ крестъ и проѣхалъ прямо въ станицу, къ казаку Родіону Осипову Забуриннову, у котораго приготовленъ былъ обѣдъ для самозванца и его ближайшихъ сподвижниковъ. Работавшіе въ станицѣ каторжные освобождены и отправлены къ прочимъ каторжнымъ, плавившимъ на суднѣ.

Вѣрный составленному еще въ концѣ прошлаго года плану, выслать команду на встрѣчу мятежниковъ, Цыплетевъ, узнавъ о взятіи и разореніи Саратова, и дождавшись прибытія князя Дундукова съ тремя тысячами вооруженныхъ Калмыковъ, послалъ его на встрѣчу Пугачева. Подъ команду Дундукова поступили 1-я легкая полевая команда и довскіе полки Федора Кутейникова и Василя Грекова, при которыхъ находился секундъ-маіоръ Буткинъ. *

Дундуковъ имѣлъ въ виду идти на Камышинъ, но скоро получилъ извѣстіе о взятіи его мятежниками и рѣшился

* Насчетъ времени выхода Дундукова встрѣчается недоразумѣніе. Цыплетевъ не называетъ дня отправленія, но говоритъ, что Дундуковъ прибылъ къ Царицыну 11-го августа. Атаманъ войска Донскаго Сулицъ (Щебальскій, стр. 112) положительно говоритъ, что Довцы пошли изъ Царицына 9-го августа. Можетъ-быть, Дундуковъ нагналъ ихъ въ пути. Это, впрочемъ, не важно.

занять Балыклевскую станицу. Не доходя пяти верстъ до Балыклева, посланъ былъ впередъ есаулъ Гордѣевъ съ командой достать языка. Гордѣева встрѣтили изъ станицы путешными выстрѣлами: мятежники были уже тамъ; однако Гордѣевъ успѣлъ схватить пятерыхъ плѣнныхъ и въ томъ числѣ ацкаго казака Ивана Тумина. Куткинъ воспользовался поимкой одного изъ ближайшихъ сообщниковъ Пугачева чтобы допросить его подробно. Допрашиваемый Туминъ „всенародно признавалъ самозванца ложнымъ, что онъ донской казакъ, и они, вѣдая, чинятъ для прельщенія народа объ немъ увѣреніе будто государь, да и самъ онъ Емелька проситъ ихъ, ацкихъ, чтобъ ему въ сей мечтѣ помогали.“

Заявленіе это многихъ обратило на добрый путь, говорить Цыплетевъ (рапортъ 25-го августа 1774 г., дѣло № 26.429), а изъ этого можно заключить, что въ отрядѣ Дундукова, шедшемъ навстрѣчу мятежникамъ, были уже колеблющіеся въ убѣжденіяхъ и готовые признать самозванца настоящимъ государемъ. Дундуковъ, увѣдомляя объ этомъ Цыплетева, просилъ помощи и положительно говорилъ что мало надежды полагаться на Донцовъ. По его словамъ, у Пугачева было войска 6 тысячъ чел. и 27 орудій. * Отойдя немного назадъ, Дундуковъ остановился на р. Пролейкѣ ожидать Пугачева. Пугачевъ приблизился 15-го числа вечеромъ, и на другой день произошло сраженіе. Дѣло начали мятежники, поведя на Дундукова атаку часу въ 9 утра, 16-го августа. Куткинъ съ казаками полковъ Кутейникова и Грекова и съ драгунами поручика Денисьева (отъ легкой команды, всего по штату 66 коней, а быть-можетъ было и менѣе), въ числѣ до четырехъ сотъ чел. (слѣдовательно въ двухъ Донскихъ полкахъ было до 350 чел.), ** смѣло бросились на непріятея, три

* Въ томъ же самомъ дѣлѣ № 26.429, изъ коего взяты приведенные факты, находится рапортъ Михальсова Панину, отъ 19-го августа 1774 г., изъ станицы Балыклевской. Въ немъ говорится, что у Пугачева 20 т. войска, а приложенныя къ рапорту показанія коловника Губнера доводятъ эту цифру до 30 т. чел. Въ свѣдѣніяхъ Дундукова, основанныхъ на показаніи Тумина, болѣе вѣроятія.

** Д. Мордовцевъ въ статьѣ „Русскіе государственныя дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ“ приводитъ интересныя данныя о числѣ казаковъ бывшихъ на Пролейкѣ. На одной и той же страницѣ (107. Отеч. Зап. Сент. 1868 г.) онъ говоритъ, что Кутейниковъ „съ

раза прогнали его за пушки и взяли одинъ бундукъ; убитыхъ мятежниковъ было отъ 400 до 500 чел. Несмотря на этотъ успѣхъ, казаки не могли опрокинуть огромныхъ встрѣченныхъ ими массъ мятежниковъ и принуждены были отступить. Въ это время Калмыцкое войско, не выдержавъ первыхъ выстрѣловъ, разбѣжалось. Мятежники, преслѣдуя Калмыковъ, отрѣзали отъ казаковъ легкую полевую команду, окружили ее и взяли въ плѣнъ. Командиръ ея, секундъ-майоръ баронъ фонъ-Дицъ и почти всѣ офицеры были переколоты, а солдаты поверстаны въ казаки. Донцы отступили, потерявъ одного казака. Быструю гибель легкой полевой команды, состоявшей изъ 400 пѣхотинцевъ при четырехъ орудіяхъ, надо отнести или къ обнаружившейся въ ней слабости, или къ распространившемуся паническому страху. Безъ этого трудно допустить чтобъ она, особенно послѣ первоначальнаго успѣха, не могла отбиться отъ мятежниковъ. Отступление казаковъ, вѣроятно, было самое безпорадочное. Между документами, сохранившимися съ того времени (дѣло № 25.429), есть отношеніе полковника Цыплетева

тремястами пятьюдесятью казаками..... встрѣтя государственнаго злодѣя Пугачева, билъ на всю его сволочную толпу, при которой и самъ злодѣй былъ, по самымъ пушкамъ, поколотъ въ смерть болѣе пятисотъ злодѣевъ," а потомъ въ подстрочной выноскѣ приводитъ слѣдующую выдержку изъ рапорта Кутейникова Цыплетеву: „всепокорнѣйше прошу по вышеозначенному обстоятельству, да и прежде по откомандированію меня при его сіятельствѣ господина полковника князя Дундукова, отъ вашего высочайшаго города, сего-жъ мѣсяца 16-го числа, съ двусту семи казаками, ко искорененію прописаннаго злодѣя Пугачева, котораго и нахвѣвъ въ вѣдѣніи Волжскаго войска, и Балыклаевской станицы, въ урочищѣ на рѣкѣ Пролейкѣ, гдѣ да и въ семъ показанномъ случаѣ, я не закрылъ своего лица съ прописаннымъ числомъ команды моею казаками, прогнавъ его мерзкое собраніе за ихъ пушки, гдѣ и побито нами по примѣру до пяти сотъ человекъ и т. д.“ Изъ сего надо заключить, что подъ Пролейкой дѣйствительно билось 350 Донцовъ, въ томъ числѣ 207 полка Кутейникова, а остальные 143 полка Гордѣева. Г. Мордовцевъ говоритъ что подъ Пролейкой были полки Кутейникова и Карпа Денисова. Это ошибка, тѣмъ болѣе грубая, что въ примѣчаніи приведенъ разказъ Кутейникова, изъ коего ясно видно что Карлъ Денисовъ былъ въ сраженіи на р. Мечетной. Авторъ совершенно упускаетъ изъ виду сраженіе на Мечетной и заставляетъ драться на Пролейкѣ Денисова, бывшаго тогда еще на Дону.

къ донскому полковнику Себрякову, писанное 16-го августа въ самый день сраженія на Пролейкѣ. Цыплетевъ пишетъ, что Дундуковъ и полковникъ Кутейниковъ съ нѣсколькими казаками „прибѣжали“ въ Царицынъ. Черезъ три дня однако мы увидимъ полки Кутейникова и Грекова вновь въ числѣ дѣйствующихъ противъ Пугачева. Очевидно, что Дундуковъ и Кутейниковъ опередили худоконныхъ казаковъ и прибыли раньше съ печальною вѣстью о своемъ разбитіи. Атаманъ Войска Донскаго Сулинъ доносилъ Военной коллегіи (Щебальскій, стр. 112) что Донцы побивъ до 500 мятежниковъ, потеряли всего одного казака. Цыплетевъ (дѣло № 26.429) подтверждаетъ, что на Пролейкѣ казаки атаковали мятежниковъ, три раза опрокидывали ихъ и побили до 400 злодѣевъ. На основаніи этихъ данныхъ, приведенное выше выраженіе Цыплетева, что Кутейниковъ прибѣжалъ съ нѣсколькими казаками, должно, кажется, понимать такъ, что Кутейниковъ прибылъ къ Царицыну съ передовыми своими казаками, а прочіе собрались позже. Сообщение Цыплетева Себрякову 16-го августа было, безъ сомнѣнія, писано въ попыхахъ, когда не всѣ казаки еще собрались въ крѣпость. Въ подробномъ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, отъ 25-го августа, Цыплетевъ (дѣло № 26.429) ничего не говоритъ о передачѣ казаковъ, чего бы онъ не сдѣлалъ, еслибъ изъ двухъ донскихъ полковъ дѣйствительно „прибѣжали“ только нѣсколько казаковъ съ Кутейниковымъ. Донокой атаманъ Сулинъ показываетъ, что на Пролейкѣ казаки потеряли всего одного пѣльнимъ, а побили до пятисотъ мятежниковъ. Последнюю цифру почти вполне подтверждаетъ и Цыплетевъ въ своемъ донесеніи Императрицѣ отъ 25-го августа, гдѣ говоритъ, что казаки истребили около 400 мятежниковъ. Какъ на велика разница между потерями обѣихъ сторонъ, но истребленіе 500 мятежниковъ при потерѣ одного казака — дѣло вполне возможное. Толпы Пугачева были плохо вооружены и не умѣли драться; впрочемъ, точно такіе же результаты были во время усмиренія послѣдняго польскаго возстанія 1863—1864 годовъ, когда при такихъ же ничтожныхъ потеряхъ въ нашихъ войскахъ истреблялись сотни повстанцевъ, нерѣдко прекрасно вооруженныхъ. По всемъ этимъ обстоятельствамъ, нѣтъ никакихъ поводовъ заподозрить справедливость донесенія атамана Сулина. Главными виновниками пораженія на Пролейкѣ были

Дундуковскіе Калмыки. Бѣгство ихъ однако не возбудило удивленія въ прямомъ и ближайшемъ ихъ начальникѣ Астраханскомъ губернаторѣ Кречетниковѣ. „Калмыки—говорить онъ въ одномъ изъ своихъ ордеровъ—по первомъ изъ пушекъ отъ злодѣевъ выстрѣлъ, испужавшись, рассыпались: въ ономъ на нихъ, яко на степныхъ и совсѣмъ не обыкновенныхъ людей, и негодовать да и взыскивать невозможно, которые, по своему, больше дикому состоянію, и военнаго фронта составить не могутъ.“

У Пушкина описаніе сраженія на р. Пролеткѣ сдѣлано совершенно невѣрно. Вотъ оно: „13-го августа Пугачевъ приблизился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ майоръ Дидъ съ пятью стами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею Донскихъ казаковъ и пятью стами Калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и перебиты; Дидъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты.“ (стр. 106). Въ этомъ описаніи все перепутано; мѣсто и время сраженія, составъ отряда и ходъ дѣла.

На другой день, 17-го сентября, Пугачевъ занялъ Дубовку. Атаманъ Волжскаго войска Василій Персидскій съ нѣсколькими вѣрными казаками бѣжалъ въ Царицынъ; прочіе казаки, подъ предводительствомъ депутатовъ Венеровскаго и Полякова, а также бывшаго въ Дубовкѣ депутата Астраханскаго коннаго полка сотника Василя Горскаго, * встрѣчали самозванца какъ и въ Антиповской станицѣ „съ церковною церемоніею, съ образами и съ звономъ, и съ войсковыми знаменами“. Въ числѣ встрѣтившихъ былъ и старшій братъ войсковаго атамана. Пугачевъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. „Гдѣ прочіе твои братья?“ спросилъ онъ старшаго Персидскаго. Тотъ отвѣчалъ что ушли. „Какъ же ты остался?“ Старикъ увернулся ловкимъ отвѣтомъ, что онъ хочетъ умереть за отечество и мѣста своего не покинетъ. „Въ какомъ разсужденіи сказалъ сіе слово, для того ли что ревновалъ службы, и столько же Государынѣ и Самодержицѣ,

* По сененціи о Пугачевѣ, Горскій „за легкомыслимое приращеніе къ топанъ злодѣйской“ лашемъ былъ депутатскаго достоинства.

или мыслилъ тѣмъ угодить ему (Пугачевъ) не извѣстенъ; ибо злодѣй не объяснился, и оставилъ его какъ чловѣка престарѣлаго.“ Прочіе Дубовскіе казаки всѣ безъ изъятія присоединились къ бунтовщицѣей толпѣ. (Допросы Пугачева, стр. 48).

Венеровскій былъ сдѣланъ войсковымъ атаманомъ и получилъ отъ мятежнической военной коллегіи указъ пригото-виться съ войскомъ къ походу, собравъ всѣхъ военно-служащихъ, отставныхъ и малолѣтковъ, годныхъ къ службѣ. Пугачевъ на своихъ допросахъ показывалъ, что когда онъ звалъ Волжскихъ казаковъ съ собою, „отреклись они, сказывая что неисправны, обѣщавши послѣ съ нимъ соединиться; но видить теперь, что его обманули, ибо послѣ къ его толпѣ не приходили.“ (Стр. 48).

Въ Дубовкѣ совершилось кромѣ того торжественное при-нятіе въ подданство 3.000 Калмыковъ, пришедшихъ съ своимъ княземъ. Выше мы упомянули объ отправленіи къ Калмыкамъ пугачевского указа съ приглашеніемъ прибыть къ нему. Калмыки пришли не къ Камышенкѣ, какъ ихъ приглашалъ указъ, а къ Дубовкѣ. Предварительно передачи, калмыцкій князь присылалъ къ Пугачеву для переговоровъ старшину и четырехъ Калмыковъ. Депутаты возвратились облаканные мятежниками и сопровождаемые казаконъ Пустобаевымъ, который лично заявилъ князю что Пугачевъ приметъ его и будетъ дарить. Самозванецъ принималъ Калмыковъ публично. Князь и до 50 старшихъ, подхода къ Пугачеву, преклоняли колѣна и дѣловали его руку въ доказательство своей вѣрности. Пугачевъ милостиво съ ними разговаривалъ, благодарилъ ихъ и награждалъ деньгами и подарками. Князь получилъ 50 руб., двое его сыновей по 30 р., старшинамъ выдано сукна на кафтаны, а всему войску выслана бочка мѣдныхъ денегъ.*

Михельсонъ и Цыпаевъ подтверждаютъ эту измѣну Дербетевыхъ Калмыковъ. Послѣдній показываетъ совершенно ту же цифру передавшихся Калмыковъ что и Пугачевъ, и прямо говорить что въ Дубовку пришли они подъ предводительствомъ своего князя Цендена.

Предательство Калмыковъ, кажется, обошлось имъ безна-

* Допр. стр. 49.

казанно. Вѣроятно, не сочли возможнымъ обвинить этихъ „степныхъ и совсѣмъ необыкновенныхъ людей“. По крайней мѣрѣ намъ не попадались подъ руку какія-либо о сему указанія.

Передача Цендена самозванцу сопровождалась страшнымъ грабежомъ окрестностей Царицына. Калмыки начали злодѣйствовать, бить до смерти, грабить, отгонять скотъ, такъ что подъ Царицыномъ, внѣ города, ничего не оставили; „скотъ весь безъ остатку отогнали, сады, мельницы, загородные дома жгли и цѣлыя деревни разорали и привели въ послѣднюю нищету, отчего городъ былъ приведенъ въ уныніе“.

Гроза все ближе и ближе подвигалась къ Царицыну. Цыплетевъ былъ въ затруднительномъ положеніи и учащалъ просьбу своихъ требованій о помощи къ регулярнымъ войскамъ и къ донскимъ полковникамъ. Кругомъ Царицына была полная измѣна, всѣ окрестности признали Пугачева. Главная мѣстная власть, астраханскій губернаторъ Бречетниковъ забился въ Астрахань и проводилъ время въ преступномъ бездѣйствіи, а можетъ-быть еще болѣе усилилъ свои заботы объ обогащеніи. Время было такое „что рубли класть въ сундуки ничто не мѣшало“. Въ самомъ Царицынѣ, гдѣ кипѣла работа по приготовленію къ отпору самозванцу, объявилась измѣна. Одинъ изъ канонировъ при постройкѣ укрѣпленій громко говорилъ: „на что-де трудятся напрасно, вскорѣ же достанется батюшкѣ Пугачеву“. Пѣвныя изъ шаякъ бунтовщика разказывали что Пугачевъ „всю толпу обнадеживаетъ неотмѣнно взять Царицынъ“, для чего дѣлаетъ большія приготовленія, „запасаютъ снаряды, починиваютъ и вновь дѣлаютъ лафеты, по усердію къ нему измѣнниковъ, въ Саратовѣ предавшихся фузелеровъ“.

Не разчитывая на возможность сопротивляться, многіе изъ Царицынскихъ гражданъ упали духомъ. „Отъ сего сразу людей своихъ и гражданъ, я, говоритъ Цыплетевъ, ободралъ и приводилъ въ единомысліе, обнадеживая ихъ высочайшею вашего императорскаго величества милостію, что за ихъ храбрые поступки безъ награжденія не останутся.“

Неудачный походъ Дюца поколебалъ войска, тѣмъ болѣе что съ Дюцомъ погибла лучшая часть Царицынскаго гарнизона, полевая команда, а остались одни гарнизонныя войска.

Вооружая жителей, поправляя укрѣпленія и строя новыя батареи, распредѣляя войска по крѣпостнымъ веркамъ и указывая кому что слѣдуетъ дѣлать, Цыплетевъ заранѣе уже рѣшился на пассивную оборону за стѣнами крѣпости. Сдѣлать встрѣчу Пугачеву въ открытомъ полѣ было бы слишкомъ рискованно. Цыплетевъ думалъ отсидѣться въ Царицынѣ и твердо надѣялся что получить помощь. О Михельсонѣ онъ ничего не зналъ и ожидать его не могъ; лишь со стороны близкаго Дона видѣлъ онъ себѣ спасеніе. Надежды его дѣйствительно не обманулись. Сперва онъ получилъ свѣдѣнія что Донцы успѣшно берутся за оружіе, и ихъ полковники, не ожидая сформированія полныхъ полковъ, съ людьми двухъ-трехъ станицъ спѣшатъ къ Царицыну. Потомъ пришло извѣстіе что отрядъ 2-й дѣйствующей арміи, подъ командой князя Багратіона, находился 19-го августа въ семидесяти верстахъ отъ Царицына. Наконецъ еще болѣе пріятная вѣсть заключалась въ томъ что донской полковникъ Василій Манковъ 18-го августа съ своимъ полкомъ былъ въ виду пугачевской толпы, изъ которой и прислалъ въ Царицынѣ пѣшкы. Шагъ за шагомъ слѣдилъ Манковъ за Пугачевымъ, посылалъ „языковъ“ Цыплетеву и свидѣтельствовалъ что матежники идутъ не на донскія жительство, а прямо къ Царицыну. Неизбѣжность столкновенія подъ Царицыномъ была очевидна; но и шансы на успѣшное отраженіе бунтовщической толпы ежечасно увеличивались. 20-го августа къ крѣпости подошли казачьи полки Федора Кутейникова, Василия Грекова, Григорія Поздѣва, Карпа, Михаила и Варлаама Денисовыхъ, и соединились тамъ съ линейнымъ атаманомъ Василиемъ Перфиловымъ. Въ полкахъ Кутейникова и Грекова, бывшихъ въ сраженіи на Проложкѣ 16-го августа, считалось, какъ мы видѣли выше, не болѣе 350 казаковъ. Сколько было въ остальныхъ не знаемъ, но вѣроятно весьма немного. Цыплетевъ говоритъ что полковники собрались сюда „поспѣшая кто только могъ набрать небольшое число людей, не съ полными полками, но еще покуда проѣздъ свободенъ, прибавлялись казаки сами въ ихъ команды.“ По обычаю тогдашняго времени казаки одной станицы (станичники), командированные въ походъ, почти всегда служили вмѣстѣ въ одномъ полку и назывались именовъ своей станицы, такъ напримѣръ, Раздорской — Раздорцы, Кочетовской — Кочетовцы. Полкъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ

такихъ станицъ; въ каждой изъ нихъ было, смотря по населенію самой станицы, отъ двадцати до ста и болѣе казаковъ. Если взять въ соображеніе что вышеназванные донскіе полки на изготовленіе къ походу имѣли всего нѣсколько дней, формировались въ станицахъ изъ которыхъ старослужащіе казаки высланы были въ армию Румянцева, Долгорукова, а также въ Крымъ, на Кавказъ и въ другія мѣста, и наконецъ что, по свидѣтельству Цыплетева, полковники поспѣшили къ Царицыну не ожидая всѣхъ своихъ людей, то слѣдуетъ заключить что едвали каждый полкъ не состоялъ изъ казаковъ двухъ-трехъ станицъ, и едвали во всѣхъ восьми полкахъ было до 900 человекъ. Ближайшія доказательства сему увидимъ ниже, а именно изъ послѣдующаго разказа узнаемъ, что 20-го августа подъ Царицыномъ отрѣзано Пугачевымъ до 400 казаковъ, а 22-го августа Михельсонъ взялъ въ свой отрядъ остальныхъ 452 казаковъ. Итакъ всѣхъ было 852 человекъ или около того. Есть свѣдѣніе что Перфиловъ привелъ съ собою 562 казаковъ „о дву конь“, * но это едвали можетъ имѣть вліяніе на измѣненіе только что исчисленной нами цифры 852 чел., ибо Перфиловъ былъ атаманомъ царицынской линіи и на его обязанности лежало занятіе форпостовъ на линіи.

Въ то время когда донскіе полковники сошлись у Царицына и получили отъ Цыплетева свинець и порохъ, Пугачевъ двинулся изъ Дубовки. Это было 20-го августа. Казачьи полки въ тотъ же день пошли впередъ и остановились верстахъ въ десяти отъ крѣпости, на рѣкѣ Мечетной. Враги сошлись столь близко, что безъ столкновенія обойтись было невозможно. Карлъ Денисовъ, высланный впередъ „съ двусотнымъ числомъ казаками“ наткнулся на шайку мятежниковъ, былъ ею смятъ и опрокинутъ. Полковникъ Федоръ Кутейниковъ, возвращавшійся тогда изъ Царицына къ полкамъ съ другими полковниками, увидалъ погоню за Карломъ Денисовымъ; онъ бросился съ своимъ полкомъ впередъ, и врубился въ массу злодѣевъ, заколовъ набѣжавшаго на него липкаго казака. Три раза мятежники были прогоняемы до своихъ пушекъ, но наконецъ одолѣли. Кутейниковъ получилъ нѣсколько ранъ и схваченъ въ плѣвъ. Погибель Кутейникова имѣла печальныя

* Д. Мордощевъ, *Русск. воевод. дѣятели*, Отд. Зап. 1868 г. августъ, стр. 101.

послѣдствіа. Полкъ его поколебался. Казаки начали роптать, а многіе уходить къ самозванцу. Казаки Крапивинъ и Терентьевъ, служившіе въ полку Грекова за хорунжихъ, преклонили предъ Пугачевымъ „хорунки“ и увлекли многихъ своимъ примѣромъ. Ночь прекратила сраженіе, и казаки отошли къ крѣпости. Полковники явились къ Цыплетеву и объяснили ему о своей неудачѣ, а на слѣдующее утро, 21-го августа письменно донесли ему слѣдующее:

„Сколь нашей усердности вашему высокочелобородію довольно извѣстно, но, къ несчастію общему и къ погашенію славы, ражитою всего войска Донскаго кровію, изъ находящихся при насъ подкомандныхъ нѣкоторые показали такую трусость, что и прочіихъ смѣшавъ мысли нанесли страхъ такой, что мы о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ, изъ находящихся при насъ, еще большая половина и осталась съ нами, но что послѣдуетъ и отъ нихъ, увѣрить никакъ теперь не можно. А за тѣмъ отъ истиннаго нашего сердца Господа Бога просимъ чтобъ Онъ по Своему милосердію подкоманднымъ нашимъ даровалъ прежнюю донскимъ истинную по присягѣ храбрость, въ чемъ на Его всемогущество мы и не безнадежны.“*

Цыплетевъ со старшинами выѣхалъ къ казакамъ и „уговаривалъ стоять подъ пушками и производить дѣло не пропуская случая, чѣмъ успокоились и были при всемъ происхожденіи неотступны, имѣя подъ злодѣйскимъ лагеремъ заставы“.

Обнадеживъ казаковъ, войска и жителей, и получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи Пугачева къ городу, Цыплетевъ приказалъ зажечь форштадтъ, на которомъ стояли и соляные магазины.

Исходъ сраженія на рѣкѣ Мечетвой сильно обрадовалъ Пугачева. Встрѣченные имъ Донцы поколебались, и часть ихъ перешла въ его толпы. Двадцатилѣтній Крапивинъ былъ осыпанъ его милостями. Пугачевъ собственноручно надѣлъ на него серебряную медаль на пестрой лентѣ: далъ 20 руб. денегъ, произвелъ въ полковники и назначилъ командиромъ всѣхъ донскихъ казаковъ, назвавъ ихъ Донскимъ полкомъ. Схваченные послѣ разбитія Пугачева Крапивинъ и Терентьевъ показали „что они и сотъ до четырехъ казаковъ,

* По рапортамъ атамана Перфилова видно, что казаки Кутейликова и Грекова почти всѣ бѣжали 21-го августа. (Щебальскій, стр. 118.)

при сраженіи у Царицына, въ злодѣйскую толпу отрѣзаны, и на ночлегъ, по приказанію его (Пугачева), стали съ тѣми казаками къ лагерю его злодѣйскому ближе, но въ ту же ночь нѣсколько человекъ изъ нихъ бѣжали обратно, къ чему и они имѣли намѣреніе, но опасались присмотра яццкихъ казаковъ“.*

Пугачевъ, на вопросахъ, сдѣлалъ два показанія о донскихъ казакахъ къ нему перебѣжавшихъ. Сперва въ Яццкомъ городкѣ (Допр. стр. 35) онъ показалъ: „Встрѣтились со мною донскіе казаки и сдѣлали сраженіе, на которомъ покомоть былъ одинъ донской полковникъ. А какъ пришелъ къ самому Царицыну, то тѣ же донскіе казаки, хотя у самаго города были, но сраженія со мною дать видно не смѣли. Потому началась изъ Царицына стрѣльба, на то самое мѣсто гдѣ стояли донскіе казаки, и всѣхъ оныхъ къ себѣ заворотилъ. Полковники же тѣхъ донскихъ казаковъ всѣ ушли въ городъ. Донцовъ было тогда шесть полковъ. Итакъ я Царицынъ прошелъ мимо. А на первомъ ночлегѣ Донцы всѣ человекъ по человекъ ушли, которыхъ я порядочно присматривать и не велѣлъ.“ Это показаніе дало поводъ утверждать что у Пугачева было *шесть донскихъ полковъ*, что неосновательно. Передалась къ нему меньшая половина, то-есть около 400 человекъ. Перепрошенный въ Симбирскѣ о Донцахъ, онъ далъ слѣдующее показаніе: „О донскихъ казакахъ бывшихъ у него чрезъ одну ночь подъ Царицыномъ объявляетъ, что оные казаки никакого подговору отъ него не имѣли, а во время нападенія отъ него на Царицынъ, оные казаки были отъ крѣпости отрѣзаны, и вида что имъ противиться не можно, сдались ему, злодѣю, но переночевавъ, въ разные часы разѣхались; оставалось только до 200 человекъ, и тѣ во время сраженія перебѣжали всѣ въ соединеніе съ вѣрными войсками. (Допр. стр. 48). По соображенію всѣхъ этихъ показаній и содержанія конфирмаціи Панина о бывшихъ у бунтовщика донскихъ казакахъ, съ достовѣрностью можно сказать, что ихъ передалось Пугачеву не болѣе 400 человекъ. Эта цифра подтверждается еще и письмомъ старшинъ къ

* М. Семюткинъ. По конфирмаціи графа Панина, который упоминаетъ о числѣ 400 казаковъ бывшихъ у Пугачева, Крапивину опредѣлено было „въ память его чинаначальства у злодѣя урѣзать правое ухо“, всѣ же прочіе, какъ же самовольные преступники, прощены.

Цыплетеву, гдѣ они говорятъ что у нихъ осталась большая половина людей, а остальные разбѣжались. Если принять что было всѣхъ казаковъ до 900 человекъ, то такъ и выходитъ: 400 перебѣжали, а 452 взяты Михельсономъ въ его отрядъ.

Заручившись полууспѣхомъ съ Донцами, Пугачевъ смѣло подступилъ къ Царицыну. Въ часъ пополудни, 21-го августа, толпы его подошли къ крѣпости и стали поспѣшно переходить линію. На правомъ флангѣ „строился конный фронтъ, тысячахъ въ шести или болѣе“, а лѣвѣе стала пѣхота „превеликими толпами“. Для бомбардированія крѣпости поставлено шесть батарей, въ томъ числѣ одна изъ 12-ти орудій. Пугачевъ открылъ огонь по крѣпости. На его батареяхъ дѣйствовали опытные артиллеристы-фузелеры, захваченные въ Саратовѣ. Съ крѣпостныхъ верховъ отвѣчали немедленно, и канонада сдѣлалась общеою. Отъ удачныхъ выстрѣловъ изъ крѣпости фронтъ мятежниковъ „разорвался, подаваясь за линію всю половину крѣпости обнять, въ кое время отрядъ отъ господина Багратиона малороссійскихъ казаковъ въ стѣ человекъ, московскаго легіона при ротмистрѣ Степанѣ Савельевѣ, несмотря на опасность, прибылъ въ крѣпость, а Багратионъ съ Ростовскимъ карабинернымъ полкомъ и съ казаками отсталъ“. Прибытіе столь давно ожидаемой помощи дало совершенно иной оборотъ дѣлу. Казаки, собранные подъ Царицынымъ, стали нападать на мятежниковъ въ одиночку и отрядами, хватая плѣнныхъ; полковники показывали собою примѣръ храбрости, Варлаамъ Денисовъ самъ отбилъ значекъ. Пугачевъ увидѣлъ что путь на Донъ прегражденъ окончательно. До седьмого часа вечера продолжалась канонада. Огромныя толпы мятежниковъ, сновавшія предъ крѣпостью повесили значительный уронъ; Царицынская артиллерія, управляемая майоромъ Харитоновымъ, удачно дѣйствовала изъ 12 и 6 фунтовыхъ пушекъ и трехъ пудовыхъ мортиръ; у Пугачева былъ взорванъ зарядный ящикъ и сбита батарея. Не успѣвъ удержаться на высотахъ, мятежники стали было спускаться на плоскость къ Волгѣ, но не допущены до этого артиллерійскимъ огнемъ и атаками казаковъ.

Въ семь часовъ толпы Пугачева потянулись внизъ по Волгѣ за горами. На высотахъ оставались лишь пикеты. Посланные впередъ казаки привезли обстоятельное свѣдѣніе что мятежники тянутся внизъ отъ города. Михельсонъ въ своемъ рапортѣ графу Панину, отъ 22-го августа, говорилъ,

что „симъ случаемъ не оставилъ пользоваться здѣшній комендантъ и доброжелательные старшины съ ихъ казаками, которые напавъ на злодѣйскія оставшія партіи и обозъ оныхъ отбили и плѣнили“.

Всю ночь ждали въ Царицынѣ новаго нападенія, но кромѣ отдѣльныхъ мятежниковъ, захватываемыхъ казаками, уже не было враговъ въ окрестностяхъ Царицына.

Когда шла канонада изъ крѣпости, завязалось дѣло и на самой Волгѣ. Нѣсколько судовъ, наполненныхъ мятежниками и плѣнными, спускались по рѣкѣ. Въ числѣ судовъ два были съ деньгами.

Злодѣевъ было до тысячи человекъ при двухъ пушкахъ. Бывъ въ Ахтубинскомъ шелковомъ заводѣ, мятежники взбунтовали тамошнихъ рабочихъ и смѣло попали къ Царицыну. Майоры Титовъ и Шыпулинъ, завидя суда, задумали взять ихъ. По ихъ приказанію, выставленная Цыплетевымъ брандтвахта остановила мятежниковъ. Завязалось сраженіе, которое продолжалось 21 и 22-го августа. Внизъ не пропущено ни одного судна, но нѣкоторые успѣли бѣжать вверхъ; многіе мятежники сдавались сами. Между бѣжавшими здѣсь отъ мятежниковъ находился первой полевой команды, разбитой на Пролеткѣ, прапорщикъ Лаптевъ, 12 солдатъ и шесть дворянскихъ дѣвицъ „пущенныхъ сиротствовать по погубленіи отцовъ и матерей“. Въ числѣ дѣвицъ находились три дочери и племянница бывшаго саратовскаго коменданта Юнгера (предвѣстникъ Бошняка).

Пугачевская канонада не нанесла крѣпости никакого вреда, убитыхъ и раненыхъ не было ни на сухомъ пути, ни на водѣ. Многіе снаряды перелетали городъ и падали въ Волгу; нѣкоторые зажигали строения, но команда майора Шапкина, исключительно назначенная для тушенія пожаровъ, не давала домамъ разгораться, а немедленно тушила огонь. Вся потеря гарнизона состояла въ томъ что „на одной батарее взорвало трехфунтовыхъ зарядовъ десять, въ копярмусъ пудъ пороху и никого не повредило, а на другой съ двадцать четвертаго выстрѣла разорвало пушку, опалило и ранило бомбардира“.

Итакъ Царицынъ отстоялъ, и не только безъ потерь, что было, разумѣется, совершенною случайностью, но нанесла значительный вредъ Пугачеву, у котораго убито, захвачено въ плѣнъ и бѣжало до двухъ тысячъ человекъ. Говоря о защитѣ

Царицына, Михельсонъ честь его обороны прямо приписываетъ Цыплетеву. Пугачевъ, говорилъ онъ, „вчерашняго числа подступилъ къ Царицыну, гдѣ было набрано съ линіи и Дону немалое число донскихъ казаковъ, изъ коихъ нѣкоторые дѣлали долгъ свой, а многіе передались въ злодѣйскую толпу, однако храбростію здѣшняго коменданта, господина полковника Цыплетева, отъ городу былъ удержанъ съ урономъ.“ О Бошнякѣ, котораго Пушкинъ сдѣлалъ защитникомъ Царицына, не говорится ни слова ни Цыплетевымъ, распоряжавшимся защитой города и крѣпости, ни Михельсономъ. Да и что могъ сдѣлать Бошнякъ со своими 35 солдатами? Безъ сомнѣнія, онъ оставался въ Царицынѣ частнымъ человекомъ, а иначе Цыплетевъ непременно упомянулъ бы о немъ, какъ упомянулъ о капитанѣ Елчина и майорѣ Семанжѣ, прибывшихъ изъ Саратова съ Ладыженскими. Да сверхъ того, Бошнякъ былъ не такого характера чтобы самому не заявить о своихъ подвигахъ, а онъ этого не сдѣлалъ.

Въ числѣ отличившихся Цыплетевъ выставляетъ: майора Харитоновова, начальствовавшего артиллеріей, майора Семанжа, капитана Елчина, подпоручика Ильина, штыкъ-юнкеровъ Ушакова и Харкова, — всѣ они были при артиллеріи; майора Бутыркина, лейтенанта Григорія Колпенскаго, отставна капитана Свербѣева, майора Куткина, инженеръ-поручика Муханова, трудившихся при постройкѣ укрѣпленій; воеводскаго товарища майора Фатьянова, командировъ гарнизонныхъ баталіоновъ: князя Андроникова и Анненкова, майоровъ Тимашева, Титова и Шипулина, бургомистра Кашева, ратмана Сыроматникова и многихъ другихъ, а равно всѣхъ донскихъ полковниковъ.

Если оборону Царицына нельзя представить блестящимъ военнымъ подвигомъ, то во всякомъ случаѣ она громко свидѣтельствуешь о дѣятельности, находчивости и способности коменданта, полковника Цыплетева. Еще за годъ почти начавъ свои приготовленія къ встрѣчѣ врага, онъ предусмотрѣлъ и предвидѣлъ все. Укрѣпленія поправлены, артиллерія приведена въ удовлетворительное состояніе, каждому указаны мѣста для дѣйствій, жители вооружены и приохочены заранее къ защитѣ, день и ночь стоятъ на крѣпостныхъ стѣнахъ. Начались въ городѣ пожары, у Цыплетева явилась заранее сформированная пожарная команда подъ начальствомъ майора Шапкина; показались на Волгѣ суда съ мятежниками,

ихъ останавливаетъ выставленная брадхвахта, а гарнизонные майоры Титовъ и Шипулинъ задумываютъ овладѣть судами и завязываютъ съ ними бой. Вездѣ видна такая стройность распоряженій, такая увѣренность въ каждомъ, что нельзя не отдать справедливаго уваженія тому лицу которое все это сдѣлало, то-есть Ивану Еремеевичу Цыплетеву. Наконецъ, Царицынъ былъ первымъ городомъ на правомъ берегу Волги отразившимъ самозванца. Казалось бы, Цыплетева осыпать наградами, въ то время столь богатое быстрыми повышеніемъ людей оказавшихъ хотя какую-либо энергію, но этого не случилось. Цыплетевъ честно исполнилъ свой долгъ, но этого было мало: онъ не угодилъ графу Петру Ивановичу Панину. Репортъ свой объ отбитіи Пугачева Цыплетевъ адресовалъ не Панину, а императрицѣ; главнокомандующему же представилъ копію своего всеподданнѣйшаго донесенія. Хотя Панинъ въ дѣлѣ обороны нижней Волги не могъ что бы то ни было приписать себѣ, ибо не сдѣлалъ о томъ никакихъ распоряженій, но онъ любилъ доносить императрицѣ объ успѣхахъ „вѣрныхъ ему войскъ“, а Цыплетевъ отнял у него этого удовольствіе, и еще въ дѣлѣ о которомъ Панинъ могъ написать напыщенное донесеніе. Панинъ разгнѣвался на Цыплетева, какъ смѣлъ тотъ донести мимо его въ Петербургъ, и написалъ ему, 4-го сентября 1774 года, ироническій ордеръ.

Въ этомъ ордерѣ было написано что такъ какъ онъ, Цыплетевъ, сдѣлалъ увѣдомленіе чрезъ Москву и въ Петербургъ о храброй оборонѣ вѣрной ему крѣпости, ознаменовавъ „подробнаго почти о каждомъ подчиненномъ и особенно о себѣ толкаго мужества и неутомимости въ трудахъ“, то и долженъ ожидать за то воздаянія изъ С.-Петербурга, а какъ императрицею поручено ему все до бунта касающагося, то онъ объявляетъ какъ ему, такъ и его подчиненнымъ свою благодарность за то „что не послѣдовали примѣру презрительнаго малодушія и не допустили крѣпость свою похитить безъ сопротивленія“. Чрезъ два дня послѣ того, 6-го сентября, за отбитіе отъ крѣпости пугачевской шайки, Панинъ *сталъ воиннымъ и гражданскимъ чиновъ повысилъ чиновъ, а простолудинамъ выдалъ по рублю.* Къ чести Цыплетева слѣдуетъ отвѣсти что онъ не считъ полезнымъ объяснять свой поступокъ и просить извиненія у надменнаго главнокомандующаго, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ № 26.429, изъ коего мы

почерпнули большую часть данныхъ для настоящей статьи, и въ какихъ писемъ Цыплетева къ Панину, ни представленій послѣднѣяго о награжденіи царицынскаго коменданта. Въ послѣдствіи императрица пожаловала Цыплетева бригадирскимъ чиномъ и большими землями въ нынѣшнемъ Борисоглабскомъ уѣздѣ и еще, кажется, около Царицына.

Отступленіе Пугачева отъ Царицына произошло не только отъ встрѣченнаго имъ сопротивленія крѣпости, но и отъ тревожныхъ извѣстій полученныхъ имъ со всѣхъ сторонъ. Партія его отправленная на Донъ потерѣла совершенное пораженіе; донскіе полки бывшіеся съ нимъ въ открытомъ полѣ только частью перешли на его сторону, и то перебѣжчиками были одни лишь простые казаки; князь Багратіонъ шелъ къ Царицыну, куда уже и вступилъ передовой его отрядъ ротмистра Савельева; сзади, всего въ одномъ лишь переходѣ, спѣшилъ Михельсонъ. Оставаться долго подъ Царицыномъ становилось крайне опаснымъ. Можно было попасть между нѣсколькихъ огней и, вѣроятно, это опасеніе было не послѣднею причиною того что Пугачевъ потанулса 21-го августа внизъ отъ Царицына.

Михельсонъ шелъ по пятамъ его. 21-го пришелъ онъ въ Дубовку, гдѣ захватилъ до 40 человекъ отставшихъ мятежниковъ, и 22-го августа вечеромъ прибылъ въ Царицынъ, вставъ еще драку на Волгѣ съ мятежническими судами. Оставя въ Царицынѣ своихъ больныхъ и взявъ съ собою 98 малороссійскихъ казаковъ ротмистра Савельева, прибывшихъ изъ отряда князя Багратіона, и „всѣхъ найденныхъ здѣсь Донскаго войска старшинъ и казаковъ“, въ числѣ 452 человекъ, послѣ полуночи выступилъ изъ Царицына. Цыплетевъ пишетъ что къ Донцамъ присоединилось охотою нѣсколько волжскихъ казаковъ, самъ же Михельсонъ объ этомъ умалчиваетъ.

Черезъ три дня состоялась послѣдняя битва съ Пугачевымъ, во ста верстахъ отъ Царицына, близъ Сальникова завода. Сраженіе было рѣшительное; Пугачевъ разбитъ на голову и съ горстью приверженцевъ, преимущественно яцкихъ казаковъ, успѣлъ спастись за Волгу.

Объ этомъ сраженіи, какъ и вообще о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, до сихъ поръ не опубликовано точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Для уясненія дѣла мы сведемъ всѣ имѣющіяся у насъ данныя въ одно цѣлое.

Въ печати существуютъ три повѣствованія о сраженіи 25-го августа: первое принадлежитъ Пушкину, второе самому Пугачеву и третье г. Семяткину. Выпишемъ ихъ всѣ.

Разказъ Пушкина. „Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ 25-го на разсвѣтъ онъ настигнулъ Пугачева во ста пяти верстахъ отъ Царицына.

„Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противъ мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собой своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противъ донскихъ и чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда.

„Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, бросая пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь чрезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до 4.000 убитыми и до 7.000 взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ 70-ти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска, на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули.“ (*Соч. Пушкина*, изд. Исакова, т. XI, стр. 106).

Показанія Пугачева. „Отойдя отъ Царицына верстъ 60, напалъ на меня сзади какой-то начальникъ съ великимъ корпусомъ, и на утренней зарѣ было сраженіе, на которомъ я былъ разбитъ, потерялъ почти всѣхъ людей, пушки, двухъ малолѣтнихъ дочерей и весь ограбленный мною во многихъ мѣстахъ багажъ. Я съ лицкими казаками и нѣсколькими крестьянами, съ женою и съ большимъ сыномъ бѣжалъ къ Волгѣ, и въ торопливости многіе вплавь, а я съ женою въ лодкѣ, пріѣхали на островъ. А какъ съ онаго еще надо плыть, то Перфильевъ, не знаю для чего, остался, и съ нимъ нѣсколько толпы моей людей. Переѣхавъ съ острова на луговую сторону Волги и отѣхавъ нѣсколько верстъ, ночевали; и послалъ я толпы своей Пустобаева съ однимъ казакомъ искать потерянной имъ одежды, а между тѣмъ думать, найду-де я Перфильева. А какъ онъ повхалъ, то ко мнѣ

уже не былъ, а я съ казаками, коихъ тутъ было 164, поѣхалъ въ степь.“ (Допросы, стр. 35).

Разказъ М. Святкина, „24-го августа, вечеромъ, весь корпусъ поступившій подъ начальство Михельсона близко подошелъ къ неприятелю остановившемуся на берегу Волги у Сальникова завода, подлѣ дороги идущей въ Черный-Яръ. Опытный полководецъ ночью успѣлъ обойти съ войскомъ безопаснаго и неготоваго къ бою врага, не бывъ имъ даже замѣченъ. Михельсонъ занялъ выгодную позицію противъ Пугачева, возлѣ моста, черезъ который должны были переходить бунтовщики, и тамъ выстроилъ свои батареи и войско. На обоихъ крыльяхъ его расположена была конница такимъ образомъ: на правомъ донской полкъ Перфилова съ Чугуевскимъ полкомъ, которымъ командовалъ Меллинъ, на лѣвомъ кавалерія Муфеля и донскіе полки: Манкова, Поздѣва, Грекова, Попова, Карна, Варлама и Михаила Денисовыхъ. 25-го августа, утромъ, чуть только блеснула заря, Михельсонъ открылъ сильную канонаду по неприятелю. Встревоженный внезапнымъ нападеніемъ и не приготовясь хорошо къ оборонѣ, Пугачевъ напрасно старался противопоставить свои батареи противнику; выстроенныя наскоро, орудія его не могли хорошо дѣйствовать, и вскорѣ, подбитыя мѣткими выстрѣлами, принуждены замолчать. Видя неудачу въ этомъ и желая сохранить награбленныя сокровища, Пугачевъ наскоро сформировалъ изъ своей пѣхоты два каре, въ средину которыхъ поставилъ обозъ, и велѣлъ двинуться имъ тотчасъ же на фланки, а самъ съ конницею въ то же время устремился прямо на центръ, съ намѣреніемъ прорвать пѣхоту Михельсона. Однакожь и это наступательное движеніе не имѣло никакого успѣха. Едва только конница Пугачева опередила пѣхоту, какъ всѣ казачьи полки разомъ ринулись на послѣднюю съ неимоверною быстротою: мгновенно фасы каре были разорваны, и вся пѣхота такъ скоро уничтожена Донцами, что пѣхота съ нашей стороны не имѣла уже здѣсь никакого дѣла. Оставалась только одна конница самозванца, уже разстроенная баталярнымъ огнемъ Михельсона. Быстро перебѣдя съ нею черезъ мостъ подъ пушечными выстрѣлами, Пугачевъ вдругъ остановился, сталъ удерживать бѣгущихъ и оказалъ здѣсь отчаянное сопротивленіе двинувшимся на него войскамъ; но храбрость Донцовъ и здѣсь восторжествовала надъ злодѣемъ. Послѣ четырехъ-

часоваго кровопролитнаго сраженія, онъ былъ разбитъ, преслѣдуемъ Донцами болѣе сорока верстъ по берегу Волги, и едва могъ спастись съ нѣсколькими десятками своихъ послѣдователей скорою переправой на другой берегъ въ рыбацкихъ лодкахъ.*

Послѣдній разказъ богаче прочихъ подробностями, почему мы и привели его, хотя, въ сущности, никакъ нельзя допустить чтобы ходъ сраженія былъ таковъ какимъ его описываетъ г. Сенюткинъ. Непонятно почему не было никакихъ препятствій для казаковъ стремительно обрушиться на пѣшихъ мятежниковъ, и почему въ то же время конница Пугачева не иначе могла напасть на Михельсона какъ пройдя чрезъ мостъ. Вообще же разказы Пушкина и Сенюткина мало отличаются отъ показаній Пугачева въ мелкихъ подробностяхъ, но совершенно противорѣчатъ ему въ томъ гдѣ и какъ былъ атакованъ Пугачевъ.

По словамъ Пугачева, бѣжавшаго внизъ по Волгѣ отъ Царицына къ Черному Яру, онъ былъ атакованъ сзади, то-есть со стороны Царицына, въ 60-ти верстахъ разстоянія отъ этого города. По увѣреніямъ Пушкина и Сенюткина, Михельсонъ обошелъ Пугачева и атаковалъ его со стороны Чернаго-Яра. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ *Истории Пугачевского бунта*, Браневскій написалъ на нее рецензію, и въ ней между прочимъ замѣтилъ что описаніе сраженія 25-го августа составляетъ несообразность.

Согласно этому описанію, сраженіе началось въ 105-ти верстахъ отъ Царицына, и Пугачевъ переправился черезъ Волгу выше Чернаго-Яра въ 70-ти верстахъ, слѣдовательно въ 175-ти верстахъ отъ Царицына, а этого быть не могло, такъ какъ Черный Яръ отъ Царицына отстоитъ, внизъ по Волгѣ, всего на 155 верстъ, то-есть 175-я верста, мѣсто переправы, должна быть ниже, а не выше Чернаго-Яра.

Пушкинъ въ запальчивомъ и неосновательномъ своемъ отвѣтѣ, объяснилъ что Михельсонъ, обойдя Пугачева, атаковалъ его со стороны Чернаго Яра и, разбивъ, погналъ къ Царицыну. У Пушкина, на сколько намъ извѣстно, не было надлежащихъ документовъ объ этомъ періодѣ Пугачевщины, и онъ писалъ, вѣроятно, съ чьихъ-либо словъ, а потому невольно впалъ въ ошибку. Г. Сенюткинъ не указываетъ источ-

* *Современникъ*, т. XLVI, стр. 119.

ника изъ коего онъ почерпнулъ свѣдѣнiе объ обходѣ Михельсономъ Пугачева, и есть полная вѣроятность предполагать что онъ заимствовалъ это у Пушкина. Стоить только нѣсколько внимательнѣе взглянуть въ дѣло, и тогда нельзя не согласиться съ показанiемъ Пугачева о томъ что онъ атакованъ былъ сзади, со стороны Царицына. Михельсонъ очень хорошо понималъ всю трудность ночнаго обхода лагера мятежниковъ; онъ, по собственному своему опыту, гоняся нѣсколько мѣсяцевъ за самозванцемъ, зналъ что суть не въ обходахъ, а въ томъ чтобы не спугнуть мятежниковъ и не дать имъ уйти.

Въ этихъ соображенiяхъ онъ не могъ предпринимать обхода, и дѣйствительно его не дѣлалъ.

Доказательствомъ сего служатъ два его рапорта графу Панину: первый — отъ 25-го августа *въ степи, въ ста верстахъ отъ Царицына* (то-есть въ 55-ти верстахъ отъ Чернаго-Яра), второй — отъ 30-го августа *въ степи, въ 25-ти верстахъ отъ Чернаго Яра*. Слѣдовательно, разбивъ Пугачева, Михельсонъ подвинулся за бѣгущимъ непріателемъ и подошелъ ближе къ Черному Яру. Засимъ кажется совершенно ясно что Пугачевъ былъ атакованъ дѣйствительно сзади и погнанъ не къ Царицыну, а къ Черному Яру, то-есть Пугачевъ и Браневскiй правы, а Пушкинъ сдѣлалъ ошибку, повторенную потомъ всѣми писавшими о Пугачевщинѣ.

Оба вышепоказанные рапорта находятся въ дѣлѣ № 26.429. Копiя перваго доставлена намъ любезностью академика Я. К. Грота, а изъ послѣдняго мы имѣемъ выпускъ. Приводимъ эти документы въ томъ видѣ въ которомъ они у насъ имѣются.

Донесенiе 25-го августа, въ степи, въ ста верстахъ отъ Царицына. „Повелѣнiе вашего сiятельства отчасти, помощiю Божiю, имѣлъ счастье исполнить; злодѣя Пугачева сего числа на разсвѣтѣ атаковалъ и съ небольшимъ урономъ съ нашей стороны, о коемъ за невозвратомъ всѣхъ командъ точно донести не могу, совершенно разбилъ: всѣ пушки, числомъ девятнадцать, единороговъ четыре, мортирь пудовую одну и весь обозъ отнялъ; на мѣстѣ побитыхъ болѣе двухъ тысячъ, живыхъ взято тысячъ шесть, въ числѣ коихъ вся саратовская и оставшаяся (часть?) людей полевой команды *. Обо всѣхъ

* Надъ саратовскою артиллерiйскою командою, Панинъ „приказалъ произвести скорѣйшительный форгеръ и кригорехтъ генералъ-

прочихъ обстоятельствахъ, отправленный съ симъ майору Дуве, коего осмѣливаюсь какъ храбраго штабъ-офицера препоручить въ милость вашего сіятельства, словесно донести можетъ; злодѣй съ малымъ числомъ бѣжить, вся моя конница онаго преслѣдуетъ, о чемъ вашему сіятельству покорнѣйше донося, не замедлю представить обстоятельный рапортъ.“ Подписано: полковникъ Иванъ Михельсонъ.

Выписка изъ донесенія 29-го августа 1774 года, въ степи, въ 25-ти верстахъ отъ Чернаго Яра. На маршѣ своемъ онъ получилъ отъ передовой своей команды донесеніе, что въ верстахъ десяти видна злодѣйская партія, остановившаяся за буеракомъ. „Съ полчаса спустя стали показываться великіе огни“, изъ чего заключая, что тамъ вся толпа злодѣевъ, онъ вознамѣрился на разсвѣтѣ на нее напасть, а чтобъ они не узнали гдѣ онъ остановился, запретилъ раскладывать огни. Измѣнники, узнавъ о его приближеніи, построились къ бою и его ожидали, намѣреваясь ночью напасть на него, но за незнаніемъ мѣста его расположенія, сіе оставили. На зарѣ, ставъ на пушечный выстрѣлъ отъ злодѣевъ уже приготовившихся къ оборонѣ, и замѣтя ихъ намѣреніе его окружить, онъ раздѣлился на три колонны. Тутъ упоминая о своемъ ордерѣ-де-баталіи, онъ продолжаетъ, что, несмотря на пушечную съ ихъ стороны пальбу, конница была опрокинута и побѣжала, несмотря на дѣйствія пѣхоты и саратовской артиллерійской команды, отлично старавшейся вредить ему. Несмотря на всѣ усилія Пугачева, онъ былъ опрокинутъ, прогнанъ на задъ его обоза, гдѣ толпа, рассыпавшись, кинулась въ буераки и займища возлѣ Волги, самъ же злодѣй побѣжалъ нагорною стороною, и переправляясь черезъ сію рѣку въ пяти найденныхъ лодкахъ съ ближними своими, попалъ на островъ, съ коего и переплылъ вплавь на другой берегъ. Слѣдствіемъ сего сраженія была совершенная побѣда; побито до двухъ тысячъ человекъ, между коими четыре первыхъ злодѣйскихъ сообщника, взято въ плѣнъ болѣе восьми тысячъ, между коими двѣ маленькихъ дѣвки, „Пуга-

майору Мансурову“. По сентенціи военнаго суда, сержанты и прочіе нижніе чины, въ числѣ 308 человекъ, приговорены были къ смертной казни повѣшеніемъ, но какъ главная причина ихъ измѣны произошла отъ бывшихъ при нихъ офицеровъ, то Панинъ и предлагалъ повѣсить нѣсколькихъ по жребію, а остальныхъ прогнать шпиль-рутенюжъ. Не знаемъ чѣмъ кончилось это дѣло.

чева дочери, мать же ихъ съ лучшимъ богатствомъ за нѣсколько часовъ предъ сраженіемъ, будучи отправлена впередъ, скрылась или успѣла ускокаться“. Орудій взято 24; освобождено дворянъ 41, дворянскихъ дѣвицъ 14. Въ заключеніе онъ представляетъ въ милостивое вниманіе графа весь свой деташементъ, излагая заслуги каждаго. Между злодѣями пойманы: знаменитый злодѣй Тарковъ, маіоръ Салмановъ и сержантъ Абузовъ.

По словамъ г. Сенюткина, на долю Донцовъ, бывшихъ въ сраженіи 25-го августа, пришлось 18 пудовъ серебряной посуды, много денегъ и лисьихъ мѣховъ, суконъ и матерій парчевыхъ и шелковыхъ, 527 лошадей и 64 вола; еще болѣе досталось на долю солдаты Михельсона.

Д. АНУЧИНЪ.

(До слѣд. №.)

ВОСПОМИНАНІЯ О БАВБАЗѢ И ГРУЗІИ*

VIII.

Утренняя заря не показалась еще на горизонтѣ, когда ударили подъемъ 7-го сентября. Тяжелая минута вставать до разсвѣта подъ полотнянымъ навѣсомъ палатки. Свѣжо, не хочется покинуть теплую постель, а спать невозможно: барабанъ безъ умолку стучитъ надъ самымъ ухомъ. Полы палатки откидываются, холодный утренній вѣтеръ проникаетъ подъ одѣяло, жмешься и тоскливо глядишь на картину вялаго пробужденія лагеря. Солдаты вытѣзаютъ изъ тѣсныхъ палатокъ, или начинаютъ подыматься съ росистой травы, если стояли бивакомъ, обтряхиваютъ шинели, обвиваютъ портянками босую ногу, натягиваютъ сапоги, потомъ надѣваютъ подсумки и застегиваютъ ранцы. Все это, потягиваясь, зѣвая, и съ легкою побранкой на раннее время, на холодъ, на климатъ вообще, а случается, и на начальство. Кое-гдѣ, надъ догорающимъ костромъ, деньщикъ или казакъ, присѣвъ на корточки, наблюдаетъ за чайникомъ, въ которомъ кипитъ вода для господскаго чаю. Лошади ржутъ и нетерпѣливо бьютъ копытомъ въ ожиданіи утренней дачи. А барабанщикъ все продолжаетъ обрабатывать туго натянутую телачью кожу. Входитъ деньщикъ, въ одной рукѣ кувшинъ холодной воды, въ другой стаканъ горячаго чаю. Вскочить

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1, 2 и 3.

на ноги, ополоснуться, одѣться, перекинуть пашку чрезъ плечо и сѣсть предъ палаткой съ чаемъ и трубкой не требуется болѣе пяти минутъ. Тѣмъ временемъ укладываютъ вещи, снимаютъ палатку и выючатъ лошадей; говоръ и суета возрастаютъ съ каждою минутой. „Ну, шевелись, ребята!“ кричитъ унтеръ-офицеръ, „живо разбирай ружья; ранній походъ, будетъ работа, такое ужъ заведеніе у начальства. Чай и Чеченца барабанъ разбудилъ. Окаянный притаился за кустомъ, да и ждетъ!“ Кавалерія сѣдлаетъ лошадей, орудія припрягаютъ. Сидишь, смотришь на все это движеніе полусонными глазами, глотаешь горячій чай и пускаешь на воздухъ клубы синяго дыма. Въ подобную минуту человѣкъ менѣе всего занятъ размышленіемъ, если на немъ не лежитъ какая-нибудь особенная служебная обязанность; да и ту онъ исполняетъ машинально, по принятой привычкѣ. Нужны солнечный лучъ или сильный толчокъ со стороны чтобы разбудить въ немъ усыпленные душевныя силы. Баронъ Григорій Владиміровичъ въ фуражкѣ безъ козырька, шинель въ рукава, садится на свои походныя кресла и заботливымъ глазомъ начинаетъ слѣдить за уборкой лагеря. Вольховскій, въ калмыцкомъ ергахѣ, хлопочетъ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, подзываетъ полковыхъ командировъ, спрашиваетъ лазутчиковъ, подписываетъ бумага на спинѣ казака, подставленной вмѣсто пюпитра. Помню какъ онъ морилъ и меня, приказывая будить ночью, и въ своей палаткѣ, безъ огня, спрашивая по получасу о дорогѣ, о количествѣ запаснаго провіанта, патроновъ и снарядовъ, и какъ укорялъ когда я не былъ въ состояніи положительнымъ образомъ отвѣчать на каждый вопросъ. Дѣло офицера генеральнаго штаба, говорилъ онъ въ такомъ случаѣ, заботиться обо всемъ, знать все что касается до состава войскъ и до снабженія припасами всякаго рода; для этого ему открыта канцелярія и предоставлено право спрашивать проводниковъ и получать свѣдѣнія отъ начальниковъ частей.

Позже начинаютъ составляться офицерскіе кружки для распиванія чаю, съ приправою толковъ о томъ куда идти и чего можно ожидать отъ наступающаго похода. У кого деньщикъ опоздалъ его заварить или не достало припасовъ, идетъ къ товарищамъ. Русскіе офицеры живутъ дружно, все дѣлятъ пополамъ: и табакъ, и вино, и чай, и сахаръ. Приходи только за табакомъ съ своею трубкой,—въ то время

не знали папиросокъ, — а къ чаю со своимъ стаканомъ и собственнымъ кипяткомъ; время предъ выступленіемъ дорогого, а мѣдныя походные чайники обыкновенно очень малы. Въ этотъ разъ мнѣ не удалось долго предаваться предразсвѣтному безмыслію, ни толкамъ и распиванію чаю въ компаніи товарищей. Вельяминовъ приказалъ мнѣ идти въ головѣ колонны съ проводниками, которые должны были вести насъ чрезъ Маюртунскій лѣсъ, по дорогѣ къ Бѣаготю. Ударилъ подъемъ, отрядъ началъ строиться, со всѣхъ сторонъ стали стягиваться батальоны, артиллерія вѣхала въ свои мѣста, застрѣльщики вышли впередъ и растянулись длинною нитью по обѣ стороны густой массы войскъ. Въ это время показалась заря, и скоро послѣ того солнце заиграло яркими лучами на штыкахъ солдатскихъ ружей. Предъ нами чернѣлся Маюртунскій боръ. Встрѣтимъ ли мы тамъ непріятеля и въ какомъ числѣ, никому не могло быть извѣстно. Лѣсную опушку заняли обыкновеннымъ порядкомъ, обстрѣлявъ ее сперва картечью. Чеченцы ни однимъ выстрѣломъ не отозвались на нашъ огонь. Отрядъ вошелъ безъ сопротивленія въ глубину лѣса, черезъ который змѣилась арбяная колея, пробиваясь сквозь кустарникъ и тѣсный лабиринтъ вѣковыхъ гигантовъ, на каждомъ шагу загораживавшихъ дорогу своими нависшими сучьями. Глубокая тишина нарушалась только шелестомъ листьевъ отъ застрѣльчиковъ пробиравшихся сквозь чащу и изрѣдкабрякнувшимъ ружьемъ. Версты двѣ отъ входа въ лѣсъ лежало поперекъ дороги дерево огромной толщины. Чеченцы, прикрываясь имъ, встрѣтили убійственнымъ залпомъ нашихъ передовыхъ застрѣльчиковъ. Резервъ ударилъ въ штыки, авангардная рота поддержала его, непріятель бросилъ засаду, но съ той минуты загорѣлась сильная перестрѣлка. Для провоза артиллеріи и обоза, надо было очистить дорогу отъ баррикады. Саперы, шедшіе въ головѣ колонны, принялись за работу; стукъ топоровъ смѣшался съ перекатами ружейнаго огня. Чеченцы, засѣвшіе на деревьяхъ, необычайно мѣтко стрѣляли съ высоты по рабочимъ, которыхъ имъ легко было видѣть; саперъ за саперомъ падали убитые или раненые. Солдата три катались по землѣ въ страшныхъ судорогахъ и ревѣли отъ боли, получивъ самыя мучительныя раны которыя только могутъ поразить человѣка. Саперы бросили топоры и спрятались за деревья. Тогда капитанъ Богдано-

вичъ, схвативъ одинъ изъ брошенныхъ топоровъ, сѣлъ на лежащее дерево и принялся рубить со всего плеча, такъ что только щепки летѣли во всѣ стороны, приговаривая: „если солдатамъ припала охота по-бабьи пробавляться въ холодку, то чтобы не нажить стыда, кому же за нихъ работать какъ не командиру?“ Неглупые солдаты поняли сарказмъ, постыдились своей минутной робости и приступили къ дереву съ удвоеннымъ усиленіемъ. Богдановичъ, чтобы отвлечь мысли работающихъ отъ опасности, совершенно открытый для непріятельскихъ выстрѣловъ, стоялъ на завалѣ, и посвистывая и постукивая каблуками, забавлялъ солдатъ побасенками и прибаутками, которыя онъ мастеръ былъ говорить. Работа уже подходила къ концу, когда Вельяминову удалось пробраться до насъ по тѣсной дорогѣ и привести грузинскихъ милиціонеровъ, которые, разсыпавшись по лѣсу, отогнали Чеченцевъ. Двѣнадцать саперовъ однако успѣли выбыть изъ строя, не считая пѣхотныхъ солдатъ подстрѣленныхъ въ дѣлу. На этомъ дѣло не остановилось въ Маюртунскомъ лѣсу. Около пяти верстъ мы прошли изрѣдка мѣняясь выстрѣлами съ непріателемъ всюду уступавшимъ дорогу, потомъ снова усилилась перестрѣлка съ нашей правой стороною. Принуждены были усилить боковое прикрытіе дѣлымъ баталіономъ, потому что оно набрело на чеченскіе кутаны, то-есть шалаши, въ которыхъ они спрятали въ лѣсу свои стада и семейства. Тутъ дѣло, дошедшее до штыковъ и до шашекъ, кончилось тѣмъ что съ той и съ другой стороны пали десятка два, и наши солдаты успѣли захватить разные стѣстные припасы и кое-какое совершенно бездѣльное тряпье. Въ плѣвъ отдались нѣсколько стариковъ и беззубыхъ старухъ: всѣ Чеченцы и Чеченки обладавшіе здоровыми и молодыми ногами поуходили въ такую чащу, куда бесполезно было за ними гнаться. Предъ захоженіемъ солнца мы вышли на открытое возвышеніе, у подошвы котораго, съ восточной стороны, текла рѣка Гудермесъ, и расположились лагеремъ.

Въ началѣ ночи три пѣхотные баталіона, грузинская милиція и четыре горныя орудія, подъ командой Вольховскаго, были отправлены занять деревню Благотой, отъ которой дорога раздѣлялась, на югъ—въ Дарго, а на востокъ—въ Беной, куда Чеченцы завезли орудія отнятыя у гребенскихъ казаковъ, помогая ихъ въ этомъ мѣстѣ недосягаемыми для

русскихъ войскъ, никогда еще не проникавшихъ такъ далеко въ чеченскія горы. Несмотря на неожиданность этого движенія и на ночное время, непріятель подмѣтилъ его и съ упорствомъ защищалъ переправу черезъ Гудермесь. Когда мы днемъ пошли по слѣдамъ Вольховскаго, вся дорога была усыяна патронами, растерянными нашими солдатами во время ночной перестрѣлки, что ясно доказывало нелѣпость подсумка привѣшеннаго позади спины.

Такъ какъ, на забаву легкомысленнаго человечества, нѣтъ такого серьезнаго, даже драматическаго положенія, которое бы совершенно обошлось безъ комической интермедіи, такъ и на этомъ переходѣ случай, грозившій сначала свергнуть въ нешуточную бѣду всѣми уважаемаго человѣка, потомъ обратился въ сцену возбуждвшаю всеобщій хохотъ. Нашего почтеннаго барона Григорія Владиміровича на волось не столкнулъ въ оврагъ его собственный ординарецъ. Этотъ господинъ состоявшій при немъ, кажется, по поводу родственныхъ связей, отъ природы былъ одаренъ специальнымъ свойствомъ: съ наивностью новорожденнаго дѣлать всевозможныя неловкости. Да и на него самого, какъ шутки на бѣднаго Макара, сыпались самыя забавныя несчастія. Не только въ штабѣ, во всемъ отрядѣ его знали съ этой увеселительной стороны; къ сожалѣнію, однако, его наивныя продѣлки не всегда обходились безъ изъяну для другихъ.

Палатка ли, развалившись, покрывала своего жильца; лошади ли неслась съ подвернувшимся вьюкомъ, разметывая по полю чемоданы, кастрюли, бутылки, или кричали „берегись! жеребчикъ сбиваетъ сѣдока!“ не справляясь говорили: „это новое приключеніе съ N“. Еще въ Тифлисъ, до выступленія въ походъ, разнесся однажды слухъ, будто деньщикъ едва не отравилъ его. Тотчасъ навели справку, и оказалось, что дѣло совершилось безъ всякаго преступнаго намѣренія. Онъ отлично картонировалъ, безпрестанно занимался этимъ искусствомъ, и деньщику только и приходилось что подавать ему потребные для того припасы. N заболѣлъ лихорадкой, и когда онъ спросилъ прописаннаго докторомъ лѣкарства, вѣрный слуга, по неизмѣнной привычкѣ, подалъ ему вмѣсто микстуры полную ложку спиртоваго лака. Другой разъ, вернувшись изъ путешествія, N. долгое время не могъ показаться въ люди, потому что лицо его опухло страшнымъ образомъ—отъ порѣзанныхъ десенъ. Подобную рану нажить,

кажется, не легко; она пришлась ему однако самымъ натуральнымъ способомъ: сидя на почтовой телегѣ, во время ѣзды, онъ вздумалъ чистить зубы перочиннымъ ножомъ.

Въ Галгаевскую экспедицію Н. доставилъ намъ удовольствіе столько же забавнаго, сколько необыкновеннаго зрѣлища, въ которомъ онъ разыгралъ роль не совсемъ завидную для джентельмена; но ему, ради душевной невинности, отпускатись такіе грѣхи, за которые другаго строго бы осудили. Не отыскавъ другаго товарища, онъ помѣстился въ палаткѣ у Гайта-баши, стараго Турка, котораго мы, не знаю право для чего, провели съ его конвоемъ по Галгаевскимъ горамъ. Дней пять этого сожительства обошлись безъ приключенія, хотя доброму мусульманину очень не нравились нѣкоторые свинымъ мясомъ отзывавшіеся походные припасы господина Н.; на шестой день разразилась буря. Корпусный командиръ, со всѣмъ штабомъ, сидѣлъ на холму въ ожиданіи насладиться видомъ солнечнаго восхода въ горахъ. У нашихъ ногъ разстилался рядъ палатокъ, которыя мы готовились покинуть, потому что, какъ помню, это было въ Шуани; между ними выше всѣхъ красовалась зеленая, круглая палатка, вмѣщавшая Гайта-баши съ его товарищемъ. Турокъ творилъ утренній намазъ, до насъ долеталъ монотонный напѣвъ его молитвы. Вдругъ онъ смѣнился яростнымъ вскрикомъ; Н., до нельзя сконфуженный, выскочилъ изъ палатки, и слѣдомъ за нимъ полетѣли чемоданы, кофейникъ, чайникъ, подушка и другія походныя принадлежности, которыя онъ, съ призванными на помощь казакомъ и деньщикомъ, поспѣшно сталъ подбирать. Это требовало поясненія, и мы не долго томились въ неизвѣстности. Н. пошутилъ съ Гайта-баши: пока тотъ молился, онъ его мазнулъ по губамъ колбасой—за что со срамомъ былъ изгнанъ изъ-подъ гостепріимнаго крова зеленой палатки. Корпусный командиръ подозвалъ его, спросилъ какъ было дѣло, сильно побранилъ, и кончилъ свою наставительную рѣчь весьма нелестнымъ заключеніемъ:— „à présent je vois que vous êtes un sot.“ Н. вытаращилъ только глаза, а впрочемъ это начальническое рѣшеніе скользнуло съ него какъ съ гуся вода.

Давно бы перестали помнить эти продѣлки, но Н. не дремалъ; въ Чечнѣ, на первыхъ же порахъ, онъ позаботился напомнить о себѣ. Гдѣ-то на привалѣ Вельяминовъ давалъ завтракъ для корпуснаго командира; вокругъ стола

сидѣли на барабанахъ, и нѣсколько ихъ стояло въ сторонѣ для опоздавшихъ офицеровъ. Когда Н. подъѣхалъ верхомъ къ самому столу, Алексѣй Александровичъ не замедлилъ сдѣлать ему приглашеніе сѣсть и приступить къ закускѣ. Пять минутъ спустя за нашею спиной раздался чрезвычайно громкій, но необычный стукъ барабана. Въ то же время со всѣхъ концовъ кричали: „держи! держи!“ Всѣ оглянулись и — расхохотались: сцена того стоила. Чья-то лошадь мотала барабаномъ висѣвшимъ у нея на поводу, била его объ землю, металась во всѣ стороны, дыбилась, лагала, и чѣмъ болѣе прыгала, тѣмъ сильнѣе гремѣлъ барабанъ и увеличивалъ страхъ бѣднаго животного. Насилу овладѣли ея бѣшенствомъ. „Что за чудное дѣло, чья это лошадь?“ спросилъ Вельяминовъ. „Моя“, отозвался плачевнымъ голосомъ Н. Не отыскавъ кому передать лошадь, имѣя предъ собой соблазнительный завтракъ, онъ привязалъ ее къ одному изъ запасныхъ барабановъ. Нѣсколько минутъ конь простоялъ наклонивъ голову, потомъ попытался ее поднять: барабанъ слегка пристукнулъ; мотнулъ мордой: барабанъ загремѣлъ; тогда онъ поднялся на дыбы, и началась потѣха.

Всѣмъ извѣстный турецкій жеребчикъ, котораго онъ вѣчно лѣчилъ весьма странными симпатическими средствами отъ не существовавшей порчи, не имѣлъ привычки повиноваться удиламъ, а возилъ его по собственному воозрѣнію, куда ему нравилось. Пошлютъ направо, онъ несетъ его, очерта голову, налево. Наканунѣ выступленія, въ одну изъ такихъ скачекъ, онъ сбросилъ съ лошади раненаго въ руку князя Курбека.

Въ послѣднее время Н., въ самую минуту выступленія, уловчился вымѣять у какого-то пѣхотнаго офицера лошадь, складомъ шеи и къ верху задранной головы близко походившую на верблюда. Гордая осанка коня очень понравилась ему, и онъ пересѣлъ на него съ видимымъ удовольствіемъ. Прошло часа два со времени этого счастливаго промѣна; мы подвигались по высокому и узкому гребню, на которомъ двѣ лошади съ трудомъ могли идти рядомъ. Корпусный командиръ имѣлъ возлѣ себя Вельяминова, съ которымъ говорилъ о чемъ-то занимательномъ, поглощавшемъ все его вниманіе. Въ свитѣ сдѣлалась вдругъ тревога. Н. несся на лошади, задравшей голову вертикально къ облакамъ, расто-

каль народъ направо, налѣво, и пролетѣвъ между барономъ Розеномъ и Вельяминовымъ, перваго изъ нихъ задѣлъ съ такою силой, что лошадь его, поскользнувшись, задомъ повисла надъ обрывомъ. Вельяминовъ, схвативъ ее за поводъ, успѣлъ спасти барона отъ рѣшительнаго паденія, которое бы навѣрное не обошлось ему безъ поломанныхъ костей, а можетъ-быть, стоило бы и жизни. Въ десяти шагахъ отъ мѣста происшествія, рыаный конь N. ткнулся мордой въ землю и наиздникъ поневолѣ, описавъ высокую дугу, полетѣлъ ему черезъ голову. Добрый Григорій Владиміровичъ, оправившись отъ неожиданнаго испуга, при видѣ этой сцены не удержался отъ смѣха, и наградилъ его только комплиментомъ: „je vois, je vois, vous avez un nouveau cheval, tout rempli de belles qualités comme vous même“. Горемычная звѣзда, подъ которою родился N., не помѣшала ему однако подвигаться, равняясь со всѣми, на поприщѣ службы, и даже за нашу экспедицію попасть въ гвардію. Бабушка, либо тетушка для него ворожили.

Помѣчая на бумагѣ впечатлѣнія давно прошедшей молодости, по мѣрѣ того какъ они возобновляются въ моей памяти, я не упустилъ разказать и о забавныхъ похожденияхъ господина N., въ доказательство что мы не всегда были заняты одними побоищами и нерѣдко имѣли случаи отвести душу на пустякахъ и посмѣяться, какъ смѣются только въ тѣ годы въ которые человекъ веселитъ каждый вздоръ.

Однако пора возвратиться къ разказу объ Ичкеринской экспедиціи.

На другой сторонѣ рѣки Аксай, черезъ которую слѣдовало идти въ Беной, возвышался крутой, сплошнымъ лѣсомъ покрытый гребень. Тѣсная дорога, заваленная деревьями въ двадцати мѣстахъ, поднималась на высоту, пролегая вдоль ската обращеннаго къ рѣкѣ. Сто шаговъ надъ нею тянулася по горѣ крѣпкій завалъ, сильно занятый неприятелемъ. Когда мы со всѣмъ отрядомъ стали на позицію надъ крутымъ скатомъ къ рѣкѣ, тогда только Вельяминовъ рѣшилъ Вольховскому идти къ переправѣ съ войсками, накануне отдавными въ его распоряженіе. Два легкія орудія, наша единственная полевая артиллерія, открыли огонь по противоположному завалу; Цукаловъ командовалъ ими, самъ командиръ, Э. В. Бриммеръ, направляя выстрѣлы; рѣдкій снарядъ не попадалъ, но это нисколько не смущало

горцевъ; деревья, изъ которыхъ они сплестили себѣ оборону, побѣдоносно выдерживали огонь нашей немногочисленной артиллеріи. Мы видѣли съ нашего берега какъ колонна переправилась чрезъ Аксай, и медленно поднимаясь въ гору, исчезла въ густомъ лѣсу. Эхо непрерывнаго ружейнаго огня разнеслось по горамъ; путь колонны обозначился двумя дымовыми полосами; огни сверкала съ завала внизъ, съ дороги вверхъ. Иногда дымъ, не подвигаясь, начиналъ клубиться на мѣстѣ, сливаясь въ одно облако, сухой, отрывистый звукъ неприятельскихъ винтовокъ покрывалъ шипучую трескотню солдатскихъ ружей; вѣтерокъ переносилъ къ намъ пронзительное гиканье Чеченцевъ, перемежаемое съ русскимъ ура. Тогда Пикаловъ тотчасъ начиналъ посылать ядра въ дымовую глыбу, нашимъ чрезъ голову, и ни одно не ложилось куда не слѣдовало. Артиллеристы Кавказской гренадерской бригады имѣли вѣрный глазъ и знали хорошо свое дѣло. Дымовой клубъ опять разматывался въ двѣ волнистыя ленты, препятствіе было уничтожено, отрядъ подавался впередъ. Не долго неприятель безнаказанно пользовался выгодами своей, казалось, непреодолимой позиціи; скоро обозначилась на горѣ, поверхъ завала, новая полоса дымокъ. Грузинскіе милиціонеры обошли его, и по мѣрѣ того какъ они проникали сквозь чащу, Чеченцы были принуждены уходить. Предъ вечеромъ мы имѣли утѣшеніе видѣть какъ наши войска стали собираться на открытой вершинѣ горы. Лѣсъ былъ пройденъ, успѣхъ предпріятія почти вѣрнъ; вопросъ заключался только въ томъ, найдутся ли орудія въ Беноѣ, и не успеетъ ли неприятель увести ихъ еще дальше въ горы.

Въ этотъ день одно счастье спасло Вольховскаго отъ смерти. Колонна остановилась на половинѣ подъема, ожидая пока расчистятъ два завала, одинъ отъ другаго не далѣе двухсотъ шаговъ. На каждомъ изъ нихъ работали по двѣ роты, стараясь столкнуть подъ гору огромныя колоды, которыми была загромождена дорога. Не обращая вниманія на предостереженіе Богдановича, совѣтовавшаго не идти безъ конвой, онъ пошелъ къ передовому завалу съ однимъ юнкеромъ Шюевымъ, Армяниномъ, находившимся при немъ въ должности безсѣннаго ординарца. Когда онъ удалился шаговъ на двадцать отъ первой баррикады, Богдановичъ, распорядившійся расчисткой, по какому-то необъяснимому побужденію послалъ за нимъ трехъ саперовъ, несмотря на

запрещеніе давать ему провожатыхъ. На половинѣ дороги между двумя завалами, въ виду всѣхъ, около десятка Чеченцевъ неожиданно выскочили изъ кустовъ, мгновенно изрубили саперовъ, которые встрѣтили ихъ штыками, и погнались за начальникомъ штаба. Ни съ какой стороны нельзя было стрѣлять, не рискуя убить самого Вольховскаго; въ время подоспѣть казалось также невозможнымъ; въ нѣскольکو секундъ его могли догнать и изрубить въ куски. Шіоевъ его спасъ. Онъ загородилъ Чеченцамъ дорогу и приложился въ нихъ, не выпуская заряда. Пока они колебались кому идти на вѣрную смерть, солдаты успѣли подбѣжать. Тогда Чеченцы скрылись въ лѣсъ, такъ же быстро какъ они изъ него вынырнули. Не будь саперовъ которые, жертвуя собой, на нѣсколько мгновеній остановили непріятеля, да Шіоева, Вольховскій не пережилъ бы этого случая.

На другой день, предъ полуднемъ, мы получили первое извѣстіе отъ Вольховскаго. Лазутчикъ пробрался къ намъ въ лагерь съ запиской, въ которой онъ увѣдомлялъ о возвращеніи потерянныхъ орудій, найденныхъ въ глухомъ оврагѣ, куда они были спрятаны бенойскими жителями. Эта новость произвела всеобщую радость въ отрядѣ. Хотя орудія сами по себѣ не стоили всѣхъ трудовъ, жертвъ и издержекъ на добытіе ихъ, однако не слѣдовало оставлять подобнаго трофея въ рукахъ у горцевъ, и не дурно было имъ въ то же время дать урокъ въ томъ что отбивать у насъ артиллерію вовсе не выгодно. При обратномъ слѣдованіи Вольховскаго по Аксаевской горѣ повторилось вчерашнее дѣло, съ тою только разницею, что непріятель, будучи лишень возможности держаться въ завалѣ, устроенномъ продольно надъ дорогой, сильно насѣдалъ на арріергардъ, и возлѣ самаго спуска къ рѣкѣ успѣлъ даже отрѣзать полроты, которую Резануиловъ выручилъ не безъ труда.

Десятаго сентября войска отдыхали, исподоволь скашивая поля, вырубая сады и разоряя благотойскія сакли. Чеченцы по одиночкѣ перестрѣливались съ лагерною цѣпью, выѣзжали изъ лѣсу поджигивать съ казаками и Татарами, но нигдѣ не показывались въ большомъ числѣ, приберегая свои силы на честные проводы, когда мы поидемъ обратно. Наканунѣ у насъ были убиты нѣсколько солдатъ и три татарскіе милиціонера. Ихъ похоронили на мѣстѣ прежней стоянки надъ Аксаемъ, подъ бывшими коновязями, какъ было

принято, съ цѣлю прятать могилы отъ Чеченцевъ, не хотѣвшихъ терпѣть въ своей землѣ даже нашихъ мертвецовъ. Въ ночь Чеченцы отрыли тѣла, и осквернивъ, выбросили наружу. Татары это озлобило до такой степени, что полдесятка ихъ цѣлое утро пролежали въ засадѣ, и захвативъ живьемъ Чеченца подкрадывавшагося къ лагерю, притащили его къ свѣжей могилѣ своихъ товарищей и тамъ срѣзали ему голову, несмотря на брань, угрозы и даже дѣйствительные побои отъ вблизи случившихся русскихъ офицеровъ.

На другой день Вельяминовъ съ половиной отряда двинулся разорить Дарго. * Чрезъ Аксай слѣдовало переправиться четыре версты выше того пункта на которомъ Вольховскій переходилъ въ Беной. Глубокій и крутой оврагъ отдѣлялъ Дарго отъ Бѣлгоя. На другой сторонѣ раскрывалась обширная, совершенно ровная площадь, покрытая полями, садами и домами широко раскинутого селенія. Со всѣхъ сторонъ она была окружена лѣсомъ и горами. Полевые орудія пришлось спускать подъ гору снявъ съ передка и затормозивъ сучковатыми срубамъ, къ которымъ они были прикрѣплены канатами за лафетный хоботъ. Тутъ мы сдѣлались свидѣтелями эпизода, возможнаго только въ кавказской горной войнѣ. Хотя непріятель и отказался отъ всякаго прямого сопротивленія, выжидая когда мы станемъ отступать; однако нашелся Чеченецъ который, наперекоръ пословицѣ что одинъ въ полѣ не воинъ, съ помощію Аллаха и своей винтовки рѣшился защищать переправу чрезъ Аксай. Онъ засѣлъ на противоположномъ скатѣ горы за толстымъ пнемъ и открылъ огонь по людямъ, медленно спускавшимъ орудія на совершенно открытой дорогѣ. Напрасно цѣль стрѣляла по немъ бѣглымъ огнемъ, напрасно горныя орудія пускали безсильные снаряды противъ сыраго пня, напрасно самъ Вельяминовъ, старинный артиллеристъ, распоряжался двумя мортирками, стараясь навѣснымъ огнемъ выжить его изъ засады. Убивъ одного солдата и ранивъ двоихъ, онъ выскочилъ изъ-за пня, показалъ рукой что выпустилъ всѣ патроны, гикнулъ и бѣгомъ скрылся въ лѣсъ,

* Люди незнакомые съ Кавказомъ обыкновенно полагаютъ что русскія войска впервые пришли на это мѣсто съ княземъ Воронцовымъ въ тысячу восемьсотъ сорокъ пятомъ году; знающіе же твердо оставляли это безъ опроверженія изъ угожденія къ человеку бывшему въ силѣ и почетѣ.

преслѣдуемый безвреднымъ для него огнемъ нашихъ застрѣльщиковъ, стрѣлявшихъ снизу вверхъ.

Когда войска поднялись на Даргинскую площадку и заняли мѣсто, тогда Вельяминовъ побѣхалъ распорядиться дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Наканунѣ еще было получено донесеніе о переходѣ чрезъ главный хребетъ до тысячи человекъ Андійцевъ съ цѣлю загородить намъ дорогу въ Андію. Подѣхавъ къ цѣпи, стоявшей въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ опушки того самаго лѣса въ которомъ наши добрыя войска, тринадцать лѣтъ спустя, такъ дорого заплатились въ извѣстную сухарную экспедицію, мы дѣйствительно увидали предъ собою немалую толпу конныхъ и пѣшихъ горцевъ. Орудія стояли наготовѣ открыть огонь. Алексѣй Александровичъ внимательно оглядѣвъ лѣсъ чрезъ свою коротенькую зрительную трубу, подумавъ съ минуту, и потомъ скомандовавъ: „орудія, на передки! горниеть, играй отступленіе!“ проговорилъ знаменательныя слова: „въ эту труппу я не полѣзу, а дразнить ихъ незначѣмъ“. Отодвинувъ цѣпь на сколько было возможно не нарушая безопасности войскъ имѣвшихъ задачей разорить Дарго, онъ приказалъ приняться за дѣло не теряя времени. Помню я даргинскую кукурузу ростомъ выше человека на конѣ; много сабель поломали на ней наши Татары, съ ожесточеніемъ уничтожавшіе все чеченское изъ мщенія за поруганіе убитыхъ товарищей.

Безъ выстрѣла мы разорили Дарго и вернулись въ Бѣлготой.

Двѣнадцатаго началось отступленіе, не по старой дорогѣ на Маюртупъ, которую Чеченцы перегородили безчисленными завалами, а на Центури, Гурдали и внизъ по лѣвому берегу Аксаа къ кумыкскому селенію Хопъ-гелды (Добро пожаловать). Отъ Бѣлготоя два лѣсистые гребня расходятся подъ острымъ угломъ, сначала поднимаясь, потомъ волнообразно спускаясь къ Центури. Лѣвый гребень командовалъ правымъ, по которому вела единственная дорога удобная для слѣдованія обоза и артиллеріи. Селеніе Центури лежало не далѣе шести верстъ отъ Бѣлготоя. Въ одиннадцатомъ часу главная колонна, въ которой находились оба штаба, полевая артиллерія, умножившаяся до четырехъ орудій, потому что отнятыя у непріятеля пушки были положены на запасныя лафеты, которые мы привезли для этой цѣли, обозъ и кавалерія, подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ

и грузинской милиціи, двинулась въ обратный путь. Въ арріергардѣ были оставлены возаѣ Благотоя, подѣ командой генеральнаго штаба полковника Зандена, направившаго при Вельяминовѣ должность начальника штаба, егерскій баталіонъ Резауилова, баталіонъ М — ского полка и два горныя орудія; а подѣ начальствомъ Пирятинскаго—два баталіона его собственнаго полка, саперы и еще два маленькіе единорога. Имъ было приказано начать отступленіе часа два спустя, когда обозъ успѣетъ перевалиться чрезъ гору. Одновременно выступивъ съ бѣлотойской позиціи, Занденъ долженъ былъ идти по правой, Пирятинскій по лѣвой высотѣ. Алексѣй Александровичъ приказалъ мнѣ остаться при Занденѣ; у Пирятинскаго находился генеральнаго штаба поручикъ Калембергъ. Во все утро непріятель не показывался и не развѣивался съ нами ни однимъ выстрѣломъ; но это обстоятельство отнюдь не вводило насъ въ заблужденіе: мы знали очень хорошо, что насъ будутъ преслѣдовать съ полнымъ ожесточеніемъ. По донесенію лазутчиковъ, не менѣе трехъ тысячъ Чеченцевъ собрались въ окрестныхъ лѣсахъ; кромѣ того, нельзя было думать чтобы видѣнные нами вчера Андійцы упустили такой удобный случай пострѣлять въ гяуровъ, во славу Алаха и ради спасенія своихъ грѣшныхъ душъ. Занденъ не скрывалъ отъ себя что задача, выпавшая на его долю, была весьма щекотливаго свойства и потому съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидалъ минуты когда намъ позволено будетъ тронуться съ мѣста, ибо неизвѣстность чѣмъ разразится бездѣйствіе непріятеля для насъ всѣхъ была крайне томительна. Хвостъ главной колонны не успѣлъ еще перейти за гору, когда изъ дѣли дали знать что противъ Пирятинскаго и противъ нашего праваго фланга Чеченцы начинаютъ толпами выходить изъ лѣсу, и Андійцы, простоявшіе все утро на Даргинскомъ плато, также спускаются подѣ гору. Вслѣдствіе этого увѣдомленія, Занденъ приказалъ мнѣ сходить на правый флангъ, и удостоившись въ справедливости показанія, пройти потомъ налѣво, вдоль всей арріергардной дѣли; если же замѣчу какое-либо особенно важное обстоятельство, то извѣстивъ его чрезъ казака, не теряя времени скакать въ догонку за Вельяминовымъ и лично доложить ему обо всемъ. Занденъ не безъ причины разчитывалъ, что въ такомъ случаѣ

Алексѣй Александровичъ поспѣшитъ вернуться къ арріергарду и своимъ присутствіемъ избавитъ его отъ тяжелой отвѣтственности. Направо отъ насъ непріятель дѣйствительно показывался изъ лѣсу, не подходя однако ближе пушечнаго выстрѣла; въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, гдѣ въ опушкѣ густаго лѣса лежали застрѣльщики отъ двухъ московскихъ и двухъ егерскихъ ротъ, господствовало полное спокойствіе. Ни застрѣльщики, ни баталіонный командиръ Резануиловъ, безпрестанно обходившій цѣпь, не подмѣтили въ лѣсу ничего сомнительнаго; нигдѣ слѣда человѣческаго присутствія, вездѣ мертвая тишина; можно было слышать перелетъ птицъ и жужжаніе жуковъ. Но именно эта тишина показалась мнѣ слишкомъ подозрительною. Во мнѣ укоренилось убѣжденіе что непріятель показывается справа съ одною цѣлію отвлечь наше вниманіе, а всею силой нападетъ на лѣвый флангъ, въ надеждѣ опрокинуть его и очистить себѣ дорогу къ главной колоннѣ, отягощенной кавалеріей и обозомъ. Съ этою мыслию въ головѣ я поскакалъ догонять Вельяминова, не жалѣя своей лошади, и чрезъ нѣсколько минутъ настигъ его вмѣстѣ съ Вольховскимъ позади обоза, медленно сходившаго подъ гору по причинѣ очень трудной дороги.

Вельяминовъ со спокойнымъ видомъ выслушивалъ мой докладъ, заставляя повторять нѣкоторыя подробности. Вольховскій нетерпѣливо выжидалъ случая вмѣшаться въ дѣло, и наконецъ у него вырвались слова: „понять не могу что вы говорите: непріятель сосредоточивается противъ праваго фланга, а вы опасаетесь за лѣвый“.

— А я понимаю очень хорошо, возразилъ Вельяминовъ:— Чеченцы показываются справа для того чтобы насъ обмануть, а лѣво прячутся въ лѣсу съ намѣреніемъ озадачить наши войска неожиданнымъ нападеніемъ. Баталіонъ, лѣво кругомъ, скорымъ шагомъ! скомандовалъ онъ егерямъ 40-го полка, и самъ поѣхалъ на рысяхъ къ арріергарду.

Вольховскій, съ своей стороны, отправился къ корпусному командиру доложить о происходящемъ.

— Кто у васъ стоитъ на лѣвомъ флангѣ? спросилъ Вельяминовъ, пока мы ѣхали.

— Резануиловъ съ своимъ баталіономъ.

— Резануиловъ! Этотъ зубастъ, отгрызется! А въ центрѣ кто?

— М—скій баталіонъ.

— Веди прямо къ нему. За мной! обратился онъ къ егерямъ, догонявшимъ насъ бѣглымъ шагомъ.

На высокомъ холмѣ, служившемъ кладбищемъ для бѣлгородскихъ покойниковъ, унизанномъ надгробными камнями и шестами на которыхъ развѣвались разноцвѣтные флаги, стоялъ Завоевъ, имѣя возлѣ себя два горныя орудія подъ командой поручика Павла Бестужева. Увидавъ баталіонъ шедшій къ нему на подкрѣпленіе, онъ счелъ ненужнымъ долѣ мѣшкать и приказалъ протрубить отступленіе. Протяжный звукъ исполнительнаго сигнала, повторенный горнистами въ цѣпи, не замеръ еще въ воздухѣ, какъ ружейная пальба и пронзительный вой Чеченцевъ слились въ одинъ общій оглушительный гулъ. Безжизненный лѣсъ ожилъ съ такою неожиданною силою, что озадаченные М—цы, быстрее чѣмъ бы слѣдовало, бросились изъ опушки подъ покровительство артиллеріи и совершенно заслонили отъ ея огня Чеченцевъ, бѣжавшихъ за нами съ обнаженными пашками. Въ этотъ самый моментъ мы подвинулись на могильный холмъ, съ котораго была видна вся впереди лежащая мѣстность и, понятнымъ образомъ, не были обрадованы тѣмъ что увидали. Егеря, поспѣвшіе съ нами почти въ одно время, разомъ поправили дѣло. Двѣ роты, не дожидаясь приказанія, кинулись съ высоты на встрѣчу осиленнымъ товарищамъ, пропустили ихъ чрезъ свои ряды, разрядили ружья непріятелю въ упоръ, и ударили въ штыки. Осадивъ Чеченцевъ, они быстро приняли въ сторону и открыли дорогу для картеча. Къ несчастію, при третьемъ выстрѣлѣ у единорога лопнула станина, ударивъ хоботомъ въ камень,—въ горной артиллеріи существовали тогда еще деревянныя одностанинныя лафеты,—и мы были принуждены ограничиться стрельбой изъ одного только орудія.

На лѣвомъ флангѣ непріятель повторилъ свой маневръ еще съ большимъ усиліемъ, но во дыму и крику ясно было видно что Резануиловъ, оправдывая предсказаніе Вельяминова, отпрыскался какъ старый, травленный волкъ. Алексѣй Александровичъ хорошо зналъ людей и свое войско.

Съ этого началось дѣло, давшееся до солнечнаго заката. Вельяминовъ лично сталъ распоряжаться отступленіемъ лѣвой арріергардной колонны. Во всю экспедицію, ни разу мнѣ

не доставалось столько работы какъ въ этотъ день, и сверхъ всего еще пришлось перенести гнѣвъ Вельяминова, не за собственную вину. Отступали шагъ за шагомъ, съ перемѣной цѣпи назадъ. Наше единственное орудіе шло по дорогѣ и удерживало непріятеля безпрерывнымъ огнемъ. Пока крайняя аррьергардная цѣпь, лежа, вела перестрѣлку, параллельно за нею располагались еще двѣ цѣпи. Налѣво отъ дороги Вельяминовъ посылалъ своего адъютанта Ольшевскаго, направо — меня, выбирать удобныя мѣста для застрѣльщиковъ и особенно скрытно размѣщать резервы и ротныя колонны, на которыя упирались фланги. Не прежде личнаго донесенія отъ насъ что все находится въ порядкѣ, онъ приказывалъ для крайней цѣпи трубить разомъ три сигнала:—стрѣлять ускоренно, вставать и ретироваться бѣгомъ. Въ этихъ трехъ приказаніяхъ заключался глубокой расчетъ, основанный на точномъ знаніи кавказской войны. Хладнокровныя и опытыя распоряженія Вельяминова уберегли двѣнадцатаго сентября тысяча восемьсотъ тридцать втораго года горсть русскихъ войскъ отъ тѣхъ огромнымъ потерь которыя послѣ него понесли въ Ичкеринскихъ лѣсахъ два наши испытанные генерала съ несравненно большими силами. Чеченцы потеряли охоту преслѣдовать насъ слишкомъ горячо въ послѣдующіе дни. Непріятель имѣлъ обыкновеніе, пока наши застрѣльщики лежатъ, самъ принявъ лежачее положеніе или прикрываясь кустами и деревьями, вести рѣдкую перестрѣлку, сберегая заряды на случай когда заиграютъ знакомый ему сигналъ — отступать. Солдаты, поднявшись съ земли, открывали тогда удобную цѣль для выстрѣловъ; Чеченцы, пользуясь этимъ, разряжали ружья и послѣ того опрометью бросались въ шашки. Вслѣдствіе приказанія стрѣлять скоро, вдоль цѣпи образовывался густой дымъ, мѣшавшій имъ въ самую выгодную минуту вѣрно цѣлить, а потомъ вторая цѣпь встрѣчала ихъ бѣглымъ огнемъ почти въ упоръ, когда они, обрадованные мнимымъ бѣгствомъ нашихъ застрѣльщиковъ, пускались ихъ догонять. На случай еслибъ имъ удалось прорваться чрезъ вторую цѣпь, за нею лежала третья, чрезъ которую пробѣгали отступающіе застрѣльщики съ тѣмъ чтобы занять позади новую, выгодную позицію. Два, три урока данныя Чеченцамъ этимъ способомъ принудили ихъ быть осторожнѣе, а насъ избавили отъ лишней потери.

Чрезъ два часа безпрестанной скачки, измученная лошадь упала подо мной; заводная была далеко; я пустился бѣжать по цѣпи. „Не бѣгайте здѣсь, берегитесь, убьютъ, убьютъ!“ кричали мнѣ застрѣльщики, лежавшіе за кустами да за бугорками. Хотѣлъ бы, да времени не было посаушаться ихъ совѣта; къ тому же дѣло происходило на глазахъ у Вельяминова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ хуже Чеченца.

На высотѣ, откуда дорога начинала спускаться къ Центури, онъ приказалъ прилечь цѣлому пѣхотному баталіону и не трогаться съ мѣста безъ особаго приказанія, разчитывая подъ его защитой отвести фланговую цѣпи и неспѣша расположить ихъ на хорошей ружейный выстрѣлъ отъ перелома мѣстности.

Непріятель охватилъ баталіонъ съ трехъ сторонъ, но не тратилъ на него много выстрѣловъ, выжидая, по своему обыкновенію, когда эта сплошная масса принуждена будетъ подняться. Одинъ Бестужевъ со своимъ орудіемъ стоялъ на виду, и Чеченцы не только били въ артиллеристовъ, но даже пытались неожиданнымъ налетомъ отнять единого. Картечь и огонь отъ баталіона осаживали ихъ. Одинъ разъ они успѣли однако добѣжать, какой-то смѣльчакъ ухватился было за колесо, прислуга отскочила; тогда Бестужевъ выхватилъ у артиллериста палеиикъ, самъ приложилъ огонь къ затравкѣ, брызнулъ Чеченцамъ въ лицо полнымъ зарядомъ картечи, и когда они разбѣжались, тѣмъ же палеиикомъ чувствительно напомнилъ солдатамъ что и въ крайнемъ случаѣ не слѣдуетъ робѣть.

Занявъ для застрѣльщиковъ выгодную позицію, Вельяминовъ послалъ меня отвести баталіонъ. При первомъ движеніи солдатъ приподняться, чеченскія ружья затрещали со всѣхъ сторонъ, и они снова прильнули къ спасительной матушкѣ землѣ. Ни просьбы, ни увѣщанія мои не понудили ихъ тронуться съ мѣста. Безъ проку пробившись съ ними нѣсколько минутъ, я вернулся къ Вельяминову подъ гору доложить что баталіонъ не идетъ.

Никогда не случалось мнѣ видѣть его въ такомъ гнѣвѣ. Лицо залилось краской, глаза засверкали.

— Господинъ офицеръ, что вамъ было приказано? крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.

— Привести баталіонъ.

— И вы осмѣлились не исполнить приказанія! На гору! и безъ баталіона не смѣйте казаться на глаза!

Что тутъ дѣлать? Неожиданный взрывъ Вельяминовскаго гнѣва совершенно меня ошеломилъ. Я не глядѣлъ на него, но чувствовалъ какъ глаза его впились въ меня вопросительно, скоро ли я тронусь исполнить его волю. Въ эту минуту крайняго недоумѣнія я увидѣлъ вблизи топографа Чуркина. Онъ былъ храбрый и расторопный малый; авось поможетъ, подумалъ я, и позвалъ его за собой на роковую гору.

Я повторилъ приказаніе командующаго войсками—никто не шевельнулся. Тогда я приказалъ Чуркину поднимать офицеровъ, и самъ подошелъ къ полковнику Н. съ покорнѣйшею просьбой встать на ноги. Послѣ того, уже общими силами, мы подняли солдатъ. Бываютъ такія минуты оцѣпенѣнія и у очень хорошихъ войскъ—въ недобрый часъ. Чеченцы засыпали насъ пулями. Въ первый моментъ не щелкнулъ ни одинъ курокъ, но потомъ, будто очнувшись отъ сна, баталіонъ открылъ такой живой огонь что насъ одѣло густымъ дымовымъ облакомъ, подъ защитой котораго мы успѣли спуститься подъ гору, потерявъ не болѣе полудесятка людей. Вельяминовъ, увидавъ меня съ баталіономъ, только кивнулъ головой.

Въ это время на насъ обрушилась новая невзгода. Пирятинскій, во всѣхъ отношеніяхъ хорошій и храбрый офицеръ, вмѣсто того чтобы держаться съ нами на одной высотѣ, отступая по лѣвому гребню, невѣсть почему очистилъ его гораздо раньше. Непріятель тотчасъ воспользовался его ошибкой, занялъ гребень, и съ высоты сталъ бить насъ во флангъ. Это обстоятельство принудило командующаго войсками послать въ оврагъ, раздѣлявшій высоты, наши двѣ послѣднія резервныя роты, приказавъ имъ пробираться по лѣсу, отнюдь не представляя цѣли для непріятельскихъ выстрѣловъ, и оберегать только оконечность праваго фланга отъ нападенія холоднымъ оружіемъ. Мнѣ же досталось отвести эти роты на указанное имъ мѣсто.

Надъ крутымъ спускомъ, въ виду селенія Центури, Вельяминовъ приказалъ арріергарднымъ войскамъ прилечь и отдохнуть порядкомъ предъ послѣднимъ и самымъ опаснымъ моментомъ отступления, а самъ уѣхалъ на противоположную высоту выбрать позицію для нашихъ четырехъ полевыхъ

орудій. Пробывъ еще съ полчаса въ аррьергардѣ и убѣдившись въ томъ что его распоряженія въ точности исполнены, измученный, голодный, едва передвигая ноги, побрелъ я къ Вельяминову доложить насчетъ полной готовности войскъ, по первому приказанію, спуститься подъ гору. Засталъ я его возлѣ батареи со всѣмъ штабомъ тотчасъ послѣ закуски, какъ доказывали еще неубранные ковры, салфетки и приборы. Шаговъ двадцать въ сторонѣ Вольховскій наблюдалъ въ зрительную трубу за неприятелемъ, сбѣгавшимся къ аррьергарду.

Онъ первый замѣтилъ меня и нетерпѣливо сталъ звать къ себѣ. Почти въ ту же минуту услышалъ я зовъ Вельяминова: пожалуйте сюда. Сперва слѣдовало подойти къ старшему, а потомъ принять приказаніе отъ младшаго. Я направился къ Алексѣю Александровичу.

— Все ли въ порядкѣ? былъ первый вопросъ.

— Все, какъ изволили приказать.

— А поѣлъ ли ты сегодня?

— Времени не было; съ ранняго утра ни куска.

— Ничего нѣтъ хуже какъ храбриться съ пустымъ желудкомъ. Садись и поѣшь; закусывая, тебя не забыли и кое-что приберегли на твою долю. Сперва прошу, прибавилъ онъ, — исполнить мое приказаніе, а потомъ можешь идти куда тебя звали.

Понятнымъ образомъ, я не далъ себѣ повторить другой разъ такое душеполезное приказаніе и немедленно принялся за вкусные пирожки и жаркое подносимые мнѣ его поваромъ.

Вольховскій былъ слишкомъ уменъ чтобы не понять въ чемъ дѣло, когда онъ увидалъ какъ я принялся закусывать; махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Иронически сложенные губы видимо процѣживали слова: только и думаетъ о ѣдѣ. Герменчугскій обѣденный столъ еще не вышелъ у него изъ памяти.

Скоро послѣ того артиллерія открыла огонь; на противоположной горѣ завязалась сильная перестрѣлка, и аррьергардъ быстро спустился въ оврагъ. Неприятель, встрѣченный отъ насъ гранатами, картечью и градомъ ружейныхъ пуль, какъ вкопанный остановился на высотѣ.

Въ нашей колоннѣ потеря убитыми и ранеными доходила до сорока пяти человѣкъ; въ числѣ послѣднихъ нахо-

дился майоръ Резануиловъ; Пирятинскій потерялъ двадцать пять, а у непріятели, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, убыль превышала двѣсти пятьдесятъ, и былъ убитъ вліятельный андійскій старшина Муртузь-Али.

На второй день отступленія мы расположились почевать возлѣ селенія Гурдали, извѣстнаго во всей Чечнѣ своими отличными орѣхами, сдѣлавъ также короткій, семиверстный переходъ Дорога вела чрезъ сплошной лѣсъ, и арріергарду не легко было отбиваться отъ Чеченцевъ, насѣдавшихъ на него какъ шмели, которыхъ легче убитъ чѣмъ отогнать. Въ колонну стрѣляли только издали, съ боковъ, не пытаясь загородить ей дорогу. Войска, постепенно выходя изъ лѣсу, стали группироваться въ бивачномъ порядкѣ на полянѣ, устланной купами орѣховыхъ деревъ и ограниченной съ юга и съ запада лѣсомъ, въ которомъ еще дрался арріергардъ. Баронъ Григорій Владиміровичъ слѣзъ съ лошади и расположился закусывать. Солдаты разбрелись по полянѣ, и не устоявъ противъ приманки, полѣзли на деревья за орѣхами. Чеченцы мгновенно воспользовались этимъ обстоятельствомъ, смаяли слишкомъ растянутыхъ застрѣльщиковъ, густыми толпами высыпали изъ лѣсу и съ крикомъ бросились на людей рвавшихъ орѣхи. Два баталіона, схвативъ ружья, встрѣтили ихъ бѣглымъ огнемъ и оттѣснили къ опушкѣ, но не могли загнать далѣе въ лѣсъ. Пули сыпались на штабныхъ офицеровъ, собранныхъ въ одну кучу, и на войска; озлобленные Чеченцы стали мѣтить въ знакомыхъ имъ Вельяминовскихъ верблюдовъ и изъ семи троихъ убили. Въ это время Алексѣй Александровичъ находился еще съ нами при арріергардѣ; услыхавъ сильный огонь въ тылу, онъ ускорилъ шагъ, и мы выѣхали изъ лѣсу въ одно время съ двумя легкими орудіями, шедшими въ хвостъ главной колонны. Пикаловъ, командовавшій взводомъ, наткнулся тутъ на два горные единорога и двѣ мортирки, которые, неизвестно почему оставленные офицеромъ, безъ видимаго успѣха стрѣляли въ лѣсъ, откуда Чеченцы отвѣчали мѣткимъ ружейнымъ огнемъ. Онъ тотчасъ принялъ начальство надъ батареей, приказавъ и своимъ двумъ орудіямъ сѣяться съ передковъ. Провѣзжая мимо, я остановился возлѣ него въ то самое время когда онъ влѣзъ на перекъ чтобы съ него лучше разглядѣть, гдѣ кроется непріатель. Не долго дали ему дѣлать наблюденія съ такого виднаго мѣста. Чрезъ минуту онъ заша-

тался и съ пня скользя на землю; я соскочилъ съ лошади ему на помощь.

— Пуля въ груди, проговорилъ онъ задыхаясь.

Поспѣшно растегнулъ я сюртукъ,—на рубашкѣ ни капли крови; я распахнулъ ее,—противъ самаго сердца видѣлось ошее пятно; однако на этомъ дѣло не кончилось: изъ лѣваго рукава кровь лилась ручьемъ; ему перешибло три пальца, пронзило ладонь, и тою же пулей контузило въ грудь такъ сильно, что онъ въ первую минуту и не чувствовалъ дѣйствительной раны. Носовой платокъ, который онъ держалъ скомканнымъ въ рукѣ, ослабилъ пулю и спасъ его отъ смерти. Часто я видѣлъ на войнѣ какъ самое мелочное обстоятельство, носовой платокъ, образъ на груди, иногда одно движеніе руки, служили къ спасенію или на гибель человѣка. Пикалова всѣ знали и любили; слухъ о его ранѣ быстро разнесся по отряду. Корпусный командиръ тотчасъ прислалъ за нимъ своего адъютанта, но Пикаловъ отказался отойти отъ орудія пока не пришаютъ офицера его смѣнить, и продолжалъ распоразаться ими, обмотавъ носовымъ платкомъ раненую руку. Если не ошибаюсь, его замѣнилъ молоденькій артиллерійскій подпоручикъ Вороновъ, и только тогда онъ отправился въ лагерь для перевязки.

Два года спустя онъ умеръ отъ болѣзни: вѣроятно, контузія въ грудь не мало способствовала разстройству его здоровья и была настоящею причиною его кончины.

Съ прибытіемъ арріергарда, Чеченцы, въ свою очередь атакованные съ тылу, были принуждены скрыться въ глубину дѣса.

Ночь я провелъ въ палаткѣ у Пикалова, не смыкая глазъ, поилъ его, переворачивалъ съ боку на бокъ, подкладывалъ подушку подъ разбитую руку. Рана причиняла ему сильную боль, и ему не удалось заснуть ни на одно мгновеніе. Съ вечера еще Ольшевскій, адъютантъ Вельяминова, бывшій у него правою рукой, передалъ мнѣ приказаніе идти на другой день съ проводниками въ головѣ колонны и наблюдать чтобы на первыхъ порахъ не сбился съ настоящей дороги, развѣтвлявшейся въ Маэртупъ и къ Хошъ-геады, куда намъ слѣдовало идти. На маэртупской дорогѣ, сильно баррикадированной, Чеченцы ожидали насъ въ значительныхъ силахъ; по дорогѣ къ Хошъ-геады, пролегавшей по лѣсистому гребню надъ лѣвнымъ берегомъ Акса, они оставили одни наблю-

дательные посты и устроили съ десятокъ заваловъ. Чтобы поставить непріятеля въ недоумѣніе насчетъ дѣйствительно избраннаго нами пути, онъ приказалъ кавалеріи одѣлать ложное движеніе по дорогѣ къ Маюртуну и потомъ поспѣшно примкнуть къ пѣхотѣ, долженствовавшей прямо съ мѣста ночлега выйти на дорогу спускавшуюся къ Кумакокой плоскости.

Не любилъ я тогда рано вставать, и часто случалось, палатку разбирали надъ моею головою прежде чѣмъ я успѣвалъ окончательно распротыться съ постелью; но въ этотъ разъ, несмотря на ранній подъемъ и бессонную ночь, я былъ на ногахъ раньше другихъ, сѣлъ на лошадь, и поѣхалъ къ колоннѣ начавшей уже вытягиваться въ гору. Пробираясь чрезъ артиллерійскій бивакъ, я наткнулся на Эдуарда Карловича Бриммера, у котораго самоваръ шипѣлъ предъ палаткой.

— Куда такъ скоро? Сѣдзайте-ка съ лошади и выпейте чаю, приглашалъ онъ меня.

— Нельзя, надо спѣшить, я долженъ идти съ проводниками.

— Успѣете еще, далеко не уйдутъ.

Я продолжалъ отказываться. Видя мое упрямство спѣшиться, онъ приказалъ подать мнѣ стаканъ на сѣдлѣ; я сѣмалъ нѣсколько глотковъ и уѣхалъ на рыскахъ; невѣдомая сила меня подгоняла. Густой туманъ лежалъ на горахъ, надо было подѣхать очень близко чтобы разглядѣть куда двигались войска. Дорога углублялась въ лѣсъ недалеко отъ лагернаго мѣста; головной баталіонъ занялъ ее во всю ширину; напрасно просилъ я солдатъ посторожиться и дать мнѣ проѣхать. Убѣдившись что и лѣсомъ невозможно обогнуть баталіонъ, я отдавъ лошадь казаку и пѣшкомъ протолкался впередъ. Возлѣ резерва авангардныхъ застрѣльщиковъ я нашелъ моихъ проводниковъ. Они пріостановили на мгновеніе дѣль, чтобъ оглядѣться, объявивъ что, по ихъ соображенію, вблизи долженъ быть завалъ, и поэтому надо сперва высмотрѣть мѣсто, чтобы на него не наткнуться. Сзади тѣмъ временемъ понуждали идти не останавливаясь, и дѣйствительно не слѣдовало мѣшкать, ибо въ этотъ день намъ предстоялъ двадцатипятиверстный переходъ. Дорога поднималась въ гору. На первомъ поворотѣ ея рядъ дымокъ вспыхнулъ изъ-за сучковатой колоды, лежавшей поперекъ нашего пути; я почувствовалъ ударъ въ бокъ, оглянувшись, не солдатъ ли меня

задѣвъ прикладомъ, зашатался, сдѣлавъ еще два шага и упалъ на землю. Все это случилось такъ скоро и безсознательно съ моей стороны, что я помалъ въ чемъ дѣло только въ ту минуту, когда увидалъ кровь на моемъ платѣ. Пуля пробила мнѣ правый пахъ. Между тѣмъ огонь изъ дѣсу и съ завала не умолкалъ; застрѣльщики прикрылись деревьями, дорога очистилась, возлѣ меня лежали только два убитые солдата. Я попробовалъ отползти, и не могъ. Чеченцы, замѣтивъ что я шеваюсь и не имѣя предъ собой другой цѣли, стали меня добивать.

Тутъ я услышалъ за собой топотъ скачущей лошади и голоса кричавшіе: „не бѣдите туда, убьютъ! убьютъ! тамъ уже лежитъ убитый офицеръ!“ Черезъ мгновеніе меня кто-то схватилъ за плечо и съ дороги оттащилъ въ кусты. Это былъ А. Е. Врангель. Посланный корпуснымъ командиромъ развѣдать отчего впереди перестрѣливаются такъ долго на одномъ мѣстѣ, и не нужна ли артиллерія, онъ издалека замѣтилъ что во мнѣ еще есть движеніе, и я безъ помощи лежу подъ непріятельскимъ огнемъ. Ни предостерегательные крики солдатъ и офицеровъ, ни очевидная опасность не остановили его доскакать до меня, спѣшиться и потащить за ближайшее дерево, подставляя собственное тѣло подъ мѣткія чеченскія винтовки не далѣе сорока шаговъ отъ завала. Этотъ поступокъ вполне обрисовываетъ его рыцарскій, истинно-благородный характеръ, не допускавшій ни минуты колебанія когда требовалось выручить изъ смертельной бѣды товарища, хотя бы онъ былъ связанъ съ нимъ не болѣе какъ простымъ лагернымъ знакомствомъ. Помню его заботливость уложить меня поспокойнѣе и сдать на руки надежному человеку, и съ душевнымъ удовольствіемъ помѣчаю въ моихъ запискахъ случай оставившій неизгладимое впечатлѣніе въ моей сердечной памяти. Откуда ни взялся опять вездѣсущій Чуркинъ, присѣлъ возлѣ меня и прислонилъ мою голову къ себѣ на козлы, а Врангель уѣхалъ съ донесеніемъ, намѣреваясь также прислать ко мнѣ доктора. Тѣмъ временемъ егерская рота, дѣсомъ обогнувъ завалъ, принудила бѣжать Чеченцевъ, и саперы принялись его разрубать.

Около полудна я оставался безъ перевязки. Войска и артиллерія стояли на дорогѣ, какъ обыкновенно случалось въ дѣсу послѣ неожиданной остановки, и никто не могъ до меня добраться. Наконецъ показалась огромная, сѣдая

голова нашего корпуснаго штабъ-доктора Ильяшенка. Онъ слѣзъ съ лошади и принялся меня перевязывать. Во время операціи подѣхалъ мой пріятель, одноглазый полковой докторъ Чероцкій.

— *Quale vulnus?* спросилъ онъ съ лошади.

— *Vulnus mortale*, отвѣтилъ Ильяшенко, не оглядываясь и продолжая обматывать меня нескончаемымъ бинтомъ.

— Столько-то помню изъ моей школьной латыни, замѣтилъ я доктору, — чтобы понять ваши слова. Вы ошибаетесь, я не чувствую никакой перемѣны въ общемъ состояніи организма, поэтому моя рана не смертельна.

Въ отвѣтъ онъ пробормоталъ какія-то невнятные слова, заткнулъ бинтъ предлинною булавкой и сталъ собирать инструменты.

Подѣхалъ корпусный командиръ съ Вольховскимъ, и съ ними Вельяминовъ; они принуждены были обождать пока расчищался заваль возлѣ того мѣста гдѣ Чуркинъ все еще меня поддерживалъ. Каждый старался сказать мнѣ что-нибудь утѣшительное, положительно считая мою жизнь въ опасности.

Одинъ Вельяминовъ не терялъ словъ на изъявленіе участія. Пристально взглянувъ на меня, онъ только сказалъ:

— А! поздравляю съ раной!

Вольховскій сошелъ съ лошади, и съ истинно-непритворнымъ участіемъ разспросивъ какъ я себя чувствую, приказалъ послѣшнѣе подвести арбу.

— Что за арба! отозвался Вельяминовъ: — носилки!

Носилки не водились у насъ въ то время, раненыхъ выносили изъ дѣла на шинеляхъ, и носилки надо было сдѣлать.

— Жердей нѣтъ, заговорили нѣсколько голосовъ.

— Жердей нѣтъ въ лѣсу? Смышное дѣло! Казаки съ коня, руби кинжалами!

Черезъ десять минутъ жерди были готовы.

Опять доложили что веревокъ не имѣется вблизи.

— Коли нѣтъ веревокъ, такъ есть запасные фитили.

Вблизи находилась артиллерія. Фитилями связали жерди, сдѣлали носилки, накрыли ихъ ковромъ, положили кожаную подушку, — не знаю откуда все взялось, — и помѣстивъ меня, понесли за войсками. Восемь линейцевъ и восемь пѣхотныхъ солдатъ были приставлены меня нести и оберегать: такъ приказалъ Вельяминовъ. Прочихъ офицеровъ, у

которыхъ раны казались менѣе опасными, везли на арбахъ, въ обозѣ. Чеченцы, замѣтивъ единственныхъ въ отрядѣ носилки, вообразили себѣ что имъ удалось подстрѣлить очень важнаго человѣка, и во время нашего длиннаго перехода не разъ пытались докончить меня пулями или добраться до меня съ пашками, когда мои носильщики чуть отставали отъ шедшей впереди кавалеріи, или задній баталіонъ нѣсколько оттягивалъ. Тогда носильщики ставили меня на землю, казаки садились на присоски, солдаты становились вокругъ и отстрѣливались пока не являлась помощь. Этотъ переходъ былъ богатъ завалами; на каждомъ изъ нихъ десятка два непріятельскихъ ружей встрѣчали нашъ авангардъ и потомъ быстро исчезали предъ штыками застрѣльчиковъ. Сильно тѣснила лѣвое прикрытіе, да доставалась еще арріергарду его честная доля; много бы мы потеряли людей въ этотъ день, еслибы всѣ Чеченцы во-время успѣли прибѣжать съ Маюртупской дороги. Предъ вечеромъ дѣло приняло болѣе серьезный видъ; непріятелю даже удалось прорваться къ арбамъ, на которыхъ везли раненыхъ, и изрубить человѣкъ десять этихъ несчастныхъ. Дмитрій Алексѣевичъ Всеволожскій, съ помощію ближайшей роты, спасъ остальныхъ.

На первомъ привалѣ меня вынесли на лѣсную площадку и поставили недалеко отъ корпуснаго командира. Къ нему съѣзжались лица принадлежавшія къ его свитѣ; показался и N* на своемъ верблюдообразномъ конѣ.

— Уберите, уберите N*, закричалъ заботливый Григорій Владиміровичъ, — онъ всѣхъ давить своимъ конемъ; сейчасъ раздавить нашего раненаго.

Десять насмѣшливыхъ голосовъ повторили за нимъ:

— N*, васъ приказано „убрать“.

И злосчастный наѣздникъ и его борзый конь, оторопѣвъ отъ такого безцеремоннаго изгнанія, принуждены были унести свою прыть подальше отъ моихъ носилокъ.

Потомъ случай свелъ меня съ Пикаловымъ. На слѣдующемъ привалѣ я замѣтилъ офицера съ подвязанною рукой который дремалъ подъ деревомъ, узналъ Пикалова и приказалъ поставить меня возлѣ него. Послѣ нѣкотораго времени онъ открылъ глаза и вперилъ ихъ въ меня съ удивленіемъ, не узнавая въ первую минуту.

— Это что такое?

— Какъ видите, не хочу отъ васъ отстать.

— Да, вчера я, сегодня вы, каждому своя очередь; кто знаетъ кому суждено увидать завтрашній день съ цѣлыми костями.

Къ нашей радости, всѣ коротко знакомые встрѣтили другое утро живые и здоровые. Мы вышли изъ Ичкеринскаго лѣса не потерявъ убитыми и ранеными болѣе двухсотъ сорока человѣкъ, а можетъ-быть даже меньше. Мои помѣтки сторѣли вмѣстѣ съ домою въ нижегородской деревнѣ и помнитъ всѣ цифры невозможно. Хорошо еще что происшествія, мѣста, люди и все что было ими сдѣлано или сказано замѣчательнаго, съ безошибочною точностію возраждаются въ моей памяти, когда я обращаюсь мыслями къ событіямъ прошедшаго времени разнообразившимъ начало моей жизни.

Переходъ показался мнѣ безконечнымъ, да и войскамъ онъ пришелся не въ моготу, а въ лѣсу нельзя было речевать безъ опасенія крайняго безпорядка, которымъ непріятель непременно бы воспользовался. Ночь давно уже наступила, когда дальній рядъ лагерныхъ огней возвѣстилъ намъ близость вагенбурга, ожидавшаго насъ на Кумыкской плоскости. На крутомъ, неровномъ спускѣ мои носильщики спотыкались на каждомъ шагу и поддавали мнѣ толчки, отъ которыхъ въ ранѣ рвало какъ ножомъ. Усталые солдаты налегали на насъ, падали и напарывались на собственные штыки, угрожашіе и намъ немалую опасностію. При выходѣ изъ лѣсу насъ ждалъ линейецъ, которому было приказано отвести мои носилки прямо къ Вельяминову, опасавшемуся чтобы въ суетѣ ночной разстановки бивака меня какъ-нибудь не задавили. Меня поднесли къ огоньку у котораго онъ грѣлся и поставили плотно возлѣ его барабана; тутъ я находился подъ хорошею защитой. Одинъ Прибаудъ, бывшій уже налицо, смѣлъ подходить и обнюхивать меня, вилая пушистымъ хвостомъ. Послѣ того Вельяминовъ приказалъ разбить для меня палатку подлѣ своей кибитки и въ ночь еще прислалъ походный тюфакъ, котораго у меня не было, и чашку бульйону.

На другое утро корпусный командиръ, Вольховскій, и прочія отрядныя власти почтили меня своимъ посѣщеніемъ; Вельяминовъ, занятый дѣлами, не приходилъ, но продолжалъ заочно давать мнѣ доказательства своей внимательной заботливости.

Деньщикъ мой, по складу своего сердца предпочитавшій скучному бдѣнію у постели раненаго пріятное препровожденіе времени „въ три листика“ подлѣ свѣію маркитантской

палатки, ночью скрылся отъ меня на весьма продолжительное время. Одѣяло сползло, самъ я не имѣлъ силы, и отъ боли не могъ поворотиться; я звалъ, звалъ денщика и наконецъ съ досады принялся стонать. Тогда раскрылась палатка, и предо мной явился Алексѣй Александровичъ, въ тулупѣ, со свѣчой въ рукахъ.

— Чтѣ ты охаешь, дражайшій, спросилъ онъ, — развѣ такъ болить что не можешь вынести?

Я разказалъ ему причину моихъ стоновъ. Онъ самъ по могъ мнѣ во всемъ, послалъ отыскать веселоправнаго денщика и остался у меня пока не привели раба Божія, дрожавшаго какъ осиновый листъ, потому что онъ зналъ при вычку Вельяминова не шутить въ подобныхъ случаяхъ.

Трое сутокъ Алексѣй Александровичъ продержалъ меня подъ своимъ надзоромъ, при себѣ велѣлъ наложить вторую перевязку, и оставшись доволенъ состояніемъ раны — онъ самъ зналъ медицину, — нашелъ удобнымъ отправить на Линію вмѣстѣ съ прочими больными и ранеными, которыхъ должны были отвезти въ Грозненскій военный госпиталь. Не впопая довѣрая хорошему устройству его, онъ письмомъ просилъ майора Макарова, назначеннаго командиромъ Гребенскаго казачьяго полка на мѣсто убитаго Волжинскаго, принять меня къ себѣ въ домъ для лѣченія, а майору Каичевскому, долженствовавшему конвоировать насъ съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка, приказалъ нести все время на носилкахъ и изъ Умаханъ-Юрта отправить на Терекъ подъ прикрытіемъ цѣлой роты. Не знаю чѣмъ мнѣ удалось, въ то короткое время которое я прослужилъ на глазахъ у Вельяминова, приобрѣсти его расположеніе. Во всякомъ случаѣ, память о душевной внимательности которою этотъ замѣчательный человекъ отличилъ меня во дни моей ранней молодости всегда служила для меня вѣрнымъ утѣшеніемъ и укрѣпляла мое терпѣніе, когда я послѣ того встречался съ людьми находившими удовольствіе дѣлать мнѣ положительный вредъ или сорить въ глаза шутовскимъ чванствомъ. Впрочемъ, я давно покончилъ съ ними всѣ свои расчеты: на однихъ посердился пока отъ нихъ страдалъ, надъ другими насмѣялся вдоволь пока они были у меня на глазахъ, а потомъ забылъ ихъ всѣхъ, будто никогда не знавалъ и не видывалъ.

Преждъ выступленіемъ колонны всѣ знакомые пришли меня

проводить. Далеко еще шелъ за мной Богдановичъ, у котораго въ саперной ротѣ были сдѣланы для меня новыя носилки, и все спрашивалъ довольно ли онѣ покойны. Многие полагали что я не переживу раны, и Богдановичъ былъ изъ числа не вѣрившихъ въ мое выздоровленіе. Бѣднакъ, прощаясь со мной со слезами на глазахъ, не думалъ тогда что не я, а онѣ самъ чрезъ мѣсяцъ распростится съ жизнію.

До крѣпости Грозной шли трое сутокъ. Нестерпимая жара господствовавшая на терекской визменной плоскости, пыль и комары были для насъ истиннымъ мученіемъ. За каждымъ шагомъ носильщиковъ, залитыхъ потомъ и шатавшихся отъ изнеможенія, осколки кости засѣвшіе въ ранѣ кололи мнѣ въ живое мясо какъ раскаленныя иглы. Было очень больно; но я крѣпился духомъ. Стыдно было бы роптать въ виду страданій прочихъ раненыхъ, которыхъ везли на арбахъ степью, по неукатанной дорогѣ. При трехъ стахъ больныхъ и раненыхъ находились только одинъ лѣкарь и два фельдшера; больше нельзя было отдѣлать изъ отряда, не окончившаго еще предположенныхъ военныхъ дѣйствій. Имъ физически было невозможно за всеми присмотрѣть и какъ бы слѣдовало перевязать во время ночлега. Послѣ этого короткаго, но весьма непріятнаго странствованія, я съ радостію увидалъ берега Терека и почувствовалъ истинное наслажденіе, когда у Макарова меня уложили на мягкую, чистую постель, въ свѣтлой и опрятной комнатѣ. Отъ жару, пыли и плохой перевязки рана пришла въ весьма дурное положеніе; нога опухла, пахъ распухъ. Макаровъ осмотрѣлъ больное мѣсто, ничего не сказалъ, но тутъ же предложилъ мнѣ, помимо его довольно плохаго полковаго лѣкаря, прибѣгнуть къ искусству Азіятца, весьма удачно лѣчившаго казаковъ пострадавшихъ въ несчастномъ дѣлѣ покойнаго Волжинскаго. Чрезъ нѣсколько часовъ привезли изъ-за Терека кумыкскіа гакима Чурукая, который съ перваго взгляда объявилъ рану очень „дѣланъ“, однако обѣщавъ, съ помощію Аллаха, поправить дѣло, обложилъ пахъ компрессами изъ холоднаго рассола, помазалъ какою-то душистою мазью, и когда исчезли появившіеся признаки гангрены, продолжалъ пользоваться своими привычными простыми средствами, медомъ и свѣжимъ коровьимъ масломъ. Азіятскіе лѣкаря отлично умѣютъ пользоваться раны всякаго рода и сращиваютъ раздробленныя кости даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ

европейскіе ученые хирурги признають необходимымъ ампутировать. Въмѣсто корнїи, запускаемой у насъ въ рану помощію зонта,—операция, заставляющая пациента страдать каждый разъ нестерпимымъ образомъ,—они употребляютъ фитиль вырванный изъ бараньяго курдюка, который входитъ безъ малѣйшей боли. Отъ микроскопическихъ осколковъ кости, неосязаемыхъ никакимъ инструментомъ, Чурукай освобождалъ мою рану весьма практическимъ способомъ: обвернувъ кончикъ гибкаго, тоненькаго прутика сырцовымъ шелкомъ, онъ запускалъ его во внутрь раны, повертывалъ и потомъ вытаскивалъ вмѣстѣ съ осколками прильпавшимися за сырецъ.

У Макарова я пролежалъ три недѣли, пользуясь самымъ внимательнымъ уходомъ, безъ сомнѣнія въ угожденіе Алексію Александровичу, ибо на мой счетъ я этого вниманія принять не могъ, увидавъ моего хозяина въ первый разъ когда меня привезли къ нему въ домъ. Потомъ меня перевезли въ Науръ къ Зассу, который, уважая въ отрядъ послѣ излѣченія герменчугской раны, настоялъ на этомъ перемѣщеніи, во вниманіе того что самъ Макаровъ долженъ былъ идти въ походъ, а у него оставался въ домѣ очень надежный человекъ, его камердинеръ, Курляндецъ Берхъ. И дѣйствительно, Берхъ былъ отлично честный и аккуратный, но нѣсколько говорливый субъектъ.

Пока я лежалъ въ Наурѣ, слушая нескончаемые разказы Берха о курляндскихъ, мнѣ тогда совершенно незнакомыхъ порядкахъ, нашъ отрядъ сходилъ въ Гимры. Взятіе этого селенія и гибель убитаго въ немъ Казі-Мегмета извѣстны мнѣ только изъ разказовъ товарищей. Настойчивость Вельяминова и тутъ, устранивъ всѣ препятствія, привела къ результату котораго почти не ожидали. Отрядъ стоялъ надъ спускомъ въ ущелье Койсу, имѣя снѣгъ по колѣно; внизу, четыре тысячи футовъ подъ нимъ, виноградъ висѣлъ на лозахъ. Дороги не было видно; кое-гдѣ по отвѣснымъ скаламъ проявлялись слѣды часто прерываемой тропинки. Горцы полагали положительно невозможнымъ для Русскихъ отъ Караная спуститься къ Койсу, — въ послѣдствіи этотъ сходъ былъ нами разработанъ; укидали однако, на всякій случай, бока ущелья множествомъ заваловъ и перегородили его впереди селенія трехсаженною каменною стѣною, фланкированную двумя крѣпкими башнями. „Развѣ съ дождемъ сойдете

вы къ намъ“, кричали Гимринцы нашимъ солдатамъ. „Они забыли что кромѣ дожда и камни падаютъ съ горъ“, приказалъ отвѣчать Вельяминовъ. Стали спрашивать лазутчиковъ можно ли сойти въ Гимры съ этой стороны. Всѣ рѣшительно утверждали что тутъ не сойдетъ человѣческая нога и указывали на путь ведущій внизъ съ противоположнаго хребта. На обходное движеніе слѣдовало потерять по крайней мѣрѣ недѣлю, а время было дорого, октябрь былъ уже въ половинѣ, и окрестныя горы стали покрываться снѣгомъ.

Вельяминовъ самъ принялся за разспросы.

— Если люди здѣсь не ходятъ, то не случилось ли кому видѣть какъ бѣжала собака?

— Собака, пожалуй, пробѣжитъ.

Вопросъ показался забавнымъ.

— Гдѣ собака пробѣжитъ, тамъ пройдетъ и русскій солдатъ.

Такое заключеніе сдѣлалъ Вельяминовъ, приказалъ идти, и весь отрядъ, съ помощью веревокъ, шестовъ и лѣстницъ, спустился въ пропасть подъ непріятельскими выстрѣлами и принесъ еще два горныя орудія.

Въ ущелии наши войска встрѣтили упорное сопротивленіе. Два раза штурмующіе баталіоны были отброшены и принуждены искать за выступами скалъ спасенія отъ убійственнаго огня поражающаго ихъ изъ-за стѣны и съ боковыхъ заваловъ. Лѣстницъ вблизи не было; стѣною можно было овладѣть только чрезъ отверстіе, не шире человѣческаго туловища, оставленное горцами для сообщенія. Вельяминовъ пришелъ, приказалъ поставить барабанъ въ виду оборонительной стѣны, сѣлъ на него и принялся разсматривать непріятельскія укрѣпленія. Офицеры и казаки его окружали. Непріятель обратилъ на него всѣ свои выстрѣлы, но это нисколько не смущало хладнокровнаго генерала; онъ продолжалъ свое дѣло.

Состоявшій при немъ капитанъ Бартеневъ, получивъ рану, упалъ къ нему на плечо.

— Дражайшій, могъ бы выбрать другое мѣсто чтобъ упасть, обратился къ нему Вельяминовъ, и опять приставилъ къ глазу зрительную трубу.

Князь Дадіанъ, командиръ Эриванскаго полка, подбѣжалъ къ нему съ горячею просьбой пожалѣть свою драгоцѣнную жизнь и уйти съ этого мѣста.

— Да, князь, отвѣтилъ онъ, — здѣсь дѣйствительно очень опасно, только не для меня, а для васъ, поэтому не угодно ли вамъ съ баталіономъ идти въ гору и прогнать непріятеля изъ заваловъ справа фланкирующихъ стѣну.

Это былъ сарказмъ не на словахъ, а на практикѣ. Карабкаться по скаламъ, штурмуя завалы, жгло жарче пухъ летавшихъ около Вельяминовскаго барабана.

Когда эриванскій баталіонъ, выбивая непріятеля, на полу-горѣ поровнялся съ поперечною стѣной, было приказано снова идти на штурмъ. Въ головѣ колонны находились саперы и сотня гребенскихъ казаковъ подъ командой майора Каде. Проходящимъ мимо него баталіономъ Вельяминовъ погрозилъ только пальцемъ, при словѣ: „не пади назадъ“, и Гимры были взяты. Первые проскочили въ узенькій проходъ, на два аршина поднятый отъ земли, нѣсколько человекъ саперовъ, за ними казаки, и потомъ пробралась пѣхота. Натискъ былъ такъ стремителенъ, что Казимегмету не удалось уйти изъ башни въ которой онъ сидѣлъ; ее обошли съ тылу, и тутъ повторилась сцена герменчутской обороны. Вельяминовъ прошелъ на другую сторону чрезъ отверстіе расширенное саперами, и опять сѣлъ противъ самой башни, въ которой нѣсколько не чаявша Казимегмета, полагая что онъ, по принятому обыкновению, давно успѣлъ привести въ безопасность свою священную особу. Два горныя орудія трудились разбить башенную дверь. Гребенской казакъ показалъ при этомъ случаѣ рѣдкій примѣръ преданности. Изъ одной бойницы, пробитой въ башнѣ немного выше человѣческаго роста отъ земли, дѣлили прямо въ Вельяминова; нѣсколько пуль уже просвистали надъ его головой, Казакъ подымалъ плоскій камень, разбѣжался къ башнѣ, и прильнувъ къ стѣнѣ, заткнулъ имъ опасную бойницу. Изнутри отталкивали камень, казакъ нажималъ его сильною рукою; нѣсколько минутъ продолжалась борьба; солдаты бросились къ нему на подмогу, но не успѣли подбѣжать; камень выпалъ изъ рукъ, ему обрѣзали пальцы кинжаломъ, и въ то же мгновеніе пистолетная пуля покончила удааго молодца, пожертвовавшего собой для сбереженія своего, столько же строгаго, сколько достойнаго начальника.

Богдановичъ съ егерскимъ баталіономъ, надъ которымъ онъ принялъ начальство послѣ раненаго Резануилова, выбивалъ непріятеля изъ нагорныхъ заваловъ съ лѣвой стороны

ущелия. На вышомъ ширѣ, предъ послѣднимъ заваломъ, его поразила смертельная пуля. Солдаты, любившіе его какъ отца, разсвирѣбли, и не давая пощады, сорокъ Лезгинъ сбросили въ пропасть.

Албрандъ былъ раненъ пулей въ грудь, и не будь на немъ широкій мѣдный образъ, измѣнившій ея направленіе, онъ легъ бы тутъ костью.

Кзаки и саперы ворвались наконецъ въ башню и перебили всѣхъ ея защитниковъ. Когда вытащили тѣло, находившіеся при этомъ горцы съ ужасомъ узнали между ними, Кази-Мегмета, а нашихъ чрезвычайно обрадовало такое неожиданное открытіе, возбуждая миролюбивыя надежды, которыя, впрочемъ, не сбылись. Дальніе приверженцы его не хотѣли вѣрить въ смерть своего имама; для убѣжденія ихъ принуждены были выставить тѣло на показъ. Съ воплями собирались они къ нему, и удостовѣрившись наконецъ въ томъ что святость мусульманская дѣйствительно не спасла его отъ русскаго штыка, стали являться съ повинною головою и просить пощады у краснаго генерала. Капитанъ Бестужевъ-Рюминъ срисовалъ мертваго Кази-Муллу; потомъ рисунокъ его былъ литографированъ въ чертежной тифлискаго генеральнаго штаба, гдѣ, полагаю, и теперь еще существуютъ нѣсколько экземпляровъ.

При взятіи гамринскихъ заваловъ и дракѣ въ селеніи, 17-го и 18-го октября, вышло изъ строя до трехсотъ человѣкъ.

Весь Дагестанъ и обѣ Чечни покорились русской власти, но не долго длилась ихъ принужденная покорность. Гамзатъ-бекъ аварскій объявилъ себя наследникомъ духовной власти принадлежавшей убитому Кази-Мегмету, сталъ во главѣ миридовъ, и полгода спустя снова примался волновать горцевъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября распустили войска на зимовыя квартиры. Баронъ Розень уѣхалъ въ Тифлисъ чрезъ южный Дагестанъ; Вельяминова ждали на Линіи. Это былъ конецъ во всѣхъ отношеніяхъ удачной экспедиціи тысяча восемьсотъ тридцати втораго года.

IX.

Скучно было мнѣ лежать въ опустѣломъ домѣ, безъ всякаго занятія, безъ книгъ и безъ журналовъ, которыми, признаться, закоренные Кавказцы тогда очень мало интересо-

вались, и гдѣ слишкомъ много собственнаго дѣла поглощавшаго все ихъ вниманіе. Широкій турецкій диванъ, на которомъ я помѣщался, стоялъ въ глубокой нишѣ украшенной собраніемъ литографированныхъ красавицъ, бывшимъ въ тѣ времена въ большомъ ходу и проникшимъ даже въ самые отдаленные концы Кавказа. Съ утра до позднаго вечера для меня открывалось одно дѣло: принужденно неподвижнымъ взглядомъ изучать облики всѣхъ этихъ большоглазыхъ, жеманныхъ Сидоній, Меланій, Ивидорій и Авроръ, и сливъ ихъ въ одинъ общій очеркъ, составлять себѣ идеалъ красоты способной на вѣки приковать мое сердце, если только судьба сподобитъ отыскать его на дѣлѣ. Эта мысленная работа очень скоро обратилась въ совершенно безмысленное глядѣніе на стѣну, отъ котораго рябило въ глазахъ, и я всегда былъ радъ когда старикъ Берхъ, или мой лѣкарь Чурукай, своимъ присутствіемъ выводили меня изъ томительнаго состоянія созерцательнаго бездѣлья. Слегка поворотивъ голову—другое движеніе было мнѣ запрещено—я могъ видѣть станичную площадь чрезъ низенькое окно, но и тамъ находилъ мало пищи для любопытства. Она почти всегда оставалась пустою и оживлялась только въ случаѣ тревоги. Несмотря на покорность изъясненную горцами послѣ экспедиціи, прорывы чрезъ кордонъ не успѣли еще совершенно прекратиться. Иногда они дѣлались съ прямою цѣлію воровства; иногда только ради мщенія. Раза два въ недѣлю поднималась ночью тревога. Топотъ скачущихъ лошадей будилъ меня; резервъ собирался на площади; разносились по улицамъ призывные клики казаковъ и голоса казачекъ, которыя никакъ не упускали случая вмѣшаться въ дѣло, языкомъ всегда, а иногда и ружьемъ. Въ Моздокскомъ полку тогда живо еще хранилось преданіе о томъ какъ казачки въ старое время отстояли Наурскую станицу противъ Кабардинцевъ, обороняясь пока мужа не вернулись изъ партии и не выручили ихъ, разбивъ непріятеля на голову. Въ воспоминаніе этого подвига ежегодно праздновалась въ Наурѣ такъ-называемый бабій день, въ продолженіе котораго бабы и дѣвки царствовали въ домѣ и на улицѣ, что въ обыкновенное время не подходило къ казачьему порядку.

На утро послѣ каждаго ночнаго происшествія Берхъ не пропускалъ, вмѣстѣ съ чаемъ, надѣлать меня подробнымъ о немъ разказомъ. То отогнали лошадей и быковъ, то подстрѣ-

лиди казака на пикетѣ, зарѣзали старика на пчельникѣ, или захватили ребятишекъ, безъ спросу убѣжавшихъ въ виноградники. Одинъ изъ этихъ случаевъ, выходящій изъ ряду обыкновенныхъ покушеній, стоить разказать подробно.

Нѣсколько разъ упоминалъ я о секретахъ которые имѣли привычку выставлять на кордонѣ, вдоль Кубани и Терека; поэтому не стану повторять моихъ прежнихъ поясненій, а прибавлю только что происшествіе случилось на секретѣ въ началѣ декабря, при очень чувствительномъ холодѣ, и когда по Тереку шла „порошня“, то-есть рѣка еще не замерзла, но уже гнала льдины. Полагая что въ такое время никакая живая тварь не сможетъ переплыть чрезъ рѣку, и холодъ да льдины совершенно оберегаютъ ихъ отъ вражескаго покушенія, пять казаковъ, вмѣсто того чтобы лежать въ секретѣ со всегдашнею осторожностію, развели на берегу Терека огонекъ, да возлѣ него и заснули. На счастье, одинъ изъ нихъ проснулся и пошелъ подемотрѣть не пробрался ли пожатый урядникъ повѣрять какъ казаки исправляютъ службу на кордонѣ. Возвращаясь къ огню, онъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Возлѣ его спящихъ товарищей стояла страшная фигура: неизвѣстный человекъ, какъ Богъ его сотворилъ, грѣлъ руки надъ огнемъ.

Казакъ остановился поглядѣть что будетъ дальше.

Нагой незнакомецъ только что имѣлъ на себѣ что пося на которомъ висѣлъ кинжалъ. Погрѣвъ руки нѣсколько мгновеній, онъ сталъ хватать его за рукоятку; оконченнѣшіе пальцы не сжимались.

Казакъ догадался кто онъ таковъ; потихоньку вынулъ ружье изъ лагалища и приложился, однако придержалъ выстрѣлъ, размышляя: отъ пули не увернется, такъ погожу еще, да посмотрю какъ станетъ нехристь изловчатся.

Ночной гость слова принялся отогрѣвать руки, опять сталъ братья за кинжалъ, и вторично не стиснулъ замерзшей руки; тогда онъ сунулъ ее прямо въ угольный жаръ.

Нѣтъ, братъ, погоди, подумалъ казакъ,—дѣло не хорошее; спустил курокъ, и нагая фигура повалилась во огонь.

Сонные казаки встрепнулись; по выстрѣлу поднялась тревога; прискакалъ постовой офицеръ и дозналъ въ чемъ дѣло. Чеченецъ изъ-за Терека увидалъ огонекъ освѣщавшій спящихъ казаковъ. На Русскихъ у него была канда, душа не вытерпѣла, онъ раздѣлся, бросился въ мерзлую воду и пере-

пыль чрезъ рѣку напиться вражьей кровію. Помѣшали ему околѣнѣвшія руки, да случайно пробудившійся казакъ, не то секретныя поплачались бы головами за свою неосторожность.

Долѣ трехъ недѣль продолжалось мое одиночество, и во все это время только одно обстоятельство заняло мое размышленіе, заставивъ подумать о служебной будущности. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры я получалъ отъ Вольховскаго письмо, въ которомъ онъ спрашивалъ какой желаю я для себя награды, перевода въ гвардію или въ генеральный штабъ, и въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ уговаривалъ послѣ излѣченія вернуться въ Тифлисъ и непрежнему продолжать службу въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Въ Тифлисъ манили теплый климатъ, прекрасная природа Грузіи и веселая городская жизнь, кромѣ того дружескій тонъ письма увлекъ мои чувства, и не зная про желаніе Вельяминова меня удержать, я отвѣтилъ утвердительно, отклонивъ только переводъ въ гвардію, предпочтя служить въ генеральномъ штабѣ.

Скоро послѣ того Зассъ. вернулся изъ похода. Домъ оживился множествомъ гостей, по большей части ѣхавшихъ по Линіи въ Ставрополь и въ Тифлисъ. Завелась самая шумная жизнь: обѣды и ужины съ легкими попойками, поутру охота, вечеромъ игра въ карты. Въ это время и я поднялся съ постели, недѣли двѣ ходилъ на костыляхъ, и потомъ воспользовался собственными ногами. Въ срединѣ ноября я уже могъ сидѣть на лошади, и былъ на зайчьей охотѣ, хотя и безъ особеннаго удовольствія, а болѣе изъ подражанія, чтобы не отстать отъ другихъ. Не люблю я слышать жалобный ребячій крикъ подстрѣленнаго зайца, и даже въ молодости готовъ былъ охотиться за звѣремъ, съ которымъ встрѣча сопряжена съ нѣкоторою опасностію, но никогда не находилъ удовольствія бить безвредное животное и особенно бѣдныхъ птицъ. Понимаю что человекъ набиваетъ себѣ голодный желудокъ разною живою тварью,—слабый созданъ сильному на сѣденіе,—и самъ питаюсь помощію этой нечистой привычки; но не могу понять забавы обращенной въ благородное искусство убивать красивыхъ, веселыхъ и невзвѣжныхъ жильцовъ лѣса и полей, ежели кого нужда не осудила на это ремесло. У каждаго, впрочемъ, свой взглядъ и свои склонности; не стану спорить и доказывать какъ мало требуется ума и души для практикованія высокой охотничьей науки. На это могутъ

сказать: а война, въ которой бьютъ людей? Отвѣчу, что никогда войны не любилъ, и считаю ее глубокимъ зломъ, неотвратимымъ однако пока человѣчество не освободится отъ гнета жалкаго невѣжества, искони вѣковъ враждующаго противъ правды и справедливости. До той поры одна сила способна приводить людей въ расудокъ и сберечь между ними принужденный порядокъ, или служить къ ихъ крайнему униженію, если завладѣлъ ею бездушный честолюбецъ. А отдалъ я себя на службу этой силе не ради удовольствія гладѣть какъ бьютъ людей, а съ желаніемъ, въ числѣ другихъ, упорствовать противъ существующаго зла и на защиту роднаго края пожертвовать и мою ленту пота и крови.

Зассъ, вернувшись изъ отряда, передалъ мнѣ приказаніе отъ Вельяминова, если рана даже затѣчилась, не увѣзжать изъ Наура прежде чѣмъ онъ самъ пріѣдетъ и удостовѣрится въ силахъ ли я перенести зимнее путешествіе. Эта заботливость снова обратила мои мысли къ Алексѣю Александровичу и, признаться, заставила меня пожалѣть объ отвѣтѣ который я далъ Вольховскому насчетъ моего возвращенія въ Грузію. Меня сильно къ нему влекло, но дѣло было рѣшено; отказаться отъ своего слова я считалъ слишкомъ неблагороднымъ. Во второй половинѣ ноября Вельяминовъ пріѣхалъ въ Науръ и прожилъ двое сутокъ въ домѣ у Засса. Онъ былъ очень занятъ дѣлами, и послѣ первыхъ двухъ словъ коснувшихся до раны и до здоровья, призвалъ меня не прежде другаго дня.

Тогда уже онъ былъ принужденъ, по причинѣ груднаго страданія, проводить большую часть дня въ лежачемъ положеніи. Онъ принялъ меня лежа на походной кровати, съ руками заложеными подъ голову. Первое слово его было:

— Ну, дражайшій, теперь ты выдоровѣлъ, готовься ѣхать въ Ставрополь; я хочу просить корпуснаго командира совершенно отдать тебя въ мое распоряженіе. Не правда ли, ты съ этимъ согласишься?

— Согласенъ, Алексѣй Александровичъ, да нельзя.

— Отчего нельзя? Тебѣ будетъ у меня хорошо; лѣтомъ мы поѣдемъ въ Пятигорскъ, гдѣ ты докончишь лѣченіе; ты будешь жить у меня и ни въ чемъ не станешь нуждаться.

— Понимаю всѣ выгоды остаться при вашемъ лицѣ, да нельзя.

Я разказалъ ему про письмо Вольховскаго и про мой отвѣтъ.

Онъ пожелалъ видѣть письмо, прочелъ его, повертѣлъ въ рукѣ и сказалъ:

— Противъ письма нечего говорить, онъ, кажется, жааетъ тебѣ добра, но въ силахъ ли будетъ исполнить все обѣщанное—требуется доказательства. Жаль что поспѣвшия отвѣтомъ, слова нарушать не должно, поэтому отправляйся съ Богомъ; но помни, что если тебѣ станетъ тамъ тяжело, то я всегда охотно готовъ тебя принять. Ты еще молодъ, рвешься куда не нужно; тебя истощать, а я бы тебя поберегъ, да современемъ сдѣлалъ настоящимъ человѣкомъ.

Потомъ онъ пережвнилъ разговоръ и болѣе часу распрашивалъ о прежней службѣ и о томъ что случилось замѣтить, изрѣдка вышывая слово и поправляя меня, когда мои заключенія отзывались неопытною.

На отвѣздѣ, сидя уже въ коляскѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Пожалѣешь что не поѣхалъ со мной.

Дѣйствительно, при Вельяминовѣ, можетъ-статься, вся моя жизнь и служба сложились бы совершенно иначе. Подъ его руководствомъ я бы въ нѣсколько лѣтъ дошелъ до того взгляда на вещи который мнѣ дался гораздо позже, послѣ многихъ горькихъ уроковъ, и то, быть-можетъ, не въ самомъ вѣрномъ практическомъ направленіи. Однако тутъ нечего жалѣть, и такъ моя жизнь обошлась не дурно; не нахожу причинъ жаловаться на судьбу и на людей. Не досталось мнѣ одно добро, такъ я воспользовался другими благами сего міра, и теперь безропотно взираю на прошедшее, съ покойнымъ духомъ ожидаю будущаго.

Позже я только разъ представился ему въ Пятигорскѣ, передъ лѣномъ. Попрежнему онъ былъ ласковъ со мною и послѣ того много хлопоталъ о моемъ освобожденіи. Когда я, послѣ двухъ лѣтъ, вернулся на русскую сторону, его уже не было въ живыхъ. Докторъ Мейеръ, находившійся при немъ въ послѣднія минуты вмѣстѣ съ Ольшевскимъ, часто повторялъ мнѣ разказъ о его кончинѣ. Вельяминовъ жилъ и умеръ со стоическою твердостью, въ полной памяти, ни на мгновеніе не измѣнивъ своему характеру. Чувствуя приближеніе смерти, онъ изъ закубанскаго отряда выѣхалъ въ Ставрополь, привелъ въ порядокъ служебныя и домашнія дѣла и спокойно сталъ ожидать конца. Руководимый своими позна-

ніями въ медицинѣ, онъ слѣдилъ за болѣзнію такъ вѣрно что предсказалъ время печальнаго исхода, обманувшись только однимъ днемъ, и въ послѣдствіи поправилъ даже эту ошибку. Наканунѣ имъ самимъ назначеннаго дня, Мейеръ и Ольшевскій обѣдали у него въ кабинетѣ, возлѣ покойныхъ креселъ его. Послѣ обѣда Ольшевскій ушелъ, по всегдашнему обыкновению, и Мейеръ хотѣлъ идти, не замѣчая еще у больного предсмертной перемѣны. Вельяминовъ его остановилъ.

— Не уходи, Мейеръ, иначе меня болѣе не увидишь. Я вѣдь ошибся: сегодня умру, а не завтра.

Мейеръ сталъ его обнадеживать.

— Не теряй словъ по-пустому. Я лучше тебя знаю. Посиди еще. Теперь я засну, одолеваетъ дремота, но не бойся, это еще не конецъ, я проснусь предъ тѣмъ.

Мейеръ остался и внимательно слѣдилъ за больнымъ; пока онъ дремалъ, лицо стало измѣняться, дыханіе спиралось въ груди, но сердце билось. Вдругъ онъ раскрылъ глаза.

— Правъ я былъ когда сказалъ что проснусь, а теперь всему конецъ. Прощай!

Съ этими словами онъ заснулъ на вѣки.

Кавказъ и всѣ знавшіе каковъ онъ былъ дѣйствительно много потеряли съ его смертію.

Въ концѣ ноября я распротился съ Науромъ, унося съ собою весьма выгодное впечатлѣніе и привязавшись къ Зассу, у котораго считалъ себя въ неоплатномъ долгу за дѣйствительно тщательный уходъ въ его домѣ. До Тифлиса ѣхалъ я не спѣша, чтобы не разбередить свѣжей еще раны. Во Владикавказѣ пробылъ я три дня, навѣстилъ мою прежнюю хозяйку и не забылъ взглянуть на знакомыхъ съ первой okazji ставропольскихъ институтокъ. Онѣ по-прежнему чопорно жеманились, тратя свой легкой умъ и сомнительную граціозность на подражаніе вѣчно отъ нихъ ускользавшему *comme il faut*, подмѣченному у какихъ-то проѣзжихъ московскихъ или петербургскихъ барынь. Быть-можетъ, я сужу слишкомъ строго о моихъ владикавказскихъ дѣвицахъ, но послѣ Тифлиса онѣ потеряли много прелести въ моихъ глазахъ. У нихъ въ домѣ я имѣлъ однако случай полюбоваться дочерьми плацъ-маіора Курилы, только-что расцвѣтавшими дѣвочками, истинно рѣдкой красоты. Одна изъ нихъ сдѣлалась въ послѣдствіи супругой генерала Несте-

рова, такъ несчастливо кончившаго существованіе отъ мозговой болѣзни.

По дорогѣ къ Тифлису, между Дарьяльскимъ постомъ и Казбекскою почтовою станціей, меня ожидала громадная лавина упавшая съ вершины Казбека. Засыпавъ снѣгомъ и горами гранита и порфира тринадцать верстъ своего пути къ Тереку, она загромодила ущелье во всю ширину, на протяженіи трехъ сотъ сажень. Прѣздъ по Военно-Грузинской дорогѣ прекратился въ заваленномъ мѣстѣ; почтовыя лошади подвозили къ подножію выросшей на пути снѣговой горы, по другую сторону свѣжія тройки принимали путешественника. На завалъ приходилось подыматься по ступенямъ вырубленнымъ во льду. Посрединѣ снѣговой массы образовалась разсѣлина сто-футовой глубины, чрезъ которую для перехода были переброшены доски. Разсѣлина эта на другой годъ до того расширилась, что принуждены были переправлять черезъ нее въ висячемъ ящикѣ, ходившемъ на блокахъ по толстымъ канатамъ. Казбекскій завалъ до того времени падалъ періодически чрезъ каждыя семь или девять лѣтъ. Послѣ того я не слыхивалъ о повтореніи явленія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ.

Въ Тифлисѣ я прибылъ наканунѣ 6-го декабря. Тогда это былъ великій день для цѣлой Россіи и, не говоря уже о Петербургѣ, не было губернскаго города въ которомъ бы онъ не праздновался молебствіями, официальными обѣдами у старшихъ властей и балами. Городскія красавицы нетерпѣливо ожидали наступленія этого дня и за мѣсяцы готовили самыя поразительныя туалеты. И въ Тифлисѣ готовилась балъ у корпуснаго командира, на которомъ я имѣлъ право присутствовать въ числѣ прочихъ находившихся на лицо офицеровъ. Праздникъ у главноуправляющаго Кавказскимъ краемъ могъ соперничать въ блѣскѣ съ любымъ столичнымъ баломъ, а относительно разнообразія обстановки и разноплеменности гостей стоялъ несравненно выше. Тутъ, какъ и въ экспедиціонномъ отрядѣ, можно было встрѣтить представителей всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ нарѣчій. Красавицамъ не было счета, и въ сонмѣ ихъ, какъ двѣ звѣзды первой величины, свѣтили Нина Грибовдова и сестра ея Катерина. Вольховскій, старинный пріятель ихъ отца, князя А. Г. Чавчавадзе, самъ подвелъ меня къ его супругѣ княгинѣ Саломе и къ дочерямъ, и представилъ какъ одного изъ

страдальцевъ послѣдней экспедиціи. Не знаю на сколько эта оговорка надбавила интересу въ мою пользу, помню только что онѣ своею добродушною встрѣчей возбудили во мнѣ смѣлость на другой же день явиться къ нимъ на поклонъ. Не прошло мѣсяца, и я сталъ у нихъ хотя не домашнимъ чело-вѣкомъ, но такимъ который бывалъ ежедневно, обѣдалъ очень часто и просиживалъ долгіе зимніе вечера, когда онѣ сами не были приглашены въ гости.

Впрочемъ, не я одинъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ ихъ дома и вѣрнымъ поклонникомъ двухъ привлекательныхъ сестеръ. Я примкнулъ только скромнымъ оруженосцемъ къ многочисленной, не одними мундирами блиставшей, фалангѣ ревностныхъ обожателей ихъ красоты и душевныхъ качествъ. Были тутъ страдальцы готовые тотчасъ же повергнуть къ ихъ прекраснымъ ножкамъ сердце и руку, еслибы только прогаянула искра надежды на благосклонный пріемъ такого жертвоприношенія. Все напрасно. Шестнадцатилѣтняя вдова Грибоѣдова умерла подъ вдовьимъ покрываломъ, а сестра ея нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлавшись женой владѣтельнаго, поступила въ свѣтлѣйшія Екатерины Александровны. Я же былъ слишкомъ молодъ и зависимъ отъ обстоятельствъ чтобы заноситься со своими претензіями такъ высоко; не видя цѣли и проку, остерегался осаждать ихъ сердца вздохами, на которые вообще не любилъ терять время, и можетъ-статься, по этимъ самымъ причинамъ былъ награжденъ откровеннымъ расположеніемъ, если меня не обманываетъ самолюбіе. Быть-можетъ, одна душевная доброта заставляла ихъ ласково переносить частое присутствіе молодого, не слишкомъ занимательнаго чело-вѣка, въ которомъ только и могла для нихъ имѣть цѣну его безразчетная привязанность ко всему дому; не хочу однако, для собственнаго утѣшенія, примириться съ мыслию, чтобы тутъ не было хоть искры настоящей дружбы. Я очень любилъ все семейство; и по сю пору не могу дать себѣ полного отчета которая изъ сестеръ поистинѣ мнѣ больше нравилась. Лучистые глаза Екатерины Александровны и ея чудная улыбка жгли мнѣ сердце, томная красота и ангельскій нравъ Нины Александровны обливали его цѣлительнымъ бальзамомъ; къ одной стремились глаза и сердечныя чувства, къ другой влекло душу непреодолимою силой. Какъ тутъ

рѣшить, и ума не приложить. Годами длилось наше знакомство, безъ всякой перемѣны. Князь Александръ Герсевичъ и княгиня Саломе были со мной всегда одинаково ласковы, Катерина Александровна и въ самъ свѣтлости дарила улыбкой, а Нина Александровна продолжала обнаруживать искреннее участіе. Короткое знакомство съ семействомъ Чавчавадзеыхъ принесло еще другіе плоды. Примвру его послѣдовали въ отношеніи меня и прочіе грузинскіе семейные дома; въ Тифлисъ, мнѣ стало жить тепло и уютно.

Въ бытность барона Розена, Чавчавадзеы провели въ городѣ только одну зиму. Жили они недалеко отъ Мадатовской площади, въ домѣ у доктора Денвера. Гостиная ихъ не опорожнялась отъ гостей; каждый день съ утра собирались къ намъ родственники и родственницы грузинскіе, потому начинали приходять Русскіе, одинъ за другимъ, какъ кто освобождался только отъ службы. За столъ садились иногда, кромѣ семейства, по двадцати неожиданныхъ гостей; князь Александръ Герсевичъ держался еще старинныхъ правилъ русскаго и грузинскаго гостепримства оставлять каждаго кто пришелъ не задолго передъ обѣдомъ, и чрезъ это порядкомъ разстроилъ свое состояніе. Къ числу самыхъ частыхъ посѣтителей дома принадлежалъ и Николай Павловичъ Т—въ. Нина Александровна затронула его сердце, и онъ высказывалъ ей свои чувства полусерьезно, полумушкетерно, всегда очень умно, но въ такихъ кудряво-цвѣтистыхъ фразахъ, что она не могла слышать безъ смѣху его объявленій въ дружбѣ и преданности. Высокій, худой, близорукій, природою надѣленный длинными, необыкновенно тонкими ногами, про которыя самъ говаривалъ что осужденъ ходить на чубучкахъ, онъ былъ притомъ въ высшей степени разсѣянъ, и не зная куда дѣвать ноги, имѣлъ привычку заплетать ихъ за ножки своего стула. Это обыкновеніе не разъ уже ставило его въ весьма затруднительное положеніе. Однажды у Чавчавадзеыхъ играли вечеромъ въ какую-то игру, во время которой играющіе должны сидѣть въ кружкѣ и вставать со стула каждый разъ когда назовутъ цвѣтъ, звѣря, или цвѣтокъ раньше ими присвоенные, иначе объявляны платить фантъ за свою невнимательность. Въ кругу блистали всѣ хорошенькіе глаза, какіе только были въ тифлисскомъ обществѣ. Вызвавшись въ игру,

Николай Павловичъ опять заплелъ свои ноги самымъ хитрымъ узломъ, и въ глубокомъ раздумьѣ глядѣлъ на Нину Александровну. Неожиданно назвали принадлежащее ему качество. Онъ не отозвался. Пожтели слово; тогда, забывъ о своихъ ногахъ, онъ вдругъ поднялся и въ то же мгновеніе растаялся посреди комнаты вмѣстѣ со стуломъ, приставшимъ къ нему какъ корень къ дереву. Трудно было удержать серьезный видъ, всѣ расхохотались; одна Нина Александровна съ участіемъ бросилась ему помогать. При своемъ добродушіи, она не хотѣла и замѣчать его странностей, а видѣла въ немъ только хорошія стороны честнаго, добраго человѣка, и всегда говорила что очень его любить и находить истинное удовольствіе проводить съ нимъ время.

Этотъ самый Т—въ собиралъ насъ къ себѣ на литературные вечера. Въ просторной комнатѣ широкой, мягкой диванъ занималъ три стѣны, позволяя предаваться вниманію сидя, лежа, въ какомъ угодно было положеніи. Посрединѣ стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, надъ которымъ, пригвѣшенная къ потолку, единственная лампа ярко освѣщала чтеца, оставляя слушателей въ таинственномъ мракѣ. При такой искусно подготовленной обстановкѣ онъ читалъ намъ отрывки изъ своего *Cicerone del Caucaso* въ которомъ описывалась разказанная мною чеченская экспедиція съ поэтической точки зрѣнія, между тѣмъ какъ я старался удержатъ свое повѣтствованіе въ тѣсныхъ предѣлахъ фактической прозы. Умно было написано, занимательно слушать; случалось ему только утомлять насъ, зачитываясь до поздней ночи. Послѣ чтенія подавали хорошій ужинъ, которымъ, къ сожалѣнію, не могли вполне насладиться одолѣваемые сномъ слушатели. Кто-то изъ пріятелей вздумалъ ему посоветовать переимѣнить порядокъ, начавъ съ ужина и кончая чтеніемъ. Онъ согласился, и на слѣдующій разъ мы сначала утолили голодь, а потомъ разлеглись на диванѣ слушать чтеца. Уже съ часъ декламируя съ жаромъ, онъ нисколько не замѣчалъ что дѣлается въ темныхъ концахъ комнаты. При одномъ удачномъ пассажѣ Т—въ обратился къ слушателямъ: не правда ли счастливое сравненіе? (Ему сильно нравились уподобленія во вкусъ тогдашней французской школы.) Нѣтъ отвѣта. Онъ приподнялъ ширмы надъ лампой, и что же представилось его взору? кругъ слушателей, благо-

даря соблазнительному дивану, покоился въ глубокомъ снѣ, и на вопросъ его индѣ отвѣчали только одобрительнымъ храпомъ. Съ той поры онъ прекратилъ чтенія, но какъ умный человѣкъ, продолжалъ угощать обѣдами и ужинами безъ литературной приправы.

Тифлисское общество вообще очень разбогатѣло людьми съ которыми пріятно было жить. Ординарецъ корпуснаго командира, графъ Девіерь, занялъ вмѣстѣ съ Цукато маленькій красивый домикъ надъ оврагомъ пролежавшимъ чрезъ Эриванскую площадь. Онъ былъ очень хорошій пианистъ, и скоро образовался около него кружокъ любителей музыки, съ удовольствіемъ собиравшихся слушать его пріятную игру. Сколько прекрасныхъ вечеровъ провелъ я у этихъ хорошихъ, талантливыхъ людей, давно уже покинувшихъ здѣшній міръ. На Эриванской площади жили еще: адъютантъ Языковъ, умершій въ помѣшателствѣ, Павелъ Бестужевъ и Каменскій съ молодымъ красивымъ кумыкскимъ княземъ Мусса-Хасаемъ, котораго они взялись воспитывать на европейскій ладъ, Савостьяновъ, и умный, хронической лѣзью одержимый, Клементій Р., кандидатъ въ офицеры генеральнаго штаба, сыпавшій веселыми остротами когда лежалъ на своемъ покойномъ диванѣ, нахмуренный и ѣдкій когда необходимость заставляла его разстаться съ нимъ хотя бы на самое короткое время. Число адъютантовъ корпуснаго командира умножилось еще К. Рихтеромъ, отличнымъ офицеромъ и самымъ добрымъ товарищемъ, какого только можно пожелать. Веселый, беззаботный, онъ глядѣлъ на жизнь какъ на нескончаемый праздникъ, и не скупясь тратилъ ее на удовольствіе себѣ и другимъ, пока тяжкая болѣзнь не сокрушила его упругую натуру.

Къ числу лицъ разнообразившихъ интересъ нашего круга безспорно принадлежали многіе изъ помилованныхъ декабристовъ, отбывавшихъ на Кавказѣ послѣдніе годы своего отчужденія отъ родины. Это были люди получившіе большею частію хорошее воспитаніе, нѣкоторые съ замѣчательными душевными качествами, испытанные несчастіемъ и наученные тяжелымъ опытомъ жизни. Для молодежи они могли слѣжить спасительнымъ примѣромъ и урокомъ. Спрашиваю, можно ли было, узнавъ, не полюбить тихаго, сосредоточеннаго Корниловича, автора *Андрея Безымяннаго*, скромнаго

Нарышкина, Коновницына, остроумнаго Одоевского и сердечной добротой проникнутаго Валерьяна Голицына. Съ Александромъ Бестужевымъ (Марлинскимъ) я имѣлъ случай часто встрѣчаться у брата его, Павла. Литературный талантъ его извѣстенъ и давно оцѣненъ, поэтому нечего о немъ говорить. Какъ человѣкъ, онъ отличался благородствомъ души, былъ слегка тщеславенъ, въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ ослѣплялъ бѣглымъ огнемъ остроты и каламбуровъ, при обсужденіи же серьезныхъ вопросовъ путался въ софизмахъ, обладая болѣе блестящимъ чѣмъ основательнымъ умомъ. Онъ былъ красивый мужчина и нравился женщинамъ не только какъ писатель, о чемъ въ мое время кое-что поговаривали въ Тифлисѣ.

Наши сношенія съ этими лицами были самыя открытыя и безвредныя въ политическомъ смыслѣ. Да мало ли изъ нихъ, попавъ въ бѣду совершенно молодыми людьми, сами не зная какъ, были способны къ чему угодно только не къ политической агитаціи. При всемъ этомъ нашлись такіе люди и въ Тифлисѣ которые „изъ ревности и преданности“, а, полагаю, ближе всего изъ ошибочнаго низкаго разчета, писали тайные доносы насчетъ опасности могущей возникнуть отъ сближенія молодыхъ офицеровъ съ людьми осужденными закономъ за политическое преступленіе. Не входя въ ихъ забытое прошедшее, съ которымъ они сами давно покончили, безъ всякой задней мысли, и я водился съ ними, не опасаясь показываться публично въ ихъ обществѣ, и никакъ не скрывалъ мою симпатію къ Нарышкину и Голицыну. По этому случаю одинъ господинъ счелъ обязанностію шепотомъ мнѣ посоветовать быть поосторожнѣе.

— Въ чемъ? спросилъ я.

— Въ выборѣ вашего знакомства.

— Съ кѣмъ?

— Съ господами... вы сами знаете. Вѣдь еще помнѣть за что они попались.

— Что же можетъ выйти изъ этого, если я стану продолжать мои сношенія, какъ ихъ началъ.

— Начальство можетъ усомниться въ направленіи вашего образа мыслей.

— Жалю о начальствѣ которое во мнѣ такъ мало увѣрено. Каждый навѣтъ, которымъ бы вздумали меня очернить, я надѣюсь опровергнуть фактомъ, не одними увѣреніями;

поэтому ничего не опасаясь. Прощайте, благодарю за важное участие.

Тотъ же самый господинъ, гораздо позже, совѣтовалъ мнѣ также прервать знакомство съ Чавчавадзевыми, по поводу довольно глупаго дѣла, въ которое отъа ихъ вмѣшали совершенно безвинно; я опять его не послушалъ и продолжалъ видѣться съ ними. Если это кому приходилось не по душѣ, то жалю о немъ, а не о себѣ, ибо находилъ большое удовольствіе къ нимъ ѣздить.

Въ продолженіи всей зимы съ тридцать втораго на тридцать третій годъ въ Тифлисъ много веселились, какъ веселились въ мою бытность въ Грузіи еще одну только зиму, въ началѣ управленія генерала Головина, когда его супруга съ дочерью и вернувшіеся въ городъ Чавчавадзе-вы наперерывъ старались оживить общество помощью своего неисчерпаемо любезнаго гостепріимства. Въ обѣ зимы намъ какъ будто недоставало времени жить. Обѣды въ семейныхъ домахъ смѣнялись пирами въ загородныхъ садахъ, гдѣ, подъ звукъ тамбурина шемахинскихъ баядерокъ, вокругъ стола ходили азарнешъ да турій рогъ, черезъ край переливаясь красною струей кахетинскаго. Вечера смѣнялись балами, и почти никогда ими не кончался нашъ день; чаще всего утренняя заря заставала насъ еще у кого-нибудь изъ товарищей, къ которому собиравались окончательно израсходовать остатокъ силъ, не истощенныхъ балами. Къ поддержанію ровнаго, всегда пріятнаго хода нашей беззаботно веселой жизни много способствовалъ вѣжливый, очищенный отъ неумѣстныхъ словъ и шутокъ тонъ, господствовавшій тогда въ кругу офицеровъ, собранныхъ въ Тифлисъ, можно сказать, со всѣхъ концовъ Россіи. Въ продолженіи всего управленія барона Розена, за исключеніемъ двухъ неприятныхъ случаевъ коснувшихся до людей не принадлежавшихъ собственно къ нашему кругу, въ штабъ его не произошло ни одной скандальной исторіи, не случилось вызова, и почти не было сказано неприятно громкаго слова. Было принято за правило во всѣхъ собраніяхъ, на холостыхъ обѣдахъ, и гдѣ бы то ни было, тотчасъ прекращать разговоръ, если кто-нибудь изъ присутствующихъ объявлялъ что онъ его затрогиваетъ неприятнымъ образомъ; и все общество единодушно останавливало того

кто бы вздумалъ поступать въ противномъ емыслѣ. Завели и поддерживали этотъ тонъ между нами старшіе по лѣтамъ и по званію, во главѣ ихъ А. Е. Врангель, о которомъ я и прежде имѣлъ случай упомянуть какъ о человѣкѣ съ отлично благороднымъ характеромъ.

Въ нашей дружной семьѣ не обошлось однако безъ урода. Прежде я сказалъ уже нѣсколько словъ о братьяхъ П., которые, подобно двумъ фальшивымъ нотамъ, вѣтшались въ общую гармонію тифлискаго военнаго общества. Вернувшись изъ экспедиціи, они зафанфаронили, стали жить по-княжески, не имѣя достаточныхъ на то средствъ, никого этимъ къ себѣ не привлекли и, замотавшись, принуждены были скрыться со сцены освистанные публикой, не давшею увлечь себя фальшивымъ блескомъ ихъ мотовства.

Кромѣ ихъ, былъ еще субъектъ невольнo обращающій на себя всеобщее, хотя не совсѣмъ лестное вниманіе нашего военнаго круга. Это былъ извѣстный П., Полякъ, не графскаго, а просто шляхетскаго происхожденія. Какъ бы однако ни помѣщалась его колыбель, подъ графскою короной, или подъ соломенною крышею, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательно талантливая личность и умѣлъ, какъ никто, направить свое плаваніе по взволнованному житейскому морю. Высокаго роста, толстый, съ опухлымъ лицомъ, онъ, при этой не совсѣмъ благовидной наружности, обладалъ такимъ пріятнымъ органомъ, отъ котораго мѣло сердце, притомъ умѣлъ изъясняться такъ сладко, такъ пріятно, что бывало слушаемъ его съ невольнымъ увлеченіемъ. Онъ все зналъ, все видѣлъ, и мало существовало европейскихкихъ діалектовъ которыми бы онъ не владѣлъ въ совершенствѣ. Его прошедшее было покрыто интересною таинственностію. Носились темные слухи, будто бы онъ въ Южной Америкѣ дрался за свободу, и въ своей жизни перенесъ много несчастій, а какія именно, никто не вѣдалъ. Положительно знали объ одномъ, что онъ прибылъ на Кавказъ не по собственному желанію и принужденно обрѣтался въ скромномъ чинѣ армейскаго прапорщика. На Кавказѣ онъ началъ свою карьеру, какъ ловкій человѣкъ, самымъ невиднымъ образомъ, выпросившись на время экспедиціи и въ адъютанты къ командиру втораго мусульманскаго полка. Въ этой должности онъ сумѣлъ привлечь на себя вниманіе корпуснаго командира, который, по окончаніи военныхъ

дѣйствій приказалъ, не возвращая въ полкъ, оставить его при штабѣ. Въ Тифлисѣ онъ держалъ себя первое время необычайно скромно, въ гостиныхъ выбиралъ самый отдаленный уголокъ и, съ видомъ челоуѣка угнетеннаго судьбой, едва шепотомъ передавалъ свои всегда льстивыя замѣчанія. Въ служебномъ отношеніи онъ избѣгалъ всякаго замѣтнаго дѣла, и трудился въ тѣни, для другихъ.

Въ это время у баронессы Елизаветы Дмитріевны стали собираться два раза въ недѣлю, какъ было заведено до экспедиціи. Чтобы хотя нѣсколько разнообразить свои вечера, она принялась эксплуатировать салонные таланты подчиненныхъ своего супруга: кого заставляла играть на фортепіано, кого акомпанировать на скрипкѣ и виолончели, кого пѣть, кого рисовать, читать или декламировать. Въ одинъ вечеръ выступилъ на сцену и П., произнесъ французскіе стихи собственнаго сочиненія, и пожалъ всеобщую похвалу. Этотъ пріятный талантъ возбудилъ желаніе сблизиться съ нимъ, его стали чаще приглашать, и чрезъ самое короткое время онъ сдѣлался у корпуснаго командира домашнимъ челоуѣкомъ. Баронъ поручилъ ему свою частную корреспонденцію на французскомъ языкѣ, и кромѣ того сталъ употреблять въ дѣлахъ щекотливаго свойства, требовавшихъ ума и ловкости. П. вошелъ этимъ путемъ въ желанную колею. Но окончательно завладѣлъ онъ доброю, честною душой Григорія Владиміровича, когда въ день рожденія его второй дочери прочелъ поздравительную статью: „Les seize ans d'Adèle“, написанную съ такимъ избыткомъ религіознаго чувства и тонкаго пониманія дѣвичьихъ отношеній къ свѣту и къ семейству, что баронесса, слушая, только вскидывала глаза къ небу, а у барона навернулись истинныя слезы умиленія. При видѣ достигнутаго имъ эффекта, самъ П. зарыдалъ; баронесса отъ души пожала руку, баронъ обнялъ его, и съ той поры онъ занялъ въ кругу ихъ семейства мѣсто самаго близкаго и довѣреннаго челоуѣка. Мнѣ самому не разъ случалось видѣть какъ онъ разыгрывалъ сцены которыя далеко не были въ моемъ вкусѣ; да и у многихъ другихъ сердце къ нему не лежало. Цукато, напримѣръ, терпѣть его не могъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже явно выражалъ насколько онъ питаетъ къ нему уваженія; но онъ переносилъ это съ христіанскимъ смиреніемъ, отнюдь не отъ недостатка смѣлости, а потому что не имѣлъ

въ расчетѣ ссориться съ людьми пользовавшимися нѣкоторымъ значеніемъ въ военномъ обществѣ. У него были разные, не дешево обходившіеся вкусы, между прочимъ любил онъ хорошо покушать, а на удовлетвореніе ихъ требовалось душевное и тѣлесное спокойствіе и средства, которыми онъ, къ несчастію, не обладалъ. Но для этого источники раскрылись ему безъ долгаго исканія, благодаря расположенію барона и вліянію которое онъ себѣ усвоилъ. Армяне народъ чуткій, зоркій, не проглядятъ лису, когда она потянула хорошимъ слѣдомъ. Корпусный командиръ вѣрилъ ему на слово; да какъ было и не вѣрить такой чистой, безкорыстной душѣ, безотчетно преданной ему и всему дому! Долге году прожилъ онъ въ Тифлисъ въ этомъ пріятномъ положеніи, пользуясь плодами неограниченной вѣры высшаго начальника и питая замѣчательную вмѣстительность своего желудка, переносившаго послѣ сытнаго завтрака, для котораго онъ держалъ отличнаго повара, еще два обѣда въ гостяхъ, у кого-нибудь въ два часа, и потомъ въ четыре у барона, гдѣ его каждый день ждалъ приборъ. Потомъ для него создали особое мѣсто. Во вниманіе многообразныхъ познаній и на дѣлѣ доказаннаго дипломатическаго таланта, его назначили; съ большимъ содержаніемъ, чѣмъ-то въ родѣ англійскаго резидента къ азіатскому двору владѣтеля мингрельскаго, и тутъ-то онъ попалъ на широкую дорогу всякаго удовольствія, позволеннаго и запрещеннаго. Много повредилъ онъ своему доброму покровителю, и дѣломъ, и направляя его на ложный слѣдъ касательно вещей и людей. Безъ проку боролся Вольховскій противъ его вліянія; напрасно другіе старались раскрыть глаза истинно честному старику; всѣ доказательства отвергались имъ съ негодованіемъ, какъ клевета, порожденная чистою завистью. Денеші нашего импровизованнаго дипломата всегда были чрезвычайно занимательны, блистали мыслями, слогомъ и окончательно объясняли какъ въ странѣ, порученной его наблюденію, все обстоитъ благополучно и быстро подвигается къ установленію порядка наивыгоднѣйшаго для Россіи. Прозрѣлъ баронъ, да и то не вполнѣ, когда, оставляя Кавказъ, ему пришлось заплатить за П. тысячъ до десяти, выданныхъ ему заимообразно изъ экстраординарной суммы по его собственному приказанію.

Послѣ разказа о томъ какъ мы жили въ Тифлисъ, надо же припомнить и то какъ уладилось служебное дѣло для

меня. Пока мы ходили по горамъ и по лѣсамъ, въ Петербургѣ были составлены новыя штаты для генеральнаго штаба, воспрещавшіе въ моемъ маломъ чинѣ исправлять должность начальника отдѣленія. Предложеніе же Вольховскаго завѣдывать имъ вмѣсто другаго, который бы номинально пользовался этимъ званіемъ, я отклонилъ, не видя въ томъ проку ни для себя, ни для службы. Владиміръ Дмитриевичъ сначала вознегодовалъ на меня за отказъ, но потомъ дѣло обошлось, и онъ сталъ давать мнѣ работу прямо отъ себя, которую мнѣ позволено было исполнять на квартирѣ, минуя штабную канцелярію.

Жилъ я далеко не роскошно, съ товарищемъ, княземъ Чегодаевымъ, въ солдатской слободкѣ, въ небольшомъ домикѣ, который мы нанмали у женатаго унтеръ-офицера. Квартира была не щеголеватъ, комнаты малы, не высоки, меблированы крайне незатѣливо, но за то, проживая какъ на дачѣ, мы пользовались солнцемъ и воздухомъ безъ всякаго стѣсненія, и нашихъ лошадей всегда имѣли предъ глазами, что въ Грузіи считалось не послѣднимъ удобствомъ. Маленькая сѣрая бача, * мой неразлучный товарищъ, безъ труда могла приходиться ко мнѣ за хлѣбомъ и за сахаромъ, и бывало, едва раскроешь по утру глаза, а она уже глядитъ въ комнату чрезъ низенькое окно. И другими животными, и разною птицей нашъ дворъ былъ не бѣденъ; однимъ словомъ, въ солдатской слободкѣ мы пользовались всѣми прелестями буколической жизни, имѣя притомъ не далѣе двухсотъ шаговъ отъ себя городъ со всѣми его приманками.

Къ Пасхѣ вышли награды за экспедицію. Благодаря чеченской пулѣ, я былъ произведенъ въ поручики и переведенъ въ генеральный штабъ; далѣе не простирались въ то время мои честолюбивыя желанія. Около той же поры прибылъ въ Тифлисъ наименованный оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса полковникъ Христофоръ Христофоровичъ фонъ-деръ-Ховенъ, одинъ изъ честнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей съ которыми я имѣлъ счастье встрѣтиться въ жизни. У него намъ было жить и служить какъ у Христа за пазухой. Чего бы лучше, служба не трудная и пріятная, начальники люди хорошіе, товарищи отличные, общество

* Имеретинскій виходецъ, со стриженною гривой; типъ лошадей встрѣчаемыхъ на древнихъ барельефахъ.

привлекательное, небо ясное,—и мы дѣйствительно обѣими руками ловили удовольствія, которыя разсыпали предъ нами молодость и благопріятныя обстоятельства, пока, совершенно неожиданно, нѣкимъ нечаяннымъ случаемъ не разрушилъ однимъ взмахомъ лучшей связи нашего беззаботно счастливаго существованія. Черная тѣнь легла между нами и грузинскимъ обществомъ,—на короткое время,—но удовольствіе уже было испорчено. Сказалъ бы что знаю про это коротко мнѣ знакомое дѣло, да лучше, кажется, промолчать до поры до времени. И безъ того пора кончить.

Т.

Вѣна. 1868.

НОВЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

Сочиненія Державина съ объяснительными прилччаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Съ рисунками, найденными въ рукописахъ поэта. Тома I и II. С.-Петербургъ. 1864—1865.

I.

Иллюстрація, то-есть объясненіе текста очертаніями въ формахъ ваанія и живописи, есть существенное и прямое назначеніе этихъ обоихъ искусствъ въ ихъ отношеніи къ словесности во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, начиная отъ первобытной эпохи происхожденія искусства въ связи съ религіей до позднѣйшаго періода античной римской живописи, на стѣнахъ Помпеи и Геркуланума илюминовавшей измѣженную фантазію Овидія, отъ иконографіи катакомбъ до средневѣковыхъ рукописей съ миниатюрами и до скульптурныхъ украшеній готическихъ портиковъ, отъ иконабуль и народныхъ лубочныхъ картинокъ до новѣйшихъ изданій съ подтипажами Гаварни и Дорё.

Философскія идеи о природѣ и человѣкѣ, о началѣ и концѣ бытія, впервые доступныя человѣку только въ ихъ таинственномъ полусвѣтѣ религіознаго благоговѣнія къ непостижимому, болѣе и болѣе выясняются въ повѣстическихъ сказаніяхъ, переходящихъ изъ рода въ родъ съ разными дополненіями и измѣненіями, соответственно умственному, нравственному и вообще бытовому развитію поколѣній. Составившіяся такимъ образомъ въ теченіе вѣковъ философскія и религіозныя убѣжденія опираются на словесномъ преданіи,

принимающемъ въ умахъ народа характеръ исторической правды о дѣйствительномъ бытіи боговъ и героевъ прославляемыхъ въ поэтическомъ преданіи. Прежде чѣмъ письменность закрѣпитъ преданіе буквой, оно, какъ былина, какъ дѣйствительность, получаетъ свое видимое для всѣхъ подобіе въ осязательныхъ изображеніяхъ, изваянныхъ или начертанныхъ. Убѣжденіе увѣковѣчивается въ камнѣ и металлѣ. Возникаетъ цѣлый Олимпъ боговъ и богинь, столь осязательныхъ, что своею изваянною конкретностью заслоняютъ они для толпы тѣ отвлеченныя идеи изъ которыхъ они первоначально возникли и которыя такимъ образомъ, какъ живыя личности, получаютъ для народа индивидуальное бытіе въ этихъ неизмѣнныхъ, общепризнанныхъ типахъ, увѣковѣченныхъ валяніемъ и живописью.

Въ новомъ мірѣ, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, основывающагося на письменномъ откровеніи, иллюстрація прилагается уже къ готовому писанію. Изобразительныя искусства, соревнуя письменности, стремятся выразить невыразимыя тайны христіанскаго ученія и прибѣгаютъ къ пособію *символовъ*. Пальмовая вѣтвь, начертанная на могильной плитѣ, повѣствуетъ о мученической кончинѣ погребеннаго; баснословная птица фениксъ напоминаетъ о безсмертіи и воскресеніи. Крестъ знаменуетъ не только крестную смерть Искупителя, но и торжество христіанской побѣды надъ смертію и грѣхомъ. Это—не только изобразительныя очертанія, но и буквы, какъ бы новыя герооглифы, для выраженія христіанской символики, что, напримѣръ, лучше всего явствуетъ въ изображеніи рыбы, которая символически означаетъ Христа, потому что по-гречески слово *рыба* состоитъ изъ буквъ составляющихъ акростихъ цѣлой фразы: „Иисусъ Христосъ, Богъ Сынъ, Спаситель“. Идея о прообразованіи Новаго Завета въ Ветхомъ лежитъ въ основѣ всей древне-христіанской иконографіи, оставленной намъ въ саркофагахъ и стѣнной живописи подземныхъ кладбищъ. Изображенія Авраама приносящаго въ жертву Исаака, Давида со львами во рву, Ионы въ пасти кита и т. п., повѣствуютъ прообразовательно объ искупительной жертвѣ Спасителя, о сошествіи его во адъ, о трехдневной его смерти и воскресеніи и т. д. *

* См. „Общія понятія о русской иконописи“ въ *Сборникъ* на 1866 годъ Общества древне-русскаго искусства, стр. 42 и слѣд.

Древне-христіанская иллюстрація не только наглядно объясняла священное событіе, но и символически толковала смыслъ придаваемыйъ ему богословскимъ ученіемъ. Въ наибольшей полнотѣ приложена была идея о прообразованіи къ иллюстраціи Псалтыри. Какъ въ раннихъ греческихъ рукописяхъ этой книги, такъ и въ позднихъ русскихъ, на поляхъ ветхозавѣтнаго текста миниатюристъ изображаетъ событія евангельскія, которыя, какъ онъ вѣровалъ, были предсказаны царственнымъ псамопѣвцемъ: и Рождество Спасителя, и Тайную Вечерю, и Крестную Смерть, и Воскресеніе или Сшествіе во адъ и т. д.: такъ что рукопись съ такими миниатюрами, сопровождающими текстъ, вполне соответствовала такъ называемымъ „Толковымъ Псалтырямъ“, въ которыхъ каждый стихъ ветхозавѣтнаго писанія объясняется богословскими комментаріями, указывающими въ немъ пророчества и прообразованія *. Въ этомъ случаѣ миниатюристъ своими рисунками рѣшилъ задачу богослова, замѣняя при текстѣ его толкованія своими живописными изображеніями. Онъ прилагалъ иллюстрацію столько же къ ветхозавѣтному тексту, сколько и къ общепринятому толкованію, которое уже въ рисункахъ вполне явствовало.

Цикль сюжетовъ христіанской иконографіи составлялся постепенно. Сначала онъ ограничивался немногими сюжетами, какъ видно изъ художественныхъ украшеній въ катакомбахъ и на раннихъ мозаикахъ. Изображеніе только намекало на событія, а не описывало ихъ въ исторической подробности. Вѣрующее воображеніе не дерзало взглянуть во всѣ глаза на евангельскія святыни и одѣвало ихъ таинственнымъ покровомъ условнаго символа. Во всей подробности изображать событія Ветхаго и Новаго Завѣта стали *миниатюристы*, сопровождая рисунками текстъ священнаго писанія. Уже отъ IV вѣка дошло до насъ нѣсколько листовъ *Книги Бытія* съ миниатюрами, въ знаменитой греческой рукописи, въ Вѣнской Публичной Библіотекѣ. Сирійское Евангеліе съ изображеніями новозавѣтныхъ событій, въ Лаврентіанской библіотекѣ, что во Флоренціи, относятъ къ V вѣку. Иконописный цикль, раскрывался болѣе и болѣе,

* Мои *Историч. Очерки*, II, стр. 204 и слѣд.

уже къ X вѣку дошелъ до полнаго своего объема, какъ явствуетъ изъ греческаго менологія съ миниатюрами на каждый день мѣсяца, относящагося къ царствованію Василія II (въ Ватиканской бібліотекѣ). Хотя мозаика и церковная живопись рано стали соревновать миниатюры въ подробномъ изображеніи священныхъ событій, для того чтобы для вѣрующихъ умовъ самыя стѣны храма Божія предлагали на зиданіе; однако главнѣйшимъ образомъ живописной иллюстраціи текстовъ Св. Писанія искусство христіанское обязано полнотою и разнообразіемъ своихъ сюжетовъ. Иконографія замѣняетъ такимъ образомъ Писаніе для неграмотныхъ. „Иное дѣло молиться на изображеніе,—говоритъ Григорій Великій* — иное дѣло по историческому изображенію поучаться чему подобаешь молиться. Ибо что читающему предлагаетъ Писаніе, то безграмотному для его зрѣнія—изображеніе.“ Константинопольскій патріархъ Никифоръ († 828 г.), вызванный византійскими иконоборцами на болѣе подробное изслѣдованіе вопроса объ отношеніи иконографіи къ Св. Писанію, возводитъ это отношеніе къ слѣдующему философскому принципу: „И слова суть изображенія предметовъ и послѣдуютъ изъ нихъ, какъ изъ своей причины. Сначала слова касаются слуха, и потомъ помощію разсужденія слушающей достигаетъ до пониманія обозначаемаго въ нихъ предмета. Что же касается до изображенія, то оно прямо и непосредственно возводитъ душу созерцающаго къ предмету, какъ бы воочию представшему, и такимъ образомъ уже при первомъ воззрѣніи даетъ ясное и полное представленіе. По слову отца церкви (то-есть Василія Великаго), чему поучаетъ повѣствовательная рѣчь, то помощію подражанія представляетъ нѣмая картина. Слѣдовательно по скольку самый предметъ преимуществуетъ предъ словомъ, по стольку изобразительное подражаніе и подобіе предмета для его уясненія преимуществуетъ предъ звуками слова.“**

Разсматривая съ этой точки зрѣнія церковное искусство среднихъ вѣковъ, можно признать его не инымъ чѣмъ какъ необхятною иллюстраціей Св. Писанія и церковныхъ книгъ, въ которой громадныхъ размѣровъ стѣнопись внутри храмовъ и изваянія снаружи съ бѣльшимъ удобствомъ замѣнила

* *Epist. l. IX, epist. 105.*

** *Antirrhetic. adv. Constant. Copronym. III, 5.*

для народныхъ массъ миниатюрныя изображенія помѣщаются при текстѣ. Восточная иконопись, греческая — на Аѳонской горѣ, русская — въ сельскихъ школахъ, по сіе время держится древнѣйшей системы иллюстраціи, представляя въ изображеніяхъ на одной иконѣ цѣлыя молитвы, напримеръ: „Достойно“, „Единородный Сыне“, „Вѣрую“, и такимъ образомъ поучая неграмотныхъ не только въ подобіи того чему они должны молиться, но и въ самомъ Символѣ Вѣры. До настоящаго же времени связь писанія съ иконописью поддерживается у насъ подробными надписями текстовъ на иконѣ. Наконецъ весь греко-русскій иконописный *Подлинникъ*, то-есть изображеніе праздниковъ и святыхъ на цѣлый годъ, не чтѣ иное какъ подробная иллюстрація *Святцевъ* или *Календаря*. По древне-русскому преданію, помѣщаемому въ этомъ *Подлинникѣ*, будто бы было постановлено въ Св. Софіи константинопольской 365 престоловъ, по престолу на каждый день года, съ отвѣтствующимъ каждому дню изображеніемъ: такъ что по этому преданію самый храмъ со своимъ годичнымъ цикломъ иконъ получаетъ значеніе полной иллюстраціи того же *Календарнаго подлинника*.

Важное значеніе иллюстраціи для христіанскаго искусства даже въ техническомъ отношеніи явствуетъ изъ того, что иконописная живопись развилась преимущественно изъ миниатюры, какъ это видно не только въ русской иконописи, которая по сіе время пользуется мелкими приѣмами миниатюры, но и въ живописи западной, которая въ раннюю эпоху состоитъ въ видимой связи съ миниатюрною техникой, напримеръ въ произведеніяхъ братьевъ Ванъ-Эйковъ, Беато-Анджелико Фьезолійскаго.

Между самыми ранними старопечатными книгами на Западѣ первое мѣсто занимаютъ *народныя* изданія, состоящія изъ картинокъ съ объяснительнымъ текстомъ, въ тѣхъ видахъ чтобы по изображеніямъ поучались и неграмотные тому чтѣ изъ текста уразумѣвали грамотные. Особенно наставительная изъ этихъ народныхъ книгъ, такъ-называемая Библия для бѣдныхъ (*Biblia pauperum*), даже по идеѣ прообразованія Новаго Завѣта въ Ветхомъ держится древне-христіанской системы. На каждомъ листкѣ изображаются въ нераздѣльной цѣлости соответствующія одно другому событія и изъ Ветхаго, и изъ Новаго Завѣта: напримеръ, царица

Савская во всемъ своемъ велелѣннн приходящая къ царю Соломону, и три восточные царя приведенные звѣздою на поклоненіе родившемуся Спасителю. *

Обычай снабжать *народныя книги* рисунками, идущій отъ раннихъ икунабулъ, поддерживался въ теченіе столѣтій во всѣхъ европейскихъ литературахъ и дошелъ до нашихъ временъ въ той же почти первобытной простотѣ, съ какою изготовлялись эти книги еще въ средневѣковыхъ рукописяхъ. ** Только время отъ времени подновлялся текстъ, а рисунки изготовлялись все небрежнѣе и небрежнѣе. Этотъ же обычай, удовлетворяющій самой низкой степени умственного и литературнаго развитія, усвоенъ въ азбукахъ и въ элементарныхъ книжкахъ для дѣтскаго чтенія.

Когда съ эпохи Возрожденія искусство на Западѣ перестало полагать свое прямое назначеніе въ служеніи религіи, когда для ума открылись новые источники интересовъ и помимо религіи, тогда, съ расширеніемъ круга этихъ интересовъ, искусство не могло уже систематически держаться своей первоначальной задачи—въ видимыхъ очертаніяхъ передавать событія и мысли содержащіяся въ текстѣ. За исключеніемъ книгъ народныхъ и дѣтскихъ, литература могла очень удобно обходиться безъ иллюстрацій въ миниатюрахъ или политипажкахъ и гравюрахъ, за немногими исключеніями такихъ сочиненій, въ которыхъ, по спеціальности самого предмета, нужны рисунки, какъ напримѣръ, въ травникахъ или лѣчебникахъ, изображенія растений и другихъ произведеній природы. Несмотря на то однако, сочиненія самаго разнообразнаго содержанія, не только историческія и поэтическія, но и философскія и назидательныя, продолжаютъ украшаться изображеніями и въ XVI столѣтіи, и въ послѣдующихъ, и, какъ кажется, не ради одной роскоши, и не по старой привычкѣ, но по болѣе разумной потребности чловѣческаго ума облегчать для себя отвлеченное слово нагляднымъ изображеніемъ. *** Съ другой стороны, сами художники, увлекаясь

* *Comesina u. Heider, Die Darstellungen der Biblia Pauperum.* 1868, рисунокъ 3-й.

** См. рисунки къ народнымъ книгамъ, во множествѣ изданные у Назара въ *Histoire. der livres. populaires* 2 тома 1854.

*** См. перечни этихъ книгъ у Вейреля въ *Kunstcatalog*, подъ рубрикою: Bücher mit Künstlerischer Ausstattung.

тѣмъ или другимъ литературнымъ произведеніемъ, стремились усвоить его своей фантазіи, дѣлая попытки передать въ очертаніяхъ интересующія ихъ мысли. Такъ Гольбейвъ мастерски иллюстрировалъ Эразмову похвалу дурачеству.*

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ распространенію иллюстрированныхъ изданій особенно способствовало высокое развитіе *гравировальнаго искусства*, сначала въ Италіи и Германіи, потомъ въ Голландіи и Франціи. Гравировали и великіе художники, какъ Рубенсъ, Рембрандтъ, слѣдуя въ этомъ своимъ предшественникамъ—Альбрехту Дюреру, Тициану; гравировали и ихъ многочисленные ученики. Иные изъ мастеровъ составили себѣ громкую знаменитость только гравировальнымъ искусствомъ, какъ Гольціусъ, Калло, Эделингъ. Гравированье стало наконецъ модою; ему посвящали свой досугъ и дамы. Чтò теперь для насъ фотографія, то въ тогдашнее время была гравюра. Сотнямъ искусныхъ рукъ нужна была постоянная работа, требовались заказы въ широкихъ размѣрахъ. Было недостаточно только копировать знаменитыя произведенія; надобно было самимъ творить новое, чтобы не изсякала гравировальная работа. Иллюстрація литературныхъ произведеній была самымъ удобнымъ для такой работы поприщемъ. Она внушала новыя мысли для композиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяла требованіямъ публики, потому что прилагалась къ литературѣ. Вотъ причина почему отъ этихъ столѣтій накопилось въ старинныхъ библіотекахъ столько великолѣпныхъ изданій древнихъ и новѣйшихъ авторовъ съ многочисленными и такими изящными гравюрами, изготовленіе которыхъ въ такомъ огромномъ количествѣ уже немисливо для нашего времени.

II.

Между иллюстрированными изданіями тѣхъ столѣтій особенно характеристично выступаютъ по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ и понятіямъ два разряда книгъ. Это,

* Woltmann, *Holbein u. seine Zeit*. 2 тома 1866—68. Св. I, стр. 274 и слѣд. Недорогое изданіе съ рисунками Гольбейна: *l'Eloge de la folie*, Amsterdam, 1728.

вопервыхъ, описанія разныхъ *праздниковъ, торжествъ и церемоній* при дворахъ коронованныхъ лицъ и знатныхъ вельможъ, описанія коронацій, фейерверковъ и иллюминацій, народныхъ зрѣлищъ, воинскихъ парадовъ, свадебъ и похоронъ, торжественныхъ въѣздовъ, религиозныхъ процессій, маскарадовъ и т. п., а также и торжественныя оды, сонеты и другія стихотворенія на упомянутыя торжества и процессіи; и всѣ эти описанія и стихи, назначавшіеся для поднесенія виновникамъ торжества и процессій и другимъ важнымъ лицамъ, издавались съ подобающею пышностью, украшенныя гравюрами. Великолѣпнѣе парада вполнѣ соответствовали эти великолѣпныя изданія, и вычурность поздравительныхъ и другихъ изготовленныхъ на случай стихотвореній находила себѣ приличное выраженіе въ вычурности и манерности всѣхъ этихъ передаваемыхъ въ иллюстраціи потѣшныхъ зрѣлищъ. Составители торжественныхъ одъ, въ своемъ усердномъ воображеніи, низводили въ чертоги воспѣваемыхъ ими вельможъ цѣлый олимпъ греческихъ боговъ, и въ *pendant* къ этому изготовлялись маскарадныя процессіи, въ которыхъ и царственный Юпитеръ со своею Юноною ѣдетъ въ пышной колесницѣ, и Венера съ Амуромъ, везома голубками, и Бахусъ на леопардѣ. Торжественнымъ пожеланіямъ придворнаго пиуты соответствовали устрояемыя на улицахъ и площадяхъ триумфальныя арки и античныя храмы съ разными лестными намеками на героя праздника. Усердный стихотворецъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность хлопотать и о фейерверкахъ, и о маскарадахъ и каруселяхъ, которые онъ воспѣвалъ; а издатель его оды и описанія торжества прилагалъ къ тексту изображенія всѣхъ подробностей торжества. Въ этихъ великолѣпныхъ изданіяхъ вновь сливались въ одно цѣлое литература и искусство, чтобы въ надеждащей полнотѣ передать великолѣпные эпизоды тогдашней дѣйствительности.

Второй разрядъ книгъ, не менѣе характеристическій для уразумѣнія тогдашняго образа мыслей—это *Символы* и *Эмблемы*, сборники которыхъ въ рисункахъ съ объяснительнымъ текстомъ издавались съ XVI столѣтія и особенно въ XVII и XVIII, во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Въ составъ этихъ сборниковъ вошли нѣкоторые остатки древне-христіанской и средне-вѣковой символики и сказки изъ старинныхъ физиологовъ или

бестиаріевъ, какъ напрымѣръ, василискъ, фениксъ, сирена, пѣтухъ, левъ, орелъ, лиса, а также аллегорическія фигуры и олицетворенія отвлеченныхъ понятій въ образѣ человѣческомъ, ведущія начало еще отъ античнаго искусства, и потому усвоенные искусствомъ древне-христіанскимъ и средне-вѣковымъ въ стилѣ романскомъ и готическомъ, напрымѣръ: *Добродѣтель, Порокъ, Злоба, Вражда, Кротость* и т. п., съ соотвѣтствующими этимъ понятіямъ атрибутами. Сверхъ того въ эти сборники внесено значительное количество античныхъ фигуръ изъ классической мѣлологіи, какъ напрымѣръ: *Амуръ, Венера, Минерва, Геркулесъ* и т. п. Этотъ старинный матеріалъ былъ разбавленъ разными, болѣе или менѣе удачно выдуманнми эмблемами и знаками, каковы, напрымѣръ, узда для означенія воздержанія, клѣтка съ птичкой—неволи, и т. п., и все это было приурочено къ выраженію нравственныхъ сентенцій и вообще остроумныхъ или замысловатыхъ изреченій. Казалось недостаточнымъ выразить мысль въ ея голой простотѣ; надобно было облечь ее въ фигуру, придать ей фигуральный оборотъ, изворотить ее на новый манеръ, сдѣлать ее манерною, превратить ее въ замысловатую фразу, въ загадку, облеченную въ эти символы и эмблемы, которыя вмѣсто *любви* рекомендуютъ *амура* и *пылающія сердца*, прострѣленные стрѣлою, вмѣсто *правосудія*—*даму съ вѣсами*, вмѣсто *пышности*—*павлина* и т. п. Въ первоначальныя идеи, изъ которыхъ когда-то, по внутренней потребности, органически возникали художественныя формы и греческой мѣлологіи, и древне-христіанской символики, и средне-вѣковаго мистицизма, измельчали и обезсмыслились въ этихъ сборникахъ символы и эмблемы, будучи приняты въ ихъ внѣшнихъ выраженіяхъ только какъ знаки разныхъ отвлеченныхъ мыслей. Языческое и христіанское безъ различія принималось для достиженія одной и той же цѣли. *Крестъ* столько же служилъ для означенія вѣры, сколько *Амуръ* или *пылающее сердце*—для означенія любви, какъ бы въ соотвѣтствіе раціонализму XVIII столѣтія, который поклонялся творцу міра въ образѣ Юпитера. Кто ищетъ прогресса въ каждомъ историческомъ явленіи, можетъ въ этихъ сборникахъ усмотрѣть обобщеніе понятій и представленій разныхъ временъ, подведенное подъ отвлеченныя мысли, находящія себѣ одинаковое выраженіе и въ античной мѣлологіи, и въ христіанской символикѣ, и въ вымышленной замы-

словатой фигурѣ. Но, во всякомъ случаѣ, смѣшеніе разнородныхъ явленій свидѣтельствуетъ о смутномъ, темномъ пониманіи этихъ явленій и о крайнемъ равнодушіи ко всему историческому развитію человѣческихъ идей въ религіи, наукѣ, искусствѣ. Все прошедшее было принято за условную фразу, которой философы и поэты XVIII столѣтія думали дать настоящей смыслъ, общій всѣмъ вѣкамъ и отвлеченный отъ всякой примѣси историческихъ и мѣстныхъ условій. Несмотря на то, фраза оставалась фразой, и высокопарная мысль слагателя торжественной оды укладывалась въ вычурную форму условныхъ символовъ и эмблемъ.

Таково отношеніе этой странной, такъ сказать, игрушечной литературы символовъ и эмблемъ къ философіи и поэзіи XVIII столѣтія. Въ ней по преимуществу выражается поэтической и художественный стиль того времени, какъ это увидимъ въ виньеткахъ украшающихъ стихотворенія Державина; потому надобно познакомиться съ нею въ большей подробности, чтобы вполнѣ оцѣнить достоинства и недостатки Державинской иллюстраціи.

Если съ одной стороны символы и эмблемы соответствуютъ *Возрожденію* античной литературы и античнаго искусства и упадку чистаго религіознаго стиля, то съ другой—составляютъ они существенное дополненіе къ *аристократическому параду*, потому что состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ *геральдикой*: они и развивались изъ фигуръ на гербахъ и потомъ сочинялись въ видѣ гербовъ для девизовъ, или краткихъ сентенцій, въ которыхъ владѣтели гербовъ выражали характеръ, или свой личный, или своихъ предковъ*. Въ этомъ отношеніи сборники символовъ и эмблемъ составляли существенное дополненіе упомянутымъ выше иллюстрированнымъ описаніямъ разныхъ церемоній и торжествъ и, какъ нельзя больше, были пригодны сочинителямъ похвальныхъ одъ, дѣтя девизами и проектами гербовъ тѣмъ лицамъ которыя воспѣваются въ одахъ. Уже замѣченное нами отсутствіе въ нихъ историческаго такта, въ смѣшеніи древнаго

* Краткую библіографію и теорію этихъ сборниковъ предложилъ Радовицъ: *Die Devizen u. Motto des spätern Mittelalters*, въ первомъ томѣ своихъ *Gesammelte Schriften*. 1852. Впрочемъ, эта монографія страдаетъ неточностями, неполнотою и односторонностью взгляда.

съ новымъ и языческаго съ христіанскимъ, вполне согласовалось съ общими сентенціями девизовъ и съ лиризмомъ торжественныхъ стихотвореній. Геркулесъ послужилъ отличною фразой для похвалы Державина Суворову столько же, сколько онъ могъ бы послужить своею классическою фигурой въ гербъ какого-нибудь воинственнаго вельможи.

Кромѣ общаго направленія и идей, эти сборники снабжали готовымъ матеріаломъ и поета для его фразъ, и иллюминатора для виньетокъ. Они распространяли свѣдѣнія и наглядныя представленія по античной миеологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ питали воображеніе искусственными формами условнаго мистацизма.

Для объясненія сказаннаго примѣрами, привожу краткое обзорѣніе нѣкоторыхъ изъ этихъ сборниковъ.

Изъ печатныхъ, первое мѣсто по времени занимаютъ, кажется, италіянскіе. По крайней мѣрѣ древнѣйшимъ считаютъ сборникъ *Альчати* *. Кромѣ условныхъ знаковъ, каковы: якорь, змѣя, въ немъ предлагается цѣлый рядъ миеологическихъ фигуръ съ краткими свѣдѣніями изъ античной миеологіи, каковы: Титанъ, Прометей, Ганимедъ, Тритонъ, Фавтонъ, Бахусъ, Амуръ, Геркулесъ, Актеонъ, Гарпіи, Фавкъ, Граціи и пр. Этимъ лицамъ, по принятому принципу, дается общій смыслъ отвлеченной морали, выражаемый въ девизахъ, иногда въ отношеніи къ религіи; напримѣръ, изображеніе Титановъ при девизѣ: „Мудрость (человѣческая) есть безуміе предъ Богомъ“.

Въ руководство для ораторовъ, проповѣдниковъ, поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ и другихъ художниковъ, издалъ Цезарь Рима изъ Перуджіи свою *Иконологію*, въ Римѣ въ 1608 г., состоящую въ изображеніи отвлеченныхъ и нравственныхъ понятій въ видѣ отдѣльно стоящихъ человѣческихъ фигуръ съ разными атрибутами, иногда и чудовищныхъ, съ археологическими, эстетическими и литературными объясненіями, въ которыхъ авторъ цитуетъ писателей древнихъ, греческихъ и римскихъ, а также и новыхъ, блаженнаго Августина и другихъ отцовъ церкви, и особенно писателей италіянскихъ: Данта, Петрарку, Боккаччіо. Сочиненіе распределено по изображеннымъ понятіямъ, въ алфавитномъ

* По Радовичу 1-е изд. *Emblemata, Mediol. 1522*. Я пользовался двумя позднѣйшими: *Lugduni 1556* и *Antwerp. 1574*.

порядкѣ ихъ итальянскихъ названій, начиная съ *Abondanza Academia* и т. д., и оканчивая словомъ: *Zelo*. Рисунки отличаются изяществомъ и граціей итальянскихъ школъ конца XVI и начала XVII столѣтія. Стилъ античный, передвѣанный Возрожденіемъ, господствуетъ. Нѣкоторые рисунки сняты съ антиковъ, напримѣръ *Слава* (*Gloria Chiara*), съ медали Антиноевой: Меркурій держитъ подъ усты Пегаса; *Доблестъ* (*Virtu*) съ медали Луція Вера: Беллерофонъ на Пегасѣ поражаетъ Химеру. Такъ какъ въ иллюстраціи Державина мы часто будемъ встрѣчать изображенія гениевъ въ видѣ маленькихъ мальчиковъ, безкрылыхъ, въ отличіе отъ крылатыхъ Амуровъ, то не бесполезно замѣтить что Цезарь Рипа точно такого *Генія* помѣстилъ въ своей *Иконологіи*, съ одного античнаго барельефа: голова его увѣнчана макомъ, въ одной рукѣ держитъ онъ пукъ сжатой пшеницы, а въ другой виноградныя кисти. Иные рисунки составлены по программамъ новыхъ авторовъ, преимущественно итальянскихъ. Такъ *Міръ* (*Mondo*), изображенъ по Боккаччіо (въ первой книгѣ его *Генеалогіи Боговъ*), въ видѣ козлоногого Фавна съ козлиными рогами и ушами и съ длинною бородою, въ одной рукѣ съ пастушескимъ посохомъ, въ другой—съ извѣстнымъ античнымъ инструментомъ изъ семи дудокъ. Такъ какъ въ эпоху сборниковъ символовъ и эмблемъ совсѣмъ уже не понимали настоящаго религіознаго творчества, то религіозныя рисунки у Рипы отличаются холодною условностью и вычурнымъ мистицизмомъ. Напримѣръ, *Молитва* (*Oratione*) изображается въ видѣ старой женщины стоящей на колѣняхъ, лицо ея покрыто покрываломъ, потому что молитва доходитъ къ Богу тайная; въ одной рукѣ держитъ курящееся кадило на четкахъ (на розаріи Мадонны), въ другой—сердце, потому что надобно молиться не устами, а сердцемъ; около стоитъ пѣтухъ—эмблема бдѣнія. *Религія* (*Religione*)—въ видѣ женщины, съ лицомъ тоже покрытымъ вуалью; въ правой рукѣ держитъ крестъ и Евангеліе, въ лѣвой—пламя; позади ея—словъ, по той именно причинѣ что Плиній характеризуетъ это животное какъ самое человѣколюбивое и религіозное. Для иллюстраціи Державина надобно замѣтить что въ ней *Душа* изображается въ видѣ крылатой дѣвицы, точно такъ же какъ и у Рипы (*Anima ragionevole e beata*). Впрочемъ, автора не безъ основанія обвиняютъ въ безвкусіи, именно въ тѣхъ изображеніяхъ въ которыхъ, для выраженія

отвлеченныхъ понятій въ большей точности, онъ прибѣгалъ къ чудовищному, что замѣчается и у другихъ писателей и художниковъ того же направленія, и въ чемъ не разъ погрѣшаетъ и иллюстрація Державина. Такъ, напримѣръ, *Коварство* (Fraude) Рина изображаетъ въ видѣ женщины съ двумя головами—одна молодая и красивая, другая старая и безобразная,—съ обнаженною грудью, а отъ пояса прикрыта короткимъ платьемъ, изъ-подъ котораго, вмѣсто ногъ, видны орлиныя лапы и хвостъ скорпіона; въ одной рукѣ держитъ два сердца, а въ другой маску. *Обзорство* (Gola)—женщина съ длинною-предлинною шеей, которая гнется дугой, какъ у журавля.

Итальянцы же дали образецъ символическаго и эмблематическаго объясненія гербовъ, снабдивъ эти объясненія историческими, археологическими и литературными изслѣдованіями, а именно *Павель Джовіо, Рушелли, Камилли* и др. * Авторы этихъ сборниковъ распредѣляютъ гербы по фамиліямъ аристократическихъ лицъ и вообще людей казавшихся имъ почему-либо знаменитыми, входятъ въ историческія подробности о происхожденіи герба той или другой фамиліи и затѣмъ предлагаютъ объясненія фигуръ и девизовъ.

Послѣ Италіи особенно процвѣтала литература символовъ и эмблемъ въ Нидерландахъ, откуда, какъ увидимъ, оказала вліяніе на Россію. Къ обзорнью нѣкоторыхъ нидерландскихъ сборниковъ присоединяю и нѣмецкіе.

Сборникъ *Самбука* замѣчательнъ тѣмъ что къ символамъ и эмблемамъ присоединенъ въ немъ цѣлый отдѣлъ античныхъ монетъ, которыя такимъ образомъ въ символическихъ изображеніяхъ поддерживали изящный античный стиль.

Камерарій, Нюренбергскій медикъ, согласно своей спеціальности, обработалъ символы и эмблемы въ изображеніяхъ растений, звѣрей и птицъ, раздѣливъ свой сборникъ по этимъ тремъ предметамъ на три части. Между растениями встрѣчается, напримѣръ, подсолнечникъ, плющъ на развалинахъ; между животными—нѣкоторыя баснословныя, какъ единорогъ на лонѣ непорочной дѣвы, фениксъ.

Сборникъ *Рейснера* состоитъ изъ двухъ отдѣловъ — свѣт-

* *Giove, Ragionamento sopra i motti e disegni d'arme e d'amore, Venet. 1560; Dialogo dell' imprese Lione, 1559. Ruscelli, Imprese, Venet. 1584. Camilli, Imprese illustri, Venet. 1586.*

скаго, или мифологическаго, и священнаго, то-есть христіанскаго. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены почти всѣ важнѣйшіе мифы, каковы напримѣръ: Тезей летитъ на конѣ, Олимпъ боговъ; Пегасъ, Персей и Медуза; Музы, Гиганты въ борьбѣ съ Юпитеромъ, Девкаліонъ и Пирра, Гарпіи, Аполлонъ и Пивонъ, Латона, Орфей, Цирцел, Дедалъ, Похищеніе Европы, Діана и Эндиміонъ и др. Во второмъ отдѣлѣ предлагаются въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ изображенія главнѣйшихъ событій Ветхаго и Новаго Заветъа. Впрочемъ, и въ отдѣлѣ мифологическомъ встрѣчаются изображенія христіанскія, какъ напримѣръ Христофоръ, переносащій на своихъ плечахъ Христа-Младенца чрезъ потокъ; Христоръ-Младенецъ влущій на львѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ терновымъ вѣнцомъ въ другой, Между изображеніями священными помѣщено извѣстное *Зерцало грѣшнаго* (*Speculum hominis peccatoris*), перешедшее къ намъ въ печатные лицевые синодики: человекъ сидитъ на креслѣ надъ адскимъ кладземъ, пронзаемый нѣсколькими мечами. *

Составители сборниковъ обыкновенно сами сочиняютъ нравственныя и философскія толкованія рисунковъ; но иногда эмблематическіе рисунки изготовляются для текста какого-нибудь писателя, разумѣется, классическаго. Такъ въ 1607 году въ Антверпенѣ были изданы эмблемы гораціанскія съ рисунками извѣстнаго живописца Вениуса (*Op. Horatii Flaccii Emblemata*). Человѣческія фигуры, выражающія разныя нравственныя понятія, одѣты въ античный костюмъ. Иногда ихъ окружаютъ крылатые геніи-мальчики, какъ напримѣръ, женскую фигуру доблести, природы. Разумъ или премудрость изображается въ видѣ Минервы, въ томъ самомъ античномъ ея типѣ, который въ Державинской иллюстраціи усвоенъ Екатериной II. Эта русская иллюстрація согласуется съ рисунками Вениуса и въ представленіи времени въ видѣ крылатаго старца съ косою въ рукахъ. На одномъ изъ рисунковъ эта эмблематическая фигура летитъ, сопровождаемая маленькими безкрылыми геніями.

Нѣкоторые сборники имѣютъ спеціальное назначеніе по отношенію къ извѣстному кругу понятій. Такъ *Крейгингъ*

* Sambucus, *Emblèmes*, Antw. 1567; id. *Emblemata*, Lugd. 1584. Camerarius *Symbol, et emblemata*. Centur. Norimb. 1597. Reusner *Emblem*. Francfort. 1581.

составилъ эмблемы этико-политическія; Испанецъ *Саavedра* изложилъ политическое ученіе о владѣтельномъ князѣ христіанинѣ во ста девизахъ съ рисунками. * Есть наконецъ сборники символовъ и эмблемъ специально посвященные идеямъ христіанскимъ. Особенно неудаченъ сборникъ *Филомелъ*, въ которомъ христіанскія понятія неостроумно и съ натяжками выражены въ пошлыхъ формахъ пушки, барабана, солнечныхъ часовъ, колокола и т. п. Несравненно разнообразнѣе и интереснѣе христіанскія эмлемы Французенки *Жеоржетты де-Монтенэ*, объяснившей рисунки французскими стихами, которые потомъ были переведены на латинскій и на новые языки тоже стихами, во французскомъ изданіи 1619 г. ** Для примѣра предлагаю нѣсколько вычурныхъ эмблемъ мистическаго характера. На камнѣ возвышается колонна съ крыльями, а на верху ея пылающее сердце: это на Христвѣ зиждется храмъ Вѣры, Надежды и Любви. Изъ облака протянута рука, держащая коронованное сердце:—то есть, сердце царево въ рукѣ Божіей. Земной шаръ, на которомъ лежатъ мѣшки съ деньгами, а около него обнаженный мальчикъ на палкѣ поднимаетъ къ облакамъ сердце; около девизъ: „Блаженни нищии“ (Beati pauperes):—то есть, благочестивый человекъ, оставляя міру его земныя сокровища, возноситъ свое сердце къ-Богу. Иногда христіанская идея выражается въ самой неприличной для нея мифологической формѣ; напримѣръ, божественная любовь—въ видѣ Амура съ лукомъ и колчаномъ, держащаго на лентѣ земной шаръ. Христіанское милосердіе, такъ же какъ и въ Державинской иллюстраціи, въ видѣ женщины кормящей своею грудью одного изъ нѣсколькихъ окружающихъ ее дѣтей.

Чтобы видѣть до какой крайности доходило смѣшеніе языческаго съ христіанскимъ въ сборникахъ такого рода, любопытно бросить взглядъ на картинки съ девизами въ одномъ сборникѣ, носящемъ названіе *Микрокосма*. *** Въ

* Kreihing, *Emblemata ethico-politica*, Antv. 1661. Saavedra, *Idea de un principe politico christiano*. Amstel. 1664.

** Philothei *Symbola christiana*. Francofurti, 1677. Georgia Montanea, *Monumenta emblem. christian.* Francof. 1609.

*** *Microkosmos. Parvus Mundus*. Безъ означенія года, но крайней мѣрѣ, по экземпляру, принадлежащему мнѣ; также и безъ имени автора, а только sumptibus Theodori Petri bibliopolae Amstelr

картинкахъ изображается античная мифологія, а въ девизахъ объясняется она событіями св. Писанія, откуда взяты и самыя девизы. Напримѣръ: въ облакахъ сидятъ Юпитеръ, низвергающій молнію, Юнона и другіе боги, а внизъ падаетъ стрѣла въ какою-то фигура въ видѣ мальчика; девизъ: „Какъ спадетъ съ небесе денница (Lucifer) восходящая завтра? Сокрушися на земли“, пророка Исаіи 14, 12.—Изъ головы Юпитера рождается Минерва; девизъ: „Уста праведнаго капаютъ премудрость“. Притч. Соломон. 10, 31.—Бахусъ сидитъ верхомъ на бочкѣ съ чашей вина; около скачетъ Пегасъ; девизъ: „еда оставиши вино мое, веселящее Бога и челоуѣка“ книга Судей 9, 13.—Діана съ лукомъ, сопровождаемая собаками, гонится за оленемъ, въ котораго съ облаковъ стрѣляетъ Амуръ; на облакахъ же возсѣдаютъ Олимпійскіе боги; девизъ: „Блаженіи вси боящіися Господа, ходящіи въ путехъ его: плоды трудовъ твоихъ съѣси, блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ“, Псал. 127, 1—2.

III.

Въ началѣ XVIII вѣка сборники символовъ и эмблемъ были перенесены съ запада и въ нашу литературу. Голландскій сборникъ, изданный въ Амстердамѣ въ 1705 году, по повелѣнію Петра Великаго, съ присовокупленіемъ славянскихъ девизовъ, послужилъ оригиналомъ собственно русскимъ позднѣйшимъ изданіямъ. Такъ какъ эти сборники могли быть ближайшимъ источникомъ для Державинской иллюстраціи, то о нихъ будетъ сказано потомъ; а теперь я укажу на другія русскія изданія тоже XVIII столѣтія.

Къ сборникамъ христіанскихъ эмблемъ принадлежитъ *Царскій Путь Креста Господня*, книга переведенная съ латинскаго и напечатанная въ Черниговѣ въ 1709 г. съ хорошими копіями отличныхъ голландскихъ оригиналовъ антверпенскаго изданія 1635 г. * Рисунокъ замѣчательны по своей крайней наивности, въ духѣ мечтательнаго и сантиментальнаго мистицизма. Общій всѣмъ имъ смыслъ тотъ, что всякій челоуѣкъ, слѣдуя Христу, долженъ нести свой крестъ, что земная жизнь есть не иное что какъ путь креста. Но эта мысль

* *Regia Via crucis auctore D. Benedicto Haefano.*

выражена въ самыхъ дѣтскихъ формахъ, говорю *дѣтскиихъ*, между прочимъ и потому что люди подвизающіеся съ крестомъ представлены на рисункахъ въ видѣ дѣтей, и, какъ дѣти, будто забавляются они этимъ священнымъ орудіемъ страстей. И самъ Христосъ вездѣ изображается въ видѣ дитяти, забавляющагося вмѣстѣ съ другими этою странною игрой. Тамъ мальчикъ ѣдетъ на колесницѣ, у которой вмѣсто ресоры крестъ; Христосъ правитъ. Тамъ дѣти пашутъ землю крестомъ; тамъ крестами бьютъ желѣзо на наковальнѣ, строятъ домъ и т. п. Христосъ-дитя съ ангельчикомъ даже распинаютъ на крестѣ мальчика.

Въ систематическомъ же видѣ изданы нравственныя эмблемы въ книгѣ напечатанной въ Киевопечерской Лаврѣ въ 1712 г., подъ заглавіемъ: *Ивица іерополитика или философія правоучительная стѣволами и приуподобленіи изъясненна*. Для примѣра вотъ нѣсколько изображеній. Вѣра: корабль плыветъ по морю; отъ скалы низвергаются громадные камни. Любовь: ангель, прикованный на цѣпи къ шару съ крестомъ, возносится къ небу, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой пылающее сердце. Надежда: на якорѣ шлемъ, о который сокрушаются стрѣлы. Терпѣніе: сердце съ двумя руками и съ устами. Встрѣчаются и мифологическія фигуры, напримѣръ для пьянства — обнаженный и увитый плющомъ Бахусъ на бочкѣ съ сосудомъ вина.

Между любочными изданіями первой половины XVIII столѣтія встрѣчается *Эмблематъ духовный ко обученію христіанскія стѣры со утѣшительными фигурами и полезными словами*. * Изображенія неостроумны по сочиненію и плохо рисованы; текстъ самый безтолковый и пошлый. Напримѣръ, на листѣ подъ заглавіемъ: „Нужная всѣхъ христіанъ музыка“, изображены четыре голоса: басъ, теноръ, альтъ и дишкантъ, въ четырехъ тетрадахъ съ надписями для каждого голоса, въ слѣдующемъ видѣ. Посреди картинки жертвенникъ съ водруженнымъ на немъ распятіемъ, при которомъ въ тетради басъ. Вверху въ облакахъ тетрадь съ альтомъ на которой возсѣдаетъ голубь съ палочкою въ лапкѣ. По одну сторону на столѣ двѣ дымящіяся кадьльницы и двѣ жмуція одна другую руки; позади ихъ тетрадь съ дишкантомъ. Наконецъ по другую сторону въ сіяніи сердце, надъ

* Въ моемъ собраніи самое раннее изданіе 1743 г.

которымъ тетрадь съ теноромъ, посреди нея голова въ сѣннѣ, а кругомъ сердца разбросаны отрубенныя руки и ноги. Вся эта чепуха объясняется такимъ назиданіемъ: „Аще Богъ Духъ Святый сердца наша самъ управляетъ и яко бы съ высоты алыть вкупѣ играетъ. Егда же онъ и тактъ подаетъ по своему Божію слову, тогда ничто пріятнѣе сея музыки не бываетъ. Егда же истинная вѣра въ чловѣкѣ возгорится, подобно сильному басу, отъ него же все основаніе зависитъ, который непогрѣбныхъ ногъ вмѣщати въ себя отнюдь не терпитъ: тогда что можетъ быти сильнѣе сея музыки? И егда впротчемъ молитва подобна дышканту (sic) въ высоту востаетъ и всегда себе басу вѣры согласна являетъ, обаче же въ самой великой нуждѣ чиста и ясна пребываетъ: тогда что можетъ пріятнѣе быти музыки сея? Аще же на послѣдокъ теноръ, си есть, животь безпорочный вьегда всѣ суставы по божію слову исполняютъ, послѣдуя святынѣ, кромѣ всякаго лицемѣрства: тогда что можетъ быти святѣйше сея музыки?“

Теперь обратимся къ сборнику, который могъ служить непосредственнымъ источникомъ для иллюстраціи Державинской. Это знаменитая книга, напечатанная въ Амстердамѣ въ 1705 г., подъ заглавіемъ: *Символы и эмблемата*, съ отличнѣйшими гравюрами и съ девизами на восьми языкахъ, сверхъ славяно-русскаго. Иллюминаторы стихотвореній Державина изъ этихъ рисунковъ могли заимствовать и *Подсолнечникъ* (№№ 21, 261, 525), и *Крылатое сердце* (№ 646), и *Любострастіе Фавна* (№ 26), и *античный мотивъ молчанія Амура* (№ 526), и наконецъ могли приучить свой глазъ къ этимъ безконечнымъ амурчикамъ, которые въ этомъ сборникѣ играютъ едвали не главную роль. Въ немъ можно было навести справку и о другихъ лицахъ античной мифологіи, наиримѣръ о Діанѣ и Актеонѣ, Аполлонѣ и Дафнѣ, о Парисѣ, какъ онъ судилъ о красотѣ трехъ богинь и мл. др. (№№ 715, 717, 729).

Впрочемъ, рѣдкое амстердамское изданіе не могло распространиться у насъ въ общемъ употребленіи. Потребовалась перепечатка, которую и сдѣлалъ въ 1788 г. въ Петербургѣ *Несторъ Максимовичъ Амбодикъ*, съ обширнымъ систематическимъ введеніемъ о символахъ и эмблемахъ *. Изъ этого

* *Избранные эмлемы и символы. Selecta Emblemata et symbola.* На рускомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Я пользуюсь изданіемъ 1811 года.

введенія привожу нѣсколько выдержекъ для объясненія Державинской иллюстраціи.

Богъ изображается на крыльяхъ вѣтренныхъ, ветхій дѣлми, превознесенный выше небесъ, носимый на облакахъ ангелами, держащій въ рукахъ державу.... или благословляющій десницею, частію покрытый возвѣвшаемою ризою.... или представляется въ видѣ великаго сіянія свѣта немерцающаго. Замѣчательно что въ общее обозрѣніе изображеній Амбодикъ не вводитъ ни Христа, ни Богоматери, которыхъ, какъ увидимъ, нѣтъ и въ Державинской иллюстраціи.

Вѣра христіанская представляется въ видѣ скрижали, Евангелія, креста и потира, сіяніемъ окруженнаго. Или въ образѣ сидящей жены, держащей въ рукѣхъ крестъ, на колѣнахъ Новый Заветъ....

Побѣда представляется младою дѣвою, держащею въ одной рукѣ пальмовую вѣтвь, а въ другой лавровый вѣнецъ; или крылатою женою съ рогомъ изобилія и пальмовою вѣтвью, или стоящею на шарѣ.... Иногда въ видѣ Паллады.... Иногда въ видѣ орла, держащаго Викторію.

Правосудіе представляется въ человѣческомъ образѣ съ завязанными очами, съ вѣсами и шпагою въ рукахъ, и звѣздою на головѣ; иногда сидящею женою, держащею въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой потиръ: возлѣ ея пукъ батоковъ и топоръ.

Слава представляется въ образѣ прекрасной жены, въ пребогатой одеждѣ, держащей въ рукахъ золотыя и лавровыя вѣнцы.... иногда въ развѣвшаемомъ одѣяніи съ крыльями и трубою, одною или двумя.

Сильность изображается въ видѣ Марса или Геркулеса съ палицею и львиною кожею.

Фортуна, или счастье, изображается иногда стоящею на шарѣ или колесѣ, иногда сидящею на колесѣ, иногда съ открытыми, иногда съ завязанными очами, съ крыльями у обѣихъ ногъ.

Человѣколюбіе изображается въ видѣ стоящей или сидящей жены, держащей въ рукахъ двухъ младенцевъ и пылающее сердце; у ногъ ея покоящееся третье дитя; возлѣ нея горящія уголья и странники представляются.

Рисовальное искусство изображается въ видѣ Генія держащаго въ рукѣхъ рисовальное перо; а предъ нимъ стоятъ старинныя изваянія, Аполлонъ, Венераина глава и пр.

Вода вообще изображается въ видѣ молодой и прекрасной дѣвы, съ распущенными длинными серебряными волосами, увѣнчанной вѣнкомъ изъ тростника, съ сосудомъ въ рукахъ, откуда льется вода, и съ лежащимъ у ногъ ея дельфиномъ.... *Океанъ* означается китомъ, или старикомъ, сидящимъ на морскихъ волнахъ, съ копьемъ въ рукахъ и сосудомъ изъ коего льется вода.... *Рѣка* изображается въ видѣ старика съ длинными волосами и густою бородою, увѣнчаннаго вѣнкомъ изъ тростника, лежащаго въ камышѣ, и облокотившагося на урну или сосудъ изъ коего течетъ вода.

Вѣтры представляется въ образѣ человѣка или Генія, крылатаго, безпокойнаго и летающаго.... *Аквилоны* восточный, и *Борей* сѣверный вѣтры изображаются молодымъ чело­вѣкомъ, закрывающимъ лицо свое епанчей, съ крыльями....

Солнце изображается въ видѣ младаго бѣлокурого юноши, окруженнаго сіяніемъ, сидящаго на колесницѣ влекомой четырьмя бѣлыми конями, проѣзжающаго зодіакъ съ бичомъ въ рукахъ....

Время вообще представляется въ образѣ старика, отъ древности лѣтъ изсохшаго, съ крыльями, сѣдыми волосами и бородою, держащаго въ рукахъ косу....

Въ краткомъ истолкованіи эмблематическихъ изображеній объясняется условный смыслъ разныхъ произведеній природы и искусства, каковы агнецъ, бабочка, змѣя, пѣтухъ, сова, лавръ, масличная вѣтвь, пальма, вѣсы, пирамида, рогъ изобилія, треугольникъ, якорь, а также баснословныя существа: Пегасъ, Саламандра, Сирена, Сфинксъ, Фениксъ, и атрибуты античныхъ боговъ: „*Петасъ*, или шапка съ крыльями, знакъ Меркурія и времени“. „*Тирсъ*, копье или дротикъ, обвитый паучевыми листьями; знакъ Вакха.“ „*Дидъ*, или щитъ божковъ, а особливо Паллады, съ вырѣзанною на немъ главою Медузы, окруженною змѣями: знакъ страха, ужаса и защиты.“

Когда будемъ разсматривать иллюстрацію Державинскую, увидимъ что и содержаніе ея, и общій стиль главнѣйшимъ образомъ опредѣляются результатами, которые въ книгѣ Амбодика выведены изъ сборниковъ этой обширной литературы символовъ и эмблемъ.

IV.

Бросивъ бѣглый историческій взглядъ на иллюстрацію въ ея связи съ литературой, мы замѣтили что не пустая роскошь вызывала живописцевъ украшать тексты рисунками, а разумная психологическая потребность дать общей, отвлеченной мысли конкретный образъ. Картину, излагаемую на словахъ, каждый изъ читателей или слушателей представляетъ въ воображеніи по-своему. Слово обозначаетъ предметъ вообще, не приковывая воображенія къ извѣстному конкретному представленію. Поэзія, живописуя идеалъ общими очертаніями словъ и выраженій, оставляетъ фантазіи полную свободу дорисовывать эти очертанія индивидуальными красками. Сверхъ того, поэзія воспроизводитъ событіе во всей полнотѣ послѣдовательно сменяющихся другъ друга моментовъ. Иллюстрація изъ ряда этихъ моментовъ беретъ одинъ и даетъ ему самую точную, конкретную очертанія, съ которыми должно уже согласоваться воображеніе всѣхъ и cadaго. Неопредѣленное устанавливается въ опредѣленные формы, и вообще низводится въ индивидуальный образъ. Художники въ катакомбахъ только еще намекаютъ на идею объ искупленіи и на страсти Господни, въ символическомъ представленіи приносимаго въ жертву Исаака или Даниила во рву со львами, и намекаютъ такъ неопредѣленно, что вѣрующій напрасно сталъ бы открывать въ этихъ изображеніяхъ подробности намекаемыхъ евангельскихъ событій. Но миниатюристъ, украшающій Евангеліе, уже вводитъ вѣрующее воображеніе во всѣ эти подробности. До безконечности видоизмѣняются они въ произведеніяхъ западнаго искусства, въ средніе вѣка и позднѣе, и наконецъ становятся типическими и неизмѣнными въ предписаніяхъ греко-русскаго подлинника—такъ, а не иначе изображать то или другое празднество, ту или другую священную личность.

Какъ въ раннюю эпоху христіанскаго искусства миниатюра служила истолкованіемъ священнаго текста, напримѣръ, въ рукописяхъ Псалтыри; такъ и вообще она служитъ къ точнѣйшему уразумѣнію литературнаго произведенія, и особенно когда близко относится къ нему по времени. Для эстетической критики имѣетъ высокій интересъ современное

поэту живописное изображеніе изложеннаго въ его стихахъ содержанія, и чѣмъ отдаленнѣе отъ нашего времени поэтическое произведеніе, тѣмъ необходимѣе для полнѣйшаго его пониманія современная ему или близкая къ нему по времени его иллюстрація, наглядно вводящая не только во всю современную поэту историческую обстановку, но приблизительно, и въ тѣ идеальныя представленія которыя могли грезиться въ его фантазіи, соотвѣтственно убѣжденіямъ и духу времени. Особенно богата художественною иллюстраціей знаменитая поэма Данта, изъ которой брали себѣ сюжеты почти современные поэту живописцы. Я не буду говорить о знаменитыхъ произведеніяхъ Орканьи, Луки Синьорелли, а укажу на памятникъ менѣе извѣстный, на одну рукопись Божественной Комедіи XIV и XV столѣтій, въ ватиканской бібліотекѣ, съ превосходнѣйшими миниатюрами, которыя съ восторгомъ изучалъ Иоганъ король Саксонскій и которыми онъ вдохновлялся для своего классическаго перевода этого произведенія. Чтобы перенестись въ таинственную область по которой шествуетъ Дантъ, необходимо уяснить себѣ архитектуру его *Ада*, *Чистилища* и *Рая*, и никто лучше стариннаго миниатюриста не можетъ помочь въ этомъ воображенію читателя. Вы крайне ошибетесь, если представите себѣ чѣмъ-нибудь ужаснымъ и мрачнымъ адскія врата, въ которыя вводятъ васъ за собою Дантъ съ *Виргиліемъ*. Напротивъ того, миниатюристъ рисуетъ предъ вами красивую раму съ аркою наверху, на которой начертаны роковыя слова: „*reg me si va*“. Въ эту ярко раскрашеную раму виднѣется адъ, адская рѣка и Харонъ съ лодкой. Все это ясно и свѣтло, какъ въ лѣтній день поля *Елисейскія* на *Мизенскомъ* мысѣ близъ *Неаполя*; изъ глубины воды, будто твердыни *Венеціи*, поднимается красивая крѣпость окруженная стѣнами съ башнями. Общій характеръ архитектуры ада миниатюристъ понимаетъ въ соединеніи пропастей со скалами и утесами, съ пещерами и камнями, нагроможденными другъ на друга, какъ бы вслѣдствіе великаго землетрясенія или какого другаго страшнаго переворота, совершившагося въ нѣдрахъ земли. Это не порожденіе природы созидающей, а безобразныя развалины, произведенныя злобою духа разрушительнаго. Тамъ тянется безконечная улица между разсѣвшимися, обгорѣлыми камнями; тамъ проходитъ она подъ развалинами арокъ, подобныхъ тѣмъ

естественнымъ аркамъ, которыми тамъ и сямъ капризъ природы украсилъ Аппенинскія скалы, спускающіяся въ Средиземное море. Тамъ надъ узкою, страшно зіяющею бездною перекинутъ хрупкій мостикъ. Камни, изъ которыхъ нагромождены горы съ подземельями, имѣютъ видъ тѣхъ гигантскихъ массъ, изъ которыхъ первобытные титаны сооружали свои циклопическія строенія и которыя служатъ какъ бы продолженіемъ слоистой организаціи приморскихъ утесовъ Италіи. Своимъ художественнымъ тактомъ миниатюристъ понялъ поэта; слѣдуя поэту, онъ искалъ очертаній и колорита для его *Ада* и въ развалинахъ Каракалловыхъ Термъ, и въ триумфальныхъ аркахъ римскаго форума, и въ бесплодныхъ скалахъ Аппенинскихъ. Сверхъ того, во всей иллюстраціи ада замѣчается одна въ высшей степени характеристическая черта. На всѣхъ этихъ миниатюрахъ съ безобразными развалинами и мрачными пропастями, вездѣ видишь вдали прекрасное небо Италіи, яхонтовое и жаркое, съ которымъ не могъ художникъ разстаться и въ аду, и которое изображенію ужаснаго и грознаго придаетъ какую-то успокоительную прелесть аттической граціи: такъ что весь этотъ адъ старинной италіанской иллюстраціи производитъ впечатлѣніе грознаго, разрушительнаго Везувія, покрытаго нагроможденными подземными камнями, съ отлогостями пышно увитыми виноградомъ, который на берегу роскошнаго залива непрестанно коптитъ своимъ душливымъ дымомъ прекрасное небо Италіи. Архитектура *Чистилища* вообще похожа на адскую; но между бесплодными утесами часто видишь уже цвѣтуція долины и зеленые дуга. Чувствуется зиждительная сила природы. И здѣсь, какъ въ аду, въ родѣ утесовъ съ пещерами, изъ голыхъ камней сооруженныя зданія, но на этихъ сооруженіяхъ замѣтна творческая рука искусства. Горы поднимаются въ видѣ римскихъ мавзолеевъ съ портиками. Тамъ громадная развалина украшается изящною дверью съ тремя аллегорическими ступенями изъ трехъ камней трехъ разныхъ цвѣтовъ. Тамъ въ окраину скалы вдоль дороги вставлены мраморныя плиты съ барельефными изображеніями изъ античной мѣологии и Св. Писанія. Сценою для *Чистилища* уже не подземные склепы, а сама земля, какъ она есть, со всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, съ добромъ и зломъ, съ наградой и наказаніемъ, съ надеждой и страхомъ, съ произведеніями зиждительной природы и искусства и съ печальными развалинами.

Такое *Чистилище* у поэта, такое оно и въ миниатюрахъ. Я не касаюсь иллюстраціи *Рам*, хотя и особенно изящной по изображенію лицъ и группировкѣ фигуръ, потому что громадные размѣры его воздушной архитектуры менѣе доступны живописнымъ средствамъ. Цѣлое распыляется въ небесныхъ сферахъ, или кругахъ, а подробности получаютъ видъ символическихъ знаковъ креста, царственнаго орла, райской бѣлой розы и т. п.

V.

Иллюстрація становится предметомъ первой важности для литературной критики, когда рисунки къ литературному произведенію оставлены самимъ авторомъ его, или подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и въ сообществѣ съ его друзьями и единомышленниками. Въ такой иллюстраціи поэтъ какъ бы продолжаетъ свою творческую идею, дополняетъ очерками то чего не могъ выразить словами, собираетъ въ окончательно установившемся опредѣленномъ образѣ тѣ улетающіяся мечты, которыя онъ не успѣвалъ схватить столько же летучею и такою же провращною формою стиха, вводитъ наконецъ въ самое святилище своей фантазіи, выясняя и для себя самого и для читателей въ осязательныхъ очеркахъ тѣ идеалы, которые только по частямъ и намекамъ могъ онъ описывать въ своемъ стихотвореніи, или къ которымъ онъ относился, какъ поэтъ, только въ изліяніяхъ своихъ чувствованій. Давая такимъ образомъ новый матеріалъ для опредѣленія самого акта поэтического творчества, иллюстрація вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ для критика точку зрѣнія, которую самъ поэтъ ему указываетъ въ рисункѣ къ своему произведенію. Общій характеръ или стиль поэзіи уясняется до очевидности, будучи выраженъ въ соответствующемъ ему стилѣ живописи.

Такое именно значеніе замѣчательныхъ вѣтстокъ въ академическомъ изданіи сочиненій Державина. Эти вѣтстки были изготовляемы въ концѣ XVIII столѣтія и въ первыхъ годахъ текущаго, по желанію и мысли самого поэта и при дѣятельномъ участіи его друзей: Оленина, Капниста и Львова, которые составляли программы рисунковъ, а Оленинъ и самъ былъ искусный художникъ и нарисовалъ 92 рисунка

то тушью, то сепією, а отчасти и акварелью къ стихотвореніямъ Державина, поднесеннымъ потомъ въ рукописи императрицѣ Екатерицѣ въ 1795 году. Работу Оленина продолжалъ извѣстный живописецъ Егоровъ, изготовившій къ 1802 году сто виньетокъ, а послѣ него рисовалъ художникъ Ивановъ. Есть нѣсколько картинокъ работы Тончи. Державинъ постоянно заботился объ изданіи своихъ сочиненій съ рисунками, посылалъ ихъ въ Лондонъ для гравированія, но не сошелся въ цѣнѣ съ тамошними граверами, просившими 12 тысячъ рублей; обращался къ русскому граверу Уткину, который сдѣлалъ для него на этотъ предметъ смѣту на 39 тысячъ. Въ объясненіяхъ, диктованныхъ потомъ, онъ не забывалъ послѣ каждаго стихотворенія помѣщать описаніе приготовленныхъ виньетокъ, а тамъ гдѣ ихъ не доставало, вносилъ слова: „нужны программы“. Безъ сомнѣнія, не прилагалъ бы онъ столько вниманія и заботъ объ этихъ рисункахъ, еслибы видѣлъ въ нихъ одну роскошь. Они были для поэта существенною частью его поэтического творчества, дополненіемъ созданныхъ имъ идеаловъ, необходимымъ комментариемъ къ его чувствованіямъ и мечтаніямъ. Въ предисловіи къ изданію своихъ стихотвореній, въ 1808 году, онъ говоритъ: „Не могъ я, по желанію моему, украсить всѣхъ моихъ сочиненій картинками за недостаткомъ художниковъ, предоставляя то будущему времени“. И вотъ, чрезъ полстолѣтіе, Академія Наукъ достойно выполняетъ завѣщаніе Екатерининскаго поэта, предаживъ въ великолѣпномъ изданіи въ самыхъ удовлетворительныхъ подтипажахъ всѣ рисунки, которые были тогда изготовляемы къ его произведеніямъ, и которыя онъ напрасно заботился награвировать за границей, потому что, какъ онъ самъ выразился, по этому предмету

Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.

Точка зрѣнія на отношеніе виньетокъ къ тексту указана самими друзьями поэта, Оленинымъ и Львовымъ, въ дошедшихъ до насъ двухъ запискахъ. „Всѣ почти изображенія, какъ при заглавныхъ листахъ, такъ и при окончаніи каждой поэмы, говоритъ Оленинъ, почерпнуты изъ самаго содержанія оныхъ. Изографъ однако не повторяетъ автора и не то же представляетъ въ лицахъ первый, что второй нарисовалъ въ стихахъ. Сіе повтореніе, довольно впрочемъ обычное, казалось ему плеоназмомъ, почему и старался художникъ

домолвить карандашомъ то что словами стихотворецъ не могъ или не хотѣлъ сказать, оставляя иногда тонкій смыслъ или таинственное значеніе на собственное проищаніе читателя. Сіе-то значеніе подъ рукою молодого художника, гдѣ въ прямомъ, гдѣ въ иносказательномъ видѣ, образовалось и въ лицахъ, бесѣдуетъ съ разумомъ читателя, догадку его упреждая: читателю не будетъ тягостна зримая бесѣда сихъ скромныхъ лицъ потому что ему, кажется, одному только довѣряютъ они таинство, которое стихотворецъ не всякому слушателю открываетъ, а безъ того, можетъ, скоро бы прискучили такія изображенія, которыя глазомъ повторяютъ то же самое что воображеніе давно и лучше еще въ понятіи посредствомъ стиховъ читателю представило.... Въ заглавіи нѣкоторыхъ, однако, поэмъ то же или почти то же изображено въ лицахъ что сказано въ поэмѣ.... Впрочемъ онъ (то-есть художникъ) старался, сколько возможно, пропускать такія картины, оставляя стихамъ всю силу дѣйствія и почитая свой карандашъ послѣднимъ пособіемъ силы стихотворческой.“ Въ дополненіе къ этому надобно принять въ соображеніе сказанное Львовымъ: „Художникъ въ семъ сообразовался съ легкимъ вкусомъ и правиломъ поэзіи, гдѣ воображеніе родило и вкусъ автора образовалъ нравоученіе въ поэмѣ, но дабы нравоученіе не скучало, онъ покрылъ его тонкою завѣсой аллегоріи и оставилъ на догадку: художникъ догадался, и дабы картинѣ, одною только, такъ-сказать, тѣнію окинутой, дать тѣло и силу физическую, дабы впечатлѣніе оной прочнѣе и надежнѣе въ сердцѣ читателя изобразилось, художникъ нравоученіе и пользу онаго образовалъ, и представилъ въ видѣ физическомъ намѣреніе автора и пользу видовъ его.“*

Оставляя въ сторонѣ скромность уклончивыхъ словъ Оленина и переводя на современныя понятія сбивчивость темныхъ выраженій Львова, мы извлекаемъ изъ замѣчаній этихъ обоихъ друзей Державина слѣдующія положенія объ отношеніи рисунковъ къ его стихотвореніямъ.

1. Въ рисункахъ не повторяется то что выражено въ стихахъ.

2. Но такъ какъ формы живописи и поэзіи различны, то чего не могъ или не хотѣлъ поэтъ изобразить словами, то живописецъ начерталъ въ лицахъ.

* Соч. Держ. I, XXX — XXXI.

3. Отвлеченныя мысли и нравственныя понятія, окинутыя у поэта только тѣнью, въ рисункѣ получаютъ осязательный образъ, который прочтѣе и надежнѣе въ сердцѣ читателя запечатлѣвается.

4. Потому живописецъ домыслилъ карандашомъ то чего въ стихахъ не доставало.

5. Однако живописные образы мелькали и въ фантазіи поэта, когда онъ творилъ, потому художникъ старался ихъ уловить въ своихъ очеркахъ, чтобъ открыть эту недоступную для читателей тайну творческой фантазіи.

6. Впрочемъ, никакая живопись не можетъ соперничествовать съ поэтической фантазіей, которая сильнѣе возбуждаетъ воображеніе читателя къ представленію того что она говоритъ ему въ стихахъ. Карандашъ служитъ послѣднимъ пособіемъ силы стихотворческой, потому что онъ схватываетъ только одинъ моментъ изъ всего безконечнаго разнообразія картикъ, бѣгло намѣченныхъ поетомъ.

Въ составителяхъ программъ для рисунковъ и въ художникахъ изготовившихъ рисунки мы имѣемъ дѣло съ людьми, по своему времени, высокообразованными, получившими эстетическое воспитаніе, которому много способствовала изящная роскошь двора и вельможъ тѣхъ времявъ. Русскіе бары строили себѣ тогда дворцы во вкусъ римскихъ виллъ, украшали сады мраморными статуями, копированными съ антиковъ, стѣны дворцовъ увѣщивали картинами, гравюрами и гобелиновскими коврами, но особенно любили скульптуру, античный стиль которой согласовалась съ легкими нравами времени и съ ложно-классическою поэзіей. На подобіе флорентинской трибуны, этого святилища для Венеры Медицейской, которая стоитъ какъ божество, окруженное висащими по стѣнамъ картинами великихъ живописцевъ, и религиозными и мифологическими, у насъ во дворцахъ русскихъ баръ устраивались античные алтари, съ мраморными и бронзовыми статуями, которыми роскошь архитектуры, живописи и дорогихъ издѣлій служила подобающею обстановкой. Преданный вельможа ставилъ на алтарь, вмѣсто античной Мимервы, изображеніе Екатерины и, какъ Потемкинъ на своемъ знаменитомъ празднествѣ, преклонялъ колѣна предъ этимъ божествомъ.

Тогда образованные люди въ Россіи переживали блиста-

толькоую эпоху Возрожденія, перенесенную къ намъ въ подомыяномъ видѣ французскаго классицизма. Любовь къ изящнымъ искусствамъ смягчала грубость натуры, и тонкій эстетическій вкусъ облагораживалъ азіатскую роскошь. Ревнивый патриотизмъ автора *Недоросля* укрощался предъ созерцаніемъ чудесъ италіанской живописи, и татарскій мурза преклонялъ колѣни предъ классическою Минервой, въ образѣ которой привыкъ онъ чествовать свою Фелицу. Оленинъ былъ хорошій знатокъ классическаго искусства и отчасти умѣлъ пользоваться греческими вазами, камнями и другими антиками для иллюстраціи стихотвореній своего друга. Тончи учился живописи по Рафаэлю и его глазами смотрѣлъ на античную красоту, какъ на вѣчно новый матеріалъ для художественнаго воссозданія. Легкій взглядъ на христіанскую религію, порожденный рационализмомъ, замаскировалъ себя въ искусствѣ античными формами и аллегоріей. Невѣріе довело было Тончи до самоубійства, но потомъ онъ перешелъ отъ скептической философіи къ болѣе христіанской, и этотъ спасительный переходъ изобразилъ онъ въ одной изъ своихъ повѣй. Аллегорія и символъ прижирали здравый смыслъ съ античными представленіями, которыми XVIII вѣкъ давалъ новое, свое собственное значеніе. Изящная фраза господствовала и въ поэзіи, и въ картанѣ, и въ триумфальныхъ аркахъ, обелискахъ и курящихся аятакахъ торжественныхъ празднествъ. Здравый смыслъ, воспитанный французскою ложно-классическою теоріей, любилъ прикрываться загадкой подъ условною формою любимыхъ эмблемъ и символовъ. Тончи подъ написаннымъ имъ портретомъ Державина помѣстилъ латинское двустишіе слѣдующаго содержания: „Правосудіе изображено въ скалѣ, вѣщій духъ въ ружьяномъ восходѣ, а чистое сердце въ бѣломъ снѣгѣ“. Поэтъ представлялъ сидящимъ предъ скалою, на снѣжномъ полѣ, по которому замѣтны слѣды, вѣроятно въ соотвѣтствіе стихамъ: „чтобъ шель, природой лишь водимъ“, и пр.; въ отдаленіи занимается утренняя заря. Соотвѣтственно помыслилъ того времени, съ одной стороны чепорнаго и охочаго до парадовъ, и съ другой—воспитаннаго въ античномъ вкусѣ, одни совѣтовали живописцу написать поэта въ мундирѣ и орденахъ, другіе—„по примѣру антиковъ, какъ сказано въ объясненіяхъ, безъ всякихъ украшеній, каковъ онъ въ

самомъ дѣлѣ". Художникъ предпочелъ программу самого поэта и изобразилъ его правнукомъ татарскаго Багрима, смягчивъ азіятскую грубость гуманными идеями аллегоріи, объясняемыми въ упомянутомъ двуступіи.

VI.

Прежде нежели войду въ разсужденіе объ отношеніи рисунковъ къ тексту, надобно разсмотрѣть содержаніе или матеріалъ изъ котораго они составлены. Соответственно направленію умовъ и вкусу времени матеріалъ этотъ заимствованъ изъ двухъ главныхъ источниковъ: изъ античнаго искусства и изъ такъ-называемыхъ символовъ и эмблемъ. Первому источнику рисунки обязаны всемъ своимъ изяществомъ и тонкимъ классическимъ вкусомъ, второму—главнѣйшими недостатками, состоящими въ вычурности, манерности и въ условности холодной аллегоріи.

Вотъ перечень важнѣйшихъ рисунковъ заимствованныхъ изъ античнаго искусства или составленныхъ въ его характеръ, кромѣ немногихъ, о которыхъ будетъ сказано въ послѣдствіи. Предъ описаніемъ рисунка помѣщаю заглавіе стихотворенія, которому онъ служитъ виньеткой.

Объясненіе въ любви. Обнаженная Венера сидитъ въ облакахъ. Предъ нею стоитъ на колѣняхъ Амуръ, пронзенный стрѣлою. Въ Амурѣ изображенъ самъ поэтъ; въ Венерѣ—красавица, которой онъ объясняется въ любви. I, 1.

Плаמידа. Сирена съ чешуйчатымъ хвостомъ и съ крыльями опирается на голову Януса, подлѣ которой лежатъ корона, скипетръ, лавровый вѣнокъ, потому что въ залогъ своей любви къ этой прелестницѣ поэтъ готовъ бы отдать мудрость, скипетръ и славу. Но Пламида проситъ въ задатокъ денегъ, что и означено на кю-де-лампѣ, то-есть на второмъ заключительномъ рисункѣ, въ видѣ Амура сидящаго съ мѣшкомъ денегъ, а около презрительно издѣвается козломогіи Фавнъ. I, 3—4.

Вселилѣ. Діана на лунѣ. На кю-де-лампѣ козелъ опрокидываетъ вазу съ цвѣтами—безподобная въ помпейскомъ стилѣ виньетка, въ дополненіе той мысли поэта, что красота женская сама по себѣ, безъ добродѣтели, ничтожна. I, 5—6.

На смерть Бибикова. Второй рисунокъ съ античною камен: Геркулесъ связываетъ Цербера. I, 26.

Монументъ Петра Великаго. На второмъ рисункѣ летающая богиня Славы, съ крыльями. 1, 40.

Кружка. Второй рисунокъ къ застольной пьесѣ: „Краса пирующихъ друзей“ и пр., представляетъ флорентійскаго пляшущаго Фавна, антикъ, реставрированный рѣзцомъ Микель-Анджело. 1, 49.

Ключъ. Источникъ въ видѣ бога рѣки, лежитъ въ тростникѣ; одною рукой облокотился на урну, изъ которой льется вода, а въ другой держитъ руль; голова его увѣнчана осокою. Соответствуетъ начальнымъ стихамъ:

Съдащъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ,
На урну облокотись рукою и пр. 1, 77.

На рожденіе на свѣръ порфиророднаго отрока. Первая виветка безобразна; представляетъ Зефира, подъ видомъ мальчика съ рогомъ изобилія: онъ скачетъ на козорогѣ и дуетъ на улетающаго на крыльяхъ бабочки Борей. При этой виветкѣ соответствующей первымъ стихамъ: „Съ бѣлыми Борей власами“ и пр. Вторая картинка удачно взята съ античной каменъ, на которой изображенъ младенецъ-Геркулесъ задушающій змѣю. 1, 81—86.

Къ первому сосѣду. Роскошный сонъ богача и мысль о тайности всего подъ луною выражены въ картинкѣ помпейскаго стиля: юный геній, весь обнаженъ, покоится въ глубокомъ снѣ, на львиной кожѣ; къ нему полкрадывается все-разрушающееся время въ видѣ Амурчика съ косою. 1, 102.

На выздоровленіе Мецената. Второй рисунокъ: богиня Здравія, какъ статуя, въ отличномъ античномъ стилѣ. 1, 125.

Разныя вина. Весельчаки, пьющіе разныя вина, идеализируются въ видѣ амурчиковъ, которымъ изъ корзинки сыплетъ виноградъ парящая въ воздухѣ Геба. Амурчики вьются около нея тоже по воздуху. 1, 126.

Благодарность Фелицъ. Первый рисунокъ: Заря съ поспѣшностью несетъ свѣтильникъ міра и ведетъ Фебовыхъ коней, въ соответствіе первымъ стихамъ: „Предшественница дня златаго“ и пр. Второй рисунокъ: Геній стихотворства идетъ поспѣшно лирою возгласитъ великую Фелицу. Оба съ древнихъ каменъ. 1, 153—156.

Римляну. Античный саркофагъ. Посреди въ медальонѣ портретъ Потемкина, въ профиль. По сторонамъ по генію,

которыя свѣтуютъ по успѣху, опираясь на обращенныя внизъ факелы. 1, 170.

Побѣдителю. Крылатая побѣда въ одной рукѣ несетъ пальмовую вѣтвь, а въ другой лавровый вѣнокъ. Оято съ античной медали. 1, 231.

Философы пьяный и трезвый. Хотя у Державина оба философа разговариваютъ какъ люди новаго времени, даже съ отгнѣнкомъ русскаго характера, потому что упоминаютъ не только о вусечныхъ ядрахъ на войнѣ, но и о взяткахъ; однако въ рисунокѣ представлены они въ античныхъ тогахъ и въ сандаляхъ. Около сидящаго философа превосходная ваза съ ручкою сдѣланною изъ роскошной женской фигуры, во вкусѣ возрожденія XVI вѣка. Второй рисунокъ еще изящнѣе. Въ позѣ сидящаго съ книгою на колѣняхъ философа художникъ соединилъ величье Микель-Анджеловскихъ кариатидъ изъ сикстинскаго плафона со скульптурною простотой античнаго стиля. Предъ философомъ на тонкой, витой подножкѣ горитъ античная же, изящная лампа. Обѣ картины отличаются самымъ тонкимъ, эстетическимъ вкусомъ, воспитаннымъ на античномъ искусствѣ. 1, 260—264.

Изображеніе Фелицы. Какъ на древней медали, Фелица на конѣ представлена въ видѣ Минервы вооруженной доспѣхами. Величественно простираетъ она руку какъ римскіе императоры въ скульптурныхъ изображеніяхъ. Предъ нею преклонивъ колѣна, подноситъ ей на дискѣ скипетръ и вѣнецъ величавая фигура Сивера. Позади, около ея шлема, порхаютъ два генія. Поэтъ проситъ Рафаэля именно въ этомъ самомъ видѣ изобразить Фелицу:

Одѣвъ въ доспѣхи, въ броне златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ баустанъ на ней пернатый,
Зефиры вѣвали власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно бравды ошнѣалъ;
Чтобъ Нордъ одымъ ей удивился
И обладать собой избралъ;
Избралъ—и, падши на колѣна,
Поднесъ бы скипетръ ей и вѣнецъ. 1, 270.

Къ Естерль. Дѣвица Нарышкина, известная въ то время своею игрою на арфѣ и пѣніемъ, представлена въ видѣ Эвтервы играющей на двухъ флейтахъ. Она сидитъ, прило-

нась къ дереву, у корня котораго трагическая маска и Геркулесова палица. У ногъ ея самъ Потемкинъ въ видѣ мальчика-Марса сидя спитъ, приложивъ голову къ ея коленнымъ. Онъ обнаженъ, и только плечи прикрыты мантией, на головѣ шлемъ. Возлѣ стоятъ латы и щитъ. Рисунокъ соответствуетъ послѣднимъ стихамъ:

Поѣ, Евтерпа молодая!
 Царствомъ своею пѣни;
 Бога брамою услышавъ,
 Громъ изъ рукъ его возьми.
 Лавромъ голова нагбенна
 Къ персамъ клонится твоимъ.

Хотя Нарынкина и играла не на флейтѣ, и хотя самъ поэтъ заставляетъ Евтерпу ударять „въ струны арфы“, но на рисункѣ муза является съ своимъ обычнымъ инструментомъ. Художникъ советамъ обезоружилъ Марса и только лавръ на головѣ замѣнилъ шлемомъ, и нашелъ неудобнымъ преклонить ее къ персамъ, замѣнивъ страстного любовника маленькимъ мальчикомъ, который, въ самой наивной позѣ, скорчившись, преусердно спитъ. 1, 300.

Кампаня. На прѣдсталѣ лежитъ греческая богиня въ шлемѣ, облокотившись на арфу; около помѣщена орава, лавровый вѣнокъ и другіе атрибуты. Это, по объясненію въ рукописи: „Изображеніе російскаго божества, означающее всѣ добродѣтели и всѣ достоинства.“ 1, 305.

На шведскій муръ. На черномъ фонѣ свѣтлый рисунокъ въ отличномъ древне-греческомъ, строгомъ стилѣ, производитъ впечатлѣніе античной живописи на греческихъ или этрусскихъ вазахъ. Екатерина въ видѣ Минервы съ копьемъ щитомъ и оливковою вѣтвію стремительно приближается къ храму Януса чтобы притворить врата этого храма. 1, 307. Эта виньетка между рисунками Фляхмана была бы изъ лучшихъ.

Любителю художествъ. Поэтъ проситъ музу Эрато чтобы она со своею сладкогласною арфой сошла съ высотъ Пинда и вѣчно царствовала на берегахъ Невы въ домѣ знаменитаго любителя художествъ графа А. С. Строганова. Снисшедши на желаніе поэта, муза, какъ бѣлый голубокъ, спорнула съ небесныхъ свѣтлыхъ горъ, и свѣвъ къ нему на колѣни, заиграла на арфѣ.

Ея бѣсурядны персты
 По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
 Взоръ черноогненный, отверстый,
 Какъ молнія во слѣдъ громамъ,
 Блистаетъ, жжетъ и поражаетъ
 Всю внутренность души моея;
 Тошитъ, мертвитъ и оживляетъ
 Меня пріятностью своея.

Поэтический полетъ музы живописецъ остановилъ въ спокойной позѣ ваятельнаго стиля, и изъ страстной вакханки, какою она представлялась поэту, претворилъ ее въ величавую жрицу; она совершаетъ возліаніе на жертвенникъ который Амуръ воспламеняетъ своимъ свѣточемъ. Муза водворяется такимъ образомъ на невскихъ берегахъ и воскуряетъ свой еиміамъ въ чертогахъ екатерининскаго вельможи. Живописецъ, воспитанный въ строгихъ образахъ классическаго искусства, не могъ представить себѣ „веселорѣзвой“ музы поэта, и однако вполне передалъ его мысль въ этой торжественной сценѣ жертвоприношенія. 1, 362.

Колесница. Французское государство временъ революціи Державинъ представилъ въ видѣ колесницы которую размакала бѣшеные кови. Но пока возница правилъ коями мощно, они бѣжали послушно и стройно везли колесницу. „Сидящій, правящій возница“, погоня коней—

Прилежно зорами блюдетъ;
 Къ одной метѣ ихъ направляя,
 Грозитъ бичомъ, пль ихъ ихъ бьетъ.
 Животныя отважны, горды,
 Подъ хитрой ѣздою уздой
 Лишены дикія свободы
 И сопряжены межъ собой
 Едину волю составляютъ,

 Дугой нагнувъ воласты гривы,
 Бодраты, рѣвуютъ, бѣгутъ,
 Великолѣпный и красивый
 Видъ колесницъ вращаютъ.

Отвлеченную мысль поэта, выраженную въ живописномъ олицетвореніи, художникъ представилъ въ античномъ образѣ Аполлона скачущаго на колесницѣ. Ковы соответствуютъ описанію въ стихахъ, но Аполлонъ безъ бича, „только прилежно зорами блюдетъ“; и не сидитъ, а стоитъ. Развиваю—

щаяся драпировка придаетъ его фигурѣ изящество Рафаэлевскаго рисунка. 1, 524.

Амуръ и Психея. Въ образѣ живыхъ объятій этихъ мифологическихъ лицъ поэтъ воспринимаетъ сговоръ великаго князя Александра Павловича съ Елисаветой Алексеевной.

Амуру вздумалось Психею,
Рязаяся, поимать,
Опутаться цвѣтами съ нею
И узелъ завязать....

.....
Ни крылышкомъ Амуръ не тролеть,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Психея не бѣжитъ, не стонеть:
Свались какъ листъ съ травой.

Живописецъ для выраженія воодушевившихъ поэта идеаловъ ничего не могъ выбрать лучше какъ снять рисунокъ съ известной древней группы Амура и Психеи, и въ дополненіе къ этому, на второй вѣткѣ изобразилъ лавровыя и миртовыя вѣтви, связанныя гирляндой изъ розъ, въ соответствии приведеннымъ здѣсь стихамъ („Опутаться цвѣтами съ нею“ и пр.), съ намекомъ на лавровый вѣнокъ царственного жениха и на миртовый—невесты. 1, 538—540.

Къ мирѣ. Соответственно стихамъ, на первомъ рисунокѣ, въ стилѣ античной камеи, представленъ графъ Зубовъ въ образѣ Орфея, а на второмъ въ образѣ Амфіона, который звуками арфы созидаетъ Фивы: намекъ на учреждавшуюся тогда Вознесенскую губернію. 1, 598—603.

Къ Анжеликѣ Кауфманъ. Поэтъ проситъ эту художницу чтобъ она изобразила ему его вторую жену въ величавомъ образѣ Минервы, и чтобы, плѣняясь ея красотой, сердце его, скороненное въ гробу первой жены, воскресло. Разрозненныя идеи поэта живописецъ совокупилъ въ одну группу, давъ имъ новый образъ въ античной сценѣ жертвоприношенія. Величественная жрица, въ родѣ героини псевдо-классической французской трагедіи, свѣточемъ воспламеняетъ на жертвенникѣ костеръ, изъ котораго вылетаетъ фениксъ, означающій здѣсь возрожденное сердце поэта. 1, 662.

Гостю. Поэтъ приглашаетъ своего гостя отдохнуть и предаться любовнымъ мечтамъ. Заключительные два стиха этой коротенькой піески:

Львовымъ приняты жаны,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ—

внушали живописцу изобразить новую сцену, о которой нѣтъ и помѣны въ стихотвореніи, но которая объясняетъ и дополняетъ его главную мысль. На половину обнаженный рудокопъ—юная фигура, въ стилѣ античной скульптуры, съ ломомъ въ рукахъ роетъ въ скалѣ золото. Подлетающій къ нему Амуръ останавливаетъ его, указывая въ воздухъ на двухъ голубковъ, которые слетаются другъ съ другомъ чтобы поцѣловаться. 1, 670.

Другу. Приглашая Львова гулять въ садъ, поэтъ, между прочимъ, такъ воспѣваетъ двухъ его горничныхъ, отличающихся умѣньемъ плясать по-русски:

Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, свежошь
Взмахнувъ челомъ, такъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Луиза, какъ зефиръ, порхавъ
Пропляшутъ вмѣстѣ казачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Изъ розова подастъ рука.

Русскихъ горничныхъ, пляшущихъ казачка, живописецъ представилъ въ классическомъ видѣ двухъ античныхъ нимфъ, въ граціозной позѣ помпеанскихъ танцовщицъ. Надъ ними сплетаются два дерева своими вѣтвями, на которыхъ сидитъ Амуръ, спуская на нихъ гирлянду изъ розъ, что должно означать любовь, соединяющую нимфъ вѣнкомъ грацій. Одна изъ пляшущихъ посыпаетъ землю цвѣтами, другая подливаетъ ихъ изъ вазы. Позади геній времени, въ видѣ Амура, пускаетъ мыльный пузырь. 1, 673.

Богиня здравія. Въ античномъ стилѣ камея, изображающая эту богиню. 1, 676.

Анакреонъ у пещки. Нарышкина въ видѣ величавой музы, въ античной драпировкѣ и въ сандаляхъ, сидя, играетъ на арфѣ. 1, 682.

Флотъ. Нептунъ съ трезубцемъ ѣдетъ по морю на своихъ морскихъ коняхъ. 1, 689.

Соловей. Сравнивая себя съ греческимъ музыкантомъ Тимотеемъ, который своею игрой на флейтѣ возбуждалъ въ Александрѣ Македонскомъ страсть къ Таисѣ, поэтъ продолжаетъ:

Тогда бы я между прудами
 На марку мураву воссѣлъ,
 И арфы съ тихими струнами
 Пріятность сельской жизни пѣлъ.

На рисункѣ представляеть поэтъ сидящій подъ деревомъ съ арфою въ рукахъ, въ образѣ греческаго музыканта. Юная, полуобнаженная фигура, въ садаліяхъ I, 692.

На новый 1797 годъ. Самое время и поэту и его иллюстратору представлялось въ формахъ классической мифологіи. Минувшій годъ представляеть въ видѣ Сатурна, который съ коронами, скипетрами и другими знаками величія погружается въ вѣчность; а двуличный Янусъ съ двумя ключами въ лѣвой рукѣ, въ правой же со скипетромъ, представляеть новый годъ. II, 16.

На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи. Въ строгомъ стилѣ классической скульптуры группа изъ двухъ фигуръ: юный, обнаженный Геркулесъ, съ булавою, на плечахъ львиная шкура, обнимаетъ Минерву, одѣтую въ доспѣхи. По объясненію Державина, эта прекрасная группа, составляющая главный сюжетъ рисунка, оказывается не болѣе какъ аксессуаромъ при помѣщенной около нея эмблемѣ изъ колеса фортуны и дующей на колесо дѣтской головки. „Думоуемъ какого-то вѣтра, говоритъ поэтъ, колесо фортуны полетѣло подъ гору. Разумъ показываетъ событіе сего частнаго феномена; но Мужество, объемяющее Премудрость, равнодушно смотритъ на случайное явленіе.“ II, 28.

Рожденіе красоты. На второмъ рисункѣ безподобная фигура только что родившейся Венеры, которая стоитъ на морской раковинѣ. II, 122.

Къ женщиныналъ. Опять Венера, но болѣе въ стилѣ италіянскаго Возрожденія, увита гирляндомъ, поднимая на голову покрывало, стоитъ на воинскихъ доспѣхахъ. II, 128.

Геркулесъ. Геркулесъ обнимается съ красавицею. Рисовано въ стилѣ эротическихъ оцень Тиціана и Каррачи. II, 179.

Вънецъ безсмертія. Подъ деревомъ сидитъ Анакреонъ съ чашею въ рукѣ, около него на землѣ лира и амфора. Предъ нимъ влѣнуютъ три граціи, одѣтыя; легкія покрывала въ издѣльныхъ линіяхъ развѣваются около ихъ головокъ. II, 231.

Горы. По одному судебному слѣдствию Державина жилъ въкоторое время въ Могилевской губерніи, въ мѣстечкѣ

Горы, у графа Соллогуба. Возвращаясь однажды ночью въ домъ графа, поэтъ былъ встрѣченъ его дочкой, которая изъ шутки, перерядясь въ жидовское платье, поднесла ему нѣсколько настрѣленныхъ бекасовъ. Въ маленькомъ стихотвореньицѣ поэтъ жалеетъ что только въ мысляхъ можетъ пѣяться красотой и талантами Жидовочки, и умветъ лишь насыщаться ея бекасами. Жидовочку съ ея пляскою „казачка“ художникъ представилъ на темномъ фонѣ, во вкусѣ помпейской живописи, въ образѣ Дианы, широко драпированной, а не въ короткой туникѣ по колену, какъ эта богиня обыкновенно представляется. На головѣ луна, въ одной рукѣ лукъ, въ другой—настрѣленная дичь; въ ногахъ собака. II, 258.

Первая пѣснь Пиндара пивическая. Бюстъ Пиндара на пьедесталѣ. II, 129.

Гимнъ Сафы Венерѣ. Сафо преклоняетъ колѣно предъ Медицейскою Венерой, стоящею на пьедесталѣ въ саду, будто въ виллѣ XVIII вѣка. II, 349.

На восшествіе на престолъ императора Александра I. Россія въ античной фигурѣ молодой женщины, съ разными атрибутами. II, 355.

Приниженіе красавицъ. Поэтъ подноситъ молодымъ красавицамъ и въ особенности своей супругѣ пѣсни Леля. Самъ онъ дурень и старъ, и когда онѣ зимою ѣздятъ въ саняхъ или лѣтомъ ступаютъ по розамъ, онъ уже не лобзаетъ праха ихъ ножекъ, а бьетъ имъ челою стихами, въ которыхъ выразилъ онъ любовное пламя своихъ чувствованій. На второй картинкѣ, Амуръ, въ удостовѣреніе дѣйствительности этого пламени, совокупивъ нѣсколько сердецъ на жертвенникъ, высѣкая огнивомъ огонь, сыплетъ на нихъ искры; на первомъ же рисункѣ стоитъ обнаженная Венера; предъ нею горитъ факель, поддерживаемый стрѣлами, въ видѣ треножника, увитаго гирляндю изъ розъ. Надъ пламенемъ порхающій Амуръ держитъ на дискѣ сердце. Въ этомъ Амурѣ представленъ старый и „неумильный“ поэтъ, а въ Венерѣ—красавицы ѣздящія въ саняхъ. Тончи, которому принадлежитъ этотъ рисунокъ, взялъ за образецъ медицейскую статую, но нѣсколько исправилъ ея недостатки, приложивъ ея руки ближе къ тѣлу, если только не руководствовался онъ въ этомъ позой Венеры Праксителевой. II, 364.

Явленіе Аполлона и Дафны на нескромъ берегу. Слѣдующая

поэту, живописецъ изобразилъ императора Александра I и Елисавету Алексеевну въ видѣ Аполлона Бельведерскаго и Дафны. Ихъ окружають Купидоны, въ соответствии стихамъ:

Видѣлъ какъ народъ тѣснился
Кругъ одной молодой четы...
.....
Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
Просвященье, кротость, вкусъ;
Какъ хариты вслѣдъ имъ ходятъ
И соборы вѣжныхъ музъ, и т. д.

А такъ какъ:

..... Сомедши съ Геликола,
Тѣшатся они Невой,

то живописецъ на второмъ рисункѣ представилъ и Неву въ античной фигурѣ божества рѣки. II, 379—381.

Графиня Орловой. Въ современныхъ запискахъ повѣствуется что эта дѣвица танцевала такъ чудно, съ такою врожденною граціей и съ такимъ благородствомъ, что движения ея были какъ будто рѣчью, выражавшею всю простоту и прелесть ея души. Соответственно стихамъ поэта:

И въ пляскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ,

живописецъ представилъ графиню въ видѣ помпепской танцовщицы. II, 387.

Олеину. Три гради съ облаковъ сыплютъ цвѣты на утрюмый сѣверъ, изображенный въ фигурѣ царственного старца. II, 492.

Зима. Въ соответствии началу піесы:

Что ты, Муза, такъ печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Скалоча волосы, глядишь?

живописецъ представилъ сидящую пригорюнившись Музу въ видѣ античной статуи, и только. Дальше оны не послѣдовалъ за поетомъ: всклокочить волосы Музы воспрещалъ установившійся въ искусствѣ ея типъ, а смотреть ей въ хрустальное окно не позволялъ самый стиль скульптуры, усвоенный въ рисунокѣ. II, 527.

Лѣто. Весна и лѣто представлены на темномъ фонѣ, въ

помпезномъ стилѣ, въ видѣ двухъ амурчиновъ, у одного цѣлуетъ, у другаго спитъ. II, 544.

Осень. Изображена въ классическомъ стилѣ увѣнчанной разными плодами женщины, сидящей на снопахъ. На ногахъ сандалии. II, 554.

Четыре возраста. Юноша, человекъ зрѣлыхъ лѣтъ и старикъ изображены въ античномъ костюмѣ, только младенецъ обнаженъ. II, 557.

Пиндарова Олимпическая первая явось. Античный гипподромъ, впрочемъ, съ зданіями позднѣйшаго стила. II, 551.

Въ приведенномъ перечнѣ лучшіе рисунки принадлежатъ Оленину. Этотъ высоко образованный человекъ и художникъ въ душѣ отлично понималъ древнее искусство, и съ лучшихъ его произведеній снималъ копіи, которыми удачно и мѣтко иллюстрировалъ стихи своего друга. Кроме того, какъ его рисунки, такъ и другихъ художниковъ, составлены въ стилѣ античномъ и преимущественно въ скульптурномъ, цюгда подъ вліяніемъ мисологической живописи италянкой и французской. Результаты ученія Вилкельма и Лессага объ античномъ идеалѣ и ослѣдней красотѣ пластической формы были хорошо усвоены тѣмъ артистическимъ кругомъ, въ которомъ поэтъ на живописныхъ изображеніяхъ пробѣрлялъ свои поэтическія идеи.

Менѣе удачны вышетки оставленныя изъ аллегорій, символовъ и эмблемъ. За то изображенія этого рода ближе выражаютъ отвлеченныя мысли поэта и вполнѣ соответствуютъ напыщенному и фигуральному слогу его стихотвореній, какъ выраженію извѣстнаго направленія въ литературѣ, искавшаго для крайнихъ преувеличеній рѣзкихъ противоположеній и необычайныхъ образовъ поэтическихъ—соответственной имъ, необычайной и ненатуральной формы живописной.

Изображенія этого рода помѣщены въ изданіи Державина большею частію въ концѣ піесъ, въ заключительныхъ вышечкахъ, называемыхъ къ-де-лампъ; впрочемъ, встрѣчаются и въ заглавьяхъ или заставкахъ, и притомъ часто въ соединеніи съ античною мисологіей, которая въ этомъ случаѣ принимаетъ видъ холодной аллегоріи. А именно:

Объявленіе любви. Кю-де-лампъ: подосащеникъ, для означенія того что поэтъ всюду слѣдуетъ „любовью за своею красавицей“. I, 2.

Нинь. Кю-де-ламъ: верблюды, потому что оны малымъ доволень, въ соотвѣтствіе стиху: „Но ты цѣлуй меня лишь разъ.“ I, 8.

Петру Великому. Кю-де-ламъ представляетъ затѣливую фразу въ эмблемѣ Зефира сидящаго на орлѣ и разглашающаго слова хора: распущенныя крылья орла затмеваютъ съ одной стороны шведскій гербъ, а съ другой луну, гербъ Турціи. I, 36.

На освященіе Каменно-Островскаго Инвалиднаго дома. У фасада античнаго зданія на дорическихъ колоннахъ, поддерживающихъ фронтоны, сидитъ женщина съ малыми дѣтьми, въ одной рукѣ держитъ щитъ съ портретами двухъ царственныхъ лицъ, а другою подаетъ хлѣбъ престарѣлымъ воинамъ, одѣтымъ въ античный костюмъ. Это челолюбіе. I, 61.

Успокоеніе Невѣріе. Двѣ самыя вычурныя аллегоріи. Въ первой, по объясненію Державина: „человѣкъ, надъ морскою бездною висащій, изображаетъ Невѣріе, колеблющееся въ мысляхъ своихъ; крутая скала—убѣжище его—уподобленіе пустыхъ системъ, къ которымъ прибѣгаетъ Невѣріе. Ангель Вѣры (въ видѣ обнаженнаго Амура съ потиромъ) показываетъ ему путь ко спасенію, къ которому Невѣріе обращаетъ свой взоръ при послѣднемъ уже часѣ гибели своей.“ Во второй: „Любовь (въ видѣ широко драпированной женщины) съ признаками вѣры и надежды (то-есть потира и якоря), услыша мольбу и раскаяніе невѣрующаго, подаетъ ему руку помощи, избавляя его отъ водъ.“ I, 69—76.

На смерть князя Мецгерскаго. На нижнемъ уступѣ пирамиды сидитъ смерть въ видѣ крылатаго старика и точитъ лезвее косы; по другую сторону лежитъ левъ. Пирамида означаетъ пышность, а левъ—силы державныя, на которыя смерть глядитъ. I, 87.

На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію. Въ храмѣ, въ которомъ на престолѣ возсѣдаетъ Фемида съ вѣсами, Минерва указываетъ путь тремъ идущимъ за нею фигурамъ, изъ коихъ двѣ одѣты: одна съ двумя дѣтьми и другая съ дискомъ въ видѣ циферблата, въ центрѣ котораго сердце; третья фигура обнаженная, съ зеркаломъ. У подножія храма, скорчившись, сидитъ молодой человѣкъ въ оковахъ. По объясненію Державина, этотъ рисунокъ изображаетъ „учрежденіе намѣстничества, при которомъ Россійская Минерва,

положа оковы на Злобу, Мздоимство и Ябеду, вводитъ въ храмъ правосудія Человѣчество, Истину" и Совѣсть." I, 95.

На Новый годъ. Утренняя заря въ видѣ ангела, предшествуемая Надеждою съ якоремъ, приноситъ Новый Годъ подъ видомъ Януса." I, 116.]

На счастіе. Счастіе, въ видѣ мальчика съ завязанными глазами, несется по воздуху на мыльномъ пузырьѣ и машетъ волшебною ширинкой, изъ-подъ которой, какъ изъ рога изобилія, сыпаются разные фрукты. I, 243.

Праведный судія. На первомъ рисункѣ, изображающемъ кучу разныхъ атрибутовъ, по объясненію Державина: „Эгида означаетъ защищеніе отъ злыхъ, рогъ изобилія—награду праведныхъ, масличная вѣтвь и лавровый вѣнокъ,—ихъ спокойствіе и славу“; а на второмъ, одинъ Амуръ поражаетъ другаго сіяніемъ зеркала. Это означаетъ Истину, которая низвергаетъ Ложь. I, 265—7.

На коварство французскаго возмущенія и пр. Хотя рисунокъ въ изящномъ вкусѣ живописи греческихъ вазъ, но представляетъ холодную аллегорію. Минерва низлагаетъ Сирену или Коварство, а Время, въ видѣ крылатаго старика, сидя, спокойно вѣситъ дѣла человѣка, въ соотвѣтствіе стихамъ:

Когда смѣешься ты, сирена,

 А время на вѣсы все точно,
 Чтѣ хваально вѣситъ, чтѣ пороочно,
 И безпристрастно насъ цѣнитъ. I, 315.

На умѣренность. Къ Фортунѣ, катящейся на шару, на конькахъ скатываются съ горы нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже упалъ. По другую сторону у жерла бочки спокойно спитъ собака, какъ бы намекая на Діогена въ бочкѣ. Соотвѣтствуетъ стихамъ:

. Я не мечтаю
 На воздухѣ о городахъ;
 Всѣмъ счастливыхъ путей желаю
 Къ Фортунѣ по льду на конькахъ. I, 489.

Храновицкому. Двѣ самыя вычурныя эмблемы. Въ первой, по объясненію Державина: „Геній правосудія пробуетъ, хорошо ли соединяются вѣсы Фемиды съ лирою Аполлона. Когда истинное просвѣщеніе (представленное въ видѣ свѣточа испускающаго лучи) составляетъ основаніе обоихъ, то группа сія и въ рисунокѣ не противна.“ Во второй: „Безсмертія

вънець и въ облакъ куренія не затмевается, когда дѣйствительное сіяніе его изображается на землѣ въ зеркалѣ правды.“ I, 541—546.

Буря. Женщина съ крестомъ на плечѣ правитъ маленькую лодку къ берегу. Это вѣра спасаетъ человѣка. Кю-де-ламъпъ: очиненное перо и зеркало на крестѣ привязаны къ свѣточу, опирающемуся на лавровый вѣнокъ, и все это соединяется двумя гирляндами изъ розъ. По объясненію Державина, это „талантъ и правда, имѣющіе основаніемъ своимъ свѣтильникъ истины; соединены лавровымъ вѣнкомъ.“ Обѣ аллегоріи, соответствуя піесѣ, намекаютъ на два случая изъ жизни поэта: на претерпѣванную имъ на Бѣломъ морѣ бурю и на первое его присутствіе въ сенатѣ. I, 561—563.

Призваніе и явленіе Плъниры. Кю-де-ламъпъ: алтарь, на которомъ сердце, въ половину покрытое мракомъ, зажигается факеломъ любви, то-есть сердце поэта, въ половину погребенное съ его покойною женой, оживаетъ другою половиной для второй жены, согласно желанію самой Плъниры, выраженному въ послѣднихъ стихахъ піесы:

Миленой половику
Займи души твоей. I, 587.

Гостю. Въ дополненіе къ приведенному выше изображенію рудоконя, на второмъ рисункѣ, по объясненію самого поэта: „бабочка на розѣ, окруженная сіяніемъ солнца, означаетъ, что для истиннаго счастья души немного надобно.“ I, 672.

Другу. На первомъ рисункѣ мы уже видѣли двухъ горничныхъ Львова въ видѣ помпейскихъ Нимфъ. На второмъ рисункѣ эмблема основана на игрѣ словъ: подъ пальмовымъ деревомъ изображенъ левъ съ державой, что должно означать Львова и Державина. I, 675.

Доказательство творческаго бытія. Кю-де-ламъпъ: въ облакахъ кольцо изъ змѣи—эмблема вѣчности. I, 728.

На кончину графа Орлова. Рокъ, видѣ старца опирающагося на урну, глядитъ на сраженнаго стрѣлою орла, то-есть графа Орлова: эмблема въ игрѣ словъ. I, 740.

Побѣда красоты. На сговоръ короля Шведскаго съ великою княжной Александрой Павловной. Шведскій левъ грозилъ городу Минервы, но богиня

Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Поша и подъ оливою стага,
 Баистая легкою броей;
 Младую Нимфу обнимаа,
 Сидящую въ тѣни вѣтвей.

На второмъ рисункѣ Минерва обнимаетъ Нимфу, только не подъ оливою, а подъ пальмою; на заглавномъ же является шведскій левъ уже укрощеннымъ, на немъ сидитъ верхомъ купидонъ съ лирою—эмблема, основанная на гербѣ Швеции. I, 753—757.

Надгробная императрица Екатерина II. На обоихъ рисункахъ холодная аллегорія. На первомъ, по объясненію поэта: „въ то самое время какъ Сѣверъ (въ видѣ старика) сокрушается потерю лучшаго украшенія своего, облагодетельствованные гении художествъ, письменъ и военнаго дѣла украшаютъ торжественное явленіе безсмертнаго луча, озарившаго полночь и начало свое въ вѣчности имѣющаго,“ на второмъ: „вѣсы мудрой законодательницы основаніемъ своимъ имѣютъ бластательный источникъ правоты, и законы ея, на сихъ началахъ утвержденные, увѣнчаны благодѣтельнымъ успѣхомъ, который изображенъ вѣнцомъ масличнымъ, заключающимъ книгу законовъ.“ I, 789—791.

Безсмертіе души. Кю-де-ламъ: „бабочка, вылетѣвшая изъ куколки,—символь возрожденія и безсмертія“, по объясненію самого поэта. II, 11.

Молтва. Кю-де-ламъ: курящаяся кадильница. II, 15.

Храновицуколу. Въ соотвѣтствіе стихамъ:

Страха связаннымъ дѣлами
 И рожденнымъ подъ жезломъ,
 Можно ль орлими крылами
 Къ солнцу намъ парить умомъ?
 А хотя бъ и возлетаю,—
 Чувствуемъ яро свое,

на второмъ рисункѣ представлена затѣпливая эмблема, такъ объясненная поетомъ: „крылья, несущія дѣнь и пламя къ источнику свѣта, изображаютъ что нѣтъ почти никакой тяжести, которая могла бы воспрепятствовать паренію таланта.“ II, 48.

Желаніе въ горняа. Подражаніе псалму 83-му. Первая строфа дала содержаніе двумъ эмблемамъ.

.....
 Душа въ восторгъ, въ умиленъи

На пламенномъ паренѣ крыль
 Къ тебѣ моя летитъ, стремится...

Какъ голубь храмину находитъ
 И ласточка гнѣздо себя.

По первоначальной программѣ предполагалось „изобразить душу, стремящуюся къ небу въ видѣ отрока съ воздѣтыми руками, поддерживаемого ангеломъ и парящаго вмѣстѣ съ нимъ; на лицѣ его должно быть выраженіе желанія. Можно заимствовать изъ англійскаго эстампа, представляющаго сію же мысль.“ Но эмблема была предпочтена, и на второмъ рисункѣ изображено пылающее сердце, несущееся на двухъ крылахъ къ небесному сіянію; что же касается до заглавнаго рисунка, то онъ изображаетъ ласточку, подлетающую къ своему гнѣзду: самый легкій способъ передавать въ живописи отвлеченную мысль поэта, пользуясь его объясненіемъ, выраженнымъ въ уподобленіи. II, 53—55.

Возраженіе весны. О заглавномъ рисункѣ будетъ рѣчь впереди; второй же представляетъ любопытную по вычурности любовную эмблему, такъ объясненную самимъ поетомъ: „Любовь, перевязкою своею связавъ стрѣлы, сдѣлала изъ нихъ треножникъ, и утвердя на острияхъ оныхъ вѣнецъ прелестей, составила свой жертвенникъ, которому спущенный лукъ служить основаніемъ.“ II, 66.

Урна. На смерть Шувалову: „Сокрушенное Человѣколюбіе (въ видѣ закутанной въ широкую драпировку женщины) орошаетъ слезами надгробный монументъ просвѣщеннаго мужа, возжигая еміямъ памяти благотворителя наукъ, щитомъ Аполлона изображенныхъ, и бѣдствующаго человѣчества, въ группѣ мальчиковъ представленнаго.“ II, 138.

На Новый Годъ. „Аполлонъ, запрыгавшій юныхъ коней въ блистательную свою колесницу, пустился во всемъ стремленіи на новое поприще свѣта, и ухватя одинъ конецъ хартіи неиспытанныхъ судебъ, катитъ по ней какъ шаръ глобусъ міра, заставляя его пробѣгать сквозь мрачныя тучи и сквозь лучезарныя мѣста житія человѣческаго.“ Второй рисунокъ проще въ очертаніи, но столько же замысловатъ по объясненію: „Мрачныя облака, безпредѣльную связь между собою составляющія, изображаютъ событія человѣческія; и кубусъ посреди ихъ—постоянное поведеніе благоразумнаго.“ Какъ въ сборникахъ эмблемъ, надъ этимъ кубомъ въ обла-

кахъ надписи, одна латинская: „Stabo quoscunque ferar“; другая изъ стиха самой пѣсы: „Свой вѣрно исполняетъ долгъ.“ II, 145—149.

Похвала сельской жизни. Кю-де-ламъ: „Вѣтренность или Непостоянство, въ противоположность сельской жизни, изображено здѣсь вертушкой, цвѣтами украшенною, которая основана на полетѣ, ничѣмъ не управляемомъ.“ II, 171.

Похвала за правосудіе. Сидитъ женщина, широко драпировкою закутанная, на лицѣ прозрачное покрывало. Въ рукахъ держитъ зеркало, на рукояткѣ котораго утверждены вѣсы. Зеркало собираетъ лучи съ неба и отражаетъ ихъ на пирамиду. Затѣмъливая картинка, по объясненію поэта, имѣетъ тотъ смыслъ что „истинная похвала правосудія есть лучъ божественнаго свѣта, совѣсть нашу успокоивающій, отъ которой свѣтъ, яко отъ чистаго зеркала правды, въ вѣчность отражается.“ II, 172.

На побѣдѣ въ Италіи. Кю-де-ламъ. Фениксъ. II, 275.

Гимнъ Богу. Кю-де-ламъ. Аистъ. Символь благочестія, по объясненію поэта. II, 328.

На восшествіе на престолъ императора Александра I. Кю-де-ламъ. На мечѣ въ ножнахъ рогъ изобилія и агнецъ, по объясненію поэта, изображаютъ: „Символы храбрости, щедроты и кротости, совмѣщенные въ предрержащемъ монархѣ.“ II, 362.

Тончю. Женщина рисуетъ на пюпитрѣ, а около мальчикъ играетъ на лирѣ, что должно означать генія стихотворства и музыки, который даетъ урокъ живописи. II, 397.

Къ царевичу Хлору. Кю-де-ламъ. Орелъ паритъ въ воздухѣ; къ крыльямъ его привязана гирлянда изъ розъ, въ которую приплетены мечъ и вѣсы; въ своемъ клювѣ держитъ зеркало, собирающее лучи отъ звѣзды и потомъ отражающее ихъ на сѣверную часть глобуса, погружающагося въ облака. По объясненію поэта значить: „Младый пернатыхъ царь, къ источнику праведнаго свѣта возносящійся, несетъ на крыльяхъ своихъ, въ вѣзавкѣ пріятностей жизни, правосудіе и оборону, и зеркаломъ справедливости заимствуя лучъ счастливой планеты, обращаетъ благотворное оной вліяніе на предѣлы Сѣвера.“ II, 412.

Лебедь. Кю-де-ламъ. Урна, испускающая пламя, по Державину, эмблема бессмертія. II, 502.

Утѣшеніе добрымъ. Оба рисунка по объясненію поэта:

„1) Пламя пожираетъ рогъ изобилія, щитъ, розы и пр., а вверху въ кругу звѣздъ дилія,—символь добродѣтели или непорочности, которая одна безсмертна. 2) Вверху сіяющее солнце, а внизу опрокинутая личина, въ ознаменованіе что истина и ложь должны открыться.“ II, 505—509.

На безбожниковъ. Оба рисунка, по объясненію поэта: „1) Вверху посреди неба Всевидящее Око сквозь тучи бросаетъ громы на крылатыхъ драконовъ и ползущихъ змѣй, изображаетъ, что рано или поздно вѣщестіе накажется. 2) Низложенный кумиръ объясняетъ мысли автора, что онъ презираетъ истукановъ сего міра, а почиталъ токмо единого Бога.“ II, 510—511.

Монументъ милосердію. Человѣколюбіе, въ видѣ женщины сидящей на престолѣ, лучомъ отъ зеркала истины поражаетъ тиранство, представленное тоже въ видѣ женщины, но распростертой на землѣ. Около валяются поломанное колесо, веревка, пила и другія орудія муки. II, 520.

Время. Крылатый Сатурнъ летитъ въ облакахъ, влача за собой цѣпью короны, митры, мечи, сохи, жезлъ Меркуріевъ и пр. II, 531.

Дѣва за арфою. Амуръ играетъ на фортепіано; возлѣ него стоитъ въ задумчивости сама природа, изображенная въ видѣ женщины, лицо которой покрыто прозрачнымъ покровомъ; у ногъ ея рогъ изобилія. II, 540.

VII.

Извиняясь предъ читателемъ въ приведеніи этого однообразнаго перечня сухихъ и холодныхъ аллегорій, эмблемъ и символовъ, я почемъ нужнымъ въ этомъ перечнѣ дать ему новый обращикъ тѣхъ сборниковъ, съ которыми, какъ кажется, и поэтъ и друзья его думали соперничать. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ стихотвореній Державина, съ эмблематическими и аллегорическими картинками, могли бы цѣлкомъ войти въ любой изъ этихъ сборниковъ. Самъ поэтъ съ особеннымъ стараніемъ и охотою вдается въ эмблематическія объясненія, будто предписываетъ рецептъ для изготовленія этихъ художественныхъ фокусовъ. Иногда онъ не довольствуется мыслию стихотворенія, развивая и дополняя

ее вычурнымъ объясненіемъ. Фраза стихотворная отлично укладывается въ такую же затѣйливую фразу рисунка, и поэтъ, какъ загадку или шараду, старательно и пресеріозно объясняетъ ее, въ нравственное назиданіе своимъ читателямъ. Взглядъ поэта и живописца еще не изоцирился для наблюденія надъ подробностями дѣйствительной жизни, и воображеніе скрываетъ ее подъ завѣсой условнаго знака. Искусство поэтическое и живописное еще не выработалось до того совершенства которое требуется для вѣрной передачи дѣйствительности во всей ея полнотѣ. Умъ поэта схватываетъ только общія понятія, а фантазія одѣваетъ ихъ въ столь же общія формы символа и эмблемы.

Въ этомъ отношеніи одинаково неблагоприятную услугу оказали оба разсмотрѣнные мною источники, и античное искусство, и символы съ эмблемами. И то и другое удаляло отъ дѣйствительности, скрывало ее подъ чуждыми ей условными формами. Для нѣкоторыхъ піесъ составлялось по двѣ программы: въ одной изображеніе дѣйствительности, въ другой условный классическій образъ, и послѣдняя программа предпочиталась. Такъ, для *Тишины* предполагалось нарисовать фасадъ дома на Званкѣ; но было передумано, и вмѣсто Званки изображенъ, на первомъ рисункѣ, поэтической ландшафтъ съ обнаженнымъ мальчикомъ, держащимъ въ рукахъ флейту; потому что, какъ сказано и въ стихахъ: „Пиндъ стала Званка“, и только русская балалайка, на которой „возгремѣлъ“ поэтъ, въ сіяніи помѣщенная во второмъ рисункѣ, должна бы напомнить о Волховѣ и Званкѣ, еслибъ и балалайка не была искажена и идеализована (II, 367—368). Для піесы *Горки*, написанной на день рожденія Нарышкиной, предполагалось, въ соотвѣтствіе стихамъ, нарисовать драпированный столъ, на которомъ вазы съ виноградомъ и другими плодами; но этотъ сюжетъ изъ дѣйствительности былъ замѣненъ идеальнымъ—пляшущею Вакханкой (II, 256). Замѣчательно, что самъ поэтъ отличаетъ *естественный* видъ воспѣваемаго имъ предмета отъ *искусственного*, *идеальнаго* или, можно сказать, *нестественнаго*, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго его объясненія обоихъ рисунковъ къ піесѣ *На переходѣ Альпійскихъ горъ* (II, 278—299): „1) Геркулесъ, подпирajući собою шаръ земной, предводительствуемый орломъ, смотрящимъ на ползущихъ змѣй, шагаетъ черезъ водопады съ горы на гору, оставляя позади себя столпы свои; 2) есте-

естественный видъ переходенія россійскихъ войскъ чрезъ Чортовъ мостъ.“ И что особенно важно для характеристики фантазіи Державина, этотъ *естественный* видъ, состоящій въ швейцарскомъ ландшафтѣ, не имѣетъ почти никакой связи съ піесой, тогда какъ вычурная виньетка съ Геркулесомъ не только объясняетъ многія въ ней мѣста, но и отличается одинаковымъ съ нею гиперболическимъ стилемъ. Вотъ нѣсколько изъ соответствующихъ стиховъ:

На высотѣ ты новой славы
Явиася, сѣверный орелъ!

Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей;
Отвсюду окружень врагами,
Водой, горами, небесами

На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы треснули подъ нимъ.

До волнъ Средземныхъ доходилъ
Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ
На то, чтобъ смертный трудъ оставилъ
И далъ не дерзалъ бы взоръ;
Но, сильный Геркулесъ россійскій,
Тебѣ столпы его знать мизки:
Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.

• Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,
По безднамъ страшный исполинъ;
За нимъ летитъ въ доспѣхъ ряномъ
Во свѣдъ младый птенецъ орлиный.

Сражаясь вѣры со врагами
И небо поддерживая плечами,
Дерзай, великій Богомъ мужъ!

Открыты горы вѣкъ Альпійски
Пребудутъ Россювъ обеласки,
Дымяци холмы — алтари.

Иначе сказать, Альпійскія горы пребудутъ пьедесталомъ для россійскаго Геркулеса, что и выражено превосходно въ монументальномъ стилѣ приложеннаго къ стихотворенію рисунка.

Постоянное возведеніе дѣйствительности къ воображаемому, классическому идеалу было причиной того что произведенія Державина, это фантастическое зеркало Екатерининскаго вѣка, такъ мало дали живописцамъ повода къ изображенію тогдашней жизни и современныхъ имъ нравовъ, обычаевъ, модъ и т. п. Правда, что между виньетками встрѣчается нѣсколько портретовъ съ знаменитыхъ того времени людей, но эти портреты будто вырваны изъ окружающей ихъ дѣйствительности, и какъ изображенія античныхъ героевъ, помѣщены на медаляхъ, или въ щитахъ, на античныхъ же саркофагахъ. Видовъ *естественныхъ* нарисовано очень мало. Вотъ почти всѣ они, въ послѣдовательномъ порядкѣ; въ 1-мъ томѣ: графъ Орловъ скачетъ въ саняхъ на бѣгунахъ (149), ростральная колонна среди Царскосельскаго пруда (423), домикъ Державина въ Петербургѣ, рядомъ съ палатами Гарновскаго (436); Камеронова галлерей Царскосельскаго дворца (608), качели окруженныя толпами народа (739). Въ 2-мъ томѣ: видъ господскаго дома и церкви въ селѣ Никольскомъ, имѣніи Львова, близъ Торжка; впереди машина съ медвѣдемъ въ колесѣхъ (459); домъ Державина въ Званкѣ, на берегу Волхова, по которому лямкою тянутъ барку (483); на маневрахъ окруженный всадниками императоръ Александръ I (488).

Античный, пластическій стиль рисунковъ выбираетъ только торжественныя моменты, сосредоточиваясь на человѣческой фигурѣ, и не знаетъ насущной обстановки дѣйствительной жизни. Къ піесѣ *Деревенскій зималъ* (II, 447) предполагался рисунокъ по слѣдующей программѣ: „Человѣкъ, увѣнчанный цвѣтами, сидитъ подъ деревомъ; позади его лежатъ воинскіе и гражданскіе знаки, то-есть вѣсы, мечъ и ликторскій пучокъ; а передъ нимъ рѣка, за которою вдали фасадъ его дома.“ Піеса писана въ Званкѣ, и поэтъ воспѣваетъ сельскую жизнь. На рисунокѣ онъ представленъ, по приведенной программѣ, въ видѣ античнаго пѣвца, съ лирою; что же касается до рѣки съ домомъ, то эта житейская обстановка, не согласная съ пластическимъ стилемъ, въ рисунокѣ опущена.

Какъ вредилъ псевдо-классическій, французскій вкусъ пониманію дѣйствительности, видно изъ одной картинки, которая по содержанію своему должна бы относиться къ живописи бытовой (къ жанру), но вышла въ торжественномъ родѣ живописи театрално-героической. Это къ піесѣ *На разлукѣ* (II, 396). Хозяева, прощающіеся съ увѣжающею знакомой,

одѣты въ полуантичныя костюмы, особенно мужчина, въ древней мантии, застегнутой на плечѣ, и въ сандаляхъ, сидитъ будто театральннй царь, и театально простираетъ руки.

Изобразивъ Суворова въ видѣ колоссальной статуи Геркулеса, подножіемъ которой служатъ Альпійскія горы, и какъ бы воздвигнувъ такимъ образомъ необъятный монументъ въ память великаго подвига совершеннаго переходомъ русскихъ войскъ черезъ эти горы, поэтъ и его иллюминаторъ заставили и русскаго солдата, въ костюмѣ Екатерининскихъ временъ, въ треугольной шляпѣ, со штыкомъ въ рукахъ, маршировать по сокрушеннымъ его силою столпамъ Геркулесовымъ, у самаго Средиземнаго моря, на берегу котораго извергають пламя двѣ огнедышащія горы. Такова виньетка *Назятіе Измаила* (I, 341), вполне характеризующая фантастическій взглядъ тѣхъ временъ на дѣйствительность, которую надобно было нарядить въ театральннй костюмъ, поставить на античномъ пьедесталѣ и освѣтить потѣшными огнями вулкановъ. Эта виньетка соотвѣтствуетъ первымъ стихамъ піесы:

Везувій пламя изрыгаетъ;
 Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
 Багрово зарево зияетъ;
 Дымъ черннй клубомъ вверхъ летитъ;
 Краснѣетъ поэтъ, реветъ громъ армій,
 Ударами вслѣдъ звучать удары;
 Дрожитъ земля, дождь искръ течеть;
 Какочуть рѣки рдяной лавы:
 О Россі! Таковъ твой образъ славы,
 Что зрѣлъ подъ Имаиномъ свѣтъ!
 О Россі! о родъ великодушный!
 О твердокаменная грудь!
 О исполннй, царю послушннй!
 Когда и гдѣ ты досагнуть
 Не могъ теба достойной славы?

Прося Олевина нарисовать этого руссійскаго исполннна, поэтъ намѣтилъ громадныя размѣры рисунка:

И впрямъ, огромность исполннна
 Кто обечетъ, окромѣ сына
 Его, и тѣломъ и душой?
 Намъ тѣсемъ всѣхъ другихъ покрой.

Для Державина иное дѣло *Россъ*, иное — *русскій народъ*. Россъ, въ видѣ исполина, позируетъ на пьедесталѣ; русскій мужичокъ въ рисункахъ къ Державинскимъ стихотвореніямъ осмѣливается явиться не иначе какъ въ праздничномъ костюмѣ, сшитомъ по театральному покрою. *Мельникъ* (II, 264), который балагуритъ съ красными дѣвцами принести ему мѣшокъ пшеницы, драпированъ въ античную тогу, на ногахъ сандаліи. Такіе же оперные крестьяне, сидя подъ деревомъ, воспѣваютъ *Кружску* (I, 46), которую, согласно оперному же стилю, наливаетъ парящій въ воздухѣ Амуръ. Оба эти рисунка будто взяты изъ псевдо-классической оперы, потому что русскіе мужички дѣйствуютъ въ ней сообща съ Фавнами, изображенія которыхъ и помѣщены въ концѣ обѣихъ піесъ (II, 265; I, 49). Иногда и самъ поэтъ любитъ наряжаться для потѣхи въ русскаго мужичка, но сквозь маскараднѣйшій костюмъ тривиальныхъ выраженій такъ-называвшагося тогда „низкаго“ слога всегда чуется витиеватая рѣчь торжественной оды. Такъ маскировался онъ на виньеткѣ къ піесѣ *Приглашеніе къ обѣду* (I, 665), но когда пожаловали къ нему гости, онъ ихъ потчивалъ, какъ цивилизованный баринъ, не только заморскими плодами въ изящной корзинкѣ, но и философскою сентенціей, что „умѣренность есть лучшій пиръ“. Потому, въ противорѣчіе первому рисунку, на второмъ изображена корзинка съ виноградными листьями и около узда, эмблема воздержанія (I, 669).

Впрочемъ, какъ извѣстно, поэтъ особенно любилъ наряжаться татарскимъ мурзою, и когда въ этомъ костюмѣ являлся онъ предъ Фелицею, тоже перереженною въ языческую богиню, какъ на виньеткѣ къ *Видѣнію мурзы* (I, 157), тогда эта затѣйливая смѣсь татарщины съ классицизмомъ должна была производить впечатлѣніе самаго фантастическаго, причудливаго маскарада. Для большаго противорѣчія своему киргизскому костюму онъ беретъ въ руки Аполлонову лиру, и какъ вѣжливый рыцарь, преклоняетъ одно колѣно предъ восседающею въ облакахъ Екатериной, какъ онъ представляетъ на фронтисписѣ (I, къ стр. 717).

Особенно замѣчательную черту въ Державинской иллюстраціи составляетъ изображеніе народа, толпы мужиковъ или гражданъ, въ видѣ помпейскихъ геніевъ, то-есть обнаженныхъ дѣтей или амурчиковъ, только по большей части безкрылыхъ. Граціозная мысль руководила живописцевъ —

прикрыть этою классическою формою унизительное понятіе тогдашнихъ временъ о народѣ, то-есть о черни или *подлестн*, какъ тогда говорили. Въ этихъ обнаженныхъ мальчи-кахъ народъ представляется дѣйствительно чѣмъ-то мини-атурнымъ, милымъ, но ничтожнымъ, забавною мелюзгой. Вотъ носить они тяжелые надгробные камни на сооруженіе дома Артамова Сергѣевича Матвѣева (I, 443), сидятъ подъ огромнымъ дубомъ въ саду Нарышкина (II, 305), и даже съ крылышками, какъ настоящіе купидоны, радуются своей пи-тической, мифологической свободѣ, и не хотятъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, о которомъ было замыш-лялъ императоръ Александръ I (II, 391).

Точно также и все человѣчество, то-есть люди вообще, представляется въ видѣ обнаженныхъ дѣтей, какъ, напри-мѣръ, въ изображеніи „бѣдствующаго человѣчества“, кото-рое принимаетъ подъ свой покровъ прекрасная фигура жен-щины, означающая Человѣколюбіе, около саркофага съ пор-третомъ Бедкаго въ щитѣ (I, 701). Тамъ амуры несутъ сно-пы въ житницу (I, 65), тамъ играютъ въ горѣлки предъ россійскою Минервою (I, 547), тамъ поднимаютъ заздравныя чаши, воспѣвая Суворова, Румянцева и всѣхъ русскихъ сол-датъ (I, 712).

Амуры и мальчики-геніи становятся наконецъ общимъ мѣ-стомъ, граціозною фразой, подъ которую подводятся самыя противоположныя между собой понятія: напри-мѣръ, сласто-любецъ, устарѣвшій для любовныхъ потѣхъ (II, 237), и самъ поэтъ, уволенный отъ должности министра юстиціи (II, 457); Истина и Ложь (I, 267), и дѣвицы, держація предъ стари-комъ зеркало (II, 435); Весна и Лѣто (II, 544) и т. д. Жи-вописецъ даже просто играетъ амурами, составляя изъ нихъ цѣлый вѣнокъ для кю-де-лампъ къ піесѣ *Вънеузъ безсмер-тія* (II, 236). Это замѣтное преобладаніе эротической живо-писи придаетъ иллюстраціи Державинскихъ стихотвореній характеръ извѣженный, мелкій и легкомысленный, въ проти-воположность тѣмъ виньеткамъ въ которыхъ беретъ верхъ величіе и торжественность монументальнаго стиля античной пластики.

Бываютъ такіе періоды въ исторіи искусства, когда из-мельчавшіе художественные интересы находятъ для себя со-отвѣтственное выраженіе въ игривыхъ формахъ бога любви. Древнее искусство представляетъ намъ это въ живописи

Геркуланума и Помпеи; италянская въ школѣ Боловской, и именю у Альбано, который даже самую идею Страстей Господнихъ удитрился выразить въ эротической формѣ маленькихъ обнаженныхъ ангельчиковъ съ орудіями этихъ страстей. Ту же дѣтскую игру важными и священными предметами мы видѣли въ эмблематическихъ сборникахъ, напримеръ, въ голландскомъ изданіи XVII столѣтія *Царскій путь Креста* (Regia crucis via). Наконецъ то же замѣчается и въ искусствѣ XVIII столѣтія, къ большей части произведеній котораго столько же умѣство какъ и къ эротическимъ виньеткамъ разбираемаго мною изданія можно отнести подпись помѣщенную внизу Фальковцова купидона, воспѣтаго Державинымъ (II, 512):

Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut ou doit l'être.

Эротическое направленіе обыкновенно влечетъ за собой грезы о золотомъ вѣкѣ въ пасторальномъ вкусѣ. Взоръ утомленный блескомъ торжественныхъ монументовъ и ихъ исполнскимъ величіемъ съ особеннымъ удовольствіемъ отдыхаетъ на пастушеской сценѣ. Виргилій воспѣлъ Энея и римскихъ пастуховъ, Тассъ написалъ *Освобожденный Иерусалимъ* и *Аминту*; Пуссенъ любилъ изображать римскихъ героевъ и аркадскихъ пастушковъ. Державинъ тоже умѣлъ отдыхать отъ громовъ Екатерининскихъ побѣдъ, которыя воспѣвалъ, въ пасторальной обстановкѣ у себя въ Званкѣ или у друга своего Львова. Эти двѣ противоположности удачно выражены въ виньеткѣ къ піесѣ *Уповающему на свою силу* (I, 210). Аркадскій пастушокъ сидитъ подъ деревомъ съ своею собакой и барашками и спокойно глядитъ вдаль, гдѣ молнія разбиваетъ пирамиду.

Для идиллическаго взгляда и тяжкій трудъ земледѣльца озаряется радужными цвѣтами золотого вѣка. „Ты умешь,“ говоритъ поэтъ Львову,—

. Ты постигаешь,
Что тотъ любимецъ лишь небесъ,
Который подъ шумкомъ потока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, дружбѣ и любви.
Востокъ и Западъ разстилаютъ
Ему свой пурпуръ по путямъ;

Ему благоухаютъ травы,
 Древесны помаваютъ вѣтви
 И свищеть громко соловей.
 За нимъ расказанье не ходитъ,

Но всюду радость и восторгъ.
 Труды крѣпятъ его здорье;
 Какъ воздухъ кровь его легка и т. п.

Какъ далекъ этотъ свѣтлый, успокоительный образъ отъ того горемычнаго труженника, котораго Гольбейнъ, въ своей „Шляскѣ Мертвецовъ“, заставилъ въ потѣ лица пахать тощую, каменистую землю на такихъ же тощихъ, еле передвигающихъ ноги быкахъ. Вся надежда его на смерть, которая, въ видѣ отвратительнаго скелета, насмѣшливо прыгаетъ около его сохи и погоняетъ выбившихся изъ силъ животныхъ. Не таковъ и рисунокъ которымъ объяснилъ піесу Державина (къ Н. А. Львову, 1, 511) живописецъ, такъ же какъ и поэтъ, идиллически понимавшій прелести земледѣльческаго труда. Здоровый и бодрый русскій мужичокъ, приглаженный, по-праздничному одѣтый, пашетъ землю на ретивой лошади, погоняя ее смычкомъ, а за плечами у него еще гудокъ. Весель его трудъ съ музыкальными инструментами, на которыхъ онъ „воспѣваетъ Бога, дружбу и любовь“; весело и лошадкѣ, которая чувствуетъ что крутую плеть замѣнилъ на ея спинѣ нѣжный инструментъ. И какая завидная будущность! Благодать уже судить ему изобиліе плодовъ земныхъ, потому что сама богиня счастья, въ роскошной позѣ, почиваетъ какъ разъ въ нѣдрахъ того участка который онъ, играючи и наслаждаясь жизнью, обрабатываетъ.

Таково радужное изображеніе золотаго вѣка, которымъ поэтъ и живописецъ насъ плѣняютъ. Дѣйствіе совершается въ Аркадіи, воздухъ которой растворенъ благовоніемъ розъ и вѣяніемъ крылатыхъ зефировъ. Теперь отъ земли перейдемъ къ небу, отъ юдолей дѣйствительности въ тѣ горнія области, въ которыя не разъ долженъ былъ увлекать своихъ иллюминаторовъ творецъ оды *Богъ*.

VIII.

Дѣйствительно, очень любопытно посмотреть какъ иллюстрація выразила христіанскія идеи стихотвореній Державина,

при тѣхъ средствахъ какими искусство того времени могло располагать, и съ которыми мы уже познакомились.

Это, во первыхъ, античныя формы классической мифологіи. Такъ ангеловъ и повѣтъ, и его иллюминаторъ представляли себѣ не иначе какъ подъ видомъ обнаженныхъ амуровъ, въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ, въ винеткѣ къ *Величеству Божію* (I, 236), или въ юношескомъ, какъ въ виньеткахъ къ *Помощи Божіей*, въ кю-де-лампъ, съ рогомъ изобилія (I, 553), къ *Провидѣнію*, гдѣ въ изящной группѣ юноша Ангелъ, обнаженный, спасаетъ изъ воды утопающую дѣвицу, тоже обнаженную (I, 564). Душа представляется тоже въ античной формѣ крылатою мальчишка-генія. Такъ, въ кю-де-лампъ къ *Величеству Божію*, душа воспѣваетъ хвалу Божію, являясь въ видѣ амурчика съ крыльями бабочки; въ рукахъ держитъ арфу, то-есть, гусли, или псалтырь (I, 242). Душа изображается также въ античной формѣ Психеи, какъ напримѣръ, душа Екатерины II, „воскряляющаяся въ нѣдра безсмертія“ (II, 266). Вѣтхозавѣтный Самсонъ, раздирающій челюсть льва, представленъ въ видѣ Геркулеса, который сокрушилъ Немецкаго звѣря (винетка къ піесѣ *Музество*; II, 472). Тутъ же въ кю-де-лампъ изображенъ младенецъ Геркулесъ, одѣтый въ львиную кожу и полагающій руку на земной глобусъ (477). Ясно, что живописецъ сознательно сближалъ типы Самсона и Геркулеса. Иногда религіозные сюжеты передаются въ стилѣ италіанскаго Возрожденія, напримѣръ, Архангелъ Михаилъ, въ полномъ вооруженіи, и одѣтый, но ноги выше колѣнъ обнажены (II, 150); или въ стилѣ французскаго псевдо-классицизма. Такъ императоры Павелъ и Александръ Павловичъ, возсѣдающіе въ рускомъ сенатѣ, представлены въ видѣ вѣтхозавѣтныхъ царей Давида и Соломона, одѣтыхъ римскими императорами и окруженныхъ сидящими на скамьяхъ римскими сенаторами, въ античныхъ костюмахъ (къ піесѣ *Введеніе Соломона въ судилище*, II, 311).

Какъ ни странно это отклоненіе отъ идей и формъ христіанскаго искусства, но нѣкоторыя изъ винетокъ, по своему классическому изяществу, производятъ впечатлѣніе почти такое же какъ древне-христіанскіе саркофаги и живопись катакомбъ, потому что въ искусствѣ древне-христіанскомъ господствуетъ такая же смѣсь формъ античныхъ съ христіанскими и такой же параллелизмъ между лицами и

событіями разныхъ временъ. Такимъ образомъ, ложный классицизмъ, отказавшись отъ набожной искренности средневѣковаго искусства, умѣлъ до нѣкоторой степени приблизиться къ представленіямъ искусства древне-христіанскаго, въ которомъ также встрѣчаемъ и античныхъ геііевъ, и рога изобилія, и Психею, и Орфея, и Одиссея и другіе классическіе типы. Безъ всякаго сомнѣнія, ни Державинъ, ни его друзья вовсе не шли въ виду памятниковъ катакомбъ; но возрожденіе древняго искусства и ложный классицизмъ привели ихъ къ тѣмъ же античнымъ формамъ. Чтò въ первые вѣка христіанства было необходимою, условленною переходомъ отъ языческихъ воззрѣній къ христіанскимъ, то въ XVIII столѣтіи оказалось бессмысленнымъ смѣшеніемъ предметовъ разнородныхъ, несоединимыхъ, послѣ того какъ въ теченіе вѣковъ христіанство выработало свои собственныя формы и типы. Уже въ IX и X столѣтіяхъ, рядомъ съ античною фигурой Псалмопѣвца Давида, въ видѣ античнаго обнаженнаго юношества, встрѣчается и настоящій типъ Царя Давида, въ его царственномъ облаченіи, напримеръ, на миниатюрахъ греческой Псалтыри IX—X вѣковъ, въ Парижской публичной библіотекѣ. Напротивъ того, иллюстрація Державинскихъ стихотвореній, случайно сошедшись съ древне-христіанскимъ искусствомъ на антикахъ, осталась, въ отношеніи собственно религіозныхъ типовъ, въ безпомощномъ положеніи. Ей нужно было къ Псалму 146-му (*Уповающему на свою силу*, 1, 210), въ кю-де-лампѣ (стр. 212), изобразить Царя Давида воспѣвающего на псалтыри хвалу Божію, но вмѣсто того, ничего болѣе приличнаго не могла предложить, какъ жалкую фигуру молодого человѣка, съ длинными волосами, ниспадающими изъ-подъ короны страннаго фасона, и въ полосатой туникѣ, длинной и узкой, въ родѣ татарскаго халата, съ широкими, но короткими рукавами. Онъ играетъ на арфѣ, какія употребляются въ наши времена. Въ дополненіе къ халатному дезабилье, у него голыя ноги.

Второе средство, которымъ могла располагать иллюстрація для объясненія религіозныхъ идей Державина—это символы и эмблемы. И въ этомъ отношеніи, по странной случайности, она сходится съ представленіями искусства древне-христіанскаго, которое пользовалось символами креста, голуба, феникса, змѣи и пр., и выражало отвѣченныя

понятія о премудрости, пророчествѣ, гармоніи и т. п., аллегорически, въ человѣческихъ фигурахъ. Но эти символы и аллегоріи, необходимыя въ искусствѣ древне-христіанскомъ и по символическому и мистическому направленію умовъ, и еще болѣе по неумѣнью художниковъ передавать христіанскія идеи въ соответствующей имъ формѣ, въ послѣдствіи, въ разсмотрѣнныхъ выше сборникахъ, потеряли свое первоначальное значеніе и стали не инымъ чѣмъ какъ затѣливую, вычурную фразой. Особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ вошло въ моду украшать аллегоріями книги назидательнаго и религіознаго содержанія. Недостатокъ искренняго религіознаго вдохновенія восполнялся ложною мечтательностью, которая находила себѣ подспорье въ мистическихъ вымыслахъ, столько же неестественныхъ какъ и выражавшіе ихъ символы и эмблемы.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода представленій въ иллюстраціи стихотвореній Державина:

Помощь Божія, Псал. 120-й. На заглавной виньеткѣ, по объясненію самого поэта: „Змѣя ползетъ къ спящему младенцу: означеніе Злости, которая всегда избираетъ время безопасности нашей; но *Помощь Божія*, въ видѣ Ангела, спѣшитъ къ невинности и Окомъ Всевидящимъ отражаетъ Злость, осыпая младенца маковымъ цвѣтомъ.“ Ангелъ одѣтъ, въ рукѣ держитъ щитъ, затѣливость котораго состоитъ въ томъ, что посреди его, закрывая голову Медузы, помѣщается это Всевидящее Око (I, 551).

Безсмертіе души. Душа, въ образѣ Психеи, сквозь змѣиное кольцо—эмблему вѣчности—возлетаетъ къ Творцу, означенному въ символѣ Всевидящаго Ока въ треугольникѣ (II, 1).

Молтва. Женица, по поясъ обнаженная, возлетаетъ къ небу, поднимая въ правой рукѣ пламенеющее сердце (II, 12).

Этими двумя источниками, то-есть, античнымъ искусствомъ и аллегоріей съ символами и эмблемами, исчерпываются всѣ средства, которыми живопись иллюстрировала религіозныя стихотворенія Державина. Какъ ни орудны эти источники, но они не могли особенно резко комприметтизовать иллюстрацію, потому что самыя стихотворенія мало давали повода къ разнообразію христіанскихъ сюжетовъ. Замѣчательно, что несмотря на самую восторженную религіозность

творца оды Богъ, мы не встрѣчаемъ въ виньеткахъ къ его произведеніямъ изображеній ни Богородицы, ни Святыхъ, ни даже самого Іисуса Христа. Предъ нами какъ будто рисунки къ произведеніямъ какого-нибудь ветхозавѣтнаго, іудейскаго писателя, или по крайней мѣрѣ сектанта, который, поклоняясь Творцу міра, не усвоилъ себѣ представленій новозавѣтныхъ. Это космополитъ, который во всякомъ вѣроисповѣданіи открываетъ свою завѣтную идею о божествѣ, о всемірномъ разумѣ, о всесущемъ, но многоименномъ. Однакоже молятся въ его иллюстраціи, преклоняя колѣна, и рѣзвый Амуръ, привѣтствуя *Пришествіе Феба* (II, 59), и греческій философъ—предъ солнцемъ, воспѣвая *Гимнъ Богу* (II, 322) и имѣя предъ собой кадильницу увѣчанную символомъ креста, и онъ самъ, и тоже предъ солнцемъ, въ виньеткѣ къ тому знаменательному стихотворенію, въ которомъ онъ „Памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный“, потому что „Въ сердечной простотѣ бесѣдовалъ о Богѣ“ (I, 785). Икона поэту не нужна, онъ молится своему Творцу, обращаясь къ лучезарному знамени въ солнцѣ. Потому онъ и воспѣвалъ *Гимнъ Солнцу* (II, 413), называя его богомъ свѣта, небесъ всевидящимъ окомъ, которое собою все держитъ и живитъ:

Предвѣчно бытіе твое,
Съ тобой, царь міра, и мое.

.....
Тебя стремлюсь я обожать:
Такъ, такъ: кто больше благъ быть могъ?
Диваюсь: едва ли ты не Богъ.

Природа съ лучезарнымъ свѣтиломъ—это откровеніе, откуда почерпается *Доказательство Творческаго Бытія* (I, 726), и винетка къ этому стихотворенію, заимствованному изъ Псалма 18-го, изображаетъ старца, который одною рукою указываетъ на твореніе, освѣщенное лучами восходящаго солнца, а другою на раскрытую предъ нимъ книгу, лежащую на кубическомъ камнѣ, съ надписью дважды два четыре, что означаетъ вѣрное и ничѣмъ неопровержимое доказательство бытія Божія.

При тѣхъ возрѣвѣніяхъ какія и поэтъ, и его иллюстраторы имѣли о христіанскомъ искусствѣ, нельзя ожидать чтобъ изображеніе Бога-Отца, на виньеткѣ къ одѣ *Богъ* (I, 195), отличалось какими-либо особенностями отъ типа созданнаго

Микель-Анджеломъ и Рафаэлемъ, и по наследству, чрезъ сборникъ Амбодика, дошедшаго до иллюминаторовъ Державина. Замѣчу мимоходомъ, что въ такомъ же костюмѣ является бардъ на виньеткѣ къ піесѣ *Капитану* (II, 104), только съ покрытою головою, тогда какъ у Бога-Отца голова открыта, какъ въ изображеніяхъ художниковъ XVI вѣка.

IX.

Въ Державинѣ и въ его друзьяхъ и художникахъ, иллюстрировавшихъ его сочиненія, мы видимъ представителей изящнаго вкуса и эстетическаго воспитанія въ той степени, до которой въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія могли достигнуть, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, немногіе изъ образованныхъ людей въ нашемъ отечествѣ. Оленинъ, принимавшій такое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, болѣе двадцати лѣтъ былъ президентомъ Академіи Художествъ. Поэтому мы имѣемъ, кажется, полное право составить себѣ по иллюстраціи стихотвореній Державина понятіе о тогдашнемъ состояніи искусства въ Россіи. Крайняя скудость иллюстраціи въ отношеніи собственно христіанскаго, церковнаго искусства заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тотъ же легкій, измелчавшій стиль уже устарѣвшаго „Возрожденія“, искаженнаго французскимъ классицизмомъ, съ примѣсю геральдическихъ знаковъ и вообще аллегорій и эмблемъ, господствуетъ и въ архитектурѣ сооружавшихся тогда у насъ храмовъ, и въ скульптурномъ ихъ украшеніи, и въ церковной живописи. Античная форма, выработанная для новаго искусства италіанскимъ „Возрожденіемъ“ и износившаяся въ теченіе столѣтій, пригаженная и расфранченная изысканнымъ вкусомъ псевдо-классицизма, стала общимъ мѣстомъ, подъ которое подводили всѣ современныя идеи и убѣжденія, даже религіозныя. Поезія начинаетъ уже приглядываться къ русской жизни, извлекая изъ ея среды Недорослей, Простаковыхъ и Скотининныхъ, но скульптура и живопись не перестаютъ еще забавляться купидонами и фавнами и допускаютъ въ свою чопорную мастерскую русскаго мужичка не иначе какъ въ маскарадномъ костюмѣ. Все національное, въ сравненіи съ изящнымъ Олимпомъ на кото-

ромъ возводили тогдашніе поѣты, годилось только для комедіи или пародіи; только комедіи позволялось говорить на языкъ простомъ, народномъ. Если что представлялось въ дѣйствительной жизни возвышенное, благородное, или по крайней мѣрѣ крупное, то возводилось въ классическій идеалъ, помѣщалось на Олимпѣ или Пидѣ, въ сообществѣ съ Аполлономъ и Музами; на Руси подвизались греческіе герои и боги:

. Язонъ съ Колхиды древней
Златое сбрилъ себѣ руно,
Крезъ завладѣлъ чужой деревней,
Марсъ откупъ взялъ (1, 493).

Впрочемъ, несмотря на всѣ странности и недостатки, объясняемые временемъ и извиняемые живою связью со стихотвореніями Державина, разсматриваемая мною иллюстрація содержитъ въ себѣ прямыя указанія на многія существенныя достоинства, которыми русское искусство обязано своими неоспоримыми успѣхами.

Принявъ съ Запада изящную форму, русское, такъ-называемое, *академическое искусство* должно было ее себѣ усвоить, какъ въ ея античномъ первообразѣ, такъ и въ позднѣйшей обработкѣ. Надобно было воспитать эстетическій вкусъ на классической красотѣ, какъ ее поняли Рафаэль и другіе лучшіе художники, и какъ ее анализировали Винкельманъ и Лессингъ. Мы уже видѣли какимъ изящнымъ вкусомъ обладалъ Оленинъ и какія обширныя свѣдѣнія имѣлъ онъ въ искусствѣ античномъ. Въ программахъ къ рисункамъ, изъ всѣхъ новыхъ живописцевъ предпочтенъ Рафаэль, съ которымъ иллюстрація соображалась, напримѣръ, въ изображеніи Правосудія въ видѣ красивой женщины со страусомъ (II, 116). Сверхъ того, иллюминаторамъ, какъ было замѣчено, были хорошо знакомы и другія школы новѣйшаго искусства, а именно италіянскія и французскія. Наивное благочестіе школы нѣмецкой и материализмъ голландской остались чужды ихъ интересамъ.

Справедливость требуетъ сказать вообще объ иллюстраціи Державинскихъ стихотвореній, что въ отношеніи къ изящному вкусу, воспитанному античною формой и стилемъ Возрожденія, она отличается такими совершенствами, которыя сдѣлали бы честь и современному искусству, и которыя для

эстетическаго образованія можно съ пользой рекомендовать и теперь художникамъ и любителямъ,

Первое что обращаетъ на себя вниманіе въ иллюстраціи, это—замѣчательно точное *отличіе средствъ и формъ поэтическихъ отъ живописныхъ и пластическихъ*. Въ этомъ дѣлѣ, требующемъ необыкновенно вѣрнаго, тонкаго эстетическаго взгляда, поэтъ и его сотрудники будто систематически пользовались результатами Лессингова *Лаокоона*. Съ примѣрнымъ тактомъ поняли они, что въ этомъ строгомъ разграниченіи состоитъ вся сущность иллюстраціи, которая, дополняя и выясняя повѣю, должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаться въ своихъ собственныхъ предѣлахъ искусства образовательнаго и дѣйствовать самостоятельно.

Поэтъ представляетъ Амура переряженнымъ въ старика-птицелова:

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гумо вздѣлъ худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И, бороду себѣ сѣдую
Привѣса, посохъ въ руки взялъ.
Пошелъ въ лѣсу ловить дичью
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣть, какъ паутину.

И когда неосторожная голубка запуталась въ сѣти, онъ—

Вспорхнулъ—и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея воззлеса:
Ручьемъ кровь ала потекла.

.....
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой.

Такъ оканчиваетъ поэтъ эту анакреонтическую пѣсню.

Живописцу предоставлялось изобразить Амура въ мужицкой гунтѣ, въ сѣдомъ парикѣ и съ сѣдой бородой, и со старческою клюкой въ рукѣ. Но тогда, въ замаскированной фигурѣ, никто не узналъ бы бога любви; изящество классическаго типа скрылось бы подъ шутовскимъ костюмомъ карлика, и граціозная мысль стихотворенія перешла бы въ пародію, въ родѣ Энеиды навыворотъ. Живописецъ понялъ это своимъ вѣрнымъ тактомъ и оставилъ своего Амура, какъ

онъ есть, обнаженнымъ и съ крылышками, и только заставлялъ его прикрыть личико маской. А чтобы выразить мысль о любовномъ жалѣ, пронзающемъ сердца, онъ изобразилъ въ ю-де-ламъ, въ стилѣ Рафаэлевскихъ арабесокъ, змѣю подъ кустомъ цвѣтовъ, который соответствуетъ здѣсь „свѣдой бородѣ“ послѣдняго стиха піесы (II, 353—4).

Воспитанницъ Смольнаго монастыря (II, 77), встречающихъ на праздникѣ Императрицу Марію Теодоровну, поэтъ изображаетъ то въ видѣ нимфъ которыя угощаютъ олимпійскихъ боговъ за роскошнымъ столомъ въ прохладной пещерѣ, то въ видѣ весталокъ которыя въ священной процессіи, обходя кругомъ жертвенника,

Передъ образомъ богини
Славословіе поютъ.

То описываетъ какъ онѣ гуляютъ по садамъ и въ младенческой невинности забавляются,

. Не знаа
Сладостныхъ заразъ любви;
Какъ сокрывшись въ листья, гроты,
И облекшись въ темну ночь,
Мѣтать тщетно въ нихъ Эроты
И летать съ досадою прочь.

Но съ особенными подробностями поэтъ останавливается на уподобленіи этихъ двѣхъ птичекъ, которыя на берегу моря приветствуютъ рожденіе весны:

Тамъ бы на песчаныхъ стогахъ
Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,
Что, собравшись въ миллионъ,
Какъ снѣговъ лежитъ града.
.
Зрѣлъ бы, какъ слетаясь крылами,
Ходятъ по мезамъ стѣной,
Вдаль расплывшися кругами,
Кличутся промежъ собой.
.
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ весна,
Къ дѣтамъ взоръ бросаа вѣжнѣй,
Зрѣлась божествомъ она.

Изъ нѣсколькихъ сравненій живописцу надобно было избрать одно. Нимфы въ гротѣ и красавицы, въ которыхъ въ саду стрѣляютъ Амуры, въ живописи не выражали бы яркой мысли о питомицахъ высокой покровительницы; вѣрнѣе требовалось на первый планъ выдвинуть эту высокую покровительницу, а она могла бы потеряться въ группѣ божествъ, которыхъ за столомъ угощаютъ нимфы. Вѣстникъ около жертвенника—годилося бы для иллюстраціи и соотвѣствовало бы съ торжественностью покланенія тѣхъ временъ (въ проектѣ Капниста дѣйствительно находимъ мысль изобразить храмъ Весты и жертвоприношеніе ей). Но живописецъ, видимо, разсчитывалъ на громадность юной толпы, покровительствуемой щедротами Маріи Θεодоровны, и потому онъ предпочелъ уподобленіе птичкамъ. Однако изобразить Каспійское море со стаями птицъ по берегамъ оказалось невозможнымъ для живописца, да и рожденіе весны на морѣ имѣло бы видъ рожденія Венеры. Удержавъ общую идею поэта, онъ изобразилъ богиню щедротъ, которая, возлетая на своихъ крыльяхъ въ облака, сыплетъ изъ рога изобилія зерна птицамъ, образующимъ около нея сферу.

Особенно деликатный эстетическій тактъ руководилъ живописца въ тѣхъ случаяхъ, когда поэзія предлагала ему изобразить что-либо тривіальное или возмущающее душу, что иногда въ поэзіи не только возможно, но смягчающимъ впечатлѣніе объяснительнымъ мыслямъ, но даже иногда и необходимо для тѣни въ общей характеристикѣ. Иные мотивы въ поэзіи могутъ быть забавно игривы и граціозны, а будучи переведены въ живопись, возбуждаютъ отвращеніе, или же не соотвѣтствуютъ повѣстическому впечатлѣнію, переходя въ комическое и сатирическое. Напримѣръ, поэтъ представляетъ себя пьянымъ. Пью, восклицаетъ онъ: и всѣмъ вамъ добра ночь:

Пляшущемъ лежа увѣчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ

.....

Мнѣ гораздо лучше пьянымъ
Чѣмъ покойникомъ лежать.

Конечно, можно изобразить пьянаго труса, изнѣженнаго, который, отказываясь отъ бранной славы, лежитъ съ чашей вина. Но такое изображеніе нарушило бы грацію общаго

тона анакреонтической пьесы. Вместо того, живописецъ прибѣгнулъ къ античнымъ представленіямъ и изобразилъ козла который, будучи обвиваясь виноградными кистями, щиплетъ плющъ (II, 489). Иногда человекъ унижается до животнаго, и въ поэзіи, благодаря остроумной игривости мыслей, можетъ еще спасти въ себѣ частицу человечности, но въ живописи, которая схватываетъ его въ моментъ животнаго его униженія, онъ покажется отвратителемъ или смѣшонъ.

Особенно замѣчательна иллюстрація *Джиганской пляски* (II, 547—9). Вотъ какъ поэтъ заставляетъ плясать свою цыганку:

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполняя сладострастна жару,
Твоей вѣсѣхъ пляской восхищай.

.....
Непостояно, роскошно чувство,
Нервъ трепеть, мѣлкіе любви,
Волшебное заразы искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.

.....
Подъ лѣсомъ воцѣлю сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.

На заглавномъ рисункѣ, вмѣсто одной цыганки съ гитарой, пляшутъ двѣ и безъ музыкальнаго инструмента, „оживляя собою древнихъ вакханокъ“. Но живописецъ не могъ заставить ихъ плясать на кладбищѣ и топотать по надгробнымъ плитамъ: это нарушило бы ихъ грацію; для этого, въ кю-де-лампѣ, взявъ онъ двухъ козлоногихъ фавновъ, полузвѣриная натура которыхъ приличнѣе для дикой оргіи на кладбищѣ подъ елями; одинъ играетъ на дудкахъ, другой бьетъ въ бубенъ, и оба преусердно кривляются, топоча по могильнымъ камнямъ, около которыхъ валяются кости мертвецовъ. Сама неразумная природа гнушается этою необычайною оргіей, и кроткій голубокъ спѣшитъ улетѣть отъ нея подальше.

Второе существенное достоинство Державинской иллюстраціи состоитъ въ ея *пластическомъ стилѣ*. Мы видѣли десятки вѣтветокъ изображающихъ античныя статуи и рельефы. Окульптура вездѣ господствуетъ надъ живописью, и

живописный ландшафтъ переходитъ на скульптурную группу. Иллюминаторы, имѣя главными своими источниками антики и символы съ эмблемами, сосредоточивали мысль на статуѣ съ ея условными атрибутами. Они предпочли малосложность и простоту формъ скульптурныхъ холодной и сухой картинѣ составленной изъ этюдовъ со статуѣ. Вѣрный эстетическій тактъ внушилъ имъ счастливую мысль, что когда искусство живетъ античными формами, оно мѣжѣ погрѣшаетъ въ произведеніяхъ скульптуры чѣмъ живописи. Живопись своею перспективой, свѣтотѣнью, ландшафтомъ и подробностями бытовой обстановки глубже и полнѣе входитъ въ жизнь дѣйствительную нежели скульптура, которая въ статуѣ или малосложной группѣ сосредоточиваетъ интересъ на личности, на ея характерѣ и страстяхъ. Личности избранныя, возвышающіяся надъ окружающимъ, естественно становятся прежде всего предметомъ изображенія. И современники, и потомство ставятъ въ честь ихъ монументы, создаваемые изъ формъ архитектурныхъ и скульптурныхъ. Въ поэзіи есть особенный родъ стихотвореній, который наиболѣе соотвѣтствуетъ этому *монументальному стилю*. Это торжественная ода. Пиндаръ воспѣвалъ побѣдителей на греческихъ играхъ, и ваятели воздвигали въ честь этихъ героевъ скульптурныя ихъ подобія въ статуяхъ. Триумфы римскихъ императоровъ ознаменовывались похвальными одами и триумфальными арками, статуями императоровъ и другими монументальными чествованіями. Пѣвецъ Екатерины Великой и ея героическихъ сподвижниковъ могъ удовольствоваться только такою иллюстраціей, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы монументальному стилю его торжественныхъ пѣснопѣній.

Какъ въ барскихъ виллахъ XVIII вѣка на каждомъ шагѣ встрѣчаете монументы съ разными девизами и эмблемами и копии съ античныхъ статуй, такъ и иллюминаторы Державина, при каждомъ его произведеніи, старались помѣстить статую, группу или монументъ. Они иллюстрируютъ *Охотника* (II, 427), который, пріѣхавъ въ Званку стрѣлять птицъ, и самъ уязвился стрѣлою любовною: ставить этому охотнику монументъ изъ набросанныхъ другъ на друга камней; на этомъ пьедесталѣ, по одну сторону стрѣляетъ изъ лука охотникъ въ птицъ, а по другую—Амуръ въ него. Императрица Марія Ѳеодоровна возвращается изъ Москвы въ Смоленскій монастырь, и поетъ, вмѣстѣ съ своимъ иллюминаторомъ,

оставить по этому случаю монументъ, во вкусь французскихъ монументовъ XVII—XVIII столѣтій, изъ группы трехъ обнаженныхъ грацій, которыя, по объясненію самого поэта, „состава изъ цвѣтовъ кругъ и посада на него Любовь съ розою, яко съ хоругвию Весны, празднують ея возвращеніе“ (II, 64). *Мореходецъ* беззаботно пьетъ вино, и въ иллюстраціи само море съ волнами каменѣетъ въ полукруглый пьедесталъ, увитый виноградною лозою, на которомъ Амуръ, стоя на лодочкѣ, поднимаетъ задрывную чашу (II, 444). Одна дѣвица потеряла золотую цѣпочку; поэтъ дѣлаетъ намеки на цѣпи любовныя, а иллюминаторъ по этому случаю нашелъ умѣстнымъ призвать съ Олимпа колоссальную фигуру Геркулеса, давъ ему пьедесталомъ земной шаръ, въ который онъ ввинчиваетъ кольцо чтобы повернуть весь міръ (II, 195).

Если обыкновенные, не имѣющіе особой важности случаи увѣнчивались монументами, то тѣмъ болѣе монументальный стиль соответствовалъ торжественному воспѣванію героическихъ лицъ и громкихъ событій. Если мелочи дѣйствительности, чтобы выдвинуть ихъ изъ массы, надобно было ставить на пьедесталъ и возводить въ олимпійскій идеалъ, то тѣмъ естественнѣе было современныиъ поэту и иллюминаторамъ героизмъ представить въ монументальныхъ образахъ колоссальнаго размѣра. Монументъ Суворову есть Геркулесъ поражающій гидру своею палицею (II, 239); но чтобы представить Екатеринбургскаго героя во всей колоссальности похвалъ которыми осыпаетъ его поэтъ, иллюминаторъ изображаетъ Атланта, съ шаромъ земнымъ на плечахъ и Альпійскими горами въ подножіи.

Стиль Державинской иллюстраціи до того монументаленъ, что она, безъ сомнѣнія, воспользовалась бы рисунками съ дѣйствительныхъ памятниковъ воздвигнутыхъ въ честь великихъ людей, какъ воспользовалась знаменитою конною статуей Петра Великаго на скалѣ (I, 37); но за отсутствіемъ такихъ памятниковъ, она должна была ихъ изобрѣтать, такъ что въ этомъ отношеніи можетъ она служить нѣкоторымъ руководствомъ для монументальныхъ сооруженій въ изящномъ классическомъ стилѣ.

Какъ надгробныя памятники на кладбищѣ только пробуждаютъ воспоминаніе о почившихъ, а не переносятъ въ ихъ земной образъ жизни, въ ихъ обычаи и нравы и во всю ихъ

бытовую обстановку, потому что мелочи отшедшей жизни исчезаютъ предъ идеей о вѣчной памяти: такъ и рисунки къ стихотвореніямъ Державина не раскрываютъ предъ нами богатой и разнообразной жизни его времени, а сосредоточиваютъ ее въ идеальныхъ очертаніяхъ монумента со статуей и съ загадочною эмблемой. Вся иллюстрація — это величольное кладбище славнаго Екатерининскаго вѣка, усѣянное античными саркофагами и надгробными монументами съ геральдическими украшениями, окруженное старинною, запустѣлою виллою, сады которой населены рѣзвыми статуями и роскошными кайфами.

Если именно такое впечатлѣніе думали произвести составители рисунковъ къ стихотвореніямъ Державина, то они вполне достигли своей цѣли.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

ТИХВИНСКАЯ СИСТЕМА.

Изъ дорожныхъ замѣтокъ на пути изъ Петербурга въ Крымъ.

I.

Лѣтомъ 1867 года мнѣ случилось, по служебнымъ обязанностямъ, совершить водою длинный путь отъ Петербурга въ Крымъ. Во время долгаго странствованія я набрасывалъ замѣтки о всемъ что казалось мнѣ заслуживающимъ вниманія, и я рѣшаюсь нынѣ подѣлиться ими съ читателями, въ надеждѣ что и мои скромныя записки не будутъ лишними въ нашей литературѣ столь бѣдной путешествіями по внутренней Россіи и описаніями нашихъ мѣстныхъ примѣчательностей.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ началѣ іюля на пароходѣ Сѣвернаго Общества и чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ въ Шлиссельбургъ, откуда должно было начаться мое странствованіе.

У шлюза стараго канала стѣснилось нѣсколько десятковъ тихвинокъ, въ ожиданіи очереди пропуска. По другую сторону города есть еще другой, новый Александровскій каналъ; но по одной сторонѣ его не на всемъ еще протяженіи устроены исправныя дороги для бечевыхъ лошадей, а потому суда идущія въ Новую Ладогу предпочитаютъ старый каналъ. Поставленный въ необходимость плыть вмѣстѣ съ вѣрученнымъ мнѣ грузомъ, я пересѣлъ на одну изъ тихвинокъ, вмѣщавшую въ себя, какъ и прочія, около 2.600 пудовъ, которая, дождавшись очереди, вошла въ

первый шлюзъ, а цзъ него и въ старыи каналъ. Тутъ, приставъ къ берегу, съ каждой тихвинки выпустили лошадей, вчалили одинъ конецъ бечевы, закрѣпленный за стойку у руля, бечевы натянулись, и послѣ короткой молитвы хозяевъ тихвинокъ и ихъ рабочихъ, суда плавно и тихо попали по стоячей водѣ канала. Въ началѣ оба канала идутъ почти параллельно, отдѣляемые высокою толщею земли, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходятся. Берега пологы, покрыты верескомъ и мелкою ольхой. Тихвинки идущія въ Новую Ладогу держатся правой стороны канала. Въ каждую изъ нихъ запряжены по двѣ, а въ нѣкоторыя и по три лошаденки, которыя, подгоняемыя мальчишками, ровнымъ шагомъ тянутъ тихвинку, управляемую лодманомъ у руля; остальные же трое рабочихъ остаются безъ дѣла. Упряжь бечевыхъ лошадей крайне немногосложна: къ широкой холщевой или кожаной петлѣ, въ родѣ ошейника, надвигаемой черезъ голову на грудь лошади, наглухо привязаны по обѣ стороны двѣ тоненькія, прямыя огаобли, на концахъ распираемыя въ ширину лошади палкой, къ которой и прикрѣпляется конецъ бечевы; по серединѣ огаобель, тамъ гдѣ при обыкновенной упряжи мѣсто сѣделки, находится холщевая полоса, имѣющая цѣлью постоянно держать огаобли почти въ горизонтальномъ положеніи, не давая концамъ ихъ опускаться до земли.

Съ наступленіемъ ночи, привалили къ берегу, развели огонь, надъ которымъ зачернѣли на треногахъ котелки, и рабочіе, усѣвшись на корточкахъ вокругъ, скоро принялись аппетитно причмокивать, пропуская въ свои пустые желудки порціи пшенной каши и хлѣба. Поужинавъ, рабочіе переходятъ на лодки, гдѣ и ложатся спать, исключая дежурнаго изъ погонщиковъ, обязанность котораго смотрѣть за лошадьми, во-время напоить ихъ и запрячь къ рассвѣту, съ которымъ тихвинки и отправляются въ свое дальнѣйшее плаваніе. Удечки самыя простыя, у иныхъ вересочныя. Утромъ, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, оба берега оживляются; съ каждой тихвинки показывается изъ каюты заспанная фигура лодмана, своимъ крикомъ будящаго рабочихъ. За тѣмъ, когда все готово къ отчаливанію, лодманъ, снявъ шапку, громко прокрикиваетъ: „помолимся Богу, робятки наши“. Всѣ рабочіе набожно крестатся, творя молитву, послѣ чего, по крику „выносъ“, лошаден-

ки натягиваютъ каждая свою бечеву, и суда двигаются дальше. Ширина канала, по всему протяженію, одинакова, состояніе же бечевыхъ дорогъ на столько удовлетворительно, что не затрудняетъ движенія. Разстояніе отъ Шлиссельбурга до Ладоги, 104 версты, съ остановками для объѣда и ночевками, мы прошли въ 34 часа. Новая Ладога городъ весьма небольшой, чистенькій; домики, большею частію деревянные, тянутся вдоль берега; почти перпендикулярно ему идетъ широкая улица, обстроенная каменными домами, лавками и магазинами. Здѣсь рабочіе закупаютъ себѣ свѣжіе припасы и хлѣбъ для дальнѣйшаго пути. При соединеніи канала съ рѣкою Волховомъ устроенъ шлюзъ, выйдя изъ котораго тихвинскіе приходится ожидать попутнаго вѣтра, чтобы на парусахъ пройти рѣку до новаго, такъ-называемаго Сязьскаго канала. Волховъ въ этомъ мѣстѣ расширяется на версту, если не болѣе, берега высоки и красивы. Сязьскій каналъ, имѣя протяженія 10 верстъ и ширины до 14 сажень, сохраняетъ почти тотъ же характеръ береговъ какъ и въ Ладожскомъ каналѣ. Отъ него начинается Ладожская вѣтвь Тихвинской системы, доставляющая возможность обойти озеро между рѣками Сязью и Волховомъ. Еще императоръ Петръ Великій повелѣлъ предпринять размыканія для выгоднѣйшаго соединенія Сязи съ Волховомъ, имѣя въ виду удобную и безопасную доставку строительныхъ матеріаловъ съ Сязи въ Петербургъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1765 г., приступили къ раскопкѣ канала съ отлогими берегами, въ ширину 14 сажень, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, раскопка, по неизвѣстнымъ причинамъ, прекратилась, и только въ 1799 году, по повелѣнію императора Павла I, работы вновь дѣлательно закинули. Въ 1802 году каналъ былъ окончательно готовъ, и съ 1-го іюля того же года судоходство по немъ открыто. Въ 1847 году каналъ былъ углубленъ, чтобы дать возможность проходить безпрепятственно судамъ съ осадкой до 14 вершковъ. Грунтъ земли песчаный, сыпучій и весьма слабый; едва укрѣпленные откосы, осыпаясь, производятъ мелкіе и мало-по-малу уменьшаютъ ширину канала.

Состояніе водъ въ каналѣ, какъ и во всѣхъ рѣкахъ Тихвинской системы, зависитъ отъ степени обилія снѣговъ и дождей; при весеннемъ таяніи вода въ каналѣ поднимается отъ 3 до 10, а иногда и до 15 футовъ, причѣмъ разливаются до $\frac{1}{4}$

версты и болѣе. Каналъ вскрывается ото льда около послѣднихъ чиселъ апрѣля и перыхъ мая, замерзаетъ же около середины октября. Сязьскій каналъ соединяется съ рѣкою Сязью при весьма крутыхъ и высокихъ берегахъ, на которыхъ построено село Сязьскіе Рядки. Жители послѣдняго болѣею частью занимаются хлѣбопашествомъ и рыбною ловлей на Ладожскомъ озерѣ. Съ этого пункта берега рѣки измѣняются: оба возвышенны и утесисты, въ иныхъ мѣстахъ достигаютъ 10 сажень вышины, въ среднихъ глубина теченія доходить до 15 сажень. По лѣвому берегу, песчаному и лѣсистому, сложены громадныя запасы дровъ, назначенныя для сплава; мѣстами попадаются постройки для выжиганія угля. По правому же, обнаруживающему плитовое строеніе песчанаго цвѣта, обильно растетъ хвойный и лиственный лѣсъ; тамъ и самъ производилась ломка плиты для выжиганія извести. Около Сязьскихъ Рядковъ, по берегамъ, груды лежатъ дрова, собранныя послѣ разрыва запаней. Удивился я хладнокровію сплавщиковъ дровъ къ собственнымъ интересамъ. Запани состоятъ изъ бревенъ, не отличающихся ни особенною толщиной, ни длиной, по концамъ соединенныхъ другъ съ другомъ далеко не толстыми желѣзными кольцами; подобное огражденіе, помѣщенное поперекъ рѣки, должно удерживать напоръ плывущей сверху громадной массы, бревенъ и дровъ. Очень естественно, что безъ тщательной рекомитировки запани стили, попортились, и дѣло разрѣшилось весьма печальнымъ образомъ: запань разорвалась, и дрова ушли въ Ладожское озеро, гдѣ были отчасти переловлены и сложены по берегамъ. Но сколько ихъ ушло бевслѣдно!

Сязь вытекаетъ изъ болотъ Тихвинскаго уѣзда, течетъ на протяженіи 235 верстъ, отъ впаденія же въ нее рѣки Тихвинки, то-есть съ мѣста гдѣ она начинаетъ входить въ составъ Тихвинской системы, до Ладожскаго озера, протяженіе ея около 82 верстъ; глубина рѣки отъ 1 до 5 сажень. Порожистая ея часть составляетъ 58 верстъ, и паденіе на этомъ пространствѣ составляетъ 98,249 фут. (28,422 метра). Величина паденія Сязи отъ впаденія Тихвинки до горизонта Ладожскаго озера—86,13 ф. Всѣ пороги, исключая Рожественскаго, суть небольшие каменные гряды, мѣстами очень неглубокія. Любуясь красивыми берегами и перерывающими ихъ оврагами, мы подвигались вверхъ

по Сала. Состояніе бечевныхъ дорогъ заметно ухудшилось къ худшему; топкія, грязныя мѣста сильно затрудняли ходъ лошадей. Во многихъ мѣстахъ весенняя вода несла переложенныя чрезъ овраги и каналы настилки мостовъ, отъ которыхъ торчали одни сваи, и бѣдныя лошади принуждены были вступать въ воду, чтобы пройти разстояніе до новаго признака бечевой дороги. Измученные погонщики, неизбѣжно сдѣлая за вѣренными ихъ кнуту лошадежками, или также идуть въ воду, или, кое-какъ взвромоздившись на бѣдныхъ лошадей, на ихъ спинахъ провѣшаютъ препятствіе. Дно, мѣстами песчано-глинистое, вскорѣ измѣняется въ плитное, каменистое. Несмотря на опытность лошадиной, тихвинки часто становятся на мель, но это дѣло быстро поправимое, причемъ приходится удивляться выносливости рабочихъ. Только что лодка стала на мель, рабочіе, не медля ни минуты, во всякое время дня и ночи, слявъ сапоги, прыгиваютъ въ воду, и дѣйствуя какъ рычагами длинными кольями, которые они называютъ *стагами*, спихиваютъ, подпирая плечомъ и грудью, тихвинку на большую глубину. Кончилась работа,—они ловко влѣзаютъ обратно и остаются въ промокшихъ до нитки рубашкахъ, высушивая ихъ на себѣ.

Послѣ нѣсколькихъ такого рода остановокъ, вся вереница тихвинокъ пристала къ деревнѣ Колчаново. Вдоль высокаго берега растагнуто селеніе, не отаивающее снѣгуржи ничѣмъ особеннымъ, но имѣющее, въ дѣлѣ водной перевозки, важное значеніе. По берегу, въ нѣсколько рядовъ, причалено множество тихвинокъ, соминокъ и такъ называемыхъ паузковъ; послѣдніе плоскодонныя, гораздо меньшихъ размѣровъ и меньшей подъемной силы сравнительно съ тихвинками, но за то болѣе легкіе на ходу. На берегу группами сидятъ люди ожидающіе работы, возлѣ нихъ кормятся и бечевныя лошади. Поднявшись въ гору, встрѣчаемъ нѣсколько тракторозъ, куда отправляются хозяева тихвинокъ. Далѣе, по высотѣ берега, таетяся красивый мѣсокъ, а при самомъ обрывѣ выстроены очень красивенькій домики офицеровъ путей сообщенія. Съ этого мѣста видъ на рѣку въ особенности живописенъ. На противоположномъ берегу, на зеленой муравѣ, ярко бѣлѣютъ сложенные въ громадные прямоуглыники березовыя дрова. У Колчанова кипитъ работа: всѣ тихвинки, поставленныя

въ необходимость значительно уменьшить грузъ, должны распаузиться.

На всѣхъ судахъ идетъ дѣятельная работа день и ночь. Рабочіе, нанимаемые хозяевами тихвинокъ, перегружаютъ часть груза на паузки. Они нанимаются или до деревни Яхново, то-есть версть на 12 пути, или до самаго Тихвина; въ Яхновѣ обратною перегрузкою уменьшаютъ число паузковъ на половину и такъ идутъ до Тихвина. Паузками владѣютъ исключительно нѣсколько хозяевъ; эти въ своемъ родѣ монополисты высоко держатъ цѣны, и съ ними неизбежно должны войти въ соглашеніе хозяева тихвинокъ, иногда на весьма невыгодныхъ для себя условіяхъ. Во время моего путешествія, сильный падежъ бечевыхъ лошадей отъ сибирской язвы значительно поднялъ цѣну на паузки. Отъ Колчанова до Тихвина брали не менѣе 5-ти коп. съ пуда, цѣна крайне высокая относительно цѣны за весь путь отъ Петербурга.

Съ этого пункта замѣтно измѣняется говоръ жителей; во всѣхъ словахъ въ которыхъ стоитъ буква ѣ, послѣдняя измѣняется въ и, напримѣръ: двѣ, слѣдуетъ, дѣло, хлѣбъ. Самый способъ выраженія мыслей весьма оригиналенъ; человѣку непривычному трудно сразу уловить смыслъ рѣчи. Разговоръ идетъ большею частію отрывисто; въ разказѣ же сказность смѣняется громаднымъ обиліемъ словъ; термины, по-словицы, поговорки вставляются безъ счету; поясненія и доказательства слагаются главнымъ образомъ въ словахъ: „такъ“, „да какъ же?“ „да вѣстимо такъ“. Все это пересыпается, безъ всякой нужды и причины, самыми страшными ругательствами. Въ простомъ разговорѣ безъ нихъ не обойдется ни одинъ Тихвиницъ, а въ работѣ, да между собой, ругань достигаетъ предѣловъ безобразія. Въ удобствахъ обстановки жизни Тихвинцы весьма не требовательны, въ отношеніи же пищи и одежды, неприхотливость, объясняемая плохимъ матеріальнымъ довольствомъ, поразительна. Нанимающіеся съ паузками рабочіе одѣты весьма скудно: ветхая, грязная рубашка, большею частію съ отстегнутымъ воротомъ, таковыя же, относительно короткіе, штаны, дырявые, привязанные веревкой или мочалой лапти, войлочная шапка, у ивыхъ замѣняемая суконною фуражкой,—вотъ обыкновенный костюмъ рабочаго, который, во время дождя и ночью, дополняется изодранымъ, вымазаннымъ армякомъ. Пища въ дорогѣ очень плоха

и до крайности малопитательна. Приваливъ къ берегу къ обѣду, рабочіе варятъ себѣ кашу и закусываютъ хлѣбомъ. Въ продолженіи пути, во время отдыховъ, готовятъ себѣ похлебку изъ квасу, недостатокъ котораго дополняется водой, туда окрашивается лукъ и куски уже зачерствѣлаго хлѣба. Перегрузивъ часть груза на паузки, лодки попарно тянутся нѣсколько верстъ вверхъ по Сязи до Рождественскихъ пороговъ, которые сгруппировываются на пространствѣ до пяти верстъ. На протяженіи первыхъ двухъ верстъ находятся шесть пороговъ; самый опасный изъ нихъ называется Рубецъ. Подходя къ порогамъ, рѣка мало-по-малу мелѣетъ, сквозь прозрачную воду становятся ясно видимы каменистыя плиты дна; въ самыхъ порогахъ дно усѣяно уступами или обрывами плитовыхъ слоевъ, большей или меньшей высоты. Паденіе въ Рождественскомъ порогѣ составляетъ 16,24 фута. Не доходя до перваго порога, лодки останавливаются, причаливаютъ къ берегу и ожидаютъ очереди идти вверхъ послѣ прохода встречныхъ лодокъ, несущихся съ большою скоростью по быстрому теченію порога, и затѣмъ по одной входятъ въ порогъ. Въ каждую тихвинку впрягаютъ до шести лошадей, вчаливаютъ двѣ бечевы, которыя тянутъ лошади идущія по обѣимъ берегамъ для удобнѣйшаго удержанія лодки въ серединѣ рѣки. Переправа лошадей на другой берегъ производится въ иныхъ мѣстахъ на поромахъ, въ большинствѣ же случаевъ просто въ бродъ и вплавь.

На самомъ порогѣ вода пѣнится и бурлитъ полосой, большаго же паденія для глаза не замѣтно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобъ увеличить глубину и дать направленіе теченію, уложены поперекъ рѣки фашиныя, а въ другихъ песчаныя дамбы. Берега высоки, обрывисты и весьма красивы, одинъ весь глинисто-песчаный, поросшій мелкимъ лѣсомъ; другой же, съ рѣзкими обрывами, обнаруживаетъ плитовое строеніе, и мѣстами видны прослойки голубой глины. Когда судно подходитъ къ порогу, его безпрестанно прибываетъ теченіемъ то къ одной, то къ другой сторонѣ, и тутъ начинается до крайности усиленная работа. Самая важная и отвѣтственная обязанность рулеваго лодмана. Стоя у руля, онъ все вниманіе свое обращаетъ на правильное направленіе лодки въ самыя глубокія части порога. При этомъ надо безпрестанно обходить подводные камни, мѣстами быстро поворачивать лодку и идти перпендикулярно

берегу. При малѣйшей оплошности рулевого, сильное теченіе ударяетъ въ широкую поверхность борта, натягиваетъ бечеву и дѣлаетъ всѣ усилія лошадей напрасными: лодку быстро относитъ назадъ, ударяетъ о камни и ставитъ на плоскія плиты; въ полученную при толчкѣ пробоину вливается вода, и грузъ подмокаетъ. Кромѣ того, лодманъ долженъ командовать рабочими стоящими по обѣ стороны носа лодки. По его командѣ: „съ правой“, „съ лѣвой“ рабочіе перебѣгаютъ на указываемую сторону, и упирая одинъ конецъ багра въ камни, грудью и всею тяжестью своего тѣла отталкиваютъ судно. Наконецъ, далеко не маловажную обязанность лодмана составляетъ управленіе погонщиками и подтягиваніе бечевы, чтобы не дать ей возможности зацѣпить за неровности берега и дна. Соединить и въ-время успѣть выполнить всѣ эти обязанности не легко лодману. Напрягая всѣ силы на руль, онъ въ то же время громкими криками то останавливаетъ бечеву одной стороны, чтобы повернуть лодку къ другому берегу, то вынуждаетъ усилить тягу. Тогда-то начинается страшное мученіе лошадямъ. Все это дѣлается, конечно, не безъ страшныхъ ругательствъ, относимыхъ неизвѣстно къ кому, и криковъ, далеко раздающихся по водѣ.

Жалка участь погонщиковъ, ребятъ лѣтъ отъ 9-ти до 12-ти, худенькихъ, измученныхъ, едва прикрытыхъ кое-какими кламидами. Идутъ они босыми ногами по кочкамъ, грязи, водѣ, камнямъ, разсѣкая и прокалывая себѣ пятки до костей о колючіе еушья искусственныхъ фашинныхъ бечевниковъ. Какъ нерѣдко бываетъ, на слабѣйшихъ взваливается самая трудная работа, и бѣдные мальчуганы, при крайней нуждѣ, переносятъ усиленные, безостановочные труды. Правильно управляя вручаящими имъ лошадями, они обязаны ровню вести ихъ, въ-время подогнать и въ-время остановить, отчего въ особенности зависитъ ходъ лодки. При малѣйшей съ ихъ стороны оплошности, лодка измѣняетъ направленіе, теченіе поворачиваетъ носовую ея часть въ сторону, ударяетъ о камни, причемъ бечева дергаетъ и тянетъ напрягающихся лошадей. За промахи, а иногда безъ всякой причины, на нихъ со всѣхъ сторонъ льется потокъ ругательствъ, а при вечернихъ ночлегахъ частенько ожидаетъ расправа и другаго рода. Отданные родителями въ полное распоряженіе лодманамъ, они обречены безапелляціонно выносить побои и ругательства послѣд-

нихъ. Тяжело видѣть ихъ во время ночевки, когда температура быстро упадетъ, и рѣзкій вѣтеръ пронизываетъ до костей. Промокшіе, съ голыми, охлажденными ногами, они и тутъ не прекращаютъ работы: должны развести огонь, выпрячь лошадей, напоить, накормить и поочереды ихъ караулить. Малопитательная пища и недостатокъ отдыха сильно ослабляютъ еще формирующееся тѣло, готовя въ будущемъ худыхъ и измученныхъ работниковъ. Немногіе изъ нихъ доживаютъ до 40 лѣтъ, большую частію, измученные, оканчиваютъ жизнь въ горячкахъ, лихорадкахъ, ревматизмахъ, или заражаются отъ лошадей сибирскою язвой.

Состояніе бечевниковъ самое неудовлетворительное; мѣстами ихъ вовсе нѣтъ. Изрѣдка по обрывистымъ берегамъ видѣется направленіе когда-то бывшей дороги, теперь же отъ дождей превратившейся въ грязныя тундры и топи. Лошади увязаютъ по брюхо, и только послѣ долгихъ усилій погонщики подложенными жердями вытаскиваютъ ихъ тощія, исцарапанныя и покрытыя грязью фигуры.

При такой обстановкѣ, послѣ безпрестанныхъ задержекъ на плитахъ, отталкиваній назадъ, прошли мы наконецъ группу Рождественскихъ пороговъ и стали у деревни Яхново, для отдыха рабочихъ и обратной перегрузки товаровъ на меньшее число лодокъ. На довольно крутомъ, песчаномъ берегу стоитъ неизбѣжный кабакъ, означаемый прикреплёнными къ вершинѣ шеста вѣтками ели. Далѣе, перпендикулярно къ берегу, лежитъ самая деревня. Присоединившись къ рабочимъ, я отправился туда. Грязная изба раздѣлена стѣнами на двѣ комнаты, въ одной, налево, помѣщается хозяинъ съ своею семьей, направо—производится продажа водки, тутъ же и столъ для обѣда. Расположившись напиться чаю, я присѣлъ на скамьѣ и мало-по-малу вошелъ въ разговоръ съ пришедшими напиться чаю мужичками. Пришлось не мало выслушать жалобъ на плохой надѣлъ землю помѣщиками, но о графинѣ Орловой отзывались единодушно съ искреннимъ уваженіемъ и благодарностью за ея щедрый надѣлъ и постоянныя заботы объ улучшеніи быта крестьянъ.

По окончаніи перегрузки мы въ томъ же порядкѣ двинулись въ путь. Лошади опять по одной или попарно тянутъ лодку. Безпрестанно измѣняющееся теченіе рѣки, на мѣстахъ гдѣ она дѣлаетъ поворотъ образующее косы, сильно затрудняетъ успѣхъ движенія, и хотя пороги становятся

рѣже, но препятствія не уменьшаются. Дорогъ по берегу нѣтъ, и несчастные кони, вгоняемые въ воду и правящиеся преодолевать теченіе, идутъ по скользкимъ, въ беспорядкѣ лежащимъ плитамъ дна, выбиваются изъ силъ, и поскользнувшись, падаютъ, нередко ломая себѣ ноги, попавшія между плитъ. Еще болѣе ужаснымъ истязаніямъ подвергаются лошади идя по утесистому, высокому и крутому берегу. Кое-какъ лѣзутъ они по узкимъ, едва протоптаннымъ и безпрестанно пропадающимъ тропинкамъ, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ едва находятъ выступы для помѣщенія своихъ ногъ, имъ приходится не только удерживать лодку бечевой противъ напора быстрого теченія порога, но еще и тянуть ее впередъ. Конецъ длиннаго кнута погонщика безопасно прогуливается по ихъ шкурѣ, онѣ напрягаютъ свои силы, карабкаются на слѣдующій выступъ, а въ это время, или по оплошности рулевого, или вслѣдствіе остановки лошадей, — лодка ударяется носомъ о подводные камни. И безъ того туго натянута бечева отъ толчка встряхивается, сообщаетъ его едва стоящимъ лошадямъ, сдерживаетъ ихъ заднія ноги, бѣдныя животныя, уцѣпившись передними ногами, висятъ нѣсколько минутъ надъ рѣкой; наконецъ, выбившись изъ силъ, скатываются, кувыркаясь и царапаясь объ утесы, въ воду, на камни и плиты дна. Судно, отъ напора теченія, таяетъ ихъ дальше; они царапаютъ и уродуютъ себѣ члены, едва не захлебываясь въ водѣ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на смѣхъ, стоятъ новелькіе мостики, перекинутые чрезъ ручьи и овражки, но стоятъ они именно только на показъ, рѣдкій погонщикъ направитъ на нихъ своихъ лошадей, на вѣрное разчитывая встрѣтить еще большія препятствія. Такъ называемая дорога только задерживаетъ текущую сверху дождевую воду, послѣдняя скопляется, и задерживаемая глинистымъ грунтомъ, образуетъ глубокія топи; попавшая туда лошадь завязаетъ, барахтаясь уходитъ все глубже и глубже, и только усиліями сбѣжавшихся погонщиковъ, помощью веревокъ и жердей, вытаскивается чуть дышащая.

Самые опасные изъ пороговъ: Юхора, Кулейки, Курей и Вальскіе; послѣдніе до впаденія рѣки Тихвинки. На протяженіи полуверсты, рѣзкими извилинами и поворотами, несется быстрый потокъ воды, въ самомъ же мѣстѣ порога, при видимомъ для глаза паденіи, потокъ бурлитъ и пѣнится пеной. Поднимаясь въ него, судно, при страшныхъ усиліяхъ,

значительно поднимается переднюю частью и потом медленно выравнивается, преодолевая напоръ течения. Милліоны комаровъ и мухъ увеличиваютъ мученія людей и животныхъ. Наконецъ, преодолевъ страшныя препятствія, рискуя на каждомъ порогѣ разбиться, нашъ караванъ прошелъ послѣдній порогъ Вали. Препятствія на время прекратились.

II.

Оставивъ вправо отъ себя верховья Сязи, мы вошли въ рѣку Тихвинку и вмѣстѣ съ тѣмъ вступили въ новую обстановку пути, имѣющую свои выгоды и свои недостатки. Пороговъ, каменныхъ грядъ и отмелей на Тихвинкѣ очень много; безъ шлюзовъ они сдѣлали бы рѣку недоступною для судоходства.

Тихвинка вытекаетъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ изъ болотъ окружающихъ озеро Крупино; протекая озеро Лебединое, она изъ малаго ручья становится достаточно широкою и судоходною, и чрезъ четыре версты вливается въ озеро Эгино, за которымъ, пройдя нѣсколько верстъ, впадаетъ въ озеро Озерское, и по выходѣ изъ послѣдняго протекаетъ около 132 верстъ до впаденія въ Сязь. Тихвинка, на всемъ своемъ теченіи (около 145 верстъ) отъ озера Крупина постоянно направляется къ сѣверо-западу и дѣлаетъ весьма много крутыхъ извилинъ; на этомъ протяженіи, на первыхъ пяти верстахъ, около озера Крупина, берега ея болотисты и низменны. За семь верстъ до озера Озерскаго она протекаетъ между небольшими возвышенностями; отъ озера на протяженіи десяти верстъ берега не высоки и луговые, на слѣдующихъ 36 верстахъ они отлоги, и рѣка дѣлаетъ безчисленные повороты и косы. Грунтъ береговъ вообще песчано-глинистый, изрѣдка песчаный. Ширина Тихвинки весьма не велика относительно Сязи, глубина очень различна, отъ нѣсколько футовъ до сажени и глубже. Не мало трудовъ и времени требуется чтобы пройти чрезъ порогъ Стоянь. Затѣмъ суда тянутся лошадьми вверхъ по рѣкѣ между берегами отъ самой поверхности воды поросшими густыми кустами ивы и воды, такъ что ѣдешь совершенно въ аллеѣ зелени. Пройдя другой небольшой порогъ, весь караванъ скопляется у перваго, въ Тихвинкѣ, шлюза Херсонскаго, чаще называе-

ного рабочими Наволокскими по имени близлежащей деревни Наволоки. Шаюзъ этотъ обезпечивается водой скопленной за плотинкой съ нѣсколькими отверстиями. Разность горизонтовъ воды въ шаюзѣ 7 ф. 6 дюйм. (2,3 метра). Выйдя изъ шаюза, караванъ судовъ черезъ нѣсколько часовъ доходить до города Тихвина. Рѣка все больше и больше суживается, низкіе, песчаные берега покрыты луговой травой. Близъ города рѣка изгибается, по берегамъ стоятъ законченные деревянные домики деревенской постройки. Наконецъ издали показывается и самый городъ, на нѣсколько возвышенномъ берегу, видны куполы церквей, изрядные каменные дома, амбары и складочные магазины. Прямо противъ города пристань; множество лодокъ, тихвинокъ, соминокъ, плотно прислоненныя одна къ другой, въ нѣсколько рядовъ причалены къ берегу, оставляя свободною лишь узкую часть рѣки, чѣмъ затрудняютъ проходящіе караваны. Работа кипитъ, оживляемая говоромъ, шумомъ и криками торговцевъ съѣстныхъ припасовъ. Нѣсколько сотъ рабочихъ день и ночь заняты перегрузкой; кули и мѣшки съ рожью, пшеницей, кручаткой, различными крупами, гречневою, манною, овсяною, бочки съ деревяннымъ масломъ, жиромъ, поташомъ, сахаромъ, громадные массы крашеного и другихъ деревьевъ, колониальныхъ и бакалейныхъ товаровъ, слитки свинца, все это легко перетаскивается здоровыми рабочими съ одной тихвинки на другую. Для поднятія тяжеловѣсныхъ предметовъ устраивается нѣчто въ родѣ крама: веревка подтягиваемая лошадьми и продѣтая черезъ блокъ на маятѣ управляется посредствомъ шеста; такой способъ подъема называется подниманіемъ на „глаголь“.

Противъ пристани устроены амбары для склада товаровъ. Песчаный, сплучій берегъ, поднимался нѣсколько въ гору, ничѣмъ не укрѣпленный, безъ мощеной дороги, очень затрудняется подвозъ товаровъ къ складамъ. Городъ почти весь лежитъ на лѣвомъ берегу; нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ, окрашенныхъ свѣтлою краской и нередко съ зеленою желѣзною крышей, рѣзко отдѣляются отъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ. На другомъ берегу рѣки въ каменномъ домѣ находится уѣздное училище, а въ самомъ городѣ приходское училище и одна частная школа. Близъ берега раскинулась небольшая площадь; при дождѣ превращающаяся въ непроходимое болото,

окаймленная большею частию каменными домами, гдѣ помѣщаются гостиницы, между которыми обозначенная громадною вывѣскою „Hôtel Новоселье“ одна изъ лучшихъ.

По срединѣ площади, близь берега, за высокою каменною стѣною, находится острогъ; главныя улицы вымощены, и по нимъ стоятъ довольно отдаленные одинъ отъ другаго деревянные фонарные столбы, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ; тротуары деревянные. Остальныя улицы не мощены, грязь и вода стоятъ лужами. Домики деревянные, весьма чистенькіе, ярко раскрашены; на углу одного изъ нихъ красуется надпись: „агентъ страховаго общества“. Въ нижнемъ этажѣ каменнаго хорошаго дома помѣщается присутствіе городского мирового судьи. Не далеко отъ пристани, на красивомъ высокомъ мѣстѣ, возвышается большой каменный домъ; къ нему прилегаютъ роскошный, обнесенный заборомъ садъ, на высокомъ шестѣ развѣвается какой-то флагъ, а въ бельэтажѣ этого дома помѣщается клубъ. Антре незавидное, узенькая лѣстница ведетъ на верхъ. Прямо изъ небольшой передней зала, съ паркетнымъ поломъ, хорошо меблированная, наураво гостиная, гдѣ по стѣнамъ развѣшаны портреты Государя и Государыни. Налѣво еще нѣсколько небольшихъ комнатъ, бильярдная и буфетъ; тутъ же и читальная комната. По стѣнамъ висятъ экземпляры устава и нѣсколько объявленій.

Отдѣленный отъ города обширною, ровною мѣстностью, монастырь расположенъ на самомъ берегу, при изгибѣ Тихвинки. Въ него ведетъ отъ города невысокая насыпная дорога, при весеннихъ разливахъ рѣки затопляемая водой, и въ ту пору попасть въ монастырь можно только на лодкахъ, или на лошадяхъ верхомъ. Дорога изъ города идетъ съ главной площади по длинной прямой улицѣ, подъ гофу; дома больше деревянные, очень незатѣливой постройки, дворы крытые какъ въ деревняхъ. Бѣлая стѣна окружаетъ монастырскія зданія, по угламъ ея красуются небольшія башенки съ амбразурами. Налѣво отъ главныхъ воротъ, надъ входомъ, на стѣнѣ изображенъ снимокъ съ подлиннаго образа Божіей Матери. Снимокъ этотъ послѣ исцѣленій больныхъ признанъ, какъ и подлинный, чудотворнымъ. Надъ нимъ устроена церковь, посѣщаемая толпами богомольцевъ.

Чтобы попасть въ главную монастырскую церковь, надо пройти ворота въ стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ

лежать древнія чугунныя пушки, со времени нападенія Шведовъ; за монастырскою стѣной открывается обширное мѣсто, имѣющее назначеніе кладбища. Здѣсь похоронены воевода Прозоровскій (1660 г.), бояринъ Иванъ Ивановичъ Шуйскій, братъ царя Василя Ивановича Шуйскаго, и тѣло принца Іоанна Антоновича Ульриха; тѣло было выставлено въ Шлассельбургской крѣпости; со всѣхъ сторонъ стекался народъ видѣть его, и посѣщенія такъ умножились, что велѣно было запереть гробъ, и тѣло перевезти въ Тихвинскій монастырь. * Здѣсь похоронено также нѣсколько благотворителей этого храма. Далѣе надо пройти вторыя ворота, по сторонамъ которыхъ видны изображенія святыхъ; по правую сторону находится зданіе вмѣщающее кельи монаховъ, прямо же широкій входъ въ главную церковь. Направо отъ входа, подъ богатымъ бадахиномъ помѣщается образъ Тихвинской Божіей Матери, украшенный дорогою ризой. Сама церковь не велика, царскія двери и иконостасъ, великолѣпной рѣзной работы, тщательно вызолочены. Стѣны и колонны сплошь по штукатуркѣ разрисованы изображеніями главныхъ событій изъ земной жизни Іисуса Христа.

Изъ особыхъ церковныхъ обрядовъ, установленныхъ въ монастырѣ, примѣчательно омовеніе иконы Божіей Матери. Обрядъ этотъ совершается въ четвергъ Страстной недѣли, слѣдующимъ образомъ. По окончаніи литургіи, архимандритъ съ братією, въ полномъ облаченіи, освящаютъ воду. Послѣ освященія воды благодѣтель иконы открываетъ золотую ризу, а настоятель, положивъ три поклона, троекратно оmyваетъ святую икону губкой и затѣмъ прикладываетъ тонкіе приносимые богомольцами платки, какъ для утиранія, такъ и для освященія послѣднихъ.

О явленіи иконы Божіей Матери преданіе говоритъ, что въ 1383 году, во времена Дмитрія Донскаго, нѣсколько рыбаковъ Новгородской губерніи занимались своимъ промысломъ на Ладожскомъ озерѣ. Оваренные необыкновеннымъ свѣтомъ, испуганные, они увидѣли тихо несущуюся надъ водой икону Божіей Матери. Явленіе скрылось, оставивъ изумленныхъ рыбаковъ исполненныхъ благоговѣнія. Слѣдующія

* *Книга Исторіи XVIII столѣтія*, 4 части, переводъ съ нѣмецкаго. Москва, типографія Селиванова, 1806 г., стр. 238.

за тѣмъ явленіа чудотворной иконы были въ окрестностяхъ Тихвина, окончательное же водвореніе было на лѣвомъ берегу рѣки Тихвинки, гдѣ трудами окрестныхъ жителей построены храмъ.

Въ 1390 году эта церковь, отъ неосторожно оставленной зажженной свѣчи, сгорѣла до тла, но святая икона была найдена нетлѣнною. Черезъ пять лѣтъ вновь построенная церковь опять сгорѣла, и чудо повторилось еще явственнѣе. Въ 1500 году въ третій разъ сгорѣла она, но икона была вынесена священникомъ Василиемъ и его сыномъ Стефаномъ. Въ 1510, при великомъ князѣ Васильѣ Иоанновичѣ, была воздвигнута каменная большая церковь, а въ 1560, по повелѣнію царя Иоанна Васильевича, устроенъ монастырь, и понынѣ носящій названіе Тихвинскаго Богородицко-Успенскаго первокласснаго мужскаго монастыря. Въ 1611 и 13 годахъ монахи, хранимые чудеснымъ покровительствомъ Святой Дѣвы, счастливо отразили нападеніе шведскихъ войскъ, подъ начальствомъ Делагарди. Съ этихъ поръ сюда стекаются сотни тысячъ богомольцевъ и больныхъ.

Перевозкой по Тихвинской системѣ занимаются нѣсколько зажиточныхъ лицъ. Фирмы купцовъ Конецкихъ, Фалевыхъ, Забѣльскихъ, Злымыскихъ держатъ почти исключительно въ своихъ рукахъ весь путь перевозки отъ Петербурга до Рыбинска. Каждая фирма имѣетъ своихъ прикащиковъ въ Тихвинѣ, Соминѣ, Усть-Чагодѣ и Рыбинскѣ. Отъ лицъ знакомыхъ съ дѣломъ перевозки мнѣ удалось узнать, что этотъ видъ промышленности весьма выгоденъ. Каждая тихвинка сдѣлаетъ въ навигацію по крайней мѣрѣ пять рейсовъ между Петербургомъ и Тихвиномъ, причемъ за всеми издержками очищается сумма отъ 50 до 100 руб. За весь путь отъ Петербурга до Рыбинска берется отъ 18 до 25 коп. съ пуда; время доставки отъ 21 до 40 дней.

Въ Тихвинѣ оканчиваютъ свой рейсъ суда шедшія изъ Петербурга; весь грузъ переваливается въ новыя суда, размѣры которыхъ строго обуславливаются размѣрами предстоящихъ шлюзовъ. Покончивъ перегрузку, вереница тихвинокъ доходить до Тихвинскаго шлюза. (Разность горизонтовъ воды шлюза 8 фут. 9 дюйм. 5 линій или 2,68 метра; онъ отстоитъ отъ Херсонскаго на 12 верстѣ.) Берега песчаны, плоски, при весенней водѣ окрестныя пашни заливаются на нѣсколько верстѣ; водою наноситъ слою песку, чѣмъ совершенно

уничтожается произрастаніе хлѣба и травы. Сѣнокосы плохія; за неимѣніемъ сухой травы, мужики и бабы, поднявъ высоко свои платья, бродятъ въ водѣ, скашивая твердую болотистую траву и осоку. Неурожаи и голодъ прошлыхъ лѣтъ сильно отразились на крестьянахъ; несчастные принуждены были примѣшивать къ муцѣ истертую кору березы и питаться этою скудною пищею. Рабочіе носятъ на себѣ явные слѣды полного разоренія: измученные, худые, малорослые, одѣтые въ крайне ветхія одежды, они при всемъ этомъ сохраняютъ веселость, поютъ пѣсни и не ругаются какъ на Сязи.

Состояніе шлюзовъ не отличается исправностію; затворы, а въ особенности стѣны шлюзовъ, пропускаютъ черезъ себя цѣлые потоки воды въ щели и отверстія полусгнившихъ бревенъ. Бечевники исправны относительно сязскихъ, но мѣстами и тутъ лошади должны идти въ водѣ, фашинная насыпная дорога размыта при весеннихъ разливахъ.

Безпрестанно подымаясь въ шлюзахъ, суда достигаютъ уровня воды слѣдующихъ озеръ. Озера Озерское и Еглино представляютъ собою расширенія рѣки Тихвинки; берега ихъ пологи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотисты и покрыты пашнями и деревьями, грунтъ земли песчано-глинистый. Длина Озерскаго озера 5 верстъ, ширина отъ 250 до 450 саж., глубина отъ 2 до 10 саж. Озеро Еглино ограничено берегами постепенно возвышающимися отлогимъ скатомъ. Длина безъ малаго $2\frac{1}{2}$ версты, ширина отъ 250 до 300 саж., глубина отъ 2 до 6 саж., дно глинистое, вязкое. Вода въ озерахъ красноватая, болотная, мужикамъ называемая ржавою. Пройти эти озера представляетъ не малый трудъ; за неимѣніемъ бечевыхъ дорогъ и отдаленіемъ фарватера отъ береговъ, лошадей берутъ на суда и на шестахъ проталкиваются до начала соединяющаго озера канала. По направленію судоходнаго фарватера стоятъ, когда-то бывшіе исправными, такъ-называемые палы; они состоятъ изъ свай вбитыхъ въ дно озера; назначеніе ихъ служить опорными точками для шестовъ рабочихъ. Вбиты давно, полусгнили, и лишь разщепавшіяся верхушки едва видны изъ воды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ниже ея уровня; о соединяющемъ палы канатѣ нѣтъ и помину.

Нѣкоторыя изъ тихвинокъ, застигнутыя порывами вѣтра, не успѣли дойти до ряда палъ и были занесены къ берегу

въ болотистыя заводи, откуда съ трудомъ могли высвободиться. Пройдя Кіевскій шлюзъ, суда входятъ въ озеро Лебединое, а изъ него по каналу достигаютъ озера Крупина. Отсюда начинается водораздѣлъ системы; во всѣхъ слѣдующихъ шлюзахъ приходится спускаться. Около озера, при весьма узкомъ мѣстѣ канала, между деревьями и зеленью, на холмикѣ сложенъ четырехсторонній памятникъ. Основаніе его составляютъ камни различной величины, вмазанные въ извѣсть. На сторонѣ обращенной къ озеру вдѣлана черная доска съ надписью годовъ 1714 и 1715; сверху черный чугунный крестъ. На этомъ мѣстѣ когда-то стоялъ дворецъ императора Петра Великаго, пріѣзжавшаго сюда для изслѣдованія мѣстности выгодной для соединенія рѣки Тихвинки съ рѣкой Волчиной, и тутъ имъ признано за лучшее для провода канала избрать озеро Крупино.

Дальнѣйшій путь составляютъ каналъ, рѣка Волчина, озеро Сомино и рѣка Сомина. На всемъ этомъ протяженіи шлюзы, при достаточной исправности, спускаютъ проходящія лодки все ниже и ниже по горизонту, и послѣднія доплываютъ наконецъ и до Соминской пристани. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ значительный изгибъ. По берегу тянется единственная, весьма не широкая улица, мостовую которой составляютъ бревенчатыя настилки; при проѣздѣ по ней бревна прыгаютъ и поднимаются концами какъ клавиши. Дома небольшіе, деревянные, двухъ-этажные, плотно прислоненные другъ къ другу и большею частію деревенской архитектуры; въ нижнихъ этажахъ помѣщаются трактиры, лавки и продажа съѣстныхъ припасовъ. Улицы оживлены, по ночамъ шумъ, пѣсни и драки пьянаго народа. На краю села большая каменная церковь, не далеко отъ которой, въ деревянномъ домѣ, помѣщается больница на 35 кроватей; на берегу склады и амбары хлѣба. Все почти населеніе нанимается въ судорабочіе. Постоянныхъ жителей Сомина очень немного, на лѣто же собираются изъ окрестностей до нѣсколькихъ тысячъ народу, которые, по недостаточности удобныхъ помѣщеній, принуждены останавливаться въ маленькихъ комнатахъ, чердакахъ и сараяхъ. Дурной воздухъ, нечистота общихъ ночлежныхъ квартиръ сильно вредятъ и безъ того измученнымъ рабочимъ; отъ того-то безпрестанная отправка въ госпиталь и очень частые случаи скоропостижной смерти. Въ Соминѣ оканчиваютъ рейсъ тихвинскіе рабочіе и нанимаются уже новые до Усть-Чагоды или прямо

до Рыбинска. Большими толпами расхаживаютъ ожидающіе рабочіе и, конечно, пьянство, буйство и другіе нарушающіе благочиніе случаи совершаются ежедневно. Работы мировому судѣ очень много, разборъ безпрестанныхъ споровъ хозяевъ съ рабочими, нарушение условій подрядовъ и другіе случаи не даютъ ему ни часу отдыха. Отъ Сомины путь становится весьма медководенъ, товары раскладываются на относительно большее число пазковъ и тихвинокъ. Грузъ, съ которымъ я выѣхалъ изъ Петербурга на трехъ тихвинкахъ, былъ въ Соминѣ разложенъ на 14, и на всю эту флотилію наято было 80 человекъ. Сильный падежъ бичевыхъ лошадей отъ сибирской язвы вынудилъ хозяевъ отгонять уцѣлѣвшихъ лошадей въ мѣста болѣе отдаленныя отъ берега и не пускать ихъ въ работу; вмѣсто нихъ вошли въ эту роль люди. Послѣ перегрузки на каждой тихвинкѣ устраиваются досчатые скамьи незатѣливаго вида, и рабочіе, вооружившись узенькими веслами, вырубленными изъ досокъ, принимаются болтать воду, едва-едва приводя судно въ поступательное движеніе. Уставъ работать веслами, они идутъ на шестахъ. Медленно подвигаются тихвинки при подобномъ способѣ движенія, работаютъ же не переставая верстъ по пятнадцати. Только въ шлюзахъ рабочіе отдыхаютъ не долго, и потомъ опять за весла или шесты. Постоянное ихъ хожденіе одинъ за другимъ по бортамъ, при едва замѣтномъ движеніи судна, напоминаетъ бѣготню бѣлки въ колесѣ. Народъ изнуренный, худой, одежда крайне ветхая; во время пути единственную пищу составляетъ хлѣбъ съ водою, теплой пищи не варятъ. За путь до Рыбинска отъ Сомины въ то время каждый рабочій получалъ 14 руб.

Далѣе путь идетъ по рѣкѣ Соминѣ, которая ниже озера Вожанскаго принимаетъ названіе Горюны, до соединенія съ рѣкою Чагодой; на этихъ рѣкахъ устроено три шлюза. Берега, сначала глинистые, переходящіе потомъ въ песчаные, довольно однообразны. Ширина рѣки Горюны мѣстами доходитъ до 8 саж., при подъемѣ воды плотинами увеличивается до 15 саж.; глубина же при подъемѣ воды приблизительно отъ 5 до 8 фут. Дно рѣки глинистое, мѣстами каменистое.

Съ Сомины измѣняется выговоръ рабочихъ: вмѣсто буквъ ч и щ употребляется ц, напримѣръ: „цто, целовѣкъ“.

правильное же употребленіе буквъ и и ъ возстановляется. Какъ ни трудна работа вощиковъ подвигающихъ судно шестами, причеъъ они постоянно нажимаютъ корпусомъ, грудью и плечомъ на ручку шеста, и ихъ бока и походка искривляются, но работа тага лямкой еще труднѣе.

Пройдя три шлюза рѣки Горюны, суда входятъ въ рѣку Чагодоцу. Длина ея отъ впаденія Горюны до устья, то-есть на протяженіи пока она входитъ въ составъ Тихвинской системы, доходитъ до 155 верстъ. Ширина отъ 30 до 50 саж. Глубина отъ $1\frac{1}{2}$ до 9 аршинъ, въ порогахъ же доходитъ до 12 вершковъ. Берега лѣсисты, невысоки и въ мѣстахъ песчаныхъ совершенно отлоги. Русло сильно изгибается, безпрестанные повороты и косы значительно увеличиваютъ путь. Миновавъ построенный на берегу стеклянный заводъ (Позина), подходимъ къ порогу Валець, гдѣ весьма быстрое теченіе. Далѣе по теченію встрѣчаются каменные гряды, не представляющія значительныхъ задержекъ. Подвигаемся всѣми способами, то на веслахъ, то на шестахъ, то бечевой. Къ ночи пришлось привалить у маленькой, въ нѣсколько домовъ, деревеньки Мегрино. Общее впечатлѣніе—бѣдность не покрытая. Работаютъ съ 3 часовъ утра до 9 вечера, имѣя въ это время не болѣе трехъ часовъ отдыха. Какъ бы въ насмѣшку надъ черепашимъ медленнымъ движеніемъ, рабочіе употребляютъ про него слово „бѣжать“. „Вотъ ужъ и еще пять верстъ пробѣжали“, говорятъ они, вздыхая; а бѣгъ этотъ выражается скоростію двухъ съ половиной верстъ въ часъ.

Медленно подвигаюсь впередъ, доплываемъ и до мѣста впаденія Чагоды въ Мологу, гдѣ и находится пристань Усть-Чагодоцкая. Здѣсь опять скопается растянувшійся по порогамъ караванъ, чтобы послѣ короткаго отдыха вновь перегружать. Грузъ съ которымъ я ѣхалъ (7.800 пудовъ) сложень былъ на 6 судовъ. Пристани, собственно говоря, не существуетъ, суда закрѣпляются одно за другое, нѣкоторыя бросаютъ якоря, ближайшія же къ берегу укрѣпляютъ бечеву за вбитые въ грунтъ колья. Оставшіеся изматанными люди получаютъ расчетъ и торопятся наниматься въ караваны идущіе обратно къ Соминѣ.

Толпами стоятъ они съ ранняго утра у конторъ прикащиковъ, раздумывая къ кому выгоднѣе наняться, а прикащики въ свою очередь всѣми способами стараются уменьшить

цѣны, сговариваются между собою, чѣмъ и вынуждаютъ рабочихъ наниматься за крайне дешевую цѣну. Отношенія между бурлаками и нанимающими ихъ хозяевами весьма патріархальныя и большею частію невыгодныя для рабочихъ. Конечно, бываетъ и наоборотъ, иногда рабочіе, смекнувъ что хозяину непременно нужно пустить срочный караванъ съ товаромъ, составляютъ стачку, и тогда волей-неволей приходится давать что просятъ. Но въ большинствѣ случаевъ, при неспѣшномъ грузѣ и при большомъ числѣ желающихъ труда, дѣло улаживается такъ: хозяинъ или прикащикъ, на пристаняхъ Тихвино, Сомны и Усть-Чагоды, получивъ извѣстіе о скоромъ приходѣ заковтратованнаго каравана, заготавливаетъ народъ, вѣрнѣе сказать, послѣдній постоянно толпится у его конторы, желая наняться. Хозяинъ говоритъ первый цѣну, тѣ торгуются, но зная что и въ другой конторѣ прикащикъ дастъ не больше, а случается что ему и не нужно, скоро сдаются, боясь остаться безъ работы. Пораженные на словахъ, безъ расписокъ, люди, получивъ задатки, ждутъ когда придетъ караванъ; проходятъ дни, судовъ нѣтъ, проходятъ иногда и недѣли, нечего дѣлать, ждутъ; заподраженные и отдавъ свои паспорта, они не могутъ наниматься къ другому, а время работы уходитъ, часто цѣны вдругъ повышаются, и тогда они остаются въ убыткѣ.

Наконецъ караванъ приходитъ; перегрузившись, пускаются въ путь. Опять время пути можетъ быть и скорое и долгое, какъ желаетъ хозяинъ, а ряда идетъ за рейсъ, а не на время. Иногда неспѣшный караванъ идетъ медленнѣе, надоело останавливаясь при перегрузкахъ; рабочіе, нанявшись за одинаковую, иногда и меньшую, плату, обгоняются другими, идущими съ позже вышедшими караванами, и остаются въ общемъ итогѣ въ значительномъ убыткѣ.

Караванному лоцману, въ самый моментъ отчаливанія каравана, выдается изъ конторы запечатанный конвертъ съ накладною, паспортами рабочихъ и съ наставленіемъ; въ немъ выписывается количество груза, число мѣстъ, имена рабочихъ, заподрядныхъ цѣны и число рублей задатка выданнаго каждому. Лоцманъ долженъ передать конвертъ прикащику въ слѣдующемъ мѣстѣ перегрузки или окончательной выгрузки. Рабочіе, окончивъ путь на который нанимались, нервѣе бываютъ неприятно поражены неожиданными сюрпризами. При

расчетъ оказывается, что въ наставленіи, подписанномъ однимъ хозяиномъ или прикащикомъ, выставлены цѣны десятками копѣекъ меньше ряды на словахъ, задатки не сходятся съ дѣйствительно выданными, являются условія такого рода: „обязаны доставить такой-то грузъ туда-то и не требовать никакихъ прибавочныхъ цѣвъ, на случай какихъ бы то ни было задержекъ въ пути“. Подобною фразой гарантируетъ себя хозяинъ, но рабочіе въ накладѣ; по его же нераспорядительности караванъ стоимъ цѣлыя недѣли даромъ, рабочіе теряли время. Иногда, какъ это и случилось въ моемъ караванѣ, въ накладной, распечатанной въ Рыбинскѣ, оказалось вписаннымъ слѣдующее условіе: „наняты за такую-то цѣву съ выгрузкой на мѣстѣ“, хотя при наймѣ и словесной рядъ было условлено безъ выгрузки: конечно, пока распорядился, наняли баржу на Волгѣ, выгрузили тяжеловѣсные предметы,—время прошло, и рабочіе опять въ убыткѣ. Прикащикъ, опираясь на писанное въ наставленіи, ничего не хочетъ знать. Случается, что въ такихъ обстоятельствахъ рабочіе идутъ къ мировому, но накладныя, хотя и подписанныя однимъ хозяевами, даже безъ прочтенія вслухъ рабочими, служатъ доказательствомъ со стороны хозяина, и рабочіе проигрываютъ дѣло, теряя при этомъ опять много времени. Опытъ научаеъ ихъ что выгоднѣе въ такихъ случаяхъ оставаться хотя и въ накладѣ, но скорѣе развязавшись и получивъ что дали, наниматься въ работу на обратный путь. Поднять дѣло на мѣстѣ гдѣ было выдано наставленіе опять невыгодно: прикащикъ за это въ другой разъ не приметъ въ работу. Случается что цѣлыя артели, прогнѣвивъ прикащика, остаются безъ заработковъ и напрасно молятъ взять ихъ въ работу, а прикащики обходятся и безъ нихъ, имѣя постоянно огромный выборъ.

Положеніе лоцмановъ мало отличается въ условіяхъ отъ рабочихъ. Они получаютъ тремя или четырьмя рублями больше бурлаковъ-тягольщиковъ, и одинъ изъ нихъ назначается караваннымъ, безъ особаго за то вознагражденія. Лоцмановъ также больше чѣмъ спросъ на ихъ занятіе, слѣдовательно, и имъ приходится быть довольными, если хозяинъ, знающій многихъ по именамъ, не опросивъ ихъ согласія, прямо назначаетъ такихъ-то въ свой караванъ. Затѣмъ, безо всякой рады, лоцманъ исполняетъ свою обязанность и при

окончаніи путешествія получаетъ плату какую хозяинъ захочетъ назначить.

Покончивъ съ перегрузкой въ Усть-Чагодѣ, движемся по рѣкѣ Мологѣ. Она беретъ начало въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, изъ болотъ покрытыхъ густымъ лѣсомъ; вся длина теченія 512 верстъ. Лѣса съ Мологи и ея притоковъ, главнымъ образомъ съ Чагодоци, сплавляются на Волгу, въ Рыбинскъ, Ярославль и Нижній Новгородъ, что составляетъ главную мѣстную промышленность. Ширина рѣки доходитъ до 50 саж., а при устьѣ и до 100 саж. Дно вообще песчаное, мѣстами же каменистое. Пороговъ на Мологѣ три, но они очень незначительны.

Подвигаясь по-прежнему, то бечевой, то на вesaхъ, доплываемъ и до города Вescьегонска Тверской губерніи. На правомъ берегу издали показываются куполы трехъ церквей и крыши каменныхъ домовъ. У берега причалены до 50 судовъ; рабочіе закупаютъ здѣсь съѣстные припасы. Подъемъ на небольшую возвышенность берега вымощенъ, хотя и плохо. У самаго берега множество деревянныхъ лачугъ и наскоро сложенныхъ домиковъ, и въ нихъ производится продажа хлѣба, овощей и неизбѣжной водки. На верху вдоль по берегу грязь непроходимая, какъ и на большей части остальныхъ улицъ. Нѣсколько каменныхъ корпусовъ содержатъ склады муки и другихъ припасовъ. Преобладающій классъ населенія составляютъ мѣщане и купцы торгующіе и имѣющіе склады, число же дворянъ считается единицами. На улицахъ не видно ни души, какая-то мертвенность и пустота повсюду, однѣ коровы меланхолически расхаживаютъ по топкой грязи; тротуары высокіе, деревянные. На углу одной изъ улицъ помѣщается въ деревянномъ домѣ уѣздное училище, въ нижнемъ же этажѣ, какъ гласитъ надпись, публичная бібліотека.

Послѣ долгихъ блужданій, то съ той, то съ другой стороны, мнѣ удалось наконецъ вызвать со двора отставнаго солдата сторожа, и благодаря его объясненіямъ, узнать, что вслѣдствіе значительнаго весенняго разлива въ Вescьегонскѣ сдѣлалось цѣлое наводненіе. Какъ бібліотека, такъ и квартира смотрителя были затоплены и перенесены въ верхній этажъ, въ комнаты училища. Для бібліотеки отдѣлена одна комната,—вдоль по стѣнѣ стоитъ небольшой, чернаго дерева, шкафъ съ восемью отдѣльными ящичками съ надписями

отдѣловъ книгъ. Ученики принадлежатъ къ классу мѣщанъ и крестьянъ, и только нѣсколько дѣтей чиновниковъ; кончившіе курсъ получаютъ мѣста прикащиковъ, иногда писцовъ. Про устройство библіотеки узналъ слѣдующее: дѣтъ пять или шесть тому назадъ, помѣщики и нѣкоторые изъ жителей города согласились по подпискѣ основать библіотеку; каждый участвующій сдѣлалъ взносъ, и начало библіотеки, казалось, было обезпечено. Выписали нѣсколько журналовъ и книгъ, болѣе по отдѣлу беллетристики. Но дѣло не пошло; съ каждымъ годомъ число читателей уменьшалось, взносы прекратились, и вотъ уже три года какъ не выписывается ни одной книги, и никто не читаетъ. Ни помѣщики не присылаютъ за книгами, ни жители не даютъ себѣ труда приходить въ читальню, и книги спятъ своимъ силы и покоя.

Наконецъ-то можемъ сказать: прощайте, пороги, шлюзы, бечевыя дороги! Добрались до города Мологи. На правомъ высокомъ берегу расположенъ уютненькій городокъ, близъ берега церковь, во всемъ же городѣ ихъ три; далѣе красивый каменный домъ съ садомъ, цвѣты и плоды котораго пріятно маять глазъ. Подъемъ въ гору грязенъ и неустроенъ, улицъ не много, главная тянется черезъ весь городъ. Дома носятъ на себѣ слѣды пожара, часто попадаются голыя, обгорѣлыя стѣны и много мѣстъ незастроенныхъ. Видъ на Волгу довольно живописенъ: длинною полосой тянется она внизъ по теченію и теряется вдали изгибами. Противъ города ширина Волги достигаетъ до 85 саж., и черезъ рѣку на другую сторону ходитъ поромъ. Берега песчаны, и въ особенности правый далеко не возвышенъ. Выплывъ на Волгу, суда ждутъ попутнаго вѣтра, чтобы на рогожныхъ парусахъ пройти 32 версты до Рыбинска, держась лѣваго, болѣе лаубокаго берега.

Каждый годъ до 70 милл. пудовъ разнаго груза скопляется около Рыбинска и отсюда отправляется по тремъ воднымъ системамъ къ Петербургу. Изъ числа 70 милл. пудовъ, по Тихвинской (854 версты) системѣ идетъ грузъ преимущественно назначенный къ срочной доставкѣ; его можно опредѣлить приблизительно около 12% всего количества, то-есть до 8.400.000 пудовъ; остальные же 88%, то-есть 61.600.000 пуд., приходятся на двѣ остальные системы: Вышневолоцкую и Мариинскую. Эти миллионы пудовъ, требуя огромнаго числа рабочихъ рукъ и силъ, подвергаются всемъ неудобствамъ перевозки. Случается остановка навигаціи, какъ это было въ

1856 году, когда на пути отъ Рыбинска въ Петербургъ заморозило до 10 милл. пудовъ разной клади, и въ 1860, когда до 1 милл. четвертей замерзло отъ Саратова до Рыбинска. Затѣмъ, чрезвычайное разлитіе рѣкъ и обратное пониженіе при мекководіи, падежъ лошадей, все это сильно отражается на промышленникахъ, прешаствуя доставкѣ грузовъ въ время. Подрядчики, законтрактовавъ доставить грузъ въ назначенное время, теряютъ задатки, платятъ неустойки, а что еще хуже, это сильно вліяетъ на наши заграничные отпуски хлѣба; агенты заграничныхъ конторъ недовѣрчиво входятъ въ соглашенія съ поставщиками, боясь въ свою очередь неповинно сдѣлаться неисправными. А какой громадный убытокъ терпится отъ падежа лошадей! Одна Новгородская губернія несетъ при этомъ потерю ежегодно отъ 340.000 до 500.000 рублей.

Сборы съ судохозяевъ и грузохозяевъ назначаемые на улучшеніе водяныхъ путей сообщенія опредѣлены на основаніи Св. З. Т. XII (изданіе 1842; Уставъ Путей Сообщенія, примѣчаніе 2-ое къ статьѣ 109 по X продолженію). Со всѣхъ отправляемыхъ по воднымъ системамъ грузовъ и товаровъ взимается, сообразно цѣнности клади, по $\frac{1}{8}$ коп. съ каждаго рубля. Отъ этой платы избавлены только казенные грузы артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ доставляемые самою же казною, поставщики же и подрядчики подвергаются общему законоположенію по этому предмету.

Сколько я слышалъ, этого $\frac{1}{8}$ ‰ сбора весьма недостаточно чтобы ремонтировать дороги и шлюзы, а со стороны центральнаго управленія путей сообщеній отпускается также далеко незначительная сумма. Медленность доставки грузовъ къ Петербургу водянымъ путемъ причиной тому что они не приходятъ къ веснѣ, именно когда требуется сильный отпускъ хлѣба за границу, причемъ агенты заграничныхъ конторъ даютъ до 10‰ дороже за хлѣбъ чѣмъ осенью, когда грузы, претерпѣвъ всѣ ужасы и рискъ движенія по этимъ путямъ, добираются, наконецъ, и то не всѣ, до Петербурга.

III.

Рабочіе величают Рыбинскъ просто Рыбнымъ, вѣроятно въ память далекаго прошлаго, потому что теперь не только нѣтъ обилія какой бы то ни было рыбы, но и самыя цѣны на этотъ продуктъ очень высоки. Построенъ Рыбинскъ на высокомъ правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Черемхи и какъ разъ противъ устья рѣки Шексны. Въ первый разъ въ исторіи упоминается о немъ въ 1187 г., а въ 1772 г. онъ обращенъ въ уѣздный городъ. Ширина Волги у города отъ 280 до 300 сажень. Правый возвышенный берегъ содержитъ въ себѣ пласты глины съ кварцевымъ пескомъ, лѣвый же большею частью низменный. Параллельно берегу ограничиваемая съ одной стороны рядами каменныхъ и деревянныхъ строеній, тянется длинная набережная съ укрѣпленными каменными откосами. На другомъ берегу отчетливо рисуется между зеленью красивый, большой бѣлый домъ, принадлежащій г. Михалкову, возлѣ обширные склады, амбары и селенія.

Множество судовъ, различныхъ размѣровъ и конструкций, покрываютъ рѣку, плотикъе группирываясь около береговъ. Дѣятельность Рыбинска главнымъ образомъ состоитъ въ выгрузкѣ и перегрузкѣ кладей на соответствующія суда. На берегу идетъ непрерывная работа; разгрузка и нагрузка товаровъ требуютъ множества рабочихъ.

На набережной особенно замѣтны: красное зданіе казармъ, зданіе окружнаго суда, каменный корпусъ лавокъ, церковь, и на самомъ выдающемся мѣстѣ высокаго берега большое бѣлое зданіе биржи. Въ пристанямъ пароходствъ Обществъ *Самолетъ*, *Дружина*, *Сверное Общество* и др. устроены деревянные лѣтвицы сверху набережной. Почти всѣ улицы съ каменною мостовою, въ достаточной исправности, включая набережную, на которой, въ особенности на концѣ у впаденія рѣчки Черемхи, стоитъ глубокая грязь. Параллельно направленію берега тянется вдоль всего города хорошая, широкая Крестовая улица. Дома большею частію каменные, большіе, опротно выкрашенные, почти на каждомъ изъ нихъ красуются выѣски всевозможныхъ товаровъ, въ особенности много

овощныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Въ большихъ каменныхъ домахъ помѣщаются: казначейство, общественный банкъ и женское училище. Далѣе улицу пересѣкаетъ площадь, хотя и мощеная, но вѣчно покрытая жидкою грязью; отъ угла Крестовой до угла Набережной, обращенныя на площадь лавки полны покупателями, посрединѣ же возвышается небольшая часовня. Пройдя площадь, на лѣвой сторонѣ улицы встречаемъ обширный соборъ, далѣе почтовую контору, за которою скоро и кончается собственно городъ. По другую сторону Черемхи мѣстность застраивается, но большею частию людьми недостаточнаго состоянія. Черезъ Черемху перекинутъ старый деревянный мостъ; выше, при насыпной дамбѣ, строится новый, высокій. Далѣе по берегу красивыя зданія гостиницы и бань Соболева, отличающихся чистотой, опрятностью и удобствомъ; во всемъ видно полное вниманіе хозяина къ интересамъ публики. По вечерамъ въ саду гостиницы играетъ музыка.

Недалеко отъ театра тянется чистенькій, широкій бульваръ, — деревья небольшія и большею частию высохшія, — мѣсто вечерняго гулянья жителей. Изъ общественныхъ увеселительныхъ мѣстъ, въ Рыбинскѣ, кромѣ театра, есть и постоянный клубъ, гдѣ даютъ представленія заѣзжіе фокусники и акробаты. Во время моего пребыванія, въ первыхъ числахъ августа, не мало увеселялъ публику заѣзжіи фокусникъ Филиппъ. Въ деревянномъ, едва сколоченномъ балаганѣ, крытомъ вмѣсто крыши рогожами, показывалъ онъ свое искусство, при этомъ разыгрывалъ въ лотерею лошадей, коровъ и другіе предметы. Рыбинскіе жители усердно посѣщали балаганъ.

Цѣлый день не прекращается оживленное движеніе по улицамъ. По утрамъ хозяева, прикащики, повѣренные поставщиковъ, торговцы хлѣбомъ, — всѣ высыпаютъ на площадь, у часовни, противъ зданія биржи. Красивое строеніе биржи вмѣщаетъ въ себѣ большую, чистую залу; зеркала развѣшены по стѣнамъ, у входа въ попыткахъ выставлены цѣны продуктовъ, курсы, стоимость кредитныхъ бумагъ, билетовъ и акцій; на кругломъ столѣ лежатъ газеты и каталогъ книгъ биржевой бібліотеки. Всѣ удобства были предусмотрѣны при постройкѣ, цѣль зданія самая благая: оно должна быть центромъ сделокъ купцовъ, гдѣ они могли бы заключать условія и устраивать свои дѣла.

Но увы! Каждый день заходилъ я туда, и каждый разъ заставлялъ только трехъ-четырехъ купчиковъ, занятыхъ чтеніемъ газетъ, но о сдѣлкахъ и заключеніи какихъ-либо условій не было и помину. Всѣ купцы или комерсанты, какъ они себя иногда величаютъ, съ геройскою твердостью держатся обычая и привычки искони существующихъ, и во всякую погоду запружаютъ площадь. Здѣсь-то и совершаются всѣ коммерческія дѣла, начиная отъ торговыхъ сдѣлокъ огромныхъ размѣровъ до самыхъ незначительныхъ покупокъ и найма рабочихъ бурлаковъ. Для удобства найма рабочихъ около биржи устроенъ навѣсъ, однако также очень мало посвѣщаемый: бурлаки предпочитаютъ являться на площадь, и въ своихъ грязныхъ костюмахъ увеличиваютъ еще болѣе толкотню. И вся эта толпа снуетъ, говоритъ, шумитъ, гуляя по грязи и не обращая вниманія на погоду.

Въ каменномъ домѣ на набережной помѣщается окружный судъ. Зала чистая, красивая, помѣщеніе для публики чловѣкъ на 70, мебель дубовая подъ воскъ. На возвышеніи столъ предсѣдателя, надъ которымъ виситъ портретъ Государя Императора, направо скамья подсудимаго, налѣво мѣста для присяжныхъ засѣдателей. Пріемная комната небольшая, чисто содержимая.

По вечерамъ въ Рыбинскѣ даютъ представленія въ театрѣ. Громадныхъ размѣровъ афиши, уже накавунѣ наклеенныя на всѣхъ углахъ, извѣщаютъ о пріятномъ удовольствіи которое приготовилъ публикѣ содержатель труппы. Вокругъ театра, на немощенной [площади, стоитъ невысыхающая грязь, и еслибы не проложенныя доски, то пѣшеходамъ едва ли удавалось бы добираться съ сухими ногами. Входъ содержится весьма неопратно, законченныя грязныя стѣны неприятно поражаютъ входящаго зрителя. Въ одинъ изъ вечеровъ, поддавшись на заманчивыя объявленія въ афишахъ, я отправился въ театръ, гдѣ шли двѣ пьесы: *Днѣпровская Русалка* и *Параша Сибирячка*. Черезъ маленькое засаленное окошечко, около входа въ театръ, совершается продажа билетовъ, налѣво небольшой буфетъ и маленькая комната для курящихъ. Пройдя по небольшому корридору съ неокрашенными дощатыми стѣнами, вошелъ я и въ самую залу театра. Прямо противъ входа, небольшую сцену закрывалъ отъ зрителей законченный занавѣсъ, со стѣршимся отъ

лѣтъ изображеніемъ какой-то грозной стѣны и части моря съ кораблями преоригинальной конструкціи. Ближе къ зрителямъ помѣщался оркестръ изъ 9 человекъ. Въ первыхъ рядахъ партера стоятъ стулья, далѣе же деревянныя скамьи. Борты ложь бенуара и бельэтажа оклеены бѣлою бумагой, которая отъ вставленныхъ въ парныя бра свѣчей страшно закопчена. Противъ сцены маленькая ложа именуемая царкою, обитая бывшимъ краснымъ сукномъ. Первые ряды креселъ были заняты служащими при окружномъ судѣ, агентами компаній и членами администраціи, остальные ряды занимали купцы и прикащики со своими женами, съ платками на головахъ. Ложи, вмѣщающія едва четырехъ человекъ, были заняты семействами купцовъ; дамъ, относительно мужчинъ, было немного.

Заставивъ ждать, какъ слѣдуетъ, добрыхъ полчаса противъ объявленнаго времени и давъ полную возможность насладиться игрою оркестра, занавѣсъ, шипя и скрипя, медленно поднялся, и глазамъ зрителей представилось что-то въ родѣ убогой хижины. На первомъ планѣ сидѣла пожилая женщина, какъ оказалось, мать Параша Сибирячки, и усиленно жаловалась на гнетущую ее судьбу. Роль эта была исполнена крайне плохо. За то роль Параша мало, задушевно и вполне прочувствовавъ, сыграла г-жа Кузьмина. При каждомъ ея появленіи зрители громкими аплодисментами совершенно справедливо поощряли играющую. Остальные играющіе трагировывали свои роли крайне плохо и машинально. Гриздровка и одежда поразительно небрежны. Съдой парикъ надѣтый на лобъ старика-путника (г. Морвилъ) обнаруживалъ на затылкѣ природныя темныя волосы, борода надѣта на бока и подвязана грубою тесемкой.

Первый актъ кончился при рукоплесканіяхъ. Во второмъ актѣ не дурно, хотя нѣсколько утрируя, сыгралъ роль Писувкина г. Щегловъ. Наконецъ декорации пережвѣляются. На сценѣ долженъ быть изображенъ московскій Кремль. Церкви въ ростъ человека, одна возлѣ другой, окружаютъ такового же роста колоколь; стѣны Кремля, безобразно плохо намамаеванныя, скорѣе походили на развалившійся заборъ. Встрѣчать царя выходятъ 15 человекъ наряженныхъ большею частію пейзанами; они представляютъ народъ. Затѣмъ является и Параша, непритворно удивляется она всей этой

обстановкѣ, да и есть чему! Послѣ ея обморока на сценѣ появляется молодой человекъ съ цилиндромъ на головѣ, по-оанннй отъ дая, и громогласно возвѣщаетъ прощеніе отцу Параша. Послѣдній актъ возвращенія ея домой прошелъ своею другихъ, благодаря хорошей игрѣ г-жи Кузьминой.

Затѣмъ чрезъ добрыхъ полчаса началась *Днѣпровская Ру-салка*. Глазамъ зрителей представился широкій Днѣпръ. На заднемъ планѣ какія-то каменные груды, представляющія платину, синяя рѣка окаймленная четырьмя правильными конусовидными горами одной величины, безъ всякаго соблюденія перспективы. На берегу, у платины, вмѣсто водяной мельницы поставлена игрушечная, вѣтряная, съ ярко-красною крышею и бѣлыми маленькими крыльями. Старый мельникъ, указывая на нее, громко объявляетъ публикѣ что за него „работаетъ вода“. Поставленный позади мельницы человекъ въ красной рубашкѣ усердно наматываетъ на блокъ веревку и заставляетъ вертѣться крылья то въ ту, то въ другую сторону. Все это исполняется удивительно грубо и безъ всякаго вниманія къ публикѣ. Конечно, лучше бы не ставить пьесъ съ трудною обстановкою чѣмъ уродовать ихъ такъ немилосердно.

Во время спектакля громко щелкаютъ орѣхи и лакомятся пряниками. Съ шумомъ опустился занавѣсъ, и удовлетворенная публика отправилась, большею частію пѣшкомъ, по домамъ, только нѣсколько купеческихъ семействъ размѣстились въ небольшія коляски.

Громаднымъ значеніемъ заслуженно пользуются механическій и лѣсопильный заводъ Журавлевыхъ и ихъ канатная фабрика, носящая названіе Никола-Абакумовской. Устроена она въ 1858 году. Спустившись въ Рыбинскѣ, противъ зданія казармъ, на выдающуюся песчаную косу берега, приходится на лодкѣ переѣхать Волгу къ мѣсту впаденія въ нее Шексны, а оттуда путешествовать пѣшкомъ по берегу Шексны верстѣ семь. По обѣимъ сторонамъ дороги стоятъ громадные амбары для складовъ хлѣба, а изъ рѣки выка-тываются лошадьми сплавенныя бревна. Наконецъ показывается огромное зданіе фабрики (протяженіе ея до 206 сажель) и множество амбаровъ для оклада пеньки. У самаго берега прекрасно устроенные доки и краны, отъ которыхъ къ самой фабрикѣ, мимо длинныхъ деревянныхъ

корпусовъ складочныхъ сараевъ, идутъ рельсовые пути конво-желѣзной дороги. Фабрика въ два этажа; глазъ невольно поражается большими запасами пеньки въ необработанномъ еще видѣ и уже въ ниткахъ и канатахъ. Работа начинается съ очистки пражу посредствомъ щетокъ съ желѣзными длинными иглами, на которыя набрасываютъ рукой и потомъ продергиваютъ длинныя волокна, отчего болѣе короткія и нечистыя остаются на щеткѣ. За тѣмъ рабочіе вытягиваютъ нитку, пропуская черезъ руку обмотанную въ баранью шкуру. Длина коридора, въ которомъ они ходятъ, до 70 саж.; колеса вертятъ мальчишки лѣтъ отъ 9 до 12. Смотавъ необходимое количество нитокъ, подвергаютъ ихъ осмаливанію. Сквозь чашъ съ нагрѣтою до 80° жидкою смолою пропускаютъ пучки нитокъ, они пропитываются смолой, выжимаются тутъ же въ прессѣ, и затѣмъ сухія принимаются въ другой комнатѣ. Далѣе нитки разматываются на катушки, а съ нихъ уже скручиваются въ канаты. Длина ихъ доходитъ до 180 саж., толщина же до 15 д. Проба нитокъ производится слѣдующимъ образомъ: на высотѣ 6 футовъ подвѣшиваютъ тяжесть для нитки № 18—7 пуд., для № 30—3 п. 20 ф., для № 36—2 п. 30 ф.

Готовые канаты сматываются въ бунты и тутъ же, послѣ взвѣшиванія, къ нимъ прикладываются оловянные пломбы. Ежегодное производство простирается до 150.000 пуд., на сумму до 713.000 руб. Пенька приобрѣтается въ губерніяхъ Орловской и Черниговской; число рабочихъ на одной канатной фабрикѣ до 500 чел., а съ людьми занимающимися на механическомъ и лѣсопильномъ заводахъ доходитъ до 1.500. На Парижской выставкѣ фабрика получила серебряную медаль за пеньковыя снасти, канаты, шнуры и бечевки. До 10.000 пуд. отпускается ежегодно въ Бременъ. Работа не прекращается и зимой, но производится уже въ меньшихъ размѣрахъ. Изъ зданія канатнаго производства переходимъ на лѣсопильный заводъ. Длинныя бревна, проходя подъ вертикальными пилами, разрѣзываются въ доски, которыя спускаются внизъ по наклонному деревянному спуску въ склады. Въ другомъ каменномъ зданіи помѣщается механическій и слесарный заводъ; здѣсь успѣшно и въ большихъ размѣрахъ выдѣлываются обшивки и механизмы для строящихся буксирныхъ волжскихъ пароходовъ. Печи отапливаются

предварительно высушенными сосновыми дровами. Года два тому назад на этомъ заводѣ сдѣланъ былъ первый пароходъ въ 200 силъ, а къ навигаціи 1868 г. готовился во время нашего посѣщенія другой, во столько же силъ, но съ желѣзнымъ корпусомъ. Назначеніе его — буксировать баржи по Волгѣ. Почти всѣ проходящія суда волжскихъ компаній непременно запасаются снастями съ этой фабрики....

А. ФОНЪ-ДЕРЪ-ХОВЕНЪ.

ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ

I.

Теофанъ Прокоповичъ и его время. Соч. И. Чистовича.

Превосходный трудъ г. Чистовича рельефно изображаетъ намъ всѣ высокія и мрачныя стороны въ характерѣ одного изъ знаменитѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго. И тѣ и другія всѣ находятся въ непрерывной борьбѣ между собою: трудно встрѣтить человѣческую личность, въ которой самыя богатые дары, вѣрное пониманіе дѣйствительности, горячее стремленіе принести пользу и непреклонная твердость въ достиженіи задуманной цѣли затемнялись бы такими качествами, къ которымъ не только современники, но и позднѣйшее потомство не могутъ относиться безъ содроганія. Если будемъ говорить лишь о заслугахъ Теофана Прокоповича, то образъ его предстанетъ предъ нами въ самомъ обяательномъ свѣтѣ: еще въ весьма молодыхъ лѣтахъ сдѣлался онъ извѣстенъ великому монарху и явился тотчасъ же ревностнымъ поборникомъ его предначертаній. Несправедливы были тѣ которые, подобно князю Щербатову, хотѣли увѣрить, будто бы дѣйствіями „сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея“ руководили исключительно корыстныя побужденія. Все показываетъ, напротивъ, что Теофанъ принадлежалъ къ людямъ которые весьма искренно разорвали связь съ прошедшимъ и съ увлеченіемъ бросились на путь реформы. „Что отъ житія нашего прошло, говорилъ онъ, все то умерло, и какъ не сыты есмь прошлогодскою пищею, такъ не живемъ прошлогодними временами.“ Для него Россія только съ Петра могла гордиться

всплывающаго величіемъ. „Се уже единою ногою Россія на землѣ, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и слава..... Нынѣ дѣти россійстїи, продолжаетъ онъ, съ охотою учатся, съ радостью навѣваютъ; таа прежде была ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркаикъ, а прочаго орудія и именъ не слышано, а еслабы гдѣ нѣкое явилоса ариеметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано. Чтѣ о архитектурѣ речемъ, каковое было и каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нуждѣ сажуило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра и мразя охраняти могло, а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣшаго угодія, красотою и величїемъ свѣтлѣется. Чтѣ еще и о воиновской, и о корабельной архитектурѣ? Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити неумѣли.... *Чимъ мы прежде авалилися, того нынѣ стыдимся....*“ Эта страсть къ просвѣщенію, это чувство отвращенія къ грубому невѣжеству проявляются на каждой страницѣ всего чтѣ было писано Феофаномъ: противники его, не будучи въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ стремленія знаменитаго проповѣдника, ставили ему въ вину будто бы склоняется онъ къ протестантизму—упрекъ несправедливый и не подтвержденный никакими доказательствами. „Говорить, доносилъ на него Маркеллъ Родышевскій, что ученія-де никакого добраго въ церкви нѣтъ, а въ лютеранской-де церкви все ученіе изрядное....“—„Говоримъ часто со вздыханіемъ, отвѣчалъ на это Феофанъ, не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, калвинїанахъ, арминїанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ сочинїанахъ, что у нихъ школъ и академій, и людей ученыхъ много, а у насъ мало. Ино есть ученіе, ино же ученый человекъ. Ученіе церковное въ священномъ писаніи, которое содержать и еретики, хотя отчасти разумъ его развращаютъ, такожь въ соборахъ правильныхъ и въ книгахъ отеческихъ; а ученый человекъ—который умѣетъ языки, знаетъ многія исторїи, искусенъ въ богословскихъ и философскихъ пренїяхъ, хотя добраго, хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключеномъ....“

Могъ ли желать Петръ лучшаго помощника въ трудномъ подвигѣ церковныхъ преобразованій и борьбы съ грубыми понятїями и предрасудками тогдашней общественной среды?

Онъ дѣлалъ въ немъ не только ревность къ дѣлу, но огромныя способности и многостороннее образованіе. Окончивъ курсъ наукъ въ Киевской академіи, Теофанъ отправился чрезъ Вѣну, славянскія земли, Феррару, Анкону и Флоренцію въ Римъ, гдѣ оставался нѣкоторое время въ коллегіи Св. Аванасія, учрежденной въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XVI. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говорить о немъ его биографъ, что по богословской учености и исторической критикѣ Теофанъ стоялъ едва ли не выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ богослововъ.“ Иностранцы удивлялись его обширнымъ свѣдѣніямъ. По словамъ датскаго путешественника фонъ-Гавена, кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ зналъ основательно математику, владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, изъ которыхъ на двухъ объяснялся свободно, и до самой старости не переставалъ прилежно изучать языки греческій и латинскій. „Библіотека его, читаемъ въ *Vita Theophanis*, изданной Шереромъ, возросла до 30.000 томовъ лучшихъ изданій; пользуясь ея сокровищами самъ, онъ охотно давалъ книги и другимъ, и вообще своими знаніями—плодомъ внимательнаго чтенія и наблюдательности—дѣлился съ другими учеными людьми, которыхъ часто приглашалъ къ себѣ къ обѣду или вечеромъ къ ужину, когда по окончаніи дневныхъ занятій можно было вздохнуть свободно. Это были своего рода аттические вечера (*noctes atticae*), съ которыхъ всякій выносилъ что-нибудь умное (*nemo, nisi doctior egressus*).“ Не забудемъ, что въ этомъ дружескомъ кружкѣ были лица по справедливости считавшіеся представителями тогдашней образованности, какъ напримѣръ, извѣстный историкъ В. Н. Татищевъ, говорившій о Теофанѣ: „нашъ архіепископъ только ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было, по природѣ острымъ сужденіемъ и великою памятыю одаренъ,“—и Кантеміръ, написавшій сатиру, въ которой находимъ слѣдующее обращеніе къ знаменитому пастырю:

Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышей мудрости тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣка напоолаютъ
Показала, изъяснивъ, отъ чего бывають,—
Теофанъ, которому все то далось знати,
Здрава челоуѣка умъ что можетъ повяти....

Собственными средствами, на которыя Феофанъ былъ чрезвычайно щедръ когда шло дѣло о распространеніи науки, завелъ онъ у себя въ домѣ школу, куда принималъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. То была лучшая школа того времени, какъ по внутреннему устройству, такъ и по достоинству доставляемаго ею образованія. Онъ посылалъ своихъ питомцевъ для усовершенствованія въ наукахъ въ гимназію при Академіи Наукъ, и до какой степени заботился онъ о нихъ, можно видѣть уже изъ того, что даже въ посмертномъ завѣщаніи одѣлилъ ихъ щедрыми дарами и поручалъ доставить имъ возможность окончить ученіе. Удивительно ли, что всѣ эти качества сильно привлекали къ Феофану просвѣщенныхъ людей, которыхъ и безъ того плѣнялъ онъ своимъ обращеніемъ. „Въ кругу близкихъ лицъ, говоритъ его неизвѣстный биографъ, — вѣроятно Байеръ, — онъ былъ, мѣшая шутку съ дѣломъ, гениально остроуменъ, такъ что собесѣдники съ жадностью ловили и старались запомнить его изреченія, апологи, притчи. Они заслуживаютъ того чтобъ ихъ собрать и напечатать....“

Государственная дѣятельность челоѣка одареннаго такими блестящими свойствами имѣетъ огромное значеніе. Сдѣлавшись, по убѣжденію, жаркимъ приверженцемъ преобразованій Петра, Феофанъ посвятилъ имъ всѣ лучшія свои силы. Начиная съ знаменитаго *Регламента* и до второстепенныхъ мѣръ касавшихся устройства церкви, мы видимъ на всемъ его руку, — но не на однихъ только церковныхъ дѣлахъ отразились его труды и усердіе. „Нужно ли было государю, говоритъ г. Чистовичъ, оправдать предъ народомъ и предъ свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, онъ поручаетъ Феофану написать *Правду воли монаршей*. Нужно ли оправдать отгнѣну патріаршества и учрежденіе вмѣсто него коллегіальнаго синодальнаго правленія, онъ поручаетъ Феофану написать это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравится въ народѣ лицемеріе, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Феофанъ пишетъ по его порученію книгу противъ лицемеровъ, съ изъясненіемъ духа истинной христіанской набожности. Государя занимаютъ раскольничьи дѣла, и Феофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ.

Ни одной стороны реформы Петра, ни одного событія изъ его царствованія не оставилъ онъ безъ того чтобы не разъяснить съ церковной каѳедры ихъ пользы и значенія. Въ послѣдніе годы жизни Петръ рѣшается преобразовать монашество русское, и самъ составляетъ планъ этого преобразованія. Теофанъ изъясняетъ законность реформы изъ самой исторіи монашества и церковныхъ правилъ....“ Прибавимъ къ этому что побѣды одержанныя Петромъ, пріобрѣтенія отдѣльныя имъ, договоры заключенныя съ другими государствами, все это находитъ истолкованіе въ рѣчахъ архипастыря,—истолкованіе, имѣющее цѣлью доказать неизмѣримое превосходство новаго порядка вещей предъ отжившею стариною. Проповѣдь Теофана освобождается отъ прежняго схоластическаго характера всѣхъ произведеній такого рода: въ тѣсномъ соприкосновеніи съ жизнью, съ ея интересами нужно искать разгадку того огромнаго вліянія какимъ пользовалась она на различные классы общества. Часто переходила она въ безпощадную сатиру тогдашней грубости нравовъ, лицемерія и ханжества, которыя служили лишь внѣшнимъ покровомъ для мнимаго благочестія. Особенно монашеское сословіе, съ его тупеядствомъ и распущенною жизнью, съ его тупымъ противодѣйствіемъ реформъ, встрѣчало неумолимаго карателя въ архипастырѣ: онъ безусловно сочувствовалъ знаменитому указу Петра (1724 г.) о монастыряхъ, и въ 1732 году пополнилъ его другимъ, который въ высшей степени встревожилъ монашескій міръ. Если до тѣхъ поръ монастыри служили притономъ для разныхъ проходивцевъ, если въ стѣнахъ ихъ постригали несовершеннолѣтнихъ мужей отъ живыхъ женъ, бѣглыхъ солдатъ еще числившихся въ своихъ полкахъ, и если теперь положенъ былъ всему этому конецъ, то какъ было не негодовать невѣждамъ на подобныя нововведенія? Когда великій монархъ сошелъ въ могилу, и когда Теофану пришлось самому пролагать себѣ дорогу среди ожесточенной борьбы партій, не руководимыхъ уже яснымъ сознаніемъ государственныхъ интересовъ, онъ нисколько не измѣнилъ, однако, прежняго направленія своей дѣятельности. „Онъ одинъ, говоритъ г. Чистовичъ, выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Теофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что

при противныхъ обстоятельствахъ онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій: при Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ, онъ тотъ же что былъ и при Петрѣ I.... Только владея такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Феофана, онъ не только самъ участвовалъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смуть которыя волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибали Меншиковы, Долгорукіе, Голицыны, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, но и сберечь дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія....“

Какія великія заслуги и сколько пріятельныхъ сторонъ въ характерѣ и дѣятельности этого человѣка, явившагося однимъ изъ неутомимыхъ борцовъ просвѣщенія въ нашъ отечествѣ! Отчего же не только современники, но даже мы, позднѣйшіе потомки, отдѣленные отъ него столь далекимъ разстояніемъ, не можемъ отнестись къ нему вполне сочувственно? Отчего, вмѣстѣ съ удивленіемъ къ его подвигамъ, невольно пробуждается въ насъ чувство негодованія?

Не будемъ удивляться что общественная среда, окружающая Феофана, относилась къ нему съ непримиримою ненавистью. Зная какіе принципы отстаивалъ онъ и куда склонялись симпатіи и влеченія его противниковъ, мы находимъ это не только вполне естественнымъ, но становимся, конечно, открыто на его сторону. Все показываетъ что Феофанъ обладалъ страстною натурой; сознавая громадное превосходство свое надъ защитниками старины и нанеся имъ одинъ ударъ за другимъ, онъ въ то же время относился къ нимъ съ беспощадною проніей и презрѣніемъ. Слѣды этого встрѣчаемъ на всемъ что выходило изъ-подъ его пера. Возражая на безчисленные памфлеты направленные противъ него, онъ всегда считалъ долгомъ отрекомендовать авторовъ этихъ памфлетовъ со стороны умственныхъ ихъ способностей. „Та головка весьма неученая, тупая, пустая, да еще и шалѣная“, пишетъ онъ о Маркеллѣ Родышевскомъ. Въ одномъ изъ сочиненій своихъ дѣлаетъ онъ такой приговоръ о враждебной ему партіи: „Приходитъ же мнѣ на помысль, что есть чѣмъ поздравлять государей нашихъ, доселѣ царствовавшихъ: понеже которые доселѣ ни явились высочайшей ихъ власти и чести ругатели, *все были до дна глупы*. Во истину такъ дѣлается не безъ особливаго Божія смотрѣнія....“ Но этимъ самымъ людямъ, такъ не высоко стоявшимъ въ его глазахъ,

Теофанъ далъ поводъ для упрековъ противъ себя, которые подтверждаются судомъ исторіи. Послѣ Петра положеніе его сдѣлалось весьма шаткимъ; и при Меншиковѣ, и при Долгорукихъ онъ былъ не далекъ отъ гибели; но вслѣдъ затѣмъ обстоятельства внезапно принимаютъ благоприятный для него оборотъ, онъ встрѣчаетъ ревностную поддержку въ партіи захватившей правленіе въ свои руки. Но какая это была партія? Партія Бирона, Остермана и другихъ, партія опоземцевъ, съ возмутительнымъ презрѣніемъ относившихся ко всему національному. Вступивъ въ союзъ съ нею, Теофанъ не могъ уже остановиться на пути: безчеловѣчными гоненіями на всѣхъ кто неосторожнымъ словомъ выражалъ порицаніе господствовавшего порядка вещей, пытками и истязаніями въ монастырскихъ подвалахъ, своими подвигами въ тѣсномъ, неразрывномъ союзѣ съ тайною канцеляріей, ему суждено было усилить мрачный колоритъ той эпохи, сохранившейся въ памяти народа подъ названіемъ „бирововщины“. Но если имя Бирона произносится доселѣ съ ненавистью, то на ряду съ нимъ поставилъ Теофанъ и свое имя, несмотря на громадное различіе между побужденіями, намѣреніями и цѣлями этихъ двухъ людей. Всѣ попытки оправдать новгородскаго архіепископа кажутся намъ болѣе чѣмъ сомнительными по успѣху. „Конечно, говоритъ г. Чистовичъ, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ аппелляцій къ тайной канцеляріи, но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть гдѣ-нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, такъ же какъ погибли тамъ Θεодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или обороняться тѣмъ же оружіемъ какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно, не похвальное дѣло запугивать государыню бунтами и революціями и держать въ страхѣ, слѣдовательно подъ своею властію, министровъ, но мало пріятнаго помѣняться ролями и судьбой со своими противниками...“ „Никто изъ обвинителей Прокоповича, говоритъ г. Пекарскій,* не взялъ на себя труда разсмотрѣть кто были его враги? Главнѣйшее направленіе, которому слѣдовали эти враги, состояло въ требованіяхъ возврата къ старинѣ, къ прежнимъ распорядкамъ, которые необходимо должны были ограничить правитель-

* *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, т. I, стр. 482.

отвѣнную власть, увеличенную Петромъ послѣ уничтоженія патріаршества. Слѣдовательно, всякая попытка въ этомъ родѣ, и безъ вмѣшательства Прокоповича, почиталась преступленіемъ противъ двухъ пунктовъ, такъ что при Елисаветѣ, напримѣръ, когда уже Феофана не было, а при дворѣ находилась чисто русская партія, на подобныя попытки смотрѣли точно такъ же. "Предоставляемъ всякому безпристрастному человѣку разсудить въ какой мѣрѣ оправданія такого рода могутъ считаться дѣйствительными оправданіями. Если допустить что позволительно губить другихъ чтобы самому остаться цѣлымъ и что не зазорно сдѣлаться кровожаднымъ гонителемъ на томъ лишь основаніи что и безъ того преслѣдуемые не избѣгли бы кары, то нѣтъ такого политическаго преступленія котораго нельзя было бы извинить подобною теоріей. На основаніи ея и герои французскаго конвента, изъ которыхъ одинъ, Барреръ, говорилъ въ послѣдствіи: nous nous sommes noblement combattus à coups de guillotine, остались бы вполне безупречны. Но человѣческая нравственность осуждаетъ эти софизмы и осуждаетъ ихъ вполне справедливо. Къ тому же отнюдь нельзя сказать о Прокоповичѣ чтобы онъ прибѣгалъ къ ужаснымъ мѣрамъ единственно въ интересахъ собственной защиты: онъ съ какимъ-то упоеніемъ, всѣми силами души, безъ состраданія и жалости, предался этому ненавистному дѣлу, и нужно видѣть съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ изворотливый умъ его въ самыхъ ничтожныхъ словахъ находитъ „годное къ истязанію“. Тайная канцелярія со своимъ неизмѣннымъ генераломъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ оставалась часто далеко позади его.

Вотъ почему книга г. Чистовича наводитъ какое-то отупѣніе на душу читателя. „Даже издали“, говоритъ авторъ, „на разстояніи почти полутора вѣковъ, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія: вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Петербургъ, неизвѣстно куда. За чтѣ? Когда-то, годъ-два назадъ, онъ разговаривалъ съ подозрительнымъ человѣкомъ. О чемъ они разговаривали—вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя

«Что не будешь къ утру въ цѣпяхъ, и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины...» Авторъ взялъ на себя трудъ ввести насъ въ самую преисподнюю этой мрачной эпохи. Справѣдливо замѣчаетъ онъ, что особенно тяжко отозвалась она на духовенствѣ, какъ на сословіи которое долго и послѣ кончины Петра не прекращало борьбы съ новымъ строемъ жизни, хотя то была борьба глухая и боязливо выступавшая наружу. Обращаясь къ тогдашнимъ противникамъ реформы, мы скорѣе угадываемъ чѣмъ видимъ прямо, въ чемъ состояли ихъ цѣли и намѣренія. Хотѣли они возстановленія патриаршества, негодовали на отобраніе монастырскихъ имуществъ, жалѣли о старцахъ, ненавидѣли Нѣмцевъ, но никто и не дерзалъ заявить открыто свою оппозицію, ибо сила и значеніе духовнаго сословія были уже давно надломлены. Беремъ на поддержку нѣсколько примѣровъ какимъ тономъ выражались высшіе его представители. Блюститель патриаршаго престола, Стефанъ Яворскій, навлекшій на себя неудовольствіе Петра, проситъ позволенія отправиться на время въ Нѣжинъ для освященія церкви и въ Москву чтобы забрать оттуда свою бібліотеку: „аще убо о возвращеніи моемъ (въ Петербургъ) было нѣкое сумнительство“, пишетъ онъ Петру, „клянуся Богомъ живымъ, отмстителемъ всякія неправды. Кровь Христа Спасителя нашего, во спасеніе намъ изліянная, да будетъ мнѣ въ погибель, аще солгу или помышляю что о бѣгствѣ лукавое. *Камо бо пойду отъ дуга твоего и отъ лица твоего камо бѣзусу?* Не въ чужое государство поѣду, но ваша держава есть Богомъ данная: Нѣжинъ ли, Москва ли, Рязань, вездѣ на мнѣ власть самодержавія вашего, отъ нея же укрытися нѣсть мощно, и нѣтъ для чего укрыватися; понеже аще и предъ Богомъ грѣшенъ есмь, но предъ вашими царскимъ величествомъ совѣсть имамъ слава Богу, чисту и беззазорну. А буде и сія клятва моя, на ней же спасеніе мое лежитъ, явится вашему великодержавію невѣроятна, прошу о приставѣ какого-нибудь офицера съ солдатами, съ ними же быхъ могъ сей путь управити для всякой осторожности и вѣры...“ Архіепископъ тверскій Теофилактъ Лопатинскій, судьба котораго такъ печальна, тѣмъ болѣе что не было за нимъ никакой вины, говаривалъ въ беседахъ своихъ съ калязинскимъ архимандритомъ Иосафомъ: „Спать не могу, во снѣ пугаюсь и на яву всего страшусь,—

когда бѣ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, еслибы то можно было. Я бы радъ былъ и этому.“ При такомъ принижennemъ положеніи даже лицъ стоявшихъ во главѣ іерархіи, та изъ сторонъ, которой хотѣлось бы возвратиться къ блаженной для нея старинѣ, вынуждена была ограничиваться намеками, жалобами, робкимъ порицаніемъ, справедливо страшась, что каждое неосторожное слово навлечетъ гоненія и муки. И опасенія эти были вполнѣ справедливы. Даже въ тѣхъ спорахъ которые ограничивались, повидимому, чисто богословскою сферою, напримѣръ, въ нападкахъ обращенныхъ противъ Феофана за мнимую склонность его къ лютеранству, Феофанъ никогда не считалъ лишнимъ, для большей убѣдительности, прикрыться авторитетомъ свѣтской власти. Отражая возраженія Маркелла Родышевскаго на нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, онъ говоритъ: „если же вѣдалъ клеветникъ сей, что все то печатано по именнымъ указамъ государевымъ, то надлежало бы ему справиться, а не дерзать говорить, чего самъ не вѣдалъ. Нынѣ же, по семъ обличеніи, что скажетъ, какъ и чимъ дерзновеніе свое выправить, что жъ и кое мнѣніе свое пронесетъ и о самомъ блаженныя и вѣчностойныя памяти императорѣ, который оныя книжицы и апробовалъ и печатать, и по нимъ и дражайшихъ дѣтей своихъ учить велѣлъ? Если же вѣдалъ Маркеллъ о вышеупомянутомъ, то не токмо синодъ и всѣхъ прочихъ духовныхъ и мірскихъ, но и само его величество Петра Великаго злодерзостнымъ хуленіемъ явственно обноситъ.... Пишетъ же пререкая, что книжицы оныя ниже отъ вселенскихъ патріарховъ, ниже отъ всероссійскихъ архіереевъ и учителей православныхъ не засвидѣтельствованы. .. Да и жетъ что оныя книжицы не засвидѣтельствованы, ибо кромѣ свидѣтельства Петра Великаго, *которое едино довольно есть*, не порочилъ книжицъ оныхъ ни единъ, какъ изъ синодальныхъ, такъ же и изъ прочихъ архіереевъ и архимандритовъ, и т. д.“

Кромѣ Стефана Яворскаго, который утратилъ всякое вліяніе на дѣла и сошелъ въ могилу еще при Петрѣ, авторъ изобразилъ намъ личности Феоодосія, Георгія (Дашкова), Феофилакта Лопатинскаго, Льва Юрлова и многого множества другихъ, менѣе видныхъ по своему сану, которые всѣ испытали злою участь въ послѣдующее тяжелое время. Предъ глазами читателя безостановочно развивается одна изъ

самыхъ страшныхъ драмъ, дѣйствующія лица коей подвергаются, въ концѣ концовъ, ударамъ подъ вліяніемъ развродныхъ побужденій. Архіепископъ новгородскій и первый вице-президентъ синода, Феодосій пользовался, напримѣръ, полнымъ довѣріемъ Петра и дѣйствовалъ совершенно въ его духѣ; ему принадлежало много важныхъ мѣръ по церковной администраціи, возбуждавшихъ сильное неудовольствіе защитниковъ старины; онъ былъ ненавидимъ въ средѣ духовнаго сословія и умѣлъ постоянно раздражать эту ненависть своимъ неуживчивымъ, заносчивымъ и сварливымъ характеромъ. „Только себя любилъ“, писалъ о немъ казанскій митрополитъ Сильвестръ, „а братію весьма ненавидѣлъ; еще же по острожелчію своему дневною вымышлялъ какъ бы брату своему пакость сотворить, а иногда искій кого бы и поглотить.“ Феодосій, стоявшій на сторонѣ преобразованій, сильно негодовалъ, однако, на вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла; онъ высказывалъ свои мысли по этому поводу еще при Петрѣ и особенно рѣзко сталъ выражать ихъ по вступленіи на престолъ Екатерины; непрерывно вырывались у него фразы, которыя приводили въ смущеніе его слушателей. Когда послѣ коронаціи государыни появилась указъ о томъ какъ возносить ея имя при богослуженіи, онъ говорилъ: „какая то молитва будетъ, что по указу молиться? Апостолъ Павелъ въ посланіи первомъ къ Тимоѣю, во главѣ второй, такъ написалъ: молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, и прочая. Се-де *молю*, а не указую.“ Въ другой разъ, получивъ приглашеніе отправить въ Петропавловскомъ соборѣ паннахиду въ сороковой день по кончинѣ императора, Феодосій воскликнулъ предъ синодальными членами: „Боже милостивый, какое тиранство, чего церковь дождалась! Мірская власть повелѣваетъ духовной молиться. Это слову Божиему весьма противно. Покажите мнѣ, отцы святые, гдѣ это написано?“ Въ бесѣдѣ съ Теофаномъ позволилъ онъ себѣ выраженія, въ которыхъ слышалась угроза всѣмъ тогдашнимъ правительственнымъ лицамъ: „Будемъ еще трусить, мало только подождать“, говорилъ онъ, причемъ, по донесенію Теофана, „сталъ швыкать и руками посвѣченіе показывать“. 27-го апрѣля 1725 года новгородскій архіепископъ былъ арестованъ, затѣмъ лишенъ своего сана и преданъ суду; его приговорили къ заточенію въ Корельскомъ монастырѣ на устьѣ Двины, но уже вслѣдъ затѣмъ

возникли новыя противъ него обвиненія, которыя, разумѣется, должны были ухудшить его участь. Велѣно было изъ кельи подѣ церковью, гдѣ находился онъ вначалѣ, перевести его въ каменную тюрьму, входъ въ которую былъ заваленъ, а свѣтъ проходилъ чрезъ окно „четверть аршина въ высоту и четверть въ ширину“, куда и подавали ему пищу. Здѣсь томился узникъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, и вотъ послѣднее извѣстіе о немъ, сохранившееся въ донесеніи начальника караула, Измайлова: „А минувшаго 3-го февраля, то-есть въ тезоименитство ея высочества государыни цесаревны Анны Петровны, караульный фендрикъ Григорьевъ мнѣ репортовалъ, что оный Федосъ, по многому клуку для поданія пищи отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ. Того жъ числа велѣлъ я ему, фендрику, вѣхать въ оный монастырь въ самой скорости и Федосу въ окно кричать о пріятіи пищи какъ возможно громко, и ежели по многому крику отвѣта онъ Федосъ не дастъ, то на другой день тюрьму распечатать отпереть и его Федоса осмотрѣть. 5-го февраля фендрикъ прислалъ ко мнѣ нарочнаго солдата объявить, что оный Федосъ умеръ.“

Архіепископъ Ростовскій Георгій (родомъ изъ дворянъ Дашковыхъ) занялъ, въ самый годъ кончины Петра, мѣсто въ свѣтѣшемъ синодѣ. Человѣкъ не обладавшій ученостью и не любившій ученыхъ, онъ отличался, однако, природнымъ умомъ, настойчивостью, твердостью характера и огромнымъ честолюбіемъ. Многое въ новыхъ порядкахъ возбуждало его неудовольствіе: авторъ разбираемой нами книги приводитъ между прочимъ запальчивый протестъ поданный имъ Екатериной I по поводу отобранія церковныхъ имуществъ и отдачи ихъ въ аренду служилымъ людямъ. Когда при Петрѣ II начинается реакція преобразованіямъ, Георгій умѣлъ составить себѣ партію изъ лицъ бывшихъ явными врагами этихъ преобразованій, и мечталъ уже о патриаршествѣ. „Онъ смотрѣлъ на это дѣло, говорить г. Чистовичъ, не съ церковной и общественной, а съ личной точки зрѣнія. Для него было все равно чему ни быть, синоду или патриарху, только бы ему быть первымъ. Но какъ патриаршество безусловно возвышало его надъ всѣмъ духовенствомъ и давало чрезвычайный авторитетъ въ церкви и государствѣ, а съ другой стороны, при синодальномъ управленіи трудно было обойти Феофана, то Дашковъ и взялся за возстановленіе патриар-

шества и задабривалъ сильныхъ вельможъ въ свою пользу.“ Единственнымъ опаснымъ противникомъ Георгія могъ быть Теофанъ, но этотъ послѣдній, навлекшій на себя сильное недоброжелательство Меншикова, утратилъ прежнюю силу и значеніе, и къ тому же именно въ это самое время поведена была противъ него атака различными лицами окружавшими архіепископа Ростовскаго, между которыми Маркеллъ Родышевскій, авторъ злобныхъ памфлетовъ, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но событія внезапно дали совершенно иной оборотъ дѣлу: паденіе Меншикова, смерть Петра II, вступленіе на престолъ Анны Иоанновны, которой Теофанъ съ самаго начала умѣлъ оказывать важныя услуги,— все это измѣнило взаимное положеніе противниковъ. Теофанъ уже не защищается, онъ самъ нападаетъ и вызываетъ на борьбу Георгія. Одно обстоятельство особенно помогло ему въ этомъ: предъ кончиною Петра II приверженцы старины прониклись самыми заманчивыми для нихъ надеждами; они мечтали, въ случаѣ упраздненія престола, возвести на него бабу юнаго государя, Евдокію Лопухину; толки объ этомъ были распространены во всѣхъ концахъ Россіи и во всѣхъ сословіяхъ. И вдругъ появляется указъ объ избраніи Анны Иоанновны. Когда указъ этотъ былъ полученъ, между прочимъ, въ Воронежѣ, тамошній вице-губернаторъ отправилъ его къ мѣстному преосвященному Льву, но въ слѣдующее затѣмъ воскресенье Левъ приказалъ вездѣ, гдѣ надлежало поминать имя новой государыни, возносить молитвы „о благочестивѣйшей императрицѣ и великой княгинѣ Евдокии Теодоровнѣ“. Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести помянутое событіе среди тогдашнихъ обстоятельствъ. Отъ епископа Льва потребовали объясненія, но когда объясненіе это слушалось въ синодѣ, Георгій Дашковъ старался замѣять дѣло, сказавъ: „у воронежскаго архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давно ссора, и другъ на друга пишутъ по ссорѣ; подождать, не будетъ ли чего отъ губернатора“. Попытка эта не спасла Льва отъ строгаго слѣдствія, которое окончилось тѣмъ что велѣно было его лишить сана и „за извѣстную вину сослать въ Крестный монастырь и содержать за карауломъ въ кельѣ безусловно, и никого къ нему не допускать, и чернилъ и бумаги для письма не давать“. Той же участи подвергся и коломенскій митрополитъ Игнатій, котораго уличали въ нерѣшительности

при осужденіи. Льва. Но не эти лица были главною цѣлю производившихся розысковъ: чрезъ нихъ Феофанъ добирался до самаго опаснаго изъ своихъ противниковъ. Не трудно было ему, указывая на образъ дѣйствій котораго держался Георгій Дашковъ въ процессѣ воронежскаго епископа, выставить его предъ императрицей человѣкомъ враждебнымъ ея интересамъ и къ тому же человѣкомъ неблагонадежнымъ въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ открылись важныя злоупотребленія по управленію имъ епархіей. Участь его была рѣшена весьма скоро: 18-го ноября (1730 года) состоялся докладъ о немъ, а 8-го декабря повелѣно было „сослать его, лишивъ сана, подъ крѣпкое смотрѣніе въ Каменный вологодскій монастырь“. Прибывъ въ мѣсто назначенное для его жительства, Георгій испросилъ позволенія принять схиму и названъ былъ Гедеономъ, но и въ схимничествѣ онъ считалъ себя по-прежнему архіереємъ, пользовался почетомъ, принималъ къ себѣ всѣхъ кто желалъ его видѣть. Отъ Феофана не укрылось оказываемое ему послабленіе, и снова возникло по этому поводу обширное слѣдствіе. Вологодскій епископъ Аванасій едва удержалъ въ немъ и долженъ былъ считать себя счастливымъ что отдѣлался только выговоромъ; люди находившіеся въ услуженіи у Гедеона, какой-то дьячокъ и келейники Сукинъ и Киселевъ, за исполненіе мелкихъ его порученій и допущеніе къ нему постороннихъ, подверглись наказанію плетьюми; за нимъ самимъ учрежденъ былъ строгій караулъ. „И пошла опять въ жизни Гедеона, говорить авторъ, день за днемъ, недѣля за недѣлею, мѣсяць за мѣсяцемъ скучною чередой. Отъ него бѣжали всѣ какъ отъ зачумленнаго. Въ 1734 году онъ слышалъ что въ Вологду пріѣхалъ губернаторъ. Гедeonъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и рѣшился на крайнее средство. Онъ приказалъ своему караульному подпрапорщику объявить губернатору что у него есть государево дѣло, и что поэтому онъ долженъ видѣться съ губернаторомъ. „Отъ рожденія, говорилъ онъ, какъ Богу такъ государю и государынѣ самой, и государству служу я вѣрно; я и крестъ цѣловалъ и у крестнаго цѣлованія подписался, что ежели увижу какой неурядокъ, то буду доносить о немъ ему, самому государю, а нынѣ государынѣ. Вологодскому архіерею нельзя сказать этого, поэтому что онъ самъ въ подозрѣніи. Меня прячутъ, хотятъ голодомъ уморить, чтобы скрыть дѣло: ужъ и то я весь

„образъ, лежу въ одной свиткѣ.“ Губернаторъ, кажется, ограничился тѣмъ что сообщилъ объ этомъ мѣстному архіерею. Въ маѣ пріѣхалъ въ Каменный монастырь вологодскій епископъ и спрашивалъ у Гедеона: какое онъ знаетъ за вѣсть государево дѣло? Гедеонъ отвѣчалъ что откроетъ это только самой государынѣ. Аанасій довелъ объ этомъ синоду. Синодъ представилъ государынѣ докладъ съ мнѣніемъ, чтобы за показанныя Гедеономъ непокойства и подозрѣнія послать его, для такого же подъ арестомъ содержанія, въ Троицкій селедгинскій или въ Успенскій нерчинскій монастырь Иркутской епархіи. Семи тысячъ верстъ и Сибири казалось достаточнымъ для того чтобы скрыть всякую тайну и усмирить самую пылую горячность. Государыня утвердила приговоръ, приказавъ отправить Гедеона въ Нерчинскій монастырь и содержать его тамъ до смерти неусходно, и не слушать никакихъ объявленій, хотя бы о государевомъ словѣ и дѣлѣ.“

Мы слѣдимъ тутъ лишь за судьбою лицъ пользовавшихся особенно высокимъ положеніемъ въ духовной іерархіи и не беремса изображать происки второстепенныхъ дѣятелей, выступавшихъ противъ Теофана Прокоповича не столько съ открытыми возраженіями, сколько съ пасквилями и подметными письмами, и которыми Теофанъ отвѣчалъ жестокимъ гоненіемъ. Розыски происходили одновременно въ различныхъ концахъ Россіи; одно дѣло порождало нѣсколько другихъ, одинъ виновный оговаривалъ множество невиновныхъ, на ряду съ подозрительными личностями привлекаемы были къ строгому отвѣту и такія которыя не подавали повода къ сколько-нибудь справедливымъ нареканіямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательенъ процессъ тверскаго архіепископа Теофилакта Лопатинскаго, подробно изложенный г. Чистовичемъ на основаніи подланныхъ документовъ. Если Теофана за расположеніе его къ нѣмецкой партіи, за его обличенія вѣщней обрядности, лицемѣрія и ханжества упрекали въ склонности къ лютеранству, то Теофилактъ былъ представляемъ приверженцемъ католицизма. Нельзя отрицать что католицизмъ имѣло вліяніе на наше духовенство того времени. Многіе изъ членовъ его, воспитываясь въ польскихъ іезуитскихъ школахъ и занимая въ послѣдствіи учительскія должности въ Кіевской и Московской академіяхъ, увлекались учрежденіями, обрядами и обычаями неоргласными съ

православіемъ,—хотя и увлекались ими часто бессознательно. „До XVIII столѣтія русская церковь,“ говоритъ г. Чистовичъ, „благопріятнѣе смотрѣла на лютеранство нежели на католичество, но съ этого времени начинается поворотъ въ пользу католичества, и *Камень Вѣры* (Стефана Яворскаго) былъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого поворота.“ Въ 1728 году *Камень Вѣры* изданъ былъ Феофилактомъ Лопатинскимъ; въ Германіи вызвалъ онъ сильную полемику, замѣчательнѣйшимъ памятникомъ коей служить книга извѣстнаго ученаго Буддея; Феофилактъ послѣдилъ написать возраженіе на эту книгу, но такъ какъ оно было готово лишь въ 1730 году, когда Феофанъ первенствовалъ въ синодѣ и нѣмецкая партія господствовала при дворѣ, то появленіе ея въ свѣтъ встрѣтило непреодолимые препятствія. Дѣло усложнилось еще тѣмъ, что Феофилактъ встрѣтилъ союзниковъ въ католикахъ, а именно, доминиканецъ Рибейра, находившійся при испанскомъ посланникѣ въ Россіи, герцога Дирійскомъ, также ополчился противъ германскаго богослова. Въ сочиненіи его (*Responsum antipologeticum*) находились довольно ясныя намеки на существовавшій у насъ порядокъ вещей. Вотъ какъ отзывается по этому поводу Феофанъ въ официальномъ донесеніи своемъ кабинету: „Иностранныхъ въ Россіи мужей ругательно нарицають *человѣчками* или *людшками*, и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно на кого онъ за пропаганду иностранныхъ въ Россійскомъ государствѣ нарекаетъ! Презеса Петербургской Академіи злодѣйствомъ опорочивъ, придаетъ сію рѣчь: и то-де не дивно, понеже вси лютераны суть, что таковая ихъ правда и вѣра въ дѣлахъ гражданскихъ. Всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ гражданскомъ и воинскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ, неправдою и невѣрностью помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ не малое учинилъ огорченіе.“ Открылось, что нѣкоторыя лица переводили сочиненіе Рибейры, что другіе не прочь были тайкомъ распространять его, возникло подозрѣніе что одно изъ этихъ лицъ (нѣкто Рѣшиловъ) было авторомъ пасквильнаго письма противъ Феофана, и началась переборка.... Всѣ вопросы, говоритъ г. Чистовичъ, имѣли цѣлью обвинить Рѣшилова въ томъ что онъ „принадлежитъ къ одной партіи съ распространителями латинской пропаганды въ

Россіи, со сторонниками патріаршества, съ противниками существующаго правительства, которое склоняется, по ихъ словамъ, къ лютеранству, и однимъ словомъ съ безчисленными заговорщиками и бунтовщиками, которыхъ такое множество было собрано въ синодъ и тайную канцелярію, съ Родышевскимъ и Аврамовымъ, съ Рибейрой, Ливеріемъ Колети, Платономъ и другими: и наконецъ, къ этой же партіи, по мнѣнію Теофана, присталъ, въ надеждѣ достигнуть патріаршества, тверскій архіепископъ....“ Теофилактъ былъ вызванъ въ Петербургъ и подвергнутъ сначала домашнему аресту. Все показываетъ что онъ былъ человекъ крайне доверчивый, неосторожно и много говорилъ съ приближенными къ нему людьми о тогдашнемъ положеніи дѣлъ, а теперь эти люди, среди пытокъ или чтобъ избѣжать ихъ, припомнили разговоры, усиливая такимъ образомъ обвинительные пункты противъ несчастнаго архіепископа. Процессъ тянулся долго, и Теофану Прокоповичу не суждено было дожидаться его конца. Увѣряютъ, что предъ смертью совѣтовали ему примириться съ его противникомъ; но въ отвѣтъ на увѣщанія эти онъ воскликнулъ только съ гнѣвомъ: „О духъ проклятыи Лопатинскій!“ Приговоръ надъ Теофилактомъ былъ произнесенъ лишь въ 1738 году: его лишили сана и отправили въ Выборгъ для содержанія тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ, съ запрещеніемъ давать ему бумагу и чернила и допускать къ нему постороннихъ лицъ. Но и здѣсь онъ не былъ оставленъ въ покоѣ. По новому доносу, хотя и относившемуся къ прежнему времени, его возили въ тайную канцелярію, а потомъ опять послали въ крѣпость. Мало-помалу замолкли о немъ слухи, и народъ уже не полагалъ его въ живыхъ, какъ вдругъ въ концѣ 1740 года, при Аннѣ Леопольдовнѣ, онъ выведенъ былъ на свѣтъ Божій. „Всѣ удивились этому,“ пишетъ одинъ изъ современниковъ, „потому что его считали мертвымъ....“ Послѣ такихъ страданій и по лишеніи знаковъ архіерейскаго сана, онъ снова принялъ ихъ съ почтеніемъ отъ святѣйшаго синода. Когда изъ казармы взяли его на Новгородское подворье и очистили отъ загрузившей на немъ грязи, тогда самъ преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, со слезами участія снова возложилъ на него знаки монашества и архіерейскаго чина. Посѣтила его и цесаревна Елисавета Петровна и спрашивала знаетъ ли ее? Онъ сказалъ: „Знаю что ты искра Петра

Великаго.“ Цесаревна, отвернувшись, прослезилась и пожаловала ему на лѣкарства триста рублей. Но больной уже такъ былъ слабъ, что не могъ почти говорить, ни на постели повернуться; онъ на томъ же подворьѣ скончался 1741 года, 6-го мая, и 8-го числа погребенъ въ Невскомъ монастырѣ. Амвросій, архіепископъ новгородскій, писалъ къ тверскому епископу Митрофану, „дабы усопшаго въ Бозѣ Теофилакта архіепископа вписалъ съ прочими православными архіереями въ диптихъ...“

Среди этой борьбы, слѣды коей далеко еще не намѣчены нами даже въ главныхъ чертахъ, положеніе Феофана Прокоповича представляется въ высшей степени трагическимъ. Онъ стоялъ совершенно одиноко, не имѣлъ около себя, въ средѣ духовнаго сословія, людей которые могли бы оцѣнить его дѣятельность и служить ему твердою опорой. Разказываютъ, что предъ самою смертью онъ приставилъ палецъ ко лбу и съ горечью воскликнулъ: „О, главо, главо, разума упившись, куда ея приклонишь?...“ Конечно, въ характерѣ его было много мрачныхъ сторонъ, и разказъ о неумолимыхъ его жестокостяхъ менѣе всего можетъ пробудить къ нему симпатію, но за всѣмъ тѣмъ было бы въ высшей степени легкомысленно и близоруко не воздать справедливости высокому подвигу совершенному имъ, и надъ которымъ не переставалъ онъ трудиться до тѣхъ поръ пока находился во главѣ церковнаго управленія. Мы можемъ скорбѣть о несчастныхъ его жертвахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видимъ, что не онъ, а Феофанъ Прокоповичъ былъ, въ свое время, представителемъ цивилизаціи и разумно понятыхъ государственныхъ интересовъ.

P.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ

Въ концѣ 1868 года, дѣйствительный членъ Русскаго Географическаго Общества Н. В. Калачовъ, въ чтеніи своемъ посвященномъ обзорѣ значенія и содержанія писцовыхъ и межевыхъ книгъ древней Россіи, предложилъ Обществу издать извлеченія изъ этихъ книгъ, какъ матеріалъ особенно важный для изслѣдованій по части статистики, этнографіи и географіи нашего отечества въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Предложеніе это было выслушано и принято съ полнымъ сочувствіемъ Отдѣленіями статистики и этнографіи, и хотя въ средѣ ихъ нѣкоторые члены высказали мнѣніе что извлеченія изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ не могутъ замѣнить изданіе этихъ книгъ въ полномъ ихъ объемѣ, тѣмъ не менѣе отдѣленія, убѣжденные доводами г. Калачова что столь обширное изданіе въ настоящее время не осуществимо, избрали комиссію для обсужденія подробностей вопроса объ означенномъ предложеніи. Комиссія эта представила соединеннымъ отдѣленіямъ докладъ, въ которомъ, признавая вполне важность и пользу изданія извлеченій изъ писцовыхъ книгъ, начертала вмѣстѣ съ тѣмъ программу для такого изданія. По одобреніи отдѣленіями предложенной комиссіею программы, вопросъ этотъ перешелъ на обсужденіе совѣта Географическаго Общества. Совѣтъ равнымъ образомъ принялъ предложеніе г. Калачова съ полнымъ сочувствіемъ, но пожелавъ необходимымъ съестись съ Археографическою Коммиссіею, предпринявшею, какъ извѣстно, полное изданіе писцовыхъ книгъ, выпустившею однако въ свѣтъ только писцовыя

книги двухъ пятинъ новгородскихъ, и затѣмъ остановился на нѣкоторыхъ соображеніяхъ касающихся предполагаемаго изданія. Когда наконецъ и эти заявленія были выяснены комиссіей, то совѣтъ, вполнѣ согласившись съ ея отзывомъ, постановилъ считать означенное предложеніе окончательно принятымъ и приступить къ составленію извлеченій изъ писцовыхъ книгъ подѣ непосредственнымъ руководствомъ Н. В. Калачова.

Желая познакомить читателей *Русскаго Вѣстника* съ важнымъ изданіемъ предпринятымъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, мы помѣщаемъ здѣсь: 1) чтеніе г. Калачова о писцовыхъ книгахъ; 2) докладъ комиссіи по вопросу объ изданіи предполагаемыхъ свѣдѣній изъ писцовыхъ книгъ; 3) письмо, на имя г. Калачова, предсѣдателя Географическаго Общества, графа Э. П. Лутке, съ присоединеніемъ заключеній комиссіи по заявленіямъ предложеннымъ въ этомъ письмѣ.

1. Чтеніе Н. В. Калачова о писцовыхъ книгахъ (4-го декабря 1868 г.).

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ одинъ изъ ученѣйшихъ и самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдователей нашей старины, покойный профессоръ Неволинъ, обратилъ вниманіе Географическаго Общества на важность писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1852 г., онъ представилъ и наглядное доказательство своей мысли предъявленіемъ Обществу съ надлежащими объясненіями карты новгородскихъ пятинъ XVI вѣка, составленной на основаніи древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, вытребованныхъ для этой цѣли изъ московскихъ архивовъ, — министерства иностранныхъ дѣлъ и вотчиннаго департамента. Этотъ трудъ Неволина былъ встрѣченъ Географическимъ Обществомъ съ самымъ живымъ сочувствіемъ, въ слѣдующемъ же году изданъ имъ въ свѣтъ, увѣнчанъ самою большою наградою, Константиновскою медалью, и до сихъ поръ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и лучшихъ изданій Общества.

Мысль, выраженная и такъ счастливо выполненная великимъ ученымъ о важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи, не можетъ однако и не должна остановиться на изслѣдованіи одной, хотя и весьма замѣчательной мѣстности нашего обширнаго государства. Въ настоящее время,

Когда московскіе и другіе архивы отдѣлились предметомъ самымъ тщательныхъ розысканій, наука не въ правѣ обходить ту массу писцовыхъ и межевыхъ книгъ, которая завѣщала намъ древняя Россія какъ самое наглядное и вѣрное выраженіе ея администраціи внутренняго быта. Отъ карты Новгородской области мы должны перейти къ картѣ Московскаго государства; отъ географической номенклатуры, которая преобладаетъ въ сочиненіи Неволіна, къ разъясненію, на основаніи писцовыхъ книгъ, государственнаго и областнаго устройства, управленія, хозяйственнаго и финансоваго состоянія до-Петровской Россіи. Въ томъ и другомъ отношеніи я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ, имѣя преимущественно въ виду писцовыя и межевыя книги хранящіяся въ управляемомъ мною Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Я начну съ положенія, которое можетъ показаться парадоксальнымъ, но которое вытекаетъ непосредственно изъ подробнаго обзорнія книгъ означеннаго архива, предпринятаго мною при ихъ описаніи, уже напечатанномъ и имѣющимъ на дняхъ выйти въ свѣтъ. Изъ этого обзорнія я вынесъ глубокое убѣжденіе, что наши писцовыя и межевыя книги неразрывно связаны съ происхожденіемъ и постепеннымъ развитіемъ нашего государства; что онѣ были съ одной стороны практическимъ осуществленіемъ задачи, которую постоянно преслѣдовали наши князья, великіе и удѣльные, а потомъ цари московскіе, имѣть самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о земляхъ и населеніи подвластныхъ имъ областей, а съ другой стороны, что онѣ въ этомъ значеніи были руководителями правительства въ его распоряженіяхъ самыхъ разнородныхъ свойствъ, особенно же по части военной и финансовой; что поэтому безъ изученія писцовыхъ и межевыхъ книгъ не можетъ быть вполнѣ понятна ни исторія нашихъ древнихъ состояній, заключавшихся въ разныхъ разрядахъ служилыхъ людей, ни дѣятельность двухъ обширныхъ учрежденій, приказовъ разряднаго и помѣстнаго, которыми направлялись всѣ внутреннія силы и осуществлялись всѣ политическія дѣла государства. Чтобы нѣсколько ближе подтвердить эти слова, я остановлюсь прежде всего на началѣ писцовыхъ и межевыхъ книгъ.

Начало это современно зарожденію Русскаго государства. Основанія писцовыхъ и межевыхъ книгъ, то-есть тѣ данныя,

которыя составляли ихъ содержаніе до позднѣйшаго времени, документально очевидны уже въ тѣ времена, когда Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ сильною рукой намѣчали города и веси которыя должны были назваться *русскими*; когда, подчиняя себѣ разрозненныя племена Славянъ и Финновъ, они соединяли ихъ назначеніемъ къ нимъ своихъ мужей или посадниковъ для взиманія съ нихъ *дани*; когда Св. Ольга учреждала у нихъ станы и погосты, и когда Св. Владиміръ и мудрый Ярославъ, вводя у нихъ христіанскую вѣру и насаждая книжное ученіе, дали имъ вмѣстѣ съ тѣмъ *писцовъ*, такъ рано привившихъ у насъ составленіе юридическихъ актовъ. Назвавъ эти дорогіе намъ имена основателей Русскаго государства, мы стоимъ уже у порога удѣльнаго періода, отъ котораго до насъ дошли древнѣйшія писцовыя и межевыя книги, частію вполнѣ, частію въ отрывкахъ.

Если сказанное выше справедливо, то великіе и удѣльные князья должны были получить отъ своихъ предшественниковъ главныя основы позднѣйшихъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ. Такими матеріалами могли быть списки тѣхъ мѣстностей съ которыхъ посадники собирали дань, съ обозначеніемъ предметовъ и количества этой дани, и становъ или погостовъ, гдѣ были учреждены стоянки и ночлеги при объѣздахъ даньщиками порученныхъ имъ городовъ съ ихъ волостями, и съ указаніемъ самыхъ границъ этихъ уѣздовъ. Что дѣйствительно уже существовали такіе списки съ древнѣйшаго времени свидѣтельствуютъ нѣкоторыя дошедшія до насъ грамоты начала XII вѣка, данныя князьями духовенству съ исчисленіемъ десятины, которая предоставлялась ему съ слѣдующихъ въ княжеюкую казну даней и другихъ доходовъ. Такова, на примѣръ, грамота новгородскаго князя Святослава Ольговича новгородскому епископу 1137 г., гдѣ князь прямо начинаетъ съ того, что въ Новгородѣ дань и десятины съ нихъ „были уже уряжены прежними князьями“, и затѣмъ подробно исчисляетъ всѣ погосты и количество десятины, которую на каждомъ погостѣ слѣдовало получать епископу. Таковы же грамоты данныя Смоленской епископіи Ростиславомъ въ 1150 г. Другой слѣдъ такихъ списковъ представляютъ договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей съ Новгородомъ и между собой и духовныя ихъ грамоты. Тѣ и другія дошли до насъ отъ XIII, XIV и XV вѣка. Такъ въ новгородскихъ грамотахъ дозволяется князю раздавать волости

но не иначе какъ вѣстѣ съ посадникомъ, также посылать въ волости для собиранія дани мужей, но не своихъ, а новгородскихъ; самимъ же князьямъ дается право получать съ волостей дары и судьяя пошланы. Естественно, что для того чтобы раздавать волости, посылать въ нихъ мужей и слѣдить за исправнымъ полученіемъ отъ нихъ даровъ, князьямъ необходимо было имѣть списки этихъ волостей и количество опредѣленныхъ съ нихъ доходовъ. И точно, въ самихъ договорныхъ грамотахъ означенныя волости часто исчисляются поименно. Еще подробнѣе указанія находящіяся въ грамотахъ между князьями и въ ихъ духовныхъ. Здѣсь не только исчисляются волости составлявшія уѣздъ того или другаго города, но и описываются рубежи или границы какъ между городскими уѣздами, такъ иногда и между волостными землями. Часто встрѣчается въ нихъ знаменательное выраженіе о земляхъ и водахъ: все то что *потягло*, то-есть принадлежить, къ городу, стану или волости; значить, всякій зналъ пространство и границы своего уѣзда. Дѣйствительно, грамоты же указываютъ намъ на перемѣщеніе или переписки волостей изъ одного городскаго уѣзда въ другой, причемъ князья требуютъ, чтобы земли, которыя по послѣдней грамотѣ перешли чрезъ рубежъ изъ становъ и волостей одного города въ станы и волости другаго города, *тянули данью* и судомъ къ этому послѣднему.

Удѣльная система, раздробляя Русь на участки, изъ коихъ въ каждомъ находился князь съ правами верховной власти, какъ нельзя болѣе способствовала приведенію въ извѣстность земель, населенія и повинностей каждаго удѣла. Владѣтельные князья, вступая на столъ доставшагося имъ удѣла, немедленно посылали писцовъ для его описанія. Писцы эти заносили въ свои книги, которыя получили отъ нихъ названіе сначала письменныхъ, потомъ *писцовыхъ* книгъ, какъ дворы и людей каждой жилой мѣстности, такъ и земли находившіяся въ ихъ владѣніи, опредѣляя ихъ количествомъ сохъ и вытей и облагая соответственно тому данью, которой размѣръ тутъ же обозначался. По этимъ книгамъ каждый житель зналъ свой станъ или погостъ, къ которому онъ долженъ былъ тянуть. Что касается до опредѣленія границъ разныхъ удѣловъ и въ нихъ земель разныхъ владѣльцевъ, то слова: *отводъ*, *разводъ* и *разъездъ*, означающія межеваніе или указаніе границъ, равно какъ и слова: *рубежи* и *межи*,

и состоявшія въ описаніи урочищъ и другихъ наглядныхъ признаковъ, отдѣляющихъ одно владѣніе отъ другаго, встрѣчаются также въ памятникахъ съ начала XII вѣка. Такъ въ договорахъ между собой князья постоянно условиваются не вступаться черезъ рубежъ одного княжества въ права другаго князя. Первымъ князьямъ московскимъ—Калитѣ, сыну его Симеону Гордому, Донскому и его сыну Василию Дмитриевичу приписывается въ грамотахъ XIV и XV вѣка отмежеваніе городовъ ихъ удѣла отъ сосѣднихъ княжествъ Рязанскаго, Тверскаго и другихъ. Тѣ же князья, давая въ удѣлъ своимъ сыновьямъ города своего княжества, дѣлали при этомъ разгвздъ между ихъ станами и волостями, для того чтобы каждый изъ нихъ зналъ чѣмъ ему владѣть. Наконецъ и частные люди, передавая другъ другу свои земли, иногда сами, а иногда при посредствѣ княжескихъ чиновниковъ, указывали имъ межи, дѣлая имъ *обвода*, то-есть обходя ихъ съ кускомъ дерна на головѣ, символомъ передачи земли. Эти межи записывались часто въ самыя купчія и мѣновныя грамоты. Но и безъ того онѣ были хорошо извѣстны мѣстнымъ старикамъ, которые отъ этого знанія ихъ и назывались *знахарями*; въ случаѣ сомнѣнія и спора, ихъ призывали для указанія этихъ межъ, и они обходили ихъ съ образцомъ въ рукахъ, что называлось *образнымъ хожденіемъ*. Всѣ такого рода документы свидѣтельствуютъ что уже въ XIII вѣкѣ какъ описаніе земель, такъ и размежеваніе ихъ были официальнымъ учрежденіемъ въ каждомъ княжествѣ, причемъ обязанности писца и межевщика соединялись иногда въ одномъ лицѣ, въ большей же части случаевъ они различались: послѣдніе въ отличіе отъ первыхъ и тогда уже носили названіе *межевщиковъ*, а списки и книги, которыя они оставляли, назывались: *разгвздами*, *разгвзжми*, *обводными* и *межевными*.

Изложивъ вкратцѣ происхожденіе писцовыхъ и межевыхъ книгъ, я могъ бы теперь прямо перейти къ отчету о нихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда они являются уже результатомъ отчетливо сознанной и проведенной правительствомъ системы описанія земель для взиманія на основаніи этого описанія людей для службы и разнаго рода казенныхъ сборовъ, еслибы не существовало довольно распространенное мнѣніе, будто описаніе земель и исчисленіе дворовъ и людей введены къ намъ чужеземнымъ элементомъ, и что

сѣдовательно это учрежденіе, которое дѣлаетъ величайшую честь практическому смыслу народа, а въ настоящее время представляетъ въ своихъ результатахъ такой богатый матеріалъ для изслѣдованій о древней Россіи, не есть туземное учрежденіе нашихъ предковъ. Считаю долгомъ опровергнуть это мнѣніе.

На основаніи нѣсколькихъ словъ лѣтописей, не точно понимаемыхъ, думаютъ что переписи или *исчисленіе* людей заведены у насъ Монголами. Не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ сомнѣнія въ томъ, что подчинивъ княжества древней Руси своему владычеству и поставивъ въ нихъ для управленія и взиманія дани своихъ баскаковъ, монгольскіе ханы, чтобъ успѣшнѣе достигнуть этой цѣли, переписывали въ разныхъ мѣстностяхъ жителей чрезъ присланныхъ для этого чиновниковъ, которые и назывались *численниками*. Но уже Невольнъ достаточно ясно выразилъ мысль что Монголы могли только утвердить и упрочить обычай нашихъ князей: составлять описи своимъ землямъ и доходамъ съ нихъ. Мнѣ кажется, необходимо идти еще далѣе. Изъ словъ лѣтописей о томъ какъ производилось у насъ самое исчисленіе людей Монголами, можно несомнѣнно заключить что способъ этого исчисленія былъ имъ указанъ самими русскими князьями. Именно они описывали народъ по дворамъ и поголовно, а дань валагали на нихъ *по сохамъ*. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ какъ нельзя лучше, что мѣстная система описанія жителей по ихъ промысламъ взяла верхъ надъ поголовнымъ ихъ перечисленіемъ, и что сѣдовательно участіе при этомъ князей, о которомъ упоминаютъ и лѣтописцы, было весьма вліятельно. Нельзя также не замѣтить что съ ослабленіемъ монгольскаго владычества чиновники ихъ въ отношеніи переписки жителей замѣняются чиновниками самихъ князей великихъ и удѣльныхъ, а самый взносъ дани, названной *выходомъ* и *откупомъ*, князья распределяютъ между собою, такъ что сначала великіе князья разныхъ княжествъ, какъ-то: московскіе, рязанскіе, тверскіе и ярославскіе, а потомъ одни московскіе вносятъ отъ себя ханамъ опредѣленную сумму, а удѣльные князья принимаютъ въ ней участіе, отдавая то что слѣдуетъ съ нихъ по раскладкѣ великому князю. Совершенно другое видимъ мы напротивъ того въ политикѣ московскихъ князей относительно подчиненія себѣ разныхъ владѣній и обложенія ихъ данью. По мѣрѣ

того какъ какой-либо удѣлъ присоединяется къ Москвѣ, великій князь посылаетъ описывать земли и людей этого удѣла своихъ писцовъ, которые при этомъ въ основаніе раскладки податей берутъ *московскія сохи*, часто не подходящія подъ земляныя мѣры другихъ областей. Вслѣдствіе этого, различіе между писцовыми книгами по мѣстностямъ, о которомъ можно судить изъ сравненія дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ новгородскихъ съ прочими, замѣняется съ XVI вѣка однообразіемъ вводимымъ всюду московскими писцами. Но дѣятельность правительства по перепискѣ земель съ объединеніемъ удѣльныхъ княжествъ и областей Новгородской и Псковской не прекращается. Всякое новое присоединеніе земель къ Московскому государству на западѣ, югѣ и востокѣ сопровождается посылкой въ новопріобрѣтенное царство, область или городъ писцовъ для ихъ описанія. Такъ, на примѣръ, описывалась въ XVI вѣкѣ Казань, а въ XVII—Смоленскъ и другіе города, возвращенные въ царствованіе Алексѣя Михайловича отъ Польши, такъ-называемыя *дикія поля*, простиравшіяся на югъ отъ Москвы къ крымскимъ степямъ, и игородческія земли за Казанью по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ. Но еще прежде чѣмъ заукраинныя земли начинаютъ тянуть къ Москвѣ, самыя границы или украины государства были въ разное время предметомъ тщательнаго заселенія, укрѣпленія и описанія со стороны правительства. Для охраненія границъ отъ непріятелей оно ставило здѣсь города и острога, проводило земляныя валы, дѣлало изъ лѣсовъ застѣки и заселяло эти *черты* или пограничныя линія русскими служилыми людьми, которымъ тутъ же давало земли. Такое *строевіе*, какъ оно тогда технически называлось, русскихъ служилыхъ людей на украинахъ, заносилось тогда же въ книги *строевныя* и *застѣчныя*, изъ коихъ послѣднія отъ времени до времени возобновлялись и исправлялись, увеличиваясь притомъ описаніемъ новыхъ застѣкъ, устраиваемыхъ все далѣе и далѣе отъ центра государства. Читая эти драгоценные документы, мы невольно становимся какъ бы очевидцами постепеннаго сложенія и роста Русской земли, которые въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій стоили нашимъ предкамъ столько трудовъ и усилій.

Составленныя и дополненныя въ разныя царствованія

отъ Іоанна III до начала XVIII столѣтія писцовыя, межевыя, переписныя, стреловыя, засѣчныя и другія по описанію земель книги сохранились въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ количествѣ елишкомъ 3.000 текстовъ или редакцій, относящихся къ болѣе чѣмъ ста городамъ и пригородамъ того времени съ ихъ уѣздами, въ составъ которыхъ введены писцами отаны, волости, погосты, села, деревни, почишки, пустоши и дикія поля съ обозначеніемъ и ихъ урочищъ. Эти документы я называю текстами или редакціями, потому что многіе изъ нихъ находятся въ архивѣ въ числѣ двухъ, трехъ и болѣе экземпляровъ, изъ коихъ одни суть подлинники, а прочіе списки, почему если и эти послѣдніе включить въ общее число писцовыхъ и другихъ книгъ, то оно возрастетъ до 4.000. Но значеніе этой массы документовъ ослабляется тѣмъ что многія изъ относящихся сюда книгъ ограничиваются какою-нибудь, иногда самую незначительною, частью уѣзда, стана, даже однимъ или двумя селеніями, одною или двумя пустошами. За то многія также содержатъ въ себѣ полное описаніе того или другаго города съ его острогомъ, башнями, воротами, валами и другими укрѣпленіями, съ его посадомъ, слободами, улицами, правительственными строеніями, монастырями, церквами, площадями, лавками, домами и огородами. Также подробно описаны въ уѣздахъ посады, слободы, погосты и всякія селенія съ ихъ землями, лѣсами и другими угодыми и оброчными статьями. А какъ главная цѣль таково описанія заключалась въ опредѣленіи податей и другихъ сборовъ, которые должны были поступать съ переписываемыхъ земель и людей въ казну, то въ означенныхъ книгахъ всюду присоединены писцами указанія на количество земли, принадлежащей какъ описываемымъ мѣстностямъ, такъ и отдѣльнымъ дворамъ, иногда и опредѣленіе самой цифры подати, оброка и иного оклада. Послѣднее не требуетъ особаго объясненія, такъ какъ самая цифра, указываемая здѣсь, говоритъ достаточно ясно о значеніи въ этомъ отношеніи писцовыхъ книгъ, какъ матеріала для изслѣдованій о древней Россіи. Но и опредѣленіе земельныхъ участковъ однимъ сохами и вытями точно также понятно и важно для науки, если читать эти данныя цѣлыя въ рукѣ книги *сошнаго письма* или *землянаго верстанія*, въ которой точнѣйшимъ образомъ описаны и вычислены повинности, лежащія на

сохъ, выти и ихъ частяхъ по различію земель: съ одной стороны вотчинныхъ, помѣстныхъ и монастырскихъ, а съ другой стороны земель добрыхъ, то-есть лучшихъ, среднихъ и худыхъ. Книги сошнаго письма составляютъ такимъ образомъ необходимое дополненіе къ писцовымъ и даютъ намъ ключъ къ объясненію количества земли извѣстной мѣстности, которое въ писцовыхъ книгахъ обозначается не иначе какъ общимъ числомъ сохъ и вытей.

Предложенный мною очеркъ происхожденія и состава писцовыхъ и межевыхъ книгъ, несмотря на всю его краткость, можетъ, думаю я, служить основаніемъ для тѣхъ заключеній, которыя я предположилъ сообщить въ настоящее чтеніе Географическому Обществу о значеніи ихъ, какъ матеріала для разработки географіи и изслѣдованія внутренняго быта древней Россіи.

Останавливаясь на первомъ предметѣ, я считаю достаточнымъ указать на тысячи географическихъ мѣстностей не только названныхъ въ писцовыхъ книгахъ, но и описанныхъ самымъ подробнымъ образомъ. Города, пригороды, села и деревни, рѣки и рѣчки, озера, лѣса и другія урочища, даже болота, овраги и дороги встрѣчаются здѣсь съ тѣми названіями, которыя они носили въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Определено и самое ихъ положеніе означеніемъ границъ описываемыхъ земель, указаніемъ рѣки или рѣчки, нерѣдко даже ея устья, верховья или берега, гдѣ сидитъ какое-либо селеніе, или къ которымъ прилежитъ пустошь или дикое поле, и наконецъ весьма часто объясненіемъ что они были прежде и какъ назывались. Такимъ образомъ писцовыя и межевыя книги представляютъ самое надежное и единственное по своей полнотѣ пособіе для составленія карты Россіи XVII ст. по знаменитой книгѣ *Большаго чертежа*. Но этого мало: писцовыя книги рисуютъ предъ нами древніе города и села со всею ихъ миновашею обстановкой и устройствомъ: здѣсь высятся Наугольная, Провѣзжая, Троицкая и другія башни, стоящія на углахъ и поворотахъ стѣны городскаго кремля или острога, вмѣщающаго въ себѣ дворъ воеводы и другія казенныя строенія; тамъ стоятъ рядомъ описанные по улицамъ посадскіе дворы или дома: вотъ дворъ швеца или портнаго того времени, неподалеку отъ него домъ серебряника, мѣдника, или другаго ремесленника, а еще дальше дворъ пустой, заколоченный: владѣлецъ его померъ, убитъ въ намѣствіе

непріятеля—Литвы и Поляковъ, или сбрелъ неизвѣстно куда отъ голода въ хлѣбный недородъ, то-есть неурожайное время. Къ посаду примыкають слободы: Пушкарская, Стрѣлецкая, Казацкая, Драгунская и пр. Около городовъ расположены монастыри съ ихъ лугами, пашнями и садами, къ каждому монастырю приютились слободки, гдѣ живутъ монастырскіе дѣловые люди и въ числѣ ихъ нѣсколько бобылей, кормящихся Христовымъ именемъ. Внутри монастырской ограды мы можемъ перечислить и назвать по писцовымъ книгамъ всѣ его церкви, а въ нихъ образа, священническія ризы и утварь, точно также и въ городскихъ церквахъ. Но тутъ географъ встрѣчается уже съ археологомъ. Для послѣдняго писцовыя книги такая же драгоценность какъ и рукописи извѣстныя подъ названіемъ *подлинниковъ*, съ тою только разницею, что подлинники заключаютъ въ себѣ правила какъ писать образа Спасителя, Божіей Матери и того или другаго святаго, а въ писцовыхъ книгахъ мы находимъ описаніе самихъ мѣстныхъ иконъ: Деисуса, Богородицы Одигитріи, Іоанна Богослова и другихъ, съ означеніемъ красокъ ихъ лица и одежды, даже иногда мастера, который писалъ ту или другую икону, и съ перечисленіемъ привѣшенныхъ къ нимъ гривень и другихъ украшеній. Но и границы археологіи расширяются по мѣрѣ того какъ изслѣдователь переходитъ отъ свѣдѣній о монастыряхъ и церквахъ къ предлагаемымъ писцовыми книгами подробностямъ о населеніи городовъ, деревень и особенно *засѣкъ*. Вотъ среди русскихъ названій татарское имя, иногда цѣлая татарская улица, или даже слобода; вотъ деревни сплошь заселенныя Мордвою, Вотяками или Черемисами; вмѣсто дани они даютъ медь по числу бортовыхъ деревень, помѣченныхъ ихъ знаками; вотъ живущіе особняками Зыряне и Корелы: первые придвинулись къ морю, расселились по пустыннымъ его берегамъ; вторые сгучились на тѣсномъ пространствѣ, отовсюду окруженные русскими селеніями; вотъ многочисленные отряды казаковъ, поселенные на чертахъ или у засѣкъ: они раздѣляются на полковыхъ и сторожевыхъ; но это не тѣ казаки которыхъ мы называемъ теперь этимъ именемъ: это служилые люди набранные ключемъ и поверстанные землями на границахъ государства для ихъ охраненія; вотъ наконецъ выросшія подъ этою охраной новыя села и деревни: они образовались на дикихъ поляхъ, вошедшихъ въ составъ государства, изъ людей гулящихъ или

пришлыхъ изъ разныхъ мѣстностей; писцы, перечисляя въ своихъ книгахъ дворы этихъ поселенцевъ, не забываютъ прибавлять при каждомъ домохозяинѣ откуда онъ пришелъ и съ какого времени здѣсь живетъ.

Древняя этнографія наша должна собрать всѣ эти указанія и опредѣлить отношенія между собой народностей въ древней Россіи по цифрамъ означеннымъ въ писцовыхъ и записочныхъ книгахъ, а этнографія нашего времени провѣрить на мѣстахъ, на сколько элементы не русскаго происхожденія удержались или исчезли въ упомянутыхъ селеніяхъ, и какіе слѣды смѣшеніе пришлецовъ изъ разныхъ областей оставило въ ихъ нынѣшнемъ бытѣ. Но какъ скоро этнографія или другая общественная наука коснется этого богатаго рудника, сами собой будутъ попадаться новыя данныя подъ руку изслѣдователей разныхъ сторонъ нашей древней жизни. Такъ, напримѣръ, статистикъ изъ сличенія между собою писцовыхъ книгъ одной и той же мѣстности, но разныхъ столѣтій или годовъ, сдѣлаетъ любопытные выводы не только о приращеніи или убыли населенія по періодамъ и о причинахъ того и другаго, но даже о долготѣ или краткости жизни обитателей той или другой мѣстности, такъ какъ въ переписныхъ книгахъ означались какъ имена жителей, такъ и ихъ годы. Ученый, занимающійся изслѣдованіемъ промысловъ у нашихъ предковъ, можетъ черпать изъ писцовыхъ книгъ достовѣрныя свѣдѣнія о размѣрахъ, способахъ и результатахъ земледѣлія, составлявшаго главное занятіе большей части тогдашняго населенія; о развитіи рыболовства на Бѣломъ морѣ и въ рѣкахъ и озерахъ; объ успѣхахъ и выгодахъ пчеловодства въ дремучихъ лѣсахъ на восточной окраинѣ государства; о соляныхъ варницахъ въ поморскомъ краѣ, въ Бѣлозерскомъ округѣ, въ богатыхъ владѣніяхъ Строгановыхъ и въ разныхъ монастырскихъ вотчинахъ. Юристъ почти на каждой страницѣ встрѣтитъ матеріалы, которые онъ долженъ заносить то въ исторію нашихъ сословій, то въ очеркъ семейнаго быта и вообще гражданскихъ отношеній, то въ изложеніе устройства городовъ и селеній, то въ описаніе областныхъ учрежденій, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ жители и земли переписывались болѣе или менѣе значительными отдѣлами уѣзда и его населенія, именно по станамъ, волостямъ, губамъ и погостамъ. Но еще обильнѣе тѣ данныя которыя можетъ заимствовать отсюда изслѣдователь

финансовъ древней Россіи, ибо цѣль писцовыхъ книгъ, какъ сказано выше, заключаалась въ томъ чтобъ опредѣлить повинности лежація на описываемыхъ мѣстностяхъ и разные получаемые съ нихъ доходы. Не останется безъ поживы и тотъ изслѣдователь, который посвятилъ свои занятія предмету, повидимому, столь чуждому писцовымъ книгамъ какъ народное образованіе: онъ найдетъ здѣсь свѣдѣніе о духовныхъ книгахъ того времени, а мимоходомъ и такія указанія, какъ, напримѣръ, что въ 1685 году, въ городѣ Боровскѣ, подѣ богатыльни, была школа „для ученія дѣтямъ: строеніе та школа Рождественскаго попа Еюима, и земли подъ тою школою по мѣрѣ въ длину шесть сажень, а поперекъ четыре сажени“. Однимъ словомъ, перечисляя все это разнообразное содержаніе писцовыхъ книгъ, мы должны наконецъ остановиться на томъ, что всѣ изслѣдованія о древней Россіи, принятія безъ подробнаго изученія этого источника, лишены, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, и полноты, и достовѣрности.

Въ заключеніе сказаннаго мною о писцовыхъ книгахъ, рѣшаюсь обратиться къ Географическому Обществу съ предложеніемъ, которое, по моему мнѣнію, совершенно соотвѣтствуетъ его научной цѣли—разрабатывать древнюю или историческую географію Россіи, и котораго выполненіе будетъ въ высшей степени полезно и вообще для изслѣдованій о нашемъ отечествѣ до Петра Великаго. Если писцовыя и другія книги, какъ я старался доказать, составляютъ драгоценный матеріалъ для ученыхъ разысканій, то весьма естественно желать чтобъ они были изданы въ свѣтъ во всемъ ихъ объемѣ и полнотѣ; но такая задача потребовала бы слишкомъ много времени и издержекъ. Подобное изданіе было предпринято здѣшней Археографическою Коммиссіей и начато съ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ; но выпустивъ въ свѣтъ только первыя три книги, обнимающія не вполнѣ двѣ пятинны, коммиссія едва ли не совсѣмъ оставила это изданіе. Съ другой стороны, и безъ такой почти неосуществимой задачи есть способъ сдѣлать достояніемъ науки и изслѣдователей географическія, бытовыя и числовыя данныя, находящіяся въ писцовыхъ, межевыхъ и другихъ книгахъ, данныя, въ которыхъ заключается вся важность этого матеріала и которыя, повидимому, требуютъ такъ много кропотливой работы для извлеченія ихъ изъ груды личныхъ именъ,

наполняющихъ большую часть этихъ книгъ, и группированія въ таблицы или систематическіе выводы. Способъ этотъ заключается въ искусной выборкѣ изъ писцовыхъ книгъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ интересовать того или другаго изслѣдователя, причемъ необходимо замѣтить что такая выборка чрезвычайно облегчается итогами, находящимися въ самихъ книгахъ послѣ описанія каждаго стана или волости, гдѣ сведены въ одно всѣ цифры о числѣ селъ, деревень, погостовъ и починковъ, а въ нихъ дворовъ и жителей, о количествѣ владѣемой ими и пустой оброчной земли и о другихъ угодьяхъ, и наконецъ о платимыхъ ими разнаго рода повинностяхъ. Такія извлеченія представили бы въ своей совокупности ту работу по писцовымъ книгамъ, которую желательно имѣть для разнаго рода изслѣдованій о древней Россіи и въ то же время заключаю бы въ самихъ себѣ удостовѣреніе ихъ вѣрности и точности, ибо они сдѣланы самими писцами, составлявшими эти книги, и не одинъ разъ проверены въ Помѣстномъ приказѣ. Исполнить такую задачу и издать въ свѣтъ желаемыя извлеченія уже не представляется затруднительнымъ ни по времени которое можетъ взять эта работа, ни по величинѣ расходовъ которыхъ она потребуетъ. Я полагаю что всѣ извлеченія, сюда принадлежащія, могутъ быть помѣщены въ четырехъ компактныхъ томахъ, которые легко составить и издать въ теченіе четырехъ лѣтъ, и что издержки какъ приготовительныхъ работъ, такъ и самого изданія будутъ чрезвычайно незначительны въ сравненіи съ пользой какую этотъ трудъ долженъ принести для русской науки. Еслибы Географическое Общество признало такое изданіе соответствующимъ своимъ занятіямъ и пожелало обсудить его въ отдѣленіяхъ этнографіи и статистики и своемъ совѣтѣ, то я готовъ сообщить всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно приемовъ предстоящей при этомъ работы и другихъ подробностей ея исполненія.

II. Докладъ комиссіи по вопросу о предложенномъ действительнымъ членомъ Н. В. Калачовымъ изданіи свѣдѣній изъ писцовыхъ книгъ.

Комиссія избранная соединенными отдѣленіями статистики и этнографіи по вопросу о предложенномъ действительнымъ членомъ Н. В. Калачовымъ изданіи свѣдѣній по статистикѣ, этнографіи и географіи древней Россіи, заключа-

ющихся въ писцовыхъ книгахъ, имѣла свое засѣданіе 17-го декабря въ нижеслѣдующемъ составѣ: гг. дѣйствительные члены А. И. Артемьевъ, А. Б. фонъ-Бушенъ, И. И. Вильсонъ, Н. В. Калачовъ, Д. А. Кропотовъ и секретари отдѣленій статистики М. Н. Раевскій и этнографіи Л. Н. Майковъ. Признавая вполне важность и пользу изданія вышесказанныхъ свѣдѣній изъ писцовыхъ книгъ, коммиссія, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалась единогласно о необходимости содѣйствія этому предпріятію со стороны Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ средѣ котораго какъ вопросъ о разработкѣ писцовыхъ книгъ, такъ и труды по ней встрѣчали всегда полное сочувствіе. Переходя затѣмъ къ общимъ основаніямъ для программы подобнаго изданія, коммиссія остановилась на нижеслѣдующемъ:

1) Писцовыя книги имѣютъ быть изданы въ извлеченіи. Въ изданіи будутъ опущены всѣ повторенія встрѣчающіяся въ книгахъ, а также всѣ свѣдѣнія которыя не представляютъ прямого научнаго интереса. Сверхъ того будутъ исключены совершенно изъ изданія тѣ писцовыя книги которыя относятся цѣликомъ къ отдѣльнымъ владѣніямъ.

2) Въ частности печатаемое извлеченіе будетъ заключать въ себѣ: а) описаніе городовъ; б) поименный перечень всѣхъ сельбищъ съ указаніемъ при каждомъ географическаго положенія, числа жителей, количества дворовъ, земли и получаемаго дохода; изъ свѣдѣній другаго рода о сельскихъ поселеніяхъ войдутъ наиболѣе любопытныя; в) итоги по волостямъ, станамъ и уѣздамъ, заключающіяся въ писцовыхъ книгахъ, и г) обозначеніе, по мѣрѣ возможности, уѣздныхъ жежевыхъ границъ. Дальнѣйшія подробности извлеченія предоставляются на усмотрѣніе дѣйствительнаго члена Н. В. Калачова, который обязательно принимаетъ на себя трудъ редакціи всего изданія и выразилъ готовность предварительно привести въ извѣстность всѣ писцовыя книги хранящіяся въ библіотекахъ и архивахъ С.-Петербурга, подобно тому какъ это исполнено уже Николаемъ Васильевичемъ по Московскому архиву министерства юстиціи.

3) Для изданія, писцовыя книги предполагается раздѣлить на три группы: первая будетъ заключать въ себѣ книги XVI столѣтія, кромѣ уже напечатанныхъ; вторая—книги XVII вѣка до 1683 года, и третья—послѣ 1683 года. Этотъ годъ принять рубежомъ, потому что къ нему относится инструкція для составленія писцовыхъ книгъ которая произвела измѣненія въ редакціи послѣдующихъ книгъ. Извлеченія изъ книгъ первой группы, какъ относящихся къ древнѣйшему времени, будутъ составлены сравнительно подробнѣе. Ко всему изданію предполагается приложить систематическій азбучный указатель.

4) По предварительнымъ соображеніямъ, изданіе составитъ четыре тома, каждый по 40 листовъ; срокъ для выхода ихъ

всѣхъ можно опредѣлить въ пять лѣтъ. На издержки по напечатанію четырехъ оказанныхъ томовъ и на работы по выпискамъ изъ подлинниковъ потребуется, примѣрно, до 5.000 рублей. Такъ какъ къ печатанію можно будетъ приступить не ранѣе 1870 года или конца 1869 года, то на первый разъ необходимо ассигнованіе суммы лишь на первоначальныя работы по извлеченію свѣдѣній изъ подлинныхъ книгъ. Для этого, по мнѣнію комиссіи, вполнѣ достаточно 750 руб.; затѣмъ, въ послѣдующіе три года можно назначить по 1.000 руб., и наконецъ въ послѣдній годъ остальные 1.250 рублей. Распредѣляя такимъ образомъ издержки на это важное изданіе, комиссія руководится желаніемъ, по возможности, избѣгнуть увеличенія ежегоднаго бюджета Общества. Комиссія даже убѣждена что извѣстную долю расходовъ, съ полною справедливостію, ежегодно можно будетъ относить на счетъ ассигновокъ по изданію *Записокъ Отдѣленій Статистики и Этнографіи* (по равной части), и только первоначальный расходъ 750 руб. вполнѣ произвести изъ суммъ, назначаемыхъ по общей сметѣ на „вспоможеніе по учебнымъ предпріятіямъ и разнымъ ученые труды“, о чемъ и ходатайствовать предъ совѣтомъ Общества.

III. Письмо графа Ф. П. Литке на имя Н. В. Калачова.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ особеннымъ сочувствіемъ выслушавъ предложеніе вашего превосходительства относительно изданія свѣдѣній по статистикѣ, этнографіи и географіи Россіи, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, поручилъ мнѣ выразить вамъ, отъ имени Общества, искреннѣйшую и живѣйшую признательность за готовность, которую вы изволили заявить относительно принятія этого изданія подъ ваше непосредственное руководство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ сообщить вамъ, милостивый государь, для свѣдѣнія нѣкоторыя соображенія высказанныя въ средѣ совѣта, при обсужденіи означеннаго вопроса. Сущность этихъ соображеній заключается въ томъ чтобы при предполагаемомъ изданіи извлеченій изъ писцовыхъ книгъ, совокупно съ предварительною программой выработанною уже комиссіей, было обращено вниманіе:

1) на группировку предметовъ заключающихся въ писцовыхъ книгахъ въ географическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ, по мѣрѣ возможности, подраздѣленій на области и уѣзды. При надлежащемъ географическомъ распредѣленіи, каждая часть изданія будетъ представлять совершенно законченный отдѣлъ и можетъ имѣть значеніе и принести пользу

даже въ томъ случаѣ, еслибъ изданіе по какимъ-либо обстоятельству не могло быть доведено до окончанія; *

2) чтобы при выборкѣ изъ писцовыхъ книгъ разнаго рода свѣдѣній было соблюдаемо во всемъ изданіи полное однородное и послѣдовательное. Это правило относится въ особенности къ числовымъ даннымъ. Если извѣстнаго рода статистическія свѣдѣнія, касающіяся какой-либо мѣстности, войдутъ въ составъ извлеченія, то необходимо чтобы однородныя свѣдѣнія относящіяся до другой мѣстности ни въ какомъ случаѣ не были пропускаемы. **

3) Совѣтъ не могъ не принять также во вниманіе замѣненія сдѣланнаго археографическою комиссіей о томъ, что было бы весьма желательно присоединить къ предполагаемому изданію географическія карты съ нанесеніемъ на нихъ разными красками или разными шрифтами мѣстностей по мѣрѣ появленія ихъ въ писцовыхъ книгахъ. Такія карты представили бы самый надежный и богатый матеріалъ для изученія постепеннаго заселенія Россіи и движенія въ ней народонаселенія и для рѣшенія многихъ другихъ географическихъ и статистическихъ вопросовъ. ***

Имѣя честь препроводить вышеизложенное на ближайшее усмотрѣніе вашего превосходительства, считаю долгомъ присовокупить, что означенныя соображенія вмѣстѣ съ симъ сообщены дѣйствительному члену Е. И. Ламанскому для внесенія въ комиссію обсуждавшую вопросъ объ изданіи извлеченій изъ писцовыхъ книгъ.

* По этому предмету комиссія признала возможнымъ, не отступая отъ принятаго ею раздѣленія писцовыхъ книгъ на три главные группы по времени, при изданіи каждой группы располагать писцовыя книги въ географическомъ порядкѣ.

** По этому предмету комиссія пояснила, что и она признаетъ необходимымъ при извлеченіяхъ изъ писцовыхъ книгъ держаться извѣстныхъ правилъ и приемовъ, подробности коихъ и будутъ указаны въ предисловіи къ предпринимаемому изданію.

*** Комиссія, соглашаясь вполнѣ съ важностью какую должны имѣть въ наукѣ географическія карты указываемыя совѣтомъ, пришла однако къ заключенію, что составленіе ихъ требуетъ столь много долговременныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованій, что такой трудъ можетъ быть предпринятъ лишь по приведеніи къ концу предполагаемаго на первый разъ изданія извлеченій изъ писцовыхъ книгъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Исторія царствованія Александра I и Россіи въ его время.
Соч. автора *Исторіи отечественной войны 1812 года.* Тт.
I—IV. Спб. 1869. *

Сочиненіе г. Богдановича есть весьма полезное и почтенное явленіе въ нашей исторической литературѣ. Оно полезно ужъ по тому одному, что до сего времени у насъ не было полной исторіи одной изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ эпохъ пережитыхъ Россіей, а отдѣльныя монографіи только тогда приносятъ всю ожидаемую отъ нихъ пользу, когда читатель въ состояніи отвести предмету каждой изъ нихъ надлежащее мѣсто въ общемъ теченіи событій. Притомъ нашъ историкъ воспользовался для своего сочиненія огромнымъ количествомъ источниковъ; онъ справлялся со всеми лучшими иностранными сочиненіями касающимися исторіи первой четверти нынѣшняго вѣка, черпалъ свѣдѣнія официальные изъ различныхъ государственныхъ архивовъ, особенно военныхъ и министерства иностранныхъ дѣлъ, пользовался бумагами оставшимися послѣ нѣкоторыхъ современниковъ Александра, какъ-то, графа П. А. Строганова, А. А. Щербинина, Ермолова и мн. др.; онъ пользовался частію матеріаловъ которые въ продолженіе многихъ лѣтъ собиралъ баронъ М. А. Корфъ, а также изустными разказами немногихъ живыхъ еще участниковъ Наполеоновскихъ войнъ, изъ коихъ нѣкоторые не дожили до появленія въ печати книги г. Богдановича, но свѣдѣтельства которыхъ, благодаря ему, дойдутъ до потомства. Такое обиліе источниковъ, изъ коихъ многіе до сего времени были вовсе неизвѣстны, дѣлаютъ *Исторію царство-*

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1869 г. № 3.

занія Александра I сочиненіемъ замѣчательнымъ по богатству заключающихся въ немъ фактовъ. Такъ, напримеръ, до появленія отрывка изъ этого сочиненія въ *Вѣстникъ Европы* мы имѣли только темныя понятія объ участіи въ правительственныхъ дѣлахъ молодыхъ друзей Александра, участіи продолжавшемся, правда, не долго, но чрезвычайно характеризующемъ эту странную эпоху. Чтобы дать понятіе о высокомъ интересѣ сочиненія генерала Богдановича, мы приведемъ выдержку изъ едва ли многимъ извѣстныхъ объясненій полковника Чернышева (въ послѣдствіи князя) съ Наполеономъ въ 1811 году, когда съ необыкновенною дѣятельностію шли вооруженія во Франціи и въ земляхъ съ нею союзныхъ, то-есть во всей Германіи; когда Данцигъ наполняли всякаго рода военными снабженіями и усиливали въ немъ гарнизонъ, когда французская дипломатія дѣятельно возбуждала надежды Поляковъ, въ Стокгольмѣ твердила о возвращеніи Финляндіи и остзейскихъ провинцій, а въ Константинополѣ о возвращеніи Крыма, когда, наконецъ, императоръ Французовъ, нѣкогда столь внимательный къ германскимъ родственникамъ Александра, безъ церемоніи лишилъ владѣній герцога Ольденбургскаго, супруга великой княгини Екатерины Павловны.... Дѣло шло къ разрыву между Россіей и Франціей. Разумѣется, Наполеонъ продолжалъ увѣрять нашъ дворъ что онъ и не думаетъ о войнѣ; въ такомъ случаѣ пусть онъ дастъ удовлетвореніе герцогу Ольденбургскому, заставитъ герцогство Варшавское прекратить вооруженія, дастъ обязательство что не имѣетъ намѣренія возстановить Польшу, и заключить съ нами обо всемъ этомъ конвенцію, отвѣчалъ Александръ на миролюбивыя увѣренія французскаго посла. Миссія Чернышева состояла въ томъ чтобы передать Наполеону письмо, въ которомъ государь касался этихъ предметовъ. Вотъ какъ передаетъ г. Богдановичъ разговоръ Наполеона съ молодымъ русскимъ офицеромъ:

„Говоря съ Чернышевымъ о недоразумѣніяхъ между Россіей и Франціей, Наполеонъ сказалъ что „все они были не важны, и что онъ не заботился бы о томъ, еслибы мы не издали новаго тарифа взволновавшаго всю Европу“. Увѣряя будто бы вооруженія въ герцогствѣ Варшавскомъ были незначительны, онъ клялся всѣмъ что есть священнаго въ мірѣ, что онъ всего меньше заботится о возстановленіи Польши

(que le rétablissement de la Pologne était le cadet de ses soucis).

„Затѣмъ, перейдя снова къ дѣламъ торговли, сталъ упрекать наше правительство въ томъ что у насъ жгли запрещенные французскіе товары. Когда же Чернышевъ отвѣчалъ что это было введено у насъ еще при императрицѣ Екатерины, Наполеонъ съ жаромъ возражалъ: „позвольте мнѣ сказать вамъ, что въ то время Россія предписывала законы всей Европѣ (dictait la loi à toute l'Europe) и къ тому же не считалась въ числѣ просвѣщенныхъ государствъ; въ настоящее же время, сдѣлавшись европейскою націей, она не можетъ уклоняться отъ соблюденія вообще установленныхъ правилъ. Я жгу англійскіе товары потому что веду съ Англіей непримиримую войну.... Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ оскорбленіе, я приказалъ жечь въ своихъ гаваняхъ лѣсъ, поташъ, пеньку, желѣзо, вообще все, что приходитъ изъ Россіи: вотъ каковъ союзъ нашъ съ вами.“ За тѣмъ, прочитавъ письмо императора Александра, Наполеонъ сталъ увѣрять что напрасно у насъ подозрѣваютъ его во враждебныхъ замыслахъ и упрекалъ наше правительство въ передвиженіи нѣсколькихъ дивизій съ Дуная къ Днѣстру, что, по словамъ его, отнявъ у Россіи возможность окончить войну съ Турками, было невыгодно для самого императора Александра. „Сожалѣю о томъ, сказалъ онъ,—не какъ императоръ Французовъ, а какъ человѣкъ искренно ему преданный и не встрѣчавшій никого кто бы соединялъ въ себѣ доброту характера съ такимъ плѣнительнымъ обращеніемъ.... Съ одной стороны, продолжалъ онъ, вы враждуете съ Англичанами и Турками, слѣдующей системѣ Франціи; съ другой, не рѣшаясь помириться съ Турками, вы угрожаете имъ по-прежнему и чрезъ то возбуждаете противъ себя Австрію, а выводя изъ Турціи войска, тревожите Францію. Вы поставили себя въ непріязненное положеніе со всѣми....

„Даю честное слово, что если только вы не начнете со мной войны, я не начну ея въ продолженіе четырехъ лѣтъ (?). Выжиданіе для меня чистый выигрышъ; я уже разчиталъ все: война съ вами остановитъ развитіе моихъ морскихъ силъ, но шести сотъ милліоновъ моей казны станетъ на все; употребивъ въ семь году 100 милл. на чрезвычайные расходы, буду имѣть 300 тысячъ человѣкъ, не считая войскъ Рейнскаго Союза; на будущій годъ, издержавъ 50 милл. болѣе, буду имѣть 600 тысячъ человѣкъ, а чрезъ четыре года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда—можетъ ли Россія дѣйствовать противъ меня такими же силами? Если вы не вѣрите мнѣ, я готовъ показать вамъ казну мою, а въ октябрѣ можете видѣть сколько у меня будетъ войскъ, какъ только они придутъ изъ Италіи, Голландіи и пр.“ Наконецъ, истощивъ все что только можно было привести для устрашенія Россіи могуществомъ Франціи, Наполеонъ прибавилъ, что несмотря на все имъ сказанное, онъ искренно желаетъ мира,

потому что не надѣется ничего выиграть войною съ нами, даже въ случаѣ успѣха. На замѣчаніе Наполеона что пріѣздь Чернышева (прежній) и врученное имъ письмо государя несколько не подвинули дѣла впередъ, Чернышевъ отвѣчалъ, что не зная намеренія императора Александра, онъ не можетъ о томъ ничего сказать, но что въ отношеніи къ конвенціи, въ которую императоръ Наполеонъ изъявилъ желаніе включить дѣла по Ольденбургу и Польшѣ, а равно новый торговый трактатъ между Россіей и Франціей, онъ слышалъ отзывъ графа Румянцова, по словамъ котораго: „слѣдовало только „положить ольденбургскій и польскій вопросы въ одинъ мѣшокъ и, смѣшавъ ихъ вместе, вытрясти, чтобы утвердить самый искренній и прочный союзъ между Россіей и Франціей наперекоръ Англичанамъ и даже Нѣмцамъ“. Но едва лишь Чернышевъ успѣлъ произнести эти слова, какъ Наполеонъ гнѣвно отвѣчалъ ему: „Нѣтъ! Мы еще не дошли до такой „крайности: отдать герцогство Варшавское за Ольденбургъ — „верхъ безумія! Что подумали бы Поляки, еслибы мы уступили хоть пядь ихъ земли, тогда когда Россія обращается „къ намъ съ угрозами.... Мы еще не всѣ вымерли; знаю, что „вы располагаете великими средствами, что ваши войска храбры, и я довольно давалъ сраженій чтобы убѣдиться отъ какой малости зависитъ успѣхъ ихъ, но если онъ будетъ на „моей сторонѣ, то заставлю Россію раскаяться въ ея поступкахъ, и она потеряетъ не только свои польскія области, но „и Крымъ“. Послѣ того, Наполеонъ, спросивъ у Чернышева желаютъ ли у насъ войны, сказалъ: „Теперь хотите ли чтобы „я съ вами откровенно объяснился о всемъ этомъ: мнѣ говорить, императоръ Александръ желаетъ мира; императоръ „Наполеонъ также желаетъ его; графъ Румянцовъ и Шампаньи (французскій министръ иностранныхъ дѣлъ) разделяютъ наше желаніе, тѣмъ не менѣе я опасаюсь что будемъ воевать.“

Этотъ разговоръ или, правильнѣе, этотъ монологъ императора Французовъ очень любопытенъ, но онъ былъ бы еще любопытнѣе, еслибы авторъ поставилъ читателя въ возможность рѣшить въ какой степени справедливы тѣ цифры которыми Наполеонъ сыпнулъ въ глаза Чернышеву: точно ли во французской казнѣ было свободныхъ 600.000.000 фр., и точно ли Франція могла довести свою армію почти до миллионнаго состава? Вообще было бы весьма желательно чтобы уважаемый авторъ не далъ умиечь себя распространявшемуся у насъ обычаю цитировать, не объясняя въ какой мѣрѣ можно вѣрить цитатѣ. Къ сожалѣнію, такой пріемъ въ исторической работѣ слишкомъ соблазнителенъ, потому что чрезвычайно легко и притомъ сообщаетъ автору видъ безпри-

страстія: говорю — *видъ* безпристрастія, потому что точка зрѣнія на которую онъ ставитъ читателей зависитъ отъ того источника изъ коего черпаетъ онъ, авторъ: обращаться же къ тому или другому источнику, зависитъ отъ него. Г. Богдановичъ привелъ не свое мнѣніе о силахъ Франціи, и слѣдовательно никто не въ правѣ сказать что онъ умышленно умалилъ или увеличилъ ихъ; но у него въ правѣ спросить: ручается ли онъ за то что имъ приведено?... Въ другомъ мѣстѣ нашъ авторъ говоритъ: „Правительство поступало весьма кротко съ иновѣрцами и раскольниками, и только лишь духоборцы, явно уличенные въ поданіи соблазна и безпорядкахъ нарушающихъ общее спокойствіе, были отдаваемы въ солдаты, либо отсылались на работы въ заводы.“ Такъ говорятъ источники къ которымъ обратился г. Богдановичъ, а именно *Полное Собрание Законовъ*, но мы думаемъ что существуютъ другіе источники, которые представляютъ съ одной стороны, духоборцевъ, а съ другой—дѣйствія администраціи совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Вообще намъ кажется, что эпоха Александра I отодвинулась отъ насъ на такое разстояніе, которое даетъ возможность историку не ограничиваться свидѣтельствами почерпнутыми въ книгахъ и манускриптахъ, а сопоставляя ихъ между собою, дѣлать выводы, произносить сужденія и откровенно ихъ высказывать. Даже не изучавшему эпохи человѣку трудно, видя нѣсколько несходныхъ между собою свидѣтельствъ, не сдѣлать изъ нихъ выводовъ и заключеній: какъ же воздержаться отъ нихъ историку, который, подобно г. Богдановичу, давно и серьезно занимается описываемыми имъ дѣлами? Да и зачѣмъ? Какая въ томъ надобность?

Да будетъ намъ позволено указать еще на одинъ недостатокъ въ сочиненіи г. Богдановича, недостатокъ, который мы, впрочемъ, ожидали встрѣтить. Онъ состоитъ въ чрезмѣрномъ преобладаніи въ его сочиненіи военного элемента. Такой недостатокъ весьма естественъ въ человѣкѣ который написалъ классическое сочиненіе о войнѣ 1812 года и всю жизнь свою посвятилъ изученію военныхъ дѣйстви; но приступая къ исторіи эпохи, къ изображенію царствованія, а не войны, ему слѣдовало бы отрѣшиться отъ своей спеціальности. Мы не скажемъ, конечно, подобно инымъ мыслителямъ, что война 1812 года разрѣшилась помимо военныхъ

соображеній Наполеона и Кутузова и помимо участія предводимыхъ ими армій; но мы не припишемъ и имъ однимъ всего дѣла. Не старостиха Василиса и не крестьянинъ Герасимъ Куринъ освободили Россію отъ непріятельскаго нашествія; но когда въ одномъ порывѣ соединяется громадная нація, когда, по словамъ самого автора, эта нація встаетъ какъ одинъ человѣкъ, то ея подъему слѣдуетъ отвѣсти широкое мѣсто при исчисленіи событій того времени; между тѣмъ въ сочиненіи генерала Богдановича рубрика *Народная война* занимаетъ менѣе мѣста чѣмъ описаніе сраженія при Валутцкой горѣ. Притомъ нашъ авторъ если и касается народнаго движенія, то единственно въ той относительно узкой полосѣ Россіи по которой слѣдовали арміи: а что дѣлалось въ то время въ Казани, Тамбовѣ, Воронежѣ? Правда ли, какъ недавно писало одно блестящее перо, что тамъ только пили, ѣли, играли въ карты, женились и умирали, не принимая участія въ судьбѣ отечества? Всѣмъ извѣстныя *Воспоминанія* Вигеля, а также новыя свѣдѣнія о Троцинскомъ, переписка князя Вяземскаго, недавно напечатанныя, говорятъ противное: кто же правъ, и изъ однихъ ли желудковъ состояли въ 1812 году жители Харькова, Воронежа, Казани? Генераль Богдановичъ приводитъ цифры различныхъ пожертвованій принесенныхъ жителями отдаленныхъ губерній; но эти пожертвованія были постановляемы на дворянскихъ и купеческихъ собраніяхъ, на этихъ собраніяхъ произносились какія-нибудь рѣчи, дѣлаемы были къ-мъ-нибудь предложенія: отчего же авторъ ничего не говоритъ о нихъ? Многіе ли юноши того времени, подобно Лажечникову, тайкомъ убѣжали въ армію изъ родительскаго дома, когда ихъ не пускали?

Намъ кажется, что и въ изображеніи собственно военныхъ событій генераль Богдановичъ недостаточно отрѣшается отъ приемовъ спеціальнаго военнаго писателя. Намъ, *итатскимъ* его читателямъ (а такихъ, разумѣется, огромное большинство), совершенно все равно, Клястицкій или Гродненскій гусарскій полкъ атаковалъ такую-то позицію такого-то числа; насъ интересуютъ военныя дѣйствія только въ главныхъ чертахъ; намъ любопытны стратегическія соображенія главнокомандующихъ, а не тактическія подробности, за которыми притомъ невозможно и слѣдить безъ самыхъ подробныхъ картъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Зимой 1806—1807 годовъ,

Наполеонъ расположилъ свою армію на кантониръ-квартиры отъ сѣверной границы нынѣшней Плодской губерніи до Данцига. Беннингсенъ, командовавшій русскою арміею, замѣтивъ растянутасть расположенія Французовъ, вознамѣрился ударить на ихъ лѣвую оконечность, въ надеждѣ нанести ей ударъ прежде чѣмъ вся армія соберется. Прекрасная мысль, всякому попятная, и способная возбудить вниманіе всякаго русскаго читателя, потому что отъ успѣха или неуспѣха ея зависѣло многое. Читатель вливается въ изложеніе маневра задуманнаго Беннингсеномъ,—но развертывается предъ нимъ цѣлый дневникъ передвиженій каждой изъ отдѣльныхъ частей арміи Беннингсена: такой-то корпусъ выступилъ изъ такого-то мѣстечка и ночевалъ въ такой-то деревушкѣ, а такая колонна, сдѣлавъ привалъ послѣ похода въ столько-то верстъ—ночевала въ такомъ-то мѣстечкѣ.... Зачѣмъ это намъ? Развѣ мы можемъ, развѣ мы хотимъ запомнить всѣ эти подробности? И читатель, и книга значительно выиграли бы, еслибъ авторъ въ нѣсколькихъ широкихъ чертахъ изобразилъ намъ, что нашъ главнокомандующій, создавшій въ кабинетѣ такой смѣлый планъ, тотчасъ же лишился всей своей смѣлости какъ только вышелъ изъ кабинета и сѣлъ на коня; что онъ не умѣлъ собрать точныхъ свѣдѣній о расположеніи французскихъ корпусовъ; что въ продолженіе трехъ дней русскія колонны бродили на-авось, на каждомъ шагу опасаясь столкнуться съ непріателемъ, что всѣ подчиненные генерала Беннингсена очень хорошо видѣли его нераспорядительность, что повтому дѣло валилось у нихъ изъ рукъ, и что наконецъ русскіе и французскіе полки въ продолженіе нѣсколькихъ дней сталкивались между собою какъ слѣпыя въ какомъ-нибудь комическомъ балетѣ. Изображенію этой безурядицы посвящено не менѣе пятидесяти страницъ, наполненныхъ собственными именами, и чтеніе которыхъ утомительно, между тѣмъ какъ двухъ-трехъ страницъ было бы достаточно чтобы дать читателю понятіе о ней, и не вдаваясь въ частности сраженія при Прейсшъ-Эйлау, дать подробное описаніе бояни Русскихъ подъ Фридландомъ. Мы увѣрены, что при такомъ способѣ изложенія картина войны 1806—1807 годовъ вышла бы поразительною, и читатель не могъ бы не увидѣть ничтожества тѣхъ теорій, которыя отрицаютъ значеніе главнокомандующаго въ

ходѣ военныхъ дѣйствій. Читатель увидѣлъ бы что значить армія, даже прекрасная, одушевленная мужествомъ, неутомимая и обстрѣленная, когда нѣтъ единой мысли проникающей весь ея составъ, нѣтъ воли направляющей къ одной цѣли всѣ отдѣльные органы этого многосложнаго цѣлаго. Въ подкрѣпленіе нашей мысли да будетъ намъ позволено разказать въ главныхъ чертахъ печальную кампанію 1806—7 года. Армія наша въ предшедшій году потерпѣла пораженіе подъ Аустерлицемъ; но это вовсе не деморализовало ея; всѣ знали что тому были причины не въ свойствахъ арміи заключающіяся. Если что-либо могло смущать нашихъ генераловъ (но не офицеровъ и солдатъ), то единственно Наполеонъ, одинъ Наполеонъ лично; вездѣ гдѣ онъ не находился самъ, во всѣхъ встрѣчахъ съ его генералами, мы или били ихъ, или боролись съ равнымъ успѣхомъ. Все дѣло состояло сдѣловательно въ томъ чтобы поставить во главѣ русской арміи человѣка который бы *не боялся Наполеона*, который не чувствовалъ бы смущенія имѣя предъ собою побѣдителя при Аустерлицѣ, Іенѣ и Ауерштетѣ, который не изнывалъ бы отъ постоянной заботы: что-де предприметь Наполеонъ? а самъ заставлялъ бы его позадуматься надъ своими замыслами и предположеніями. Кто же могъ быть у насъ такимъ человѣкомъ? Послѣ кампаніи 1805 года Кутузовъ находился въ немилости. Милорадовичъ, Багратионъ были еще молоды. Руководимый общественнымъ мнѣніемъ, государь, прежде нежели обратиться къ Беннингсену, послалъ командовать арміей, пораженною подъ Аустерлицемъ, графа Каменскаго, одного изъ сослуживцевъ Суворова. Но этотъ генералъ, почти семидесятилѣтній, прибывъ въ главную квартиру, написалъ къ государю: „Старъ я для арміи; ничего не вижу; вздѣть верхомъ почти не могу, но не отъ лѣви, какъ другіе; мѣсть на ландкартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на разсмотрѣніе мааѣншю часть переписки, въ шести бумагахъ состоящую, которую долженъ былъ имѣть однимъ днемъ, чего долго выдерживать не могу, для чего дерзаю испрашивать себѣ перемѣну. Подписываю не знаю что.“

Написавъ такое оригинальное донесеніе, графъ Каменскій сдѣлалъ дѣло еще болѣе оригинальное: уѣхалъ изъ арміи, бросивъ ее на произволъ судьбы. Затѣмъ первыми лицами остались графъ Буксгевденъ и генералъ Беннингсенъ—одинъ

известный лично храбростію и неуживчивостію характера, другой—хорошими военными познаніями и расположеніемъ къ интригѣ. Государь назначилъ главнокомандующимъ Бенningсена.

Принявъ начальство надъ арміею, Беннингсенъ рѣшился: „сдѣлать, по возможности скрытно отъ непріятеля, за рядомъ озеръ, фланговое движеніе въ Старую Пруссію, атаковать Французовъ, на маршѣ ихъ къ Кенигсбергу, и овладѣвъ теченіемъ нижней Вислы, открыть сообщеніе съ Данцигомъ и освободить отъ обложенія Грауденцъ.“ Это и было то предположеніе о которомъ мы говорили выше. Затѣмъ, Беннингсенъ предполагалъ: „расположить армію на зимнихъ квартирахъ въ Восточной Пруссіи, выждать подкрѣпленій изъ Россіи, и по прибытіи ихъ, усилить Данцигскій гарнизонъ всѣмъ корпусомъ Лестока; это дало бы сему генералу возможность производить диверсію на лѣвомъ берегу Вислы.“

Такой планъ дѣйствій былъ совершенно сообразенъ съ обстоятельствами. Наполеонъ, растянувъ свою армію на значительное пространство, подвергалъ ее пораженію по частямъ; лѣсистая мѣстность опосредствовала незамѣтному передвиженію русскихъ войскъ. Еслибы Беннингсену удалось разбить отдѣльно лѣвое крыло французской арміи, разобщенное съ прочими войсками, то онъ могъ бы, по всей вѣроятности, заставить Наполеона отойти за Вислу. Но для успѣха такихъ дѣйствій надо было исполнить ихъ со всевозможною быстротой, нанести ударъ за ударомъ, не давая времени непріятелю опомниться. Къ сожалѣнію, Беннингсенъ, отличавшійся искусными соображеніями, не былъ одаренъ ни дѣятельностію, ни рѣшимостію, необходимыми при исполненіи составленныхъ имъ плановъ. Отважно задуманное, но исполненное съ нерѣшимостію, движеніе русской арміи не достигло цѣли. Напротивъ того, Наполеонъ успѣлъ, пока Беннингсенъ бродилъ какъ бы въ потемкахъ, собрать всю свою армію на лѣвомъ крылѣ ея расположенія, и самъ атаковалъ Беннингсена. Произошелъ кровопролитный бой подъ Прейшшъ-Эйлау, гдѣ 60.000 Русскихъ дрались противъ 80.000 Французовъ, потеряли около половины арміи и принуждены были отступить.

Послѣ этого кровопролитнаго сраженія, говоритъ г. Богдановичъ, пѣхотные полки большею частию находились въ одно-

баталіонномъ составѣ; въ егерскихъ полкахъ было всего по 300 и по 400 человекъ. Генералъ Бенningсенъ начиналъ уже чувствовать припадки болѣзни, въ послѣдствіи совершенно разстроившей его здоровье. Въ войскахъ произошелъ упадокъ дисциплины, — неизбежное послѣдствіе неудачи и ошибокъ; въ главной квартирѣ арміи судили дѣйствія вождя и легкомысленно разглашали все то чему слѣдовало оставаться въ глубокой тайнѣ. Присланный къ Бенningсену на помощь генералъ Кноррингъ подавалъ примѣръ неприличнаго обращенія съ главнокомандующимъ. Говорятъ, будто бы разногласіе между ними дошло до того, что однажды оба взялись за эфесы своихъ шпагъ. Свидѣтель ссоры вождей, генералъ-квартирмейстеръ Штейнгель, едва успѣлъ помирить ихъ. Командовавшій отдѣльнымъ корпусомъ на лѣвомъ крылѣ арміи, генералъ Эссель, позволилъ себѣ распоряжаться и дѣлать представленія государю помимо главнокомандующаго.

Очевидно, такое положеніе дѣлъ въ нашей главной квартирѣ, такое отсутствіе нравственной связи между различными частями арміи, такое всеобщее неуваженіе къ ея главному начальнику, не могли привести ни къ чему иному кромѣ новыхъ неудачъ. Когда армія находится въ такомъ положеніи, то противъ нея обращается, кажется, и сама судьба; недоразумѣнія сажаютъ за недоразумѣніями, являются непредвидимыя затрудненія, приказанія невѣрно передаются: одинъ обмолвился, другой обслышался, — въ итогѣ хаосъ, а въ концѣ концовъ пораженіе. Такъ должно было случиться и съ русскою арміею. Бенningсенъ заботился уже не о томъ чтобы разбить Наполеона, въ чемъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ не сомнѣвался, а о томъ чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Нѣмана. Русская и французская армія шли на переконки къ русской границѣ, — одна по правому, другая по лѣвому берегу рѣки Аале. У Фриданда передовой русскій отрядъ столкнулся съ занявшимъ этотъ городъ легкимъ отрядомъ Французовъ и вытѣснилъ его оттуда. Здѣсь должно было произойти одно изъ самыхъ убійственныхъ и несчастныхъ для насъ сраженій. Зачѣмъ его принялъ Бенningсенъ, имѣя почти вдвое меньше войска чѣмъ Наполеонъ, — мы не понимаемъ. Г. Богдановичъ говоритъ, что русскій главнокомандующій былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными извѣстіями.... Когда во главѣ арміи стоитъ человекъ не господствующій надъ нею нравственно — все не удается! Какъ бы

то ни было, но въ ночь на 2-ое іюня часть русскихъ войскъ была переведена на лѣвый берегъ Алле по двумъ мостамъ, построеннымъ у Фридланда, въ одномъ переходѣ отъ коего находилась главная квартира французскаго императора. Послушаемъ, какъ нашъ историкъ разсказываетъ страшное Фридландское побоище:

„Мѣстность на лѣвой сторонѣ Алле, въ разстояніи около пяти верстъ отъ Фридланда, — говоритъ онъ, — отлого склоняется къ рѣкѣ и городу, образуя кое-гдѣ незначительныя высоты. Ручей, текущій мимо селенія Постенень, изливается черезъ прудъ въ рѣку Алле, ниже города, раздѣляя отлогость на двѣ части, изъ коихъ южная ограничена Сортлакскимъ лѣсомъ, а къ сѣверной съ запада прилегаютъ Боткеймскій лѣсъ; оба эти лѣса, скрывая движенія Французовъ, имѣли большую важность въ тактическомъ отношеніи.

„Чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ усиленнымъ переходомъ къ Фридланду не позволило Бенningсену занять надлежащимъ образомъ доступы къ городу. Напротивъ того, Удино прибылъ съ головною дивизіей корпуса Данна еще до разсвѣта въ окрестности Фридланда, немедленно занялъ густыми дѣлами стрѣлковъ лѣса и деревни Постенень, расположилъ за ними сильныя резервы и выставилъ батареи по обѣ стороны Домнауской дороги. Французы ловко воспользовались мѣстными предметами, малѣйшею рожей, всякимъ холмомъ, высокою рожью, для укрытія войскъ. Съ нашей стороны, на разсвѣтъ 2-го (14-го) іюня, было послано нѣсколько батальоновъ въ Сортлакскій лѣсъ, и вскорѣ по всей линіи разгорѣлась канонада и живая перестрѣлка. Въ три часа утра подоспѣлъ Груши со своими драгунами: со стороны Французовъ тогда было только 9.000 человекъ пѣхоты и 3.600 кавалеріи. Бенningсенъ, по всей вѣроятности, считая непріятеля сильнѣйшимъ нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, перевелъ на лѣвую сторону Алле всю армію, кромѣ 14-й дивизіи, и построилъ войска въ боевой порядокъ, впереди города, по обѣ стороны ручья, поручивъ начальство надъ правымъ крыломъ князю Горчакову, а надъ лѣвымъ князю Багратиону. Для сообщенія между частями арміи, разобщенными ручьемъ, были построены четыре моста. Въ резервѣ, у выхода изъ города, была поставлена вся гвардейская пѣхота, кромѣ Преображенскаго полка. Позиція нашей арміи, разрѣзанная пополамъ ручьемъ текущимъ въ глубокомъ оврагѣ, имѣла съ тыла рѣку, съ немногими мостами, для достиженія коихъ надеждою проходить черезъ городъ.

„Одновременно съ канонадой и перестрѣлкой раздававшаяся по всему фронту, завязалось на нашемъ лѣвомъ крылѣ, у деревни Сортаака, кавалерійское дѣло. Между тѣмъ Груши, замѣтивъ что наше правое крыло, подавшись впередъ къ селенію Генрихсдорфу, грозило французскимъ войскамъ

обходоми съ фланга (лѣваго) перевелъ своихъ драгунъ на Кенгсбергскую дорогу и приказалъ прибывшимъ въ семь часовъ на поле сраженія кирасирамъ Нансути построиться къ бою вѣтвомъ отъ Постененъ. Здѣсь произошло нѣсколько атакъ съ перемѣннымъ успѣхомъ.

„Въ девятомъ часу, русская армія, подавшись впередъ около версты, заняла новую позицію, правымъ крыломъ противъ Генрихсдорфа, а лѣвымъ въ Сорглакскомъ лѣсу. Неприятель, безпрестанно получая подкрѣпленія, усилился до 23.000 пѣхоты и 10.000 кавалеріи. Дивизія Удино (корпуса Ланна) по-прежнему стояла по обѣ стороны Донауской дороги; одна изъ дивизій Мортъе (Дюна) заняла Генрихсдорфъ и мѣстность вправо отъ этого селенія; другая (Домбровскаго) стала за батареями, у Постененъ; кавалерія расположилась по флангамъ въ резервъ. Съ нашей стороны находилось на позиціи до 46.000, но мы не воспользовались превосходствомъ въ силахъ, частью потому что лѣса и селенія, занятые неприятелемъ, способствовали его оборонительнымъ дѣйствіямъ, частью отъ нерѣшимости генерала Бенningсена, который, по собственному сознанию, „не былъ намѣренъ принять сраженіе „и предполагалъ дать только дневку войскамъ, находившимся „съ 21-го мая почти въ безпрестанномъ движеніи“. Бездѣйствіе нашего полководца тѣмъ болѣе непонятно, что войска его сражались очень храбро, опрокидывали неприятелей нѣсколько разъ, и даже въ жаркой схваткѣ съ дивизіей Дюна отбили орла 15-го линейнаго полка. Упорное сопротивленіе русскихъ войскъ увеличило число ихъ въ мазахъ неприятеля. Удино доносилъ Наполеону что силы нашей арміи простирались до 80.000 человекъ.

„Въ десятомъ часу, прибытіе остальной части корпуса Ланна и драгунскихъ дивизій Лагуссеа (Lahoussaye) и Латуръ-Мобура уравнило силы обѣихъ сторонъ, а въ полдень прибылъ на поле сраженія Наполеонъ. „Кажется, неприятель хочетъ дать сраженіе, сказалъ онъ окружавшей его свитѣ, сегодня счастливый день: годовщина Маренго.“ Ошибочныя распоряженія Бенningсена, стоявшаго впереди рѣки въ бездѣйствіи противъ французской арміи, привели въ недоумѣніе его противника. Наполеонъ, обратясь къ своей свитѣ, сказалъ: „Видно, гдѣ-либо скрыты другія русскія войска“...

„Въ четвертомъ часу пополудни на поле сраженія прибыли корпуса Нея, Виктора и гвардейскій. Присоединивъ болѣшую часть этихъ войскъ къ своему правому флангу, Наполеонъ, послѣ 12-часоваго боя, повелъ окончательную атаку.

„Князь Багратионъ, замѣтивъ скопленіе неприятельскихъ силъ противъ лѣваго крыла нашей позиціи, просилъ подкрѣпленія у Бенningсена, остававшагося въ городѣ. Повидимому, главнокомандующій убѣдился въ угрожающей намъ опасности. Въ половинѣ пятаго часа пополудни было дано приказаніе всемъ войскамъ переправиться на правый берегъ Аале.

Князь Горчаковъ отвѣчалъ Беннингсену что легче удержать непріятеля до ночи чѣмъ отступать въ виду его; напротивъ того, Багратионъ приказалъ заднимъ войскамъ отступать. Но едва лишь они тронулись съ мѣста, въ пять часовъ пополудни, какъ раздалась три залпа двадцати французскихъ орудій. То былъ сигналъ Нею атаковать наше лѣвое крыло.

Въ продолженіе трехъ часовъ нѣсколько десятковъ тысячъ людей, возбужденныхъ до остервенѣнія, рѣзались на тѣсномъ пространствѣ, можно сказать, толкаясь головами. Въ одномъ изъ баталіоновъ Измайловскаго полка выбыло изъ строя въ продолженіе четверти часа 400 человекъ изъ 520.

„Начальники войскъ, стѣсненныхъ на небольшомъ пространствѣ, — Багратионъ, Раевскій, Багговутъ, — покушались привести въ порядокъ свои разстроенныя полки, подавая имъ примѣръ личной неустрашимости. Багговутъ и Марковъ были ранены, князь Багратионъ обнажилъ шпагу, что онъ дѣлалъ очень рѣдко; московскіе гренадеры тѣснились вокругъ обожаемаго вождя, заслоняя его своею грудью; но не о собственномъ спасеніи помышлялъ герой Требиш и Нови; напоминая гренадерамъ Италио и Суворова, онъ возбуждалъ старшихъ товарищей къ подвигамъ самоотверженія. Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, будучи оттѣсненъ къ самому городу, онъ построилъ въ арріергардъ полки Семеновскій и гренадерскіе — С.-Петербургскій и Павловскій.... Подъ прикрытіемъ Семеновцевъ и гренадеръ, Багратионъ вошелъ во Фридландъ, зажегъ предместье и сталъ переводить войска *по мостамъ, которые уже были зажжены по ошибочному приказанію* переданному какимъ-то адъютантомъ инженерному офицеру, стоявшему у переправы.

„Въ продолженіе времени этого боя, князь Горчаковъ не только не исполнилъ даннаго ему приказанія отступать, но двинулся впередъ, отрядивъ нѣсколько казачьихъ полковъ въ обходъ лѣваго фланга непріятельской арміи. Но когда артиллерія Виктора, занявъ то мѣсто на которомъ прежде стоялъ Багратионъ, открыла огонь во флангъ нашему правому крылу и вслѣдъ затѣмъ загорѣлся городъ, Горчаковъ, убѣдясь въ грозившей ему опасности, приказалъ кавалеріи Уварова удерживать непріятеля, а пѣхоту отвелъ къ Фридланду. Полки русскіе ворвались въ объятый пламенемъ городъ, выбили штыками Французовъ въ поле и, движимые мщеніемъ, кидались ихъ преслѣдовать. Пользуясь мгновеннымъ успѣхомъ, войска наши спѣшили къ мѣсту переправы, но мосты тогда уже сгорѣли до тла. Исчезла надежда на спасеніе, и вмѣстѣ съ нею рушился порядокъ. Одни изъ солдатъ кидались впасть, другіе уходили въ бродъ....“

Остановимся. Послѣ Фридландскаго побоища война должна была кончиться, *потому что Россія не имѣла арміи*, по крайней мѣрѣ ея не было подъ рукою. Эта армія растаяла въ бесполезныхъ передвиженіяхъ, въ стычкахъ не имѣвшихъ цѣли, въ сраженіяхъ подъ Пултускомъ и Эйлау, едва ли вызванныхъ необходимостью, и наконецъ въ ужасномъ Фридландскомъ побоищѣ, начатомъ по недоразумѣнію, веденномъ безъ общаго направленія, можно сказать, безъ главнокомандующаго, одними частными начальниками, которыми руководило лишь чувство самосохраненія. Русская армія, съ рѣкою и городомъ позади себя, была въ положеніи дикаго звѣря приведеннаго и привязаннаго для травли; ей оставалось одно: продать свою гибель какъ можно дороже, и она это сдѣлала.... Вотъ что значитъ нерѣшительный, неувѣренный въ себя, не имѣвшій къ себѣ довѣрія главнокомандующій! Въ 1806—7 году подъ начальствомъ Бенningсена была та же армія которая за 6—7 лѣтъ предъ тѣмъ завоевала Италію: почему же тогда предъ нею бѣжали лучшіе французскіе генералы? Почему тогда колонны не ошибались дорогами, адъютанты не перевирали приказаній, а генералы не ослушивались распоряженій главнокомандующаго и не интриговали въ главной квартирѣ?... Не потому ли что якимъ главнокомандующимъ былъ Суворовъ?

Не нужно быть великимъ специалистомъ по военнымъ наукамъ чтобы видѣть всю несостоятельность мысли, будто сраженія выигрываются и войны оканчиваются безъ участія и независимо воли главныхъ вождей. Лучшая въ мірѣ армія безъ достойнаго предводителя можетъ только храбро умирать, тогда какъ, напротивъ, посредственныя войска съ геніальнымъ вождемъ во главѣ совершаютъ великіе подвиги: это доказала италіанская армія Французской республики, постоянно битая при Шерерѣ и совершавшая чудеса какъ скоро начальникомъ ея сдѣланъ былъ генералъ Бонапартъ. Но главнокомандующіе подобные ему рѣдки, рѣдки до крайности. Они рѣже чѣмъ великіе законодатели и правители. Вредный законъ можно отмѣнить, неудачное распоряженіе административнаго свойства можно исправить; но чашу которую приготовилъ Бенningсенъ для русской арміи, заставить ее сражаться при невыгодныхъ условіяхъ, эту чашу надо было выпить до дна, до послѣдней капли. Главнокомандующему притомъ некогда бываетъ

обдумывать свои приказанія: онъ долженъ мгновенно рѣшать— отступать или нападать, вправо или влѣво направить ударъ. Бой кипитъ; мгновеніе можетъ рѣшить его судьбу; онъ долженъ взвѣсить всѣ обстоятельства, обсудить всѣ послѣдствія своего рѣшенія пока стоящій предъ нимъ адъютантъ держитъ руку у козырька, пока эта несущаяся вдали кавалерія не разстроила стоящія тамъ карреи или не разсыпалась сама по полю, — и то что будетъ имъ сказано, то рѣшитъ судьбу ораженія, войны и, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, судьбу отечества. Какую вѣрность сужденія, какую быстроту рѣшенія и какую увѣренность въ себѣ долженъ имѣть полководецъ!... Не говорю о другихъ качествахъ; но между прочимъ онъ долженъ умѣть привязать къ себѣ людей, и отсутствіе этого качества, можетъ-быть, болѣе всего вредило Барклаю.

Но довольно объ этомъ. Мы хотѣли бы еще очень многое извлечь изъ книги г. Богдановича и сдѣлать изъ нея много выписокъ, въ полной увѣренности не наскучить читателю, который, впрочемъ, и по двумъ приведеннымъ нами выдержкамъ могъ заключить, что нашъ авторъ описываетъ сраженія такъ что ихъ какъ будто видишь. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ остальныхъ частей *Истории Александра I*, и надѣемся, что уважаемый авторъ, не отвлекаясь изображеніемъ военныхъ дѣйствій, посвятитъ все свое вниманіе описанію той любопытной борьбы, которая происходила въ умахъ и понятіяхъ поколѣнія переживавшаго Наполеоновскія войны.

П. Ц.

НИГИЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРИИ

Авторъ *Войны и Мира*, приступая къ своему роману, имѣлъ въ виду, какъ кажется, написать яркую картину людей и событій начала нынѣшняго вѣка, что онъ и исполнилъ съ успѣхомъ имѣющимъ мало подобныхъ въ нашей литературѣ; послѣдній романъ графа Толстаго есть, безъ сомнѣнiя, одинъ изъ самыхъ яркихъ алмазовъ въ своемъ родѣ, и первые три его тома встрѣчены были почти всеобщимъ и почти безусловнымъ одобренiемъ. Но въ промежуткѣ между выходомъ этихъ трехъ первыхъ томовъ и четвертаго, графа Толстаго посѣтила мысль исправить взглядъ своихъ современниковъ не только на описываемое имъ время, но и на исторiю вообще. Для этого онъ перевиль свой разказъ дидактическою нитью и сообщилъ IV и V-му томамъ своего романа особое освѣщенiе, тенденциозность особаго рода. Не довольствуясь этимъ, написалъ свою profession de foi въ *Русскомъ Архивѣ*. Возрѣнiя его вызвали многочисленныя протесты: протестовали люди Двѣнадцатаго года, оскорбленные тѣмъ что авторъ какъ будто унижаетъ славу отечественной войны, протестовали военные, находящiе что авторъ слишкомъ мало знакомъ съ военными науками чтобы критиковать Наполеона и Кутузова, — словомъ, протестовъ посыпалось множество. Въ отдѣльности, каждый изъ этихъ протестовъ не имѣетъ большаго значенiя въ нашихъ глазахъ: что за бѣда, въ самомъ дѣлѣ, что романистъ не знаелъ стратегiю! Что же касается до того будто онъ отрицаетъ славу Двѣнадцатаго года и унижаетъ заслуги русскаго

войска, то съ этимъ мы не можемъ согласиться; намъ кажется, что графъ Толстой *ко всему* относится отрицательно, все старается сокрушить. Онъ отрицаетъ и Наполеона, и Кутузова, историческихъ дѣятелей и человѣческія массы, личный произволъ и значеніе историческихъ событій. Можетъ-быть и не подозревая того, онъ вноситъ въ исторію полнѣйшій нигилизмъ.

Прослѣдимъ его философію по страницамъ его романа и по возможности передадимъ ее собственными словами автора. Наблюдая человѣческія дѣйствія, говоритъ графъ Толстой, я замѣчаю, что одни изъ нихъ вполне произвольны и свободны, другія, напротивъ, не произвольны и не свободны: „я несомнѣнно, по одной моей волѣ, сейчасъ поднималъ или опустилъ руку“, я сейчасъ могу перестать писать... Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ; я поднимаю надъ нимъ руку и съ тою же силой хочу опустить на ребенка: „я не могу этого сдѣлать (?)... Я стою во фронтѣ и не могу не слѣдовать за движеніями полка (?)“. (Р. Арх. 1868 г.) Къ разряду произвольныхъ дѣйствій авторъ относитъ и столкновение императора Александра съ императоромъ Наполеономъ въ 1812 году, съ чѣмъ, вѣроятно, многіе отчасти согласятся. Дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, почти всѣ писавшіе объ этомъ столкновеніи замѣчаютъ въ немъ нѣчто роковое. Но вотъ какъ объясняетъ онъ свою мысль: „еслибы, говоритъ онъ, Наполеонъ не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ— не было бы войны“, а съ другой стороны, „ежели бы всѣ сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть.“ (В. и М. IV, 3)... Казалось бы, что и Наполеонъ, и сержанты тѣмъ самымъ обнаружили присутствіе въ нихъ свободнаго произвола, но это только такъ кажется. „Необходимо было, продолжаетъ графъ Толстой, чтобы миллионы людей, въ рукахъ которыхъ была дѣйствительная сила, — солдаты которые стрѣляли, везли провіантъ и пушки, — надо было чтобъ они согласились исполнить эту волю единичныхъ и слабыхъ людей и были приведены къ этому безчисленнымъ количествомъ сложныхъ, разнообразныхъ причинъ.... Царь есть рабъ исторіи... Въ историческихъ событіяхъ такъ-называемые великіе люди суть ярлыки дающіе наименованіе событію, которые, такъ же какъ ярлыки, *меньше всего (?)* имѣютъ связи съ событіемъ.

Каждое дѣйствіе ихъ, кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ неизвольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и *опредѣлено предѣльно.*“ (Ibid. 4—7.) „Наполеонъ началъ войну съ Россіей потому что онъ не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддастся предприимчивому впечатлѣнію июнскаго утра, не могъ воздержаться отъ вспышки гнѣва въ присутствіи Куракина и потомъ Балашова“ (Ibid. 125). Не менѣе важными причинами былъ подвигнуть къ войнѣ и императоръ Александръ; очевидно, тутъ дѣйствовало предопредѣленіе. Исходъ войны тоже былъ предопредѣленъ, ибо „всѣ усилія со стороны Русскихъ были постоянно устремляемы на то чтобы помѣшать тому что одно могло спасти Россію“ (Ibid. 126.); напротивъ того, всеобщее недовѣріе къ Барклаю спасаетъ армію; своекорыстная интрига Паулуччи разрушаетъ вредное вліяніе Пфуля, а прибытіе въ Москву государя, бывшее какъ бы сигналомъ къ началу народной войны, является лишь слѣдствіемъ того что ему хотѣлось оставить армію подъ благовиднымъ предлогомъ (Ibid. 129). Совершенно такое же противорѣчіе между причинами и слѣдствіями авторъ усматриваетъ и у нашихъ противниковъ.... И такъ вотъ чѣмъ движутся міровыя событія! Какъ однако назвать ту силу которая ихъ приводитъ въ движеніе? Графъ Толстой намекаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на руку *Промысла*: конечно, не въ названіи дѣла, но намъ ново видѣть нѣчто проницательное и презрительное къ людямъ въ той Силѣ, которую мы привыкли называть благою и разумною.

Міровыя событія слѣдуютъ какому-то неизвѣданному закону: это едва ли можно оспаривать, и мы готовы согласиться съ графомъ Толстымъ, что люди даже самые гениальные и самые могущественные являются до нѣкоторой степени лишь орудіями этого закона; но остается рѣшить, какъ велика сфера ихъ личнаго и свободнаго произвола при осуществленіи предопредѣленной имъ задачи. Неужели отъ ихъ воли зависитъ только „поднять или опустить руку“? Авторъ говоритъ о „Предвѣчныхъ Законахъ“, которые онъ называетъ въ другихъ мѣстахъ законами движенія человѣчества; но желательнo бы знать, слѣдуетъ ли при этомъ обращать какое-нибудь вниманіе на индивидуальныя побужденія, на дѣйствія и на мѣрениа людей: или же исторія людей, какъ исторія

четвероногихъ, не должна и не можетъ имѣть мѣста въ кругѣ человѣческихъ изысканій? Графъ Толстой не даетъ прямыхъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы; но онъ желалъ бы чтобъ историки занялись, *вопервыхъ*, не отдѣльными эпохами, а всею совокупностью времени, такъ какъ не существуетъ де явленій одинокихъ, и *во вторыхъ*, чтобъ они занялись не отдѣльными людьми, а массами. Что касается до первой части мысли нашего автора, то всякій согласится съ нимъ, что ни одно событіе и ни одна эпоха не могутъ быть разсматриваемы безъ связи съ предшествующими и послѣдующими; къ сожалѣнію, представляется физическая невозможность заставить людей писать только всемірную исторію. Что же касается до предложенія его изучать массы, или, говоря его словами, изучать „суммы произволовъ людей“, стремиться къ достиженію искусства „интегрировать однородныя влеченія“ (*B. и M., V, 2—5*), то эта мысль соблазнительна, и мы ее не разъ слышали; но вѣрна ли она и выдерживаетъ ли критику? Это другое дѣло. „Первые 15 лѣтъ XIX столѣтія въ Европѣ представляютъ необыкновенное движеніе милліоновъ людей“, говоритъ нашъ романистъ. „Люди оставляютъ свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны Европы въ другую, грабятъ, убиваютъ одинъ другаго, торжествуютъ и отчаиваются, и весь ходъ жизни на нѣсколько лѣтъ измѣняется и представляетъ усиленное движеніе, которое сначала идетъ возрастая, потомъ ослабѣвая... Какая причина этого движенія?... Сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію, и Наполеона“ (*Ibid. 3 и 4.*) Очень хорошо. Но что дало такое направленіе этимъ произволамъ милліоновъ людей,—графъ Толстой не объясняетъ. Допустимъ однакожь что вліяніе нѣкоторыхъ идей, сильно охватившихъ народонаселеніе Франціи и отчасти проникшихъ въ другія страны, могло произвести то движеніе которое ознаменовало конецъ прошедшаго и начало текущаго столѣтія; допустимъ это: но всегда ли такъ было? Имѣются ли доказательства что полчища Ксеркса тоже двигались изъ Азіи въ Европу подъ вліяніемъ какой-нибудь идеи? Есть ли поводы утверждать что войны Александра Македонскаго прошли до Инда и Сыръ-Дарьи вслѣдствіе „собственныхъ произволовъ“, или чтобы движеніе Татаръ на Россію подало поводъ къ очень интересному „интегрированію однородныхъ влеченій?“ Да и нужно ли рыться въ такихъ отдаленныхъ временахъ? Врядъ ли графъ Толстой рѣшится

утверждать чтобы кампанія Французовъ, имѣвшая цѣлю утвердить въ Испаніи Бурбонскую династію и идеи Священнаго Союза, или чтобы недавняя Мексиканская экспедиція были дѣломъ произвола массъ, а не правительства Людовика XVIII и Наполеона III. Вопросъ о вліяніи „суммы людскихъ произволовъ“ на событія есть вопросъ будущаго; мы можемъ сказать пока лишь то, что общественное мнѣніе есть сила, которую не можетъ и не долженъ устранять историкъ XIX и конца XVIII вѣка, но и теперь, и черезъ 1000 лѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ люди, которые, чуя потребности массъ, будутъ руководить ими для достиженія этихъ потребностей, и такіе люди будутъ называться черезъ 1000 лѣтъ великими людьми и историческими дѣятелями, и черезъ 1000 лѣтъ, какъ теперь, исторія будетъ преимущественно занимать ихъ дѣйствіями, ихъ мыслями, ихъ побужденіями. Французы вздумали отправиться вдоль по Европѣ, грабить, убивать и т. п., говоритъ нашъ авторъ; но еслибъ они отправдась *только* за этимъ, то ихъ перевязали бы какъ разбойниковъ! Пусть однако и такъ: развѣ они залили толпой, куда кому вздумалось? Нѣтъ, они шли строго организованною массою, во главѣ которой находился человекъ, который приказывалъ всѣмъ остальнымъ и котораго всѣ остальные слушались: какая же тутъ „сумма произволовъ“? И такъ безъ сомнѣнія будетъ черезъ 1.000 лѣтъ, допуская что тогда вопросъ о войнѣ и мирѣ будетъ рѣшаться голосованьемъ. Наврасно графъ Толстой утверждаетъ, будто фланговое движеніе Кутузова съ Рязанской дороги на Кауужскую было вызвано сознаніемъ русской арміи. „Еслибы, говоритъ онъ, представить себѣ не геніальныхъ полководцевъ во главѣ русской арміи, но просто одну армію безъ начальниковъ, то и эта армія не могла бы сдѣлать ничего другаго кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше продовольствія и край былъ обильнѣе.“ (Ibid.; 260). Мы съ своей стороны полагаемъ, что армія безъ начальниковъ или разбрелась бы по домамъ, или же рассыпалась бы по направленію операціонной линіи Французовъ, гдѣ уже начиналось народное возстаніе.

Разумвется, графъ Толстой не можетъ устоять на почвѣ своей теоріи, которая не представляетъ никакой опоры; онъ часто забываетъ о ней и невольно вступаетъ въ кругъ нашихъ обыкновенныхъ идей. Такъ, напримѣръ, онъ дѣлаетъ строгое

внушеніе Наполеону за то что онъ допустилъ грабить Москву, то-есть, истреблять запасы провіанта, фуража и топлива, которые пригодились бы самимъ Французамъ; графъ Толстой упрекаетъ (правильнѣе бы сказать, распекаетъ) его за то что онъ не заготовилъ на свою армію теплой одежды (Ibid. 276), и т. п. Но разсуждая такимъ образомъ, онъ тѣмъ самымъ допускаетъ вмѣняемость въ отношеніи историческихъ людей: онъ называетъ Наполеона „геніальнѣйшимъ изъ геніевъ“, и если только это сказано не въ насмѣшку, то мы въ правѣ допустить, что геніальные, а за ними и не геніальные люди имѣютъ такое или другое вліяніе на ходъ событій ими направляемыхъ, хотя бы направлять оныя имъ приходилось и противувольно. Графъ Толстой находитъ что бородинская диспозиція была лучше многихъ другихъ диспозицій Наполеона, что распоряженія его во время боя тоже были очень хороши, — тогда какъ, напротивъ, онъ не доволенъ расположеніемъ русской арміи; но если могутъ быть хорошія и дурныя диспозиціи, хорошія и дурныя распоряженія, то невозможно согласиться съ авторомъ будто здоровье, настроеніе ума и вообще личность главнокомандующаго такъ же мало можетъ интересовать насъ, какъ и личность „послѣдняго фурштатскаго солдата“. (IV, 283.) Къ несчастію, теорія, которою нашъ даровитый романистъ задался въ промежуткѣ выхода III и IV частей своего романа, увлекаетъ его, и потому, въ видѣ похвалы Кутузову, онъ говоритъ что въ этомъ „старомъ человѣкѣ“ замѣчалось отсутствіе „всего личнаго“, что въ немъ „оставались какъ будто однѣ привычки страстей, и вмѣсто ума, — группирующаго событія и дѣлающаго выводы, — одна способность спокойнаго созерцанія событій“ (IV, 222). Вотъ какія качества вмѣняетъ нашъ авторъ въ заслуги не пустынножителю, не игумну какому-нибудь, а человѣку на котораго возложена была задача отстоять независимость Россіи!...

Графъ Толстой не любитъ историческихъ дѣятелей, *такъ называемыхъ* великихъ людей: онъ объявляетъ что таково — глубокое его убѣжденіе; этому нельзя не повѣрять, потому что въ его глазахъ ни одинъ изъ нихъ не лучше другаго; съ полнымъ безпристрастіемъ онъ поочередно кладетъ ихъ подъ ноги другъ другу: говоря о Кутузовѣ или Барклаѣ, онъ обязываетъ читателя признать ихъ пигмеями предъ Наполеономъ, котораго въ свою очередь заставляетъ считать шарлатаномъ въ сравненіи съ русскими полководцами. Изъ воѣхъ

русокихъ генераловъ 1812 года онъ относится съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, за исключеніемъ Кутузова (котораго хвалитъ по-своему), только къ Дохтурову и Коновницыну, и то потому лишь что они „тихенькіе и скромные“, и что о нихъ (будто бы) военные историки умаличиваютъ... Но если между видными дѣятелями въ глазахъ нашего автора заслуживаютъ пощадъ лишь „тихенькіе и скромные“, да тѣ которые „спокойно созерцаютъ событія“, — кто же совершаетъ ихъ, эти событія? Вы думаете, солдаты, оберъ-офицеры рѣшаютъ сраженіе? Оно иногда кажется какъ будто и такъ; по крайней мѣрѣ авторъ, хоть и не отъ своего имени, но съ жаромъ высказываетъ эту мысль (IV, 264), утверждаетъ что французскіе солдаты пришли на берега Колочи „по собственному желанію“ (Ibid 282), и пр. и пр. Но съ другой стороны, мы не можемъ припомнить ни одной черты во всемъ романѣ графа Толстаго, гдѣ солдатъ или оберъ-офицеръ дѣйствовали бы сознательно. Мы уже видѣли что отъ французскихъ сержантовъ зависѣло сдѣлать чтобы не было войны 1812 года, но они вступили однакожь на вторичную службу и вступили произвольно; а вотъ русскій командиръ эскадрона кидается въ атаку, „потому что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю“ (зачѣмъ бы ему въ такомъ случаѣ не *проскакаться* къ сторонѣ резервовъ?)... И также точно, продолжаетъ нашъ авторъ, „дѣйствовали всѣ тѣ неперечислимые лица, участники этой войны“ (IV, 125). Дѣйствительно, авторъ пуще всего опасается чтобы не подумали, будто въ Россіи хоть на волосъ образъ жизни и заботы людей измѣнились въ 1812 году сравнительно съ предшествующими и послѣдующими годами (V, 188), или чтобы не составилось какъ-нибудь предположеніе, будто во время отступленія арміи отъ границы наши офицеры могли о чемъ-нибудь заботиться кромѣ ежедневныхъ потребностей и въ чемъ-нибудь измѣнить обычному настроенію духа (IV, 68). Но въ такомъ случаѣ, скажите же намъ ради Бога, къъмъ, чѣмъ рѣшаются событія называемыя нами важными, великими, мировыми?... „Цари суть рабы исторіи“, но и сержанты, и эскадронные командиры то же самое: кто же рѣшаетъ ихъ, эти мировыя событія? Да полво, и есть ли такія событія, потому что, какъ уже было замѣчено, и Наполеонъ, и Кутузовъ съ Барклаемъ дѣлали постоянно діаметрально противоположное тому что слѣдовало бы дѣлать, и слѣдовательно въ сущности

все равно кѣмъ бы ни было выиграно Бородинское сраженіе, и чья бы армія ни погибла между Москвою и Ковномъ, все равно, давались ли бы битвы, гибли ль бы арміи, Наполеоны, или „послѣдніе фуриштатскіе солдаты“ командовали арміями; мудрецы или идиоты были бы министрами, рѣзались ли бы, или обнимались люди.... Все равно, все равно! Станемъ, какъ „старый человѣкъ“, только „созерцать событія“; для людскаго производа, для человѣческаго достоинства остается еще широкое поприще: каждый изъ насъ воленъ поднять или опустить руку, писать или не писать, читать или не читать.... Такова теорія нигилизма въ исторіи.

П. ЦЕВАЛЬСКІЙ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

МАРТЪ.

	<i>Стр.</i>
✓ Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины. Гл. I—II. <i>Д. А. Анучина.</i>	5
✓ Генераль Уаисезъ Симпсонъ Грантъ.	60
✓ Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи. Гл. VI—VII. <i>Т.</i>	102
✓ Панургово стадо. Романъ. Часть первая. Гл. X—XIX. <i>В. В. Крестовскаго.</i>	156
✓ Нѣсколько свидѣній о Рылѣевѣ. По поводу <i>Записокъ</i> Греча. <i>Д. И. Кропотова.</i>	229
✓ Польская молодежь Западнаго края въ мятежъ 1861— 1863 годовъ. Гл. VIII. <i>С. А. Райковскаго.</i>	246
Новый Парижъ и его финансы. <i>N.</i>	292
✓ Бѣлые голуби. Гл. I—XII. <i>П. И. Мельникова.</i>	311
Библиографическія Замѣтки. <i>Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время.</i> Соч. автора <i>Исторіи отечественной войны 1812 года.</i> Спб. 1869, тт. I—IV. <i>П. Ц.</i>	417
Тактика противниковъ нашей школьной реформы <i>P.</i>	431

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Приключенія доктора Бреди. Романъ въ трехъ частяхъ.
Соч. Вильяма Говарда Россела. Переводъ съ англійскаго.
Часть вторая. Гл. X—XIII.
-

А П Р Ъ Л Ъ.

	Стр.
Очерки изъ новѣйшей исторіи Испаніи. Окончаніе. <i>Е. М. Феокистова.</i>	443
Панургово стадо. Романъ. Окончаніе первой части. <i>В. В. Крестовскаго.</i>	506 ✓
Воевно-окружная система. Гл. IV. <i>В. В. Комарова.</i>	609
Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины. Гл. III. <i>Д. А. Анучина.</i>	628 ✓
Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи. Окончаніе. <i>Т.</i>	658 ✓
Новыя иллюстрированныя изданія. <i>Ф. И. Буслаева.</i>	708
Тихвинская система. Изъ дорожныхъ замѣтокъ на пути изъ Петербурга въ Крымъ. <i>А. И. фонъ-деръ-Ховена.</i>	775
Феофанъ Прокоповичъ. <i>Феофанъ Прокоповичъ и его время.</i> Соч. <i>Чистовича. Т.</i>	806 ✓
Объ изданіи извлеченій изъ писцовыхъ книгъ.	824
Библиографическія замѣтки. <i>Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время.</i> Соч. автора <i>Исторія отечественной войны 1812 года.</i>	841
Спб. 1869, тт. I—IV. (Окончаніе.) <i>П. III.</i>	841
Нигилизмъ въ Исторіи. <i>П. К. Щербальскаго.</i>	856 ✓

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія доктора Бреди. Романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Вильяма Говарда Росселя. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XIV—XV. ✓

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. е. Анарьева, бывшего директора Тверской гимназии и составителя Латинского Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМИИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драгусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 8 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. д-ра Эмиля Вольфа. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Н. Калиновскаго. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ, магистромъ восточной словесности М. Л. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 8 руб. 50 коп. сер.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

Фрезеръ.—Ея высочество со своимъ младенцемъ сидитъ въ паланкинѣ.

— Пусть покажется женщина называющая себя королевой и покажетъ своего ребенка, сказалъ губернаторъ на индостанскомъ нарѣчїи.

Съ минуту длилось молчаніе, потомъ за занавѣской послышался тихій шелестъ и, наконецъ, полный, звучный голосъ пронесся по залу.

— Королева Аврипорская слышитъ слова саиба губернатора. Она знаетъ что онъ не оскорбитъ женщину и королеву, не заставитъ ее открыть лицо свое предъ народомъ. Во имя всего святаго она протестуетъ противъ его дѣйствій. Она приблизится къ его начальству, въ полной увѣренности что оно исправитъ несправедливость причиненную его вѣрными друзьямъ и союзникамъ.

— Я по повелѣнію моего начальства, Компанїи, требую ея законной территорїи. Повторяю вамъ, женщина, вы не королева, и ребенокъ вашъ не наследникъ раджи.

„Молчаніе, и потомъ голосъ изъ паланкина заговорилъ опять.

— Доказательства правды того что я говорю ясны какъ день. Пусть губернаторъ посмотритъ и судитъ.

„Старикъ вынулъ свитокъ бумагъ и понесъ его къ трону, но остановился при словахъ губернатора.

— Не нужно! Я знаю какія приготовлены бумаги и какія свидѣтели подкуплены. У меня есть доказательства, слышите, женщина, доказательства неопровержимыя, что покойный раджа уже два года былъ какъ мертвый, безъ чувствъ и разсудка и не могъ жениться. Что же касается до ребенка, то доказательства что это не его ребенокъ у васъ въ паланкинѣ и въ вашихъ рукахъ. Покажите ребенка, и всѣ увидятъ что это правда.

„Губернаторъ наклонился впередъ и ждалъ. Подавленный вздохъ послышался за занавѣской, потомъ жалобный крикъ пробужденнаго ребенка, и голосъ произнесъ:

„— Возьми и суди!

„При этихъ словахъ одна изъ женщинъ приблизилась къ паланкину и приняла ребенка. Онъ былъ одѣтъ въ тоненькую рубашечку, и смуглыя ручки и ножки его оставались обнаженными. Губернаторъ оглянулъ ребенка который, испугавшись окружавшихъ его незнакомыхъ людей, плакалъ и

баряхтался на рукахъ кормилицы: губернаторъ улыбался
 „— Отлично устроено, необыкновенно хорошо. Теперь посмотримъ мать!

„И, сказавъ это, онъ соскочилъ съ трона, бросился къ паланкину, отдернулъ занавѣсъ, и обратясь къ толпѣ, сказалъ:

„— Смотрите. Вотъ кто называетъ себя матерью наследника раджи.

„Тщетно стараясь одною рукою задернуть занавѣсъ, другою удержать покрывало на лицѣ и груди, предстала намъ женщина удивительной красоты. Намъ всѣмъ она показала Евронеѣкой. Золотые волосы тяжело спускались по плечамъ, щеки пылали гнѣвомъ и стыдомъ, а глаза, полные ярости, оживляли ее лицо. Руки покрытыя браслетами и шея отягченная изумрудами и брилліантами были круглы и красивы, а движенія ея, когда она старалась удержать занавѣсъ, и страстные крики напоминали раненую тигрицу.

„— Стыдись, безчестный, оскорблять меня такъ! воскликнула она. — Неужели между всѣми вами нѣтъ ни одного мущины чтобы пришибить его? О, еслибъ я взглядомъ могла сжечь тебя на этомъ мѣствѣ!

„Занавѣсъ былъ задернутъ, и мы услышали отчаянный крикъ и рыданія королевы.

„Обернувшись къ женщинѣ, державшей плакавшаго ребенка, губернаторъ сказалъ:

„— Отдай ребенка той кому онъ принадлежитъ. Вы же, подданные ея, удалите эту женщину. Пусть она возьметъ съ собой свое неправильно нажитое золото, но я не позволю ей обманывать васъ. Знайте всѣ вы, слышавшіе меня, эта женщина, называющая себя королевой Аврипорской, три года тому назадъ пришла въ гаремъ раджи и своими чарами, какъ вы бы сказали, околдовала его. Она, потакая его прерѣвному разврату, разстроила его умственные способности и тѣло, чтобъ этимъ достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей которыя я сейчасъ обнаружилъ предъ вами.

„Аврипорское дѣло послужило темой рѣчей въ верхней палатѣ лорда Слаттерстона, въ нижней мистера Страдальса, и всѣ юристы долго толковали о немъ. Мистера Десмонда укоряли пародіями на рѣчи Бурке и Шеридана противъ Варренъ-Гастингса, но какъ бы то ни было, Аврипоръ былъ окончательно присоединенъ, и Десмондъ честно и мудро правилъ имъ изъ дворца раджи, а чаще изъ своей, болѣе

уютной резиденціи. Онъ усмирять возмущенія, воевалъ и побѣждалъ, и присоединилъ еще нѣсколько участковъ. Были у него враги и соперники, но онъ твердо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ одинъ изъ боговъ народа, дрожавшаго при его имени.

„Теперь я приступаю ко второй части моего повѣствованія и разкажу вамъ странный случай.

„Это случилось въ июньскую ночь, ночь послѣдовавшую за нестерпимо жаркимъ днемъ. Порывы вѣтра, удушливые и горячіе, казалось, вырывались изъ какого-нибудь горнила. Спальня губернатора выходила на веранду. Часовой ходилъ внизу взадъ и впередъ по дорожкѣ сада, а другой стоялъ на верандѣ возлѣ самаго окна. Вдругъ, Богъ знаетъ отчего, губернаторъ проснулся, и въ-время проснулся: возлѣ его постели стоялъ человекъ укутанный въ черное. Онъ не успѣлъ произнести слова, какъ пистолетный выстрѣлъ почти въ упоръ опалилъ ему лицо. Но онъ, сильный, ловкій и безстрашный, мгновенно вскочилъ на ноги, схватилъ убійцу, и вырвалъ у него изъ рукъ кинжалъ. Въ слѣдующую минуту онъ сильнымъ ударомъ поваленъ былъ на землю, но выстрѣлъ разбудилъ домъ, и убійцы скрылись. Ихъ тотчасъ же пустились догонять, губернаторъ самъ предводительствовалъ поисками, но никого не поймали. Слѣды двухъ человекъ, изъ которыхъ у одного были очень маленькія ноги, остались на дорожкѣ сада, но потомъ терялись въ травѣ. Страшная буря остановила поиски, и мы возвратились ни съ чѣмъ.

„— Хотя это покажется странно, Фрезеръ, сказалъ губернаторъ, когда мы собрались въ его комнату,—но я готовъ поклясться что я держалъ въ рукахъ женщину, когда меня ударили. Однако не говорите объ этомъ до времени. Кстати, рассмотримъ кинжалъ который я отнял.

„Кинжалъ лежалъ на столѣ: острый клинокъ и рукоятка изъ моржовой кости, отшлифованная въ золото. Фрезеръ взялъ его, и мы всѣ съ любопытствомъ его разсматривали.

„— Это кашмирскій кинжалъ, сказалъ онъ:—ваше превосходительство, дѣйствительно, спаслись непонятнымъ образомъ. Смотрите, желобокъ наполненъ свѣжимъ, зеленымъ ядомъ, царичина могла бы убить васъ.

„— Жизнь моя въ рукахъ Создателя, Фрезеръ, и еслибъ Ему угодно было чтобъ я сегодня умеръ отъ руки убійцы, я бы сказалъ: да исполнится Его святая воля.

„Можете вообразить какое волненіе произвело это про-

исшествіе во всемъ округѣ, хотя самъ губернаторъ оставался совершенно покоенъ. По повелѣнію правительства произведено было строгое слѣдствіе. Всѣ находившіеся близко отъ мѣста происшествія были опрошены, но ничего не было открыто къ объясненію этого страшнаго дѣла. Сторожъ показалъ что когда онъ ходилъ, прислушиваясь къ отдаленному грому, онъ вдругъ услышалъ выстрѣлъ въ комнатѣ губернатора. Заглянувъ туда, онъ увидѣлъ что какой-то медвѣдь боролся съ губернаторомъ. Въ слѣдующую минуту, когда онъ побѣжалъ къ нему на помощь, какой-то звѣрь, похожій на тигра, съ крыльями и огненными глазами, пролетѣлъ мимо него, чуть его не убилъ и окрылся въ саду. Болѣе этого онъ ничего не могъ разказать. Другой сторожъ говорилъ, что находясь на часахъ подъ верандой, онъ слышалъ выстрѣлъ въ домъ и громкіе крики. Онъ побѣжалъ туда, вдругъ изъ дому въ садъ выбѣжало нѣсколько человѣкъ. Въ одного изъ нихъ онъ выстрѣлялъ, другаго ударилъ ружьемъ, но все напрасно, они убѣжали. Онъ преслѣдовалъ ихъ, но они скрылись среди зданій.

„Болѣе этого никто ничего не зналъ, и для всѣхъ осталось загадкой, какъ убійцы могли войти въ домъ окруженный высокими стѣнами и охраняемый часовыми. Конечно, всѣ подозрѣвали что королева знаетъ кое-что объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ она поклялась отмстить Десмонду. Тогда по городу ходили страшные слухи. Говорили что Фрезеръ, офицеръ Компаніи, о которомъ я упоминалъ, командовавшій въ то время полками туземцевъ, былъ за нѣсколько времени до смерти раджи въ короткихъ отношеніяхъ съ этою женщиной, и все зналъ о ней; что слуги его долго скрывали ее и послѣ присоединенія Аврипора. Какъ бы то ни было, только дружба существовавшая прежде между Фрезеромъ и Десмондомъ остыла, и наконецъ Фрезеръ переведенъ былъ въ другой участокъ; но тамъ онъ, какъ и вездѣ, запутался въ догадкахъ. Когда жена его была еще жива, въ домъ у него много за творила какая-то туземка, и утверждали что это была та самая женщина которая потомъ сдѣлалась королевой Аврипорской; другіе же, какъ и мистеръ Десмондъ, были того мнѣнія что королева — европейская искательница приключеній, но истины мы никогда не могли узнать.

„Десмондъ не хотѣлъ изслѣдовать дѣло до конца, и было замѣчено, что послѣ удаленія Фрезера онъ ослабилъ многія

предосторожности, которыя повело за собой ночное происшествіе. Но явной осоры между ними никогда не было, и наконецъ мистеръ Десмондъ принялъ горячее участіе въ маленькой дочери мистера Фрезера, удивительно красивомъ ребенкѣ, что всѣхъ удивляло, потому что жена Фрезера была некрасива. Общій интересъ къ дѣвочкѣ, который возбужденъ былъ ея красотой, увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мистрисъ Фрезеръ не могла видѣть ребенка и говорила что это не ея ребенокъ, а что онъ подмѣненъ кормилицей, и въ этомъ убѣжденіи несчастная женщина умерла.

— А гдѣ теперь этотъ Фрезеръ, спросилъ лордъ Бельбрукъ.

— Все еще на службѣ Компаніи. Не помните ли вы происшествія въ Дублинѣ съ полковникомъ Фрезеромъ, котораго едва не убили при выходѣ изъ игорнаго дома? Это тотъ самый. Онъ потомъ возвратился въ Индію, говорятъ, совсѣмъ проигравшись, и моя сестра, которая хорошо знала бѣдную мистрисъ Фрезеръ, пишетъ мнѣ что сэръ-Денисъ взялъ молодую дѣвушку, дочь его, съ собой въ Англію, хотя онъ и не долюбиваетъ отца ея.

— И никогда не могли облачить эту женщину? Это очень странно въ такой странѣ какъ Индія, гдѣ деньги дѣлаютъ все. Боже мой, мистеръ Бреди, вы совсѣмъ больны. Что съ вами?

Пробормотавъ что-то о духотѣ комнаты, я всталъ изъ-за стола, извинился предъ президентомъ обѣда головокруженіемъ и нездоровьемъ, и шатаясь вышелъ изъ комнаты.

— Бѣдный, прощенталь мистеръ Коссей маіору, когда я выходилъ. Онъ лишился отца въ Индіи, а мать его утонула, возвращаясь съ нимъ изъ Калькутты. Не мудрено что его разстраиваютъ разказы о тѣхъ мѣстахъ.

Ночной воздухъ освѣжилъ мой пылавшія щеки, но я чувствовалъ какъ кровь раскаленнымъ свинцомъ текла по жиламъ. Куда бы я ни пошелъ, что бы ни дѣлалъ, днемъ и ночью, эта женщина стояла предо мной. И эта женщина моя мать! Неужели у меня въ жилахъ есть хоть капля ея крови? Нѣтъ, лучше умереть чѣмъ жить и сдѣлаться такимъ, какимъ по природѣ долженъ быть ея сынъ. Когда, о Боже мой, когда же конецъ такому мученію! Каждый годъ прибавляетъ новую причину къ ужасу и отвращенію которые я чувствую къ этой женщинѣ. Ненависть или такой страхъ который

равняется ненависти, замѣтили въ сердцѣ моемъ вѣжность и безпредѣльную любовь которая я чувствовалъ къ ней когда-то. Чего недостаетъ еще чтобъ обезобразить образъ который я боготворилъ въ дѣтствѣ. Тщетно я старался отогнать незванныя мысли. Разказъ маіора я слушалъ съ застеннымъ ужасомъ; одно слово казалось мнѣ страшнѣй другаго. Что для всѣхъ было интереснымъ разказомъ о чловѣкѣ возбуждавшемъ ихъ любопытство, то мнѣ казалось страшнымъ откровеніемъ, бездной отчаянія. Слезы текли изъ горячихъ глазъ моихъ, но не облегчали меня. Мною овладѣла увѣренность что женщина, сообщница Фрезера, была та самая которая испортила жизнь моего отца, омрачила послѣдніе годы жизни моего дѣдушки, которая такъ искусно и съ такимъ кошачьимъ проворствомъ воспользовалась внезапнымъ несчастнымъ случаемъ чтобъ избавиться отъ сына и предаться своей преступной страсти или капризу, и которую теперь сынъ ея въ судилищѣ своего сердца обвиняетъ въ страшныхъ преступленіяхъ. Потому что послѣ страшной борьбы очевидной истины съ моимъ природнымъ отвращеніемъ повѣрить ей, я наконецъ убѣдился что королева Аврипорская, погубившая жалкаго раджу и ускорившая его смерть, женщина приложившая пистолетъ къ головѣ спящаго Десмонда, злой геній моей жизни, была не кто иная какъ блестящая, безсердечная дѣвушка, обольстившая моего отца, доведшая до сумашествія своего мужа, покинувшая своего ребенка, женщина, которая наконецъ добровольно пошла искать счастья въ низкихъ интригахъ гарема. Дальнѣйшій разказъ покажетъ на сколько мои догадки справедливы.

XIV. Ласковый пріемъ въ Кильмойлѣ.

Въ чудный майскій день, болѣе чѣмъ годъ спустя послѣ нашего прибытія въ Ирландію, приближающійся трескъ нашихъ барабановъ возбудилъ въ городѣ Кильмойлѣ необыкновенную дѣятельность.

— Армія идетъ! Солдаты! Побѣдимъ, ребята! Ура!

И все населеніе, бросивъ занятія, побѣжало къ мосту полюбоваться зрѣлищемъ, которое для низшихъ классовъ всякаго народа имѣетъ какую-то привлекательность, а для

ирландской толпы рѣшительно неодолимую. День былъ ярмо-рочный. Толпы народа бѣжали по длинной улицѣ, оканчивавшейся грязными лачугами, едва возвышавшимися надъ обширнымъ пространствомъ грязи, съ дерзкою претензiей на крыши и двери. Сквозь шумъ толпы торговцевъ и покупателей, и надорванныхъ голосовъ уличныхъ пѣвцовъ, слышалось хрюканье свиней, пронзительные крики гусей, мычаніе телятъ и пискливыя заклинанія нищихъ и калѣкъ. Телѣги крестьянъ, нагруженныя мукой и масломъ; женщины и дѣти составлявшія группы или выстраивавшіяся по сторонамъ каменистаго прохода, называвшагося мостовой, тѣснили бѣжавшую толпу въ узкой улицѣ. Общій видъ картины производилъ впечатлѣніе, будто кочующее племя, отправляясь въ невѣдомую страну, случайно проходитъ городомъ. И дѣйствительно, многіе изъ этихъ людей могли бы отправиться какъ были хоть на край свѣта, не оставивъ за собою никакого имущества. Среди площади стояли балаганы и лотки кочующихъ пирожниковъ продавцевъ миткаля, плохихъ лубочныхъ картинокъ, всякаго мелочнаго товара, платья и дешевыхъ украшеній, осадка мелочной торговли всего свѣта, находящаго сбытъ въ Ирландіи. Солнце, отражаясь отъ оконныхъ стеколъ, озаряло гордую громаду гранита—зданіе подобное замку, окруженное высокими стѣнами. Это былъ дѣйствительно „замокъ безопасности“, въ которомъ сотни ропщущихъ и лѣнивыхъ пролетаріевъ, отдѣлившись отъ тысячей жалкихъ бѣдняковъ, искали убѣжища отъ голодной смерти и нищеты. Ниже, на берегу рѣки, окруженная еще болѣе высокими стѣнами, и съ башнями, стояла въ своемъ прочномъ великолѣпнiи тюрьма графства. Ближе къ мосту, на дорогѣ, помѣщалась высокій, бѣлый полицейскій домъ, представляя своею правильною, удобною постройкой рѣзкій контрастъ съ лачугами окружавшаго его грязнаго предмѣстья. Надъ вершинами деревъ, осѣнявшихъ берега Карры, видѣлись трубы Кильмоильскаго замка. Два или три загородные дома, съ меньшими претензіями, прятались каждый въ своей рошѣ, по склонамъ холмовъ опоясывавшихъ тонкое торфяное болото. Сердце мое забилось, когда я разглядѣлъ рошу скрывавшую Лохъ-на-Каррѣ отъ моихъ жадныхъ глазъ.

Въ облакахъ пыли подвигалась по дорогѣ наша колонна пѣхоты, подъ предводительствомъ верховыхъ офицеровъ,

однимъ изъ которыхъ былъ я, Теренъ Бреди, въ сопровожденіи барабанщиковъ и трубачей, барабанившихъ и трубившихъ самымъ неистовымъ образомъ. Штыки сверкавшіе на солнцѣ, красные мундиры колыхавшіеся среди облаковъ пыли, блескъ оружія, все это очень нравилось зрителямъ, но не доставляло никакого удовольствія намъ, бѣднымъ, замученнымъ жаромъ и жаждой воинамъ, рано утромъ вышедшимъ изъ Атлона. Старые солдаты, побывавшіе въ Индіи, и молодые, только-что поступившіе въ полкъ, были не въ веселомъ расположеніи духа, когда переходили мостъ, куда сбѣжалось все населеніе Кильмофля поглазѣть на нихъ.

— Право, это хуже Фуццинора, гдѣ только и было что пыль, мечети да обезьяны, сказалъ одинъ.

— Ужь на что хуже нашего послѣдняго поста въ Баллинапортъ, а теперь сейчасъ же съ радостью возвратился бы туда.

— Мурфи, что же ты не покажешь мызы своего отца!

— Вонъ она, Джакъ, тамъ, за церковью, въ роцѣ. Говорятъ, сэръ-Денисъ хочетъ насъ выгнать оттуда.

— Только одну порядочную дѣвушку видѣлъ я во всей толпѣ; такого множества толстоногихъ вѣдьмъ я не видалъ съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ готтентотскими Венерами.

Трескъ барабановъ и толпа провожали насъ до воротъ полуразрушенныхъ казармъ, подновленныхъ для приѣма новыхъ посѣтителей. Тутъ майоръ Багшо, остановивъ свою лошадь, далъ приказаніе удалитъ толпу, которая охотно проводила бы солдатъ на новыя квартиры, и сразу лишился своей популярности. Солдаты выстроились на площади, и майоръ Багшо и я слѣзли съ лошадей. Майоръ Багшо началъ обходить ряды съ видомъ человѣка на которомъ лежитъ тяжелая обязанность найти въ чемъ-нибудь упущеніе и который не находитъ къ чему придраться. Нельзя сказать чтобы майоръ былъ вздорный или злой человѣкъ; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ретивыхъ офицеровъ которые не понимаютъ, что они могутъ исполнить свою обязанность не выказывая своей власти на каждомъ шагѣ. Они твердо знаютъ уставъ, но не хотятъ знать натуры человѣческой; въ глазахъ ихъ составляетъ преступленіе уже то если человѣкъ сдѣлаетъ шагъ не получивъ на то особаго разрѣшенія, или сдѣлаетъ болѣе или менѣе того что ему приказано.

— Капитанъ Севеджъ, сказалъ наконецъ маіоръ,—въ ротъ было слишкомъ много разговоръ при входѣ въ городъ.

Капитанъ Севеджъ былъ центуріонъ, выслужившійся изъ простыхъ солдатъ и терпѣливо переносившій всѣ тягости своего труднаго повышенія, живя надеждой что если кому изъ полка суждено скоро умереть, то жребій падеть на какого-нибудь маіора, не потому чтобъ онъ особенно не любилъ маіоровъ, а потому что самъ мѣтилъ въ маіоры, чтобы потомъ отправиться на покой. Онъ выслушалъ выговоръ вытянувъ руки по швамъ, какъ бы опять превратясь въ рядоваго, потомъ закричалъ на своего сержанта который въ свою очередь грозно взглянулъ на солдатъ, направляя стрѣлы своихъ взглядовъ прямо въ задніе ряды. Офицеры Вильмотъ и Нашъ переглянулись, какъ бы желая сказать другъ другу: вѣдь это просто отъ нечего дѣлать старый Багшо накинудся на стараго Севеджа. Маіоръ подошелъ ко второму ряду, и поровнявшись со вторымъ солдатомъ, вдругъ замѣтно вздрогнулъ, остановился, и грозно указывая на него пальцемъ, воскликнулъ:

— Капитанъ Десмондъ, что такое съ этимъ человѣкомъ?

Офицеръ, къ которому маіоръ обратился, съ любопытствомъ поднималъ глаза и началъ внимательно разсматривать солдата. Это былъ худой, мускулистый, загорѣлый солдатъ, съ жесткими черными волосами и густыми баками. Онъ стоялъ прямо, и не только руки его, но даже пальцы были на указанныхъ мѣстахъ; онъ глядѣлъ на устремленный палецъ маіора, представляя собой образецъ исправнаго солдата, такъ что, казалось, невозможно было въ чемъ-нибудь укорить его.

— Что вы видите въ этомъ человѣкѣ, маіоръ Багшо, говорилъ капитанъ Десмондъ:—право, я въ немъ ничего особеннаго не замѣчаю.

— Ничего особеннаго, сэръ! Боже мой! съ упрекомъ и волненіемъ восклицалъ маіоръ. — Прошу васъ, капитанъ, взгляните на это!

Сдѣлавъ шагъ къ обвиненному, маіоръ указалъ пальцемъ на его шею, прямо на то мѣсто гдѣ находилась крючокъ воротника, который дѣйствительно былъ разстегнутъ, и привычный глазъ могъ сейчасъ замѣтить что галстукъ былъ нѣсколько распущенъ, такъ что часть загорѣлой шеи солдата оставалась обнаженною. Медленно повернувшись, со взгля-

домъ ясно выражавшимъ мнѣніе его о поступкѣ солдата, майоръ торжественно повторилъ:

— Просту васъ обратить вниманіе вотъ на это, капитанъ Десмондъ; сюда взгляните.

— Да, сэръ, теперь я вижу. У него былъ солнечный ударъ въ Индію, его, вѣроятно, стѣсняетъ галстухъ. Впрочемъ, утромъ, когда я осматривалъ роту, все было въ порядкѣ. Я разслѣдую это дѣло.

Майоръ пошелъ дальше. Онъ былъ такъ счастливъ, обнаруживъ преступное нерадѣніе, что не обратилъ вниманія на болѣе серіозные безпорядки. Наконецъ окончилась торжественная церемонія, и солдаты отправились на новыя квартиры. Несмотря на то что за всѣ поврежденія было строго взыскано съ прежнихъ постояльцевъ, и каждый гвоздь былъ оплаченъ, квартиры назначенныя офицерамъ, капитанамъ и рядовымъ были далеко не великолѣпны и не удобны. Голыя стѣны, грязныя двери, полы безъ половинокъ и ржавыя рѣшетки производили впечатлѣніе такой пустоты, которая знакома только степному Арабу и британскому офицеру.

Мы занимались уборкой своихъ комнатъ, разстановкой кроватей, стульевъ и чемодановъ и развѣшиваньемъ любимыхъ портретовъ, какъ вдругъ стукъ экипажа привлекъ многія головы къ окнамъ. Солдаты, въ комнатахъ надъ моею, въ рубашкахъ и съ трубками въ зубахъ, разглядывали экипажъ остановившійся у моего окна.

— Не правда ли какая красавица, та высокая, черноволосая?

— Молчите, вѣдь они могутъ слышать. Это сэръ-Денисъ съ нами, я знаю его, онъ дядя капитана. Я вамъ показывалъ его замокъ возлѣ церкви; а это его племянница, миссъ Бутлеръ, другой же я прежде никогда не видывалъ.

— А ей Богу, и другая недурна; какіе чудные волосы, и какая она веселая. Глядите, онѣ смотрятъ! Отойдите! Вонъ капитанъ идетъ.

Мое сердце сильно билось. Чтò мнѣ дѣлать? Выбѣжать встрѣтить желанныхъ гостей? Я не могу. Подойти къ окну? Не могу. Украдкой взглянуть на моего милого друга? Тоже не могу, не смѣю. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ въ ложномъ, въ неестественномъ положеніи. Комната моя была въ нижнемъ этажѣ, а на окнахъ не было сторъ, такъ что всякій, немного приподнявшись, могъ видѣть всю комнату, за исключеніемъ

маленькаго угла за окномъ. По несчастію, я предъ тѣмъ велѣлъ принесть себѣ ушатъ воды и въ углу, гдѣ слуга мой подстелилъ клеенку, наслаждался купаньемъ въ холодной водѣ Карры, посаѣ жаркаго и пыльнаго путешествія. Услыхавъ стукъ колесъ, я хотѣлъ перебѣжать въ другой уголъ комнаты, къ двери, гдѣ лежала моя одежда, но вдругъ, къ моему ужасу, предъ окномъ показались двѣ женскія шляпки, кучеръ сидящій на высокихъ козлахъ, и лошади, которыя могли бы достать меня мордами, еслибы просунули шею въ окно. Пока я сидѣлъ въ углу за ушатомъ, я былъ въ безопасности, но сдѣлавъ я шагъ, я очутился бы предъ глазами сидящихъ въ экипажѣ. Ужасно неприятное, комическое положеніе! Мнѣ приходило въ голову бросить мокрымъ полотенцемъ въ голову кучеру, или брызнуть водой въ глаза лошадямъ, но ни одной изъ этихъ мыслей я не привелъ въ исполненіе, да и теперь не могу придумать какимъ способомъ могъ я выйти изъ подобнаго положенія. Я видѣлъ шляпу сэръ-Дениса и перья и ленты женскихъ шляпокъ; я слышалъ разговоръ ихъ отъ слова до слова, и слышалъ какъ капитанъ Десмондъ подошелъ къ экипажу.

— Когда вы убѣдите Мери въ силѣ вашей руки, восклицаетъ сэръ-Десмондъ, — надѣюсь, вы и мнѣ позволите засвидѣтельствовать вамъ мое ночтеніе.

— Дорогой дядюшка, вы — *groux-chevalier*, не осудите меня что я поспѣшилъ засвидѣтельствовать почтеніе моей прекрасной кузинѣ.

(Джеральдъ Десмондъ, однако, ужасный вѣтренникъ.)

Они подали другъ другу руки; я могъ видѣть какъ головы ихъ наклонились. Опять голосъ капитана Десмонда.

— Да и вы, дядюшка, честное слово, вы моложе чѣмъ когда-нибудь.

— Право? Впрочемъ это не удивительно, если вы меня видите отраженнымъ въ лицѣ на которое смотрите. — Мери, душа моя, вы забыли представить вашего родственника, Джеральда, своей подругѣ.

— Капитанъ Десмондъ такъ взволнованъ, дядюшка, я жду чтобъ онъ успокоился, возразила Мери. — *Cousin*, позвольте рекомендовать васъ миссъ Мабелу Фрезеръ, которую мы по дружбѣ зовемъ Мебъ. До этого вамъ еще далеко.

Капитанъ Десмондъ, я увѣренъ, поклонился и затѣмъ сказалъ:

— Я въ восхищеніи что имѣю счастье говорить съ миссъ Фрезеръ.

— А теперь, Джеральдъ, я желаю познакомиться съ вашимъ начальникомъ и со всеми офицерами, и вы должны привести ихъ сегодня къ намъ обѣдать. А вы, Джеральдъ, придете къ намъ погостить, если вамъ будетъ можно. Мы попробуемъ какъ-нибудь составить танцы. Что за человекъ вашъ маіоръ? Хорошо ли уживается вы съ товарищами?

— Не дурно, дядюшка, у насъ вообще кружокъ офицеровъ порядочный. Багшо, маіоръ, старый надутый медвѣдь, но добрый солдатъ; Севеджъ, старшій капитанъ, замѣтите что я говорю, кузина, и не пренебрегайте молодыми привязанностями, кончаетъ уже пятый десятокъ, и мистрисъ Севеджъ приближается сюда съ багажнымъ поѣздомъ. Гаркуръ, сынъ Бранди Гаркура, котораго вы знали въ Индіи—славный малый. То же самое скажу о Потсѣ. Что касается до остальныхъ, то одни изъ нихъ веселые малые, другіе умны, а нѣкоторые ни то, ни другое. Есть брюнеты, блондины, высокіе и низкіе, толстые и тонкіе. Они всѣ явятся на смотръ къ кузинѣ Мери, миссъ Фрезеръ и двѣццамъ изъ Лейтрима, и тогда вы можете судить сами.

— А гдѣ Теренсъ? Гдѣ мой старый другъ, товарищъ моего дѣтства,—Теренсъ Бреди? спросилъ ангельскій голосокъ. (О, Терри, Терри, нѣ брызгай водой.)—Я такъ жду увидеть его опять между нами! (Благослови тебя Богъ, Мери, дорогая моя, за такія слова.) Странно, почему онъ не выходитъ къ намъ. (Боже мой! какъ же могу я выйти когда вы не дадите мнѣ одѣться.) А я рассчитывала что онъ первый встрѣтитъ насъ.

— А! Бреди? Нашъ докторъ! Я и самъ не понимаю какъ онъ не придетъ раскланяться, когда ему теперь нечего дѣлать. А я совсѣмъ забылъ что вы съ нимъ старые друзья. Я далъ слово за стараго Багшо, но докторъ пусть самъ отвѣчаетъ за себя. Извините меня на минуту, я пойду отыщу маіора.

— Стойте, Джакъ! Я пойду съ вами. Дѣвицы не будутъ сердиться что имъ придется немного подождать, когда столько глазъ любятъ ими съ верху, сказалъ онъ, взглянувъ на окна, откуда выглядывало множество головъ офицеровъ. Долгъ требуетъ чтобъ я самъ представился маіору Багшо, а не вызывалъ его къ себѣ.

— Вы всегда и во всемъ правы, сэръ-Денисъ, отвѣчалъ капитанъ Десмондъ. — Пусть дамы полюбуются теперь Нашемъ, Вильмотомъ, Эверастомъ и Бойлемъ, которые уже сами довольны наглядѣлись на нихъ въ послѣднія десять минутъ.

Сэръ-Денисъ съ племянникомъ пошли къ квартирамъ старшихъ офицеровъ. Дамы съ минуту сидѣли молча.

— Мебъ, почему вы такъ сжали сейчасъ мою руку? спросила Мери Бутлеръ.

— Я, Мери? Я сжала вашу руку? Когда? возражала миссъ Фрезеръ съ дрожью въ голосъ. — Можетъ-быть, нечаянно.

— Ваша рука дрожить до сихъ поръ. Что же касается до пожатія, то мнѣ показалось тогда что это большая лапа Джеральда.

Я подслушивалъ, но что же мнѣ было дѣлать!

— Еслибъ это случилось когда показался Джеральдъ, я бы воображала что онъ васъ поразилъ однимъ взглядомъ. Здоровы ли вы, Мебъ, милая моя, вы дрожите до сихъ поръ.

— Я просто взволнована, можетъ-быть оттого что эти люди все смотрятъ на насъ. Это скоро пройдетъ.

— Надеюсь, что до обѣда пройдетъ, милая моя, ласково говорила миссъ Бутлеръ. — А теперь скажите, что вы думаете о немъ.

— О комъ, Мери?

— Какъ о комъ, Мебъ? Какая вы скучная! Точно вы не понимаете. О комъ же я могу говорить, какъ не о моемъ beau cousin?

— Да, Мери, онъ дѣйствительно *bel et beau*, блестящіе глаза, чудные волосы, удивительные зубы. Какой у него носъ, римскій или греческій?

Я не разсмышлялъ отвѣта миссъ Бутлеръ. Не знаю, знала ли миссъ Фрезеръ что я былъ близко, за нѣсколько шаговъ отъ нея, ёжась какъ прибитая собака, уткнувъ лицо въ стѣну и дрожащими руками отодвигая волосы отъ ушей, чтобы не проронить ни одного слова; но когда говорили обо мнѣ и я невольно выдвинулъ голову, такъ что могъ глядѣть за косякъ окна, мнѣ показалось что на мгновеніе глаза наши встрѣтились; она вздрогнула, въ этомъ я увѣренъ, и изъ ихъ разговора я могъ судить какое впечатлѣніе произвело на нее мое внезапное появленіе. Однако, она должна же была ожидать что я приду. Я зналъ что она была въ замкѣ, и не могъ надивиться зачѣмъ миссъ Фрезеръ тамъ? Гдѣ ея отецъ? Какія роли играютъ они? Какими сѣтями опутываютъ мою

голубку? Правъ я былъ или нѣтъ, но я былъ сильно преду-бѣжденъ противъ миссъ Фрезеръ и подозрѣвалъ ее въ дурныхъ намѣреніяхъ. О, Боже мой, пошли мнѣ терпѣнія и крѣпости! Мое дѣло наблюдать и молчать. У меня нѣтъ надеждъ, но я могу жить чтобы служить ей. Чтò онѣ говорятъ теперь? Я ничего не слышу, потому что голосъ Мери опустился до шепота. Но вотъ она заговорила опять:

— Вотъ они идутъ, Мебъ. Вотъ страшный Багшо со свитой и подъ прикрытіемъ дялюшки, а вотъ и великій Джерамъ, побѣдитель женщинъ. А Теренса Бреди я все-таки не вижу. Мебъ, готовьтесь принять инфантерію!

Экипажъ отъѣхалъ на нѣсколько шаговъ дальше, за окно. Въ эту минуту въ дверь постучались, и я попоазъ черезъ комнату чтобы достать сюртукъ и остальные принадлежности туалета необходимыя человѣку находящемуся въ одной простынѣ и туфляхъ.

Въ дверяхъ показалась голова мистера Стубса, слуги маіора.

— Маіоръ проситъ васъ, сэръ, явится какъ можно скорѣй; онъ хочетъ представить всѣхъ офицеровъ сэръ-Денису Десмонду и его семейству, потому что офицеры отправятся сегодня обѣдать въ замокъ.

— Знаю, знаю! Скажите что сейчасъ приду.

Не помню какъ я влѣзъ въ свой мундиръ, дворъ кружился въ моихъ глазахъ когда я бѣжалъ къ экипажу, составлявшему теперь центръ кружка офицеровъ и предметъ наблюденія множества глазъ. Когда я приблизился, всѣ боитали и смѣялись.

— А вотъ, прервалъ маіоръ Багшо, увидавъ меня и сдѣлавъ одно изъ своихъ величественныхъ движеній, — вотъ, сэръ-Денисъ, еще одинъ изъ моихъ офицеровъ. Миссъ Бутлеръ, позвольте мнѣ представить вамъ....

Къ великому изумленію маіора, миссъ Бутлеръ прервала его интродукцію; она протянула мнѣ обѣ руки и воскликнула:

— Вотъ вы, наконецъ, Теренсъ! О, какъ я рада васъ видѣть опять въ нашихъ краяхъ. Дялюшка, вотъ мой старый другъ, мистеръ Бреди, у котораго я должна просить извиненія что сейчасъ назвала его Теренсъ. (Еслибъ она знала какъ это слово обрадовало меня!) Вы много слышали о немъ и объ его семействѣ. Будьте опять дорогимъ гостемъ въ Кильмоуѣ, мистеръ Бреди.

Сэръ-Денисъ ласково взялъ мою руку и осмотрѣлъ мнѣ въ лицо своими пронзательными сѣрыми глазами.

— Мистеръ Бреди, я зналъ вашего отца и много слышалъ о васъ. Самымъ яснымъ воспоминаніемъ въ прошломъ остался у меня мой прощальный визитъ въ Лохъ-на-Каррѣ къ вашему дѣдушкѣ. Онъ сказалъ мнѣ тогда что я долженъ возвратиться на бобомъ. Однако моя племянница забыла представить васъ миссъ Фрезеръ. Мабель, позвольте рекомендовать вамъ мистера Теренса Бреди.

Миссъ Фрезеръ поклонилась, не поднимая глазъ; она что-то пробормотала, а я сказалъ:

— Я имѣлъ уже удовольствіе встрѣчать миссъ Фрезеръ.

— Какъ? Да развѣ вы были въ Индіи? О, я и забылъ, Мабель, что вы были съ вашимъ.... съ вашимъ отцомъ, когда случилось то происшествіе, сказалъ сэръ-Денисъ. — Вы, вѣроятно, встрѣчались въ Дублинѣ?

— Да, въ Дублинѣ, сэръ.

— А Мабъ все это держала про себя, воскликнула Мери.— Не хотѣла сказать мнѣ что видѣла моего стараго друга Теренса, изъ Лохъ-на-Каррѣ. Мабъ, это, право, не хорошо!

Миссъ Фрезеръ, повидимому, было очень неловко. Она сказала кротко:

— Я видѣла мистера Бреди только разъ или два. Онъ обѣдалъ съ нами въ тотъ вечеръ когда случилось то несчастное происшествіе съ моимъ папа. Онъ пойметъ какое это неприятное воспоминаніе, для меня, по крайней мѣрѣ.

Глаза сэръ-Дениса все еще были устремлены на меня. У него была манера надолго останавливать взглядъ свой на человѣкѣ. Багшо и офицеры были поражены, узнавъ что „пилюла“ такой важный господинъ. Джеральдъ, котораго тутъ не было когда я присоединился къ группѣ, подошелъ опять.

— Такъ вотъ наконецъ вашъ другъ. Я уговорился съ капитаномъ Севеджемъ, сэръ, если вы будете не противъ этого. Онъ беретъ на себя мои обязанности.

Маіоръ разсыпался въ любезностяхъ. Онъ ожидалъ въ будущемъ частыхъ приглашеній въ замокъ, гдѣ былъ отличный поваръ и погребеъ, а въ лѣсахъ водилось много куликовъ.

— Я вамъ совѣтую, мистеръ Бреди, проскользнуть къ намъ какъ можно незамѣтно, потому что до меня дошли слухи что арендаторы, которые помнятъ вашего дѣдушку и старыя времена въ Лохъ-на-Каррѣ, готовятся съ триумфомъ донести васъ по аллеѣ къ замку.

— О, докторъ, позвольте пронести себя съ триумфомъ!

Вотъ будетъ весело-то, дядюшка, смѣялся Джеральдъ.—А мы-то какъ ничтожны будемъ предъ нимъ; мы можемъ вознаграждать себя только тѣмъ, если заставимъ толпу пронести себя отсюда въ замокъ.

— Народъ очень любитъ семейство мистера Бреди, сказала миссъ Бутлеръ очень серьезно,—и, я увѣрена, сдѣлаетъ только то что ему будетъ приятно.

Всѣ замолчали. Джеральдъ, опершись рукой на экипажъ, молча смотрѣлъ на дамъ. Маіоръ стучалъ шпорами. Офицеры переминались изъ одной неловкой позы въ другую, и наконецъ сэръ-Денисъ подалъ знакъ прощанія, вынувъ часы.

— Я совсѣмъ не ожидалъ что такъ поздно. Мери, теперь поѣзжайте къ Кареемъ и пригласите дѣвицъ, потомъ попробуйте убѣдить Лаулерсовъ, только не двухъ дѣвствующихъ тетусекъ, пріѣхать къ намъ. Томасъ, изъ Кильмойля пріѣзжай за мной въ судейскую контору.

Маіоръ Багшо съ большимъ достоинствомъ сдѣлалъ военный салютъ, офицеры раскланялись каждый по своему обыкновенію, неугомонный Джеральдъ поцѣловалъ ручки, и экипажъ скрылся за воротами. Сэръ-Денисъ, его племянникъ и я, остались одни.

— Дядюшка! воскликнулъ Джеральдъ:—а вѣдь она, право, очень красивая дѣвушка.

— Я искренно радъ, что вы это рѣшили въ умѣ своемъ. Это очень польститъ Мери.

— Ахъ! Да. Мери! Конечно. Но я разумѣлъ ту, другую... то-есть, продолжалъ капитанъ Десмондъ, нѣсколько смутившись,—мнѣ эта миссъ Фрезеръ кажется очень мила. Разкажите-ка мнѣ о ней.

— Успѣете еще узнать, отвѣчалъ сэръ-Денисъ сухо.—Увидимся въ семь часовъ. Я пришлю за вами лошадей, какія останутся. Полагаю, что все общество усядется.

Джеральдъ поглядѣлъ вслѣдъ дяди.

— Весьма крѣпкій старикъ, замѣтилъ онъ.— Говорятъ, Индія изнуряетъ человѣка. Посмотрите на него. Да я готовъ обзакладъ побиться что онъ насъ переживетъ. Я приучусь къ вамъ подъ крылышко, докторъ, и мы вмѣстѣ поѣдемъ въ этотъ нелѣпый старый замокъ, который мнѣ во всякомъ случаѣ хочется видѣть, пока онъ не перешелъ еще во владѣніе какого-нибудь ирландскаго вождя. Помню большую

лѣстницу, старую портретную галерею, разбитое окно въ моей спальнѣ... все это я, по всей вѣроятности, и теперь нашелъ бы in statu quo, еслибы дозволили мнѣ побродить по дому.

XV. Обѣдъ въ замкѣ.

Какую перемѣну немногіе года произвели въ Кильмойлѣ! Никогда особенно не процвѣтавшій, городокъ этотъ дошелъ, повидимому, до крайняго упадка и нищеты. Ярмарка кончилась. Кое-гдѣ дѣревенская телѣга у двери трактира, запоздалая свинья возвращающаяся домой съ новымъ хозяиномъ, да, можетъ-быть, нѣсколько лишнихъ противъ обыкновеннаго посѣтителей въ полпивныхъ—вотъ все что осталось отъ нея. Я надѣлъ охотничью куртку и вышелъ изъ казармъ незамѣченный. Я глядѣлъ на свидѣтельства упадка и припоминалъ бывшее время, когда Кильмойль казался мнѣ средоточіемъ образованной жизни. Великое заведеніе Рафферти, гдѣ я бывало покупалъ потрясающія картины сраженій и картонныхъ солдатъ, которыхъ раскрашивалъ карминомъ въ свое удовольствіе, исчезло. Это былъ ударъ для моего чувствительнаго сердца. Домъ былъ перестроенъ, большое окно заложено, и на томъ мѣстѣ гдѣ нѣкогда красовались въ несчетномъ изобиліи всевозможныя драгоценности: игрушки, картины, рисовальныя ящички, удила, ружья, манчестерскія издѣлія, наряды, шапки, косы, шляпы, книги, лакомства—словомъ, такая выставка, что складъ Рафферти можно было считать за музей образцовъ всѣхъ ремеслъ и мануфактуръ, теперь видѣлись объявленія отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, отъ обществъ переезженцевъ, „прокламаціи“ изъ Дублинскаго замка и т. п. Десмондова гостиница превратилась въ „нумера для пріѣзжающихъ съ помѣщеніемъ для лошадей“. Миновали старые дни почтовыхъ каретъ; вѣтвь желѣзной дороги въ Нокдоунъ оставила Кильмойль въ сторонѣ, и еще построили другую дорогу, которая унесла остальную торговлю.

Еслибы не гальваническая искра отъ ярмарки да не прібытіе отъ времени до времени какого-нибудь инспектора, Кильмойль умеръ бы отъ летаргіи. Я не могъ удержаться чтобъ не войти въ старый домъ. Знакомая мнѣ хозяйка

переселилась за Океанъ. Она уѣхала къ сновьямъ своимъ въ Америку, когда начался голодъ. Но буфетъ былъ на старомъ мѣстѣ, большая часть окна была заклеена сѣрою бумагой, однако мнѣ видѣлась старая гравюра „достопочтеннаго графа Белбрукъ, владѣльца Кильмобильскаго парка“, виставшая противъ портрета „сэръ-Джона Десмонда, члена парламента, произносящаго знаменитую рѣчь свою въ ирландской нижней палатѣ въ 1782 году“, а лица подъ стеклянныиъ колпакомъ надъ каминомъ, казавшаяся весьма способною повторить безсмертную уголку, сбившую съ ногъ полграфства и доставившую ей честь быть хранимой въ видѣ чучела. Вотъ на противоположной стѣнѣ чудовищная форель, „пойманная эсквайромъ Ричардомъ Бутлеромъ ниже моста на Лохъ-на-Каррѣ 10-го июля 1819 года“, старающаяся, какъ-будто, вырваться; вотъ коллекціи разныхъ птицъ, собранныя хозяиномъ, личнымъ въ имѣніи Десмондовъ: филикъ, выпь, нырокъ, одинокій куликъ, пестрый тетеревъ, на которыхъ я такъ охотно приходилъ любоваться во дни моего дѣтства. За столомъ шли нѣсколько человекъ. Они встали, когда я вошелъ, потому что я былъ одѣтъ лучше ихъ и могъ быть, пожалуй, одинъ изъ сильныхъ земли. Они сѣли опять по моему приглашенію и глядѣли на меня нѣмча, тѣмъ дикимъ, любопытнымъ, пытливымъ, полудиспуганнымъ взглядомъ, котораго нельзя описать тому кто самъ не видалъ его. Хозяйка—какъ не похожа была она на мою милую, живую мастрисъ Демпси, съ бѣлымъ чепцомъ ея, красивымъ лицомъ и бодрою, опрятною наружностью!—спросила „чего угодно моеи чести?“ и очень, по видимому, обрадовалась, узнавъ что я ничего больше не требую какъ рюмку водки.

— Можетъ-быть, ваша честь, сказалъ одинъ изъ мужчинъ, сидѣвшихъ за столомъ, поглядѣвъ на меня довольно долго,— вы здѣсь чужой?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ я, — я бывалъ здѣсь прежде.

— Ну, такъ я, право, удивляюсь, что вамъ пришла охота сюда вернуться. Кто только можетъ выбраться изъ Кильмобля, тотъ уже рѣдко возвращается.

— Э! Да ты говоришь съ джентльменомъ будто онъ нашъ братъ, замѣтилъ рябой, услужливый старикъ, сидѣвшій рядомъ. — Развѣ ты не видишь, Магвайръ, что онъ изъ знатныхъ?

— Ничуть не бывало, сказалъ я. — Я дѣлаю что прика-

жуть, иду куда пошлютъ, и добываю хлѣбъ исполненіемъ моихъ обязанностей.

— Да, можетъ, вы состоите при комъ-нибудь тамъ въ замкѣ? спросилъ первый говорившій уже болѣе фамилиарнымъ тономъ.

— Нѣтъ, я ни при комъ не состою. Я здѣсь не болѣе какъ гость, хотя, вѣроятно, проживу нѣсколько времени. Ну, позвольте же и мнѣ сдѣлать вамъ два-три вопроса.

Опять молчаніе, подозрительность и тревожность.

— Не бойтесь, продолжалъ я.—Я не инспекторъ, не сборщикъ податей, не таксаторъ. Я бѣдный дворянинъ изъ семейства которое нѣкогда жило въ этой странѣ, и мнѣ хотѣлось бы, если вы здѣшніе, узнать отъ васъ кое-что о нѣкоторыхъ старыхъ друзьяхъ нашихъ.

— Не угодно ли будетъ вашей чести сказать намъ свое имя, чтобы мы знали съ кѣмъ говоримъ. Вотъ старикъ Петръ Феланъ знаетъ, почитай, всѣ здѣшніе коренные роды.

— Погодите, друзья, на все—время. Не можетъ ли кто-нибудь изъ васъ сказать мнѣ что случилось съ однимъ моимъ старымъ школьнымъ товарищемъ, Морисомъ Прендергастомъ?

Они переглянулись многозначительно, почти испуганно.

— Мистеръ Морисъ Прендергастъ! воскликнулъ Феланъ, какъ бы недоумѣвая. — Да, кажется, я прежде слышалъ это имя. Вы это не про Мориса ли изъ Карра-Линнъ говорите, что пошелъ къ чорту съ братьями молодой Ирландіи (туда имъ и дорога)?

— Онъ самый.

— Кажется, Магвайръ, сказалъ Петръ Феланъ, помолчавъ,—я читалъ въ газетахъ что онъ улизнулъ въ Соединенные Штаты съ нѣкоторыми изъ товарищей.

— А гдѣ его сестра?

— Го! го! воскликнулъ Магвайръ: — вашей чести извѣстно что у мистера Мориса есть сестра.... Да благословить ее Богъ! Ахъ! Еслибы только мы могли удержать ее, такъ не отпустили бы отъ себя, повѣрьте! Но она уѣзжаетъ въ Америку къ брату. Она теперь еще въ старомъ своемъ домѣ, но имѣніе продается; скоро какой-нибудь пришлецъ будетъ сгонять народъ съ земли, а Прендергасты, не уступавшіе прежде ни Десмондамъ, ни Бутлерамъ, ни Карелямъ, будутъ зарабатывать себѣ хлѣбъ на чужбинѣ. Удивительно, какъ это все попускаетъ Господь Всемогуцій!

— А все-таки имъ не такъ плохо какъ Бреди въ Лохъ-на Каррѣ, замѣтилъ Петръ.

— Говорятъ, старый домъ будетъ скоро продаваться, а докторовъ внукъ—да хранить его Богъ—увъзжаетъ въ Индію бѣднымъ полковымъ костоправомъ, такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ.

— Но Прендергасты всегда стояли за права народа.

— И Бреди точно также, прервалъ Феланъ.—Укажите мнѣ человѣка который былъ бы добрее къ бѣднымъ чѣмъ старый докторъ и лучше его исполнялъ бы должность мирового судьи.

— Да, это правда. Но они не держались старой вѣры. Я самъ слышалъ что молодой Бреди былъ одинъ изъ донощиковъ на мистера Мориса.

— Бреди никогда не бывали донощиками, Мать, сказала третій сидѣвшій у стола,—я знаю что это неправда. Я слышалъ отъ людей которые должны знать какъ было дѣло, что мистеръ Морисъ разказалъ сестрѣ какъ молодой Бреди опасъ ему живнъ.

— Да развѣ неизвѣстно всему графству, закричалъ Магвейръ,—что молодой Бреди былъ секундантомъ того иностранца который на дуэли ранилъ мистера Мориса въ щеку.

— Что жъ, если онъ ему былъ другъ, и поединокъ былъ правильннй?

— Чтобъ избавить васъ отъ напраснаго спора, вмѣшался я,—могу сказать вамъ что мистеръ Прендергастъ и мистеръ Бреди, хотя не согласны были въ нѣкоторыхъ политическихъ вопросахъ, разстались друзьями, и мистеръ Бреди укрывалъ его, когда полиція его преслѣдовала. Я это знаю, такъ какъ я былъ въ то время въ Дублинѣ.

— Ну, можетъ-быть, и такъ. А все-же нельзя сравнивать Прендергастовъ съ Бреди, или хотъ съ Десмондами. Это еще увидать когда-нибудь тамъ въ зѣмки!

— Да развѣ сэръ-Денисъ Десмонда не любятъ? спросилъ я.

Взглядъ моего собесѣдника былъ достаточнымъ отвѣтомъ.

— Любятъ! повторилъ онъ.—Конечно любятъ его тѣ для кого онъ здѣсь старается. Его здѣсь любятъ такъ же, какъ любили въ Индіи.

— Сэръ-Денисъ пользуется репутаціей справедливаго и добраго человѣка. Имъ слѣдовало бы гордиться Ирландіи. Отчего же его не любятъ?

— Ну, извольте, я скажу вамъ. Оттого что у него нѣтъ сердца. Онъ знаетъ свои права да законы, да агентовъ, да адвокатовъ, только и дѣлаетъ что затѣваетъ съ нами процессы. И кто смѣетъ слово сказать противъ него? Право, скоро и говорить-то ужъ некому будетъ, развѣ бараны начнутъ бляеть на него. Ему бы не сдобровать отъ нѣкоторыхъ отчаянныхъ молодцовъ, да мистеръ Морисъ написалъ что никогда ногою сюда не ступить, если тронуть хоть волосъ на его головѣ, а во всемъ околоткѣ нѣтъ мущины, женщины или ребенка, которые не были бы готовы умереть за миссъ Мери, да благословить ее Богъ.

— Такъ вы ожидаете Прендергаста назадъ?

— Въ указанное время, ваша честь, и, надѣмся, скоро.

Человѣкъ, до сихъ поръ только разъ говорившій, быстро поднявъ руку, поднесъ стаканъ къ губамъ, пристально взглянулъ на меня, вставая, и сказалъ:

— Я думаю, ночь будетъ хороша.

Оба остальные, сидѣвшіе за столомъ, внимательно смотрѣли на меня пока онъ говорилъ.

— Я прощусь съ вами, друзья, продолжалъ онъ.—Я иду домой; дорога мнѣ дальняя.

И взявъ шляпу и палку, онъ вышелъ изъ дому, сказавъ мнѣ:

— Доброга вечера вашей чести.

Я прошелъ чрезъ тѣсную переднюю, въ которой когда-то мы съ Морисомъ дожидались почтовой кареты изъ Слито. Наверху была комната, гдѣ бѣдный дѣдъ мой впервые увидалъ Могуна, Джакко и меня, когда мы только что пріѣхали въ Кильмойль. Я вышелъ на улицу и быстрымъ шагомъ пошелъ по знакомой дорогѣ къ Лохъ-на-Каррѣ.

Увы! Даже сама природа почувствовала руку времени. Напрасно искалъ я привычныхъ куртинъ деревьевъ; деревья были срублены, пригорки срыты, хижины снесены, стѣны разрушены. Гдѣ въ молодости моей была узкая тропа, усыпанная какъ ложе потока камнями и щебнемъ, теперь тянулась широкая дорога, на которой трава росла пучками. Я дошелъ наконецъ до будки сторожа. Чугунныя ворота были отворены, да и бесполезно было бы затворять ихъ, такъ какъ рѣшетка большею частію обвалилась, и замки были сломаны. Въ будкѣ никого не было, окна были заложены поросшими мхомъ досками, крыша поросла травой.

Старые дубы, составлявшіе аллею къ дому, исчезли, лужайка превратилась въ пашню, кромѣ одного клочка оставленнаго для пастбища коровамъ и овцамъ и глубоко изрытого свиньями. Коровъ и овецъ однако не было; лугъ былъ истоптанъ и грязенъ около озера, трава была скошена вездѣ гдѣ только годилась въ пищу.

Ни души не было видно. Я прошелъ къ дому, къ дорожному мѣ старому дому, который, думалъ я, встрѣтитъ меня, какъ добрый другъ, привѣтствіемъ послѣ долгаго странствія. Увы! Не было привѣтствія въ этой унылой, мертвенной наружности. Все находилось въ упадкѣ. На самыхъ стѣнахъ видѣлась нищета и запущенность: деревянная обшивка требовала краски, которая предохранила бы ее отъ непогоды, между камнями росла зеленая трава, питаемая сыростію, сочившеюся изъ щелей; карнизъ былъ сломанъ, птицы приютились подъ нимъ, изъ гнѣздъ ихъ торчали солома и перья; окна подернуты были сѣрою пылью, свидѣтельствовавшею о необитаемости дома, или о лѣни прислуги. Дверь была открыта. Остановившись минуту на порогѣ,—какъ человѣкъ собирающійся нырнуть въ рѣку, гдѣ купался онъ въ старое время и которой глубина ему знакома, обдумываетъ однако на сколько дво могло измѣниться съ теченіемъ времени,—я вошелъ въ стѣны. Едва успѣлъ я окинуть взглядомъ хорошо знакомыя стѣны, какъ дверь изъ гостиной отворилась; Мери Бутлеръ, съ корзинкой на рукѣ, въ сопровожденіи дѣвушки одной съ нею лѣтъ, стояла предо мной. Не могу сказать чтѣ произошло въ моей головѣ и почему я чуть не бросился бѣжать. Мери Бутлеръ какъ-то ничѣмъ не поражалась и принимала всѣ случайности самымъ простымъ, естественнымъ образомъ.

— Такъ вы вернулись къ старому, милому дому? сказала она, протягивая руку.—Ахъ! сколько переменъ найдете вы въ немъ! Вы знакомы съ миссъ Прендергастъ? Нѣтъ? Незнакомы съ сестрой вашего товарища Мориса Прендергаста? Позвольте же познакомить васъ. Миссъ Прендергастъ, мистеръ Тервель Бреду.

Она была темноволосая, серіозная дѣвушка съ сѣрыми глазами, длинными рѣсницами и тонкими, вѣжными чертами лица; высокая, стройная, повидимому слабая; что-то въ ней напоминало Мориса. Она была одѣта въ глубокой трауръ съ бѣлыми воротничкомъ и широкими бѣлыми отворотами на рукавахъ, которые придавали ей видъ сестры милосердія.

Она низко присѣла мнѣ, какъ я никогда еще и не видывалъ; въ послѣдствіи я узналъ что такой обычай у воспитанницъ монастыря Sacré Coeur въ Алжерь. Когда глаза наши встрѣтились, легкая краска проступила на ея щекахъ, и я понялъ что она все знаетъ обо мнѣ.

— Мы навѣщали бѣдную мистрисъ Консидинъ, продолжала миссъ Бутлеръ,—вашу жилицу. Миссъ Прендергастъ позволяетъ мнѣ иногда участвовать въ ея дѣлахъ милосердія.

Миссъ Прендергастъ сдѣлала легкое, протестующее движеніе и сказала мягко:

— Милая миссъ Бутлеръ! Все ваши дѣла.

— Хотите видѣть мистрисъ Консидинъ? Она очень слаба, надо сказать вамъ, но исполнена энергіи. Еслибъ я дозволила вамъ уйти не представивъ васъ ей въ вашемъ же домѣ, она бы разсердилась на насъ. Не правда ли, Роза?

— Нѣтъ! воскликнулъ я.—Не заставляйте меня видѣть еще страданія въ этомъ несчастномъ домѣ, прошу васъ! Я пришелъ сюда единственно изъ любопытства. Шелъ по аллеѣ, подходилъ ближе и ближе, видѣлъ что дверь отворена, вошелъ, вотъ я и здѣсь. Я уже наглядѣлся довольно и отложу знакомство съ моею жилицей, какъ вы ее называете, до другаго времени.

Мы вышли изъ сѣней на старыи дворъ, и вотъ мы съ Мери Бутлеръ идемъ по старой, поросшей травой дорогѣ, какъ въ былое время, а рядомъ со мною сестра Мориса Прендергаста. Мы шли молча, пока не дошли до будки; телѣжка стояла у воротъ, пажъ держалъ лошадь.

— Итакъ, Роза, если ужъ вы такъ упрямы, я завезу васъ домой, а мистеру Бреди придется возвращаться пѣшкомъ, чему онъ, впрочемъ, по всей вѣроятности, очень радъ, такъ какъ не обнаружилъ намъ ни малѣйшаго желанія прервать свои размышленія. Вы, должно-быть, думали о старомъ времени, такъ же какъ и я. Вы скажете мнѣ, когда увидимся за обѣдомъ. Прощайте, вамъ остается только два часа.

Она укатила въ телѣжкѣ съ миссъ Прендергастъ и маленькимъ пажемъ, взгромоздившимся сзади.

Я глядѣлъ вслѣдъ молодымъ дѣвушкамъ и обращалъ къ нимъ безконечное множество прекрасныхъ рѣчей, про себя, ибо я ходячій оборникъ отличныхъ „mots d'escalier“; какъ вдругъ я замѣтилъ человѣка, вышедшаго, повидимому, изъ-за забора и подходящаго ко мнѣ. Я узналъ третьяго собесѣдника

за столомъ въ Десмондовой гостиницѣ, и въ отвѣтъ на его поклонъ сказалъ: „добраго вечера“, такъ какъ часа чрезъ два должно уже было смеркнуться.

— Извините меня, мистеръ Бреди, я былъ увѣренъ что не ошибся, когда увидѣлъ васъ сегодня въ трактирѣ, а теперь и навѣрное знаю что узналъ васъ. Я сынъ стараго Дана, лохъ-на-каррскаго рыбака, помните? Большая радость ему будетъ увидаться еще разъ съ вашею честью.

— Ахъ! Данъ! Добрый старый Данъ! скажите ему чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ завтра. Я буду очень радъ видѣть вашего отца.

— Такъ, отвѣчалъ онъ,—легко сказать: приходи, да бѣдный старикъ не можетъ двинуться, развѣ святые угодники излѣчатъ его ревматизмъ. Холодъ и сырость совсѣмъ изломали его. Да, можетъ; ваша честь найдетъ время какъ-нибудь зайти къ намъ въ Кольбонъ; вы больше ему поможете чѣмъ всѣ доктора на свѣтѣ.

Я обѣщалъ какъ-нибудь зайти и собирался продолжать свой путь къ Кильмойлю, но онъ, приподнявъ шляпу, остановилъ меня и сказалъ многозначительно:

— Вы желали слышать о мистерѣ Морисѣ? Миссъ Роза сейчасъ тутъ проѣхала съ доброю миссъ Бутлеръ. Не правда ли что она добрая? Можетъ-быть, когда вы придете навѣстить старика, такъ узнаете что-нибудь о мистерѣ Морисѣ. О! Богу извѣстно, что плохо ему теперь приходится. Добраго вечера и всякаго благополучія; вѣдь вы собираетесь обѣдать въ замкѣ. Старикъ обрадуется моимъ вѣстямъ. Да хранить васъ Богъ.

И онъ пошелъ своею дорогою.

Хотя самъ природный Ирландецъ, я въ сущности очень мало зналъ моихъ соотечественниковъ, племя болѣе всякаго другаго требующее тщательнаго изученія и точнаго примѣненія искусства познавать народъ, искусства столь полезнаго въ вопросахъ правительственныхъ и политико-экономическихъ, и вовсе не похожаго на „знаніе свѣта“ или „людей вообще“. Меня изумило, какъ этотъ человекъ знаетъ что я Теренсъ Бреди, что я обѣдаю въ замкѣ, какъ проникъ онъ въ мою тайну, судя по тону которымъ говорилъ о миссъ Бутлеръ. Дѣло въ томъ что мистеръ Макарти погулялъ около казармъ и успѣвалъ ознакомиться съ исторіей каждаго офицера, на сколько можно было узнать ее изъ имени и свѣдѣній слугъ о

семейныхъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ господъ. Когда дошелъ я до казармъ, пора было отдѣлаться къ обѣду, но не легко мнѣ было отдѣлаться отъ толпы лохъ-на-каррскихъ жителей, пришедшихъ поздравить внука добраго доктора съ прїѣздомъ въ Кильмойль. Нѣкоторые слуги, которыхъ я помнилъ мальчиками и дѣвочками, выползли изъ своихъ хижинъ показать мнѣ дѣтей своихъ, посмотрѣть какъ я выростъ и потолковать съ „молодымъ хозяиномъ“, которому, правду сказать, не надъ чѣмъ почти было хозяйничать. Когда я высвободился отъ рукожатій и поклоновъ толпы и вошелъ на дворъ казармъ при громкихъ восклицаніяхъ: „благослови васъ Богъ, мистеръ Теренсъ!“ товарищи мои встрѣтили меня шутками и насмѣшками надъ обширнымъ и избраннымъ кругомъ моего знакомства. Вдучи съ Джеральдомъ Десмондомъ въ замокъ, я все ждалъ не скажетъ ли онъ чего-нибудь о Мери Бутлеръ, но онъ только разъ упомянулъ о ней и то вскользь, такъ что я на минуту разсердился, хотя самъ не зналъ хорошенько за чтѣ. Гораздо болѣе распространялся онъ о миссъ Фрезеръ и съ видимою внимательностью слушалъ мои разказы о полковникѣ Фрезеръ. Я указалъ ему всѣ красоты мѣстности, а онъ въ отвѣтъ дѣлалъ свои замѣчанія. Онъ не обинуясь высказывалъ намѣреніе произвести весьма большія перемѣны, если будетъ имѣть возможность. Но онъ не ожидалъ такого величественнаго замка и не могъ подавить восклицаніе удивленія, когда на поворотѣ дороги открылся взгляду весь фасадъ съ длиннымъ рядомъ оконъ, освѣщенныхъ заходящимъ солнцемъ.

Я едва узналъ старую залу замка. Великолѣпныя панопліи смѣнили лисьи головы и древніе охотничьи снаряды, развѣшанные прежде по стѣнамъ. Клинки дамасской стали, длинныя ружья, выложенныя золотомъ и слоновою костью, кольчуги и брони, щиты, пучки стрѣлъ и длинныхъ копій блестя кругомъ искусными узорами, а полъ былъ устланъ тигровыми и леопардовыми кожами. Все въ домѣ измѣнилось, и несомнѣнно къ лучшему. Войдя въ гостиную, трудно было повѣрить что это та же самая, суровая, обширная, уютная комната, которую въ былое время мы съ Мери иногда осмѣливались превращать въ мѣсто для игръ. Сэръ-Денисъ и его племянница были уже окружены толпою гостей, приглашенныхъ напередъ праздновать прибытіе Бенгальскихъ Тигровъ въ Кильмойль. Сэръ-Денисъ въ первый разъ давалъ

большой обѣдъ. Тутъ былъ, конечно, лордъ Белбрукъ и сэръ-Аймерикъ Бойль, тутъ было сборище Кези и Крафтоновъ, и О'Бриновъ, и Лаудеровъ, и Несбитовъ; ожидали графа Мулинагона, а также и баронессу О'Туль; но къ великому огорченію молодыхъ дамъ, нашъ майоръ предписалъ черные фраки и бѣлые галстуки вмѣсто плавительныхъ малиновыхъ куртокъ съ золотыми галунами. Не легко было тремъ цвѣтущимъ дочерямъ лорда Белбрука скрыть свое горе, когда одинъ Бенгальскій Тигръ за другимъ входилъ съ болающими позади черными фалдами. Когда пробило семь часовъ, смуглый дворецкій доложилъ что обѣдъ поданъ, и сэръ-Денисъ къ общему ужасу, смѣшанному, впрочемъ, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, повелъ въ столовую мистрисъ Кези, не дожидаясь графа Мулинагона и не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчаніе сэръ-Аймерика Бойля, который, стоя у отдаленнаго окна, объявилъ что баронессины гнѣдые показались на поворотѣ. Такого банкета не давалось въ этомъ домѣ со свадьбы Дика Бутлера, и только на обѣдѣ графства разъ въ три года собиралось такое множество гостей, но сэръ-Денисъ привыкъ жить открыто и любилъ пышность. Десмондовскія ливреи, новыя, съ иголки, болѣе обыкновеннаго бросались въ глаза на ряду съ бѣлоснѣжными одеждами Индузовъ, которые, скрестивъ руки на груди, съ серебрянымъ гербомъ хозяина на чалмахъ и широкихъ рукавахъ, стояли вокругъ стола. Достопочтенная Летти Клоштуръ дѣвица романтическаго настроенія, утверждала что это плавные принцы, содержимые въ неволѣ грознымъ присоединителемъ Аврипора, но тетюшка ея, мистрисъ Кези, смотрѣвшая на вещи и людей съ болѣе практической точки, доказывала, что они ни на что не нужны и только мѣшаютъ обѣдать, глядя на гостей своими темными, странно-вращающимися глазами. Графиня О'Туль, вдова стараго графа священнои Римской имперіи, осужденная духовной мужа жить въ странѣ которой самъ онъ всегда тщательно избѣгалъ, была на этотъ разъ въ духѣ, такъ какъ ей не пришлось унизить свое достоинство, уступивъ кому-либо первое мѣсто на пути въ столовую. Она помѣстилась очень добродушно подлѣ Джераарда Десмонда, ровно на столько говорившаго по-нѣмецки чтобы поддержать спокойный разговоръ. Графъ Мулинагонъ, на лицѣ котораго замѣтенъ былъ отбѣнокъ досады, когда вошелъ онъ въ комнату въ началѣ обѣда, смягчилась

привѣтствіемъ Мери, подлѣ которой сѣлъ, на свободное мѣсто вдали отъ меня, и превосходнымъ восточнымъ блюдомъ, которое подали въ эту минуту. Вообще обѣдъ удался какъ нельзя болѣе, хотя одинъ легкомысленный прапорщикъ черезъ-чуръ оживился и выпилъ лишнее, какъ ни хмурился на него Багшо ради предостереженія.

Но гдѣ же все это время была миссъ Фрезеръ? Она не являлась въ гостиную, не показывалась и тогда, когда мы шумною толпою вышли изъ-за стола. Я удивлялась ея отсутствію, но не рѣшалась спросить о его причинѣ. Слуга отозвалъ миссъ Бутлеръ, прежде чѣмъ успѣлъ я сказать ей слово. Она вернулась поспѣшно, подошла къ сэръ-Денису, разсуждавшему о поземельномъ вопросѣ съ мѣстными магнатами, и стала что-то тревожно говорить ему. Онъ выслушалъ ее внимательно, потомъ обвелъ глазами комнату, подошелъ къ отдаленному углу, гдѣ я укрѣпился противъ миссъ Жозефины Кези, и сказалъ тихо:

— Вы бы обязали меня, еслибы вышли въ большой корридоръ. Вѣдь вы хорошо знаете домъ. Я сію минуту приду къ вамъ.

Скоро, дѣйствительно, онъ вышелъ въ старинный корридоръ, по которому шагалъ я назадъ и впередъ, и взявъ меня подъ руку, сказалъ:

— Мистеръ Бреди, я послалъ за докторомъ Дюкомъ, но пока вы бы очень одолжили меня, еслибы взглянули на миссъ Фрезеръ. Послѣ того какъ вы видѣли ее въ казармахъ, съ ней стали дѣлаться сильныя припадки дурноты. Жалѣю, что въ первый же разъ какъ вошли вы въ замокъ со времени своего дѣтства, вамъ приходится посѣщать больную. Это, вѣроятно, не болѣе какъ временная слабость. Но все-таки оно странно и беспокоитъ насъ.

Вслѣдъ за тѣмъ я стоялъ у постели Мабелы Фрезеръ. Мери Бутлеръ поддерживала ей голову своими прекрасными, полными руками и заботливо глядѣла мнѣ въ лицо, пока я щупалъ пульсъ. Комната была въ беспорядкѣ. Разбитое зеркало лежало на полу. Туалетный столъ былъ опрокинутъ.

— О, миссъ Мери! Ей бѣдняжкѣ сдѣлалось очень дурно, какъ вы ушли! воскликнула горничная. — Я ужъ боялась какъ бы она не сдѣлала чего надъ собой, не выпрыгнула бы изъ окна.

Мабель Фрезеръ лежала на рукахъ подруги, спокойная какъ спящій ребенокъ, но глаза ея были открыты и глядѣли въ пространство съ выраженіемъ ужаса. Она одѣвалась къ обѣду, когда сдѣался съ нею припадокъ; горничная вышла на минуту, и возвращаясь, услышала крики, какъ будто страха и отчаянія; долетали голоса.... кромѣ голоса миссъ Фрезеръ, еще чей-то другой. Вбѣжавъ въ комнату, она увидала что окно отворено, а миссъ Фрезеръ прижалась въ углу и глядѣла „точь въ точь какъ теперь глядитъ“. Пульсъ былъ очень слабъ и неровенъ. Я едва чувствовалъ біеніе сердца дѣвушки. Признаки указывали на дурноту, на совершенное истощеніе нервной системы, произведенное какимъ-нибудь сильнымъ потрясеніемъ. Миссъ Бутлеръ, призванная горничной, нашла подругу свою стоящую у окна; увидѣвъ ее, она громко вскрикнула и упала къ ней на руки. Она не могла объяснить причину своей тревоги. Она испугалась какого-то внезапнаго шума, чего-то.... сама не знала чего, представившагося ей въ комнатѣ, она уже прежде чувствовала себя нездоровою въ этотъ день, и бросившись къ колокольчику, упала въ обморокъ. Почему окно отворено, она не знала, но впрочемъ, тутъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ вечеръ ясный и теплый. Потомъ немного спустя она совершенно оправилась, смѣялась надъ собою и своею боязливостію, и обѣщала поспѣшить, чтобы поспѣть къ обѣду. Однако послала сказать сэръ-Денису что она извиняется, что не можетъ придти, потому что у ней очень болитъ голова. Часа два спустя, слуга, проходя корридоромъ, услышалъ громкій звонокъ и крикъ призывающій на помощь. Онъ бросился въ комнату и увидѣлъ Мабель Фрезеръ забывшуюся въ ужасѣ въ уголѣ за диванъ, и всѣ вещи въ комнатѣ опрокинутыми, какъ мы ихъ нашли.

Что понималъ лѣкарь Бенгальскихъ Тигровъ въ такихъ случаяхъ? Съ отчаянія, я потребовалъ всю имѣвшуюся въ домѣ, аптеку. Миссъ Бутлеръ побѣжала за sal volatile, Сюзанна бросилась за каплями экономки, а я тѣмъ временемъ принялся вытаскивать перья изъ тюфяковъ и накурить ими такъ, что въ комнатѣ едва можно было дышать.

— Мы одни? воскликнула Мабель Фрезеръ такъ внезапно, что я уронилъ цѣлый пукъ перьевъ. Скорѣе! Бога ради скорѣе!

— Гдѣ? Что? Что мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? продолжала она.—Ничего не дѣлать, ничего не говорить, молчать, какъ я принуждена молчать, хоть умираю. О, еслибъ я умерла! О! Боже, какъ бы я благодарила Тебя!

И она подняла глаза кверху съ такимъ отчаяннымъ, жалобнымъ выраженіемъ, что я замеръ на мѣствѣ со свѣчой въ одной рукѣ, съ перьями въ другой, и глядѣлъ на нее неподвижно, съ глубокимъ состраданіемъ.

Мабелъ Фрезеръ опустила глаза, взглядъ ея встрѣтился съ моимъ.

— Бѣдный мальчикъ! сказала она нѣжно.—Много еще горя предстоитъ намъ обоимъ. О! что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Она била себя руками по колѣнямъ, въ глазахъ ея опять появился неопредѣленный и смутный взглядъ.

— Вы и я! Горе намъ обоимъ! И мнѣ тоже! вскричалъ я.— О чемъ говорите вы? Умоляю васъ, скажите мнѣ! Дайте мнѣ....

— Тихе! прошептала она.—Идутъ. О! милая моя, продолжала она, когда вошла миссъ Бутлеръ въ сопровожденіи экономки и горничной, несшей огромный ящикъ съ лѣкарствами:—я такъ рада васъ видѣть. Я уже оправилась. Ужасное состояніе прошло, благодаря мистеру Бреди. Надѣюсь, что на сегодняшній день довольно сожжено перьевъ. Я чувствую себя хорошо. Теперь оставьте меня, пожалуйста. Благодарю васъ. Прощайте, доброй ночи!

Она протянула руку, и когда я взялъ ее, на лицѣ ея мелькнуло выраженіе глубокаго состраданія.

— Благодарю васъ за вашу доброту, докторъ Бреди. Теперь, милая Мери, ступайте назадъ въ столовую и оставьте меня съ Сюзанной, если не хотите огорчить меня. Мнѣ надо проспаться отъ этого кошмара, или дурноты, которая разстроиваетъ весь домъ. Пожелайте отъ меня доброй ночи сэръ-Денису.

Я подождалъ немного у двери, но миссъ Бутлеръ не выходила. Когда я вошелъ въ гостиную, гости быстро развѣзались. Сэръ-Денисъ былъ встревоженъ.

— Нельзя ли вамъ переночевать здѣсь? спросилъ онъ меня.—Докторъ Дюкъ уѣхалъ къ какому-то интересному больному и, можетъ-быть, не вернется до утра. Полковникъ, я полагаю, дастъ вамъ отпускъ на сегодняшнюю ночь.

Рѣшено было что я ночую въ замкѣ, и что мой слуга придетъ ко мнѣ утромъ съ моими вещами. Какое счастье быть

подъ одною крышей.... ну, подъ крышей стараго, давно знакомаго мнѣ замка. Я сидѣлъ въ отведенной мнѣ комнатѣ, выходящей въ длинный корридоръ, на другомъ концѣ котораго находилась комната Мабелы Фрезеръ, и старалась читать книгу, но мысли мои невольно обращались къ Мабелы Фрезеръ и ея странной болѣзни. Какое необыкновенное тупоуміе обнаружилъ я, оставшись наединѣ съ нею!

Постучались въ мою дверь. Я сказалъ: „войдите“, и былъ пораженъ появленіемъ нежданнаго посетителя. Сэръ-Денисъ, въ ирландскомъ халатѣ, вошелъ въ комнату и сѣлъ къ столу.

— Я пришелъ спросить васъ что вы думаете объ этомъ случаѣ, сказалъ онъ.—Это для меня необъяснимо.

— Не могу опредѣлить причины, сэръ-Денисъ. Я полагалъ нѣтъ ли какого-нибудь расстройства въ сердцѣ.... Тѣсная суровка весьма вредна.... Но я убѣдился, что сердце у миссъ Фрезеръ въ порядкѣ. Можетъ-быть, докторъ Дюкъ откроетъ причину вызвавшую это нервное расстройство, но я рѣшительно не въ состояніи. Я обдумывалъ вопросъ этотъ со всѣхъ сторонъ; но я еще недавно практикую и не удивительно, что подобные случаи для меня новы.

— Дѣйствительно, не удивительно, замѣтилъ сэръ-Денисъ.— Я былъ у миссъ Фрезеръ, но мои вопросы какъ будто только воановали ее, я и зашелъ переговорить съ вами. Читали ли вы когда-нибудь въ своихъ книгахъ, продолжалъ онъ,— что больная дѣвушка можетъ опрокидывать столы и кресла, говорить двумя голосами, находится въ забытіи и въ то же время въ сильномъ волненіи? Объ этомъ, конечно, и говорить нечего. Въ этой болѣзни есть что-то такое чего ни вы, ни я не понимаемъ. Онъ сталъ стучать пальцами по столу и задумался на нѣсколько минутъ. Я слѣдилъ за измѣняющимся выраженіемъ его красиваго, строгаго, энергическаго лица такъ внимательно, что покраснѣлъ, когда онъ встрѣтилъ мой взглядъ и спросилъ меня отрывисто:

— Знаете ли вы кто такое миссъ Фрезеръ? То-есть имѣете ли вы понятіе о томъ какъ она попала сюда?

— Ни малѣйшаго, сэръ-Денисъ. Я знаю что она дочь полковника Фрезера, который былъ другъ моего отца и вашего также, и съ которымъ я встрѣтился въ Дублинѣ года два тому назадъ.

— Другъ нашего отца? повторилъ сэръ-Денисъ съ стран-

нымъ выраженіемъ.—Будете откровенны. Вы ничего больше объ немъ не знаете? Вы никогда не слышали....

Я сдѣлалъ молящее движеніе, онъ остановился и потомъ продолжалъ:

— Я не желаю чѣмъ бы то ни было оскорблять васъ, мистеръ Бреди. Напротивъ, я желалъ бы и готовъ сдѣлать все что могу для вашей пользы. Еслибы случай самъ не представился такъ скоро, я искалъ бы случая объясниться съ вами относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ касающихся насъ обоихъ. Да, насъ обоихъ. Вы современемъ узнаете, на какомъ основаніи я такъ говорю. Между нами не должно быть недоразумѣній. Вы только вступайте на поприще жизни. Судя по словамъ вашего стараго и прекраснаго друга, мистера Бетса, вы весьма дорожите своими семейными тайнами. Никто, можетъ-быть, не знаетъ ихъ лучше меня. Васъ это какъ будто удивляетъ, но оно такъ. Повѣрьте, еслибъ я не считалъ себя обязаннымъ позаботиться сколько могу о васъ, я не сталъ бы принимать участіе въ судьбѣ сына вашего отца.

— Боже мой! Да чѣмъ же отецъ мой заслужилъ вашъ гнѣвъ, сэръ-Денисъ?

— Не гнѣвъ мой, а.... но не въ томъ дѣло. Довольно того что я когда-то смотрѣлъ на него такъ, какъ смотритъ человекъ на другаго человека, сдѣлавшаго] ему двойное великое зло. Въ чемъ бы ни былъ онъ виноватъ предо мной, вина эта теперь искуплена и, Богу извѣстно, прощена. Въ сущности, можетъ-быть, я въ одномъ случаѣ многимъ обязанъ вашему отцу, хотя онъ и не зналъ этого. Но въ другомъ случаѣ не то. Послѣ любви моей къ дѣвушкѣ, на которой отецъ вашъ женился, самымъ сильнымъ чувствомъ моимъ была привязанность къ сестрѣ. Нужно ли говорить дальше? Вы знаете что случилось? Десмонды, говорятъ, не прощаютъ сдѣланное имъ зло. Но это не правда. Я отправился въ Индію мальчикомъ. Я отправился туда съ намѣреніемъ сдѣлать себѣ имя, достигнуть высшаго мѣста, привести въ исполненіе грезы, которыя во времена Гайлибури наполняли всѣ порядочныя молодыя головы, но теперь унеслись въ область химеръ. Вы знаете какъ удалось мнѣ исполнить мои намѣренія.

— Да, сэръ-Денисъ, воскликнулъ я,—мы всѣ вами гордимся. Глаза сэръ-Дениса засверкали, и брови его сдвинулись.

— Говорю вамъ, молодой человекъ, что я потерпѣлъ полную неудачу, отвѣчалъ онъ. — Люди которыхъ я презираю, надъ которыми смѣялся, жалкія ничтожности, перегнали меня. Я удалился сюда побѣжденный и опозоренный. Да, вы не знаете о чемъ я говорю. Когда отецъ вашъ, молодой человекъ, женился на дѣвушкѣ которую я любилъ, для которой трудился, какъ, можетъ-быть, никогда еще не трудился человекъ, я почувствовалъ что солнце мое закатилось, что все вокругъ меня стало темно, пусто, безцвѣтно. Правда, она надувала и другихъ, прежде меня. Но каждый день приходили ко мнѣ отъ нея письма за сотни миль, до полученія этой вѣсти. И какія письма! О, Боже мой!

— Въ чемъ же виноватъ отецъ мой, сэръ-Денисъ? спросилъ я. — Осуждать его было бы, очевидно, весьма несправедливо.

— Нѣтъ, не несправедливо. Онъ былъ связанъ честнымъ словомъ съ лучшею женщиной въ свѣтѣ, моею возлюбленною сестрой, и его измѣна убила ее такъ же вѣрно, какъ есаибъ онъ ударилъ ее кинжаломъ въ сердце, хотя она вышла замужъ за Ричарда Бутлера, чтобъ угодить своему брату. Но Богу извѣстно какъ онъ былъ наказанъ.

— Да, Богу извѣстно! повторилъ я. — Онъ былъ также наказанъ.

Сэръ-Денисъ сидѣлъ мрачно, безмолвно, скрестивъ руки, нахмуривъ брови, и нѣкоторое время какъ будто не замѣчалъ меня. Наконецъ онъ продолжалъ.

— Вы, можетъ-быть, не знаете, почему отецъ вашъ былъ предпочтенъ мнѣ. Я вамъ скажу и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомлю васъ съ нѣкоторыми обстоятельствами, которыя, по разнымъ причинамъ, отъ васъ скрывали. Вы знаете, хотя какъ мистеръ Бетсъ говорилъ мнѣ, и не понимаете вполнѣ значенія этого обстоятельства, что вашъ прадѣдъ женился на родственницѣ тогдашняго Десмонда, принадлежавшей къ бѣдной младшей линіи дома. По странной судьбѣ, преслѣдовавшей насъ, эта младшая линія сдѣлалась старшею. Много лѣтъ уже не было прямыхъ наслѣдниковъ въ нашемъ домѣ, ни мужскаго, ни женскаго пола, когда бѣдная сестра моя вышла замужъ за Дика Бутлера, а братъ мой Джеральдъ женился на Розѣ де-Ласи. Отецъ мой наслѣдовалъ дядѣ, который также вступилъ во владѣніе имѣніемъ послѣ своего дяди. Онъ оставилъ трехъ сыновей и одну дочь, и полагали что миновало проклятіе тяготѣвшее, какъ полагалъ народъ, надъ нашими

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **четырнадцать рублей**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ **пятнадцать рублей**; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ Н. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загражскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Изгородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

611

1974

